

№1-8 15 фев. 1930 - 31 дец. 1930

№1-8

ПАРИЖЪ

« L A R U S S I E »

PARIS

15 февраля 1930 г.

Цѣна номера 5 фр. во Франціи

1930. Le 15 février.

Prix du numéro : 5 francs en France.

№ 1

Р О С С І Я

№ 1

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 10, rue Augereau, 10

PARIS (7^e)



ЗНАМЯ УРАЛЬСКАГО КАЗАЧЬЕГО БОЙСКА.

Съ акварели П. Шипова 1891 года

Кондитерская ТНО-ЛЕ-НИ Гастрономический Магазинъ

Фирма существ. 10 лѣтъ 129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

А. КАПРЕЛАНЪ.

Пейте настоящій русскій чай Т-ВА П. М. КУЗМИЧЕВА съ С-ми

Фирма существуетъ
съ 1867 года

„KUSMI-THÉ“

Фирма существуетъ
съ 1867 года

Чай Kusmi-Thé имѣется въ продажѣ во всѣхъ русскихъ магазинахъ Парижа

Магазинъ: 11-bis, Av. Victor-Hugo, Paris 16°.

Складъ и контора: 75, Avenue Niel, Paris, 17°.



Sté „ASTRA“

Кн. Циціановъ и К°

Несравненные по качеству и вкусу ВОДКИ, ЛИКЕРЫ
Особо рекомендуется *экстра монополь тройной очистки.*

Заводъ: 38, Butte de la Loire, (Halle aux Vins).

Paris-5°. Tél.: Odéon 47-86.

Отправка въ провинцію и за границу

М. Петросянъ

Оптовый складъ :

ИКРА

свѣжая зернистая (бѣ-
лужья, осетровая и сев-
рюжья), паюсная, Ачуев-
ская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ

Бѣлорыбій, осетровый и
«saumon fumé».

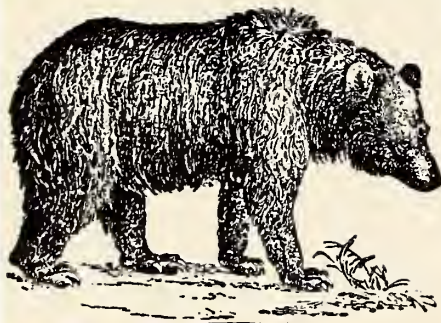
СЕМГА РЫБА КОНСЕРВЫ

Малосольная, Двинская,
печерская, и лососина.

Осетрина, навага, стер-
лядь, форель и судакъ.

Стерлядь, судакъ, осетри-
на и друг.

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.



Медвѣдь

PLACE DUPLEIX — PARIS XV°.

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЬ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВИНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪЕДОВЪ. — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

У рояля проф. А. А. СТРАХОВЪ

Ресторанъ Садко

76, RUE DE JAVEL,

уголь St. Charles PARIS 15°

Метро Богренелль.

Автобусъ АН. Трамвай 123-124 и 18

Чистое, уютное помѣщеніе.

Здоровая кухня. Больш. выборъ блюдъ.

Внимательная служба.

КУЛЕБЯКИ, ПИРОЖКИ, ЗАКУСКИ
ПРОДАЖА НА ДОМЪ

Открытъ отъ 11 ч. утра до 12 ч. ночи

Ө. КОСТЕЦКІЙ и МИТРОФАНОВЪ

Русское конди-
терское произв. JULIEN

б.шефъ ТНО-ЛЕ-НИ и Жоржъ Борманъ

25, Rue Bosquet, 25, Paris-7°.

Tél. : Ségur 40-90.

выпустилъ всевозможные фруктовые
торта. Тянушки, ванильные сухари, па-
стила, боярскія ватрушки, вся русская
сдоба. Приним. заказы. Дост. на домъ.

Ресторанъ „ДЖИГИТЬ“

19, Boul. Edgar Quinet-14°.

(Montparnasse)

ЗАВТРАКИ И ОБѢДЫ

Цѣны общедоступныя

ЕЖЕДНЕВНО ИГРАЮТЪ И ПОЮТЪ

БАЛАЛАЕЧНИКИ

Пейте русскій чай
Вас. ВЫСОЦКАГО

и кушайте шпроты и кильки

ЗЕРЕНСЕНА

Оптов. скл. всѣхъ русск. продукт. у
Як. Мих. ГЕРВИ

Генеральный представитель:

J. GUERVIT

24, rue Albouy, Paris-10°.

Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, rue Broca. Paris-5°.

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ кол-
басъ высшаго качества. Цѣны умѣрен-
ныя. Доставка на домъ. Заказы прини-
маются по телефону: Gobelins 24-24

Кафэ-Ресторанъ

ЗНАМЕНИТЫЙ БАЛАЛАЕЧНЫЙ ОРКЕСТРЪ

Черноярова

играетъ ежедневно во время чаевъ отъ 4 до 7 час. и во
весь вечеръ

Le Roucho

МОНПАРНАССЪ
18, RUE D'ODESSA.

CONSOMMATION отъ 5 франковъ

Первоклассная кухня. — Открыто до 2-хъ час. ночи.

Директоръ К. КОНСТАНТИНОВЪ



Рисунокъ художника С. Ф. Ефремова

МЯТЕЛЬ

Четвертый день сажу въ кибиткѣ.
Въ степи буранъ. Дороги нѣтъ.
Въ четвертый разъ мнѣ на обѣдъ
Плохого чая крошить плитки

Калмыкъ въ кобылье молоко
И кипятить съ бараньимъ жиромъ.
Мятель, мятель надъ цѣлымъ міромъ.
Какъ я отъ дома далеко!

Въ плѣну суровой непогоды
Дѣлю скуду зимовника.
О, дымъ сырого кизяка,
И эти войлочные своды —

Кочевій древнее жилье,
Мое случайное жилище...
Буранъ, какъ волкъ, по свѣту рыщетъ,
Все ищетъ логово свое.

Занесена, замечена
Моя теперь снѣгами бричка.
Очагъ дымитъ. Поетъ калмычка
И въ пѣснѣ проситъ гилюна

Трубить въ трубу, пугать буранъ, —
Безъ корма гибнуть кобылицы;
А я дремлю, и мнѣ все снится
Идущій въ Лхассу караванъ

По плоскогоріямъ въ Тибетъ,
Туда, гдѣ самъ Далай-Лама.
Тамъ тотъ же вѣтеръ, снѣгъ и тьма —
Мятель, мятель на цѣломъ свѣтѣ.

1930 г. St.-Cloud.

Михаилъ Буровиковъ —

ТРИ МОРАЛИ

Въ преддверіи Великаго Суда стояли три тѣни.
Не взирая на ихъ астральность, внѣшность ихъ
была весьма характерна.

Первый былъ схимникъ, высокій, суровый, съ длин-
ной сѣдой бородой.

Второй — небольшой худощавый офицеръ, пѣхот-
ный подполковникъ временъ Александра II.

Третій — высокій, крѣпкій, немного сутуловатый,
нѣсколько напоминающій перваго, генераль.

Старикъ былъ бояринъ Матфей Кошинъ, по про-
званію Лютый.

Когда вступилъ на престолъ первый Романовъ,
Михаилъ Федоровичъ, Московское государство было
еще подъ тяжкимъ наслѣдіемъ Смутнаго времени: шай-
ки Лисовскаго и Заруцкаго бродили по Смоленской и
Черниговской землямъ; поляки отказывались величать
Московского самодержца царемъ; закрѣпощенные Бо-
рисомъ Годуновымъ, крестьяне перестали оказывать
повиновеніе своимъ владѣльцамъ; разбойники держали
въ страхѣ населеніе всего царства и дѣлали дороги не-
проѣздными...

Юный царь позвалъ къ себѣ боярскаго сына Мат-

фея Кошина и приказалъ ему очистить западные предѣлы государства.

Десять лѣтъ бродилъ Кошинъ по Смоленской и Черниговской землямъ и уничтожалъ крамолу. Вѣшалъ, четверговалъ, рѣзалъ языки и уши, заливалъ глотки непокорнымъ свинцомъ, жегъ города и вѣси.

Собственными руками отрубилъ онъ голову своему помощнику, именитому воеводѣ, заподозрѣнному въ измѣнѣ, котораго никто не рѣшался тронуть.

Попался онъ разъ со своимъ отрядомъ въ плѣнъ ляхамъ. Привязали его къ дереву и со спины содрали кожу до самаго пояса. Только внезапная выручка спасла его жизнь.

Еще грознѣй сдѣлался Матфей.

По прошествіи десяти лѣтъ вывелъ онъ крамолу изо всей западной Руси. Разбойники были уничтожены, крестьяне стали покорными. Воевода Матфей былъ пожалованъ шубою съ царскаго плеча. Къ родовому его имени прибавилась кличка «Лютый».

Получилъ онъ громадныя помѣстья въ среднемъ теченіи Волги и тамъ началъ заводить порядокъ. Кнугомъ и желѣзомъ въ четверть вѣка привелъ онъ въ покорность прирѣчную вольницу и тамъ, гдѣ гулялъ кистень разбойника и раздавался кличъ «сарынь на кичку», зацвѣла нива мирнаго пахаря и безопасно заходили торговые караваны.

На старости лѣтъ, вызванный царемъ, поѣхалъ воевода въ Москву, гдѣ былъ пожалованъ въ бояре и сталъ однимъ изъ близкихъ совѣтниковъ царскихъ. Восьмидесяти лѣтъ отъ роду, окруженный многочисленной семьей и всеобщимъ почетомъ, знатный и богатый, бояринъ Матфей, принявъ схиму, напутствуемый самимъ патріархомъ, мирно отдалъ Господу свою душу...

Родъ Кошиныхъ не долго благоденствовалъ. Внуку боярина Матфея, твердо держась старины, примкнулъ къ противникамъ Петра, былъ казненъ и лишенъ маетностей.

Дальній, хотя и прямой потомокъ Матфея, Николай Кошинъ, сынъ незначительнаго чиновника, кончилъ въ царствованіе Александра II военную гимназію, вышелъ въ пѣхоту и, въ чинѣ подполковника, оказался комендантомъ небольшой крѣпостцы Ару-Бято на границѣ Бухары и немирныхъ племенъ.

Шла война съ туркменами. Гарнизонъ крѣпостцы состоялъ изъ батальона пѣхоты и одной батареи. Крѣпостца была совершенно отрѣзана отъ базы и жила автономною жизнью, скудно снабженная боевымъ матеріаломъ и продовольствіемъ. Изрѣдка дѣлались вылазки въ сторону противника. Последняя была въ особенности удачна — взято было въ плѣнъ болѣе трехсотъ текинцевъ. Этотъ трофей имѣлъ, однако, неудобства — при бѣдности продовольственныхъ запасовъ лишніе триста ртовъ представляли большое бремя.

Въ самое жаркое время лазутчики сообщили о приближеніи противника въ значительныхъ силахъ. И, дѣйствительно, дня черезъ три крѣпостца оказалась окруженной нѣсколькими тысячами азіатовъ. Бороться

съ такою массою въ открытомъ полѣ было немыслимо, почему Кошину пришлось запереться въ крѣпости и подвергнуться осадѣ. Сообщить о положеніи дѣла старшему командованію не представлялось возможнымъ. Надо было ожидать инициативы оттуда, а пока обороняться собственными средствами.

Крѣпостца снабжалась водою изъ небольшой рѣчки. Осаждавшіе немедленно отвели ея теченіе, и гарнизонъ пришлось довольствоваться водою изъ немногихъ колодцевъ и при томъ весьма плохого качества.

Черезъ недѣлю положеніе сдѣлалось чрезвычайно труднымъ. Пакъ хлѣба пришлось уменьшить до полуфунта, а мясо до четверти; вода отпускалась на каждого человѣка не болѣе одной манерки и съ каждымъ днемъ становилась все хуже и хуже.

Самая большая трудность заключалась въ плѣнныхъ. Хотя отпускъ продовольствія и былъ имъ уменьшенъ до послѣдней крайности, но и это количество, отнятое отъ гарнизона, дѣлало положеніе послѣдняго тяжелымъ.

Среди солдатъ начался ропотъ: «Самимъ жрать нечего, а тутъ еще нехристей кормимъ!».

Неудовольствіе увеличивалось еще и тѣмъ, что, вслѣдствіе плохого питанія, среди осажденныхъ развилась цынга въ весьма тяжелой формѣ. Особенно отъ цынгги страдали офицеры, добровольно, со дня осады, сѣвшіе на непривычный имъ солдатскій пакъ.

Кошинъ собралъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, какъ быть далѣе.

На совѣтѣ всѣ офицеры высказались за то, что, какъ это ни тяжело, плѣнныхъ надо перестать кормить. Благодаря такой мѣрѣ раціонъ гарнизона могъ быть увеличенъ вдвое, гарнизонъ сохранялъ свою боеспособность. Къ тому же за это время могла подоспѣть и выручка.

Кошинъ предложилъ отпустить плѣнныхъ, но офицеры единогласно высказались въ томъ смыслѣ, что только наличіе плѣнныхъ въ критическую минуту можетъ спасти гарнизонъ отъ проявленія крайней жестокости со стороны дикарей и потому этимъ залогомъ пожертвовать невозможно.

Кошинъ не нашелъ въ себѣ силъ осуществить предложенное рѣшеніе и сказалъ, что отлагаетъ его на сорокъ восемь часовъ, такъ какъ обстоятельства за это время могли повернуться къ лучшему.

Ожиданія его не оправдались. Напротивъ, положеніе сдѣлалось еще хуже: вода окончательно пришла къ концу; на днѣ колодцевъ оставалась какая-то вонючая жижица.

Снаряды изсякали, и сдерживать противника на почтительномъ разстояніи становилось трудно. Текинцы накапливали силы и дѣлались все наглѣе. Возможность удержать крѣпость при открытомъ штурмѣ представлялась сомнительной.

Въ одно утро впереди крѣпости появилась группа всадниковъ съ бѣлымъ флагомъ. Это были парламентареры.

Кошинъ рѣшилъ выслать своихъ.

Послѣдніе вернулись и сообщили, что вожь текинцевъ требуетъ выдачи ему плѣнныхъ, сдачи крѣпо-

сти со всѣмъ имуществомъ, при чемъ соглашается на выходъ гарнизона съ ружьями и холоднымъ оружіемъ, но безъ артиллеріи, которую оставить ему.

Комендантъ вновь собралъ совѣтъ. Въ немъ приняло участіе всего четыре офицера; остальные были больны.

Двое выразили мнѣніе, что исполнить требованіе непріятеля невозможно. Никогда въ Азіи русскіе не сдавались. Сдать крѣпость — значило бы уронить славное русское имя передъ азіатами. Участвовать въ такомъ позорѣ офицеры считали невозможнымъ.

Двое другихъ находили, что крѣпость удержать все равно нельзя, но, что, выйдя съ оружіемъ въ рукахъ, даже въ случаѣ предательства со стороны текинцевъ, гарнизонъ пріобрѣтетъ шансъ пробиться и войти въ связь съ главными силами.

Первые, не возражая противъ такой возможности, высказались, что надо спасать не гарнизонъ, а честь русскаго имени. Взятіе крѣпости — военная неудача, всегда и вездѣ возможная, но сдача — позоръ непоправимый и недопустимый.

Комендантъ, не вмѣшиваясь въ пренія, заявилъ, что пройдетъ къ себѣ въ кабинетъ и черезъ четверть часа вынесетъ рѣшеніе.

Черезъ четверть часа въ кабинетѣ раздался выстрѣлъ.

Офицеры бросились туда.

Въ креслѣ, передъ письменнымъ столомъ, полулежалъ въ предсмертныхъ судорогахъ Кошинъ съ револьверной раной въ груди. На столѣ лежала записка:

«Защита безцѣльна, но сдать крѣпости не могу. Подполковникъ Кошинъ».

Въ командованіе вступилъ капитанъ, старый туркестанецъ. Онъ пересталъ довольствоваться плѣнныхъ, устроилъ рационъ людямъ и принялъ штурмъ. Атака была отбита. Три дня спустя вдали послышалась канонада. Это было подкрѣпленіе. Русскій флагъ не опустился надъ крѣпостію Ару-Бято.

*
**

Сынъ Николая Кошина, Борисъ, послѣдовалъ по стопамъ отца, посвятивъ себя военному дѣлу. Насколько Николай былъ нерѣшителенъ и мягокъ, настолько его сынъ обладалъ сильной волей и твердымъ характеромъ. Казалось, путемъ атавизма въ немъ воскресли свойства его знаменитаго предка. Весьма способный, онъ блестяще завершилъ высшее военное образованіе и къ великой войнѣ, молодымъ генераломъ, командовалъ, не какъ отецъ его, захолустной крѣпостію, а одной изъ самыхъ крупныхъ нашихъ крѣпостей на западной границѣ.

Крѣпость эта была громадна, снабжена продовольствіемъ и боевыми припасами болѣе, чѣмъ на полгода, и обладала гарнизономъ въ тридцать тысячъ человекъ. Права коменданта крѣпости во время войны были безграничны. Властному характеру молодого генерала былъ данъ полный просторъ.

Авторитетный и безапелляціонный, онъ заставлялъ трепетать передъ собою не только подчиненныхъ, но

и всѣхъ жившихъ въ обширномъ крѣпостномъ районѣ. Начальство и друзья возлагали на него большія надежды, а недоброжелатели иронически называли его «полубогомъ».

Лѣтомъ 1915-го года германцы всѣми силами набросились на нашъ центръ. Арміямъ нашимъ, терпѣвшимъ недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, пришлось отступать. Отступление это могло совершиться въ порядкѣ только при условіи задержки непріятеля крѣпостями. Поэтому, коменданту крѣпости генералу Кошину приказано было, привлеки на себя значительныя силы противника, удержать ее во что бы то ни стало.

Вскорѣ крѣпость была обложена противникомъ.

На третій день обложенія непріятельская канонада на сѣверо-западѣ крѣпости стала очень интенсивной. Ураганному обстрѣлу подвергся фортъ «А», значительно выдвинутый въ сторону противника. Летчикамъ удалось установить расположеніе непріятельскихъ батарей. Выяснилось, что онѣ находились въ тридцати верстахъ отъ форта. Ни орудія фортовъ, ни орудія крѣпостныхъ верковъ не стрѣляли на такое разстояніе.

Сдѣланная съ цѣлью захвата непріятельскихъ батарей вылазка встрѣтила сильное сопротивленіе противника, богато снабженнаго техническими средствами, и потерпѣла неудачу. При такихъ условіяхъ, непріятель систематично и совершенно безнаказанно для себя, продолжалъ громить фортъ «А». Къ вечеру онъ былъ разрушенъ до основанія.

На слѣдующій день непріятельская артиллерія перенесла свою дѣятельность на фортъ «Б». Онъ былъ уничтоженъ въ свою очередь. Стало очевиднымъ, что, разрушивъ цѣль фортовъ, непріятель приблизитъ свои орудія къ крѣпости и, пользуясь преимуществомъ ихъ дальнбойности, разгромитъ самое ея ядро.

Располагая довольно значительнымъ маневреннымъ пространствомъ, гарнизонъ крѣпости могъ причинять осаждающимъ кой-какія непріятности; при атакѣ наши фугасы могли уничтожить значительное число германцевъ, но ясно было, что, въ конечномъ результатѣ, и даже въ весьма близкомъ, крѣпость будетъ разрушена. Дальнѣйшее сопротивленіе обошлось бы дорого противнику, но не могло предотвратить катастрофы и привело бы къ гибели всего гарнизона.

Методичному уму Кошина такая альтернатива являлась непреложной. Она, впрочемъ, явственно сознавалась и его штабомъ и передавалась гарнизону. Но гарнизонъ зналъ твердость своего коменданта и готовился къ смерти.

Генераль становился болѣе, чѣмъ когда-нибудь, замкнутымъ и авторитетнымъ, не дѣлясь ни съ кѣмъ ни своими заботами, ни своими планами, отдавая рѣзкія и опредѣленные приказанія. Менѣе всего онъ дѣлился мыслями со своимъ начальникомъ штаба.

Всѣ форты, охватывающіе крѣпость съ сѣверо-запада, были разрушены. Южные и восточные были, вообще, слабѣе оборудованы. Надо было ожидать, что, вотъ-вотъ, непріятель примется за самую крѣпость.

День прошелъ тихо. Не было слышно обычной канонады, и эта непривычная тишина казалась особенно

жуткою и дѣйствовала подавляюще на настроеніе гарнизона.

Начальникъ штаба робко предложилъ коменданту собрать военный совѣтъ. Кошинъ рѣзко отвѣтилъ:

— Отвѣтственность лежитъ на мнѣ одномъ, а въ совѣтахъ я не нуждаюсь.

Ровно въ 9 часовъ вечера раздался одиночный орудійный выстрѣлъ.

Десятипудовый снарядъ ударилъ въ колокольную крѣпостного собора. Непріятельскій аэропланъ, планировавшій надъ крѣпостью, какъ бы провѣрилъ этотъ результатъ и отлетѣлъ.

Выстрѣлъ не повторился. Казалось, что непріятель хотѣлъ сказать: я пристрѣлялся, когда захочу, уничтожу...

Эта мысль ясно проникла въ сознаніе коменданта. Ночь прошла спокойно.

Въ 6 часовъ утра новый выстрѣлъ снесъ вершину колокольни.

Въ 7 часовъ генераль Кошинъ вызвалъ начальника штаба и сообщилъ ему свое рѣшеніе — крѣпость сдать.

Ровно въ 12 часовъ дня трехцвѣтный флагъ опустился надъ крѣпостью.

Схимникъ вглядывался въ Николая Кошина.

— Ты сдаешься мнѣ знакомымъ, — сказалъ онъ, — ты похожъ, какъ будто, на покойную жену мою, кроткую боярыню Марфу. Кто ты?

— Я Николай Кошинъ.

— Ты — Николай Кошинъ?! Ты, ты, мой праправнукъ, малодушный, ничтожный, слабый, опозорившій родъ нашъ!?

— А ты кто?

— Я бояринъ Матфей Кошинъ, въ схимѣ рабъ Божій Митрофанъ.

— Великій прашуръ!

Николай наклонился и потянулся къ рукѣ схимника. Тотъ отодвинулся.

— Не достоинъ ты!

— За что?

— Какъ, за что? Почему ты не исполнилъ своего долга, почему не отстоялъ крѣпости?

— Великій прашуръ! Я не могъ этого сдѣлать. Какъ замучить людей — даже враговъ, — виновныхъ только въ томъ, что они послушны волѣ своего вождя; какъ принять штурмъ, въ которомъ могли погибнуть всѣ защитники. Какъ обречь ихъ на смерть?!

— Не твое дѣло было разсуждать! Твое дѣло не сдать крѣпости. Не твоя она была, а царева.

— Я отдалъ за это свою жизнь.

— И она принадлежала не тебѣ, а царю.

— Я думалъ о душахъ человѣческихъ.

— Ты былъ не іереємъ, а комендантомъ!

— Я сдѣлалъ все, что могъ, а, когда не зналъ, что дѣлать дальше — ушелъ.

— Ты долженъ былъ знать, что дѣлать, а не уходить — надо гибнуть, а не бѣжать!

— О, я бѣжалъ не отъ врага, а отъ укоровъ совѣ-

сти! Вѣдь, не смерти же я боялся... Если я бѣжалъ, то бѣжалъ къ послѣдному пристанищу — къ Богу.

— У Бога нѣтъ мѣстъ для самоубійцъ и малодушныхъ. Несчастный, презрѣнный!

Третій стоялъ, скрестивши руки на груди, жалостливо и презрительно смотря на Николая и сурово на схимника.

Замѣтивъ этотъ взглядъ, бояринъ Матфей взглянулъ на него и сказалъ:

— А ты кто?

— Я генераль Борисъ Кошинъ, — высокомерно отвѣтилъ тотъ.

Схимникъ рѣзко отшатнулся отъ него.

— Ты, — ты Борисъ Кошинъ! презрѣнный трусъ, славшій крѣпость, оплотъ Россіи, покрывшій позоромъ наше имя, измѣнникъ царю, предатель родины...

— Крѣпость я сдалъ, — спокойно отвѣтилъ Борисъ, — но я не трусъ и не предатель родины.

— Какъ не трусъ? Ты отдалъ крѣпость врагу и, вмѣсто того, чтобы умереть за ея стѣнахъ, ты сдался въ плѣнъ.

— Именно потому, что я не трусъ, я сдѣлалъ то, что считалъ нужнымъ сдѣлать, не боясь того, что скажутъ обо мнѣ люди.

— Ты принялъ присягу отстаивать порученное тебѣ государево дѣло до послѣдней капли крови.

— Да, но я несъ и отвѣтственность за тридцать тысячъ человѣкъ.

— Тебѣ ввѣрена была крѣпость, а люди были только средствомъ.

— Крѣпость неминуемо должна была пасть. Защища ея ничего, кромѣ бесполезной бойни, не представляла.

— А честь Россіи?

— Если обвинять меня, то честь Россіи уже внѣ спора. Все во мнѣ. Пусть бранятъ Бориса Кошина — мнѣ все равно. Я понимаю честь свою въ томъ, чтобы сохранить для Россіи то, что сохранить можно, а не въ символахъ и бесполезныхъ жертвахъ.

— Какъ дерзаешь ты разсуждать? Твое дѣло было исполнять присягу.

— Мнѣ дано право, нѣтъ, болѣе того, обязанность, не быть пѣшкой, а разсуждать, на то я и генераль, а не солдатъ. Правда, русскій флагъ опустился надъ крѣпостью, но я спасъ тридцать тысячъ человѣческихъ жизней. Отцы вернулись къ своимъ дѣтямъ, мужья къ женамъ, дѣти къ родителямъ.

— А присяга? Ты клятву преступилъ. Чѣмъ оправдаешь ты себя?

— А ты свои дѣла чѣмъ оправдаешь, бояринъ Лютый?

— Какъ дерзаешь ты это спрашивать? Я всю жизнь бился за вѣру, за великаго государя, за отчизну.

— И четвертовалъ людей, заливалъ имъ глотки свинцомъ, жегъ села съ дѣтьми и стариками.

— Я воздвигъ нашъ православный крестъ тамъ, гдѣ ляхи ужъ водрузили свой.

— А ты увѣремъ, что въ той странѣ того хотѣли люди?

— Ты святотатствуешь! Какъ можешь ты сравни-

вать нашъ православный крестъ съ латинскимъ?
Борись усмѣхнулся.

— А ты увѣренъ въ томъ, что ты былъ правъ, приводя въ рабство однихъ людей другимъ?

— Что ты говоришь, безумный! Я строилъ Русь по волѣ царской, по всѣмъ завѣтамъ старины.

— Завѣтамъ татарскаго засилья и кнута. Если бы не ты и тебѣ подобные, быть можетъ, иначе зажила бы Русь, въ свободѣ, а не въ рабствѣ.

— О, богохульникъ! Съ чѣмъ предстанешь ты передъ судомъ Господнимъ; съ измѣной родинѣ, съ презрѣніемъ къ вѣрѣ нашей православной?

— Я — съ чистой совѣстью. А ты что принесешь, кромѣ потоковъ крови?

— Я ужъ сказалъ тебѣ, что жизнь свою всю отдалъ я борьбѣ за государя, родину и вѣру... Одна спина моя истерзанная мнѣ оправданьемъ будетъ, ну а ты?

— Молитвы многихъ тысячъ, какъ свѣчи, за меня горятъ предъ Богомъ.

— Ты могъ бы поступить, какъ я, — вмѣшался Николай, — уйти...

— Я? Уйти? Нѣтъ, ни за что! Ты могъ уйти — ты, малодушный, слабый человекъ. Я сильный. Позоръ условный передъ людьми я на себя взялъ за жизнь другихъ, и съ гордой головой пойду туда.

— Лукавой мудростью ты прикрываешь трусость, — тамъ мѣста нѣтъ измѣнникамъ! — воскликнулъ схимникъ.

Тяжелый споръ не приходилъ къ концу. Взаимное непониманіе родило новыя слова, жестокия, несправедливыя и злыя.

Приблизился Святой Привратникъ:

— Братья, я слышалъ споръ вашъ. Не мнѣ дано судить, кто правъ изъ васъ въ своихъ дѣяніяхъ, но до суда вы не дозрѣли въ одномъ лишь словѣ, которое сказать другу другу вы должны... Когда оно проникнетъ въ ваши души, сюда вы явитесь... Аминь.

П. Стремоуховъ

НАШИ ЗАДАЧИ

— Событія, происходящія сейчасъ въ СССР на антирелигіозномъ фронтѣ, — разсказываетъ намъ секретарь Движенія, Ф. Т. Пьяновъ, — побуждаютъ къ дѣйствию каждого вѣрующаго, безъ различія вѣроисповѣданій. На борьбу съ Богомъ все мобилизовано: театры, кино, печать и молодежь. Школа можетъ быть только безбожной. Учитель долженъ быть прежде всего безбожникомъ.

По разсчетамъ безбожниковъ, всѣ храмы будутъ упразднены въ 1933 году. «Непрерывка» уничтожила воскресенье; устанавливается новое лѣтоисчисленіе.

Голое обличеніе зла, указаніе неправды жизни — слишкомъ легкое дѣло. Подлинная борьба, преодоленіе зла — только тамъ, гдѣ отрицаніе неразрывно связано съ положительнымъ, жизненнымъ раскрытіемъ добра, съ упорнымъ трудомъ надъ устроеніемъ всей жизни на началахъ исповѣдуемой вѣры.

Главная творческая задача зарубежной Россіи — объединеніе всѣхъ творческихъ силъ; для православныхъ — защита Цер-



кви и православной культуры, для всѣхъ русскихъ — спасеніе русскаго національнаго знамени, сохраненіе русской молодежи отъ поглощенія чужой стихіей.

Этимъ задачамъ служить въ мѣру своихъ силъ Русское Студенческое Христіанское Движеніе.

Нынѣ почти во всѣхъ странахъ Европы, а также и въ Америкѣ имѣются отдѣлы Движенія. Движеніе объединяетъ студенческую молодежь и юношество въ кружки, устраивая съѣзды, лагеря, студенческіе и юношескіе клубы, лекціи и дискуссионныя собранія; для подростковъ — школы съ разсылочными библіотеками и заочными курсами для дѣтей, разбросанныхъ въ одиночку въ провинціи Франціи и въ другихъ странахъ. Наплывъ молодежи такъ великъ, что большое зданіе на бульварѣ Монпарнасъ не вмѣщаетъ всѣхъ приходящихъ.

Въ одной Франціи было проведено въ 1929-мъ году два съѣзда для взрослыхъ и молодежи и четыре съѣзда однодневныхъ и трехдневныхъ для юношескихъ организацій. За минувшее лѣто чрезъ

съѣзды Движенія въ Европѣ прошло около 900 душъ молодежи.

Движеніе въ дѣлѣ религіознаго и національнаго воспитанія придаетъ огромное значеніе лагерямъ. Въ 1929-мъ году во Франціи было устроено два лагеря — для мальчиковъ на 133 чел. и для дѣвочекъ на 81, съ руководителями.

Съ ростомъ работы Движенія, естественно, растутъ и его нужды. Въ настоящемъ году, какъ обычно, Движеніе пред-



Походъ

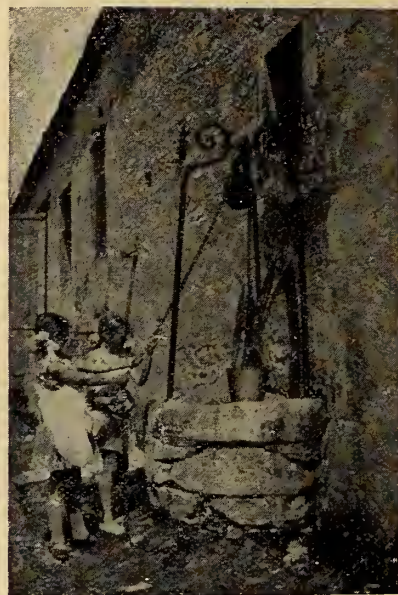
принимаетъ сборъ средствъ на его нужды; необходимо собрать 108 060 франц. франковъ.

Движеніе вѣрить, что всѣ, кому дороги молодежь и будущее родины, поддержать его работу.

Пожертвованія просятъ направлять на имя предсѣдателя Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за рубежомъ проф. В. В. Зѣньковского, по адресу: 10, бульваръ Монпарнассь, Парижъ (15).



6-ой съѣздъ Р. С. Х. Движенія въ Клермонѣ
15-21 іюля 1929 г.



По воду...
Лагерь дѣвочекъ въ 1929 г.

Въ Подкарпатской Руси

Въ Россіи религія преслѣдуется. Церкви закрываются.

За рубежомъ — строятся новыя. Въ Ужгородѣ строится храмъ — памятникъ воинамъ Русскимъ, пріявшимъ славную смерть на поляхъ брани въ Карпатахъ.

Протоіерей В. Коломацкій обращается къ казакамъ съ воззваніемъ:

Дорогіе казаки! Лежатъ русскія косточки по Карпатамъ... Всюду восхваляютъ и поминаютъ своихъ убиенныхъ. Одни мы — сироты, ибо Матери-Россіи нѣтъ. Но не забудемъ дорогихъ убиенныхъ на полѣ брани. Затеплімъ лампаду въ памятникъ-храмъ въ Ужгородѣ, стольномъ городѣ Подкарпатской Руси.

Помогите словомъ и дѣломъ. Соберите среди своихъ и сочувствующихъ чужихъ.

Начинаемъ строить съ надеждой на Бога и добрыхъ людей.

Искренно уважающій Васъ,

Протоіерей В. Коломацкій
бывшій Командующій 1-мъ Марковскимъ полкомъ Добровольческой арміи.



Въ Россіи. Церковь, превращенная коммунистами въ амбаръ

Судьба генерала А. П. Кутепова

Похищенный 26 января неизвестными злоумышленниками председатель Общевоинского Союза генералъ А. П. Кутеповъ, несмотря на энергичныя дѣйствія полиціи, до сего времени не розысканъ.

Русская и французская пресса, указывая на очевидную причастность къ похищенію совѣтскихъ агентовъ, поднимаетъ вопросъ о правѣ совѣтскаго представительства въ Парижѣ на экстерриториальность.

Выставка иконъ въ Парижѣ

Основанное въ 1927-мъ году общество Икона имѣетъ своею основною цѣлью изученіе и охрану древней иконы и искусства Восточной Церкви. Въ прямые задачи общества входитъ, такимъ образомъ, устройство публичныхъ докладовъ, посвященныхъ вопросамъ иконы и иконописанія, а также выставокъ какъ древнихъ иконъ, такъ и современныхъ иконописцевъ, находящихся за рубежомъ, причемъ главная цѣль такихъ выставокъ — поощреніе и поддержка молодыхъ иконописцевъ.

Устроенная не такъ давно выставка иконъ въ помѣщеніи Русской Школы Живописи, руководимой Т. Л. Сухотиной — Толстой, является второй. На этой выставкѣ, въ отдѣлѣ иконъ, приняли участіе: Д. С. Стеллецкій, Н. И. Исцѣленовъ, кн. Е. С. Львова, В. В. Сергѣевъ, Ю. Н. Рейтлингеръ, бр. Ковалевскіе, П. А. Федоровъ, Г. В. Морозовъ, Р. В. Лукинъ, г-жа Челнокова, представившіе въ общей сложности около 100 иконъ и складней. Кромѣ того, г-жи Виноградова, Володимерова и

ва, Покровскаго, Успенскаго, Грабаря, Муратова, Кондакова, Первухина, Покрышкина, Миллэ, изданіе семинаріи имени Кондакова въ Прагѣ и т. д.

Выставка производила пріятное впечатлѣніе какъ по внѣшнему виду, такъ и по наглядности достигнутыхъ, противъ прошлаго года, успѣховъ молодыми живописцами, и тутъ уместно привести мнѣніе одного компетентнаго лица, заявившаго, что, въ сравненіи съ прошлогодней выставкой, всѣ молодые иконописцы «перешли въ слѣдующій классъ». Выставка охотно посѣщалась какъ русскими, такъ и иностранцами, среди которыхъ интересъ и вниманіе къ православной иконѣ постоянно возрастаетъ: русская икона проникаетъ теперь въ иновѣрческую, иностранную среду и, несомнѣнно, заноситъ туда искорку православія; нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, вспыхнутъ и заблистаютъ когда-нибудь яркимъ огонькомъ...

Молодые зарубежные иконописцы работаютъ и дѣлаютъ успѣхи, и немалая доля этого прогресса должна быть отнесена къ дѣлу, совершаемому обще-

ствомъ Икона, которое, наряду съ другими русскими общественными организаціями за рубежомъ, вноситъ свою маленькую лепту въ общее великое дѣло поддержки и развитія началъ русской культуры на чужбинѣ, среди эмиграціи. Въ наше время это скромное дѣло пріобрѣтаетъ сугубое значеніе и важность — на родинѣ вѣра преслѣдуется и искореняется, церкви закрываются, иконы сжигаются. Общество Икона поставило себѣ цѣлью создать на чужбинѣ работниковъ, которые, по возвращеніи на родину, сумѣли бы построить все то, что тамъ теперь разрушается и уничтожается.

И. В. Шнейдеръ



У И. Д. СУРГУЧЕВА

Сургучевъ живетъ въ отелѣ, шесть лѣтъ въ одномъ и томъ же.

— Илья Димитріевичъ! Какъ Вы постоянны! За тѣ же деньги Вы могли бы снять маленькую квартиру.

— Дорогой мой! Маленькая квартирка — репетиція большого гробика. Эмигрантъ, конечно, бездѣтный, долженъ жить въ отелѣ. Онъ всегда помнитъ свое эмигрантское положеніе, что очень важно, а, во-вторыхъ, здѣсь нѣтъ одиночества, всегда весело. Отелъ и кафэ это лучшее, что создалъ Парижъ.

— Что Вы пишете?

— Написалъ, вотъ, пьесу «Игра». Теперь перехожу на беллетристику. Плодоперемѣнная система.

— Какова дальнѣйшая судьба «Игры»?

— Знаю только, что скоро она пойдетъ въ театрѣ Д. Н. Кировой и что переводится на французскій, нѣмецкій и англійскій.

— Гдѣ идутъ другія пьесы?

— «Осеннія скрипки» не были играны только во Франціи и Испаніи. «Письма съ заграничными марками» шли въ шведскомъ королевскомъ, въ норвежскомъ національномъ и въ берлинскомъ театрѣ драматурга Кайзера. «Торговый домъ» сейчасъ идетъ въ Италіи у Татьяны Павловой, въ переводѣ Якова Львова, и въ Норвегіи, въ Центральномъ театрѣ. Вотъ, видите, сколько отзывовъ.

И писатель показываетъ толстую тетрадь съ наклеенными рецензіями на разныхъ языкахъ.

— Какъ относится критика?

— Иностранцы почти всегда хвалятъ, русскіе — поругиваютъ.

— Почему Вы не ставили Вашихъ пьесъ во Франціи?

— Не лежитъ душа обращаться къ французскимъ директорамъ, ужъ очень они коммерчески-мыслящіе

люди и враждебно относятся къ не французскимъ писателямъ. А потомъ, признаться, хорошаго перевода нѣтъ. Подожду.

— Что Вы думаете о французскомъ театрѣ?

— Постарѣлъ сильно и, какъ старичекъ, сюсюкаетъ о любви. Недаромъ одинъ изъ настоящихъ французскихъ писателей, Жюль Ромэнъ, письмомъ въ *Temps* умолялъ своихъ собратьевъ лѣтъ десять не писать о любви: «тогда мы, быть можетъ, сумѣемъ создать нѣчто равное «Тристану и Изольдѣ».

Французскій театръ, повторяю, исключительно коммерціализированъ, старается потакать невзыскательной публикѣ, у которой Батайлъ — Аллахъ, а Бернштейнъ — Магометъ.

— Театръ и кинематографъ Вы уподобляете портрету и фотографии, но успѣхъ кинематографа въ цѣломъ мірѣ?

— Тѣмъ хуже для цѣлаго міра. Еще одна ступенька внизъ. Я не отрицаю того, что и кинематографъ можетъ сдѣлаться подлиннымъ искусствомъ, когда изъ рукъ купцовъ и барышниковъ онъ перейдетъ въ руки художниковъ.

— Какую картину въ этомъ сезонѣ Вы считаете лучшей?

— «Брачную симфонію» Эрика фонъ Строейма. Превосходная вещь.

— Что Вы скажете о Салонѣ Независимыхъ?

— Изъ французскихъ картинъ лучшими считаю пейзажи Signac и Leprieu.

Изъ русскихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ «натюр-мортъ» Бенатова «Устрицы», написанный съ несравненнымъ блескомъ, пейзажъ Глушенка, виды Кольцова.

Въ особенности, повторяю, хорошъ Бенатовъ. Художникъ громадными шагами идетъ впередъ. **К.**



Русскій Интимный Театръ

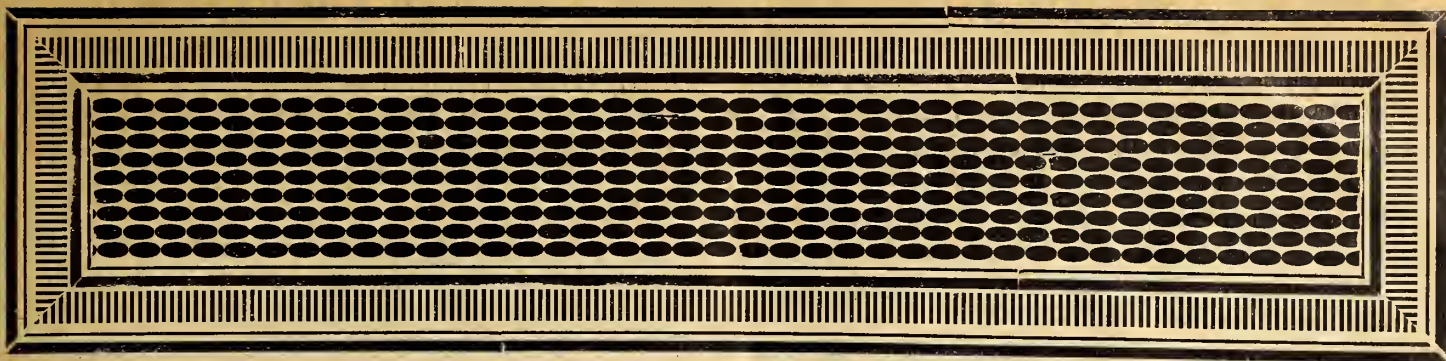
Д. Н. КИРОВОЙ

6-bis, rue Campagne-Première.

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 ФЕВРАЛЯ

„ИГРА“

Новая пьеса И. Д. СУРГУЧЕВА



Tous droits réservés.
Copyright by the author.

И Г Р А

LE JEU

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ИЛЬИ СУРГУЧЕВА

АКТЪ I.

Кабинетъ Директора большого игорнаго Казино.
Въ окно видно грандіозное зданіе Казино.

Въ противоположныхъ концахъ кабинета сидятъ двое служащихъ, держа наготовѣ телефонныя трубки. Выжидательное молчаніе.

ПЕРВЫЙ СЛУЖАЩІЙ (*принимая какое-то телефонное сообщеніе, говоритъ въ трубку*): — Ну? (*Затѣмъ слушаетъ и полученное сообщеніе передаетъ Второму Служащему*): — Около Казино громадная толпа. Вызваны запасные крупье. Передавай. . .

ВТОРОЙ СЛУЖАЩІЙ (*говоритъ въ свой телефонъ*): — Вы слушаете, г. Директоръ? Сейчасъ телефонировали для сообщенія вамъ, что около Казино — огромная толпа. Вызваны запасные крупье. Ожидается крупная игра.

(Если позволяютъ возможности театра, то эту толпу и оживленіе около Казино можно показать сквозь окно директорскаго кабинета).

ПЕРВЫЙ (*зажимая ладонью трубку*): — Дорогой мой! Перестань фантазировать и изволь передавать Директору только тѣ фразы, которыя я говорю. Откуда ты взялъ, что «ожидается крупная игра»?

ВТОРОЙ: — Ясное дѣло. Разъ около Казино — огромная толпа, разъ вызваны запасные крупье, — значитъ, ожидается крупная игра. Это — не фантазія, а простая и строгая логика, мой другъ!

ПЕРВЫЙ: — Брось ты свою логику! Это никому не нужно. И передавай только то, что я тебѣ говорю. Иначе мы влетимъ въ пренепріятную исторію.

ВТОРОЙ: — Не бойся. Не влетимъ. Танцуй дальше. Сегодня — очень интересный день!

(Легкій звонокъ у Перваго).

ПЕРВЫЙ (*мгновенно прикладывая трубку къ уху*): — А! Но! (*Выслушавъ, передаетъ Второму*): — Воодушевленіе публики — необыкновенное. Глаза у всѣхъ горятъ жадностью и желаніемъ выиграть. Передавай.

ВТОРОЙ: — Вы слушаете, г. Директоръ? Воодушевленіе публики — необыкновенное. Глаза у всѣхъ горятъ жадностью и желаніемъ выиграть. Особенно возбуждены женщины.

ПЕРВЫЙ (*раздраженно*): — Про женщинъ я тебѣ ничего не говорилъ! Брось фантазіи, повторяю!

ВТОРОЙ (*добродушно*): — О, чудакъ! Это же не фантазія, а самая обыкновенная таблица умноженія. Мы съ тобой много лѣтъ служимъ въ этомъ капищѣ (*Показываетъ въ окно*): — На нашихъ глазахъ здѣсь разорились и проигрались тысячи людей. И, когда у насъ бываетъ «воодушевленіе», то это зна-

чить, какъ дважды два четыре, что больше всѣхъ волнуется бабье, визжитъ и теряетъ губную помаду. (Звонокъ, — трубка къ уху, мгновенно перемѣнившись, почтительный тонъ): — Слушаю, г. Директоръ! Русскій? О русскомъ еще никакихъ свѣдѣній не поступало. (Молча и радостно смѣется, раскачивается на стулѣ и хлопаетъ себя ладонями по коленнымъ).

ПЕРВЫЙ: — Идіотъ! Я не понимаю, чему ты радуешься?..

ВТОРОЙ: — Во-первыхъ, отъ идіота слышу, а, во-вторыхъ, я не радуюсь, а торжествую, тор-же-ствую!!.

ПЕРВЫЙ: — Чего жъ ты торжествуешь?

ВТОРОЙ: — Очень просто. Десятки лѣтъ г.г. директора разоряютъ здѣсь людей! Сколько человѣкъ пошло безъ очереди на тотъ свѣтъ, благодаря ихъ научнымъ сѣтямъ?! Сколько человѣкъ застрѣлилось вотъ въ этомъ саду? Сколько женщинъ, самыхъ прекрасныхъ, пошло на безчестіе для того, чтобы отыграться?

ПЕРВЫЙ: — Ну, и что?

ВТОРОЙ: — Ну, и то. А вотъ теперь на ястреба налетѣлъ соколъ. Второй разъ на моей памяти. Помнишь, какъ пять лѣтъ тому назадъ одинъ шведъ выигралъ у насъ 40 милліоновъ?

ПЕРВЫЙ: — Ну, и что было радостнаго? Тогда же всѣмъ намъ сбавили жалованья! И развѣ можно сравнивать того шведа съ теперешнимъ русскимъ? Ну, что этотъ русскій выигралъ? Милліоновъ шесть? Увѣряю тебя, что черезъ недѣлю онъ ихъ спуститъ обратно. Таковъ ужъ законъ природы! Выигрываютъ то у насъ очень часто, но я совсѣмъ не знаю людей, которые увозятъ отсюда эти выигрыши.

ВТОРОЙ: — Ну, и чертъ съ нимъ, пусть обратно проиграетъ, но сейчасъ за то волнуется нашъ идолъ, первичаешь, потерялъ спокойствіе...

(Звонокъ у телефона Перваго).

ПЕРВЫЙ: — Алло? (Слушаетъ и потомъ передаетъ Второму): — Размѣнные кассы затребовали тройныя суммы. Передавай.

ВТОРОЙ (радостно хватается за голову и подчеркнута-почтительно передаетъ Директору): — Вы слушаете, г. Директоръ? Размѣнные кассы затребовали тройныя суммы... Что-съ?... (Въѣхавъ трубку и радостно смѣется): — Выругался, какъ сапожникъ. Требуется узнать: появился русскій или нѣтъ.

ПЕРВЫЙ (въ телефонъ). — Алло! Алло! Русскій появился или нѣтъ? Директоръ требуетъ! (Выслушавъ, передаетъ отвѣтъ): — Русскій еще не показывался.

ВТОРОЙ: — Вы слушаете, г. Директоръ? Русскій еще не показывался.. Будетъ онъ сегодня играть или нѣтъ? На этотъ счетъ еще никакихъ свѣдѣній къ намъ не поступало. (Въ обоихъ случаяхъ подчеркиваетъ «не»). — Что-съ? Телефонная связь работаетъ правильно. Всѣ — неотлучно на своихъ постахъ. Что-съ? Черезъ пять минутъ? Слушаю-съ,

г. Директоръ! (Въѣхавъ трубку): — Приказалъ телефонировать черезъ 5 минутъ. Уфъ! Антрактъ. (Съ наслажденіемъ закуриваетъ).

(Не успѣвъ закурить, какъ снова директорскій звонокъ).

ВТОРОЙ (откладывая папиросу): — Г. Директоръ? Да. (Слушаетъ. Первому): — Отъ сыщиковъ поступали какія-нибудь свѣдѣнія?

ПЕРВЫЙ: — Да.

ВТОРОЙ (въ телефонъ): — Агентурныя свѣдѣнія доставлены, г. Директоръ. Слушаю-съ. (Первому): — Гдѣ они?

ПЕРВЫЙ (Показывая на директорскій столъ): — На столѣ.

ВТОРОЙ (идетъ къ столу, беретъ тамъ конвертъ и съ нимъ снова подходитъ къ телефону): — Конвертъ у меня въ рукахъ, г. Директоръ. Слушаю-съ. (Разрываетъ конвертъ и читаетъ): — «Русскій проснулся сегодня ровно въ восемь съ четвертью и до самаго завтрака писалъ письма, которыя потомъ запечаталъ въ узкіе конверты. Завтракалъ въ ресторанѣ. За завтракомъ ѣлъ: закуски, жареную лососину, омлетъ и компотъ изъ чернослива. Пилъ исключительно воду. Въ половинѣ второго русскій отправился въ табачную лавку, купилъ тамъ сигару и восемь почтовыхъ марокъ. Сигару закурилъ, марки наклеилъ на письма и письма бросилъ около сквера, въ почтовый ящикъ. Два письма были адресованы въ Парижъ, одно — въ Чикаго, одно — въ Санъ-Франциско. Потомъ сидѣлъ на скамейкѣ у моря и курилъ. Посидѣвъ на скамейкѣ, онъ всталъ и, не торопясь, пошелъ въ банкъ. Въ банкѣ подошелъ къ отдѣлу текущихъ счетовъ и положилъ на свою книжку одинъ милліонъ въ купюрахъ тысячнаго достоинства». На этомъ агентурныя свѣдѣнія обрываются, г. Директоръ.

ПЕРВЫЙ: — Какъ Директоръ отнесся къ твоему сообщенію?

ВТОРОЙ: — Мычить. (Закуриваетъ папиросу).

(Звонокъ у Перваго).

ПЕРВЫЙ (въ трубку): — Алло? (Нѣкоторое время слушаетъ и лицо его постепенно дѣлается все больше и больше изумленнымъ): — Совершенно сенсационное извѣстіе. Русскій появился въ Казино, далъ персоналу 50 тысячъ, заявилъ, что онъ не играетъ больше и завтра уѣзжаетъ изъ города... Передавай немедленно...

ВТОРОЙ (откладывая папиросу): — Ну, ну... Можетъ быть, ты самъ передашь?

ПЕРВЫЙ: — Благодарю васъ! Уже передайте вы лучше, а я боюсь за свою барабанную перепонку...

ВТОРОЙ (робко): — Это вы, г. Директоръ? Русскій появился въ Казино, далъ персоналу 50 тысячъ, заявилъ, что онъ не играетъ больше и завтра уѣзжаетъ изъ города. (Зажмурился и слушаетъ, по-

томъ впишетъ трубку): — Трахъ, тахъ, тахъ, тахъ, бахъ, бахъ, бахъ!..

ПЕРВЫЙ (робко, съ любопытствомъ): — Хорошо ругался?

ВТОРОЙ: — Сказать нельзя! (Въ знакъ одобренія посылаетъ Директору воздушный поцелуй... Закуриваетъ): — Боже мой! За что Ты такъ полюбилъ этого русскаго? Почему — не меня? И подумать: чего я хочу? Я хочу пять минутъ счастья, — только пять минутъ! И тогда я буду имѣть все! Мнѣ будутъ лстить, у меня будутъ заискивать, а женщины...

ПЕРВЫЙ (схидно): — Что же женщины?

ВТОРОЙ: — Женщины будутъ смотрѣть на меня ласковыми, мерцающими глазами...

ПЕРВЫЙ: — И найдутъ, что ты — великолѣпенъ, что ты красивъ...

ВТОРОЙ: — Что глаза у меня голубые...

ПЕРВЫЙ: — Когда они у тебя рыжіе...

ВТОРОЙ: — Что волосы у меня — пышные и волнистые...

ПЕРВЫЙ: — Хо! Видѣли вы такіе волосы, пышные и волнистые?

ВТОРОЙ (мечтательно): — Что я — строенъ и высокъ...

ПЕРВЫЙ (насмѣливо): — Тополь!

ВТОРОЙ: — Что голосъ мой — бархатный и волнующій...

ПЕРВЫЙ: — Шаляпинъ!

ВТОРОЙ: — О, счастье! О, пять минутъ, — всего только пять минутъ счастья!

ПЕРВЫЙ: — Твоя бабушка не сочиняла стиховъ? Мнѣ кажется, что ея талантъ передался тебѣ по наслѣдству...

ВТОРОЙ: — Слушай, не говори пошлостей. Ты же — мудрецъ. Ты въ этомъ проклятомъ учрежденіи служишь 20 лѣтъ. На твоихъ глазахъ люди стрѣлялись, сходили съ ума, бросались въ море, женщины теряли свою честь... Скажи: въ чемъ дѣло?

ПЕРВЫЙ: — Я тебя не понимаю...

ВТОРОЙ: — Почему выигрываетъ этотъ русскій?

ПЕРВЫЙ: — Ха!.. Если бы я могъ знать, почему онъ выигрываетъ, то, повѣрь мнѣ: я самъ бы наплевалъ на всѣ эти бумаги, на телефоны, послалъ бы къ черту всѣхъ васъ и сѣлъ бы играть!

ВТОРОЙ: — Можетъ быть, онъ нашелъ вѣрную систему?

ПЕРВЫЙ: — Ха!.. «Онъ нашелъ вѣрную систему»! Я знаю сотни три вѣрныхъ системъ! Не мало людей попало въ сумасшедшій домъ со своими «самыми вѣрными системами»!..

ВТОРОЙ: — Совершенно вѣрно, дорогой мой: очень много людей сѣло въ сумасшедшій домъ со своими «вѣрными системами», но!..

ПЕРВЫЙ: — Что «но»?

ВТОРОЙ: — Очень много людей разбилося на смерть, пытаясь подняться къ небесамъ...

ПЕРВЫЙ: — Ну, и что?

ВТОРОЙ: — А въ одинъ прекрасный день какой-то мо-

лодецъ сѣлъ въ машину, завелъ моторъ и полетѣлъ.

На нашихъ съ тобой глазахъ аэропланъ изобрѣли?

ПЕРВЫЙ: — Изобрѣли.

ВТОРОЙ: — Телефонъ изобрѣли? Граммофонъ изобрѣли? Синема изобрѣли? Автомобиль? Беспроволочный телеграфъ изобрѣли?

ПЕРВЫЙ: — Изобрѣли, ну и что?

ВТОРОЙ: — А теперь, можетъ быть, разгадали тайну рулетки, — вотъ и все.

(Входитъ Директоръ).

ДИРЕКТОРЪ: — Здравствуйте, господа!

ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ (вскакивая): — Здравствуйте, г. Директоръ!

(Директоръ снимаетъ пальто, перчатки. Ему помогаетъ Второй).

ДИРЕКТОРЪ: — Новыхъ агентурныхъ свѣдѣній не поступало?

ПЕРВЫЙ: — Никакъ нѣтъ, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ (Первому): — Соедините меня, пожалуйста, съ г. Мижино, а вы (Второму) спуститесь внизъ, узнайте адресъ актера Бертрана, разыщите его во что бы то ни стало и немедленно привезите сюда. Затѣмъ вы зайдете въ бюро путешествій и тамъ вамъ дадутъ письмо на мое имя. Немедленно доставьте его сюда...

ВТОРОЙ: — Слушаю-съ, г. Директоръ. (Уходитъ).

ПЕРВЫЙ: (который все время вызывалъ въ телефонъ № 22-11): — Г. Мижино — у телефона.

ДИРЕКТОРЪ (беретъ трубку и жестикулируетъ знаки Первому, чтобы тотъ ушелъ. Тотъ поспѣшно уходитъ): — Это вы, г. Президентъ? Здравствуйте, г. Президентъ! Здоровье вашей супруги? Ахъ, уже поправляется? Слава Богу, очень радъ. Я очень встревоженъ, г. Президентъ. Случилось то, чего я боялся больше всего, и чего, признаться, не ожидалъ. Да, не ожидалъ. Русскій закончилъ игру на крупномъ выигрышѣ и завтра уѣзжаетъ. Размѣры выигрыша еще не подсчитаны, но, думаю, что это — около восьми миллионъ. Разумѣется, г. Президентъ, что у насъ бывали проигрыши и крупнѣе этого, но они всегда къ намъ возвращались обратно. Этотъ молодчикъ собирается улизнуть, — и уже по одному этому его нужно вернуть во что бы то ни стало. Что, г. Президентъ? Какъ это сдѣлать, если онъ уже уѣзжаетъ? Я уже все это обдумалъ — и ровно черезъ пять минутъ начну осуществлять свой планъ. Что, г. Президентъ? Разумѣется, нужны будутъ расходы, но, я полагаю, что въ будущемъ они возвратятся съ большимъ наваромъ. Что, г. Президентъ? Причины проигрыша? Могутъ быть двѣ причины. Во-первыхъ, счастье, но счастье, г. Президентъ, какъ вѣтеръ мая и какъ сердце красавицы. Я меньше всего боюсь счастья. Я боюсь, г. Президентъ, другого. Объ этомъ не особенно удобно говорить по телефону. (Тише): Я 20 лѣтъ изучаю рулетку и — увы! — г. Президентъ, какимъ-то отдаленнымъ чутьемъ начинаю постигать, что даже

въ такомъ шальномъ дѣлѣ, какъ рулетка, есть какая-то законѣрность. Да, г. Президентъ, это странно, но это такъ. И я боюсь, г. Президентъ, что, если найдется человекъ, который разгадаетъ эту законѣрность, намъ придется закрыть свою лавочку. *(Улыбнулся отъѣту Президента)*: Что, г. Президентъ? Совершенно вѣрно. Это — никому не нужно. Поэтому-то мнѣ и нужно преслѣдовать эту упархивающую отъ насъ птичку.

(Стукъ въ дверь).

ДИРЕКТОРЪ: — Ко мнѣ пришли, г. Президентъ. Я забѣгу къ вамъ послѣ обѣда, и тогда потолкуемъ подробно. Привѣтъ супругѣ. *(Высвѣтъ трубку. Стукъ въ дверь)*: — Войдите!

(Входитъ молодая, элегантная женщина: артистка Blanche. Директоръ поднимается ей навстрѣчу).

BLANCHE: — Г. Директоръ?

ДИРЕКТОРЪ: — M-lle Blanche?

BLANCHE: — Да, г. Директоръ.

ДИРЕКТОРЪ: — Очень радъ познакомиться съ талантливой актрисой...

BLANCHE: — Г. Директоръ. Я еще не такъ давно на сценѣ, чтобы претендовать на званіе талантливой актрисы. Я почти неизвѣстна.

ДИРЕКТОРЪ: — Скромность — лучшее украшеніе добродѣтели, m-lle...

BLANCHE: — Я тоже очень рада познакомиться съ человекомъ, который такъ много сдѣлалъ для искусства.

ДИРЕКТОРЪ: — Вы отлично понимаете, m-lle, что Дирекція обязана дѣлать все, чтобы ея кліенты, помимо моря, солнца, кислорода, имѣли бы еще и духовныя наслажденія.

BLANCHE: — Инициаторъ и создатель этихъ наслажденій вправдѣ претендовать на признательность.

ДИРЕКТОРЪ: — Отлично. Онъ претендуетъ, считаетъ китайскія церемоніи истощенными и покорнѣе проситъ m-lle присѣсть вотъ въ это кресло.

(Blanche садится. Директоръ молча разсматриваетъ ее съ нескрываемымъ любопытствомъ).

BLANCHE: — Вы телефонировали мнѣ въ отель и просили зайти къ вамъ ровно въ три.

ДИРЕКТОРЪ: — Совершенно вѣрно. Ровно въ три.

BLANCHE: — Я, кажется, не опоздала?

ДИРЕКТОРЪ: — Точность — вѣжливость королей.

BLANCHE: — Мнѣ, почему-то, хочется думать, что рѣчь пойдетъ, вѣроятно, объ организаціи драматическихъ спектаклей въ театрѣ Казино?

ДИРЕКТОРЪ: — Никакъ нѣтъ, m-lle. Мы всегда ограничиваемся только опернымъ сезономъ.

BLANCHE: — Тогда, быть можетъ, устройство какого-нибудь благотворительнаго концерта?

ДИРЕКТОРЪ *(иронически)*: — Въ пользу населенія, пострадавшаго отъ рулетки?

BLANCHE *(улыбаясь)*: — Хотя бы!

ДИРЕКТОРЪ *(не безъ цинизма)*: — О, нѣтъ, m-lle, лицамъ этой категоріи мы просто выдаемъ на желѣзнодорожный билетъ по мѣсту ихъ жительства. И всегда по первому классу, замѣтите.

BLANCHE *(слегка разводя руками)*: — Если и въ этомъ случаѣ Дирекція не останавливается ни передъ какими расходами, — тогда всѣ мои догадки истощены. Должна еще разъ, по чистой совѣсти, предупредить васъ, что я — актриса начинающая и весьма мало извѣстная.

ДИРЕКТОРЪ: — Вы — актриса талантливая. А что касается вашей малоизвѣстности, то это какъ разъ то, что въ данный моментъ намъ нужно...

BLANCHE: — Конечно, это стоитъ дешевле, г. Директоръ...

ДИРЕКТОРЪ: — Какъ разъ за это качество мы готовы заплатить вамъ наибольшую сумму...

BLANCHE: — Тогда я ничего не понимаю.

ДИРЕКТОРЪ: — Во всѣхъ моихъ дѣлахъ, какъ въ веселыхъ театральныхъ пьесахъ, есть легкая запутанность. Объ этомъ я предупреждаю васъ съ самаго начала.

BLANCHE: — Съ дѣтства я любила разматывать всякіе клубки, г. Директоръ.

ДИРЕКТОРЪ: — Тогда, быть можетъ, начнемъ?

BLANCHE: — Съ величайшимъ наслажденіемъ, г. Директоръ.

ДИРЕКТОРЪ: — Но, предварительно, маленькое условіе. Уговоръ — дороже денегъ. Выйдетъ ли что-нибудь изъ нашей бесѣды, или не выйдетъ, — никто, никому, никогда ни слова, ни полуслова, ни четверть слова.

BLANCHE: — И ни одной осьюмой, г. Директоръ. Гдѣ ваша Библія?...

ДИРЕКТОРЪ: — Зачѣмъ вамъ Библія?

BLANCHE: — Я готова принести присягу.

ДИРЕКТОРЪ: — Мнѣ достаточно вашего честнаго слова.

BLANCHE: — Оно у васъ въ карманѣ, г. Директоръ.

ДИРЕКТОРЪ *(вставая и торжественно протягивая ей руку въ знакъ договора)*: — Итакъ, никто, никогда, ничего?

BLANCHE *(тоже вставая и пожимая ему руку)*: — Никто, никогда, ничего!

ДИРЕКТОРЪ *(не отпуская руки)*: — Нынѣ и присно и во-вѣки вѣковъ, m-lle Blanche?...

BLANCHE: — Аминь, г. Директоръ!

(Директоръ отпустилъ ея руку и слѣзъ. То же дѣлаетъ и Blanche).

ДИРЕКТОРЪ: — Обѣдня отслужена и мы можемъ приступить къ дѣлу, m-lle Blanche.

BLANCHE *(молитвенно и смиренно складывая руки)*: — Dominus vobiscum, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ *(многозначительно)*: — Et cum spiritu tuo!

(Директоръ усиленно куритъ, видимо, обдумывая дальнѣйшій разговоръ. Небольшая пауза).

ДИРЕКТОРЪ: — Вы изволили прибыть сюда къ намъ недавно?

BLANCHE: — Ровно недѣля, г. Директоръ. Какъ разъ сегодня платила за пансіонъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Прощайте вы изволите въ Mon Repos?...

BLANCHE: — Совершенно вѣрно. г. Директоръ, въ Mon Repos.

ДИРЕКТОРЪ: — Чистенько и недорого, не правда ли?

BLANCHE: — Высокія цѣны — мнѣ не по карману, г. Директоръ.

ДИРЕКТОРЪ: — Вы — замужемъ?

BLANCHE: — Была, но разошлась.

ДИРЕКТОРЪ: — У васъ есть другъ?

BLANCHE: — О, нѣтъ, г. Директоръ! Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

ДИРЕКТОРЪ: — Что такъ?

BLANCHE: — Обошлась, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ: — Обошлись на молочкѣ и теперь дуете на воду?

BLANCHE: — И теперь дую на воду, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ: — Тогда нескромный вопросъ: какъ же вы наполняете жизнь?

BLANCHE: — Боже мой! Сколько въ вашемъ вопросѣ мужского самолюбія. У нея нѣтъ мужа, у нея нѣтъ друга. — какъ же она наполняетъ свою жизнь?... Увѣряю васъ, что и безъ мужа, и безъ друга ее великодушнѣе можно наполнить!

ДИРЕКТОРЪ: — Да?

BLANCHE: — Но увѣряю васъ! Живу одна, полная и очаровательная самостоятельность, ушла съ головой въ театръ, работаю, работа — чудесная, захватываетъ меня полностью, свободна, какъ вѣтеръ, здорова, весела, никакой мужъ и никакой чортъ не морочить мнѣ головы. пріѣхала сюда отдохнуть, поучить новую роль, подышать морскимъ воздухомъ...

ДИРЕКТОРЪ (*перебивая*): — И поиграть въ рулетку, быть можетъ?

BLANCHE: — Отчего жъ не попытаться? Счастье, вѣдь, есть счастье, г. Директоръ?!

ДИРЕКТОРЪ: — О, да, m-lle Blanche, совершенно вѣрно: счастье есть всегда и только счастье.

BLANCHE: — Можетъ быть, вы назовете мнѣ парочку вѣрныхъ номеровъ, г. Директоръ?

ДИРЕКТОРЪ: — М-lle Blanche! Благодарю васъ! Отъ всей души, отъ всего сердца благодарю васъ! Съ самаго утра я ломаю себѣ голову: чего мнѣ недостаать? Чего мнѣ не хватаетъ въ жизни? Только теперь мнѣ все стало ясно!

BLANCHE (*серьезно*): — Чего же вамъ не хватаетъ, г. Директоръ?

ДИРЕКТОРЪ: — А вотъ того самаго, о чемъ вы меня только что просили! Назвать вамъ парочку вѣрныхъ номерковъ! Мало мнѣ этого проклятаго русскаго, который сидитъ у меня вотъ тутъ! (*хлопаетъ себя по шее*).

BLANCHE (*съ живостью перебивая*): — И который выигралъ у васъ двадцать милліоновъ?

ДИРЕКТОРЪ: — Вы объ этомъ знаете?

BLANCHE: — Помилуйте, г. Директоръ! Объ этомъ говорятъ весь городъ! Объ этомъ пишутъ газеты!

ДИРЕКТОРЪ: — Поздравляю васъ съ пріѣздомъ, m-lle Blanche! Мы пріѣхали!

BLANCHE: — Съ какимъ пріѣздомъ, г. Директоръ? Куда мы пріѣхали?

ДИРЕКТОРЪ: — Мы пріѣхали къ тому пункту, съ котораго у насъ начнется серьезный разговоръ.

BLANCHE: — Этотъ пунктъ: русскій или двадцать милліоновъ?

ДИРЕКТОРЪ: — И то, и другое, — вмѣстѣ взятое, милая m-lle Blanche. Вы желаете меня выслушать внимательно?

BLANCHE: — Я все время слушаю васъ внимательно, г. Директоръ...

ДИРЕКТОРЪ: — Во-первыхъ, онъ выигралъ не двадцать милліоновъ, но, все-таки, очень крупную сумму...

BLANCHE: — Если не секретъ, г. Директоръ?...

ДИРЕКТОРЪ: — Въ данномъ случаѣ у меня отъ васъ секретовъ нѣтъ. Выигралъ онъ около восьми милліоновъ. Сумма?

BLANCHE: — Я согласилась бы на половину...

ДИРЕКТОРЪ: — На что вамъ столько денегъ, дитя мое?...

BLANCHE (*вздыхая*): — О, г. Директоръ!...

ДИРЕКТОРЪ: — Конечно, лучше жить не въ Mon Repos, а въ Splendidѣ. Конечно, хочется имѣть свою машинку спя въ двадцать, туалеты...

BLANCHE (*перебивая*): — Туалеты не перебивать, а брать изъ лучшихъ домовъ...

ДИРЕКТОРЪ (*шутливо вздыхая*): — О, женщины, женщины! сказалъ Шекспиръ, повернулся на другой бокъ и умеръ...

(*Стукъ въ дверь*).

ДИРЕКТОРЪ: — Войдите.

(*Входитъ Второй служащій*).

ВТОРОЙ СЛУЖАЩИЙ (*подавая Директору конвертъ*):

— Все исполнено, г. Директоръ.

ДИРЕКТОРЪ: — И г. Бертранъ?

ВТОРОЙ: — Онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

ДИРЕКТОРЪ: — Благодарю васъ.

(*Второй Служащій кланяется и уходитъ*).

ДИРЕКТОРЪ: — М-lle! Я долженъ дать русскому генеральное сраженіе.

BLANCHE (*недоумьнно пожимаетъ плечами*).

ДИРЕКТОРЪ: — Вы легко поймете, что выиграешь русскаго не принесъ намъ ни малѣйшаго удовольствія.

BLANCHE: — Легко поняла.

ДИРЕКТОРЪ: — Мы должны, — вы понимаете? мы должны, — и это вопросъ нашего самолюбія, — вернуть эти деньги въ наши кассы. Вернуть, подчеркиваю это. Понимаете?

BLANCHE: — Понимаю и безъ подчеркиванія.

ДИРЕКТОРЪ: — Прежде всего, не думайте, что мы ихъ такъ легко, безъ боя, проиграли. О, нѣтъ, чортъ возьми! Мы вели отчаянную войну, мы рыли траншеи, мы пускали танки, мы вели обстрѣлъ съ аэроплановъ, и ничто не помогло!

BLANCHE: — Разрѣшите выразить вамъ мое искреннее сочувствіе по поводу вашего пораженія, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ: — По поводу моего пораженія? Вы думаете, что я — побѣжденъ? Что я поваленъ на землю?.. О, нѣтъ, m-lle! Я не такъ скоро сдаюсь, двѣнадцать человѣкъ на гробъ мертвеца и бутылка рома!.. Но, я долженъ сознаться, что этотъ проклятый русскій оказался врагомъ: предусмотрительнымъ, отлично вооруженнымъ, хитрымъ, остроумнымъ, выносливымъ и, самое главное, чертовски спокойнымъ! Завтра, — вы подумайте! — только нужно было бы подождать одинъ день, — завтра я уложилъ бы его на обѣ лопатки, — таковъ былъ мой вѣрный и рѣшительный ударъ, — но вы желаете знать, что онъ сдѣлалъ сегодня?

BLANCHE: — Очень желаю знать, что онъ сдѣлалъ сегодня.

ДИРЕКТОРЪ: — Сегодня онъ является въ Казино, въ карманѣ у него 200 тысячъ; 50 изъ нихъ онъ даритъ персоналу и, явно издѣваясь надо мною, — подчеркиваю это, — демонстративно заявляетъ, что игра кончена и онъ завтра уѣзжаетъ. Вы желаете знать, что это значитъ? Это значитъ, что онъ мнѣ, старому волку, испытанному господину директору, показываетъ вотъ эту штуку! (*Показываетъ носъ*).

BLANCHE: — Молодецъ!

ДИРЕКТОРЪ: — Хо! «Молодецъ»! Повѣрьте мнѣ, дорогая актриса, видывалъ я на своемъ вѣку молодцовъ, — о, какихъ я видывалъ молодцовъ! — Видывалъ молодцовъ способныхъ, очень способныхъ, талантливыхъ, геніальныхъ, архи-геніальныхъ, сверх-человѣковъ видывалъ, видывалъ мошенниковъ ума почти божественнаго, — самъ, чортъ возьми, человѣкъ не бездарный! — но такого пулемета, какъ этотъ русскій, — вашъ слуга! — встрѣчаю въ первый разъ...

BLANCHE: И онъ холостъ?

ДИРЕКТОРЪ: — Хм!.. Вы не были бы очаровательной женщиной, если бы не задали этого вопроса! Въ томъ-то и дѣло, милая, что онъ — холостъ, — холостъ, чортъ возьми! и отъ роду имѣетъ всего 32 года!..

BLANCHE: — Хорошъ собой?

ДИРЕКТОРЪ: — Аполлонъ Бельведерскій!.. Шучу, моя дорогая. Онъ — обыкновенный, типичнѣйшій русскій, которые тысячами живутъ въ нашей грѣшной старой Европѣ. Скромнень въ одеждѣ, скромнень въ движеніяхъ, умно причесанъ, учтивъ. Не въ этомъ дѣло, моя дорогая! Меня интересуетъ другая сторона медали.

BLANCHE: — Именно?

ДИРЕКТОРЪ (*тихо*): — Кто онъ? Шулеръ? Но тогда, значитъ, онъ выдумалъ такой трюкъ, какого до сихъ

поръ ни одинъ мудрецъ, ни одна астрономія не могутъ разгадать. Счастье? Но, дорогая моя, мнѣ — 50 лѣтъ, и я не вѣрю ни въ счастье, ни въ талисманы, ни въ гаданья, ни въ горбуновъ, ни въ луну съ правой стороны. Все это — сказки для бабья! (*Тихо, придвинувшись*): — И вы знаете? Я ненавижу этого человѣка и въ то же время я влюбленъ въ него! Влюбленъ!.. (*Тихо*): — Откуда онъ къ намъ попалъ? Какими судьбами? Въ концѣ концовъ, что мы знаемъ о русскихъ? Знаемъ, что это какой-то странный и непонятный народъ. Знаемъ, что у нихъ — какая-то нелѣпая революція, знаемъ, что они тысячами истребляютъ другъ друга, знаемъ, что они — дикари и ѣдятъ салыныя свѣчи, а, съ другой стороны, не угодно ли вамъ? Толстой, Достоевскій, балетъ, театръ, музыка... Шаляпинъ... Не угодно ли все это примирить? Отъ нихъ всего ждать можно. И, кромѣ того, есть въ нихъ какой-то непостижимый, таинственный шармъ. Говорю же вамъ: этотъ молодчикъ обыгралъ меня вдребезги, а я влюбленъ въ него! Видѣлъ его издали всего два раза и, какъ старая монахиня, во снѣ его вижу! И, если бы у меня была дочь, ни одной минуты не задумался бы и выдалъ бы ее за него замужъ!

BLANCHE (*улыбаясь*): — И приданого не пожалѣли бы?..

ДИРЕКТОРЪ: — Хо!..

BLANCHE: — Представьте: я о немъ много слышала, но ни разу мнѣ не удалось его видѣть.

ДИРЕКТОРЪ: — Это мы знаемъ и это именно обстоятельство мы и учитываемъ.

BLANCHE (*удивленно*): — Какое обстоятельство?

ДИРЕКТОРЪ: — А вотъ то, что вы ни разу его не видѣли. А еще для насъ важнѣе, что онъ (*подчеркиваетъ «онъ»*) васъ ни разу не видѣлъ.

BLANCHE (*удивленная*): — Но откуда вы это знаете?

ДИРЕКТОРЪ: — Откуда мы это знаемъ? Хо! Мы, дорогая моя, все знаемъ, что намъ нужно знать. (*Достаетъ изъ шкафа папку и перелистываетъ*). — Вотъ. (*Читаетъ*): — Актриска Blanche. Приѣхала вечеромъ 18-го. Два большихъ чемодана. 18 платьевъ. Шесть паръ обуви. Пижама изъ дамасскаго шелка. Читаетъ «Трехъ Мухометовъ». Вино пьетъ съ водой. Получаетъ изъ Парижа письма, опущенныя на place Chopin. Духи — Герленъ, пудра — Герленъ, одеколонъ Брокеръ, губная помада Рицъ... Правда?

BLANCHE (*удивленная*): — Правда.

ДИРЕКТОРЪ (*глядя въ бумаги*): — Вы — скромны, туто идете на знакомства, изрѣдка курите турецкія папиросы. Не египетскія, а турецкія. Правильно?

BLANCHE: — Правильно.

(Директоръ разрываетъ конвертъ, принесенный Вторымъ служащимъ, и рассматриваетъ его содержимое).

ДИРЕКТОРЪ: — Теперь слушайте еще внимательнѣе. Русскій заказалъ на завтрашній поѣздъ купе въ слипингъ № 23. Поняли?

BLANCHE: — Поняла.

ДИРЕКТОРЪ: — Сосѣднее купэ, № 24, будетъ занято графиней де-Вольтиморъ. И вотъ билетъ. Видите? *(Показываетъ билетъ изъ конверта, принесеннаго Вторымъ служащимъ).*

BLANCHE: — Вижу, но не понимаю, почему билетъ находится у васъ. Вы родственникъ графини?

ДИРЕКТОРЪ: — Я — ея дядя, по матери... Слѣдующее купэ, № 25, *(показываетъ билетъ)* будетъ занято отцомъ графини, достопочтеннымъ графомъ де-Вольтиморъ. Понятно?

BLANCHE: — Мнѣ непонятно только одно: почему я должна выслушивать это съ подчеркнутымъ вниманіемъ?

ДИРЕКТОРЪ: — Вы должны разгадать загадку: гдѣ сейчасъ, въ эту минуту, находится молодая и очаровательная графиня де-Вольтиморъ?

BLANCHE: — Дорогой мой г. Директоръ! Къ сожалѣнію, я не знаю ни графини, ни ея достопочтеннаго отца, ни ихъ мѣстопребыванія.

ДИРЕКТОРЪ: — Графиня находится здѣсь.

BLANCHE: — Возможно. На вашемъ курортѣ всегда много титулованныхъ лицъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Графиня находится здѣсь, въ этой комнатѣ.

BLANCHE *(удивленно)*: — Здѣсь? Въ этой комнатѣ? *(Оглядывается кругомъ)*: — Она играетъ въ прятки, ваша графиня? Или, можетъ быть, обитаетъ въ шкафу, среди вашихъ досье?

ДИРЕКТОРЪ: — Никакъ нѣтъ. Она сидитъ напротивъ и чаруетъ меня своими прекрасными и слегка насмѣшливыми глазами...

(Пауза).

BLANCHE: — Ничего не понимаю.

ДИРЕКТОРЪ: — Угодно ли вамъ, молодой и талантливой актрисѣ, сыграть роль графини де-Вольтиморъ?

BLANCHE: — Роль графини де-Вольтиморъ? Но въ какой пьесѣ? Какого автора?

ДИРЕКТОРЪ: — Пьесу вы должны сочинить сами.

BLANCHE: — Никогда не сочиняла пьесъ. Не могу.

ДИРЕКТОРЪ: — Боже мой! Какъ упалъ современный актеръ! Гдѣ времена Шекспира, Мольера, Гольдони? Гдѣ времена итальянской commedia dell'arte, когда актеру давали тему изъ публички, и актеръ импровизировалъ?..

BLANCHE: — Вы правы. Актеръ импровизировалъ, но вы же сами говорите, что ему давали тему изъ публички...

ДИРЕКТОРЪ: — Ахъ, такъ! Но вы можете себѣ представить, что я — публичка и даю вамъ тему? Согласны вы ее выслушать?

BLANCHE: — Съ большимъ интересомъ, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ: — Итакъ, мы начинаемъ. *(Закуриваетъ)*: — Представьте себѣ, что нѣкій человѣкъ, въ нѣкоемъ игорномъ учрежденіи выигрываетъ крупную сумму денегъ, укладываетъ ее въ банкъ на текущій счетъ, покупаетъ себѣ въ слипингѣ купэ и благополучно уѣзжаетъ...

BLANCHE: — Куда уѣзжаетъ?

ДИРЕКТОРЪ: — Въ Парижъ, въ Санъ-Франциско, къ черту на рога, — не все ли равно?... Важно то, что онъ уѣзжаетъ... *(Наставительно)*: — А игорное заведеніе не любитъ, когда уѣзжаютъ люди, которые сильно выиграли... *(Подчеркиваетъ: «выиграли»)*.

BLANCHE: — Игорное учрежденіе любитъ, когда уѣзжаютъ люди, которые сильно проиграли?... *(Подчеркиваетъ: «проиграли»)*.

ДИРЕКТОРЪ: — Совершенно вѣрно. Вы — гениальны, моя дорогая!

BLANCHE: — Не преувеличивайте, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ: — Въ поѣздѣ, рядомъ съ нимъ, ѣдетъ знатный, почтенный и уже пожилой аристократъ. Если желаете, онъ можетъ быть потомкомъ крестоносцевъ. Если желаете, онъ можетъ быть праправнукомъ Людовика Одиннадцатаго или внучатымъ племянникомъ папы Льва Четвертаго, — тутъ мнѣ рѣшительно все равно. Однимъ словомъ, имя его — графъ де-Вольтиморъ. 55 лѣтъ. Костюмъ. Слѣдующій проборъ или глянцевиная лысина. Монокль. Сигара. Шикъ, блескъ, immer elegant... И съ нимъ — его дочь, мечта поэта, очаровательная графиня де-Вольтиморъ. 25 лѣтъ. Чудесные мерцающіе глаза. Рѣсницы. Запахъ таинственныхъ духовъ. Однимъ словомъ, мы меня поняли.

BLANCHE: — Я васъ поняла.

ДИРЕКТОРЪ: — Вы — гениальны, моя дорогая!

BLANCHE: — Не преувеличивайте, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ: — Ровно въ полдень въ вагонѣ-ресторанѣ начинается завтракъ...

BLANCHE: — Ясно, что онъ выходитъ къ завтраку...

ДИРЕКТОРЪ: — Ясно.

BLANCHE: — Ясно, что къ завтраку выходятъ графъ и графиня де-Вольтиморъ. Они, хоть и не выиграли восьми милліоновъ, но на завтракъ у нихъ есть?

ДИРЕКТОРЪ: — У нихъ карманы — полны золота, моя дорогая! Фантазируйте дальше!

BLANCHE: — Все будетъ идти великолепно, если они сядутъ за одинъ столикъ...

ДИРЕКТОРЪ: — Дорогая моя, объ этомъ вамъ нечего беспокоиться: они сядутъ за одинъ столикъ.

BLANCHE: — Тогда быстро и легко заводится знакомство...

ДИРЕКТОРЪ: — Вотъ. Вотъ. Тогда быстро и легко заводится знакомство.

BLANCHE: — Каковъ долженъ быть конецъ пьесы?

ДИРЕКТОРЪ: — Конецъ, какъ въ американскихъ фильмахъ, долженъ быть только благополучнымъ. Русскій живымъ и здоровымъ долженъ быть привезенъ сюда, къ намъ.

BLANCHE: — Дальше?

ДИРЕКТОРЪ: — Что будетъ дальше, это молодой графини уже не касается.

BLANCHE: — Позвольте-съ, какъ это не касается? А вдругъ вы его убьете? Ограбите? Мало ли что вы можете сдѣлать, — и тогда молодой графинѣ придется фигурировать на судѣ?..

ДИРЕКТОРЪ: — Какая напвность, моя дорогая! На что намъ кровь? И какъ можно ограбить человѣка, деньги котораго — на текущемъ счету? Это — романтизмъ, милая! Это — Викторъ Гюго, это — Шиллеръ. Это — начало прошлаго столѣтія. Мы просто, честно и благородно отыграемъ у него наши собственныя деньги и потомъ — замѣйте: на нашъ счетъ, по первому классу, — отправимъ его въ тотъ пунктъ, который ему благоугодно будетъ намъ указать.

BLANCHE: — Вы отыграете! Но, вѣдь, нужно, чтобы онъ захотѣлъ играть?!

ДИРЕКТОРЪ: — Онъ захочетъ.

BLANCHE: — Но, вѣдь, нужно, чтобы онъ сѣлъ за столъ?

ДИРЕКТОРЪ: — Онъ сядетъ, — и это уже не ваша забота, моя дорогая. Ваше дѣло — привезти его сюда. Наше дѣло — все остальное.

BLANCHE: — Г. Директоръ! Онъ захочетъ играть, онъ сядетъ за столъ, тутъ есть что-то для меня непонятное, а я во всемъ люблю ясность...

ДИРЕКТОРЪ: — Ваша геніальность захромала, моя дорогая, но ладно! Я вамъ объясню, въ чемъ дѣло. На землѣ есть вещи, обладающія свойствами магнита. Это: женщины, деньги, слава, власть, алкоголь, игра. Игра — одинъ изъ самыхъ сильнѣйшихъ магнитовъ. Она притягиваетъ человѣка, она ласкаетъ, она обольщаетъ его надеждами и распаляетъ воображеніе и — слушайте меня внимательно. Нашъ русскій великъ не потому, что онъ выигралъ сколько-то тамъ миллионовъ. Это — ерунда, феерія, сонъ въ лѣтнюю ночь. У насъ часто выигрываютъ очень крупныя суммы и черезъ три дня проигрываютъ ихъ обратно. Русскій великъ потому, что онъ уѣзжаетъ завтра, что у него оказалась неслыханная выдержка! Русскій великъ потому, что у него нашлись силы преодолѣть магнитъ, обуздать жадность, перешагнуть черезъ жажду наживы. И вы знаете? Вотъ я разговариваю съ вами, сочиняю всякіе проекты, но въ глубинѣ души я во все не увѣренъ, что онъ уѣдетъ завтра! О, нѣтъ! Я не увѣренъ въ этомъ! У него — еще ночь впереди, за ночь утечетъ много воды, человѣкъ семьдесятъ семь думъ передумаетъ, завтра встанетъ, пройдетъ по набережной, и вдругъ у него засосетъ подъ сердцемъ: «А дай я еще попробую? Въ послѣдній разокъ?» Жадность человѣческая, дорогая актриса, не имѣетъ границъ и построена на желѣзныхъ законахъ! И вотъ, если онъ, завтра, захочетъ сыграть еще одинъ разокъ, самый послѣдненькій маленькій разочекъ, — тутъ ему и крышка! Тогда намъ съ вами не придется играть никакихъ комедій. Но, если за ночь ничего не случится, и если его психика не испытаетъ никакихъ измѣненій. — тогда онъ — великъ! Тогда я, — понимаете? — я низко снимаю шляпу и говорю: «Ты — великъ», а въ глубинѣ души думаю: «А, все-таки, я съ тобой еще поборюсь, дорогой мой!».

BLANCHE: — И туда, гдѣ самъ дьяволъ ничего не можетъ подѣлать, посылаете женщину?

ДИРЕКТОРЪ: — Умная женщина, дорогая моя, сильнѣй всѣхъ чертей, вмѣстѣ взятыхъ!

BLANCHE: — И вашъ выборъ въ данномъ случаѣ палъ на меня?

ДИРЕКТОРЪ: — Да, дитя мое!

BLANCHE: — Малоопытно, но лестно. У меня будетъ хорошій партнеръ?

ДИРЕКТОРЪ: — Отличный и въ этихъ дѣлахъ много разъ испытанный.

BLANCHE: — Ахъ, такъ? Значитъ, этотъ вашъ трюкъ — не новость?

ДИРЕКТОРЪ: — Дорогая моя, этотъ трюкъ — классическій, и старъ, какъ міръ.

BLANCHE: — Мое вознагражденіе?

ДИРЕКТОРЪ: — Если русскій будетъ доставленъ сюда, вы получите 200 тысячъ. Кромѣ того, вамъ сейчасъ же, по подписаніи контракта, будетъ выданъ особый авансъ на дополнительные туалеты, бѣлье, духи, обувь, на дорожные и всякіе иные непредвидѣнные расходы.

BLANCHE: — Все это — очень соблазнительно, г. Директоръ, но такъ для меня неожиданно, такъ ново, вносить такую путаницу въ мою жизнь, — что я у васъ прошу разрѣшенія подумать пять минутъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Ради Бога, дитя мое, думайте, размышляйте, а я примусь за составленіе контракта. Вотъ — папиросы.

(Blanche закуриваетъ, а онъ погружается въ писаніе. — Стукъ въ дверь).

ДИРЕКТОРЪ: — Войдите!

(Входитъ Трубочистъ).

ДИРЕКТОРЪ *(удивленно)*: — Тебѣ чего?

ТРУБОЧИСТЪ: — Изъ администраціи прислали осмотрѣть каминъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Что они тамъ, въ администраціи, съ ума, что ли, посходили?

ТРУБОЧИСТЪ: — Должно, бояться, какъ бы не загорѣлась сажа.

ДИРЕКТОРЪ: — Поди и пошли ихъ къ черту и скажи, что директоръ въ іюль мѣсяцъ не собирается топить каминовъ!

ТРУБОЧИСТЪ: — Г. Директоръ! Я — человѣкъ рабочий и, чортъ возьми, не могу таскаться по лѣстницамъ ради удовольствія вашей администраціи! Ужъ если я пришелъ, такъ я, чортъ возьми, займусь дѣломъ!

ДИРЕКТОРЪ: — А я тебѣ говорю, убирайся вонъ!

ТРУБОЧИСТЪ: — А я тебѣ говорю: не пойду. Я усталъ. Я долженъ отдохнуть. Сяду вотъ тутъ и буду отдыхать. *(Садится въ кресло противъ Blanche).* — Барышня курить и я покурю. Теперь времена демократическія, г. Директоръ, всѣ равны. А если вамъ хочется ругаться съ вашей администраціей, возьмите, вонъ, телефонную трубку и ругайтесь, сколько влѣзетъ. А я на барышню посмотрю... Кра-

сивенькая барышня. Вотъ жениться бы на такой, а?... Г. Директоръ! Вамъ хотѣлось бы жениться на такой, а?..

ДИРЕКТОРЪ: — Чортова кукла! Да ты что? Изъ сумасшедшаго дома-выскочилъ, что ли?

ТРУБОЧИСТЪ: — И чего ты злишься, г. Директоръ? Не злись, печенка лопнетъ... Небось, хотѣлось бы жениться-то на такой пташечкѣ? А? Да куда тебѣ? Старъ уже...

ДИРЕКТОРЪ: — Что за чортъ! (*Звонитъ*).

(*Входитъ Второй Служащій*).

ДИРЕКТОРЪ (*Показывая на Трубочиста*): — Возьми его за шиворотъ и выкинь сюю же минуту!

ВТОРОЙ СЛУЖАЩІЙ (*стоитъ удивленный, не двигаясь съ мѣста*).

ДИРЕКТОРЪ: — Альбертъ! Вы слышали мое приказаніе?

ВТОРОЙ: — Г. Директоръ! Но вы же сами мнѣ велѣли его привезти сюда?!

ДИРЕКТОРЪ: — Чортъ его знаетъ, что дѣлается! Одно изъ двухъ: или я — сумасшедшій или вы. Альбертъ, сумасшедшій! Я просилъ васъ привезти мнѣ артиста Бертрана!

АЛЬБЕРТЪ: — Это же артистъ Бертранъ и есть, г. Директоръ! Я ихъ отыскалъ на кинематографической съемкѣ, гдѣ они играютъ роль трубочиста и, такъ

какъ порученіе ваше было срочное, я ихъ такъ, въ гримѣ, и привезъ! .

(*Директоръ, удивленный, смотритъ на Бертрана*).

БЕРТРАНЪ (*начинаетъ олушительно хохотать*).

ДИРЕКТОРЪ (*Второму Служащему*): — Ступайте!

(*Альбертъ уходитъ*).

БЕРТРАНЪ: — А? Каково, г. Директоръ? Бертрана не узнали! Сколько же такому актеру надо платить денегъ?

ДИРЕКТОРЪ: — Разрѣшите вамъ представить: артистка Blanche. Артистъ Бертранъ.

БЕРТРАНЪ (*кланяется*).

BLANCHE: — Г. Директоръ! Ваше предложеніе я принимаю.

ДИРЕКТОРЪ: — Отлично. Разрѣшите тогда васъ еще разъ представить другъ другу. Это — ваша дочь, графиня де-Вольтиморъ, а это вашъ почтенный батюшка.

БЕРТРАНЪ (*вставая и церемонно раскланиваясь*): — Хотя я и не имѣлъ удовольствія знать вашей матушки, — тѣмъ не менѣе очень радъ и еще больше — польщенъ!...

З а н а в ѣ с ѣ

И. Сургучевъ

НА ПУТЯХЪ КЪ КАРСУ

Недавно исполнилось 75 лѣтъ со времени нашихъ побѣдъ надъ турками на Кавказскомъ фронтѣ въ сраженіяхъ при Башкадыклярѣ и Курюкъ-Дара, послѣдствіемъ которыхъ было взятіе Карса.

Въ Парижѣ А. А. Кульгачевъ, сынъ одного изъ героевъ этихъ боевъ, любезно выразилъ согласіе разсказать на страницахъ нашего журнала объ исключительномъ въ военной исторіи случаѣ атаки конной артиллеріи.

РЕДАКЦІЯ

Въ Башкадыклярскомъ бою нашей десяти тысячной Кавказской арміи пришлось атаковать второе сильнѣйшую турецкую, расположившуюся на высотахъ, на ранѣе выбранной и подготовленной позиціи. Мѣстность представляла громадную котловину.

Благодаря малочисленности, нашей арміи пришлось вести лобовыя атаки и нести крупныя потери.

Въ самый разгаръ битвы мы были отбиты по всей линіи. Въ виду малыхъ пѣхотныхъ резервовъ, положеніе наше становилось очень серьезнымъ и съ каждой минутой могло стать критическимъ.

Ключемъ турецкой позиціи являлась высота, находившаяся на правомъ флангѣ. Здѣсь турки поставили двѣ батареи.

Наше командованіе это сразу учло и направило для атаки высоты лучшія пѣхотныя части: Грузинскій гренадерскій и Эриванскій полки.

Полки шли въ атаку съ музыкой и развернутыми знаменами.

Первымъ атаковалъ Грузинскій гренадерскій полкъ, но, встрѣченный ураганнымъ огнемъ турецкихъ батарей, не прошелъ и половины разстоянія, потерявъ убитымъ командира полка и понесъ большія потери.

Тогда двинулся Эриванскій полкъ, дошелъ до высоты, но подняться не могъ и залегъ въ мертвомъ пространствѣ.

Противъ двухъ пѣшихъ турецкихъ батарей на нашемъ лѣвомъ флангѣ стояла 7-ая Донская батарея съ эскадрономъ Нижегородцевъ въ прикрытіи.

Командиръ третьяго взвода, хорунжій Кульгачевъ, наблюдая въ бинокль за ходомъ атаки, замѣтилъ, что турецкій баталіонъ, бывший сперва въ прикрытіи батарей, занялъ гребень высоты и, лежа, разстрѣливаетъ лежащихъ внизу Эриванцевъ, знамя которыхъ то падаетъ, то поднимается снова.

Кульгачевъ подошелъ къ командиру батареи, войсковому старшинѣ Долотину:

— Г. полковникъ, разрѣшите ихъ атаковать?

— Дать такого разрѣшенія я не могу, — отвѣтилъ Долотинъ, — но и не запрещаю; берите на свою отвѣтственность, и дай Богъ вамъ успѣха!

Благословилъ и поцѣловалъ Кульгачева.

— Пятое и шестое орудіе, въ передки, маршъ!

Турецкій правый флангъ былъ защищенъ горнымъ потокомъ, въ крутыхъ обрывистыхъ берегахъ, почему турки, считая его недоступнымъ, мало за нимъ наблюдали. Тѣмъ не менѣе движеніе нашихъ двухъ орудій не осталось незамѣченнымъ, и крайнее турецкое орудіе успѣло повернуть хоботъ. Раздался выстрѣлъ. Въ тотъ моментъ, когда переднее, пятое, орудіе подскочило къ пропасти, картечь угодила подъ ноги лошадямъ. Испуганные кони на карьерѣ сдѣлали невѣроятный прыжокъ, и орудіе по инерціи перелетѣло за ними.

Подскакавъ на картечный выстрѣлъ къ вытянувшемуся по гребню батальону, орудіе снялось съ передковъ и, прежде, чѣмъ его замѣтили, раздалась команда Кульгачева:

— Пятое... Пятое... Пятое...

Обстрѣливаемый продольно, батальонъ побѣжалъ, бросая ружья. Теперь все вниманіе Кульгачева было сосредоточено на томъ, чтобы не дать туркамъ остановиться и залечь въ кустарникахъ. Когда подскочило шестое орудіе, стало легче:

— Шестое!.. Пятое!.. Шестое!.. Пятое!..

Орудія, одно за другимъ, мѣняя позиціи, преслѣдовали турокъ, не давая имъ остановиться.

Турецкія батареи, слыша у себя въ тылу артиллерійскую канонаду, видя бѣгство своего прикрытія и очутившись передъ штыковой атакой Эриванцевъ, спѣшно потребовали передки, чтобы спасти орудія.

Видя это, эскадронъ Нижегородцевъ, составлявшій прикрытіе 7-ой Донской батареи, налетѣлъ съ фланга на турецкія батареи. Въ то же время подоспѣли Эриванцы.

Турецкая армія, послѣ взятія главной батареи, боясь обхода, начала отступленіе по всему фронту.

Вскорѣ, получивъ подкрѣпленія, наша Кавказская армія двинулась по направленію Карса.

На пути она столкнулась съ турками раньше, чѣмъ ожидала, и намъ пришлось на маршѣ, подъ огнемъ, развертываться въ боевой порядокъ. Этимъ, конечно, турки и воспользовались.

Много превосходя насъ численностью, они, не давъ намъ закончить перестроенія, бросили громадныя массы пѣхоты на нашъ лѣвый флангъ.

Какъ тучи, турецкій низамъ спускался съ горъ слѣва, съ цѣлью отрѣзать насъ отъ нашей демаркаціонной линіи.

Первой понеслась имъ навстрѣчу 7-ая Донская батарея, состоявшая при бригадѣ Нижегородцевъ и Сѣверцевъ.

По топографическимъ условіямъ мѣстности, а также потому, что турки повели глубокой обходъ нашего фланга, батареѣ пришлось на карьерѣ сняться съ передковъ передъ самыми линіями турецкой пѣхоты и открыть картечный огонь, какъ наиболѣе дѣйствительный, чтобы задержать наступленіе.

Батарея несла отъ ружейнаго огня турокъ огромныя потери. Подъ Кульгачевымъ была убита лошадь, шинель пробита тремя пулями.

Вскорѣ почти вся прислуга батареи была перебита или перерѣзана. Кони у зарядныхъ ящиковъ, оставшись безъ ѣздовыхъ, сами понеслись въ сторону турокъ и ихъ не кому было вернуть.

Два маркитанта, бывшіе при батареѣ, сѣвъ на лошадей, поскакали на перерѣзъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ турокъ, схвативъ лошадей за поводъ, вернули ящики батареѣ.

Батарея разстрѣляла всѣ снаряды. Прислуга перебита. Турки подходятъ взять батарею. Кульгачевъ подскочилъ къ Нижегородцамъ.

— Нижегородцы, турки берутъ ваши пушки, спасайте батарею!..

Нижегородцы и Сѣверцы дѣлаютъ одиннадцать атакъ и отбиваютъ орудія назадъ.

Атаки Нижегородцевъ и Сѣверцевъ на турецкія карре были настолько упорны, что сбили турокъ и принудили ихъ отступить.

А. Кульгачевъ

Портретъ

Римскій профиль, тонкій, гордый,
Сухощавая фигура.
Взглядъ рѣшительный и твердый.
Брови, сросшіяся хмуро.
Вся осанка, обликъ цѣлый
Дышетъ мощью затаенной...
Вѣетъ силой духа зрѣлой,
Вѣетъ волей непреклонной
Отъ суровыхъ чертъ античныхъ,
И отъ губъ, сомкнутыхъ строго.
Свѣтлыхъ, честныхъ, энергичныхъ,
Да, такихъ людей не много!

Этихъ глазъ, блестящихъ, смѣлыхъ,
Близость смерти не смущала,
И матросовъ озвѣрѣлыхъ
Слово властное смиряло.
Кто жъ не помнитъ о героѣ,
Какъ одинъ, съ толпою споря,
Онъ оружье золотое
Гордымъ жестомъ бросилъ въ море!
Этотъ рыцарь величавый
Выше всѣхъ былъ головою,
Не искалъ онъ блеска славы,
Но отмѣченъ былъ судьбою...

М. Волкова

КАЗАКИ-ДЖИГИТЫ



Въ Европѣ пользуется большимъ успѣхомъ группа джигитовъ есаула Донского Войска Н. А. Юркова.

Выступивъ впервые въ 1925 году въ Парижѣ на стадионѣ Бюфало, группа съ неизмѣннымъ успѣхомъ джигитовала въ рядѣ городовъ Франціи, Англіи, Бельгіи, Испаніи, Голландіи, Германіи, Люксембурга.

Печать всѣхъ странъ отмѣчаетъ казачью лихость и отвагу и безукоризненно четкое исполненіе предлагаемыхъ вниманію зрителей военныхъ сценъ.

Поздравляемъ молодцовъ джигитовъ съ заслуженнымъ успѣхомъ.

НА ДЖИГИТОВКѢ

Встрѣчаютъ аплодисментами. Играетъ музыка, и строй казаковъ на красивыхъ коняхъ шагомъ проходитъ мимо заполнившей трибуны толпы.

Остановились. Съ фланга выскакиваетъ казакъ, срывается съ мѣста второй, третій... Быстрымъ, едва уловимымъ движеніемъ на полномъ скаку коснулся земли и снова въ сѣдлѣ.

Скачетъ съ гикомъ джигитъ, стоя на подушкѣ, бросивъ поводъ. Рука подъ козырекъ. Другой... Приложился головой къ шеѣ лошади, ноги вверхъ... Третій совсѣмъ свисъ съ сѣдла, головой чуть не касаясь земли. А тамъ еще и еще: свѣсившись, поднимаетъ съ земли платокъ или, описавъ въ воздухѣ, около шеи лошади, полукругъ, ловкимъ броскомъ снова садится на крупъ.

Разнообразные номера быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ.

Антрактъ.

— Epatant!

— Impossible! — Слышится въ публикѣ.

Снова гремитъ музыка... Бѣшено несутся два коня. На плечахъ сидящихъ стоитъ казакъ съ русскимъ флагомъ въ рукахъ.

Слѣдующей парой управляетъ одинъ, стоя и непрерывно стрѣлая изъ ружья.

Скачетъ лошадь безъ всадника. Въ публикѣ недоумѣніе. Въ концѣ поля вдругъ изъ-подъ живота вылѣзаетъ казакъ и мчится дальше, какъ ни въ чемъ не бывало.



Большой успѣхъ имѣетъ живая сценка изъ военной жизни: увозъ раненаго, подъ обстрѣломъ.

Вотъ и главный номеръ — большая пирамида. Публика затаила дыханіе. На пяти лошадяхъ, въ три этажа стоятъ люди, и широкимъ наметомъ несется буйная пятерка подъ восторженный нарастающій гулъ толпы.

Эффектенъ послѣдній номеръ: прыжки черезъ высокій огненный барьеръ.

Затѣмъ строится фронтъ, и джигиты карьеромъ подходятъ къ главной трибунѣ. Здѣсь мэръ города, начальникъ гарнизона, официальные лица, пресса.

Главный отдаетъ честь, и подъ оваціи публики, справа рядами, окруженные толпой, проходятъ по улицамъ города гордые всадники на красивыхъ и тоже гордыхъ лошадяхъ.

НА ДРЕВНЕМЪ РУБЕЖѢ

Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье,
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.

Лермонтовъ

I

Набатъ сразу всѣхъ всполошилъ: всю станицу Привѣтную поднялъ на ноги.

Дон! Дон! Дон!.. бурно врывался онъ въ жилища, швырялъ оттуда людей и гналъ къ станичному правленію. Всюду стучали калитки, сердито топали ноги, круто скрипѣлъ снѣгъ.

— Опять какіе-нибудь делегаты пріѣхали?! — метнулся съ крылечка Малогриценко въ шумно бѣгущую улицу. — А, можетъ, абреки переправились или пожаръ? — мелькнуло у него въ головѣ. Онъ закинулъ за спину винтовку, схватилъ вилы, ведро и нырнулъ въ человѣческій потокъ.

— Дуня! Дуня! Лаврушка едутъ приѣзжать. Коврикъ въ бою раздобылъ. Наши, грить, съ большаками разнесли всю Чечню! — кричала сквозь плетень вооруженная австрійскимъ карабиномъ бабенка Мотыка, пріостановившись на бѣгу. Во дворѣ стройная молодая баба перестала выбивать перину и заговорила что-то въ отвѣтъ, размахивая руками.

— О, Господи, Владычица, некаца свѣтопреставленіе зачинается... — трусила рысцей старушка въ сопровожденіи внука и внучки.

— Безпремѣнно чечены заграбастали табунъ Лукина! Пропала моя кобыла! — громко вздыхалъ жирафоподобный Моисей.

— Я тебѣ говорила, пусти въ казачій! — возражала дражайшая половина.

— А вдругъ его-то слизнули! — огрызнулся мужъ.

— Большаки хуже чеченовъ! А?.. Куда гнетъ?!

— Лукинъ-то? Извѣстно, старый крижимъ! Нѣшто куманисты не православные христіане? — переговаривались два пожилыхъ казака, заряжая на ходу берданы.

— Христіане! — бросилъ раздраженно Демьянъ, но слово такъ и запуталось въ его густой широкой бородѣ.

— Эхъ! Почти цѣльный годъ бѣгаемъ. Какъ прилетѣли съ красными флагами, шабашъ! Съ того дня пошла бѣготня! Хотя бы скорѣй генераль Корниловъ приходилъ! — ворчалъ, поднимаясь по ступенькамъ правленія Малогриценко. Ведро и вилы онъ оставилъ подъ заборомъ.

— Станичники! — обратился атаманъ къ стѣснившимся въ правленіи казакамъ, — вы видите, кругомъ разгорается война. Всюду формируются сотни для охраны Терека. Намъ фантазить нечего: не то, пока по-

чухаемся, отъ станицы одни угольки останутся. Согласны, станичники?

— Согласны! Согласны! — загудѣло вокругъ.

— Только напередъ слѣдуетъ всѣмъ міромъ послушать Лаврушку. Какую болячку они тамъ разбередили?

Не успѣлъ онъ кончить, какъ рыжеватый, ниже средняго роста казачекъ, въ защитномъ френчѣ, завертѣлся на серединѣ. Грудь его украшала георгиевская медаль, но общее вниманіе привлекала огромная на носу бородавка.

— Опять, нечистый духъ, прохлаждаешься! Наши мужья измаялись на службѣ, а ты все телушекъ цыганишь, лупоглазый! — обрушилась на него внушительная беременная баба.

— Гражданка станичница, прошу не тыкать делегата полкового комитета. Это вамъ не царизма... — огорошилъ онъ сосѣдку.

— Матрена, не гуди! Говори, Лавра, что ты развѣялъ по станицѣ? — напомнилъ о себѣ атаманъ.

Казачекъ пріосанился, повелъ глазами по кругу.

— Мы были отъ полка въ Степной, пріѣхали за обѣщанной обществомъ скотиной. Въ это время гудятъ изъ Душнаго по телефону, будто чечены грабятъ городъ. Вразъ ударили въ колокола, и вся станица валомъ двинулась на выручку. Проходимъ полъ-дороги въ Курганскую, а тамъ солдаты кишмя кишатъ! «Отклева?», спрашиваемъ.

— «Изъ Душнаго», отвѣчаютъ: «Идемъ на выручку, Степную чечены грабятъ»...

— Что за притча? Они насъ выручать, а мы ихъ. Казаки затормозились, загомонили. Въ этотъ самый часъ въ самую котловину ввозятъ на повозкѣ бочку чихиря. Глядь, а на ней товарищъ съ краснымъ бантомъ. Снялъ картузь и кричитъ:

— «Долго насъ, товарищи, грабили чечены, нехристы окаянные. Васъ, грить, казаки, при старой режимѣ на ихъ не спускали... А почему? — Деньги да маслу офицеры отъ нихъ подхватывали. Теперь, ребята, слобода и, значить, гайда на орду!» А въ эту время уже чихирь цибаркой отмѣряютъ, и всѣ дуютъ, какъ быки, прямо изъ ведеръ. Только энтотъ кончилъ, на бочку, какъ чертъ изъ трубы, другой залетѣлъ. Вертится этакъ съ вывертомъ, носъ съ огурецъ, патлы, какъ у барана, въ глазахъ ровно бѣсы изворачиваются, кричитъ, раздирается:

— «Товарищи, мы васъ ослободимъ! Наши товарищи, товарищи, идутъ съ турецкава фронту. Мы всю орду, товарищи, по косточкамъ разнесемъ!»

— «Ну», гуторятъ казаки: «разнесемъ, такъ разнесемъ», а сами раздумокъ въ головѣ держатъ. Какъ бы, дескать, не ожечься...

Тутъ, видя такую нашу навигацію, кто-то изъ самой гущи какъ зареветъ, будто его колесомъ переѣхало: — «Мѣшкать», кричитъ, «нечего! Надо завоевы-

вать православнымъ Кавказъ, пусть расейскіе поживутъ да въ золотѣ походятъ. Ордѣ капутъ!»

Ну, и двинулись. Всѣхъ ближе отъ Курганской ауль Чепкенъ-юртъ; за горой растянута. Идемъ тихонько. Темно, какъ въ дулѣ, а солдаты все «не робь, да не робь» казакамъ. Дескать, наша пришла и баста. Подошли, а тамъ мертвымъ мертво. Мы какъ дунемъ залпомъ! Подняли на ура и пошелъ и пошелъ. Чечены съ марушками да чеченятами, какъ изъ пламя, знай выхватываются и всѣ внизъ, прямо въ балочку, тамъ въ лѣсъ. Пока съ края пострѣляли, ауль весь вытекъ... Пострѣляли, — отместили, значить, за нашу старую кровь, потомъ коврики, тазики, все такое, стало по рукамъ, и маршъ, кто куда. Я всю ночь бѣжалъ, ажъ духъ перехватило», закончилъ докладчикъ при напряженномъ молчаніи станицы.

— А про свой коврикъ — молчекъ, нечистая сила! рванулась Матрена.

— Команду у васъ кто держалъ? перебилъ ее Демьянъ.

— Офицеры насъ продали, потому съ чеченами воевать не желаютъ. Мы сами собой командовали. Мы, фронтовики, скоро объявимъ войну всему Кавказу — пусть только съѣдутся делегаты наши — мигомъ зачнемъ.

— Сколько васъ тама воиновъ, что такъ ерепени-тесъ? спросилъ Моисей.

— Насъ не особенно, а вотъ, ѣдутъ солдаты съ Кавказскава фронту, они одними брондевиками растолкутъ горы въ камешки»...

— Гм... солдаты... солдаты... Съ энтова фронта бѣжать, а на этомъ зацѣпятся? Кому ты, дуракъ, глаза заливаешь? насѣдалъ Моисей.

— Чего съ нимъ балясы разводить?! Коврики, антихристъ, азіатскіе таскаетъ, а намъ за нихъ конями да коровами отдуваться?! бурей поднялась Матрена.

— Въ полкъ его! Въ полкъ! Въ Душный! Незамай служить, а не раскатываетъ делегатчикомъ! — кричали возбужденные казаки.

— Слышь, Лавра, нынче же маршъ въ Душный, чтобъ и духомъ твоимъ здѣсь не того, не то продержу въ крысятникѣ, да какъ всыплю по двадцатое... — и атаманъ поднесъ къ бородавкѣ пудовый кулакъ.

— А теперь, господа старики, надо подумать, кого просить въ командиры.

— Чего долго раскидывать? — Есаула Ивана Петровича Лукина, — выпалилъ Демьянъ, оглаживая бороду.

— Я супротивъ ничего не имѣю, только онъ взялъ изъ полка отпускъ, съ казаками, говорятъ, не того — по своему гнетъ.

— Намъ такихъ командировъ и держаться, — прозвѣлъ подъ потолкомъ Моисей.

Вдругъ въ середину вынырнулъ Лаврушка.

— Граждане станичники! Мы ни разу Лукина въ комитетъ не выбирали, мы ему недовѣрію выкинули, а вы его въ командиры сучите! Мы, фронтовики, ваши станичники, этого выбора не переживемъ!

— Въ полкъ его! Въ шею! Въ шею! — загремѣ-

ли со всѣхъ сторонъ голоса, и уже неуклюжія руки потянулись къ оратору, но... его и слѣдъ простылъ.

— Господа старики, пошлемъ помощника или пойти мнѣ самому къ Ивану Петровичу? — спрашивалъ атаманъ.

— Самъ иди! Самъ! — раздалось въ отвѣтъ.

Въ это время на пофыркивающемъ статномъ жеребцѣ подъѣхалъ Лукинъ. Спрыгнувъ, онъ бросилъ поводъ выскочившему казаку. Въ серединѣ, между скамьями и столомъ президіума, Лукинъ остановился и слегка поклонился. Темносиняя черкеска свободно, однако, чрезвычайно ловко охватывала его гибкую талію.

— Пуля, — шепнула въ углу бурка.

— Дастъ пить, — согласился тулупъ.

— Господинъ есауль, — опираясь на булаву, грузно поднялся атаманъ: — всѣ станицы на-чѣку и нашей разгадывать не приходится: не чеченцы, такъ большевики, или съ двухъ сторонъ начнутъ шпаригъ. Казаки у всѣхъ бѣльмо на глазу. Такъ, вотъ, Иванъ Петровичъ, по примѣру сосѣдей и мы рѣшили формировать сотню, а васъ просимъ командиромъ. Просимъ васъ, какъ боевого офицера, принять команду. — При этомъ глава станицы стстранилъ перначъ и началъ испытующе смотрѣть на есаула. Онъ, какъ будто, осторожно изслѣдовалъ его.

— Клянюсь, господа старики, за довѣріе. Долгъ каждаго — грудью защищать родную колыбель...

Лукинъ глянулъ къ двери.

Глаза его встрѣтились съ пристальнымъ взглядомъ красавицы Дуни. Огоньки вспыхнули въ тѣхъ и другихъ... и мгновенно что-то шевельнулось въ глубинѣ его сердца. Отъ этого движенія по всему тѣлу разошлась волна; за ней хлынула другая, третья... и вдругъ онъ почувствовалъ, какъ это что-то, стихійно разрастающаяся, заполняетъ его сердце, грудь... Все существо его наполняется мощью, онъ весь преобразается подъ разгорающимся взглядомъ этой молодой женщины.

— Сердечно благодарю за довѣріе; сотню я приму, если въ основу ея организаціи будутъ положены воинскіе уставы, а мое начальство изъяснитъ согласіе...

— Уставы мы сами напишемъ! просунувшись изъ толпы, выкрикнулъ молодой бѣлобровый подхорунжій, украшенный георгіевскими крестами.

— Чрезвычайно радъ познакомиться со столь образованнымъ станичникомъ, — повернулся къ нему Лукинъ.

— Я малограмотный, я за храбрость... нырнулъ тотъ обратно.

— Видите ли, господа, руководствоваться положеніями, составленными грамотѣями, въ родѣ подхорунжаго Якушкина, врядъ ли кто согласится...

— Чего Семка мелеть... Чего будетъ писать? Сукъ, крюкъ, да бирюкъ. На козлахъ у командира кресты высидѣлъ! — стукая палкою о деревянный полъ, кричалъ изнуренный лихорадкою, нервный Пахомъ.

— На фронтѣ, какъ зачалъ вашъ братъ уставы писать, такъ у Россіи суставы трещать! пронзилъ уши Моисей.

— Тише, станичники! позвонилъ атаманъ въ разбитый колокольчикъ.

— Какъ же, Иванъ Петровичъ? На васъ вся надежда. Просите, господа старики!

— Иванъ Петровичъ, просимъ! Просимъ! Просимъ! загудѣло со всѣхъ сторонъ и врывалось съ улицы.

— Просимъ нашимъ командиромъ!

— Мои условія вамъ извѣстны, прорѣзалъ шумъ есауль.

— Господа старики, надо сейчасъ выбирать депутатовъ къ начальству, согласны? загорѣлся атаманъ.

— Просимъ! Согласны!

— Кого же, станичники?

— Дядю Мосея! Стожка! Стожка, онъ говоритъ!

— Петра Ивановича да Моисея Ёмича? спрашивалъ атаманъ, выискивая глазами кандидатовъ.

— Да! да, дядю Мосея! Стожка! Стожка!

— Петръ Ивановичъ и Моисей Ёмичъ, общество просить васъ ѣхать депутатами къ начальству...

— Я, пренеизмѣнноуважаемые, какъ вообще говорится, завсегда радъ послужить родному общественному призванію, — поглаживая рѣденькую сѣдую бородку, изъяснилъ согласіе маленькій, толстый Стожокъ.

— Я тоже не прочь, — примкнулъ второй изъ бранникъ.

— Еще разъ благодарю за довѣріе. До исхода отпуска я буду ждать, а тамъ обратно въ полкъ. Если къ этому времени придетъ разрѣшеніе, мы еще дополнительно потолкуемъ кое о чемъ, а пока честь имѣю кланяться, — кивнулъ головою Лукинъ и быстро вышелъ, надѣвая на ходу папаху.

— Добрый вечеръ, кума! Какъ живешь? поздоровался онъ съ Мотькой.

— Спаси Христось, кумъ! Мужа въ полкъ вытурила, сама хочу поступить въ сотню, али не примешь? оскалила зубы бабенка.

— Для тебя бабью сформируемъ! улыбнулся Лукинъ, направляясь къ дому.

— Солдатъ! Солдатъ! Черта продалъ! дразня Мотьку, припрыгивали вокругъ нея казачата.

— Какая ты ему кума? спросила Мотьку Дуня.

— Въ хороводѣ плясавши, впотѣмахъ кому-то наступила на ногу, да какъ ругнулась эдакъ съ узелкомъ, по казачьи. Глядь, будь ты неладная! Иванъ Петровичъ стоитъ! Разсмѣялся: «кума», говоритъ, «будешь»... А я со стыда чуть иголкой сквозь землю не прошла...

Тутъ, прикрикнувъ, Мотька припугнула плетью назойливыхъ дѣтишекъ. «Кумъ съ кумою...», подмигнула бабенка, забрасывая за спину карабинъ.

Вдругъ порывисто она обняла Дуню, поднялась на носки и потянулась поцѣловать.

— Ахъ ты, анчутка! разсмѣялась красавица, отталкивая подругу.

II

Лукинъ засталъ въ столовой совѣщаніе родственникововъ. Присутствіе посторонняго кряжистаго полковника Степана Ивановича Усова подчеркивало важность совѣщанія. Пожавъ руки, онъ сѣлъ между мужчинами.

— Видишь, Иванъ, два враждебныхъ лагеря? Австрійскіе окопы, — указалъ Усовъ вдоль тахты на жен-

скую половину, — и наши, — отсѣкъ онъ сидящихъ на стульяхъ, — а въ серединѣ Днѣстръ, — ткнулъ полковникъ въ самоваръ. — Онъ противъ, мы за принятіе тобою сотни. Бери смѣло: натяни — отпусти, натяни — отпусти. Впрочемъ, самъ знаешь, какъ дѣлается. Но помни: терскіе казаки между молотомъ и наковальней; большевики готовы насъ въ порошокъ, съ горами тоже ухо остро держи.

На-дняхъ у меня, проѣздомъ въ гор. Благодатный, былъ князь Асултанъ Чахчиевъ. «По всѣмъ ауламъ», — говоритъ, — «разѣзжаютъ агитаторы — призываютъ стереть казаковъ». А Лаврушка что поетъ? Вѣдь, это голосъ первоочередныхъ полковъ. Однимъ словомъ, большевики травятъ насъ другъ на друга: рѣжьтесь, дураки, а въ подходящий моментъ мы всѣхъ осѣдлаемъ. Сотню бери, да смотри въ оба, — и, нѣсколько откинувшись, онъ привычнымъ движеніемъ ловко заправилъ сѣдые усы за маленькія уши.

— А ты, мама?

— Тебя, Ваня, не передѣлаешь. Будь живъ отецъ да Митя, я бы не такъ боялась...

— Откажись, соколикъ! Откажись, родимый!.. Еще не принялъ, а уже бабы языки распустили: продашь, у тебя тѣмъ кунаковъ! доставая изъ голландской печки жаренаго фазана, заголосила младшая сестра матери — тетка Настя.

— Бабы! Хотите прапора какого въ командиры али Семку?!. перебилъ дядя Потапъ, засучивая рукава черкески.

— Ваня въ бабьихъ совѣтахъ не нуждается, самъ разберется въ дорогахъ, — крутнула въ противоположную сторону тетка по отцу Степанида Ивановича: — Намъ за его здоровье выпить да женить скорѣй. Родъ Лукиныхъ-то на исходѣ... Папаша правнуковъ не дождался, — глянула тетка на большой портретъ отца.

Красивый полковникъ въ черной черкескѣ, эпопѣтахъ, украшенный орденами за три военныхъ кампаній, весело глядѣлъ со стѣны на совѣщаніе, будто участвуя въ немъ лично.

Напротивъ него находилась фотографія семьи императора Николая II. Государыня Александра Ѳеодоровна сидѣла въ креслѣ, правѣе. Въ мундирахъ своего конвоя, стоялъ царъ съ наслѣдникомъ, а лѣвѣе въ бѣлыхъ платьяхъ сіяли великія княжны. Невольно разговоръ притихъ.

И, вотъ, по гладкому полю тишины заструилась грустная мелодія самовара. Она медленно текла, наполняя комнату тоскою и, печальная, уходила въ невѣдомую даль.

— Пресвятая Владычица, спаси и сохрани, — тяжело вздохнула тетка Настя, смахивая кончикомъ платка показавшіяся слезы.

— Эхъ! крикнулъ съ горечью Усовъ.

— Все отнято, разбито, заплевано... Одно утѣшеніе осталось — пѣсня. Давайте чихиря выпьемъ да споемъ, — проговорилъ Лукинъ.

— Изъ стакановъ пить, что козловъ доить: одна возня... Ну-ка, сударушку чашку, — набивая трубку, процѣдилъ Усовъ.

Скоро фаянсовый ковшъ, наполненный душистымъ мускатомъ, отъ полковника двинулся по солнцу вокругъ стола.

— Тетя Степа, пѣсенку бы...

— Какую, Ваня? подмигнула тетка на мать.

— Ну ихъ, съ весельями: двухъ лѣтъ нѣту, какъ брата въ гробу привезли, а ты — пѣсни, — будто издалека прозвучаль голосъ матери, все время молчаливо глядѣвшей на сына.

— Что ты, Надя?! Митю мы не забываемъ, чтимъ память, а Ванѣ пожить надо, человѣкъ онъ молодой. Пѣсня душу очищаетъ, а сердце крылитъ...

— Дядя Потапъ, «Нѣту, нѣту въ полѣ травушки».

Урядникъ откашлялся и запѣлъ высокимъ баритономъ:

Гой, да нѣту, нѣту такой въ полѣ травушки,

Чтобы травка безъ цвѣтовъ цвѣла...

Дружно подхватили всѣ:

Гой, да нѣту, нѣту такой въ свѣтѣ матушки,

Чтобы по сыну мать не плакала.

— Ты дитя ли мое да родимое дитятко,

Не гонися во чины, во больши чины...

Гой, да какъ большіе чиночки, да родимое

дитятко,

Больши чины со знаменами впереди идуть,

Впереди идуть — перву чару пьютъ...

Гой, да какъ первая чарочка, да родимое

дитятко...

Хваталь за сердце запѣвало:

Перва чара — пуля быстрая...

Разстилались остальные голоса:

Гой, да какъ вторая чарочка, да родимое

дитятко —

Втора чара шашка вострая...

Закончили они протяжно... Крупныя слезы, сверкая, медленно катились по блѣднымъ, изрѣзаннымъ морщинами щекамъ Надежды Петровны.

— Ничего, мама, ничего, успокойся, — обнимая старушку, говорилъ Лукинъ.



Дон! Дон! Дон! вдругъ застоналъ колоколъ.

— Господи Иисусе, некача чеченцы, — перекрестилась Степанида Ивановна и глянула въ окно. Вплотную къ дому сплошной стѣной стояла непроницаемая темнота.

Лукинъ мгновенно исчезъ въ свою комнату, откуда тотчасъ вернулся съ двумя карабинами, опоясанный патронташемъ.

— Брось, Иванъ, вѣроятно, делегаты, — спокойно выбивая трубку, попытался сгладить ревъ набата Усовъ.

— Вы оставайтесь, а мы побѣжимъ, — проговорилъ Лукинъ, вооружая дядю, и они выскочили. Вдали, пронзая ночь, слабо мерцаль керосиновый фонарь, указывавшій сборный пунктъ.

— Думаютъ, казаки въ полѣ выросли! кричалъ

изъ толпы Пимень, когда они втиснулись въ правленіе.

— Экіе умники! Мы деньги будемъ выпускать, а вы, дураки, за нихъ свое добро вытряхивайте! вопилъ изъ тулупа Климъ, точно его душили за горло. Около стола Лукинъ увидѣлъ двухъ незнакомыхъ мужчинъ. Перешептываясь, они съ тоскою проглатывали горькія казачьи пилюли.

— Позавчера одни требовали не признавать войсковую власть, нынче деньги выпускать, а завтра собираются все дѣлать! Довольно въ ступѣ воду толочь! крикнулъ Малогриценко.

— Господа старики, прошу занять скамьи! позволилъ атаманъ: — Предлагаю выбрать предсѣдателя...

— Командира сотни! Есаула Лукина! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Прошу изложить сущность вашей миссії, — обратился есаулъ къ старшему.

— Мы, граждане станичники, не виноваты за позднее появленіе... Поѣздъ, видите ли, задержали ваши сосѣди, въ полкъ провожались... Вино, стрѣльба, пѣсни..., а намъ завтра быть въ Душномъ съ отчетомъ.

— Ближе къ дѣлу! крикнулъ Малогриценко.

— Нѣтъ, здѣсь необходима постепенность, — поднялъ тотъ пенснэ на перебившаго: — Видите ли, граждане, города въ данное время переживаютъ денежный кризисъ... Вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, государственный банкъ не въ состояніи удовлетворять нужду. Посему совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ города Душнаго рѣшилъ, для нуждъ края, выпустить свои денежные знаки... Мы делегированы узнать мнѣніе гражданъ станичниковъ, то-есть, будутъ ли казаки ихъ принимать...

— Гм.... Если каждый городъ начнетъ выпускать, придется и намъ, господа старики, заняться этимъ дѣломъ, — пищаль Ѳедотъ, продираясь изъ корридора: — Господинъ предсѣдатель, прошу слова, — клюнулъ онъ пальцемъ Лукина: — А если мы свои выпустимъ, вы ихъ примете?! Будете за нихъ отпускать намъ сахаръ, ситецъ, купоросъ?

Э... э... э!... Этого молодого кавалера я знаю! Его въ Душномъ изъ городской школы выгнали, у инспектора пальто поперъ. Я сторожемъ тама служилъ! Помнишь, какъ на улицѣ поймали?! Тогда твоя морда отъ кулаковъ посинѣла, а теперь ты красный!

— Вотъ это делегатъ! раздалось изъ угла.

— Мы ничего, господа старики, мы только хотѣли узнать ваше мнѣніе, — сконфуженно бормоталъ старшій.

— Нечего, дѣдушка, таскаться, да языками шлепать! Вчера однимъ послали свое заключеніе, сегодня оно вамъ понадобилось, завтра еще кто-нибудь придетъ разводить антимонію... Да что намъ — дѣлать больше нечего?! Лѣсъ рубить вы за насъ будете? На совѣты у насъ времени нѣту, мы не облакаты! обрушился дядя Моисей.

— Вполнѣ понимаемъ, граждане! Извините за безпокойство, — озирался старикъ, въ сопровожденіи рокового спутника покидая собраніе.

— Нарядчикъ, проводи ихъ на постоялый дворъ! крикнулъ атаманъ подростку парню...

— Хоть колоколь разбейте, все равно больше до утра не поднимусь! громко заявил Пахомъ, прикуривая отъ лампы.

— Вѣдь, это спать приходится по зайчиному: одинъ глазъ закрылъ, другой на сторожѣ! Господа старики, давайте установимъ очередь: нынче одна улица бѣгаетъ, завтра другая, — предложилъ Моисей.

— Заведи, какъ разъ влипнешь! У тебя пожаръ

или абреки подъ носомъ, а ты будешь — не мой чередъ!.. Спокойной ночи, старики... Утро вечера мудренѣе, — говорилъ атаманъ, вручая лампу малолѣтнему сторожу.

— Смотри, какое утро! — спускаясь по сходнямъ, разсуждалъ Демьянъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

П. Ергушовъ

СТАРОМУ КОМАНДИРУ

Не билъ барабанъ передъ
смутнымъ полкомъ. . .

Скончался Семень Васильевичъ Буровъ.

Сибирскій казакъ поселка Ульбинскаго Усть-Каменногогорской станицы.

По окончаніи въ 1881-мъ году Сибирской военной гимназіи, С. В. поступилъ въ Александровское военное училище и, произведенный въ офицеры, началъ службу въ 3-мъ Сибирскомъ казачьемъ полку, въ Зайсанѣ, на границѣ съ Китаемъ.

Изъ полка въ Войско, въ Усть-Каменногогорскъ, въ станицы третьяго отдѣла, на Иртышъ, вверхъ по Иртышу, на линіи Бійскую и Бухтарлинскую. Изъ Войска снова въ полкъ. И такъ вся служба.

Прекрасный строевой офицеръ. Командиръ сотни. Съ сотней командировка по границѣ. Походъ въ Горномъ Алтаѣ черезъ высокіе снѣжные хребты, въ мартѣ. Командировка эта засчитана за военный походъ; такова «мирная» служба казаковъ.

Въ 1900-1903 г.г., на выборахъ въ совѣтники Войскового хозяйственнаго правленія, — тогда этотъ послѣдній остатокъ широкаго казачьяго самоуправления еще существовалъ въ Сибирскомъ войскѣ, — выставляютъ его кандидатуру; но Семень Васильевичъ отказывается: онъ — строевой офицеръ.

Кавалерійская Школа въ Петербургѣ. Производство въ штабъ-офицеры. Въ 1908-1909 г.г. С. В. командуетъ дивизіономъ Забайкальскаго казачьяго полка, въ Омскѣ и отсюда въ 1910-мъ году получаетъ назначеніе командиромъ 2-го Сибирскаго казачьяго полка, въ составѣ отдѣльной Сибирской казачьей бригады.

Джаркентъ. Вѣрный. Семирѣчье.

Время перестройки всей Россійской арміи. Казачьи полки отъ пограничной постовой службы разбросанными на тысячу верстъ по сотнямъ, а то и по взводамъ, объединяются въ сотни и собираются цѣлыми полками въ бригады. Время усиленныхъ занятій и строевой подготовки, спорта, соревонованія.

Семень Васильевичъ — командиръ, начальникъ, учитель, руководитель, другъ. Вечеръ — въ военномъ собраніи. Раннимъ утромъ — въ сотняхъ. Кто не помнитъ его «Березку»? Скромный человекъ, скромная,

но и серьезная работа. Полкъ всегда на высотѣ положенія, получаетъ бригадные призы.

Великая война.

На Кавказъ. Участіе въ дѣлахъ бригады, получившей отъ великаго князя Николая Николаевича названіе желѣзной. Но — горныя условія, и слабыя легкія командира полка, слабыя за всю службу, не выдерживаютъ. Приходится эвакуироваться.

Тифлисъ. Омскъ. С. В. — предсѣдатель Войскового хозяйственнаго правленія. Помощникъ наказнаго атамана. Упраздненіе должности. Отставка. Крымъ. Юго-востокъ Европейской Россіи. Донъ. Встрѣча съ Войсковымъ атаманомъ генераломъ П. Н. Красновымъ, сослуживцемъ по бригадѣ, бывшимъ командиромъ 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеевича полка. Работа на сельско-хозяйственной Донской Войсковой фермѣ.

Во время правленія адмирала А. В. Колчака С. В. пробирается въ Сибирь. Войско уполномочиваетъ его на закупки товаровъ во Владивостокѣ. Съ концомъ заготовокъ, съ отступленіемъ армій на востокъ, до Приморья, жизнь на Улиссѣ, въ окрестностяхъ Владивостока.

Личное дѣло — огородъ.

Отступление. Выходъ изъ Россіи. Манчжурія. Гиринъ. Одинокая жизнь. Цицикаръ. Хайларъ. Вызовъ бывшими молодыми сослуживцами по полку А. П. и В. П. Михайловыми въ Корею.

Въ декабрѣ 1928-го года С. В. ѣдетъ въ Корею. Тамъ — огородъ, садъ, своя атмосфера. Пріятный посильный добровольный трудъ. Но климатъ дѣлаетъ свое дѣло.

Скончался Семень Васильевичъ и похороненъ въ мѣстечкѣ Хокушинѣ.

Не билъ барабанъ. Не трубили трубачи. Не было и полка. Но была добрая память о покойномъ и любовь къ нему. И осталась.

Доблестный командиръ полка, скромный офицеръ, справедливый начальникъ, стойкій казакъ, вѣрный другъ, хорошій человекъ. Царство ему Небесное. Вѣчная память.

А. Г. Г.

Китай.

Письмо съ Кубани

... Сегодня я имѣлъ счастье получить отъ тебя письмо, за которое сердечно тебя благодарю. Изъ письма я узналъ, что ты до сихъ поръ находишься во Франціи...

Сообщаю тебѣ, что я, а также и мое семейство пока всѣ живы и здоровы. Поздравляемъ тебя съ Рождествомъ Христовымъ и желаемъ тебѣ провести эти праздники въ наилучшемъ видѣ, а намъ провести эти праздники не знаю, какъ придется, такъ какъ до Рождества еще четыре дня, а у насъ здѣсь, въ СССР, а въ частности и въ станицѣ Л., жизнь съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе.

Два дня тому назадъ насъ здѣсь такъ ободрали, что просто ужасъ; забрали послѣднихъ лошадей, коровъ, свиней, гусей и куръ. Забираютъ изъ хатъ мебель, одежду, а за хлѣбъ и говорить нечего: его у насъ забрали еще въ августѣ. Часто заскакиваютъ уполномоченные по хлѣбозаготовкѣ и, какъ только найдутъ какую горсть муки или зерна, забираютъ безъ разговору, денегъ не платятъ, такъ что нужно считать за счастье, если и придется праздновать въ своей хатѣ, а то такъ и жди, что придутъ и скажутъ: «освободите помѣщеніе», такъ какъ случаевъ уже много.

Ты подумаешь, что эта участь у насъ постигла всѣхъ жителей. Нѣтъ, это жизнь такая нашимъ лишен-

цамъ и кулакамъ, а ихъ здѣсь много, въ списки которыхъ попалъ и я.

Ты спрашиваешь, сколько я посѣялъ и сколько думаю сѣять; посѣялъ я только одну десятину пшеницы, а весной совсѣмъ сѣять не буду, хотя есть и релі двѣ съ половиной десятины, потому что некого запрягать и не чѣмъ сѣять.

Хозяйство мое кулацкое: имѣю двухъ собакъ, двухъ котовъ и трехъ маленькихъ дѣтей, пока живу въ своей хатѣ.

Ты интересуешься, почему у насъ десятинная земля. Затрудняюсь отвѣтить; ея никто не нанимаетъ, такъ что не нужна никому и даромъ.

Насчетъ войны въ нашихъ газетахъ нѣтъ ничего, какъ будто бы ея и нѣтъ. Пишутъ, что на китайской границѣ на нашу пограничную стражу изрѣдка нападаютъ китайцы, а также и русскіе бѣлогвардейцы.

Погода у насъ непостоянная, осень была теплая и продолжительная. Дней пять тому назадъ были морозы, градусовъ 12. Пока до пріятнаго свиданія. Съ почтеніемъ Х.

Можетъ, ты обратишь вниманіе, что на такой бумагѣ написано письмо. У насъ, въ ст. Х., нужно считать счастьемъ, если найдешь хоть такой клочекъ бумаги....



Проф. А. А. Страховъ

Парижской публикой отмѣчены концерты пианиста и композитора А. А. Страхова.

Родился Алексѣй Алексѣвичъ въ 1874-мъ году въ Москвѣ. Кончилъ тамъ же гимназію и университетъ. Первые уроки музыки преподавалъ ему С. И. Танѣевъ и С. В. Рахманиновъ.

Въ 1900-мъ году А. А. поступилъ въ С.-Петербургскую Консерваторію по классу теоріи музыки у Н. А. Римскаго-Корсакова.

Изъ крупныхъ произведеній проф. А. А. Страхова извѣстны его кантата «Слава» и кино-опера «Христосъ и Антихристъ», поставленная авторомъ въ Москвѣ.

За границей проф. Страховъ специализировался въ области русской пѣсни. Широко извѣстны его романсы. Имъ же составлены нѣкоторые духовныя пѣснопѣнія.

Въ Парижѣ профессоръ преподаетъ музыку и пѣніе въ Руской гимназіи.

Редакторъ-Издатель Е. Д. Коноваловъ.

Directeur E. D. Konovaloff

Gérant : Mr. W. Lerat

Imprimerie de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves,
32, rue de Ménilmontant 32. Paris (20*).

Распространяйте нашъ журналъ!



Принимается

подписка

на

1930

годъ



НА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

„РОССІЯ“

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ:
Е. Д. КОНОВАЛОВЪ.

Подписную плату 5 франковъ за номеръ съ пересылкой во Франціи и 1 ам. долларъ за 4 номера за границу
(можно мѣстной валютой) просятъ высылать по адресу:

Mr Konovaloff, 10, Rue Augereau, Paris 7.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Бессель и Ко

78, r. de Monceau (M^o Villiers)
Tél.: Laborde 02-13. Paris-8^e.

РУССКАЯ МУЗЫКА

Оперы, романсы, инструм. музыка

Каталоги высылаются бесплатно

Русскія ноты

*Musique
Russe*

23, rue de Liège, 23. Paris (8)

Издания М. П. Бѣляева, Юргенсона и др.

Каталоги бесплатно

Tél.: Central 31-78

РУССКІЙ

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ

**S. A. des Grandes
Editions Musicales**

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ

22, RUE D'ANJOU, PARIS (8).

Tél.: Anjou 09-26.

Требуйте каталоги

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroen.

32-34, rue Marbeuf (Champs-
Elysées), Tél.: Elysées 58-83 et
97-61 et la suite. Métro: Mar-
beuf et Rond-Point des Champs-
Elysées.

**САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА**

Carte-rose. Grand-remise. Poid-
lourd. Cours de mécanique.
Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасѣ нашего
гаража, въ Булонскомъ лѣсу и въ го-
родѣ отъ 8 час. утра до 9 час. вечера
на машинахъ послѣднихъ моделей, съ
правымъ и лѣвымъ управлениями.
Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ
10 этажей, на 1500 машинъ, самый боль-
шой въ Парижѣ, въ районѣ Champs-
Elysées и нашу школу, оборудованную
по послѣднему слову автомоб. техники

Вниманіе !

Если Вы можете
ПРЕДОСТАВИТЬ РАБОТУ

мужчинамъ и женщинамъ въ Парижѣ
или провинціи, будьте добры сооб-
щить условія въ редакцію журнала. Вы
поможете нуждающимся.

Если
ВЫ ИЩЕТЕ РАБОТУ,

не забудьте сообщить намъ письменно
точные свѣдѣнія и приложить марку на
отвѣтъ. Указанія Вамъ дадутъ бесплатно

Для расширенія дѣла
ВАМЪ НУЖНЫ АГЕНТЫ?

Не откажите письменно освѣдомить
насъ о Вашемъ предпріятіи и условіяхъ
работы.

Реклама — двигатель торговли

ОБЪЯВЛЕНІЯ

помѣщайте въ нашемъ журналѣ

МѢСТО ЧЕРТЕЖНИКА

желаетъ получить б. студентъ 3-го курса
СПБ Технологич. Института механ. отд.,
окончившій въ Парижѣ курсъ
dessinateur-mécanicien
при Ecole Universelle

Г. К. В. Адресъ въ редакц.

ПРОДАЮТСЯ РѢДКІЯ КАРТЫ

1) Tartarie Européenne.
2) Etats du czar ou Grand
Duc de la Russie Blanche. Par
N. Sanson le fils Geographe du
Roy. Paris, 1665.

Адресъ въ Редакціи

ПІАНИСТКА

Аккомпанируетъ на концертахъ. — Н. К.
Адресъ въ редакц.

ПЕЧАТАНІЕ НА РОТАТОРѢ
(Лекціи, журналы, рисунки и пр.)

... ПЕРЕПИСКА ...

Бюро Иероглифъ

4, rue Armand Moisant, 4.
Métro: Maine. N.-S.: Falguière.



Institut de Beauté Phyllis Earle (London)

PARIS, 50, Av. TOKIO. Tél. Passy 26-23.

Окончившіе получают дипломы. Говорят на 5 языкахъ. Русскимъ льготныя условия. ПРОГРАММА: Новѣйшіе методы англо-американскаго массажа, лѣчение электричествомъ дефектовъ лица, кожи, волосъ. Manucure. Pédicure. Окраска волосъ, прическа, театральныя и для жизни. Физическая культура. Цикль лекцій г.г. врачей по анатоміи. Физиолог. бол. кожи, электрич. эстетич. хирургія. Справки письменно лично отъ 2 до 5 ч. у Директриссы: **M-me Alex.**

Пріемъ кліентокъ по всѣмъ **SOINS MEDIC-ESTHETIQUES** у **Mme ALEX** вторн., четв., субб. 10-12 ч. и по соглашенію. Tél. Auteuil 91-50 **122, Bd Murat, entrée 84 2^e ét. gauche**

ЗЕМЕЛЬНЫЕ участки и виллы

изъ 4-хъ комнатъ, кухни и удобствъ, въ непосредственной близости отъ Парижа, можетъ Вамъ предоставить при незначительномъ первомъ взносѣ только г. Schnayder. На остальной долгъ предоставляется въ теченіе 7-8-9 лѣтъ разсрочка небольшими ежемѣсячными взносами, сумма которыхъ не превыситъ Вашу квартирную плату. Статье собственникомъ земельного участка и переѣхать въ свой домъ Вы можете немедленно. Въ теченіе 15 лѣтъ Вы не платите никакихъ налоговъ. Пользуйтесь случаемъ, спѣшите справиться ежедневно до 10 час. утра и отъ 6 до 8 ч. 30 м. вечера.

Mr. SCHNAYDER,

117, rue du Temple.
Archives 79-29.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И. А. Кирилова

Дѣла судебныя, административныя и бракоразводныя. Договоры, уставы и регистрація коммерческихъ обществъ. Оформление документовъ. Сотрудничество французскихъ адвокатовъ.

46, rue de Provence, Paris (9).

около Rue Lafayette.

Métro: Chaussée d'Antin et Le Peletier. Tél.: Trud. 08-04.

СПБ. Присяжный Повѣренный

Г. Е. Левинскій

Paris (9), 1, rue Boudreau.

Métro: Opéra. Tél.: Opéra 0-36.

Central: 94-37, 94-66.

Пріемъ: 10-12, 2-6 ч. Воскресенье 10-12. Гражданскія и уголовныя дѣла. Договоры. Организациія обществъ. Бракоразводныя. Брачныя формальности. Дѣла за границей. Консультации.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ВОЕННЫЙ И ВОЕННО-МОРСКОЙ ИЛЛЮСТРИРОВ.
ЖУРНАЛЪ

ЧАСОВОЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. В. ОРЪХОВА, ЕВГЕНІЯ ТАРУССКАГО и А. А. ВОНСЯЦКАГО.

Цѣна отд. номера во Франціи 3 фр., за границей — 4 фр.. Подписка во Франціи: 3 мѣсяца — 9 фр., 6 мѣс. — 18 фр., годовая — 36 фр.; за границей: 3 мѣс. — 12 фр., 6 мѣс. — 24 фр., годовая — 48 фр.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА:

«LA SENTINELLE», — 6, rue Cannebière. Paris (12)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ

РОДИМЫЙ КРАЙ

Подписная плата:

на годъ — 30 франковъ; на 6 мѣсяцевъ — 15 франковъ.

Контора: Union des Cosaques, 1, villa Chauvelot, Bd Chauvelot, Paris (15^e).

КАВКАЗСКІЙ КАЗАКЪ

ежемѣсячная информация въ 16 печ. страницъ о жизни казачества

Подписка открыта съ 1-го іюня 1929 г.

	Югославія	Болгарія	Чехослов.	Франц. и др.
На 1 годъ	30 дин.	75 лева	20 кронъ	15 фр.
На 6 мѣс.	15 дин.	40 лева	10 кронъ	10 фр.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ — 3 динара.

Адресъ Редакціи: Београд, Неманьина ул. бр. 26.

Ex libris, виньетки, иллюстраціи

исполняютъ **Братья Хунунцъ** въ Парижѣ

АДРЕСЪ ВЪ РЕДАКЦІИ

СТРАХОВАНІЯ ВСЯКАГО РОДА

жизни, отъ огня, автомобилей, отъ несчастныхъ случаевъ на особо-выгодныхъ условіяхъ для всѣхъ французскихъ страховыхъ об-въ принимаетъ

Consortium Equitable

D'ASSURANCES

9, Boulevard Haussmann, Paris.

Tél.: Provence 79-30, 1-2-3-4-5

Корреспонденція на русскомъ языкѣ
ПЕРЕВОДЫ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ

Л. Е. Золотницкій ПРИСЯЖНЫЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ

при Парижскомъ Трибуналѣ

Зав-шій юридич. ч. отд. М-ва Императ. Двора
(бывш. Секретарь Ген. Консульства)

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

БЮРО ОФИЦИАЛЬН. ПЕРЕВОДОВЪ

10 — 1 ч.

107, rue de l'Université (7^e).

Дѣла судебныя, адм. Натурализація, бракъ, разводъ, иски, визы на въѣздъ и пр. Акты нотаріальныя и домашніе. Дѣла заграничныя

Сотрудничество лучшихъ французскихъ и иностранныхъ адвокатовъ.



Калина

Портиной

Новый адресь

доводить до свѣдѣнія своихъ многоуважаемыхъ кліентовъ,
что съ 15 с. октября переѣхалъ въ новое помѣщеніе:

44, Avenue des Champs-Élysées, Paris (8)

Tél.: Elys. 42-40

Русскій мужской и дамскій портной

Е. Готардь | Открыть новый магазинъ

CHAPELIER CHEMISIER

249-251, r. Lecourbe, Paris-15.

уголь rue de la Convention.

Tél.: Vaugirard 51-58

ОТДѢЛЕНИЕ: 1, AV. EMILE ZOLA, METRO : JAVEL. Tél.: Vaugirard 33-57.

Большой выборъ англійскихъ и другихъ матеріаловъ,
бѣлья, шляпъ, галстуковъ и проч.

М. М. ЧЕРНЫЙ ПОДЪ ФИРМОЙ «MICHEL»

28 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья нова-
го, случайнаго и подержаннаго отъ пер-
воклассныхъ портныхъ

10, rue Caffarelli (derrière la
Mairie du 3-e). Métro: Répu-
blique et Temple. Téléphone:
Archives 36-06.

громадный выборъ МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ па-
рижскихъ портныхъ. Цѣны вѣдъ конкур-
ренціи. Собственная мастерская для
передѣлокъ

З. Пинчевс ий

3, rue Perrée, Paris (3). Métro:
Temple et République. Téléph.:
Archives 77-97

Портной Ф. И. Агѣевъ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

англійскихъ и французскихъ матерій
19, rue Tiphaine, Paris (15)

Métro: La Motte-Picquet.

КУПОНЫ и ОТРѢЗЫ

C-IE CENTRALE DES ECHANGES. Centr. 19-15, 1, Place BOIELDIEU.

Opéra-Comique, Métro: 4-Septembre ou Richelieu-Drouot.

Большой выборъ жерзѣ, трико и всевозможныхъ шелковъ. Фабричные купоны по цѣнѣ отъ 5 франковъ.

Banque Industrielle du Centre

85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél. Louvre 09-11. Centr. 35-67.

ТЕКУЩИЕ СЧЕТА И ВКЛАДЫ; БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦИИ

СЪ ОГРАНИЧЕННЫМЪ РИСКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССИЮ и др. страны

въ кратчайшій срокъ съ предст. обратн. расписокъ. — ПОКУПКА РУССКИХЪ
БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акціи), и страхов. полисовъ.
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Франц. Правительств.
ВЫИГРЫШНЫЕ (съ процентами) БИЛЕТЫ на специальныхъ условіяхъ.

ВЫИГРЫШИ ПО 1.000.000 ФРАНК. ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Цѣна билетовъ отъ 60 до 600 фр. съ полученіемъ ссуды до 80 проц. стоимости

Подробные проспекты и свѣдѣнія объ операціяхъ на Парижской Биржѣ высылаются
по первому требованію; корresp. по-русски.

Авто-Perfection-Школа

Обучаетъ на машин. послѣдн. моделей
Citroën C4, Renault, Peugeot

LEÇONS D'AUTO

Картъ-розъ съ гарантіей

Курсъ такси и механики

Tél.: Auteuil 44-11.

Métro: Eglise d'Auteuil

4, rue Désaugiers, Paris-16.

Открытъ отъ 8 — 20 час.

ДИРЕКТОРЪ В. А. ЮРКОВСКІЙ

Ателье „КУСТАРЬ“

ТРЕЙ и Ко

6, Rue de Calais, Paris-9

Tél.: Louvre 48-91.

Métro: Clichy - Blanche

Принимаю заказы на ювелирные рабо-
ты, натѣльные кресты, ордена, значки;
чеканка ризъ для иконъ. Серебрение и
золоченіе. Починка и передѣлка стар.
вещей. Исполненіе эмалевыхъ работъ и
починка старой эмали. Покупка, прода-
жа и пріемъ на комиссію всевозм. вещей

Русская

Политехническая школа

АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА
NORTH AMERICAN YMCA.

МЕТОДЪ ЗАОЧНАГО ПРЕПОДАВ.

Книги и печатныя лекціи
высылаются во всѣ страны

Отдѣленія:

1. ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЕ

2. ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ

3. МЕХАНИЧЕСКОЕ

Курсы на пом. инженеровъ, техниковъ,
механиковъ, чертеж. конструкторовъ,
монтеровъ, десятниковъ.

4. КОММЕРЧЕСКОЕ

Программа Коммерческаго Института,
курсы на бухгалтера, коммерческаго
корреспондента, кооперація, страховое
дѣло, торговое представительство.

5. АГРОНОМИЧЕСКОЕ

Курсъ Сельско-Хозяйствен. Техникума

6. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ

Реальное училище и гимназія.

7. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Французск., Англійск., Нѣмецк., Латинск.
Требуйте программы (бесплатно)

Russian Correspondence School
of the North American Y.M.C.A.

10, Bd Montparnasse, Paris 15^e
(France).

LA NOUVELLE

S.



REMINGTON PORTATIVE
EST LA MACHINE QUI CONVIENT.
**EN VOYAGE
AU BUREAU
CHEZ VOUS**

PAYABLE
87 Fr. 50
PAR MOIS

VEUILLEZ ME FAIRE PARVENIR VOTRE CATALOGUE ET VOS
CONDITIONS DE VENTE, SANS ENGAGEMENT DE MA PART

NOM

ADRESSE

À ENVOYER SOUS ENVELOPPE NON CACHETÉE ET AFFRANCHIE À:

REMINGTON TYPEWRITER C° (S. A.) - 12, RUE EDOUARD-VII - PARIS (IX^e)

**ОРГАНЪ РУССКОЙ
РЕЛИГИОЗН. МЫСЛИ „Путь“**

Подъ редакціей Н. А. Бердяева
6 номеровъ въ годъ

Подписная цѣна: долл. 2,25.

Допускается наложенный платежъ

Складъ изданія: YMCA-Press

10, Bd. Montparnasse, Paris 15°.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ
LIBRAIRIE «MOSKWA»

9, rue Dupuytren, Paris 6°.

Tél. : Littré 37-01.

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ **Ладыженкова, Логосъ, Москва, Слово и Девриенъ** изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданій). Библіотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно.

**Русско-французское издательство и
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ**

J. POVOLOZKY

13, rue Bonaparte. Paris-6°.

Téléphone : Fleurus 42-01

Собственные изданія на русскомъ и французскомъ языкахъ. Всѣ зарубежныя изданія. Всѣ книги совѣтской Россіи. Дѣтскія книги. Учебники. Словари и самоучители иностранныхъ языковъ. Ежемѣсячные бюллетени всѣхъ французскихъ изданій. Каталоги высылаются бесплатно. Всѣ книги по искусству. Художественныя изданія на всѣхъ языкъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

YMCA — PRESS

10, Bd Montparnasse, Paris, 15°.

Религіозно-художественная

литература

Философія. Житія Святыхъ и Исторія Православной Церкви. Вопросы жизни и религіи. Богословіе. Богослуженіе. Книги для юношества. Физическое развитіе. Учебники. Техника. Сельское хозяйство.

Каталогъ издательства высылается бесплатно по первому требованію.

ВЪ PASSY

«La Source», 106, r. de la Tour.

Въ книжномъ дѣлѣ «РОДНИКЪ»

вы можете

Приобрѣсти книгу — подарокъ для взрослыхъ и дѣтей, на русскомъ, французскомъ и нѣмецк. языкъ, календари, поздр. и др. открытки, ноты.

Прочестъ книгу — новинку. Выписать книгу изъ любой страны (въ томъ числѣ и изъ Россіи). Подписаться на любую газету или журналъ.

Прослушать или купить великолѣпныя граммоф. пластинки русск. музыки (Шаляпина, «Летучая Мышь», Хоръ казачковъ и др.).

**РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
AU VIEUX LIVRE**

17, Rue de l'Odéon Paris-6

Tél. : Littré 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполненіе заказовъ на любое изданіе. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ.

**Медицинскій
Указатель**

Аптека для русскихъ

**PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE**

H. FOUCHER

Pharmacien de 1^{re} classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AH,

Трамваи: 25, 26.

Grenelle.

M-o: Dupleix. La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по русской фармакопее, русск. провизор. Всѣ французскія и иностранныя патент. средства. Общ. складъ парфюмеріи и патентованныхъ товаровъ

Цѣны ниже всѣхъ аптекъ
Tél. : Ségur 11-45.

Медико - хирургическая клиника

62, rue de la Rochefoucauld

Métro: Pigalle.

Tél.: Trinité 43-13.

Врачи специалисты по всѣмъ болѣзнямъ.

Операціи.

Радіотерапія.

Электротерапія.

Зубоврачебный кабинетъ -- всѣ работы гарантированы.

Консультаціи отъ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера.

По воскресеньямъ съ 10 часовъ утра до 4 часовъ дня.

Перемѣна дирекции.

Новое оборудование.

В с я к і й м о ж е т ь

ОМОЛОДИТЬ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ И УМСТВЕННО, СНОВА СТАТЬ ЗДОРОВЫМЪ, СИЛЬНЫМЪ, ТРУДОСПОСОБНЫМЪ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫМЪ И ПРОДУКТИВНО ДОЛГОЛѢТНИМЪ, кто очиститъ свой организмъ отъ ядовъ нарушеннаго обмена веществъ (мочевина, мочева кислота, ураты и др.), или посредствомъ постоянной фруктово-овощной діеты по методу Физиса, или кратковременными курсами по способу Броуна-Секара при помощи энергетворнаго омолодителя и очистителя КАЛЕФЛЮИДА Д. КАЛЕНИЧЕНКО, безъ измѣненія своихъ привычекъ.

Калефлюидъ необходимъ всѣмъ ослабленнымъ болѣзнями, дурнымъ питаніемъ или пищевареніемъ, переутомленнымъ, подавленнымъ тяжкими воспоминаніями и пр.

Цѣлѣбное свойство Калефлюида удостоено врачами на миллионѣхъ больныхъ за 28-лѣтнее существованіе лабораторіи Д. Калениченко, какъ напримѣръ: проф. ШЕКИНЪ, пишетъ: «У меня были запоры по 4, 5 дней. Никакія медицинскія средства мнѣ не помогали. Послѣ Калефлюида мой желудокъ урегулировался и за три недѣли я помолодѣлъ на 20 лѣтъ, вѣсъ тѣла увеличился на 8 фунт.»

Д-ръ РІАРДЪ ГУСЕИНЪ, КАИРЪ: «Калефлюидъ, драгоцѣнный медикаментъ для лѣченія артритическихъ болѣзней, для восстановленія здоровья, нервовъ и

нормальнаго кровообращенія, нарушеннаго мочевою кислотой».

БОЛЬНЫЕ ПИШУТЪ:

Г-жа М. БРАКЕ, Рошъ Тайе, Франція. «Я болѣла 15 лѣтъ нервной болѣзью и особенно во время менструаций, теряла сознаніе, становилась почти сумасшедшей и полагала, что настала мой конецъ. Я примѣняла всевозможныя лѣченія безрезультатно. Теперь я помолодѣла, стала неузнаваемой, окрѣпла, благодаря чудесному Калефлюиду».

ДРАГОЛЮБЪ СИМИЧЪ, Сопотъ, Сербія: «Два года я страдалъ въ больницахъ на курортахъ, примѣнялъ много лѣкарствъ — все безрезультатно. Лѣченіе Калефлюидомъ дало мнѣ полное облегченіе».

Г-жа ЩИПОННИКОВА, Ліонъ, 7, ул. Пьеръ Верже: «Я страдала головной болью почти ежедневно. Послѣ 4 недѣль лѣченія Калефлюидомъ мои боли почти исчезли. Я приняла 2 съ полов. флакона и сейчасъ совершенно не страдаю, моя мигрень исчезла, какъ по волшебству».

А. ГРОЦКІЙ, 88, ул. де Бри, Муаверъ-Грандъ (Мозелль). «Я былъ боленъ легкими два года и харкалъ кровью. Послѣ лѣченія чудеснымъ Калефлюидомъ, я вновь сталъ сильнымъ, кровохарканіе прекратилось и я работаю на шахтахъ къ удивленію моихъ товарищей».

І. РЕЙДИХЪ, 7, ул. Кюръ, Ноей-ле-

Мицъ (П. Д. Ц.): «18 лѣтъ я страдалъ желудкомъ. Послѣ одной бутылки Калефлюида, боли прекратились и желудокъ дѣйствуетъ нормально».

НИЗЕЛЬСКОВЪ, Госпиталь Божонъ, Парижъ: «Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ я принимаю Калефлюидъ, но я считаю себя уже воскресшимъ изъ мертвыхъ. У меня исчезла рвота, которая мучила меня два года; боль въ костяхъ стала быстро исчезать, и я сплю, не просыпаясь».

ОТТО, Доманъ де Сэда, Джедейда, Тунисъ: «Послѣ трехъ флаконовъ Калефлюида я совершенно поправился. Болѣзни мои были: расширеніе сердца, нервность, летучій ревматизмъ, подавленное настроеніе и постоянная усталость. Теперь я чувствую себя совершенно здоровымъ».

КАЛЕФЛЮИДЪ награжденъ на выставкахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Флоренціи и Римѣ, 5 гранъ-при и 5 большими золотыми медалями.

Безплатно франко высылается объяснительная литература о причинахъ и лѣченіи болѣзней.

КАЛЕФЛЮИДЪ находятъ въ аптекахъ, гдѣ нѣтъ — высылается наложеннымъ платежомъ.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСУЙТЕ:

Société Kālefluide

D. KALENITCHENKO,

5, Cité Pigalle, Paris (9).

Новый Русский Медицинский Институтъ

Д-РА ДАНИЭЛЯ, ПРИ УЧАСТИИ 5 ДОКТОРОВЪ-СПЕЦИАЛИСТОВЪ. ЛУЧШЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ ВЪ ПАРИЖѢ. НОВЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ. ЦѢНЫ НИЗКІЯ. Х-ЛУЧИ. ДИАТЕРМІЯ. УЛЬТРА-ФИОЛЕТОВЫЕ ЛУЧИ. ТОКЪ ВЫСОКАГО НАПРЯЖЕНІЯ, ВСЕВОЗМОЖНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЭЛЕКТРИЗАЦІЯ. ВАКЦИНЫ, СЕРУМЪ, АНАЛИЗЪ КРОВИ. МОЧЕПОЛОВЫЕ ПУТИ: ГОНОРРЕЯ, ВОСПАЛЕНІЕ ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗЫ, БЕЗСИЛІЕ, ОНАНИЗМЪ. ЖЕНСКІЯ БОЛѢЗНИ: МЕТРИТЪ. САЛПЕНЖИТЪ. ФИБРОМЪ. БОЛѢЗНИ КОЖИ И КРОВИ: СИФИЛИСЪ. ЭКЗЕМА. ПСОРИАЗИСЪ (НОВЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ МЕТОДЪ ЛѢЧЕНІЯ Х-ЛУЧАМИ). БОЛѢЗНИ ЛЕГКИХЪ И ТУБЕРКУЛЕЗЪ. БОЛѢЗНИ ЖЕЛУДКА И КИШЕКЪ, НОСА, УХА, ГОРЛА. ЛѢЧЕНІЕ У БОЛЬНИЧНЫХЪ ВРАЧЕЙ. РАДИОСКОПИЯ — 50 ФР. РАДИО-ФОТОГРАФИЯ — 100 ФР. ЦѢНЫ ПРОПАГАНДНЫЯ. ПРИЕМЪ СЪ 9 ЧАСОВЪ УТРА ДО 9 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА. ВОСКРЕСЕНІЕ СЪ 9 — 12. ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ. НОВѢЙШІЕ СПОСОБЫ ЛѢЧЕНІЯ ПОСРЕДСТВОМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА И УЛЬТРА-ФИОЛЕТОВЫХЪ ЛУЧЕЙ. СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: ВСТАВЛЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ ЗУБОВЪ БЕЗЪ НЕБА И БЕЗЪ КРЮЧКОВЪ, ИСПРАВЛЕНІЕ КРИВОРАСТУЩИХЪ ЗУБОВЪ. ПРОТЕЗЫ НОСА И УШЕЙ, ИСПРАВЛЕНІЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХЪ ДЕФЕКТОВЪ ЗУБОВЪ И ЧЕЛЮСТЕЙ. УНИЧТОЖЕНІЕ ДУРНОГО ЗАПАХА. ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ. ПРИЕМЪ 10-12 и 4-9 Ч.

52, RUE DE BONDY. Métro : République, Lancry.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ

Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,
Pharmacien de 1^{re} classe
63, Bd de Grenelle.
Tram. 25, Aut. AN, AQ.
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовление рецептовъ г.г. русскихъ врачей. Всѣ русскіе препараты. Патентованныя средства. Парфюмерія. Косметика. Цѣны минимальныя. Исполненіе заказовъ въ провинцію и за границу, и по телефону въ Парижъ: Сегюръ 18-51
Tél.: Ségur 18-51.



АМБУЛАТОРІЯ
магистра ветеринарныхъ наукъ и профессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворнаго ветеринара. врача.
Приемъ больныхъ животныхъ 10-12, 2-6 ч.
Воскресенье 1-4 ч.

20, rue Scheffer
Métro: Passy, Trocadéro, Pompe
Tél.: Passy 81-11.
СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ
ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

Русская лѣчебница „ТЮРБИГО“

19, rue Turbigo. (Métro : Etienne-Marcel, Réaumur-Sébastopol).

ЛѢЧЕНІЕ ОТЪ ВСѢХЪ БОЛѢЗНЕЙ ПО НОВѢЙШИМЪ СПОСОБАМЪ

(внутреннія, венерическія, женскія, дѣтскія; ухо, носъ, горло, глаза)

ОПЕРАЦИИ, РАДИОТЕРАПІЯ, АНАЛИЗЫ, ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ.

Лѣченіе, пломбированіе удаленіе зубовъ безъ боли; коронки золотыя отъ 75 франковъ; зубы 20 фр.

Лѣченіе десенъ; гарантія, золото 22 кар.

Приемъ ежедневно 9-12 и 3-9 ч. вечера: Воскресенія и праздники 9-3 ч. дня.

Полный переворотъ в медицинѣ

ИНДИЙСКИЙ БАЛЬЗАМЪ — безвредный растительный сокъ, совершенно очищаетъ кровь отъ микробовъ и заразы. Отъ первыхъ приѣмовъ бальзама больной чувствуетъ, какъ организмъ, измученный болѣзною, наполняется новыми силами. На 3-5 день больной уже чувствуетъ облегченіе, а послѣ мѣсяца или полтора всякое лѣченіе становится излишнимъ потому, что болѣзнь побѣждена и силы восстановлены, не приходится даже повторять курса лѣченія, такъ какъ всякая болѣзнь поддается радикальному излѣченію при помощи лѣченія Индійскимъ бальзамомъ.

Излѣченіе съ полной гарантіей сифилиса во всѣхъ стадіяхъ и во всѣхъ послѣдствіяхъ.

Сухотка спинного мозга или табесъ, прогрессивный параличъ, люпусъ или волчанка, псоріазисъ, экзема, ракъ, сикозъ, падучая болѣзнь, эпилепсія, туберкулезъ костей, всѣ наследственные болѣзни, золотуха, половое безсиліе также поддается совершенному излѣченію.

Лѣчу проказу съ полной гарантіей излѣченія.

Объ излѣченіи этихъ болѣзней имѣю десятки тысячь нотаріальныхъ и письменныхъ благодарностей. СЕКРЕТЪ производства Индійскаго бальзама ТОЛЬКО ВЪ ПАРИЖѢ У АВРАХОВА: въ Берлинѣ остерегайтесь поддѣлки д-ра Шмидта.

Онъ больше моимъ представителемъ не является. За его методы лѣченія я не отвѣчаю.

Брошюра высылается по требованію бесплатно. Почтов. расх. 2 франка.

Требуйте Индійскій бальзамъ только у АВРАХОВА:

366, rue de Vaugirard, Paris 15.

Tél.: Vaugirard 28-89.

Métro: Porte de Versailles.

ПОЛИКЛИНИКА 4, RUE CAMBRONNE
METRO CAMBRONNE TEL. SEGUR 94-31
ПРИЕМЪ ПО ВСѢМЪ БОЛѢЗНЯМЪ ВРАЧАМИ-СПЕЦИАЛИСТАМИ
ЕЖЕДН 10-8. (ВОСКР 9-11). ЗУБОВРАЧЕБН. КАБ. — РЕНТГЕНЪ

Милліонъ франковъ

МОЖЕТЕ ВЫИГРАТЬ: НЕ УПУСКАЙТЕ БЛИЖАЙШАГО РОЗЫГРЫША. МОЖЕТЪ БЫТЬ, ВЪ ЭТОМЪ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВАШЕ СЧАСТЬЕ.


Подписывайтесь ТЕПЕРЬ ЖЕ на покупку выигрышныхъ гарантированныхъ цѣнныхъ билетовъ, представляющихъ настоящій денежный знакъ, дающихъ 5% дохода и МНОГО ШАНСОВЪ НА ВЫИГРЫШИ. Можете участвовать въ розыгрышахъ КАЖДЫЙ МѢСЯЦЪ, съ полными правами на выигрыши: ОДИНЪ МИЛЛІОНЪ; 500 ТЫСЯЧЪ, 200 ТЫСЯЧЪ, 100 ТЫСЯЧЪ, 50 ТЫСЯЧЪ, 10 ТЫСЯЧЪ, 5 ТЫСЯЧЪ — ВЪ КАЖДОМЪ РОЗЫГРЫШѢ.

Вносите или посылайте почтой по 25 франковъ ежемесячно и Вы будете участвовать въ розыгрышахъ въ САМОМЪ БЛИЖАЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ, съ полными правами на выигрыши. ЭТО ВѢРНЫЙ ПУТЬ СБЕРЕЖЕНІЯ И ПОЛНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЕЗПЕЧИТЬ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ

Пишите по-русски и обращайтесь лично по адресу:

BANQUE FRANÇAISE DE CREDIT, SERVICE RUSSE. 31, RUE SAINT GEORGES, 31. PARIS 9.

Нашъ банкъ французскій, существуетъ 40 лѣтъ и хорошо зарекомендованъ.



TORPEDO
la machine sérieuse
portative et de bureau
**PAYABLE AU COMPTANT
ET PAR MENSUALITÉS**
HAÏK-TYPEWRITER
142, Rue Montmartre. PARIS

Переводъ денегъ въ Россію
COMITÉ RUSSE DE SECOURS

33, rue de Prony, Paris-17^e
Métro: Monceau ou Malesherbes.
Tramways: No. 5, 30, 31.

Часы приѣма ежедневно (не исключая и субботы) 3-7 ч. (кроме воскр. и прздн.)



LES CLICHÉS DE CETTE REVUE
SONT DE LA
**PHOTOGRAVURE
CENTRALE**
Clément HAÏK
142 Rue Montmartre. PARIS
TEL. CENTRAL 13-99
13-03

EPARGNE-OBLIGATION Взаимно-Сберегательное О-во

Частное предприятие, состоящее подъ контролемъ государства. 14, rue de Strasbourg, Paris-X^e.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ПАИ ОБЩЕСТВА Epargne-Obligation въ 500 или 5.000 франковъ

УПЛАЧИВАЕМЫЕ:

Наличными 500 фр., или ежемѣсячными взносами отъ 10 фр.
безъ повышенія цѣны.

Наличными 5.000 фр. или ежемѣсячными взносами отъ 50 фр.
безъ повышенія цѣны.

Подписанныя суммы употребляются на приобрѣтеніе цѣнныхъ бумагъ, гарантированныхъ государствомъ, какъ-то: выигрышныхъ облигаций

Crédit National, Ville de Paris, Crédit Foncier, etc.

Р. С. НАПОМИНАЕМЪ, ЧТО:

ОБЛИГАЦИИ

Crédit National
1919, 1920 и 1921 г.г.
дають ежегодно:
въ 16-ти тиражахъ:
12 выигрышей по 1000000
12 » » 500000
16 » » 200000
68 » » 100000
112 » » 50000
96 » » 10000
96 » » 5000
6960 » » 1000

Пайщику извѣстны съ мо-2570
мента подписки номера об-420
лигаций, составляющихъ
фонды сберегательн. серій.

ОБЛИГАЦИИ

Ville de Paris
1912, 1919 и 1921 г.г.
дають ежегодно:
въ 22 тиражахъ:
2 выигрыша по 1000000
7 » » 200000
3 » » 150000
14 выигрышей по 100000
26 » » 50000
1 » » 12500
66 » » 10000
56 » » 5000
» » 1000
» » 500

Бумаги депонируются въ
Banque de France

СКОПИРОВАТЬ И ПОСЛАТЬ

Epargne Obligation (Serv. K.)
14, rue de Strasbourg, Paris (10).

Я, нижеподписавшійся, подписываюсь, ознакомившись съ Уставами Общества, на Пай въ фр. Epargne-Obligation выплачиваемый въ ежемѣсячныхъ взносовъ по фр. Одновременно съ настоящимъ вы-сылаю свой первый взносъ почтовымъ переводомъ.

Адресъ
Дата
Подпись:



DOLLY DAVIS

**АРТИСТИЧЕСКАЯ
СТУДИЯ**

РОЖИНСКАГО

53, AVENUE DES TERNES
PARIS Tél.: Galvani 37-32.

Фотографъ Рожинскій приглашаетъ читателей «Казачьяго Журнала» пожаловать въ студию и сняться бесплатно, безъ задатка. Снимающимся выдается пробный снимокъ.

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A l'Esturgeon

Подъ личнымъ наблюдениемъ владѣльца б. придворнаго шефа **Ө. Д. КОРНИЛОВА**
3, rue Clauzel (уголь rue des Martyrs). Nord-Sud: St-Georges. Tél.: Trud. 08-46.

ПЕЙТЕ CAFÉ-KUSMI

Продовольственные посылки въ Россію

11-bis, Av. Victor-Hugo, PARIS. P. M. KOUSMICHOFF et FILS, Tél. Passy 56-43.

№ 2, ЦѢНА 70 франк.

100 гр. Чая KUSMI

400 гр. Кофе KUSMI

2.000 гр. Рису

1.000 гр. Манной крупы

1.000 гр. Тапиока.

Пошлина около 2 рублей
или 34 фр. 60 с.

№ 4 ЦѢНА 85 франк.

500 гр. Чая KUSMI

500 гр. Какао.

1.000 гр. Манной крупы

1.500 гр. Рису

1.000 гр. Муки

Пошлина около 6 рубл. 30 к.
или 91 фр. 80 с.

№ 3 ЦѢНА 125 франк.

1.000 гр. Чая KUSMI

1.000 гр. Кофе KUSMI

1.500 гр. Рису.

1.000 гр. Манной крупы.

Пошлина около 9 рубл. 50 к.
или 134 фр. 35 с.

ПОСЫЛКА № 5: 4 съ полов. кг. МУКИ — 60 франковъ.

Въ цѣну включены всѣ расходы по упаковкѣ и отправкѣ.

Пошлина можетъ быть нами переведена черезъ банкъ получателю въ Россію. Требуется прейскуранты.

**РУССКІЙ
ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ**

„MARO“

Всѣ русскіе и французскіе
продукты

20, rue de la TOUR
Paris (16). Métro: Passy.

ОТКРЫЛСЯ РЕСТОРАНЪ

„Star“

бывшій НИКО.

30, rue BOSQUET.

Завтраки, prix fixe 8 frs., вечеромъ, à la carte. Цѣны умеренныя! Вечеромъ музыкальная программа съ участіемъ **ТАСИ МУРАТОВОЙ.**

Домашняя столовая
и **ВИННО-ГАСТРОНОМ. МАГАЗ.**

15, rue Beaugrenelle,
Métro: Beaugrenelle.

Обыкновенный и вегетарианскій
столь круглый день до 9 ч. в.

Оптово - Розничн. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ
28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13). М-о: Italie. Tél.: Gob. 23-08



Рус. водка, запек., спотык., вишневка, рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ. Тарань. Вобла. Хрѣнь. Чай. Требуется каталогъ. Отправка въ провинц. и загр.

Radio-Moderne-Phonos

Продажа **Т. С. Ф.** лучшей конструкціи, послѣднія усовершенствованія. Наличныя и въ кредитъ. Граммофоны и пласт.

Инженеръ **Гуревичъ.**

119, Bd Raspail,
Tél. Lit. 06-18.

Produits de Beauté „MACO“

Золотая медаль на выставкѣ 1928 г.
278, Bd Raspail. Tél. Danton 73-99.

Молочный кремъ. Кремъ отъ морщинъ.

Пудра и другая косметика.

En vrac et conditionnée.

Русскимъ уступка.

Бесплатные совѣты по уходу за кожей.

ВАРШАВСКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ

113, rue de Javel

Métro: Beaugrenelle

Tél.: Vaugirard 11-30

Лучшие въ Парижѣ

Торта. Кренделя. Кулебяки. Сырники.

Пирожный ассорти и разные булочки.

ТЯНУШКА. НАСТИЛА

и всякое русское печеніе.

Быстрая доставка на домъ.



Извѣстный своими художественными фотографіями
ФОТОГРАФЪ П. И. ШУМОВЪ лично принимаетъ своихъ
художникъ клиентовъ въ его студіи

5, Fg St-JACQUES, Paris, 14. Tél. Gobelins: 76-89.

Цѣны умѣренныя

Ресторанъ „Самаркандъ“

9, RUE RENNEQUIN (M-ro : Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 7,50. Завтраки, обѣды и **A LA CARTE**

ВЕЧЕРОМЪ — АРТИСТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Шефъ кухни — владѣлец ресторана.

Открыто до 2-хъ час. ночи

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

Прокать, продажа, покупка,
перепишка, переводы, циркуляры
МАГАЗИНЪ

58bis, Rue Sainte-Anne, Paris 2°.

Tél. : Louvre 50-50.

Métro : 4-Septembre.

Кондитерская

ЛУЧШАЯ КОНДИТЕРСКІЯ ИЗДѢЛІЯ
НЕ ПОДЛЕЖАЩІЯ КОНКУРЕНЦИИ

Вы можете купить **„SAGBAR“** M-ro Pompey Tél.: Passy 70-15.
только въ кондитерской, **9, AV. MONTESPAN.**

Большой выборъ шоколадныхъ конфетъ собственнаго производства по
доступнымъ цѣнамъ. Доставка на домъ.

Зарубежная Казна

Общество взаимныхъ сбереженій дастъ
возможность при малыхъ взносахъ (20
франковъ) одновременно участвовать
во многихъ выигрышныхъ билетахъ, по-
лучать на сбереженія до 7 процентовъ.
Выгодно и гарантіино переводимъ день-
ги въ другія страны и Россію.

6, rue le CHAPELAIS, Paris 17°.

Брокаръ Parfumerie

8, RUE CARDINAL MERCIER, PARIS

Вездѣ въ продажѣ ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ И LOTION «POLONAISE». Tél.: Louvre 52-14.

«ИГРА», комедія И. Сургучева. 1-ый актъ. ДИРЕКТОРЪ: — Артистка Blanche... Духи Герлэнъ,
пудра Герлэнъ, одеколонъ Брокаръ, губная помада Риць...

15 марта 1930 г.

Le 15 Mars 1930.

Цѣна номера 5 фр. во Франціи

Prix du numéro : 5 francs en France.

№ 2

РОССІЯ

№ 2

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration :

10, Rue Augereau, 10. — Paris (7°).



Кондитерская

ТНО-LE-NI

Гастрономический Магазинъ

Фирма существ. 10 лѣтъ 129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

А. КАПРЕЛИАНЪ.

Пейте настоящий русскій чай Т-ВА П. М. КУЗМИЧЕВА съ С-ми

Фирма существуетъ
съ 1867 года

"KUSMI-THÉ"

Фирма существуетъ
съ 1867 года

Чай Kusmi-Thé имѣется въ продажѣ во всѣхъ русскихъ магазинахъ Парижа

Магазинъ: 11-bis, Av. Victor-Hugo, Paris 16°.

Складъ и контора: 75, Avenue Niel, Paris, 17°.

М. Петросянъ

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ :

ИКРА

сѣбкая зернистая (бѣ-
лужья, осетровая и се-
рюжья), паюсная, Ачуев-
ская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ

Бѣлорыбій, осетровый и
«saumon fumé».

СЕМГА

РЫБА

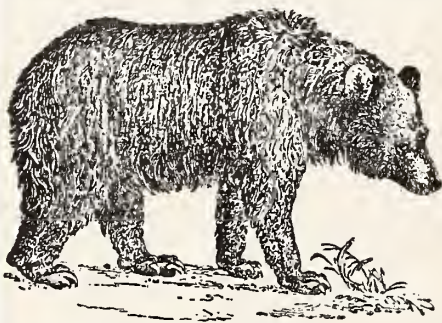
КОНСЕРВЫ

Малосольная, Двинская,
печерская, и лососина.

Осетрина, навага, стер-
лядь, форель и судакъ.

Стерлядь, судакъ, осетри-
на и друг.

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.



Медвѣдь

PLACE DUPLEIX — PARIS XV°.

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЬ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВИНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНИЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪЕДОВЪ. — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

У рояля проф. А. А. СТРАХОВЪ

Ресторанъ Садко

76, RUE DE JAVEL,

уголь St. Charles PARIS 15°

Метро Богренелль.

Автобусъ АН. Трамвай 123-124 и 18

Чистое, уютное помѣщеніе.

Здоровая кухня. Больш. выборъ блюдъ.

Внимательная служба.

КУЛЕБЯКИ, ПИРОЖКИ, ЗАКУСКИ

ПРОДАЖА НА ДОМЪ

Открытъ отъ 11 ч. утра до 12 ч. ночи

Ө. КОСТЕЦКІИ и МИТРОФАНОВЪ

Ресторанъ „ДЖИГИТЬ“

19, Boul. Edgar Quinet-14°.

(Montparnasse)

ЗАВТРАКИ И ОБѢДЫ

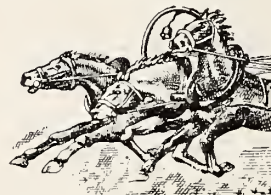
Цѣны общедоступныя

ЕЖЕДНЕВНО ИГРАЮТЪ И ПОЮТЪ

БАЛАЛАЕЧНИКИ

Оптово - Розничн. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ

28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13). M-o : Italie. Tél.: Gob. 23-08



Рус. водка, запек., спотык., вишневка,
рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа
гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ.
Тарань. Вобла. Хѣвъ. Чай. Требуйте
каталогъ. Отправка въ провинц. и загр.

Русское кондитерское
производство

„JULIEN“

Русское кондитерское
производство

25, rue Bosquet Paris (7).

Tél.: Ségur 68-27.

извѣщаетъ глубокоуважаемую кліентуру, что послѣ капитальнаго ремонта производство значительно рас-
ширено. — Принимаются заказы на куличи, мазурки и сырныя пасхи. — Просятъ т.к. кліентовъ заказывать
заблаговременно. — Всевозможные фруктовые торты, тирамису, ванильные сушары, пасхила, боярекія ва-
тришки. Кулебяки, расстегаи (доставляются въ горячемъ видѣ).

КУЛИЧИ

Доставка на домъ. Телефонъ: Сегюръ 68-27.

ПАСХИ



Г. ЛАПШИНЪ. «СУМЕРКИ, ПОСЛѢДНІЙ СНѢГЪ»

ВЪ ДОРОГѢ

Кромѣ насъ двоихъ, въ купѣ никого не было. Нѣкоторое время ѣхали молча. Я была утомлена и разстроена да и спутникъ мой имѣлъ видъ не праздничный. Онъ сидѣлъ, и тѣло его безвольно болталось отъ малѣйшаго толчка. А поѣздъ нашъ трясло и раскачивало. Я не хотѣла смотрѣть на сосѣда, но его неудобная поза меня раздражала и даже нѣсколько тревожила. Около него качался и грозилъ упасть пакетъ, — очевидно, со съѣстнымъ.

Въ окнѣ медленно, лѣниво и тускло ползли деревни, холмы, тронутые инеемъ, черные фруктовые сады. Въ мутномъ и мозгломъ туманѣ то справа отъ желѣзнодорожнаго полотна, то по лѣвой его сторонѣ, появлялась холодная, темноводная Сена.

Святки еще не кончились.

Спутникъ мой вынулъ папиросу, мундштукъ (здѣсь я окончательно увѣрилась, что онъ русскій) и началъ искать спички по всѣмъ карманамъ. Поѣздъ дернуло, мундштукъ упалъ и покатился подъ мою скамью; молодой человѣкъ хотѣлъ его схватить, не удержался и полетѣлъ прямо въ мои колѣни. Мы разсмѣялись. Онъ извинился и сталъ шарить подъ лавкой.

— Зажгите же спичку, — сказала я.

Онъ, не вставая съ полу, поднялъ голову.

— Вы русская? Какъ это удивительно!

Я отвѣтила самымъ нелюбезнымъ образомъ:

— Удивительнаго мало...

Юноша, наконецъ, усѣлся, на этотъ разъ твердо, но пакета такъ и не подвинулъ.

Бываютъ же люди, которые заставляютъ о себѣ волноваться. Раздражаясь, я замѣтила:

— Пирогі ваши сваятся.

Мое замѣчаніе чрезвычайно его обрадовало.

— Это вѣрно. Спасибо вамъ. Почему вы догадались, что у меня пироги? Я развяжу — не угодно ли? Откушайте, они вкусные...

Голосъ у молодого человѣка былъ пріятный да и все лицо его, особенно, когда онъ улыбнулся, стало милымъ и простодушнымъ. Отказаться отъ угощенія не было возможности. Я изъ вѣжливости спросила:

— Кто это васъ балуетъ? У васъ въ Нормандіи семья?

— Вѣдь, правда — вкусно?

Станный типъ. Напрашивается на похвалу, точно самъ мѣсилъ тѣсто.

— Представьте, французенка пекла. И какъ выучилась? Я ей рассказывалъ, ну, тамъ, объяснилъ, какъ ужъ умѣлъ, по мужски — а она, вотъ... Я у нихъ на фермѣ работаю.

Я насмѣшливо подумала: любовь! и освѣдомилась, по эмигрантскому обычаю:

— Вы изъ какихъ мѣстъ изъ Россіи?

— Я казакъ. — Онъ добавилъ, вызываясь: — вамъ, конечно, сейчасъ же рисуется пика и лезгинка. Но среди насъ есть и другіе люди.

— Что мнѣ рисуется — мое дѣло. А что же вы за «другой человѣкъ»?

Тутъ намъ обоимъ стало смѣшно. У каждаго была какая-то горечь, непріятность, и мы другъ на другѣ ихъ вымещали, хорохорились, какъ молодые пѣтухи.

Я сказала почти ласково:

— У меня были подруги — казачки, интеллигентныя и милыя дѣвушки.

— Я думаю. У меня невѣста осталась, институтка, а за эти годы успѣла стать врачомъ.

— Какъ же это вы: тамъ невѣста, а здѣсь французенка пироги печетъ?

— Какъ это? А такъ вотъ... почти закричалъ онъ и съ такой болью, что я смутилась за свою грубость, смягчила тонъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы разговаривали просто и дружественно.

Не трудно было понять, что сосѣдъ мой — Иванъ Сергѣевичъ — одинокъ, запутался въ переживаніяхъ и жаждетъ высказаться, а мнѣ только бы слушать.

— Вы упрекаете: тамъ невѣста, тутъ она...

— Я шутила, а не упрекала.

— Ну, вы, можетъ, и шутили, а мнѣ не до смѣха. Я вамъ скажу... Вотъ вы, женщина, разберитесь, какъ тутъ поступить.

Иванъ Сергѣевичъ волновался, не находилъ словъ, встряхивалъ головою. Наконецъ, зацѣпился за нужную фразу, и я уже только поддакивала да смотрѣла въ его глаза съ большими зрачками, на его сильныя худощавыя руки.

— Невѣста моя, Зина, чудесная дѣвушка. Брака нашего ждали обѣ семьи, а родичи у насъ — чинные, патриархальные: бракъ — святыня. Ну, гражданская война помѣшала, да и молодъ я былъ — за границу попалъ еле 19-ти лѣтъ. Зина осталась. Ея родные — конвойцы, мои — судьи, я и самъ хотѣлъ идти на юридическій факультетъ. Они тамъ, конечно, всякаго горя натерпѣлись. Мать мнѣ пишетъ: если Зину забудешь — грѣхъ. Она, молъ, черезъ что ни прошла, но такъ строга, такъ вѣрна, — словомъ, даже старуха удивляется, и они ужъ ее прямо, какъ жену мою, оберегаютъ...

Я подумала, что измѣнилась эта Зина за десять-то лѣтъ. Иванъ Сергѣевичъ точно меня подслушалъ.

— Да простить мнѣ Богъ — иной разъ приходитъ въ голову: какая она теперь? И молодости той нѣтъ и одѣться не очень умѣла. Но это полъ бѣды. У меня, знаете, романъ тутъ произошелъ... съ Денизой... Да, вотъ, у меня карточка...

Онъ сразу вытащилъ изъ кармана открытку. Лицо французенки подкупало спокойствіемъ и кроткимъ выраженіемъ темныхъ глазъ. Но не оно меня взволновало. Около нея, на стулѣ, помѣстился черненькій мальчуганъ, а другой — лѣтъ двухъ — сидѣлъ на ея колѣняхъ. Его свѣтлая головка, глаза, даже прямой маленькій носъ воспроизводили фizioномію моего спутника. Кажется, впервые видѣла я въ ребенкѣ такое разительное сходство со взрослымъ человѣкомъ. Я испуганно спросила:

— Это вашъ сынъ?

Иванъ Сергѣевичъ тихо сказалъ:

— Оба... Говорю вамъ — бѣда. Да, вѣдь, какъ все просто случилось. Приѣхалъ я во Францію. Усталость — война гражданская, по моему, молодымъ-то хуже стариковъ обошлась. Ну, заводы, шофферство — очень все казалось униженнымъ. Прочелъ я объявленіе: на ферму ищутъ молодого работника. Поѣхалъ. Ферма большая, хозяйственная, дѣла и зимою хватить. Хозяева ничего, привѣтливые. Спрашиваютъ: кто таковъ? Казакъ, говорю, солдатъ. Ну, остался.

Мужъ — старикъ, а Дениза — сами видѣли, а тогда прямо дѣвочка была. Онъ ее взялъ изъ бѣдной семьи за молодость, за красоту. Однако, дѣтей у нихъ не родилось, — знаете, каково это въ крестьянскомъ быту. Сколько она упрековъ выслушала, и въ Лурдъ ѣздила, и Мадоннѣ сердечки, тамъ, разные дарила.

Онъ улыбнулся своей милой улыбкой, посмотрѣлъ на карточку и спряталъ ее.

— Старикъ часто уѣзжалъ по дѣламъ. Оставались мы вдвоемъ да еще старуха, прислуга. Мы хозяйничали, обѣдали, — она все у меня русскія слова спрашивала. Посидимъ вечеромъ, потомъ она зажжетъ свѣчи, себѣ и мнѣ, вздохнетъ — и разойдемся спать. Спали наверху, ихъ комната — черезъ одну отъ меня. Она остановится, скажетъ по-русски — смѣшно выговаривала: спокойной ночи, Иванъ. И уйдетъ, медленно.

— А вы?

— По началу, не обращалъ на нее вниманія. А потомъ привязался, да и не старикъ я — ну, бывало тяжело...

Онъ всталъ, выглянулъ въ корридоръ, точно боялся, что его подслушиваютъ. Обернулся и, не садясь, сказалъ:

— Такъ мѣсяца три тянулось. Одинъ разъ уѣхалъ старикъ и прислугу забралъ съ собою. Погода ужъ совсѣмъ весенняя, вѣтерокъ, знаете, великопостный, нервный такой, влажный. Ушелъ я къ себѣ, легъ. Кровать широкая, деревянная. Мнѣ не спится. Въ окно — видали окошки эти, маленькія, почти квадратныя, — луна свѣтитъ. Я всталъ, выглянулъ, — холодно, туманно и все сине. Лужайка передъ домомъ, тополя, дальше — рѣка поблескиваетъ. И мирное все, такая во всемъ тишина, полнота, нерастраченность. Точно я впервые понялъ, что и весна идетъ, и никакой войны нѣту, и самъ я молодъ — до крика, до экстаза это почувствовалъ.

Улегся снова, затаился. Слышу — шаги. Въ щелку, на полу, отъ свѣчи легла полоска. Остановилась Дениза, потомъ говорить:

— Завтра надо въ лавку сходить.

У меня горло сдавило. Сглотнулъ слюну, зову:

— Можно.

Она вошла, поставила свѣчу на стулъ. Оба молчимъ. Вдругъ она какъ бросится ко мнѣ — свѣча свалилась, погасла. Одна луна смотритъ. Упала Дениза на колѣни, у моего изголовья, бьется, плачетъ.

— Oh, que je suis malheureuse!

Я ее поднимаю, самому и встать невозможно — раздѣтый. Подтянулъ голову ея, обнялъ. — Милая, — говорю, — милая... А она вся горитъ и ужъ себя не помнитъ, только одно слышу:

— Oh que je t'aime! Oh pauvre de moi!...

Что у насъ за ночь была — описать невозможно. Плакали оба и крестили другъ друга — каждый на свою сторону — и слова все такія молодыя, чистыя. Прямо скажу — брачная ночь.

Иванъ Сергѣевичъ сѣлъ рядомъ со мной и закрылъ лицо руками. Вагонъ уже освѣтили, я смотрѣла на его

русую голову, и вспоминалась мнѣ простонародная ласка: головушка побѣдная. И у меня голосъ пресѣкся, я спросила, почти шопотомъ:

— А дальше какъ же? Что мужъ?

— Потомъ у насъ такая любовь пошла, такая страсть, что намъ все на свѣтѣ — трын-трава. Тутъ лѣто подошло, мужъ намъ не мѣшалъ, еще и самъ иной разъ то въ поле отправить, то еще куда...

А какіе дни бывали! Сѣнокосъ, душисто кругомъ, въ небѣ круглыя облака. Домой вернешься — хороший ужинъ, за домомъ цвѣты. Даже когда къ зимѣ свинью рѣзали, свѣжевали — и то праздникъ. Всѣ мы на кухнѣ, очагъ трещитъ, старуха колбасы машинкой набиваетъ. Дениза сало топить, всѣ сыты, а шкварками хрустимъ.

Я и не чувствовалъ своего положенія — точно намѣренно опростился и жену взялъ — какъ бы толстовецъ какой... Не прошло и года, родился мальчишка. Въ домѣ торжество, а у насъ съ нею и радость и горе. Спрашиваетъ меня: какое имя ему дать, въ родѣ русскаго? Окрестили Андреемъ. Этотъ вотъ, старшенькій, что въ нее — Андрюшка.

Иванъ Сергѣевичъ снова показалъ мнѣ карточку.

— Тамъ еще годика полтора — и Клодъ родился. Я за это время сталъ въ домѣ вовсе своимъ человѣкомъ. Дениза расцвѣла, поетъ и на старика иной разъ прикрикнетъ. Даже ночевать ко мнѣ ходила. Вышло такъ, что мы — хозяйева, а его терпимъ, въ родѣ родственника. И я же еще ревновалъ.

— А невѣста? Вы писали ей?

Онъ весь поникъ.

— Писалъ... вралъ. Не трусость — честное слово даю вамъ. Но, вѣдь, знаю, какая вокругъ нея сейчасъ жизнь идетъ. А что, какъ она отъ правды моей все презреть да пустится во всѣ тяжкія? Старики наши живы — какъ они ударъ такой вынесутъ?.. А впрочемъ, и самъ я не знаю, какъ изъ всего выйти.

— Я васъ прервала, простите.

— Да нѣтъ, больше и говорить почти что нечего. Стала она Клода растить — и, какъ я уже вамъ говорилъ, радость у насъ и счастье. Ну, а въ тотъ день, когда она мальчишку отъ груди оторвала — старикъ и показалъ власть. Какъ вспомню... Кажется, книжку написать можно, — а и всего только обычный день, на кухнѣ сидимъ, обѣдаемъ, ну, вино тамъ красное, очагъ; высокій плетеный стулъ; скатерть въ клѣточку — самыя все простыя вещи. Говоритъ старикъ и спокойно такъ:

— Мнѣ, Иванъ, больше работникъ не нуженъ. Ты ѣзжай въ городъ — пока до сезона и работу подыщешь...

Дениза не поняла, переспрашиваетъ. Я зато сразу

все понялъ: дать ему наслѣдниковъ — и кончена моя роль. Вотъ и все... Сказалъ:

— Ты навѣдывайся, на праздники пріѣзжай, мы всегда рады...

И вотъ, видите, дѣйствительно, ѣзжу въ гости къ нимъ, пироги отъ нихъ везу, — а тамъ сыны растутъ...

— Да какъ же она-то допустила?

Иванъ Сергѣевичъ неловко дернулъ головою и подтянулъ галстухъ.

— Что же дѣлать? Она католичка, набожная — не разведешь, да онъ ни за какія деньги и не дастъ ей развода, онъ ей настоящимъ хозяиномъ только теперь и сталъ. Куда сбѣжишь съ женщиной и двумя дѣтьми? Да я о ту пору и гроша за душой не имѣлъ: и на дѣтей тратилъ, и своимъ посылалъ — да и какіе капиталы въ батракахъ? Я вамъ хуже скажу: у меня въ первую минуту и на нее сомнѣніе поднялось, — ужъ не съ общаго ли согласія свободу намъ такую предоставляли... Но куда тамъ! Вскочила Дениза, кинулась ко мнѣ, кричить:

— Иванъ, ты не уйдешь. Я зарѣжу дѣтей!..

Какъ объяснить мое состояніе? Я лежалъ у себя и слышалъ, какъ она рыдаетъ, въ голосъ кричить. Билъ онъ ее въ ту ночь.

Я вскрикнула:

— И вы не вступились?!

— Нѣтъ. Если бы всталъ — я бы его задушилъ... Но даже и не очень себя сдерживалъ, чтобы не встать. Разомъ все на меня навалилось: чужбина, батрачество, и дѣти мои — не мои, и Зина... И я разомъ обнищалъ, такое опустошеніе — лежалъ, какъ неживой, какъ тряпка вывѣтренная... Я теперь служу, устроился хорошо, а жизни нѣтъ. За Зину душа изныла, а всѣ мысли съ Денизой, съ ребятами... Можетъ, патриархальное-то воспитаніе и виновато во всемъ — стала она мнѣ подлинной женой... Все думаю: не бьетъ ли ихъ старикъ, люди не издѣваются ли. Она кроткая, въ церковь ходитъ, а я не очень вѣрующій, мнѣ только объ стѣнку лбомъ колотиться.

Въ наше купѣ вошла женщина въ черномъ, долго расправляла юбки, усаживалась. Она спугнула бесѣду. Впрочемъ, я даже радовалась, что приближаются огни парижскаго предмѣстья, что не надо давать безплодныхъ и фальшивыхъ совѣтовъ, что не успѣетъ возникнуть между нами та пустота и враждебность, которая часто слѣдуетъ за приступами откровенности, особенно у людей мало знакомыхъ.

На вокзалѣ мы разстались, даже не назвавши фамилій.

Н. Городецкая



Похищеніе генерала А. П. КУТЕПОВА

Несмотря на принятыя полиціей мѣры по розыску похитителей генерала А. П. Кутепова, никто изъ нападавшихъ до настоящаго времени не задержанъ.

Къ аресту виновныхъ не привели ни тщательное наблюденіе за подозрительными лицами въ Парижѣ и рядѣ другихъ пунктовъ Франціи, ни обслѣдованіе побережья, ни спеціальныя поѣздки агентовъ полиціи за границу, ни содѣйствіе прессы и объявленныя большія денежныя награды.

Между тѣмъ несмѣнно, что организаторы похищенія, дѣйствуя по строго выработанному плану, имѣли въ своемъ распоряженіи значительную группу исполнителей — и тѣхъ, кто похитилъ генерала, и соучастниковъ, размѣщенныхъ по пути слѣдованія автомобиля для сигнализациіи удачи или неудачи, и укрывателей въ пунктѣ, куда былъ доставленъ генералъ Кутеповъ.

Въ данномъ дѣлѣ полиція встрѣчается съ большою международною организаціей, дѣйствующей — и въ этомъ отношеніи сомнѣній быть не можетъ — по директивамъ коммунистической партіи.

Незадолго до похищенія генералъ А. П. Кутеповъ обратился къ чинамъ обще-воинскаго союза на Дальнемъ Востокѣ со слѣдующими словами:

«Только вѣрность славнымъ традиціямъ, сплоченность и несокрушимое единство — не даютъ намъ пре-

вратиться въ безнадежно разсѣянную бѣженскую пыль, бесполезную для Россіи.

Наша цѣль — Россія. Наша сила — въ единеніи. Чѣмъ ближе рѣшительные сроки, тѣмъ ближе радостный день освобожденія Россіи, тѣмъ тѣснѣе мы должны сплотиться вокругъ нашего національнаго знамени»...

Похищеніе генерала А. П. Кутепова вызываетъ отклики въ разныхъ странахъ. Отмѣтимъ рѣчь доктора К. П. Крамаржа на студенческомъ съѣздѣ народныхъ демократовъ въ Прагѣ:

— Генералъ Кутеповъ былъ мнѣ очень близокъ. Я не знаю среди русскихъ челоука въ моральномъ отношеніи болѣе сильнаго и крупнаго.

Генералъ Кутеповъ былъ подлинной и единственной надеждой всѣхъ русскихъ эмигрантовъ, былъ дѣйствительно великимъ славяниномъ; а насъ какъ онъ любилъ!

Надежды на него имѣли полное оправданіе, ибо это онъ изъ несчастныхъ людей, подавленныхъ пораженіемъ и утратившихъ вѣру въ будущее, голодныхъ и нищихъ, сдѣлалъ дружину героевъ, которые по его зову готовы были въ любой моментъ пожертвовать своею жизнью за свой народъ и за Великую Россію. Таковъ былъ генералъ Кутеповъ...

Томашъ Гарригъ Масарикъ

Т. Г. Масарикъ, президентъ Чехословацкой республики, чей восьмидесятилѣтній юбилей только что былъ дружно отпразднованъ въ Чехословакии, родился 7-го марта 1850-го года въ мѣстечкѣ Годонинъ, въ Моравіи, въ небогатой семьѣ.

Его отецъ служилъ кучеромъ въ одномъ изъ императорскихъ помѣстій.

Мальчикъ 13-ти лѣтъ поступилъ ученикомъ къ слесарю, а затѣмъ подмастерьемъ къ кузнецу. Онъ посѣщалъ и школу. Тамъ на него обратилъ вниманіе учитель и уговорилъ отца дать Томашу общее образованіе.

Т. Масарикъ поступилъ въ ближайшую гимназію, перешелъ затѣмъ въ среднюю школу въ Вѣнѣ, кончилъ тамъ же университетъ со степенью доктора философіи и, 32-хъ лѣтъ, началъ читать лекціи въ университетѣ въ Прагѣ.

Одновременно занятый политическими проблемами, онъ организовалъ, совмѣстно съ Крамаржемъ, группу «реалистовъ» въ младочешской партіи и въ 1891-мъ году былъ впервые избранъ депутатомъ въ рейхсратъ.

Широко извѣстна и чехословаками по достоинству оцѣнена его дѣятельность въ Чехословацкомъ, Національномъ Совѣтѣ въ Парижѣ, направленная къ достиженію политической независимости чеховъ.

Будучи другомъ національной Россіи, Масарикъ не разъ указывалъ на роль ея въ славянскомъ мірѣ.

Въ 1916-мъ году онъ обратился къ кievскому съѣзду чеховъ со словами:

«Ваша колонія въ Россіи занимаетъ особое положеніе среди колоній.

Въ настоящее время вы одни живете въ славянскомъ государствѣ, имѣющемъ рѣшающее значеніе.

Не только мы, славяне, но также неславянскіе западные народы, видятъ въ Россіи главнаго дѣятеля въ этой войнѣ и въ послѣвоенномъ развитіи.

Это придаетъ и намъ, чехамъ, и всѣмъ славянамъ, моральное и до извѣстной степени и политическое вліяніе, за которое всѣ мы благодарны Россіи».

Въ 1917-мъ году въ Кіевѣ же Масарикъ повторилъ эти мысли на казачьемъ съѣздѣ, рѣзко высказавшись по поводу захвата государственной власти коммунистами.

— Привѣтствую васъ, братья казаки, — говорилъ онъ тогда. Мы, чехи, привыкли считать казаковъ друзьями чехословацкаго народа... Я счастливъ, что, возвратясь на родину, смогу сказать своимъ землякамъ: «Мнѣ выпало на долю счастье отъ души и по душамъ говорить съ казаками».

Выступленіе чеховъ въ Россіи повело къ признанію державами Національнаго Совѣта, какъ временнаго правительства Чехословацкой республики.

Въ 1920-мъ году, при выборахъ президента, проф. Масарикъ почти единогласно былъ избранъ президентомъ и, въ 1927-мъ году, переизбранъ снова.

Наши художники

Л. М. БЕНАТОВЪ



И тѣмъ пріятнѣе щедрость въ похвалахъ русскому художнику Л. М. Бенатову за выставленный въ Салонѣ Независимыхъ *nature-morte* «Устрицы».

Какъ тонкій гурманъ, рисуетъ критикъ это лакомое блюдо:

Маститый сотрудникъ газеты «*Temps*» м-р Thiébault-Sisson сорокъ лѣтъ служить искусству въ роли художественнаго критика.

Его независимость въ сужденіяхъ, строгость въ оцѣнкѣ и скупость на слова — общеизвѣстны.



Материнство.



Первая радость.

Л. М. Бенатовъ началъ писать рано. Ему не было и двадцати, когда Третьяковская Галлерейя приобрѣла его «Автопортретъ».

За границей имъ написанъ «Семейный портретъ», приобретенный въ 1929-мъ году Филадельфійскимъ го-

родскимъ музеемъ, «Первая радость», «Материнство» (1928 г., коллекція Фламмаріона) и другія.

Поздравляемъ художника съ новымъ большимъ успѣхомъ.

La nature morte au plat d'huîtres, du Russe Benatov, est un véritable régal pour l'œil d'un connaisseur. Elle est peinte dans une gamme de tons forts, verts et noirs, qui s'accordent à ravir avec le blanc très atténué du plat, avec les blancs très doux des gousses d'ail et des échalotes qui font cortège au plat d'huîtres et avec les bleux amortis d'un tapis de table. Et non seulement cela chante, mais il y a dans le dessin, comme dans l'effet de couleur, une ardeur et une autorité qui subjuguent.

Vous ne trouverez rien, dans la même salle, qui puisse entrer en lutte avec ces œuvres maîtresses.

И Г Р А

LE JEU

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ИЛЬИ СУРГУЧЕВА

Актъ второй.

Вилла на берегу моря. Гостинная въ квартирѣ Blanche. Лѣтняя легкая мебель. Горничная, деревенская дѣвка, заканчиваетъ уборку. Развалившись въ longue chaise, Бертранъ лѣниво читаетъ газету. Онъ носить бороду, изысканно одѣтъ, — баринъ. До поднятія занавѣса играетъ Т. S. F. Послѣ поднятія занавѣса нѣкоторая пауза.

БЕРТРАНЪ (*лѣниво, разслабленнымъ голосомъ, указывая на Т. S. F.*): — Заткни его, пожалуйста; надоѣло.

ГОРНИЧНАЯ: — Съ величайшимъ удовольствіемъ, графъ. (*Переводитъ штепсель, и Т. S. F. умолкаетъ*). Признаться, я недолюбливаю этой машины. Мнѣ все кажется, что тутъ дѣло не безъ черта.

БЕРТРАНЪ (*лѣниво*): — Кого?

ГОРНИЧНАЯ: — Наше мѣсто — свято, графъ. Народъ религіозный, всѣ дѣти — крещеныя, и ни одна дѣвушка не дастъ вамъ пошалить, если вы не перевѣнчаетесь съ ней въ церкви.

БЕРТРАНЪ: — Кого?

ГОРНИЧНАЯ: — И, если васъ обуреваютъ черныя мысли, обратитесь къ кюрэ. Онъ успокоитъ васъ, выслушаетъ и дастъ отпущеніе.

БЕРТРАНЪ: — Кого?

ГОРНИЧНАЯ: — Если же у васъ дурные сны, то лучше всего поставить пѣвки вотъ здѣсь (*показываетъ на затылокъ*), у насъ есть превосходный цирюльникъ. Если же вы не довѣряете цирюльнику, то вызовите доктора. Онъ живетъ недалеко, километровъ 25.

БЕРТРАНЪ: — Кого?

ГОРНИЧНАЯ: — Вотъ вы, графъ, все читаете газеты, а я вамъ скажу, что самое вредное дѣло на землѣ — политика. У насъ здѣсь, одно время, завелся было политикъ. Наши мужики слушали, слушали его, а потомъ взяли и бросили въ колодезь.

БЕРТРАНЪ: — Кого?

ГОРНИЧНАЯ: — Я васъ немного не понимаю, графъ. Вы мнѣ все отвѣчаете: «кого?». Что значить это: кого?

БЕРТРАНЪ (*лѣниво*): — Это значить: кого интересуется все то, что ты мнѣ тутъ рассказываешь? Заткнись, милая!

ГОРНИЧНАЯ: — Заткнулась, графъ!

(*Входитъ Blanche, оживленная, веселая, въ широкой соломенной шляпкѣ, съ зонтикомъ*).

BLANCHE (*съ порога*): — Ой, ой, ой, папочка! Только что извоили продрать глазки? Какъ не стыдно! Море бархатное, небо атласное, воздухъ райскій, а мы все спимъ?

БЕРТРАНЪ (*холодново*): — Добраго утра, милая!

BLANCHE (*цѣлуя Бертрана въ лобъ*): — Добраго утра, мой старичекъ! Хорошо ли спалъ?

БЕРТРАНЪ (*разслабленно*): — Ахъ, этотъ мой сонъ! Тѣло спитъ, а голова работаетъ. И все кошмаръ: то какія-то кошки играютъ въ чехарду съ котами, то кто-то таскаетъ меня за волосы...

ГОРНИЧНАЯ (*перебивая*): — Съ вашего позволенія, графъ: это — къ дорогѣ.

БЕРТРАНЪ: — Что за несносная дѣвка! Цѣлое утро мелеть здѣсь всякій вздоръ, не переставая! Къ какой дорогѣ? Почему къ дорогѣ?

ГОРНИЧНАЯ: — Если не вѣрите, загляните въ сонникъ. Разъ волосы — значитъ, къ дорогѣ...

БЕРТРАНЪ: — Убирайся вонъ и не вертись у меня больше передъ глазами! Каркаетъ тутъ подъ самымъ носомъ! Пифія выискалась! (*Горничная, собравъ свои метелки, уходитъ; обижена*).

БЕРТРАНЪ: — Никакихъ дорогъ! Никакихъ передвиженій! И какого дьявола еще надо? Море, тепло, августъ мѣсяцъ, отличныя вина къ обѣду, буржуазное существованіе, — умирать не надо! И потомъ

— ты, ты, Blanche! Жить съ тобой подъ одной крышей!..

BLANCHE (*полируя ногти*): — Въ этомъ пунктѣ я никакъ не могу понять твоей восторженности. При чемъ здѣсь я?

БЕРТРАНЪ: — Ты — не наблюдательна, Blanche. Все свое вниманіе ты сосредотачиваешь на этомъ проклятомъ русскомъ, на болванѣ профессорѣ и на его дѣвчонкѣ!

BLANCHE: — Но, мнѣ кажется, что я за тѣмъ сюда и пріѣхала, чтобы сосредотачивать свое вниманіе на этомъ «проклятомъ русскомъ», какъ ты ласково изволишь выразаться... .

БЕРТРАНЪ: — Ну, а откуда чертъ принесъ этого профессора съ его дѣвченкой?

BLANCHE: — Вѣроятно, все оттуда же, откуда берутся люди, пріѣзжающіе на отдыхъ къ морю?

БЕРТРАНЪ (*съ раздраженіемъ*): — И подумать только, что всякая дылда, всякій телеграфный столбъ имѣетъ право на отдыхъ, важно грѣетъ свой животъ на солнцѣ и морочить голову добрымъ людамъ!..

BLANCHE: — Между прочимъ, Бертранъ. Я тебя давно уже хочу просить: будь полюбезнѣй съ этимъ профессоромъ и съ его дочкой. Они здѣсь создаютъ атмосферу высокой семейственности, и это въ высшей степени благоприятно облегчаетъ мою работу. А у тебя всегда поднимается шерсть при видѣ этихъ людей!

БЕРТРАНЪ: — Милая моя, но, вѣдь, поневолѣ поднимется шерсть! Русский, — это куда ни шло! Въ концѣ концовъ, я получаю за него деньги, ну, а почему я долженъ терпѣть этого идиота профессора? Когда я его вижу, я готовъ лаять на луну!

BLANCHE: — Но, дорогой мой, надо понять, что мы не можемъ работать въ безвоздушномъ пространствѣ! Кругомъ — люди, жизнь идетъ своимъ чередомъ, мы должны образовать какой-то кружокъ и тогда мы вѣрнѣе придемъ къ намѣченной цѣли!

БЕРТРАНЪ: — О, эта проклятая «намѣченная» цѣль!

BLANCHE: — Ей Богу, Бертранъ, можно подумать, что тебѣ 18 лѣтъ и что ты еще не держалъ экзамена въ театральную школу! Какъ будто, ты не знаешь, что самая ужасная вещь на сценѣ это — безпокойный актеръ, который не подчиняется режиссеру, который не запоминаетъ мизансценъ и не умѣетъ слушать суфлера! Тебя наняли сыграть опредѣленную роль, — дѣлай свое дѣло и не мѣшай другимъ!

БЕРТРАНЪ (*горько-иронически*): — «Тебя наняли».

BLANCHE: — Ну, да, такъ оно и есть: тебя наняли, это — твоя профессія, и я никакъ не могу понять твоихъ ироническихъ интонацій.

БЕРТРАНЪ: — Трагедія — не въ этомъ, Blanche...

BLANCHE: — О, Бертранъ! Ты снова заводишь свою пѣсню!

БЕРТРАНЪ: — Трагедія — въ томъ, что я полюбилъ тебя, Blanche.

BLANCHE: — Это я услышала черезъ полчаса послѣ отхода поѣзда...

БЕРТРАНЪ: — И это тебѣ надоѣло...

BLANCHE: — Это мнѣ мѣшаетъ и тормозитъ ту работу, для которой я сюда пріѣхала. И позволь мнѣ сказать по-товарищески, Бертранъ: тебѣ уже о Богѣ нужно думать, а не о любви!

(*Бертранъ хотѣлъ вспыхнуть, но въ это время входитъ Горничная съ почтой и съ какой-то книгой*).

BLANCHE (*быстро мняа тонъ и цѣлуя Бертрана въ лобъ*): — И я крѣпко, крѣпко люблю своего стараго капризулю, папочку! (*Вздыхая*): — И какъ жаль, что съ нами нѣтъ нашей бѣдной, нѣжной мамочки!

БЕРТРАНЪ (*невольнo переходя въ тонъ игры*): — Увы! Она смотритъ на насъ съ высоты небесъ! (*Поднимаетъ глаза кверху*).

ГОРНИЧНАЯ: — Почта для васъ, графиня!

(*Подаетъ Blanche почту, а потомъ съ побѣдоноснымъ видомъ подходитъ къ Бертрану, разворачиваетъ передъ нимъ принесенную книгу и открываетъ страницу, заранее приготовленную*).

ГОРНИЧНАЯ: — Извольте убѣдиться, графъ. Видите? Напечатано. Видѣть во снѣ волосы — къ дальней дорогѣ.

БЕРТРАНЪ (*поднимаетъ голову, нѣкоторое время пристально смотритъ ей въ глаза и потомъ медленно говоритъ*): — Пошла вонъ! (*Горничная обиженно уходитъ*).

БЕРТРАНЪ (*Blanche*): — Выгони, пожалуйста, эту толковательницу сновъ: житья отъ нея нѣтъ! Классическая дура!

BLANCHE (*среди писемъ нашла что-то интересное и не обращаетъ вниманія на воркотню Бертрана*): — Ого! Ого!..

БЕРТРАНЪ: — Что тамъ такое? Отъ кого письма?

BLANCHE (*многозначительно*): — Отъ самого! Отъ самого господина Директора! (*Съ любопытствомъ читаетъ про себя*).

БЕРТРАНЪ: — О чемъ пишетъ этотъ паукъ?

BLANCHE: — Постой, не мѣшай! (*Читаетъ, постепенно лицо ея дѣлается удивленнымъ и смѣшнымъ*): — Что это такое? Въ чемъ дѣло? (*Начинаетъ постепенно смѣяться и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше смѣхъ переходитъ въ хохотъ*).

БЕРТРАНЪ (*заинтригованный*): — Но въ чемъ дѣло?

BLANCHE (*раскатисто хохочетъ*).

БЕРТРАНЪ (*вставляя монокль; нетерпѣливо*): — Но въ чемъ дѣло?

(*Въ дверяхъ показывается мордочка Горничной. Сначала она недоумѣваетъ, но потомъ, видя смѣющуюся Blanche, сама начинаетъ безпричинно смѣяться*).

БЕРТРАНЪ (*раздраженно, Горничной*): — Да, да, вотъ какъ разъ васъ тутъ не хватало! Мы все думали: куда это вы подѣвались? Ну и чего же вы

это смѣтается? Вотъ я вамъ покажу пальчикъ, а вы еще больше посмѣйтесь! Ну, еще! А ну, еще! Пораскатистѣй! Ой, какъ хорошо! Ой, какъ звонко! Bravo, bravo, bravo!

ГОРНИЧНАЯ: — Нашъ цирюльникъ говорить, что у меня — хорошее пищевареніе, господинъ графъ, а потому меня всегда тянетъ къ смѣху!..

БЕРТРАНЪ (*иронически*): — Съ чѣмъ васъ и поздравляю, моя дорогая! (*Вдругъ сердито*): — Blanche! Эта дѣвка дѣйствуетъ мнѣ на нервы! Ставлю ультиматумъ: или я или она!

(*Горничная дѣлаетъ сразу обиженное лицо и мгновенно скрывается*).

BLANCHE (*вытирая слезы*): — Фи! Бертранъ! Чего ты злишься?

БЕРТРАНЪ: — Я не злюсь, а я тебѣ спокойно заявляю свое требованіе: если она тебѣ нужна, ты можешь нянчиться съ ней, сколько угодно, но чтобы мнѣ она на глаза не попадалась! И такъ нервы расходились, а тутъ еще это сокровище! Безъ всякихъ причинъ ржетъ, какъ кобыла на овесъ!

BLANCHE (*снова начинаетъ смѣяться. Бертранъ, сердитый, встаетъ съ кресла, подходитъ къ ней, хочетъ взять письмо, но та прячетъ его за спину*).

БЕРТРАНЪ: — Не дури, пожалуйста! Дай письмо! Что-нибудь касается меня?

BLANCHE (*вытирая слезы*): — Насъ обоихъ, дорогой мой, насъ обоихъ!

БЕРТРАНЪ (*нетерпеливо протягиваетъ руку*): — Но тогда дай же прочесть!

BLANCHE: — Я тебѣ прочту его сама! Я сначала должна тебя подготовить!

БЕРТРАНЪ: Къ чему ты должна меня подготовить? Что еще за подготовка?

BLANCHE: — Бертранъ! Можешь ты въ теченіе одной минуты меня не перебивать?

БЕРТРАНЪ: — Могу, да.

BLANCHE: — Ты помнишь, какъ я нѣсколько разъ говорила, что ты — бездарный актеръ!

БЕРТРАНЪ (*иронически*): — Она мнѣ говорила! Это произвело на меня потрясающее впечатлѣніе! Собака можетъ брехать даже на архіепископа, но архіепископъ отъ этого ничего не теряетъ въ своемъ достоинствѣ!

BLANCHE: — Ты же только-что объяснялся мнѣ въ любви, Бертранъ, а теперь величаешь собакой?!

БЕРТРАНЪ: — Объяснялся тебѣ въ любви человекъ Бертранъ, а актеръ Бертранъ — это совсѣмъ другое дѣло, дорогая моя! Одно другого не касается! Ты можешь говорить все, что угодно, человеку, но актера — не тронь! Ибо ты — не собака, но ты — и не Сарра Бернаръ! Если бы Сарра Бернаръ мнѣ сказала, что я — бездарный актеръ, то я еще задумался бы! А то она! «Она мнѣ говорила!» Ахъ, она мнѣ сказала, ахъ, дайте мнѣ веревку, ахъ, я иду въ садъ вѣшаться! Смѣшно! Изволь читать письмо, разъ оно касается меня, — и безъ всякихъ разговоровъ!

BLANCHE (*скрививъ дѣтскую мордочку*): — Папусинька! Мой многоуважаемый папусинька! Папуленчикъ! Мой восхитительный предокъ! Насъ обоихъ съ тобой обижаютъ. И тебя и меня.

БЕРТРАНЪ (*какъ встрепенувшійся орелъ*): — Кто это осмѣливается? Онъ? Директоръ?

BLANCHE (*смиренно*): — Да. Онъ. Директоръ.

БЕРТРАНЪ (*величественно*): — Читай письмо! Я не желалъ бы встрѣтить на своей дорогѣ того несчастнаго, который, хоть намекомъ, хоть дуновеніемъ, осмѣлится «обидѣть» актера Бертрала! Я способенъ вынуть изъ живота кишки этого человека и намотать ихъ вокругъ самаго грязнаго фонаря!

BLANCHE: — Я пошутила, благородная кровь моя! Напрасно ты говоришь о такихъ жестокостяхъ! Онъ, напротивъ, собирается прибавить намъ жалованья.

БЕРТРАНЪ (*сразу смягчившись*): — Тогда разрѣши замѣтить, Blanche, что твои шутки — неумѣстны. Я не первый годъ знаю Директора и считаю его джонтьменомъ! (*Встаетъ съ кресла и въ легкомъ возбужденіи ходитъ по комнатѣ*): — Конечно, мы получаемъ не мало, мы получаемъ достаточно, но, Blanche, Казино — вѣдь, такъ богато! Ресурсы его такъ велики, что, если двумъ бѣднымъ актерамъ и рѣшено прибавить десятку, другую, — то, увѣряю тебя: это только справедливо!

BLANCHE (*скрыто-иронически*): — Ну, еще бы!

БЕРТРАНЪ (*ходитъ по комнатѣ, въ легкой ажитации*): — Нѣтъ, ты серьезно подумай, Blanche! Вѣдь, если я, напримѣръ, въ театрѣ (*подчеркиваетъ: «въ театрѣ»*), съ 8 до 11, хожу съ наклеенными бакенбардами, то это ужъ самъ Богъ такъ велѣлъ: это — мое ремесло. Но здѣсь, въ этой обстановкѣ, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ (*подчеркиваетъ: «вотъ уже цѣлый мѣсяцъ»*) таскать на головѣ и на щекахъ чужіе волосы, съ ранняго утра до поздней ночи, — это пытка, Blanche, это — инквизиція! Жара, зной, клей не держитъ, — каждый часъ я долженъ бѣгать въ свою комнату смотрѣть, не слѣзъ ли парикъ, не отклеились ли усы или борода? А когда я иду купаться? Такъ, вѣдь, я же трясусь отъ страха! А вдругъ набѣжитъ волна и смоетъ весь мой гримъ?!

BLANCHE: — Воображаю!

БЕРТРАНЪ: — То то и оно! Я все время боюсь намочить лицо и потому держу голову надъ водой вотъ такъ, какъ моржъ. (*Показываетъ, какъ онъ задираетъ голову надъ водой*): — Я не могу нырнуть, я хожу на мелкихъ мѣстахъ, и русскій думаетъ, что я боюсь воды и что, вообще, я — баба. Это же унижаетъ мое мужское достоинство! Я принужденъ плавать по-собачьи, вотъ такъ! (*Показываетъ, какъ онъ плаваетъ, чтобы не замочить своихъ бакенбардъ, увлекается и переходитъ въ веселые, жизнерадостные тона*).

BLANCHE (*въ то время, какъ Бертранъ демонстрируетъ свою манеру плаванія*): — Ой, набѣгаетъ волна!

БЕРТРАНЪ (*истерически пугается, хватается руками за бакенбарды, съ высоко поднятой головой, въ*

паникь выскакиваетъ на мелкое мѣсто и дрожитъ мелкой дрожью, не попадая зубъ на зубъ).

BLANCHE (играя): — Ты продрогъ, мой милый папочка?

БЕРТРАНЪ (лягая зубами): — О, нѣтъ, милая, вода сегодня — райская.

BLANCHE: — Ты хочешь, чтобы я дала тебѣ твой лохматый халатикъ?

БЕРТРАНЪ (трясется и все ощущиваетъ волосы и бороду): — Да-ай!

BLANCHE (какъ на театральныя репетиціи, подходитъ къ нему яко бы съ халатомъ; Бертранъ яко бы надѣваетъ его, и Blanche начинаетъ растирать ему спину): — Вотъ такъ, вотъ такъ!

БЕРТРАНЪ (блаженно закрываетъ глаза): — Тепло-о! Хорошо-о! Теперь я полежу на песочкѣ. (Ложится на полъ, какъ на песокъ): — Песочекъ тепленькій! Рюмашку бы! А?

BLANCHE: — Но съ наслажденіемъ, родной! Чего бы ты хотѣлъ? Марсалы? Коньячку?

БЕРТРАНЪ (хитро подмигивая глазомъ): — Я бы съ большимъ удовольствіемъ прошелся по monachorum benedictorum...

BLANCHE: — Хочешь бенедиктину? Отлично. Сейчасъ дадимъ тебѣ бенедиктину!

(Въ воображаемую рюмку Blanche наливаетъ воображаемаго бенедиктину, осторожно подноситъ его Бертрану; тотъ пьетъ, щелкаетъ языкомъ, щурится отъ удовольствія: вся гамма игры).

БЕРТРАНЪ: — Ахъ, какой бенедиктинъ! Могу пари держать, что это довоеннаго изготавленія! (И вдругъ, мгновенно, Бертранъ обрываетъ игру, вскакиваетъ съ пола, отряхивается и резко переходитъ въ обычный житейскій тонъ): — Теперь чувствуешь разницу? Въ театрѣ мнѣ даютъ чью-то пьесу, готовые слова, помощникъ режиссера указываетъ мнѣ, когда я выхожу на сцену, изъ будки мнѣ помогаетъ суфлеръ, а, вѣдь, здѣсь: пьесы нѣтъ? Репетицій нѣтъ? Суфлера нѣтъ? Мы съ тобой должны творить все сами? Каждую минуту, каждую секунду мы должны быть на чеку, импровизировать? И развѣ это не стоитъ прибавки? Директоръ знаетъ, что дѣлаетъ!

BLANCHE (снова переходя въ игру): — Папочка! А солнышко не напечетъ тебѣ темени?

БЕРТРАНЪ (подхватывая и мгновенно перевоплощаясь): — Возьми, дѣточка, платочекъ, намочи въ водицѣ и положи его мнѣ на головку.

BLANCHE (достаетъ изъ сумочки платокъ, встряхиваетъ его, на ципочкахъ подходитъ къ рамѣ, къ воображаемой водѣ, якобы мочитъ его, выжимаетъ, расправляетъ и осторожно кладетъ на голову Бертрана).

БЕРТРАНЪ (онъ — въ блаженномъ состояніи): — Вотъ! Теперь я не боюсь ничего.

BLANCHE: — А сейчасъ мы подсядемъ къ тебѣ, прочитаемъ газетку...

БЕРТРАНЪ (умилно): — Нѣтъ, моя голубенькая, ты газетки не читай. Ты не томи папочку и прочти ему письмецо.

BLANCHE (по дѣтски картавая): — Папочка ходеть знать, сто тамъ написано, въ этомъ письмецѣ?

БЕРТРАНЪ (тоже картавая): — Папочка очень хочетъ знать, сто тамъ написано, въ этомъ письмецѣ! Папочка горитъ нетерпѣніемъ! (Вдругъ переходитъ въ натуральный тонъ): — Смотрю на тебя и радуюсь: какая ты актриса! Какъ ты подошла къ водѣ! Какъ наклонилась! Сколько граціи, женственности! (Широко): — Эхъ, Blanche! Дать бы намъ съ тобой девять часовъ вечера, вдохновеннаго писателя (съ нарастающей страстью), запахъ гримировальныхъ карандашей и этотъ гулъ зрительнаго зала, еще чужого, еще незнакомаго, еще голоднаго, еще жаднаго, котораго мы сейчасъ будемъ насыщать, насыщать, насыщать нашимъ творчествомъ, который будетъ извиваться въ нашихъ рукахъ, который будетъ насъ любить, ненавидѣть, презирать, плакать, рычать отъ смѣха, — ахъ!! — (упавшимъ тономъ): — А здѣсь, подѣ скучнымъ дневнымъ, не волшебнымъ свѣтомъ, что-то изобрѣтать, валять дурака, по-жюльнически обманывать какого-то, въ концѣ концовъ, очень милаго русскаго... Не наше это съ тобой дѣло, Blanche...

BLANCHE (съ внезапной живостью): — Правда, Бертранъ? Правда, онъ очень милъ, этотъ русскій?

БЕРТРАНЪ: — Да, Blanche, и я сильно подозреваю, что ты начинаешь увлекаться имъ всерьезъ...

BLANCHE: — Ты знаешь, Бертранъ? Въ немъ есть что-то не наше: что-то свѣжее, довѣрчивое, дѣтское... У него такіе простые, ясные глаза...

БЕРТРАНЪ: — Вотъ этого я больше всего боюсь. Самая сильная вещь на свѣтѣ, это ясные, «довѣрчивые» глаза.

BLANCHE (вздыхая): — Ахъ, вчера вечеромъ, когда мы съ нимъ вдвоемъ катались на лодкѣ и ушли въ море далеко...

БЕРТРАНЪ (перебивая): — О, какъ я ревновалъ, Blanche, оставшись на берегу... Сердце мое обливалось кровью, а рядомъ со мной сидѣлъ этотъ проклятый профессоръ и рассказывалъ мнѣ объ аппендицитѣ. А ты была далеко, въ морскомъ просторѣ...

BLANCHE (начинаетъ, поглядывая на Бертрана, потихоньку отодвигаться отъ него подальше).

БЕРТРАНЪ: — Ты отодвигаешься отъ меня? Ты боишься моей ревности, Blanche?

BLANCHE (серьезно, дѣловито; отодвинувшись на противоположный край сцены): — Нѣтъ, я хочу прочитать тебѣ письмо г. Директора.

БЕРТРАНЪ: — Ага! За этими разговорами я совсѣмъ забылъ о немъ! Выслушаемъ, выслушаемъ!

BLANCHE: — Продуй уши, чтобы не проронить ни одного слова.

БЕРТРАНЪ: — А ты читай не такъ, какъ пономарь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой!

BLANCHE (читаетъ): — «Милая и гениальная актри-

са! Вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ вы съ г. Бертраномъ работаете на заданную мною тему, но до сихъ поръ, къ сожалѣнiю, я не вижу никакихъ результатовъ вашей работы. По имѣющимся у меня свѣдѣнiямъ, Бертранъ влюбился въ васъ, портить дѣло и вообще, какъ актеръ, онъ проявилъ себя изряднымъ гробокопателемъ. Придумайте для окружающихъ благовидный предлогъ, какую-нибудь дѣловую поѣздку, «которую долженъ совершить папочка», и пришлите его сюда ко мнѣ, а сами оставайтесь и поднажмите педаль. Въ отсутствii строгаго и безтолковаго отца дѣло скорѣе пойдетъ на ладъ»...

БЕРТРАНЪ (*грозно*): — Стой! Повтори еще разъ, что тамъ написано...

BLANCHE: — «Въ отсутствii строгаго и безтолковаго отца»...

БЕРТРАНЪ (*раздраженно*): — Выше, выше! Возьми выше!

BLANCHE: — «А сами останьтесь и поднажмите педаль!»...

БЕРТРАНЪ: — Не педаль, а выше!

BLANCHE: — «По имѣющимся у меня свѣдѣнiямъ»... Это?

БЕРТРАНЪ (*сухо*): — Да. Это. Прочти всю фразу.

BLANCHE: — «По имѣющимся у меня свѣдѣнiямъ, Бертранъ влюбленъ въ васъ, портить дѣло, и вообще, какъ актеръ, проявилъ себя изряднымъ гробокопателемъ. Придумайте для окружающихъ благовидный предлогъ...»

БЕРТРАНЪ: — Довольно! Довольно, чертъ побери!

BLANCHE (*пулизо отодвинулась еще немножко*).
(*Маленькая пауза*).

БЕРТРАНЪ (*зловѣще*): — Это кто же гробокопатель? Я? Бертранъ?

BLANCHE: — Думаю, по смыслу письма, что да; если бы рѣчь шла обо мнѣ, онъ написалъ бы не гробокопатель, а гробокопательница. Имя существительное женскаго рода.

БЕРТРАНЪ: — Значить, гробокопатель — я. Отлично. Меня интригуетъ еще одна фразочка...

BLANCHE: — А именно?

БЕРТРАНЪ: — «По имѣющимся у меня свѣдѣнiямъ». (*Проницательно-подозрительно*): — Ты не понимаешь, что у Директора, значить, имѣются свѣдѣнiя... Такъ или нѣтъ?

BLANCHE: — Ясно.

БЕРТРАНЪ: — Значить, кто-то доставилъ Директору эти свѣдѣнiя...

BLANCHE: — Значить.

БЕРТРАНЪ: — Кто же здѣсь знаетъ, что я — актеръ и что я влюбился въ тебя? (*Подозрительно смотритъ на Blanche*).

BLANCHE (*вся всхлинувъ*): — Бертранъ!!
(*Пауза*).

БЕРТРАНЪ: — Поди сюда!

(*Blanche подходитъ къ нему вплотную*).

БЕРТРАНЪ: — Смотри мнѣ прямо въ глаза!

(*Пауза. Blanche смотритъ ему въ глаза*).

БЕРТРАНЪ (*цѣлая ей руку*): — Нѣтъ, не ты. Но, Blanche, на свѣтѣ нѣтъ ничего тайнаго, что не дѣлается явнымъ, и горе тому человѣку, который далъ эти свѣдѣнiя и котораго, рано или поздно, а я поймаю!.. Но Директоръ! Но господинъ Директоръ! Какъ тебѣ нравится, Blanche, господинъ Директоръ? Я — гробокопатель? Имя существительное мужскаго рода? Отлично, прекрасно сказано, чертъ возьми! Но если я — гробокопатель, то кто тѣ, кто помѣшаетъ мнѣ (*въ сторону воображаемаго Директора*) вырыть тебѣ могилу, о, старая и глупая телятина? (*Грозитъ пальцемъ*): — «Гробокопатель» Бертранъ выроетъ тебѣ могилу, комфортабельную, уютную и глубокую! Ты полежишь въ ней, смѣсь хама и промокательной бумаги! Я тебѣ покажу, кто такой Бертранъ, о, жаба прокисшая! (*Вдругъ задумался и хлопнулъ себя по лбу*): — Ба! Та-та-та-та! А ну, позови сюда эту дѣвку...

BLANCHE: — Какую дѣвку?

БЕРТРАНЪ: — Да вотъ эту, толковательницу сновъ, пифию... Горничную, какъ ее тамъ зовутъ?

BLANCHE: — На что она тебѣ?

БЕРТРАНЪ: — Позови, тебѣ говорятъ!

BLANCHE: — Тереза! Тереза!..

(*Бертранъ въ возбужденiи, руки за спину, бѣгаетъ по сценѣ*).

(*Появляется Тереза*).

ГОРНИЧНАЯ: — Я здѣсь, графиня!

BLANCHE: — Графъ вамъ хочетъ что-то сказать.

ГОРНИЧНАЯ: — Я васъ слушаю, господинъ графъ.

БЕРТРАНЪ (*круто останавливается передъ ней*): — Господинъ графъ хочетъ сказать вамъ, милостивая государыня, что ваша личность ему что-то знакома. Не актриса ли вы, милая моя?

ГОРНИЧНАЯ (*смѣется*): — Гы-ы-ы... (*Повернулась и ушла обратно*).

БЕРТРАНЪ (*слегка удивленный*): — Ты видишь? Ушла...

BLANCHE: — Тереза!

(*Снова появляется Тереза съ сонникомъ*).

ТЕРЕЗА (*торжествуя*): — Старый графъ не вѣритъ въ эту книгу, а я вамъ сейчасъ покажу! Читайте!

BLANCHE (*читаетъ*): — «Видѣть во снѣ красную капусту, — выслушать несправедливое обвиненiе».

ТЕРЕЗА: — Вотъ-съ! Не угодно ли? Цѣлое поле, гектаровъ 50, — и все сплошная красная капуста! Да какая! Вотъ такой величины! Проснулась вся въ страхѣ, часа въ три, и думаю: «что жъ это такое, Господи! Непремѣнно въ воровствѣ обвинять!» А нѣ на тебѣ: еще почище! «Ты», говорятъ, «актриса!» БЕРТРАНЪ: — Милая моя! Вы эти фигли-мигли оставьте! И весь вашъ этотъ наигранный говорокъ тоже! Я васъ насквозь вижу!

ТЕРЕЗА (*жалобно*): — Да что вы, графъ! Да, вѣдь, это же большой грѣхъ мазать морду красками, и, увѣряю васъ, что если бы я была актрисой, то господинъ кюрэ никогда не далъ бы мнѣ причастiя!

БЕРТРАНЪ: — Ты мнѣ со своимъ кюрэ не заворачивай контрафалды! Говори: это ты здѣсь приставлена

шпіонить за нами? Это ты даешь свѣдѣнія Директору? Это ты пишешь ему?

ТЕРЕЗА (*пустилась въ ревъ*): — Обижаете честную дѣвушку, графъ!

БЕРТРАНЪ (*хлопая въ ладоши*): — Bravo, bravo, мадемуазель! Ставлю вамъ полный баллъ! Слезы ваши прекрасно сдѣланы! Маленькую нотку отчаянія — и васъ на столичную сцену пустить можно!

ТЕРЕЗА (*взревѣла бѣлухой*).

БЕРТРАНЪ: — Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ — черезчуръ густо пущено, мадемуазель! Это ужъ — стenanіе.

ТЕРЕЗА: — Милая графинюшка! Дѣло плохо. Старый графъ соскочилъ съ винта и его нужно спрыснуть святой водой!

БЕРТРАНЪ (*къ Blanche*): — А? Каково? Ты видѣла что-нибудь подобное? Геніально, вѣдь? (*къ Терезѣ*): — Пошла вонъ! И, милая моя, будьте покойны: если мои догадки подтвердятся, такъ я васъ и подъ печкой розыщу!

ТЕРЕЗА: — Преподобная дѣва Тереза! Моли Бога о мнѣ и о старомъ графѣ!

БЕРТРАНЪ: — Вонъ!

ТЕРЕЗА (*уходитъ и останавливается у двери*): — Милая графинюшка! Я такъ взволнована, — и прошу васъ: разрѣшите мнѣ сходить въ аптеку и принять слаби... то-есть, я хочу сказать: успокоительнаго. Иначе я не смогу приготовить даже салата...

BLANCHE: — Подите, Тереза, подите!

(*Тереза уходитъ*).

БЕРТРАНЪ: — И ты чувствуешь этотъ актерскій трюкъ? Нарочно путаетъ: слабительное, успокоительное: на галеркѣ — смѣхъ... Она — изъ ярмарочнаго театра: это — какъ Богъ святъ.

BLANCHE: — Оставь, Бертранъ! Ты напраслину взвелъ на бѣдную дѣвушку!

(*У окна появляется Русский. Въ рукахъ у него — букетъ цвѣтовъ*).

РУССКІЙ: — Съ добрымъ утромъ, дорогіе друзья!

BLANCHE: — Здравствуйте, дорогой Jean!

РУССКІЙ: — Здравствуйте, графъ!

БЕРТРАНЪ (*сухо*): — Мое почтеніе, маркизъ!

РУССКІЙ (*къ Blanche*): — Хо-хо-хо!.. Папочка сегодня не въ духѣ?

BLANCHE: — У папочки сегодня разыгралась печенка. Говорила вчера, что не нужно ѣсть омаровъ...

БЕРТРАНЪ (*мрачно*): — Я здоровъ, какъ быкъ, и омаровъ могу сожрать цѣлую сотню, чего и вамъ желаю!..

(*Къ окну подходятъ Профессоръ и его дочь, молоденькая дѣвушка Елена*).

ПРОФЕССОРЪ: — Юпитеръ сердится и уже издали слышны раскаты грома. Общій поклонъ!

BLANCHE: — Здравствуйте, профессоръ! Мы сегодня, кажется, нуждаемся въ вашихъ совѣтахъ!

ПРОФЕССОРЪ (*къ очкамъ прикладываетъ лорнетъ*): — Гм! Гм! (*Разсматриваетъ Бертрана*). Да, да.. Желтоватые бѣлки... Въ Виши, въ Виши — дорогого больного... На режимчикъ, на діеточку, на

водичку, которую когда-то пилъ самъ Юлій Цезарь!..

BLANCHE (*Бертрану*): — Вотъ видишь? Тереза — права. Ѣхать въ Виши.

БЕРТРАНЪ (*мычитъ*).

ПРОФЕССОРЪ: — Какъ разъ теперь тамъ кончается сезонъ. Публика схлынула, нѣтъ толкотни...

БЕРТРАНЪ (*мрачно*): — Сами ѣзжайте, если угодно...

ПРОФЕССОРЪ (*сочувственно качая головою; Бертрану*): — Болей въ правомъ боку не чувствуете?

БЕРТРАНЪ: — Васъ очень касается мой правый бокъ?

ПРОФЕССОРЪ (*съ видомъ человека понимающаго*): — Угу-у! Ни вина, ни уксуса, ни жаренаго масла, ни яицъ, ни морской рыбы...

BLANCHE (*ласково треплетъ Бертрана по щекѣ*): — Овощи, овощи, овощи:..

БЕРТРАНЪ: — Сами ѣшьте овощи: я — не корова.

ПРОФЕССОРЪ (*пъвуче*): — А вы знаете, господа? Въ нѣкоторыхъ европейскихъ законодательствахъ есть такая статья: если, скажемъ, вы убили человѣка и если вы докажете, что въ этотъ моментъ у васъ былъ печеночный припадокъ, то судъ обязанъ васъ оправдать!

БЕРТРАНЪ: — Вотъ бы въ такую страну — меня и моего Директора!

ПРОФЕССОРЪ: — Ужъ не собираетесь ли вы убивать кого-нибудь, многоуважаемый графъ?

БЕРТРАНЪ: — И очень даже!

ПРОФЕССОРЪ (*шутливо отмахивается*): — Чуръ не меня! Чуръ не меня!

РУССКІЙ (*шутливо*): — И не меня!

ЕЛЕНА (*плачущимъ голосомъ; серьезно; отцу*): — А я боюсь, папочка! Вдругъ господинъ графъ пырнетъ въ бокъ ножомъ!

БЕРТРАНЪ: — И пырну!

BLANCHE: — Господа! Почему вы стоите у окна? Зайдите въ домъ!

ЕЛЕНА: — Я останусь въ саду. Я боюсь.

(*Русскій и Профессоръ удаляются отъ окна, чтобы войти въ домъ. Елена остается у окна*).

БЕРТРАНЪ (*подходя къ Еленѣ*): — Такъ вы боитесь, милая барышня?

ЕЛЕНА: — Боюсь! Честное слово!

БЕРТРАНЪ: — А вотъ это видали? (*Срываетъ правую часть бороды*).

(*Пауза*).

ЕЛЕНА (*блжимъ матомъ*): — Ай! (*И сваливается въ траву*).

(*Русскій и Профессоръ, испуганные крикомъ, вбѣгаютъ въ комнату*).

ОБА: — Что случилось?

(*Бертранъ, дѣлая болѣзненные гримасы, снимаетъ остальную часть бороды... Blanche, закрывъ лицо платкомъ, хохочетъ, сидя на диванѣ. Русскій и Профессоръ остолбѣли, смотря на Бертрана*).

БЕРТРАНЪ (*совершенно спокойно*): — Г. Профессоръ!

Вотъ вы собаку съѣли по части медицины. Скажите, пожалуйста, какое средство лучше всего, чтобы безболѣзненно снимать гриммъ?

(Профессоръ остолебенло молчитъ. Въ комнату, очень осторожно, просовывается голова Елены. Потомъ Елена приближается къ отцу).

БЕРТРАНЪ (беретъ со стола баночку съ гольдъ-кремомъ): — Мы, актеры, въ этомъ случаѣ всегда пользуемся гольдъ-кремомъ. (Начинаетъ натирать лицо гольдъ-кремомъ): — Но, увѣряю васъ, это средство — не вполнѣ совершенно. Остается какая-то непріятная шероховатость кожи. Неужели ваша наука не можетъ создать чего-нибудь болѣе подходящаго? А? (Пауза): — Г. Профессоръ! Что вы смотрите на меня? (Вытеръ руки полотенцемъ): — Вы профессоръ Пелетье?

ПРОФЕССОРЪ (робко): — Да.

БЕРТРАНЪ: — А вы monsieur Jean?

РУССКИЙ: Да.

БЕРТРАНЪ: — Разрѣшите представиться: актеръ Бертранъ, а это — мой товарищъ по сценѣ — артистка Blanche.

ПРОФЕССОРЪ (иронически): — Очень пріятно! (Иронически кланяется Бертрану, а потомъ Blanche. Руки не подаетъ).

ЕЛЕНА: — Вы не считаете нужнымъ представиться мнѣ?

ПРОФЕССОРЪ (строго): — Елена!

БЕРТРАНЪ: — О, нѣтъ, m-lle! Считаю нужнымъ и даже очень! Артистъ Бертранъ, гробокопатель.

ЕЛЕНА (протягивая руку): — Очень пріятно, г. Бертранъ! Первый разъ въ жизни знакомлюсь съ живымъ актеромъ!

БЕРТРАНЪ (съ иронической униженностью цѣлуетъ ей руку): — Вы поймете, m-lle, какъ я тронутъ!

ЕЛЕНА: — Но почему вы называете себя еще гробокопателемъ?

БЕРТРАНЪ: — Потому что я — плохой артистъ m-lle. Всѣхъ плохихъ актеровъ принято называть гробокопателями.

ПРОФЕССОРЪ (протирая лицо руками; обращаясь къ Русскому): — Что-нибудь одно: или мы спимъ или мы попали въ сумасшедшій домъ. Какъ вы думаете, monsieur Jean?

РУССКИЙ: — Признаться, я ничего не понимаю.

ПРОФЕССОРЪ: — Ущипни меня, Елена, за руку!

ЕЛЕНА (дѣловито): — Посильнѣе?

ПРОФЕССОРЪ: — Такъ, чтобы я понялъ: во снѣ все это или наяву?

(Елена съ усердіемъ щиплетъ его).

ПРОФЕССОРЪ: — Ой, ой!

БЕРТРАНЪ: — По моему, вы не спите, г. профессоръ!

ПРОФЕССОРЪ: — По моему тоже, — но тогда что начинаютъ всѣ эти магическія превращенія?

БЕРТРАНЪ (съ нафосомъ): — Былъ человѣкъ, нѣтъ человѣка: ваша сдача, мамаша! (Дѣлаетъ жестъ въ сторону Blanche). — Это изъ «Рокамболя», г. профессоръ!

BLANCHE (смѣясь, вытирая глаза платкомъ): — О, Боже мой! Какой болванъ!

БЕРТРАНЪ (изысканно вѣжливо): — Вы думаете, графиня?

BLANCHE: — Я въ этомъ окончательно убѣдилась, графъ!

БЕРТРАНЪ (къ Blanche): — Ты оказываешься отъ сдачи?

BLANCHE: — Я вышла изъ игры, дорогой мой!

БЕРТРАНЪ: — Тогда я объясню вамъ, въ чемъ дѣло. Monsieur Jean! Славный, симпатичный monsieur Jean! Вы недавно выиграли въ Казино очень крупныя деньги, — не правда ли?

РУССКИЙ: — Правда, выигралъ.

БЕРТРАНЪ: — Выиграли, положили выигрышъ въ карманъ, съѣли въ поѣздъ и уѣхали?

РУССКИЙ: — Да.

БЕРТРАНЪ: — Вотъ! Вотъ тутъ и зарыта собака. Имѣйте въ виду, другъ мой Горацио, и замѣйте разъ навсегда: все прощаетъ старая Европа: обманъ, предательство, убійство, но одного она никогда не проститъ....

РУССКИЙ: — Чего же именно?

БЕРТРАНЪ: — Денегъ, которыя у нея забираютъ!

(Пауза).

РУССКИЙ: — И все-таки, я ничего не понимаю!

БЕРТРАНЪ: — Вы выиграли? Вы должны обратно проиграть выигранное.

РУССКИЙ: — А если я не хочу играть?

БЕРТРАНЪ: — Васъ заставятъ.

РУССКИЙ: — Хотѣлъ бы я видѣть человѣка, который меня «заставитъ»!..

БЕРТРАНЪ: — Не силой, дорогой мой! Любовью, — и видишь, какую женщину бросаетъ тебѣ подъ ноги старая Европа, чтобы вырвать у тебя свои миліоны?

(Пауза. Русский пристально смотритъ на Blanche. Она отвѣчаетъ ему упорнымъ, спокойнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ).

РУССКИЙ: — Это — правда, m-lle Blanche?

BLANCHE (спокойно): — Правда.

(Пауза).

ПРОФЕССОРЪ (убійственно холодно): — Елена! Намъ нечего здѣсь дѣлать! Monsieur Jean! Надѣюсь, что мы съ вами увидимся за завтракомъ?

РУССКИЙ: — О, да, профессоръ!

ПРОФЕССОРЪ: — Елена? Идемъ! (Беретъ ее подъ руку и ведетъ къ двери. У двери Елена освобождается отъ его руки).

ЕЛЕНА (дѣлая реверансъ): — Благодарю васъ за представленіе, господа! Оно было дьявольски интересно!

ПРОФЕССОРЪ (негодую): — Елена! (Беретъ ее за руки и уводитъ).

БЕРТРАНЪ: — Аппендицитъ оскорбленъ въ своихъ высочайшихъ чувствахъ!

(Пауза).

РУССКИЙ: — Дѣвочка — права: представление было интересно.

BLANCHE: — Представление окончилось. Актеры устали, разгримировываются, настроеніе у нихъ — скверное, и вы тоже можете уйти, не прощаясь.

РУССКИЙ: — Почему у нихъ настроеніе скверное?

BLANCHE: — Очень просто. Спектакль сорванъ, и публика, вѣроятно, потребуеъ изъ кассы деньги обратно.

РУССКИЙ: — По моему, публика ничего не требуетъ.

BLANCHE: — Все равно: разъ спектакль не доигранъ до конца, Директоръ имѣетъ право не платить актерамъ по контракту.

БЕРТРАНЪ: — А какъ актеры старались! Какъ я ухаживалъ за вами въ вагонъ-ресторанъ, помните? Какъ я велъ съ вами изысканную, графскую бесѣду, какъ я соблазнилъ васъ прервать путь и соблазнилъ, чертъ возьми! Вы поселились здѣсь на три дня и живете вотъ уже больше мѣсяца! Это надо умѣть!

BLANCHE: — Бертранъ! Ты, кажется, сдѣлалъ все, что было въ твоихъ силахъ! Если бы ты теперь, минутъ на пять, остановилъ бы свой вентиляторъ, а?..

(Бертранъ на мновенье задумался).

БЕРТРАНЪ: — Ты права, Blanche. Въ пьесѣ было много движенія. Наступаетъ моментъ, когда надо начать лирическую сцену. Благородные отцы раскланиваются и уходятъ за кулисы нюхать табакъ. И, если въ залѣ не раздадутся аплодисменты, — значитъ, они играли плохо.

РУССКИЙ *(аплодируя)*: — Bravo, bravo, bravo, г. Бертранъ! Вы играли превосходно.

(Бертранъ, пятясь къ двери, прижимая руку къ сердцу, по актерски раскланивается, уходитъ).

БЕРТРАНЪ *(у двери)*: — Жаль, что вы не пишете рецензій!

(Русскій безпомощно разводитъ руками. Бертранъ ушелъ).

BLANCHE *(улыбаясь)*: — Вы намѣрены начать лирическую сцену?

РУССКИЙ: — Я думаю, что она мнѣ не удалась бы.

BLANCHE: — Почему?

РУССКИЙ: — Потому что моя роль, по существу, комическая. Меня ловили, надо мной издѣвались, мнѣ посылали нѣжные взгляды, а я все это принималъ за чистую монету и, какъ Маргарита, мечталъ прилунѣ...

BLANCHE: — Тогда вы въ правѣ начать сцену лирико-драматическую. Васъ обманули, обманъ раскрытъ, обманщица сидитъ съ вами на диванѣ, курить и нагло улыбается. Произнесите нѣсколько сильныхъ проклятій, поблѣднѣйте, топните ногой...

РУССКИЙ: — Извольте. Былъ человѣкъ, нѣтъ человѣка. Ваша сдача, мамаша!

BLANCHE: — Мамаша уже разъ заявила, что она вышла изъ игры...

РУССКИЙ: — А, вѣдь, правда, m-lle Blanche! Были

люди и исчезли. Лица, жесты, интонаціи, — все измѣнилось...

BLANCHE: — Это — первое лирическое вступленіе?

РУССКИЙ: — О, нѣтъ, m-lle Blanche! Лирика мнѣ едва ли удастся сегодня! Во мнѣ все трепещетъ отъ радости. Подумайте только: отъ какой опасности я избавился! Можно сказать, что сегодня я во второй разъ выигралъ свои миллионы!

BLANCHE: — Скажите: большого труда вамъ стоило ихъ выиграть?

РУССКИЙ: — О, да! И разрѣшите вопросъ за вопросъ?

BLANCHE: — Пожалуйста.

РУССКИЙ: — А вамъ большого труда стоило вести вашу игру?

BLANCHE: — О, нѣтъ! Вы были партнеромъ милымъ и податливымъ.

РУССКИЙ: — А вы, дѣйствительно, — большая актриса. Когда, вотъ, сейчасъ, я вспоминаю наши вечера, разговоры, первую встрѣчу въ поѣздѣ, — я не могу вспомнить у васъ ни одной фальшивой интонаціи, ни одного фальшиваго жеста, ни одного взгляда...

BLANCHE *(серьезно и глубоко)*: — А если бы я сказала вамъ, что и не было ни одного фальшиваго взгляда, ни одного фальшиваго жеста, ни одного фальшиваго слова?

РУССКИЙ *(улыбаясь)*: — Если бы вы сказали мнѣ это? Если бы вы сказали мнѣ это, то я могъ бы подумать, что мамаша снова взяла въ руки колоду и, кажется, собирается сдавать...

BLANCHE: — Вы умѣете кусаться, monsieur Jean.

РУССКИЙ: — Я не сказалъ, что я подумалъ бы. Я сказалъ, что я могъ бы подумать.

BLANCHE: — Простите. Я не замѣтила этого отгѣнка. Вы играли на сценѣ, monsieur Jean?

РУССКИЙ: — Одинъ разъ былъ суфлеромъ въ любительскомъ спектаклѣ, но театральное дѣло немножко понимаю.

(Въ окнѣ осторожно показывается головка Елены).

ЕЛЕНА *(въ полголоса, дѣлая таинственные жесты)*: — Тссс! На одну минутку мнѣ удалось убѣжать отъ отца. M-lle Blanche! Вы, пожалуйста, не обращайтесь на него вниманія! Его голова — наполнена предразсудками, но я васъ по прежнему люблю. Обожаю! Мнѣ совершенно наплевать: графиня вы или актриса? По моему мнѣнію, актриса — даже лучше. Я сама мечтаю о сценѣ, увѣряю васъ! Вы знаете? Я — очень близка къ социализму. Всѣ люди — равны между собой, и нечего тамъ! И, кроме того, у меня есть одинъ вопросъ къ вамъ, monsieur Jean! Вы разрѣшите?

РУССКИЙ: — О, пожалуйста, m-lle!

ЕЛЕНА: — Вы дѣйствительно выиграли много денегъ?

РУССКИЙ: — Къ сожалѣнію, да.

ЕЛЕНА: — Почему же, къ сожалѣнію? Я бы, напри-
мѣръ, съ удовольствіемъ бы выиграла и безъ всякаго сожалѣнія, увѣряю васъ.

РУССКИЙ: — Деньги осложняютъ человѣческія отноше-
нія, m-lle!

ЕЛЕНА: — А мнѣ и на это наплевать, пусть осложня-
ютъ, — я, признаться, даже люблю сложные чело-
вѣческія отношенія, и у меня къ вамъ есть прось-
ба, monsieur Jean.

РУССКИЙ: — Я васъ слушаю, m-lle!

ЕЛЕНА: — M-lle Blanche! Вы слышите, какъ величе-
ственно разговариваетъ monsieur Jean? «Я васъ
слушаю, m-lle!». Вы должны сказать по-рыцарски:
«Вашъ слуга, m-lle!».

РУССКИЙ (*разводя рукой*): — Вашъ слуга, m-lle!

ЕЛЕНА (*складывая молитвенно руки*): — Научите ме-
ня играть, monsieur Jean! По моему, это — очень
интересно!

РУССКИЙ: — Конечно, это — очень интересно, но что
скажетъ вашъ папа?

ЕЛЕНА: — Вы меньше всего обращайтесь вниманія на
моего папу! Это — человѣкъ очень ветхозавѣтный,
и я считаю своей культурной миссіей — бороться
съ его взглядами.

РУССКИЙ: — И, кромѣ того, игрѣ нельзя научиться.
Игрокомъ нужно родиться.

ЕЛЕНА: — Я, я чувствую, что родилась игрокомъ. И
потомъ, конечно, нужно упражненіе. Вотъ вы, на-
примѣръ: вы всегда у себя дома крутите маленькую
рулеточку. Вы упражняетесь, да?

РУССКИЙ: — Виновать, а откуда вы это знаете?

ЕЛЕНА: — Подсматривала. Женское любопытство.

РУССКИЙ: — Ай, ай, ай...

ЕЛЕНА: — Ну, вотъ, видите. Я покраснѣла до ушей.
Заступитесь за меня, m-lle Blanche! Правда,
вѣдь, всякая женщина поступила бы такъ на мо-
емъ мѣстѣ?

BLANCHE: — О, конечно, m-lle! И monsieur Jean
это пойметъ.

ЕЛЕНА: — Monsieur Jean это пойметъ и отвѣтитъ:
правда ли, чтобы быть игрокомъ, нужны постоян-
ныя упражненія? Какъ гаммы на роялѣ?

РУССКИЙ: — Очень можетъ быть.

ЕЛЕНА: — А тогда что же такое счастье?

РУССКИЙ: — Смѣсь труда и таланта, m-lle!

ГОЛОСЪ ПРОФЕССОРА ЗА СЦЕНОЙ (*инъно*): —
Елена! Ты опять висишь у нихъ на окнѣ?

ЕЛЕНА: — О, Боже мой! Что за несносный человѣкъ!
Всюду суетъ свой носъ и очки! (*Кричитъ отцу*):
— Я брала у m-lle Blanche нѣсколько книгъ, и
вотъ, принесла ихъ обратно! Не могла же я ихъ за-
мошенничать? (*Русскому, приглушеннымъ тономъ*):
— Мы съ вами еще продолжимъ этотъ разговоръ!
Я утоплюсь, если не выиграю! (*Спрыгиваетъ съ
окна и исчезаетъ*).

BLANCHE: — Эта дѣвочка — втайнѣ увлечена вами,
monsieur Jean.

РУССКИЙ: — Вы смѣтаетесь, m-lle Blanche. Просто ей
захотѣлось поиграть.

(*Высывается Бертранъ, въ котелъ*).

БЕРТРАНЪ: — Blanche! Я иду прогуляться.

BLANCHE: — И зайди, кстати, на станцію посмотрѣть
рописание поѣздовъ.

БЕРТРАНЪ: — Отлично. Я думаю, что вечеромъ мы
сумѣемъ уѣхать. (*Сухо*): — Мои комплименты, mon-
sieur Jean!

ГОЛОСЪ Т. S. F.: — Лѣченіе насморка у индюковъ!
Какъ ни странно, индюки, эти выходцы съ таин-
ственныхъ береговъ Ганга, подвержены заболѣва-
ніямъ носа и, въ случаяхъ насморка, теряютъ ров-
ное и спокойное состояніе духа, начинаютъ драть-
ся между собой и неохотно принимаютъ пищу...

БЕРТРАНЪ (*сердито*): — Кого? Кого? (*Входитъ въ
комнату и переставляетъ штепсель: T.S.F. умол-
каетъ. Бертранъ уходитъ*).

РУССКИЙ: — Вы хотите уѣхать сегодня вечеромъ?

BLANCHE: — Да.

РУССКИЙ: — Но почему такъ скоро?

BLANCHE: — Провалившіеся актеры всегда спѣшатъ
покинуть театръ.

РУССКИЙ: — Blanche! Мнѣ хотѣлось бы знать ваше
прошлое...

BLANCHE: — За прошлое еврей не даетъ ни одного
сантима.

РУССКИЙ: — Что такое счастье, Blanche?

BLANCHE: — Вы же сейчасъ только сказали Еленѣ,
что счастье это смѣсь труда и таланта?!

(*Пауза*).

BLANCHE: — Слушайте. Даю вамъ совѣтъ. Приручите
этого звѣренуша къ себѣ. Она еще глупенькая, но,
вѣдь, ей только 17 лѣтъ!

РУССКИЙ: — Не люблю дѣтскихъ болѣзней.

BLANCHE: — Она — влюблена въ васъ. Этотъ слегка
восторженный взглядъ...

РУССКИЙ: — Меня не волнуютъ слегка восторженные
взгляды...

BLANCHE: — А что же васъ волнуетъ?

РУССКИЙ: — Море, тихій небесный свѣтъ, плескъ весла,
умные большіе глаза...

BLANCHE: — Пять минутъ тому назадъ вы заявили,
что хорошо понимаете театральное дѣло.

РУССКИЙ: — Не придирайтесь къ словамъ, Blanche.
Отложите вашъ отъѣздъ и сегодня мы опять возъ-
мемъ лодку...

BLANCHE (*перебивая, смѣясь*): — А на берегу ся-
детъ Бертранъ съ подозрительной трубой и будетъ рев-
новать...

РУССКИЙ: — А ему какое дѣло?

BLANCHE: — Такъ, вѣдь, ревность къ вамъ была од-
ной изъ причинъ его сегодняшней бучи...

РУССКИЙ (*удивленно*): — Васъ онъ ревновалъ ко мнѣ?

BLANCHE: — Представьте. Это, между прочимъ, и по-
губило все наше предпріятіе.

РУССКИЙ: — Онъ влюбленъ въ васъ?

BLANCHE: — По его словамъ, да.

РУССКИЙ: — Но, вѣдь, онъ же зналъ, что всѣ ваши от-
ношенія ко мнѣ — это только... какъ бы получше
выразиться...

BLANCHE: — Театральное дѣло, — вы хотите ска-
зать? Ну, да, конечно, зналъ. И тѣмъ не менѣе...

РУССКИЙ: — Что «тѣмъ не менѣе»?

BLANCHE: — Тѣмъ не менѣе, онъ, очевидно, имѣлъ основаніе рѣшить, что я не по театральному, а по настоящему начинаю увлекаться вами. Это и есть самое смѣшное...

РУССКИЙ (съ укоромъ): — Это, по вашему, самое смѣшное, Blanche?

BLANCHE (тихо): — Да.

РУССКИЙ: — А почему на вашихъ глазахъ выступила слезинка, Blanche?

BLANCHE (тихо): — Не вѣрьте актерскимъ слезамъ, дорогой мой! Въ театральномъ дѣлѣ даже слезинки дѣлаются изъ вазелина.

РУССКИЙ (горько, съ укоромъ): — Разрѣшите узнать, изъ какого? Изъ борнаго или обыкновеннаго?

BLANCHE: — Изъ самаго обыкновеннаго, изъ самаго дешевенькаго, monsieur Jean.

РУССКИЙ: — Мои руки — чисты, m-lle Blanche. Разрѣшите чуть чуть прикоснуться пальцемъ къ вашей слезинкѣ...

BLANCHE: — Зачѣмъ?

РУССКИЙ: — Я превращу ее въ алмазь.

BLANCHE: — Вы — колдунъ?

РУССКИЙ: — Да. Писали же въ газетахъ, что мои миллионы выиграны при помощи гипноза.

BLANCHE: — О, это уже интересно!

РУССКИЙ: — Разрѣшаете?

BLANCHE: — Если хотите. Я люблю драгоценные камни.

(Русскій прикасается къ слезѣ Blanche и пробуетъ ее на языкъ. Blanche вопросительно смотритъ на него. Пауза. Вдругъ изъ двери высовывается Бертранъ, въ котелкѣ).

БЕРТРАНЪ: — Превратилъ въ алмазь?

РУССКИЙ: — Дорогой мой! Она дороже всякаго алмаза. Она — солоноватая, настоящая.

БЕРТРАНЪ: — Ангелъ мой! Въ театральномъ дѣлѣ не вѣрьте даже соленой слезѣ! Въ самые патетическіе моменты Сарра Бернаръ нюхала испанскій лукъ.

BLANCHE: — Бертранъ! Но ты, оказывается, не ходилъ на станцію? Ты стоялъ здѣсь, у двери?

БЕРТРАНЪ: — И, думаешь, я подслушивалъ? Клянусь честью: нѣтъ! Я искренно надѣлъ свой котелокъ, я искренно взялъ свои перчатки, но когда не я, не я, а ухо мое услышало, такъ ты сказала monsieur Jean твои первыя двѣ фразы, когда не я, не я, а усталое сердце мое почувствовало ихъ тонъ, ихъ сдержанную взволнованность, тогда умъ сказалъ: «Не будь осломъ, Бертранъ! Насладись высокою игрой, Бертранъ!». И я наслаждался! О, какъ я наслаждался! А твой трюкъ со слезинкой? О-о-о! Bravo, Blanche, bravo! Поставь себѣ высшій баллъ! Будь я твоимъ антрепренеромъ, я бы удвоилъ тебѣ жалованье!

BLANCHE (съ сдержанной раздраженностью): — Тысяча благодарностей, милый Бертранъ, но все-таки стоять подъ дверьми — не хорошо!

БЕРТРАНЪ (хитро прищуривъ глаза): — Вы чув-

ствуете эту антеку, monsieur Jean? Какъ она къ своей взволнованности прибавляетъ нѣсколько капель изысканной раздражительности?

BLANCHE: — Надоѣло, Бертранъ!

БЕРТРАНЪ (якобы наслаждался): — Слышите, m-lle Jean? «Надоѣло, Бертранъ!». Ровно три восклицательныхъ знака! Ни больше, ни меньше! *(Посылаетъ ей воздушный поцѣлуй)*: — Благодарю! M-lle Jean! Я увѣренъ, что m-lle Blanche привезетъ васъ все-таки въ Казино!

BLANCHE: — Я сегодня уѣзжаю, милый другъ!

БЕРТРАНЪ: — А m-lle Jean подеретъ по твоимъ слѣдамъ...

РУССКИЙ: — О, нѣтъ, дорогой Бертранъ! Вы меня не знаете!.. Одну минутку, г. Бертранъ!

(Русскій вынимаетъ книжку и что-то въ ней пишетъ).

BLANCHE: — Твоя печенка успокоилась, Бертранъ? Только-что кипятился, грозилъ убійствомъ, сотрясалъ воздухъ проклятіями...

БЕРТРАНЪ: — Когда человѣкъ машетъ руками, ты его не бойся. А вотъ, когда человѣкъ спряталъ руки въ карманы, тогда его бойся по настоящему.

BLANCHE: — Ты спряталъ руки въ карманы?

БЕРТРАНЪ: — Да, Blanche. Я спряталъ руки въ карманы.

РУССКИЙ (кончивъ писать): — Г. Бертранъ! Вы спасли меня отъ увлеченія этой женщиной; отъ возвращенія въ Казино, отъ проигрыша... Разрѣшите мнѣ, въ знакъ благодарности, предложить вамъ этотъ скромный даръ *(даетъ ему чекъ)*.

БЕРТРАНЪ (смотритъ на чекъ): — Хо-хо-хо! Скромный даръ! Нечего сказать! Если бы я могъ разъ въ десять лѣтъ получать такой скромный даръ, я былъ бы кумомъ королю!.. Blanche, поди сюда!

BLANCHE: — Зачѣмъ?

БЕРТРАНЪ: — Поди сюда, я тебѣ говорю! Профессиональный секретъ!

BLANCHE: — О, какъ ты надоѣлъ мнѣ со своими профессиональными секретами!

(Идетъ къ нему. Бертранъ отводитъ ее на авансцену. Русскій въ это время опять начинаетъ что-то писать).

БЕРТРАНЪ (показываетъ ей чекъ): — Ты видишь эту цифру?

BLANCHE: — Вижу.

БЕРТРАНЪ: — Тебѣ онъ дастъ въ пять разъ больше.

BLANCHE: — Я не возьму.

БЕРТРАНЪ: — Это — благородство, или ты плетешь сѣти, которыхъ даже я не понимаю?

BLANCHE: — Дорогой мой! Къ сожалѣнію, я сама попала въ сѣти. Я его люблю. Понялъ? И никогда ему объ этомъ не скажу! *(Отходитъ отъ Бертрана на прежнее мѣсто).*

(Бертранъ закрываетъ глаза рукой. Повѣсилъ голову. Такъ проходитъ нѣсколько секундъ).

РУССКИЙ (кончивъ писать): — Г. Бертранъ! У меня есть къ вамъ маленькая просьба... *(Замѣтивъ его*

грустную позу): — Что съ вами, г. Бертранъ? У васъ болить голова?

БЕРТРАНЪ (*печально*): — Нѣтъ, m-г Jean, у меня не болить голова. Я просто, силой актерскаго искусства, вызвалъ на глаза нѣсколько слезинокъ. И если бы вы дѣйствительно могли превратить ихъ въ алмазы, то какое чудесное кольцо я могъ бы подарить нашей милой Blanche!

BLANCHE (*смѣется*): — Не паясничай, Бертранъ!

БЕРТРАНЪ (*горько, смахивая съ глазъ слезы*): — Ты права, Blanche. Паясничаютъ только въ циркѣ и въ плохихъ спектакляхъ. Я васъ слушаю, m-г Jean!

РУССКИЙ: — Если вы пойдете мимо почты, то не можете ли сдать вотъ эту телеграмму?

БЕРТРАНЪ: — Съ величайшимъ удовольствіемъ, m-г Jean! (*Уходитъ*).

РУССКИЙ (*поднимаясь*): — Я тоже исчезаю, m-lle Blanche, и прошу васъ: не уѣзжайте, поживите съ нами денька два-три. Куда спѣшить?

BLANCHE: — Никакъ нельзя, m-г Jean. Надо спѣшить. Дѣла.

РУССКИЙ: — Какія тамъ дѣла? Здѣсь такъ хорошо. Теперь вы свободны, комедія кончена, — пожили бы попросту, по человѣчески.

BLANCHE: — Вы можете меня уговорять, m-г Jean...

РУССКИЙ: — Я васъ не уговариваю, а прошу...

BLANCHE (*протягивая руку*): — Разрѣшите подумать?

(*Русскій пожимаетъ ей руку и уходитъ*).

BLANCHE (*одна*).

T. S. F.: — Нью-Йоркская биржа. Подъ вліяніемъ послѣдней мирной конференціи, курсы бумагъ, упавшихъ за послѣдніе три дня, снова стали крѣпнуть... Можно надѣяться, что въ самое ближайшее время...

BLANCHE (*досадливо*): — Кого? Кого? Кого?... (*Переводитъ штепсель. T. S. F. умолкаетъ*).

(*Входитъ Бертранъ*).

БЕРТРАНЪ (*осторожно, оглядываясь по сторонамъ*): — Ты — одна, Blanche?

BLANCHE: — Одна.

БЕРТРАНЪ (*таинственно*): — Приѣзжай немедленно, вези съ собой гуся и крокодила...

BLANCHE: — Ты окончательно сошелъ съ ума, Бертранъ? Нѣтъ?

БЕРТРАНЪ (*показывая телеграмму*): — Это — содержаніе телеграммы, которую далъ мнѣ русскій.

BLANCHE: — Ты не только у дверей подслушиваешь чужіе разговоры, но ты читаешь даже чужія телеграммы, Бертранъ! Ты же когда-то игралъ Гамлета, принца Датскаго! И въ тѣхъ рецензіяхъ, которыя ты мнѣ показывалъ, напечатано, что ты игралъ его съ необыкновеннымъ благородствомъ!

БЕРТРАНЪ: — Упреки потомъ, Blanche! Для меня совершенно ясно, что это — условная телеграмма. Остерегайся.

BLANCHE: — Кого? Гуся или крокодила?

БЕРТРАНЪ: — Русскаго остерегайся. По моему, это — залетная, таинственная птичка.

BLANCHE: — Ты добился своего, Бертранъ. Хотѣла

сегодня уѣхать, а теперь остаюсь. Ты раздражилъ женское любопытство, Бертранъ.

БЕРТРАНЪ (*пораженный*): — Ты не уѣзжаешь?

BLANCHE: — Нѣтъ. Не уѣзжаю. И хочу знать: вы, Гамлетъ, принцъ Датскій, идете на станцію, или нѣтъ?

(*Пауза. Этотъ тонъ больно задѣлъ Бертрана. Онъ опустилъ голову и, когда поднялъ ее, то вдругъ увидѣлъ свое отраженіе въ зеркалѣ. Медленно приблизившись къ нему, онъ печально смотритъ на себя*).

БЕРТРАНЪ (*обращаясь къ своему отраженію*): — Бертранъ, Бертранъ, принцъ Датскій, идете вы на станцію, или нѣтъ? Бертранъ, принцъ Датскій, вы надобѣи здѣсь. Вы паясничаете. Вы всѣмъ мѣшаете. Вы дѣлаете глупости. И ваша любовь? Хмъ! Ваша любовь! Ахъ, принцъ Датскій, какъ вы постарѣли! Сколько у васъ горькихъ морщинъ! Вы опустились. Вы — одиноки, принцъ. Васъ нужно отправить на живодерню, принцъ!

BLANCHE (*подходитъ къ Бертрану*): — Ты смѣшной человѣкъ, Бертранъ, но гдѣ-то, далеко, внутри тебя, есть что-то дѣтское и хорошее. Ты меня иногда злилъ, Бертранъ, и я была съ тобой грубовата. Ты меня простишь?

БЕРТРАНЪ: — «Ты меня простишь?». Бертранъ, старый, смѣшной, безпокойный актеръ, можетъ ли онъ не простить свою послѣднюю звѣздочку? Онъ, навѣрное, проститъ, Blanche! Подожди секунду! (*Малая пауза*). Онъ проститъ, Blanche. Еще секунду! (*Бертранъ словно прислушивается къ чему-то, происходящему у него внутри*). Онъ прощаетъ. (*Малая пауза*). Онъ уже простилъ.

BLANCHE: — Спасибо, Бертранъ!

БЕРТРАНЪ: — Простилъ и понялъ, что ты, дѣйствительно, полюбила этого человѣка.

BLANCHE: — Правда ли? Порой мнѣ кажется это, но, Бертранъ, моя душа потрепана, такъ помята, такъ побита... Я даже вѣрить боюсь, что это — любовь.

БЕРТРАНЪ (*обнимая ее*): — О, моя бѣдная дѣвочка! Душа можетъ быть и потрепанной, и побитой, и замученной, но когда придетъ любовь... О, любовь! Она столько волеетъ въ тебя новыхъ святыхъ силъ, она такъ преобразитъ тебя, что ты забудешь всю свою прошлую жизнь, всѣ прошлыя ошибки...

BLANCHE: — Я забуду, но забудетъ ли онъ?

БЕРТРАНЪ: — Любовь прощаетъ все, Blanche! (*Пожимаетъ ей руку*): — Да. А теперь? А теперь — надо идти на станцію. Пора. (*Уходитъ*).

(*Входитъ Елена*).

ЕЛЕНА (*очень удивленная*): — Вы не уѣзжаете?

BLANCHE (*слегка испугавшись, поворачивается къ Еленѣ*): — Ахъ, это вы, Елена?

ЕЛЕНА: — Я вамъ упорно надобѣдаю, m-lle Blanche...

BLANCHE: — Что вы, Елена? Я такъ рада вамъ. Приходите въ комнату...

ЕЛЕНА (*спрыгивая въ комнату*): — Вотъ это — очень хорошо. Отецъ куда-то смылся, а я — сюда. Меня

безумно тянетъ къ вамъ. Мнѣ кажется, что вы — такъ же одиноки, какъ и я...

BLANCHE: — Я — одинока больше, чѣмъ вы, Елена. У васъ, все-таки, есть отецъ, близкій человѣкъ...

ЕЛЕНА: — Ахъ, отецъ! Если бы вы знали, какая это тягота: отецъ! Цѣлый Божій день только и слышишь: «Елена! Туда нельзя! Елена! Это — неприлично! Елена! Не такъ держишь вилку! Елена, ходишь, какъ гусь!». Въ чемъ дѣло, позвольте васъ спросить? Я — уже большая! Я чувствую, что мнѣ скоро надо выходить замужъ, искать себѣ жениха! А, вѣдь, съ нимъ я же навсегда останусь въ старыхъ дѣвахъ! Это же — какъ дважды два четыре! Онъ не подпускаетъ ко мнѣ ни одного молодого человѣка! Это же — народное бѣдствіе, m-me!

BLANCHE (*смѣется*): — Ой, какая вы смѣшная, Елена! Какая вы еще дѣвочка!

ЕЛЕНА: — Хороша «дѣвочка»! Уже 17 лѣтъ!

BLANCHE: — О, и еще какая дѣвочка! Забавная, милая!

ЕЛЕНА (*припадая головой къ ея плечу*): — Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы имѣть такую старшую сестру, какъ вы, Blanche! Ахъ, какъ бы мы жили!

BLANCHE: — Вотъ было бы хорошо!

ЕЛЕНА: — Все, все, все рассказывали бы другъ другу! Всѣ свои тайны, всѣ секреты...

BLANCHE (*ея тономъ*): — Вотъ было бы хорошо!

ЕЛЕНА: — Мнѣ такъ нравится, что вы — такая хитрая, таинственная...

BLANCHE: — Я? Таинственная?

ЕЛЕНА: — Ну, конечно! Приѣхали сюда подъ видомъ графини, заманивали въ свои сѣти этого русскаго, интриговали, притворялись, — ахъ, какъ интересно! Я теперь нѣсколько ночей не засну, — все буду думать, какъ бы и мнѣ что-нибудь сотворить подобное... Вы знаете? Я хочу быть актрисой, я мечтаю быть актрисой, убѣждать отъ отца, явиться въ ваше Казино и предложить свои услуги Директору, чтобы тоже кого-нибудь замолодить...

BLANCHE (*смѣясь*): — Только безъ Бертрана, конечно?

ЕЛЕНА: — О, да! Конечно! Этотъ осель погубилъ вамъ всю вашу игру!

BLANCHE: — Тсс! Онъ можетъ услышать... Онъ — здѣсь. (*Идетъ, отворяетъ дверь и смотритъ въ сосѣднюю комнату*).

ЕЛЕНА: — О, нѣтъ! Онъ вышелъ изъ дома! Я сама видѣла!

BLANCHE: — Безъ ножа зарѣзалъ, дорогая моя!

ЕЛЕНА: — Вотъ именно: безъ ножа! Ахъ, какъ вы мнѣ нравитесь, m-me Blanche! Знаете что? Давайте выпьемъ съ вами на брудершафтъ!

BLANCHE: — Съ удовольствіемъ, маленькая, но вотъ горе: вина нѣтъ...

ЕЛЕНА: — Ахъ, какая досада! (*Оглядывается кругомъ и видитъ кусочекъ хлѣба на подносѣ, съ котораго Бертранъ пилъ кофе*): — Позвольте! Кто это пилъ кофе?

BLANCHE: — Вѣроятно, господинъ графъ.

ЕЛЕНА: — Ахъ, такъ? (*Беретъ кусочекъ хлѣба*): — Знаете что? Вина нѣтъ, давайте на брудершафтъ съѣдимъ кусочекъ хлѣба? По моему, хлѣбъ болѣе святъ, чѣмъ вино, а?

BLANCHE: — Ахъ, какая вы находчивая!

ЕЛЕНА: — Идетъ?

BLANCHE: — Но съ наслажденіемъ! Но какъ же мы это сдѣлаемъ?

ЕЛЕНА: — А вотъ такъ. Кусайте! (*Даетъ Blanche укусить хлѣбъ*): — А теперь — я! (*Тоже кусаетъ*): — Жуйте! (*Blanche жуетъ и Елена жуетъ*): — Глотайте! Надо проглотить вмѣстѣ! Вотъ такъ! А теперь поцѣлуемся. (*Поцѣловались*): — Скажите мнѣ: «Ты — маленькая, неуклюжая дуручка Елена»...

BLANCHE: — Ты — маленькая и очаровательная дуручка, Елена!

ЕЛЕНА (*бросается ей на шею*): — А ты, ты — моя прелестная, красивая, милая, славная, добрая, умная, талантливая, — еще что?

BLANCHE: — Елена! Елена! И этого довольно! Куда мнѣ столько добродѣтелей?

ЕЛЕНА: — И не добродѣтельная сестра... (*Цѣлуетъ ее*): — Что? Налетѣла? Не скромничай! Видишь, какая я — дерзкая?

BLANCHE: — Ты — очаровательна...

ЕЛЕНА: — Нѣтъ, я — бѣдовая, что и говорить! Можеть, отецъ и правъ, что держитъ меня въ ежовыхъ рукавицахъ. Онъ не хочетъ только понять одной простой вещи: меня ни въ какихъ рукавицахъ удержатъ нельзя!

BLANCHE: — Постой, постой: придетъ человѣкъ, — и ты сама, безъ всякихъ рукавицъ, отдашь ему и волю и душу...

ЕЛЕНА (*докачивая*): — И мысли, и чувства, и мечты...

BLANCHE: — И всю самое себя...

ЕЛЕНА: — Это — любовь?

BLANCHE: — Это — любовь, да.

ЕЛЕНА: — Ахъ, какъ это сладко!

BLANCHE: — Такихъ рукавицъ ты не боишься?

ЕЛЕНА: — О, въ такія рукавицы — съ руками и съ ногами! (*Конфузливо прячетъ голову за плечомъ Blanche. Пауза*): — Скажи, пожалуйста: у тебя рѣсницы подкрашены?

BLANCHE: — Да.

ЕЛЕНА: — Чѣмъ ты ихъ подкрашиваешь?

BLANCHE: — Карандашемъ.

ЕЛЕНА: — Научи меня, пожалуйста, подкрашивать рѣсницы карандашемъ...

BLANCHE: — Хорошо.

ЕЛЕНА: — Теперь скажешь мнѣ откровенно одну вещь?

BLANCHE: — Скажу.

ЕЛЕНА: — По чистой совѣсти скажешь?

BLANCHE: — По чистой совѣсти скажу.

ЕЛЕНА (*слегка конфузясь*): — Послѣ этой дурацкой исторіи съ Бертраномъ ты сначала хотѣла уѣхать отсюда немедленно, да?

BLANCHE: — Да.

ЕЛЕНА: — Я поняла тебя такъ: твоя карта — бита.

Твои замыслы — разоблачены. Отец мой демонстративно и очень грубо ушелъ отъ тебя, не попрощавшись. Тебѣ здѣсь больше нечего дѣлать, — и ты уѣзжаешь. Правильно я поняла?

BLANCHE: — Совершенно правильно.

ЕЛЕНА: — Теперь, когда я, вотъ сейчасъ, подходила къ окну, то невольно услышала твой разговоръ съ Бертраномъ, и ты говорила ему что-то на счетъ женскаго любопытства и что ты не уѣзжаешь. Такъ?

BLANCHE: — Такъ.

ЕЛЕНА: — Почему ты не уѣзжаешь? Вотъ на этотъ вопросъ я прошу тебя отвѣтить, какъ сестра — сестрѣ...

BLANCHE: — Моя маленькая! Вотъ этого ты еще, пожалуй, не поймешь...

ЕЛЕНА: — Увѣряю тебя: я все пойму.

BLANCHE: — Твой отецъ, дѣйствительно, былъ грубоватъ, но, въ концѣ концовъ, онъ — правъ, я это, во-первыхъ, понимаю, а, во-вторыхъ, что тамъ будетъ думать обо мнѣ твой отецъ, мнѣ, право, совершенно безразлично...

ЕЛЕНА: — По моему: болѣе, чѣмъ безразлично. Говори просто: тебѣ на это наплевать.

BLANCHE: — Мнѣ на это не наплевать, — въ концѣ концовъ, твой отецъ — почтенный и видный человекъ, — но разъ что-то случилось, онъ въ правѣ оборвать наши отношенія, и мнѣ-то въ данномъ случаѣ претендовать на что-то — не резонъ, и я не претендую... Твой отецъ правъ...

ЕЛЕНА: — Дальше. У тебя есть какое-то «но».

BLANCHE: — Да, у меня есть «но»...

ЕЛЕНА: — Въ чемъ дѣло? Въ m-r Jean?

BLANCHE: — Да. M-r Jean не пришелъ въ восторгъ отъ этой исторіи, но...

ЕЛЕНА: — Но?

BLANCHE: — M-r Jean сохранилъ полное спокойствіе...

ЕЛЕНА: — Здѣсь.

BLANCHE: — Я тебя не понимаю...

ЕЛЕНА: — Я хочу сказать, что онъ сохранилъ полное спокойствіе здѣсь, но онъ не сохранилъ спокойствія, когда вернулся къ себѣ, и, особенно, когда повстрѣчался съ моимъ отцомъ...

BLANCHE: — Ахъ, такъ!

ЕЛЕНА: — То то и дѣло, — и тоже эпитеты, какъ «авантюристка», «ничтожная тварь», каждую секунду срывались у него съ языка... Ты меня прости, что я рассказываю тебѣ это, но, вѣдь, я-то тебя люблю? Вѣдь, я-то не только называю, но и чувствую тебя своей сестрой?

BLANCHE (тронуто): — О, спасибо, спасибо, моя маленькая!

ЕЛЕНА (сквозь слезы): — Вѣдь, мнѣ-то больно?

BLANCHE: — Признаться, я, вѣдь, только дѣлаю видъ, что это — мнѣ все равно, а на самомъ дѣлѣ — и мнѣ больно.

ЕЛЕНА: — И ты думаешь, я этого не понимаю? Потому-то у меня и родилось желаніе побѣжать къ тебѣ,

приласкаться и, самое главное, извиниться за отца... Какой это дикій и тупой чурбанъ.

BLANCHE: — Маленькая! Чти отца твоего и матерью твою...

ЕЛЕНА: — Матери-то нѣтъ...

BLANCHE: — У меня — тоже. Обѣ мы съ тобой сиротки. (Прижались другъ къ другу).

ЕЛЕНА: — Тебѣ нужно немедленно уѣхать отсюда.

BLANCHE: — Ну, нѣтъ, моя милая. Авантюристки и ничтожныя твари не уѣзжаютъ такъ скоро! Ужь если на это дѣло пошло, такъ авантюристка покажетъ когти.

ЕЛЕНА: — Да?

BLANCHE: — О, будь покойна! (Закуриваетъ).

ЕЛЕНА: — Что это тебѣ дать? Ты женишь его на себѣ?

BLANCHE: — Съ ума сошла! Имѣть мужемъ человека, который называлъ тебя ничтожной тварью?..

ЕЛЕНА: — Правда. Это — невозможно. Я тебя понимаю... Какія папиросы ты куришь?

BLANCHE: — Русскія.

ЕЛЕНА: — Удивительно пріятный дымъ!

BLANCHE: — Хорошія папиросы. Безъ опиума.

ЕЛЕНА: — Ты разсердилась?

BLANCHE: — Да.

ЕЛЕНА: — Ты, можетъ-быть, и на меня разсердилась, что я тебѣ рассказала все это?

BLANCHE: — Напротивъ. Я тебѣ очень благодарна. Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать.

ЕЛЕНА: — Тебѣ надо уѣхать.

BLANCHE: — Именно теперь мнѣ надо остаться, и я останусь.

ЕЛЕНА: — Теперь тебѣ надо уѣхать ради твоей маленькой сестры.

BLANCHE (удивленно): — Что?

ЕЛЕНА: — Тебѣ надо уѣхать ради счастья твоей маленькой сестры.

BLANCHE (послѣ паузы): — Ничего не понимаю.

ЕЛЕНА: — Слушай, дѣло вотъ въ чемъ. Твоя карта бита. Конечно, ты можешь увлечь m-r Jean'a, я въ этомъ не сомнѣваюсь. У тебя нѣтъ отца. Ты — свободна, какъ вѣтеръ. Ты — актриса. Ты — очаровательная женщина. Ты можешь увлечь Jean'a, можешь отомстить ему за его слова, вдоволь наиздѣваться надъ нимъ, — ты все это можешь сдѣлать, — но какой смыслъ? Местъ? Но что можетъ дать твоей душѣ мѣсть?

BLANCHE: — Я ни о какой мести не думаю...

ЕЛЕНА: — Это тебѣ только такъ кажется, и ты не думай, пожалуйста, что я хочу тебя въ чемъ-то упрекнуть. Я тебя отлично понимаю. Можетъ-быть, я и сама поступила бы точно такъ же...

BLANCHE: — Тогда въ чемъ же дѣло?

ЕЛЕНА: — Дѣло въ томъ, что твоя маленькая сестренка умоляетъ тебя оглянуться на нее. На твоёмъ пути у тебя будетъ еще много интереснѣйшихъ встрѣчъ и у тебя будетъ одна только забота: выбрать. У твоей сестренки, кромѣ этого Jean'a, никого не будетъ, и въ этомъ она совершенно увѣрена.

BLANCHE: — Постой. У тебя съ Jean'омъ что-нибудь началось уже?

ЕЛЕНА: — Ничего. Ни единой канельки.

BLANCHE: — Но ты рассчитываешь?

ЕЛЕНА: — Да, если ты уйдешь. Только въ этомъ случаѣ...

(Пауза).

BLANCHE: — Не могу.

ЕЛЕНА: — Если сестра не можетъ услышать сестру, пусть актрису услышитъ актриса!

BLANCHE (сметаясь): — Миленькая моя, маленькая моя, я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы будете актрисой, будете большой, замѣчательной актрисой, я вѣрю въ васъ, но сейчасъ вы — маленькая, наивная дѣвочка, сейчасъ опять позоветъ васъ вашъ строгій папа...

ЕЛЕНА: — Но, если бы я была актрисой, я могла бы обратиться къ твоимъ товарищескимъ чувствамъ?

BLANCHE: — У. меня есть много недостатковъ, но товарищей по сценѣ я никогда не подводила. Могу увѣрить тебя.

ЕЛЕНА: — Милая моя, стоитъ посмотрѣть на васъ, чтобы въ этомъ не усомниться.

BLANCHE: — На «васъ»? Не на тебя, а на васъ? Что это значить?

ЕЛЕНА: — Это значить то, что значить на самомъ дѣлѣ. Лучше мнѣ первой объявить напѣ брудершафтъ недѣйствительнымъ, чѣмъ дожидаться, когда это сдѣлаете вы.

BLANCHE: — Но въ чемъ дѣло?

ЕЛЕНА: — Дѣло гораздо проще, чѣмъ вы думаете. Вотъ. (Вынимаетъ изъ-за корсажа какую-то бумагу и даетъ ее Blanche): — Не угодно ли вамъ ознакомиться съ этимъ документомъ?

BLANCHE (прочитавъ первые строки, изумленно): — Контрактъ? Не можетъ быть!

ЕЛЕНА: — Это такъ же вѣрно, какъ Богъ — святъ. Только, пожалуйста, съ этой минуты начнемъ говорить тихо.

BLANCHE: — Вы — актриса и тоже подсланы Директоромъ къ русскому.

ЕЛЕНА: — Да, — и очевидно, — въ помощь вамъ. Я только теперь начинаю разгадывать замыселъ Директора.

BLANCHE: — И профессоръ?

ЕЛЕНА: — Онъ такой же профессоръ, какъ вашъ Бертрамъ — графъ.

BLANCHE: — Но какъ же онъ давалъ медицинскіе совѣты?

ЕЛЕНА: — Купите за три франка лѣчебникъ, читайте его по вечерамъ, и утромъ всѣмъ своимъ друзьямъ вы сможете оказать первую помощь...

BLANCHE: — Вотъ не ожидала!

ЕЛЕНА: — Мы тоже не ожидали, когда вы оказались актерами.

BLANCHE (слегка растерянно): — Что жъ это такое?

ЕЛЕНА: — По моему, это — большая игра. И теперь я уже обращаюсь къ вамъ, какъ товарищъ къ това-

рицу. Вы вашу игру проиграли: не мѣшайте же намъ ее продолжать. Если вы не сумѣли заработать на этомъ дѣлѣ, то не лишайте насъ нашего заработка. Вы меня понимаете?

BLANCHE: — Вполнѣ.

ЕЛЕНА: — И?

BLANCHE: — И уѣзжаю сегодня же.

ЕЛЕНА: — Ни одной секунды я въ этомъ не сомнѣвалась. Спасибо. (Смотритъ на часы): — Ровно черезъ полминуты будетъ орать мой «папочка». Чтобы не нарушить иллюзіи, — подождемъ?

BLANCHE: — Подождемъ. (Пауза. Ждутъ крика).

ГОЛОСЪ ПРОФЕССОРА: — Елена! Елена! Гдѣ ты?

ЕЛЕНА (досадливо): — Иду, иду, Боже мой! (Тихо, къ Blanche): — Ну, милая моя, прощайте и знайте: вашъ русскій такъ же мнѣ нуженъ, какъ собачкѣ — боковой карманъ. Я — уже годъ, какъ замужемъ, и люблю своего мужа до умопомраченія! И, если у васъ съ русскимъ что-нибудь выйдетъ, — буду плясать на вашей свадьбѣ, — тоже до умопомраченія.

BLANCHE: — Неужели вы думаете, что онъ можетъ жениться на авантюристкѣ и на ничтожной твари?

ЕЛЕНА: — Да никогда ничего подобнаго онъ и не говорилъ! Все это я выдумала сама, для роли!

BLANCHE: — Правда? Ой, какъ гора съ плечъ свалилась! Спасибо, милая!

ЕЛЕНА: — И вамъ спасибо! Вѣжайте съ Богомъ и ждите спокойно: русскаго вашего мы къ вамъ привеземъ!

BLANCHE: — Но какимъ образомъ?

ЕЛЕНА: — А это, пока что, секретъ изобрѣтателя. Трюкъ.

ГОЛОСЪ ПРОФЕССОРА: — Елена! Гдѣ ты?

ЕЛЕНА (подмигивая Blanche): — Слышите, какъ старается? Тоже денешки нужны! (Кричитъ): — Иду!... (Уходитъ).

(Blanche остается одна. Въ глубокой задумчивости сидитъ на диванѣ. Появляется Русский).

РУССКІЙ (останавливаясь на порогѣ): — Мнѣ сейчасъ сказала m-lle Елена, что вы уѣзжаете. Это — правда?

BLANCHE: — Да.

РУССКІЙ: — Но, вѣдь, вы же только-что говорили мнѣ, что вы остаетесь.

BLANCHE: — Да, говорила. А теперь передумала.

РУССКІЙ: — Но почему?

Т. S. F. (перебивая): — Radio-Milano. Концертъ гавайскихъ гитаръ. Valse. Ramona.

(Т. S. F. начинаетъ играть вальсъ-бостонъ «Charmaine».)

BLANCHE (поднимается съ дивана и, улыбаясь, говоритъ Русскому): — Хотите на прощанье?

(Русскій подходитъ къ ней, и они начинаютъ медленно, и любовно глядя другъ на друга, танцевать).

З а н а в ѣ с ѣ

И. Сургучевъ

НА ДРЕВНЕМЪ РУБЕЖѢ

III

Лукинъ долго ворочался съ бока на бокъ: въ ушахъ шумѣлъ станичный кругъ, а сердце замирало при мысли о Дунѣ... Многозначительно улыбаясь, она, словно, подталкивала колесо его судьбы, и Лукинъ не сопротивлялся... Мечтая о Дунѣ, онъ незамѣтно заснул...

— Тики-тики! Тики-тики! — торопились часы, висѣвшіе надъ нимъ въ бисерной туфелькѣ.

— Кто тамъ? Что тамъ? Кто тамъ? Что тамъ? — на всѣ комнаты спрашивали стѣнные изъ столовой... Гдѣ-то затрещалъ сверчокъ, и вдругъ что-то тяжелое навалилось на есаула и начало его душить. Лукинъ задыхался. Сердце готово было лопнуть отъ напряженія... И онъ вскочилъ съ постели.

Со всѣхъ сторонъ ревѣлъ набатъ.

При свѣтѣ свѣчи, Лукинъ быстро одѣлся, вооружился и выскочилъ на крыльцо.

— Айпъ! Мурза! Оглохли, черти! — кричалъ онъ, сбѣгая по ступенькамъ.

Дверь работницкой скрипнула.

— Сѣдай Мальчика, и къ правленію. Живо! — приказалъ есауль.

Выскочивъ за калитку, онъ едва не стукнулся о лошадиную голову... Отъ животныхъ паръ валилъ столбомъ. Горячее дыханіе обдало его лицо.

— Въ чемъ дѣло, Османъ? — спросилъ Лукинъ трясагося въ сѣдлѣ ногойца.

— Чечены табунъ угнали, — едва пролепеталъ тотъ...

— Когда? Откуда?

— У Мулла Кую. Только сейчасъ. Я съ Амидомъ пасъ... Темень — ровно подъ котломъ. Вдругъ слышимъ — шайка кругомъ рыскаетъ, ночныхъ табунщиковъ шаритъ. Мы круто скакать. Они стрѣляютъ... Кричатъ «Арканъ бери! (Арканъ дай!) Амидъ въ аулъ кинулся, я сюда. Что-то онъ закричалъ. Навѣрно, убили... Я Алла! Я Алла! — воздѣвалъ онъ руки.

Айпъ въ это время вывелъ горбоносаго кабардинца. Лукинъ вскочилъ въ сѣдло. Ловкимъ движеніемъ онъ взялъ отъ матери бурку, накинулъ на плечи и въ сопровожденіи Османа порысиль къ станичному правленію. Подъ тусклымъ свѣтомъ единственнаго фонаря здѣсь толпился народъ съ ружьями, вилами, ведрами...

— Казаки! Воевать съ ордою бояться... Лукина выбрали командиромъ! А? Самаго ордовскаго кунака! — кричала на углу Мотыка, заряжая карабинъ.

— Смѣнимъ Лукина, тебѣ, Мотя, сотню вручимъ! — бросилъ мимоходомъ Климычъ.

— Сотню!... Мы, бабы, васъ вмѣстѣ съ чеченами въ тартарары загонимъ...

Въ этотъ мигъ она опознала подъѣхавшаго и сразу смолкла.

Съ общественнаго двора для атамана и помощника вывели осѣдланныхъ лошадей. Верховые казаки въ буркахъ, закутанные башлыками, точно великаны съ опущенными забралами, молча подъѣзжали и выстраивались въ полосу свѣта. Вскорѣ кавалькада, изрѣдка похлопывая плетями, двинулась въ степь. Въ пронизывающемъ туманѣ слышно было только, какъ щелкали шипы, да изрѣдка пофыркивали утонувшія подъ бурками лошади. Вотъ, словно сквозь щель, глянуть сѣроватый разсвѣтъ и въ полумракѣ обрисовался знакомый силуэтъ донского жеребца.

«Неужели остался одинъ?» — леденѣя, подумалъ Лукинъ.

Черезъ нѣсколько мгновений прояснился второй, потомъ третій, и казаки въѣхали въ середину широко разливагося табуна, по которому шныряли табунщики.

— Ильясь! — крикнулъ Лукинъ. Въ отвѣтъ раздался глухой шлепокъ и тотчасъ подскочилъ ногоецъ въ буркѣ, вооруженный австрійскимъ карабиномъ.

— Что угнали? Лань здѣсь? — справился онъ о своей любимицѣ.

— Слава Богу, кажется, ничего. Аркана не было. Набатъ помѣшалъ... Амидъ раненъ въ ногу.

— На, перевяжешь! Деньги — матери, — говорилъ есауль, протягивая Ильясу индивидуальный пакетъ и кредитку.

Разсыпавшись, казаки въ это время выискивали своихъ лошадей. Разсвѣтъ разогналъ темноту. Изъ подъ намокшихъ буроковъ валилъ густой, теплый паръ, успокоительно дѣйствовавшій на нервы.

— Сюда! Сюда! Накрыль! — раздалось внезапно изъ камыша. Мгновенно щелкнуло нѣсколько затворовъ, свистнули плети, и всѣ полетѣли на голосъ. Но тамъ, гдѣ мерещилась шайка притаившихся абрековъ, корчился съ судорогахъ большой сѣрый волкъ. Густая пѣна обильно текла изъ пасти на грудь и переднія лапы.

— Стрихниномъ угощаешь, Ильясь? — спросилъ Малогриценко, прицѣливаясь. Не успѣлъ тотъ кивнуть головой, какъ раздался выстрѣлъ. Волкъ вздрогнулъ и вытянулся.

Разсѣкая туманъ, понеслась погоня по горячимъ слѣдамъ хищниковъ. Мелькали камыши, сухой бурьянъ, кустарники. Кабардинецъ угадывалъ настроеніе есаула и прибавлялъ ходу. Казаки на ходу выхватывали винтовки.

— Изъ нашихъ рукъ не выскользнуть. Бродъ съ перепугу проскакали, — стегнувъ коня, крикнулъ Лукину атаманъ.

— Накроемъ.

— До второго выдохнуться, — бойко отвѣтил тотъ.

Но вдругъ Лукинъ присмотрѣлся впередъ, натянул поводъ и сразу нахмурился: слѣды рѣзко мѣняли направленье.

— На Братевъ, къ хохламъ полыхнули, — опредѣлили дядя Потапъ, указывая плетью на виднѣвшіяся вершины дубовъ.

— Къ Миколаю вашему въ гости, — рѣшилъ Пахомъ, нахлестывая пузатую кобылицу.

— Безпремѣнно опять подвель Ермишка! Вѣчно съ чеченами нюхается! — кричалъ за спиною Лукина Малогрищенко.

Въ это время показались крылья вѣтрянки. Лукинъ далъ шенкель, и тотчасъ мельница, а слѣдомъ хуторокъ Новоявленскій выскочили на пригорокъ.

Казакъ сдержали разгоряченныхъ лошадей и рысью пошли по единственной улицѣ. Изъ за дымящихся просторныхъ избъ справа, слѣва выглядывали скирды сѣна, соломы, а подъ плетнями лежали сложенные въ кубическія сажени дубовыя дрова... Всюду стремились въ небо журавли колодцевъ...

Еще издали Лукина поразила странная толпа, скопившаяся въ центрѣ улицы. Она производила впечатлѣніе ошеломленной громомъ и молніей. Изъ середины выдѣлился блѣдный, съ блуждающими глазами, рыжебородый мужикъ. Его взглядъ ножомъ прошелся по сердцу Лукина.

— Николай Романовичъ, что съ вами?! — воскликнулъ есаулъ.

— Вотъ тебѣ, Ваня, и увидѣлись... Вотъ ты и пріѣхалъ въ гости, — все еще не вѣря въ дѣйствительность, приговаривалъ онъ, растерянно озираясь.

— Что случилось? — торопилъ Лукинъ, слѣзая.

— А вотъ, пойдемъ, другъ, во дворъ, тамъ разскажу, — беря подъ уздцы Мальчика, отвѣтилъ тотъ и пригласилъ пріѣхавшихъ.

— Любуйтесь! — указалъ крестьянинъ на хату.

Глянули гости, да такъ и ахнули: вся она, точно оспою, была изъязвлена пулями. Окна были вдребезги разбиты и заткнуты мѣшками и шинелями.

— А васъ какъ Господь привелъ? — обратился Николай, разсаживая гостей въ горницы.

— Спимъ мы, — началъ хозяинъ, выслушавъ Лукина, — только слышу, вдругъ собаки бросились на гумно, потомъ съ визгомъ обратно... Присмотрѣлся въ окошко — въ буркахъ возятся. Куча оттуда на ворота нажимаетъ... Да они-то — скала: внутренними винтами прикручены. Перекрестился, схватилъ винтовку. «Бабы, на полъ!». Мишка въ слезы. Ему кулакъ. Успокоился. Выскочилъ въ сѣнцы, пріоткрылъ дверь: около конюшни вторая ватага. Пыхтятъ, сопятъ, изъ силъ выбиваются. На Карсъ напоролись, — выкуси! Господи, благослови! — и бахъ! Собаки сразу, какъ подошли. Они залпомъ... Я въ нихъ... И пошла баталія!.. Они наровятъ все залпами, залпами. Окна звенятъ. Пули свистятъ, вокругъ чиркаютъ, будто кто спички зажигаетъ да тушитъ... Какъ Господь помиловалъ — досе не очухаюсь... А, вѣдь, ближніе били

шаговъ съ двадцати, — при этомъ Николай потянулъ всѣхъ во дворъ удостовѣриться въ разстояніи.

— А хуторяне что же?

— Что, Ваня, хуторяне?! Одинъ радъ бы помочь — ружьишка нѣту, другой съ берданой подъ кровать забился, пусть, молъ, буржуя грабятъ, мукомола, богатѣя, кулака, кровопійцу... Минутъ двадцать сражались... Потомъ полыхнули на гумно (коноводы у мельницы стояли), на конь да на свою сторону... Тутъ, вѣдь, рукой подать. Черезъ бродъ, какъ по мосту... Ну, ну, поѣзжай, самъ полюбуясь, — не сталъ онъ удерживать заторопившагося есаула.

Черезъ четверть часа ѣзды по густому, ошетилившемуся кустарнику и оголенному лѣсу разѣздъ увидѣлъ блестящую полоску, а, спустя нѣсколько мгновений, передъ нимъ распластался Терекъ. Серебристая рябь, мигая подъ солнцемъ, прикрывала узкую мель, убѣгающую на правый берегъ, куда вышелъ скопъ слѣдовъ, нырнувшій съ лѣвой стороны.

Напоивъ лошадей, казакъ отправился въ станицу. Лукинъ вернулся къ Николаю.

IV

Къ пріѣзду есаула атаманъ съ помощникомъ, оставшіеся составлять протоколъ, вѣнчали его виномъ и жаренымъ поросенкомъ.

Точно желтый восковой манекенъ, сидѣла на нарахъ хозяйка. Только глаза ея тревожно бѣгали изъ стороны въ сторону. Задерживаясь на пріѣхавшихъ, они, какъ будто, успокаивались, но вдругъ, чѣмъ-то испугнутые, вновь начинали тревожно метаться.

Теперь Лукинъ замѣтилъ подъ образами искусно сплетенную изъ ржи метелку, султанъ безсмертниковъ, прислонившійся къ почернѣвшему лику Богородицы. Надъ нарами висѣла широкая люлька, а подъ ними изъ рѣшета выглядывала насѣдка; около нея валялись сапоги, австрійскіе ботинки, лемехъ.

— А гдѣ Петръ? — спросилъ Лукинъ, попросившись съ представителями администраціи.

— Въ Душномъ, въ контрольной ротѣ служить. Пишетъ, сбѣгу, тятенька: не служба — одна срамота: грабежъ поѣздовъ, — отвѣчалъ хозяинъ, перекидывая надъ чашкой черную полуведерную бутылъ чихиря.

Сноха достала изъ печки и поставила передъ гостемъ жареную курицу.

— Слава Богу, Николай Романовичъ, сами цѣлы, а съ хуторянами — совсѣмъ не важно, — началъ гость, смакуя ножку.

— Эхъ, Ваня, всѣ мы въ лѣсу заблудились съ этимъ самымъ новымъ режимомъ. Какъ пріѣхали къ намъ прошлую весну на автомобилъ съ красными флагами: Ура! Ура! Дудка гудитъ, разъанаемская! Воскресенье было. Бѣжимъ къ нимъ, со всѣхъ дворовъ сыплемся, уши растопырили, дураки бородатые. Роговъ только Господь не далъ — сущіе козлы были бы. Окружили. Разинули рты — кидай, молъ, галушки! А черныи, губища съ лапотъ, во все горло: «Товарищи, жи- лы изъ васъ выматывалъ старый режимъ! Обманывали

васъ всѣ, начиная съ поповъ! Они, кричить, васъ учили, что въ первый день Богъ создалъ небо и землю, во второй свѣтъ и отдѣлилъ его отъ тьмы, потомъ всякую тварь и растеніе, и только въ четвертый сотворилъ солнце! Да какъ же, товарищи, свѣтъ былъ безъ солнца-то?!». Крутимъ головами, бородами трясемъ да затылки чешемъ... Тутъ онъ какъ заревеетъ, замѣтилъ, видишь ли, мою вѣтрынку: «Это у васъ, товарищи, буржуй, паукъ, кулакъ, міроѣдъ, — тыкаетъ пальцемъ въ мою мельницу, — теперь свобода, равенство и братство — этого больше не будетъ!»...

Съ того дня всѣ одурѣли. У кого на свинью больше — буржуй, а кто бока пролежалъ — товарищъ пролетарій; ему первое мѣсто и почетъ. Тутъ на грѣхъ племянникъ подпрапорщикъ заявился изъ полка. Въ офицеры не произвели — бей враговъ народа, бѣдопогонниковъ! А ужъ какъ домогался въ прапорщики! И меня-то просилъ, чтобы я походатайствовалъ черезъ твоего дядю генерала... Словомъ, жили, уживались, ладили, не знали, что кровь другъ друга сосемъ... А теперь, словно взбѣсались! Сосѣдъ сосѣда, того гляди, вилами въ бокъ! Ну, за твоего дѣдушку! Царствіе небесное покойнику! На ноги помогъ встать. Что говорить, пришли мы изъ Малороссіи въ лаптяхъ. А теперь, слава Богу, голыми руками не возьмешь...

Старику моя хватка пришлась по сердцу: и пару коней и грошей корецъ: разбогатѣешь — вернешь. Такъ-то, другъ мой. Жить бы намъ, трудиться, радоваться да винцо свое попивать... Вѣдь, нѣмцу все равно была крышка! И вдругъ трахъ съ луны: свобода! равенство! братство!.. А изнанка-то какая? На Кавказѣ всѣ на кинжалы полѣзли. Раньше съ винтовками пахали и теперь безъ нея нельзя. А? Намъ-то Терекъ поможетъ постоять за русское имя. А на татарской сторонѣ кто осѣлъ, тому каково? Вѣдь, земля у тѣхъ мужиковъ не дарственная — разставаться не легко будетъ. Мужичій горбъ трещалъ тамъ, другъ мой, десятки лѣтъ. Что поту русскаго пролито! Его собрать — съ cadaго человѣка бочка!

Мы покупали участки казачьихъ офицеровъ, а приходившимъ пришлось попозже дѣло вести съ азіатски-

ми князьями. У насъ бурьянъ, терны, болота, а тамъ хоть земля поудобнѣй, зато сквозь дерюгу иглу нельзя было проткнуть. Днемъ и ночью абреки рыскаютъ! Что скота поворовали... Сѣять хоть не берись — табуны дикихъ свиней. Какъ завоютъ въ темъ шакалы, волки, за однимъ столомъ голоса не слышно! Испоконъ вѣковъ нога человѣческая не ступала!

А теперь что? Другъ мой, сель не сосчитаешь — цѣлый уѣздъ выросъ! Да какой? Хоть губернію учреждай! Куда ни повернешься, въ ростъ человѣка хлѣба! Колось къ колосу — хоть на выставку! И что же получается? Въ Петербургѣ крикнули: отнять землю у помѣщиковъ! Здѣсь подхватили, да къ нимъ. День и ночь грозятъ двуногіе волки: чеченская голытьба: «Маршъ отсюда, вы на помѣщичьей землѣ сидите»... Да, можетъ, раньше Кавказъ одному царьку принадлежалъ — значитъ, теперь всѣхъ гони по шеямъ?! Другъ мой, кто дѣлалъ революцію, тотъ не думалъ про русскихъ людей на Кавказѣ. Къ примѣру, другъ мой. Раньше эти дикари крали по два, по три коня, а послѣ революціи — табуны ухаютъ... Вѣрь моему слову: города на арбахъ развезутъ... Конечно, у кого деньги въ надежномъ мѣстѣ, чемоданъ въ рукѣ, портфель подъ мышкой, ему все равно: нынче тутъ, завтра тамъ. А нашъ братъ съ землей сростается, корни пускаетъ въ глубину... Оторви — и высохъ, сталъ босякомъ и тебя же укокошатъ...

Слыхалъ, командиромъ сотни тебя выбрали... Нынче избрали, завтра въ глаза будутъ плевать... а все-таки не отказывайся... А вотъ, вести-то какъ? Вѣдь, никакой дороги... Самъ себѣ прокладывай путь. Да...

Долго на эту тему философствовалъ мужикъ. Наконецъ, когда онъ излилъ всю свою душу, гость поднялся.

— Мишка, гони свиней на пастбу!.. Вишь, какъ солнышко взыграло! — крикнулъ Николай, попрощавшись съ Лукинымъ за воротами...

(Продолженіе слѣдуетъ)

П. Ергушевъ

ПАМЯТИ Ф. Д. КРЮКОВА

(СТРАНИЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ)

... Писатель — это уже мало въ нашу тяжелую годину... Сердце потребно намъ въ эти суровые дни, а не безстрастный изобразительный талантъ.

Сердце человѣческое...
Этому сердцу низко поклонимся въ день его 25-лѣтней непрерывной творческой работы...

Романъ Кумовъ

Десять лѣтъ прошло съ того дня, когда на Кубани прервалась жизнь члена Донского Круга, донского писателя Федора Дмитріевича Крюкова.

Имя этого человѣка навсегда останется связаннымъ

неразрывными узами съ исторіей не только Донского Войска, но и казачества вообще, ибо только онъ далъ рѣдкія, по своей жизненно-правдивой красотѣ, картины жизни старѣйшаго изъ казачьихъ Войскъ, Войска Донского.

До Ф. Д. Крюкова писалъ казакъ-уралецъ І. И. Желѣзновъ (1824-1863 г.г.), но его очерки казачьей жизни не имѣли того распространенія и значенія, какое заняли въ русской литературѣ, со второй половины девяностыхъ годовъ, очерки Крюкова, неизмѣнно появлявшіеся съ 1896-го года въ книжкахъ журнала «Русское Богатство».

Тамъ Ф. Д. Крюкова, съ первыхъ же его литературныхъ шаговъ, высоко оцѣнили В. Г. Короленко, писавшій ему 11-го ноября 1898-го года:

«Меня огорчила та часть Вашего письма, гдѣ Вы пишете о своемъ «случайномъ визитѣ» въ литературу. Ваши очерки производятъ впечатлѣніе жизненности и даровитости... А главное — ждемъ еще и еще. Вѣдь, даже и Донъ далеко не исчерпанъ. Мало ли тамъ еще Дворянскихъ...¹⁾»

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ В. Г. Короленко къ Ф. Д. Крюкову, которая этотъ послѣдній такъ высоко цѣнилъ и любилъ читать въ наши съ нимъ встрѣчи въ его Глазуновской станицѣ или въ его пріѣзды въ Усть-Медвѣдицкую, Короленко писалъ, что казаковъ Россіи открылъ онъ, Крюковъ, — до него ихъ знали, какъ «опричниковъ и нагаечниковъ», а онъ — показалъ Россіи «все богатство этой простой русской души».

Этимъ отзывомъ Федоръ Дмитріевичъ чрезвычайно гордился, и его завѣтной мечтой было видѣть у себя въ «Глазунахъ» В. Г. Короленко и «въ живѣ» показать ему своихъ любимыхъ героевъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Глазуновскую, въ 1910-мъ году, Ф. Д. жаловался мнѣ, что «никакъ не можетъ притянуть къ себѣ въ Глазуновскую В. Г. Короленко», и съ довольной улыбкой говорилъ: «онъ отдѣляется тѣмъ, что на Дону ему дѣлать нечего, тамъ свой Крюковъ, какъ на Уралѣ свой Желѣзновъ. И прежде нужно побывать у казаковъ, гдѣ не было Желѣзнова и нѣтъ еще Крюкова, а потомъ можно ужъ и въ «Глазуны» пріѣхать».

— Короленко, — говорилъ Ф. Д., — не на шутку увлекся вопросомъ о казакахъ, задумалъ написать большую работу, посвященную казачеству. И какой подходъ: думаетъ знакомство свое съ казаками начать съ посѣщенія «некрасовцевъ», чтобы прослѣдить всѣ измѣненія въ бытѣ и общемъ настроеніи казаковъ, потомковъ непокорнаго атамана Булавина, происшедшія за эти двѣсти лѣтъ, съ момента ихъ ухода съ Дона, а затѣмъ сравнить ихъ съ теперешними донцами.

— Вотъ онъ и не хочетъ нарушать впечатлѣнія задуманнаго плана своимъ преждевременнымъ пріѣздомъ на Донъ, ко мнѣ, въ Глазуны, — съ улыбкой говорилъ Федоръ Дмитріевичъ.

Можно думать, что очерки В. Г. Короленко, данныя въ собраніи его сочиненій, въ приложеніи къ «Нивѣ», подъ общимъ заголовкомъ «У казаковъ», и являются черновыми записями намѣченной имъ работы о казакахъ, гдѣ, дѣйствительно, отведено много мѣста «некрасовцамъ», посѣщеннымъ имъ и на ихъ первоначальномъ мѣстѣ поселенія въ устьяхъ Дуная, въ Румыніи, тогдашнихъ владѣніяхъ турецкаго султана, и на ихъ позднѣйшемъ мѣстожителствѣ въ Турціи.

Я остановился на оцѣнкѣ Ф. Д. Крюкова, какъ писателя, редакторомъ «Русскаго Богатства» потому, что эта высокая оцѣнка дана человѣкомъ, занимающимъ исключительное мѣсто не только въ русской литературѣ, но и въ русской общественности, соединившимъ со своимъ именемъ заслуженно почетное наименование «общественной совѣсти».

В. Г. Короленко сохранилъ казакамъ Ф. Д. Крюкова, а послѣдній показалъ Россіи подлинный обликъ казачества.

И не удивительно, что многіе, кому, такъ или иначе, приходилось имѣть непосредственное общеніе съ Дономъ, по произведеніямъ Ф. Д. Крюкова учились познанію казачьей массы.

Въ этомъ отношеніи интересенъ рассказъ покойнаго С. А. Пинуса, что, получивъ, по окончаніи Московскаго университета, назначеніе преподавателемъ Усть-Медвѣдицкаго реального училища, онъ, передъ своимъ отъѣздомъ на Донъ, тщательно перечиталъ все, что было къ этому времени (1907-ой годъ) напечатано Ф. Д. Крюковымъ въ журналѣ «Русское Богатство» и въ газетѣ «Русскія Вѣдомости».

Теперь уже покойный С. А. Пинусъ (С. Серапинъ) въ одной изъ своихъ статей такъ опредѣлялъ характеръ писателя Ф. Крюкова:²⁾

... Крюковъ былъ реалистъ, одинъ изъ самыхъ безстрашныхъ, какіе когда-либо появлялись въ исторіи художественнаго бытописанія. Онъ смѣлъ, чѣмъ Золя, но онъ правдивъ такъ же, какъ Аксаковъ. На него всегда можно положиться: онъ не преувеличить, не прикрасить, не исказить; не перейдетъ за черту подлинной дѣйствительности и не остановится передъ самыми грубыми и жестокими явленіями жизни и быта...

Творческій талантъ Крюкова зиждется на твердой, неколебимой почвѣ видѣннаго и слышаннаго, наблюденнаго и схваченнаго, уловленнаго въ области подлинной дѣйствительности.

Преображалъ дѣйствительность, конечно, и Крюковъ, иначе онъ не былъ бы художникомъ. Но онъ преображалъ ее силой любви, кровной любовью къ простому люду и простому быту...

Крюковъ даетъ намъ живые образы Донскихъ казаковъ, живыя картины донскаго быта. Онъ внесъ свою богатую дань въ сокровищницу этой областной литературы...

Отмѣчая заслуги Крюкова и Кумова, С. Серапинъ такъ оцѣниваетъ ихъ дѣятельность:

... Крюковъ и Кумовъ оставили цѣнный кладъ, богатѣйшій матеріалъ, какъ вѣковое наслѣдство, не только, конечно, Дону и казачеству, но и всей Россіи. Творчество ихъ будетъ служить предметомъ неисчерпаемаго высокаго любованія и изученія.

... А кто зналъ ихъ лично и близко, для того ихъ образы навсегда будутъ святымъ воспоминаніемъ о высокомъ и рѣдкомъ счастьи.

Это такъ близко къ оцѣнкѣ Ф. Д. Крюкова, данной В. Г. Короленко.

Еще болѣе характеренъ эпизодъ съ ген. Самсоновымъ, какъ онъ переданъ мнѣ покойнымъ Ф. Д.

Послѣ отбытія наказанія въ Крестахъ за подписаніе Выборгскаго воззванія, Ф. Д. Крюкову былъ запрещенъ вѣздъ въ предѣлы Донской области.

Съ назначеніемъ ген. Самсонова наказнымъ атаманомъ на Донъ, въ 1907-мъ году, Ф. Д. Крюковъ обратился къ нему съ прошеніемъ о разрѣшеніи пріѣзда въ Глазуновскую на 10 дней для устройства домашнихъ дѣлъ. Къ этому официальному прошенію онъ приложилъ и частное письмо, въ которомъ изложилъ подлинныя причины его желанія посѣтить свою станицу, безъ которой онъ, какъ безъ воды и воздуха, вообще, жить не можетъ. Ему необходимо, хотя бы нѣ-

1) «Донская Волна», № 23, 1918 г.

2) «Казачьи Думы», № 3, 1922 г.

сколько дней, подышать роднымъ глазуновскимъ воздухомъ, для того, чтобы послѣ цѣлые мѣсяцы спокойно работать. Онъ просилъ атамана понять его чувства, этой, быть можетъ, своеобразной любви къ роднымъ мѣстамъ и не отнестись къ его просьбѣ только официально.

Генераль Самсоновъ придалъ письму большое значеніе, проявивъ къ его автору рѣдкое вниманіе, и разрѣшилъ пріѣздъ въ ст. Глазуновскую бывшему депутату Государственной Думы, писателю Крюкову, не на 10 дней, а на цѣлый мѣсяцъ, давъ при этомъ секретное распоряженіе окружному атаману обезпечить Ф. Д. спокойное пребываніе въ станицѣ, оградивъ его отъ «назойливой» бдительности мелкихъ полицейскихъ чиновъ.

На частное же письмо Ф. Д. Крюкова ген. Самсоновъ отвѣтилъ большимъ, частнымъ же, письмомъ, въ которомъ писалъ, что знаетъ Ф. Д. Крюкова давно по его «прекраснымъ и правдивымъ рассказамъ, напечатаннымъ въ журналѣ «Русское Богатство», каковыя онъ съ наслажденіемъ всегда прочитывалъ изъ-за своей давнишней и неизмѣнной любви къ казакамъ».

Ген. Самсоновъ рассказывалъ въ своемъ письмѣ Ф. Д. Крюкову, какъ онъ, прибывъ въ Новочеркасскъ, къ мѣсту своей новой службы, въ первые же дни послалъ купить всѣ книги Ф. Крюкова. Каково же было его удивленіе, когда ему заявили, что рассказовъ Ф. Крюкова не оказалось ни въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ гор. Новочеркасска. Удивленію его не было границъ, когда, послѣ полученія письма Ф. Д. Крюкова, онъ узналъ, что книгъ Крюкова не оказалось и въ бібліотекахъ г. Новочеркасска.

Наказнаго атамана выручилъ какой-то неизвѣстный, услышавшій о поискахъ книгъ Ф. Крюкова и пригласившій атамана двѣ книги рассказовъ изъ собственной бібліотеки.

При личной встрѣчѣ въ Петербургѣ съ Ф. Д. Крюковымъ, ген. Самсоновъ высказывалъ свое удивленіе общественной безучастности Новочеркасска къ произведеніямъ, описывающимъ «съ неподражаемой прелестью казачью же жизнь».

На это, по словамъ Ф. Д., онъ отвѣтилъ ему, что тутъ ужъ вина его: онъ не снабдилъ во время новочеркасскія бібліотеки своими книжками.

— Если бы ихъ и не читали, — прибавилъ Ф. Д., — такъ все же онѣ были бы въ Новочеркасскѣ и дождались бы своего ген. Самсонова...

Имя Ф. Д. Крюкова на Дону стало извѣстно, а послѣ и широко популярно, значительно позже помѣщенія въ «Русскомъ Богатствѣ» его перваго рассказа: «Казачка» въ ноябрьской книжкѣ журнала за 1896-ой годъ.

Въ дальнѣйшемъ послѣдовательно были напечатаны тамъ же въ трехъ книгахъ за 1898-ой годъ очерки впечатлѣній о поѣздкѣ по Дону, подъ общимъ заглавіемъ: «На Тихомъ Донѣ», и въ 1903-мъ году рассказы: «Изъ дневника учителя Васюхина» и «Въ родныхъ мѣстахъ». Но понадобилось десять лѣтъ времени и, главное, выступленіе Ф. Д. Крюкова въ новой

роли, политическаго дѣятеля, какъ депутата отъ Донской области въ 1-ой Государственной Думѣ, чтобы имя его приобрѣло широкую извѣстность въ казачьей средѣ.

Зависѣло это и отъ внѣшнихъ причинъ и, главное, отъ личныхъ особенностей характера Ф. Д., — его крайней скромности.

До 1906-го года имя его было мало извѣстно даже въ сосѣдней окружной станицѣ, Усть-Медвѣдицкой, гдѣ онъ нерѣдко бывалъ. Попытки его поступить тогда преподавателемъ въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній станицы не удавались.

Популярность въ широкихъ казачьихъ кругахъ Ф. Д. Крюкова начинается съ конца 1905-го года, то есть съ начала предвыборной кампаніи въ 1-ую Государственную Думу. Въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ она проходила особенно страстно. И Ф. Д. Крюковъ принялъ въ ней горячее участіе.

Страстная борьба шла вокругъ основного вопроса: «идти или не идти въ Думу?» или, иначе говоря, — участвовать ли въ выборахъ въ нее на основаніи объявленныхъ правилъ, или бойкотировать выборы. За бойкотъ усиленную агитацію вели члены Московскаго крестьянскаго съѣзда, отъ лица образованнаго имъ «Всероссійскаго крестьянскаго союза», и имя Ф. Д. Крюкова стало упоминаться, какъ рѣшительнаго противника бойкота и горячаго защитника выборовъ въ Думу. Онъ высказывался за дальнѣйшую борьбу за измѣненіе закона о выборахъ уже въ самой Государственной Думѣ.

Онъ не велъ ни открытой агитаціи среди казаковъ, ни скрытой, въ видѣ всевозможныхъ листовокъ и прокламаций, въ изобиліи появлявшихся въ то время среди населенія округа. Способъ его общенія съ казаками и вліянія на нихъ былъ у него только одинъ: это его бесѣды съ глазуновскими станичниками, или на майданѣ, у станичнаго правленія или у себя, на балкончикѣ дома.

Среди казаковъ онъ уже давно пользовался и громаднымъ авторитетомъ, и искренней любовью, и рѣдкимъ уваженіемъ. Его пріѣзды въ станицу открывали своего рода станичные круги, собиравшіе по праздникамъ и вечерами, послѣ работъ, къ станичному правленію самыхъ видныхъ и вліятельныхъ казаковъ. Здѣсь при непремѣнномъ участіи Ф. Д. Крюкова рѣшались всѣ вопросы мѣстной станичной жизни.

Вполнѣ понятно, что послѣ 17-го октября, въ связи съ объявленными манифестомъ свободами, передъ станичниками всталъ цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшить которые сами они не могли. Пріѣздъ въ станицу въ ноябрѣ мѣсяцѣ Ф. Д. былъ встрѣченъ казаками съ понятной радостью.

Въ эти-то дни общаго хаоса и выяснилась огромная роль Ф. Д. Крюкова, какъ политическаго воспитателя казачьей массы.

Его бесѣды съ казаками станицы вызвали цѣлое паломничество казаковъ сосѣднихъ станицъ и хуторовъ въ ст. Глазуновскую, а рассказы о происходящихъ въ ней, по пущенному въ оборотъ новому слову, «митин-

гахъ» шли далеко за предѣлы не только станицы, но и цѣлаго округа. Достаточно сказать, что въ Глазуновское станичное правленіе поступали запросы отъ многихъ станицъ сосѣднихъ округовъ по разъясненію тѣхъ или иныхъ вопросовъ, связанныхъ съ объявленнымъ манифестомъ и будущей Государственной Думой...

Къ моменту выборовъ, имя Ф. Д. Крюкова уже обеспечивало ему выборы въ областные выборщики отъ Усть-Медвѣдичкаго округа, а тамъ и выборы въ самую Государственную Думу.

Будучи уже депутатомъ, онъ впервые выступилъ на станичномъ сборѣ станицы Усть-Медвѣдичкой въ іюнѣ 1906-го года.

На происходившемъ станичномъ сборѣ случайно стало извѣстно, что изъ Петербурга въ свою Глазуновскую прибылъ наканунѣ вечеромъ Ф. Д. Крюковъ, и къ нему тотчасъ же была послана депутація отъ станичнаго сбора, съ просьбой посѣтить сборъ.

Этотъ пріѣздъ Ф. Д. описалъ впоследствии въ одномъ изъ очерковъ въ журналѣ «Русское Богатство».

Сколько надеждъ возлагалось на Государственную Думу и сколько пламенной вѣры было у казаковъ Усть-Медвѣдичкаго округа въ своего избранника Ф. Д. Крюкова, можно было наблюдать при этомъ выступленіи его передъ избирателями. Популярность его и авторитетъ въ округѣ были огромны.

Лишеніе же Ф. Д. Крюкова права вѣзда и проживанія въ предѣлахъ Донской области отняло у него возможность проводить свободное время въ своей любимой Глазуновской. Эта мѣра причиняла ему большую душевную боль; но онъ былъ доволенъ и тѣми десятидневными разрѣшеніями на посѣщеніе своей станицы, въ которыхъ никогда не отказывалъ и послѣдующій наказный атаманъ, баронъ Таубе.

Такъ дожилъ онъ до 1914-го года. Съ началомъ Великой войны онъ ушелъ на Кавказскій фронтъ дѣйствующей арміи во главѣ одного изъ летучихъ отрядовъ Краснаго Креста, организованныхъ Государственной Думой.

Цѣлый рядъ дивныхъ очерковъ изъ фронтовой жизни помѣщенъ былъ Ф. Д. Крюковымъ въ газетѣ «Русскія Вѣдомости» за подписью Ф. Крюковъ или И. Гордѣевъ.

Съ апрѣля 1914-го года мы не видѣлись съ Ф. Д. Крюковымъ, лишь изрѣдка перебрасываясь письмами въ дѣйствующей арміи. Неожиданно, въ февралѣ 1916 года, въ пути, при передвиженіи частей одного изъ Кавказскихъ корпусовъ въ Галицію, мы встрѣтились съ нимъ.

Жизнерадостный, бодрый и здоровый, онъ съ рѣдкимъ юморомъ разсказалъ мнѣ о своихъ «боевыхъ» подвигахъ, жалуюсь только на то, что ему рѣдко приходилось на Кавказскомъ фронтѣ сталкиваться съ своими родными станичниками. А теперь онъ будетъ держать со мной постоянную связь, чтобы имѣть возможность наблюдать ихъ въ этой необычайной обстановкѣ...

— Нужно на старость запастись матеріаломъ на всю жизнь, — говорилъ онъ, смѣясь, — такое поле наблюденій, своего рода «писательское счастье», вѣдь, не всякому выпадаетъ въ жизни.

Однако, намъ не пришлось больше встрѣтиться съ нимъ на Галиційскомъ фронтѣ; нашъ полкъ вскорѣ же былъ переброшенъ съ 5-мъ Сибирскимъ корпусомъ на юго-западный фронтъ.

И только 27-го декабря 1917-го года, спустя два дня по моемъ возвращеніи изъ дѣйствующей арміи, мы встрѣтились съ нимъ въ ст. Усть-Медвѣдичкой.

Это не былъ прежній Федоръ Дмитріевичъ, съ его характерной улыбкой, съ живыми, смѣющимися глазами, съ неизмѣнной бодростью и жизнерадостностью, съ своеобразнымъ, никогда не покидавшимъ его юморомъ.

Теперь ничего этого не было. Было то «особенное», чего я никогда не видѣлъ и не зналъ въ немъ раньше...

Пережитое имъ за 1917-ый годъ успѣло наложить особый отпечатокъ на его внѣшность, отражавшую его внутренний міръ. Онъ осунулся, постарѣлъ; съ потускнѣвшими глазами, носившими слѣды слезъ, онъ имѣлъ видъ усталого душевно и измученнаго человѣка. Исчезла его прежняя характерная, добродушно-лукавая улыбка, освѣщавшая его лицо особымъ выраженіемъ общаго добродушія. Появилась новая черточка, только одна, — придавшая его усталому лицу характеръ горькой усмѣшки, невыразимо горькой скорби, не покидавшей его до послѣднихъ дней...

Онъ встрѣтилъ меня слезами и молча сидѣлъ противъ меня, лежавшаго съ повышенной температурой, — съ глазами, полными слезъ.

Мнѣ безъ словъ была понятна его скорбь и его слезы...

И только много лѣтъ спустя я прочиталъ строки, написанныя имъ въ день общаго русскаго ликования, подводившія итогъ его впечатлѣніямъ, — строки, дающія разгадку и его слезамъ и его «черточкѣ» горькой усмѣшки...

Я приведу ихъ цѣликомъ:

... Въ день, когда по всему городу пошли и поѣхали съ красными флагами, я шелъ, послѣ обычныхъ скитаній, домой, усталый и придавленный горькими впечатлѣніями.

Звонили къ вечернѣ. Потянуло въ церковь, въ тихій сумракъ, къ робкимъ, ласковымъ огонькамъ.

Вошелъ, сталъ въ уголку. Прислушался къ монотонному чтенію — не разобрать словъ, но, все-равно, — молитва. Одними звуками она всколыхнула переполненную чашу моей скорби и вылила ее въ слезахъ, внезапно хлынувшихъ.

Поврежденный въ вѣрѣ человѣкъ, я безъ словъ молился Ему, Невѣдомому Промыслителю, указывать на струпья и язвы родной земли...

На страшные струпья и язвы...

Съ этой чашей, переполненной скорбью, онъ и ушелъ въ вѣчность...

20 февраля 1930 г.

П. Скачковъ

ПИСЬМО СЪ КУБАНИ

Пришло письмо изъ дому:

«Здравствуйте мои дорогіе дѣточки... Шлю я Вамъ свой материнскій привѣтъ и цѣлую Васъ крѣпко-крѣпко. Я живу очень скверно. Все мое подворье (домъ, амбаръ, сарай) конфисковали. Забрали весь кормъ и взяли единственную мою телку въ коллективъ. И теперь у меня ничего нѣтъ. Меня выгнали изъ дому и я не знаю, гдѣ я теперь буду жить...

Цѣлую Васъ

Ваша Мама.»

Моей матери шестьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ. Она простая казачка и неграмотная. Въ смутѣ она потеряла мужа — рядового казака, — разстрѣляннаго еще въ 18-мъ году; гдѣ-то, въ поѣздкѣ «за хлѣбомъ», умерла ея свекровь, старушка; въ Крыму погибъ сынъ; не выдержавъ гоненій, застрѣлилась дочь, а вторая утонула въ родныхъ водахъ Кубани...

Понятно ли читателю горе моей матери?

Я получилъ ея карточку. Скелетъ, обтянутый кожей.

Отъ старости и горя — она едва передвигается по двору, въ заботахъ по своему горемычному хозяйству.

И, вотъ, — выгнали вонъ, на улицу, старуху, обездоленную и уже стоящую одной ногой въ могилѣ, конфисковавъ въ «колхозъ» единственную телку и пустой дворъ, самый обыкновенный дворъ былого среднего казачьяго хозяйства...

Это называется — раскулачиваніе...

Куда же теперь пойдетъ эта старушка, страдалица-казачка?!

Гдѣ она будетъ сегодня спать?

Что она будетъ ѣсть?

Сможетъ ли хоть просить милостыню, какъ единственное теперь средство для пропитанія?

Спрашивается, единственный ли это случай такого «раскулачиванія»?

Нѣтъ! Ихъ тамъ такихъ — десятки.

Что же намъ, казакамъ, дѣлать?

Единственное утѣшеніе, единственное средство для моральнаго облегченія и для поддержки своихъ родныхъ — страдальцевъ, сырыхъ и несчастныхъ, средство для борьбы съ жестокимъ и упорнымъ врагомъ — это, наше здѣсь единеніе.

Изныла казачья душенька и не знаетъ, куда же ей хилиться.

И... не послѣдніе ли мы казачьи мотикане?

Даже, вѣдь, и на это нельзя закрывать глазъ. И, если мы здѣсь свободны въ своихъ казачьихъ думахъ, если мы еще здоровы и сильны, но молчимъ и бездѣйствуемъ, то кто же тамъ, и кто же еще и гдѣ подниметъ свой голосъ: за казачество, за долю, за отчизну, за вѣру православную?

Казакъ-кубанецъ.

БИБЛЮГРАФІЯ

П. Н. КРАСНОВЪ. СЪ ЕРМАКОМЪ НА СИБИРЬ

Повѣсть. Иллюстраціи художн. С. Ф. Ефремова
Изданіе В. Сіяльского. Парижъ.

Новая повѣсть П. Н. Краснова, живо, съ огнемъ, написана, талантливо иллюстрирована и изящно издана.

Передъ читателемъ разворачивается картина Іоанновой Москвы, озаренной пожарами, запуганной опричниной, подавленной неудачной Ливонской войной.

Старики вспоминаютъ дѣла былыхъ временъ и взятіе Казани. Молодежь рвется на волю. И Федя, ге-

рой повѣсти, начинаетъ свой жизненный путь съ дальней, полной опасностей, дороги къ Строгановымъ, въ Сибирь.

Юный читатель, не отрываясь, будетъ слѣдить за смѣлымъ юношей и вмѣстѣ съ нимъ переживетъ его приключенія и смутную пору покоренія Сибири.

Иллюстраціи С. Ф. Ефремова замѣчательны. Безукоризненно передана эпоха. Хороши портреты всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и очень удачны животныя — кони, медвѣдь, выходящій изъ чащи, и песикъ Восяй, неизмѣнный спутникъ Федя.

Редѣкторъ-Издатель Е. Д. Коноваловъ.

Directeur E. D. Konovaloff

Gérant : Mr. W. Lerat

Imprimerie de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves,
32, rue de Ménilmontant 32. Paris (20°).

Распространяйте нашъ журналъ!

Institut de Beauté Phyllis Earle (London)

PARIS, 50, Av. TOKIO. Tél. Passy 26-23.

Окончившіе получают дипломы. Говорят на 5 языкахъ. Русскимъ льготныя условія. ПРОГРАММА: Новѣйшіе методы англо-американскаго массажа, лѣченіе электричествомъ дефектовъ лица, кожи, волосъ. Manucure. Pédicure. Окраска волосъ, примъ, театральный и для жизни. Физическая культура. Цикль лекцій г.г. врачей по анатоміи. Физиолог. бол. кожи, электрич. эстетич. хирургія. Справки письменно лично отъ 2 до 5 ч. у Директриссы: **M-me Alex.**



Пріемъ кліентокъ по всѣмъ **SOINS MEDIC-ESTHETIQUES** у **Mme ALEX** вторн., четв., субб. 10-12 ч. и по соглашенію. Tél. Auteuil 91-50 122, Bd Murat, entrée 84 2° ét. gauche

Продовольственные посылки въ Россію

11-bis, Av. Victor-Hugo, PARIS. P. M. KOUSMICHOFF et FILS, Tél. Passy 56-43.

№ 2, ЦѢНА 70 франк.

100 гр. Чая KUSMI
400 гр. Кофе KUSMI
2.000 гр. Рису
1.000 гр. Манной крупы
1.000 гр. Тапіока.
Пошлина около 2 рублей
или 34 фр. 60 с.

№ 4 ЦѢНА 85 франк.

500 гр. Чая KUSMI
500 гр. Какао.
1.000 гр. Манной крупы
1.500 гр. Рису
1.000 гр. Муки
Пошлина около 6 рубл. 30 к.
или 91 фр. 80 с.

№ 3 ЦѢНА 125 франк.

1.000 гр. Чая KUSMI
1.000 гр. Кофе KUSMI
1.500 гр. Рису.
1.000 гр. Манной крупы.

Пошлина около 9 рубл. 50 к.
или 134 фр. 35 с.

ПОСЫЛКА № 5: 4 съ полов. кг. МУКИ — 60 франковъ.

Въ цѣну включены всѣ расходы по упаковкѣ и отправкѣ.

Пошлина можетъ быть нами переведена черезъ банкъ получателю въ Россію. Требуйте преискуранты.

РУССКОЕ БИСТРО и ВИННО-ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

ВСТРѢЧА ДРУЗЕЙ

Борщъ. Пирожки. Горячія и холодныя закуски круглый день.

Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

При русскомъ бистро открыть большой ресторанъ

105 bis, Bd de Grenelle, Paris Владѣлецъ П. П. ПОТЕМИНЪ

Кондитерская Г. СЕРДЕЧНАГО



64, rue de Longchamp.

Tél.: Passy 82-08

Къ праздникамъ большой выборъ всевозможныхъ печеній, тортовъ, конфетъ и пр. Коробки и шкатулки въ русск. ст.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫИ КАЗАЧІИ ЖУРНАЛЬ

РОДИМЫЙ КРАЙ

Подписная плата:

на годъ — 30 франковъ; на 6 мѣсяцевъ — 15 франковъ.

Контора: Union des Cosaques, 1, villa Chauvelot, Bd Chauvelot, Paris (15°).

Produits de Beauté „MACO“

Золотая медаль на выставкѣ 1928 г.

278, Bd Raspail. Tél. Danton 73-99.

Молочный кремъ. Кремъ отъ морщинъ.

Пудра и другая косметика.

En vrac et conditionnée.

Русскимъ уступка.

Безплатные совѣты по уходу за кожей.

Принимается подписка на 1930-й годъ

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

„РОССІЯ“

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ:

Е. Д. КОНОВАЛОВЪ.

Подписную плату 5 франковъ за номеръ съ пересылкой во Франціи и 1 ам. долларъ за 4 номера за границу (можно мѣстной валютой) просить высылать по адресу:

Mr Konovaloff, 10, Rue Augereau, Paris 7.

Русскій мужской и дамскій портной

Е. Готардъ | Открытъ | новыи Магазинъ

CHAPELIER CHEMISIER
249-251, r. Lecourbe, Paris-15°.
уголъ rue de la Convention.
Tél.: Vaugirard 51-58

Большой выборъ английскихъ и другихъ матеріаловъ,
бѣлья, шляпъ, галстуковъ и проч.

ОТДѢЛЕНИЕ: 1, AV. EMILE ZOLA, METRO : JAVEL. Tél. : Vaugirard 33-57.

М. М. ЧЕРНЫЙ ПОДЪ ФИРМОЮ «MICHEL»

28 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первоклассныхъ портныхъ

10, rue Caffarelli (derrière la Mairie du 3-e). Métro: République et Temple. Téléphone: Archives 36-06.

Громадный выборъ МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. Цѣны внѣ конкуренціи. Собственная мастерская для передѣлокъ

З. Пинчевс ий

3, rue Perrée, Paris (3). Métro: Temple et République. Téléph.: Archives 77-97

Портной Ф. И. Агѣевъ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

английскихъ и французскихъ матерій
19, rue Tiphaine, Paris (15)
Métro: La Motte-Picquet.

Banque Industrielle du Centre

85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél. Louvre 09-11. Centre 35-67.

ТЕКУЩИЕ СЧЕТА И ВКЛАДЫ, БИРЖЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ

СЪ ОГРАНИЧЕННЫМЪ РИСКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССИЮ и др. страны

въ кратчайшій срокъ съ предст. обратн. расписокъ. — ПОКУПКА РУССКИХЪ БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акціи), и страхов. полисовъ. ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Франц. Правительств. ВЫИГРЫШНЫЕ (съ процентами) БИЛЕТЫ на специальныхъ условіяхъ.

ВЫИГРЫШИ ПО 1.000.000 ФРАНК. ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Цѣна билетовъ отъ 60 до 600 фр. съ полученіемъ ссуды до 80 проц. стоимости
Подробные проспекты и свѣдѣнія объ операціяхъ на Парижской Биржѣ высылаются по первому требованію; корресп. по-русски.

Авто-Perfection-Школа

Обучаетъ на машин. послѣдн. моделей Citroën C4, Renault, Peugeot

LEÇONS D'AUTO

Картъ-розъ съ гарантией

Курсъ такси и механики

Tél. : Auteuil 44-44.

Métro : Eglise d'Auteuil

4, rue Désaugiers, Paris-16.

Открытъ отъ 8 — 20 час.

ДИРЕКТОРЪ В. А. ЮРКОВСКИЙ

Ателье „КУСТАРЬ“

ТРЕЙ и Ко

6, Rue de Calais, Paris-9°

Tél.: Louvre 48-91.

Métro: Clichy - Blanche

Принимаю заказы на ювелирные работы, нагѣльные кресты, ордена, значки; чеканка ризъ для иконъ. Серебрение и золоченіе. Починка и передѣлка стар. вещей. Исполненіе эмалевыхъ работъ и починка старой эмали. Покупка, продажа и приемъ на комиссію всевозм. вещей

Русская

Политехническая школа

АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА
NORTH AMERICAN YMCA.

МЕТОДЪ ЗАОЧНАГО ПРЕПОДАВ.

Книги и печатныя лекціи
высылаются во всѣ страны

Отдѣленія:

1. ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЕ
2. ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ
3. МЕХАНИЧЕСКОЕ

Курсы на пом. инженеровъ, техникувъ, механиковъ, чертеж. конструкторовъ, монтеровъ, десятниковъ.

4. КОММЕРЧЕСКОЕ

Программа Коммерческаго Института, курсы на бухгалтера, коммерческаго корреспондента, кооперація, страховое дѣло, торговое представительство.

5. АГРОНОМИЧЕСКОЕ

Курсъ Сельско-Хозяйствен. Техникума

6. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ

Реальное училище и гимназія.

7. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Французск., Английск., Нѣмецк., Латинск.

Требуйте программы (бесплатно)

Russian Correspondence School

of the North American Y.M.C.A.

10, Bd Montparnasse, Paris 15°

(France).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1930-ый годъ (3-ій годъ изданія) на иллюстрированный журналъ литературный и политическій

„Вольное Казачество — Вильне Козацтво“

выходящ. въ Прагѣ 10 и 25 числа кажд. мѣсяца подъ редакціей члена Кубанской Рады И. А. БИЛАГО

Въ журналѣ принимаютъ участіе свѣше ста сотрудниковъ — казачьихъ писателей и журналистовъ — казакъ всѣхъ Войскъ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 6 мѣс. — 1½ ам. долл., на 1 годъ — 3 ам. долл. Редакція и контора:

PRANA XII, RADHOSTSKA, 9. Tchecoslovaquie.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХЪ

«ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА — ВІЛЬНАГО КОЗАЦТВА» на 1930-ый годъ.

Въ литературно-политическомъ сборникѣ-альманахѣ календаря (275 страницъ) помѣщены статьи по исторіи казачества, по экономикѣ казачьихъ земель, статья о казачьихъ гербахъ, свѣдѣнія о территоріи и населеніи К. З., равно, какъ и цѣлый рядъ произведеній публицистики и литературы казачьихъ писателей и журналистовъ.

Каждый казакъ долженъ имѣть казачій календарь на 1930-ый годъ.

Цѣна — ½ америк. доллара. Обращаться въ редакцію «В.К.»:

PRANA XII, RADHOSTSKA, 9. Tchecoslovaquie.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Бессель и Ко

78, r. de Monceau (M^o Villiers)

Tél.: Laborde 02-13. Paris-8^e.

РУССКАЯ МУЗЫКА

Оперы, романсы, инструм. музыка

Каталоги высылаются бесплатно.

Русскія ноты

*Musique
Russe*

23, rue de Liège, 23. Paris (8)

Издания М. П. Бяляева, Юргенсона и др.

Каталоги бесплатно.

Tél.: Central 31-78

РУССКІЙ
НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ
**S. A. des Grandes
Editions Musicales**

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ

22, RUE D'ANJOU, PARIS (8).

Tél.: Anjou 09-26.

Требуйте каталоги

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroen.

32-34, rue Marbeuf (Champs-
Elysées); Tél.: Elysées 58-83 et
97-61 et la suite. Métro: Mar-
beuf et Rond-Point des Champs-
Elysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poid-
lourd. Cours de mécanique.
Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего
гаража, въ Булонскомъ лѣсу и въ го-
родѣ отъ 8 час. утра до 9 час. вечера
на машинахъ послѣднихъ моделей, съ
правымъ и лѣвымъ управленіями.
Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ
10 этажей, на 1500 машинъ, самый боль-
шой въ Парижѣ, въ районѣ Champs-
Elysées нашу школу, оборудованную
по послѣднему слову автомоб. техники

Вниманіе !

Если Вы можете
ПРЕДОСТАВИТЬ РАБОТУ

мужчинамъ и женщинамъ въ Парижѣ
или провинціи, будьте любезны сооб-
щить условія въ редакцію журнала. Вы
поможете нуждающимся.

Если
ВЫ ИЩЕТЕ РАБОТУ,
не забудьте сообщить намъ письменно
точные свѣдѣнія и приложить марку на
отвѣтъ. Указанія Вамъ дадутъ бесплатно

Для расширенія дѣла
ВАМЪ НУЖНЫ АГЕНТЫ?
Не откажите письменно освѣдомить
насъ о Вашемъ предпріятіи и условіяхъ
работы.

Реклама — двигатель торговли

ОБЪЯВЛЕНІЯ
помѣщайте въ нашемъ журналѣ

КНИЖНОЕ ДѢЛО

“РОДНИКЪ”

ВЪ ПАРИЖѢ

LIBRAIRIE « LA SOURCE »

106, rue de la Tour. Passy

Paris, (16).

Вышла въ свѣтъ
и разослана подписчикамъ новая книга
генерала Н. Н. ГОЛОВИНА
Изъ исторіи кампаніи 1914-го года на
русскомъ фронтѣ. Галиційская битва.

Первый періодъ
(до 1-го сентября новаго стиля)
Съ приложеніемъ картъ и схемъ
на 16-ти отдѣльныхъ листахъ
Цѣна 125 фр.

Вышла книга полковника ЕЛИСѢВА

„Исторія Войскового Гимна

Куб. Казачьяго Войска”

Въ книгѣ: рисунокъ Кубанскаго войско-
вого герба, портретъ командира 1-го
Кавказскаго полка, полковника Эльмур-
зы Мистулова и характерная группа ка-
заковъ-кавказцевъ. Въ качествѣ предис-
ловія къ «Исторіи гимна» — короткая,
но яркая и душевная статья Донскаго
атамана генерала Богаевского.

Цѣна книги съ пересылкою: во Франціи
5 франковъ, въ Сербіи 10 динаръ, въ
Болгаріи 25 левъ, въ Чехіи 7 кронъ и
въ Америкѣ 25 цент. Выписывать можно
въ Казачьемъ Союзѣ

UNION DES COSAQUES
Bd Chauvelot. 1, villa Chauvelot,
Paris (15).

ВЪ СЕРБІИ:

M. Solomachin. Nemanino 26.
Belgrad (Yougoslavie).

И У АВТОРА:

Elyseeff, 10, rue des Cordelières,
Paris (13). (France).

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И. А. Кирилова

Дѣла судебныя, административныя и
бракоразводныя. Договоры, уставы и
регистрація коммерческихъ обществъ.
Оформленіе документовъ. Сотрудниче-
ство французскихъ адвокатовъ.

46, rue de Provence, Paris (9).

около Rue Lafayette.

Métro: Chaussée d'Antin et Le
Peletier. Tél.: Trud. 08-04.

СПБ. Присяжный Повѣренный

Г. Е. Левинскій

Paris (9), 5, rue Boudreau.

Métro: Opéra. Tél.: Opéra 0-36.

Central: 94-37, 94-66.

Пріемъ: 10-12, 2-6 ч. Воскресенье 10-12
Гражданскія и уголовныя дѣла. Дого-
воры. Организція обществъ. Бракораз-
водныя. Брачныя формальности. Дѣла за
границей. Консультации.

ПЕЧАТАНІЕ НА РОТАТОРѢ
(Лекціи, журналы, рисунки и пр.)

... ПЕРЕПИСКА ...

Бюро Iероглифъ

4, rue Armand Moisant, 4.

Métro: Maine. N.-S.: Falguière.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ

участки

и виллы

изъ 4-хъ комнатъ, кухни и удобствъ, въ
непосредственной близости отъ Парижа,
можетъ Вамъ предоставить при незна-
чительномъ первомъ взносѣ только г.
Schnayder. На остальной долгъ
предоставляется въ теченіе 7-8-9 лѣтъ
разсрочка небольшими ежемѣсячными
взносами, сумма которыхъ не превы-
ситъ Вашу квартирную плату. Стать
собственникомъ земельнаго участка и
переѣхать въ свой домъ
Вы можете немедленно. Въ теченіе 15
лѣтъ Вы не платите никакихъ налоговъ.
Пользуйтесь случаемъ, спѣшите спра-
виться ежедневно до 10 час. утра и отъ
6 до 8 ч. 30 м. вечера.

Mr. SCHNAYDER,

117, rue du Temple.

Archives 79-29.

ОРГАНЪ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗН. МЫСЛИ „Путь“

Подъ редакціей Н. А. Бердяева
6 номеровъ въ годъ
Подписная цѣна: долл. 2,25.
Допускается наложенный платежъ
Складъ изданія: YMCA-Press
10, Bd. Montparnasse, Paris 15°.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ
LIBRAIRIE «MOSKWA»

9, rue Dupuytren, Paris 6°.
Tél.: Littré 37-01.

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладыжниковъ, Логосъ, Москва, Слово и Девриенъ изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданій). Библиотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно.

Русско-французское издательство и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

J. POVOLOZKY

13, rue Bonaparte. Paris-6°.
Téléphone: Fleurus 42-01

Собственные изданія на русскомъ и французскомъ языкахъ. Всѣ зарубежныя изданія. Всѣ книги совѣтской Россіи. Дѣтскія книги. Учебники. Словари и самоучители иностранныхъ языковъ. Ежемѣсячные бюллетени всѣхъ французскихъ изданій. Каталоги высылаются бесплатно. Всѣ книги по искусству. Художественныя изданія на всѣхъ язык.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

YMCA—PRESS

10, Bd Montparnasse, Paris, 15°.
Религиозно-художественная

литература

Философія. Житія Святыхъ и Исторія Православной Церкви. Вопросы жизни и религіи. Богословіе. Богослуженіе. Книги для юношества. Физическое развитіе. Учебники. Техника. Сельское хозяйство.

Каталогъ издательства высылается бесплатно по первому требованію.

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗД-ВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Е. СІАЛЬСКОЙ

LIBRAIRIE

Е. de SIALSKY

Всѣ новинки книжнаго рынка. Дѣтскія книги. — Каталоги бесплатно.

2, rue Pierre le Grand, Paris (8).

Tél.: Carnot 88-67.

Новая книга

П. Н. КРАСНОВЪ — ЛАРГО, романъ.

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ AU VIEUX LIVRE

17, Rue de l'Odéon Paris-6
Tél.: Littré 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполненіе заказовъ на любое изданіе. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ.

Медицинскій Указатель

Аптека для русскихъ

PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE

H. FOUCHER

Pharmacien de 1^{re} classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AN,

Трамваи: 25, 26.

Grenelle.

M-o: Dupleix, La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по русской фармакопее, русск. провизор. Всѣ французскія и иностранныя патент. средства. Общ. складъ парфюмеріи и

патентованныхъ товаровъ

Цѣны ниже всѣхъ аптекъ

Tél.: Ségur 11-45.

Всякій можетъ

ОМОЛОДИТЬ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ И УМСТВЕННО, СНОВА СТАТЬ ЗДОРОВЫМЪ, СИЛЬНЫМЪ, ТРУДОСПОСОБНЫМЪ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫМЪ и ПРОДУКТИВНО ДОЛГОЛѢТНИМЪ, кто очиститъ свой организмъ отъ ядовъ нарушеннаго обмена веществъ (мочевина, мочевая кислота, ураты и др.), или посредствомъ постоянной фруктово-овощной діеты по методу Физиса, или кратковременными курсами по способу Броуна-Секара при помощи энергетворнаго омолодителя и очистителя КАЛЕФЛЮИДА Д. КАЛЕНИЧЕНКО, безъ измѣненія своихъ привычекъ.

Калефлюидъ необходимъ всѣмъ ослабленнымъ болѣзнями, дурнымъ питаніемъ или пищевареніемъ, переутомленнымъ, подавленнымъ тяжкими воспоминаніями и пр.

Цѣлебное свойство Калефлюида удостоверяется врачами на миллионѣхъ больныхъ за 28-лѣтнее существованіе лабораторіи Д. Калениченко, какъ напримѣръ: проф. ШЕКИНЪ, пишетъ: «У меня были запоры по 4, 5 дней. Никакія медицинскія средства мнѣ не помогали. Послѣ Калефлюида мой желудокъ урегулировался и за три недѣли я помолодѣлъ на 20 лѣтъ, всѣ тѣла увеличился на 8 фунт.»

Д-ръ РІАРДЪ ГУСЕИНЪ, КАИРЪ: «Калефлюидъ, драгоцѣнный медикаментъ для лѣченія артритическихъ болѣзней, для восстановленія здоровья, нервовъ и

нормальнаго кровообращенія, нарушеннаго мочевой кислотой».

БОЛЬНЫЕ ПИШУТЪ:

Г-жа М. БРАКЕ, Рошъ Тайе, Франція. «Я болѣла 15 лѣтъ нервной болѣзью и особенно во время менструацій, теряла сознание, становилась почти сумасшедшей и полагала, что насталъ мой конецъ. Я примѣняла всевозможныя лѣченія безрезультатно. Теперь я помолодѣла, стала неузнаваемой, окрѣпла, благодаря чудесному Калефлюиду».

ДРАГОЛЮБЪ СИМИЧЪ, Сопотъ, Сербія: «Два года я страдалъ въ больницахъ на курортахъ, примѣнялъ много лѣкарствъ — все безрезультатно. Лѣченіе Калефлюидомъ дало мнѣ полное облегченіе».

Г-жа ЩИПОННИКОВА, Ліонъ, 7, ул. Пьеръ Верже: «Я страдала головной болью почти ежедневно. Послѣ 4 недѣль лѣченія Калефлюидомъ мои боли почти исчезли. Я приняла 2 съ полов. флакона и сейчасъ совершенно не страдаю, моя мигрень исчезла, какъ по волшебству».

А. ГРОЦКІЙ, 88, ул. де Бри, Муаверъ-Грандъ (Мозель). «Я былъ боленъ легкими два года и харкалъ кровью. Послѣ лѣченія чудеснымъ Калефлюидомъ, я вновь сталъ сильнымъ, кровохарканіе прекратилось и я работаю на шахтахъ къ удивленію моихъ товарищей».

І. РЕИДИХЪ, 7, ул. Кюръ, Ноей-ле-

Минъ (П. Д. Ц.): «18 лѣтъ я страдалъ желудкомъ. Послѣ одной бутылки Калефлюида, боли прекратились и желудокъ дѣйствуетъ нормально».

НИЗЕЛЬСОВЪ, Госпиталь Божонъ, Парижъ: «Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ я принимаю Калефлюидъ, но я считаю себя уже воскресшимъ изъ мертвыхъ. У меня исчезла рвота, которая мучила меня два года; боль въ костяхъ стала быстро исчезать, и я сплю, не просыпаясь».

ОТТО, Доманъ де Сэда, Джедейда, Тунисъ: «Послѣ трехъ флаконовъ Калефлюида я совершенно поправился. Болѣзни мои были: расширеніе сердца, нервность, летучій ревматизмъ, подавленное настроеніе и постоянная усталость. Теперь я чувствую себя совершенно здоровымъ».

КАЛЕФЛЮИДЪ награжденъ на выставкахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Флоренціи и Римѣ, 5 гранъ-при и 5 большими золотыми медалями.

Безплатно франко высылаются объяснительная литература о причинахъ и лѣченіи болѣзней.

КАЛЕФЛЮИДЪ находятъ въ аптекахъ, гдѣ нѣтъ — высылаются наложеннымъ платежомъ.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСУЙТЕ:

Société Kalefluide

D. KALENITCHENKO,

5, Cité Pigalle, Paris (9).

Новый Русский Медицинский Институтъ

Д-РА ДАНИЭЛЯ, ПРИ УЧАСТИИ 5 ДОКТОРОВЪ-СПЕЦИАЛИСТОВЪ. ЛУЧШЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ ВЪ ПАРИЖѢ. НОВЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ. ЦѢНЫ НИЗКІЯ. X-ЛУЧИ. ДИАТЕРМИЯ. УЛЬТРА-ФИОЛЕТОВЫЕ ЛУЧИ. ТОКЪ ВЫСОКАГО НАПРЯЖЕНІЯ, ВСЕВОЗМОЖНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЭЛЕКТРИЗАЦІЯ. ВАКЦИНЫ, СЕРУМЪ, АНАЛИЗЪ КРОВИ. МОЧЕПОЛОВОЫЕ ПУТИ: ГОНОРРЕЯ, ВОСПАЛЕНІЕ ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗЫ, БЕЗСИЛИЕ, ОНАНИЗМЪ. ЖЕНСКІЯ БОЛѢЗНИ: МЕТРИТЬ. САЛЪПЕНЖИТЬ. ФИБРОМЪ. БОЛѢЗНИ КОЖИ И КРОВИ: СИФИЛИСЪ. ЭКЗЕМА. ПСОРИАЗИСЪ (НОВЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ МЕТОДЪ ЛѢЧЕНІЯ X-ЛУЧАМИ). БОЛѢЗНИ ЛЕГКИХЪ И ТУБЕРКУЛЕЗЪ. БОЛѢЗНИ ЖЕЛУДКА И КИШЕКЪ, НОСА, УХА, ГОРЛА. ЛѢЧЕНІЕ У БОЛЬНИЧНЫХЪ ВРАЧЕЙ. РАДИОСКОПИЯ — 50 ФР. РАДИО-ФОТОГРАФИЯ — 100 ФР. ЦѢНЫ ПРОПАГАНДНЫЯ. ПРИЕМЪ СЪ 9 ЧАСОВЪ УТРА ДО 9 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА. ВОСКРЕСЕНЬЕ СЪ 9 — 12. ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ. НОВѢЙШІЕ СПОСОБЫ ЛѢЧЕНІЯ ПОСРЕДСТВОМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА И УЛЬТРА-ФИОЛЕТОВЫХЪ ЛУЧЕЙ. СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: ВСТАВЛЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ ЗУБОВЪ БЕЗЪ НЕБА И БЕЗЪ КРЮЧКОВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ КРИВОРАСТУЩИХЪ ЗУБОВЪ. ПРОТЕЗЫ НОСА И УШЕЙ, ИСПРАВЛЕНІЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХЪ ДЕФЕКТОВЪ ЗУБОВЪ И ЧЕЛЮСТЕЙ. УНИЧТОЖЕНІЕ ДУРНОГО ЗАПАХА. ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ. ПРИЕМЪ 10-12 и 4-9 Ч.

52, RUE DE BONDY. Métro : République, Lancry.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ
Въ русскомъ кварталѣ (Парижѣ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,
Pharmacien de 1^{re} classe
63, Bd de Grenelle.
Tram. 25, Aut. AN, AQ.
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовление рецептовъ г.г. русскихъ врачей. Всѣ русскіе препараты. Патентованные средства. Парфюмерія. Косметика. ЦѢНЫ минимальныя. Исполненіе заказовъ въ провинцію и за границу, и по телефону въ Парижѣ: Сегюръ 18-51
Tél.: Ségur 18-51.



АМБУЛАТОРІЯ
магистра ветеринарныхъ наукъ и профессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворнаго ветеринар. врача.
Приемъ больныхъ животныхъ 10-12, 2-6 ч.
Воскресенье 1-4 ч.

20, rue Scheffer
Métro: Passy, Trocadéro, Pompe
Tél.: Passy 81-11.
СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ
ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

Русская лѣчебница „ТЮРБИГО“

19, rue Turbigo. (Métro : Etienne-Marcel, Réaumur-Sébastopol).

ЛѢЧЕНІЕ ОТЪ ВСѢХЪ БОЛѢЗНЕЙ ПО НОВѢЙШИМЪ СПОСОБАМЪ
(внутреннія, венерическія, женскія, дѣтскія; ухо, носъ, горло, глаза)
ОПЕРАЦИИ, РАДИОТЕРАПІЯ, АНАЛИЗЫ, ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ.

ЛѢЧЕНІЕ, ПЛОМБИРОВАНИЕ УДАЛЕНІЕ ЗУБОВЪ БЕЗЪ БОЛИ; КОРОНКИ ЗОЛОТЫЯ ОТЪ 75 ФРАНКОВЪ; ЗУБЫ 20 ФР.

ЛѢЧЕНІЕ ДЕСЕНЪ; ГАРАНТІЯ, ЗОЛОТО 22 КАР.

Приемъ ежедневно 9-12 и 3-9 ч. вечера. Воскресенія и праздники 9-3 ч. дня.

Полный переворотъ в медицинѣ

ИНДИЙСКИЙ БАЛЪЗАМЪ — безвредный растительный сокъ, совершенно очищаетъ кровь отъ микробовъ и заразы. Отъ первыхъ приѣмовъ балъзама больной чувствуетъ, какъ организмъ, измученный болѣзною, наполняется новыми силами. На 3-5 день больной уже чувствуетъ облегченіе, а послѣ мѣсяца или полтора всякое лѣченіе становится излишнимъ потому, что болѣзнь побѣждена и силы восстановлены, не приходится даже повторять курса лѣченія, такъ какъ всякая болѣзнь поддается радикальному излѣченію при помощи лѣченія Индійскимъ балъзамомъ.

Излѣченіе съ полной гарантіей сифилиса во всѣхъ стадіяхъ и во всѣхъ послѣдствіяхъ.

Сухотка спинного мозга или табесъ, прогрессивный параличъ, люпусъ или волчанка, псоріазисъ, экзема, ракъ, сикозъ, падучая болѣзнь, эпилепсія, туберкулезъ костей, всѣ наслѣдственные болѣзни, золотуха, половое безсиліе также поддается совершенному излѣченію.

Лѣчу проказу съ полной гарантіей излѣченія.

Объ излѣченіи этихъ болѣзней имѣю десятки тысячъ нотаріальныхъ и письменныхъ благодарностей. СЕКРЕТЪ производства Индійскаго балъзама ТОЛЬКО ВЪ ПАРИЖѢ У АВРАХОВА: въ Берлинѣ остерегайтесь поддѣлки д-ра Шмидта.

Онъ больше моимъ представителемъ не является. За его методы лѣченія я не отвѣчаю.

Очень интересная брошюра высылается по требованію бесплатно. Почтов. расх. 2 франка.

Требуйте Индійскій балъзамъ только у АВРАХОВА:

366, rue de Vaugirard, Paris 15.

Tél.: Vaugirard 28-89.

Métro: Porte de Versailles.

Милліонъ франковъ

МОЖЕТЕ ВЫИГРАТЬ: НЕ УПУСКАЙТЕ БЛИЖАЙШАГО РОЗЫГРЫША. МОЖЕТЪ БЫТЬ, ВЪ ЭТОМЪ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВАШЕ СЧАСТЬЕ.

Подписывайтесь **ТЕПЕРЬ ЖЕ** на покупку выигрышныхъ гарантированныхъ цѣнныхъ билетовъ, представляющихъ настоящій денежный знакъ, дающихъ 5% дохода и **МНОГО ШАНСОВЪ НА ВЫИГРЫШИ.** Можете участвовать въ розыгрышахъ **КАЖДЫЙ МѢСЯЦЪ**, съ полными правами на выигрыши: **ОДИНЪ МИЛЛІОНЪ; 500 ТЫСЯЧЪ, 200 ТЫСЯЧЪ, 100 ТЫСЯЧЪ, 50 ТЫСЯЧЪ, 10 ТЫСЯЧЪ, 5 ТЫСЯЧЪ** — **ВЪ КАЖДОМЪ РОЗЫГРЫШѢ.**

Вносите или посылайте почтой по 25 франковъ ежемѣсячно и Вы будете участвовать въ розыгрышахъ въ **САМОМЪ БЛИЖАЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ**, съ полными правами на выигрыши. **ЭТО ВѢРНЫЙ ПУТЬ СБЕРЕЖЕНІЙ И ПОЛНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЕЗПЕЧИТЬ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ.**

Пишите по-русски и обращайтесь лично по адресу:

BANQUE FRANÇAISE DE CREDIT, SERVICE RUSSE. 31, RUE SAINT GEORGES, 31. PARIS 9.

Нашъ банкъ французскій, существуетъ 40 лѣтъ и хорошо зарекомендованъ.



TORPÉDO

**la machine sérieuse
portative et de bureau**

**PAYABLE AU COMPTANT
ET PAR MENSUALITÉS**

HAÏK-TYPEWRITER
142, Rue Montmartre. PARIS

Переводъ денегъ въ Россію

COMITÉ RUSSE DE SECOURS

33, rue de Prony, Paris-17^e
Métro: Monceau ou Malesherbes.
Tramways: No. 5, 30, 31.

Часы приема ежедневно (не исключая и субботы) 3-7 ч. (кроме воскр. и прздн.)



EPARGNE-OBLIGATION

Взаимно-Сберегательное О-во

Частное предприятие, состоящее под контролем государства. **14, rue de Strasbourg, Paris-X^e.**

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ПАИ ОБЩЕСТВА Epargne-Obligation въ 500 или 5.000 франковъ

УПЛАЧИВАЕМЫЕ:

Наличными 500 фр., или ежемѣсячными взносами отъ 10 фр. безъ повышенія цѣны.

Наличными 5.000 фр., или ежемѣсячными взносами отъ 50 фр. безъ повышенія цѣны.

Подписанныя суммы употребляются на приобретение цѣнныхъ бумагъ, гарантированныхъ государствомъ, какъ-то: выигрышныхъ облигаций

Crédit National, Ville de Paris, Crédit Foncier, etc.

Р. С. НАПОМИНАЕМЪ, ЧТО:

ОБЛИГАЦИИ

Crédit National
1919, 1920 и 1921 г.г.

дають ежегодно:

въ 16-ти тиражахъ:

12	выигрышей по 1000000
12	» » 500000
16	» » 200000
68	» » 100000
112	» » 50000
96	» » 10000
96	» » 5000
6960	» » 1000

Пайщику извѣстны съ мо-2570

мента подписки номера об-420

лигаций, составляющихъ

фонды сберегательн. серій.

ОБЛИГАЦИИ

Ville de Paris

1912, 1919 и 1921 г.г.

дають ежегодно:

въ 22 тиражахъ:

2	выигрыша по 1000000
7	» » 200000
3	» » 150000
14	выигрышей по 100000
26	» » 50000
1	» » 12500
66	» » 10000
56	» » 5000
5	» » 1000
500	» » 500

Бумаги депонируются въ

Banque de France

СКОПИРОВАТЬ И ПОСЛАТЬ

Epargne Obligation (Serv. K.)
14, rue de Strasbourg, Paris (10).

Я, нижеподписавшійся, подписываюсь, ознакомившись съ Уставами Общества, на Пай въ фр. Epargne-Obligation выплачиваемый въ ежемѣсячныхъ взносовъ по фр. Одновременно съ настоящимъ выкупаю свой первый взносъ почтовымъ переводомъ.

Адресъ

Дата

Подпись:

Брокаръ Parfumerie

8, RUE CARDINAL MERCIER, PARIS

ВЕЗДѢ ВЪ ПРОДАЖѢ ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ И LOTION «POLONAISE». Tél.: Louvre 52-14.

«ИГРА», комедія И. Сургучева. 1-ый актъ. ДИРЕКТОРЪ: — Артистка Blanche... Духи Герленъ, пудра Герленъ, одеколонъ Брокаръ, губная помада Ричъ...



ВАРШАВСКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ
113, rue de Javel
Métro: Beaugrenelle
Tél.: Vaugirard 11-30

Лучше въ Парижѣ

Торта. Кренделя. Кулебяки. Сырники.
Пирожныя ассорти и разныя булочки.
ТЯНУШКА. ПАСТИЛА
и всякое русское печеніе.
Быстрая доставка на домъ.

Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, rue Broca. Paris-5.

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умеренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону: Gobelins 24-24

РУССКІЙ
ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

„МАРО“

Всѣ русскіе и французскіе
продукты

20, rue de la TOUR
Paris (16). Métro: Passy.

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

А l'Esturgeon

Подъ личнымъ наблюдениемъ владѣльца б. придворнаго шефа **Ө. Д. КОРНИЛОВА**
3, rue Clauzel (уголъ rue des Martyrs). Nord-Sud: St-Georges. Tél.: Trud. 08-46.

Ресторанъ „Самаркандъ“

9, RUE RENNEQUIN (M-ro : Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 7,50. Завтраки, обѣды и **A LA CARTE**

ВЕЧЕРОМЪ — АРТИСТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Шефъ кухни — владѣлец ресторана.

Открыто до 2-хъ час. ночи

Ресторанъ „ЧАЙКА“

Paris XY. 2, Rue Laure Surville. Métro: Javel.

Цѣны умеренныя. — По четвергамъ пельмени.

Въ субботу и воскресенье блины. — Осетрина.

Кухня изысканная, подъ наблюдениемъ шефа **В. С. Канишевскаго**.

Ресторанъ „ВОЛГА“

Самый старый въ Парижѣ

Просторное свѣтлое и нарядное помѣщеніе, удобное для дружескихъ подписныхъ обѣдовъ. Отличная стоянка для шоферовъ такси. — Ежедневно музыкальная программа. — Борщъ 1 фр., водка — 1 фр.

Tramw. : N°N° 82, 83, 84, 85, 91 et 93. Aut. H.U.

Métro : Gobelins et Glacière.

10, rue des Cordelières (Bd Arago). Paris (13).

Дирекція **Ф. И. ЕЛИСѢВА** (изъ Виши).

Кафэ-Ресторанъ

ЗНАМЕНИТЫЙ БАЛАЛАЕЧНЫЙ ОРКЕСТРЪ

Черноярова

играетъ ежедневно во время чаевъ отъ 4 до 7 час. и во
весь вечеръ

Le Roucho

МОНПАРНАССЪ
18, RUE D'ODESSA.

CONSOMMATION отъ 5 франковъ

Первоклассная кухня. — Открыто до 2-хъ час. ночи.

Директоръ **К. КОНСТАНТИНОВЪ**

КАЛИНА

ПОРТНОЙ



КАЛИНА

ПОРТНОЙ

44, Avenue des Champs-Élysées - PARIS (VIII^e)

Téléph. : ÉLYSÉES 42-40

Téléph. : ÉLYSÉES 42-40

**Имѣть постоянно
большой выборъ
лучшихъ первоклассныхъ
англійскихъ матеріаловъ
для всѣхъ сезоновъ**

LA NOUVELLE

REMINGTON PORTATIVE

EST LA MACHINE QUI CONVIENT
**EN VOYAGE
AU BUREAU
CHEZ VOUS**

**PAYABLE
87 Fr. 50
PAR MOIS**

REMINGTON TYPEWRITER C° (S. A.)

VEUILLEZ ME FAIRE PARVENIR VOTRE CATALOGUE ET VOS
CONDITIONS DE VENTE, SANS ENGAGEMENT DE MA PART

NOM

ADRESSE

A ENVOYER SOUS ENVELOPPE NON CACHETÉE ET AFFRANCHIE A:

REMINGTON TYPEWRITER C° (S. A.) - 12, RUE EDOUARD-VII - PARIS (IX^e)

15 апрѣля 1930 г.

Цѣна номера 5 фр. во Франціи

Le 15 Avril 1930.

Prix du numéro : 5 francs en France.

№ 3

РОССІЯ

№ 3

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration :

10, Rue Augereau, 10. — Paris (7°).



Н. Д. Милліоти. Полевые цвѣты.

(Принадлежитъ Mr. Naumont, Директору Севрскаго Музея).

Т Н О = Л Е = Н И

Кондитерская

Гастрономический Магазинъ

129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

Фирма существ. 10 лѣтъ

А. КАПРЕЛІАНЪ.

Кондитерская V-ve Roque & Fils

Харьковъ — Парижъ.

51, RUE DE LA POMPE, 51. Tél.: Aut. 10-47.

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ

НА КУЛИЧИ И СЫРНЫЯ ПАСХИ.

Большой выборъ различныхъ подарковъ.

М. Петросянъ

Оптовый складъ :

И К Р А

свѣжая зернистая (бѣ-
лужья, осетровая и сев-
рюжья), паюсная, Ачуев-
ская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ

Бѣлорыбій, осетровый и
«saumon fumé».

**СЕМГА
РЫБА
КОНСЕРВЫ**

Малосольная, Двинская,
печерская, и лососина.

Осетрина, навага, стер-
лядь, форель и судакъ.

Стерлядь, судакъ, осетри-
на и друг.

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.



Медвѣдь

PLACE DUPLEIX — PARIS XV°.

ПАСХАЛЬНЫЙ СТОЛЪ

Принимается запись на столы.

Выступленія: г. Туманова (цыганскіе
романы), г. С. Левскій (свой репер-
туаръ), авторъ-куплетистъ Викторъ
Новскій. — У рояля профессоръ
А. А. СТРАХОВЪ.

КАКЪ И ВЪ ПРОШЛЫЕ ГОДЫ
ЗАКАЗЫВАЙТЕ

у

МАРДОНА

ЕГО ЗНАМЕНИТЫЕ ДОМАШНІЕ

куличи и сырныя пасхи
цѣны внѣ конкуренціи.

11, Rue de la Croix-Nivert

Tél.: Segur 56-56

Métro : Cambronne

Русское кондитерское
производство

“JULIEN”

Русское кондитерское
производство

25, rue Bosquet Paris (7).

Tél.: Ségur 68-27.

извѣщаетъ глубокоуважаемую кліентуру, что послѣ капитальнаго ремонта производство значительно рас-
ширено. — Принимаются заказы на куличи, мазурки и сырныя пасхи. — Просятъ и.л. кліентовъ заказывать
заблаговременно. — Всевозможные фруктовые торты, таянчики, ванильные сухари, пастила, боярскія ва-
тришки. Кувлебаки, растеганы (доставляются въ горячемъ видѣ).

КУЛИЧИ

Доставка на домъ. Телефонъ: Сегюръ 68-27.

ПАСХИ



Н. Д. МИЛЛЮТИ

Н. Д. Миллюти родился въ Москвѣ и провелъ все свое дѣтство и часть юности въ знаменитыхъ, теперь сгорѣвшихъ, Кузьминкахъ, подмосковной князей Голицыныхъ.

Кончивъ Московскій университетъ и бросивъ школу живописи, гдѣ онъ началъ работать, Н. Д. Миллюти переѣзжаетъ въ Парижъ (здѣсь еще жили и процвѣтали великіе французскіе импрессионисты) и, послѣдовательно, продолжая слушать лекціи въ Сорбоннѣ, становится ученикомъ J. P. Laurens и Benjamin Constant въ Academie Julian'a Blanch'a у Vitti и, наконецъ, Mac Neil Whistler, оставившаго на немъ значительный слѣдъ.

Болѣе десяти лѣтъ онъ проводитъ въ Парижѣ, то возвращаясь въ Россію, то уѣзжая въ далекія путешествія. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Сѣверной Африкѣ въ обществѣ извѣстнаго путешественника по Африкѣ, Фревиля, произвели на него исключительное впечатлѣніе и пробудили любовь къ Востоку и экзотикѣ.

Въ Россіи первая большая его выставка была устроена С. П. Дягилевымъ въ Петербургѣ въ 1906-мъ году; съ этого года Н. Д. Миллюти состоитъ членомъ общества «Міръ искусства».

Въ 1907-мъ году, при Осеннемъ Салонѣ, лучшимъ тогда Салонѣ Парижа, была устроена С. П. Дягилевымъ

большая ретроспективная русская выставка, съ которой у Н. Д. Миллюти былъ приобрѣтенъ рядъ вещей въ очень цѣнные парижскія собранія. Тогда же онъ былъ выбранъ членомъ Осенняго Салона, Брюссельской Libre Esthétique Октава Мооса и ряда европейскихъ сецессионовъ.

Въ 1907-мъ году Октавъ Моосъ устроилъ ему выставку въ Брюсселѣ. Тамъ же, въ 1910-мъ году, на Всемирной выставкѣ онъ получаетъ медаль вмѣстѣ съ Бакстомъ, Рерихомъ и Остроумовой.

Всѣ эти годы, до объявленія войны, онъ проводитъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Парижѣ.

Въ 1914-мъ году Н. Д. поступаетъ добровольцемъ въ одну изъ конно-артиллерійскихъ бригадъ, сформировавшихся на Дальнемъ Востокѣ, и проводитъ всю войну на фронтѣ, часто въ самыхъ тяжелыхъ боевыхъ условіяхъ.

Уже получивъ рядъ боевыхъ отличій и будучи два раза контуженъ, онъ дѣлается личнымъ адъютантомъ командующаго 12-ой арміей, генерала Радко Дмитриева, по его вызову съ фронта, и вмѣстѣ съ нимъ переживаетъ рядъ незабвенныхъ историческихъ моментовъ, какъ эпопея Искскюля, великій отход русской арміи, зарожденіе и первыя потрясенія большевизма, такъ трагически кончившіяся для Радко Дмитриева.

Въ 1918-мъ году онъ вынужденъ бѣжать на Кавказъ, гдѣ проходитъ черезъ фантастическія по своей необыкновенности условія жизни и, съ помощью казаковъ, переправляется на простой лодкѣ въ Крымъ, гдѣ, пройдя всѣ этапы крымской эпопеи, живетъ до эвакуаціи ген. Врангеля, на южномъ побережьи.

Слѣдующій этапъ — Болгарія. Н. Д. возвращается къ работѣ, пользуясь гостепріимствомъ правительства и болгарскихъ художниковъ. Его картины приобрѣтены въ Софійскій музей и другія коллекціи. Сербія, Австрія и, наконецъ, Берлинъ, гдѣ онъ проводитъ три года, много работая; отсюда Н. Д. дважды выѣзжаетъ въ Италію и возвращается снова въ неузнаваемый и тяжелый для жизни Парижъ.

Въ 1924-мъ году онъ пишетъ портретъ одного изъ молодыхъ Моргановъ; въ Америкѣ портретъ привлекаетъ всеобщее вниманіе.

Огромный успѣхъ выпадаетъ на долю художника. Онъ получаетъ заочно заказъ на десять портретовъ и приглашеніе въ Америку, гдѣ и проводитъ весну и лѣто 1925-го года.

Вернувшись въ Парижъ, Н. Д. Милліоти продолжаетъ работать у себя въ мастерской, изрѣдка выѣзжая въ Италію, Голландію и Германію.

Теперь Н. Д. состоитъ профессоромъ Русской Школы Живописи, которой руководитъ Т. Л. Сухотина-Толстая. Послѣдніе его портреты: императора и наследнаго принца Лаоса и воспроизводимые нами.

На состоявшейся только-что въ Бѣлградѣ художественной выставкѣ «Автопортретъ» художника приобрѣтенъ княземъ Павломъ.



Н. Д. Милліоти. Монастырь трапистовъ



Н. Д. Милліоти. Портретъ *Madame P.*

1-го мая открывается выставка картинъ Н. Д. Милліоти въ Парижѣ, въ галлерей Гиршмана.

Искусство Милліоти, несомнѣнно, беретъ свое начало во французскомъ импрессионизмѣ. Девяностые годы прошлаго вѣка и первые годы двадцатаго прошли всецѣло подъ знакомъ завоеваній той группы большихъ французскихъ художниковъ, которая возглавлялась Эд. Манэ, Ренуаромъ, Дѣга и позднѣ Сезанномъ.

Врядъ ли кто либо изъ молодыхъ художниковъ избѣгъ въ тѣ дни ихъ вліянія.

Наибольшее вліяніе на Милліоти въ чисто-живописномъ смыслѣ имѣла, конечно, живопись великаго Ренуара. Полное освобожденіе отъ всякихъ академическихъ условностей и совершенное торжество живописи въ передачѣ цвѣта и воздуха особенно плѣнили его.

Какъ личность, большое вліяніе имѣлъ на Н. Д. блистательный Вистлеръ съ его парадоксальными мыслями и остротой жизненныхъ воспріятій.

Это было время страстнаго увлеченія японцами и экзотикой, и черта эта осталась на творчествѣ Милліоти на всю жизнь.

Многіе думали, что всѣ эти фантазіи были только плодомъ комнатной работы, но сотни масляныхъ этюдовъ, сдѣланныхъ Н. Д. во всѣ часы дня и имѣвшихъ цѣлью изученіе воздушныхъ эффектовъ, говорятъ о громадной, сдѣланной имъ, работѣ.

Вотъ, уже пять лѣтъ, какъ Н. Д. Милліоти перешелъ къ какой-то болѣе массивной, болѣе реальной живописи.

Цвѣтъ его, то, что составляло всегда его силу, изъ нѣжныхъ, едва уловимыхъ, оттѣнковъ, сталъ живѣе, мощнѣе, экспрессивнѣе. Кисть, едва трогавшая холстъ, стала массивнѣе и часто замѣняется ножомъ.

Л. Е.

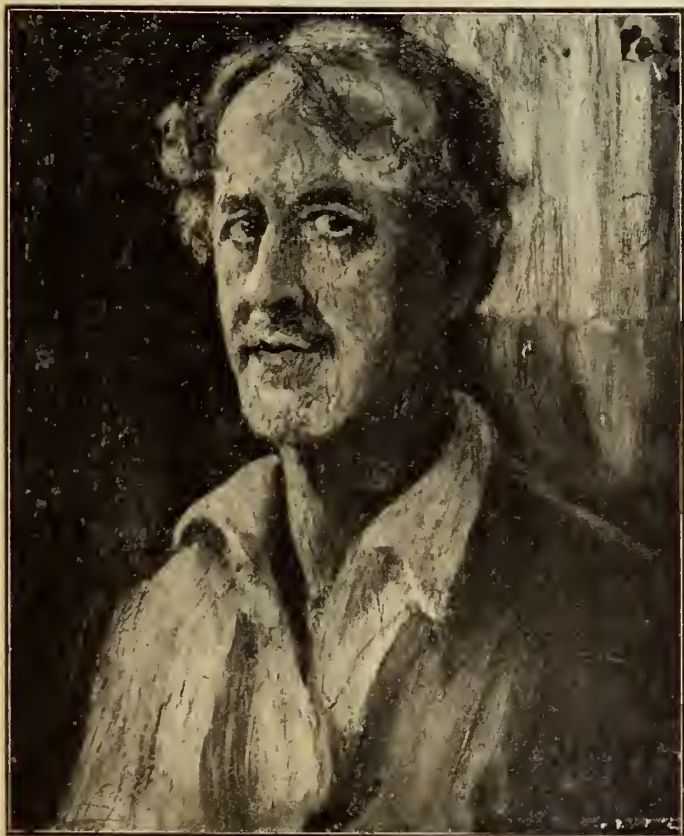
Торжество русскаго искусства

Устроенная обществомъ русскихъ художниковъ въ Югославіи, Бѣлградская выставка, благодаря моральной и матеріальной поддержкѣ «Русскаго Культурнаго Отбора», возглавляемаго академикомъ А. И. Бѣlichemъ, вышла огромной по масштабу и богатой по цѣнности экспонатовъ.

Свыше ста участниковъ, больше четырехсотъ представленныхъ работъ.

Художникъ Ф. А. Малявинъ дѣлится съ окружающими своими впечатлѣніями:

«Выставка не только ошеломила меня своимъ неожиданнымъ огромнымъ масштабомъ, не только поразила тѣмъ, что вмѣсто обычного группового объединенія, на ней видишь полно представленную русскую живопись, — за выставкой таится еще одно ощущение: мы — изгнанники, мы стосковались по своему углу, мы всюду чужіе. И, вотъ, чувствуется мнѣ, что выставка — первый камень къ постройкѣ своего русска-



Н. Д. Милліоти. Автопортретъ



Портретъ Mrs Olga Frike изъ Sidney

го угла здѣсь, въ славянскомъ Бѣлградѣ. Внѣ Бѣлграда такой уголокъ прямо немислимъ».

Полнота выставки отмѣчается М. В. Добужинскимъ и другими.

Открытие выставки прошло въ исключительно торжественной обстановкѣ, въ присутствіи князя Павла.

Министръ народнаго просвѣщенія, Божидаръ Максимовичъ, говорилъ о роли русскаго искусства въ исторіи славянскаго творчества.

— Настоящая русская выставка, — сказалъ министръ, — пріобрѣтаетъ огромное значеніе: она показываетъ общій высокій уровень русской культуры при сравненіи достижений въ живописи съ достижениями въ другихъ выявленіяхъ русскаго гения...

Академикъ А. И. Бѣличъ подробно остановился на творествѣ русскихъ зарубежныхъ художниковъ, которые не утратили своего творческаго порыва и въ тяжкихъ условіяхъ изгнанія.

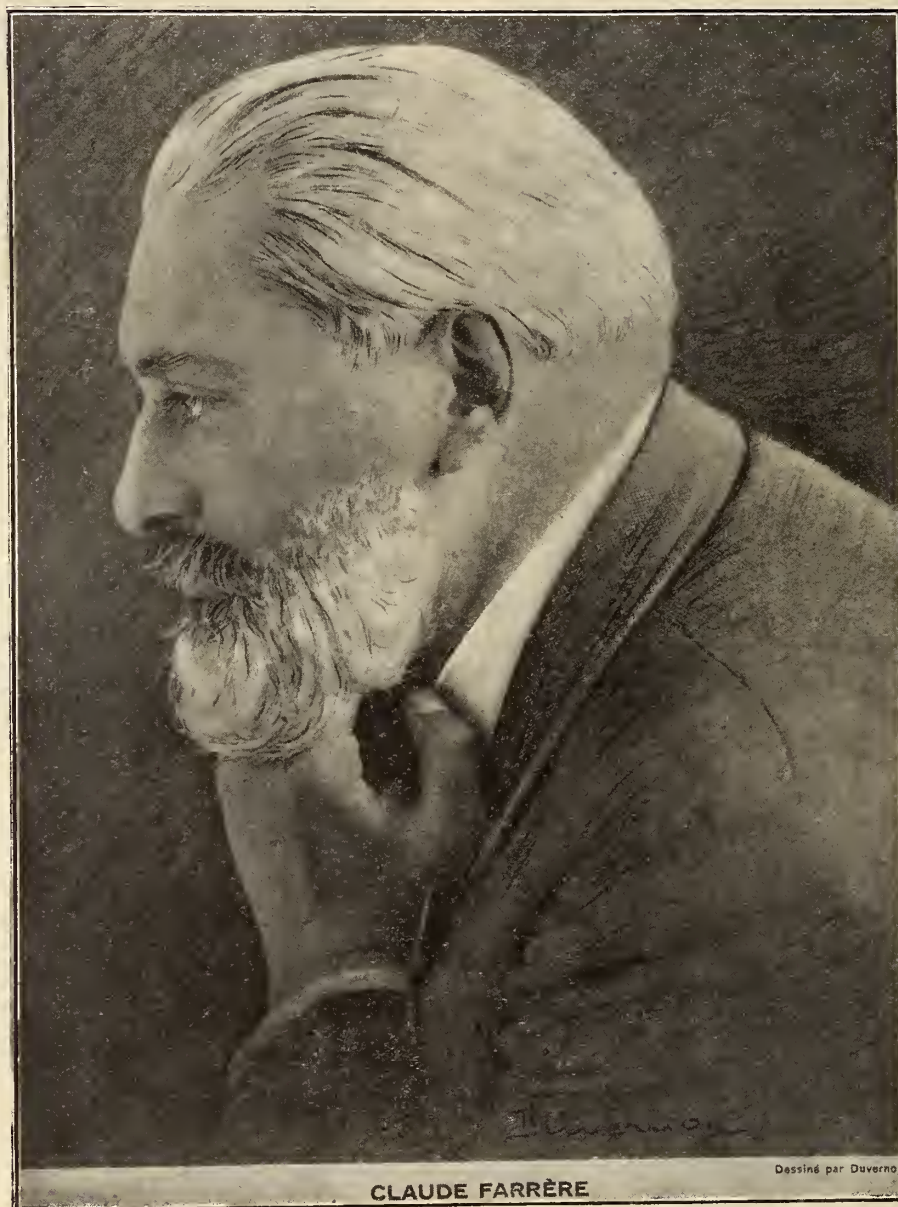
Отъ лица русскихъ выразилъ чувство признательности королю и народу Югославіи В. Н. Штрандманъ.

Въ первые же дни выставки были проданы всѣ акварели великой княгини Ольги Александровны, картины Александра Бенуа, Бѣлородова, Билибина, Ганзена, Добужинскаго, Коровина, Милліоти, Чехонина и другихъ.

Интересъ къ выставкѣ югославянскихъ и русскихъ круговъ — исключителенъ.

CLAUDE FARRÈRE

ДРУГЪ РОССІИ



Энергичное выступленіе популярнаго писателя на собраніи протеста противъ дѣйствій коммунистовъ, въ связи съ похищеніемъ генерала А. П. Кутепова, нашло живой откликъ во всѣхъ кругахъ русской эмиграціи.

Возрожденная Россія не забудетъ, какъ, въ дни тяжелыхъ испытаній, Claude Farrère опредѣленно и ярко высказывалъ свое отвращеніе по поводу совершеннаго преступленія.

Начавъ съ указанія, что онъ не политикъ и никогда политикой не занимался, Claude Farrère заявилъ:

— Совершенно отвратительное преступленіе, которое карается пожизненными каторжными работами, даже, если не было убійства и дѣло ограничилось похищеніемъ и насильственнымъ лишеніемъ свободы.

Это — преступленіе не только противъ генерала Ку-

тепова, это — преступленіе противъ Франціи. Онъ жилъ среди насъ, уважая французскій законъ. Это преступленіе — пятно на чести Франціи.

Я узналъ о фактѣ, который мнѣ представляется чрезвычайно вѣскимъ. Префектура объявила награду на общую сумму около милліона франковъ тому, кто дастъ свѣдѣнія о мѣстонахожденіи генерала. Если бы кто-либо зналъ это, онъ не польстился бы на эту награду только въ томъ случаѣ, если бы за раскрытіе этой тайны его ждали чрезвычайныя кары. И что же? Никто не пришелъ.

Тѣ, кто дали бы свѣдѣнія, рисковали бы больше, чѣмъ милліономъ; они рисковали бы своей жизнью.

Сто шансовъ противъ одного, что это преступленіе — дѣло рукъ мощной организаціи ГПУ. Отбросьте сомнѣнія, если они у кого-нибудь еще-есть, обличая виновныхъ, вы не ошибетесь адресомъ!

И Г Р А

LE JEU

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ИЛЬИ СУРГУЧЕВА

Актъ третій

Кабинетъ Директора. Первый телефонистъ у аппарата, Второй ведетъ записъ. Директоръ сидитъ за своимъ столомъ и, небрежно развалившись, засунувъ руки въ карманы, курить и слушаетъ, что сообщаетъ Первый.

ПЕРВЫЙ (*съ трубкой у уха*): — Русскій ставитъ 20.
ДИРЕКТОРЪ (*Второму*): — Это который разъ онъ ставитъ по 20?

ВТОРОЙ (*считая по записи*): — Разъ, два, три... Шестой разъ, г. Директоръ.

ПЕРВЫЙ: — Русскій проигралъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Это все — ерунда. Это онъ нащупываетъ почву и не хочетъ рисковать большими ставками...

ПЕРВЫЙ (*все время съ трубкой у уха*): — Русскій ставитъ 40.

ДИРЕКТОРЪ: — Ага! Это уже — новая вариация. Посмотримъ.

(*Пауза, во время которой Директоръ натыкаетъ*).

ПЕРВЫЙ: — Русскій выигралъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Эге?! Это уже хуже. По моему, онъ сейчасъ завалитъ 5.000.

(*Пауза*).

ПЕРВЫЙ (*въ телефонъ*): — Что? (*Директору*): — Вы правы, г. Директоръ. Русскій ставитъ 5.000.

ДИРЕКТОРЪ: — И онъ сейчасъ выиграетъ.

(*Пауза. Директоръ натыкаетъ*).

ПЕРВЫЙ (*въ телефонъ; нервно*): — Что?... Вы правы, г. Директоръ. Русскій выигралъ. Въ залѣ — сенсация.

ДИРЕКТОРЪ: — Повѣсьте трубку, мой дорогой.

(*Первый втыкаетъ трубку*).

ДИРЕКТОРЪ (*Первому*): — А теперь спуститесь внизъ и отъ моего имени прикажите объявить, что за тѣмъ столомъ, за которымъ играетъ русскій, банкъ сорванъ, и игра на сегодняшний день прекращается.

ПЕРВЫЙ: — Столъ прикажете покрыть траурной скатертью?

ДИРЕКТОРЪ: — Конечно.

ПЕРВЫЙ: — Слушаю-съ, г. Директоръ (*уходитъ*).

ДИРЕКТОРЪ: — Дайте мнѣ вашу записъ. (*Второй по-даетъ*): — А теперь оставьте меня одного.

ВТОРОЙ: — Слушаю-съ, г. Директоръ. (*Уходитъ*).

(*Директоръ беретъ телефонную трубку, нажимаетъ какую-то кнопку*).

ДИРЕКТОРЪ: — Г. Президентъ? Здравствуйте, г. Президентъ. Довожу до вашего свѣдѣнія, что всѣ мои расчеты сбылись наилучшимъ образомъ. Во-первыхъ, русскій пріѣхалъ, во-вторыхъ, онъ сидитъ въ залѣ и играетъ. Шестъ разъ онъ ставилъ то 20, то 30, — и всѣ шесть разъ проигралъ. Это была настоящая артиллерійская пристрѣлка: сначала недолетъ, затѣмъ перелетъ. Седьмой разъ поставилъ 40 и попалъ. Восьмой разъ онъ поставилъ 5.000 и уже крылъ навѣрняка. Я сейчасъ отдалъ распоряженіе прекратить за этимъ столомъ игру. (*Длинная пауза, во время которой Директоръ, видимо, выслушиваетъ длинную нотацию Президента*): — Вы неправы, г. Президентъ. Да, я возвратилъ Русскаго; да, онъ снова бьетъ насъ, — но это — не ошибка съ моей стороны. Напротивъ, это расчетъ и очень дальновидный. Въ чемъ дѣло? Я вамъ сейчасъ объясню. Я теперь окончательно убѣдился, что онъ владѣетъ какимъ-то секретомъ, и этотъ секретъ намъ нужно раскрыть во что бы то ни стало, — я на этомъ настаиваю. (*Пауза*): — Почему? Но очень просто — почему. Пока онъ одинъ владѣетъ секретомъ, — это полъ бѣды, ну, а вдругъ онъ расскажетъ о немъ другому, третьему? А вдругъ возьметъ и опубликуетъ книгу? Что мы будемъ дѣлать тогда? Удалимся въ монастырь? Будемъ пѣть акафисты?... Нѣтъ, г. Президентъ, я долженъ продолжать борьбу и я ее продолжаю... Благодарю васъ за пожеланіе, г. Президентъ. Конечно, денежные жертвы будутъ необходимы, но развѣ въ данномъ случаѣ можно останавливаться передъ такими пустяками, какъ денежные средства?! Вы — совершенно правы, г. Президентъ... Честъ имѣю кланяться...

(*Звонитъ. Входитъ Второй*).

ДИРЕКТОРЪ: — Актеры всѣ — въ сборѣ?

ВТОРОЙ: — Такъ точно. Они — въ сосѣдней комнатѣ.

ДИРЕКТОРЪ: — Пригласите ихъ сюда.

ВТОРОЙ: — Слушаю-съ.

(Уходитъ. Вскоръ въ кабинетъ приходятъ Бертранъ, Blanche, Елена, Профессоръ. Профессоръ — безъ грима).

БЕРТРАНЪ *(входя въ кабинетъ)*: — Г. Директоръ! Убили! Зарѣзали!..

ДИРЕКТОРЪ: — Въ чемъ дѣло, г. Бертранъ? *(Здоровается со всеми).*

БЕРТРАНЪ *(указывая на Елену)*: — И она! И она! И она — актриса! Вотъ, ужъ чего никакъ предположить не могъ! И какая актриса! Какая ingénue! Пальчики облизать надо! И этотъ вашъ замыселъ! Только сейчасъ я понялъ, какъ разработано! Будь я королемъ, я бы васъ канцлеромъ, г. Директоръ, назначилъ!

ДИРЕКТОРЪ: — Благодарю васъ, г. Бертранъ, за добрые чувства, но, согласитесь, что вы все сдѣлали, чтобы испортить мой замыселъ...

БЕРТРАНЪ: — Это — какъ сказать, г. Директоръ. Это — еще вопросъ: испортилъ ли? Во всякомъ случаѣ, цѣль достигнута: Русскій здѣсь, кушайте его на здоровье!

ДИРЕКТОРЪ: — Ну, знаете, по всѣмъ видимостямъ, этого мальчика не очень-то скушаешь. Онъ самъ десятерыхъ скушаетъ... *(къ Еленѣ)*: — Дорогая моя, теперь расскажите мнѣ толково и ясно, какъ это вамъ удалось загнать Русскаго сюда?

ЕЛЕНА: — Мой планъ былъ очень простъ, г. Директоръ. Я до безумія яко бы увлеклась рулеткой. Цѣлыми днями я крутила машинку и бросала шарикъ. Я бредила рулеткой, я хотѣла выиграть, выиграть, выиграть, — во что бы то ни стало. Папа съ ума сошелъ...

ПРОФЕССОРЪ: — Увѣряю васъ, г. Директоръ, я добросовѣстно сходилъ съ ума: съ криками, съ воплями, съ истерикой, съ призываніемъ небесъ...

ЕЛЕНА: — Кончилось тѣмъ, что я похитила мамины драгоценности...

ПРОФЕССОРЪ: — Которыя я наканунѣ купилъ на деревенской ярмаркѣ...

ЕЛЕНА: — И исчезла, сбѣжала...

ПРОФЕССОРЪ: — Когда она сбѣжала, — всѣмъ было ясно, куда она сбѣжала. Дѣвченка сбѣжала играть въ рулетку.

ДИРЕКТОРЪ: — Дальше?

ПРОФЕССОРЪ: — Дальше я принужденъ былъ ѣхать ее розыскивать. Я началъ упрекать Русскаго, что это онъ свелъ ее съ ума...

ЕЛЕНА: — А Русскій, я должна вамъ подтвердить, изысканнѣйшій и благороднѣйшій человекъ...

ПРОФЕССОРЪ: — И онъ вызвался сопутствовать мнѣ...

ЕЛЕНА: — Что и требовалось доказать, г. Директоръ?! Не такъ ли?

ДИРЕКТОРЪ: — Совершенно вѣрно, моя дорогая. *(Звонитъ).*

(Входитъ Первый).

ДИРЕКТОРЪ: — Что дѣлаетъ Русскій?

ПЕРВЫЙ: — Русскій пересѣлъ за другой столъ и продолжаетъ игру. Ставить снова по 20.

ДИРЕКТОРЪ: — Опять прицѣливается! Гм!.. Благо- волите спуститься внизъ, подойдите къ Русскому и скажите ему, что та дѣвица, которую онъ розыскиваетъ, нашлась. Если онъ пожелаетъ видѣть ее, приведите его сюда...

ЕЛЕНА: — Пожелаетъ, пожелаетъ, г. Директоръ, очень даже пожелаетъ!

ДИРЕКТОРЪ: — Онъ влюбленъ въ васъ?

ЕЛЕНА: — Нѣтъ! Какого черта? Онъ влюбленъ въ m-lle Blanche, вотъ, до сихъ поръ, по самыя уши, но, все-таки, видѣть меня пожелаетъ!

ПЕРВЫЙ: — Больше ничего, г. Директоръ?

ДИРЕКТОРЪ: — Больше ничего.

(Первый уходитъ).

ЕЛЕНА: — Я не такъ сказала, m-lle Blanche. Онъ не влюбленъ въ васъ. «Влюбленъ» это что-то дешевенькое. Онъ по настоящему, сердечно и глубоко любитъ васъ...

(Blanche нервно встаетъ со стула и идетъ на аван-сцену. За нею — Бертранъ).

БЕРТРАНЪ *(тихо)*: — Ты нервничаешь, Blanche?.. Ты сейчасъ увидишь его?..

BLANCHE *(тихо)*: — Я предпочла бы видѣть его въ другой обстановкѣ...

БЕРТРАНЪ: — Я тебя понимаю, Blanche...

BLANCHE: — Повѣрь мнѣ, Бертранъ, что только изъ чувства солидарности я торчу здѣсь... А по совѣсти сказать, мнѣ страшно стыдно...

БЕРТРАНЪ *(молча беретъ ея руку и цѣлуетъ)*: — Ты — прекрасный товарищъ, Blanche. Какъ ты относишься ко мнѣ, Blanche?

BLANCHE: — Очень хорошо, Бертранъ.

БЕРТРАНЪ: — Спасибо. *(Опять цѣлуетъ ей руку)*: — Лѣтъ двадцать вотъ уже не цѣловаль женщинамъ руки, а теперь цѣлую, но, увѣряю тебя, что ты — послѣдняя.

BLANCHE *(улыбаясь)*: — Смѣшной ты, Бертранъ... *(Стукъ въ дверь).*

БЕРТРАНЪ: — Возьми себя въ руки, Blanche.

ДИРЕКТОРЪ *(явно волнуясь)*: — Войдите!

(Елена прячется за шкафъ).

(Входятъ Русскій и Первый служащій).

РУССКІЙ *(останавливаясь у порога)*: — Messieurs-Dames...

ДИРЕКТОРЪ *(вставая, очень вѣжливо)*: — Monsieur!..

РУССКІЙ *(Бертрану)*: — Ба! Кого я вижу! Какой сюрпризъ! Какъ я радъ васъ встрѣтить!

БЕРТРАНЪ *(радостно подбѣгая къ нему)*: — Я тоже! Необычайно радъ! Необычайно! *(Трясетъ ему руку).*

РУССКІЙ *(подходя къ Blanche)*: — Вотъ не ожидалъ! Я думалъ, что никогда васъ больше не увижу!

BLANCHE *(протягивая руку)*: — Земной шаръ — не великъ, monsieur Jean!

РУССКІЙ: — О, да! Совершенно вѣрно. Земной шаръ — не великъ. А помните, какой хорошій и уютный

мѣсяцъ мы провели вмѣстѣ съ вами? Вы уѣхали — и мы втроемъ: я, профессоръ и Елена страшно скучали безъ васъ!

BLANCHE: — И что же вы отъ скуки дѣлали?

РУССКИЙ: — Бездѣльничали. Купались, читали...

BLANCHE (*перебивая*): — И развращали Елену игрой въ рулетку...

РУССКИЙ: — Прескверная дѣвченка! Представьте: забрала себѣ въ голову, что можетъ выиграть миллионы, свистнула у отца какія-то драгоценности, и маршъ сюда!

БЕРТРАНЪ: — Ну, а отецъ что?

РУССКИЙ: — Отецъ — виѣ себя, началъ орать, — помните этотъ милый профессорскій голосокъ? — началъ обвинять меня въ томъ, что это я испортилъ дѣвченку...

БЕРТРАНЪ: — Какой осель!

РУССКИЙ: — Скучный, утомительный осель! И вотъ мы, сломя голову, принеслись сюда, цѣлый день ищемъ ее, подняли на ноги полицію...

ПРОФЕССОРЪ: — Моя дочь найдена, monsieur Jean.

РУССКИЙ (*не узнавъ его*): — Что? Какая ваша дочь?

ПРОФЕССОРЪ: — Я говорю, что наша вѣтреная Елена нашлась...

РУССКИЙ: — Виновать, — но при чемъ тутъ вы?

ПРОФЕССОРЪ: — Неужели не узнаете Профессора, милый Jean?

РУССКИЙ: — Вы на радостяхъ побрились, профессоръ?

ПРОФЕССОРЪ: — Нѣтъ, милый Jean, просто снялъ гримъ.

РУССКИЙ: — Ничего не понимаю.

ПРОФЕССОРЪ: — Елена!

ЕЛЕНА: — Ку-ку! (*Выходитъ и дѣлаетъ реверансъ*).

РУССКИЙ: — Вы тоже актриса?

ЕЛЕНА (*присѣдая*): — Ку-ку!..

РУССКИЙ: — Господа! Кто объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло?

ДИРЕКТОРЪ: — Я, monsieur. Но не сейчасъ и не въ этомъ мѣстѣ.

РУССКИЙ (*тоже вставая*): — Не имѣю чести...

ДИРЕКТОРЪ: — Директоръ этой труппы...

РУССКИЙ: — Труппа дѣлаетъ честь вашему умѣнію подбирать таланты, г. Директоръ.

ДИРЕКТОРЪ: — Вы — очень любезны, monsieur.

РУССКИЙ: — Г. Директоръ! Господа артисты! Проню васъ оказать мнѣ честь сегодня отужинать со мной...

ДИРЕКТОРЪ: — Къ великому моему сожалѣнію, ужины мнѣ воспрещены врачами, но, повѣрьте, что только желаніе познакомиться съ вами было причиною этой маленькой комедіи...

РУССКИЙ: — Желаніе познакомиться со мной? Никакъ не могу понять, какіе мои таланты могли привлечь ваше просвѣщенное вниманіе, уважаемый г. Директоръ?

ДИРЕКТОРЪ: — Объ этомъ мы поговоримъ съ вами въ самый ближайшій срокъ, если позволите.

РУССКИЙ: — Я всегда къ вашимъ услугамъ, г. Директоръ, но, пока что, разрѣшите воспользоваться нашимъ телефономъ?

ДИРЕКТОРЪ: — О, пожалуйста. Будьте добры назвать №, который васъ интересуеть.

РУССКИЙ: — Я хотѣлъ бы вызвать администрацію отеля «Карльтонъ»...

ДИРЕКТОРЪ (*Первому*): — Соедините...

ПЕРВЫЙ: — Слушаю-съ... (*Въ телефонъ*): — «Отель Карльтонъ». Администрація...

(Пауза).

РУССКИЙ (*многозначительно*): — Да-съ, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ (*въ тонъ*): — Да-съ, monsieur Jean!

(Малая пауза).

ПЕРВЫЙ: — Администрація отеля «Карльтонъ»? (*Русскому, передавая трубку*): — Пожалуйста...

РУССКИЙ (*принимая трубку*): — Карльтонъ? Администрація?... Говорить № 38. Да. Будьте добры, къ 11-ти часамъ приготовить у меня ужинъ на 10 персонъ. Что у васъ есть сегодня? (*Слушаетъ*): — Форели? Отлично. Фазаны? Отлично... Еще что? (*Слушаетъ*).

(Бертранъ изображаетъ молчаливое восхищеніе).

(Въ это время въ комнату тихо входятъ два неизвѣстныхъ человека и, не снимая шляпъ, дѣлаютъ знаки присутствующимъ, чтобы всѣ оставались на своихъ мѣстахъ. Одинъ изъ нихъ отворачиваетъ бортъ пиджака и показываетъ Директору какой-то знакъ).

РУССКИЙ (*который сидитъ къ нимъ спиною и ихъ не видитъ, продолжаетъ разговоръ по телефону*): — На закуску подайте русской свѣжей икры... Заморозьте шампанскаго. Какъ можно больше цвѣтовъ... Ровно въ одиннадцать я буду со своей компаніей... До свиданія... (*Въшаетъ трубку и обращается къ присутствующимъ*): — Итакъ, господа... (*Сразу замолкаетъ, увидѣвъ Агентовъ*): — А это что за люди? Тоже изъ вашей труппы?

АГЕНТЪ: — Нѣтъ, дорогой, мы изъ другой труппы... (*Русскій, какъ кошка, бросается къ окну, но на полдорогѣ его задерживаетъ Директоръ*).

ДИРЕКТОРЪ (*схвативъ Русскаго за руки*): — Нѣтъ, милый Jean, зачѣмъ же такая торопливость? И, кромѣ того, здѣсь — очень высоко. (*Показываетъ на окно*): — Третій этажъ. Можно расшибиться... (*Агенты быстро надѣваютъ Русскому наручники*).

ДИРЕКТОРЪ (*Агентамъ*): — Въ чемъ дѣло?

АГЕНТЪ: — Это мы послѣ объяснимъ.

РУССКИЙ (*гнѣвно*): — Но, однако, и я хочу знать, въ чемъ дѣло?

АГЕНТЪ (*Русскому, иронически*): — А ты не знаешь?

РУССКИЙ: — Не знаю.

АГЕНТЪ: — А чего жъ ты хотѣлъ прыгать въ окошко, если не знаешь?

BLANCHE (*какъ тигрица, бросается къ Русскому и хватаетъ его за руку*): — Кто ты, Jean?

РУССКИЙ (*иронически пожимаетъ плечами*).

BLANCHE (*внѣ себя, Агентамъ*): — Кто онъ? Воръ? Разбойникъ? Убийца?..

АГЕНТЪ (*очень вѣжливо*): — Почему мы должны давать вамъ справки, madame?

BLANCHE: — Потому, что онъ — мнѣ дорогъ!

АГЕНТЪ (*иронически*): — Гм! Я бы вамъ, madame, въ настоящий моментъ не совѣтовалъ афишировать своей близости къ этому господину... Вы можете быть вовлечены въ весьма непріятную исторію!..

BLANCHE: — А мнѣ плевать на всѣ непріятныя исторіи! Я его люблю! И желаю знать все, что его касается!

АГЕНТЪ: — Къ сожалѣнію, я не въ правѣ удовлетворять любопытство дамъ съ слишкомъ нѣжными сердцами...

BLANCHE: — Вы не смѣете разговаривать со мной такимъ тономъ! Я за нимъ на каторгу пойду!..

АГЕНТЪ: — Madame, пока на васъ не надѣты вотъ эти штучки (*показываетъ на наручники*), вы вольны идти, куда вамъ угодно, но я обращаю ваше вниманіе только на то, что это вы разговариваете со мной весьма повышеннымъ тономъ, а мой тонъ — очень сдержанъ и очень корректенъ.

BLANCHE (*къ Русскому*): — Jean! Въ чемъ дѣло?

РУССКИЙ (*молчитъ*).

ДИРЕКТОРЪ (*снисходительно*): — Одну минуточку, m-me Blanche. Я сейчасъ все вамъ разясню.

(*Пронически*): — Итакъ, monsieur Jean...

РУССКИЙ (*тоже иронически*): — Итакъ, г. Директоръ?

ДИРЕКТОРЪ: — Надѣюсь, что я теперь правильно понимаю положеніе вещей?

РУССКИЙ: — Весьма сомнѣваюсь, что вы что-нибудь понимаете...

ДИРЕКТОРЪ (*указывая на наручники*): — Даже послѣ этого?

РУССКИЙ: — Даже послѣ этого.

ДИРЕКТОРЪ: — Знаете, мой дорогой? Видалъ я нахаловъ, самъ — нахаль, но такого нахала, какъ вы, признаться, первый разъ встрѣчаю.

РУССКИЙ: — Г. Директоръ! Когда у человѣка руки закованы въ желѣзо, — разумѣется, ему можно говорить самыя смѣлыя вещи, но всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ благородный и хорошо воспитанный человѣкъ остается благороднымъ и хорошо воспитаннымъ человѣкомъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Ты что? Ты меня морали учить собираешься?..

РУССКИЙ: — Г. Директоръ! По моему, мы съ вами еще на брудершафтъ, кажется, не пили?

ДИРЕКТОРЪ: — Да!.. Только мнѣ еще этого не хватало: выпить съ тобой на брудершафтъ! Дорогой мой, я не пью на брудершафтъ со всякимъ жульемъ!

BLANCHE (*внѣ себя*): — Г. Директоръ! Нельзя бить лежачаго!..

РУССКИЙ: — Blanche! Милая Blanche! Повѣрь мнѣ въ эту тяжелую минуту: я люблю тебя...

ДИРЕКТОРЪ: — Онъ ее любитъ! Какое счастье!

BLANCHE: — Да! Счастье! И не вамъ это понять!

РУССКИЙ (*не обращая вниманія*): — Ты — моя един-

ственная и ненаглядная... Потерни немного, недоразумѣніе выяснится, и мы съ тобой вмѣстѣ, рука объ руку, пойдемъ туда...

ДИРЕКТОРЪ (*перебивая*): — Куда Макарь телятъ не гоняетъ... (*Агентамъ*): — Господа! Здѣсь кабинетъ дѣлового человѣка, а не оперная сцена. Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы, наконецъ, поставили точку и избавили бы меня отъ этихъ нѣжныхъ дуэтовъ...

АГЕНТЪ: — Мы сейчасъ опустимъ занавѣсъ, г. Директоръ.

БЕРТРАНЪ (*Агентамъ*): — Еще одну минуту. (*Русскому, кладя ему руку на плечи*): — Ты оказался таинственнымъ человѣкомъ, Jean. Пути твои — мнѣ непонятны, но душа моя, душа стараго и безпокойнаго актера, вѣритъ тебѣ. Я бы тоже, какъ и Blanche, пошелъ за тобой и въ огонь и въ воду, но... не въ Америку: меня пугаетъ сухой режимъ... (*Пожимаетъ ему руку*).

ДИРЕКТОРЪ (*Агентамъ*): — И еще одну маленькую минутку... (*Русскому*): — А я, дорогой мой, вотъ сейчасъ уже послѣдую за вами, но только до ближайшаго полицейскаго комиссаріата, гдѣ и заявлю, что вы мошенническимъ образомъ выиграли у Казино нѣсколько милліоновъ, и попрошу, пока судъ да дѣло, наложить арестъ на всѣ твои текущіе счета...

РУССКИЙ: — Г. Директоръ! Вы въ правѣ дѣлать все, что вамъ угодно...

ДИРЕКТОРЪ: — Оч-чень благодаренъ вамъ за столь любезное разрѣшеніе!

РУССКИЙ: — Г. Директоръ! Неужели вы думаете, что если я у васъ, — у васъ! — сумѣлъ выиграть нѣсколько милліоновъ, то я не сумѣю уйти отъ этихъ двухъ наивныхъ молодцовъ? (*Указываетъ на Агентовъ*).

ДИРЕКТОРЪ: — Какая наглость! (*Агентамъ, тревожно*): — Прочны ли ваши браслеты, господа? Это, вѣдь, я вижу: серьезная птичка!

АГЕНТЪ: — О, г. Директоръ, эта птичка серьезнѣе даже того, чѣмъ вы предполагаете, но, увѣряю васъ, что мы тоже — не лыкомъ шиты и не веревочкой завязаны! (*Къ Русскому*): — Мы понимаемъ: здѣсь — твоя любимая женщина, тебѣ въ послѣдній разъ хочется распустить передъ нею хвостъ, и ты напрасно форсишь, милый Jean. Ты переигрываешь. Мы тебя хорошо знаемъ, но и ты насъ знаешь не плохо...

РУССКИЙ (*презрительно*): — Щенки. Молокососы...

ДИРЕКТОРЪ (*неодобрительно*): — Хо-хо!

РУССКИЙ (*Агентамъ*): — И, увѣряю васъ, что если бы въ этой комнатѣ не было женщины, которую я люблю, то я такъ бы распустилъ хвостъ, что отъ васъ давно бы перья полетѣли!

АГЕНТЪ (*иронически*): — Ты шутишь, Jean! Неужели бы ты съ нами былъ такъ жестокъ?

ДИРЕКТОРЪ (*Агентамъ*): — Шутки шутками, а вы бы, господа, хорошенько прощупали у него въ зад-

нихъ карманахъ. Нѣтъ ли у него тамъ какихъ-нибудь конфетокъ?

АГЕНТЪ: — Г. Директоръ! Когда на руки человѣку падѣты такіе браслетики, то никакія конфетки уже не страшны!

РУССКІЙ: — Хвастунишка! Ничтожество! Дайте мнѣ только выйти изъ этой комнаты и спуститься по лѣстницѣ, и я, г. Директоръ, покажу вамъ еще одну игру, но на этотъ разъ уже — самого высокаго давленія!

ДИРЕКТОРЪ (*съ первымъ смѣшкомъ*): — О?! Это уже интересно!..

РУССКІЙ: — И въ ближайшій комиссаріатъ рекомендую вамъ идти не сегодня, а завтра. Текущимъ счетамъ это ни съ какой стороны не грозитъ, а для васъ это будетъ много спокойнѣе...

ДИРЕКТОРЪ: — Вы меня запугиваете, дорогой мой?

РУССКІЙ: — Я васъ не запугиваю, дорогой мой, а даю дѣльный совѣтъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Благодарю, принимаю вашъ совѣтъ къ свѣдѣнію и, все таки... (*Агентамъ*): — Я слѣдую за вами, друзья мои!

АГЕНТЪ: — Г. Директоръ! На этотъ разъ я поддерживаю нашего почтеннаго Жанъ'а. Дѣло въ томъ, что у этого ребенка могутъ оказаться друзья-товарищи по искусству. И въ этой комнатѣ насъ тогда ждутъ сюрпризы очень безпокойнаго свойства. Мы-то, по нашей профессіи, къ нимъ привычны, но вы, г. Директоръ, можете пережить весьма щекотливыя минуты... Разумѣется, если у васъ составлено духовное завѣщаніе...

ДИРЕКТОРЪ: — О, нѣтъ, нѣтъ! Разъ заходитъ рѣчь о духовномъ завѣщаніи, то я предпочитаю никуда не торопиться...

АГЕНТЪ: — И поступаете, какъ истинный мудрецъ, г. Директоръ! Въ концѣ концовъ, жизнь — коротка, и какой смыслъ безъ всякой очереди попадать на тотъ свѣтъ?..

ДИРЕКТОРЪ: — Совершенно вѣрно, г. Агентъ! Я остаюсь.

АГЕНТЪ: — То же самое я рекомендую и веѣмъ вашимъ друзьямъ.

БЕРТРАНЪ: — То-есть?..

АГЕНТЪ: — То-есть, не высовывать носа изъ этой комнаты по крайней мѣрѣ въ теченіе двадцати минутъ...

РУССКІЙ (*Агенту*): — Слушай, Иеронимъ! Сколько лѣтъ я тебя знаю? Лѣтъ 15?

АГЕНТЪ: — Ну и что?

РУССКІЙ: — Ты страшно поумнѣлъ за послѣднее время.

АГЕНТЪ: — Ну и что?

РУССКІЙ: — Я хотѣлъ бы узнать: какіе порошки ты принимаешь, что ты сталъ такой умный?

АГЕНТЪ: — Гм!.. А не отвѣтишь ли ты мнѣ, отъ какихъ порошковъ ты такъ поглупѣлъ, милый Жанъ? Не отъ любовныхъ ли? Какая Далила отрѣзала волосы нашего Сампсона?

РУССКІЙ: — А ты серьезно думаешь, что я поглупѣлъ?

АГЕНТЪ (*съ укоромъ*): — Жан! Залетѣть въ эту мышеловку? Не сумѣть даже выпрыгнуть въ окно?!

РУССКІЙ (*усмѣхается*): — Разрѣши мнѣ сказать нѣсколько словъ по телефону!..

АГЕНТЪ: — А, нѣтъ! Это ужъ вы, ахъ, оставьте, милый Жанъ! Благоволите немедленно выступить изъ этой комнаты. Тамъ, въ саду, васъ ждетъ очень комфортабельная каретка, — но, извиняемся: безъ оконъ и дверей сзади...

РУССКІЙ: — Очень пріятно. (*Первому телефонисту*): — Тогда благоволите вы позвонить еще разъ въ отель «Карльтонъ» и сказать, чтобы приготовили десять дюжинъ остѣндскихъ устрицъ и въ сосѣдней комнатѣ — посадили небольшой струнный оркестръ: безъ барабана и безъ духовыхъ инструментовъ. Въ вечерніе часы я предпочитаю камерную музыку... Г. Директоръ! Господа артисты! Ровно въ одиннадцать часовъ, какъ условлено, мы садимся за столъ.

АГЕНТЪ: — Нѣтъ, господа, пока что, прошу васъ, и телефономъ не пользоваться въ теченіе этихъ двадцати минутъ. Иначе вы можете сорвать намъ дѣло.

РУССКІЙ: — Blanche! Неужели ты любишь такого страшнаго человѣка?

BLANCHE: — И любила, и люблю, и буду любить!

РУССКІЙ: — Тогда, messieurs-dames, — общій поклонъ!..

ГОЛОСА: — До свиданія, Жанъ!.. Держись крѣпко!.. Люблю!..

РУССКІЙ: — Andiamo!..

(*Агенты выхватили револьверы, по военному стали сзади Жанъ'а и двинулись*).

(*Пауза. Всѣ прислушиваются. Тишина*).

BLANCHE (*тихо*): — Боже! Ты — великъ! Ты — премудръ. Ты — всемогущъ. Прекрати эту пытку, именуемую жизнью! Прости людей! Не мучь ихъ любовью! Возврати ихъ въ Твой свѣтлый рай!..

ДИРЕКТОРЪ: — Тише!..

(*Пауза*).

БЕРТРАНЪ: — Небеса молчатъ, Blanche...

(*Пауза*).

ДИРЕКТОРЪ: — Хо-хо-хо! Вотъ это — штука! Вотъ это номеръ! Вѣкъ живи — вѣкъ учись... (*Всѣ притихли*): — Да, друзья мои! Много я пожилъ на свѣтѣ, много видывалъ всякой всячины, но такого приключенія еще никогда не переживалъ. И еще долженъ сознаться въ одномъ. На моихъ глазахъ были изобрѣтены: телефонъ, автомобиль, граммофонъ, кинематографъ, аэропланъ и Т. S. F. И все-таки — хотите знать, что я считаю самымъ геніальнымъ изобрѣтеніемъ?

БЕРТРАНЪ: — Рулетку, г. Директоръ?

ДИРЕКТОРЪ: — Полицію, друзья мои! Полицію!.. (*Смотритъ на часы*): — Семь минутъ уже прошло... Можетъ-быть, тамъ, внизу, убиваютъ, стрѣляютъ, и все тихо, безшумно, а у насъ — свѣтло, покойно, уютно...

ЕЛЕНА: — Я боюсь...

(Пауза).

(*Blanche отводитъ Бертрана на авансцену*).

BLANCHE (*тихо*): — Бертранъ! Что дѣлать?

БЕРТРАНЪ (*участливо*): — Но, Blanche, кто бы могъ думать? Кто бы могъ думать? Вотъ сюрпризъ! Тоска?... Да?...

BLANCHE (*вздрагивая*): — Т-сс!... Слышишь, какъ-будто, выстрѣлъ?... (*Прижимается къ нему*).

БЕРТРАНЪ: — Пустяки... Это такъ тебѣ показалось... Просто — автомобильный сигналъ...

BLANCHE: — И когда эта пытка кончится? Скорѣе бы вонъ отсюда, изъ этого вертепа... Ты не можешь достать кокаину, Бертранъ?

БЕРТРАНЪ: — А рожна ты не хочешь?... Нѣтъ, матушка, эти штучки ты брось! Я не допущу!...

BLANCHE: — Чего ты можешь не допустить, Бертранъ? Развѣ я — маленькая?...

БЕРТРАНЪ: — Какъ собака, лягу у твоего порога, Blanche, но не позволю, чтобы ты нанесла себѣ какой-нибудь вредъ!

BLANCHE: — О, Бертранъ! Ты хорошо отнесся ко мнѣ въ эту тяжелую минуту, и я такъ благодарна тебѣ!

ЕЛЕНА (*истерически*): — Слышу крикъ!

(*Все насторожилось, потомъ вздохнули*).

БЕРТРАНЪ: — Не пугай добрыхъ людей, дура! Ничего нѣтъ, никакихъ криковъ...

ДИРЕКТОРЪ: — Не первичайте, господа. Все благополучно. Одиннадцать минутъ прошло.

ЕЛЕНА: — Хочу домой!...

ДИРЕКТОРЪ: — Ровно черезъ девять минутъ всѣ вы — свободны, какъ вѣтеръ.

ЕЛЕНА: — Я боюсь!

ДИРЕКТОРЪ: — О, Боже мой! Ну, чего вы-то боитесь? Такая умная, находчивая женщина, и вдругъ, чего-то можетъ бояться?!!

ЕЛЕНА: — Да, «чего-то можетъ бояться». А вдругъ пуля пробьетъ стѣну и мнѣ прямо въ голову!

ДИРЕКТОРЪ: — Меньше всего бойтесь этого, дитя мое... А кромѣ того, я сейчасъ на минуточку приотворю дверь и однимъ ухомъ послушаю, что дѣлается на лѣстницѣ?...

(*На ципочкахъ идетъ къ двери, хочетъ открыть ее и не можетъ. Толкаетъ ее несколько разъ и безрезультатно*).

ДИРЕКТОРЪ: — Что за чертъ?! Дверь, какъ будто, заперта!

(*Къ двери подсказываютъ Телефонисты и тоже пытаются ее открыть*).

ПЕРВЫЙ: — Дверь заперта, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ: — Но въ чемъ дѣло?

ПЕРВЫЙ: — Я ничего не понимаю, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ: — Кто могъ запереть ее?

ПЕРВЫЙ: — Не понимаю...

ДИРЕКТОРЪ: — Чего жъ вы тутъ не понимаете? Не могла же дверь сама собой запереться на ключъ? Гдѣ былъ ключъ?

ПЕРВЫЙ: — Ключъ, какъ всегда, оставался съ той стороны, снаружи...

ДИРЕКТОРЪ: — Позвоните сейчасъ же внизъ по телефону, — пусть насъ отпустятъ. Что это за идиотскія выходки!...

ЕЛЕНА (*плаксиво*): — Мы — въ мышеловкѣ... Я боюсь...

ДИРЕКТОРЪ (*раздраженно*): — Сохраняйте спокойствіе, mademoiselle! Вамъ ничто не грозитъ!

ЕЛЕНА (*плаксиво*): — Я — не mademoiselle, а madame...

ДИРЕКТОРЪ (*ей*): — Сохраните спокойствіе, madame... Ровно черезъ пять минутъ вы — свободны...

ПЕРВЫЙ (*у телефона*): — Allo?... Что?... (*Съ ужасомъ*): — Что?! Не можетъ быть! Не можетъ быть, я тебѣ говорю! Ты съ ума сошелъ!

ЕЛЕНА: — Я боюсь!

ДИРЕКТОРЪ: — Да перестаньте вы вопить, madame! Вы всѣхъ нервируете! (*Первому*): — Въ чемъ дѣло?

ПЕРВЫЙ (*въ страхъ*): — Г. Директоръ! Или я сошелъ съ ума, или у меня начались слуховыя галлюцинаціи... Я ничего не понимаю!

ДИРЕКТОРЪ (*раздраженно*): — О, Боже мой! Ну и публика!... Кругомъ — тихо, спокойно, а у всѣхъ поджилки трясутся отъ страха! (*Подходитъ къ телефону, съ раздраженіемъ беретъ у Перваго трубку и слушаетъ*): — У телефона Директоръ. Въ чемъ дѣло? (*Слушаетъ и постепенно лицо его дѣлается все болѣе и болѣе испуганнымъ. Онъ лепечетъ*): — Что? Не можетъ быть?! (*Въ безсиліи опускается на стулъ*).

(Пауза).

(*Какъ разъяренная тигрица, къ нему бросается Blanche и хватается его за плечи*).

BLANCHE: — Но въ чемъ дѣло? Вы скажете или нѣтъ?

ДИРЕКТОРЪ (*безучастно*): — Господа! Можетъ-быть, все это — сонъ?

БЕРТРАНЪ: — Г. Директоръ! Никакого сна нѣтъ... Вы бодрствуете.

ДИРЕКТОРЪ: — Но Русскій, это исчадіе ада, былъ здѣсь или нѣтъ?

БЕРТРАНЪ: — Былъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Что онъ дѣлалъ?

БЕРТРАНЪ: — Сидѣлъ, разговаривалъ, заказывалъ по телефону ужинъ, а потомъ его схватила полиція и увела.

ДИРЕКТОРЪ: — Надѣвали на него арестантскіе наручники или нѣтъ?

БЕРТРАНЪ: — Надѣвали.

ДИРЕКТОРЪ: — Ну, вотъ, не угодно ли? А теперь этотъ дьяволъ опять сидитъ внизу, за игорнымъ столомъ и преспокойно играетъ.

БЕРТРАНЪ (*пораженный*): — Ты слышишь, Blanche?

ПЕРВЫЙ (*онъ уже съ трубкой*): — Русскій ставитъ четыре тысячи на 18.

ДИРЕКТОРЪ: — Вы что-нибудь понимаете?

ЕЛЕНА: — Я боюсь...

БЕРТРАНЪ: — Откровенно вамъ сказать, г. Директоръ: вы сдѣлали хорошенькое дѣльце, вернувъ сюда этого гражданина!

ПЕРВЫЙ: — Русскій взялъ.

БЕРТРАНЪ: — Сонъ! Сонъ! Жизнь есть сонъ!

ДИРЕКТОРЪ (*меланхолически*): — Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ очень хотѣлось бы проснуться! Нужно что-то предпринять, что-то дѣлать, но съ чего начать?...

БЕРТРАНЪ: — Разрѣшите дать вамъ совѣтъ, г. Директоръ, совѣтъ стараго актера, знающаго человѣческую психологію...

ДИРЕКТОРЪ: — Ну? Ну? Ну? Ну?...

БЕРТРАНЪ: — Г. Директоръ! Полъ подъ нами не горитъ, потолокъ не протекаетъ, — будемъ сидѣть здѣсь спокойненько, не волнуясь, — и пусть событія идутъ своимъ нормальнымъ ходомъ. Я увѣренъ, что все разъяснится...

ДИРЕКТОРЪ: — Но когда? Когда?...

(*Стукъ въ дверь*).

БЕРТРАНЪ: — Вотъ! Вотъ кто-то идетъ намъ на помощь...

ДИРЕКТОРЪ: — Войдите!

ЕЛЕНА: — Я боюсь...

(*Открывается дверь. На порогъ — улыбающийся Русскій*).

BLANCHE: — Jean!

РУССКІЙ: — Blanche!...

(*Blanche бросается къ нему, и онъ, какъ подъ крылышко, прижимаетъ ее къ себѣ*).

BLANCHE (*цѣлуя его*): — Ты живъ? Ты — живъ?! Мой милый Jean, — ты живъ!

РУССКІЙ: — Живъ, здоровъ и, признаться, не думалъ умирать! А вы, г. Директоръ, еще не ходили въ комиссаріатъ?

ДИРЕКТОРЪ (*дѣлаетъ глазами жестъ Первому служащему, чтобы тотъ вышелъ на лестницу*).

ПЕРВЫЙ (*въ испугъ, не двигаясь съ мѣста*).

РУССКІЙ (*Первому*): — Дорогой мой! Развѣ вы не понимаете жестовъ г. Директора?.. Г. Директоръ приказываетъ, чтобы вы незамѣтно сошли внизъ и снова привели сюда полицію... Такъ, г. Директоръ? Я правильно истолковалъ вашу мысль?

ДИРЕКТОРЪ (*мрачно*): — Совершенно правильно.

РУССКІЙ: — Такъ чего же вы стоите, какъ соляной столбъ? Исполняйте приказанія г. Директора!

ПЕРВЫЙ (*шатающимися шагами идетъ къ двери, хочетъ ее отворить и не можетъ*): — Дверь заперта, г. Директоръ...

ДИРЕКТОРЪ: — А, чертъ бы васъ!... (*Вскакиваетъ, быстро идетъ къ двери и хочетъ силой открыть ее: увы! — дверь затерта... Раздраженно кричитъ Русскому*): — Вы эти штучки, молодой человѣкъ, оставьте! Мнѣ это надоѣло, чертъ возьми! Извольте сейчасъ же отпереть дверь!

РУССКІЙ: — Но, съ удовольствіемъ, г. Директоръ!

(*Подходитъ къ двери, толкаетъ ее рукой и ногой; дверь затерта*): — Дверь заперта, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ (*раздраженно, Русскому*): — Кто ее могъ запереть?...

РУССКІЙ: — Г. Директоръ! Въ концѣ концовъ, это — вашъ домъ, и вамъ лучше знать, кто здѣсь открываетъ и запираетъ двери...

ДИРЕКТОРЪ: — Вы мнѣ отвѣтите за это!

РУССКІЙ: — Г. Директоръ! Вы — умный человѣкъ: зачѣмъ же вы кричите на другого, и тоже, видимо, не глупаго человѣка?...

ДИРЕКТОРЪ: — Хорошо, не будемъ кричать. Благоволите мнѣ объяснить: что такое происходитъ вокругъ насъ?

РУССКІЙ: — Игра, г. Директоръ!

ДИРЕКТОРЪ: — Я васъ не понимаю...

РУССКІЙ: — При помощи вотъ этихъ блестящихъ актеровъ вы хотѣли заманить меня сюда?

ДИРЕКТОРЪ: — Хотѣлъ...

РУССКІЙ: — Вы хотѣли меня обыграть?

ДИРЕКТОРЪ: — Хотѣлъ...

РУССКІЙ: — Я — весь въ вашемъ распоряженіи. Обыгрывайте. Идемте внизъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Но дверь заперта...

РУССКІЙ: — Дверь отперется. Дверь!

(*Дверь распадается, и у порога снова стоятъ два прежнихъ Агента*).

ДИРЕКТОРЪ (*радостно*): — Ага-а! (*Агентамъ*): — Вотъ онъ! Вотъ онъ! Давайте сюда наручники!...

АГЕНТЪ: — Г. Директоръ! Давайте лучше выпьемъ шампанскаго!...

РУССКІЙ: — Mlle Blanche! Разрѣшите вамъ представить моихъ лучшихъ друзей... Гусь!... (*1-ый Агентъ кланяется*): — Крокодилъ!... (*2-ой кланяется*).

ДИРЕКТОРЪ: — Теперь я понялъ вашъ секретъ, monsieur Jean. Вы оперируете съ хорошей шаечкой.

РУССКІЙ (*показывая на актеровъ*): — А чѣмъ ваша шаечка хуже моей, г. Директоръ?

ДИРЕКТОРЪ: — Не знаю, кто хуже, кто лучше, но въ одномъ могу васъ опредѣленно завѣрить: завтра вы всѣ, всѣ ваши Гуси и Крокодилы, — цулей вылетите изъ этого города.

РУССКІЙ: — Объ этомъ вы позаботитесь, г. Директоръ.

ДИРЕКТОРЪ: — Объ этомъ я позабочусь, будьте покойны. И больше ужъ за игру вы здѣсь не сядете.

РУССКІЙ: — Вы такъ думаете?...

ДИРЕКТОРЪ: — Я въ этомъ увѣренъ, и предлагаю вамъ немедленно сложить вашъ багажъ. Съ такими птичками мы здѣсь не церемонимся...

РУССКІЙ: — Хорошо. (*«Агентамъ»*): — Идемте, друзья, складывать нашъ багажъ... А кого мы оставимъ здѣсь вмѣсто себя?...

АГЕНТЪ: — Оставимъ Бегемота и Кенгуру.

ДИРЕКТОРЪ (*изумленный*): — Сколько же васъ здѣсь?

РУССКІЙ: — А вотъ ужъ этого мы вамъ не скажемъ.

Не на такихъ мальчиковъ напали.

ДИРЕКТОРЪ: — Чортъ знаетъ, что такое!

РУССКІЙ: — C'est la vie, г. Директоръ!

BLANCHE: — Слушай, Jean. Я тебѣ своего согласія еще не дала, а съ шулеромъ и, вообще, съ темнымъ человѣкомъ, я судьбы своей не свяжу...

ДИРЕКТОРЪ: — Bravo, M-lle Blanche!..

РУССКИЙ: — Ты говоришь глупости, Blanche. Я — и не шулеръ, и не темный человѣкъ, и вотъ, самъ Директоръ скажетъ тебѣ, что въ рулеткѣ никакой шулеръ ничего сдѣлать не можетъ. Шарикъ бросаетъ крупье. Столъ принадлежитъ Казино. Игрокъ можетъ только поставить ставку...

ДИРЕКТОРЪ: — Но вы систематически выигрывали!

РУССКИЙ: — Да. Совершенно вѣрно. Систематически выигрывалъ.

ДИРЕКТОРЪ: — Это не всякій можетъ сдѣлать...

РУССКИЙ: — Святая истина. Всякій человѣкъ можетъ спѣть пѣсенку, — не такъ ли, г. Директоръ? Но не всякій человѣкъ — Шаляпинъ... Всякій человѣкъ можетъ подняться на аэропланъ, — не такъ ли, г. Директоръ? Но не всякій человѣкъ — Линдбергъ... Всякій человѣкъ можетъ ставить деньги въ игръ, не такъ ли, г. Директоръ?..

ДИРЕКТОРЪ (*неохотно*): — Ну, такъ... Дальше что?

РУССКИЙ: — Но не всякій поставитъ такъ, какъ я...

Вы согласны объ этомъ подумать, г. Директоръ?

ДИРЕКТОРЪ: — Я не только согласенъ подумать, но я согласенъ и поговорить съ вами объ этомъ...

РУССКИЙ: — Ахъ, такъ?! Это — уже совсѣмъ хорошо!.. Тогда пожалуйста сюда на минуточку... (*Отводитъ Директора на авансцену*): — Вы о гипнотизмѣ имѣете представленіе?

ДИРЕКТОРЪ (*оторопѣвъ*): — Очень отдаленное.

РУССКИЙ: — Приблизьтесь и подумайте... А завтра мы поговоримъ детальнѣе. (*Оставляетъ Директора и громко обращается ко всѣмъ присутствующимъ*): — А завтра мы поговоримъ и, можетъ быть, въ результатъ этихъ переговоровъ, у m-lle Blanche будетъ собственный театр...

(Пауза. Изумленіе).

БЕРТРАНЪ (*пораженный, протеревъ уши*): — Что?.. Что вы сказали, monsieur Jean?..

РУССКИЙ: — И, можетъ быть, въ результатъ этихъ переговоровъ, у m-lle Blanche будетъ собственный театр!..

BLANCHE: — Jean!

БЕРТРАНЪ: — Blanche! Открываемъ «Королемъ Лиромъ». Я — Лиръ, ты — Корделія. (*Агенту*): — Давай вина! Стаканы перетерты?..

АГЕНТЪ: — Перетерты...

(*Раздали всѣмъ вино. Бертранъ суетитъся больше всѣхъ*).

РУССКИЙ: — Итакъ, ты мнѣ не вѣришь, Blanche?..

БЕРТРАНЪ: — Вѣрь, милая, вѣрь...

BLANCHE: — Я давно уже люблю тебя.

БЕРТРАНЪ (*нервно*): — Ага? «Я давно уже люблю тебя»?.. Господа! Конечно, подписано и припечатано!.. Теперь — всеобщее молчаніе. (*Агенту, торжественно*): — «Рабъ, налей вина!»... Вы не обижайтесь: это — изъ трагедіи. (*Ко всѣмъ*): — Господа! Комедія, какъ того требуютъ добрыя теа-

тральныя традиціи, явно заканчивается свадьбой, и старый комедіантъ долженъ произнести краткій тостъ. За что же подниметъ онъ бокалъ? Во-первыхъ, за любовь! Во вторыхъ, за счастье! Въ третьихъ, за театр — за самое блестящее искусство, какое только существуетъ, на землѣ! (*Пьетъ*).

ГОЛОСА: — Bravo, Бертранъ, браво!..

(*Blanche въ это время перешла на авансцену*).

BLANCHE (*требовательно*): — Jean! Поди сюда!

БЕРТРАНЪ (*удивленно поворачиваясь къ ней*): — Jean!.. У тебя такой тонъ? Уже? Ну, ну!.. Ну, ну!.. Иди, иди, Jean! Торопись! Начинается новая игра, супружеская, въ которой, пожалуй, даже такой игрокъ, какъ ты, не возьметъ верха!..

РУССКИЙ (*подходя къ Blanche*): — Въ чемъ дѣло?

BLANCHE (*съ упрекомъ*): — Зачѣмъ ты устроилъ эту западню?

РУССКИЙ: — Но очень просто, моя дорогая! Во-первыхъ, чтобы Директоръ не мѣшалъ играть, а, во-вторыхъ...

BLANCHE: — Что, «во-вторыхъ»?

РУССКИЙ: — А, во-вторыхъ, я увидѣлъ твои слезы безъ вазелина и безъ испанскаго лука...

BLANCHE (*бросаясь къ нему на шею*): — Милый!..

(*Во время этого разговора Елена вертится около Бертрана и обращаетъ его вниманіе на то, что Blanche цѣлуетъ Русскаго*).

ЕЛЕНА: — Что, Бертранчикъ, проворонилъ свое счастье?

БЕРТРАНЪ (*встрепенувшись*): — Мое счастье? (*Пауза. Бертранъ усмѣхнулся, сосредоточился и вдохновенно началъ*:

Кинжалъ изъ дерева, костюмъ цвѣтной и маска, Пурпурный плащъ и блески вокругъ него, Парикъ и тамбуринъ, бѣлила, пудра, краски, — Вотъ все, что нужно мнѣ для счастья моего! И вѣрю, твердо вѣрю я въ свое призванье: Въ немъ — жизнь и смерть. Когда они замрутъ, И отлетитъ въ стихахъ послѣднее дыханье, — На декораціяхъ тогда меня снесутъ!..

(*И вдругъ, словно проснувшись, посмотрѣлъ вокругъ себя и перешелъ въ свой обычный, шутильвый тонъ*): — Кого?.. Кого?..

ЕЛЕНА (*бросаясь къ нему на шею, восторженно*): — Всѣхъ, всѣхъ, Бертранъ!

BLANCHE (*подойдя къ нему*): — Ты — мой лучший другъ, Бертранъ!

БЕРТРАНЪ: — Спасибо, Blanche! (*Цѣлуетъ ее, а потомъ Русскаго*): — Русская водка будетъ?..

РУССКИЙ: — Конечно!

БЕРТРАНЪ: — Русская икра будетъ?..

РУССКИЙ: — Сколько угодно!

БЕРТРАНЪ (*высоко поднимая бокалъ*): — Тогда до свиданія, господа!

ЕЛЕНА: — Но почему «до свиданія»?..

БЕРТРАНЪ (*наставительно*): — Потому, что сегодня трезвыми уже не увидимся!.. (*Пьетъ*).

З а н а в ѣ с ѣ

И. Сургучевъ

*
**

Твоихъ сказаній длинный свитокъ,
О, жизнь, — я развернулъ давно,
И пусть усталъ, и пусть темно —
Но все же острый твой напитокъ
Люблю, какъ терпкое вино.

Пусть рано въ путь свой вышелъ я,
Пусть рано принялъ жизни сладость,
И пусть на днѣ, замѣтилъ я,
Таится горькая струя, —
Пью испытанье, какъ и радость.

Не брошу самъ свою дорогу —
Пусть даль неясна и темна, —
Иду къ послѣднему порогу,
Чтобы вручить смиренно Богу
Свой кубокъ выпитымъ до дна.

В. Хрусталеvъ

АБАЗЪ

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ)



Лѣто 1907-го года я провелъ на Сардаръ-Булагскомъ перевалѣ, пролегающемъ черезъ сѣдловину Большого и Малаго Арарата, на высотѣ около 6.700 футовъ надъ уровнемъ моря.

Араратъ возвышается отдѣльнымъ массивомъ надъ долиною рѣки Аракса и только съ запада къ нему примыкаетъ хребетъ Агри-Дагъ.

Склоны Арарата почти сплошь загромождены скалами и усыяны камнями. Изрѣдка между ними встрѣчаются луга: наиболѣе обширные покрываютъ сѣдловину.

Ни одна рѣка не вытекаетъ со склоновъ Арарата. Только мѣстами пробиваются родники, воды которыхъ здѣсь же поглощаются почвой. Одинъ изъ такихъ родниковъ, сравнительно многоводный, находится на сѣдловинѣ, и называется Сардаръ-Булагъ. Его именемъ названа самая сѣдловина и перевалъ.

Нѣтъ на склонахъ Арарата и лѣсовъ. Только небольшая рощица низкорослаго коряваго березоваго кустарника растетъ на сѣверномъ склонѣ Малаго Арарата.

Весной Сардаръ-Булагскій перевалъ покрывается травой и пестритъ всевозможными цвѣтами, но вершины

на Большого Арарата вѣчно покрыта снѣгомъ, а на Маломъ онъ стаиваетъ только къ срединѣ іюня.

Лѣтомъ коверъ цвѣтовъ поднимается все выше и выше по склонамъ горъ, а въ августѣ на Сардаръ-Булагѣ выгораетъ трава, изсыкаетъ вода въ родникѣ, и кочевники, выгоняющіе сюда на пастбища свои стада, принуждены спускаться съ ними въ душную долину Аракса.

Черезъ обѣ вершины Арарата и далѣе, спускаясь черезъ березовую рощу къ Араксу, проходитъ граница Россіи съ Турціей и Персіей. Узелъ границъ находится на сѣдловинѣ, и вблизи него построенъ русскій пограничный постъ, въ которомъ въ тѣ времена жили въ теченіе круглаго года единственные постоянные обитатели Сардаръ-Булага — взводъ пограничныхъ солдатъ съ офицеромъ.

Прежде здѣсь стоялъ лѣтній постъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія кому-то пришла въ голову мысль поставить постоянный. Его построили вблизи родника въ видѣ небольшой крѣпостцы, обнесенной высокой каменной стѣной съ бойницами и зубчатыми башнями по угламъ.



Зачѣмъ понадобился здѣсь постоянный постъ, сказать трудно, такъ какъ, примѣрно, съ ноября и по апрѣль, переваль покрытъ глубокимъ снѣгомъ: онъ засыпаетъ ущелья, пересѣкающія единственный путь къ посту, во всю ихъ глубину, до нѣсколькихъ саженей. Тогда здѣсь человѣкъ пройти не можетъ, и самый постъ отрѣзанъ отъ всего міра. Гарнизонъ его сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ, питаясь продовольствіемъ, заготовленнымъ съ осени на всю зиму. Въ теченіе зимы на посту слышались лишь свистъ вѣтра да завываніе голодныхъ волковъ, которые стаями, въ поискахъ пищи, подходили вплотную къ его стѣнамъ.

Персы и турки вопросъ охраны границъ тогда разрѣшали иначе. Первые вообще ея не охраняли, а вторые только на лѣто высылали постъ изъ крѣпости Баязетъ, который располагался верстахъ въ семи отъ узла границъ и состоялъ изъ трехъ-четырехъ островерхихъ палатокъ.

Съ наступленіемъ весны Сардаръ-Булагъ оживалъ. Сюда со своими кочевками поднимались татары и курды, и на лугахъ появлялись ихъ стада барановъ.

Сюда же иногда выходилъ «на отводъ», выводилъ на подножный кормъ своихъ лошадей, Полтавскій полкъ. Съ прибытіемъ полка на Сардаръ-Булагъ, невдалекѣ отъ пограничнаго поста и родника выросли ряды палатокъ, а на лугахъ цѣлыми днями пасся полковой табунъ лошадей въ 900 головъ.

Вышелъ полкъ «на отводъ» и въ 1907-мъ году.

Въ теченіе всего лѣта лошади оставались на свободѣ, а люди занимались ученіями «пѣшимъ по конному», проходили перестроенія коннаго строя пѣшкомъ. Занятія длились два-три часа, и то не каждый день, остальное время офицеры и казаки были свободны.

Нѣкоторые изъ насъ использовали это время, чтобы познакомиться съ окружающей мѣстностью. Кажущіеся мертвыми, сѣдловина и склоны Арарата имѣли много слѣдовъ былой культуры. Здѣсь мы находили развалины крѣпостей, остатки водопроводовъ, пещеры, кладбища. Но все это было возможно разыскать лишь при внимательномъ изученіи мѣстности и путемъ разспросовъ кочевниковъ.

Бесѣдуя однажды со старикомъ курдомъ, пашимъ стадо барановъ, мы узнали о томъ, что на персидской сторонѣ, невдалекѣ отъ нашей границы, за березовой рощей находится кочевка извѣстнаго персидскаго разбойника Абаза. Говоря о немъ, старикъ оживился и сказалъ, что Абазъ — рыцарь и защитникъ обиженныхъ.

Объ этомъ Абазѣ мы слышали раньше, и теперь, узнавъ, что онъ недалеко отъ насъ, мы стали искать возможности познакомиться съ легендарнымъ разбойникомъ.

Вскорѣ такой случай представился.

Какъ я раньше сказалъ, табунъ нашъ цѣлыми днями былъ на лугу, а на ночь возвращался въ лагерь и, подъ наблюденіемъ дневальныхъ, ночевалъ въ загонѣ, обнесенномъ съ трехъ сторонъ столбами съ натянутымъ на нихъ канатомъ, а съ четвертой — рядомъ палатокъ.

Въ темную іюньскую ночь мы вскочили отъ не-

понятнаго шума и, когда выбѣжали изъ палатокъ и прислушались, то поняли, что разбѣжался табунъ. Причины паники лошадей установить не удалось. По одной версіи, онъ испугался потухшаго фонаря, по другой — шума камня, свалившагося съ Малаго Арарата...

Разорвали канатъ и разбѣжались во всѣ стороны.

Попытка успокоить ихъ и остановить сигналами трубы не дала особенныхъ результатовъ. Другія мѣры, вслѣдствіе непроглядной тьмы, принять было невозможно.

Съ разсвѣтомъ мы увидѣли на мѣстѣ ночлега табуна нѣсколько десятковъ коней; остальные бродили по одиночкѣ и группами по склонамъ горъ и спускались въ долину Аракса.

Цѣлый день прошелъ въ сборѣ. Помогали намъ и кочевники. Передъ вечеромъ, со стороны рощи, намъ пригнали около 200 лошадей конные курды. Не доходя до лагеря, они оставили лошадей и быстро уѣхали обратно. Повидимому, это были люди Абаза.

Къ вечеру выяснилось, что у насъ недостаетъ нѣсколькихъ десятковъ лошадей, въ томъ числѣ трехъ изъ сотни, которой временно я командовалъ.

Я рѣшилъ на слѣдующій день лично отправиться на поиски ихъ.

Рано утромъ я выѣхалъ съ шестью казаками и направился къ березовой рощѣ. Это направленіе я избралъ, желая внимательно осмотрѣть рощу, гдѣ лошади легче могли скрыться.

Осматривая ее, мы незамѣтно переѣхали нашу границу, которая не обозначена никакими видимыми знаками, и, верстахъ въ пяти отъ лагеря, встрѣтили трехъ курдовъ, которые стояли въ кустахъ, невдалекѣ отъ тропы, по которой мы ѣхали. Они спросили, зачѣмъ и куда мы ѣдемъ. Я отвѣтилъ, что ищемъ лошадей; ѣдемъ дальше, пока не найдемъ. Разговоръ происходилъ частью на куртинскомъ, частью на русскомъ языкѣ, причемъ со стороны курдовъ съ нами говорилъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ, молодой человѣкъ лѣтъ 28-30, одѣтый въ синюю куртку и такіе же брюки куртинскаго покроя, обшитые красными кантами, съ черной чалмой на головѣ. Средняго роста, загорѣлый, съ небольшими усами и живыми, смѣющимися глазами, онъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе.

Узнавъ о цѣли нашей поѣздки, онъ сказалъ, что нашихъ лошадей въ этомъ районѣ нѣтъ, а тѣ, что сюда попали, были ими собраны и отогнаны въ нашъ лагерь. Но, видя мое твердое рѣшеніе продолжать поиски въ этомъ направленіи, онъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ предлагаетъ мнѣ проѣхать къ нему на кочевку, которая находится за рощею, и отдохнуть тамъ, а онъ, тѣмъ временемъ, пошлетъ своихъ людей на поиски.

Я понялъ, что говорю съ Абазомъ. Такимъ образомъ, неожиданно исполнилось мое желаніе съ нимъ познакомиться, и я рѣшилъ воспользоваться его приглашеніемъ.

По пути я спросилъ, не Абазъ ли онъ. Но тотъ засмѣялся и отрицательно покачалъ головою. Казаки слышали весь нашъ разговоръ и мой послѣдній во-

прось. Когда я, въ дальнѣйшемъ, какъ бы случайно, обернулся къ нимъ, то увидѣлъ, по ихъ лицамъ, что они на-чеку.

Выйдя изъ роши, мы увидѣли недалекъ кочевку, состоящую изъ 20-25 чадръ, — большихъ продолговатыхъ шатровъ, покрытыхъ сверху и съ трехъ рядовъ покрывалами, сотканными изъ шерсти. Онѣ стояли въ одинъ рядъ, лицомъ къ долину Аракса. Каждая изъ нихъ имѣла три отдѣленія: правое для гостей, среднее для членовъ семьи и лѣвое для овецъ. Жизнь на кочевкѣ шла обычнымъ порядкомъ; около чадръ были видны люди.

У ближайшей чадры, которая принадлежала самому Абазу, мы слѣзли съ лошадей, и я былъ приглашенъ въ нее. Казаки остались снаружи.

Въ отдѣленіи, куда я вошелъ, земля была устлана коврами, а на нихъ, вдоль стѣнъ, лежали подушки.

Меня посадили на почетное мѣсто. Справа сѣлъ хозяинъ, слѣва — какой-то старикъ съ большой бородой. Постепенно чадра наполнилась курдами, которые, поклонившись мнѣ, усаживались, поджавъ ноги, на подушки, вдоль стѣнъ.



А б а з ъ

Вскорѣ подали большой самоваръ, стеклянную вазу съ сахаромъ, небольшіе персидскіе стаканы съ перехватомъ посрединѣ и блюдечки для нихъ. За самоваръ сѣлъ братъ хозяина, который разливалъ чай и угощалъ присутствующихъ по старшинству. Несмотря на усиленные отказы, мнѣ пришлось выпить около десятка стакановъ очень сладкаго чаю. Никакіе мои доводы не могли убѣдить хозяевъ и, только перевернувъ стаканъ вверхъ дномъ на блюдцѣ, я избавился отъ дальнѣйшаго чаепитія.

За чаемъ у насъ шелъ оживленный разговоръ, въ которомъ принимали участіе нѣсколько человѣкъ, понимавшихъ русскій языкъ.

Во время разговора я вновь спросилъ хозяина, не Абазъ ли онъ. Онъ опять улыбнулся и отвѣтилъ отрицательно. Оставалось прибѣгнуть къ хитрости. Черезъ нѣкоторое время, среди разговора, я внезапно обратился къ нему съ вопросомъ, назвавъ его Абазомъ. Онъ машинально отвѣтилъ, потомъ спохватился и говоритъ, что я его перехитрилъ.

— Да, я — Абазъ, — добавилъ онъ. Засмѣялись и курды.

Почему Абазъ не хотѣлъ сразу признаться, кто онъ, для меня оставалось загадкой. Боялся ли онъ испугать меня, по какимъ ли другимъ соображеніямъ, — объ этомъ у насъ съ нимъ никогда не было разговора.

Время шло незамѣтно, и солнце уже начало склоняться къ закату. На мой вопросъ, не вернулись ли люди, посланные искать лошадей, онъ отвѣтилъ отрицательно и сказалъ, что, какъ только вернутся, онъ объ этомъ скажетъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Абазъ попросилъ у меня разрѣшенія посмотреть винтовку. Я приказалъ казаку принести ее. Абазъ открылъ затворъ, вынулъ его и быстро разобралъ. Я спросилъ, откуда онъ знаетъ устройство нашей трехлинейной винтовки, и высказалъ предположеніе, что, навѣрное, онъ ее имѣетъ. Но Абазъ отвѣтилъ, что служилъ одно время въ Россіи въ управленіи начальника Сурмалинскаго уѣзда, гдѣ и познакомился съ устройствомъ винтовки. И только послѣ того, какъ я сказалъ ему, что у стражниковъ при уѣздныхъ начальникахъ не трехлинейныя винтовки, а берданки, онъ сознался, что винтовка у него есть. Но на мою просьбу, показать ее, отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, мотивируя это тѣмъ, что винтовка у него русская, а я русскій офицеръ и обязанъ буду ее у него отобрать; ему же не хочется ссориться со мною съ первыхъ шаговъ нашего знакомства.

Послѣ чая курды принесли живого барана, зарѣзали его около чадры, и, повѣсивъ тушу на единственное дерево, росшее передъ чадрой Абазы, быстро раздѣляли ее, и приготовили куртинскую каурму. Дѣлалось все это на виду у насъ, чтобы мы знали, что пища свѣжая и чистая.

Вскорѣ намъ подали въ той же невысокой, широкой мѣдной кастрюлѣ, въ которой и готовилось, мелко наръзанное, въ собственномъ соку поджаренное баранье мясо, въ отдѣльной посудѣ кислое молоко, чеснокъ и лавашъ, тонкія хлѣбныя лепешки. Ъли всѣ изъ одной кастрюли. Каждый изъ присутствующихъ бралъ руками мясо, мокалъ его въ кислое молоко и чеснокъ и ѣлъ съ лавашемъ. Кушанье очень вкусное, и только то обстоятельство, что приходилось всѣмъ ѣсть руками изъ одной кастрюли, нѣсколько портило вкусовое ощущеніе.

Уже подъ вечеръ къ Абазу подошелъ одинъ курдъ и что-то ему тихо сказалъ. Тотъ вышелъ, затѣмъ скоро вернулся и позвалъ меня... Около чадры стояло нѣсколько лошадей, и между ними тѣ три, которыхъ я искалъ...

— Вотъ, — говоритъ Абазъ, — то, что мы нашли, больше вашихъ лошадей здѣсь нѣтъ...

Я поблагодарилъ его и, такъ какъ время было позднее, распрощался.

Абазъ проводилъ насъ до роши и усиленно просилъ навѣщать его.

Такъ состоялось мое знакомство съ Абазомъ.

Въ теченіе лѣта я неоднократно бывалъ у него.

Иногда со мной ѣздили къ нему мои сослуживцы-офицеры, и постепенно перебивалось много казаковъ.

Онъ всегда радушно принималъ насъ, но категорически отказывался быть у насъ въ лагерь.

Какъ-то я задалъ ему вопросъ, чѣмъ занимается онъ и его люди. Абазъ отвѣтилъ просто, что перехватываетъ турецкихъ и персидскихъ контрабандистовъ, перевозящихъ товары изъ Турціи, по за Араратомъ, въ Россію и обратно, и грабятъ ихъ. На мой же вопросъ, какъ относятся къ его дѣятельности мѣстные персидскія власти, онъ отвѣтилъ, что, когда Макинскій ханъ узнаетъ о его дѣлахъ, то онъ требуетъ съ него половину награбленнаго. Въ случаѣ невыполненія требованія, его сажаютъ въ яму на цѣпь и держатъ тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не отдастъ хану его долю.

У Абаза была своя логика. Однажды онъ говоритъ мнѣ:

— Какъ же мнѣ не мстить аралыхцамъ? *). Имъ были нужны деньги. Они обратились ко мнѣ, и я ихъ имъ далъ. Потомъ мнѣ понадобилась мука. Я обратился къ нимъ и просилъ мнѣ дать ее въ счетъ долга. Я послалъ за мукою, вьючныхъ быковъ. Аралыхцы навьючили ихъ и послали, а предварительно предупредили пограничную стражу о мѣстѣ и времени прохода транспорта. Пограничники нагрянули и отобрали муку вмѣстѣ съ быками. Ну, какъ я долженъ послѣ этого относиться къ аралыхцамъ, заплатившимъ за мое добро зломъ?..

Въ теченіе нашего знакомства Абазъ только разъ обратился ко мнѣ съ просьбою. Онъ просилъ привезти ему немного табаку, что я, конечно, исполнилъ.

*) Русскимъ татарамъ — жителямъ селенія Аралыхъ-Башкентъ, лежащаго верстахъ въ 25-ти отъ границы.

Однажды онъ спросилъ, женатъ ли я. Узнавъ, что мнѣ 24 года и я не женатъ, онъ сказалъ, что, повидимому, у меня нѣтъ денегъ, и что онъ мнѣ поможетъ. Онъ объяснилъ, что по ихъ обычаю, жену покупаютъ у отца, а цѣна зависитъ отъ уговора. Уплативъ деньги, вы получаете жену, а, когда она вамъ надоѣстъ, имѣете право отправить ее родителямъ. Такъ, вотъ, де, у него на примѣтѣ имѣется хорошая невѣста 12-ти лѣтъ, онъ дастъ мнѣ 500-600 рублей и устроитъ ее мнѣ въ жены.

Предложеніе было заманчивое. Но не могъ же я привезти молодую жену въ лагерь? Пришлось, къ огорченію моего пріятеля, отказаться отъ его помощи.

Я часто бывалъ у Абаза. Иногда онъ ѣздилъ со мною и показывалъ достойныя вниманія окрестности Арарата. Когда, по его мнѣнію, намъ въ поѣздкѣ могла грозить опасность, онъ бралъ съ собою, вооруженныхъ до зубовъ, курдовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ рекомендовалъ мнѣ брать и вооруженныхъ казаковъ.

Быстро прошло лѣто, начала сохнуть трава, истощилась вода въ родникѣ, и намъ, въ первыхъ числахъ августа, пришлось спуститься внизъ.

Я распрощался съ Абазомъ и больше съ нимъ не встрѣчался.

Вскорѣ я уѣхалъ на Кубань и, въ послѣдствіи, слышалъ, что добрыя отношенія съ Абазомъ у казаковъ нарушились.

Однажды изъ полка бѣжалъ казакъ и унесъ съ собою винтовку. Было предположеніе, что его убилъ Абазъ. Тотъ это отрицалъ, но ему не повѣрили. Произшла перестрѣлка, и Абазъ отошелъ отъ границы.

Позже казака нашли въ другомъ мѣстѣ, но отношенія съ Абазомъ были уже испорчены.

В. Науменко

НА ДРЕВНЕМЪ РУБЕЖѢ

V

Глубоко задумавшись, Лукинъ не замѣтилъ, какъ Мальчикъ свернулъ съ большой дороги. Когда онъ очнулся, на фонѣ чернаго лѣса бѣлѣлъ и дымился маленький выселокъ — Степановъ. Приближаясь, Лукинъ насчиталъ съ десятокъ избъ и поѣхалъ по улицѣ. Хуторокъ этотъ, также выросшій на офицерскомъ участкѣ, окрѣпъ на глазахъ Лукина. Виноградные сады зеленѣли рядомъ съ малороссійскими баштанами. Стоило, подъ осень, выйти изъ хаты, и тутъ же, подъ окнами, можно было сорвать и душистую, какъ уста невѣсты, медовую дыню, и пятифунтовую кисть винограда, и арбузъ, изъ котораго, — чуть коснись ножемъ, — пѣтухомъ выскакиваетъ красное сердце! Изобиліе переливалось со двора во дворъ...

За крайней хатой двѣ женщины, дружно ударяя цѣпами, обмолачивали гречиху.

— Не глупи, Мальчикъ, — проговорилъ Лукинъ, оглаживая захрапѣвшаго коня. И тотчасъ обнаружилъ причину волненія: подъ сараемъ лежалъ верблюдъ.

— Богъ на помощь, тетка! Нѣтъ ли у васъ продажной чечевицы? — громко обратился къ нимъ есауль...

Женщины оглянулись, не выпуская цѣповъ. Приставивъ, отъ солнца, ладонь, старшая бросила цѣпь и подошла къ плетню.

— Вы, навѣрное, баринъ, Лукины будете? — спросила она.

— Лукинъ, тетя. Былъ у Николая Романовича да сейчасъ только вспомнилъ про вареники съ чечевицей; страсть люблю!

— Есть, баринъ, есть. Слѣзайте... Цицъ, Бѣлка! — крикнула она, отворяя ворота. Пушистая овчарка, завилявъ хвостомъ, начала тереться объ ноги хозяйки.

Горница, въ которую они вошли, была весела и опрятна. Подъ образами висѣли метелки изъ ржи и пшеницы. Добрую треть комнатки отвоевала русская печь, на шесткѣ которой сидѣли рядкомъ свѣжеиспеченные хлѣбы.

— Я на васъ глянула, и сразу вижу — Лукинъ. Косточка вашего рода такая. На отца въ точку походите, а онъ моего покойнаго Федоровича, какъ родного брата, любилъ. Бывало, мимо хутора не проѣдетъ. Царствіе небесное обоймъ, — говорила хозяйка, усаживая гостя и ставя передъ нимъ миску горячихъ варениковъ. Открытое, красивое лицо, простота и сердечность старушки сразу покорили Лукина.

Въ горницу вошла высокая чернобровая баба на сносяхъ. За нею глянули сѣрые глазки маленькой дѣвочки съ острымъ носикомъ.

— Это, баринъ, наша сноха, а сынокъ побѣгъ въ Новоявленскій, узнать о стрѣльбѣ, — при этомъ она подложила сметаны. — Милый баринъ, горе-то наше какое! Нынче ночью какъ стрѣльба споднялась, мы и не знали, куда кидаться. Феденька-то до се дома лежалъ въ тифу, а теперь долженъ возвращаться въ Душный на службу. Милый баринъ, хуторочекъ нашъ махонькій, а тутъ бродъ подъ носомъ... Молодая на сносяхъ, я стара, а дѣвченка ночью боится во дворъ выйти... Что мы будемъ дѣлать? Жили, какъ у Христа за пазушкой, а теперь все на вѣтеръ пускай, да бѣги... Горе намъ будетъ безъ Феденьки, — горькими слезами заливалась старушка.

Лукинъ о чемъ-то раздумывалъ.

— Хорошій онъ у васъ?

— И-и-и, баринъ, — заголосила она еще горше. — Феденька мой ципленочка не обидитъ. Не знаетъ, родимый, какъ и ходить за нами, чѣмъ угодить...

— Какъ васъ зовутъ, тетя?

— Федоровна, баринъ, Федоровна...

— Есть на хуторѣ староста?

— Какъ не быть — дѣдушка Пимень.

— Старикъ?!. — подпрыгнулъ отъ радости Лукинъ. — Сколько лѣтъ? — пытливо глянулъ онъ изподлобья. Ему хотѣлось, чтобы это былъ новый Мафусаиль...

— Передъ войной съ Апоніей, говоритъ, до ста досчиталъ, а дальше не умѣю.

— Зовите Пимена, хозяйка!

Не успѣлъ онъ сказать, какъ дѣвочка малькнула изъ хаты. Федоровна испытующе посматривала на есаула. Посланная духомъ примчалась обратно. Вслѣдъ за нею бодрой поступью вошелъ высокій сѣдой старикъ съ расчесанною густой бородой. Голова его была подстрижена подъ скобку и обильно смазана коровьимъ масломъ.

Онъ трижды перекрестился на образа, потомъ глянулъ на гостя.

«Этотъ самый?» — спросилъ его взгляды.

Лукинъ усадилъ его рядомъ.

— Васъ, дѣдушка, никакая война во фронтъ не поставитъ! При матушкѣ Екатеринѣ, чай, еще отвоевались, а лишній мужчина въ Степановѣ — новая соха подъ сарай, — громко говорилъ Лукинъ туговато-

му на ухо правителю. — Это я вотъ къ чему: пиши, дѣдъ, непосредственному твоему начальству, сирѣчь, атаману Привѣтной: заболѣвъ сего числа, обязанности хуторского старосты исполнять не могу. Въсто меня хуторскимъ сборомъ единогласно избранъ Федоръ... — замялся есауль, вопросительно глянувъ на хозяйку.

— Опаренко, — подсказала та.

— Согласенъ? — повернулся Лукинъ въ упоръ. — Старикъ недоумѣвающе смотрѣлъ на молодого дипломата. — Что же молчишь, Тьмутараканскій Остерманъ?!. Или съ почетомъ жалко разстаться? Мундиръ и пенсія за тобой, да еще въ Государственный Совѣтъ зачислимъ, — улыбнулся есауль.

— Какой почетъ, баринъ! Воробей и тотъ норовитъ «буржуй» чирикнуть... Думаю, за столько времени намъ въ голову не стукнуло, а вы сразу нашли изворотъ... Что же? Федоръ молодецъ, парень работающій, душелюбый, — приговаривалъ подталкиваемый въ отставку.

— Дѣдушка, по рукамъ! — крикнулъ сіяющій Лукинъ. Они обмѣнялись рукопожатіями. — Сегодня вечеромъ приготовь обѣ бумаги, и мнѣ. Остальное я сдѣлаю. Есть у васъ грамотные?

— Съ этимъ, баринъ, справимся... Сынокъ двухклассную кончилъ... Васема тоже учится, — засвѣтились глаза старушки.

— Нѣтъ худа безъ добра, хотя бы крошечнаго, — говорилъ гость, поднимаясь и доставая бумажникъ.

— Что вы, баринъ! За что же деньги брать? — откинула старушка руки за спину.

— Нѣтъ, пожалуйста, возьмите. Вѣдь, походныя суммы почти полны... Мнѣ, право, неудобно...

— Нѣшто, баринъ, обидѣтъ насъ хотите?

— А, — крикнулъ съ досадою Лукинъ и сунулъ деньги обратно. — Не беспокойтесь, Федоровна, Богъ дастъ, сынокъ останется, — проговорилъ онъ съ коня и выѣхалъ за ворота.

Счастливый, бодрый, веселый возвращался молодой казакъ. Встрѣчающіеся станичники расплывались въ улыбку, еще издали громко величая его по отчеству. Такъ свѣтло было на душѣ, словно въ груди его всходило маленькое яркое солнце, только имъ видимое, только имъ однимъ ощущаемое... «Эхъ, ждала бы дома милая жена да выскочила встрѣчать за калитку, да расцѣловалъ бы я ее съ сѣдла», — мечталъ онъ, въѣзжая въ станицу.

VI

— Ба, Коля! Какими судьбами?!. — вскрикнулъ Лукинъ, спрыгивая около калитки съ коня и здороваясь съ широкоплечимъ прапорщикомъ. Богатырская грудь его сіяла въ солдатскихъ крестахъ и медаляхъ.

— Что полкъ? — трясъ онъ руку сослуживца.

— Эхъ!.. Митинги, собранія, засѣданія, комитеты, выборы делегатовъ... Въ конюшню тошно войти — такую грязь развели. На коней жалко смотрѣть! Медвѣди — медвѣдями! Шерстью обросли безъ уборки! Некогда! Ты ему слово — онъ тебѣ десять... Взялъ

отпускъ — глотнуть свѣжаго воздуха дома. Только въ полдня съ сѣдла — въ правленіе зовутъ, Ермишку выселять... — и прапорщикъ затрясся отъ хохота.

— Ничего не понимаю, — предлагая въ столовой стаканъ вина, пожималъ плечами хозяинъ.

— Да какъ же, господинъ есаулъ, вы, значитъ, въ погоню, а около правленія старики собрались. Крикъ, шумъ: Ермишка подвелъ чеченцевъ, и конечно! Да, вѣдь, какъ взялись! Какъ принялись считать пропажи, у всѣхъ глаза на лобъ: у кого когда конь, быкъ, корова, телушка — все на Ермишку!.. Чуть до свиней не дошли! Глотки раздираютъ — силъ нѣтъ слушать: «Зачѣмъ держать на овсѣ скакуна?! Почему всѣ работой надорваны, а онъ князькомъ погуливаетъ, не пашетъ, не сѣетъ?!». И давай кунаковъ его по пальцамъ отшелкивать... Да, вѣдь, какихъ сомовъ выхватываютъ?! Мошенниковъ изъ мошенниковъ! «Телюкъ», кричатъ, «у него позавчера ночевалъ! Хромой Гамзатъ никогда не проѣдетъ мимо его избушки! Косой Сайталава ему лучше родного брата! Воръ! Конокрадъ!»... Да какъ орутъ?! Чуть самосудомъ не двинулись... И семьѣ бы конецъ... А вернулась погоня, да еще атаманъ показался, вся станица приперла... Только въ колоколь: донъ! — всѣ скамейки въ правленіи заняты, коридоръ набитъ, въ окна лѣзутъ — свѣта не видно... «Выслать его въ самую Сибирь! Повѣсить на осинѣ!» — режутъ дурнымъ голосомъ, а толкомъ никто не скажетъ, за что именно... Тутъ на серединѣ и заявляется Ермишка. Всѣ крикуны вразъ языки проглотили. А онъ-то въ лакированныхъ сапогахъ, черной черкескѣ, серебряные часы на немъ и такая же цѣпочка съ большой серебряной медалью на груди болтается. Поясъ, кинжалъ, револьверъ — все подъ серебромъ. Черную шапку снялъ, въ лѣвой рукѣ держитъ, а золотые галуны на голубомъ верхѣ такъ за глаза и цѣпляются... Вышелъ, значитъ, онъ съ такимъ форсомъ на середину и ррразъ! — всѣ рты на замок... Остановился, поклонился, отставилъ правую ногу и говоритъ: «Господа старики, вы меня выслать хотите?» — Молчекъ. — «За что же, господа старики, вы меня выслать хотите?» — Ни гу-гу... — «Вы говорите, что я воръ... Развѣ поймали меня съ ворованнымъ?» — Тишина такая, что слышно, какъ дядя Игнатка въ углу носомъ сопить... — «Если ужъ ни за что хотите, такъ высылайте со мной заодно и тѣхъ, кого я укажу». — Тутъ Ермишка полѣзъ за пазуху, вытащилъ большой, вчетверо сложенный листъ, весь исписанный, развернулъ и началъ читать: «Иванъ Семеновичъ Петровъ такого-то мая 1912-го года у Парамона Пахомова колесо укралъ. Свидѣтели: Лука Ивановичъ Урчукинъ да тетка Марьятка Аксакъ (хромая). Вотъ Иванъ Петровъ, господа старики, сидитъ», — ткнулъ Ермишка въ дядю Ваньку. Тотъ глядь, глядь по сторонамъ, — на грѣхъ, въ переднемъ ряду разсѣлся, шумѣлъ, не приведи Богъ, — погладилъ бороду и маршъ изъ правленія, какъ боровъ по камышу. — «Федоръ Вакуловичъ Лактіоновъ такого-то числа и мѣсяца... Вотъ, господа старики, Лактіоновъ сидитъ!»... — Вакулычъ бултыхъ внизъ, и давай шарить по полу, будто что уронилъ, потомъ какъ дер-

нетъ изъ правленія! Только прочиталъ: «Абросимъ Сухонкинъ» — какъ тотъ на улицу да рысью домой, черезъ всю площадь... Видятъ старики — весь листъ въ помѣткахъ, и давай одинъ за другимъ выскакивать. Ермишка все стоитъ, держитъ передъ носомъ листъ... Подождалъ и говоритъ: «Такъ что, господинъ атаманъ, и ихъ со мною заодно вышлите, да еще кого я укажу»... и вышелъ.

Лукинъ затрясся отъ хохота.

— Спрашиваю, — продолжалъ сквозь слезы, Субботинъ: — дядю Демьяна и другихъ стариковъ, — вы-то чего изъ правленія выскочили, какъ ошпаренные? — «Да шутъ его знаетъ, кого онъ записалъ. И не виновать, а прочтеть, пришилъ на спину туза, ну, и нахлобучъ шапку да ходи по станицѣ, пока суть да дѣло выяснится», — отвѣчаютъ старики, а сами смѣются...

VII

Въ дипломатическихъ способностяхъ дяди Мосея и Стожка у станичнаго круга не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Дѣйствительно, въ грязь лицомъ они не ударили. Вернувшись въ кратчайшій срокъ, послы явились къ атаману, потомъ прихватили дорогою дядю Демьяна и направились къ Лукину. Все это совершилось подъ покровомъ ночи, въ обстановкѣ абсолютной тайны.

Въ столовой казаки сначала чинно помолились, затѣмъ поздоровались съ хозяевами, затѣмъ гуськомъ прошли въ кабинетъ есаула. Стожокъ вытянулъ изъ-за пазухи приказъ о назначеніи и вручилъ его атаману. Тотъ кашлянулъ, погладилъ бороду, потомъ передалъ хозяину. Молодой четкій голосъ хозяина въ теченіе нѣсколькихъ минутъ держалъ комнату въ напряженіи. «...А посему приказываю есаулу Лукину вступить въ командованіе сотней станицы Привѣтной», — закончилъ онъ и вернулъ бумагу по принадлежности. Лица у всѣхъ повесѣли.

— Еще, Иванъ Петровичъ, — заговорилъ Стожокъ, — генералъ сообщилъ, будто Корниловъ идетъ съ Дона, чтобы, значитъ, поддерживались, не падали духомъ, помощь будетъ... Васъ бы слушали, — при этомъ докладчикъ началъ мять свою папаху, словно онъ хотѣлъ выжать изъ нея что-то въ дополненіе къ изложенному.

— До Дона далеко, а своя бѣда лѣзетъ черезъ плетень, — пропѣлъ Мосей.

— Именно? — насторожился Лукинъ.

— Ыдемъ мы, Иванъ Петровичъ, на станціяхъ, по всей линіи, делегаты отъ станицъ маются, у солдатскихъ эшелоновъ, что идутъ съ Кавказскаго фронта — оружію выпрашиваютъ, покупаютъ, на чихирь вымѣниваютъ... Просятъ солдатъ задержаться, отъ чеченцевъ сдѣлать заслонъ, а тѣ одно — нажигаютъ въ гармоніи, кричатъ: «Прощай, Кавказъ!» и дуютъ дальше. Смотришь, кому на счастье клонуло ружьишко, или пулеметъ волочатъ... Домой торопятся, землю дѣлать, да углублять революцію... И куда все ее углубляютъ? Какъ бы насквозь не продолбили, одна дырка останется, — вздохнулъ тяжело Мосей. — На станціи Лу-

ганной встрѣтили мы посланцевъ станицы Жуткой. Вотъ, послушайте, какъ нѣсколько дней тому поддержать ихъ бронdevикъ. Эшелоны онъ по чеченской землѣ конвоировалъ. Подошелъ, говорятъ, къ Жуткой, да назадъ, стало, возвращался. Кинулись къ нему станичники — оружіе Христомъ-Богомъ просить. «Житье», — говорятъ, — «наше и раньше было нестерпимое, а послѣ революціи совсѣмъ на жилочкѣ висимъ, того и гляди проглотятъ чеченцы. Станиченка, вы сами знаете, около желѣзной дороги чуть теплилась, тутъ же съ горы чеченскій аулъ Чичи-юртъ табуномъ распасся, весь, какъ на ладони. Однѣхъ мечетей торчитъ съ дюжину... Разобрала, что ли, жалость солдатъ, или другая болячка, только они, вдругъ, какъ махнули изъ пушекъ по аулу. Да какъ припустили огонь изъ пулеметовъ!.. Чечены посыпали... И откуда только ихъ нагнало?! Ыдутъ и ѣдутъ, и верхомъ и на арбахъ, и пѣшкомъ съ винтовками бѣжать, слѣва, справа, черезъ горы, сверху, какъ муравьи, всѣ Чичи-юрту на помощь. А пушечки огнемъ въ глаза, шырѣ да шырѣ! Накопилась ихъ туча черная и съ трехъ сторонъ двинулась на станицу. Смотримъ, говорятъ делегаты, а бронdevикъ-то полы подбираетъ; паровозъ какъ запыхтѣлъ, какъ дернетъ, и шапочку снялъ. Кинулись станичники къ поѣзду: «Что же вы, товарищи, надѣлали, да насъ бросаете?»...

— «А вы», — кричатъ изъ дырокъ, — «цѣпляйтесь на буфера, поѣдемъ въ Россію углублять»... — только ихъ и видѣли... Хлынула орда... Гдѣ тамъ удержать?! Станиченка съ росинку, а они прорвой такъ и прутъ... Что подѣлаешь?.. Побросали домашность. Семьи на подводы, а сами въ цѣпь, да, отстрѣливаясь, едва, едва вывели... Что хлѣба осталось на корню, сѣна, зерна всякаго, — страшно сказать. Разѣхались они теперь по другимъ станицамъ, а кто наугадъ горе мыкать... Вотъ и навалилось горе на нашъ край. На этихъ раштантовъ надѣяться нечего, шарлатанство, а не помощь, — закончилъ Мосей.

— Казаковъ толкаютъ на горцевъ, горцевъ на казаковъ, — заговорилъ Лукинъ. — Вчера сожженъ аулъ, сегодня уничтожена станица. Завтра мы вцѣпимся другъ другу въ горло. Атмосфера на Кавказѣ накаляется часъ отъ часу... Будемъ готовиться къ встрѣчѣ съ опасностью. Не застигли бы врасплѣхъ, а тамъ за себя постоимъ да еще сосѣдей поддержимъ, — говорилъ Лукинъ, провожая гостей.

— Завтра же соберемъ кругъ, вручимъ вамъ сотню и дѣлу конецъ, — поддержалъ атаманъ.

VIII

На слѣдующій день при выходѣ Лукина изъ правленія урядники бросились по своимъ взводамъ. Вахмистръ набралъ въ легкія воздуха, лихо бросилъ голову въ сторону начальника и зычно скомандовалъ. Его голосъ прокатился черезъ запруженную людьми площадь... Лукинъ скользнулъ глазами по окаменѣвшему фронту, выдержалъ паузу и поздоровался.

— Здра... жла... го-го-го — рывкнули залпомъ стройныя шеренги.

Еще мигъ, и сотня засверкала въ рукахъ есаула. «Немного закалки — отличный выйдетъ клинокъ», — думалъ Лукинъ, наблюдая за перестроениями...

Вѣтерокъ слегка пошевеливалъ длинными бородами вкрапленныхъ въ ряды молодежи стариковъ.

«Въ пятьдесятъ первомъ году

Набиралъ Шамиль орду»... —

высокимъ теноромъ затянулъ безусый паренекъ:

«Онъ набралъ милицію,

И сказалъ внезапный путь»... —

подхватили пѣсенники.

— Ловко ты, Ваня! — поздоровался станичный учитель: — на минуточку ко мнѣ — жена ждетъ, — пригласилъ онъ есаула.

— Самому удивительно, до того хорошо! Смотри, какъ шагаютъ! Сколько лихости! Бодрости... — говорилъ Лукинъ, шагая рядомъ съ другомъ дѣтства.

Едва педагогъ распахнулъ калиточку, какъ изъ кухоньки въ бѣломъ фартукѣ выскочила учительша.

— Не цѣлуйте! Не цѣлуйте! Здравойтесь по станичному, — отдернула она руку отъ губъ Лукина.

— Анета, накрой столъ, а я чихиря натяну!

— Котлеты готовы, — бросила хозяйка, отступая въ свое царство

Мужчины направились въ домикъ.

— Д-дя! Д-дя! — раздался оттуда дѣтскій крикъ.

Учитель взбѣжалъ по сходцамъ и, быстро миновавъ сѣни, распахнулъ дверь. Въ круглой просторной комнатѣ на нарахъ ползала дѣвочка, предусмотрительно прикрѣпленная шнуромъ къ вбитому въ стѣну гвоздю.

— Ужъ ты, моя англичаночка! — принялся отецъ пѣтствовать ребенка.

— Иди! Иди! — бросила учительша мужу.

— Сидите, сидите, — заволновалась она на движеніе гостя помочь.

— Скучаете, Анна Аркадьевна, въ нашей Тьмутаракани?

— Что вы, Иванъ Петровичъ?! Времени не хватаетъ! Купаю, стираю, шью, готовлю. Вечеромъ только въ книгу уткнешься... Крестниками обзавелась. Даже пѣсни пѣть научилась... Съ Дуней больше... Вотъ поетъ!.. Обработай — міровая пѣвица. Да какая?!.. При ея красотѣ — такой голосъ! Я въ нее влюблена! Какъ она пройдетъ да глянетъ... Откуда эта царственная манера?! Вѣдь, простая баба... Гдѣ она была и что видѣла? А, вотъ, пойдите... Съ нею гораздо лучше пою — сильнѣй и звонче...

Похвалы, расточаемыя Дунѣ, возбуждали Лукина. Онъ жадно хваталъ каждое слово о красавицѣ и совершенно не обратилъ вниманія на возвращеніе своего пріятеля съ графиномъ вина. Когда хозяйка заговорила о родителяхъ, единственно изъ-за которыхъ она хочетъ проѣхать въ городъ Благодатный, Лукинъ сдѣлалъ видъ, что понимаетъ и вполне сочувствуетъ ея желанію. Но повторить это онъ бы не смогъ, ибо все, не относящееся къ Дунѣ, скользило мимо него. Онъ, словно, былъ забронированъ этимъ народившимся чувствомъ...

Вопреки своей неприязни къ спиртному, Лукинъ пилъ охотно и много.

— ... довольно глотать Теречную муть съ головастиками, — продолжалъ длинную тираду хозяинъ.

«О чемъ онъ?» — подумалъ гость. «Да, да, объ артезіанскомъ колодцѣ, съ бассейномъ среди площади», — догадался есаулъ, неоднократно мечтавшій съ педагогомъ снабдить станицу хорошей питьевой водой.

«Гдѣ бы ее встрѣтить?» — разсуждалъ онъ, слушая хлѣбосольныхъ супруговъ.

— Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! — послѣ троекратнаго стука раздалось въ сѣняхъ.

— Аминь! — громко отозвалась учительница.

Лукинъ вздрогнулъ. Смутное предчувствіе заставило его насторожиться. Дверь открылась и, прижимаясь отъ яркаго свѣта лампы, вошелъ вахмистръ.

«Намъ каждый гость дается Богомъ,

Какой бы ни былъ онъ среды»... — запѣлъ учитель, протягивая Терцову стаканъ.

«Хотя бъ и въ рубищѣ убогомъ...

Алла верды, Алла верды...» — поддержалъ Лукинъ.

Казакъ духомъ выпилъ за здоровье хозяйки.

— У меня всѣ должностные, господинъ есаулъ, ждуть васъ и Дмитрія Фроловича съ супругой, — вытянувшись въ струнку, пригласилъ Терцовъ.

— Дуня у васъ? — спросила учительша. У Лукина застучало въ вискахъ.

— Вмѣстѣ съ мужемъ, — отвѣтилъ тотъ. Морщинка недовольства мелькнула на лбу есаула.

— Знатье, бабушку позвала бы съ Таней побыть, а теперь поздно... Вы-то идите, — обратилась она къ мужчинамъ.

— Ну, съ Богомъ! — поднялся хозяинъ.

Темная осенняя ночь встрѣтила ихъ за порогомъ. Въ лѣсу, нарушая таинственность тишины, завылъ волкъ. Тотчасъ, какъ по сигналу, съ противоположной стороны заплакалъ шакалъ, второй, третій... И, вотъ, десятки плакальчиковъ окружили станицу.

— Пора бы гаять... Чего атаманъ замѣшкался... Не собираетъ охотниковъ, — подавалъ голосъ впереди идущій Терцовъ.

— Вчера опять кобылицу ранили, — отозвался Лукинъ.

Подъ ногами у нихъ поминутно сопѣли промерзшія кочки.

— Нельзя ногой коснуться. Какая сердитая!.. — проговорилъ учитель. — Пѣсни-то у васъ, будто на свадьбѣ, — гудѣлъ онъ въ потемкахъ...

— Покорно прошу, — забѣжавъ впередъ, распахнулъ вахмистръ калитку.

Едва они шагнули въ переполненную людьми комнату, какъ мгновенно заиграла гармонія. Пировавшіе дружно ударили въ ладоши.

Скинувъ калошки, Лукинъ выскочилъ на середину, намѣреваясь пригласить хозяйку.

— Иди, Дуня, — шепнула Терцова, вмѣсто себя подталкивая сосѣдку.

Дуня сбросила ей большую пушистую шаль. Всѣ сразу впились въ ея стройный волнующій станъ.

«Видишь, я какая!» — сказали Лукину большіе черные глаза красавицы. Затѣмъ, поднявъ руки, она улыбулась своему кавалеру и легко поплыла по кругу. Лукинъ сразу переродился. То быстрыя, то плавныя движенія его стали изумительно изящны.

— Харцъ! Харцъ! Тохъ! Тохъ! — кричали бывшіе въ ладоши.

Взмахнувъ руками, Лукинъ сталъ на носки, мгновенно вонзившись взоромъ въ приближающуюся красавицу.

— Поцѣлавай его! — гаркнулъ учитель, но въ этотъ мигъ Дуня описала полукругъ и начала плавно удаляться въ противоположную сторону. Лукинъ речетомъ ринулся за нею.

— Ходу! Ходу!..

Послѣ Лукина, выскочилъ на середину педагогъ.

— Тири-да! А-та-а-та! Ти-ри-да!.. — пицала гармошка.

— Даду! Ладу!.. — оглушалъ взводный урядникъ Урчукинъ.

Наконецъ, обойдя всѣхъ, пляска кончилась. Тотчасъ среди комнаты появился столъ, заставленный яствами. Жареное мясо, свинина, янтарный сазанъ на сковородѣ, пироги съ мясомъ, капустой, курятиной, калиной стояли въ большихъ круглыхъ блюдахъ.

— За здоровье нашего командира! Ура!.. — провозгласилъ Терцовъ.

— Ура! Ура! Ура!.. — подхватили гости.

Зазвенѣли стаканы, рѣкой полилось вино...

Сидя рядомъ съ Дуней, Лукинъ хмѣлѣлъ отъ прикосновенія къ ея знойному тѣлу. Горячее дыханіе, улыбка красавицы, интимная близость съ нею будили бурю, дремавшую въ Лукинѣ. Въ немъ словно просыпался буйный богатырь. Было сладостно, жутко, хотѣлось продлить это пробужденіе...

— Васемжу-та за Фильку Малафеича просватали! — кому-то кричала черезъ столъ писарша.

— Наша сотня, да сосѣднихъ станицъ, да мы ихъ въ бараній рогъ! — громко говорилъ рябой Урчукинъ.

— Вижу, корова годъ яловая, другой; ну, ее, думаю; продалъ Петру, — донесся до Лукина голосъ дяди Потапа, сотеннаго артельщика.

— Иванъ Петровичъ, Гано подмачиваетъ чихиремъ дядю Никашку да еще кое-кого изъ выборныхъ, хочеть на лѣто заарендовать Атаманскую долину, — неожиданно заговорилъ сзади Лукина писарь.

— Какъ Атаманскую?! А скотъ аульный куда? Вотъ подлецъ! — очнулся есаулъ.

— «Ешаула», хвалится, «жа пояшь жаткуну, ежесть на торги жаявится»...

— Посмотримъ... Наскочить коса на камень... Завтра же нагоню на кустъ... То-то онъ лисой Патрикеевой по станицѣ!..

— Нѣтъ, не наскочить, — лукаво подмигнула Дуня.

— А если да? — при этомъ Лукинъ крѣпко стиснулъ ея руку.

Дуня отвѣтила на пожатіе. Плечи ихъ, слегка соприкоснувшись, обожгли другъ друга. Хмѣль ударилъ въ голову Лукина. Яркій румянецъ залилъ щеки Дуни.. Увлекаемые страстью, они, незамѣтно для постороннихъ глазъ, сѣли тѣснѣй.. Пѣсни, взгляды, слова — все пріобрѣтало для нихъ необычное значеніе..

Далеко за полночь вернулся Лукинъ домой.. Мечгая о Дунѣ, онъ легъ спать съ твердымъ рѣшеніемъ завтра же одернуть зарвавашагося арендатора..

(Продолженіе слѣдуетъ)

П. Ергушевъ.

ПИСЬМО СЪ КУБАНИ

«У насъ, на всей территоріи Сѣверо-Кавказскаго края сейчасъ происходитъ переустройство сельскаго хозяйства на социалистическій ладъ, то-есть, строятъ сплошной колхозъ. Въ связи съ этимъ ликвидируютъ кулачество, какъ классъ. Кого у насъ считаютъ кулакомъ, ты, навѣрное, знаешь, но все-таки и тебѣ немножко поясню: всѣ тѣ граждане, которые служили въ бѣлой арміи, называются кулаками; тѣ, кто сѣялъ раньше десятинъ 20-30 посѣва, тоже кулакъ.

Вотъ этихъ-то кулаковъ съ 5 февраля 1930 года начали выселять со всего Сѣвернаго Кавказа, а въ частности и изъ **.

Выселеніе началось такъ: 5 февраля ночью ГПУ произвело арестъ мужчинъ, отправило ихъ на станцію **.

Изъ ** отправили 55 человѣкъ, а потомъ начали отправлять семьи этихъ арестованныхъ. Тамъ ихъ грузили въ вагоны и увезли, пока незвѣстно куда. Прислали нѣкоторые письма съ дороги, но съ мѣста ихъ выгрузки пока нѣтъ писемъ ни отъ кого. Итакъ, гдѣ ихъ выгружаютъ, пока неизвѣстно.

По сегодняшній день уже выселено 40 семей только изъ одной **. Я тоже сидѣлъ подъ арестомъ, и во время моего заключенія семью мою выгнали изъ хаты; жили — на квартирѣ.

А сейчасъ изъ подъ стражи я освобожденъ и хату возвратили, но неизвѣстно, надолго ли. Слухъ есть, какъ будто еще будутъ выселять сто семей, такъ что я готовлюсь къ выселенію».

БИБЛЮГРАФІЯ

Condition des Russes en France et celle des étrangers en U. R. S. S., par M. Dimitri Petchorine, docteur en droit. Paris, 1929, Librairie du Recueil Sirey. 296 p.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ цѣнную книгу русскаго юриста, доктора правъ Парижскаго университета, Д. В. Печорина, по вопросамъ о правовомъ положеніи русскихъ эмигрантовъ и русскихъ «моральныхъ лицъ» во Франціи и о положеніи иностранцевъ, особенно французовъ, въ совѣтской Россіи.

Для насъ книга представляетъ тѣмъ большій интересъ, что, подчиняясь французскимъ законамъ, мы, въ огромномъ большинствѣ, не знаемъ, въ чемъ заключается различіе, и по общему духу и по частностямъ, между русскимъ и французскимъ правомъ, и постоянно рискуемъ оказаться, по неосвѣдомленности, въ весьма невыгодныхъ условіяхъ.

Съ другой стороны, появленіе книги нужно привѣтствовать и потому, что В. Д. Печоринъ подвергаетъ суровой критикѣ совѣтское законодательство, располагая богатымъ и цѣннымъ фактическимъ матеріаломъ. Особенно детально разбираетъ онъ условія, на какихъ совѣтское правительство предоставляетъ иностранцамъ концессіи.

Книга имѣетъ большой успѣхъ и у французовъ. Общая пресса не разъ отмѣчала ея достоинства. Совѣмъ недавно Г'Оевре указывалъ, что «юристамъ и судамъ часто приходится разрѣшать острые вопросы въ процессахъ между русскими эмигрантами или совѣтскими гражданами. До настоящаго времени не было ни одного труда, трактующаго эту проблему въ цѣломъ. Докторъ правъ Печоринъ заполнилъ этотъ пробѣлъ. Его трудъ имѣетъ первостепенное значеніе, не оставляетъ въ тѣни ничего и даетъ безпристрастный обзоръ юридическаго положенія русскихъ обществъ и частныхъ лицъ».

Спеціальная пресса удѣлила книгѣ особое вниманіе. Такъ, Revue de droit international privé подчеркиваетъ, что Д. В. Печоринъ посвятилъ интересную главу изученію правъ моральныхъ совѣтскихъ лицъ во Франціи, каковой вопросъ не изученъ еще французскими авторами.

Особый интересъ, по мнѣнію рецензента, представляетъ глава о правахъ иностранцевъ въ Россіи.

Авторъ пишетъ:

Analysant la législation soviétique concernant les étrangers, l'auteur donne une appréciation très exacte de cette législation, qui semble accorder beaucoup, mais, en réalité, ne garantit pas les droits les plus élémentaires. Son caractère provisoire et parfois rudimentaire, la large part d'arbitraire réservée aux autorités administratives, l'ignorance des règles du droit international privé ont été bien mis en lumière par M. Petchorine.

Journal du droit international (основанный въ 1874 году Е. Clunet констатируя, что на долю французской юриспруденціи выпало разрѣшать, вотъ уже десять лѣтъ, вопросы исключительной трудности, касающіеся положенія русскихъ эмигрантовъ и русскихъ обществъ во Франціи, въ лестныхъ выраженіяхъ отзывается о трудѣ Д. В. Печорина:

Son œuvre est remarquable et M. P. se plaît à le reconnaître, en exposant d'une façon claire, méthodique et pénétrante, l'ensemble des solutions auxquelles elle a abouti. Il n'en est pas de même de l'œuvre législative des Soviets, dont M. P., qui a le grand mérite de la bien connaître, montre les incertitudes, la confusion et l'arbitraire. On lira notamment avec le plus vif intérêt les pages excellentes consacrées au régime des concessions.

Книга издана безукоризненно. Предисловіе написано профессоромъ юридическаго факультета Парижскаго университета М. Gilbert Gidel.

К.

«Числа» номеръ 1, Парижъ 1930 г.

Вышла первая книга сборника «Числа», под редакціей И. В. де Манціарли и Н. А. Оцуа.

Изданы «Числа» прекрасно. Отличная бумага, хорошо выполненныя художественныя клише, превосходная печать.

Литературный матеріалъ «Чиселъ» чрезвычайно обширенъ. Въ него входятъ проза, стихи, статьи по философіи, живописи, музыкѣ, театру, кинематографіи и большой библиографическій отдѣлъ. Разобрать весь этотъ матеріалъ въ краткой замѣткѣ невозможно. Матеріалъ обширенъ, разнообразенъ, есть небольшіе срывы, объясняемые сложностью и новизной дѣла, но появленіе сборника своевременно и нужно. Въ редакціонной статьѣ «Числа» справедливо указываютъ на то, что 12 лѣтъ эмиграціи не могли пройти для насъ безслѣдно.

«За это время мы многое увидѣли на Западѣ, мы многое поняли и почувствовали его иначе, нежели наши предшественники»...

«Случается въ исторіи литературы, что какое-то міровоззрѣніе или что-то еще неуловимое, но уже чувствуемое — сближаетъ группу людей, объясняетъ имъ какъ-то иначе, нежели ихъ предшественникамъ, писательское призваніе, диктуетъ имъ еще смутную, но уже явно несродную со всѣмъ предыдущимъ, программу дѣятельности и даже заставляетъ придумать названіе той атмосферы, которую они одновременно ощущаютъ, какъ уже почти существующую, и создаютъ, какъ еще никогда не бывшую».

И, когда прочтешь редакціонную статью «Чиселъ» и имена ихъ сотрудниковъ, въ подавляющемъ большинствѣ, молодыхъ писателей и поэтовъ, то становится ясно, что именно этой-то молодежи сборникъ и предоставляетъ свои страницы...

Вѣдь, если люди пронесли черезъ борьбу, лишенія, нужду эмигрантской жизни, любовь и стремленіе къ литературѣ, желаніе работать въ ней, то, значитъ, что-то сильное и необъятное влечетъ ихъ къ искусству. Каждый знаетъ, какъ тяжелъ литературный путь для молодого, еще никому неизвѣстнаго писателя, а у насъ въ эмигрантской жизни въ особенности. Появленіе «Чиселъ» облегчаетъ этотъ путь. И если есть у молодыхъ писателей и поэтовъ искра таланта, то теперь имъ станетъ значительно легче выйти на трудную и прекрасную литературную дорогу.

Можно отъ души привѣтствовать появленіе «Чиселъ» и пожелать имъ успѣха.

Л. Часингъ

Ф. И. Елисѣевъ. Исторія Войскового гимна Кубанскаго Казачьяго Войска. Парижъ, 1930 г.

Авторъ простыми, понятными каждому казаку, словами, рассказываетъ о томъ, какъ во время Великой войны создавалась любимая кубанская пѣсня:

«Ты, Кубань, ты — наша Родина».

Составилъ ее священникъ 1 Кавказскаго полка К. Образцовъ въ тревожное боевое время, на турецкомъ фронтѣ.

Тяжело было казакамъ. Полкъ непрерывно передвигали съ мѣста на мѣсто. Выйдя изъ Баязетской долины, полкъ въ жестокіе холода избородилъ всю Алашкертскую долину, дважды прошелъ черезъ Чингильскій перевалъ; весной 1915 г. «рубя просѣки въ снѣжныхъ заносахъ, съ боемъ занялъ Топоризскій перевалъ» и, спустившись, дошелъ до г. Ванъ, центра Турецкой Арменіи, а развѣздами достигъ истоковъ Тигра.

Затѣмъ движеніе, въ составѣ 4 армейскаго корпуса, на склоны Большаго Арарата и томительное пребываніе на позиціяхъ Мелязгертъ-Каракилиса.

Безлюдная мѣстность.

«Снѣгъ, морозы. Надгробныя плиты турецкихъ могилъ использованы для нуждъ построеній. Фуражка нѣтъ. Люди едва несутъ необходимый полковой нарядъ» — вспоминаетъ авторъ.

А лѣто? Непрерывная боевая страда, рѣдкій отдыхъ «среды безконечныхъ голыхъ скалъ, выжженныхъ южнымъ солнцемъ» или «въ норахъ-землянкахъ курдинскихъ селеній».

И «глядя на курдинскій несчастный лавашъ, печеный запросто на первой попавшейся грязной жестянкѣ, глядя на ручную горе-мельницу изъ двухъ плоскихъ булыжниковъ времени «Каменнаго вѣка», видя кругомъ себя безконечную бѣдность, узость, дикость», казакъ сравнивалъ этотъ край съ «вольготно-богатой родиной — Кубанью».

Конечно, полковой священникъ знаетъ, какъ тоскуетъ казакъ, прислушивается къ казачьимъ разговорамъ и заунывнымъ пѣснямъ и записываетъ «Плачъ кубанскихъ казаковъ».

Ты, Кубань, Ты — наша Родина,

Вѣковой нашъ богатырь,

Многоводная, раздольная,

Разлилась Ты вдоль и вширь...

Изъ далекихъ странъ полуденныхъ

Изъ Турецкой стороны,

Бьемъ челомъ Тебѣ, родимая,

Твои вѣрные сыны!

Въ книгѣ — портретъ командира полковника Э. Мистулова, снимокъ группы казаковъ. На обложкѣ вариантъ Кубанскаго герба. Предисловіе написано Донскимъ Атаманомъ.

Казакъ.

Влад. Гушикъ. Христовы язычники. Таллинъ. 1929 г.

Внѣшне книга написана очень небрежно, но эту небрежность почти перестаешь замѣчать по мѣрѣ того, какъ вчитываешься въ сущность рассказовъ. Съ первыхъ же страницъ останавливаетъ вниманіе напряженность мучительной и острой любви къ родинѣ. Она проходитъ во всѣхъ рассказахъ, въ каждомъ описаніи природы, обычаевъ, людей и ихъ жизни. Что-то свѣтлое есть въ книгѣ Гушика. И, когда ее прочтешь, становится яснымъ то добро, въ лучшемъ значеніи этого слова, которымъ она пронизана. Добро живеть и въ пьяницѣ Петькѣ, и въ «зеленомъ» Ардальонѣ, и въ громилѣ Бондарѣ, не говоря ужъ о мальчикѣ изъ «Чайки» или старенькомъ священникѣ христіански-кроткомъ и христіански-безстрашномъ предъ лицомъ мученической смерти.

Большинство дѣйствующихъ лицъ въ рассказахъ Гушика страстно, безотчетно любятъ родную природу, родную землю. «При мысли, что завтра придется покинуть родное село, изъ глубины Васькиной души подымалась такая мучительная тоска, что, лежа въ травѣ, онъ стискивалъ кулаки. переворачивался на животъ и грызъ землю». («Село Жмы»).

«И воспоминанія о родинѣ нагоняли такую тоску, такъ захватили все его существо, что Никаноръ застоналъ, какъ раненый звѣрь»... («На озерѣ»).

Та же любовь и у Ардальона, и у Гаврилы Петровича, и у рыбака Сидора. Во всей ихъ жизни эта любовь проходитъ красной нитью. Въ рассказахъ изъ крестьянской жизни авторъ подчеркиваетъ ту удивительную силу христіанства и язычества, которая жила въ душѣ русскаго мужика. «Вѣрилъ во Христа, ублажалъ водяного, умѣлъ чураться отъ русалки, отъ нечистаго, отъ лѣсовика». Принесли дары идола Жма. праздновали ночь подъ Ивана Купала и истово молились Святителю Николѣ. Въ рассказѣ «На пасѣкѣ» старый Пахомъ долго поучаетъ десятилѣтняго мальчика, какъ надо вести себя съ домовымъ и какъ угождать ему, и наивно вѣрить, что «домовой отъ соизволенія Божія и ему Богомъ наказано блюсти въ человѣческомъ домѣ порядокъ». И эта увѣренность въ существованіи домового, лѣшихъ, русалокъ, ничуть не мѣшаетъ крестьянамъ въ книгѣ Гушика по церковному-строгу вѣрить въ Бога. Отсюда и названіе книги «Христовы язычники».

Л. Часингъ.

НА НИВѢ ПРОСВѢЩЕНІЯ

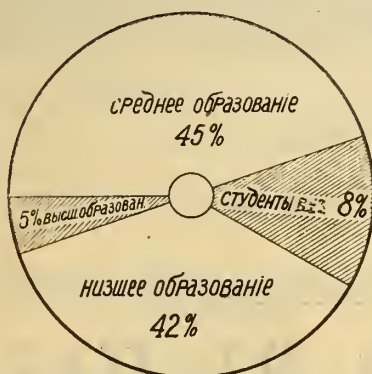
Многимъ русскимъ, въ особенности тѣмъ, кто за рубежомъ оказался вдали отъ культурныхъ центровъ, широкій и свободный доступъ къ общему и профессиональному образованию открываетъ Русская Политехническая Школа заочнаго преподаванія при North American Y. M. C. A., въ Парижѣ.

Основанная въ 1921 г., Школа въ своей дѣятельности руководствуется исключительно задачами гуманитарнаго характера и не преслѣдуетъ цѣлей извлеченія прибылей отъ учебнаго дѣла, но въ то же время не является и благотворительнымъ учрежденіемъ, и главная часть ея матеріальныхъ ресурсовъ должна состояться изъ поступлений отъ студентовъ платы, установленной за обучение

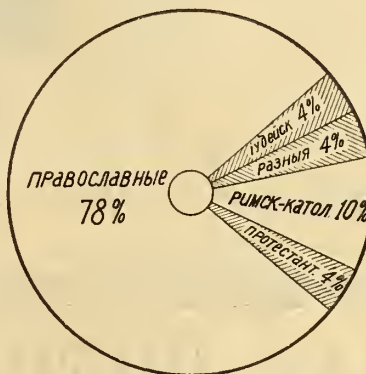
Учебныя программы Школы включаютъ въ себя свыше 200 курсовъ по самымъ разнообразнымъ общимъ и прикладнымъ знаніямъ, начиная



Русская Политехническая Школа
10, Boulevard Montparnasse, Paris.



Образовательный цензъ



Вѣроисповѣданіе

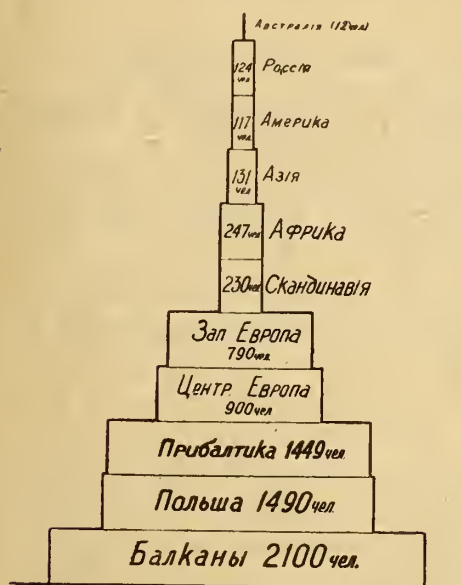
съ общеобразовательныхъ предметовъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ и кончая специальными курсами техническихъ, коммерческихъ и агрономическихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

Эта работа школы осуществляется специальными отдѣленіями школы (механическое, электротехническое, инженерно-строительное, химическое, коммерческое и агрономическое) и общеобразовательными (гимназія и реальное училище; иностранныхъ языковъ — англійскаго, французскаго и нѣмецкаго — и религіозно-философское).

Директоръ Школы — Павелъ Францевичъ Андерсонъ.

Значеніе школы для русской эмиграціи характеризуется уже тѣмъ, что со времени ея организаціи зачислилось студентами свыше 7.500 учащихся.

Практическая цѣнность



Распределеніе учащихся по странамъ

метода заочнаго преподаванія заключается въ томъ, что онъ позволяетъ совмѣстить ученіе съ работой, даетъ возможность приобрести нужные занятіямъ, связанныхъ съ заработкомъ. А знанія, въ особенности техническаго, прикладнаго характера — необходимы каждому для завоеванія прочныхъ жизненныхъ позицій, и кто не воору-



Возрастъ учащихся



Директор школы П. Ф. Андерсонъ

ныя ограничительныя условія пріема, — все это стоитъ почти непреодолимой преградой между школой и огромной массой лицъ, нуждающихся въ ея содѣйствіи.

На помощь тѣмъ, кто лишень возможности воспользоваться академическими учебными заведениями, приходитъ Школа заочнаго преподаванія. Она приходитъ на домъ къ учащемуся, гдѣ бы онъ ни находился — въ Европѣ, Азій, Африкѣ или въ странахъ Новаго Свѣта. Почта доставитъ учащемуся весь необходимый матеріалъ, заберетъ отъ него письменныя работы и затѣмъ возвратитъ ихъ вмѣстѣ съ поясненіями инструктора и отвѣтами на запросы.

По успѣшномъ окончаніи отдѣльнаго курса учащемуся выдается свидѣтельство, по окончаніи же систематическаго цикла — аттестатъ или дипломъ. Въ аттестатахъ или дипломахъ объ окончаніи цикловъ спе-

жень ими — обречень на неблагодарный черный грудъ и не располагаетъ шансами на улучшеніе своего положенія.

Обученіе въ университетахъ, институтахъ и школахъ академическаго типа доступно не многимъ. Школы этого типа обслуживаютъ, главнымъ образомъ, молодежь «учебнаго возраста», пользующуюся матеріальной поддержкой семьи, общества или государства, — для большинства же въ условіяхъ трудовой жизни, путь къ образованію закрытъ. Связанные съ обученіемъ въ академическихъ школахъ крупныя расходы, необходимость пребыванія въ мѣстѣ нахожденія школы, возможность посѣщенія ея только въ точно установленное для занятій время, наконецъ, различ-



Печатаніе лекцій

ціальныхъ отдѣленій указывается, какому профессиональному званію соотвѣтствуетъ полученная въ Школѣ учебная подготовка.

РУССКАЯ ОПЕРА ВЪ ПАРИЖѢ

Талантливый и опытный театральнй дѣятель князь А. Церетели начинаетъ въ Парижѣ въ серединѣ мая русскій оперный сезонъ.

Возобновляется «Князь Игорь». Намѣчена, впервые за границей, постановка «Руслана и Людмилы» съ Л. Я. Липковской.

Въ программу включены «Садко» Римскаго-Корсакова, «Сорочинская Ярмарка» Мусоргскаго, «Млада» опера-балетъ Римскаго-Корсакова и «Петрушка», балетъ Игоря Стравинскаго.

Дирижерами Новой Русской Частной Оперы приглашены Альбертъ Коутсъ, одинъ изъ создателей славы Маріинскаго театра, прекрасно принятый въ Европѣ и Америкѣ и дирижировавшій недавно съ изумительнымъ блескомъ въ Барселонѣ и Лондонѣ, — и М. Штейманъ, дирижеръ оперы и балета у С. П. Дягилева.

Режиссеры А. А. Санинъ и Н. Н. Евреиновъ.

Радуетъ публику участіе академика И. Я. Билибина въ художественныхъ работахъ.

Отвѣтственная административная часть возложена на В. де Базили, ближайшаго сотрудника князя Церетели.

Мы вѣримъ въ близкій расцвѣтъ Русской Частной Оперы въ Парижѣ и привѣтствуемъ участниковъ славнаго начинанія.

Дружно идутъ они къ намѣченной цѣли.

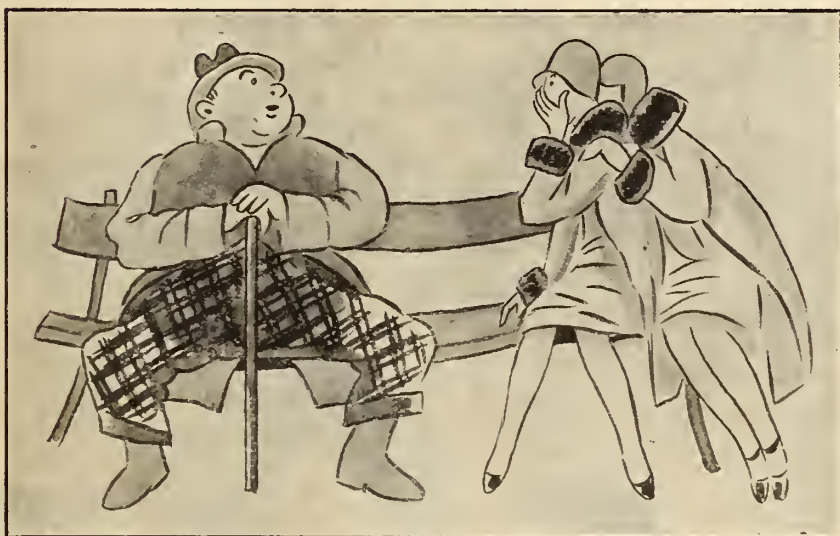
Ихъ девизъ — *viribus unitis*.

И Театръ Елисейскихъ Полей, гдѣ такъ блестяще отражалась русская художественная жизнь, несомнѣнно, снова привлечетъ въ роскошный залъ массы русскихъ и иностранцевъ, поклонниковъ нашихъ яркихъ талантовъ.

Въ парижскомъ скверѣ

Карриатура Л. Л. Масянова

РУССКІЯ БАРЫШНИ: Боже мой, какая туша! Вотъ сейчасъ сядетъ и лопнетъ!



ТОЛСТЯКЪ (оказался русскимъ): А вотъ, сълъ... и не лопнулъ!!!

НА ДОНУ

(ОТРЫВКИ ИЗЪ БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ «МИНУВШЕЕ ДОНА»)

... Въ тѣ времена вина въ станицѣ еще не было — виноградники только разводились. Любители выпивки группировались въ корчмѣ, содержавшейся предприимчивымъ «иностранцемъ» — Антропкой. У его прилавка вѣчно были посѣтители, и ловкій «русскій» (такъ въ станицѣ называли всѣхъ не-казаковъ, пришлыхъ изъ Россіи) до момента введенія на Дону винной монополіи заработалъ въ бѣдной станиченкѣ громадныя деньги. Онъ, какъ и всѣ корчмари, добавлялъ въ водку искусственный алкоголь, — больше всего, растертыя шишки «дурмана», пышно растущаго за базами. И дешево, и опьяняетъ.

Введеніе монополюшки было встрѣчено казаками не очень благосклонно. Первое, и самое главное, — оно лишило станицу большихъ доходовъ, поступавшихъ за «сдачу на откупы» корчмарямъ права торговли водкой. Кромѣ того, эта реформа являлась однимъ изъ похо-

довъ на вѣковые казачьи обычаи, на казачьи «привилегіи»...

Кабакъ находился на углу.

Вѣчно открытая дверь, толпы шумныхъ посѣтителей, крики, частенько — драки.

Иногда на выручку загулявшихъ мужей являлись къ Антропкѣ станичныя бабы. Эти визиты корчмарь долженъ былъ ненавидѣть всей душой: баба отнимала у него доходнаго посѣтителя и обрушивалась на Антропку съ бранью. Иногда дѣло доходило и до рукопашной. Но чаще одного зычнаго бабьяго голоса было достаточно, чтобы испортить Антропкѣ настроеніе...

Сидитъ однажды группа пріятелей у Антропки за небольшимъ деревяннымъ столикомъ. Передъ ними бутылка водки и передъ каждымъ довольно основательная рюмка или стаканчикъ, какъ нарочно, совершенно

непохожих другъ на друга. Эта особенность присуща и каждому казачьему куреню. Тамъ тоже нельзя найти двухъ совершенно одинаковыхъ рюмокъ или стаканчиковъ: если они одного размѣра, то обязательно разныхъ фасонѣвъ; если хозяйкѣ удалось подобрать фасонъ, не совпадаютъ размѣры. Такую же особенность можно было наблюдать и въ тарелкахъ, ножахъ, а значительно позже, когда въ станицу проникла вилка, — и въ вилкахъ.

Рѣдко, когда передъ Антропкиними гостями стоитъ украшенная яркими цвѣтами или изображеніемъ охоты на жирафовъ выщербленная тарелка съ нарѣзанными на ней солеными огурцами. Больше пили, не закусывая. Рюмка за рюмкой. Собесѣдники хмѣлѣютъ все больше и больше. Всѣ оживленно говорятъ, а слушателей нѣтъ. Сидящему въ углу за высокимъ прилавкомъ Антропкѣ такъ «очертѣла» эта картина, что онъ не только не слушаетъ разговора, а даже не замѣчаетъ посѣтителей, вокругъ которыхъ роятся злющія спасовскія мухи.

Вдругъ въ корчму какъ-то бочкомъ протискивается лохматая фигура только что проснушагося послѣ вчерашней попойки, здоровеннаго казака, «по уличному», Скобла. На душѣ у него гадко, гадко. Хочется послѣ вчерашняго выпить: внутри жжетъ. Пробовалъ было утолить жажду холодной колодезной водой, кислымъ квасомъ, огуречнымъ разсолонъ — ничто не помогаетъ.

«Эхъ, хорошо бы пропустить рюмашку», — съ этой мыслью Скобель взялъ шапку и поплелся къ Антропкѣ.

Зачѣмъ онъ пришелъ — онъ и самъ не зналъ: въ карманѣ ни гроша, а въ долгъ Антропка ему не дастъ: на прошлой недѣлѣ Скобель не заплатилъ за полуштофъ, объявивъ хозяину, чтобы тотъ ему «примѣлилъ» его на потолокъ за прилавкомъ (записи дѣлались мѣломъ для памяти).

И вотъ, теперь оба злы другъ на друга...

Скобель сѣлъ въ противоположный отъ компаніи уголокъ, стараясь не смотрѣть на ихъ столъ. Но его уже замѣтили.

— Ты што же, Петя, не выпьешь, — спрашиваетъ одинъ изъ гулякъ. — Бабу, што ли, боишься? Да што жъ ты за казакъ апосля етого, вотъ пришла бы моя Матрена, такъ я бы ее... — храбрится красивый брюнетъ...

— Ну, братъ Петя, иди, выпей!..

Скобель нехотя подходитъ къ столу, не то робко, не то лѣниво беретъ большую пузатую рюмку и, запрокинувъ голову, съ жадностью проглатываетъ водку.

Въ этотъ самый моментъ на порогѣ показывается красивая дебелая баба.

— А-а-а-а! Сидишь, проклятушшая пьяница! Собралась компанія! — баба устремляется къ столу.

Храбrivшійся брюнетъ дѣлаетъ на рождѣ слаславую мину, долженствующую означать улыбку и, ласковымъ шепотомъ адресуется къ женѣ:

— Да, нѣтъ, Мотюшка, идѣ ушь тутъ, пьянство! — зашли, вотъ, съ компаніей опохмѣлиться, да и все тутъ!..

— Все тутъ, все тутъ! — передразнила его баба. — Иди, чортовъ сынъ, домой. Ишь, бражничаютъ: люди въ полѣ работаютъ, а онъ день и ночь пьянствуетъ. Господи, за што Ты послалъ на мине это наказаніе!

Съ этими словами она энергичнымъ жестомъ вырываетъ у брюнета рюмку, и нѣсколькими пинками въ шею и въ спину выталкиваетъ мужа на улицу.

— Мотюшка, да, вѣдь, только опохмѣлиться! — слышится виноватый голосъ казака за дверью...

В. Добрынинъ.



A LA TOUR DE BABEL

316, rue Saint-Martin. Paris (3).

• •

Граммoфоны отъ 250 франковъ. Большой выборъ пластинокъ на французскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Jos. de Padova

Единственный агентъ.

Редакторъ-Издатель Е. Д. Коноваловъ.

Directeur E. D. Konovaloff

Gérant : Mr. W. Leral

Imprimerie de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves,
32, rue de Ménilmontant 32. Paris (20*).

Распространяйте нашъ журналъ



Institut de Beauté Phyllis Earle (London)

PARIS, 50, Av. TOKIO. Tél. Passy 26-23.

Окончившіе получают дипломы. Говорят на 5 языках. Русским льготныя условия. ПРОГРАММА: Новѣйшіе методы англо-американскаго массажа, лѣченіе электричествомъ дефектовъ лица, кожи, волосъ. Manucure. Pédicure. Окраска волосъ, примъ, театральныи и для жизни. Физическая культура. Цикль лекцій г.г. врачей по анатоміи. Физиолог. бол. кожи, электрич. эстетич. хирургія. Справки письменно лично отъ 2 до 5 ч. у Директриссы: **M-me Alex.**

Пріемъ кліентовъ по всѣмъ **SOINS MEDIC-ESTHETIQUES** у **Mme ALEX** вторн., четв., субб. 10-12 ч. и по соглашенію. Tél. Auteuil 91-50 122, Bd Murat, entrée 84 2^e ét. gauche

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Бессель и Ко

78, r. de Monceau (M-o Villiers)
Tél.: Laborde 02-13. Paris-8^e.

РУССКАЯ МУЗЫКА

Оперы, романсы, инструм. музыка
Каталоги высылаются бесплатно

Русскія ноты

*Musique
Russe*

23, rue de Liège, 23. Paris (8)

Изданія М. П. Бѣльева, Юргенсона и др.

Каталоги бесплатно

Tél.: Central 31-78

РУССКІЙ

Нотный магазинъ

**S. A. des Grandes
Editions Musicales**

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ
22, RUE D'ANJOU, PARIS (8).

Tél.: Anjou 09-26.

Требуите каталоги

ГРАММОФОНЫ и ПЛАСТИНКИ

Всѣ довоенныя и послѣднія новинки,
а также исключительное представительство по продажѣ репертуара

**ВЕРТИНСКАГО, МОРФЕССИ,
ПЛЕВИЦКОЙ и др.**

Главное депо русскихъ
и иностранныхъ пластинокъ.

SPEISER, 34, rue des Rosiers.

Métro: St-Paul. Tél.: Archives 74-49.

Открыто по воскресеньямъ.

Дѣловой Кабинетъ В. К. СТРУВЕ

Всѣ коммерческія и финансовыя порученія: продажа, покупка, аренда недвиж. и предприятий въ Парижѣ и провинціи. *Fonds de commerce*. Помѣщеніе капиталовъ *Суды*. Дѣла судебн., админ. Оформление актовъ. Процессы. Наслѣд. и бракоразв. дѣла. КОНСУЛЬТАЦІЯ по дѣламъ визъ, *permie de Trav.* и *cartes d'identité*. Пріемъ ежедневно 10-12 и 4ч. 30 м. вечера. Суббота и воскресенье только съ 4 до 6 ч. вечера 39, rue Monge, Paris (5). Cab. Paillard. Métro: Place Monge. Tél.: Odéon 02-16.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И. А. Кирилова

Дѣла судебныя, административныя и бракоразводныя. Договоры, уставы и регистрація коммерческихъ обществъ. Оформление документовъ. Сотрудничество французскихъ адвокатовъ.

46, rue de Provence, Paris (9).

около Rue Lafayette.

Métro: Chaussée d'Antin et Le Peletier. Tél.: Trud. 08-04.

2000 Русскихъ Пластинокъ

довоенн. и послѣднія новинки. Церковное пѣніе. Граммоф. отъ 159 фр.

КРЕДИТЪ. Фабрика и магазинъ:

«L'OTOPHONE», 40, rue Corbeau.

Métro: Belleville.

Русская Политехническая Школа

АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА
NORTH AMERICAN YMCA.

МЕТОДЪ ЗАОЧНАГО ПРЕПОДАВ.

Книги и печатныя лекціи
высылаются во всѣ страны

Отдѣленія:

1. ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЕ
2. ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ
3. МЕХАНИЧЕСКОЕ

Курсы на пом. инженеровъ, техникувъ, механиковъ, чертеж. конструкторовъ, монтеровъ, десятниковъ.

4. КОММЕРЧЕСКОЕ

Программа Коммерческаго Института, курсы на бухгалтера, коммерческаго корреспондента, кооперация, страховое дѣло, торговое представительство.

5. АГРОНОМИЧЕСКОЕ

Курсъ Сельско-Хозяйствен. Техникума

6. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ

Реальное училище и гимназія.

7. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Французск., Англійск., Нѣмецк., Латинск.
Требуите программы (бесплатно)

**Russian Correspondence School
of the North American Y.M.C.A.**

10, Bd Montparnasse, Paris 15^e
(France).

СПБ. Присяжный Повѣренный

Г. Е. Левинскій

Paris (9), 5, rue Boudreau.

Métro: Opéra. Tél.: Opéra 0-36.

Central: 94-37, 94-66.

Пріемъ: 10-12, 2-6 ч. Воскресенье 10-12
Гражданскія и уголовныя дѣла. Договоры. Организация обществъ. Бракоразводныя. Брачныя формальности. Дѣла за границей. Консультации.

ПЕЧАТАНІЕ НА РОТАТОРѢ
(Лекціи, журналы, рисунки и пр.)

*** ПЕРЕПИСКА ***

Бюро Іероглифъ

4, rue Armand Moisant, 4.

Métro: Maine. N.-S.: Falguière.

Вниманіе !

Если Вы можете
ПРЕДОСТАВИТЬ РАБОТУ

мужчинамъ и женщинамъ въ Парижѣ или провинціи, будьте любезны сообщить условія въ редакцію журнала. Вы можете помочь нуждающимся.

Если
ВЫ ИЩЕТЕ РАБОТУ,

не забудьте сообщить намъ письменно точныя свѣдѣнія и приложить марку на отвѣтъ. Указанія Вамъ дадутъ бесплатно

Для расширенія дѣла
ВАМЪ НУЖНЫ АГЕНТЫ?

Не откажите письменно освѣдомить насъ о Вашемъ предпріятии и условіяхъ работы.

Реклама — двигатель торговли

ОБЪЯВЛЕНІЯ

помѣщайте въ нашемъ журналѣ

J. Povolozky

EDITEUR-LIBRAIRE
13, RUE BONAPARTE
PARIS 6°. Tél.: Littré 42-01.

РОДОСЛОВНЫЕ КНИГИ И ГЕРБОВНИКИ. ИСТОРИИ ПОЛКОВЪ и т. п.:
Дурасовъ — «ГЕРБОВНИКЪ ВСЕРОССИЙСКАГО ДВОРЯНСТВА». 3 т.т. въ краскахъ.

Князь Голицынъ — «РОДОСЛОВНАЯ КНИГА ДВОРЯНЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ».

Графъ Милорадовичъ — «РОДОСЛОВНАЯ КНИГА ЧЕРНИГОВСКАГО ДВОРЯНСТВА». 3 т.т.

Н. Кашкинъ — «РОДОСЛОВНЫЕ РАЗВѢДКИ».

«РУССКАЯ РОДОСЛОВНАЯ КНИГА».
«ЛѢТОПИСЬ ИСТОРИИ РОДОСЛОВИИ ОБЩЕСТВА».

Петровъ — «ИСТОРИЯ РОДОВЪ РОССИЙСКАГО ДВОРЯНСТВА». Съ иллюстр.
В. Руммель и В. Голубцовъ — «РОДОСЛОВНЫЙ СБОРНИКЪ». 3 тома.
«СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХЪ ДОЛГОРУКОВЫХЪ».

«ОБЩИЙ ГЕРБОВНИКЪ ДВОРЯНСКИХЪ РОДОВЪ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ». 10 т.т. Тоже отдѣльн. тома безъ пер.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОДЕЖДЫ И ОРУЖИЯ РОССИЙСКИХЪ ВОЙСКЪ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ О РЕГАЛИЯХЪ И ЗНАКАХЪ ОТЛИЧІЯ РУССКОЙ АРМІИ». Сост. Висковатовымъ полный комплектъ въ тиснен переплетяхъ.

«ИСТОРИЯ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ФИНЛЯНДСКАГО ПОЛКА». 4 тома въ перепл.

«ИСТОРИЯ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ГРОДНЕНСКАГО ГУСАРСКАГО ПОЛКА». 3 т.т.

«АРМЕЙСКАЯ ПѢХОТА» и «АРМЕЙСКАЯ КАВАЛЕРІЯ». Детали формъ въ краскахъ.

«УЛАНЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Н. Люце.

«ЧЕРНОМОРСКІЕ КАЗАКИ». СПб. 1858.

«ЦАРСКАЯ И ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА НА РУСИ». 4 тома въ роск. перепл.

«КОСТЮМИРОВАННЫЙ БАЛЪ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ». Роскошн. изданіе въ перепл.

МНОГО ДРУГИХЪ ИЗДАНИЙ ПО ИСКУССТВУ. — КАТАЛОГИ И СПРАВКИ БЕЗПЛАТНО.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ AU VIEUX LIVRE

17, Rue de l'Odéon Paris-6
Tél.: Littré 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполненіе заказовъ на любое изданіе. Книги о казначествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ.

Русская школа живописи

11, RUE JULES CHAPLAIN (rue Bréa). Métro Vavin.

N.-S. Notre Dame des Champs

Курсы БОРИСА ГРИГОРЬЕВА — Н. Д. МИЛЛЮТИ — А. А. ЗИЛОТИ.

КНИЖНОЕ ДѢЛО

“РОДНИКЪ”

ВЪ ПАРИЖѢ

LIBRAIRIE « LA SOURCE »
106, rue de la Tour. Passy
Paris, (16).

Вышла въ свѣтъ

и разослана подписчикамъ новая книга генерала Н. Н. ГОЛОВИНА
Изъ исторіи кампаніи 1914-го года на русскомъ фронтѣ. Галиційская битва.

Первый періодъ

(до 1-го сентября новаго стиля)

Съ приложеніемъ картъ и схемъ на 16-ти отдѣльныхъ листахъ

Цѣна 125 фр.

ОРГАНЪ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗН. МЫСЛИ „Путь“

Подъ редакціей Н. А. Бердяева
6 номеровъ въ годъ

Подписная цѣна: долл. 2,25.

Допускается наложенный платежъ

Складъ изданій: YMCA-Press

10, Bd. Montparnasse, Paris 15°.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

YMCA—PRESS

10, Bd Montparnasse, Paris, 15°.

Религиозно-художественная литература

Философія. Житія Святыхъ и Исторія Православной Церкви. Вопросы жизни и религии. Богословіе. Богослуженіе. Книги для юношества. Физическое развитіе. Учебники. Техника. Сельское хозяйство.

Каталогъ издательства высылается бесплатно по первому требованію.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ
LIBRAIRIE «MOSKWA»

9, rue Dupuytren, Paris 6°.
Tél.: Littré 37-01.

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладьяжниковъ, Логосъ, Москва, Слово и Девріенъ изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданій). Библіотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно.

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗД-ВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Е. СІАЛЬСКОЙ

LIBRAIRIE

E. de SIALSKY

Всѣ новинки книжнаго рынка. Дѣтскія книги. — Каталоги бесплатно.

2, rue Pierre le Grand, Paris (8).

Tél.: Carnot 88-67.

Новая книга

П. Н. КРАСНОВЪ — ЛАРГО, романъ.

Аптека для русскихъ

PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE

H. FOUCHER

Pharmacien de 1^{re} classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AH,

Трамвай: 25, 26.

Grenelle.

M-o: Duplex, La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по русской фармакопее, русск. провизор. Всѣ французскія и иностранныя патент. средства. Общ. складъ парфюмеріи и патентованныхъ товаровъ

Цѣны ниже всѣхъ аптекъ

Tél.: Ségur 11-45.

Русская лѣчебница „ТЮРБИГО“

19, rue Turbigo. (Métro: Etienne-Marcel, Réaumur-Sébastopol).

ЛѢЧЕНИЕ ОТЪ ВСѢХЪ БОЛѢЗНЕЙ ПО НОВѢЙШИМЪ СПОСОБАМЪ

(внутреннія, венерическія, женскія, дѣтскія; ухо, носъ, горло, глаза)

ОПЕРАЦИИ, РАДИОТЕРАПІЯ, АНАЛИЗЫ, ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ.

Лѣченіе, пломбированіе удаленіе зубовъ безъ боли; коронки золотыя отъ 75 франковъ; зубы 20 фр.

Лѣченіе десенъ; гарантія, золото 22 кар.

Пріемъ ежедневно 9-12 и 3-9 ч. вечера. Воскресенія и праздники 9-3 ч. дня.

Новый Русский Медицинский Институтъ

Д-РА ДАНЕЛЯ, ПРИ УЧАСТИИ 5 ДОКТОРОВЪ-СПЕЦИАЛИСТОВЪ. ЛУЧШЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ ВЪ ПАРИЖѢ. НОВЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНИЯ. ЦѢНЫ НИЗКИЯ. X-ЛУЧИ. ДИАТЕРМИЯ. УЛЬТРА-ФИОЛЕТОВЫЕ ЛУЧИ. ТОКЪ ВЫСОКАГО НАПРЯЖЕНІЯ, ВСЕВОЗМОЖНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЭЛЕКТРИЗАЦІЯ. ВАКЦИНЫ, СЕРУМЪ, АНАЛИЗЪ КРОВИ. МОЧЕПОЛОВЫЕ ПУТИ: ГОНОРРЕЯ, ВОСПАЛЕНИЕ ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗЫ, БЕЗСИЛИЕ, ОНАНИЗМЪ. ЖЕНСКІЯ БОЛѢЗНИ: МЕТРИТЪ. САЛПЕНЖИТЬ. ФИБРОМЪ. БОЛѢЗНИ КОЖИ И КРОВИ: СИФИЛИСЪ. ЭКЗЕМА. ГИСОРИАЗИСЪ (НОВЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ МЕТОДЪ ЛѢЧЕНІЯ X-ЛУЧАМИ). БОЛѢЗНИ ЛЕГКИХЪ И ТУБЕРКУЛЕЗЪ. БОЛѢЗНИ ЖЕЛУДКА И КИШЕКЪ, НОСА, УХА, ГОРЛА. ЛѢЧЕНИЕ У БОЛЬНИЧНЫХЪ ВРАЧЕЙ. РАДИОСКОПИЯ — 50 ФР. РАДИО-ФОТОГРАФИЯ — 100 ФР. ЦѢНЫ ПРОПАГАНДНЫЯ. ПРИЕМЪ СЪ 9 ЧАСОВЪ УТРА ДО 9 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА. ВОСКРЕСЕНІЕ СЪ 9 — 12. ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ. НОВѢЙШІЕ СПОСОБЫ ЛѢЧЕНІЯ ПОСРЕДСТВОМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА И УЛЬТРА-ФИОЛЕТОВЫХЪ ЛУЧЕЙ. СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: ВСТАВЛЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ ЗУБОВЪ БЕЗЪ НЕБА И БЕЗЪ КРЮЧКОВЪ, ИСПРАВЛЕНІЕ КРИВОРАСТУЩИХЪ ЗУБОВЪ. ПРОТЕЗЫ НОСА И УШЕЙ, ИСПРАВЛЕНІЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХЪ ДЕФЕКТОВЪ ЗУБОВЪ И ЧЕЛЮСТЕЙ. УНИЧТОЖЕНІЕ ДУРНОГО ЗАПАХА. ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ. ПРИЕМЪ 10-12 и 4-9 Ч.

52, RUE DE BONDY. Métro : République, Lancry.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ
Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,
Pharmacien de 1^{re} classe
63, Bd de Grenelle.
Tram. 25, Aut. AN, AQ.
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовление рецептовъ г.г. русскихъ врачей. Всѣ русскіе препараты. Патентованные средства. Парфюмерія. Косметика. ЦѢНЫ минимальныя. Исполненіе заказовъ въ провинцію и за границу, и по телефону въ Парижѣ: Сегюръ 18-51
Tél.: Ségur 18-51.



АМБУЛАТОРІЯ
магистра ветеринарныхъ наукъ и профессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворнаго ветеринар. врача.
Приемъ больныхъ животныхъ 10-12, 2-6 ч.
Воскресенье 1-4 ч.

20, rue Scheffer
Métro: Passy, Trocadéro, Pompe
Tél.: Passy 81-11.
СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ
ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

В с я к і й м о ж е т ь

ОМОЛОДИТЬ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ И УМСТВЕННО. СНОВА СТАТЬ ЗДОРОВЫМЪ, СИЛЬНЫМЪ, ТРУДОСПОСОБНЫМЪ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫМЪ и ПРОДУКТИВНО ДОЛГОЛѢТНЫМЪ, кто очиститъ свой организмъ отъ ядовъ нарушеннаго обмена веществъ (мочевина, мочева кислота, ураты и др.), или посредствомъ постоянной фруктово-овощной діеты по методу Физиса, или кратковременными курсами по способу Броуна-Секара при помощи энергетворнаго омолодителя и очистителя КАЛЕФЛЮИДА Д. КАЛЕНИЧЕНКО, безъ измѣненія своихъ привычекъ.

Калефлюидъ необходимъ всѣмъ ослабленнымъ болѣзнями, дурнымъ питаніемъ или пищевареніемъ, переутомленнымъ, подавленнымъ тяжкими воспоминаніями и пр.

Цѣлебное свойство Калефлюида удостоверяемо врачами на миллионѣхъ больныхъ за 28-лѣтнее существованіе лабораторіи Д. Калениченко, какъ напримѣръ: проф. ШЕКИНЪ, пишетъ: «У меня были запоры по 4, 5 дней. Никакія медицинскія средства мнѣ не помогали. Послѣ Калефлюида мой желудокъ урегулировался и за три недѣли я помолодѣлъ на 20 лѣтъ, вѣсъ тѣла увеличился на 8 фунт.». Д-ръ РІАРДЪ ГУСЕЙНЪ, КАИРЪ: «Калефлюидъ, драгоцѣнный медикаментъ для лѣченія артритическихъ болѣзней, для восстановленія здоровья, нервовъ и

нормальнаго кровообращенія, нарушеннаго мочевою кислотой».

БОЛЬНЫЕ ПИШУТЪ:

Г-жа М. БРАКЕ, Рошъ Тайе, Франція. «Я болѣла 15 лѣтъ нервной болѣзью и особенно во время менструаций, теряла сознание, становилась почти сумасшедшей и полагала, что настала мой конецъ. Я примѣняла всевозможныя лѣченія безрезультатно. Теперь я помолодѣла, стала неузнаваемой, окрѣпла, благодаря чудесному Калефлюиду».

ДРАГОЛЮБЪ СИМИЧЪ, Сопотъ, Сербія: «Два года я страдала въ больницахъ на курортахъ, примѣнялъ много лѣкарствъ — все безрезультатно. Лѣченіе Калефлюидомъ дало мнѣ полное облегченіе».

Г-жа ШИПОННИКОВА, Ліонъ, 7, ул. Пьеръ Верже: «Я страдала головной болью почти ежедневно. Послѣ 4 недѣль лѣченія Калефлюидомъ мои боли почти исчезли. Я приняла 2 с половиною флакона и сейчасъ совершенно не страдаю, моя мигрень исчезла, какъ по волшебству».

А. ГРОЦКИЙ, 88, ул. де Брин, Муавр-Грандъ (Мозель). «Я былъ боленъ легкими два года и харкалъ кровью. Послѣ лѣченія чудеснымъ Калефлюидомъ, я вновь сталъ сильнымъ, кровохарканіе прекратилось и я работаю на шахтахъ къ удивленію моихъ товарищей».

І. РЕЙДИХЪ, 7, ул. Кюръ, Ноей-ле-

Минъ (П. Д. Ц.): «18 лѣтъ я страдалъ желудкомъ. Послѣ одной бутылки Калефлюида, боли прекратились и желудокъ дѣйствуетъ нормально».

НИЗЕЛЬСКОВЪ, Госпиталь Божонъ, Парижъ: «Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ я принимаю Калефлюидъ, но я считаю себя уже воскресшимъ изъ мертвыхъ. У меня исчезла рвота, которая мучила меня два года; боль въ костяхъ стала быстро исчезать, и я сплю, не просыпаясь».

ОТТО, Домѣнь де Сэда, Джедейда, Тунисъ: «Послѣ трехъ флаконовъ Калефлюида я совершенно поправился. Болѣзни мои были: расширение сердца, нервность, летучій ревматизмъ, подавленное настроеніе и постоянная усталость. Теперь я чувствую себя совершенно здоровымъ».

КАЛЕФЛЮИДЪ награжденъ на выставкахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Флоренціи и Римѣ, 5 гранъ-при и 5 большими золотыми медалями.

Безплатно франко высылается объяснительная литература о причинахъ и лѣченіи болѣзней.

КАЛЕФЛЮИДЪ находятъ въ аптекахъ, гдѣ нѣтъ — высылаются наложеннымъ платежомъ.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСУЙТЕ:

Société Kalefluide
D. KALENITCHENKO,
5, Cité Pigalle, Paris (9).

Милліонъ франковъ

МОЖЕТЕ ВЫИГРАТЬ: НЕ УПУСКАЙТЕ БЛИЖАЙШАГО РОЗЫГРЫША. МОЖЕТЪ БЫТЬ, ВЪ ЭТОМЪ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВАШЕ СЧАСТЬЕ.

Подписывайтесь **ТЕПЕРЬ ЖЕ** на покупку выигрышныхъ гарантированныхъ цѣнныхъ билетовъ, представляющихъ настоящій денежный знакъ, дающихъ 5% дохода и **МНОГО ШАНСОВЪ НА ВЫИГРЫШИ.** Можете участвовать въ розыгрышахъ **КАЖДЫЙ МѢСЯЦЪ**, съ полными правами на выигрыши: **ОДИНЪ МИЛЛІОНЪ; 500 ТЫСЯЧЪ, 200 ТЫСЯЧЪ, 100 ТЫСЯЧЪ, 50 ТЫСЯЧЪ, 10 ТЫСЯЧЪ, 5 ТЫСЯЧЪ — ВЪ КАЖДОМЪ РОЗЫГРЫШѢ.**

Вносите или посылайте почтой по 25 франковъ ежемѣсячно и Вы будете участвовать въ розыгрышахъ въ **САМОМЪ БЛИЖАЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ**, съ полными правами на выигрыши. **ЭТО ВѢРНЫЙ ПУТЬ СБЕРЕЖЕНІЙ И ПОЛНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЕЗПЕЧИТЬ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ**

Пишите по-русски и обращайтесь лично по адресу:

BANQUE FRANÇAISE DE CREDIT, SERVICE RUSSE. 31, RUE SAINT GEORGES, 31. PARIS 9.

Нашъ банкъ французскій, существуетъ 40 лѣтъ и хорошо зарекомендованъ.



TORPÉDO

**la machine sérieuse
portative et de bureau**

**PAYABLE AU COMPTANT
ET PAR MENSUALITÉS**

HAÏK-TYPEWRITER

142, Rue Montmartre. PARIS

Переводъ денегъ въ Россію

COMITÉ RUSSE DE SECOURS

33, rue de Prony, Paris-17^e

Métro: Monceau ou Malesherbes.

Tramways: No. 5, 30, 31.

Часы приема ежедневно (не исключая и субботы) 3-7 ч. (кроме воскр. и прѣздн.)



EPARGNE-OBLIGATION

Взаимно-Сберегательное 0-во

Частное предприятие, состоящее подъ контролемъ государства. **14, rue de Strasbourg, Paris-X^e.**

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ПАИ ОБЩЕСТВА Epargne-Obligation въ 500 или 5.000 франковъ

УПЛАЧИВАЕМЫЕ:

Наличными 500 фр., или ежемѣсячными взносами отъ 10 фр.
безъ повышенія цѣны.

Наличными 5.000 фр., или ежемѣсячными взносами отъ 50 фр.
безъ повышенія цѣны.

Подписанныя суммы употребляются на приобретение цѣнныхъ бумагъ, гарантированныхъ государствомъ, какъ-то: выигрышныхъ облигацій

Crédit National, Ville de Paris, Crédit Foncier, etc.

Р. S. НАПОМИНАЕМЪ, ЧТО:

ОБЛИГАЦИИ

Crédit National

1919, 1920 и 1921 г.г.

даютъ ежегодно:

въ 16-ти тиражахъ:

12	выигрышей по 1000000	2	выигрыша по 1000000
12	» » 500000	7	» » 200000
16	» » 200000	3	» » 150000
68	» » 100000	14	выигрышей по 100000
112	» » 50000	26	» » 50000
96	» » 10000	1	» » 12500
96	» » 5000	66	» » 10000
6960	» » 1000	56	» » 5000

Пайщику извѣстны съ мо-2570

мента подписки номера об-420

лигацій, составляющихъ Бумаги депонируются въ

фонды сберегательн. серій. **Banque de France**

ОБЛИГАЦИИ

Ville de Paris

1912, 1919 и 1921 г.г.

даютъ ежегодно:

въ 22 тиражахъ:

СКОПИРОВАТЬ И ПОСЛАТЬ

Epargne Obligation (Serv. K.)

14, rue de Strasbourg, Paris (10).

Я, нижеподписавшійся, подписываюсь, ознакомившись съ Уставами Общества, на Пай въ фр. Epargne-Obligation выплачиваемый въ ежемѣсячныхъ взносовъ по фр.

Одновременно съ настоящимъ высылаю свой первый взносъ почтовымъ переводомъ.

Адресъ

.....

Дата

Подпись:

КАЛИНА

ПОРТНОЙ



КАЛИНА

ПОРТНОЙ

44, Avenue des Champs-Élysées - PARIS (VIII^e)

Téléph. : ÉLYSÉES 42-40

Téléph. : ÉLYSÉES 42-40

**Имѣть постоянно
большой выборъ
лучшихъ первоклассныхъ
англійскихъ матеріаловъ
для всѣхъ сезоновъ**

LA NOUVELLE

REMINGTON PORTATIVE

EST LA MACHINE QUI CONVIENT
**EN VOYAGE
AU BUREAU
CHEZ VOUS**

REMINGTON

PAYABLE
87 Fr. 50.
PAR MOIS

S.



VEUILLEZ ME FAIRE PARVENIR VOTRE CATALOGUE ET VOS
CONDITIONS DE VENTE, SANS ENGAGEMENT DE MA PART

NOM

ADRESSE

A ENVOYER SOUS ENVELOPPE NON CACHETÉE ET AFFRANCHIE A:

REMINGTON TYPEWRITER C° (S. A.) - 12, RUE EDOUARD-VII - PARIS (IX^e)

Produits de Beauté „MACO“

Золотая медаль на выставкѣ 1928 г.
278, Bd Raspail. Tél. Danton 73-99.
Молочный кремъ. Кремъ отъ морщинъ.
Пудра и другая косметика.
En vrac et conditionnée.
Русскимъ уступка.
Бесплатные совѣты по уходу за кожей.

Пейте русскій чай
Вас. ВЫСОЦКАГО
и кушайте шпроты и кильки
ЗЕРЕНСЕНА
Оптов. скл. всѣхъ русск. продукт. у
Як. Мих. ГЕРВИ
Генеральный представитель:
J. GUERVIT
24, rue Albouy, Paris-10°.

Ресторанъ „ДЖИГИТЬ“

19, Boul. Edgar Quinet-14°. (Montparnasse)

ЗАВТРАКИ и ОБѢДЫ

Цѣны общедоступныя

Цѣны общедоступныя

ЕЖЕДНЕВНО ИГРАЕТЪ ОРКЕСТРЪ БАЛАЛАЕЧНИКОВЪ.

РУССКОЕ БИСТРО и ВИННО-ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

ВСТРѢЧА ДРУЗЕЙ

Борщъ. Пирожки. Горячія и холодныя закуски круглый день.
Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

При русскомъ бистро открытъ большой ресторанъ

105 bis, Bd de Grenelle, Paris Владѣлецъ П. П. ПОТЕМИНЪ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЗАЧИЙ ЖУРНАЛЪ

РОДИМЫЙ КРАЙ

Подписная плата:

на годъ — 30 франковъ; на 6 мѣсяцевъ — 15 франковъ.

Контора: Union des Cosaques, 1, villa Chauvelot, Bd Chauvelot, Paris (15°).

М. М. ЧЕРНЫЙ ПОДЪ ФИРМОЙ „MICHEL“

28 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первокласныхъ портныхъ

10, rue Caffarelli (derrière la Mairie du 3-e). Métro: République et Temple. Téléphone: Archives 36-06.

Громадный выборъ МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. Цѣны внѣ конкуренціи. Собственная мастерская для передѣлокъ

З. Пинчевскій

3, rue Perrée, Paris (3). Métro: Temple et République. Téléph.: Archives 77-97

Крымскій Домикъ

Ресторанъ на Монпарнасѣ.
131, Bd RASPAIL
(entrée, 10, rue S-te Beuve).
Prix fixe et à la carte.
Чебуреки и шашлыки.

Кондитерская Г. СЕРДЕЧНАГО



64, rue de Longchamp.
Tél.: Passy 82-08

Къ праздникамъ большій выборъ всевозможныхъ печеній, тортовъ, конфетъ и пр. Коробки и шкатулки въ русск. ст. Лучшие въ Парижѣ куличи и пасхи. Яйца для подарковъ въ русскомъ стилѣ.

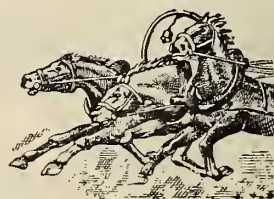
Ресторанъ „ВОЛГА“

10, rue des Cordelières (Bd Arago).
Paris (13). Tram.: 82, 83, 84, 85, 91, 93.
Aut.: Н. У. Métro: Gobelins et Glacière.

Музыкальная программа.

Дирекція Ф. И. ЕЛИСБЕВА.

Оптов. - Розничн. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ
28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13). M-o : Italie. Tél.: Gob. 23-08



Рус. водка, запек., спотык., вишневка, рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ. Тарань. Вобла. Хрѣнъ. Чай. Требуйте каталогъ. Отправка въ провинц. и загр.

Портной Ф. И. Агѣевъ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

английскихъ и французскихъ матерій
19, rue Tiphaine, Paris (15)
Métro: La Motte-Picquet.

Русскій мужской и дамскій портной

Е. Готардь | Открытъ новыя МАГАЗИНЪ

CHAPELIER CHEMISIER
249-251, r. Lecourbe, Paris-15°.
уголь rue de la Convention.
Tél.: Vaugirard 51-58

Большой выборъ английскихъ и другихъ матеріаловъ,
бѣлья, шляпъ, галстуковъ и проч.

ОТДѢЛЕНИЕ: 1, AV. EMILE ZOLA, METRO : JAVEL. Tél.: Vaugirard 33-57.

Брокаръ Parfumerie

8, RUE CARDINAL MERCIER, PARIS

ВЕЗДѢ ВЪ ПРОДАЖѢ ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ И LOTION «POLONAISE». Tél.: Louvre 52-14.

«ИГРА», комедія И. Сургучева. 1-ый актъ. ДИРЕКТОРЪ: — Артистка Blanche... Духи Герленъ,
пудра Герленъ, одеколонъ Брокаръ, губная помада Ригъ...



РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A l'Esturgeon

Подъ личнымъ наблюдениемъ владѣльца б. придворнаго шефа **Ө. Д. КОРНИЛОВА**
3, rue Clauzel (уголъ rue des Martyrs). Nord-Sud: St-Georges. Tél.: Trud. 08-46.

Лучше
въ
Парижѣ

КУЛИЧИ-ПАСХИ

МАЗУРКИ - ТОРТА

и всѣ русскія кондитерскія издѣлія.

Въ Варшавской Кондитерской

113, rue de Javel. Paris (15).

М-ро: Beaugrenelle. Tél.: Vaug. 11-30.

Цѣны общедоступныя.

Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, rue Broca. Paris-5°.

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умеренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону: Gobelins 24-24

РУССКІЙ
ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

„MARO“

Всѣ русскіе и французскіе
продукты

20, rue de la TOUR
Paris (16). Métro: Passy.

Ресторанъ „Самаркандъ“

9, RUE RENNEQUIN (М-ро : Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 7,50. Завтраки, обѣды и **A LA CARTE**

ВЕЧЕРОМЪ — АРТИСТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана.

Открыто до 2-хъ час. ночи

Ресторанъ „ЧАЙКА“

Paris XY. 2, Rue Laure Surville. Métro: Javel.

Цѣны умеренныя. — По четвергамъ пельмени.

Въ субботу и воскресенье блины. — Осетрина.

Кухня изысканная, подъ наблюдениемъ шефа **В. С. КАЛИНОВСКАГО**.



Sté „ASTRA“

Кн. Циціановъ и К°

Несравненные по качеству и вкусу ВОДКИ, ЛИКЕРЫ
Особо рекомендуется *экстра монополь тройной очистки*.

Заводъ: 38, Butte de la Loire, (Halle aux Vins).

Paris-5°. Tél.: Odéon 47-86.

Отправка въ провинцію и за границу

Кафэ-Ресторанъ

ЗНАМЕНИТЫЙ БАЛАЛАЕЧНЫЙ ОРКЕСТРЪ

Черноярова

играетъ ежедневно во время чаевъ отъ 4 до 7 час. и во
весь вечеръ

Le Roucho

МОНПАРНАССЪ
18, RUE D'ODESSA.

CONSOMMATION отъ 5 франковъ

Первоклассная кухня. — Открыто до 2-хъ час. ночи.

Директоръ **К. КОНСТАНТИНОВЪ**

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroën.
32-34, rue Marbeuf (Champs-Élysées), Tél.: Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Élysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poids-lourd. Cours de mécanique.
Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего гаража, в Булонском лесу и в городе от 8 час. утра до 9 час. вечера на машинах последних моделей, с правым и левым управлением. Приходите осмотреть наш гараж в 10 этажей, на 1500 машин, самый большой в Париже, в районе Champs-Élysées и нашу школу, оборудованную по последнему слову автомот. техники

Какъ

ДОСТИГНУТЬ ПОКОЯ?

Чтобы русская колония перестала тратить напрасно деньги, что для этого нужно? Обратиться немедленно к Mr Schnayder'у, он Вам укажет, каким образом Вы можете и должны приобрести в одном из 20 направлений от Парижа (или у пляжа) участок земли и немедленно построить виллу по Вашему вкусу и средствам.

Эта операция ни в коем случае не разстроит даже Ваш самый маленький бюджет, а, наоборот, Вы убедитесь, как непроизводительно расходуете на квартиру или на летний отдых.

Обезпечьте себя и Ваших близких покоем.

Запросите письменно или зайдите (ежедн. до 10 час. утра и 6-8 час. веч.).

Mr SCHNAYDER,

117, rue du Temple.

Archives 79-29.

Авто-Perfection-Школа

Обучает на машин. послѣдн. моделей
Citroën C4, Renault, Peugeot

LEÇONS D'AUTO

Картъ-розъ съ гарантіей
Курсъ такси и механики

Tél.: Auteuil 44-11.
Métro: Eglise d'Auteuil

4, rue Désaugiers, Paris-16.

Открытъ отъ 8 — 20 час.
ДИРЕКТОРЪ В. А. ЮРКОВСКИЙ

Vous trouverez

tous les disques
de toutes les marques
et les derniers succès



PARIS SONOR

PHONOGRAPHE AMPLIFICATEUR

SALONS D'AUDITION:

12, ROND-POINT DES CHAMPS-ÉLYSÉES, PARIS

TÉLÉPHONE: ÉLYSÉES 53-33

Залы для демонстрації граммофоновъ

Banque Industrielle du Centre

85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél. Louvre 09-11. Centr. 35-67.

ТЕКУЩИЕ СЧЕТА И ВКЛАДЫ, БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦИИ

СЪ ОГРАНИЧЕННЫМЪ РИСКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ И ДР. СТРАНЫ

въ кратчайшій срокъ съ предст. обратн. расписокъ. — ПОКУПКА РУССКИХЪ
БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акции), и страхов. полисовъ.
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Франц. Правительств.
ВЫИГРЫШНЫЕ (съ процентами) БИЛЕТЫ на специальныхъ условіяхъ.

ВЫИГРЫШИ ПО 1.000.000 ФРАНК. ЕЖЕМЪСЯЧНО.

Цѣна билетовъ отъ 60 до 600 фр. съ полученіемъ ссуды до 80 проц. стоимости
Тодробные проспекты и свѣдѣнія объ операціяхъ на Парижской Биржѣ высылаются
по первому требованію; корresp. по-русски.

Май 1930

Mai, 1930.

Цѣна номера 5 фр. во Франци.

Prix du Numéro : 5 francs en France.

№ 4

РОССІЯ

№ 4

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 1, rue Bougainville, 1.

PARIS (7).



Татяна

Henri Royer. Le Salon 1930. «Tatiana».

Т H O = L E = N I

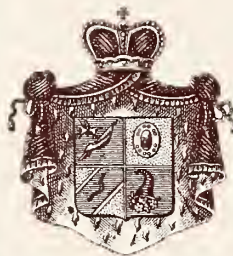
Кондитерская

Гастрономический Магазинъ

129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

Фирма существ. 10 лѣтъ

А. КАПРЕЛИАНЪ.



S-té ASTRA

Кн. Циціановъ и Ко

Особо рекомендуется экстра монополь тройной очистки.
Несравненные по качеству и вкусу ВОДКИ, ЛИКЕРЫ.
Заводъ: 38, BUTTE DE LA LOIRE, (Halle aux Vins).
PARIS (5). Tél.: Odéon 47-86.
Отправка въ провинцію и за-границу.

Ресторанъ „ДЖИГИТЪ“

19, Bd EDGAR QUINET, PARIS, (14), (Montparnasse).

ЗАВТРАКИ изъ 3-хъ блюдъ отъ 5,50, ОБЪДЫ отъ 7.50.

Съ 8 час. вечера цыганскіе романсы и русскія частушки въ исполненіи:
Б. ЗИМБОРСКОЙ и Е. СЕМЕНОВОЙ.

Скрипачъ КОСТЯ БАЛЬЖАКЪ.

У рояля г. ФИСТУЛАРИ.



МЕДВѢДЬ

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV).

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЬ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВИНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪЕДОВЪ, — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

У рояля проф. А. А. СТРАХОВЪ

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A L'ESTURGEON

Подъ личнымъ наблюденіемъ владѣльца, б. придворнаго шефа
Ө. Д. КОРНИЛОВА

3, rue Clauzel (уголь rue des Martyrs). Nord-Sud: St.-Georges. Tél.: Trud. 08-46

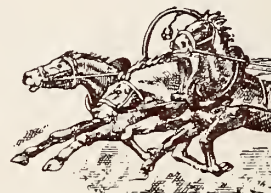
РЕСТОРАНЪ „САМАРКАНДЪ“

9, RUE RENNEQUIN (M-ro: Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 7,50, завтраки, обѣды и А LA CARTE
ВЕЧЕРОМЪ — АРТИСТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана
Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

Оптовое - Розничное. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ
28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13) M-o : Italie. Tél.: Gob. 23-08



Рус. водка, запек., спотык, вишневка,
рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа
гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ.
Тарань Вобла. Хрѣнь. Чай. Требуйте
каталогъ. Отправка въ провинц. и загр.



Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, RUE BROCA, PARIS (5).

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ кол-
басъ высшаго качества. Цѣны умерен-
ныя. Доставка на домъ. Заказы прини-
маются по телефону: Gobelins 24-24.

РУССКІЙ
ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

„MAIRO“

Всѣ русскіе и французскіе продукты.
20, RUE DE LA TOUR, PARIS (16).
Métro: Passy.

КРЫМСКІЙ ДОМИКЪ

РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ.

131, Bd RASPAIL

(entrée, 10, rue S-té Beuve).
Prix fixe et à la carte.
ЧЕБУРЕКИ И ШАШЛЫКИ.

ВЪ СТЕПИ

... Не прошло и получаса, какъ у крыльца стояла пара сытыхъ лошадей, запряженныхъ въ новый тарантасъ. Въ немъ, на днѣ, лежало пахучее, недавно скошенное, сѣно.

Лошади, предчувствуя дальнюю дорогу, фыркали, били копытами землю и ржали. Поздоровавшись съ Михайлой, я усѣлся въ тарантасъ, и мы выѣхали со двора. Ъхать предстояло верстъ шестьдесятъ. Михайло общалъ лихо домчать къ вечеру.

Съ обѣихъ сторонъ стояла густая зеленая рожь. Узкая дорога, какъ тонкая нитка, прорѣзывалась среди зеленого моря хлѣбовъ. Утреннее солнце, едва только показавшееся изъ-за дальней горы, чуть-чуть касалось своимъ ласкающимъ свѣтомъ еще влажныхъ лепестковъ.

Богъ - вѣсть откуда, подулъ вѣтерокъ, пробѣжалъ по зеленому морю, всколыхнулъ его на мгновенье, и сейчасъ же, устыдись порыва, исчезъ, а потревоженное море долго еще сердилось на вѣтеръ и о чемъ-то шепталось...

Ѣхали долго: то рысью, то шагомъ... Я смотрѣлъ на мелькающія поля, на бѣгущее сѣренькое облачко, и что-то пріятное нисходило въ душу, а возница, размахивая кнутомъ, гналъ быстро бѣгущихъ лошадей и что-то кричалъ охрипшимъ голосомъ.

Но, вотъ, передъ нами, словно изъ-подъ земли, появился хуторъ. Два - три сѣдыхъ старика, нѣсколько подростковъ, одинокій колодезь съ шестомъ — и машущая крыльями мельница...

— Это хуторъ Петровскій — пояснилъ Михайло и, приудержавъ лошадей, быстро остановилъ ихъ у крайней избы. У воротъ стоялъ старикъ - казакъ и прехорошенькая смуглянка дѣвочка съ большимъ букетомъ цвѣтовъ. Поздоровавшись и разспросивъ о дальности нашего пути и узнавъ, что мы ѣдемъ въ Варваровку, старикъ добавилъ:

— Къ вечеру будете, дорога степная, гладкая.

На мой вопросъ о житьѣ - бытьѣ старикъ молча, съ видимымъ удовольствіемъ показалъ рукой на зеленѣющія поля, залогъ богатства и счастья. Я невольно взглянулъ на зеленѣющую даль, уходящую далеко — далеко къ горизонту. Вся залитая солнцемъ, она ярко пестрѣла, звенѣла отъ несмолкаемаго гама безчисленнаго множества пернатыхъ. Дороги русскому сердцу эти безконечныя дали!

— Это внучка моя, Дуняшка. Глупая еще! Дикарка она у насъ. Чужому человѣку боится слово сказать, а съ нами — страсть, какая бѣдовая...

Я взглянулъ на Дуняшку. Раскраснѣвшись, она исподлобья смотрѣла на меня свѣтлыми, слегка подернутыми грустью, глазенками. Лицо ея полузагорѣло, а волосы, заплетенные въ двѣ косы, украшались не-

большой ленточкой. Одѣта была просто, въ ситцевое голубое платьице. Старикъ полушопотомъ что-то сказалъ Дуняшѣ и сейчасъ же она подошла вплотную къ тарантасу и протянула мнѣ цвѣты. Я сказалъ нѣсколько пріятныхъ словъ. Она тихонько проговорила:

— Ты шутишь!

И убѣжала.

Подошелъ Михайло. Усѣвшись на козлы и попрощавшись со старикомъ, онъ гикнулъ на лошадей, и мы покатили по дорогѣ прямо въ степь. Оглянувшись, я увидѣлъ Дуняшу; она стояла у воротъ и махала мнѣ платочкомъ. Сердце мое радостно забилося...

Передъ нами открылась степь, широкая, сѣрая, скучная и до утомительности однообразная... Лошади, отдохнувъ, неслись быстро, радостно фыркая и оглашая воздухъ ржаньемъ. Совсѣмъ низко летала какая-то птица. Михайло, погруженный въ раздумье, молчалъ, а я, подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ Дуняшей чувствовалъ приливъ какой-то радости. Въ моихъ рукахъ были ея цвѣты. Дыша свѣжимъ ароматомъ, я старался воспроизвести черты ея лица, глаза и черные вьющіеся волосы. Она, какъ полевой дикій цвѣтокъ, — выросла на приволѣ широкихъ полей и молчаливой степи...

Звонъ колокольчика прервалъ мои мысли. Навстрѣчу намъ, подымая облако пыли, бѣшено неслась тройка. Михайло что-то крикнулъ, кто-то отвѣтилъ и снова безконечная степная дорога...

У большого кургана, возница остановилъ лошадей и, бросивъ имъ охапку сѣна, побѣжалъ въ гору. Взобравшись на самую вершину, онъ закричалъ:

— О-го-го-го-о-о!.. Голосъ покотился по степи, эхо еще разъ повторило и степь снова погрузилась въ молчанье. Я подошелъ къ Михайлѣ. Молча, мы любовались степью. Курганы вытянулись въ прямую линію, и было пріятно смотрѣть на эти памятники старины. Налюбовавшись, сошли внизъ и снова покатили по степной дорогѣ.

Подъ мѣрный стукъ колесъ я вспоминалъ свое прошлое, а Михайло на козлахъ вполголоса напѣвалъ какую-то пѣсню, лишенную словъ и выражавшуюся лишь въ одномъ безконечномъ звукѣ съ своеобразными переливами. Солнце готовилось скрыться и въ послѣднія минуты обливало степь своимъ ласкающимъ свѣтомъ. Какъ-то незамѣтно опускался вечеръ. Кое-гдѣ на черномъ небѣ одна за одною зажигались звѣзды.

Вдругъ вдали мелькнулъ огонекъ...

— Варваровка! — вскрикнулъ Михайло. Огонекъ разрослся и становился все ближе и яснѣе. Наконецъ, мы въѣхали въ станицу.

Гавріиль Погорѣловъ.

БАЛЕРИНА
ЗИНАИДА УЗАРОВА



(Къ выступленію, съ ея балетомъ 5 и 13 іюня въ театрѣ Елисейскихъ Полей).

АННА ПАВЛОВА

Вмѣстѣ съ ласковыми лучами майскаго солнышка появилась въ Парижѣ Анна Павлова.

Какъ-то утромъ заглянулъ я на сцену театра и увидѣлъ давно желанную картину : у суфлерской будки сидитъ балетмейстеръ и репетиторъ г. Пьяновскій и палочкой отстукиваетъ тактъ, а въ сторонѣ — Анна Павловна.

Все такая же, неизмѣнная, неутомимая, обаятельная и любимая всѣми, кто только разъ въ жизни съ ней когда-либо встрѣчался.

Анна Павловна дѣлаетъ утренній exercise. Сколько этой маленькой фигуркѣ отпустилъ Господь энергіи и неутомимости !

Зайдите вы въ полдень, придите вечеромъ, передъ спектаклемъ, всегда неизмѣнно увидите на томъ же мѣстѣ очаровательную Анну Павловну.

Тутъ же, у “станка”, всѣ приѣмы гостей, интервьюеровъ и просто знакомыхъ. Со всѣми равна, мила, приветлива.

Я видѣлъ Анну Павловну много разъ въ жизни, въ разныхъ городахъ и странахъ, и каждый разъ уносилъ въ душѣ горделивое чувство, что такая рѣдкая жемчужина балета — наша русская.

А теперь, за-границей, когда мы передвигаемся по міру, это чувство приняло уже интегральную форму.

Что у насъ, выходцевъ изъ Россіи, осталось ? У насъ все отнято, но искусство осталось съ нами, и такая звѣзда, какъ Анна Павлова, на нашемъ тускломъ небосклонѣ всегда будетъ нашей.

И вотъ, мы дождались первой гастрولي. Не ждите отъ меня отзыва о танцахъ и творествѣ Анны Павловны. Для этого надо придумать какой-то особый языкъ, другія слова, а не тѣ, что служатъ въ обывательскомъ обиходѣ.

Я только скажу о впечатлѣніяхъ публики, переполнившей театръ.

Анна Павловна стала лучше танцевать, если это только возможно въ той недостигаемой безпредѣльности, которой она давно достигла.

Танцы ея технически также прекрасны, но еще прибавилось что-то чарующее “Павловское”. Я смот-

рѣлъ на стараго спокойнаго англичанина изъ ложі перваго яруса, на господина съ моноклемъ изъ партера, поднялся въ галереи, гдѣ сидѣла жаркая братія изъ всѣхъ балетныхъ студій Парижа, и у всѣхъ читалъ на лицахъ одно и то же выраженіе восторга и даже нѣкотораго удивленія къ сложной гаммѣ чувствъ, которыя cadaго изъ насъ бушевали.

Анна Павловна заканчиваетъ номеръ, дѣлаетъ послѣдніе туры, и занавѣсъ неумолимо опускается подъ гулъ интернаціональной толпы, и такъ досадно на этотъ занавѣсъ, отдѣляющій насъ отъ прекрасной сказки.

Что же ? — спрашивалъ я себя, — быть можетъ, впечатлѣніе такъ ярко потому, что я давно ея не видѣлъ, а завтра краски будутъ блѣднѣе ?

А на завтра было то же : восторгъ, удивленіе, гордость !

На третій день я пошелъ къ ней поздороваться.

Протягиваетъ тонкую руку и улыбается.

— Не забыли, Анна Павловна ?

— Нѣтъ, милый, какъ же Васъ забыть ? Помните, Вы принесли мнѣ красную чудную розу за кулисы. Я ее долго хранила.

Удивительная память ! Какъ она удерживаетъ отдѣльныхъ лицъ при такомъ калейдоскопѣ странъ, городовъ ? Это тоже, вѣроятно, Павловское.

И, вотъ, десятидневное горѣніе кончилось...

Я прихожу въ театръ и вижу, какъ на платформу грузового автомобиля укладываютъ послѣдніе синіе ящики. “ея” ящики. Я даже нѣжно погладилъ грубую крышку одного изъ нихъ и, испугавшись своей сентиментальности, пугливо посмотрѣлъ вокругъ...

Не видѣлъ ли кто-нибудь ?

Ахъ, Господи, почему все хорошее такъ коротко ? А тутъ еще этотъ дождь унылый барабанитъ по стекламъ. Такъ грустно, непривѣтливо !

Анна Павловна поѣхала въ Англію отдохнуть въ своей милой обстановкѣ.

Побольше Вамъ солнца, ласки и привѣта, наша свѣтлая сказка !

V. I. B.

КОНЦЕРТЪ СТУДИИ К. Θ. ДАРАГАНЪ

Ученическій концертъ студии Ксеніи Θεодоровны Дараганъ прошелъ съ большимъ, вполнѣ заслуженнымъ, успѣхомъ и былъ новымъ триумфомъ русскаго искусства за-границей. Это тѣмъ болѣе цѣнно, что половину публики составляли иностранцы.

Въ антрактахъ они оживленно обмѣнивались мнѣніями, восхищаясь русскою постановкой голосовъ, тонкостью музыкальной передачи.

Шумныя одобренія вызвали г-жи З. Ефимовская,

(теперь приглашенная въ русскую оперу, въ Парижѣ), Грамотина и Хунцарія. Выступленіе извѣстной артистки Ев. Потопчиной (также ученицы К. Θ. Дараганъ) было встрѣчено шумными аплодисментами. Съ большимъ вкусомъ спѣла французскія пѣсенки г. Муравьева.

Въ заключеніе, по настойчивой просьбѣ публики и своихъ учениковъ, выступила К. Θ. Дараганъ, прекрасно спѣвшая нѣсколько романсовъ.

Л.

БИЛЛИ

Когда на кругломъ дискѣ часовъ приземистаго вокзала стрѣлки подходятъ къ тремъ, ажану, стоящему подлѣ узенькаго возвышенія рефюжа, становится невыносимо скучно.

Автомобилей мало, не надо регулировать движенія, пронзительно свистѣть и повелительно поднимать бѣлую палку.

Подавленно зѣвая и посматривая на часы, онъ снисходительно глядитъ, какъ громяхаютъ грузовики, спѣшать изъ парижскихъ предмѣстій проворныя каміонетки и, обгоняя ихъ, летятъ стремительныя, ошалѣлыя такси. Рѣдко подниметъ онъ бѣлую палочку, переводя черезъ улицу полумертвую отъ страха, бормочащую молитвы старуху, или охраняя безпомощную дѣтскую коляску или запоздалаго торопыгу - школьника въ форменной черной блузѣ. Спѣшать пѣшеходы. Все больше женщины. Кончено утро съ хозяйственными заботами, и послѣ завтрака можно пойти къ подругѣ, забѣжать въ кафѣ, потолкаться въ большомъ магазинѣ и, покупая пару чулокъ, перчатки или просто катушку нитокъ, обойти всѣ отдѣлы, поглазѣть на платья, духи, туфли, колье и вернуться домой разгоряченной и счастливой отъ одного созерцанія всѣхъ этихъ женскихъ сокровищъ.

Въ торопливой, уличной толпѣ медленно шла высокая, немолодая женщина. Въ ея худощавой, чуть сутуловатой фигурѣ, въ тонкомъ, уже блекнушемъ, ненапудренномъ лицѣ, въ строгомъ, хорошо сшитомъ и не слишкомъ модномъ костюмѣ была какая - то спокойная отчужденность отъ толпы и привычная грустная замкнутость. Рядомъ съ ней шелъ, помахивая плюмажемъ туго закрученнаго хвоста, маленький, бѣлый шпицъ, серьезный и забавно - чинный. Онъ жадно вдыхалъ острые запахи улицы, обгонявшихъ его людей, ихъ покупокъ, одежды, шевелилъ черный лакъ своего остраго носика и поднималъ внимательныя шелковистыя уши. Иногда радостно повизгивая, онъ ускорялъ шагъ, быстро сменя проворными лапками.

— Тихо, Билли, — ласково, по русски говорила женщина и, слыша слова хозяйки, шпицъ спохватывался и замедлялъ шаги, снова выступая размѣренно и важно. По ласковому тону приказанія, по настороженной внимательности, съ какой собака прислушивалась къ знакомымъ словамъ, чувствовалась нѣжная обоюдная привязанность маленькаго, жизнерадостнаго шпица и высокой, усталой женщины. Такая привязанность естественна у собаки къ облакавшему ее человѣку, но человѣкъ любитъ животное только тогда, когда пуста и одинока его жизнь. Эта привязанность одиночества и была во взглядѣ женщины, ни на минуту не терявшей изъ вида своего маленькаго спутника.

— Билли, не спѣшить! сказала она, стараясь быть строгой, когда шпицъ, подпрыгивая, направился къ краю троттуара.

— Назадъ, Билли! уже съ испугомъ крикнула она, видя, что собака не слушается и, какъ замороженная, пристально глядитъ на противоположный троттуаръ, рассматривая такого же бѣлаго шпица, лающего яростно и призывно. Билли отвѣтилъ короткимъ, радостнымъ визгомъ и стремительно кинулся черезъ улицу наперерѣзъ мчащимся автомобилямъ. Машины шли и справа и слѣва. Вдругъ яркое, желтое такси обогнало громяхующій грузовикъ. Сѣрые жернова колесъ ударили и отбросили Билли.

— Билли! закричала женщина и кинулась къ нему. И такъ отчаянъ былъ ея по женски пронзительный

крикъ, что замерли испуганные пѣшеходы и ажанъ, еще не понимая въ чемъ дѣло, но чувствуя что - то странное, явно нарушившее общее спокойствіе, поднялъ палочку и засвистѣлъ. Заскрежетавъ тормозами, круто остановился грузовикъ, рѣзкимъ толчкомъ застопорили такси.

Ажанъ недоумѣнно оглядывался и, только замѣтивъ женскую фигуру, стоящую на колѣняхъ подлѣ переднихъ колесъ автомобиля, торопливо побѣжалъ, думая, что женщина ранена.

— Вы ранены, madame? — крикнулъ онъ, подбѣгая.

Женщина молча покачала головой: по ея лицу капались мелкія, нечастыя слезы.

— Вы можете жаловаться, madame. Ваша собака породиста и за нее уплаченъ налогъ, — продолжалъ ажанъ, замѣтивъ оранжевый жетонъ на ошейникѣ Билли. Женщина покачала головой и, медленно вставая, бережно подняла съ земли бѣлый, окровавленный комочекъ шерсти, съ карими, стеклянящими глазами и упавшимъ безсильно хвостомъ. Она быстро пошла къ троттуару, подъ сочувственный шопотъ толпы и, все ускоряя шагъ, почти побѣжала домой, прижимая къ себѣ собаку и безсмысленно шепча одни и тѣ же слова:

— Билли, Билли, мой Билли...

Когда изъ комнаты вышелъ приземистый, широколицый ветеринаръ, въ сопровожденіи нудно охающей, толстой консьержки, женщина осталась съ Билли одна. Она растерянно оглядѣлась и вдругъ съ ужасомъ подумала, что больше ей никто не можетъ помочь и вся ответственность за жизнь ея маленькаго друга лежитъ на ней одной. Нѣсколько минутъ она стояла неподвижно, внимательно вглядываясь въ собаку. Смѣшной и жалкій въ своихъ человѣческихъ повязкахъ, Билли неровно стоналъ и на бѣлой шерсти его мордочки пузырилась красноватая пѣна. Острая жалость стиснула сердце женщины.

— Потерпи, Билли, потерпи, милый, — тихо сказала она и растерянно - быстро захлопотала, устраивая ему удобную постель на единственномъ въ комнатѣ широкое, бархатномъ креслѣ. Билли на минуту замолчалъ, понявъ слова хозяйки, и посмотрѣлъ на нее своими страдающими, по собачьи кроткими, глазами.

И не завизжалъ, когда она перекладывала его въ кресло; покорно, не обнюхавъ, выпилъ ложку коньяку, разбавленнаго водой; потомъ, обезсилѣвъ, закрылъ глаза и только изрѣдка тихо стоналъ. Женщина укрыла его старымъ, вывезеннымъ изъ Россіи, оренбургскимъ платкомъ, зажгла на столѣ электрическую лампу, взглянула, не падаетъ ли свѣтъ въ глаза Билли и, сразу почувствовавъ, что устала, прилегла на кровать.

Наступалъ вечеръ, за окнами грохоталъ городъ. На лѣстницѣ слышались шаги, смѣхъ, голосъ разносившей вечернюю почту консьержки. Въ маленькой комнатѣ стояла упорная, гнетущая тишина. И въ этой тишинѣ особенно ярко вставали ушедшіе образы, ползла тоска. Женщина вспомнила долгіе годы эмиграціи, свою невеселую, одинокую жизнь. Вспомнила ласковаго, жизнерадостнаго мужа, убитаго въ бояхъ крымскаго отступленія.

Его послѣдній подарокъ — пушистый озорной шенокъ Билли. Потомъ сумбуръ, страшный, какъ ночной кошмаръ. Огонь подожженного города. Четкій стукъ пулемета. Предсмертное ржанье тонущихъ коней. Неудержимой лавой — люди на пристаняхъ. Крѣпче прижать Билли! Пробиваться къ толпѣ! Стадное чувство отвращенія, страха, гонить, толкаетъ впередъ. Впереди — спасеніе: спущенный пароходный трапъ. Вечеръ,

морозъ, палуба. Холодно, стынуть руки. Стрѣльба на берегу. Пожаръ. Надъ огнемъ Малаховъ курганъ. Сѣрая фигура, съ протянутой рукой "Не отдавайте же Севастополь!". Не отдавать! Господи, упокой души усопшихъ. Спаси живыхъ.

Идутъ дни. Вода бурлитъ подъ винтомъ. Острый мучительный голодъ. На пароходѣ нѣтъ провіанта. Плачъ дѣтей, женщинъ. Лихорадочныя, обтянувшіяся лица мужчинъ. Страдающіе, голодные глаза собаки: — нѣмой вопль о помощи.

Тихо рыча, щенокъ безсильно грызетъ кожаные ремни чемодана. Отчаявшись насытиться, снова проситъ у человѣка, умоляетъ — дай!

Бухта. Вокругъ пароходы. Сигнальные флаги: хлѣба, воды. Вдали городъ. Спокойные минареты. Узкій яликъ перевезъ ее и Билли. Шумитъ пестрая Галата. Троттуары качаются подъ ногами. На жаровняхъ шипитъ баранина. Ъсть! Ъсть! Билли лижетъ руку пересошившимъ, горячимъ языкомъ. Русскія деньги никому не нужны. Греческимъ торговцамъ безразлично, что эти кольца, браслеты, броши, — подарки матери, отца, мужа. Женщина торопится, не торгуется. Можетъ быть, она хочетъ ѣсть? Скорѣе снизить цѣны, дать гроши. Побольше нажить, вытянуть, обобрать. Никого не касается, если черезъ минуту она умретъ съ голоду.

— Билли, милый, идемъ ѣсть. Скорѣй, Билли!

Общежитіе. Узкая койка. Измученные люди, косятся на Билли: собака! Человѣку некуда дѣться.

Бюро труда. Работы нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Узкія, кривыя, безконечныя улицы. Страшные ночные крики — "Янгунъ варъ". Объявленія, просьбы, опять бюро труда. Нѣтъ, нѣтъ. Консульство, драгоманатъ, паспортъ, визы, анкеты. Снова улицы, грязныя панели. Исхудавшій Билли вяло плетется сзади. Тревожно смотритъ, ищетъ, обнюхиваетъ, жметъ къ хозяйкѣ. Ему жутко. Почему въ этомъ городѣ нѣтъ собакъ? Почему и слѣдъ ихъ не учуютъ? Улицы, улицы, чужіе люди. Вотъ, наконецъ, виза. Снова торгоши. Шуба, кольцо. Это — послѣднее. Длинный, вонючій поѣздъ. Тряскій вагонъ. Люди гортанно кричатъ. Ругаютъ собаку — нечистое животное. Билли забился подъ узкую деревянную скамейку. Шумно вздыхаетъ, чихаетъ отъ пыли. Бойся вылѣзти. Не выманить его. Страшны шумные, чужіе люди. Лучше сжаться въ комокъ, спрятать голову въ лапы. Не видѣть. Тогда и они не увидятъ. Тряска, пыль, духота. Безконечные, какъ запутанный клубокъ, дни. Но, вотъ, — зеленые огни семафора. Грязный, стеклянный навѣсъ вокзала. Черныя буквы — Paris.

Здѣсь посчастливилось. Слѣпящей гладью, прозрачной мережкой вышиваетъ она тонкое бѣлье, плотный шелкъ пиджамъ, пеньюары. Женщинѣ казалось, чудомъ, что жизнь пощадила ее, сменя въ своемъ ураганномъ бѣгѣ, всѣхъ близкихъ, родныхъ. Осталось только нѣсколько старыхъ знакомыхъ, но у нихъ — свои семьи. Они не знаютъ одиночества, и безразлична имъ чужая жизнь, изо дня въ день однообразная, размѣренная.

Мучительно, тяжело одиночество на чужбинѣ. Ни на минуту его не заслонитъ привычный бытъ, родная природа. Можетъ быть, оттого женщина такъ и привязалась къ Билли. Онъ — единственное живое существо, оставшееся отъ всей ея прежней жизни, реальное подтвержденіе прошлаго. Только Билли нужна ея забота и ласка, только Билли любитъ теперь ее.

Какъ онъ веселъ — этотъ песъ! Съ радостнымъ визгомъ, бросается онъ къ ней, когда она возвращается домой. Онъ вертится въюномъ, пружинисто — легкій, прыгаетъ по всѣмъ стульямъ и, наконецъ, не зная, какъ выразить переполняющую его радость, начинаетъ оглушительно, заливчато лаять, съ нарочитой яростью. И отъ этого оживала мертвая пустота комнатъ, растворя-

лась горечь одиночества, и женщина невольно улыбалась, глядя на неистовую радость Билли.

Какъ то она поранила руку. На полъ упало нѣсколько капель крови. Билли встревоженно бѣгалъ вокругъ, визжалъ и, наконецъ, прыгнувъ къ ней на колѣни, попробовалъ лѣчить ее, какъ умѣлъ, какъ научила его природа, лизнула ранку. Онъ былъ очень огорченъ, пожалуй, даже обиженъ, когда женщина отклонила его услуги. Всѣ эти мелочи, такія незамѣтныя и ничтожныя, все же скрашивали безконечную пустоту ея жизни.

Прошло нѣсколько дней. Билли не было лучше. Приходилъ ветеринаръ, прописалъ микстуру и, уходя, глубокомысленно сказалъ:

— Бываетъ, что и при такихъ раненіяхъ собака выживаетъ.

Женщина попрежнему работала, ухаживала за Билли и поздней ночью, кончая вышивку, ложилась, засыпая прерывистымъ сномъ усталого человѣка. Но и во снѣ она какъ-то чувствовала присутствіе Билли и, проснувшись, подолгу прислушивалась къ его хриплому дыханію.

Давно уже затихли ночные трамваи и автобусы. Женщина проснулась, какъ отъ толчка. Въ комнатѣ было темно. Только лампада бросала свой неуверенный, слабый свѣтъ и, сквозь тонкія занавѣски, падалъ блѣдный, узкій лучъ уличнаго фонаря. Она быстро приподнялась и увидала Билли на полу подлѣ своей кровати.

Онъ судорожно и безсильно тянулъ передними лапами край свѣсившагося одѣяла. Билли тяжело дышалъ, оскаливъ мелкіе, частые зубы и, словно спасаясь отъ какой-то опасности, послѣднимъ, крайнимъ напряженіемъ старался вскарабкаться на постель.

— Билли! Что ты? вскрикнула женщина и, бережно подхвативъ Билли, уложила рядомъ съ собой. Дрожа и повизгивая, собака съ усиленіемъ передвинулась, прижавшись вплотную къ хозяйкѣ и вдругъ вздрогнула, оцетинилась, съ ужасомъ глядя въ темный уголъ комнаты.

— Гибель чуетъ собака, — съ жутью подумала женщина, чувствуя, какъ и у нея нарастаетъ ужасъ передъ близостью ледяной плѣсени смерти.

— Какъ человѣкъ, боится! Пришелъ конецъ, думаетъ, что я могу защитить его. Билли, мой маленький, — сказала она, наклоняясь надъ собакой и закрывая тѣломъ страшный ей темный уголъ.

— Билли, не бойся! Этого не можетъ быть, ты выздоровѣешь. Не бойся, ты долженъ выздоровѣть. Слышишь, Билли? Не бойся, усни, — и, говоря эти ласковыя, почти закликательныя по своей жалостливой напряженности слова, женщина тихо гладила шелковистую голову собаки и мучительно хотѣла унести, заслонить отъ опасности своего маленькаго, во всемъ мірѣ единственнаго друга. Въ эту минуту она страстно хотѣла передать хоть частицу своихъ силъ больному тѣлу Билли. Собака успокаивалась, переставала дрожать, хрипѣть и вдругъ какъ-то странно стихла. Женщина съ ужасомъ наклонилась надъ Билли, глядя на его закрытые глаза, неестественно неподвижное тѣло и напряженно, почти злобно, прислушивалась къ тишинѣ. Наконецъ, ея ухо уловило тихое, едва замѣтное, но ровное дыханіе Билли. Женщина поняла, что это переломъ, что Билли перешелъ темную черту опасности. И, понявъ, что исполнилось ея страстное желаніе, она не улыбнулась, не сдѣлала ни одного движенія, а до утра пролежала неподвижно, боясь разбудить собаку.

Пристально глядя на неровный огонекъ лампы, женщина благодарила судьбу, не отнявшую ея послѣдней маленькой радости, радости, которую не замѣтили бы и не поняли счастливые и въ своемъ счастьи всегда равнодушные люди.

Л. Часингъ.

СОЛНЦА ЗОЛОТАЯ РАДОСТЬ



Л. Я. Липковская-Розина

(клише "Театръ и Жизнь")

...Еще одно мгновение, и звуки
Необычайной сладости текутъ,
Текутъ, какъ солнца золотая радость,
Какъ пѣсня соловья...

А. Купринъ.

По всему свѣту летаетъ соловей голосистый —
Л. Я. Липковская, чистую радость несетъ съ собой.

Свѣжо и ласково звучить ея годось ; такъ, весело
и свободно, отъ души, пѣла она, маленькая, въ деревушкѣ, на Украинѣ звонкія дѣтскія пѣсни.

И въ наши дни, геніемъ овѣянная, щедро расточаетъ Лидія Яковлевна богатый даръ пѣвицы во всѣхъ столицахъ міра, достойно служить искусству, славить русское имя.

Годы текутъ, но юной остается душа, и молодолетается пѣсня.

Въ Парижѣ мы скоро услышимъ милую артистку въ партіи Людмилы, забудемъ сѣрыя будни, придемъ на праздникъ.

Неровна, прихотлива судьба Лидіи Яковлевны.

Биографы рассказываютъ, какъ ея родители не почувствовали подлиннаго призванія маленькой дѣвочки, опасаясь, какъ бы, по примѣру тетки, знаменитой Заньковецкой, не сдѣлалась она артисткой.

Но яркій талантъ пробиваетъ дорогу.

Въ церковномъ хорѣ Каменецъ-Подольской гимназіи ее замѣчаютъ, выдвигаютъ.

Душа рвется ввысь.

Неясно, какъ марево, чудится консерваторія, уче-

нье, драгоценная оправа блистательнаго таланта

Въ провинціальной глуши дѣвушка можетъ только мечтать о консерваторіи. Одна ? Въ столицу ? Невозможно !

И вотъ рѣшительный шагъ :

17 лѣтъ она выходитъ замужъ, ѣдетъ съ мужемъ - студентомъ въ Петербургъ, поступаетъ въ консерваторію, въ классъ проф. Н. А. Ирецкой и, замѣняя заболѣвшую артистку, подъ дѣвичьей фамиліей, выступаетъ въ "Риголетто" въ бенефисъ Н. Н. Фигнеръ.

Партія "Джилды".

Съ этого дня начинается путь славы.

Маріинскій театръ ; поѣздка для совершенствованія въ Италію, къ проф. Ванзо ; участіе въ Парижѣ въ спектакляхъ русскаго сезона, Англія, Америка... И неизмѣнное возвращеніе въ близкій сердцу Маріинскій театръ.

Еще совсѣмъ недавно В. Вальтеръ вспоминалъ о первыхъ годахъ сценической дѣятельности Л. Я. Липковской :

"Прелестный, нѣжный голосъ", — говоритъ онъ — "совершенная техника, лукавая мимика милаго личика, граціозный жестъ — все сливалось въ гармоническое цѣлое, въ живую, прекрасно-художественную личность".

И для насъ Лидія Яковлевна, вся — гармонія, наша радость, украшеніе русской сцены.

К.

„РУССКАЯ ОПЕРА ВЪ ПАРИЖѢ“

(Подъ управленіемъ Князя А. ЦЕРЕТЕЛЛИ).

Директоръ - Администраторъ В. де БАЗИЛЬ.

ОТКРЫТІЕ БОЛЬШОГО СЕЗОНА



ВО ВТОРНИКЪ 27 МАЯ ВЪ 8.30.

КНЯЗЬ ИГОРЬ

Музыка БОРОДИНА.

Подъ управленіемъ АЛЬБЕРТА КОУТСЪ. Постановка А. А. САНИНА. Новыя декорации и кост. по эскизамъ И. Я. БИЛИБИНА.

Половецкія пляски хореографія М. С. ФОКИНА. Балетмейстеръ Б. НИЖИНСКАЯ.

Слѣдующій спектакль „КНЯЗЯ ИГОРЯ“ 30 мая.

ВЪ СУББОТУ, 24 МАЯ ВЪ 8.30 (премьера),

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА

Музыка ГЛИНКИ.

Подъ управленіемъ М. О. ШТЕЙМАНА, въ оригинальной постановкѣ Н. Н. ЕВРЕИНОВА. Декорации и костюмы по эскизамъ

Б. К. БИЛИНСКАГО. Хореографія: БРОНИСЛАВЫ НИЖИНСКОЙ.

ВЪ СУББОТУ, 7-го ІЮНЯ ВЪ 8.30.

САДКО

Музыка РИМСКАГО - КОРСАКОВА.

Подъ управлен. АЛЬБЕРТА КОУТСЪ, въ постановкѣ А. А. САНИНА. Декорация и костюмы по эскизамъ АЛЕКСАНДРА БЕНУА.

Хореографія: БРОНИСЛАВЫ НИЖИНСКОЙ.

СОСТАВЪ ТРУППЫ (въ алфавитномъ порядкѣ).

СОПРАНО: Л. Липковская, О. Богдановичъ, В. Викторова, Л. Гаршина, З. Ефимовская, А. Кандаки, Л. Коханская, К. Роговская, Э. Трейденъ, Л. Фигнеръ, А. Яковлева, Н. Юшкевичъ.

МЕЦЦО-СОПРАНО И КОНТРАЛЬТО: А. Антоновичъ, Н. Егорова, Е. Жебранская, А. Корми, В. Коровина, Н. Кортисъ, М. Марковичъ.

ТЕНОРА: Н. Большаковъ, Гайрабетовъ, К. Каренинъ, Н. Лаврецкій, Н. Нагачевскій, Г. Поземковскій, Ф. Ричъ.

БАРИТОНЫ: Я. Лукинъ, Н. Лукинъ, М. Каракашъ, П. А. Смирновъ, Г. Юреневъ.

БАСЫ: Е. Ждановскій, К. Запорожецъ, К. Кайдановъ, Е. Мальцевъ, А. Оксанскій.

Хоръ — 80 человекъ подъ управленіемъ Д. Аристова. Прима балерина А. Балашова, 1-й танцовщикъ Плущисъ. Режис. балета: Н. Моисеенко. Оркестръ Вальтеръ Страрамъ, 90 человекъ. Режиссеры: А. Давыдовъ, М. Каракашъ, Н. Лаврецкій, Н. Лукинъ П, Репетиторы: Н. Гуссаковъ, Б. Коганъ, С. Трофимовъ. Декораторы: Художники О. Аллегри, Н. Кокушкинъ, М. Яковлевъ. Костюмы собственныхъ мастерскихъ подъ наблюденіемъ А. Юкиной и О. Виноградовой. Пошуарныя работы: А. Арцышевская, Вѣра Попова, Вноровская и др. Завѣд. матер. частью Б. Баратовъ. Обувь: подъ управл. Евсеева, — „Орелъ“. Парики — А. Емельяненко.

Машинистъ — Лафонъ. Электротехникъ — Генрію.

Генеральный секретарь: Э. Бодю.

HENRI ROYER

(Le Salon 1930)

Выставки въ Салонѣ, тѣ, что съ 1673 года, слѣдую прекрасной традиціи, устраиваетъ художественный міръ Франціи, неизмѣнно красивы и богаты содержаніемъ.

И въ этомъ году Весенній Салонъ радуется насъ торжествомъ французскаго генія. Блещутъ имена лучшихъ живописцевъ и скульпторовъ, и совершенно исключительную цѣнность представляютъ собой экспонаты въ отдѣлахъ архитектуры, гравюры и литографіи.

Роскошный праздникъ французскаго искусства !

Въ ряду первоклассныхъ мастеровъ кисти Henri Royer — одинъ изъ видныхъ.

Его послѣдняя вещь — “Татьяна”, портретъ молодой дамы, чарующей живой русской красотой, въ легкомъ, замѣчательно написанномъ, розовомъ платьѣ, — восхищаетъ знатоковъ и привлекаетъ въ залъ новыя и новыя группы поклонниковъ прекраснаго.

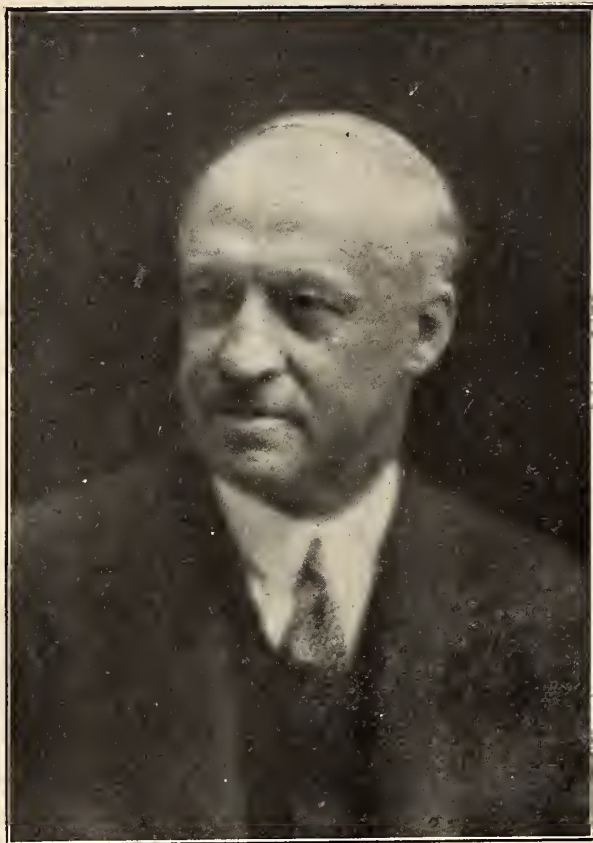
Картина имѣетъ большой успѣхъ, единодушно отмѣченный французской художественной критикой.

И, если Парижъ воспроизводитъ ее въ «Illustration» и рядъ другихъ журналовъ, и въ хвалебныхъ отзывахъ воздастъ должное таланту художника, — въ Нанси, на его родинѣ, торжество носитъ совершенно исключительный характеръ.

Статьями пестрятъ газеты и журналы.

Нансійцы отмѣчаютъ огромный успѣхъ Henri Royer. Критики пишутъ, что даже тѣ изъ художниковъ, кто далекъ отъ него по идеѣ и концепціи, склоняются передъ новымъ проявленіемъ его могучаго таланта.

Пробѣгая безстрастныхъ газетныхъ строчки, Вы чувствуете, какъ любятъ Henri Royer на родинѣ, какъ имъ гордятся. Авторы статей почтительно вспоминаютъ его отца, радуются радостями матери, которая, конечно, счастлива успѣхами сына, и подробно описываютъ воспроизводимый нами портретъ.



Henri Royer.

Henri Royer. другъ Россіи. Онъ потрясенъ ея ужасной судьбой, мысли его — тамъ, Онъ изучаетъ русскій языкъ, интересуется русскимъ искусствомъ..

Намъ пріятно такое вниманіе. Именемъ “Татьяна” художникъ всколыхнулъ въ насъ воспоминанія о великой Россіи, когда она, наряду съ другими культурными странами, шла по пути прогресса человечества и не была еще отравлена разрушающимъ ядомъ коммунизма.

Трудно оторваться отъ портрета. Съ него на насъ смотреть не Пушкинская Татьяна, но все та же, только по новому милая и радостная “Татьяна, русская душой”.

Henri Royer родился въ Нанси.

Впервые онъ принялъ участіе въ выставкѣ Салона въ 1897 году картиной “Исповѣдницы”, перенесенной теперь въ Нансійскій музей.

Въ слѣдующемъ году онъ получилъ Prix National за картину “По обѣту”.

Талантъ его развертывается во всю ширь. Онъ пишетъ рядъ картинъ изъ жизни бретонцевъ — одну изъ нихъ мы предлагаемъ вниманію читателей — и создаетъ цѣлую галерею портретовъ.

Съ 1894 г. Henri Royer — внѣ конкурса. Въ 1900 г. на Всемирной выставкѣ ему присуждена золотая медаль ; высокая награда орденомъ почетнаго легіона

вѣнчаетъ его заслуги въ мірѣ искусства.

Съ 1922 г. по 1925 г. Henri Royer служить, по избранію, комитету французскихъ художниковъ въ должностяхи вице - президента и входитъ теперь въ составъ комитета и жюри.

Его картины приобретены рядомъ музеевъ, — въ Нанси, Quimper, Люксембургскимъ и др. и украшаютъ богатые частныя коллекціи.

“Вечеръ въ Лотарингіи” принадлежитъ государству.

К.



МИНИАТЮРИСТЫ

Баронъ Ф. Ф. МЕЙЕНДОРФЪ



Княгиня И. А. Юсупова

Представленный въ весеннемъ Салонѣ 1930 года прелестной нѣжной миниатюрой madame Lelong, баронъ Феофилъ Феофиловичъ Мейендорфъ широко извѣстенъ въ кругахъ русскихъ и иностранныхъ цѣнителей искусства.

Репродукции его работъ, съ лестными отзывами были не разъ даны въ иностранныхъ журналахъ.

Художникъ любезно предоставилъ и намъ право воспроизведенія недавно исполненныхъ миниатюръ и далъ сжатые свѣдѣнія о дѣятельности за послѣдніе годы.

Я родился въ Петроградѣ въ 1886 г. Съ юности у меня ярко опредѣлилась склонность къ миниатюрамъ. Всѣ артисты, знавшіе меня, подтверждали это.

Послѣ полученія аттестата зрѣлости я отдался изученію искусства въ ту пору, когда импрессионизмъ былъ въ модѣ и большинство художниковъ оказывалось подъ его вліяніемъ, вліяніемъ дерзкой кисти, кричащихъ оттѣнковъ, утрировки и незаконченности рисунка.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы у извѣстныхъ мастеровъ, какъ Крижитскій, Журдинъ и Рубо, я понялъ, что ихъ жанръ не подходитъ къ моимъ стремленіямъ. Учителей для себя я нашелъ среди миниатюристовъ 18 и 19 вѣка, которые меня всегда влекли. Внимательно изучая ихъ, начиная съ копировки и съ реставраціи, по прекраснымъ chefs d'oeuvre, я достигъ пріобрѣтенія ихъ техники, ихъ манеры и проникъ въ духъ ихъ творчества. Къ сожалѣнію, въ наши дни нельзя имъ слѣдовать, такъ какъ требованія настоящаго времени, не допускаютъ главныхъ особенностей, которыя ихъ характеризовали: условности и чрезвычайной тщательности, граничащей съ холодностью.

Принимая во вниманіе все это, я поставилъ себѣ цѣлью — сохраняя первоначальную технику и изящество — достигнуть въ своихъ произведеніяхъ мягкости

деталей и дѣйствительнаго сходства, требуемаго sine qua non современнымъ искусствомъ.

Я былъ принятъ ученикомъ въ Академію Художествъ въ Петроградѣ. Не за долго до войны меня пригласили принять участіе въ отдѣлѣ Décorations à portraits и для работъ по фарфору. Я началъ эти работы, когда великая война заставила меня все оставить и поступить на военную службу, чтобы провести долгіе годы на передовыхъ позиціяхъ. Революція 1917 г. принудила меня уйти изъ арміи и уѣхать въ Финляндію, гдѣ я снова отдался искусству, надѣясь, что рано или поздно смогу попасть въ Парижъ, въ этотъ центръ артистическаго міра.

Я провелъ нѣсколько времени въ Даніи, — въ Копенгагенѣ, гдѣ организовалъ маленькую выставку, благодаря которой сейчасъ же получилъ цѣлый рядъ заказовъ, а также много похвальныхъ отзывовъ въ «National-tidende» и въ другихъ датскихъ журналахъ.

И тѣмъ не менѣе, такъ какъ Парижъ меня всегда привлекалъ, я послѣ двухлѣтней работы въ Даніи, поѣхалъ во Францію, гдѣ и нахожусь съ 1921 г.

Со дня пріѣзда сюда встрѣчаю радушный пріемъ во французскомъ артистическомъ мірѣ, доказательствомъ чего служатъ тѣ 160 миниатюръ, что я сдѣлалъ въ эти три года.

Я работалъ въ Ниццѣ, въ Каннахъ, въ Довиллѣ, въ Біаррицѣ и въ Парижѣ. Меня вдохновляютъ творенія великихъ французскихъ портретистовъ.

Въ особенности же я преклоняюсь предъ Ysabeu совершенно исключительнымъ миниатюристомъ. Его chefs d'oeuvre съ искусными тонами, такіе выразительные, полны тонкости, изящества и несравненной гениальности.

Я выставялъ свои миниатюры въ весеннемъ Салонѣ, въ «La Nationale» и въ «Artistes Français».



Madame Lelong

Послѣдніе годы моей службы на Уралѣ

Отрывокъ изъ печатающейся книги автора "Идеалы и Дѣйствительность". Сорокъ лѣтъ жизни и работы рядового русскаго интеллигента. (1879-1919)".

Встрѣчи съ французскимъ путешественникомъ Де Кювервилемъ и съ В. Г. Короленко. — Причины переселенія въ столицу.
— Дорогой подарокъ отъ Уральскаго Казачьяго Войска.

За рассматриваемый періодъ жизни въ Уральскѣ (1893-1899) у меня были двѣ интересныя встрѣчи, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ: это съ французскимъ путешественникомъ Де-Кювервилемъ и съ Владимиромъ Галактіоновичемъ Короленко.

Де-Кювервиль ознакомился съ Россіей по порученію французской академіи наукъ и географическаго общества, и въ числѣ другихъ мѣстъ посѣтилъ Уральское казачье войско. Бывшій тогда на Уралѣ наказный атаманъ К. К. Максимовичъ просилъ меня, какъ автора книги объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ*), познать французскаго путешественника съ особенностями жизни уральскихъ казаковъ и съ ихъ рыбнымъ промысломъ, что я, конечно, съ удовольствіемъ выполнилъ, снабдивъ его богатымъ матеріаломъ, фотографіями съ французскими объясненіями и пр. На основаніи этого матеріала Кювервиль написалъ нѣсколько статей во французскихъ журналахъ, а мнѣ за содѣйствіе поднесли «*Palme académique*».

Гораздо болѣе интереснымъ было знакомство съ В. Г. Короленко. Онъ пріѣхалъ на лѣто въ Уральскъ по приглашенію семьи Каменскихъ, его знакомыхъ по Петербургу и моихъ хорошихъ знакомыхъ. У нихъ на дачѣ я и познакомился съ Короленкой. Владимиръ Галактіоновичъ былъ въ Уральскѣ съ семьей на отдыхъ. Но наша оригинальная окрайна и особенно ея старина, тѣсно связанная съ пугачевщиной, его очень заинтересовала. Особенно интересными показались казачьи типы, которые онъ и запечатлѣлъ въ своихъ очеркахъ "У казаковъ" (Изъ лѣтней поѣздки на Уралъ), Рус. Бог. 1901, №№ 10, 11 и 12.

Но это были лишь картинки съ натуры. Онъ же задумалъ большой романъ изъ временъ Пугачева, очень внимательно принялся за изученіе пугачевского времени на Уралѣ по мѣстнымъ архивнымъ источникамъ. Вѣроятно, послѣ его смерти осталась, если не полная, то обширная рукопись на означенную тему **).

Въ "Трудахъ Этнографическаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества" былъ помѣщенъ имъ рассказъ "Похожденія уральскихъ казаковъ Хохлова съ товарищемъ въ поискахъ истинной вѣры". То были старообрядцы безпоповцы, къ какому толку принадлежало въ то время около половины всего казачьяго населенія. Нѣкоторые представители ихъ обращались, между прочимъ, къ академику Ольденбургу съ вопросами о мѣсто-нахожденіи гдѣ то на Гималаяхъ въ Индіи носителей "древняго благочестія и истинной вѣры". Ольденбургъ, узнавъ случайно, что Короленко ѣдетъ въ Уральскъ и интересуется типами старообрядцевъ, свой отвѣтъ имъ черезъ Ф. Д. Батюшкова передалъ Короленко, чтобы онъ имѣлъ удобный случай отыскать этихъ казаковъ и познакомиться съ ними.

Короленко обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ по розыску и визиту къ этимъ казакамъ. У меня тогда была хорошая пара лошадей, съ иноходцемъ корневикомъ; я заѣхалъ за нимъ на дачу и мы отправились вмѣстѣ въ сосѣдную съ г. Уральскомъ станицу Круглоозерную, гдѣ проживали разыскиваемые казаки. По пути я рассказалъ Короленкѣ о своемъ старомъ пріятелѣ, жившемъ тоже въ этой станицѣ, Филиппѣ Сидоровичѣ Ковалевѣ, который былъ со мной на выставкѣ рыболовства въ Петербургѣ въ 1889 году, затѣмъ нѣсколько разъ былъ депутатомъ съѣзда выборныхъ отъ станичныхъ обществъ въ годы моего предсѣдательства. Этотъ старикъ пользовался въ станицѣ и на съѣздѣ большимъ вліяніемъ за его прямоту и стойкость.

Владимиръ Галактіоновичъ заинтересовался и этимъ типомъ; но я его предупредилъ, что Ковалевъ очень недовѣрчиво относится ко всѣмъ "иногороднимъ" незнакомымъ и, пожалуй, встрѣтитъ его не ласково. Но это, видимо не только не останавливало писателя, но усилило его желаніе непременно познакомиться съ Ковалевымъ. Мы какъ разъ должны были проѣзжать мимо



НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧЪ БОРОДИНЪ,
авторъ статьи и "Воспоминаній"; Членъ 1-й Государственной Думы отъ Уральскаго Казачьяго Войска. Редакторъ 2-го и 3-го изданія собранія сочиненій І. И. Желѣзнова, основатель и главный сотрудникъ "Уральца", редакторъ-издатель "Вѣстника Казачьихъ Войскъ", членъ чрезвычайной миссіи въ Соединенные Штаты отъ Временнаго Правительства.

писателя сохранился обширный подготовительный матеріалъ для задуманной имъ исторической повѣсти изъ эпохи Пугачева, но самая повѣсть осталась не написанной: имѣются только два беллетристическихъ необработанныхъ отрывка къ этому произведенію, озаглавленные «Набѣглый Царь». Они имѣютъ быть напечатаны въ XXVI томѣ полного соб-

*) Между прочимъ Максимовичъ въ первую же встрѣчу со мной заявилъ, что и онъ ознакомился съ Уральскимъ войскомъ по моей книгѣ. ("Уральское казачье войско", Статистическое описаніе. 2 т. Уральскъ 1891 г.).

**) А. А. Кривинская, завѣдующая архивомъ В. Г. Короленко, любезно сообщила мнѣ, что въ бумагахъ покойнаго

его бахчи (плантация, засѣянная арбузами и дынями), на которой онъ проводилъ все лѣто, и, исполняя желаніе Короленки, я завернулъ къ нему на бахчу. Долженъ признаться, что я нѣсколько боялся за моего пріятеля: какъ то онъ встрѣтитъ Короленку?

Но каково же было мое удивленіе, когда при первомъ же обмѣнѣ привѣтствіями я увидѣлъ, что Ковалевъ какъ бы околдованъ незнакомцемъ...

Я еще не зналъ тогда очаровательнаго дѣйствія глубоко сидящихъ прекрасныхъ глазъ Владимира Галактіоновича, проникающихъ въ глубину вашей души... Къ моему величайшему изумленію, Ковалевъ бесѣдовалъ съ Короленко совершенно откровенно, какъ будто со старымъ знакомымъ изъ своего круга.

Впослѣдствіи Филиппъ Сидоровичъ спрашивалъ меня о Короленко :

— А, должно быть, большой человѣкъ ?

Я говорю :

— Да, это нашъ знаменитый писатель.

— А простоты-то какой! Вотъ, поди ты! Заключилъ свои наблюденія о Короленко мой пріятель.

Конечно, Филиппъ Сидоровичъ не преминулъ угостить насъ, по обычаю, превосходнымъ арбузомъ, послѣ чего мы продолжали нашъ путь въ станицу.

Найти въ большомъ селеніи нужнаго жителя не такъ то легко, особенно, когда дѣло имѣешь лишь съ голой фамиліей, безъ дополнительныхъ описаній, по которымъ обыватель обычно отыскиваетъ, кого ему нужно.

Блуждали, блуждали мы по станицѣ довольно долго безъ результатовъ; а по начальству обращаться за справкой никакъ было нельзя, такъ какъ переписку вели казаки по секрету. Рѣшили напроситься въ первомъ попавшемся дворѣ на самоваръ и отдыхъ — для себя и лошадей. Уральцы народъ очень гостепріимный, если у нихъ нѣтъ какихъ-либо подозрѣній о гостяхъ.

Насъ немедленно просили “добро пожаловать”, и мы вѣхали въ чистый, подметенный, какъ полъ въ комнатѣ, дворъ. Начался обмѣнъ вопросами:

— А кто вы будете? Откуда и куда?

И можете себѣ представить, словно какъ бы чудесное совпаденіе: хозяиномъ этого дома и двора оказался тотъ самый казакъ, котораго мы такъ долго и тщетно искали; и когда онъ узналъ, что гость привезъ ему письмо отъ академика Ольденбурга черезъ Батюшкова, — насъ не знали, какъ лучше принять и гдѣ лучше посадить. Бесѣда длилась долго, и я не налюбовался на замѣчательное умѣніе Короленки вести съ простымъ народомъ бесѣду, на то очарованіе, близкое къ колдовству, которое онъ умѣлъ производить на собесѣдника.

И подъ вліяніемъ очарованія даже эти кремни — уральскіе казаки выкладывали ему все самое сокровенное, всю свою душу.

Эта поѣздка въ Круглоозерную станицу съ Коро-

рания сочиненій автора ; въ этомъ томѣ собраны всѣ работы Владимира Галактіоновича, имѣющія историческій характеръ, включая статью “Пугачевская легенда на Уралѣ”, написанную въ 1900 г., но въ печати появившуюся лишь въ 1922 г. (“Голосъ Минувшаго”, октябрь).

ленкой осталась у меня въ памяти, какъ живая, на всю жизнь. Въ теченіе этого лѣта мы частенько встрѣчались съ Владимиромъ Галактіоновичемъ; разъ онъ посѣтилъ меня въ моемъ собственномъ саду, который я развелъ исподволь за время пребыванія въ Уральскѣ. Садоводство сдѣлалось моимъ любимымъ на досугѣ занятіемъ, и такъ сказать, “слабостью”... Не мало личного труда и средствъ изъ скромнаго заработка по службѣ было вложено въ этотъ садъ, разведенный на трудовой нормѣ земли, отведенной мнѣ, какъ и всѣмъ другимъ членамъ общины, желавшимъ заняться садоводствомъ (5 дес.). Чаше же мы встрѣчались съ Короленкой или у Каменскихъ, или у него на дачѣ — они жили въ двухъ сосѣднихъ дачахъ.

Кстати, о Каменскихъ. Глава семьи Михаилъ Михайловичъ Каменскій, художникъ и преподаватель рисованія въ школѣ Штиглица, — родной братъ Ф. И. Каменскаго, извѣстнаго скульптора, съ которымъ я встрѣтился въ Америкѣ. Въ Уральскѣ же М. М. попалъ благодаря тому, что былъ женатъ на казачкѣ Олимпіадѣ Яковлевнѣ Шелудяковой; ей по наслѣдству достался садъ - дача подлѣ Уральскомъ, въ которомъ они проводили лѣто. У Каменскихъ была большая семья изъ подроставшей молодежи. Поэзія, искусство и музыка были любимыми занятіями всѣхъ членовъ семьи, что выдѣляло ее изъ сѣрой массы провинціальныхъ семей и дѣлало интересной...

Срокъ моей обязательной службы на Уралѣ*) заканчивался въ 1889 г., и я уже окончательно рѣшилъ переселиться для работы въ столицу. Цѣлый рядъ причинъ заставилъ меня сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ : прежде всего, почти во всѣхъ важныхъ вопросахъ мѣстнаго рыбнаго промысла мнѣ неминуемо приходилось переносить дѣло въ столицу, вершившую всѣ

крупныя дѣла: на основаніи горькаго опыта, я пришелъ къ заключенію, что въ дальнѣйшемъ я смогу больше пользы принести Уральскому казачеству въ области рыболовства, работая въ центрѣ. Съ другой стороны, я на каждомъ шагѣ чувствовалъ, что масштабъ работы въ провинціи по моей специальности слишкомъ узокъ. Приобрѣтенная подготовка давала возможность вести работу въ болѣе широкой области — именно въ центрѣ.

Наконецъ, я еще со студенческихъ временъ привыкъ пользоваться печатнымъ словомъ для проведенія, какъ научныхъ, такъ и экономическихъ вопросовъ. Возможность пользоваться этимъ орудіемъ на мѣстѣ съ развитіемъ реакціи почти прекратилась: “Уралецъ”**) погибъ подъ гнетомъ цензуры и атаманскаго самодурства.

Реакція сильно отразилась и на мѣстной гимназій, въ которой завелся политическій сыскъ, все направленіе обученія приняло крайне нежелательный характеръ и, кромѣ того, классическую гимназію преобразовали въ

*) За 2 1/2 года заграничной командировки отъ Уральского Казачьяго Войска для изученія рыбководства и рыболовства, я обязался прослужить по специальности 5 лѣтъ, съ 1894 г.

**) Газета, издававшаяся въ Уральскѣ въ 1897 г. на товарищескихъ началахъ.



Пресспапье — подарокъ автору, бывшему войсковому технику рыболовства отъ Уральского Казачьяго Войска : осетръ на глыбѣ льда.

реальное училище, изъ котораго безъ экзамена тогда еще нельзя было поступить въ университетъ. Упоминаю объ этомъ къ тому, что это обстоятельство такъ же было одной изъ причинъ моего рѣшенія перебраться въ столицу: оба мои мальчика были готовы къ поступленію въ гимназію, и я не хотѣлъ отдавать ихъ въ мѣстное реальное училище, а рѣшилъ дать имъ образование въ хорошей частной столичной гимназій.

Конечно, по поводу моего ухода со службы въ Уральскомъ Казачьемъ Войскѣ не обошлось безъ упрековъ по моему адресу со стороны нѣкоторыхъ недоброжелателей — таковыя всегда имѣются у каждаго общественнаго работника.

Искренне и тепло сожалѣли о моемъ уходѣ мои друзья. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ другого круга и десятка на два лѣтъ старше меня, полковникъ К. Ф. Логиновъ, съ которымъ мы не разъ вмѣстѣ работали на сѣздѣ выборовъ отъ станичныхъ обществъ, а также по проведенію закона о запрещеніи глубевого морского рыболовства въ Каспійскомъ морѣ, — сказалъ мнѣ на прощанье, что онъ очень радъ за меня, такъ какъ въ столицѣ я найду большую возможность примѣнить свои познанія, но что Уральское Войско должно сожалѣть о моемъ уходѣ.

Я старался убѣдить его, выставя приведенные выше мотивы; но переубѣдить этого “крѣпкаго” человѣка было не такъ то легко...

Уральское же Казачье Войско отблагодарило меня за

мое ему служеніе по дѣламъ рыболовства въ очень своеобразной и дорогой для меня формѣ: на собранныя по подпискѣ деньги, заказали и преподнесли мнѣ солидное пресспапье изъ сердоликоваго камня, на которомъ прикрѣпленъ прекрасно выполненный съ натуры серебряный осетрикъ — въ память моихъ работъ по искусственному разведенію осетра на Уралѣ.

Изъ расхищенныхъ и сожженныхъ въ 1918 - 19 г. у меня на петроградской квартирѣ предмѣтовъ, мнѣ всего больше жаль — моей библіотеки, собранной мною за двадцать пять лѣтъ работы по своей специальности, и этого пресспапье съ осетрикомъ.

Долгомъ считаю добавить, что и инициатива, и наблюденіе за исполненіемъ этого художественной работы пресспапье принадлежали бывшему старшему члену Войскового хозяйственнаго правленія Василию Патрикіевичу Мартынову, съ которымъ мнѣ пришлось работать вмѣстѣ въ указанный періодъ времени.

Въ періодъ свободъ 1917 г., когда Уральское войско рѣшило само избрать себѣ атамана, съ отъѣздомъ генерала Хабалова въ Петроградъ, гдѣ онъ, передъ февральскими событіями 1917 года фигурировалъ въ качествѣ военнаго градоначальника, то оно избрало своимъ атаманомъ генерала (тогда уже) В. П. Мартынова, каковымъ онъ, однако, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, пробылъ не долго. В. П. Мартыновъ умеръ отъ тифа во время гражданской войны на Уралѣ.

Н. Бородинъ.

Гражданская война на Уралѣ

Послѣ двухгодовой, почти непрерывной борьбы съ коммунистами Уральская отдѣльная армія, въ составъ которой входили, главнымъ образомъ, уральскіе казаки, въ концѣ 1919 года отступала къ берегу Каспійскаго моря; въ районъ единственнаго, оставшагося у уральцевъ, города Гурьева.

Борьба становилась непосильной. Постоянная подача противнику свѣжихъ резервовъ усиливала его боеспособность, тогда какъ наша армія, не имѣя подкрѣпленій, несла убыль отъ сильнаго сыпного, возвратнаго и брюшного тифа.

Въ декабрѣ сѣверная часть моря уже замерзла и доступъ судамъ Каспійской флотиліи къ Гурьеву былъ прекращенъ. Атаманъ Толстовъ былъ полонъ вѣры, что Добровольческая армія продержится до весны въ районѣ Ростовъ — Новороссійскъ, и рѣшилъ бросить на фронтъ все, что было, хоть немного, годно. Сокративъ тылы до минимума, онъ приказалъ всѣмъ служащимъ выступить на фронтъ. Цѣль атамана была одна: удержаться на территоріи войска до весны.

Въ г. Гурьевѣ былъ сформированъ послѣдній полкъ для пополненія фронта, названный “атаманскимъ полкомъ спасенія”.

Атаманъ рѣшилъ лично руководить операціями на фронтѣ и своимъ личнымъ примѣромъ воодушевить казаковъ.

Полкъ спасенія выступилъ изъ Гурьева на фронтъ въ среднихъ числахъ декабря; туда же выѣхалъ атаманъ въ сопровожденіи автора, исполнявшаго обязанности начальника штаба арміи.

Сдѣлавъ на автомобилѣ болѣе полупути до фронта, атаманъ остановился въ поселкѣ Янайкинѣ для ночлега.

Поздно вечеромъ начальникъ штаба былъ вызванъ къ телефону. Командующій корпусомъ съ фронта сообщалъ слѣдующее:

— Сейчасъ противникъ выслалъ парламентаровъ для переговоровъ. Принять или нѣтъ?

Атаманъ, послѣ доклада, далъ отвѣтъ:

— Парламентаровъ принять, препроводить въ штабъ корпуса, устроить въ лучшую квартиру, дать хорошую пищу, поставить надежный караулъ и ждать приѣзда атамана.

На другой день къ полудню прибылъ атаманъ и приказалъ немедленно вызвать отъ каждой части по одному офицеру и одному казаку.

Кстати сказать, къ этому времени частей, номинально, въ корпусѣ было много, но общее число бойцевъ не превышало 350 человѣкъ.

Собравшимся представителямъ атамана заявилъ, что онъ съ интересомъ выслушаетъ парламентаровъ, но, если вопросъ идетъ о сдачѣ Уральской арміи, онъ рѣшительно заявляетъ, что ни о какой сдачѣ не можетъ быть и рѣчи, своего согласія не даетъ, а для войска видѣть гибель, если послѣдуетъ согласіе на сдачу.

Атаманъ просилъ представителей скрыть его присутствіе передъ парламентарями и не называть его ни атаманомъ, ни генераломъ.

Начальнику штаба арміи поручено было вести переговоры.

Ввели двухъ парламентаровъ.

Первый, старшій производилъ впечатлѣніе интеллигентнаго человѣка, второй былъ изъ группы “красной кавалеріи кубанскаго сотника Попова” (еще ранѣе, будучи начальникомъ дивизіи, авторъ получилъ личное письмо съ предложеніемъ сдачи за подписью: “начальникъ кавалеріи, кубанскаго дивизіона, сотникъ Поповъ”), громаднаго роста, упитанный и довольно развязный.

Оба вошедшихъ сдѣлали общій поклонъ, и старшій заговорилъ, сильно волнуясь:

— Я, какъ парламентарь, присланъ къ вамъ передать пакеты...

Голосъ его оборвался, онъ поблѣднѣлъ.

Сидѣвшій въ сторонѣ, атаманъ сказалъ:

— Не волнуйтесь! Казаки, дайте стаканъ чаю. Выпейте и успокойтесь!

Парламентарь выпилъ и продолжалъ:

По прочтеніи этихъ пакетовъ ваше начальство должно дать мнѣ отвѣтъ въ теченіе 24 часовъ.

Запечатанныхъ сургучной печатью, пакетовъ было четыре: отъ совѣта народныхъ комиссаровъ, за подписью Ленина, Троцкаго, Каменева и др.; отъ командующаго юго-восточнымъ фронтомъ Фрунзе; отъ начальника уральской группы и отъ начальника фронтовой группы.

Содержаніе этихъ документовъ, которые атаманъ взялъ себѣ, тотчасъ по прочтеніи, не давъ списать копии, — почти одинаково.

Привожу содержаніе на память.

1) Разсмотрѣвъ положеніе уральскаго фронта, совѣтъ народныхъ комиссаровъ призналъ, что, при создавшихся условіяхъ, война потеряла смыслъ и приняла характеръ добиванія слабаго, не имѣющаго возможности защищаться по недостатку силъ и колоссально развившимся болѣзнями.

2) Уважая мужество уральцевъ, совѣтъ народныхъ комиссаровъ постановилъ: при добровольной сдачѣ даровать всѣмъ неприкосновенность личности, начиная съ начальника и кончая рядовымъ казакомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, занимавшихъ высшія должности, каковыя лица подлежатъ суду верховнаго трибунала.

3) При сдачѣ войска должно быть немедленно сдано все оружіе, аммуниція, интендантскіе склады и запасы.

4) Доссорскіе нефтяные источники и связанные съ промыслами зданія и учрежденія обязательно должны быть сохранены въ цѣлости.

5) Въ случаѣ перемирія, весь наличный медицинскій персоналъ, включая сестеръ, санитаровъ и обозъ, долженъ быть немедленно высланъ на нейтральную полосу, для урегулированія, совмѣстно съ краснымъ медицинскимъ персоналомъ, дѣла борьбы со всѣми различными болѣзнями въ области, принимая во вниманіе, что эпидемія принимаетъ угрожающіе размѣры.

Таково было содержаніе трехъ пакетовъ. Четвертый, отъ фронтоваго начальства, былъ болѣе обширенъ; въ немъ были прокламаціи на тему “миръ хижинамъ, война дворцамъ” и провокаціонные выпады по адресу казачьяго начальства.

Пакеты читались про себя начальникомъ штаба, командующимъ корпусомъ и атаманомъ.

Временно содержаніе пакетовъ передъ представителями не оглашалось, но они были предупреждены, что все будетъ сообщено послѣ увода парламентаревъ; кратко же было объявлено, что парламентары передали пакеты объ условіяхъ сдачи войска.

Послѣ обмѣна мнѣній съ атаманомъ, начальникъ штаба заявилъ парламентарамъ о невозможности дать отвѣтъ черезъ 24 часа, такъ какъ атаманъ и правительство находятся въ г. Гурьевѣ, въ тылу и снестись съ ними по телеграфу или телефону по такому важному вопросу совершенно невозможно, а потому просилъ продлить срокъ отвѣта на три дня.

Выслушавъ начальника штаба, парламентарь заявилъ:

— Я уполномоченъ лишь передать вамъ пакеты. Если вамъ угодно, оставьте насъ здѣсь и пошлите ваши пред-

ложенія на нашъ фронтъ со своими людьми.

На дальнѣйшіе вопросы о фронтѣ парламентарь отвѣчать отказался и лишь далъ отвѣтъ на частный вопросъ:

— Правда ли, что вашимъ командованіемъ были приняты чрезвычайныя мѣры къ уничтоженію чумы, путемъ сожженія цѣлаго квартала въ станицѣ Сахарновской?

(До свѣдѣнія штаба Уральской арміи дошли слухи, что, при обнаруженіи случая чумного заболѣванія въ станицѣ Сахарновской, коммунистическое начальство отдало приказъ немедленно оцѣпить весь кварталъ и, не выпуская ни одной живой души, ни людей, ни животныхъ, уничтожить кварталъ огнемъ. По свѣдѣніямъ штаба, было сожжено около семидесяти душъ, главнымъ образомъ, дѣти и женщины).

— Да, — отвѣчалъ парламентарь. Наше начальство рѣшило принять эту мѣру, чтобы однимъ грубымъ жестомъ уничтожить чуму. Больше заболѣваній не было.

Парламентары были уведены и оставшимся казакамъ полностью были прочитаны всѣ четыре пакета, послѣ чего атаманъ обратился къ нимъ съ рѣчью. Онъ указалъ, что принять даже эти “хорошія” условія онъ не можетъ, такъ какъ не вѣритъ большевикамъ.

— Всѣ прочитанныя условія — чистѣйшій вздоръ! Никогда большевики не согласятся оставить насъ на положеніи прежняго казачества. Они уничтожатъ казачество, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Дать же подпись, какъ вашъ атаманъ, на ваше самоуничтоженіе, я не могу. Никакого перемирія и мира съ большевиками быть не можетъ.

Послѣ этого атаманъ ушелъ, предоставивъ представителямъ рѣшить вопросъ и о рѣшеніи довести до его свѣдѣнія. Начальникъ штаба арміи и командующій корпусомъ остались на собраніи представителей.

Казаки колебались.

Раздавались голоса, что предложеніе большевиковъ пріемлемо, такъ какъ воевать съ ними нѣтъ силъ, но принять предложеніе о сдачѣ казаки не могли.

Найденъ былъ выходъ: послать двухъ казаковъ съ предложеніемъ продлить срокъ отвѣта. Желających поѣхать нашлось много. Были выбраны двое. Фамилій не помню. Ясно было одно, что посылка казаковъ только оттяжка. Бороться было невозможно. Сдаваться было еще хуже. Атаманъ предложилъ выходъ: прекратить борьбу, но и не сдаваться, а покинуть предѣлы войска, ища поддержки въ другихъ краяхъ.

Получивъ докладъ о рѣшеніи представителей послать къ противнику своихъ парламентаревъ - казаковъ, выслушавъ заявленіе начальника штаба арміи и командующаго корпусомъ о невозможности вести дальнѣйшую борьбу, атаманъ рѣшилъ сейчасъ же выѣхать навстрѣчу подходящему вновь сформированному полку. Въ поселкѣ Янайкинѣ былъ отданъ полку приказъ возвращаться въ поселокъ Сарайчиковскій.

Здѣсь и было принято рѣшеніе отступать на Фортъ Александровскъ, что на восточномъ берегу Каспійскаго моря, почти противъ города Петровска.

Отступление на Фортъ - Александровскъ мотивировалось тѣмъ, что въ Фортѣ былъ незамерзающій морской портъ, куда свободно могла подойти Добровольческая морская флотилія и перебросить остатки Уральской арміи на Кавказъ къ Добровольческой арміи.

Въ приказѣ атаманъ призывалъ пойти въ отступление только желающихъ.

До Форта нужно было пройти около 1.200 верстъ, огибая заливъ Цесаревица и Мертвый Култукъ.

Т. Сладковъ.

ВЪ ИСПАНИИ

Въ Мадридѣ, въ первые годы, я устроился недурно. Мои рисунки русскихъ троюкъ раскупались охотно, и я былъ почти заваленъ заказами. Но вдругъ, ни съ того, ни съ сего, какъ - то зимой интересъ къ моимъ произведеніямъ остылъ, а къ веснѣ ихъ совсѣмъ не покупали.

Пришлось встревожиться и принять нѣкоторыя мѣры чрезвычайнаго характера: ящики съ красками и всѣ аксессуары масляной и акварельной живописи я сложилъ на самое дно двухъ, видавшихъ всякіе виды, чемодановъ и принялся за перо. Рисоваль газетныя рекламы, а подчасъ и просто этикетки.

Началась нужда, недоѣданіе, частая смѣна жилища; захлестнули долги въ хлѣбныхъ и табачныхъ лавочкахъ. Равновѣсіе духа съ каждымъ днемъ становилось неустойчивѣе, и въ душу пахнуло пессимизмомъ, совсѣмъ мнѣ не свойственнымъ.

Какъ - то разъ, въ разгарѣ лѣта, когда въ Мадридѣ воцаряется *saïson morte*, о которомъ даже и въ Парижѣ русскіе не имѣютъ ни малѣйшаго представленія, — я получилъ весьма неожиданный заказъ. Произошло это въ маленькомъ кафѣ, на окраинѣ города, — а моимъ заказчикомъ явился владѣлецъ кѣбачка изъ ближайшей къ Мадриду провинціи.

Очевидно, я не получилъ бы заказа, если бы отъ скуки, за стаканомъ кофе, не зарисовывалъ карандашемъ испанца на лошади... По сосѣдству со мной, за другимъ столикомъ, сидѣлъ какой - то сеньоръ и съ видомъ непреодолимаго любопытства уже давно приглядывался къ моему занятію; что, правда, меня и не удивляло: всѣ испанцы, отъ мала до велика, грѣшатъ любопытствомъ, подчасъ даже безцеремоннымъ; и надо знать ихъ, чтобы на нихъ не сердиться.

Наконецъ, рисунокъ былъ законченъ. Я уже соби-



рался, перегнувъ пополамъ, сунуть его въ карманъ, какъ мой сосѣдъ, оказавшійся очень небольшимъ и неуклюжимъ человѣкомъ, съ трудомъ выбрался изъ-за стола, приподнявъ сомбреро и назвалъ себя по имени:

— Сеньоръ, — проговорилъ онъ, если Вы пожелаете, я скажу Вамъ, что давно ищу художника. Я — владѣлецъ винной лавки; это отъ Мадрида недалеко, всего 20 километровъ. Со мною лошадь и, если Вы свободны и пожелаете, я охотно приглашаю Васъ къ себѣ.

— Но, сеньоръ, — возразилъ я, — вѣдь, я еще не знаю, зачѣмъ Вамъ нуженъ художникъ?!

— Ахъ, да! Развѣ я Вамъ еще ничего не сказалъ о томъ, что я расширяю дѣло, мой ресторанъ, и хочу украсить его очень хорошей вывѣской, знаете ли всю стѣну. Я бы, конечно, не посмѣлъ беспокоить Васъ, если бы не видѣлъ, какъ Вы ловко и быстро, очень быстро, нарисовали Вашу картинку. Если Вамъ угодно, покажите мнѣ ее еще разъ.

Я удовлетворилъ его желаніе. Онъ долго разсматривалъ рисунокъ и неожиданно, что - то буркнувъ себѣ подъ носъ и слегка прикасаясь рукой къ сомбреро, быстро направился съ нимъ къ бару, къ владѣльцу этого кафѣ. А минуту спустя, началась обычная испанская исторія: рисунокъ мой загулялъ по рукамъ всѣхъ сидящихъ въ кафѣ; словомъ, создалась одна изъ тѣхъ легкихъ сенсаций, на которыя испанцы большіе мастера.

Свою работу я получилъ въ столь помятомъ видѣ, что могъ бы негодовать, если бы это случилось съ болѣе серьезной и цѣнной для меня вещью, но, къ счастью, въ данномъ случаѣ, не было къ тому никакого повода. Сеньоръ Хуліо — такъ назвалъ себя мой новый случайный пріятель — вернулся къ моему столику въ большой ажитации и, возвращая рисунокъ, скорчилъ строгую гримасу, блеснулъ взоромъ въ сторону сидящихъ въ кафѣ и прорычалъ:

— О, *mia madre!* Сеньоръ, ради Бога, простите! Эти животныя не умѣютъ обращаться съ хорошими вещами; всѣ они только пьяницы, — я хорошо ихъ знаю.

Я успокоилъ его и предложилъ оставить себѣ на память о нашемъ знакомствѣ эту пустяковую вещь. Озадаченный, онъ тутъ же торопливо сталъ шарить пальцами въ карманахъ жилета. Я понялъ, что онъ искалъ денегъ и, остановивъ его жестомъ, увѣрилъ, что денегъ мнѣ не надо...

— Но, сеньоръ, — но какъ же такъ? Безъ денегъ? Вы, можетъ быть, шутите? Это очень весело, но такъ у меня не дѣлается; я могу оплатить Вашу работу...

Я строго замѣтилъ ему:

Не надо тратить время на пустые разговоры.

Хуліо пытался еще протестовать, предложилъ выпить вина и, въ концѣ концовъ, мы уговорились, что въ условленный день онъ пріѣдетъ за мною и увезетъ въ провинцію.

Мы стали прощаться. По испанской манерѣ, онъ обнялъ меня за плечо; въ его представленіи я уже былъ *amigo*: а на отказъ отъ вина важно замѣтилъ:

— О, да, сеньоръ, конечно, вино этого кафѣ очень плохое; самое лучшее вино всей Испаніи Вы будете пить у меня дома. Нѣчто подобное имѣетъ только король! —

Мы простились дружелюбно. Вернувшись домой, я почувствовалъ, что Фортуна, кажется, рѣшила мнѣ снова улыбнуться. И она, дѣйствительно, улыбнулась послѣ ряда мѣсяцевъ всяческихъ невзгодъ и испытаній.

Въ условленный день, рано утромъ, едва я успѣлъ одѣться, въ комнату вошелъ сеньоръ Хуліо; онъ былъ незнаемъ: отлично выбритъ, тщательно одѣтъ въ легкой лѣтній костюмъ сѣраго цвѣта; при появленіи его на меня пахнуло запахомъ фиксажура, которымъ испанцы пользуются такъ неумѣренно, что головы блестятъ какими - то сизыми бликами и шевелюра ихъ, послѣ такого туалета, производитъ впечатлѣніе не то парика со склеившимися прядями непокорныхъ волосъ, не то какихъ - то головныхъ уборовъ изъ блестящей черной клеенки. Въ галстукъ визитера красовалась

большая булавка съ эмалированнымъ изображеніемъ головы индѣйца въ перьяхъ... Мы поздоровались.

— Донъ Педро, извините меня. Если позволите, я останусь минутъ на десять, а потомъ я пойду въ банкъ и снова зайду за Вами.

Я отвѣтилъ ему обычнымъ испанскимъ приглашеніемъ, завѣряя, что мой домъ — его домъ.

Хуліо дѣловито вынулъ изъ жилетнаго кармана огромные никкелевые часы подъ толстымъ стекломъ, въ родѣ тѣхъ, какими всегда были вооружены, въ былой Россіи, наши оберъ - кондукторы желѣзныхъ



дорогъ, посмотрѣлъ на циферблатъ, приложилъ къ уху и сталъ накручивать заводъ. Часы, очевидно, не шли и онъ, молча и досадливо вздохнувъ, сунулъ ихъ обратно въ карманъ.

— Ну, если такъ, Донъ Педро, не будемъ терять время и зайдемъ хлебнуть по чашкѣ кофе. Гдѣ бы Вы хотѣли?

Я подсказалъ и мы отправились. По дорогѣ Хуліо, видѣ обыкновенія, былъ молчаливъ, видимо сердился, что тѣсная толпа на тротуарѣ поминутно его затираетъ, и волновался за новое соломенное сомбреро, которое не думалъ одѣвать на голову, а бережно несъ впереди, на высотѣ плеча *.

Въ кафѣ сеньоръ Хуліо оживился. Раскланиваясь въ разныя стороны и салютуя итальянскимъ жестомъ друзьямъ, онъ скороговоркой замѣтилъ, что у него много пріятелей, которые очень его любятъ, еще съ того времени, когда нѣсколько лѣтъ назадъ, въ "Ретиро", онъ такъ спѣлъ Фламенго, что знаменитому Флета и сейчасъ до него далеко! Этому трудно было повѣрить, ибо голосовыя данныя моего пріятеля заставляли усомниться въ его дарованіи. Но пришлось покривить душой и оказать внѣшне полное довѣріе его хвастовству; — это было тѣмъ болѣе необходимо, что никакой испанецъ не можетъ помириться съ мыслью, что онъ не врожденный Донъ Хуанъ и что только не хочетъ стать знаменитостью.

Наконецъ, усѣвшись за столикъ, Хуліо вновь извлекъ изъ жилета часы, сердито тряхнулъ ими на ладони и тревожно проговорилъ:

— Да, Донъ Педро, дѣло плохо !..

*) Кстати сказать, почти каждый испанецъ въ Мадридѣ, послѣ того, какъ его причесалъ coiffeur, въ теченіе ближайшихъ дней уже ничѣмъ не прикрываетъ голову и поэтому даже въ глубокую ненастную осень вы можете наблюдать на улицахъ испанцевъ, закутанныхъ въ огромные пушистые шарфы и съ непокрытыми головами. Правда, одновременно это и послѣдній крикъ моды, которую задаютъ тамъ заѣзжіе французы и, главнымъ образомъ, американцы.

— Да въ чемъ же дѣло, и что важнаго въ томъ, что остановились Ваши часы? Вѣдь это можетъ случиться со всякими часами.

— Ну, если это случается, Донъ Педро, со всякими тамъ, часами — это ихъ дѣло!... А, вотъ, когда мои останавливаются, то это всегда къ бѣдѣ... Да, сеньоръ, года два тому назадъ они остановились въ ту самую минуту, когда наша любимая коза сломала себѣ обѣ переднія ноги... Ее пришлось прирѣзать и мы ее съѣли....

— А не приходило ли Вамъ въ голову, Донъ Хуліо, что часы Ваши просто соскучились по часовщику?

— Какъ они могутъ соскучиться по часовщику, Донъ Педро, когда мой отецъ уже не помнитъ, сколько лѣтъ носилъ ихъ дѣдъ?! И никогда они не останавливались!...

Въ этомъ новомъ хвастовствѣ звучала уже простоватость моего пріятеля: часы не только не носили слѣдовъ старины, но къ тому же были никкелевые, и это одно уже неоспоримо опровергало слова Дона Хуліо... Все же надъ моимъ совѣтомъ онъ очень призадумался и вдругъ повеселѣлъ :

— А знаете, Донъ Педро, что я Вамъ скажу: — Вы, пожалуй, правы. Я ихъ, конечно, отнесу къ моему большому другу ювелиру. О, это замѣчательный мастеръ! — Но вотъ, что обидно, Донъ Педро, что самыя простыя вещи иногда совсѣмъ не приходятъ въ голову даже умному человѣку. Впрочемъ, удивляться нечему: мой ресторанъ закружилъ мнѣ совсѣмъ голову. Вы думаете, легко увеличивать торговое дѣло?!

Скажу откровенно, что простодушная наивность пріятеля начинала мнѣ нравиться и забавлять.

Только уже послѣ двухъ часовъ мы по настоящему тронулись въ путь; для этого надо было совершить предварительное путешествіе черезъ цѣлый городъ на трамваѣ; на выѣздѣ изъ города мы снова очутились въ кафѣ, и пока мой пріятель ходилъ за повозкой, что заняло у него времени около получаса, я задумался о томъ, что, каковъ бы ни былъ заказъ работъ, мнѣ трудно будетъ сговариваться о цѣнѣ... Разговоры объ этомъ меня всегда смущали, ибо испанцы или очень скупы или ужъ очень щедры: Но бѣда грозила еще и съ другой стороны. Если почему - либо у Васъ завязывались съ вашимъ кліентомъ дружескія отношенія, то дружба эта отражалась обычно и на полученіи вайного гонорара: вамъ его уплачивали не въ урочное время и такими частями, что, въ концѣ концовъ, вашъ заработокъ переставалъ быть осязаемой единицей. Въ другомъ случаѣ, при официальныхъ отношеніяхъ, между вами и вашимъ кліентомъ водворялся тонъ какъ бы взаимнаго недовѣрія, и тогда со стороны кліента сыпались, какъ изъ рога изобилія — самыя неожиданныя капризы. Если же принять во вниманіе, что каждый испанецъ чрезвычайно порывистъ, то, чтобы успѣшно вести съ ними дѣло, необходимо быть и психологомъ и тонкимъ дипломатомъ.

Пока я былъ занятъ размышленіями, въ кафѣ вошелъ донъ Хуліо, но увы... отъ его нарядности не было и слѣда... Онъ былъ въ простомъ деревенскомъ платьѣ, въ каскеткѣ и холщевыхъ сабата и успѣлъ уже выпачкать половину щеки колесной мазью.

— Ну, вотъ, теперь мы поѣдемъ, Донъ Педро, давайте Вашъ чемоданъ, я его снесу въ повозку. А если Вамъ угодно, то выйдемъ вмѣстѣ и пойдѣмъ къ моимъ лошадямъ — это совсѣмъ не далеко! — Это "недалеко" оказалось очень условнымъ понятіемъ; мы прошли нѣсколько улицъ совсѣмъ въ сторону отъ заставы и начинающагося шоссе и, только спустя добрыхъ полчаса, очутились въ одной изъ узкихъ старомадридскихъ улицъ, у небольшого зданія. Въ воротахъ его Хуліо скрылся съ моимъ чемоданомъ и поклажей и выѣхалъ на улицу въ повозкѣ, очень типичной для всей Испаніи, — на двухъ огромныхъ колесахъ, съ шатрообразнымъ верхомъ, кры-

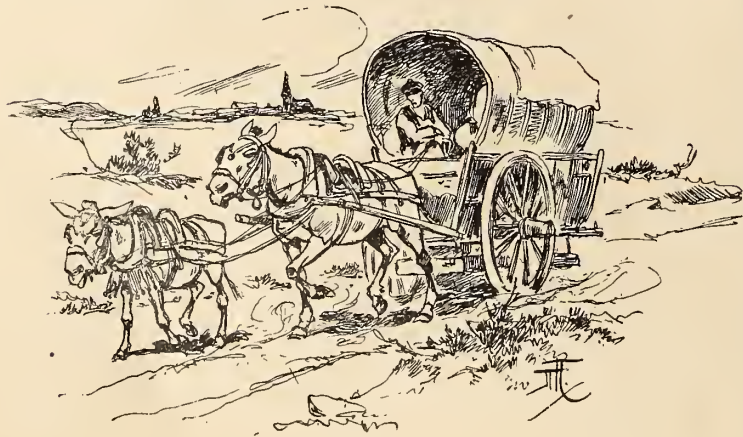
тымъ камышевой полостью. Въ повозку впряжена была пара сытыхъ и очень крупныхъ муловъ, въ широкихъ шлейкахъ и сбруѣ изъ такихъ же широкихъ ремней, съ налобникомъ, украшеннымъ гарусной красной сѣткой съ бахромой и помпонами. Вся упряжка была пестра, и каждый поворотъ головы мула сопровождался бряцаніемъ бубенцовъ и маленькихъ мѣдныхъ колокольчиковъ. Уже совсѣмъ на улицѣ Хуліо выбрался изъ нѣдръ своей колесницы, помогъ мнѣ погрузиться въ нее и устроиться поудобнѣе на днѣ; никакихъ скамеекъ въ



такихъ повозкахъ обычно не дѣлается, и пассажиры помѣщаются непосредственно на днѣ, устланномъ матрацами изъ соломы.

Нашъ отъѣздъ, хотя и рѣшительно ничѣмъ не былъ примѣчательнъ, выбросилъ на улицу чуть ли не все ея населеніе... Я видѣлъ какихъ - то старыхъ и молодыхъ испанокъ и испанцевъ, не только разглядывавшихъ насъ, но и принимавшихъ самое живое участіе въ нашемъ отбытіи. По всему видно было, что на этой улицѣ Хуліо свой человѣкъ; онъ то и дѣло пожималъ протянутыя на прощаніе загорѣлыя руки мужчинъ и женщинъ и отпускалъ какія - то веселыя остроты подросткамъ - дѣвочкамъ; тѣ хохотали и, кажется, не оставались въ долгу.

Наконецъ, мы тронулись, бубенцы зарокотали мѣдной трелью, и повозка, плавно колыхаясь на мягкихъ рессорахъ, двинулась къ выѣзду изъ столицы. Хуліо поминутно оборачивался въ мою сторону, долго беспокоился о томъ, удобно ли мнѣ, но увидѣвъ, что я ловко устроился, полулежа, на днѣ повозки и, опершись локтемъ на чемоданъ, закурилъ дешевую испанскую сигару,



имъ же мнѣ предложенную, — далъ муламъ ходу. Мы пошли на рысяхъ; повозку закачало въ разные стороны.

Въ эти часы, самые горячіе, за полдень, шоссе было почти безлюдно и только порою встрѣчались рѣдкія, такія же, какъ наша, повозки, либо большой рыдванъ въ запряжкѣ крупнаго мула и крохотнаго сѣраго ослика. Невольно напрашивался вопросъ: къ чему этотъ осликъ? Дѣло въ томъ, что крохотный осликъ оказывалъ большую услугу на подъемахъ: — своимъ торопливымъ движеніемъ онъ подбадривалъ малоподвижнаго громоздкаго мула и, подъ аккомпаниментъ всевозможныхъ крикливыхъ понуканій возницы, въ концѣ концовъ, благополучно выбирался на подъемъ.

О какой бы то ни было болтовнѣ не могло быть и рѣчи: бряцаніе бубенцовъ и какихъ - то металлическихъ скобковъ на нашемъ экипажѣ, раскачиваніе его и вздрагиваніе на рессорахъ — все это создавало непреодолимое препятствіе нашему общенію. Но, вотъ, насъ сразу обдало облакомъ пыли и гарью бензина и мимо, на хорошемъ ходу, обогнавъ, пронесся большой автомобиль съ пассажирами въ дорожныхъ плащахъ и сѣрыхъ шляпахъ; промелькнули женскіе головные уборы, какіе - то шлемы, шляпы безъ полей...

— Въ Валенцію покатили! — выкрикнулъ Хуліо, быстро обернувшись ко мнѣ.

Незамѣтно для себя, я уснулъ. Очнулся почти на закатѣ солнца. Жара немного спала, но внутри повозки было очень душно; хотѣлось пить. Я вынулъ изъ баула термосъ съ холодной лимонной водой, налилъ въ чашку и съ наслажденіемъ отпилъ — вода была еще свѣжей. Я потянулся было съ моимъ термосомъ къ Хуліо и покатился съ хохоту: Хуліо былъ совсѣмъ незнаваемъ: такъ пыль и потъ разрисовали его ликъ. Однако, видно, и я былъ хорошъ; заглянувъ мнѣ подъ шляпу, онъ тоже неудержимо расхохотался.

Отъ напитка Хуліо отказался, но, будто обрадовавшись подсказу, тотчасъ началъ рыться гдѣ - то у себя сбоку, въ грудѣ мѣшковъ и корзины и, вынувъ оттуда глиняную, грушевидную бутылъ, съ видимымъ наслажденіемъ присосался къ ея узкому горлышку. Мулы шли шагомъ, насъ почти не качало; Хуліо, утоливъ жажду кисловатымъ бѣлымъ виномъ, закурилъ толстую дешевую папиросу. Крѣпкій, ѣдкій дымъ ея пахнулъ въ мою сторону, и меня тоже потянуло закурить.

— Ну, какъ, — далеко ли еще ѣхать, Донъ Хуліо? спросилъ я, подсаживаясь къ нему сбоку.

— О, нѣтъ, Донъ Педро, уже не далеко, да что, все равно къ ужину будемъ дома. — А вотъ, не хотите ли чего скушать, — тутъ у меня козій сыръ и либретто (мучной бѣлый испанскій хлѣбъ).

Отъ ѣды я отказался, но выразилъ желаніе, пройтись немного пѣшкомъ.

— Ну, что, донъ Педро, пройдемся.

Приостановивъ муловъ, Хуліо выбрался изъ повозки самъ и помогъ мнѣ. Мулы тронули шагкомъ, мы пошли рядомъ. Шоссе было и пыльно и каменисто; мѣстами, по его полотну, попадались рытвины, и выбоины съ глубокими засохшими колеями. Не услаждалъ взора и пейзажъ по обѣимъ сторонамъ дороги; изрѣдка, ближе къ далямъ горизонта, мѣстами, маячили какія - то заводскія трубы съ прильнувшими къ нимъ длинными приземистыми строеніями, то одинокая церковная колокольня почти чернаго агатаваго цвѣта.

А въ небесной выси зной и тишина — и ни одной птицы. Вообще, я примѣтилъ явную бѣдность пернатого царства въ Испаніи и здѣсь, подъ Мадридомъ, это особенно бросается въ глаза.

Наши мулы прибавили ходу и выбрались на обойму шоссе; по насыпи вилась мягкая грунтовая тропинка, итти по ней было и пріятно и не такъ пыльно. Вдали стали вырисовываться далекіе холмы и бѣлыми пятнами

замерцали какія - то деревеньки; а тамъ протянулась узкая темная полоска, вѣроятно, лѣсистой грядки. Въ общемъ, было скучно.

Я спустился на шоссе и нагналъ повозку. Хуліо, повидимому, уже давно забрался въ нее и, прислонившись плечомъ къ навѣсу, какъ - то смѣшно покачивая головой, съ тупо опрокинутымъ чумазымъ лицомъ, очевидно, спалъ не на шутку. Не безпокая его, я осторожно, сзади, взобрался въ повозку и растянулся на матрацѣ. Спать уже не хотѣлось, и я отдался думамъ.

Шоссе пошло въ гору, — наша повозка запрокинулась назадъ; Хуліо проснулся; откашлявшись, онъ выругался и, обернувшись ко мнѣ, произнесъ:

— Тамъ, подъ горой, хорошая деревня; надо будетъ попить муловъ; тамъ у меня есть amigo у него кафэ, — можно будетъ отдохнуть съ часокъ.

Меня это порадовало, особенно перспектива возможности умыться. Мулы, натянувъ хребты и понутивъ головы, мужественно тащили нашъ экипажъ на высокій подъемъ. Но, вотъ, мы на спускѣ полотна дороги. Впереди мостъ, за которымъ вытянулась группа тонкихъ деревьевъ и, сквозь ихъ прозрачную листву, забѣлѣла стѣна съ красноватыми пятнами кровельной черепицы; еще одинъ небольшой поворотъ и, миновавъ мостъ, перекинувшийся черезъ глубокой глинистый оврагъ, мы въѣхали въ какое - то мѣстечко. Снова грядка деревьевъ, уже погуще, и потянулись они вдоль обѣихъ сторонъ шоссе. Вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, вырисовалась уходящая ввысь небольшая колокольня такой же небольшой церкви съ прилипшимъ къ одной ея стѣнкѣ краснымъ домикомъ. Потянулись бѣлые низкіе домики, всѣ подъ черепицей, съ рѣдкими окнами и дверьми; улица выползла на небольшую площадь, съ двумя - тремя лавченками; тутъ дома были выше и въ одномъ, двухъ - этажномъ обрисовалась широко раскрытая дверь. Хуліо оживился; онъ тщательно отиралъ лицо какимъ - то сѣрымъ полотенцемъ, вертя головой то вверхъ, то внизъ, и страшно гримасничая. Мулы бодро шли крупнымъ шагомъ на подъемъ улицы, набирая вожжей и похрапывая какъ бы въ предвкушеніи предстоящаго водопоя и отдыха; черезъ нѣсколько минутъ мы съ Хуліо вступили на крытую террасу casa vinos и вошли во внутреннее помѣщеніе.

Это была большая комната съ баромъ, — виннымъ прилавкомъ вправо отъ двери, рядами низкихъ столиковъ и камышевыхъ стульевъ. Въ моментъ нашего входа горница была безлюдна. Но Хуліо, очевидно, хорошо зналъ мѣстные порядки; что - то неясно буркнувъ мнѣ на ходу, онъ тотчасъ же скрылся въ непримѣтную дверь, за прилавкомъ - баромъ. Оттуда, сквозь тонкую стѣнку, слышались разноголосыя привѣтствія и, дѣйствительно, дружескіе возгласы. На минуту изъ двери выглянула дородная женщина.

— Простите, сеньоръ, садитесь, если Вамъ угодно, Вы у себя дома.

Я приподнял шляпу, поблагодарилъ и, оставшись одинъ, заглянулъ въ огромное желтое овальное зеркало. Оно отразило меня въ настолько смутившемъ меня видѣ, что я наскоро выхватилъ платокъ и, не щадя кожи, началъ вытирать лицо отъ толстаго слоя пыли. За этимъ поспѣшнымъ туалетомъ, я не слышалъ даже, какъ подошелъ ко мнѣ мальчуганъ и, дернувъ за полу дорожной куртки, пробасилъ:

— Сеньоръ руссо, идите за мной, если желаете мыться.

Потрепавъ его по щекамъ, я сунулъ въ чумазую руку пезету; это оказало магическое дѣйствіе. Мальчуганъ что - то быстро забормotalъ, прискокомъ пробѣжалъ къ таинственной двери и распахнулъ ее. За ней была небольшая комната, нѣчто въ родѣ кухонки съ грудой глиняной посуды, какихъ - то корзинъ, жестяныхъ ве-

деръ и мѣдными тазами; на единственномъ стулѣ, камышевомъ, съ подогнувшейся ножкой, лежало сомбреро Хуліо. Мальчуганъ перехватилъ мой взглядъ на этотъ стулъ и тотчасъ же сообщилъ:

— Сеньоръ Хуліо и мой падре сеньоръ Лопезъ и другіе сеньоры тамъ, въ саду; я сейчасъ принесу воды и бросеро (мѣдный тазъ).

Черезъ минуту я мылся холодной водой, необыкновенно мягкой. Не успѣлъ я закончить туалета и отереть грубымъ холщевымъ полотенцемъ лицо, какъ въ комнату вошла миловидная дѣвушка съ очень картинной головкой южнаго испанскаго типа.

— Извините, сеньоръ, моего брата, онъ очень глупъ и ничего не умѣетъ сдѣлать толкомъ, онъ не далъ Вамъ моего мыла. Вотъ оно.

— Я поблагодарилъ ее и увѣрилъ, что мыло, которымъ я мылся, было прекрасно, при этомъ добавивъ, что мнѣ было бы болѣе пріятно познакомиться съ нею, когда я уже буду въ порядкѣ. Дѣвушка стыдливо вспыхнула, метнула въ мою сторону агатомъ черныхъ глазъ, кокетливо улыбнулась, и тотчасъ же скрылась... Я вышелъ въ ресторанъ. У прилавка, на высокомъ табуретѣ уже возсѣдалъ мой Хуліо и, сильно жестикулируя, о чемъ - то громко и гортанно рассказывалъ дородному испанцу, очевидно, владѣльцу дома. При видѣ меня, Хуліо соскочилъ съ табурета и, подойдя ко мнѣ, пробормоталъ:

— О, донъ Педро, Васъ уже знаютъ, а Лопезъ ломаетъ голову надъ тѣмъ, какое вино Вы желаете и полюбите ли Вы его "косидо" (національное блюдо).

Когда я уже былъ знакомъ и съ Лопезомъ и съ его дородной красивой супругой, — мы болтали, какъ давніе знакомые. Какой - то сухой старичокъ суетился около большого длиннаго стола, покрывая его скатертью и устанавливая посуду; тутъ же вертѣлся мальчуганъ и еще какая - то дѣвочка - подростокъ. Сеньоръ Лопезъ пригласилъ меня съ Хуліо пройти во внутренній садикъ. Черезъ выходную дверь, съ улицы, обогнувъ каменную стѣнку, и пройдя въ ворота, мы очутились въ крохотномъ садикѣ, за изгородью котораго видны были наши мулы съ подвязанными кормовыми мѣшками на мордахъ. Садикъ былъ уютенъ, съ кустами розъ и какими - то зеленѣющими крохотными грядками; старенькій покачнувшийся столикъ со скамьей и двумя табуретами манилъ, точно приглашая къ отдыху и бесѣдѣ. Мы размѣстились, закурили сигареты и пустились въ болтовню... Лопезъ съ пафосомъ расхваливалъ свой ресторанъ; увѣрялъ, что въ немъ еще такъ недавно отдыхалъ и кушалъ самъ губернаторъ Мадрида и даже на память ему, Лопезу, оставилъ пару королевскихъ сигаръ Альфонса XIII-го. И кабалеро обѣщалъ, что его дочь, Мерседесъ Лопезъ, будетъ самой знаменитой артисткой... И тогда очень возможно, что адъютантъ губернатора сеньоръ Донъ Хуанъ захочетъ жениться на Мерседесъ, но, онъ, Лопезъ, еще будетъ много думать объ этомъ и совѣтоваться съ друзьями...

О, какъ милы и чистосердечно наивны эти испанцы, — думалъ я, слушая и Лопеза и моего Хуліо.

Вошедшая въ садикъ сеньора Лопезъ, нарядная и величавая, гладко причесанная и сіяющая, оборвала нашу бесѣду — пригласила къ столу.

Залъ ресторана оказался неизнаваемымъ; обильно уставленный бутылками столъ съ огромнымъ блюдомъ косидо, поджареннымъ рисомъ съ кусочками курицы въ немъ и другой обильной снѣдью, разжигалъ огромный аппетитъ. Мы съ Хуліо заняли мѣста на мягкомъ диванѣ вдоль стѣны; чета Лопезъ размѣстилась на плетеныхъ стульяхъ; оставались незанятыми еще два стула. Въ ожиданіи кого - то было разлито по стаканамъ вино, и его молча отхлебывали короткими глотками.



Но вотъ, изъ дверей показалась оригинальная пара. Пристукивая четкими каблучками, подходила къ намъ стройная дѣвушка, а за ней шель старичекъ съ прижатой къ груди большой гитарой.

Прелестная Мерседесъ сѣла возлѣ матери. Дѣвушка держалась увѣренно, безъ тѣни ненужной застѣнчивости. И началось то испанское угощеніе, которое такъ сродни русской натурѣ, но, пожалуй, еще неудержимѣе въ потокахъ веселой и остроумной болтовни. Наконецъ, поданъ былъ хересъ въ глиняныхъ стаканахъ — и всѣ, какъ по сигналу, примолкли и будто къ чему - то приготовились... Мужчины закурили сигареты.

Старичекъ, устѣвшійся возлѣ меня, взялъ гитару, подтянулъ струны, нѣсколькими широкими аккордами настроилъ ея тонъ. И гитара зарокотала напѣвомъ той изумительной испанской музыки, которую я такъ люблю, но никакъ не могу запечатлѣть въ памяти. Она очень своеобразна и въ ней такъ неожиданны изломы мелодіи и переходы изъ минора въ мажоръ, что мнѣ всегда кажется, будто она подчинена какимъ - то своимъ особеннымъ канонамъ гармоніи. Подъ искусными пальцами старика, гитара то рыдала, то смѣялась; то стихійная жгучая страсть срывалась съ ея струнъ, то шопотъ сердечной тайны и тонкаго соблазна пѣли ея грудью...

Я взглянулъ на дѣвушку; ея блѣдное личико было серьезно; тонкія, точно нарисованныя, брови стянулись надъ переносьемъ и огромные черные глаза мерцали агатовымъ блескомъ подъ пушистыми стрѣльчатыми рѣсницами; губы раскрылись, и изъ глубины ихъ блеснулъ жемчугомъ рядъ мелкихъ зубовъ. Ея мать, эта дородная матрона, тоже, повидимому, была взволнована, но тѣмъ сдержаннымъ волненіемъ, которое ей подобало. Отецъ, не спускавшій глазъ съ личика дочери, тоже серьезный, какъ будто чѣмъ - то даже озабоченный, то облакачивался на столъ, то, какъ - то сутулясь, откидывался на спинку стула.

Хуліо закрылъ глаза и дышалъ тяжело и шумно...

Подъ окнами и въ дверяхъ ресторана уже появились первые любопытные; ихъ кучка росла; дѣти и подростки еще несмѣло жались вдоль наружной стѣны зала. Старушки и старички присѣли на табуретахъ небольшой терраски у выходныхъ дверей; всѣ они чего-то увѣренно ждали.

Я не замѣтилъ, чтобы кто - нибудь изъ родителей дѣвушки хотя бы жестомъ или взглядомъ подсказалъ ей начало, но она вдругъ упруго выпрямилась на своемъ табуретѣ и, слегка откинувъ голову, обронила первые

звуки голоса. Это было сочное бархатное контральто, и въ первый моментъ она еще не пѣла, а какъ бы прислушивалась къ самой себѣ. А потомъ полилось!... Звуки то нарастали, то падали, вплетаясь въ звонъ рокочущихъ струнъ аккомпанимента; то, что - то шепнувъ, она вдругъ покрывала шепотъ отчаяннымъ, почти до крика, протестомъ, то зовомъ безмѣрной огненной таски и зноя точно обвивала чье - то любимое тѣло... Словъ въ пѣснѣ почти не было... Это были модуляціи, но такія вдохновенныя, такой непосредственной красоты, какихъ я никогда не слышалъ. Дѣвушка пѣла не долго, но, еще не обрывая пѣсни, потянулась къ столу и взяла кастаньеты; онѣ щелкнули разъ, другой, сначала сухимъ, какъ расколовшаяся кость, звукомъ, — затѣмъ тупымъ, заглушеннымъ, будто наперекоръ запрету, и сразу же, вслѣдъ за этимъ, загорячились дуэтомъ, заспорили, то будто охваченныя гнѣвомъ, то примиренныя, уговаривающія другъ друга. На секунду ихъ заглушала пѣснь, но онѣ снова вырывались, и такъ, — въ смѣнахъ побѣды и побѣжденности, — знойно распахнулся романъ, можетъ быть, первый, а, можетъ быть, и послѣдній; вспышка любви и страсти...

Все звучало на диво хорошо!... И вдругъ умолкло... И еще болѣе яркой красотой замерцала вся внѣшность пѣвицы. Ореоломъ врожденнаго дарованія, дарованія свыше, ослѣнилась ея прелестная головка. Я невольно любовался ею; блѣдная, съ остановившимся затуманеннымъ взоромъ, смотрѣла она куда - то въ окно; а губы еще что - то шептали, точно кто - то былъ тамъ за окномъ; точно, она видѣла зовущій ликъ крылатога генія.

Послѣ короткой паузы всѣ зашевелились... Я оглядѣлъ всѣхъ; мы были взволнованы, каждый по своему, но каждый стыдился своего волненія; и, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вдругъ раздался чей - то ненужный, натянутый смѣхъ; отецъ дѣвушки буркнулъ какую - то остроту; мой Хуліо завозился на диванѣ, пряча лицо въ тѣни; онъ шмыгалъ носомъ, стараясь имитировать приступы непреодолимаго насморка; старичекъ - гитаристъ, низко опустивъ голову, поглаживалъ струны, сдавивъ всей ладонью грифъ гитары; но вотъ, онъ привсталъ, потянулся за своимъ, еще нетронутымъ, стаканомъ, запрокинулъ его и не отрываясь долго, съ наслажденіемъ глоталъ влагу, и по его запрокинутой шеѣ, то вверхъ, то внизъ скользилъ, обтянутый старчески - тонкой кожей, кадыкъ; за послѣднимъ глоткомъ онъ крякнулъ, рукавомъ рубахи вытеръ губы и, слегка кивнувъ головой, отошелъ отъ стола за перегородку стойки. Туда же, вслѣдъ за нимъ, направились и мать съ дочерью. Дѣвушка, будто что - то вспомнивъ, быстро обернулась, улыбнулась намъ прощальной улыбкой и, обнявъ мать, крѣпче застучала на ходу высокими каблучками туфель.

Толпы въ выходныхъ дверяхъ уже не было; только двое старичковъ вошли и направились молча, къ стойкѣ бара. Я вышелъ на воздухъ; Хуліо куда - то непримѣтно исчезъ.

Черезъ полчаса, простившись долгими рукопожатіями съ хозяиномъ ресторанчика, мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Наши мулы бѣжали бойкой рысью и къ ночи, когда уже совсѣмъ догорѣлъ багровый закатъ знойнаго дня, мы были въ новомъ нашемъ пристанищѣ.

Настроеніе Хуліо мѣнялось къ худшему! Обычно веселый, нравъ его подернулся флеромъ. Образъ сеньориты Мерседесъ, очевидно, не покидалъ его сердца.

— Вотъ, донъ Педро, какъ это нехорошо бываетъ!...

— Что бываетъ? переспросилъ я.

— Да, вотъ, эта самая любовь у нихъ, у женщинъ...

— А почему это васъ такъ волнуетъ, милый донъ Хуліо? — заинтересовался я.

— Ну, какъ вы не понимаете, донъ Педро? Вы, конечно, и сами видите, какая красавица эта дѣвушка, Мерседесъ! А какъ поетъ! А развѣ ея кастаньеты безъ

языка?... А вы знаете, о чемъ и кому болтаеъ этотъ языкъ? Обо мнѣ и мнѣ, донъ Педро!... Да, — это я вамъ правду говорю, какъ въ исповѣдальнѣ у дона Антоніо. И вамъ я все разскажу, если вамъ угодно меня слушать... Нѣтъ, вы, донъ Педро, должны меня слушать... Хотите или не хотите, это все равно... И это потому, что, когда сердце стучитъ, какъ кузнечный молотъ, а въ головѣ всякая всячина завелась — тутъ, донъ Педро, молчать уже нельзя и надо либо къ донъ Антоніо въ исповѣдальню, либо хересу... Много хересу... Скажите, *mio amigo*, что за штука, любовь? Кто ее выдумалъ? И кому она нужна?... И хочу ли я ее, не знаю... Ничего не знаю, *amigo mio*, А, вотъ, случилась эта любовь — и вышло плохо, и все идетъ плохо... — И *mi casa vinos*, и мои козы, и моя жена — теперь ужъ не мои... да, у меня уже ничего и нѣтъ... и не надо... — Скажите, *amigo*, откуда приходитъ любовь? Отъ Бога или изъ ада?! Я думаю, что она приходитъ отъ ночи!... У каждаго человѣка есть своя звѣзда и отъ звѣзды этой приходитъ любовь, вотъ, почему любовь приходитъ ночью!... И это такъ, донъ Педро!... Потому что днемъ — у меня есть мулы, *casa vinos* и все такое другое, а ночью — Мерседесъ съ кастаньетами, эта дѣвченка-дьяволенокъ... и ночью я не сплю, а иду къ ней... Цѣловать ее иду. Только и сплю, когда дождь ночью; а когда звѣзды — иду къ Мерседесъ...

И Хуліо хотѣлъ еще что - то сказать, но, вдругъ оборвавъ свое повѣствованіе, натянулъ возжи, остановилъ муловъ, и, досадливо сплюнувъ въ сторону, проговорилъ :

— Вотъ, всегда такъ!... Не туда мы ѣдемъ, донъ Педро; надо было ѣхать вправо, мимо кладбища, а мы ѣдемъ влѣво, къ каменоломнямъ... Надо поворачивать назадъ... А все эта Мерседесъ!...

Неуклюже выбравшись изъ фургона и пересыпая гор-таннимъ понуканьемъ удары бича по крѣпкимъ спинамъ муловъ, онъ повернулъ повозку назадъ и, ведя муловъ подъ уздцы, повернулъ ее на настоящую дорогу.

Мы медленно обогнули, казалось, нескончаемую высокую стѣну кладбища съ мрачной готической колокольней, остро - пирамидальная кровля которой, со стороны догорающаго заката, казалась залитой потокомъ еще знойно мерцающаго красно - бураго пламени...

Я залюбовался этимъ декоративнымъ пятномъ на общемъ довольно безотрадномъ фонѣ пейзажа.

А донъ Хуліо вновь занялъ свое мѣсто на передкѣ повозки и, какъ бы забывъ про меня, затянулъ что - то похожее на пѣсню Мерседесъ. Это удавалось ему плохо и, неожиданно оборвавъ мотивъ, онъ обернулся ко мнѣ.

— Слушайте, донъ Педро, я вамъ, тамъ все - таки разскажу обо всемъ, но только не теперь, а тамъ, дома, послѣ ужина, — впрочемъ, если намъ его дадутъ!... Вѣдь, вы еще не знаете мою жену. О, эта сеньора съ тяжелымъ нравомъ, особенно къ ночи, да еще, если козы почему - либо не дали вечеромъ молока столько, сколько хочетъ сеньора... А, вѣдь, если подумать, что моя Анхеля еще такъ недавно была — ну, какъ бы васъ увѣрить, — тоже красавицей! Просто не могу понять, куда что дѣлось?!... Впрочемъ, можетъ быть, оттого, что мое вино ей очень пришлось по вкусу, и она пьетъ его, какъ воду!... Вотъ, ужъ и не знаю — оттого ли, отъ другого ли, но она стала очень толста, вся, съ ногъ до головы. И вы, конечно, понимаете, донъ Педро, что хорошо для коровы, то плохо для красавицы... Ну, да что ужъ тутъ говорить, сами все увидите. А ужинъ — все же думаю, будетъ, — ну, не такой, какой бы надо для перваго съ вами знакомства, а все же расправимъ свои животы. Но пока не будемъ говорить объ этомъ...

И онъ, дѣйствительно, замолкъ. Я нечаянно вздремнулъ. Очнувшись вдругъ, отъ сильнаго толчка повозки; ее

колыхнуло на крутомъ поворотѣ. Когда я открылъ глаза, она уже остановилась и по приглашенію моего пріятеля, я выбрался изъ - подъ крова, не сразу нащупавъ затекшими въ колѣняхъ ногами твердую почву.

Я очутился у входа въ низенькую длинную венту съ крошечными оконцами подъ широкимъ навѣсомъ черепичной крыши, — съ открытой вглубь дверь, откуда какъ бы рвалось наружу черное пятно непроницаемаго мрака. Я былъ въ одиночествѣ. *Amigo* куда - то исчезъ. Въ двухъ шагахъ отъ себя я замѣтилъ стараго косматаго пса, не даващаго себѣ труда даже привстать и обнюхать меня. Онъ лежалъ, прильнувъ головой къ переднимъ лапамъ и вздрагивая тѣмъ, что осталось у него отъ хвоста...

Я закурилъ папиросу. Догоравшій знойный вечеръ дарилъ своей прощальной улыбкой, а скучныя дали заволакивались сизой дымкой... На одинъ мигъ моя мысль унеслась было, въ Мадридъ, но громкій окрикъ Хуліо оборвалъ сразу ея полетъ. Подойдя ко мнѣ почти вплотную и понизивъ голосъ до хриплаго шепота, онъ проговорилъ :

— Ну, такъ и есть, донъ Педро, — вѣрите мнѣ, я это предчувствовалъ, но только вышло хуже, чѣмъ я думалъ!...

— Но въ чемъ же дѣло, милый донъ Хуліо? — проговорилъ я, желая разсѣять его видимую тревогу, — вѣрно, опять какіе - нибудь пустяки? Вы всему придаете преувеличенное значеніе, не такъ ли, мой другъ ?

— Ну, какъ сказать, донъ Педро, хотѣлъ бы я знать, что бы вы сказали, если бы я могъ провести васъ въ нашу венту и вы бы увидѣли мою Анхелю, какой я ее только что видѣлъ!... Сказать стыдно! — Поперекъ кровати и вся въ бутылкахъ!... И всѣ пустыя!...

— Ну, не тревожьтесь, милый Хуліо, вѣдь, вы немножко виноваты и сами: — заставили скучать по васъ вашу супругу столько времени, не правда ли ?

— Это, вы знаете, донъ Педро, ловко сказали и тутъ есть доля правды; конечно, моя жена — женщина, и съ нею все можетъ случиться. Ну, ладно, будемъ устраиваться сами. Да, вотъ бѣда, спать - то намъ придется въ этой повозкѣ, потому что въ венту ужъ лучше сегодня не входитъ!... Сами знаете, когда женщина не здорова, такъ и вся вента не по себѣ... Ужъ такъ всегда бываетъ! Ну, такъ ладно ли будетъ, если мы заночуемъ въ повозкѣ?

— Конечно, ладно, — завѣрилъ я его. Хуліо поспѣшно нырнулъ во мракъ двери своего жилища, а я присѣлъ на скамью, прижавшуюся къ стѣнкѣ дома и, въ ожиданіи новыхъ забавъ и сюрпризовъ, сталъ созерцать надвигающуюся темную душную ночь... Небо затянулось брилліантовой пылью яркихъ звѣздъ и, млечный путь, обвитый жуткой тайной миріадовъ планетныхъ міровъ, мерцалъ своими туманами, вѣковѣчной загадкой для крохотнаго ума человѣческаго... И душу охватывалъ трепетъ у подножія величія Вышняго... Ночь, вся въ какихъ - то шорохахъ и неясныхъ вздохахъ, уже царила кругомъ... Наконецъ, вновь появился и Хуліо. Онъ былъ нагруженъ корзиной съ большой каменной бутылкой и еще чѣмъ - то, а подъ локтемъ другой руки торчали подушки, обернутыя въ одѣяло. Шумно отдуваясь, онъ проговорилъ :

— Ну, будемъ дѣлать нашъ ужинъ, а потомъ, если вамъ угодно, и спать, донъ Педро.

На кострѣ, разложенномъ по другую сторону венты, подъ низенькой глинистой стѣнкой Хуліо состряпалъ что - то на подобіе супа съ горохомъ, крѣпко приправленнымъ краснымъ перцемъ и еще какой - то зеленью. Пока мы уничтожали эту похлебку изъ глиняныхъ тарелокъ, на чугунной сковородкѣ уже потрескивала яичница съ зеленымъ лукомъ; покончивъ и съ нею, мы занялись виномъ; оно было бѣлое, довольно кислое

и хмѣльное. За ужиномъ, перекидываясь короткими фразами, я замѣтилъ, что Хуліо, изрѣдка отрываясь отъ своего стакана, будто, къ чему - то прислушивался. Настроение его упало и казалось тревожнымъ.... Онъ, видимо, спѣшилъ съ нашей трапезой. Загасивъ костеръ остатками супа, мы отправились на ночлегъ, къ повозкѣ. Она стояла внутри небольшого двора по соседству съ низенькимъ амбаромъ, откуда доносилось похрапываніе муловъ и тянуло крѣпкимъ запахомъ козъ. Устройство нашей опочивальни внутри повозки заняло довольно продолжительное время; въ этой вознѣ Хуліо былъ молчаливъ и попрежнему озабоченъ. Наконецъ, мы улеглись на мѣшкахъ съ соломой и подушкахъ, набитыхъ сухимъ мхомъ. Хуліо долго вертѣлся у своей стѣнки. Но увы, уютъ и комфортъ моего ложа уже черезъ нѣсколько минутъ привели меня въ нѣмой ужасъ: оно было полно насѣкомыхъ и мечты мои о покоѣ и снѣ безнадежно разсѣялись... Мы вылѣзли и улеглись подъ повозкой на камышевыхъ рогожахъ... Но и тутъ не удалось уснуть... Не прошло и часу, какъ въ вентѣ раздались какіе - то грозные, хриплые крики и нѣсколько мгновений спустя передъ нами предстала необычайно монументальная дама... Безъ сомнѣній, она и была сеньорой Анхелей... Какъ ни крѣпился мой Хуліо, отдѣлаться молчаніемъ отъ окликовъ супруги, ему не удалось: пришлось обнаружить наше пребываніе подъ повозкой. Онъ выбрался изъ - за колесъ и предсталъ передъ своей Ксантиппой. Потокъ брани и отборныхъ привѣтствій полился, какъ изъ ведра, на бѣднаго Хуліо. и я не знаю, чѣмъ окончилась бы боевая схватка, если бы я тоже не поднялся изъ нашего убѣжища. Мое появленіе сначала озадачило сеньору Анхело, но вдругъ, какъ бы спохватившись и сіяясь одернуть довольно короткую юбку на широкомъ торсѣ, она отскочила отъ супруга и, прячась за его спину, прокричала:

— Я не знаю, сеньоръ, кто вы и зачѣмъ вы здѣсь

ночью; но для васъ будетъ лучше, если вы сейчасъ же уберетесь изъ моего дома!...

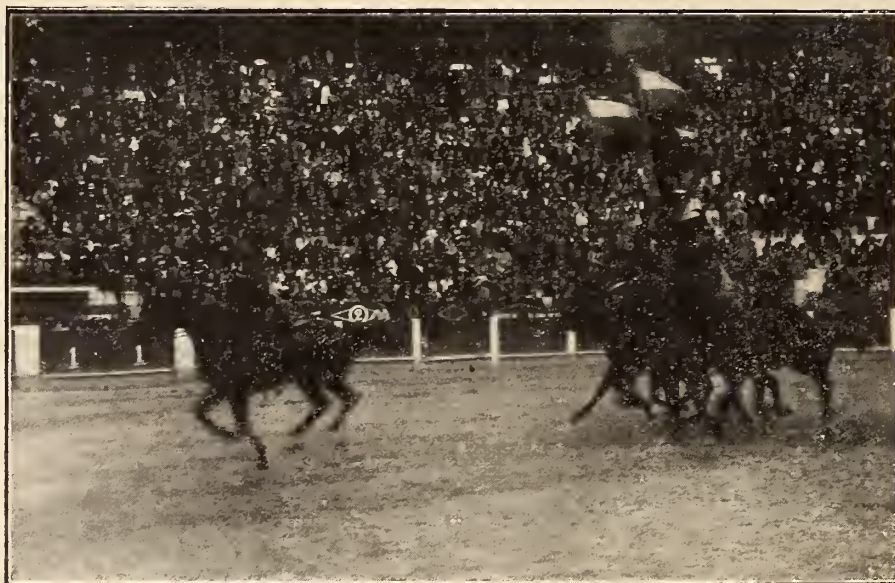
Этой послѣдней фразы, какъ будто только и не доставало для финала распахнувшейся на моихъ глазахъ семейной мелодрамы: Хуліо, можетъ быть, неумышленно, а, можетъ быть и нарочно, такъ порывисто повернулся на собственной вертикальной оси и такъ взметнулъ руками, что мгновеніе спустя я увидѣлъ, какъ оба супруга повалились на землю. Не желая подливать масла въ огонь, я съ неудержимымъ хохотомъ, перебѣжалъ за повозку. Найдя меня за повозкой, Хуліо отирая рукавомъ рубахи обильный потъ и поминутно сплевывая въ сторону, угрюмо пробурчалъ:

— Плохо дѣло, донъ Педро, на этой недѣлѣ третій зубъ теряю... И всякій разъ ночью!... Впрочемъ, я почувствовалъ, что случится что - то неладное. Вы помните, какъ я говорилъ вамъ еще въ Мадридѣ про мои часы? Ужъ какъ они остановятся, такъ быть бѣдѣ!.. То козы ломаютъ ноги, то я лишаюсь зубовъ... Такъ недалеко и до головы! Ну, это, конечно, не такъ важно, важно, чтобы я сейчасъ же увезъ васъ къ моему другу, отсюда недалеко, всего какихъ - нибудь три или четыре километра. И могу увѣрить васъ, что тамъ, у моего друга и кума, сеньора Пера, будетъ вамъ совсѣмъ спокойно, потому что онъ никогда не былъ женатымъ и этого до смерти боится. У него casa vios на самомъ шоссе при выѣздѣ изъ мѣстечка. И онъ также искалъ художника. Вотъ, я васъ и отвезу къ нему, познакомлю, да и самъ поживу съ вами денька два - три. Надо же и мнѣ отдохнуть, хоть немного, отъ этихъ женщинъ!... Не дадутъ онѣ мнѣ покоя!

На поиски новаго пристанища я согласился съ особой готовностью, а къ утру мы съ Хуліо уже сидѣли въ придорожномъ кафѣ его кума и пріятеля. И втроемъ опредѣлили и мое дальнѣйшее пребываніе и приложеніе моего искусства.

П. Першинъ

КАЗАКИ ДЖИГИТЫ ВЪ ИСПАНІИ



Джигиты группы есаула Н. А. Юркова передъ трибунами на праздникъ **Toros**. Многотысячная толпа рукоплещетъ казакамъ, скачущимъ въ "большой пирамидѣ", увѣнчанной русскими флагами

НА ДРЕВНЕМЪ РУБЕЖѢ

IX

— Куда ты, Ваня, въ праздникъ - то? бросила мимоходомъ мать, несшая со скотнаго двора ведро парного молока.

— Къ Гапо съ визитомъ, потомъ навѣщу раненаго, а къ обѣду вернусь, — отвѣтилъ Лукинъ, любуясь Мюридомъ. На красивой, отточенной головкѣ жеребца, будто парные часовые, въ струнку вытянулись острые ушки. Лукинъ ловко повернулъ скакуна, схватился за луку и легкимъ прыжкомъ сѣлъ въ сѣдло.

Долго пришлось ѣхать виноградными садами. Прикрытые отъ холодовъ землей, они напоминали необозримое кладбище, разбитое оградами на неровные фамильные участки.

Наконецъ, дорога извилисто поползла въ песчаную степь, по которой всюду сѣрѣли бугры; огромные, рыхлые, они напоминали мирно пасшихся допотопныхъ животныхъ. Среди нихъ бродили пушистыя овцы, съ мѣста на мѣсто озабоченно перебѣгали козы, зазывающе мычали коровы. Вдали, изъ необозримаго камыша, несло радостное ржаніе — привѣтъ солнцу! Повѣявшій вѣтерокъ принесъ запахъ степного дыма, а черезъ нѣсколько минутъ впереди всадника зажелтѣли зимовки арендатора.

Жеребецъ прибавилъ шагу. Предвкушая легкій завтракъ, Лукинъ безпечно покачивался въ сѣдлѣ. Вдругъ впереди, гдѣ - то за горкой кизяка, тявкнула собачка. Ее мгновенно поддержалъ сиплый басъ и тотчасъ зашестѣли камышевыя строенія. Колыхаясь, оттуда вылетѣла косматая туча собакъ. Учтивая опасность, Лукинъ собралъ жеребца въ клубокъ. Черезъ нѣсколько секундъ подъ брюхомъ скакуна точно кипѣлъ громадный котелъ. Молниеносно сверкали копыта, разсыпая ловкіе удары.

Мячами отскакивали псы и снова бросались на штурмъ. Нагнувшись, Лукинъ отбрасывалъ овчарокъ ударами толстой, куцей плети. Клокотавшая подъ нимъ живая масса барахталась въ пескѣ, лаяла, выла, визжала, шелкала свирѣпо зубами, грозя разорвать въ клочки.

— Пашель треклятый шабаки! раздался властный окрикъ выскочившаго изъ коша. Свора тотчасъ смолкла, завилала хвостами и послушной отарой овецъ повернула обратно.

— Слава Богу, наконецъ - то, — облегченно вздохнулъ Лукинъ: — Гапо, въ другой разъ стрѣлять буду!... Удовольствіе небольшое хрустѣть на зубахъ твоихъ собакъ!

— Ждраштвуй, Иванъ, штолько лѣта не видѣлша... Шлѣжай, пожалуста, закусимъ, арака наша отвѣдаѣ, — говорилъ хозяинъ — коренастый, пожилой осетинъ, обрамленный русою бородкой. Въ рукѣ у него блесгѣла винтовка.

— За самогонъ спасибо — жить еще хочется, а сыру съ удовольствіемъ отвѣдаю, — пожимая руку отвѣтилъ гость.

— Для рѣдкой гостя чихиря найдеца... Шичасъ мальчиковъ разбужу — они ночью барановъ пасла въ Грачевой полянѣ, — доносился изъ - подъ сарая голосъ осетина, ставившаго тамъ Мюрида.

— Падпруги аслабидилъ, штремя на луку надѣлъ, — при этомъ хозяинъ откинулъ отъ входнаго отверстія войлокъ и пригласилъ войти...

Внизу, въ темнотѣ, Лукинъ увидѣлъ мерцающій свѣтъ. Приспособившись, онъ началъ спускаться по землянымъ ступенькамъ. Послѣ пятой есаулъ очутился на днѣ широкой ямы, вокругъ которой тянулись земляныя нары, заваленныя овчинами, войлоками и шубами... Въ серединѣ, на массивномъ врытомъ пнѣ чадила коп-

тилка... Пахло смѣсью кожъ, шубъ и дыма, одобренной спиртнымъ перегаромъ. Сверху, черезъ крошечное круглое отверстіе, брезжилъ свѣтъ.

— Въ дождь пятакомъ закрываешь? кивнулъ гуда Лукинъ.

— Пока царской рубъ спасаетъ, — улыбнулся овцеводъ, поглядывая на дырку.

При появленіи гостя нары зашевелились; изъ - подъ тулуповъ прыгнули на землю два здоровенныхъ парня. Точно двѣ медвѣжки лапы пожали руку гостя. Гапо сказалъ что - то по своему. Старшій досталъ изъ золы прикрытую листомъ желѣза сковороду, вынулъ изъ нея теплый чурекъ, затѣмъ изъ кадушки вынулъ кругъ овечьего сыра и нарѣзалъ ломтиками. Острый запахъ желтоватыхъ пористыхъ кусочковъ возбудилъ у всѣхъ аппетитъ.

— Ежели, Ваня, брезгуешь наша радной шанпанской, штобы бурдюкъ не шердишша, буду ему кланяцца съ ребятами и вино съ табой пить. Выкатывай баченка. Маленькай, лей кабернэ ешаулу! распоряжался отецъ.

— Ну, чекнемся шперва за Россія! предложилъ хозяинъ. — Пей, чиплята, за наша дарагой Матушка Россія. Не успѣлъ сказать отецъ, какъ чайныя стаканы дружно опрокинулись надъ безднами "чиплять".

— Жа наша радной рушкій Кавказъ! — разгорался хозяинъ. — Што, Ваня, шкоро эта хмара пройдетъ? Когда въ Мошквѣ наша шолнышка выглянетъ? — говорилъ онъ, наливая.

Но прежде, чѣмъ Лукинъ открылъ ротъ, осетинъ уперся локтемъ въ колѣно, положилъ подбородокъ на ладонь и запѣлъ грустную заунывную пѣсню. Сыновья съ такимъ усердіемъ поддерживали отца, что у гостя затрепетали барабанныя перепонки. Закрывъ глаза, Лукинъ прислушался къ жуткому мотиву. Ему мерещилась снѣжная мятель, сугробы, среди которыхъ воетъ на луну стая голодныхъ волковъ.

Вдругъ Гапо сбросилъ шинель, кивнулъ Лукину, и оба, съ дикимъ гикомъ, понеслись плясать лезгинку. Словно гаркнули пушки, ударили ребята въ ладони. Но, вотъ, выскочили сыновья.

Ихъ головы мелькали подъ дымовымъ отверстіемъ, а внизу можно было различить лишь шерстяные бѣлые чулки. Наконецъ, пляска прекратилась.

— Хорошо твая, Ваня, танцуетъ, только па чеченски, — выразилъ сожалѣніе осетинъ.

— Иванъ, дай мнѣ на лѣту Атаманска долина!

— Она, дорогой, принадлежитъ обществу, а не мнѣ, я самъ арендую участки.

— Ну, чаво тамъ, Ваня, — твоя слова законъ, — скажешь на сходѣ и готова...

— А скотъ аульный куда прикажешь. Въ болото? Или пески глотать? Кругъ Атаманскую долину не выпустить. Со мной объ этомъ бесполезно разговаривать... Можетъ быть, иное что выкроимъ... На масляной прѣзжай — потолкуемъ...

— Ваня, ты маладой, горячій... Гапо торговаться заявить. Цѣну по шерсти дасть...

— Отлично, на торгахъ помѣряемся. Табунъ продамъ, а не будеть по твоему!...

— Ну, полно, Ваня, давай твоя рука... На торги не приходи — отступнова получишь...

— Э, нѣтъ, — протянулъ Лукинъ: — я такимъ промысломъ не занимаюсь... Хочешь куначить, объ этомъ не смѣй заикаться...

— Ну, ну, Ваня, не сердись, — осетинъ похлопалъ

его по плечу. — Не сердись, на маслену погуляем — бабъ цѣловать прїѣду.

— Дуню! кольнуло Лукина въ сердце... — Попробуй, если давно не битый... Такъ хворостинами отвозять, что кожа слѣзетъ... Онъ у насъ очень сердитый, — отшучивался Лукинъ, преодолевая острую боль и закипающую ревность. — Бабы не бабы, а блинами угостимъ... Да, чуть не забылъ, спохватился Лукинъ: — подари джигитамъ барана — для третьяго приза сой-детъ.

— А ты што далъ?

— Я — стрижака; атаманъ — бычка.

— Хорошай джигитовка будетъ?

— Въ грязь лицомъ не ударимъ... Многіе давно говорятся... Кони на овсѣ, какъ борзые собаки...

— Ты тоже будешь?

— Обязательно...

— Ну, пушай моя ярочка идетъ...

Снѣгъ падалъ густыми широкими хлопьями. Младший сынъ подвелъ подъ уздцы Мюрида и придержалъ правое стремя.

— На такой жеребца только мимо тещи ѣздить, — прицелкивалъ отъ восторга пальцами хозяинъ.

— И передъ строемъ прїятно, — прибавилъ есаулъ.

Вскочивъ въ сѣдло, онъ накинута на плечи бурку, потомъ, соблюдая старшинство, пожалъ всѣмъ руки.

— Сабуль! вторично поблагодарилъ гость.

— Якши ель, — дружно отвѣтили осетины.

Х

Въ бѣлой шапочкѣ и тулупчикѣ, встрѣтила масляницу станицы Привѣтная. Изъ каждаго жилья дымъ балилъ, трубы распираетъ. Только раздражили червячковъ блинами — жандармы идутъ: шапки саженныя, бѣлыя пребѣлыя, да сколько!? Тумъ - тумъ - тумъ - быды! Дзинь, - динь, - динь диди! — на всю площадь заливается тулумбасъ и мѣдныя тарелки.

“Машетъ мнѣ милой

Да правою рукой,

Рукой правою

Да черной шапкою...

раздирая глотки, валить во дворъ Лукина, плющится въ широченныхъ воротахъ ватага казаковъ.

“Перейди сюда

Ты, сударушка!

Я бы перешла —

Перехода не нашла;

Переходъ нашла,

Да жердочка тонка...

то вьется въ хорѣ голосъ запѣвалы, то, вырвавшись, ласточкой летить за облака

“Жердочка тонка,

Да рѣчка глубока...

Дирижируетъ плетью самъ масляничный атаманъ, отмѣченный съ блинъ эполетами и въ небо воткнувшейся шапкой.

“Во этой во рѣчкѣ

Купался боберъ,

Купался, купался

Не выкупался

Вышелъ онъ на горку...

— Смирно! отдавая честь, крикнулъ вождь.

— Здорово, жандармы! бросилъ съ крыльца Лукинъ, окруженный родными и знакомыми...

— Здравія желаемъ, господинъ есаулъ!

— Покорниче балдарю! кольнулъ въ догонку казначей, получивъ отъ нагнувшагося хозяина кредитный билетъ.

— Ура! — заревѣлъ атаманъ, и не успѣлъ Лукинъ заслониться жестомъ, какъ густо зашелестѣли на шапкахъ бумажныя ленты и мигомъ стальные руки, подобно налетѣвшему на безпомощную лодочку шквалу, подхватили его, и онъ почувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ, маленькимъ, подлетающимъ выше акаціи комочкомъ.

— Ура! Ура! Ура! — рвали глотки станичники, подкидывая. Казалось, еще свѣжая, жилистая рука, и онъ исчезнетъ въ солнцѣ.

— Стопъ! Откупился!

Лукинъ, коснувшись земли, сразу почувствовалъ возвратившіяся силы и, ликующей, взбѣжалъ на крыльцо.

Ай, ну-ка, ну-ка-на,

Ай, ну-ка, сатана!

завылъ запѣвало

Ну-ка, ну-ка, ну-ка, на

Попля-ша-ка, са-та-на!

подхватили казаки, ставши въ кругъ и ударяя въ ладоши.

“Тамъ-па-диди-ди

Тамъ-па-диди-ди!”

спохватился тулумбасъ, и, вотъ, прихрамывая и переваливаясь, помахивая коровьимъ хвостомъ, на кругъ, въ вывернутой шубѣ, вышло страшилище съ козлиной рожей.

Ну-ка, ну-ка, ну-ка-на

Ве-се-лѣе, са-та-на!

подзадоривали поющие, прихлопывая, подергивая плечами и притоптывая.

Ускоряя темпъ, вихремъ закружился чертъ, размахивая надъ головой палкой. Поджавъ хвостъ, онъ началъ, было, изображать волка, нападающаго на дикаго кабана, но въ этотъ моментъ съ крикомъ, гамомъ, во дворъ влетѣла стайка мальчишекъ и, толкаясь, полѣзла на середину. Такое непочтеніе сразу предоставило свободу дѣйствій черту. Взмахнувъ посохомъ, онъ съ воемъ бросился за дѣтьми, норовя поддѣть рогами улетающихъ.

— Акульку проморгалъ! Каймакъ содралъ! — записала на площади дѣтвора, дразня и прыгая.

Спокойно вернувшись, блюститель порядка раскрылъ болтающуюся сумку.

— Ну-ка, ну-ка, ну-ка я

между тѣмъ пѣли казаки, паля изъ ружей и хлопая двумъ пляшущимъ.

“Выйду я на рѣченьку,

Выйду я на быстрюю”

поймавъ повелительный жестъ водителя, затаилъ первый голосъ,

“Посмотрю на молоду

Да куда течетъ вода...

подхватили остальные, звякнули тарелки, загудѣлъ тулумбасъ.

“Течетъ рѣчка по песку

Во матушку во Москву,

пѣли жандармы, двигаясь со стрѣльбой въ слѣдующій дворъ.

Боясь расплескать, работникъ пронесъ за ворота коромысло чихиря.

“Ый! — крикнулъ возница, ловко опрокинувъ въ почтенную бочку оба ведра... и возокъ черепахой поплелся за пѣвшими.

А Лукинъ уже плясалъ на Мюридѣ среди взбудораженной площади! Со всѣхъ сторонъ неслись пѣсни, взадъ, впередъ скакали казаки, взмахивали строптивыми хворостинами настигаемыя ими бабы и дѣвки.

Вотъ я! Вотъ я! — кричалъ дядя Мосей, разжигая плетью конька. — Сѣдло ерзало, самъ онъ согнулся въ

дугу, запустивъ въ спину убѣгающей Дуни ястребиные глазки. На губахъ его поигрывала улыбочка, а козлиная борода и усы стремились опередить лошадиную голову... Еще плетъ... и крѣпко стиснули цѣпкія руки Мосея сильныя покатыя плечи. Слышитъ красавица дыханіе — будто скакала за нею бочка чихиря... Не съ тѣмъ думала она поцѣловаться! Перебилъ долговязый! Тигрицей вывернулась Дуня и, опоясавъ Мосея хворостиной, нырнула въ чужую калитку и задвинула прясло.

— Сладко цѣлуешься, свашка! — вытянувъ черезъ заборъ гусиную шею, крикнулъ согрѣтой ласкою и, почесывая поясницу, поскакалъ на верстатъ на другой.

“Офицерикъ, офицерикъ,
Офицерикъ молодой...”

скользнули мимо Лукина сани съ приплясывающими молодыми. Глянулъ есаулъ, а Дуня ужъ тамъ заливается. Привставъ, онъ гикнулъ, и не успѣли пѣсенницы схватиться за мечи, какъ обдали ихъ прянымъ паромъ, чуть вздрагивающія, до жилочки прозрачныя ноздри жеребца.

Изловчилась, взмахнула таки учительша, да поздно — уже цѣлуетъ ее Лукинъ.

Дернула, обнявъ его шею, Мотыка и чуть изъ саней не вылетѣла!.. Забыла, что казакъ съ конемъ сростается!

Вильнули сани за уголъ, но скорѣй онъ пополамъ перервется, а Дуню не выпуститъ. Впились они губами, жгутъ другъ друга страстью... Открываются въ любви...

“Мы поемъ, поемъ
Про свое житье-бытье-е...
Казачій домъ
Черна бу-у-ро-чка-а!
Же-на мо-ло-дая
Ша-шка во-о-страя!..”

Запѣли въ смежной улицѣ ряженые парни. Лукинъ оглянулся. Въ этотъ мигъ маска, припугнувъ дѣтей, ударила ближайшаго. Оскорбленный схватился за кинжалъ. Блеснула сталь, и, прижимая окровавленную руку, чертъ присѣлъ на корточки, а мальчикъ съ обнаженнымъ кинжаломъ помчался домой.

— Не будешь, орясина, — прошепталъ Лукинъ и глянулъ въ противоположную сторону. Тамъ во всю ширь бабы и дѣвки!.. Онѣ пѣсни поютъ, хворостинами машутъ; удалцевъ подзадариваютъ!.. Горячи палки, а поцѣлуй куда жарче! Кому не захочется козырнуть молодечествомъ? Развѣ есть, хоть въ одной станицѣ, живое сердце, навѣки оглохшее для голоса любви? Въ чьей груди не живетъ удалецъ сорви-голова, на глазахъ красавицы подъ пулями танцующій лезгинку? Отъ нечего дѣлать, всему міру на удивленье, забавляющійся своею жизнью на страшномъ карьерѣ? Сломаетъ на бѣшеной джигитовкѣ руку, ногу, ребро — не вздохнетъ, а лихо убьется — вѣчная слава изъ устъ въ уста. Долго сидитъ забубенная головушка на цѣпи благо-разумія, довольствуясь прѣсной пищей здраваго смысла и вотъ захочется вздохнуть полною грудью, полакомиться острымъ... Дернетъ, сорвется... и глядишь, вчерашній ростопша — казакъ, сегодня черта за поясъ затыкаетъ!.. А на масляницу вся станица съ нарѣзовъ срывается и вертится и кружится, быстрѣ пули въ стволѣ!..

Эй, не зѣвай! Конями сомнуть! Санями въ порошокъ сотрутъ! — а вывернешься, хворостинами бока прожгутъ!..

“Была не была” — прошепталъ Лукинъ и, сорвавшись, помчался на городокъ. Свиститъ вѣтеръ. Впередъ несутся навстрѣчу дома. Задергиваютъ слезы ненасытные глаза.

Глянетъ на густой, длинный рядъ то припавшихъ къ землѣ, то ставшихъ стѣной до небесъ змѣй — хворостинъ, вспомнить недавно извлеченную изъ груди пулю, ртутью по всѣмъ жиламъ жуть перекатится... Но

скорѣй падетъ онъ замертво подъ ударами, чѣмъ шевельнетъ пальцемъ свернуть летящаго Мюрида.

“Ужъ вы ку-у-дри мо-и-и...”

коснулось слуха. Потомъ городокъ будто сдвинулся, побѣжалъ навстрѣчу... и вдругъ искры посыпались изъ глазъ горячаго есаула! Какъ только черкеска не вспыхнула? Кипяткомъ окатило съ головы до ногъ, и станица пошла колесомъ, колесомъ, по надъ пропастью... Заржалъ жеребецъ, свѣчей взвился на дыбы и, вздрагивающій, опустился передъ разгоряченной Настей. А остальныя колотятъ, — изъ силъ выбиваются!.. Нагнулся Лукинъ и трижды поцѣловалъ улыбающуюся сосѣдку.

Крѣпость пала... Чуть сбочившись, принялся онъ за другихъ...

— Ахъ, вы, нечистые духи, на шермака! — крикнула фельдшериха и вмигъ засвистѣли свидовыя и давай гонять кровь по жилочкамъ, щупать косточки, щеголять по щекамъ подскакавшихъ во время перемирія съ Лукинымъ. Передернули плечами закаленные и помчались разбивать другой городокъ. Въ догонку смѣялись, и, Лукинъ, не желая вторично попадать подъ шедрыя руки, здѣсь сквозь землю провалился; выскочилъ онъ на самой широкой улицѣ, гдѣ джигиты на скаку звѣзды срывають. Тутъ и комиссія за столомъ возсѣдаетъ, и дяди Мосея конь сбоку у плетня вертится.

Старые, малые, въ черкескахъ, полушубкахъ, будто вмѣсто пуль изъ пулемета мчатся; что соколы крыльями, взмахиваютъ отцовскими, дѣдовскими, прадѣдовскими шашками: рубятъ лозу свидовую, жгуты соломенные, натянутые на вѣтранкахъ, колютъ шары на обѣ стороны, прыгаютъ черезъ препятствія, въ ростъ человѣка.

— Ахъ, держи, держи! — собака прорвала кордонъ, мелькнула черезъ улицу, передъ глазами горячей кобылицы. Шарахнулась ворона въ сторону, — но не можетъ казакъ не взять барьера: завертѣлся парень въ воздухъ, перелетѣлъ черезъ живую изгородь и сталъ на ноги, съ завистью глядя на скачущихъ мимо. Ураганомъ носится Мюридъ; блеситъ шашечка Лукина; поцѣлуетъ — не только хворостинка, дубъ поклонится, упадетъ въ ноги матери сырой землѣ. Оттолкнется скакунъ — въ облакахъ есаульская шапка, золотитъ солнышко серебряные галуны.

— Господи Ісусе!.. крестятся старухи, въ ужасѣ прижимаясь къ плетнямъ; у молодокъ въ груди дикіе табуны мечутся, а Дуня — то огнемъ займется — обожжетъ сосѣдокъ — то стоитъ статуя ледяная. У мальчишекъ слюнки текутъ — такъ казаками бы вытянулись!..

Едва прошли всѣ, дневальные отстранили преграды, и началась джигитовка. Да какая!.. Открылъ ее Лукинъ. На захватывающемъ духъ карьерѣ разминалъ онъ казачьи косточки. Диву дался атаманъ; бросилъ булаву на столъ и воткнулъ глаза на есаула. А тотъ — вдругъ коснется носками земли, кувыркнется надъ лошадыо турманомъ и скачетъ на шеѣ, лицомъ къ сѣдлу; то вновь, повиснувъ на лукѣ, толкнется и ласточкой на другую сторону!

— Ай да Николаевская сотня! — шепчетъ въ бороду Демьянъ, ставя въ новой графѣ первую пятерку. Глядь, а Терцовъ вверхъ ногами мчится; носки булавошкой небо колютъ. За нимъ Субботинъ обопрется о подушку, скреститъ ноги надъ крупомъ, — ткнется надъ сѣдломъ и голова къ головѣ...

— Каковы ножницы, кумъ, а? — весело обращается къ атаману Стожекъ.

— Кто это? — приготовился отмѣтить почесывающій бока Мосей.

— Ахъ вы, Филька съ Прошкой! Придумаютъ лѣшаго! На конѣ въ карты по носамъ... И какъ они, черти, на одномъ сѣдлѣ, да на карьерѣ... Ухабаки парни! —

А мимо стола другъ передъ другомъ джигиты изъ силъ выбиваются, жизнь свою въ родѣ хрупкой игрушки подбрасываютъ: не поймаю — вдребезги разо-

бьется!... А уйди бабы и дѣвки — сразу на половину жаръ холоднѣе станетъ, разсудокъ сердца подъ узды возьметъ. Но стоятъ красавицы букетомъ полевыхъ цвѣтовъ поодаль стола, сѣмячки арбузные да тыквенныя пощелкиваютъ, другъ дружку локтями подталкиваютъ, посмѣиваются.

Вотъ вырвался изъ строя двоюродный братъ Лукина — Петька. Ахъ, какъ несется золотистая красавица! Ножки — серна позавидуетъ! Кровь станичнаго англичанина фонтаномъ бьетъ! Такъ — пальнули въ догонку, и парень распластался на снѣгу.

— Убили! Убили! — закричала сердобольная старушка, не различивъ холостого выстрѣла, но подскакаль отецъ, дернулъ за поводъ и конь, свернувшись, повалился на бокъ.

— Гопъ! — крикнулъ казакъ, схвативъ Петьку на переднюю луку... и только ихъ видѣли.

Стопились, было, джигиты, да взмахнулъ Терцовъ плетью — какъ по линейкѣ провелъ; глянешь — глазъ радуется...

Не успѣлъ атаманъ поставить свою — противъ стола ауломъ ногайскихъ кибитокъ выстроились казачьи шапки, а дѣвки разбросали платки.

— Полковника Усова! Атамана! Есаула Лукина! Бритаго Петра! Парамона Кирѣева! Мои гроши! — кричалъ Демьянъ, разбрасывая пожертвованныя деньги, завернутыя въ разноцвѣтную бумагу... Хозяинъ станицы при этомъ еще сильнѣе нажалъ правымъ локтемъ, подъ которымъ покоились ассигнованные изъ общественныхъ суммъ — лучшимъ призы. И вотъ началось! Сверкали копыта, летѣли за облака папахи, трепетали въ воздухѣ платки, подскакивали скомканныя цвѣтныя бумажки. Все завертѣлось, замелькало. Вытянулся Мюридъ, взмахнулъ невидимыми крыльями и побѣжали дома, иноходью пошли избушки. Скачетъ жеребецъ, стелется ковромъ въ яблокахъ. Не двѣ сестры стрѣ-

лочки летятъ съ тугой тетины — мелькаютъ его острия, прижавшіяся ушки. Эхъ, какъ сорвался съ копыта кусокъ сбитаго снѣга! Нагнись — голову сорветъ! Заигралъ подъ солнцемъ и бацъ въ стекло! Глянула старуха съ печки въ дырку — не рублемъ, а уже гривенникомъ крупъ сверкаетъ! Стоитъ на сѣдлѣ Лукинъ — не шелохнется... Справа, слѣва, сотни глазъ впились! Почему, дескать, стоя скачетъ, когда всѣ достаютъ? Робѣетъ?...

Еще два маха, и комиссія отстанетъ на версту...

— Гмъ, — бросилъ носомъ двусмысленно Мосей и, словно, этимъ толкнулъ есаула.

Глядь — вмѣсто джигита надъ сѣдломъ лѣвая ступня торчитъ! А Мюридъ мчится!

— Гмъ, — не успѣлъ удивиться Мосей, какъ атаманская шапка взлетѣла надъ столомъ.

— Ахъ! — вскрикнула Дуня, схватывая за рукава окаменѣвшихъ сосѣдокъ и словно этимъ крикомъ подбросила удалца изъ бездны.

— Фу-ты, — протеръ глаза мгновенно вспотѣвшій Демьянъ.

Лукинъ стоя подскакаль къ джигитамъ.

За нимъ шелъ Степанъ. Издали узналъ онъ синія каемки... Остро нацѣлился въ платокъ невѣсты, ринулся внизъ и, вылетѣвъ изъ сѣдла, потерялъ сознание.

Та-ку! стрѣлялъ черезъ минуту въ нѣмецкую каску на пузатомъ чучелѣ Ермолаевъ. Прострѣлилъ, забросилъ за спину австрійскій карабинъ, подскакаль къ столу — Гопъ! — и, угрожая комиссії, конь взвился въ дыбы.

— Умри! — и гнѣдой повалился въ снѣгъ. Улыбаясь, Ермолаевъ разводилъ на двое проторенную бороду...

— Bravo! — не удержался Лукинъ, хлопая въ ладони.

(Конецъ первой части)

П. Ергушовъ.

НАШИ ХУДОЖНИКИ

Л. М. БЕНАТОВЪ



NATURE MORTE

НЕВИДИМЫЕ ЛУЧИ

Проф. А. Г. ГУРВИЧА

Одно из самых замѣчательныхъ проявленій живыхъ организмовъ или, какъ говорятъ, живой матеріи это дѣленіе клѣтки.

Какъ извѣстно, клѣтка представляетъ собой тотъ элементарный организмъ, изъ котораго строятся всѣ живыя существа.

Живая клѣтка питается, растетъ и размножается то есть, дѣлится на двѣ части.

Благодаря дѣленію живой клѣтки, организмъ развивается, строитъ свои органы и ткани и, наконецъ, образуетъ половыя клѣтки, изъ которыхъ послѣ оплодотворенія возникаютъ новые организмы. Оплодотворенная клѣтка дѣлится на двѣ, четыре, восемь, 16, 32 и т. д. частицъ, или маленькихъ клѣточекъ, изъ которыхъ постепенно строится эмбрионъ, а затѣмъ и взрослый организмъ.

Итакъ, дѣленіе клѣтокъ это одно изъ основныхъ свойствъ живыхъ организмовъ. Только благодаря дѣленію клѣтокъ, организмы развиваются, исправляютъ поврежденные части и размножаются.

Дѣленіе клѣтокъ мы наблюдаемъ не только у животныхъ, но также у всѣхъ растений. Но размноженіе клѣтокъ происходитъ не все время и не вездѣ у взрослыхъ организмовъ.

Только клѣтки кожи и кровотворящихъ органовъ сохраняютъ способность къ безконечному дѣленію ; во всѣхъ же другихъ органахъ и тканяхъ эта способность или совершенно отсутствуетъ или сильно ограничена. Но что же является причиной дѣленія клѣтки, существуютъ ли какіе-либо факторы дѣленія ?

Этой проблемой занимается, уже много лѣтъ, извѣстный русскій биологъ, бывший профессоръ Высшихъ женскихъ курсовъ и Московскаго университета А. Г. Гурвичъ.

Изучая дѣленіе клѣтокъ у животныхъ и растений, онъ замѣтилъ, что нерѣдко дѣленія клѣтокъ происходятъ въ опредѣленныхъ зонахъ. Это особенно хорошо наблюдается въ корешкахъ молодыхъ растений, напримеръ, лука. Если взять корешокъ лука и приблизить

его дѣлящейся зоной къ какому-нибудь другому корешку растения, то можно замѣтить, что простое прикосновеніе вызываетъ дѣленіе клѣточекъ въ тѣхъ мѣстахъ новаго корешка, которыя коснулись дѣлящейся зоны.

Эти опыты повторялись много разъ самимъ А. Г. Гурвичемъ и его учениками.

Такимъ образомъ, было доказано, что въ мѣстахъ, гдѣ происходятъ многочисленныя дѣленія клѣточекъ, существуетъ какая-то сила, которая можетъ вызвать дѣленіе клѣтокъ и въ другихъ тканяхъ и частяхъ организма.

Изучая эту силу, онъ замѣтилъ, что она дѣйствуетъ не только при прикосновеніи, но также на разстояніи. Напримеръ, можно держать дѣлящуюся зону на разстояніи 2-4 сантиметровъ отъ другого корешка и, тѣмъ не менѣе, получается дѣленіе клѣтокъ въ соседнемъ корешкѣ. Отсюда профессоръ А. Г. Гурвичъ сдѣлалъ выводъ, что эта сила, вызывающая дѣленіе клѣточекъ, дѣйствуетъ на разстояніи, подобно какому-то лучеиспусканію.

Вскорѣ ему удалось обнаружить такія же силы или лучи (митогенетическіе, по терминологіи Гурвича) не только у растений, но и у животныхъ. Особенно ихъ много въ эмбриональныхъ органахъ и тканяхъ животныхъ и растений. Лучи эти совершенно невидимы и подобны ультра-фіолетовымъ лучамъ. Они не проходятъ черезъ стекло, но прекрасно проходятъ черезъ кварцевую пластинку.

Въ настоящее время эти работы были повторены во многихъ лабораторіяхъ Франціи и Германіи и получили полное подтвержденіе.

Такимъ образомъ, было доказано существованіе особыхъ факторовъ дѣленія клѣтокъ, дѣйствующихъ на разстояніи.

Работы эти представляютъ огромный интересъ для современной биологіи и медицины, и мы можемъ гордиться, что онѣ сдѣланы выдающимся русскимъ ученымъ.

С. Метальниковъ.



Казачи джигиты. Сбатовали коней.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ



Борьба сторонницъ болѣ пышной прически съ коротко остриженными весной закончилась побѣдой первыхъ, и на витринахъ шляпныхъ магазиновъ появились цѣлыя серіи модныхъ широкополыхъ соломенныхъ шляпъ чернаго, ярко краснаго и блѣдно зеленаго цвѣта, съ изящно выгнутыми полями.

Ленты носятъ въ цвѣтъ костюма.

Силуэтъ вечерняго туалета, установленный парижскими домами, остается длиннымъ.

Перехватъ дѣлается ниже бедеръ ; длинный тренъ.

Наиболѣ видныя модели — изъ чернаго и бѣлаго шелка, иногда съ накидкой того же цвѣта, спускающейся сзади. Приняты бархатныя платья съ инкрустаціями.



МѢХА СТРУЧКОВЪ

Прежде С.-Петербургъ - Одесса

Практикуетъ 40 лѣтъ.

КЪ СЕЗОНУ громаднй выборъ манто, гарнит. — **RENARDS,**

OCCASIONS. Пріемъ на комиссію. Оцѣнка бесплатно.

83, RUE DAGUERRE. Métro : Denfert - Rochereau.

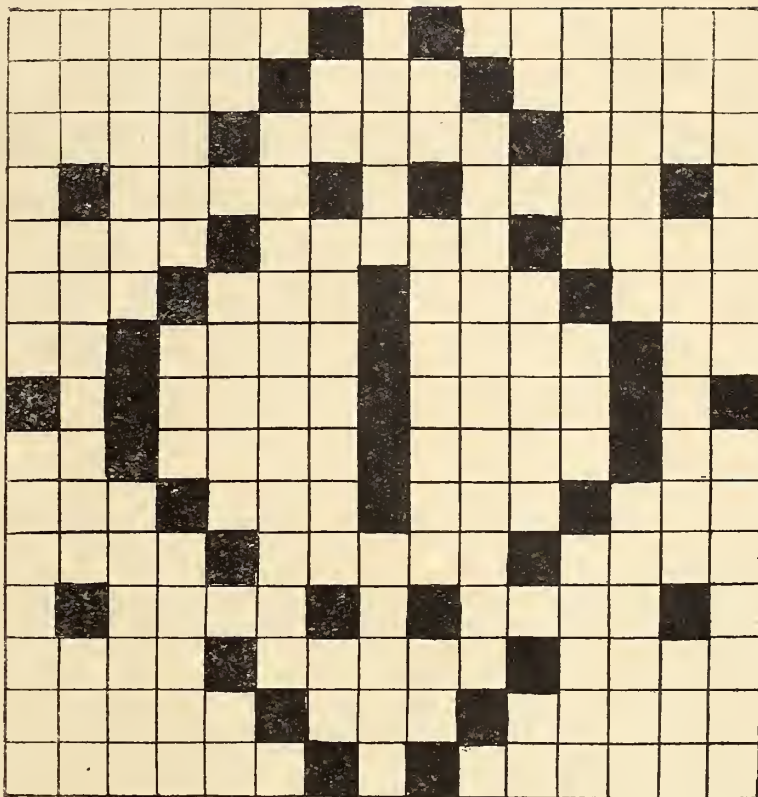
Tél.: Invalides 21-55

Пріемъ заказовъ по послѣднимъ моделямъ.

(Составлена Л. В. Ч.)

Горизонтально : 1) страна ; согласная ; название журнала ; 2) мужское имя ; согласие ; инструментъ кузнеца ; 3) дуеть ; скрѣплять ; сказочный силачъ ; 4) согласная ; время года ; гласная ; баснописецъ ; согласная ; 5) памятное казакамъ селеніе въ Туркестанѣ ; мужское имя ; казачій кругъ ; 6) была у Ариадны ; рѣка, на которой татары разбили русскихъ ; вой ; музыкальный терминъ ; 7) мѣра поверхности ; препятствія пароходству ; дѣйствующее лицо въ произведеніи Жуковского ; личное мѣстоименіе ; 8) гласная ; газъ ; французское женское имя ; междометіе ; 9) украшеніе мужчины ; находится на днѣ ; героиня романа Моруа ; названіе согласной ; 10) образъ ; комкаль ; англійское женское имя ; междометіе ; 11) сходни ; мужское имя ; твякаетъ ; 12) союзъ ; ползають на днѣ рѣки ; предлогъ ; древній царь ; междометіе ; 13) влаженъ ; знаменитый боярскій родъ ; гора 14) штатъ въ Америкѣ ; должны знать артисты ; разбей ; 15) названіе журнала ; согласная ; страна.

Вертикально : 1) долина ; известный иностранец-благотворитель ; 2) числительное ; кавалеристъ ; восклицаніе ; 3) очищать ; остовъ ; 4) матерія ; инициалы известнаго русскаго театра ; легендарный красавецъ . 5) мѣстоименіе ; согласная ; турецкое имя ; согласная ; восклицаніе ; 6) мѣстименіе ; житель древняго города ; мѣстоименіе ; 7) нота ; осушали ; мѣра поверхности ; 8) “самобытное созданье русской вольной старины” ; у звѣря на лапѣ ; 9) утверждение ; рѣка ; на днѣ ; 10) согласная ; изобрѣтеніе ; согласная ; 11) знаменитый физикъ ; согласная ; осуждать ; согласная ; предлогъ ; 12) церковь ; часть корабля ; рыба ; 13) сожрать ; названіе города ; 14) библейское имя ; хранители домовъ, у суевѣрныхъ ; мѣстоименіе ; 15) родъ кинжаловъ ; страна.



Ребусъ

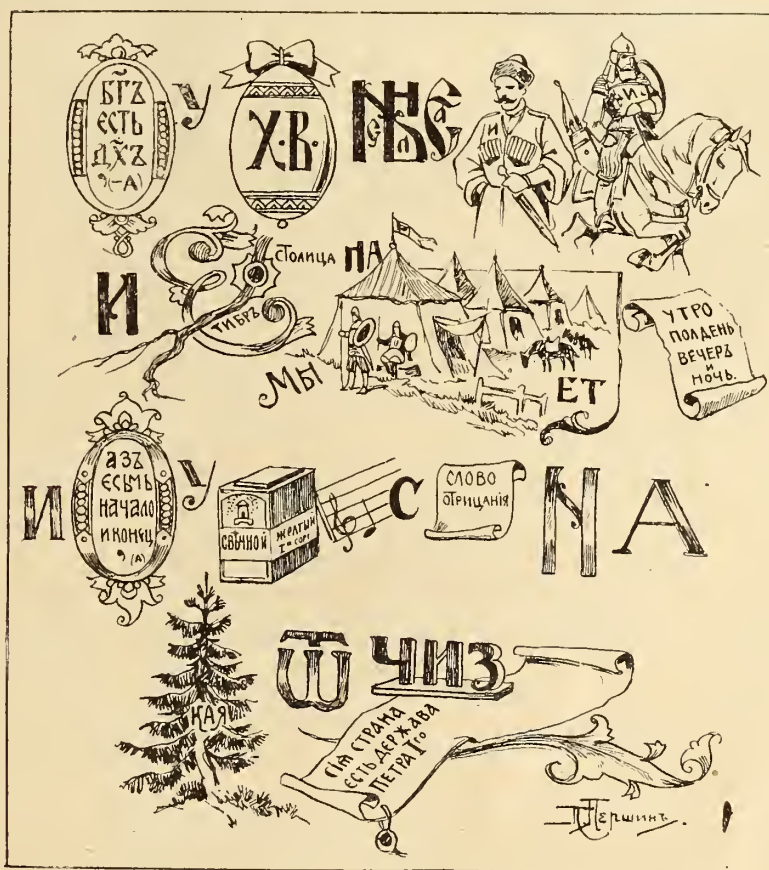
№ 1.

Составленъ

П. П. Першинымъ.

Предлагаю вниманию читателей ребусъ № 1, просимъ рѣшающихъ принять во вниманіе общія правила написанія и чтенія ребусовъ :

Въ словѣ, которое читается не до конца, послѣдній слогъ или буква отсѣкается кавычкой ' ; двѣ кавычки отсѣкають двѣ послѣд-



нія буквы. Напримѣръ,
“истин ’ а” читается,
какъ “истин”.

Въ правописаніи
текста иногда “ѣ” за-
мѣняется “е”, а “ѡ”
читается, какъ “ер”.

Славянскія буквы
читаются по славян-
скому алфавиту, азъ,
буки, вѣди, добро и
т. д.

Рѣшеніе ребуса № 1
будетъ дано въ слѣдую-
щемъ номерѣ. Фами-
ліи приславшихъ пра-
вильныя рѣшенія, съ
ихъ согласія, будутъ
напечатаны.

М. Петросянь

Оптовый складъ :

И К Р А

себкая сернистая (бѣ-
лужья, осетровая и сев-
рюжья), паюсная, Ачуге-
ская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ

Бѣлорыбій, осетровый и
«saumon fumé»

**СЕМГА
РЫБА
КОНСЕРВЫ**

Малосольная, Двинская,
печерская, и лососина

Осетрина, навага, стер-
лядь, форель и судакъ

Стерлядь, судакъ, осетри-
на и друг

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.

ОТКРЫТИЕ ЛѢТНЯГО СЕЗОНА

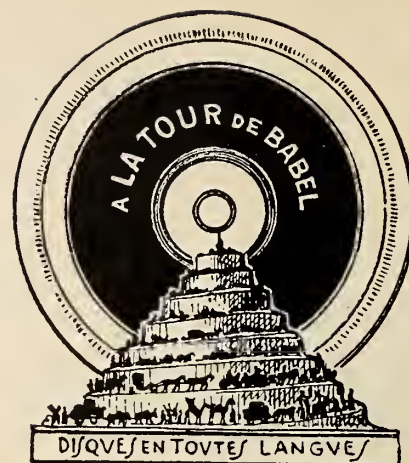
РЕСТОРАНЪ „ЧАЙКА“

Paris XV. 2, Rue Laure Surville. Métro : Javel.

Цѣны умѣренныя. — По четвергамъ пельмени.

Въ субботу и воскресенье блины. — Осетрина.

Веранда. Кухня изысканная, подѣ наблюде ніемъ шефа В. С. КАЛИНОВСКАГО.



РУССКІЯ ПЛАСТИНКИ

A la Tour de Babel

316, RUE SAINT - MARTIN, PARIS, 3

„ODÉON“

ГРАММОФОНЫ ОТЪ 200 ФРАНКОВЪ

Большой выборъ пластинокъ на француз-
скомъ и иностранныхъ языкахъ

Jos. de Padova

Единственный агентъ.



TORPÉDO

la machine sérieuse
portative et de bureau

PAYABLE AU COMPTANT
ET PAR MENSUALITÉS

HAÏK-TYPEWRITER

142, Rue Montmartre. PARIS

ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО КРЕДИТА «СОЮЗЪ»

CREDIT MUTUEL «UNION»

12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45 77

ОТКРЫЛО СВОИ ДѢЙСТВІЯ

Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ
банковскихъ операций. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ
выигрышныхъ билетовъ CREDIT NATIONAL, VILLE DE PARIS и т. д.

Открыто ежедневно (кр. праздн.) отъ 10 до 4 ч. безъ перерыва

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ

COMITÉ RUSSE DE SECOURS

33, rue de Prony, Paris (17).

Métro: Monceau ou Malesherbes.

Tramways: № 5, 30, 31.

Часы пріема ежедневно (не исключая и
субботы) 3-7 ч. (кр. воскр. и праздн.).

УЧАСТКИ, ВИЛЛЫ И ПОСТРОЙКИ ВЪ КРЕДИТЪ ДАЧЪ И ДОМОВЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПАРИЖА

на очень льготныхъ условіяхъ. Земля можетъ быть и не оплоченной. Отъ 10 до 12 и
отъ 5 до 7 час. 30 мин.

12, rue Blanche. Mro Trinité. Tél.: Trudaine 49-41, Reimers et Kossovitch.

РЕСТОРАНЪ „ВОЛГА“

10, rue des Cordelières (Bd Arago)

Paris (13). Tram.: 82, 83, 84, 85,

91, 93. Aut.: Н. U. Métro: Gobelins

Glacière.

Музыкальная программа.

Дирекція Ф. И. ЕЛИСѢВА.

Милліонъ франковъ

МОЖЕТЕ ВЫИГРАТЬ: НЕ УПУСКАЙТЕ БЛИЖАЙШАГО РОЗЫГРЫША. МОЖЕТЪ БЫТЬ, ВЪ ЭТОМЪ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВАШЕ СЧАСТЬЕ.

Подписывайтесь ТЕПЕРЬ ЖЕ на покупку выигрышныхъ гарантированныхъ цѣнныхъ билетовъ, представляющихъ настоящій денежный знакъ, дающихъ 5% дохода и МНОГО ШАНСОВЪ НА ВЫИГРЫШИ. Можете участвовать въ розыгрышахъ КАЖДЫЙ МѢСЯЦЪ, съ полными правами на выигрыши: ОДИНЪ МИЛЛІОНЪ; 500 ТЫСЯЧЪ, 200 ТЫСЯЧЪ, 100 ТЫСЯЧЪ, 50 ТЫСЯЧЪ, 10 ТЫСЯЧЪ, 5 ТЫСЯЧЪ — ВЪ КАЖДОМЪ РОЗЫГРЫШѢ.

Вносите или посылайте почтой по 25 франковъ ежемесячно и Вы будете участвовать въ розыгрышахъ въ САМОМЪ БЛИЖАЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ, съ полными правами на выигрыши. ЭТО ВѢРНЫЙ ПУТЬ СБЕРЕЖЕНІЙ И ПОЛНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЕЗПЕЧИТЬ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ

Пишите по-русски и обращайтесь лично по адресу:

BANQUE FRANÇAISE DE CREDIT, SERVICE RUSSE. 31, RUE SAINT GEORGES, 31. PARIS 9.

Нашъ банкъ французскій, существуетъ 40 лѣтъ и хорошо зарекомендованъ.

КАКЪ ДОСТИГНУТЬ ПОКОЯ?

Чтобы русская колонія перестала тратить напрасно деньги, что для этого нужно? Обратитесь немедленно къ Mr Schayder'у, онъ Вамъ укажетъ, какимъ образомъ Вы можете и должны приобрести въ одномъ изъ 20 направлений отъ Парижа (или у пляжа) участокъ земли и немедленно построить виллу по Вашему вкусу и средствамъ.

Эта операція ни въ какомъ случаѣ не разстроитъ даже Вашъ самый маленькій бюджетъ, а, наоборотъ, Вы убѣдитесь, какъ непроизводительно расходуете на квартиру или на лѣтній отдыхъ.

ОБЕЗПЕЧЬТЕ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ ПОКОЕМЪ.

Запросите письменно или зайдите (ежедн. до 10 час. утра и 6-8 час. веч.).

MR SCHNAYDER, 117, RUE DU TEMPLE. Tél.: Archives 79-29.

INSTITUT COSMETIQUE „MACO”

278, Bd Raspail
Paris, 14



Téléph. Danton
73-99

1) КУРСЫ КОСМЕТИКИ (ПРИГОТОВЛЕНИЕ КРЕМОВЪ, ПУДРЪ, ОДЕКОЛОНОВЪ И Т. П.), 2) КУРСЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ДЛЯ ОКОНЧИВШИХЪ ИНСТИТУТЫ КРАСОТЫ (ЛЕЧЕНІЕ ДЕФЕКТОВЪ КОЖИ НОВѢЙШИМИ СПОСОБАМИ И АППАРАТАМИ), 3) КУРСЫ ГИМНАСТИКИ И МАССАЖА ОТЪ ОЖИРѢНІЯ. ОКОНЧИВШІЕ ПОЛУЧАЮТЪ ФРАНЦУЗСКІЙ ДИПЛОМЪ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Бессель и Ко

78, r. de Monceau (M^o Villiers)

Tél.: Laborde 02-13. Paris-8^e.

РУССКАЯ МУЗЫКА

Оперы, романсы, инструм. музыка

Каталоги высылаются бесплатно

Русскія ноты

Musique
Russe

23, rue de Liège, 23. Paris (8)

Издація М. П. Бѣляева, Юргенсона и др.

Каталоги бесплатно

Tél.: Central 31-78

РУССКІЙ

нотный магазинъ

S. A. des Grandes

Editions Musicales

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ

22, RUE D'ANJOU, PARIS (8).

Tél.: Anjou 09-26.

Требуйте каталоги

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ

LIBRAIRIE «MOSKWA»

9, rue Dupuytren, Paris 6^e.

Tél.: Littre 37-01.

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладужникова, Логосъ. Москва, Слово и Деверіенъ изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданій) Библиотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ AU VIEUX LIVRE

17, Rue de l'Odéon Paris-6

Tél.: Littre 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполнение заказовъ на любое изданіе. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ.

М. М. ЧЕРНЫЙ ПОДЪ ФИРМОЙ «MICHEL»

29 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первоклассныхъ портныхъ.

Инвалидамъ 5% скидки.

10, rue Caffarelli (derrière la Mairie du 3-e). Métro: République et Temple. Téléph.: Archives 36-06.

Русско-французское издательство и
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

J. POVOLOZKY

13, rue Bonaparte. Paris-6^e.

Téléphone: Fleurus 42-01

Собственныя изданія на русскомъ и французскомъ языкахъ. Всѣ зарубежныя изданія. Всѣ книги совѣтской Россіи. Дѣтскія книги. Учебники. Словари и самоучители иностранныхъ языковъ. Ежемѣсячные бюллетени всѣхъ французскихъ изданій. Каталоги высылаются бесплатно. Всѣ книги по искусству. Художественныя изданія на всѣхъ языкахъ.

Грамофоны и пластинки

20.000 ПЛАСТИНОКЪ

вновь получены. Последнія новинки: Вертинскій, Морфесси, Варя Панина, Плевицкая, Вьяльцева, Смирновъ, хоръ Жарова, кварт. Кедрова, церков. пѣніе и др.

Главное дело русскихъ и иностранныхъ пластинокъ.

SPEISER 34, rue des Rosiers.

M^o St.-Paul. Tél. Archives 74-49:

Открыто по воскресеньямъ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

МУЖСКОГО БѢЛЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. Цѣны внѣ конкуренціи. Собственная мастерская для передѣлокъ.

3. ПИНЧЕВСКІЙ

3, rue Perrée, Paris (3). Métro: Temple et République. Téléph.: Archives 77-97.

КЪ КУБАНЦАМЪ.

ВЪ ЕДИНЕНІИ СИЛА!

Это такъ старо и такъ понятно, что о немъ распространяться не приходится. Но въ наши горькіе годы изгнанія — это какъ то не всѣми усваивается.

Къ Вамъ, братья Кубанцы, мы обращаемъ свой взоръ... Насъ во Франціи до 1.000 человекъ. И кого же? Ушелъ за границу весь здоровый Казачій людъ. Въ цвѣтушихъ годахъ ушли за границу строевые казаки цѣлыми полками и со своими офицерами. Ушли съ ними всѣ Кубанскіе герои — вожди. Ушли даже старики, жены, дѣти...

И вотъ насъ во Франціи до 1.000 Кубанскихъ казаковъ: здоровыхъ, крѣпкихъ и сильныхъ — вкусившихъ и сладость привольной, мирной жизни на родной Кубани - матери и перенесшихъ всю тяжесть смуты и войны, потерявшихъ и хозяйство и семью и широкія, богатые станицы и Родину... Оросивъ все это горе своей кровью казачьей алою да вдовыми слезыньками горючими.

Тернистъ путь пройденъ. Горе переполняетъ все наше существо. Восхода зореньки не видно. Кругомъ изгнанническая ночь. Погнулись казаки и забыли, что въ ЕДИНЕНІИ — СИЛА...

1.000 Кубанцевъ... Вѣдь это цѣлый полкъ! И полкъ тѣхъ людей, кто въ многочисленныхъ боевыхъ передѣлкахъ воочию позналъ, что значить — ЕДИНСТВО ДУХА, что значить — ВЗАИМНАЯ ВЫРУЧКА, ПОДДЕРЖКА, что значить — ДУША ВЪ ДѢЛѢ, на чемъ зиждется ЗАЛОГЪ УСПѢХА.

И вотъ, несмотря на все это, несмотря на то, что всѣхъ насъ духовно объединяетъ одно магическое слово КУБАНЬ — все же, мы, Кубанцы недостаточно объ-

единены во Франціи. Межъ нами мало живой связи, мало живой работы, нѣтъ тѣснаго здороваго общенія, мало настоящей дѣйственной поддержки и, за неимѣніемъ Войскового центра — затерто лицо Кубанскаго казака, здѣсь, во Франціи.

Это дѣло негоже... Жизненныхъ вопросовъ много. Ихъ нужно предусмотрѣть и разрѣшить. У насъ есть безпомощные старики. Нѣкоторые теряютъ силы, калѣчатся на заводахъ. Къ инымъ приближается старость. Всѣмъ имъ должна быть оказана поддержка и поддержка своевременная, и кѣмъ же какъ не нами, самими же Кубанцами.

Годы идутъ, жизнь мнетъ насъ, на душѣ невесело... И чѣмъ дальше, сирѣхъ будетъ все больше и больше. Намъ нужно заглянуть вперед и поглубже. Правленіе кассы Взаимопомощи при Кубанской казачьей станицѣ въ Парижѣ предлагаетъ всѣмъ Кубанцамъ во Франціи заглянуть въ свою душу и поискать тамъ чувство долга передъ завтрашнимъ днемъ. Оно зоветъ всѣхъ Кубанцевъ войти въ свое Общество Взаимопомощи. 10 франковъ въ мѣсяцъ для трудолюбиваго казака — это гроши. Да они и остаются его собственностью навсегда, за вычетомъ незначительныхъ расходовъ по канцеляріи. Мы васъ зовемъ къ намъ придти, родные Кубанцы, для общей нашей взаимопомощи.

ПРИДИТЕ!

Нашъ адресъ: 1, rue Lourmel, Paris, (15).

Предсѣдатель Правленія вольноопредѣляющійся Гладковъ, Члены Правленія: полковникъ Елисѣевъ, вольноопредѣляющійся Чернышковъ, казначей, коллежскій регистраторъ Уваровъ.

КАЛИНА

ПОРТНОЙ



КАЛИНА

ПОРТНОЙ

44. Avenue des Champs-Élysées - PARIS (VII^e)

Téléph.: ÉLYSÉES 42-40

Téléph.: ÉLYSÉES 42-40

ИМѢТЬ ПОСТОЯННО
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ЛУЧШИХЪ ПЕРВОКЛАССНЫХЪ
АНГЛІЙСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ СЕЗОНОВЪ



LA NOUVELLE

REMINGTON PORTATIVE

EST LA MACHINE QUI CONVIENT
EN VOYAGE
AU BUREAU
CHEZ VOUS

PAYABLE
87 Fr. 50
PAR MOIS

VEUILLEZ ME FAIRE PARVENIR VOTRE CATALOGUE ET VOS
CONDITIONS DE VENTE, SANS ENGAGEMENT DE MA PART

NOM

ADRESSE

A ENVOYER SOUS ENVELOPPE NON CACHETÉE ET AFFRANCHIE A:

REMINGTON TYPEWRITER C^o (S. A.) - 12, RUE EDOUARD-VII - PARIS (IX^e)

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ

Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,
Pharmacien de 1^{re} classe
63, Bd de Grenelle.
Tram. 25, Aut. AN, AQ.
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовление рецептовъ г.г. русскихъ врачей. Всѣ русскіе препараты. Патентованные средства Парфюмерія. Косметика Цѣны минимальныя. Исполнение заказовъ въ провинцію и за границу, и по телефону въ Парижѣ: Сегюр 18-51
Tél.: Ségur 18-51



АМБУЛАТОРІЯ
магистра ветеринарныхъ наукъ и профессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворнаго ветеринар. врача.
Приемъ больныхъ животныхъ 10-12. 2-6 ч
Воскресенье 1-4 ч.

20, rue Scheffer
Métro: Passy, Trocadéro, Pompe
Tél.: Passy 81-11.
СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ
ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

Аптека для русскихъ

PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE

H. FOUCHER

Pharmacien de 1^{re} classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AN,

Трамвай: 25. 26.

Grenelle.

M-o Duplex, La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по русской фармакопее, русск провизор
Всѣ французскія и иностранныя патент средства Общ. складъ парфюмеріи и патентованныхъ товаровъ
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ
Tél.: Ségur 11-45.

Русская лѣчебница „ТЮРБИГО“

19, rue Turbigo. (Métro: Etienne-Marcel, Réaumur-Sébastopol).

ЛѢЧЕНИЕ ОТЪ ВСѢХЪ БОЛѢЗНЕЙ ПО НОВѢЙШИМЪ СПОСОБАМЪ

(внутреннія, венерическія, женскія, дѣтскія; ухо, носъ, горло, глаза)

ОПЕРАЦИИ, РАДИОТЕРАПІЯ, АНАЛИЗЫ, ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ.

Лѣченіе, пломбированіе удаленіе зубовъ безъ боли; коронки золотыя отъ 75 франковъ; зубы 20 фр.

Лѣченіе десенъ; гарантія, золото 22 кар.

Приемъ ежедневно 9-12 и 3-9 ч вечера Воскресенія и праздники 9-3 ч дня

В с я к і й м о ж е т ь

ОМОЛОДИТЬ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ И УМСТВЕННО. СНОВА СТАТЬ ЗДОРОВЫМЪ, СИЛЬНЫМЪ, ТРУДОСПОСОБНЫМЪ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫМЪ И ПРОДУКТИВНО ДОЛГОЛѢТНИМЪ, кто очиститъ свой организмъ отъ ядовъ нарушеннаго обмена веществъ (мочевина, мочева кислота, ураты и др.), или посредствомъ постоянной фруктово-овощной діеты по методу Физиса, или кратковременными курсами по способу Броуна-Секара при помощи энергетворнаго омолодителя и очистителя КАЛЕФЛЮИДА Д. КАЛЕНИЧЕНКО, безъ измѣненія своихъ привычекъ.

Калефлюидъ необходимъ всѣмъ ослабленнымъ болѣзнями, дурнымъ питаніемъ или лицевареніемъ, переутомленнымъ, подавленнымъ тяжкими воспоминаніями и пр

Цѣлебное свойство Калефлюида удостоено врачами на миллионѣхъ больныхъ за 28-лѣтнее существованіе лабораторіи Д. Калениченко, какъ напримѣръ: проф. ШЕКИНЪ, пишетъ: «У меня были запоры по 4, 5 дней. Никакія медицинскія средства мнѣ не помогали. Послѣ Калефлюида мой желудокъ урегулировался и за три недѣли я помолодѣлъ на 20 лѣтъ. вѣсъ тѣла увеличился на 8 фунт.»

Д-ръ РИАРДЪ ГУСЕИНЪ, КАИРЪ: «Калефлюидъ, драгоцѣнный медикаментъ для лѣченія артритическихъ болѣзней, для восстановленія здоровья, нервовъ и

нормальнаго кровообращенія, нарушеннаго мочевой кислотой»

БОЛЬНЫЕ ПИШУТЪ:

Г-жа М. БРАКЕ, Рошъ Тайе, Франція. «Я болѣла 15 лѣтъ нервной болѣзью и особенно во время менструаций, теряла сознание, становилась почти сумасшедшей и полагала, что насталъ мой конецъ. Я примѣняла всевозможныя лѣченія безъ результатно. Теперь я помолодѣла, стала неузнаваемой, окрѣпла, благодаря чудесному Калефлюиду».

ДРАГОЛЮБЪ СИМИЧЪ, Сопоть, Сербія: «Два года я страдалъ въ больницахъ на курортахъ, примѣнялъ много лѣкарствъ — все безрезультатно. Лѣченіе Калефлюидомъ дало мнѣ полное облегченіе»

Г-жа ШИПОННИКОВА, Ліонъ, 7, ул. Пьеръ Верже: «Я страдала головной болью почти ежедневно. Послѣ 4 недѣль лѣченія Калефлюидомъ мои боли почти исчезли. Я приняла 2 съ полов. флакона и сейчасъ совершенно не страдаю, моя мигрень исчезла, какъ по волшебству».

А. ГРОШКІЙ, 88, ул. де Брии, Муавертъ-Грандъ (Мозелль). «Я былъ боленъ легкими два года и харкалъ кровью. Послѣ лѣченія чудеснымъ Калефлюидомъ, я вновь сталъ сильнымъ, кровохарканіе прекратилось и я работаю на шахтахъ къ удивленію моихъ товарищей».

І. РЕИДИХЪ, 7, ул. Кюръ, Ноей-ле-

Минъ (П. Д. Ц.): «18 лѣтъ я страдалъ желудкомъ. Послѣ одной бутылки Калефлюида, боли прекратились и желудокъ дѣйствуетъ нормально».

НИЗЕЛЬСКОВЪ, Госпиталь Божонъ, Парижъ: «Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ я принимаю Калефлюидъ, но я считаю себя уже воскресшимъ изъ мертвыхъ. У меня исчезла рвота, которая мучила меня два года; боль въ костяхъ стала быстро исчезать, и я сплю, не просыпаясь».

ОТТО, Доманъ де Сэда, Джедейда, Тунисъ: «Послѣ трехъ флаконовъ Калефлюида я совершенно поправился. Болѣзни мои были: расширеніе сердца, нервность, летучій ревматизмъ, подавленное настроеніе и постоянная усталость. Теперь я чувствую себя совершенно здоровымъ».

КАЛЕФЛЮИДЪ награжденъ на выставкахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Флоренціи и Римѣ, 5 гранъ-при и 5 большими золотыми медалями.

Безплатно франко высылаются объяснительная литература о причинахъ и лѣченіи болѣзней.

КАЛЕФЛЮИДЪ находятъ въ аптекахъ, гдѣ нѣтъ — высылаются наложеннымъ платежомъ.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСУЙТЕ:

Société Kalefluide

D. KALENITCHENKO,

5, Cité Pigalle, Paris (9).

ROCHET chapelier spécialiste

21, av. de la République, Paris.

FOURNIT DE LA BELLE CHAPELLERIE POUR HOMMES ET ENFANTS TRES GRAND CHOIX

Impr. des Travailleurs Intellectuels, 9-bis, rue Bellot, Paris (XIX)

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroën.
32-34, rue Marbeuf (Champs-Élysées), Tél.: Élysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Élysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poids-lourd. Cours de mécanique.
Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего гаража, в Булонском лесу и в городе от 8 час. утра до 9 час. вечера на машинах последних моделей, с правым и левым управлением. Приходите осмотреть наш гараж в 10 этажей, на 1500 машин, самый большой в Париже, в районе Champs-Élysées и нашу школу, оборудованную по последнему слову автомот. техники

РУССКИЙ АЛЬМАНАХЪ СПРАВОЧНИКЪ

ВСЕ ПОЛЕЗНЫЯ СВЕДЕНИЯ ДЛЯ
РУССКИХЪ, ЖИВУЩИХЪ
ВО ФРАНЦИИ,
ПО ЮРИДИЧЕСКИМЪ, АДМИНИ-
СТРАТИВНЫМЪ, НАЛОГОВЫМЪ
ВОПРОСАМЪ, СЕЛЬСКОМУ ХО-
ЗЯЙСТВУ, АВТОМОБИЛИЗМУ, ОБЪ-
УСЛОВИЯХЪ ТРУДА И ПР.

ЦЕНА — 7 ФР.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ АЛЬМАНАХА :
SARATCH, 3, RUE PLUMET,
PARIS (15).
Tél. Inval. 10-14.

ЗАКАЗЫ МОЖНО ОПЛАЧИВАТЬ
ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ. ПЕРЕ-
ПИСКА ЗА СЧЕТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Авто-Perfection-Школа

Обучает на машин. последн. моделей
Citroën C4, Renault, Peugeot
LEÇONS D'AUTO

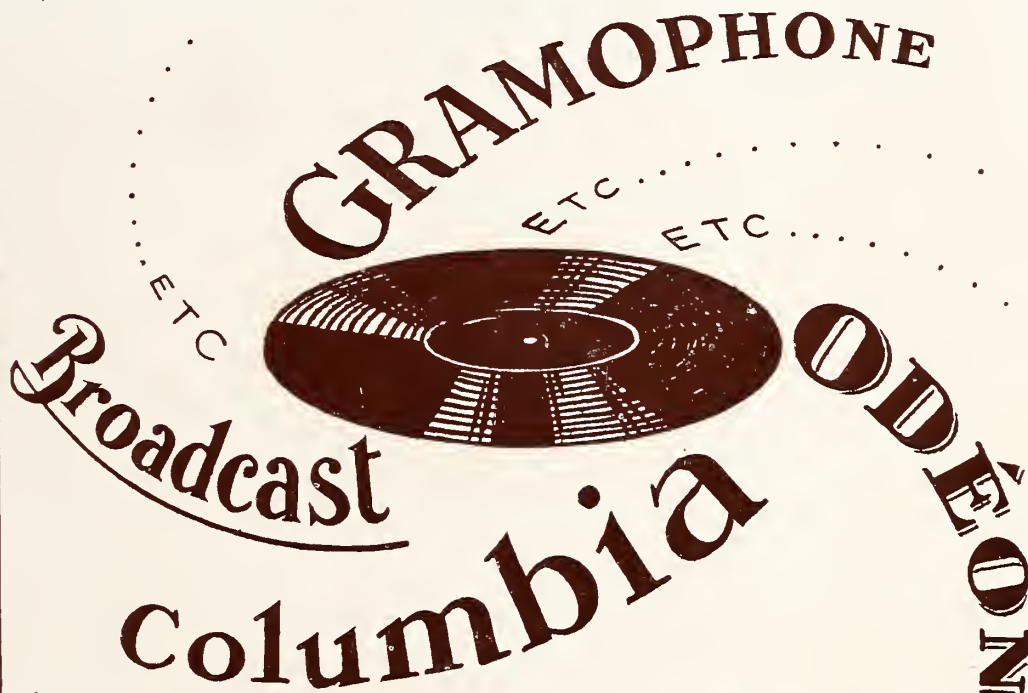
Карт-розъ съ гарантией
Курсъ такси и механики

Tél. : Auteuil 44-11.
Métro : Eglise d'Auteuil

4, rue Désaugiers, Paris-16.

Открытъ отъ 8 — 20 час.
ДИРЕКТОРЪ В. А. ЮРКОВСКИЙ

*Vous trouverez
tous les disques
de toutes les marques
et les derniers succès*



PARIS SONOR

PHONOGRAPHE AMPLIFICATEUR

SALONS D'AUDITION:

12, ROND-POINT DES CHAMPS-ÉLYSÉES, PARIS

TÉLÉPHONE: ÉLYSÉES 53-33

ЗАЛЫ ДЛЯ ДЕМОНСТРАЦИИ ГРАММОФОНОВЪ

Banque Industrielle du Centre

85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél. Louvre 09-11. Centre 35-67.

ТЕКУЩИЕ СЧЕТА И ВКЛАДЫ; БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦИИ

СЪ ОГРАНИЧЕННЫМЪ РИСКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССИЮ И ДР. СТРАНЫ

въ кратчайшій срокъ съ предст. обратн. расписокъ. — ПОКУПКА РУССКИХЪ
БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акціи), и страхов. полисовъ.
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Франц. Правительств.
ВЫИГРЫШНЫЕ (съ процентами) БИЛЕТЫ на специальныхъ условияхъ.

ВЫИГРЫШИ ПО **1.000.000** ФРАНК. ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Цѣна билетовъ отъ 60 до 600 фр. съ полученіемъ ссуды до 80 проц. стоимости
Подробные проспекты и свѣдѣнія объ операціяхъ на Парижской Биржѣ высылаются
по первому требованію; корресп. по-русски.



Извѣстный русскій фотографъ Рожинскій

Etudes des têtes

и

спеціалистъ по дѣтскимъ снимкамъ

53, avenue des Ternes, Paris (XVII)

Tél. Galvani 37-32

ПАРИЖЪ

« LA RUSSIE »

PARIS

Юнь — Июль 1930.

Juin — Juillet 1930.

Цѣна номера 5 фр. во Франціи.

Prix du Numéro : 5 francs en France.

№ 5

РОССІЯ

№ 5

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 5, rue Bélidor, 5

PARIS (17)



Лидія Яковлевна Липковская

Т Н О = Л Е = Н И

Кондитерская

Гастрономический Магазинъ

129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

Фирма существ. 10 лѣтъ

А. КАПРЕЛИАНЪ.



S-té ASTRA

Кн. Циціановъ и Ко

Особо рекомендуется экстра монополь тройной очистки.
Несравненные по качеству и вкусу ВОДКИ, ЛИКЕРЫ.
Заводъ: 38, BUTTE DE LA LOIRE, (Halle aux Vins).
PARIS (5). Tél.: Odéon 47-86.
Отправка въ провинцію и за-границу.

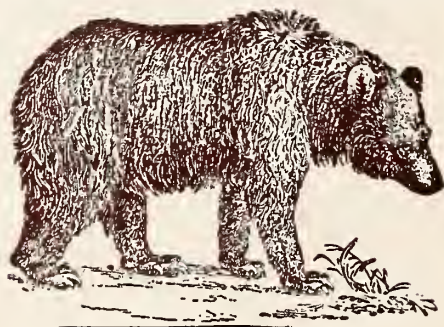
Ресторанъ „ДЖИГИТЪ“

19, Bd EDGAR QUINET, PARIS, (14), (Montparnasse).

Ресторанъ открытъ съ 12 ч дня.

ПЕРВОКЛАССНАЯ КУХНЯ.
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Съ 8 час. вечера музыкальная и артистическая программа



МЕДВѢДЬ

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV).

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЪ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВИНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪЕДОВЪ, — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A L'ESTURGEON

Подъ личнымъ наблюденіемъ владѣльца, б. придворнаго шефа
Ө. Д. КОРНИЛОВА

3, rue Clauzel (уголъ rue des Martyrs). Nord-Sud: St.-Georges. Tél.: Trud. 08-46

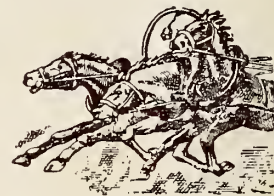
РЕСТОРАНЪ „САМАРКАНДЪ“

9, RUE RENNEQUIN (M-ro: Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 7,50. завтраки, обѣды и A LA CARTE
ВЕЧЕРОМЪ — АРТИСТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана
Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

Оптово - Розничн. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ
28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13) M-o : Italie. Tél.: Gob. 23-08



Рус. водка, запек., спотык., вишневка,
рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа
гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ.
Таранъ Вобла. Хрѣнъ. Чай. Требуйте
каталогъ. Отправка въ провинц. и загр.



Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, RUE BROCA, PARIS (5).

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ кол-
басъ высшаго качества. Цѣны умѣрен-
ныя. Доставка на домъ. Заказы прини-
маются по телефону: Gobelins 24-24.

РУССКІЙ
ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

„MARO“

Всѣ русскіе и французскіе продукты.
20, RUE DE LA TOUR, PARIS (16).

Métro: Passy.

КРЫМСКІЙ ДОМИКЪ

РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ.

131, Bd RASPAIL

(entrée, 10, rue S-te Beuve).

Prix fixe et à la carte.

ЧЕБУРЕКИ И ШАШЛЫКИ.



Le Salon 1930.

Вещиловъ. Русскій монастырь.

Въ Круглой бухтѣ

Нестерпимо жаркій день. Вода въ огромной бухтѣ не движется, застыла. Сѣрыя и красныя скалы отражаются въ ней, какъ въ неровномъ зеркалѣ. На нихъ сидятъ рыболовы, прибревшіе издалика, пѣшечкомъ, ибо все это народъ неимущій и праздный, оторвавшійся отъ дѣла.

Сквозь зеленоватую воду видны лѣниво движущіеся бычки, "песочники" — желтаго и "подкаменщики" — темнозеленаго цвѣта съ черными пятнами.

Вотъ, одинъ изъ нихъ подплылъ къ скалѣ, на которой сидитъ толстый фабричный, уволенный за пьянство. "Подкаменщикъ" приблизился къ его опущеннымъ въ воду голымъ толстымъ ногамъ и замеръ, какъ загипнотизированный.

Подъ нимъ ползеть по дну крабъ. Онъ передвигается бокомъ, поднимая легкое облачко мути, будто пылить. По дорогѣ задѣваетъ какую-то заржавѣлую банку и съ трудомъ переползаетъ черезъ нее. — Не хватило ума обойти.

Изрѣдка, быстро-быстро стрѣльнетъ прозрачный рачекъ, будто самъ себѣ далъ шелчка...

Ни у кого изъ рыболововъ не клюетъ, но всѣ сидятъ упорно и о чемъ-то думаютъ.

У фабричнаго запухшее отъ пьянства лицо съ узкими въ шелку глазами. Выраженіе сердитое : "не трожь !" Видно, что изъ такихъ господъ, кому непременно нужно кого-нибудь ненавидѣть. Сейчасъ онъ ненавидитъ бычковъ, которые не клюютъ. Порой онъ шипитъ какое-то ругательство и плюетъ отъ злости въ воду, вытирая затѣмъ тыльной стороной руки свои усы, нависшіе какъ у моржа. На немъ картузь съ поломаннымъ козырькомъ и ремешкомъ, и люстриновый разорванный пиджакъ.

Рядомъ съ нимъ сидитъ бывший "почтовый чиновникъ". Это — "разыскиваемый полиціей". Ему нельзя оказаться замѣшаннымъ ни въ одну исторію, ни въ ка-

кое происшествіе, и отъ этого у него на душѣ непріятный осадокъ. Рыбу ловить отъ тоски и чтобы убить время. Издали онъ кажется молодымъ, но, подойдя ближе, увидишь, что ему никакъ не меньше пятидесяти.

Онъ носитъ вылинявшую фуражку почтоваго вѣдомства съ кокардой, на которую давно уже потерялъ право.

Еще подальше — третій членъ компаніи, субъектъ въ синей "тройкѣ" и пыльномъ котелкѣ. Онъ толстъ и румянь. Трудно опредѣлить, чѣмъ онъ занимается. Вообще, онъ, видимо, "страдаетъ за характеръ", за слабость воли.

Наконецъ, нѣсколько мальчишекъ. Они стоятъ по поясъ въ водѣ, задравъ рубашки съ завязаннымъ подоломъ, въ которомъ лежатъ потемнѣвшіе отъ солнца рачки для наживки. Рыбу они потомъ будутъ продавать рыбакамъ три копейки десятокъ. Цѣль — имѣть "собственные деньги".

На берегу, въ тѣни высокой скалы, обосновалась странная пара : большой старикъ, лысый, съ длинной спутанной бородой, напоминающій Евангелиста Луку. Онъ въ исподнемъ бѣлѣ въ розовую полоску и босикомъ. Поодаль лежитъ его платье, чесучовый пиджакъ и черныя брюки. Сверху положенъ камень, чтобы вѣтеръ не унесъ, хотя вѣтра никакого нѣтъ. Со старикомъ женщина среднихъ лѣтъ, съ выпученными водянисто-голубыми глазами. Ея жидкіе волосы собраны на затылкѣ въ узелокъ величиной съ грецкій орѣхъ.

Она сняла кофту и осталась въ грязноватомъ лифѣ, выдающемъ ея крупныя формы. На ней моднаго покроя юбка, что не вяжется съ босыми ногами. Она собираетъ кусочки дерева, высушеннаго вѣтромъ и отполированнаго пескомъ, и подбрасываетъ ихъ въ маленькій костеръ, потрескивающій подъ почернѣвшимъ отъ дыма котелкомъ.

— Будетъ уха.

Старикъ почти окончательно пьянъ. Онъ сидитъ въ тѣни съ пустой бутылкой отъ водки въ рукахъ и разговариваетъ самъ съ собой, не рѣшаясь обращаться къ своей спутницѣ, хотя рѣчь относится къ ней. Языкъ его еще поворачивается, но губы омертвѣли и не повинуются, и онъ, чтобы выговорить слово, собираетъ всѣ силы, шевелитъ ногами и плечами, дергаетъ головой.

Говорить онъ густымъ басомъ :

— Я домовладѣлецъ... Можете объ этомъ кажнаго спросить... И въ полномъ правѣ къ себѣ уваженіе спрашивать. По какой причинѣ и пааачему ? Я тебю, по какой причинѣ прислуга, женщина, которая служащая, командуитъ ? — Гаспада — онъ обращается ко всей вселенной, въ частности — къ рыболовамъ, возсѣдающимъ на скалахъ, — гаспада, я васъ умммоляю и Христомъ Богомъ праашу честно указать, на какомъ основаніи и на какой мировой статьѣ устава командуитъ, не состоя со мной въ законѣ ?

Пажаллста, умоляю объясните! Сушій обломокъ жизни! Халява! Вотъ ммможете полюбоваться!...

И онъ дѣлаетъ широкій жестъ въ сторону женщины, ни на минуту не прекращающей своей работы. Она молчитъ, и въ этомъ молчаніи старикъ чувствуетъ столько угрозы, что сразу мѣняетъ тему. Онъ слишкомъ зарвался и пора начать выкручиваться.

— Луша, а Лушенька, можетъ помочь тебѣ щепочекъ насобирать ? Или ббычковъ почистить ? Я тебѣ праашу все чисто... И что мои часы полюбовнику отдала... Отъ Баржанскаго часы... Ппачему спрашуется ? За что мнѣ въ жизни такое наказаніе черезъ мою любовь ?

Увы, Лукерья по-прежнему молчалива и не смотритъ на него. Атмосфера сгущается. Будетъ плохо. Признаки на лицо: движенія женщины порывистѣй, чѣмъ раньше, куски дерева разламываются съ неженской силой, говорящей о плохо сдерживаемомъ гнѣвѣ.

— Такъ что нне желаете... Не желаете отвѣчать ? Не изволите... Ты, значить, хочешь, чтобы я жизни рѣшилъ по собственной волѣ и черезъ свои руки ? Ты ммможешь быть, хочешь, штобъ я въ морскую глыбу пошелъ и утопъ ? И не жаль тебѣ меня ?

Тутъ старикъ раздражается рыданиями. Слезы текутъ обильно по его красному лицу, застреваютъ въ бородѣ, какъ дождевыя капли въ соломѣ крыши.

— Луша, — продолжаетъ старикъ, рыдая басомъ, — ты мою жизнь измѣнила... Черезъ тебя мои дѣточки меня оставили. Ты, Луша, пойми, у меня домъ сопственнй и коровы... Вотъ паагибаю на старости отъ чувства...

Женщина продолжаетъ яростно ломать щепки.

Надежды на примиреніе въ близкомъ будущемъ нѣтъ.

Старикъ тоскливо умолкаетъ. Затѣмъ онъ внезапно подымается во весь ростъ, длинный и костлявый, и шатаясь, балансируя на прибрежной галькѣ, отъ которой больно босымъ ногамъ, подходитъ къ водѣ.

Рѣшеніе принято, и неизбежное да совершится!

Вотъ, онъ уже по колѣни въ водѣ и медленно бредетъ къ выходу изъ бухты.

Странно предположить, что это человѣкъ, рѣшившій покончить съ собой. Порой онъ съ трудомъ сохраняетъ равновѣсіе и, чтобы не упасть, машетъ руками.

У самага выхода онъ оборачивается къ женщинѣ.

Послѣдняя попытка.

— Лукерья Семеновна, — кричитъ онъ на берегъ, — ручаюсь, что въ скоромъ времени будете вы рыдать надъ моимъ хладнымъ трупомъ за безжалостное ваше сердце!..

Не получивъ отвѣта, онъ приходитъ въ ярость и гремитъ:

— Проклинаю тебя, подлюга, не оставляю тебѣ никакого завѣщанія!

Затѣмъ бредетъ дальше... Вотъ вода ему уже по поясъ... Вотъ по грудь...

У злого фабричнаго, наконецъ, клюнуло. Онъ дѣлаетъ испуганное лицо, быстро “подсѣкаетъ” и вытаскиваетъ леску. Большой желтый бычокъ танцуетъ на ея концѣ. Фабричный смотритъ на него съ ненавистью. Въ его глазахъ — чувство мести: наконецъ расплата за долгое ожиданіе! Онъ хватается толстую скользкую рыбу и съ хрустомъ вырываетъ у нея изо рта стальной крючокъ.

Самоубійцу онъ тоже ненавидитъ отъ всей души и желаетъ ему погибели, хотя и сомнѣвается въ искренности намѣреній старика. За это онъ ненавидитъ его еще сильнѣй.

Занявшись бычкомъ, онъ дѣлаетъ видъ, что до старика ему нѣтъ никакого дѣла. Даже поворачивается къ нему бокомъ.

Смотритъ на лысаго старика лишь одинъ субъектъ въ “почтовой” фуражкѣ, смотреть съ злораднымъ наслажденіемъ. — Ему тоже хочется, чтобы старикъ утонулъ, чтобы не даромъ “раззорился”.

Когда тотъ скользитъ или спотыкается о подводные камни, онъ желаетъ ему упасть окончательно и захлебнуться.

— Очень интересный случай, — шепчетъ чиновникъ про себя, и его желтые глазки оживленно сверкаютъ.

Однако, старикъ начинаетъ трезвѣть, и ему уже не хочется умирать. Онъ поворачивается, чтобы итти обратно, но въ это время его нога скользитъ по поросшему мягкой и густой тиной подводному камню, онъ взмахиваетъ рукой и безъ звука погружается въ неподвижную воду, смыкающуюся надъ его загорѣлой, сверкающей лысиной.

На поверхности, какъ газъ изъ бутылки съ содовой, вскипаютъ пузырьки воздуха.

Никто не замѣчаетъ происшедшаго:

Такъ же купаются чайки въ горячемъ воздухѣ, такъ же дышатъ зноемъ скалы, и неподвижны на нихъ рыболовы, устремившіе глаза на застывшіе поплавки удочекъ.

— Со днемъ ангела поздравляю васъ, Лукерья Семеновна, — кричитъ хриплымъ голосомъ чиновникъ, обращаясь къ женщинѣ, — домовладѣлецъ вашъ успокоились на днѣ окіанстемъ.

Та оборачивается съ свирѣпымъ лицомъ.

Старика нигдѣ не видно.

Тогда сразу же она начинаетъ кричать и причитать, какъ надъ покойникомъ:

Въ прошломъ году его поймали съ поличнымъ и выкололи ножомъ глазъ. Съ тѣхъ поръ онъ носитъ грязную повязку.

— Люди добрые, спасите, человѣкъ утопъ! Человѣкъ Богу душу отдаетъ! О чемъ вы думаете, добрые люди!

Она подбѣгаетъ къ водѣ, входитъ въ нее, поднимая тучи брызгъ, опять выскакиваетъ на берегъ и мечется взадъ и впередъ, неистово крича.

Она не умѣетъ плавать.

Но есть человѣкъ, котораго никто не замѣчаетъ.

Это рыбакъ, по прозвищу “Китаецъ”. Онъ лежитъ, распластавшись ящерицей на высокой скалѣ, раздѣляющей двѣ бухты, и наблюдаетъ за купаньемъ двухъ толстыхъ кухарокъ, плещущихся по сосѣдству. Кухарки замѣтили его и кокетливо кричатъ:

— Мужчина, не смотрите!

Слава о “Китайцѣ” идетъ плохая. Онъ воръ. Воруетъ сѣти у своихъ же рыбаковъ.

Онъ видѣлъ, гдѣ погрузился въ воду старикъ, и мысленно отсчитываетъ время, когда еще не поздно будетъ его вытащить. “Китаецъ” разомлѣлъ отъ вида купающихся полнотѣлыхъ женщинъ, и ему лѣнь спустить-

ся со скалы и итти въ воду. Старика, впрочемъ, ему нисколько не жаль, но отъ него можетъ быть польза.

Происходитъ, однако, нѣчто, что заставляетъ “Китайца” поторопиться:

На узкой глинистой дорожкѣ, вьющейся надъ берегомъ, показывается солдатъ съ винтовкой на плечѣ. Солнечный зайчикъ играетъ на кончикѣ дула. Онъ идетъ бодрымъ шагомъ, иногда поглядывая на море. Это стражникъ съ пограничнаго кордона, “картонный солдатъ”, какъ его называютъ рыбаки, и назначеніе его слѣдить за контрабандой и происшествіями въ районѣ прибрежной полосы.

Съ своего наблюдательнаго поста “Китаецъ” видитъ его раньше, чѣмъ другіе. — На брюхѣ, внизъ головой, онъ соскальзываетъ со скалы, мчится, что есть духу, по берегу и съ удалымъ, отчаяннымъ воплемъ “Эвва” кидается въ воду. Какъ смерчъ, въ облакѣ водяной пыли, несется онъ въ припрыжку по мелкому мѣсту; достигнувъ глубины, дѣлаетъ нѣсколько взмаховъ “на саженьки” и ныряетъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ утонулъ старикъ. Въ воздухѣ сверкаютъ его мокрая, голыя пятки.

Лукерья замерла, молитвенно прижавъ къ груди руки. Она надѣется на чудо.

На поверхности показывается “Китаецъ”. Тяжело отдуваясь и отплываясь, онъ смотритъ вокругъ себя и снова ныряетъ.

“Картонный солдатъ” бѣгомъ спускается по обрыву къ берегу.

Чиновникъ торопливо собираетъ свою потрепанную обувь и рыболовные принадлежности и, перескакивая съ камня на камень, переходитъ на берегъ. Тамъ онъ обувается и, не обращая на себя ничьего вниманія, исчезаетъ со сцены.

Проходитъ мучительно долгое время.

Вновь показывается надъ водой “Китаецъ”, уже съ другого мѣста и, отдышавшись, опять ныряетъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ показывается уже не одинъ. — Безжизненная голова съ остеклянѣвшими глазами и длинными космами бороды приникла къ его плечу. “Китаецъ” изгибается подъ бременемъ длиннаго свисающаго тѣла.

На этомъ мѣстѣ уже можно стоять, и “Китаецъ”, чуть-чуть сбиваясь съ прямой линіи, порой скользя, бодро несетъ старика на берегъ. “Картонный солдатъ”, приставивъ къ скалѣ винтовку, принимаетъ на свои руки мокрое тѣло.

Бухта полна народу, не извѣстно откуда взявшагося.

Прибѣжали и кухарки изъ сосѣдней бухты. На ихъ лицахъ ужасъ и любопытство, смѣшанные съ преклоненіемъ передъ героизмомъ “Китайца”. Чувствуется, что онъ будетъ имѣть у нихъ успѣхъ. Среди прочихъ, и толстый фабричный. Онъ сейчасъ оживленъ, человѣколюбивъ и готовъ на все, чтобы помочь.

— Господинъ унтеръ, — говоритъ онъ заискивающе, — я полагаю, что этого субъекта - самоубійцу приходится откачивать, для изгнанія воды изъ внутреннихъ живота, чтобы привести въ движеніе ихъ жизни.

— Господа, — говоритъ солдатъ, — не вмѣшивайтесь, прошу васъ честию, ему нужно открыть искусственное дыханіе.

И онъ самолично начинаетъ сгибать и разгибать руки старика.

“Китаецъ” смотритъ по сторонамъ и, убѣдившись, что на него никто не обращаетъ вниманія, направляется за скалу, гдѣ лежитъ одежда утопленника.

Быстро сбрасываетъ онъ съ себя мокрые штаны, беретъ брюки старика, съ восхищеніемъ потрогавъ добротный матеріалъ, натягиваетъ ихъ, подкативъ до колѣнъ, а сверху — опять свои штаны.

Получивъ такимъ образомъ весь призь цѣликѣмъ, со всѣмъ его содержимымъ, онъ съ дѣланно усталымъ видомъ возвращается къ толпѣ, занятой возвращеніемъ къ жизни самоубійцы.

Наконецъ, у старика хлынула изо рта вода, и онъ мало по малу приходитъ въ себя. Глаза его открываются; онъ начинаетъ бормотать что-то невнятное.

— Игнатій Порфирычъ, — рыдаетъ женщина, — простите меня, ради Христа, испугали вы меня до смерти... Простите!

Она цѣлуетъ его руку. — Не хотѣла я этого, видеть Богъ, не думала я за это. Красавчикъ вы мой, баринъ золотой...

Въ это время, “картонный солдатъ” составляетъ протоколъ.

Его лицо сурово и полно сознанія служебнаго долга.

Со стороны можно подумать, что “Китаецъ” совершилъ преступленіе, и его допрашиваютъ въ участкѣ.

— Ваша фамилія, имя и отчество, какъ вы ихній спаситель и извлекли ихъ тѣло изъ воды съ опасностью собственной жизни, — спрашиваетъ онъ, хотя знаетъ его прекрасно, главнымъ образомъ по дѣламъ контрабанднаго провоза табаку.

Когда допросъ окончень, задается послѣдній вопросъ:

— Желательно ли вамъ получить награду деньгами или медалью?

— Желая деньгами, — быстро отвѣчаетъ “Китаецъ”, — нѣтъ у насъ мундировъ и пенсій, чтобы всякія медали носить, а деньги получить желаю обязательно. Сами видите, за какой, можно сказать, призракъ погибаль...

Когда старикъ окончательно приходитъ въ себя, и подымается вопросъ о доставкѣ его обратно въ “собственный домъ”, оказывается, что одѣть его по всѣмъ правиламъ не придется: пропали брюки.

— Непремѣнно та шпана сперла, — визжитъ Лукерья, обращаясь къ фабричному, — чинушка тотъ, что съ тобой сидѣлъ! И деньги тамъ были, 12 рублей, и носовой платокъ!

— Оставь, Луша, — слабо говоритъ старикъ, — надо Господа Бога благодарить, что живъ остался. Штаны наживемъ...

Итти онъ не можетъ. Надо кому-нибудь взять его на спину и понести на гору до перваго извозчика. Берется за это все тотъ же “Китаецъ”.

— Дай, дѣдушка, ужъ потягаю тебя за одно, пострадаю до конца!

И онъ хитро подмигиваетъ.

Маленькая процессія трогается въ гору.

Александръ Гефтеръ.

Александръ Евгеніевичъ Яковлевъ

Неизданные рисунки



А. Е. Яковлевъ

Александръ Евгеніевичъ Яковлевъ родился въ 1887 году.

По окончаніи Петербургскаго лица онъ рѣшилъ посвятить себя живописи и поступилъ въ Академію

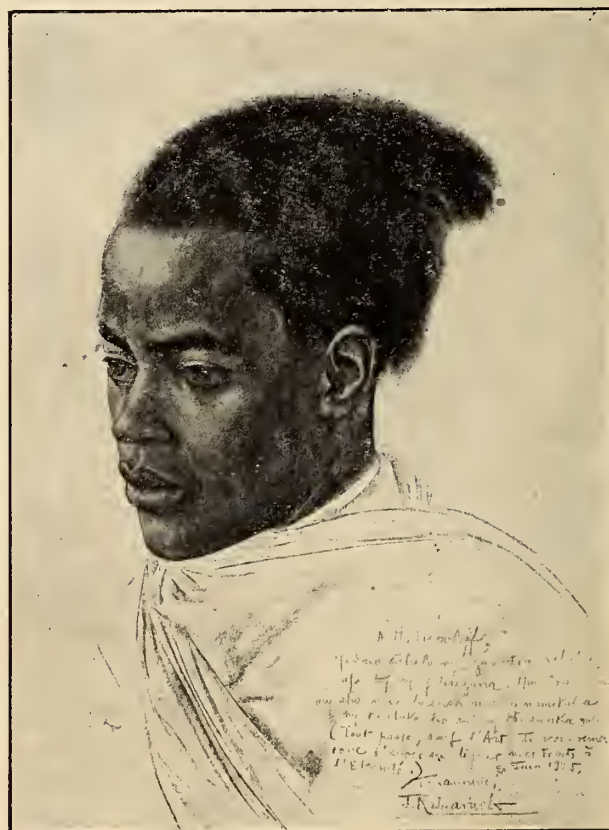
Художествъ. Академія обучила А. Е. мастерству художника, не порабошая самостоятельнаго развитія его сильнаго и оригинальнаго таланта.

Любимымъ профессоромъ А. Е. Яковлева былъ



Bayenne Marcha

Начальникъ полиціи въ округѣ Афдемъ въ Абиссиніи



Rabearivelo

Малгамскій поэтъ и журналистъ



Koti
Начальник племенъ
"Matehaga", "Nianyara"
(Бельгійское Конго)

Кардовскій, котораго онъ и до сихъ поръ вспоминаетъ съ глубокой симпатіей.

По окончаніи Академіи въ 1913 году, А. Е. Яковлевъ уѣзжаетъ въ Италію. Римъ, Флоренція, Сіенна, Венеція проходятъ предъ нимъ въ удивительной и такой разнообразной красотѣ.

Италія очаровала А. Е. Яковлева, но развитіе его таланта и тамъ продолжало идти своимъ совершенно самостоятельнымъ путемъ.

Въ Италіи художникъ увлекается мастерами quattrocento. Въ особенности его восхищаютъ Piero dei Franceschi и Mellosso da Forlì. А. Е. Яковлевъ изучаетъ точность ихъ рисунка, четкость линій, удивительно энергичную вырисовку мускуловъ.

Во время пребыванія въ Италіи разразилась война и А. Е. долженъ былъ вернуться въ Россію, гдѣ и оставался до 1917 г. Въ этомъ году, освобожденный отъ воинскихъ обязанностей, А. Е. былъ отправленъ Академіей, по его просьбѣ, въ Китай, поселился въ Пекинѣ и съ увлеченіемъ принялся за работу. Китай очаровалъ его воздушностью линій и яркими контрастами красокъ, превзойдя своей живописностью и красотой всѣ ожиданія художника.

Въ Пекинѣ онъ работаетъ до наступленія лѣта и затѣмъ уѣзжаетъ въ Монголію, въ область Долай-Норъ. Здѣсь много путешествуетъ, въ сопровожденіи стараго казака, служившаго въ русской миссіи. Казакъ оказался прекраснымъ гидомъ и вѣрнымъ преданнымъ спутникомъ.

Во время путешествія А. Е. Яковлевъ много рабо-

таетъ, пишетъ портреты монгольской принцессы и внимательно изучаетъ дикую красоту природы и сказочный, своеобразный бытъ населенія, а затѣмъ возвращается въ Пекинъ и отдается изученію китайскаго театра.

Эта работа захватила художника, и, углубляясь въ нее, онъ понялъ и величіе, и воинственную красоту, и глубокую лирику китайскаго театра.

Изъ Китая Яковлевъ поѣхалъ на полгода въ Японію и затѣмъ вернулся моремъ въ Европу.

Выставка его работъ была въ Парижѣ въ 1920 г., въ апрѣлѣ, въ галлерей Bagbazanges. И попрежнему все, видѣнное Яковлевымъ, не заставило его отклониться отъ прямой и самостоятельной дороги его таланта. Его рисунокъ остается четокъ, силенъ, своеобразенъ.

Для рисунковъ А. Е. Яковлевъ предпочитаетъ сангину и уголь.

Въ 1924 г. Яковлевъ уѣхалъ въ Африку, вмѣстѣ съ извѣстной экспедиціей Ситроена и во время всей экспедиціи, несмотря на утомленіе послѣ трудныхъ переходовъ, напряженно и съ увлеченіемъ работалъ.

Десятки и десятки работъ привозитъ онъ по окончаніи экспедиціи, и въ Парижѣ устраиваетъ выставку. Успѣхъ огромный. Иностранные журналы посвящаютъ Яковлеву восторженные статьи и восхищаются его талантомъ и четкой и сильной манерой письма.

Теперь А. Е. Яковлевъ живетъ въ Парижѣ. Его влечетъ въ сторону чистой живописи, послѣ исканій формы и рисунка.

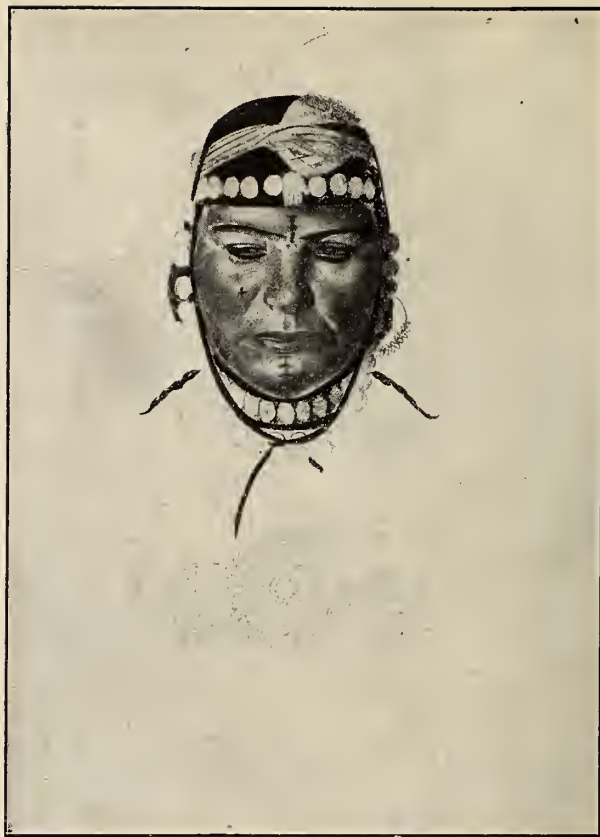
Л. Е.



N. Gani
Начальникъ племени
Abgona
(Бельгійское Конго)



Обезьяна из области Убанги-Шари.



Арабская женщина
(Изъ Бени-Абесса)

Степная Пѣснь

Пантелеича, нашего хуторского пастуха, я зналъ еще съ дѣтства. Это былъ добродушный старичекъ съ вѣчно улыбающимся лицомъ. Маленькій, сгорбившійся, съ непокрытой сѣдой головой и жиденькой бороденкой, онъ напоминалъ сказочнаго дѣдушку.

Раннимъ утромъ, еще до восхода солнца, Пантелеичъ вмѣстѣ съ подпаскомъ Өомкой, одноглазымъ мальчишкой, и старой овчаркой шли на окраину хутора, куда бабы сгоняли коровъ и телятъ, принося съ собою для Пантелеича хлѣбъ и сало, — знакъ благодарности за долгую и безупречную службу. Пріятно было Пантелеичу такое доброе отношеніе и, не зная, чѣмъ отблагодарить, онъ суетливо топтался на мѣстѣ, хлопалъ кнутомъ и кричалъ на овчарку, которая и безъ того уже бѣгала вокругъ собравшагося стада.

— Знаетъ свое дѣло. Служить только за хлѣбъ, плата небольшая, а дѣла хватаетъ. Недовольна Өомкой, никакъ не ладятъ; обижаютъ онъ ее. Иной разъ вцѣплятъ другъ въ друга и не разоймешь. Я не разъ говорилъ — не лѣзь, не обижай, ну куда тамъ!

Какъ-де, чтобы собакъ потрафлять!

Чувствуя, что разговоръ идетъ о ней, Овчарка садилась на заднія лапы и, приподнявъ кверху свою лохматую голову, съ умиленіемъ смотрѣла на хозяина.

Попрошавшись съ бабами, съ веселыми прибаутками и свистомъ, Пантелеичъ гналъ на степь стадо. Коровы, мыча и поднимая пыль, шли чинно, лишь телята, почувствовавъ себя на свободѣ, рѣзвясь, бѣгали вокругъ матерей, оглашая воздухъ мычаньемъ.

— Ну-ну, рѣзвитесь, только и вашего. Времячко быстро пройдетъ... Ой, какъ быстро! Мудреная штука

— жизнь. Не дано, значить, человѣку постигнуть всѣхъ ея тайнъ. Живи и не мудствуй...

Шедшая рядомъ и, видимо, тоже о чемъ-то мечтавшая Овчарка, привыкшая съ давнихъ поръ къ философіи хозяина, которую онъ изо-дня въ день излагалъ вслухъ, посмотрѣла на Пантелеича слезившимися глазами и, по заведенному обычаю, для выраженія сочувствія вздохнула.

— О чемъ это, а? Скучаешь? Или Өомка обидѣлъ? Эй, ты, одноглазый, доберусь до тебя! Зачѣмъ трогаешь? Стыдно, братъ...

Наступила неопредѣленно смутная минута. Уже вдали, на горизонтѣ, гдѣ степь сливалась съ предутреннимъ туманомъ, замелькали первые лучи солнца, и, наконецъ, показался красный дискъ. Посмотрѣвъ на сонную степь, солнце стало подыматься. Было что-то прекрасное въ этомъ медленномъ солнцѣ. Остановивъ стадо, Пантелеичъ долго всматривался въ дивную молчаливую красоту начинающагося утра.

И вдругъ, среди глубокаго молчанія, раздались стройные звуки степной пѣсни. Они, журча, переливались и сплетались въ чудную своеобразную гармонию... Это игралъ Пантелеичъ на своей дудкѣ; опустивъ голову, Өомка сосредоточенно слушала знакомую ему музыку; Овчарка, растревоженная звуками, отъ охватившаго ея восторга, тихонько, жалобно выла; стадо, насторожившись, слушало игру.

А степь, въ утреннихъ розовыхъ лучахъ восходящаго солнца, безмолвно прислушивалась къ звукамъ и, въ волнахъ струившагося аромата, несла ихъ дальше.

Гавріиль Погорѣловъ.

НАШИ ХУДОЖНИКИ

А. Б. Гербильскій

Въ Салонѣ 1930 года меня остановилъ портретъ молодой дамы.

Писаль — А. Б. Гербильскій. Рѣшаю представиться талантливому соотечественнику.

Онъ представляется мнѣ важнымъ, строгимъ, “убѣленнымъ съдинами”.

Вхожу. И навстрѣчу — сіяющая улыбкой, беззаботная, буйная молодость.

Знакомимся.

Я чувствую, что дѣлаю безтактность, но не могу не спросить:

— Да сколько Вамъ лѣтъ?

— Двадцать четыре.

Андрей Борисовичъ окончилъ русскую гимназію въ Парижѣ въ 1923 году и счастливо началъ работать въ мастерской Эмиль Ренара, почетнаго профессора Академіи Художествъ.

Совершенствуясь, послѣ пяти лѣтъ работы, онъ приступилъ къ занятіямъ съ Ксавье Брикаръ, однимъ изъ лучшихъ



Фотографія Рожинскаго, 53, av. des Ternes

современныхъ французскихъ мастеровъ.

Его портреты были выставлены въ Салонѣ въ 1928, 1929 и 1930 гг. и отмѣчены похвальными отзывами видныхъ художественныхъ критиковъ.

Въ этомъ мѣсяцѣ А. Б. Гербильскій закончилъ предлагаемую вниманію читателей картину “Femme endormie”.

Профессора и художники отмѣчаютъ особую деликатность тоновъ и строгость рисунка.

Художникъ заканчиваетъ портреты видныхъ представительницъ французской аристократіи.

Изъ угла, съ портрета же, лукаво смотритъ на этихъ высокопоставленныхъ особъ бойкая “Рязанская баба”, въ сарафанѣ, въ бѣломъ платочкѣ, веселая, оживленная, зарисованная на фонѣ нѣжной листвы.

А. Б. Гербильскій ѣдетъ въ Италію и общается не забывать о нашемъ журналѣ.

Счастливаго пути!



Фотографія Рожинскаго,

53, av. des Ternes

Femme endormie.

Выставка на Монпарнасѣ

Монпарнасская группа художниковъ выставяетъ свои работы въ залѣ Кастелючо Діана.

Трое русскихъ включены въ ея составъ.

Очень хороши полотна Вещилова: “Ночь на Корсикѣ”; “Веранда на Капри”; “Версаль”.

Маринистъ Шванебахъ выставилъ три вещи. Двѣ

только что закончены. Прелестно море, залитое солнцемъ; побережье, съ причудливыми очертаніями горъ, и бьющая въ берегъ волна.

Седракъ выставилъ полныя солнца и красокъ “Веранду въ цвѣту”, старинную “Часовню” и розы.

Выставка представляетъ особый интересъ.

СКУЛЬПТУРА

Л. Я. Мурадовъ

Л. Я. Мурадовъ, чья работа "Фавнъ" привлекла вниманіе знатоковъ въ Салонѣ 1930 года, началъ занятія по скульптурѣ въ 1911 году въ Тифлисѣ, на художественныхъ курсахъ Шмерлинга.

Война надолго прервала эти занятія и Леонъ Яковлевичъ смогъ ихъ возобновить въ Тифлисѣ же только по окончаніи борьбы съ нѣмцами.

Въ 1920 году Л. Я. выѣхалъ въ Константинополь и въ теченіе трехъ лѣтъ неустанно совершенствовался.

Первую большую работу — барельефъ "Три граціи" онъ представилъ на судъ публики на выставкѣ союза художниковъ.

Послѣ Константинополя — Парижъ. Работа, въ большемъ масштабѣ, подъ руководствомъ профессора Тениссена.

Выдвигается Л. Я., благодаря исключительной энергіи, и съ 1926 года регулярно представляет свои вещи на выставку въ Салонъ.

Въ этомъ году парижане видятъ "Сонъ у источника", въ слѣдующемъ — мраморный бюстъ Поль Кадавса и бронзовый бюстъ негра; въ 1928 г. въ бронзѣ представленъ инженеръ Жанъ Жераръ. За статую "Сусанна" артистъ получаетъ почетный отзывъ. Въ 1929 г. критикой



"Фавнъ" — работа Л. Я. Мурадова.
Le Salon 1930.

вновь отмѣчены работы Л. Я. Мурадова — бронзовый бюстъ профессора медицинского факультета въ Парижѣ Поль Леке и группа "Леда" (изъ бельгійскаго гранита). Наконецъ, въ этомъ сезонѣ скульпторъ выставилъ "Фавна" и мраморный бюстъ Мадамъ Леке.

Изъ другихъ работъ слѣдуетъ отмѣтить бюсты сына англійскаго милліардера Гладстона (1928 г.), дочери американскаго консула въ Парижѣ Миссъ Кена, армянскаго писателя Агаруняна.

Въ 1929 г. въ галлерей Жоржъ Пети скульпторъ выставилъ бронзовую группу "Право сильнаго", появленіе которой отмѣчено хвалебными отзывами иностранной прессы.

Л. Я. Мурадовъ любезно показываетъ и свои послѣднія работы. Совершенно законченъ бюстъ балерины Е. Н. Меликовой. Подъ рѣзцомъ художника бронза и камень оживаютъ, и въ тщательно исполненныхъ работахъ скульпторъ достигаетъ рѣдкой выразительности.

Мы будемъ еще имѣть случай остановиться на творествѣ артиста и предложить вниманію читателей его работы исключительной художественной цѣнности.

К.

Русская Опера въ Парижѣ

Парижъ снова слышитъ Русскую Оперу. На этотъ разъ въ драгоцѣнномъ составѣ.

Лучшее, что взлелѣялъ Маріинскій театръ, собралось на сценѣ. Талантливая молодежь окружила хранителей нашихъ традицій, и въ прекрасной оправѣ художниковъ И. Я. Билибина, Б. К. Билинскаго и А. Н. Бенуа, радуютъ "Князь Игорь", "Садко" и "Русланъ и Людмила".

Альбертъ Коутсъ — на посту дирижера. По юношески блестятъ глаза, свѣтлѣетъ лицо, и, кажется, невидимыми лучами связанъ онъ съ исполнителями и оркестромъ. Все слилось въ одно цѣлое въ общемъ хорѣ, гимнѣ красотѣ. Вдохновеніе преображаетъ артиста, онъ горитъ, и только съ медленнымъ паденіемъ занавѣса потухаетъ озаренное сіяніемъ лицо.

Замѣняетъ его за дирижерскимъ пультомъ А. И. Лабинскій.

Дирижируетъ сосредоточенно, серьезно, властно, точно свыше облеченъ беречь безцѣнное твореніе ком-

позитора. Онъ тоже — на посту. И въ лицѣ его — это сознаніе отвѣтственности за дорогое дѣло.

Легко разсѣкаетъ воздухъ бѣлая палочка и ей повинуются оркестръ, пѣвцы и хоръ.

Третій прославленный дирижеръ, М. О. Штейманъ. Я, къ сожалѣнію не имѣлъ удовольствія слышать "Руслана и Людмилу" подъ его управленіемъ.

Оркестръ Вальтеръ Страрамъ звучитъ прекрасно. Богатъ и разнообразенъ его репертуаръ. Въ сонмѣ звуковъ рождаются картина за картиной.

Хоръ, подъ управленіемъ Д. Аристова, достоинъ высшей похвалы.

Въ немъ пѣвцы и пѣвицы крупнаго масштаба. Сейчасъ, слитые во-едино, они вызываютъ восхищеніе зала. Многихъ по отдѣльности мы надѣемся слышать съ эстрады и сцены.

Балетъ, гдѣ прима балериной А. М. Балашева, гдѣ каждая поза продумана Брониславой Нижинской, — предметъ неизмѣнныхъ овацій.

У балета горячіе поклонники и поклонницы среди русских и иностранцевъ.

Прекрасная пресса.

Тщательна вся постановка, продумана въ деталяхъ. Невидимый А. А. Санинъ тамъ, за кулисами, умѣло руководитъ дѣломъ.

Н. Н. Евреиновъ энергично хлопочетъ по постановкѣ “Руслана и Людмилы”.

Ближайшій совѣтникъ режиссеровъ — А. М. Давыдовъ.

Ихъ помощникъ — М. Н. Каракашъ.

Имена говорятъ за себя.

ЛИДІЯ ЯКОВЛЕВНА ЛИПКОВСКАЯ

Въ исполненіи Лидіи Яковлевны Людмила — прелестна, Волхова — красочна и мила.

Нѣжное, задушевное пѣніе, движенія, полныя изящества, красивый костюмъ — все въ гармоніи.

Точно оживаетъ роскошная куколка талантливаго скульптора, неслышной поступью легко скользитъ по

сценѣ, и мило, просто, непринужденно щебечетъ и поетъ.

И, когда опускается занавѣсъ, вы чувствуете, что ни на йоту не омрачена радость воспріятія этихъ законченныхъ прекрасныхъ образовъ.

И Русланъ намъ кажется воистину влюбленнымъ.

И очарованнымъ — Садко.

Ксенія Евгеніевна Роговская



Ксенія Евгеніевна Роговская, съ такимъ исключительнымъ успѣхомъ выступающая въ Русской оперѣ въ Парижѣ, первоначальное музыкальное образованіе завершила въ Италіи. Ея учительницей пѣнія была знаменитая Тереза Аркель, ученица Віардо Гарсія.

Послѣ перваго дебюта, молодая концертантъ получила рядъ приглашеній, въ томъ числѣ въ Сѣверную Америку.

Съ началомъ Великой войны К. Е. Роговская вернулась въ Россію и въ 1915 году подписала контрактъ на три года въ оперу С. И. Зимина.

Пѣла весь колоратурный репертуаръ.

“Жизнь за царя” и “Фаустъ” пѣла съ Ф. И. Шаляпинымъ.

Нѣжный, пріятнаго тембра, голосъ, сильный и прекрасно сработанный, умная, при выразительной мимикѣ, игра выдвинули К. Е. Роговскую въ рядъ исключительно одаренныхъ русскихъ пѣвицъ.

Война и коммунизмъ послѣдующихъ лѣтъ, препятствуя расцвѣту ея таланта во всей красѣ на родной почвѣ, побудили Ксенію Евгеніевну перенести сценическую дѣятельность за-границу.

Бѣлградъ оцѣнилъ ея призваніе.

Въ Бѣлградской Королевской Оперѣ К. Е. Рогов-

ская съ исключительнымъ успѣхомъ поетъ “Тоску”, “Пиковую Даму”, “Лоенгринъ” и “Аиду” съ маэстро Масканьи, а затѣмъ гастролируетъ по Польшѣ, Чехіи, Румыніи, Болгаріи и Венгріи.

Въ Будапештѣ Ксенія Евгеньевна поетъ “Тоску” съ Тито Руффо.

Прошлый сезонъ пѣла въ Барселонѣ и съ громаднымъ успѣхомъ провела партію дѣвы Февроніи въ оперѣ “Невидимый градъ Китежъ”.

Парижане слушаютъ К. Е. Роговскую уже второй сезонъ. Въ оперѣ М. Н. Кузнецовой она выступала въ “Князѣ Игорѣ”, “Царѣ Салтанѣ” и “Снѣгурочкѣ”.

Большое впечатлѣніе на Парижскую публику произвела артистка исполненіемъ партіи Ярославны.

Живо представляется безбрежная южная степь. Игорь со товарищи. Рать, притихшая въ страхѣ передъ затменіемъ солнца. И охваченная тяжкимъ предчувствіемъ, Ярославна.

Идетъ, прощается, снимаетъ ладонку. Благословляетъ князя.

Высоко въ небо летитъ полный отчаянія вопль:

— Прощай!

Послѣдній поцѣлуй...

И на руки подбѣжавшихъ дѣвушекъ падаетъ теряющая силы княгиня.

И въ этой, полной драматизма сценѣ, и въ присутствіи князя Галицкаго, и въ “Плачѣ” на городской стѣнѣ и въ заключительной сценѣ К. Е. Роговская удивительно легко создаетъ образъ Ярославны.

Непрерывная, художественная игра.

Княгиня сдерживаетъ вспышки гнѣва, слушая жалобы дѣвушекъ:

— Мы къ тебѣ, княгиня,

Мы къ тебѣ, родная,

Молимъ, просимъ —

Защити насъ...

Вошелъ обидчикъ.

Дѣвушки разбѣжались.

На лицѣ Ярославны чувство оскорбленнаго достоинства; въ интонаціяхъ, въ движеніяхъ, въ жестахъ — нарастающій гнѣвъ.

Ведетъ неумѣстныя рѣчи князь Галицкій, и гнѣвъ княгини достигаетъ предѣла:

— Да ты забылъ, что я — княгиня!..

Ярославной любишься даже въ минуты ея гнѣва.

И, если въ роли К. Е. Роговская умѣетъ такъ талантливо отразить волненіе мятущейся души Ярославны, — въ партіи, прелестнымъ пѣніемъ, она завершаетъ рисунокъ близкаго намъ образа супруги Игоря и красиво передаетъ и ея лютую горе-гореваньице и свѣтъ неожиданной радости.

К. Е. Роговская въ Парижѣ — наша гостья.

Живетъ она обычно въ Бѣлградѣ и выступаетъ на сценѣ Королевской Оперы.

Мужъ ея г. Христичъ, Директоръ Оперы, знаетъ и любитъ свое дѣло и съ честью имъ руководить.



К. Е. Роговская
Мими
Опера “Богема”



К. Е. Роговская
Виолетта
Опера “Травиатта”

Александра Евгениевна Яковлева

Популярную артистку знает весь Парижъ по выступлениямъ въ Большой Оперѣ, концертамъ Паделю, спектаклямъ Дягилева въ театрѣ Сары Бернаръ, по театру Елисейскихъ полей и многочисленнымъ выступлениямъ въ лучшихъ парижскихъ салонахъ.

У Александры Евгениевны совершенно особый тембръ голоса. Одинъ изъ французскихъ критиковъ отмѣтилъ, что такіе голоса встрѣчаются только въ Россіи.

Въ продолженіе шести сезоновъ артистка выступала въ лучшихъ театрахъ Испаніи.



Исполненіе ею партій въ операхъ “Китежъ”, “Кашей”, “Князь Игорь”, “Царь Салтанъ” вызвало восхищеніе и публики и прессы.

Статьи посвящены, главнымъ образомъ, исполненію партіи Дѣвы Февроніи въ “Китежѣ”. Это — одна изъ лучшихъ партій Александры Евгениевны.

Сценическій талантъ русской артистки особенно поразилъ испанцевъ, когда А. Е. Яковлева выступила съ артистами “Скала” въ оперѣ “Хензель и Гретель”, какъ исполнительница, la artista de muy notable manera, трудной роли старой колдуньи Марзапанъ.

Голосъ, игра и гримъ были отмѣчены всей прессой.

Въ эти же годы артистка посѣтила Монте-Карло, Остенде, Голландію, Лондонъ.

А затѣмъ — Америка.

Ріо де Жанейро, Буеносъ Айресъ, Монтевидео, Лима, Мексико и др.

Успѣхъ неизмѣнный.

Слушатели въ экстазѣ.

Un exitazo sin precedente !

Въ американскихъ газетахъ вы прочтете цѣлые столбцы похвалъ русскому искусству.

Портреты нашихъ артистокъ и артистовъ помѣщены въ самомъ лестномъ окруженіи, среди американскихъ звѣздъ первой величины.

А одинъ изъ экспансивныхъ журналистовъ съ жаромъ описываетъ и черныя очи Александры Евгениевны, читая въ нихъ тайны звѣзднаго міра.

Изъ Америки судьба переноситъ Александру Евгениевну на Елисейскія поля.

Въ труппѣ князя Церетелли А. Е. Яковлева поетъ Гориславу и Ярославну.



А. Е. Яковлева
Ярославна
“Князь Игорь”

Эстетъ порадуется и пѣніе артистки и игра.

Красиво и трогательно:

“Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна,

Одна на городской стѣнѣ”.

Талантливая пѣвица — сестра получившаго широкую извѣстность художника А. Е. Яковлева.

Съ его замѣчательными зарисовками туземцевъ экваторіальной Африки мы знакомимъ читателей сегодня.

Марія Эдуардовна Марковичъ



Studio Seidenberg, 2, rue Guersant.

Помню, въ доброе, но совсѣмъ недавнее, время были мы студентами Петербургскаго университета и съ Васильевскаго славнаго острова шли къ Маріинскому театру въ ночную очередь за билетами на оперу, — “числомъ побольше, цѣною подешевле”, — на самый верхній ярусъ, поближе къ звѣздамъ...

Шли слушать:

- Шаляпина...
- Липковскую...
- Марковичъ...

Марію Эдуардовну Марковичъ любили всѣ, но особыми симпатіями пользовалась она у нашихъ курсистокъ, а Бестужевскіе Курсы просто полонила.

Приходили къ театру съ вечера, заворачивались отъ холода и пушистыхъ хлопьевъ снѣга въ шали и одѣяла и, расположившись на ящикахъ и самодѣльных стульяхъ, ждали утра.

Открывалось завѣтное окошечко. Мы, не безъ волненія получали зеленые билеты и черезъ полчаса, къ утреннему чаю, взбѣгали на пятые и шестые этажи каменныхъ громадъ нашего острова.

А вечеромъ блисталъ Маріинскій театръ, и мы отъ полного сердца аплодировали тѣмъ, кто такъ вдохновенно, мощно, красиво пѣлъ далеко внизу на яркой, сказочной сценѣ.

И теперь, когда мнѣ представился нѣсколько неожиданный случай благодарить Марію Эдуардовну за эстетическое наслажденіе, доставленное намъ въ Парижѣ, я позволю себѣ сказать спасибо и отъ имени невѣдомой ей, но искренне признательной аудиторіи самаго верхняго яруса Маріинскаго театра.

**

Въ Парижѣ Марія Эдуардовна пѣла послѣ продолжительнаго перерыва и пѣла прекрасно.

Игра замѣчательна.

Въ “Садко” образъ Любавы, “неудачливой жены”, художественно цѣленъ. Яркое любое движеніе, выразителенъ каждый жестъ.

Можно ли лучше передать отчаяніе?

Пѣніе и игра Маріи Эдуардовны волнуютъ.

Театръ ей рукоплещетъ, и зритель не можетъ не пожалѣть, что изъ тридцати пяти оперъ репертуара онъ слышитъ въ ея исполненіи сейчасъ только двѣ.

**

Марія Эдуардовна — одна изъ стаи славныхъ.

Но труденъ путь къ славію.

Ея художественное исполненіе — результатъ долголѣтняго неустаннаго суроваго труда. Еще съ тѣхъ далекихъ дней, когда съ Римскимъ - Корсаковымъ она проходила партію Марины.

Идутъ года.

Своимъ богатствомъ наслѣдствомъ М. Э. Марковичъ



Studio Seidenberg, 2, rue Guersant.

щедро и умѣло дѣлится съ аудиторіей консерваторіи, гдѣ по заслугамъ занимаетъ профессорскую кафедру.

Настаетъ и смутное время.

Творится масса нелѣпостей.

И М. Э. Марковичъ вынуждена разстаться съ Россіей, гдѣ политическимъ режимомъ заграждены вольныя уста.

И подлинно —

“Заграждены уста твоимъ пророкамъ”...

Анна Семеновна Кондаки

Въ дни раннего дѣтства нравились Аннѣ Семеновнѣ танцы, музыка и пѣніе.

Подросла, — и мѣръ искусства сталъ ея любимымъ.

Живая, полная радости, посвящаетъ она игръ и пѣнію весь досугъ и въ пору юности мятежной, въ гимназическіе годы.

Выступаетъ на ученическихъ концертахъ.

Въ пятнадцать лѣтъ, окончивъ гимназію, съ золотой медалью въ награду, талантливая дѣвушка оказывается на распутьи:

Чему служить?

Искусству? Наукѣ?

Покорная волѣ отца, Анна Семеновна отказывается отъ мечты учиться въ консерваторіи и поступаетъ въ Петроградскій университетъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета.

Два года серьезныхъ занятій. Лекціи, экзамены, а на третій... въ стѣнахъ Консерваторіи появляется новая ученица.

Съ жаромъ принимается она за работу. На сценѣ



(Studio Seidenberg, 2, rue Guersant)



А. С. Кондаки — Людмила

Анна Семеновна становится любимицей публики, профессуры, самого А. К. Глазунова.

Консерваторію А. С. Кондаки кончаетъ съ первой наградой, традиціонной командировкой за-границу, и осенью 1926 года появляется въ Парижѣ.

Послѣ первыхъ концертовъ она ѣдетъ съ Н. Ф. Баліевымъ въ Америку, а, по возвращеніи, получаетъ приглашеніе М. Н. Кузнецовой въ Русскую Оперу, на партіи Снѣгурочки, Лебеда и Параси въ поѣздку по Южной Америкѣ.

Въ текущемъ сезонѣ князь Церетелли пригласилъ А. С. Кондаки въ Русскую Оперу въ Парижѣ на партіи Людмилы и Волховы.

Публика приняла молодую пѣвицу тепло. Русская и иностранная пресса отмѣтила большой заслуженный успѣхъ.

Голосъ ея, красивый и ласковый, звучитъ нѣжно и безупречно чисто.

А. С. неустанно совершенствуется и въ Парижѣ вокально работаетъ съ профессоромъ В. И. Страховой.

Исполненіе ею партіи Людмилы доставляетъ слушателямъ рѣдкое эстетическое наслажденіе.

Молодую пѣвицу публика провожала аплодисментами.

Передъ нами большая артистка, увѣренно и свободно выходящая на широкій сценическій путь.

Художественной Студіи Петроградской Консерваторіи впервые выступаетъ передъ широкой публикой.

Концертъ, — и строгими цѣнителями отмѣченъ несомнѣнный, значительный успѣхъ.

Эльза Яковлевна Жебранская



Э. Я. Жебранская, обладательница пріятнаго контральто, пѣвица молодая, и въ весеннемъ сезонѣ Русской Оперы въ Парижѣ — пѣла впервые.

Музыкальное образование Э. Я. получила въ студіи А. Вальманнъ-Круминъ въ Ригѣ.

Двадцати двухъ лѣтъ она выступила на отчетномъ концертѣ, и уже тогда (1926 г.) музыкальный критикъ газеты "Сегодня" В. Юревичъ отмѣтилъ ея успѣхъ: контральто пѣвицы плѣняетъ силой, красотой тембра, значительной технической свободой.

Въ 1927 г. — первый самостоятельный концертъ. Богатая программа даетъ слушателямъ возможность су-

дить, насколько свободно владѣетъ пѣвица всѣми низкими тонами меццо сопрано.

Характеръ голосоваго регистра, по мнѣнію критики, таковъ, что не исключена возможность обращенія этого голоса въ яркое драматическое сопрано.

Продолжая концерттировать, Э. Я. Жебранская посвящаетъ въ 1928 г. вечеръ памяти Чайковскаго.

Неустанно совершенствуясь, — въ Парижѣ, въ партіяхъ Ратмира и Нѣжаты она выявляетъ красивый, хорошо поставленный, большого діапазона голосъ и музыкальность. Сценическія дарованія — въ счастливомъ сочетаніи съ интересной внѣшностью артистки.

Первые шаги на сценѣ хороши и свободны.



Евгеній Фаддеевичъ Ждановскій



Когда Евгеній Фаддеевичъ еще не помышлялъ о карьерѣ опернаго пѣвца и былъ въ російскомъ захолустьѣ скромнымъ семинаристомъ, его внушительный, пѣвучій басъ неожиданно услышали наши вѣчно странствующие антрепренеры, и пораженные, со всѣмъ краснорѣчіемъ обрушились на молодого пѣвчаго:

— Талантъ, талантъ!

— Немедленно и обязательно въ Консерваторію!

Спѣлъ имъ Евгеній Фаддеевичъ еще разъ “Кому повѣмъ печаль мою”, и оба — Арбатовъ и Бернарди, директоръ Одесскаго опернаго театра, — убѣдились, что найденъ ими большой цѣнности самородокъ.

Такъ неожиданно началось служеніе искусству Е. Ф. Ждановскаго.

Въ 1911 году Евгеній Фаддеевичъ былъ уже въ консерваторіи.

Онъ быстро выдвинулся.

Въ 1916 году артистъ кончилъ Московскую Консерваторію, по классу В. И. Зарудной, и поступилъ въ театръ С. И. Зимина.

При его участіи прошли оперы “Фаустъ”, “Золотой Пѣтушокъ”, “Севильскій Цирюльникъ”, “Виндзорскія Проказницы” и др.

Исключительный успѣхъ, которымъ сопровождались выступленія пѣвца, побудилъ дирекцію Большого Театра пригласить его въ составъ труппы на слѣдующіе годы.

“Фаустъ”, “Лакмэ”, “Севильскій Цирюльникъ”, “Борисъ Годуновъ”, “Царь Салтанъ”, “Золотой Пѣтушокъ” и др. составляли его репертуаръ.

Настаетъ тяжелое время.

Трудно становится пѣтъ въ условіяхъ російской дѣйствительности.

Душа рвется на просторъ.

Въ 1923 году артистъ уѣзжаетъ за границу.

Первый сезонъ проходитъ въ Испаніи въ королевскомъ театрѣ въ Мадридѣ. Испанцы слушаютъ “Бориса Годунова” и “Валькирію”.

Слѣдующіе два года артистъ поетъ въ Миланѣ въ театрѣ “La Scala”.

“Хованщина”, “Донъ Карлосъ”, “Золото Рейна”, “Валькирія” — идутъ при его участіи.

Его слышитъ Римъ, Бергамо, Наварра, Феррара, Катанья...

Пѣвецъ не устаетъ совершенствоваться и во время пребыванія въ Италіи посѣщаетъ профессоровъ старой итальянской школы Ванца, Танара.

Въ этомъ году дирекція театра “La Scala” снова приглашаетъ Е. Ф. для участія въ торжественномъ спектаклѣ, вмѣстѣ съ Ф. И. Шаляпинымъ, — въ партіи Варлаама.

Его выступленія прекрасны.

Публика ихъ оцѣниваетъ высоко.

Русскаго пѣвца шумно привѣтствуютъ знатоки итальянцы и, осыпанный ихъ похвалами, артистъ выѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ князь А. Церетелли готовитъ постановку Русской Оперы.

Послѣ русскаго сезона въ Парижѣ Е. Ф. ѣдетъ въ Италію въ Верону. Тамъ на аренѣ ставятъ “Бориса Годунова”.

Колоссальный амфитеатръ для этого зрѣлища вмѣщаетъ до 50.000 человѣкъ.



Князь Галицкій

(“Князь Игорь”. Сезонъ 1929 года).

Капитонъ Діонисіевичъ Запорожець



(Studio Seidenberg, 2, rue Guersant)



Популярный басъ Капитонъ Діонисіевичъ Запорожець весенній сезонъ поеть въ Парижѣ въ театрѣ Елисейскихъ полей.

Мощно звучить его голосъ въ партіяхъ Кончака, и Варяжскаго гостя, рокочетъ, волной разливается по залу.

И, когда, въ половецкомъ станѣ, раздается кличъ суроваго хана, представляются намъ безграничные просторы, вспоминается родная степь, и та, безкрайная, Донская, что вспоила - вскормила талантливаго пѣвца.

К. Д. Запорожець извѣстенъ всему театральному міру.

О немъ не устають писать на всѣхъ языкахъ.

Могучій голосъ особенно изумляетъ иностранцевъ.

Артистъ зарисованъ для нашего журнала художникомъ Д. Брайнинымъ въ костюмахъ Кончака и Варяжскаго гостя.



Федоръ Яковлевичъ Ричъ

Въ Россіи, въ послѣдніе трудные годы, пѣвецъ служилъ и наукѣ и искусству.

Онъ какъ бы раздвоился въ поискахъ призванія.

Въ университетѣ Ф. Я. Ричъ изучалъ медицину (и получилъ дипломъ врача), а дома проходилъ оперныя партіи, чтобы пѣть ихъ достойнымъ образомъ передъ строгимъ и требовательнымъ, какъ университетскіе профессора, экзаменаторомъ-другомъ знаменитымъ итальянскимъ баритономъ Дельфино Менотти.

Жизненный путь молодого артиста

“Судьба, проказница-шалунья, Опредѣлила такъ сама”:

— Служить человѣчеству врачеваніемъ тѣла и возносить духъ служеніемъ искусству.

Покинувъ въ 1920 году Россію, Ф. Я. Ричъ окончательно посвящаетъ себя пѣнію, ѣдетъ въ Парижъ и выступаетъ въ рядѣ концертовъ.

Первый оперный се-



зонъ онъ поетъ въ Монте Карло, затѣмъ получаетъ приглашеніе въ Лондонъ, гдѣ выступаетъ передъ королевой и принцемъ Уэльскимъ; его пѣніе слышитъ Мэри Гарденъ, директрисса Чикагской оперы, и включаетъ пѣвца въ составъ оперной труппы на время гастролей на континентѣ.

Затѣмъ поѣздка по Испаніи въ труппѣ, которой дирижируютъ прославленные С. Кусевицкій и Альбертъ Коутсъ. Онъ поетъ въ “Борисъ Годуновъ”, “Князь Игорьъ”, “Царь Салтанъ”, “Садко”.

Въ Мадридѣ создаетъ роль Фернандо въ “Cosi fan tutti” Моцарта.

Приглашенный снова въ Америку въ Чикагскую Оперу, пѣвецъ исполняетъ по англійски “Намико Сан” Франчетти, поетъ итальянскій и французскій репертуаръ.

Отсюда снова въ Монте-Карло.

Ф. И. Шаляпинъ, слышавшій Ф. Я. въ Парижѣ, при-



Ф. Я. Ричъ
Князь Неклюдовъ (“Воскресенье”)

глашаетъ его въ совмѣстную поѣздку въ Лондонъ.

Шаляпинъ поетъ Сальери, Ричъ — Моцарта.

Во время послѣдующихъ гастролей въ Испаніи Ф. Я. Ричъ снова выступаетъ съ Ф. И. Шаляпинымъ въ “Борисъ Годуновъ”.

Приглашенный въ составъ оперы на гастролі по Южной Америкѣ артистъ поетъ въ Буеносъ-Айресѣ въ театрѣ “Колонъ”, въ “Царь Салтанъ”, “Невидимомъ градѣ Китежѣ” и “Сорочинской Ярмаркѣ”.

Въ Парижѣ, въ концертахъ Паделу, въ Бельгii, въ симфоническихъ концертахъ въ Остенде, въ Бѣлградскомъ королевскомъ театрѣ Ф. Я. Ричъ выступаетъ съ обычнымъ успѣхомъ, а въ послѣднее время театральнй Парижъ съ особымъ удовольствіемъ слушаетъ его въ операхъ, поставленныхъ княземъ А. Церетелли.

Послѣ Парижа на весь зимній сезонъ популярный артистъ приглашенъ въ Чикаго.



Ф. Я. Ричъ
Князь Игорьъ

Александръ Алексѣвичъ Оксанскій

А. А. Оксанскій на оперной сценѣ съ 1921 г., со времени приѣзда въ Югославію.

Весной этого года онъ выступаетъ въ городѣ Дубровникѣ (Рагуза) въ "Травиаттѣ" и рядѣ концертовъ, а осенній сезонъ поетъ въ г. Осекѣ: Цунигу ("Карменъ"), Отакъ ("Геловъ"), Спарафучиле ("Риголетто"), Бонзу ("Мадамъ Буттерфлэй"), Доктора ("Травиата") и Сагрестано ("Тоска").

Въ 1922-24 гг. онъ выступаетъ въ городѣ Сплитѣ. Подъ дирижерской палочкой талантливаго музыканта — дирижера И. И. Слатина онъ поетъ въ операхъ "Богема", "Травиата", "Мадамъ Буттерфлэй".

Съ конца 1924 по 1928 г. пѣвецъ въ Мариборѣ. За четыре сезона повторяются всѣ перечисленныя оперы и еще хорватская, словенская, затѣмъ "Фаустъ", "Трубадуръ", "Фра Цаволо", "Марто", "Манонъ" и др.

Въ слѣдующемъ году артистъ получаетъ приглашеніе въ русскую оперу, основанную въ Парижѣ М. Н. Кузнецовой - Масснэ, на характерныя басовыя партіи, поетъ Скулу ("Князь Игорь"), скомороха



Въ пути.

("Царь Салтанъ") и др. Во время поѣздки по Америкѣ — ему поручаютъ партію Бѣдая ("Невидимый градъ Китежъ") и Черевика въ "Сорочинской ярмаркѣ".

Въ Русской Оперѣ кн. А. Церетелли артистъ выступаетъ въ тѣхъ же партіяхъ: Скулы ("Кн. Игорь") и Дуды ("Садко").

Пріятный басъ, въ которомъ чувствуется особая сила и суровость, прекрасно передаетъ чувства бѣглеца изъ войскъ Игоря, бунтаря Скулы.

Въ красной рубахѣ, съ копной черныхъ волосъ, въ которой запуталась солома; съ глазами, почти бессмысленными, онъ волнуетъ народъ.

Сцена у колокольни исключительно хороша. Скула и Ерошка просятся на полотно.

И не случайно артистъ поетъ эту партію безсмѣнно воть уже 89 разъ. Онъ самъ перевоплощается. Скула оживаетъ въ его толкованіи и исполненіи. Какая богатая мимика, какъ тонко показанъ страхъ казни и подбострастіе передъ вернувшимся княземъ!

Большой артистъ въ совершенствѣ передаетъ гамму звуковъ и гамму чувствъ.



Черевикъ — "Сорочинская Ярмарка".



Бѣдай — "Невидимый градъ Китежъ"

Николай Васильевич Лаврецкий

Для большого артиста нѣтъ незначительной роли.

И Н. В. Лаврецкий въ характерныхъ партіяхъ въ "Князь Игорь" и "Садко" блестяще оправдываетъ это положеніе.

Исполненіе неподражаемо — художественно.

"Ерошка" — картиненъ.

А какая игра интонацій!

Или въ "Садко"...

Разгулялись скоморохи въ славномъ Новгородѣ.

И весело, и шумно.

И главнаго весельчака, шутника, заводилу этого игрища вы видите сразу.

Голосъ у скомороха молодой.

Пляшетъ онъ лихо.

Въ "Садко" удались массовыя сцены. Много движенія, красокъ.

И среди яркихъ исполнителей Н. В. Лаврецкий на первомъ планѣ.



Н. В. Лаврецкий и "Максимъ"

Съ 1923 года М. Е. Житовскій поетъ на сценахъ Берлина, Гамбурга, Лейпцига и Мюнхена.

Съ 1926 года переходитъ, почти исключительно, на камерное пѣніе.



Н. В. Лаврецкий — "Ерошка"
("Князь Игорь")



М. Е. Житовскій

Михаиль Евгениевичъ Житовскій

М. Е. Житовскій, до революціи бывший на военной службѣ, съ 1919 года началъ серьезно заниматься пѣніемъ.

Учился въ Италіи у Ванцо, въ Германіи и во Франціи у Бернарди.

Какъ концертный пѣвецъ, онъ сдѣлалъ себѣ значительное имя въ Германіи.

Впервые появился на русской сценѣ въ Русской Частной Оперѣ и совершилъ съ ней турнѣ по Америкѣ.

Въ весеннемъ сезонѣ 1930 года выступилъ въ Парижѣ въ Русской Оперѣ князя Церетелли.

Константинъ Эмилиановичъ Каренинъ



Біографія артиста необычна:

Въ 1920 году, послѣ Крымской эвакуаціи, К. Э. Каренинъ пріѣхалъ въ Дубровникъ, въ Югославію.

Положеніе русскихъ было тяжелымъ.

Случайная встрѣча артиста съ опернымъ пѣвцомъ Барановымъ, убѣждавшимъ пѣть и серьезно заняться постановкой голоса, побудила К. Э. не зарывать таланта въ землю.

Испытывая лишения, часто безъ гроша въ карманѣ, то расклеивая афиши, то мостя мостовую, то таская мѣшки съ сахаромъ у Леванта и К° или разнося молоко, К. Э. Каренинъ продолжаетъ занятія.

Голосъ К. Э. Каренина нравится его многочисленнымъ знакомымъ.

Его приглашаютъ на концертъ.

И начинается двойная жизнь:

Днемъ — физическій трудъ, тяжелый и не всегда благодарный.

Борьба за хлѣбъ насущный.

Вечеромъ — концертъ.

Борьба за право служить искусству.

К. Э. вспоминаетъ:

Былъ такой случай:

Послѣ тяжелого трудового дня пѣлъ онъ на концертѣ.

Биссируетъ арію съ цвѣткомъ изъ “Карменъ”.

По окончаніи программы подходитъ къ нему одинъ инженеръ и нерѣшительно знакомится:

— Мнѣ кажется, мы съ Вами знакомы. Гдѣ-то встрѣчались...

К. Э. отвѣчаетъ уклончиво.

Въ К. Э. Каренинѣ — артистѣ, одѣтомъ, торжественности ради, во фракѣ, инженеръ не узналъ вчерашняго, заходившаго къ нему утромъ, съ сильно надвинутой на глаза шляпой, разносчика молока.

Пора лишений и скитаній проходить.

К. Э. Каренинъ выступаетъ на концертахъ на Бѣлградскомъ радіо, напѣваетъ граммофонныя пластинки, наконецъ, вступаетъ въ составъ Бѣлградской оперы.

Поетъ Ленскаго и Самозванца.

Молодого пѣвца отмѣчаетъ пресса, и дирекція Русской Оперы въ Парижѣ приглашаетъ К. Э. въ Театръ Елисейскихъ полей.

Начинаетъ пѣвецъ съ Овлура въ “Князь Игорьъ” и Надзирателя въ “Садко”.

Поетъ Баяна.

Красиво и выразительно передаетъ трудный рассказъ Финна.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ спектаклей артисту поручаютъ арію Индійскаго гостя.

Выступленіе успѣшно.

Голосъ звученъ и пріятенъ.

Такъ, —

“Въ пути томительномъ и длинномъ,

Влачась по торжищамъ земнымъ”, —

Не утрачивая бодрости, донесъ артистъ до сцены сохраннымъ опущенный ему талантъ.



К. Э. Каренинъ — Финнъ
 (“Русланъ и Людмила”)

Оркестръ Г. Д. Черноярова

Получившій широкую известность, русскій балалаечный оркестръ Г. Д. Черноярова составленъ въ 1921 году въ Югославіи.

Послѣ первыхъ выступленийъ въ Бѣлградѣ, оркестръ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ объѣхалъ почти всю страну и далъ цѣлую серію концертовъ въ 73 городахъ.

Въ началѣ 1923 года балалаечники концертировали при королевскомъ Дворѣ въ Югославіи, а осенью съ неизмѣннымъ блестящимъ успѣхомъ выступали въ Испаніи, въ Санъ-Себастьяно.

Тамъ оркестръ получилъ приглашеніе играть въ присутствіи короля Альфонса XIII, а затѣмъ выступалъ вторично на данномъ королевѣмъ банкетѣ.

Съ 1925 года балалаечники не покидаютъ Франціи. Они играютъ въ Ниццѣ, въ Марсели; слѣдующій годъ посвящаютъ концертамъ въ Ліонѣ, Тулонѣ, Марсели и друг. городахъ, 1927 годъ проводятъ въ "Олимпіи" (Парижъ) и Виллье, затѣмъ болѣе года играютъ въ Прудо и ѣдутъ въ Трувилль; въ прошломъ году ихъ приглашаютъ Парижскіе театры и "Луна - Паркъ" и, наконецъ, въ этомъ сезонѣ Г. Д. Чер-



Дирижеръ оркестра
Георгій Діодоровичъ Чернояровъ

нояровъ дирижируетъ снова въ "Луна - Паркъ".

Составъ оркестра — 14 человекъ. Теноръ, баритонъ, басъ, солисты на балалайкѣ, гавайской гитарѣ и музыкальной пилѣ.

Еще совсѣмъ недавно о балалайкѣ музыканты говорили свысока.

Теперь, послѣ блестящихъ достижений, балалаечный оркестръ расцѣнивается иначе:

"Я никогда не предполагалъ, что балалаечный оркестръ можетъ такимъ совершеннымъ образомъ передать мои произведенія", говоритъ извѣстный композиторъ Гречаниновъ.

Парижанами оркестръ оцѣнивается высоко.

На балахъ и вечерахъ, въ салонахъ тонкихъ знатоковъ музыки, Г. Д. Чернояровъ привлекаетъ общее вниманіе богатой программой концертовъ. Репертуаръ оркестра исключителенъ: болѣе 1000 номеровъ.

Оркестръ исполняетъ произведенія Сенъ - Санса, Вагнера, Гуно, Верди, Шуберта, Шумана, Листа, Грига, Шопена, Делиба, Монти, Брамса, Бизе, Скрябина, Римскаго - Корсакова, Чайковского и др.



На древнемъ рубежѣ

Часть II

Въ товарномъ вагонѣ казаки сидѣли на буркахъ, по кавказски.

— Господинъ есаулъ, неужели воевать придется? — спросилъ Ермолаевъ.

— Врядъ ли. Сотни вытребованы въ лагерь. Подтянуться необходимо, вспомнить строй. Въ любой моментъ мы должны быть готовы.

— Правильно, конечно, сказалъ на проводахъ учитель... Какъ это? — запнулся старикъ.

— Хочешь мира — готовься къ войнѣ, — помогъ Лукинъ.

— Сушая правда.

— Да, мы проходимъ, быть можетъ, самую интересную, но и чрезвычайно опасную полосу, какія когда-либо видало человѣчество, — говорилъ Лукинъ, вынимая изъ записной книжки письмо начальника, полковника Семенова.

“Совѣтъ города Благодатнаго всѣ средства пустилъ въ ходъ, чтобы толкнуть наши станицы на ближайшіе аулы. Наличие нѣсколькихъ эшелоновъ, задержанныхъ съ провокаціонной цѣлью въ районѣ станицы Степной, благопріятствуетъ успѣху пропаганды”, — писалъ полковникъ. — “На это скопленіе чеченцы реагируютъ въ своемъ стилѣ. Черезъ Терекъ мы наблюдаемъ ежечасно прибывающія группы всадниковъ. Вчера они устроили военную демонстрацію, показали конную массу въ сомкнутой атакѣ. Развѣвующіеся значки, топотъ, дикій гикъ заставили многихъ призадуматься. Но отсутствіе у нихъ артиллеріи значительно ослабляетъ впечатлѣніе. Солдаты улыбаются, поглядывая на свой мортирный дивизионъ” — закончилъ чтеніе Лукинъ.

— Чортъ его что заваривается... Давно это письмо получили? — заговорило сразу нѣсколько голосовъ.

— За день до телеграммы... Если тамъ вспыхнетъ, мы должны залить огонь. Стѣной стать на защиту мира, иначе всеобщая рѣзня. Кавказъ взорвется, какъ бочка пороха.

Въ это время поѣздъ остановился, громыхая и вздрагивая красными позвонками длиннаго сухого тѣла. На перронѣ станицы Пустой ходуномъ ходилъ хороводъ.

— Ить! Ить! Ить! Ить! — выкрикивалъ бабій голосъ изъ середины круга.

— Спускаюсь я въ кровавый бой, и кровь моя кипитъ... — хрипѣлъ пьяный иногородній, направляясь зигзагами къ серединѣ эшелона... Освѣщенные скупымъ фонаремъ, одни плясали, другіе пили чихирь, третьи цѣловались, прощаясь съ родными. Это провожали сотню станицы Радушной.

— Ты - на - на! тынана! — надсаживалась гармошка.

— Ить! Ить! Ить! Ить! — кололъ ухо голосъ.

Около паровоза казакъ съ бабой угощали машиниста, кочегара и маленькаго толстаго кондуктора.

— Торопиться нечего — война въ лѣсъ не убѣжитъ, — философствовалъ старикъ, доливая изъ бутылки чашку.

Сзади хоровода стоялъ кружокъ казаковъ.

“То не воронъ не крылатый

Чуетъ солнечный восходъ, —

высокимъ теноромъ началъ запѣвало,

Царя Бѣлаго казаки

Собиралися въ походъ.

— подхватили остальные, —

По Линеечкѣ Кавказской

Не сизой орелъ леталъ —

вился въ облакахъ первый голосъ —

Походный атаманъ

Онъ по войску развѣзжалъ...

— Гопъ! Гопъ! Гопъ! Гопъ! — отбивалъ трепака кондукторъ въ головѣ состава. Въ одной рукѣ у него торчалъ кусокъ пирога, въ другой блестялъ свистокъ.

— Кумы дома нема,

Зажурилася кума..

Кума, кума не журись!..

приговаривалъ кочегаръ подъ хлопанье остальныхъ.

— Пьяная вѣтка, — вырвалось съ горечью у Лукина. — Сосѣди, прошу не задерживать! — крикнулъ есаулъ; мгновенно передъ нимъ вынырнулъ ковшъ.

— За ваше здоровье, подстаничники! Пора ѣхать! — еще категоричнѣе заявилъ Лукинъ.

— Чичась! Чичась! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ мчался въ глубину ночи. Постоявъ у пріоткрытой двери, Лукинъ опустился на ковровыя сумы. Тихій шепотъ отзывался на мѣрное постукиваніе вагоновъ. Въ противоположной сторонѣ кружкомъ сидѣли парни.

— И чего эта, Петька, твоя мать такъ убивалась на проводахъ? — спросилъ сидящій въ черкескѣ одѣтаго въ бѣлую шубу.

— Я бѣлаго коня видалъ недавно ночью. Едва съ сѣдла слѣзъ; вотъ она и боится, — протянулъ Петька.

— Какого коня? — насторожились остальные.

— Когда дядя Антошка померъ, въ енту ночь гонялъ онъ меня по степи.

— Какъ гонялъ?.. — не вытерпѣлъ Лукинъ.

— Ъду, значить, я отъ зимовокъ къ станицѣ, — повернулся Петька лицомъ къ начальнику, — а темъ — кобылу подъ собою только чую, а видать не вижу. Ъду, а самъ думаю о конѣ... Служить скоро придется, какого куплю по нынѣшнимъ цѣнищамъ. Всю дорогу это вертится въ умѣ... Вдругъ, слышу, кто-то за спиною скачетъ. Ровно громъ гремитъ - топотитъ... Повернулся, — сердце вразъ оборвалось! Мчится за мной бѣлый конь, весь — какъ солнцемъ залитый! Лебедемъ шея; хвостъ развѣвается; грива — Терекъ волнами набѣгаетъ. Изъ глазъ огонь — что два фонаря слѣпятъ; паръ изъ ноздрей шарами выкатывается! Испужался я — полоснулъ плетью! Куда тамъ?! Кобылка моя того и гляди въ кочкѣ зароется. Сигнулъ онъ разъ, другой и въ дыбушки надо - мною! Около головы копыта блестятъ, словно налитыя серебромъ. Моя то — остановись! Стоить, какъ вкопанная... Чую, по жилочкамъ кровь ея стукатитъ, по косточкамъ перекачивается... А съ самой потъ гонить — хоть всю выжимай, какъ тряпку! Махнулъ я плетью, хотѣлъ по мордѣ, онъ верть и въ сторону опустился! А справа на немъ — точно Ваша сѣделка — вся подъ оленьимъ рогомъ, какъ въ ночкѣ лодочка. Уздечка, пахвы, нагрудникъ — смотрѣть больно! Я черкъ за поводъ! — Онъ круть назадъ, — но вблизи держится, словно бѣсъ, языкъ показываетъ! Плюнулъ, повернулъ домой и пошелъ рвать! Какъ махнется онъ!.. Да снова въ дыбушки! Того гляди башку разлепешить! Посмотрю, посмотрю кругомъ — духъ занимается! Съ земли до неба стоитъ тьма окающая! Ни волкъ не завоетъ, ни чекалка тебѣ не заплачетъ... Только шапка на головѣ шевелится... Каждый волосокъ подъ нею дрожитъ, выпрямляется... Что дѣлать? Вотъ я повернулъ да за нимъ и утаился... И гоню, и гоню... А онъ отскочить, загнетъ шею серпомъ, ударитъ копытомъ и ждетъ... Мыкался, мыкался, куда заѣхалъ, — не знаю... Чую, въ чашу за-

пропастился... Вѣтки всего деруть... Вдругъ гдѣ-то гавкнула собака... Я ка-акъ за-реву! Да другой, да третій... Глядь — а конь будто провалился... Прибѣжали, окружили меня люди... Дрожу, зубы подскакиваютъ, точно ноги на рыси... Слѣзъ. Оказывается, арендаторы осетины, пасутъ барановъ въ Грачевой полянкѣ, среди лѣса, стало-быть... Сунули въ руку сыру, въ другую бутылку... Потянулъ. Ба-тю-шки мои! Глаза на лобъ! Чуть не задохся — арака вонючая!... Сыръ уминаю, а ее на землю потихоньку, чтобъ не обидѣлись... Рассказываю: то ли вѣрятъ, то ли нѣтъ... Что-то загардыбачили по своему, я ни бельмеса! Засмѣютъ, думаю... Попросилъ... Вывели на столбовую и только я размялся, слышу мчится дьяволъ!.. Хлестнулъ я куначиху да давай читать “Пресвятая Богородица”, да крутить плетью надъ головой. А онъ то справа измывается, то слѣва заскочить... Фу!.. Какъ проскакалъ станицу, какъ подлетѣлъ къ двору, ничего не помню! “Маменька! Маменька!” кричу, а не только слѣзть, боюсь назадъ оглянуться!.. Выскочила она, отворила калитку, я во дворъ, а самъ, словно къ сѣдлу приросъ, сижу, какъ статуя! Погладила она кобылу, взяла меня за руку и “слазы!” говоритъ. Спускаюсь, а съ плетня глазъ не свожу, не сигнуть бы во дворъ! Подружки отпустили, за соху чихирни привязали, да въ избу. Чиркнула мамаша, зажгла лампу и ахнула! “Ты”, говоритъ, “бѣлѣе стѣны... Сколько наказывала — не ѣздить по ночамъ, а то вѣдьмы покажутъ!.. Тогда все выложилъ, — до подноготной... Спозаранку побѣжала на Переселенье гадать къ бабушкѣ Полтавчихѣ... Курицу отнесла хоѣлушкѣ да четверть чихиря... Шаповалка ворожила, ворожила, потомъ говоритъ: или умереть или быть прострѣляну... Съ того дня и убивается, меня не отпускаетъ... Будто корова отъ теленка, не отходитъ...”

Всѣ молчали, кутаясь отъ пронизывающей холодной сырости въ бурки и плотнѣй натягивая папахи.

— Будешь моимъ вѣстовымъ, — еле преодолевая дремоту, приказалъ Лукинъ.

— Слушаюсь, господинъ есаулъ! Только разрѣшите на войну ходить, да ученье не пропускать...

— До войны, надѣюсь, не дойдетъ, а занятія — Боже упаси не посящать...

Помолчавъ немного, парни зашептали о свадьбахъ.

— Лидьку? — удивленно спросилъ тенорокъ.

— Ну, да! — пробасилъ кто-то въ отвѣтъ.

— Когда?

— На Красную Горку.

— Петръ, ты будешь сватать? — поинтересовался Лукинъ.

— Осенью, господинъ есаулъ, чихиря надо надавить сперва. Бочки двѣ продадимъ, справлюсь — тогда. Громко зѣвнувъ, онъ трижды перекрестилъ раскрытый ротъ, затѣмъ, по примѣру остальныхъ, развернулъ скатанную бурку, одинъ конецъ натянулъ на голову, другимъ укуталъ ноги, и скрылся въ огромномъ черномъ мѣшкѣ.

Послѣ долгой борьбы съ дремотой, Лукинъ началъ сдаваться.

♦♦

— Что, дядя Потапъ? — отъ рѣзкаго толчка очнулся Лукинъ. — Однако, два часа проспалъ — глянулъ онъ.

— Степная, господинъ есаулъ — доложилъ Терцовъ.

Изъ вагона Лукинъ увидѣлъ маленькій кирпичный вокзалъ, освѣщенный двумя фонарями.

— Поѣздъ дальше не идетъ: всѣ пути забиты солдатскими эшелонами — прибавилъ вахмистръ.

— Намъ на руку — сотня выпитая, — промолвилъ есаулъ, выпрыгивая на перронъ.

Любопытство подстрекнуло Лукина заглянуть въ залъ I и II класса. Точно изъ бутылки съ затхлымъ ква-

сомъ, ударилъ оттуда кислый, удушливый воздухъ. Лукинъ поморщился, однако вошелъ въ тускло освѣщенную комнату. На водочной стойкѣ задыхалась высокая стеклянная лампа. Полы были сплошь завалены спящими казаками. Шубы, бурки, дубленки, сапоги, валянки жалась другъ къ другу.

— Делегаты разныхъ станицъ, пріѣхавшіе просить оружіе у солдатъ, — пояснилъ Терцовъ.

— Какой то человѣкъ, едва мы остановились, передалъ, будто завтра начальникъ отряда хочетъ уговаривать солдатъ задержаться, — добавилъ дежурный по сотнѣ.

— Странно, — процѣдилъ Лукинъ.

— Съ нихъ теперь одна пакость... Вотъ ружьишко нѣшто выбросятъ... Чечены — то себѣ еще изъ Австріи понавозили въ гробахъ, — бросилъ вахмистръ.

♦♦

Свѣтало, когда Лукинъ поздоровался съ выстроенной сотней. Зѣвая и потягиваясь, делегаты вываливались на перронъ. Легкій иней серебрилъ измятыя шапки, воротники, всклокоченныя бороды. Подъ командой стараго урядника казаки станицы Радушной, забросивъ винтовки за плечи, гуськомъ потянулись въ Степную... Къ Лукину подошелъ делегатъ. Густая съ просѣдью борода его закрывала полъ груди романовскаго полшубка.

— Что, Ваша Благородія, изъ Привѣтной воевать пріѣхали? — вкрадчиво спросилъ казакъ.

— Мы давно навоевались, — обмѣривая его пристальнымъ взглядомъ, отвѣтилъ Лукинъ.

Полшубокъ нахохлился.

— Вчерась вечеромъ товарищъ баилъ, чтобы солдатовъ мы просили покончить съ ордюгами... Они, говоритъ, довольно васъ при царяхъ убивали да грабили...

— Меня разоряли больше, чѣмъ всю вашу станицу, а я все-таки противъ домашней войны...

Бесѣдовавшихъ понемногу обросла толпа.

— Вотъ говорилъ вечеръ энтотъ, въ шинели, что офицеры продаютъ чеченамъ...

— Дѣло ясное... — сказалъ тулупъ съ поднятымъ воротникомъ.

— А чей онъ будетъ? — ткнула въ сторону Лукина обтрепанная до колѣнъ бурка.

— Неужъ не знаешь? Лукинъ есаулъ — изъ Привѣтной. Самый ихъ изъ кунаковъ кунакъ, — отозвалась старая шинель.

— Кунакъ, а наемни, былокъ весь табунъ не сбрили, — буркнула шуба съ заплатанной полкой.

— Знамо дѣло; напали для отвода глазъ, — брякнулъ тулупъ.

— Мерзавецъ! — обрѣзалъ его Лукинъ.

— Да, станичники, всюду твердятъ проходимцы, — заговорилъ онъ спокойно, — якобы офицеры торгуютъ вами оптомъ и въ розницу, продаютъ ингушамъ, чеченцамъ, кому угодно, поэтому, де, не хотятъ воевать съ ними. Триста лѣтъ, говорятъ, азіаты убивали васъ и грабили.. Пора счеты свести! Уничтожить ихъ до единого! А знаете ли вы работу этихъ господъ въ аулахъ? Тамъ они съ пѣной у рта требуютъ истребленія казаковъ, обѣщая въ награду наши станицы, — крѣпъ голову Лукина: — своимъ вы не вѣрите, но, какъ великихъ пророковъ, выслушиваете этихъ провокаторовъ... Совѣты сулятъ вамъ помощь?!.. Кто пойдетъ? Солдаты — вы сами видите, сакли гранатами зажигаютъ и давай Богъ ноги! Не смести горцевъ — имъ нужно, а, какъ собаку, стравить народы Кавказа и, воспользовавшись всеобщей рѣзней, захватить власть. Вѣдь, если вмѣсто войны, мы объединимся — имъ придется бѣжать отсюда безъ оглядки. Гоните провокаторовъ по шеямъ, закрѣ-

пляйте дружескія отношенія съ горцами, иначе захлебнемся въ крови! Запомните мои слова? Придетъ время — Богъ дастъ встрѣтимся... До свиданія! — отдавъ при этомъ честь, Лукинъ повелъ сотню въ станицу. Въ полѣ дороги онъ остановился: потребность высказаться до конца стѣсняла его движенія.

— Кругомъ шипятъ гады, подбиваютъ васъ на войну, сулятъ дивизіи съ Кавказскаго фронта. Обнадеженные станичные делегаты уговариваютъ солдатъ остаться повоевать... Да что это: свадьба или поминки?! Ни приглашать, ни уговаривать на войну нельзя! Никто за насъ умирать не захочетъ! Надѣйтесь сейчасъ только на свои силы и благоразуміе. Худой миръ — лучше доброй ссоры, — оборвалъ Лукинъ.

— Такъ точно... У насъ съ кумыками еще отъ пра-дѣдовъ ведется куначество. Мы присягу дали — безъ Васъ никуда — шмелями гудѣли казаки.

Въ это время на вокзалѣ появился высокій брюнетъ. Талію его стягивала элегантно сшитая шинель.

— Говорилъ вамъ, товарищи станичники, что офицеры продались... Слышали, какъ отпѣлъ есаулъ? —

пожимая делегатамъ руки, принялся за свое ремесло незнакомецъ.

— Ты намъ то же наигрывалъ: солдаты пойдутъ... Сунулись мы ночью въ эшелоны — застрамили тама! За дураковъ почли... А ты — по-мо-гутъ! — расчесывая пятерней бороду, таранилъ романовскій полушубокъ.

— У этихъ оружіе отобрали закавказскіе татары, а вотъ слѣдующіе ожидаются, тѣ непременно за орду примутся.

— Да ты самъ аткелева будешь? — надвинулся тулупъ.

— Я членъ совѣта Благодатнаго...

— А здѣсь чего потерялъ? — оскалилась бурка...

— Побѣгу-ка въ эшелоны, можетъ быть, послушаютъ меня, какъ члена совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, — громко вымолвилъ незнакомецъ, направляясь по шпаламъ...

— Рябчикъ! — бросилъ саркастически полушубокъ.

Делегаты разсмѣялись.

(Продолженіе слѣдуетъ)

П. Ергушевъ.

Миніатюры барона Ф. Ф. Мейендорфъ



Madame Bienaimé.

Мы уже воспроизвели миніатюры барона Ф. Ф. Мейендорфъ, за которымъ упрочилась слава перваго во Франціи русскаго миніатюриста.

Изъ своей богатой коллекціи Феофилъ Феофиловичъ разрѣшилъ намъ воспроизвести портреты двухъ дамъ, извѣстныхъ широкой благотворительностью.

Madame Bienaimé — дочь знаменитаго академика Похитонова.

Ея мужъ — одинъ изъ совладѣльцевъ модной парфюмерной фирмы Poubigant, гдѣ нашли примѣненіе своимъ знаніямъ многіе русскіе эмигранты.

Madame Bienaimé въ области филантропіи наи-

большее вниманіе удѣляетъ дѣтямъ и русскимъ — въ особенности.

Княгиня Оболенская хорошо знакома русской колоніи Нью-Йорка.

Мужъ и она заботой о нуждающихся скрашиваютъ тяжелую жизнь тѣхъ русскихъ эмигрантовъ, кому, послѣ пріѣзда въ Америку, трудно бываетъ найти работу по специальности.

Князь Оболенскій неразрывно связанъ въ своей дѣятельности съ приходомъ и пользуется среди прихожанъ большой популярностью.



Княгиня Оболенская.

Н а ш и п у т и

Тринадцать лѣтъ длится въ Россіи мучительный и затяжной процессъ болѣзненного перелома ея исторіи.

Эмиграція русская за эти годы тоже пережила и продолжаетъ переживать, иногда почти безсознательно, свои переломы, которые, конечно, легче могутъ поддаваться нашему анализу, нежели событія, происходящія въ далекой Россіи. И анализъ этотъ необходимъ. Необходимо, для того, чтобы осмыслить наше существованіе на чужбинѣ, нащупать и осознать въ немъ какую-то цѣль, не далекую и условную, связанную лишь съ моментомъ возвращенія въ свое отечество, а цѣль близкую, неотложную, цѣль каждого нашего дня за рубежомъ.

Но всякій анализъ лишь тогда дастъ какіе-то положительные результаты, когда мы будемъ производить его съ полной откровенностью и добросовѣстностью. Если мы ощущаемъ свою силу, то намъ нечего бояться и признанія своихъ слабостей.

Мы, живые русскіе люди, не некрологъ посмертный себѣ пишемъ, не устраиваемъ себѣ параднаго смотра, не справляемъ юбилея. Слѣдовательно, намъ передъ самими собой и для самихъ себя не нужно ни пышныхъ фразъ, ни торжественныхъ восхваленій. Разобраться въ существѣ нашего эмигрантскаго бытія, пересмотрѣть его прежнія задачи и подумать надъ новыми легче всего будетъ, если мы послѣдуемъ методу знаменитаго историка, В. О. Ключевского, который опредѣлялъ смыслъ и цѣль изученія своего предмета слѣдующей формулой:

“Чтобы знать, куда намъ идти, нужно знать, откуда мы пришли”.

Русская эмиграція распадается на двѣ части: армию, организованно отступавшую изъ Россіи, и многочисленную массу такъ называемыхъ бѣженцевъ, которые по разнымъ причинамъ вольно или невольно (высланные изъ Россіи группы ученыхъ) покинули свою родину.

Въ первые годы существованія русскихъ на чужбинѣ самое слово “эмигрантъ” не было въ ходу, а нѣкоторымъ оно казалось не только неумѣстнымъ, но, пожалуй, даже обиднымъ опредѣленіемъ. Крѣпка была увѣренность въ томъ, что “очень скоро тамъ все кончится и мы всѣ вернемся домой”.

Русскіе были такъ поглощены этимъ ожиданіемъ, что даже не отдавали себѣ достаточно яснаго отчета, куда они собственно попали, какой новый міръ ихъ теперь окружаетъ и какія отношенія должны будутъ у нихъ съ этимъ новымъ міромъ установиться. Первые годы бѣженцы, и военные и штатскіе, жили и чувствовали какъ-то “коллективно”, ощущали себя нѣкимъ лагеремъ, который по волѣ судьбы, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, теперь почему-то раскинулся на чужой землѣ...

Казалось, будто произошли какіе-то непорядки на линіи желѣзной дороги, толпы людей высыпали изъ вагоновъ. и, вотъ, кое-какъ, на спѣхъ размѣщаются на временной станціи въ ожиданіи того, когда, наконецъ, пойдетъ поѣздъ и всѣхъ ихъ повезетъ опять къ мѣсту назначенія. А сейчасъ они лишь пассажиры, сбитые съ толку, разстроенные и пострадавшіе отъ желѣзнодорожной катастрофы, которые придутъ въ себя и оправятся отъ потрясенія, конечно, лишь у себя дома...

Среди растерянности, паники и неизбежныхъ бѣдствій, вызванныхъ катастрофой, одинъ вопросъ объединялъ всѣхъ:

— Когда же поѣдемъ домой?

Очевидно было, что произошла большая заминка съ отправленіемъ “обратнаго поѣзда”, но сомнѣній ни у кого не было, что онъ все же очень скоро двинется и, само собою разумѣется, всѣхъ возьметъ и доставитъ куда слѣдуетъ.

Эта почти всеобщая увѣренность въ скоротечности русской революціи, воспріятіе ея какъ бурнаго, но по существу поверхностнаго потрясенія, не затронувшаго самыхъ корней прежней русской жизни, въ сущности и опредѣлила основную линію дѣйствій эмигрантской массы, и дала общій тонъ бѣженскому настроенію.

Господствующимъ самочувствіемъ стало ожиданіе. Именно — какъ на станціи, когда глаза жадно устремлены на семафоръ, а остальное все почти безразлично.

Но, наряду съ ожиданіемъ, приходилось усиленно заботиться и о размѣщеніи на чужой землѣ: необходимость борьбы за временное существованіе на “временной остановкѣ” заявляла о себѣ со всей неумолимой суровостью...

Нѣтъ надобности въ короткой бесѣдѣ съ читателями пересказывать эпопею долгихъ лѣтъ бѣженства — она ожидаетъ своего историка — вдумчиваго, зоркаго и прежде всего безпристрастнаго. Намъ важно остановить вниманіе лишь на основныхъ моментахъ эмигрантской жизни въ массѣ, на томъ, что ей сообщало и сообщаетъ наиболѣе типичную окраску.

“Штатская” часть бѣженства изъ первоначальной жизни “скопомъ” сравнительно быстро перешла въ положеніе “въ разсѣянніи сущихъ” — разсыпалась, разслоилась, перегруппировалась, раздѣлилась на разрозненные единицы.

Часть военная сохраняетъ войсковое устройство, продолжая даже на работахъ не только называться, но и чувствовать себя ротами, сотнями, полками, дивизіями, во всей полнотѣ іерархически подчиняясь командному своему составу.

Если бы пріютившіе насъ народы понимали русскій языкъ, то эта русская стихія, волной хлынувшая на ихъ землю, произвела бы на нихъ потрясающее впечатлѣніе. Казалось, выѣхала цѣлая нація въ миниатюрѣ. Всѣ слои общества русскаго на лицо. Своя общественность, своя пресса, свои партіи и кипучая между ними борьба, и полагающаяся по дисциплинѣ безпартійность военныхъ...

Точно старая Россія, слегка подновленная февральской революціей, переселилась въ какой-то своей части на западъ и продолжаетъ дѣйствовать и существовать наперекоръ стонущей и обливающейся кровью новой Россіи, обезформленной и обезображенной большевизмомъ.

Ощущая себя отдѣльнымъ и независимымъ “бѣженскимъ государствомъ”, русская эмиграція въ этомъ ощущеніи почерпала полную увѣренность въ побѣдѣ всего стараго надъ всѣмъ новымъ, была убѣждена въ абсолютной значительности и цѣнности не только своихъ организацій, но своихъ чаяній, сужденій и начинаній и считала въ конечномъ итогѣ незначительными событія, происходящія въ Россіи.

Эмиграція бережно хранила старыя формы русской жизни для завтрашняго дня, чтобы цѣликомъ ихъ перенести въ безформенную, хаотическую Россію.

Если бы русская революция оказалась, действительно, лишь кратковременным эпизодом, кровавым смерчем, который, быстро налетев, так же бы быстро и утих, то нет сомнений в том, что "вторая Россия", Россия зарубежная, именно и сыграла бы в русской истории ту самую роль, которую она себя первоначально наметила: организованная бѣженская масса вступила бы в свое отечество для того, чтобы поставить на прежнее мѣсто все, опрокинутое революцией.

Но этого не случилось.

Революция приняла затяжной характер. В мертвой петлѣ большевизма, Россия, при всѣхъ ея страдательскихъ испытаніяхъ, не умерла, но что-то новое въ себѣ зачала и мучительно его вынашиваетъ; новое и не по большевицкому и не по старому образцу. Это новое въ области политическихъ и социально-экономическихъ формъ жизни, однако, не должно обозначать полного разрыва съ прошлымъ: Россия только тогда останется Россіей и будетъ имѣть право носить свое великое имя, если она сохранитъ свое культурно-историческое преемство, сбережетъ и умножитъ культурныя достиженія прошедшихъ вѣковъ.

Между тѣмъ мы знаемъ, что не только большевицкая власть, какъ таковая, но и большевицкіе элементы въ самомъ народѣ, воспитанные за тринадцать лѣтъ совѣтскаго строя, особенно въ средѣ молодого поколѣнія усиленно борются за то, чтобы именно эта культурная связь съ прошлымъ была обрѣзана на-чисто, чтобы русскій народъ въ массѣ своей сдѣлался "непознающимъ родства" и уничтожилъ безъ остатка всѣ тѣ цѣнности, которыми жила великая нація въ теченіе своей тысячелѣтней исторіи. Весь государственный аппаратъ совѣтовъ всѣми доступными ему средствами искореняетъ наслѣдіе прежнихъ вѣковъ. Старая русская культура въ С.С.С.Р. живетъ и существуетъ въ подпольѣ, почти всегда на нелегальномъ положеніи.

Совѣтская власть пытается внушить всему цивилизованному міру, что русскій народъ переродился до неузнаваемости, что коммунистическая идеологія, коммунистическіе вкусы и понятія вытѣснили въ немъ все иное, все прежнее, что отнынѣ на территоріи старой Россіи живетъ и дѣйствуетъ невиданная, ни на кого и ни на что не похожая новая раса людей.

Уже не за тотъ или иной политическій строй приходится и намъ сейчасъ бороться, не за формы будущаго управленія Россіей, а за самое ея существо, за цѣлость и крѣпость народной души, за тѣ сокровища вѣковъ, которыя въ этой душѣ хранились.

Иначе говоря, сами обстоятельства вынуждаютъ эмиграцію пересматривать и перестраивать свое отношеніе къ Россіи, намѣчать новыя задачи не только на завтрашній, но и на сегодняшний день.

Но эти задачи далеко не всѣми изъ насъ сознаются. Если время и притупило въ массѣ увѣренность, что зарубежная Россія скоро пойдетъ свергать политическую власть большевиковъ, если обманутое ожиданіе — завтра вернуться домой — и смѣнилось у огромнаго большинства вынужденной заботой о своемъ матеріальномъ существованіи на чужбинѣ, то все же, въ основномъ своемъ устремленіи, русское бѣженство по инерціи продолжаетъ жить убѣжденіемъ о необходимости хранить для будущаго только старыя формы жизни.

Усталость долгихъ лѣтъ изгнанія смѣнила политическую активность первыхъ лѣтъ бѣженства тоскливо-пассивнымъ ожиданіемъ желаннаго дня, которое скрашивается печально дорогими воспоминаніями о прошломъ:

— Что-то у насъ было и мы кѣмъ-то и чѣмъ-то были... Будемъ помнить о томъ, кѣмъ мы были, какая у насъ была жизнь.

Спиной къ безрадостному настоящему, лицомъ къ

прекрасному прошлому, озабоченные трудомъ ради насущнаго хлѣба, русскіе эмигранты стоятъ около обветшавшихъ и полинялыхъ декораций, зачистую и сами незамѣтно для себя, ветшая и теряя краски, парализованные кажущейся невозможностью принять участіе въ общемъ русскомъ дѣлѣ.

— Россія — тамъ; мы — здѣсь. Чѣмъ же мы ей фактически можемъ помочь? Вѣдь, нельзя отсюда, изъ Западной Европы, закидать бомбами ни Сталина съ его приспѣшниками, ни ГПУ? Что остается дѣлать? — Опять таки тоскливо ждать дальше, какъ ждали до сихъ поръ.

А если суровая жизнь и суровый физическій трудъ гнутъ насъ къ землѣ настолько, что мы уже начинаемъ опускаться, утрачивать свои умственные интересы и культурные навыки, то у насъ остается единственное утѣшеніе: у насъ есть союзы, корпораціи, товарищескія объединенія; мы соберемся вмѣстѣ и, слушая тосты и рѣчи, слушая оцѣнку нашихъ прежнихъ заслугъ, мы на моментъ воспрянемъ духомъ, вспомнивъ о томъ, кѣмъ мы были прежде, кѣмъ мы "будемъ опять, когда окончатся тягостные дни нашихъ скитаній".

Нѣтъ надобности спорить, что такова психологія многихъ. Самочувствіе эмигрантской массы.

На самомъ дѣлѣ, что же дѣлать, если нельзя отсюда закидать бомбами совѣтскую гидру?

Въ устремленіяхъ эмиграціи не было мысли объ иной борьбѣ съ большевизмомъ, кромѣ физической борьбы оружіемъ. И потому, что бомбы изъ Парижа или Бѣлграда не долетали до Москвы, опускались не только руки, но опускались и опускаются сами люди, покрываясь неизбежной пылью отъ выжидательнаго существованія кое-какъ на опостылѣвшихъ станціяхъ и полустанкахъ всего земного шара.

Но вотъ какой вопросъ выдвигается самъ собою:

Если "вторая Россія", то есть Россія зарубежная, не можетъ быть равноцѣнна подлинной Россіи — Родинѣ и не дано ей ни права, ни возможности эту Россію — Родину покорить оружіемъ, а затѣмъ перестроить всю сверху-до-низу по своему образу и подобию, то освобождены ли мы тѣмъ самымъ и въ нашей изгнаннической жизни отъ общаго русскаго дѣла, отъ дѣла всероссійскаго, которое уже никакъ нельзя откладывать до невѣдомаго срока, до обѣтованнаго часа, когда насъ, какъ древнихъ варяговъ лѣтописнаго сказанія, призвуть "княжить и владѣть" русской землей?

А чтобы полнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ, поставимъ второй, не менѣе существенный:

Что такое Россія и какъ мы ее себѣ представляемъ?

Есть ли она лишь географическое пространство отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, прежняя Имперія, будущая монархія или будущая республика или нынѣшній "союзъ совѣтскихъ социалистическихъ республикъ"? Въ зависимости отъ этого существуетъ ли она сейчасъ или только существовала въ прошломъ и будетъ существовать въ дальнѣйшемъ?

Если же Россія не географическое только пространство и не та или иная государственная только организація, а прежде всего великая нація, огромная и самодовлѣющая единица культурно-творческая, непрерывно живая и созидающая, даже подъ пятой ея разрушителей и насильниковъ, то какая же допустима отсрочка для насъ, зарубежныхъ русскихъ, въ смыслѣ самаго активнаго участія въ общерусскомъ дѣлѣ?

Правда, мы не живемъ на родной землѣ, но отъ этого мы не перестаемъ быть живой частью живого русскаго организма. Мы не знаемъ, конечно, историческихъ судебъ и предопредѣленій, но есть основанія думать, что огромное количество русскихъ людей, выброшенныхъ за рубежъ, оказалось на чужбинѣ для

каких-то сложных и значительных для будущего цѣлей.

Не случайно дана намъ свобода, которой лишены наши братья на Родинѣ, не случайно преобладающія массы русских оказались размѣщенными въ главныхъ центрахъ западнаго культурнаго міра.

Съ одной стороны мы призваны представлять Россію передъ народами запада, выявлять ея культурное лицо въ противовѣсъ уродливой маскѣ коммунизма, съ другой — мы въ какомъ-то отношеніи находимся какъ бы “въ специальной командировкѣ” для подготовки къ будущему и насъ самихъ и нашей зарубежной молодежи въ особенности, на подобіе тѣхъ “молодыхъ людей”, которыхъ когда-то Петръ Великій отправлялъ для обученія въ чужіе края.

Какъ ни трудна съ матеріальной стороны наша жизнь на чужбинѣ, какъ ни трагиченъ самъ по себѣ фактъ нашего изгнаничества, они насъ ко многому обязываютъ. Обязываютъ къ гораздо большему, нежели мы сами себѣ это представляемъ. Мы посланы для работы; для работы культурно - созидательной, а не только обезпечивающей намъ кусокъ насущнаго хлѣба. Въ условіяхъ нашего быта созидательная эта работа, конечно, трудно выполнима, но мы и не отрицаемъ того, что для накопленія нами на чужбинѣ культурныхъ цѣнностей требуются героическія усилія. Мало того, — Россія въ правѣ ихъ ожидать и особенно отъ тѣхъ, которые покинули русскую землю не отъ страха передъ революціонной разрухой, не въ поискахъ заграничнаго комфорта и безопасности, а съ оружіемъ въ рукахъ, съ готовностью умереть за свое отечество.

Наиболѣе стойкая и внутренне дисциплинированная часть эмиграціи обязывается жить для Россіи. И живя для Россіи, не внѣшнія ея формы, прошлая или будущія, мы должны имѣть въ виду, а основы ея духовно-культурнаго бытія. Слѣдуетъ постоянно помнить о томъ, что настоящая и самая трудная борьба съ большевизмомъ начнется послѣ паденія власти большевиковъ и вести ее придется не штыкомъ и пулей, а подавляющей силой культурнаго нашего превосходства надъ тѣми элементами въ русскомъ народѣ, которые большевизмъ искалѣчилъ или частично умственно и морально искалчилъ. Мы должны сознать, что мы всѣ въ какой-то мѣрѣ именно для Россіи здѣсь на чужбинѣ мобилизованы, что, въ смыслѣ нашей отвѣтственности, нашей интенсивной работы, мы всѣ находимся на военномъ положеніи.

Отъ насъ требуется всесторонняя подготовка къ труду для Россіи, ибо жизнь въ обновляющемся послѣ большевизма отечествѣ потребуетъ отъ насъ не только узко-специальныхъ знаній въ какой-нибудь области, но умѣнія отвѣчать на всѣ вопросы, которые намъ ежеминутно будетъ ставить самый процессъ возрожденія нашей страны, нашего народа.

Одними воспоминаніями живетъ только старость, у которой безсодержательно унылъ ея сегодняшній день и которая на завтрашній день не имѣетъ реальной и крѣпкой надежды... Мысль о томъ, кѣмъ и чѣмъ мы

обязаны стать, для насъ должна быть гораздо существеннѣе и значительнѣе памяти о томъ, кѣмъ и чѣмъ мы были вчера, потому что есть эпохи въ исторіи, когда самый ходъ событій не считается уже со старыми “послужными списками”, а требуетъ новыхъ усилій, новой энергіи, новаго творчества для каждаго наступающаго часа.

Мы вышли изъ хаоса русскаго революціоннаго крушенія, опаленные его пожаромъ. Наше поколѣніе обречено было пережить катастрофу, самую страшную за тысячелѣтіе русской исторіи, и самый фактъ этой катастрофы, обрушившейся на всю страну, обязываетъ насъ не предаваться грустно - сладостнымъ переживаниямъ безвозвратно ушедшаго “мирнаго времени”, а мужественно и честно идти навстрѣчу новому хаосу — созиданію Россіи не изъ безформенныхъ только обломковъ старыхъ социальнo - политическихъ укрѣпленій, но изъ ея культурно - національныхъ цѣнностей, частью разбросанныхъ стихіей большевизма, а частью и умноженныхъ духовнымъ закаломъ лучшей части народа, не сгорѣвшей, а очистившейся въ огнѣ испытаній.

Будущее Россіи связано съ дальнѣйшими судьбами всего культурнаго міра, который, при всемъ своемъ кажущемся благополучіи, опредѣленно томится тоже на какомъ то рубежѣ перелома, томится не только отъ сложности социальнo-экономическихъ и политическихъ проблемъ національныхъ и международныхъ, но и отъ глубоко ощущаемаго духовнаго опустошенія матеріалистической цивилизаціей. Быть можетъ, теперь покрытая кровавыми язвами, Россія, “возставъ отъ гроба” въ будущемъ призвана сказать свое новое слово этому культурному міру — мы не знаемъ, но знаемъ и чувствуемъ лишь то, что грядущіе дни насыщены событіями, отъ участія въ которыхъ намъ не укрыться ни въ нашемъ сѣренькомъ бѣженскомъ быту, ни тѣмъ паче на русской землѣ, если намъ суждено будетъ ступить на нее, избывъ сроки изгнанія.

Во всякомъ случаѣ Россія ждетъ отъ насъ, что мы вернемся къ ней во всеоружіи всестороннихъ знаній, широкихъ интересовъ и широкаго умственнаго развитія. Она ждетъ и требуетъ, чтобы мы сберегли и умножили на чужбинѣ цѣнность нашихъ культурныхъ богатствъ, принесли ей наши творческія достижения.

Но вмѣсто этого, эмиграція, въ большинствѣ хранить зарытымъ въ землѣ лишь малый “талантъ” своихъ воспоминаній о благополучномъ прошломъ, оставаясь безучастной не только къ умственной жизни окружающаго ее западно - европейскаго міра, но даже къ творческимъ усиліямъ русской мысли, которая и здѣсь, за рубежомъ, обречена вести мучительную борьбу, если не съ гнетомъ совѣтскаго безправія, то съ подавляющимъ равнодушіемъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ, глубоко безразличныхъ къ самымъ насущнымъ и важнымъ вопросамъ жизни.

Есть что-то роковое въ эмигрантскомъ быту, въ той паутинѣ, которая его затягиваетъ, въ тоскѣ мертвой и парализующей наше зарубежное существованіе.

М. Курдюмовъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И

АНДРЕЙ СЪДЫХЪ.

“Тамъ, гдѣ была Россія”.

Изд. Я. Поволоцкаго. Парижъ.

Книга Андрея Съдыхъ — одно изъ тѣхъ правдивыхъ и яркихъ повѣствованій, которыя врѣзываются въ память своей искренностью и простотой. *

Авторъ пишетъ о своей поѣздкѣ въ Латвію, — туда, гдѣ прежде была Россія.

— “Я ѣхалъ по главнымъ улицамъ Риги — десять лѣтъ тому назадъ бывшей русскимъ губернскимъ

городомъ, а теперь ставшей столицей Латвіи”... — пишетъ А. Съдыхъ, — “городъ наряденъ, тонетъ въ зелени; пріятно было видѣть вывѣски не только на латышскомъ, но и на русскомъ языкѣ. Когда проѣзжали мимо монументальнаго православнаго собора, зазвонили къ вечернѣ. Старушка въ платочкѣ, торопившаяся куда-то, остановилась посреди площади и, истово перекрестилась на купола... И этотъ спокойный вечерній звонъ и эта богомольная старушка разомъ напомнили о Россіи”.

Въ такомъ описательномъ, внѣшне-спокойномъ тонѣ написана вся книга. Повторяю, внѣшне-спокойномъ, ибо порою у автора проявляется жгучая тоска по родной землѣ, любовь къ Россіи. Привожу отрывки изъ описанія его поѣздки на границу.

— “Мы спустились съ холма и пошли низомъ, вдоль узкой канавки, отдѣляющей Россію отъ Латвіи. Канавка эта прорыта вдоль всей сухопутной границы, она совсѣмъ неглубокая — полъ аршина.

— Перешагните, — и вы — въ Россіи.

Должно быть, спутникъ мой чувствовалъ, что я хочу перейти запретную черту и взять немного родной земли... Это очень тяжелое чувство: Россія здѣсь, рядомъ, — но доступъ къ ней закрытъ. Всего одинъ шагъ, но какъ трудно его сдѣлать!

Первой попыткѣ автора перейти границу помѣшала совѣтская пограничная стража.

Вторая попытка удалась.

— “Прыгаю черезъ канавку. Каблуки глубоко уходятъ въ мягкую желтоватую глину. Восемь лѣтъ я не былъ въ Россіи. Теперь снова стою на родной землѣ. Немного кружится голова. Пріятно... Отхожу въ сторону, дѣлаю нѣсколько шаговъ по полю. Съ латвійской стороны кричатъ:

— Торопитесь... Нагрянетъ пограничникъ — плохо будетъ! Въ карманѣ у меня припасена бумажная торба. Всыпаю въ нее пригоршни жирной, мягкой земли. Потомъ оглядываюсь: вдоль дороги растутъ милая бѣлая кашка, какіе-то стебли, травы... А рядомъ — ленъ. Нагибаюсь къ сладко пахнувшей землѣ, набираю большой букетъ простыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Надо возвращаться”.

Очень хороши у Андрея Сѣдыхъ типы русскаго крестьянства, духовенства, любовно описаны монастыри.

Много заставила вспомнить, продумать, снова пережить книга Андрея Сѣдыхъ!

Л. Часингъ.

Библиотека журнала „РОССІЯ“

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПОЧТѢ,

БЕЗЪ СПЕЦІАЛЬНАГО ЗАЛОГА,

НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ.

Желая дать возможность нашимъ читателямъ, — въ особенности тѣмъ, кто живетъ вдали отъ культурныхъ центровъ, — ознакомиться съ новинками книжного рынка, журналъ “Россія” организовалъ библиотеку.

Каталогъ библиотеки составляется изъ книгъ, на которыя поступаютъ заявленія подписчиковъ.

Каждый подписчикъ на нашъ журналъ, внесшій не менѣе 30 франковъ подписной платы освобождается отъ залога.

Книги высылаются по почтѣ.

Плата за пользованіе книгами устанавливается съ 1 августа по 7 фр. 50 сант. въ мѣсяцъ.

Эта плата, равно, какъ и сумма (по усмотрѣнію абонента) на почтовые марки вносится впередъ.

Порядокъ пользованія книгами:

Подписчикъ библиотеки указываетъ три названія книгъ по отдѣлу беллетристики, изъ числа изданныхъ за-рубежомъ и имѣющихся на книжномъ рынкѣ, и по почтѣ получаетъ одну изъ указанныхъ книгъ на срокъ не болѣе 15 дней.

Почтовые расходы (по Франціи они незначительны) относятся на счетъ абонента.

Плату по библиотекѣ можно высылать марками.

Книги научнаго содержанія и учебники высылаются по особому соглашенію.

Письма по отдѣлу библиотеки просятъ адресовать: Mr. Konovaloff, 5, rue Belidor, Paris, 17.

Брокаръ Parfumerie

8, RUE CARDINAL MERCIER, PARIS

ВЕЗДѢ ВЪ ПРОДАЖѢ ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ И LOTION «POLONAISE». Tél.: Louvre 52-14.

Русскій мужской и дамскій портной

Е. Готардъ

CHAPELIER CHEMISIER

249-251, r. Lecourbe, Paris-15°.

уголъ rue de la Convention.

Tél.: Vaugirard 51-58

ОТДѢЛЕНИЕ: 1, AV. EMILE ZOLA, METRO : JAVEL. Tél. : Vaugirard 33-57.

Открытъ новыя большыя магазины

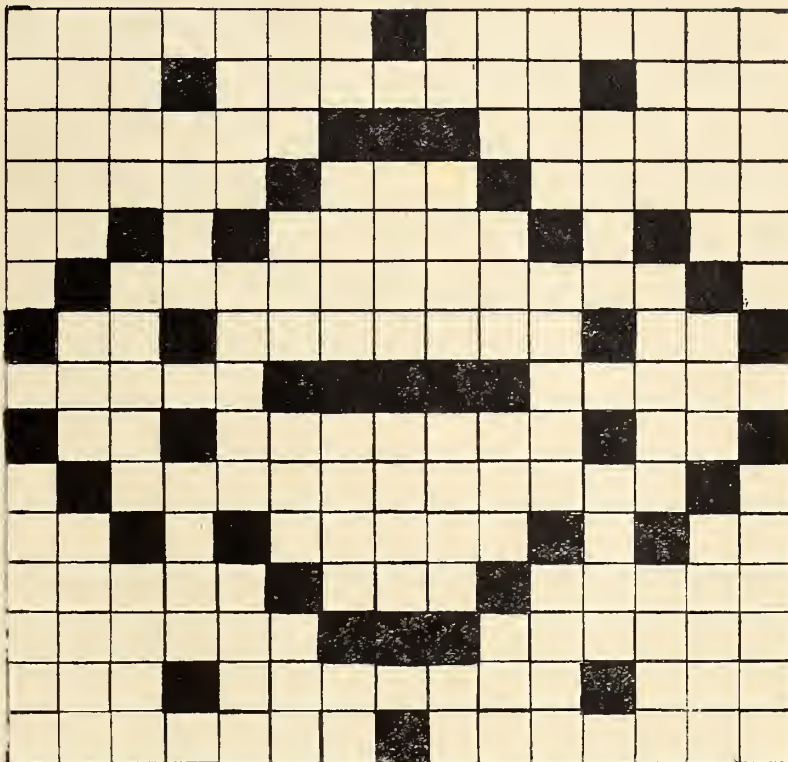
Большой выборъ англійскихъ и другихъ матеріаловъ, бѣлья, шляпъ, галстуковъ и проч.

КРЕСТОСЛОВИЦА

РѢШЕНИЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 1

Горизонтально: 1) Россія; К; Россія; 2) Абрам; лад; молот; 3) вѣет; вязат; Бова; 4) н; зима; а; Эзоп; г; 5) Икан; Вукол; рада; 6) нит; Сит; рев; тон; 7) ар; мели; Ивик; мы; 8) а; хлор; Нини; о; 9) ус; тина; Одил; ве; 10) лик; мял; Кет; кыс; 11) трап; Никон; лает; 12) и; раки; о; Ирод; о; 13) мокр; Нагіе; Сіон; 14) Огайо; рол; кокни; 15) Россія; Т; Россія.

Вертикально: 1) равнина; Ул(ь)тимор; 2) обѣ; кирасир; ого; 3) срѣзатъ; каркас; 4) сатин; М. Х. Т.; Парис; 5) им; м; Селим; к; ой; 6) я; вавилонянин; я; 7) ля; утирали; ар; 8) казак; когот; 9) да ориноко; ил; 10) р; телевиденіе; р; 11) Ом; з; винит; р; ко; 12) собор; кил; лосос; 13) слопат; Кадикс; 14) Іов; домовые; они; 15) ятаганы; Эстонія.



РѢШЕНИЕ РЕБУСА № 1

Воистину воскресе, славные казаки-богатыри!
И вѣримъ мы, настанетъ время, и воистину вос-
креснетъ наша великая отчизна Россія!

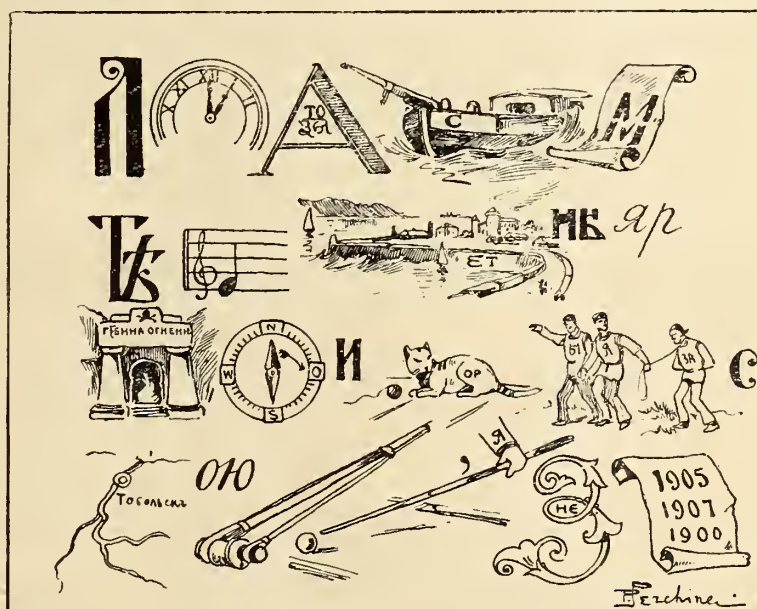
Ребусъ

№ 2.

Составленъ
П. П. Першинымъ.

Предлагая вниманію читателей ребусъ № 2, просимъ рѣшающихъ принять во вниманіе общія правила написанія и чтенія ребусовъ:

Въ словѣ, которое читается не до конца, послѣдній слогъ или буква отсѣкается кавычкой; двѣ кавычки отсѣкаютъ двѣ послѣд-



нія буквы. Напримѣръ, "истин ' а" читается, какъ "истин".

Въ правописаніи текста иногда "ѣ" замѣняется "е", а "ѣ" читается, какъ "ер".

Славянскія буквы читаются по славянскому алфавиту, азъ, буки, вѣди, добро и т. д.

Рѣшеніе ребуса № 1 будетъ дано въ слѣдующемъ номерѣ. Фамиліи приславшихъ правильныя рѣшенія, съ ихъ согласія, будутъ напечатаны.

Милліонъ франковъ

МОЖЕТЕ ВЫИГРАТЬ: НЕ УПУСКАЙТЕ БЛИЖАЙШАГО РОЗЫГРЫША. МОЖЕТЪ БЫТЬ, ВЪ ЭТОМЪ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВАШЕ СЧАСТЬЕ.

Подписывайтесь **ТЕПЕРЬ ЖЕ** на покупку выигрышныхъ гарантированныхъ цѣнныхъ билетовъ, представляющихъ настоящій денежный знакъ, дающихъ 5% дохода и **МНОГО ШАНСОВЪ НА ВЫИГРЫШИ.** Можете участвовать въ розыгрышахъ **КАЖДЫЙ МѢСЯЦЪ**, съ полными правами на выигрыши: **ОДИНЪ МИЛЛІОНЪ; 500 ТЫСЯЧЪ, 200 ТЫСЯЧЪ, 100 ТЫСЯЧЪ, 50 ТЫСЯЧЪ, 10 ТЫСЯЧЪ, 5 ТЫСЯЧЪ — ВЪ КАЖДОМЪ РОЗЫГРЫШѢ.**

Вносите или посылайте почтой по 25 франковъ ежемѣсячно и Вы будете участвовать въ розыгрышахъ въ **САМОМЪ БЛИЖАЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ**, съ полными правами на выигрыши. **ЭТО ВѢРНЫЙ ПУТЬ СБЕРЕЖЕНІЙ И ПОЛНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЕЗПЕЧИТЬ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ**

Пишите по-русски и обращайтесь лично по адресу:

BANQUE FRANÇAISE DE CREDIT, SERVICE RUSSE. 31, RUE SAINT GEORGES, 31. PARIS 9.

Нашъ банкъ французскій, существуетъ 40 лѣтъ и хорошо зарекомендованъ.

КАКЪ ДОСТИГНУТЬ ПОКОЯ?

Чтобы русская колонія перестала тратить напрасно деньги, что для этого нужно? Обратитесь немедленно къ **Mr Schayder'y**, онъ Вамъ укажетъ, какимъ образомъ Вы можете и должны приобрести въ одномъ изъ 20 направлений отъ Парижа (или у пляжа) участокъ земли и немедленно построить виллу по Вашему вкусу и средствамъ.

Эта операція ни въ коемъ случаѣ не разстроитъ даже Вашъ самый маленькій бюджетъ, а, наоборотъ, Вы убѣдитесь, какъ непроизводительно расходуете на квартиру или на лѣтній отдыхъ.

ОБЕЗПЕЧЬТЕ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ ПОКОЕМЪ.

Запросите письменно или зайдите (ежедн. до 10 час. утра и 6-8 час. веч.).

MR SCHNAYDER, 117, RUE DU TEMPLE. Tél.: Archives 79-29.

Travaux de Plomberie, de Peinture et d'Électricité

NICOLAS

ПОСТРОЙКА ДОМОВЪ

Полный ремонтъ зданій. Проводка газа, электричества, водопровода (водяное и паровое отопленіе), полная покраска зданій внутри и снаружи. Столярныя и декоративныя работы.

Крупныя постройки подъ наблюденіемъ французскихъ архитекторовъ.

Лучшія референціи.

R. C. Seine 378,837

Адресъ для корреспонденціи:

Métro: Duroc

Mr. NICOLAS

10, Bd. du Monparnasse, Paris (15°)

American Lloyd

13, Bd. Malesherbes, Paris (8)

Tél.: Anjou 07-45

ПРОДАЖА ШИФСКАРТЪ ВО ВСѢХЪ
ПОРТЫ МИРА НА САМЫХЪ
ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

СПЕЦИАЛЬНО: Дальній Востокъ (Шанхай, Харбинъ и т. д.), Ближній Востокъ (Египетъ, Палестина, Сирія) Австралія, Уругвай, Парагвай, Бразилія и т. д.

СПРАВКИ БЕЗПЛАТНО

Говорятъ по-русски.



М. Петросянъ

Оптовый складъ :

И К Р А

себжая сернистая (бѣ-
лужья, осетровая и сев-
рюжья), паюсная, Ачуев-
ская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ

Бѣлорыбій, осетровый и
«saumon fumé»

**СЕМГА
РЫБА
КОНСЕРВЫ**

Малосольная, Двинская,
печерская, и лососина
Осетрина, навага, стер-
лядь, форель и судакъ
Стерлядь, судакъ, осетри-
на и друг

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.

ЛѢТНИЙ СЕЗОНЪ

РЕСТОРАНЪ „ЧАЙКА“

Paris XV. 2, Rue Laure Surville. Métro : Javel.

Цѣны умеренныя. — По четвергамъ пелимени.

Въ субботу и воскресенье блины. — Осетрина.

Веранда. Кухня изысканная, подъ наблюдениемъ шефа В. С. КАЛИНОВСКАГО.



РУССКІЯ ПЛАСТИНКИ

лучшихъ артистовъ

вы найдете въ большомъ выборѣ

A la Tour de Babel

а также диски на всѣхъ языкахъ.

Jos. de Padova

316, RUE SAINT - MARTIN, PARIS, 3

Tél.: Archives 11-33

Производитъ

T. S. F. et MALLETTES PORTATIVES

Льготныя условія платежа.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И. А. КИРИЛОВА

Для судебныя, административныя и
бракоразводныя. Договоры, уставы и
регистрація коммерческихъ обществъ.
Оформленіе документовъ. Сотрудниче-
ство французскихъ адвокатовъ.

46, RUE DE PROVENCE, PARIS (9)

около Rue Lafayette.

Métro: Chaussée d'Antin et Le Pe-
letier. Tél.: Trud. 08-04.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ

COMITÉ RUSSE DE SECOURS

33, rue de Prony, Paris (17).

Métro: Monceau ou Malesherbes.

Tramways: № 5, 30, 31.

Часы приема ежедневно (не исключая и
субботы) 3-7 ч. (кр. воскр. и праздн.).

ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО КРЕДИТА «СОЮЗЪ»

CREDIT MUTUEL «UNION»

12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45 77

ОТКРЫЛО СВОИ ДѢЙСТВІЯ

Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ
банковскихъ операций. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ
выигрышныхъ билетовъ CREDIT NATIONAL, VILLE DE PARIS и т. д.

Открыто ежедневно (кр. праздн.) отъ 10 до 4 ч. безъ перерыва

УЧАСТКИ, ВИЛЛЫ И ПОСТРОЙКИ ВЪ КРЕДИТЪ ДАЧЪ И ДОМОВЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПАРИЖА

на очень льготныхъ условіяхъ. Земля можетъ быть и не оплощенной. Отъ 10 до 12 и
отъ 5 до 7 час. 30 мин.

12, rue Blanche. Mro Trinité. Tél.: Trudaine 49-41, Reimers et Kossovitch.

РЕСТОРАНЪ „ВОЛГА“

Ежедневно

Окрошка, Русскій квасъ

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПРОГРАММА

10, rue des Cordelières, Paris (13)

Métro: Gobelins (près du Bd. Arago)

ПЕРЕПИСКА на пишущей машинкѣ

Писать:

Dombrovsky, 55, av. du Président
Wilson. Pré St. Gervais.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Бессель и Ко

78, r. de Monceau (M-o Villiers)

Tél. Laborde 02-13. Paris-8°.

РУССКАЯ МУЗЫКА

Оперы, романсы, инструм. музыка

Каталоги высылаются бесплатно

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ в Парижъ
LIBRAIRIE «MOSKWA»

9, rue Dupuytren, Paris 6°.

Tél. : Littre 37-01

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладьяникова, Логосъ, Москва, Слово и Девриентъ изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданий) Библиотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ AU VIEUX LIVRE

17, Rue de l'Odéon Paris-6

Tél. : Littre 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполнение заказовъ на любое издание. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ.

Русскія ноты

Musique
Russe

23, rue de Liège, 23. Paris (8)

Издания М. П. Бѣляева, Юргенсона и др.

Каталоги бесплатно

Tél. : Central 31-78

М. М. ЧЕРНЫЙ ПОДЪ ФИРМОЙ
« MICHEL »

29 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первоклассныхъ портныхъ.

Инвалидамъ 5% скидки.

10, rue Caffarelli (derrière la Mairie du 3-e). Métro: République et Temple. Téléph. : Archives 36-06.

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. ROVOLOZKY & C^{IE}
13, RUE BONAPARTE, PARIS-VI
Tél Littre 42-01.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

СЕРГѢЯ КОМАРОВА

„ВѢЧНЫЙ ТАНЕЦЪ“

(изъ современной жизни)

Цѣна 20 фр.

РУССКІЙ
НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ
S. A. des Grandes
Editions Musicales

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ
22, RUE D'ANJOU, PARIS (8).

Tél. : Anjou 09-26.

Требуяте каталоги

Грамофоны и пластинки

20.000 ПЛАСТИНОКЪ

вновь получены. Последнія новинки: Вертинскій, Морфесси, Варя Панина, Плевицкая, Вальцева, Смирновъ, хоръ Жарова, кварт. Кедрова, церков. пѣніе и др.

Главное дело русскихъ и иностранныхъ пластинокъ.

SPEISER 34, rue des Rosiers.

M-ro St.-Paul. Tél. Archives 74-49.

Открыто по воскресеньямъ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

МУЖСКОГО БѢЛЫЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. Цѣны внѣ конкуренціи. Собственная мастерская для передѣлокъ.

3. ПИНЧЕВСКІЙ

3, rue Perrée, Paris (3). Métro: Temple et République. Téléph. : Archives 77-97.

LA NOUVELLE



REMINGTON PORTATIVE

EST LA MACHINE QUI CONVIENT
EN VOYAGE
AU BUREAU
CHEZ VOUS

PAYABLE

87 Fr. 50.
PAR MOIS

VEUILLEZ ME FAIRE PARVENIR VOTRE CATALOGUE ET VOS
CONDITIONS DE VENTE, SANS ENGAGEMENT DE MA PART

NOM

ADRESSE

A ENVOYER SOUS ENVELOPPE NON CACHETÉE ET AFFRANCHIE A :

REMINGTON TYPEWRITER C° (S. A.) - 12, RUE EDOUARD-VII - PARIS (IX^E)

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ
Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,
Pharmacien de 1^{re} classe
63, Bd de Grenelle.
Tram. 25, Aut. AN, AQ.
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовление рецептовъ г.г. русскихъ
врачей. Всѣ русскіе препараты. Патенто-
ванные средства Парфюмерія. Косме-
тика. Цѣны минимальныя. Исполнение
заказовъ въ провинцію и за границу, и
по телефону въ Парижѣ: Сегюръ 18-51
Tél : Ségur 18-51



АМБУЛАТОРІЯ
магистра ветеринар-
ныхъ наукъ и про-
фессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворна-
го ветеринар. врача.
Пріемъ больныхъ

отъ 2 ч. дня до 6.

20, rue Scheffer
Métro: Passy, Trocadéro, Pompe
Tél.: Passy 81-11.
СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ
ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

Аптека для русскихъ

PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE

H. FOUCHER

Pharmacien de 1^{re} classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AN,

Трамваи: 25, 26.

Grenelle.

M^o Duplex, La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по
русской фармакопее, русск провизор
Всѣ французскія и иностранныя патент
средства Общ. складъ парфюмеріи и
патентованныхъ товаровъ
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ
Tél. : Ségur 11-45.

Русская лѣчебница „ТЮРБИГО“

19, rue Turbigo. (Métro : Etienne-Marcel, Réaumur-Sébastopol).

ЛѢЧЕНИЕ ОТЪ ВСѢХЪ БОЛѢЗНЕЙ ПО НОВѢЙШИМЪ СПОСОБАМЪ

(внутреннія, венерическія, женскія, дѣтскія; ухо, носъ, горло, глаза)

ОПЕРАЦИИ, РАДИОТЕРАПІЯ, АНАЛИЗЫ, ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ.

Лѣченіе, пломбированіе удаленіе зубовъ безъ боли; коронки золотыя отъ 75 франковъ; зубы 20 фр.

Лѣченіе десенъ; гарантія, золото 22 кар.

Пріемъ ежедневно 9-12 и 3-9 ч вечера Воскресенія и праздники 9-3 ч дня

В с я к і й м о ж е т ь

ОМОЛОДИТЬ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ И УМ-
СТВЕННО. СНОВА СТАТЬ ЗДОРОВЫМЪ,
СИЛЬНЫМЪ, ТРУДОСПОСОБНЫМЪ,
ЖИЗНЕРАДОСТНЫМЪ И ПРОДУКТИВ-
НО ДОЛГОЛѢТНЫМЪ, кто очиститъ свой
организмъ отъ ядовъ нарушеннаго обмѣ-
на веществъ (мочевина, мочевая кислота,
ураты и др.), или посредствомъ постоян-
ной фруктово-овощной діеты по методу
Физиса, или кратковременными курсами
по способу Броуна-Секара при помощи
энергетическаго омологителя и очистите-
ля КАЛЕФЛЮИДА Д. КАЛЕНИЧЕНКО,
безъ измѣненія своихъ привычекъ

Калефлюидъ необходимъ всѣмъ осла-
бленнымъ болѣзнями, дурнымъ питані-
емъ или пищевареніемъ, переутомлен-
нымъ, подавленнымъ тяжкими воспоми-
наніями и пр

Цѣлебное свойство Калефлюида удо-
стоверено врачами на миллионѣхъ боль-
ныхъ за 28-лѣтнее существованіе лабо-
раторіи Д. Калениченко, какъ напримѣръ:
проф. ЩЕКИНЪ, пишетъ: «У меня бы-
ли запоры по 4, 5 дней. Никакія меди-
цинскія средства мнѣ не помогли. Послѣ
Калефлюида мой желудокъ урегулировался
и за три недѣли я помолодѣлъ на 20
лѣтъ. вѣсъ тѣла увеличился на 8 фунт.»,

Д-ръ РІАРДЪ ГУСЕИНЪ, КАИРЬ: «Ка-
лефлюидъ, драгоцѣнный медикаментъ
для лѣченія артритическихъ болѣзней,
для восстановленія здоровья, нервовъ и

нормализаго кровообращенія, нарушенна-
го мочевой кислотой»

БОЛЬНЫЕ ПИШУТЪ:

Г-жа М. БРАКЕ, Рошъ Тайе, Франція.
«Я болѣла 15 лѣтъ нервной болѣзью и
особенно во время менструаций, теряла
сознаніе, становилась почти сумасшед-
шей и полагала, что настала мой конецъ.
Я примѣняла всевозможныя лѣченія без-
результатно. Теперь я помолодѣла, ста-
ла неузнаваемой, окрѣпла, благодаря чу-
десному Калефлюиду».

ДРАГОЛЮБЪ СИМИЧЪ, Сопоть, Сер-
бія: «Два года я страдалъ въ больницахъ
на курортахъ, примѣнялъ много лѣ-
карствъ — все безрезультатно. Лѣченіе
Калефлюидомъ дало мнѣ полное облег-
ченіе»

Г-жа ЩИПОННИКОВА, Ліонъ, 7, ул.
Пьеръ Верже: «Я страдала головной
болью почти ежедневно. Послѣ 4 недѣль
лѣченія Калефлюидомъ мои боли почти
исчезли. Я приняла 2 съ полов. флакона
и сейчасъ совершенно не страдаю, моя
мигрень исчезла, какъ по волшебству».

А. ГРОЦКІЙ, 88, ул. де Бріи, Муаверъ-
Грандъ (Мозель). «Я былъ боленъ лег-
кими два года и харкалъ кровью. Послѣ
лѣченія чудеснымъ Калефлюидомъ, я
вновь сталъ сильнымъ, кровохарканіе
прекратилось и я работаю на шахтахъ къ
удивленію моихъ товарищей»

І. РЕЙДИХЪ, 7, ул. Кюръ, Ноей-ле-

Минъ (П. Д. Ц.): «18 лѣтъ я страдалъ
желудкомъ. Послѣ одной бутылки Кале-
флюида, боли прекратились и желудокъ
дѣйствуетъ нормально».

НИЗЕЛЬСКОВЪ, Госпиталь Божонъ,
Парижъ: «Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ
я принимаю Калефлюидъ, но я считаю се-
бя уже воскресшимъ изъ мертвыхъ. У ме-
ня исчезла рвота, которая мучила меня
два года; боль въ костяхъ стала быстро
исчезать, и я сплю, не просыпаясь».

ОТТО, Домэнъ де Сэда, Джедейда, Ту-
нисъ: «Послѣ трехъ флаконовъ Кале-
флюида я совершенно поправился. Бо-
лѣзни мои были: расширеніе сердца,
нервность, летучій ревматизмъ, подавлен-
ное настроеніе и постоянная усталость.
Теперь я чувствую себя совершенно здо-
ровымъ»

КАЛЕФЛЮИДЪ награжденъ на выстав-
кахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ,
Флоренціи и Римѣ, 5 гранъ-при и 5 боль-
шими золотыми медалями.

Безплатно франко высылаются объясни-
тельная литература о причинахъ и лѣче-
ніи болѣзней.

КАЛЕФЛЮИДЪ находятъ въ аптекахъ,
гдѣ итъ — высылаются наложеннымъ
платежомъ.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСУЙТЕ:

Société Kalefluide

D. KALENITCHENKO,

5, Cité Pigalle, Paris (9).

ROCHET chapelier spécialiste

21, av. de la République, Paris.

FOURNIT DE LA BELLE CHAPELLERIE POUR HOMMES ET ENFANTS TRES GRAND CHOIX

Уроки на специальной терассе нашего гаража, въ Булонскомъ тѣсу и въ городѣ отъ 8 час. утра до 9 час. вечера на машинахъ послѣднихъ моделей, съ правымъ и лѣвымъ управленіями. Приходите осмотрѣть нашъ гаражъ въ 10 этажей, на 1500 машинъ, самый большій въ Парижѣ, въ районѣ Champs-Élysées нашу школу, оборудованную по послѣднему слову автомоб. техники

ЗАКАЗЫ МОЖНО ОПЛАЧИВАТЬ
ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ. ПЕРЕ-
ПИСКА ЗА СЧЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

ДИРЕКТОРЪ В. А. ЮРКОВСКІИ

Цѣна билетовъ отъ 60 до 600 фр. съ полученіемъ ссуды до 80 проц. стоимости
 Подробные проспекты и свѣдѣнія объ операціяхъ на Парижской Биржѣ высылаются
 по первому требованію; корресп. по-русски.

ПАРИЖЪ

« LA RUSSIE »

PARIS

Августъ — Сентябрь 1930.

Août — Septembre 1930.

Цѣна номера 5 фр. во Франціи.

Prix du Numéro : 5 francs en France.

РОССІЯ

№ 6

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 5, rue Bélidor, 5

PARIS (17)



Россійское Казачество - Неизвѣстному Солдату

Т Н О = Л Е = Н И

Кондитерская

Гастрономический Магазинъ

129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

Фирма существ. 10 лѣтъ

А. КАПРЕЛИАНЪ.

М. Петросянъ

Оптовый складъ :

И К Р А

сеѣжая сернистая (бѣ-
лужья, осетровая и сев-
рюжья), паюсная, Ачуев-
ская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ

Бѣлорыбій, осетровый и
«saumon fumé»

СЕМГА

РЫБА

КОНСЕРВЫ

Малосольная, Двинская,
печерская, и лососина

Осетрина, навага, стер-
лядь, форель и судакъ

Стерлядь судакъ, осетри-
на и друг

РЫБЕЦЪ,

шемая

ГРИБЫ,

соленые и маринованные

КОНСЕРВЫ

овощные, перецъ,
баклажаны и др.

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.

Métro: Beaugrenelle.



Ресторанъ „ДЖИГИТЬ“

19, Bd EDGAR QUINET, PARIS, (14°), (Montparnasse).

Ресторанъ открытъ съ 12 ч дня.

ПЕРВОКЛАССНАЯ КУХНЯ.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Съ 8 час. вечера музыкальная и артистическая программа



МЕДВѢДЬ

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV).

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЬ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВІНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБѢДОВЪ, — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

ОТКРЫТІЕ

Рюмка водки
БЕЗПЛАТНО

Столовая „СТРѢЛКА“

15, rue Beaugrenelle, PARIS (15-e)

Обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ	7 фр.
Дежурное блюдо	4 фр.

Холодныя и горячія закуски

БУФЕТЪ СТОЙКА

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A L'ESTURGEON

Подъ личнымъ наблюденіемъ владѣльца. б. придворнаго шефа
О. Д. КОРНИЛОВА

3, rue Clauzel (уголъ rue des Martyrs). Nord-Sud: St.-Georges. Tél.: Trud. 08-46

КРЫМСКІЙ ДОМИКЪ

РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ.

131, Bd RASPAIL

(entrée, 10, rue S-te Beuve).

Prix fixe et à la carte.
ЧЕБУРЕКИ И ШАПШЫКИ.

ОПТОВО - РОЗНИЧНЫЙ КОЛБАСНО - ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ

Chez les Cosaques

48, rue Vercingetorix, Paris, 14-e, métro: Edgar Quinet

Къ осеннему и зимнему сезонамъ заготовлена извѣстнымъ специалистомъ
крупная партія соленыхъ огурцовъ и капусты.

Продажа оптомъ и въ розницу. Цѣны внѣ конкуренціи.

РУССКІЙ
ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ

„MAIRO“

Всѣ русскіе и французскіе продукты.
20, RUE DE LA TOUR, PARIS (16°).

Métro: Passy.

Казакі - Неизвѣстному Солдату Франціі



ВОЗЛОЖЕНІЕ ВѢНКА.

Жакъ Перикарь, извѣстный писатель и поэтъ Франціи, вице-предсѣдатель общества "Пламя (La Flamme)", вѣдающаго чествованіемъ памяти Неизвѣстнаго Солдата и поддержаніемъ неугасимаго огня у его могилы подъ Триумфальной Аркой, предложилъ Донскому Атаману генералу А. П. Богаевскому, представляющему казачество, произвести церемонію возжженія пламени 6 сентября.

На призывъ Атамана принять участіе въ церемоніи откликнулись дружно казачьи организации не только въ Парижѣ, но и въ ближайшихъ городахъ.

Къ назначенному часу на Елисейскихъ Поляхъ собрались казаки, частью въ своей военной формѣ, со знаками отличія, частью въ штатскомъ.

Особенное вниманіе публики привлекалъ хоръ кубанцевъ въ синихъ черкескахъ, красныхъ шароварахъ, въ башлыкахъ и бѣлыхъ папахъ.

Прибываютъ для участія въ торжествѣ старшіе чины казачьихъ войскъ Донскаго, Кубанскаго, Терскаго, Уральскаго, Оренбургскаго и Забайкальскаго, генералы Акулининъ, Демидовъ, Ермаковъ, Лебедевъ, Малышенко, Михайловъ, Мустафинъ, Оприцъ, Тараринъ, Татонъ, Тарасенковъ, Упорниковъ, Хорошхинъ.

Въ группѣ донцовъ Н. М. Мельниковъ и А. П. Марковъ.

Кубанскую станицу возглавляетъ полковникъ Г. И. Галушко, Терское объединеніе — полковникъ А. С. Косыкинъ.

Подъ уральскимъ сине - малиновымъ значкомъ выстраивается присутствующая въ полномъ составѣ Уральская казачья станица во главѣ съ атаманомъ А. И. Потаповымъ. Въ ея рядахъ редакторъ журнала "Россія" Е. Д. Коноваловъ.

Къ собравшимся казакамъ присоединяется предсѣдатель Зарубежнаго союза военныхъ инвалидовъ генералъ Н. Н. Баратовъ.

Пріѣзжаетъ для присутствія на торжествѣ предсѣдатель обще - воинскаго союза генералъ Е. К. Миллеръ въ сопровожденіи генерала Драгомирова.

Въ началѣ седьмого часа прибываетъ къ развернутому фронту казаковъ Атаманъ А. П. Богаевскій.

Раздается команда.

Генералъ здоровается съ прибывшими. Ряды дружно отвѣчаютъ на привѣтствіе.

Атаманъ идетъ на правый флангъ.

Крайнимъ съ фланга, съ русскимъ трехцвѣтнымъ флагомъ, стоитъ подхорунжій Богучарскій, грудь котораго украшаютъ Георгіевскіе кресты и медали всѣхъ степеней. При немъ — два ассистента въ формѣ отъ



АТАМАНЪ БОГАЕВСКІЙ ВОЗЖИГАЕТЪ ПЛАМЯ.



ОТДАНИЕ ПОЧЕСТЕЙ.

Атаманского и Кубанского военных училищ. Рядом войсковые значки Донского, Кубанского, Терского и Уральского войск. Затѣмъ ген. Малышенко и полк Елисеѣвъ съ огромнымъ вѣнкомъ. На лентѣ золотымъ буквами вытѣснена лаконическая надпись:

“Казакѣ Незвѣстному Солдату”.

Далѣе выстроились представители казачьихъ организаций, кубанскій хоръ, гвардейская казачья бригада со своимъ бригаднымъ значкомъ, Атаманское училище, Донской кадетскій корпусъ, армейскія Донскія части, кубанцы, терцы, уральцы и оренбуржцы. Всего собралось около полутора тысячъ казаковъ.

По командѣ атамана процессія, въ полномъ молчаніи, поддерживая отчетливо интервалы и шагъ, двигается къ Триумфальной Аркѣ.

Подойдя къ цѣлямъ, окружающимъ Триумфальную Арку, процессія пріостанавливается и дѣлится на двѣ колонны: донцы идутъ направо, остальные — налево, выстраивая фронтъ лицомъ къ могилѣ Незвѣстнаго Солдата.

Изъ-подъ арки навстрѣчу процессіи — выносятъ французское знамя. Оно склоняется передъ русскимъ,

которое также салютуетъ своему боевому союзнику.

Передъ французскимъ знаменемъ склоняются и значки казачьихъ войскъ.

Барабанная дробь... Французъ инвалидъ бьетъ въ барабанъ, обтянутый чернымъ.

Представитель организации “Пламя” вручаетъ генералу Богаевскому палашъ для совершенія символической церемоніи возжженія пламени. Ген. Богаевскій вкладываетъ палашъ въ жерло пушки, врытой въ землю рядомъ съ могилой Незвѣстнаго Солдата.

Вспыхиваетъ пламя.

Это движеніе палаша символизируетъ возжженіе пламени и можетъ быть совершено только руками участника Великой войны.

Опять раздается барабанный бой. Наступаетъ минута молчанія, въ воспоминаніе о незвѣстномъ французскомъ воинѣ, отдавшемъ свою жизнь за родину.

На могилу возлагается вѣнокъ.

Торжество заканчивается.

О немъ долго будутъ вспоминать казаки, какъ о рѣдкой патріотической манифестаціи, всколыхнувшей ихъ монотонную жизнь.



ГЕНЕРАЛЪ БОГАЕВСКІЙ РАСПИСЫВАЕТСЯ ВЪ ЗОЛОТОЙ КНИГѢ.



ПО ОКОНЧАНИИ ЦЕРЕМОНИИ.

Р О Д И Н А

Эхъ, когда судьба мятежная,
Наконецъ, надъ нами сжалится?
И когда ты, степь безбрежная,
Приютишь меня, скиталицу?

Степь широкая, привольная,
Шелковистая, ковыльная —
Сторона ты богомольная,
Сторона ты изобильная,

Ты вскормила, ты взлелѣяла,
Пѣла пѣсню колыбельную,
А потомъ... тоской овѣяла,
Закружила пляской хмѣльной!

Степь зеленая, пахучая,
Степь родная, черноземная,
Надъ тобою вижу тучи я,
Тучи морочныя, темныя.

И падемъ на грудь могучую,
Ощутимъ земли дыханіе...
И простимъ обиду жгучую
Долгихъ страшныхъ лѣтъ скитанія...

Схоронилось солнце красное,
Стихли пѣсни голосистыя,
Замелькали дни ненастные,
Пролегли пути тернистыя.

Замерла ты, степь любимая...
Черной стаей вьются вороны...
А сыны твои гонимые
Разлетѣлись во всѣ стороны!

Разлетѣлись безпріютныя,
Бродятъ по свѣту унылому,
Обручившись съ думой смутною
Да съ тоской по дому милому.

Но крѣпка надежда тайная:
Прозвучать слова призывныя!
Мы придемъ къ тебѣ, безкрайная,
Степь единственная, дивная,

М. Волкова.

Литва. 1930.



Ф. И. Шаляпинъ и коммунисты



Д. В. Печоринъ.

Захвативъ въ Россіи мемуары Ф. И. Шаляпина, коммунисты, безъ разрѣшенія автора, ихъ напечатали и выпустили въ продажу.

Ф. И. Шаляпинъ поручилъ защиту своихъ интересовъ въ Парижскомъ судѣ Д. В. Печорину.

30 іюня судъ, рассмотрѣвъ дѣло по иску Ф. И. Шаляпина къ Парижскому совѣтскому торговому предста-

вительству, призналъ требованія артиста подлежащими удовлетворенію.

Совѣтскому представительству предоставлено право подать въ установленный закономъ срокъ апелляціонную жалобу.

Дѣло имѣетъ большое принципиальное значеніе.

Опаловый перстень

Я недавно опять увидѣлъ этотъ перстень, но на другой рукѣ...

Это произошло такъ неожиданно... Столько лѣтъ я видѣлъ его на рукѣ отца, теперь его носить сынъ...

Говорятъ, что опаль приноситъ несчастье. Это можетъ быть, но тотъ, первый, кто носилъ его, погибъ не изъ-за кольца съ опаломъ...

Конечно, онъ погибъ, потому что носилъ золотые погоны съ черными просвѣтами... Но въ моемъ представленіи онъ погибъ потому, что разстался со своимъ кольцомъ... Это удивительно, но это такъ.

Камень былъ поразительно красивъ. И рука, его носившая была также красива. Небольшая, мягкая, холаная, властная, ласкавшая столько женщинъ...

И самъ онъ былъ очень красивъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы я снова увидѣлъ этотъ перстень, черезъ столько лѣтъ... Голубые, красные и зеленые искры играютъ на немъ, какъ и прежде...

Колдовская игра воспоминаній...

Я былъ малышомъ, когда увидѣлъ его впервые. — Въ сильный вѣтеръ, срывавшій пѣну съ гребней волны, покрывавшій ихъ скаты рѣзкой сѣтью ряби, мы шли на двойкѣ съ разрѣзнымъ фокомъ. Шли въ полъ-вѣтра. Пожалуй, лучше было бы взять для спокойствія ближе къ вѣтру, чтобы не такъ клало, но рука, лежавшая на румпелѣ, застыла неподвижно, не мѣняя курса.

Вотъ тогда-то я и обратилъ вниманіе на радужный камень.

Неодолимую волю почувствовалъ я въ немъ.

Это онъ хотѣлъ, чтобы мнѣ было страшно.

Круглая щека двойки порой зарывалась въ воду. Казалось, еще немного, и мы погрузимся окончательно, но тотъ же порывъ вѣтра, что гнулъ къ водѣ, бросалъ впередъ и выносилъ на гребень волны.

Все дальше и дальше уходили мы отъ берега, все крупнѣе становилась волна, и скоро — узкой фіолетовой полоской осталась позади насъ земля...

Въ разсыпающейся на скатахъ водяныхъ горъ пѣнѣ мнѣ чудились грозныя головы съ длинными бѣлыми бородами, огромныя, злобныя руки сплетались вокругъ насъ, чтобы охватить и увлечь на дно.

И я, какъ зачарованный, смотрѣлъ на сжимавшую румпель руку, на которой вспыхивалъ и угасалъ большой опаль. Я зналъ, что повернуть обратно — бесполезно, что необходимо выдержать испытаніе. — Мужчина не долженъ бояться!

Тотъ, кто былъ на рулѣ, не боялся. Его ноздри раздувались, широко забирая воздухъ, брови были строго сдвинуты надъ переносицей. — Какъ это ему не страшно на маленькой шлюпкѣ, среди водяныхъ горъ, такъ далеко отъ берега? — Вѣроятно, это потому, что у него кольцо съ этимъ страшнымъ камнемъ...

Прошли года... Въ жизни владѣльца перстня было много кое-чего.

Былъ однажды бунтъ въ командѣ корабля во время дальняго плаванія. — Переливавшійся радужными огнями, камень велъ себя мужественно и красиво...

Были рифы въ Индійскомъ океанѣ у какихъ-то острововъ. Бѣсился циклонъ.

— Командиръ снялся своими силами...

Когда я узналъ объ этомъ случаѣ, въ моемъ воображеніи всталъ его образъ, знакомый съ дѣтства: сдвинутыя на переносицѣ брови, свѣтло-сѣрые глаза, смотрящіе, не мигая, впередъ, небольшія женственные руки, сжимающія поручни мостика... На лѣвой — перстень, съ большимъ опаломъ.

Вотъ ударила молнія, и на нѣсколько мгновений задержался въ ослѣпленномъ глазу возбуждавшій небо свѣтъ электрическаго разряда...

— Въ зеленомъ маревѣ колдовскимъ блескомъ горитъ опаль.

Еще прошли года...

Въ одинъ изъ крымскихъ портовъ, гдѣ въ то время онъ былъ командиромъ, пришла съ Афона трехмачтовая шхуна съ командой изъ монаховъ. Одинъ изъ нихъ, внезапно сойдя съ ума, зарубилъ топоромъ нѣсколько человѣкъ и бѣжалъ на ванты со своимъ оружіемъ. Всякому, рисковавшему подняться къ нему, онъ угрожалъ разрубить черепъ.

Былъ вызванъ командиръ порта. Уже не молодой человѣкъ, не колеблясь ни одного мгновенія, онъ быстро сталъ подниматься по вантамъ, хватаясь своими выхоленными руками за грубыя просмоленные выбленки. На лѣвой игралъ боевой камень опаль.

Поднявшись къ сумасшедшему, сжимавшему вымазанный въ крови топоръ, онъ приказалъ спуститься и сдаться. Свѣтло-сѣрые глаза смотрѣли въ упоръ въ глаза сумасшедшаго. Монахъ не поднялъ своего страшнаго оружія и опустилсѣ на палубу, выпустивъ топоръ...

Ему было уже пятьдесятъ лѣтъ. Въ отставкѣ.

Все, что могла дать бурная жизнь, было имъ взято.

Теперь его манила другая область, невѣдомая, но желанная, — наука.

До сихъ поръ ею некогда было заниматься, теперь онъ могъ. Онъ былъ свободенъ. Онъ сдѣлался студентомъ медицинскаго факультета.

Нѣсколько разъ мнѣ пришлось увидѣть его въ новой обстановкѣ анатомическаго театра, среди молодыхъ студентовъ, въ бѣломъ халатѣ. Онъ сидѣлъ на табуретѣ у трупѣ и внимательно слушалъ прозектора. Онъ не испытывалъ никакого стѣсненія изъ-за своего возраста и необычнаго для него положенія ученика.

По вечерамъ, у него дома, я видѣлъ его сухоощавое, бронзовое, навсегда обвѣтренное лицо моряка, склонившееся надъ научной книгой, и его мягкую, небольшую руку, съ нѣжностью и любовью перелистывавшую страницы.

Знакомый опаловый перстень мирно переливался радужными огнями...

Еще прошли года... Война!

Тотъ, кому принадлежалъ перстень, былъ "тамъ". На транспортѣ. Ту энергію, что оставалась въ его старѣющемъ тѣлѣ, онъ, какъ всегда, влилъ въ дѣло, которому служилъ.

Опаловый перстень еще игралъ боевыми огнями!

Война была въ разгарѣ, и ея конецъ — далекъ, какъ сѣверное солнце въ ноябрѣ, когда пришла революція, и съ ней — конецъ опаловому перстню.

Это случилось въ Севастополѣ, въ томъ городѣ, гдѣ памятникъ Нахимову, гдѣ Малаховъ курганъ и гдѣ сверкающей бѣлизной сбѣгаютъ въ синюю воду ступеньки Графской пристани.

Севастополь гудѣлъ больнымъ гуломъ разореннаго улья. Тоска и ужасъ были разлиты въ воздухъ. Чувствовалось, что выхода нѣтъ, пришелъ конецъ.

Корабли передвигались по рейду, какъ лунатики, какъ великаны, у которыхъ вырваны глаза...

На одномъ изъ маленькихъ транспортовъ, первоначально пассажирскомъ пароходѣ, возившемъ во время оно вдоль Крымскихъ и Кавказскихъ береговъ беззаботную публику, полуслѣпой старикъ, на стукъ въ дверь, крикнулъ металлическимъ голосомъ:

— Войдите!

— Капитанъ перваго ранга Х. Чѣмъ могу служить? Стучался его сынъ, разыскавшій отца передъ своимъ бѣгствомъ изъ Россіи.

Онъ не сразу узналъ сына. Видѣлъ слишкомъ плохо. Когда тотъ назвалъ себя, онъ его обнялъ исхудавшими руками. Печально переливался знакомый опаль.

Старикъ не хотѣлъ покидать Россіи. Онъ предпочиталъ оставаться на своемъ послѣднемъ кораблѣ. Послѣднемъ. Все послѣдующее послѣ его выхода въ резервъ: университетъ, лекціи, операциі, затѣмъ врачебная практика, все было сметено, и какъ на палимпсестѣ, оставался первый начертанный образъ: море! Въчю въ движеніи, неугомонное, ненасытное, извѣчное... На немъ прошла лучшая часть его жизни, на немъ хотѣлъ онъ кончить свою жизнь.

Въ это послѣднее свиданіе съ сыномъ онъ снялъ съ руки перстень и отдалъ его сыну, будто чувствуя, что не можетъ итти за его боевыми огнями.

Онъ сразу послѣ этого одряхлѣлъ и осунулся.

Пришедшіе большевики сняли его съ больничной койки и разстрѣляли.

Здѣсь, въ Парижѣ, я опять увидѣлъ знакомый опаль... На рукѣ сына...

По странной случайности, ювелиръ, которому былъ отданъ въ чистку камень, повернулъ его обратной стороной, и камень кажется потускнѣвшимъ.

Но онъ — прежній камень. Сынъ того, кто снялъ его со своей руки, десять лѣтъ назадъ, идетъ по жизненному пути прямо и смѣло. Къ сожалѣнію, у него

нѣтъ той арены, что была у отца, путь кремнистѣе и круче, жизнь не та, нужно много изворотливости и хитрости, борьба за жизнь труднѣе и страшнѣе.

Я увѣренъ, что опаль приведетъ его къ цѣли, которая у него ясна и красива.

Но какъ бы я хотѣлъ, чтобы ювелиръ снова повернулъ камень въ этомъ перстнѣ.

Знакомой мнѣ стороной, гдѣ такъ ярко горятъ когда-то страшные для меня и неумолимые огни. — Боевые!

Я смотрю на перстень, и мнѣ вспоминается такое далекое время...

Мы идемъ на двойкѣ съ разнѣрнымъ фокомъ. На

гафель трепещетъ маленькій андреевскій флажекъ. Свѣжій вѣтеръ, высокія волны съ шипящими пѣной гребнями...

Господи, мы все уходимъ отъ берега! Когда же, наконецъ, поворотъ!

Но рука, на которой огнями дрожитъ опаль, какъ бы застыла на румпелѣ. Поворота долго не будетъ!

Сейчасъ мнѣ кажется, что все это было прекрасной поэзіей, грозными стихами, но тогда, — какъ было страшно бороться съ волнами, долго, сколько этого хочетъ человѣкъ, на рукѣ котораго страшное кольцо!

Александръ Гефтеръ.

Философъ Н. Бахтинъ



(Рисунокъ Александра Гефтеръ)

Многоросныя, тяжкія розы въ молчаньи ночномъ выбираю.
Цвѣтники подъ звѣздами полны благовоннымъ блаженствомъ
Вы — моя, но сказать Вамъ объ этомъ едва я цвѣтами дерзаю,
И останетесь Вы для меня безглагольно простымъ совершенствомъ.
Мое сердце шипами запянуто и исколоты дерзкіе пальцы.
Крови черной не смою прохладною бѣлой росой...
Нѣтъ! Раскрою опять многошумныя крылья скитальца,
Улечу, какъ повиненъ летѣть, — никого не зовя за собою.

А. Прокопенко.

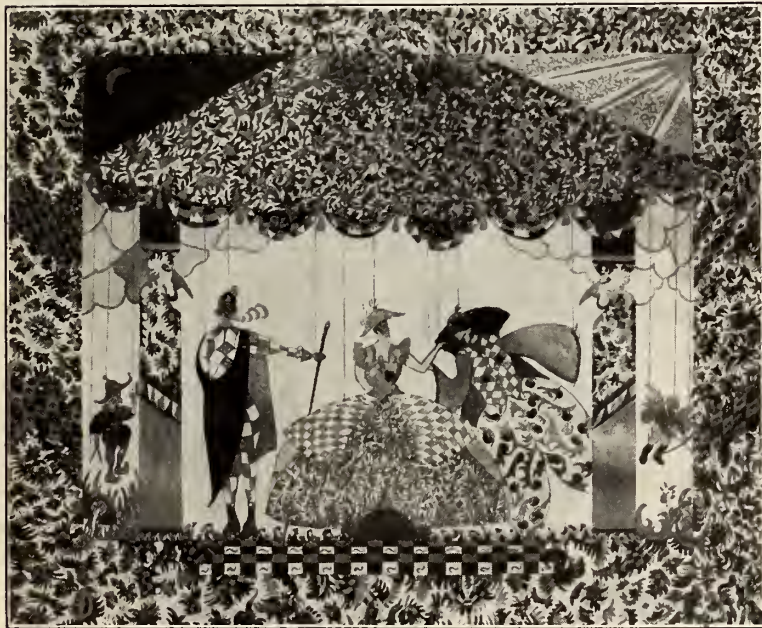


С. М. Лисимъ

Извѣстный художникъ С. Лисимъ родился въ Кіевѣ въ 1900 году и девятнадцати лѣтъ, подъ давленіемъ событий, принужденъ былъ покинуть, какъ и многіе изъ насъ, родной городъ, чтобы начать безконечныя скитанія по городамъ и весямъ Европы



С. М. Лисимъ. Восточный костюмъ (для балета)



С. М. Лисимъ. Comedia del'arte

Въ 1922 году мы видимъ молодого художника усердно изучающимъ въ Сорбоннѣ исторію искусствъ. Онъ посѣщаетъ музеи, выставки, библіотеку музея декоративныхъ искусствъ и отдѣлъ гравюръ, гдѣ его вниманіе привлекаютъ работы извѣстнаго орнаментиста Жана Берэнъ. Въ теченіе короткаго времени художникъ завоевываетъ завидную извѣстность не только во многочисленной русской эмиграціи, но и среди самой требовательной французской публики.

Съ 1921 года мы видимъ его на всѣхъ большихъ выставкахъ въ столицахъ міра: Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Нью-Йоркъ.

На Международной выставкѣ въ Парижѣ въ 1925 году онъ получаетъ серебряную медаль, (французская секція).

Въ 1927 г. въ Парижѣ, въ Galeries Simonson художникъ выставляетъ 61 работу; многія изъ нихъ проданы. Объ этой выставкѣ даетъ прекрасный отзывъ кн. Волконскій.

Въ томъ же году новая выставка въ Ригѣ

Въ 1928 году снова Парижъ. Въ Galerie Jean Char-



Маскарадъ.

pantier, С. М. Лисимъ выставляетъ 103 совершенно новыхъ работы.

Валеріанъ Свѣтловъ по поводу этой выставки въ газетѣ "Сегодня" (Рига) подъ заголовкомъ "Фарфоръ художника С. Лисима" пишетъ

"С. Лисимъ показалъ себя на этой выставкѣ независимымъ художникомъ, вполне самостоятельнымъ, вполне оригинальнымъ, безъ всякаго подчиненія или угодливости той или иной партійной художественной дисциплинѣ, среди многихъ калѣчащихъ свои дарованія въ угоду модернизму во что бы то ни стало. С. Лисимъ говорить свое слово и своимъ, а не чужимъ, го-

лосомъ. Конечно, работы по фарфору, которымъ съ такимъ увлеченіемъ и искренностью отдаетъ свои досуги, свой артистическій отдыхъ С. Лисимъ, не отвлекаютъ его отъ основной дѣятельности — театра, къ ко-



С. М. Лисимъ. Русскіе чайники.

торому онъ чувствуетъ такое же влеченіе, какъ и прежде”...

Вся первая половина 1929 г. посвящается С. Лисимомъ подготовкѣ выставки стараго русскаго фарфора въ Севрскомъ музеѣ, гдѣ онъ состоялъ членомъ организаціоннаго комитета.

Вторую половину года С. Лисимъ посвящаетъ



С. М. Лисимъ. Блюдо (Севрскій Государственный фарфоровый музей).

опять выставкамъ, гдѣ онъ принимаетъ участіе уже какъ экспонаторъ. Онъ выставляетъ свои работы въ салонѣ Декораторовъ въ Парижѣ (костюмы и фарфоръ). Далѣе идутъ выставки у Brandt, Musée Galliéra, Galerie Sylve, въ Ригѣ въ обществѣ “Садарбъ” (декораціи “Золотого Пѣтушка”). Наконецъ, Барселонская, закончившаяся блестяще для художника. Онъ удостоивается золотой медали.

Въ настоящемъ году дѣятельность Лисима нисколько не уменьшается. Онъ въ Galerie de France, въ Салонѣ художниковъ декораторовъ, въ Musée Galliéra.

На Льежской выставкѣ фигурируетъ сервизъ,

исполненный по рисункамъ С. Лисима Севрской государственной мануфактурой.

Въ послѣднее время Лисимъ, по своимъ проектамъ, въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ французскимъ керамистомъ, Segré, исполняетъ нѣсколько интересныхъ работъ (блюда); обожженная глина инкрустирована фарфоромъ.

Многія изъ работъ художника приобрѣтены музеями (Государственный музей фарфора въ Севрѣ, Люксембургскій, музей декоративныхъ искусствъ въ Ригѣ).

Не написать о театральной дѣятельности Лисима это значить упустить самое важное, такъ какъ, главнымъ образомъ, Лисимъ художникъ сцены. Мнѣ хотѣлось бы здѣсь привести отзывъ о Лисимѣ директора Севрской Національной Мануфактуры, M-r G. Dechevallier - Chevignard :

Cependant, si la production destinée au théâtre est sa «spécialité», Simon Lissim ne limite pas son activité à ce champ. Décorateur dans le sens absolu du mot, sans cesser d'être artiste peintre, il imagine et compose avec un égal talent tout ce qui peut être une parure pour l'être humain ou un agrément pour son logis, des dessins d'étoffes aussi bien que des décors pour la porcelaine.

Въ Барселонѣ въ театрѣ Лицео онъ сотрудничаетъ съ маститымъ А. А. Санинымъ. Пишетъ “Царя Салгана” и “Кошея”. Работаетъ въ театрѣ “L'Oeuvre” Lugué-Polé.

Пишетъ декорации и костюмы “Князя Игоря” въ Королевскомъ Брюссельскомъ театрѣ.

Итальянская комедія, Національный Рижскій Драматическій театръ, гдѣ онъ пишетъ къ роستانовскому “Орленку” декорации. Эта послѣдняя постановка — триумфъ художника. На столбцахъ газеты “Слово” Н.



С. М. Лисимъ. Блюдо. (Музей Декоративныхъ Искусствъ въ Парижѣ).

Анинъ пишетъ: “...Конечно, интересъ былъ вызванъ, главнымъ образомъ, декорациями художника С. Лисима, специально приглашеннаго для постановки “Орленка” изъ Парижа”...

“...Художественная физіономія Лисима, разумѣется, съ наибольшею яркостью проявилась въ сценѣ “Маскарада”. Здѣсь мы увидѣли художника въ родственной духу его атмосферѣ самодовлѣющаго орнамента, поразяющаго причудливостью своихъ формъ и красокъ. Все только для глазъ, и они переживали подлинный восторгъ и наслажденіе при видѣ “праздника живописи”, который далъ художникъ. “Праздникъ” поднимался до какого-то

далъ художникъ. Этотъ “праздникъ” поднимался до какого-то своеобразнаго пафоса, когда на фонѣ декорацій, живущихъ настоящей жизнью, развертывалась замѣчательная радуга живописнѣйшихъ костюмовъ, оригинальнѣйшихъ красокъ, причудливыхъ сочетаній тоновъ. Здѣсь рисунокъ соперничалъ съ цвѣтомъ, а въ результатѣ такого соперничества, была гармонія, какъ неотъемлемая черта истинно-художественнаго произведенія, какимъ была вся работа Лисима, а въ цѣломъ и весь спектакль “Орленокъ” Ростана въ Национальномъ театрѣ.

О работахъ Лисима выпущена книга французскаго



С. М. Лисимъ. Казакъ (для балета).

историка искусствъ, музыки и театра (мл. хранитель архивовъ министерства искусствъ, М-г André Tissier).

Мнѣ хотѣлось бы привести еще два абзаца статьи **Louis Réau** (Ancien Directeur de L'Institut Français à Petrograd), автора извѣстныхъ трудовъ на французскомъ языкѣ по исторіи русскаго искусства.

Вотъ что онъ пишетъ:

Une autre raison du succès de M. Lissim, c'est l'originalité de son talent. Nourri de la moelle des anciens, familier avec les tapisseries du Moyen-âge qu'il a étudiées au Musée de Cluny, avec les estampes populaires russes, avec les miniatures persanes et les «grotesques» de Bérain, il reste cependant lui-même et ne donne jamais dans le genre facile et factice du pastiche archéologique.

Sa documentation savante n'a rien de pédantesque. Il ne vise pas dans ses maquettes de décors ou ses dessins de costume à restituer exactement une époque, mais à en évoquer l'esprit et l'atmosphère. Par là, sa conception du décor de théâtre est essentiellement moderne.

Интересенъ и отзывъ профессора исторіи искусствъ въ Сорбоннѣ **René Schneider**:

J'aurai, je crois, esquissé les principaux caractères de son talent quand j'aurai signalé deux recherches curieuses. L'une consiste à faire mouvoir dans un décor architectural sobre de lignes, sobre de tons, très simple, des costumes de richesse éblouissante. Le contraste est saisissant (Hamlet, Tourandot, L'Amour des Trois Oranges, une partie de l'Aiglon). L'autre est une tendance plutôt qu'une recherche: l'humour. Les trois Boyards moustachus, parés comme des chasses, en sont un amusant exemple. Mr. Lissim aime les contes russes: c'est la veine populaire, un monde féérique où la fantaisie fleurit, où vont et viennent les personnages-fantômes dessinés synthétiquement en parti-pris caricatural, et colorés avec luxuriance. Pour les éternels enfants que nous sommes cet art plein de gaieté continue est un rajeunissement.

С. Лисимъ не ограничивается художественной дѣятельностью. Онъ работаетъ въ крупныхъ русскихъ (“Жаръ Птица”) и французскихъ (“L'Oeuvre”) журналахъ. Сейчасъ онъ приглашенъ въ цѣлый рядъ крупныхъ художественныхъ изданій французскихъ и бель-



С. М. Лисимъ Шляхтичъ (для балета).

гийскихъ въ качествѣ постоянного сотрудника. За послѣднее время появился рядъ его статей, посвященныхъ театру и искусству. Кромѣ того, Лисимъ работаетъ сейчасъ надъ книгой “О современныхъ теченіяхъ въ театральномъ костюмѣ” (выйдетъ въ будущемъ году въ издательствѣ «Delagrave»). Вторая, которую художникъ готовитъ совмѣстно съ извѣстнымъ критикомъ Cogniat, — “Объ исторіи театральныхъ костюмовъ во Франціи съ 12 вѣка до нашихъ дней” выйдетъ въ издательствѣ “Les Beaux - Arts”.

Н. Д. Янчевскій

Русская опера въ Испаніи



Въ Парижѣ. Въ центрѣ князь А. Церетелли.

Поставлены было "Садко", "Князь Игорь" и "Русланъ и Людмила".

Публика не скупилась на аплодисменты по адресу исполнителей и горячо привѣтствовала хоръ.

Князь Игорь



Г. М. Юрневъ

Въ Санъ - Себастьяно съ совершенно исключительнымъ успѣхомъ прошли спектакли русской оперы...

Садко



Photo Bransbourg

Г. М. Поземковскій



В. А. Кострова

Варвара Алексѣевна Кострова артистическую карьеру начала въ Россіи, въ 1918 году въ театрѣ Мейерхольда.

Во время гастролей по югу Россіи "Гедда Габлеръ", "Екатерина Ивановна", пьесы Каменскаго — составляли ея репертуаръ.

За границей В. А. Кострова, не покидая сцены, съ успѣхомъ играла въ нѣмецкихъ и чешскихъ пьесахъ.

Критики Либстекль, Фишеръ и другіе отмѣчаютъ ея талантъ и рѣдкую пластичность движеній.

Послѣ Вѣны, Праги, Берлина артистка выступаетъ въ Парижѣ, въ Интимномъ Театрѣ.

"Старые годы" Шпажинскаго, "Ревность" Арцыбашева, "Вѣра Мирцева" Урванцева (заглавная роль) и др. идутъ при ея участіи.

ВЪ БЕЛЬГИИ

М. А. ГАРОВЪ

Хорошо извѣстный въ Бельгіи русскій артистъ, обладающій прекраснымъ басомъ.

Выступаетъ въ большихъ концертахъ, симфоническихъ и камерныхъ, въ ораторіяхъ и оперныхъ спектакляхъ.

Музыкальные критики съ большой похвалой отзываются о пѣніи, дарованіи и голосѣ нашего соотечественника и единогласно признаютъ безукоризненность его французской дикціи.





Александръ Гефтеръ.
ПОРТРЕТЪ ПѢВИЦЫ г. ХУНЦАРІЯ.

ВЪ ЛѢСУ

Верстахъ въ семи отъ нашего хутора растеть дубовый лѣсъ. Въ срединѣ онъ густой, непроходимый. Съ сѣвера на югъ тянется верста на полтора.

На самой окраинѣ, на небольшой полянкѣ, стоитъ землянка съ камышевой крышей и небольшимъ окномъ. Въ ней живетъ сторожъ Трофимъ, старикъ лѣтъ семидесяти. На хуторѣ его называютъ "дѣдушка Трофимычъ".

Часто, особенно осенью, Трофимычъ заходилъ къ намъ на хуторъ и жилъ у насъ въ домѣ дня по два и больше.

Однажды меня отпустили къ Трофимычу на цѣлое лѣто! Это — одно изъ радостныхъ воспоминаній моего дѣтства. Большую половину землянки занимала огромная печка, которая служила какъ бы кладовой: на ней лежали дѣдушкины пожитки. У окна стояла лавка, замѣнявшая кровать; каждый вечеръ ее накрывали свѣжей травой; а въ углу, надъ лавкой, висѣлъ образъ Спасителя, передъ которымъ по праздникамъ горѣла лампадка. Въ такіе праздничные вечера было пріятно лежать на свѣжей, пахучей травѣ и, слѣдя за тѣнью мигающей

лампадки, постепенно, незамѣтно для самого себя, засыпать...

Каждое утро и вечеръ, мы, Трофимъ, я и Дружокъ, — такъ звали дѣдушкину собаку — ходили въ обходъ небольшого участка, пробираясь черезъ непроходимыя дебри. Боже, что за красота! Таинственное молчаніе, рожденное столѣтія тому назадъ, чувствовалось среди этихъ могучихъ гигантовъ, гордо стоявшихъ другъ около друга и переплетшихся вѣтвями. Каждый звукъ передавался по лѣсу и, казалось, что и вѣточка и листокъ, насторожившись, смотрѣли на насъ, дерзнувшихъ проникнуть въ эти молчаливыя дебри. Послѣ обхода дѣдушка занимался своими дѣлами, а мы съ Дружкомъ уходили въ глубь лѣса и, выбравъ удобное мѣсто, ложились на сочную высокую траву и, въ молчаливомъ созерцаніи, прислушивались къ пѣнію птицъ, а солнечныя лучи, проникая сквозь густую чашу вѣтвей, какимъ-то ослѣпительнымъ блескомъ серебрили листья деревьевъ и траву. Было пріятно смотрѣть на эту игру лучей и, зажмуривъ глаза, на мигъ забываться... А лѣсъ, словно чувствуя мою радость, тихонько шумѣлъ, рассказывая были о своей многовѣковой, полной таинственности, жизни. Я понималъ этотъ шумъ: это была живая рѣчь, которая невольно навѣвала на душу смутное чувство тоски...

Раннимъ утромъ я отправлялся къ озеру ловить рыбу. Цѣлые дни просиживалъ около берега, съ жадностью всматриваясь въ малѣйшее движеніе поплавка. А сколько радости и счастья доставляла случайно пойманная рыбка! Бѣжишь, стремглавъ, къ дѣдушкѣ, дѣлишься своими впечатлѣніями, показываешь пойманную рыбку, а затѣмъ, поощренный похвалой, снова бѣжишь къ озеру. И такъ день за днемъ...

Вечеромъ дѣдушка разводилъ костеръ и варилъ ужинъ, а, когда ужинъ былъ готовъ, мы садились у костра и, помолвившись Богу, ѣли, а Дружокъ, сидя немного вдали, сосредоточенно смотрѣлъ на насъ, съ нетерпѣніемъ дожидаясь конца, когда ему предоставится возможность доѣсть остатки ужина. Сидя у костра, дѣдушка рассказывалъ о своей долгой жизни въ лѣсу, а мы съ Дружкомъ со вниманіемъ слушали интересные и занимательные рассказы, въ которыхъ героями были деревья, трава и цвѣты...

— Какъ человѣкъ, дерево имѣетъ свои радости и невзгоды. Каждое утро я слышу шелестъ — молитвенную пѣсню Творцу... Весною и лѣтомъ пріятно здѣсь Кругомъ раздолье, разные звѣрки бѣгаютъ... Ляжешь на траву и смотришь на небо, любишь его красивою ширью... а звѣздочки, мигая, словно смѣются надо мною: "что, молъ, Трофимычъ хороши, а?", а сами все больше, больше разгораются. Привыкъ я къ этому лѣсу и люблю его. Какъ услышу шумъ, какъ почую сердцемъ тревожный зовъ, бѣгу въ его чашу, стану и слушаю, а лѣсъ, какъ бы нарочно дразнить: У... у... у... — гудитъ. Начинаю кричать, ну, куда тамъ! Развѣ можно перекричать его!..

Гдѣ то вблизи, по верхушкамъ деревьевъ пробѣжалъ легкій вѣтерокъ. Тихій шелестъ нарушилъ вечернее молчаніе... Дѣдушка много еще говорилъ, но усталость брала свое, и онъ незамѣтно обрывалъ свой рассказъ и вскорѣ засыпалъ...

Дружокъ, положивъ голову ко мнѣ на колѣни, о чемъ то изрѣдка тихо вздыхалъ. Я долго еще не могъ уснуть. Сквозь густую чашу вѣтвей пробивались на полянку серебристыя нити луны.

Гавріиль Погорѣловъ.

На древнемъ рубежѣ

III

Лукинъ привелъ сотню къ правленію, противъ котораго, на широкой площади, сіяла позолоченными крестами новая кирпичная церковь.

— Атаманъ станицы, урядникъ Кириллинъ, — представился Лукину очутившійся передъ нимъ красивый, бравый казакъ. Молодцеватая выправка, статная фигура, влитая въ темно-синюю черкеску, расшитую серебряными галунами, — все изобличало въ немъ бывшаго конвойца.

— Ѳедоръ Сидорычъ! Отведи сотню на квартиры, а я провожу господина есаула къ начальнику отряда, — крикнулъ Кириллинъ своему помощнику.

— Разрѣшите, ваше высокоблагородіе? обратился онъ къ есаулу, отдавая честь

— Какъ же вы, конвойцы, государя не сберегли? шагая по площади, спросилъ Лукинъ.

— Ваше высокоблагородіе, да развѣ его величество хотѣлъ этого? Защищалъ себя? Ни единой капли крови не пожелалъ пролить, сразу отрекся.

— Но почему аршинными буквами сообщалось въ газетахъ, что конвой одинъ изъ первыхъ явился въ Думу?

— Какой конвой?! Ваше высокоблагородіе изволите знать, что изъ четырехъ сотенъ конвоя въ ставкѣ, въ гор. Могилевѣ, для охраны его величества находилось двѣ, да въ Царскомъ Селѣ при августѣйшемъ семействѣ двѣ — вотъ и весь конвой. Ни одна въ Думу и носа не показывала. Правда, во время войны была сформирована пятая, такъ какъ мы поочередно стали ходить на фронтъ... Одна ея полусотня охраняла вдовствующую государыню въ Кіевѣ, а другая оставалась съ лошадьми въ Петроградѣ. Тамъ же находился штабъ конвоя: канцелярія, обозная команда, писаря... Когда вспыхнула революція, человекъ тридцать изъ этой компаніи подъ командой урядника Сторчака, отправились въ Думу просить покойнаго Караулова, чтобы взялъ штабъ конвоя подъ защиту. Разгрома боялись... Толпы кругомъ гудѣли круглые сутки. Вѣдь, около насъ пылалъ окружный судъ! Пришли они къ Таврическому, какъ полагается, командой. На одного въ ту пору никто бы не глянулъ!.. Вышелъ Карауловъ и смаху:

— Кто старшій?

— Урядникъ Сторчакъ...

— Поздравляю тебя въ командиры конвоя!

Не успѣлъ Карауловъ ротъ закрыть, а газеты уже подхватили:

Конвой явился въ Думу!..

— А потомъ? интересовался Лукинъ.

— Послѣ отреченія государя мы были переименованы въ конвой верховнаго главнокомандующаго — тогда генерала Алексѣева... Онъ приказалъ намъ, во избѣжаніе кровопролитія, отправиться на Кавказъ въ распо-

ряженіе своихъ войсковыхъ атамановъ. Кубанцы пошли въ Екатеринодаръ, а мы къ себѣ.

— Но все-таки, какъ же вы ушли?

— Государя съ семействомъ, ваше высокоблагородіе, взяло подъ охрану на свою отвѣтственность временное правительство... А, вѣдь, если бы, — пытливо глядя въ глаза Лукину, продолжалъ атаманъ, остановившись около калитки, — Михаилъ Александровичъ царемъ, конвой при немъ былъ бы или охранялъ Николая II-го?

— Конечно, при настоящемъ государѣ, то есть, въ такомъ случаѣ — Михаилъ Александровичъ, — проговорилъ Лукинъ во дворѣ, крѣпко пожимая руку. Поднявшись на крыльцо, онъ прошелъ сѣни и постучалъ.

— Войдите! послышался пріятный, низкій баритонъ. Лукинъ шагнулъ черезъ порогъ. Среди комнаты въ черномъ бешметѣ стоялъ средняго роста плотный мужчина. Лукинъ сдѣлалъ шагъ впередъ, отрапортовалъ о прибытіи и представился.

— Знаю Васъ, знаю... Слухомъ земля полнится, — приговаривалъ полковникъ, пожимая его руку, — Хозяйкина дочка, видите ли, гимназію окончила, такъ, мать на радостяхъ купила ей піанино у бабушки, — отвѣтилъ Семеновъ на его нѣмой вопросъ.

— Такъ-съ, такъ-съ, — произнесъ полковникъ, барабанивъ по спинкѣ стула: — сейчасъ напьемся чаю да потолкуемъ о настоящемъ положеніи. Вы, я чай, не спали? Мироновна, какъ на счетъ кипяточка? — громко обратился онъ въ сосѣдную комнату. За дверью послышалась возня, затѣмъ высокая, полная казачка внесла шумящій никелированный самоваръ. Надъ кроватью полковника Лукинъ увидѣлъ “сдачу Шамиля” великому князю въ горахъ Гуниба, “Смерть генерала Слѣпцова”.

— Это дочка изъ Благодатнаго привезла, — вытирая фартукомъ вспотѣвшій самоваръ, объяснила хозяйка...

— Не знаете ли, Мироновна, молодого есаула? — полюбопытствовалъ полковникъ.

Та пристально посмотрѣла на гостя.

— Другого, можетъ быть, а этого какъ не угадать? Знамо дѣло, будете Лукины.... Петра Ивановича сынъ.

— На карту кинули? разсмѣялся Семеновъ.

— Кто бы не догадался?! Вѣдь, онъ — копія своего родителя, а покойникъ, проѣздомъ то, всегда у насъ останавливался... Мужъ мой служилъ взводнымъ урядникомъ въ его сотнѣ... Пирѣ царскіе, бывало, задавали.. Вся станица ходуномъ ходила...

— А Вашъ отецъ? обратился Семеновъ.

— Убить въ Японской компаніи, — отвѣтилъ Лукинъ...

— Да да, да. Помню, помню есаула.

— О, Господи, ихъ японская, а Ѳомича моего ингушская пуля столкнула въ могилу, — вздохнула тяжело

Мироновна: — Съ горя такого — свѣта Божьяго не видѣла. Какъ гляну, бывало, на басурмана, — все въ груди переворачивается!.. На Терекѣ у васъ благодать, а на Сунжѣ нашей ингушами всѣ двory перемѣнены: убитые, раненые или ограбленные. Скоро десять годовъ, какъ окаянные убили... Молотилку справилъ, жатка еще отъ свекра осталась... Сладили осенью четыре плуга — у насъ въ одиночку даже за станицу не сунешься, набрали харчей, поѣхали. Пашутъ — винтовки за спиной, а ночью по очереди дежурятъ: трое спятъ, четвертый съ ружьемъ сидитъ, за колесомъ... Пришло до Оомича. Пялил онъ, пялил глаза въ тьму... Усталость, таки, одолѣла. Дремлетъ и чувствуетъ, кто-то вокругъ мѣсится... На грѣхъ, луна вылупилась изъ-за тучи... Глядь — шайка этихъ чертей — ингушей!.. Быковъ отвязали — гонять къ лощинкѣ, онъ: “Господи благослови!” и тахъ!.. Они бурки-то откинули, да рrr! Въ него залпомъ, а товарищи сразу: бацъ! бацъ! бацъ! изъ подъ фургоновъ, и пошла катавася. Одинъ ихній въ моментъ шлепнулся чернымъ ворономъ... Ближніе его на луку добычъ бросили и маршъ... Тутъ прискакали другіе пахари, до па слѣдамъ въ ближній аулъ... Найди ихъ, окаянныхъ! Развѣ они своего выдадутъ? — Скрылись поганые — три пули въ моего засадили. Быка убили; въ обѣ ноги прострѣлили погоняльщика, сестрина парнишку. Посейчасъ на костыляхъ.

IV

— Письмо, конечно, получили? спросилъ полковникъ.

— Такъ точно. Покорно благодарю, — отвѣтилъ Лукинъ.

— Слѣдовательно, Вы въ курсѣ назрѣвающихъ событий. Воевать мы не собираемся, но мѣры предосторожности необходимы. Здѣсь сотни позанимаются, подтянутся... Себя подбодримъ, враговъ наведемъ на нѣкоторыя размышленія. Стойкія воинскія части — послѣдній барьеръ для анархіи. Сорветъ она эту преграду, Кавказъ вспыхнетъ, какъ порошокъ. Города, села, станицы, аулы — все на потокъ и разграбленіе... Первая наша задача: утвердить порядокъ у себя... Необходимо прекратить возмутительную стрѣльбу подъ стаканъ чихиря. Каждый патронъ теперь долженъ расцѣпываться на вѣсъ золота. Два хорошихъ боя сожрутъ всѣ наши запасы. А дальше?.. Но самое главное поприще, на которомъ мы теперь обязаны проявить свои силы, ловкость, умѣнье, изворотливость — это проталкиваніе всяческими способами зачумленныхъ большевизмомъ эшелоновъ. Чуть малѣйшая ихъ остановка, и отъ всѣхъ достижений, нашихъ переговоровъ съ горцами останется одно воспоминаніе. Вы только подумайте, — говорилъ онъ, наливая гостю второй стаканъ: — это Атилла движется съ ордою, а не русская рать... Едва вдали задымитъ паровозъ, какъ всѣ панически бросаются съ вокзаловъ. Родное воинство — нечего сказать!.. Глумятся надъ желѣзнодорожными служащими, разбиваютъ кассы, грабятъ буфеты. Недавно на станціи Залетной убили казака прапорщика Нечаева... То натравили

на Чепкенъ-юртъ, то спровоцировали, а потомъ предали Жуткую! Пожалуй, это затушили бы!.. Интеллигенція во имя мира работаетъ, не покладая рукъ. Скоро, съ цѣлью тѣснаго сближенія, собирается объединенный чеченско-казачій съѣздъ. Но совѣты напрягаютъ всѣ усилія сорвать налаживающіяся отношенія... Ихъ неутомимые агитаторы, обильно снабженные деньгами, вбиваютъ въ головы, что кавказская армія разъ и навсегда покончитъ съ горскимъ вопросомъ... Да развѣ это армія? — полковникъ нервно зашагалъ по комнатѣ:

— Эти банды опаснѣе всякихъ азіатовъ... Казаки отлично видятъ, да только не знаютъ, за что хвататься.. Гдѣ надежнѣе... Слишкомъ насолили абреки. Раны черзчуръ свѣжи... Здѣсь что случилось? Скопились эшелоны. Надъ аулами повисла угроза. Умудренные горькимъ опытомъ, чеченцы слетѣлись по тревогѣ и показали отрезвляющій кулакъ. Такимъ образомъ, Степная очутилась между молотомъ и наковальней. Теперь естественны опасенія казаковъ. Уѣдутъ солдаты, станица передъ лицомъ серьезнѣйшей опасности. Какія гарантіи, что на той сторонѣ не ткется та же паутина? По имѣющимся свѣдѣніямъ, тамъ кипитъ работа провокаторовъ. А развѣ мы не знаемъ о фанатикахъ, призывающихъ къ Газавату? Большевики ничѣмъ не побрезгуютъ, отлично используютъ религіозную ненависть. Коммунисты намазъ будутъ класть, только бы добиться своего, стравить всѣ племена. А въ мутной водѣ ловить рыбку они умѣютъ! Дабы предотвратить гибель Степной, я вызвалъ сотни. Теперъ станичники приободрились... Выпроводимъ товарищей, подтянемся и по домамъ... Ухо остро надо держать, ибо мы сейчасъ совершенно одиноки на стоязычномъ Кавказѣ — мы, Терскіе казаки. Вопросы національные, аграрные, религіозные — все спуталось въ одинъ клубокъ, едва застопорилась государственная машина. Всѣ дѣла, которыя прежде регулировались общимъ движеніемъ сложнаго механизма — теперь вразбродъ кричатъ о своемъ существованіи, требуютъ отъ насъ срочнаго разрѣшенія. Но коммунисты не даютъ намъ мирно заняться налаживаніемъ добрососѣдскихъ отношеній, поэтому, подобно сунженскимъ казакамъ, мы будемъ бороздить общественное поле съ оружіемъ въ рукахъ, — полковникъ перевелъ дыханіе — Вчера былъ станичный кругъ. Пристали ко мнѣ съ ножомъ къ горлу: просите товарищей задержаться!.. Откажись я отъ этой почетной миссіи, — совѣтскіе языки мгновенно истолкуютъ по своему — чеченскимъ золотомъ, масломъ, чѣмъ угодно!.. Но я попрошу.. Я такъ попрошу, что у нихъ пятки засверкаютъ... Осмотрите размѣщеніе, отдохните, да милости прошу обѣдать къ часу. Сейчасъ по моимъ — онъ вытянулъ изъ бокового карманчика на груди замшевый мѣшечекъ и вынулъ золотые часы съ императорскимъ вензелемъ: — ровно десять...

Лукинъ свѣрилъ свои, поблагодарилъ и вышелъ.

Вахмистръ съ атаманомъ ожидали его за калиткой.

Въ районѣ, отведенномъ сотнѣ Лукина, на заборахъ, плетняхъ, деревьяхъ провѣтривались бурки, шубы, черкески, башлыки. Одинъ изъ лучшихъ домиковъ въ центрѣ размѣщенія занялъ штабъ: вахмистръ, пи-

сарь, артельщикъ и кашеваръ, который въ фартукъ изъ мѣшка поминутно перебѣгалъ отъ одного горна къ другому, то подсовывая подъ котель полѣно, то подсыпая соли, перца, или снимая желтоватую накипающую пѣну. Хлебнувъ, онъ налил тарелку и поднесъ командиру пробу шей.

— Когда успѣлъ? удивился Лукинъ.

— Мы, ваше высокоблагородіе, съ Потапомъ Петровичемъ зарею сюда дунули. Розыскали антенданству, получили мясу, хлѣбъ и всякую снадобію. у сосѣдовъ казаны раздобыли... А хозяйка у насъ, господинъ есаулъ, съ изюминкой!.. Приходитъ вечеромъ въ гости! подмигнулъ онъ и побѣжалъ вытянуть полѣно изъ подъ кипѣвшихъ шей.

“Вездѣ они одинаковые. На войнѣ, бывало, едва скомандуешь: “Стой! Слѣзай!” — глядь, ребята уже чай согрѣли, курицу сварили, кусокъ тебѣ подають да еще на вилкѣ; конямъ сѣно затрусили и съ нѣжнымъ поломъ амурничаютъ”, разсуждалъ Лукинъ на улицѣ.

— Ваша квартира, господинъ есаулъ, черезъ проулокъ за угломъ, указывалъ Терцовъ.

— Подальше отъ изюминки? не удержался Лукинъ.

— Тамъ своя краля сидитъ въ теремѣ — улыбнулся вахмистръ: — вотъ, этотъ домикъ, что подъ желѣзной крышей, — онъ опередилъ начальника и распахнулъ калитку; они вошли въ чистый, просторный дворъ. Съ крылечка пристально смотрѣла старуха.

— Мірской? спросила она строго.

— Мірской, бабушка, съ нехристями общаюсь, — отвѣтилъ весело Лукинъ.

— То-то... Смотри изъ особливой воду не пей, для васъ съ кунаками чашка въ сѣнцахъ на корчагѣ... — говорила хозяйка, направляясь къ кухонкѣ

— Нечего сказать, себѣ изюминку, а командира сунули въ крапиву! Платонычъ, раскрою твои шашки Филимоновѣ! — погрозилъ пальцемъ Лукинъ.

— Былъ молодцу не въ укоръ! Ей-Богу, господинъ есаулъ, искали Вамъ получше... Это первый домъ послѣ полковницкой квартиры...

— Ладно, зубы не заговаривай, — бросилъ Лукинъ съ крыльца, гдѣ Петька сапогомъ раздувать самоваръ, и вошелъ въ комнату.

Высокая желѣзная кровать подъ синимъ стеганымъ одѣяломъ, столъ, покрытый клеенкой; рѣчки да ручейки по всѣмъ стѣнамъ мечтательные олени, львы, тигры въ тѣни райскихъ кущъ, а въ восточномъ углу “Положеніе во гробъ” подъ сусальнымъ золотомъ — все это заняло глаза Лукина на одно мгновенье. На маленькомъ столикѣ между окнами стояла фотографія группы казаковъ съ обнаженными шашками.

— Чего, милый, разсматриваешь? Это Митька — внукъ съ товарищами. Еще изъ Австріи прислалъ. Аники — воины. Васъ теперь, офицеровъ-то, ржавыми гвоздями не считаютъ... Говорю Митькѣ-то, будете, поганцы, локотки грызть да назадъ съ завистью оглядываться, — говорила старуха черезъ отворенныя двери: — Надули имъ въ уши, нечистые духи. Ты, милый, небось, проголодался? — бросила она, взглянувъ на внесшаго самоваръ Петьку. Черезъ нѣсколько минутъ яичница съ

графиномъ чихиря потѣснили чайную посуду.

— Ты, милый, пей изъ круглаго стакана, потому съ кунаками якшаешься, а граненый — мой. — Ышь глазунью-то. Чихирекъ вашъ вымѣнивать ѣдимъ на пшеницу... мнѣ весь постъ сидѣть на капустѣ.

— Спасибо, бабушка, сытъ, до вина не охотникъ.

— Сы-ытъ? насупилась старуха. — Полно брехать! Виданное ли дѣло: съ дороги, да ѣсть не хочу! И чихирь не вода... Церемониться нечего — не свинья на бичевкѣ... Съ другими — какъ хочешь. а со мною чекнешься. Какъ тебя зовутъ-то?

— Иванъ, бабушка.

— Пошли, Господи, страдальцу воину Ивану добраго здоровія и пресвѣтлыхъ дней, — проговорила она раздѣльно, осѣняясь двуперстнымъ крестомъ...

— А Васъ какъ?

— Марковна!

— Спасибо, бабушка Марковна, за доброе слово. Дай Господь и Вамъ радости, — отъ души пожелалъ есаулъ.

— Не люблю, милый, брехунцовъ, что нынче на антанабильяхъ мечутся, какъ угорѣлые... На языкѣ голубь воркуетъ, а по глазамъ вижу — въ сердцѣ гадюка подколотная голову подняла, выбираетъ, кого бы ужалить... Гордыня сатанинская обуяла ихъ... Прости меня старую, — промолвила она, накормивъ гостя и, поклонившись, вышла. Лукинъ растянулся на кровати, а Петька принялся за свою половину яичницы.

V

Было солнечное утро.

Цѣпи горъ выползали изъ тумана. У вокзала суетились люди. Шумъ, гамъ, залихватскія пѣсни, взвизгиванье гармоникъ — дикой смѣсью звуковъ носились по перрону. Въ солдатскомъ сѣромъ морѣ точками чернѣли казачьи папахи.

“Долой смертную казнь!”, “Миръ безъ аннексій и контрибуцій!”, “Долой войну!”. “Земля и воля!”. “Ді здравствуетъ третій интернаціональ!”, читалъ Лукинъ безчисленные аншлаги на вагонахъ, облѣпленныхъ красными флагами. Сквозь толпу къ начальнику отряда протиснулись делегаты эшелоновъ...

— Товарищъ полковникъ, вотъ представители недавно прибывшихъ поѣздовъ, а эти старыхъ, — представилъ избранныхъ горбоносый грузинъ.

— Да, товарищъ полковникъ, — поддакнулъ стоявшій за нимъ высокій плечистый русакъ: — насъ товарищи казаки просятъ остаться на Кавказѣ съ басурманомъ покончить... Чтожъ? — Мы можемъ...

— Товарищи станичники! Мы знаемъ, торгуютъ здѣсь вами бѣлопогонники! закричалъ кто-то изъ переднихъ вагоновъ.

— Правильно! Долой бѣлопогонниковъ! — загудѣла толпа... Въ воздухѣ запахло кровью... Лукинъ зажалъ въ карманѣ браунингъ, поставивъ на feu. Солнце ударило блескомъ по чернымъ лѣсамъ косматыхъ чудовищъ — горъ. Нахмутивъ брови, насупился грозно Казбекъ.

— Дорогие наши товарищи солдаты, — отстранилъ оратора отчетливый голосъ полковника. (“Молодецъ старина — во время”, подумалъ Лукинъ). Гармонистъ прислушался. Вокругъ разлилась тишина: — Вы посмотрите только на эти непроходимые лѣса и дикія ущелья! На эти неприступныя твердыни — скалы, — при этомъ полковникъ провелъ рукою по горизонту — и представьте только себѣ, что за каждымъ камнемъ, будто въ крѣпости, сидитъ до зубовъ вооруженный чеченецъ... Даже во рту у него сверкаетъ кинжалъ!.. Вы сами, товарищи, знаете, что за отчаянные они головорѣзы. Вы только попробуйте достать его оттуда!.. Пуля отъ камня отскакиваетъ! Да прикиньте, товарищи, что насъ, терскихъ казаковъ, двѣсти пятьдесятъ тысячъ, а чеченцевъ почти четыреста, да ингушей около ста, не говорю о сотнѣ различныхъ мелкихъ племенъ. Вѣдь, они сами налетятъ на васъ со всѣхъ сторонъ! Ну, а если къ нимъ прибавить отважныхъ бойцовъ дагестанцевъ, которыхъ почти полтора милліона, что съ вами получится?! Тяжело намъ, терскимъ казакамъ!.. Триста лѣтъ истекаемъ мы кровью въ неравной борьбѣ... Теперь, наконецъ, настало время съ ними расквитаться... и мы просимъ васъ, товарищи, останьтесь на Кавказѣ!.. Иначе орда насъ сотретъ въ порошокъ, да и вы не спасетесь въ Россіи... Умоляемъ васъ!

Вы, навѣрно, согласитесь, если пристальнѣй посмотрите на эти недоступныя человѣку скалистыя горы, да прикинете, что не только мужчины — у нихъ женщины, даже дѣти ходятъ съ кинжалами въ зубахъ... А какъ стрѣляютъ?! Любая баба — не говорю о мужикахъ — изъ винтовки безъ промаха въ копѣйку бьетъ. Просите казаки! — громко обратился Семеновъ.

— Просимъ! Просимъ, товарищи! Просимъ! загудѣло со всѣхъ сторонъ.

— Товарищи казаки, — заговорилъ горбоносый, едва по знаку полковника воцарилась тишина: — делегаты этого вопроса не уполномочены разрѣшать, поэтому сейчасъ устроимъ митинги въ поѣздахъ...

— Ладно, товарищи, а мы подождемъ, — весьма охотно согласился полковникъ...

— Товарищи станичники! закричалъ вернувшійся горбоносый. Всѣ притихли: — Знаемъ ваше горе, рады помочь, да некогда, надо торопиться въ Россію, дѣлать землю враговъ народа, помѣщиковъ. Кромѣ этого, необходимо въ ударномъ порядкѣ тамъ, въ центрѣ, углублять революцію, ибо гидра уже поднимаетъ свою голову... Но для борьбы за свободу, равенство и братство, за внѣдреніе нашихъ лозунговъ здѣсь припасовъ вамъ дадимъ!

Не успѣли казаки очнуться, какъ запыхтѣли паровозы. Поплелись эшелоны.

Вымаливая оружіе, казаки бросились къ вагонамъ. Кое-гдѣ, извиваясь, летѣла пулеметная лента, протягивалась винтовка или навязывалась сама беззубая бердана. Рябой делегатъ съ тремя солдатами доставилъ въ распоряженіе начальника отряда пулеметъ, обильно снабженный патронами.

— Вотъ тебѣ воины, — разводили руками казаки,

и трудно было понять, досада или насмѣшка звучала въ этихъ словахъ.

Полковникъ съ офицерами направился къ площади.

— Надо вооружаться, не брезгуя средствами... За чихирь нѣкоторыя станицы намѣняли пушекъ... Правильно... Богъ знаетъ, что ожидаетъ насъ въ ближайшее время. Съ завтрашняго дня — утромъ строевыя занятія въ полѣ, послѣ обѣда уставъ полевой службы. Получите изъ склада по два пулемета на сотню... Обучать пулеметному дѣлу будетъ офицеръ специалистъ... — приказалъ начальникъ отряда.

VI

Время летѣло быстро. Лукину пріятно было выслушивать похвалы начальника отряда, отдававшего пальму первенства его части.

— Лихо! Молодцы! — ежедневно благодарилъ Семеновъ.

— Рады стараться, господинъ полковникъ! мощно отвѣчали привѣтницы, четко отбивая шагъ. Отрядъ значительно подтянулся, окрѣпъ. Увѣренность въ своихъ силахъ свѣтилось въ глазахъ каждаго. Однако, Лукинъ никакъ не могъ освободиться отъ мысли о надвигающейся бѣдѣ. Ему казалось, что вотъ-вотъ, налетитъ шквалъ, и все пойдетъ прахомъ. Только бесѣды съ Марковной освѣжающе дѣйствовали на его душу.

Однажды старушка зажала есаула за самоваромъ.

— Крестъ-то на тебѣ есть? встрѣтилъ она Лукина.

— Какъ не быть, бабушка, только оборвался, въ бумажникъ ношу...

— На возьми гайтанчикъ, сейчасъ одѣнь, — достала хозяйка тесемку.

Лукинъ исполнилъ ея требованіе и оглянулся.

— Ты чего, милый? Паньку я отослала къ сосѣдскимъ дѣвкамъ, — незамай погуляеть.

— Миѣ къ Мироновнѣ ходить запрещаете.

— У нея дѣвченка — бѣсенокъ, не Панька. Кому больше дано, съ того сторицей и спросится.

— Да еще какъ, бабушка.

— А ты, милый, отвѣчай не умомъ, а сердцемъ.. Оно всегда клонитъ ухо ко Господу, а умъ — анчутка, хвостикомъ виляетъ, пакостникъ.

— Иногда и сердце такъ ошетинится!.. Готовъ всѣхъ растерзать...

— Ошетинится, милый, да уляжется... Свернешься ягненочкомъ у ногъ Господа.., а умъ... ухъ... Отъ него нынче раздоръ и всякая погибель... Охъ, быть бѣдѣ великой... Глаза-то не одна мать выплачетъ.. Отъ горькихъ вдовъ въ церквахъ темнымъ-темно будетъ...

Не успѣла Марковна проговорить какъ въ комнату влетѣлъ Петька.

— Такъ что Васъ начальникъ отряда требуютъ, ординарецъ прибѣжавши.

— Гдѣ онъ?

— Помчался къ другимъ командирамъ... Говорить изъ станицы телеграммъ получили...

“О Господи!” вздохнула Марковна вслѣдъ есаулу.

**

Когда Лукинъ вошелъ, у полковника сидѣло нѣсколько офицеровъ.

— Результаты аграрной реформы на лицо, — говорилъ Семеновъ, нервно шагая. — Чеченцы проводятъ ее излюбленнымъ методомъ революціонеровъ-захватнымъ порядкомъ. Принадлежала она помѣщикамъ-кавказскимъ князькамъ? Принадлежала. Конечно... Берите, есаулъ сотню, — обратился онъ къ Лукину, — и сегодня же домой. Ваши станицы подъ угрозой Чеченцы обрушились на сосѣднія затеречныя села... Спасайте. Помогите крестьянамъ выбраться на нашу сторону... Обстановка продиктуетъ методъ дѣйствія. Но помните — употребляйте оружіе въ крайней нуждѣ, за исчерпаніемъ всѣхъ средствъ.. Пошлите людей получить изъ склада огнестрѣльные припасы, въ томъ числѣ вамъ отпустятъ нѣсколько десятковъ шрапнелей, гранатъ нѣтъ... Вашъ атаманъ въ дополненіе телеграфируетъ: "Посылали стариковъ на станцію Жаркую. Вымѣняли у солдатъ за бочку чихиря двѣ пушки"...

— Урядники и казаки артиллеристы имѣются?

— Такъ точно, — отвѣтилъ Лукинъ.

— Одновременно съ Вами отправляются другія сотни. Въ случаѣ необходимости объедините командованіе. Я съ резервомъ пока остаюсь здѣсь: туча, нависшая надъ Степной, еще не разсѣялась. Паровозъ и вагоны мною затребованы. Изъ Душнаго общали выслать ихъ немедленно. Господа офицеры — съ Богомъ...

Начальникъ отряда обнялъ Лукина, потомъ остальныхъ и вышелъ съ ними на крыльцо. Звѣзды ярко сіяли на безоблачномъ небѣ, указывая путь странствующей печальницѣ лунѣ.

Къ возвращенію Лукина Марковна приготовила обильный столъ.

— Мы тутъ поприбрались, — встрѣтила она есаула. — Слава Богу, все готово.

— Зачѣмъ Вы такъ беспокоитесь? Право мнѣ не до ѣды... — говорилъ квартирантъ.

— Пустое мелешь. Ыдешь — закусить долженъ. Перекрестись да выпей со мною. И молиться-то разучился на службѣ и бороду скоблишь... У брадобрейцевъ морды собачьи — голыя. Какъ же псомъ передъ Господомъ-то предстанешь? А табакомъ, зелиемъ бѣсовскимъ, некаца, не балуешься?

— Нѣтъ, пока не научился, — прислушиваясь къ шагамъ на улицѣ, отвѣчалъ есаулъ.

— Не торопись. Машину издалека слышать... Гляжу на тебя, словно внукъ мой, а Митька, пострѣленокъ, теперича стоитъ за тобою... Маленького его, паршивца, вынянчила, изъ рожка молочкомъ кормила. Аксинья моя — его родительница, отъ холеры померла, а отецъ въ полку убитъ на джигитовкѣ. Сама все наживала да съ мужнина добра глазъ не сводила, а Митька грозитъ, — отдамъ все твое, бабушка, бѣднымъ... Ты, говорю, самъ наживи да раздавай, а мое безъ тебя разсатарить съумѣю. Научили ихъ анафемы чужое проматывать! Пирогъ-то ѣшь, твой любимый, да ножку возьми. Курица — какъ баранъ. Богу, видимость, не молишься?

— Въ душѣ, бабушка.

— Въ душѣ? Какъ ты сказалъ?

— Въ церковь рѣдко хожу... Чаше про себя благодарю.

— Это что же? Будто меня, за курятинку? Дальше твоей комнаты молитва такая не поднимется, потому не свѣтлая душа, а лѣнь безкрылая ее родить...

Въ это время прервалъ бесѣду появившійся Петъ-ка... Марковна поднесла ему чайный стаканъ вина, въ другую руку водрузила кусокъ пирога и велѣла выйти.

— Я сумы возьму... Скоро поѣздъ придетъ, — протестовалъ парень.

— Пошелъ! Пошелъ!... приговаривала старушка, слѣдуя за нимъ до самой двери.

— Будешь, милый, ненарокомъ въ Степной, провѣдай бабушку Марковну, а помру, могилу навести... Покойники память любятъ...

— Непремѣнно заѣду. Еще бы, конечно, увижу. — сыпалъ общанія Лукинъ.

— Языкомъ зря не мели... Станешь молиться, за меня перекрестись лишокъ... а я воина Ивана молитвой ни здѣсь не забуду, ни тамъ... Ну тебѣ пора... Земля дрожитъ — антихристъ торопится... — молвила старушка.

Въ это время Лукинъ разслыхалъ гудокъ.

Марковна перекрестила есаула, посмотрѣла въ глаза пристально, потомъ трижды поцѣловала его. Что-то близкое, родное навѣки уходило отъ Лукина. Тоска стиснула его сердце... Онъ благоговѣнно приложился къ ея сухой, костлявой рукѣ.

VII

Передъ разсвѣтомъ поѣздъ остановился противъ мирно дремавшей станицы.

— Неужели ложная тревога? — думалъ Лукинъ, шагая по улицамъ, впереди сотни. Черезъ нѣсколько минутъ казаки радостно привѣтствовали два орудія, стоявшія на площади.

— Теперь повоюемъ! Черту рога собьемъ! — раздавались голоса, когда Лукинъ входилъ въ правленіе. Здѣсь, прислонивъ берданку къ денежному ящику, подъ бѣлой шубой на войлокѣ храпѣлъ дѣдушка Парфа... Сторожъ, подростокъ, храбро вторилъ ему изъ сосѣдней комнаты... Лукинъ уже собирался выйти, какъ, скрипя сапогами, появился дежурный по станицѣ.

— Оказывается, пока слава Богу! — обрадовался есаулъ встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ.

— Какой тамъ, Иванъ Петровичъ?!. Прошлой ночью что было?! Ужасъ! Упаси Боже!.. Затеречныя села, какъ не были! Жители сюда бѣжали, а часть направилась въ городъ Болотный...

Шепотъ зашекоталъ въ ушахъ Парфы. Онъ зашевелился. Однако, сообразивъ въ чемъ дѣло, перемѣнилъ бокъ и, по традиціи бобылей, охраняющихъ по найму за другихъ станичную кассу, заснулъ еще крѣпче. Казаки по одиночкѣ столпились вокругъ живого свидѣтеля

— Паромъ пришлось затопить. Опасно, какъ бы кунаки не прихватили подъ горячую руку. Въ нашей сторонѣ обошлось безъ убитыхъ, а что въ дальнихъ се-

лахъ — Господь вѣдаетъ... Гдѣ они, черти гололобые, днемъ накапливались, шутъ ихъ знаетъ. Никто изъ мужиковъ и нюхомъ не чуялъ; несли обычно караулы; на случай абрековъ заложили секреты... И вдругъ — на тебѣ — не шайка, — тьма тьмушая сразу съ трехъ сторонъ на каждую деревню, и давай вверхъ палить! Бѣжи, моль, — четвертая открыта... Да такую трескотню развели поганые, что тебѣ Шамилева война!.. Какъ услышали мы пальбу за Терекъ — въ колоколь! Глядь — оттуда гонцы!... Спасите! Помогите!.. Сердце русское закипѣло! — Всѣ кинулись выручать. Мотыль вскочила на кобылу племянницы Дуни да туда... — упоминаніе о Дунѣ хмѣлемъ обдало Лукина, точно онъ залпомъ осушилъ бокаль шампанскаго. Красавица вплотную подошла къ нему, заслоняя окружающихъ. — Старики, бабы, дѣти до единого на подводы, — продолжалъ урядникъ — къ переправѣ и на правую сторону... А тамъ-то гумна пылаютъ! Свѣтло, что твой день — всѣ кишать, какъ на ладони... Нашъ то бѣсъ въ юбкѣ, винтовку въ бедро — и въ самую кашу прется... Будь она неладная! — И смѣхъ и грѣхъ!.. Чеченецъ одинъ хватъ за поводъ изъ куста: — Давай ружье! — Я, говоритъ какъ дамъ, вверхъ ногами перекувыркнешься!.. Ну и нечистая сила... — Азіаты животы надорвали...

— До самого утра вывозили... Слава Богу, насколько насъ хватило, — помогли.

Лукинъ мысленно торопилъ докладчика, онъ жаждалъ услышать о Дунѣ хотя бы одно слово.

— Конечно, въ такой тамашѣ всего не захватишь! Страсть добра пропало!.. Хлѣба на корню что осталось! — Уму не постижимо! Когда они столько пахали, когда сѣяли? Орда-то грабить не грабить, а волками изъ терновъ выглядываютъ, зубами щелкаютъ, съ ружьями мечутся..., чтобы, значить, страха нагнать... Галдятъ! Кричатъ! За черкески удерживаютъ одинъ другого. Это въ дескать, хочеть стрѣлять по русскимъ, а тотъ не позволяетъ... Все, моль, заторопятся въ страхѣ, да что-нибудь забудутъ... Вотъ теперь мужички сидятъ по дворамъ на подводахъ, какъ цыгане. Гдѣ-то на землю опустятся? — изложилъ событія старый урядникъ.

— А городъ Хасавъ-юртъ какъ? спросилъ кто-то.

— Все до чиста разграбили. Дома всѣ сожгли, слыхать однѣ трубы торчатъ.

— А ихъ односельчане, солдаты фронтовики что же? поинтересовался Малогриценко.

— Солдаты? Сразу уши повѣсили и бомбы свои забыли и пулеметныя ленты и винтовки... Тише воды, ниже травы стали... А, вѣдь, роты двѣ могли бы выставить — это которымъ мы помогали... Дальнихъ не знаю.. Вы ихъ завтра увидите... Съ ними горя еще натерпимся... Уже нынче шумѣли: воевать за Терекъ!..

— Куда? Къ татарамъ? — вспыхнулъ Малогриценко: — послѣ драки кулаками не машутъ... — Было бѣ защищаться, а не задавать лататы! Тогда другое дѣло — всѣ сотни съ поѣзда прямо кинулись бы въ огонь. А теперь зачѣмъ? Вѣдь, снова тамъ не поселятся, — громко разсуждалъ рябой Федотъ.

Вѣсть о намѣреніяхъ солдатъ больно задѣла Лу-

кина. Онъ сразу увидѣлъ страшный водоворотъ, въ который хотятъ швырнуть его, какъ щепку...

VIII

— Бомъ! Бомъ! Бомъ! обрушился утромъ набатъ.

Площадь была на половину залита сѣрой массой шинелей. Около правленія группировались жидкіе кружки казаковъ.

— Воевать съ ордою! Нечего цѣловаться съ басурманами окаянными! — раздался выкрикъ изъ толпы при появленіи Лукина.

— Правильно, товарищъ! заревѣло, зволновалось море...

— Товарищи станичники, въ первую голову разгромимъ аулъ Чапъ - чапъ... Орудія у насъ для чего? Смотрѣть, обниматься съ ними?! Довольно якшаться съ азіатами! кричалъ высокій, рыжій подпрапорщикъ Тимошенко.

— Вѣрно! Правильно, товарищъ! орали глотки, закаленные на митингахъ...

Казаки съ недоумѣніемъ посматривали на гостей.

— Какими же силами вы располагаете? обратился Лукинъ.

— Солдатовъ фронтовиковъ за глаза хватить... Если станичники предадутъ — эшелоны сюда свернемъ... — отвѣтилъ, подбоченясь Тимошенко.

— Но почему вы своевременно не защищали родныя села? не терялъ твердости Лукинъ.

— Смотрите на него, православные! Смотрите, мои милые! Насъ продалъ и станицу вашу сдать! Вотъ вамъ крестъ!.. Пулеметы, пушки зачѣмъ намъ? Богу на нихъ молиться?! Молебны служить?! завопила рябая солдатка, съ звѣрской ненавистью глянувъ на Лукина.

— Правильно, Власьева! На насъ заработалъ и на своей станицѣ карманъ нагрѣтъ!!

— Развѣ мыслимо двумя полевыми орудіями смести аулы, располагая при этомъ весьма ограниченнымъ числомъ шрапнелей и не имѣя ни одной гранаты?! боролся за руль Лукинъ.

— Гранаты татарамъ сдать, а намъ тыквами стрѣлять?! Смотрите, смотрите, родные, какъ онъ деньги получилъ, — разрывалась Власьева.

— Чего ты ревешь, дура?! Пропалъ! Кому ты, рябая, нужна?! возмутился дядя Мосей.

Толпа захохотала.

— Положимъ, пушки мы перевеземъ черезъ Терекъ, разгонимъ аулъ Чапъ-Чапъ, отомстимъ за ваше село. А дальше? чеканилъ твердо Лукинъ Въ тотъ же день налетятъ со всѣхъ сторонъ кумыки, чеченцы, татары... Намъ придется уходить... Орудія, конечно, бросимъ, а сами подъ выстрѣлами нырять въ Терекъ. Все равно, вывезти оттуда ничего не удастся.. Если теперь ушли безъ потерь, повѣрьте, вернушіеся многихъ не досчитаются... За этотъ безразсудный набѣгъ вдовы и сироты, конечно, больше всего будутъ клясть меня. Жалко васъ. Станица посильную помощь окажетъ, но не тяните насъ на вѣрную гибель. Подумайте и взвѣсьте,

а я позанимаюсь. Вахмистръ, стройте! приказаль онъ Терцову.

Разбившись по группамъ, толпа занялась обсужденіемъ создавагося положенія.

— И чего ты, тетка, Аниська, кричишь: Воевать! Артиллерія?! Чего ты понимаешь? Котъ наплакалъ снарядовъ. Цѣли въ чертяхъ на куличкахъ — возмущался бравый урядникъ артиллеристъ, только что пріѣхавшій въ отпускъ.

— Съ колокольни вся Чечня, какъ на ладони, — огрызнулась баба.

— Врешь! одну арбу увидала и кричишь: вся Чечня! оборваль казакъ.

— Вотъ увидите, родимые, продасть насъ, продасть ардѣ гололобой, — заголосила громко красивая, полная, хозяйка постоялаго двора — Меланья.

— Сама безъ него азіатамъ продаешься! вихремъ ворвалась въ кружокъ тетка Настя: Днюютъ и ночуютъ у тебя басурманы, чертова зубоскалка. Выбрали командира, завязали челоуѣку голову, а теперь сами хотите имъ командовать?! Нашъ Иванъ Петровичъ не таковскій! На тебѣ, чтобъ ты имъ командовала! выкрикнула тетка Настя и, ткнувъ въ носъ Меланьи острый, негодующій шишъ, она помчалась къ другому кружку.

— Покорно прошу всѣхъ разойтись по домамъ! — обратился Лукинъ, поздоровавшись съ выстроенной сотней.

— Нашихъ бьютъ, а онъ по домамъ расходись! взвизгнула на всю площадь Меланья.

— Съ тобою, Малашка, войну зачнемъ. Я стрѣлять, а ты патроны таскать будешь въ коврики! перекричала ее Мотья, хохоча въ глаза: — Чего ротъ расклебяни-ла?! Намазлычекъ-то Лаврушкинъ съоткелева у тебя взялся? Думаешь, еще принесетъ?! Мы за христіанскую отмстить хотимъ, а ты заработать чего-нибудь?..

Въ этотъ мигъ раздалась команда Лукина.

Фронтъ вздрогнулъ и замеръ.

Черезъ мгновенье началась маршировка... Лукинъ лихо козырнулъ взводомъ.

И вдругъ взвилась удалая пѣсня... Мотья полкнула Малашку въ бокъ.

— Видѣла — кивнула бабенка на стройную колонну...

Чувствовалось желаніе почти каждаго солдата, сомкнувъ ряды, блеснуть гранеными штыками, показать силу и мощъ русской пѣхоты, заморозить станицу своей лихостью, но митинговый чадъ еще не улетучился изъ головъ. Солдаты пошли по квартирамъ, раскаляя злобу на Лукина, понося станичниковъ, отказывающихъ въ поддержкѣ.

Смеркалось.

Со двора донесся скрипъ растворяемыхъ воротъ, — это Аипъ пригналъ изъ сѣнника рогатый скотъ. Слѣдомъ хромала израненная волками кобылица. За ними, погоняя хворостиной быковъ, на повозкѣ въѣхалъ маленький, толстый мурза.

— Айчъ не хабаръ? (Что новаго?) крикнулъ съ крыльца Лукинъ.

— Чекъ якиш! (Отлично!) Всѣ стога съ Волчьей долины перевезли на зимовки, распрягая, весело отозвался ногаецъ.

Въ это время вниманіе всѣхъ привлекло легкое громыханіе тачанки. Песъ съ громкимъ лаемъ бросился навстрѣчу.

— Мухтаръ, назадъ! Мама, князь пріѣхалъ! крикнулъ Лукинъ, сбѣгая къ гостю... Высокій, рябой кумыкскій князь Асултанъ Чахчиевъ приближался къ Лукину.

— Вой сенда, менда бійбуса,

— Вой атларъ печень кимъ сама?

— (Ты князь — я князь,

— А кто конямъ сѣно дастъ?)

пропѣлъ въ полголоса есаулъ, пожимая его руку. Съузивъ миндалины глазъ, гость указаль на своего кучера. вмѣстѣ съ Аипомъ распрягавшаго лошадей.

— Очень радъ тебя видѣть, князь. Что хорошаго? спросилъ Лукинъ въ столовой.

— Хорошее, Ваня, полу рѣжетъ да бѣжитъ отъ насъ безъ оглядки. Ай-эй-яй, что случилось!.. Аллахъ отвернулъ глаза отъ земли... Ыздилъ въ ногойщину, за арендовалъ для табуна участокъ, да замѣшался и какъ разъ угодилъ въ самое пекло. Завтра хочу забрать послѣднія крохи, распрощаться съ вашимъ кредитнымъ товариществомъ. Придется переправляться черезъ Терекъ на двухъ каюкахъ — тачанку на нихъ поставимъ.

— За этимъ дѣло не станетъ... Но долженъ тебѣ признаться, опасаюсь солдатъ... Сегодня ихъ напоръ казаки выдержали — за рѣчку не пошли. Но что надумаютъ они ночью? На всякій случай сажаю тебя подъ домашній арестъ. Со двора — ни шага!

— Ваня, ради Бога, сейчасъ наймемъ каючниковъ, иначе васъ подведутъ...

— Ни за что!... Оставайся, у меня ободнюешь. Все равно, уже всѣ знаютъ о твоёмъ пріѣздѣ... Приготовленія къ поспѣшному отъѣзду возбуждаютъ у всѣхъ излишнюю подозрительность... Малѣйшая оплошность — въ ключья разорвутъ... Бѣжать — Боже упаси. Сегодня подрядимъ каючниковъ, а деньги я получу по твоей довѣренности. Самъ привезу или пошлю съ какимъ ногойцемъ, это самое надежное.

— Сабуль. — Я въ твоёмъ домѣ, въ твоей волѣ, Ваня, — согласился князь.

— Это все твое, — широкимъ жестомъ указаль хозяинъ на свое имущество... Гость слегка поклонился.

Стояла глухая полночь, когда къ Лукину пришли рыбалки.

— Какъ челоуѣку не помочь? согласился Дронъ. выслушавъ есаула.

— Только опасновато на счетъ солдатъ.. Вынюхаютъ, да на штыки... Дѣло имъ привычное, — высказаль опасенія Трофимъ.

— А мы постараемся ихъ провести: у Верхнягс

слаза устроимъ днемъ демонстрацію, а внизу ночью вы переправите... Идетъ?

— Тамъ, значитъ, близиръ, а здѣсь самое дѣло... Кто надувать возьмется? заинтересовался Дронъ.

— Малогриценку возьмите да кашевара Акима. Они такую антимоію разведутъ, что мое почтеніе!.. Всѣхъ сѣроштановъ приворожатъ къ своимъ каюкамъ. Были когда-то солдаты, а теперь бурьянъ, въ которомъ только черти хоронятся, — проговорилъ съ горечью Трофимъ...

— Ну, спокойной ночи! Не сумлѣвайтесь. Кунака доставимъ за первый сортъ... Только бы эти антихристы не подвернулись, — согласился Дронъ.

— На всякій случай я приду съ нѣсколькими казаками... Очень благодаренъ... Спокойной ночи, — попрощался Лукинъ съ перевозчиками за калиткой и рѣшилъ заглянуть въ работническую, откуда слышался чрезвычайно оживленный разговоръ... Подойдя, онъ осторожно глянулъ въ окошко. На нарахъ, ярко освѣщенные пылающей печкой, сидѣли кружкомъ по кавказски Аипъ, Мурза и татарченокъ, кучеръ князя... Ихъ лица блестѣли, какъ начищенные мѣдныя тарелки. Въ глазахъ сіяли веселые огоньки. Они громко смѣялись, хлебали калмыцкій чай, ѣли жареную баранину... Боязнъ нарушить воцарившееся благодушное настроеніе задержало Лукина снаружи въ тѣни.

— Чеченцы быковъ украли у кумыковъ — это старая пѣсня. — Имъ навѣрное Богъ велитъ воровать... А новаго что въ Даутъ-юртѣ? спросилъ Аипъ, наливая изъ котла по второй чашкѣ.

— Дѣла наши Аллахъ не разберетъ. Мулла говорить, скоро свѣту конецъ — отвѣтилъ татарченокъ, мокрая въ чай кусокъ хлѣба.

— А мельница ваша княгинѣ на шаровары зарабатываетъ? задалъ пикантный вопросъ Мурза.

— Слава Аллаху, на все хватаетъ: сразу въ два кармана хозяину сыпуть. Навѣрно, теперь остановилась Машинистъ боится, давно собирался уходить къ своимъ мужикамъ.

— Деньги у васъ всякія принимаютъ? — коснулся финансовой проблемы Аипъ.

— Микалай ахча всѣ въ сундуки откладываютъ, а керинъ-меринъ ходитъ по рукамъ, — поставилъ точный діагнозъ татарченокъ.

— Вашъ какъ? — съ своей стороны обнаружилъ гость вѣжливую любезность...

— Нашъ — самая первая голова въ станицѣ. Видалъ, какой у него сѣрый жеребецъ? Клянусь кораномъ, быстрѣ оленя!.. — Послѣ короткой паузы Аипъ добавилъ: — Къ Пасхѣ намъ съ Мурзою обѣщаль въ пешкешъ: новые штаны и бешметы, — при этомъ ногоаецъ, съ чувствомъ собственного достоинства, важно пустил кольцо дыма.

— Э-эхъ! потянулся татарченокъ... Отпустивъ узкій ремень, онъ почесалъ животъ подъ толстымъ ватынымъ бешметомъ.

— Аллахъ белюръ! Аллахъ белюръ! (Богъ знаетъ!) — изрекъ Аипъ. Затѣмъ онъ поднялся, помылъ чашки холодной водой и выплеснулъ за дверь. Мурза

выбросилъ собакѣ остатки хлѣба, кости, заваливающуюся на полкѣ тарань. Сполоснувъ рты, они натянули на уши папахи, вытянулись и тотчасъ захрапѣли.

Лукинъ отправился налаживать демонстрацію. Первоначально зашелъ онъ къ Малогриценко. Казакъ этотъ, питавшій большую пріязнь къ есаулу, охотно согласился и они вмѣстѣ зашагали къ Акиму. Здѣсь заговорщики изъ предосторожности вышли въ холодную комнату.

— Это пустяки! Вокругъ пальца обведемъ! Для заманки даже арбу хвороста нарубимъ, — заговорили казаки, усвоивъ свою задачу.

— Ну прощевайте, — заторопился Малогриценко домой. Лукинъ, самъ не зная, зачѣмъ, вошелъ съ хозяиномъ въ жилую комнату... и чуть не вскрикнуть отъ радости: въ углу подъ образами сидѣла Дуня. Густой румянецъ залилъ ея красивое, нѣжное лицо... Глаза красавицы вспыхнули.

— Шерсть изъ тюфяка принесла трепать, — отвѣтила за Дуню мать кашевара. Та, молча, глянула на есаула.

— Спаси Христосъ! Спокойной ночи, — пошептавшись со старухой, поднялась Дуня. Лукинъ вышелъ за нею. За калиткой онъ плотно взялъ ее подъ руку.

— Увижу, — бросила Дуня, озираясь, но въ этотъ мигъ Лукинъ впился въ ея губы. Дуня прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ. Ярко блестѣли ея страшно расширенные зрачки, щеки жегъ румянецъ, тяжело вздымающаяся высокая грудь знобила всего Лукина. Но въ слѣдующую секунду, она рѣзко оттолкнула его..

Х

Лукинъ проснулся отъ легкаго толчка.

— Скорѣй вставай, дѣточка! Посмотри, какое творится на площади! — тревожно говорила Надежда Петровна.

— А? Что такое?

— Не приведи Господи! Вахмистръ прибѣгалъ. Прислалъ къ намъ ночной обходъ. Сидятъ всѣ на заднемъ дворѣ. Самъ побѣждалъ собирать сотню въ станичномъ садикѣ.

— Опять солдаты?! вскочилъ Лукинъ.

— Кричатъ на всю станицу: убить тебя съ княземъ, пушки отнять да на ту сторону. Схоронились бы въ сѣнникѣ. Бѣги дѣтка.

— Что ты?! сверкнулъ глазами Лукинъ. Даромъ не дамся! Пока живъ, домъ грабить не позволю!

— Толпа какая на площади!.. Все прибываютъ! Пресвятая Богородица спаси и сохрани, — крестилась старушка.

— Бей бѣлопогонниковъ! За Терекъ! Бей орду! доносился ревъ.

— Ваня! Ваня, это изъ-за меня — я выйду! — метался по комнатѣ князь.

— На карабинъ, въ подвалъ, оттуда ни куда! Въ клочки разорвутъ!

— Ваня, ради Бога, лучше я одинъ погибну.

— Асултанъ, клянусь могилой брата — за одинъ шагъ туда — на мѣстѣ уложу! — внушительно потрясъ онъ бомбой.

Сутулясь, князь тяжело опустился на стулъ и заплакалъ...

— Пусть сунутся, — дорого заплатятъ за наши головы. Во вѣки не забудутъ, — проговорилъ Лукинъ, выскакивая изъ дома.

— На веревку обоихъ! Смерть врагамъ народа! ревла площадь.

— Растерзать ихъ, товарищи! визжала Власьева.

Лукинъ въ это время отчаянно готовился къ энергичной защитѣ. Пять казаковъ, ногайцы и татарченокъ исполняли его приказанія съ такой быстротой и ловкостью, словно вокругъ есаульскаго дома лихорадочно работала, по крайней мѣрѣ, полусотня. Стучали топоры хрястѣли доски, мелькали лопаты, громыхали экипажи...

— По мѣстамъ! — командовала Лукинъ, приведя дворъ въ оборонительное состояніе. Всѣ мгновенно исчезли въ укрѣпленные пункты.

— Стрѣлять по моему свистку! Понятно! раздался голосъ есаула изъ-за огромнаго сухого бруствера акашии.

— Такъ точно! отвѣтили сверху изъ слухового окна.

— И ни въ какомъ случаѣ не раньше, чѣмъ кинутся во дворъ. Понятно?

— Такъ точно! — высунулись двое изъ ямы.

— Якши! Якши! — зашумѣлъ Аипъ въ подвалѣ.

— Асултанъ! Всѣ пилюли забралъ? — обратился есауль къ рядомъ лежавшему князю.

— Всѣ. Хватить. Чертъ его дери, стыдно, не стыдно, эту бабу я ухлопаю, — отвѣтилъ гость, поглаживая рукою два цинковыхъ ящика патронъ.

— Мама, ради Бога, не высовывайся!

— Нѣтъ, мы бабушку не пустимъ! — отозвался Аипъ.

Неистовство толпы, между тѣмъ, разрасталось, превращая ее въ кровожаднаго звѣря.

— Ахъ, кровопивецъ проклятый! Уже и денежки ему привезли! раздиралась Власьева.

Отсутствіе станичниковъ и заколоченныя всюду наглухо ставни повергали нѣкоторыхъ въ недоумѣніе. Однако, разсуждать было некогда.

— Товарищи, кто за народное право, прошу подняться...

Не успѣлъ предложить подпрапорщикъ, какъ лѣсъ рукъ выросъ надъ головами.

— Кто противъ? Никого? озирался онъ по сторонамъ.

— Мы показали имъ народное право на фронтѣ, и дома покажемъ, — оглушала всѣхъ Тимошенко.

— Правильно, товарищъ, покажемъ дома! Ура! Ура! загуло вокругъ.

— Товарищи! Бей буржуя! крикнулъ коноводъ.

— Ура! Ура! вспыхнула толпа жаждой грабежа и понеслась черезъ площадь къ особняку Лукина.

— Изъ пушекъ палите, товарищи! Нечего руки мартать! вопила изъ середины Власьева.

— Ура! Смерть нашимъ предателямъ! Заклокотало около воротъ.

— Ахъ, проклятые! Уже на заборѣ! взвизгнула Власьева, сунувшись въ калитку.

— Лѣзь черезъ ограду! За ноги буржуевъ! Ура! подхлестывала жока.

— На штыки! въ петлю! толкали снизу. Съ визгомъ, крикомъ надъ заборомъ вынырнула сплошная линия головъ. Но вдругъ всѣ сразу онѣмѣли.

— Ахъ, подлецъ, какъ онъ народъ встрѣчаетъ! взвизгнула, точно уязвленная, Власьева. Въ ней клокотало бѣшенство. Она задыхалась отъ злобы, тщетно выискивая глазами Лукина, осмѣливагося на такой дерзкій пріемъ. Весь дворъ былъ забаррикадированъ. Арбы, повозки, фургоны, тачанка, линейка, дроги, коляска, жатка, косилка, грабли... — все было опрокинуто, перевернуто вверхъ колесами, нагромождено другъ на друга, перепутано веревками. Каждый клочекъ земли превратился въ страшный капканъ.

— А! Ты вотъ какъ! Бабы, дѣти, въ сторону! Тридцать шаговъ назадъ! Стройся! — хрипѣлъ отъ злобы Тимошенко.

— Пушки, пушки забыли! заропила Власьева. Всѣ оглянулись. Но орудія еще ночью, по распоряженію Лукина, были закачены на общественный дворъ. Въ пылу никто на это не обратилъ вниманія. Теперь же человѣкъ двадцать солдатъ ринулись къ станичному правленію, ворота и калитка котораго оказались наглухо запертыми.

— Отворить! посыпались кулаки въ заборъ. Солдаты глянули въ щели. Между орудіями, съ винтовкой въ рукахъ, стоялъ часовой.

— Отворяй! Ворота сорвемъ! закричали съ площади. Въ этотъ моментъ изъ флигелька выскочилъ карауль и зашелкалъ затворами, заряжая ружья.

— Стрѣлять будемъ! Не велѣно пущать! Стрѣлять будемъ! — рѣшительно заявилъ караульный начальникъ.

— Товарищи! Вѣдь, это буржуя громить! попятились солдаты.

— Не велѣно разговаривать! отрѣзалъ урядникъ.

— Чертъ съ нимъ. И такъ справимся, — махнулъ рукою солдатъ, и всѣ помчались обратно.

— Обѣжить, ребята, кругомъ кварталувъ. Предупредите, чтобы изъ домовъ вышли, кабы изъ пролетаріевъ кого не подбили за одно съ буржуями. Живо! Пусть сюда собираются, на праздникъ народный! распорядился подпрапорщикъ, выслушавъ сообщеніе о пушкахъ.

— Правильно! Ура! Праздникъ народный! застонало вокругъ. Зашелкали затворами винтовокъ.

— Выходить изъ домовъ, станичники, выходить! Кровопивца вашего порѣшаемъ! раздался по всей станицѣ голоса.

— Такъ его! Мы Лукина хотѣли прикончить еще въ полку! расхаживала среди солдатъ откуда-то появившійся Лаврушка.

— А-я-я!.. Матушки родныя, что же творится? Ва-

нюшка, родненькій... — заголосила тетка Настя, броса-
ясь къ подпрапорщику.

— Ты это, проклятая буржуйка, на одну веревку
захотѣла? виѣпилась въ нее Власьева.

— Товарищи! Что вы дѣлаете? Я самъ фронтовикъ!
Изступленно кричалъ, пріѣхавшій въ Привѣтную новый
староста хутора Степанова Федоръ Опаренко. Онъ то
ропился сюда съ цѣлью пріютить у себя на время нѣ-
сколько семействъ пострадавшихъ.

— Цицъ! Офицерскій халуй! Не то — вмѣстѣ бу-
дешь на веревкѣ болтаться! пригрозилъ Тимошенко.

— А, такъ? Ну, посмотримъ! — крикнулъ Опарен-
ко, и не успѣли опомниться, какъ онъ, поднявъ винтов-
ку, перескочилъ черезъ заборъ и канулъ во дворъ Лу-
кина.

— Кругомъ доложили. Всѣ повышли — докладыва-
ли коноводу посланные.

— Теперь можно разстрѣливать безъ опаски, —
вполголоса рѣшилъ тотъ.

— Роты, стройсь! покрыла шумъ голосовъ его ко-
манда.

— Ура! Ура! Ура! грянула толпа.

— Тише! гаркнулъ подпрапорщикъ. — На два ша-
га разомкнись! Рота... ("пли!") хотѣлъ крикнуть Тимо-
шенко, но въ этотъ мигъ его словно кто-то потянулъ на-
задъ... Онъ глянулъ... И замеръ съ вытаращенными гла-
зами. Слово "пли" костью стало поперекъ горла. Ба-
бы, дѣти повернулись вслѣдъ за нимъ... И вдругъ кину-
лись вразсыпную. Въ тылу солдатъ, сверкая винтовками,
лежала цѣлая сотня казаковъ. Пулеметчики продернули
ленты и, въ ожиданіи команды, повернули головы въ
сторону вахмистра.

— Товарищи! Что же это такое? Изъ-за буржуа
народъ — на народъ?! Пролетарій на пролетарій?! —
спохватился Тимошенко.

— У насъ, товарищи - солдаты, нѣтъ ни буржуевъ,
ни пролетаріевъ, — на всю площадь отчеканить вах-
мистръ. — Мы всѣ казаки! Хочешь богатѣть, богатѣй,
никто не мѣшаетъ. Не хочешь — ходи босякомъ, твое
дѣло, но мнѣ поперекъ дороги не становись. Станица
оказала вамъ посильную помощь. Выгонъ бы дали, лѣсъ
отвели... Сжались бы еще... А вы что дѣлаете? За что
кинулись убивать человѣка? Вашу кровь онъ пилъ?

— Вы что же? Хозяиничать хотите въ нашихъ до-
махъ? Пусть отцы ваши, матери, жены, дѣти живутъ у
насъ. Пальцемъ никто не тронетъ! А вы — вонъ изъ
станицы! Чтобъ духу вашего здѣсь не было! Съ фронта
разбѣжались, за родныя села ни одной капли крови не
пролили, а у насъ порядки заводите?! Клади винтовки
и маршъ отсюда, иначе всѣхъ прикончимъ! Мы уже да-
ли знать въ сосѣднія станицы... Съ минуты на минуту
ожидаемъ ихъ конныя сотни... Никого васъ не тронемъ,
но... шевельните только пальцемъ....

— Товарищи станичники! Что же это такое? А
гдѣ же завоеванія революціи? растерялся Тимошенко.

— А гдѣ же Россія?! За что три года мы пролива-
ли кровь? Неужели за то, чтобы вы безнаказанно раз-
стрѣливали своихъ, а потомъ и нашихъ офицеровъ? на-
носили удары Терцовъ.

— Эхъ, товарищи, товарищи! — почесалъ заты-
локъ подпрапорщикъ, вручая вахмистру свою винтов-
ку. За нимъ всѣ остальные сдали казакамъ оружіе.

— Староста! Староста! — прошелъ ропотъ по
всѣмъ взводамъ.

Впереди небольшой группы пожилыхъ крестьянъ,
опираясь на костыль, шелъ въ поддевкѣ высокій сѣдой
старикъ. Голова его была низко опущена. Глаза изрѣд-
ка окидывали казачій фронтъ, потомъ снова погружа-
лись въ глубины подъ густыми бровями. Наступила жут-
кая тишина.

— Спаси васъ Христось, православные, что по-
могли выбраться изъ ада да обогрѣли насъ. Мы и сами
думали, какъ бы подальше отъ зла, отъ Терека. За Бо-
лотнымъ, слышать, подходящіе помѣщичьи участки;
вотъ мы туда и того... Подальше отъ соблазна. Нехай
поганцы все лопаютъ! Спаси васъ, Господь, православ-
ные, — закончилъ староста и, перекрестившись на цер-
ковь, надѣлъ шапку.

Не успѣла станица притти въ себя, какъ безконеч-
ной вереницей потянулись бѣженскіе фургоны, нагро-
можденные мѣшками зерна, кадками, клѣтками съ домаш-
ней птицей. Коровы, свиньи, лошади, овцы слѣдовали
за транспортомъ. Невыносимо тяжело было Лукину
смотрѣть вслѣдъ обездоленнымъ. Хотѣлось горько оп-
лакивать эти русскіе національные корни, такъ безжа-
лостно вырванные и выброшенные на вѣтеръ. Остроту
боли усиливало сознаніе, что эти несчастные страдалъ-
цы однимъ изъ главныхъ обидчиковъ считаютъ его —
Лукина. "Богъ знаетъ, можетъ быть, тѣ именно клянутъ
меня, которые сложили бы свои буйныя головы за Те-
рекомъ", — шепталъ онъ въ раздумьи...

**

Въ этотъ вечеръ Дуня отдалась Лукину. Стоило
смерти замахнуться на него косою, какъ едва зародив-
шаяся любовь Дуни сразу превратилась въ жгучее чув-
ство. Обливаясь слезами, точно ужаленная, заметалась
она по комнатѣ. Не приди въ это время Мотыка, Дуня,
рискуя жизнью, пробралась бы къ Лукину. Но Мотыка
значительно успокоила подругу сообщеніемъ о сбо-
рѣ сотни. Кромѣ того, она поклялась передъ иконою
лично проводить Дуню къ осажденнымъ, если разразитъ
гроза. Затѣмъ Мотыка поручила своей матери смо-
трѣть за нею и убѣжала.

Было совершенно темно, когда Дуня съ Мотыкой
подошла къ дому Лукина. Нѣсколько минутъ онъ по-
стояли въ нерѣшительности, не зная, итти обѣимъ или
вызвать его одной. Не будь матери Лукина, вопросъ
этотъ разрѣшился бы весьма просто, но теперь выду-
мать предлогъ для своего появленія было дѣломъ дале-
ко не легкимъ.

— Ты иди! Ты! Скорѣй же! торопила Мотыку Ду-
ня, охваченная страстью, распаленная тревогой страш-
наго дня.

— Чего жъ придумаю Надеждѣ Петровнѣ? — мя-
лась та на мѣстѣ. — А, къ черту! Скажу, пришла бом-
бу попросить! — рѣшила, наконецъ, бабенка и суну-
лась въ калитку. Тотчасъ на всю станицу залаялъ Мух-
тартъ.

— Иди! Чего испугалась? Бабу не кусает! Иди! — горела в огне Дуня.

Мотыка попробовала отворить, но дверь была на запор.

— Кто там? вдруг раздался из темноты знакомый голос. Это Лукин возвращался со скотного двора, куда он обычно заглядывал перед сном.

— Иван Петрович! Это я — Дуня, — прошептала красавица, прильнув к забору.

Мотыка мгновенно исчезла.

— Дуня! тихо вскрикнул Лукин. Кровь ударила ему в голову. Он быстро повернул ключ, отодвинул прясло и выскочил. Дуня бросилась к нему, обвила шею руками и жадно прильнула к губам. Лукин чувствовал ее упругую грудь, бедра; пылающее тело жгло его. Несколько минут они стояли молча, все теснее прижимаясь друг к другу, все жарче целуясь.

— Однусь... Сейчас... — наконец, проговорил Лукин. Оторвавшись от красавицы, он скрылся во двор.

Вернулся, крепко обняв ее, поцеловал и повел в сени.

— А муж где? — спросил он тихо.

— На Терек, в секрет, — прошептала Дуня, опускаясь на бурку.

На следующий день князь благополучно переправился через Терек.

С уходом солдат тишина вернулась в любимые закоулки.

Медленно тащился согбенный старец — Великий пост; однако, светлый лик приближающейся Пасхи уже яркими лучами озарял сердца казаков. Только далекие раскаты боевой героической Добровольческой армии изредка заставляли прислушиваться, затаив дыхание. На Терек еще не гремело, но присмотревшись пристально вдаль, зоркий глаз определял, против кого накапливаются злобные черные тучи.

— Бог не без милости, казак не без счастья! — подбадривали себя одни.

— Генерал Корнилов скоро придет! — успокаивали другие, приступая к мирному труду.

Жизнь входила в обычную колею.

Но в книге судеб страница, отведенная восемнадцатому году, еще не была дописана.

(Продолжение следует)

П. Ергушев

СКУЛЬПТУРА

Л. Я. Мурадов

НЕГРЪ

СУСАННА



НОВЫЯ КНИГИ



Н. А. Бородинъ

Н. А. БОРОДИНЪ. "Идеалы и дѣйствительность. --- Сорокъ лѣтъ жизни и работы рядового русскаго интеллигента."

Воспоминанія Н. А. Бородина охватываютъ періодъ съ 1879 по 1919 г.

Обрисовавъ С.-Петербургскій университетъ передъ 1 марта 1881 г. и послѣ него, авторъ переноситъ читателя въ далекую провинцію, — область Уральскаго казачьяго войска, — отмѣчаетъ волненія 1837 и 1874 годовъ и рассказываетъ о массовой ссылкѣ казаковъ съ семьями въ административномъ порядкѣ на поселеніе въ пустынные части Сыръ-Дарьинской и Аму-Дарьинской областей Туркестанскаго края.

Ярко описанъ Уральскъ того времени и подробно очерчена работа казачьей интеллигенціи.

Отдѣльныя главы посвящены заграничной командировкѣ автора, какъ специалиста по рыбоводству, и подробно описано примѣненіе полученныхъ знаній на практикѣ въ Уральскѣ.

Послѣдующая дѣятельность автора въ Петербургѣ, его общественная и политическая работа, терніи на этомъ пути, дѣятельность въ Государственной Думѣ,

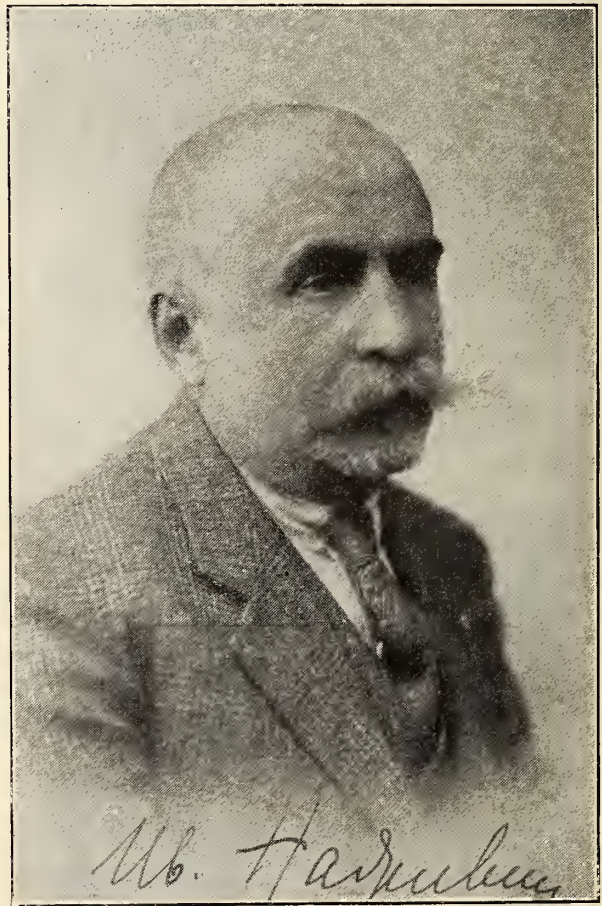
участіе въ миссіи отъ Вр. Правительства въ Америкѣ и позже въ центрѣ антикоммунистической организаціи въ Москвѣ — составляютъ содержаніе слѣдующихъ главъ

Послѣднія страницы посвящены описанію работы въ Сибири, при Директоріи и адмиралѣ А. В. Колчакѣ.

Уполномоченный Войсковымъ Съѣздомъ депутатовъ, Н. А. Бородинъ былъ представителемъ Уральского казачьяго войска при Омскомъ правительствѣ.

Начиная воспоминанія, авторъ пишетъ: "когда, волею судебъ, вы лишены возможности работать въ обычныхъ условіяхъ на пользу родины, и въ современной ея жизни видите гибель всего, ради чего вы жили и работали, — является желаніе воскресить въ памяти все существенное въ вашей жизни, представляющее нѣкоторый общественный интересъ и характеризующее пройденную эпоху".

Е. К.



И. Ф. Наживинъ

Въ ближайшемъ будущемъ выходитъ изъ печати новый романъ И. Ф. Наживина: "Во дни Пушкина".

Книга 1-ая заканчивается печатаніемъ и появится въ продажѣ въ концѣ сентября.

Библиотека журнала „РОССІЯ”

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПОЧТѢ,

БЕЗЪ СПЕЦІАЛЬНАГО ЗАЛОГА,

НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ.

Желая дать возможность нашимъ читателямъ, — въ особенности тѣмъ, кто живетъ вдали отъ культурныхъ центровъ, — ознакомиться съ новинками книжного рынка, журналъ „Россія” организовалъ библиотеку.

Каталогъ библиотеки составляется изъ книгъ, на которыя поступаютъ заявленія подписчиковъ.

Каждый подписчикъ на нашъ журналъ, внесшій не менѣе 30 франковъ подписной платы освобождается отъ залога.

Книги высылаются по почтѢ.

Плата за пользованіе книгами устанавливается по 7 фр. 50 сент. въ мѣсяцъ.

Эта плата, равно, какъ и сумма (по усмотрѣнію абонента) на почтовые марки вносятся впередъ.

Порядокъ пользованія книгами:

Подписчикъ библиотеки указываетъ три названія книгъ по отдѣлу беллетристики, изъ числа изданныхъ за-рубежомъ и имѣющихся на книжномъ рынкѣ, и по почтѢ получаетъ одну изъ указанныхъ книгъ на срокъ не болѣе 15 дней.

Почтовые расходы (по Франціи они незначительны) относятся на счетъ абонента.

Плату по библиотекѣ можно высылать марками.

Книги научнаго содержанія и учебники высылаются по особому соглашенію.

Письма по отдѣлу библиотеки просятъ адресовать: Mr. Konovaloff, 5, rue Belidor, Paris. 17.

Ребусъ

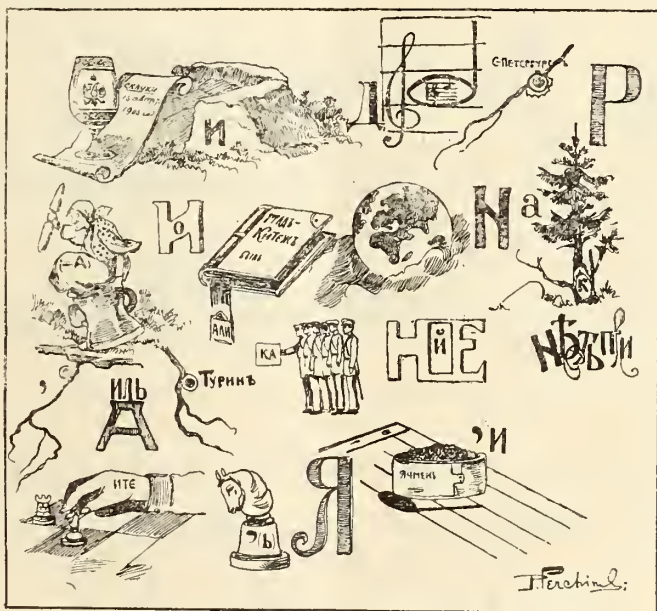
№ 3.

Составленъ

П. П. Першинымъ.

Предлагая вниманію читателей ребусъ № 3, просимъ рѣшающихъ принять во вниманіе общія правила написанія и чтенія ребусовъ :

Въ словѣ, которое читается не до конца, послѣдній слогъ или буква отсѣкается кавычкой ; двѣ кавычки отсѣкаютъ двѣ послѣд-



РѢШЕНІЕ РЕБУСА № 2.

Люди часто называютъ счастьемъ тѣ мимолетныя радости, которыя влекутъ за собою тяжкія невзгоды.

Правильныя рѣшенія прислали: ребуса — г. Куракинская, крестословицы — гр. Армфельдтъ и Зоя изъ „Амирани”.

нія буквы. Напримѣръ, „истинъ а” читается, какъ „истинъ”.

Въ правописаніи текста иногда „ѣ” замѣняется „е”, а „ъ” читается, какъ „ер”.

Славянскія буквы читаются по славянскому алфавиту, азъ, буки, вѣди, добро и т. д.

Рѣшеніе ребуса № 3 будетъ дано въ слѣдующемъ номерѣ. Фамиліи приславшихъ правильныя рѣшенія, съ ихъ согласія, будутъ напечатаны.



Дирижеръ струннаго оркестра
Г. Д. ЧЕРНОЯРОВЪ.

Для Рожинскаго

не нужно быть фотогеничнымъ. Онъ достигаетъ прекрасныхъ результатовъ, благодаря совершенному освѣщенію студіи и умѣнью придать изящность позѣ кліента.

г. Рожинскій приглашаетъ читателей журнала "Россія" пожаловать въ студию для бесплатнаго пробнаго снимка и надѣется, что, удовлетворенные работой, они будутъ любезны заказать, по умѣреннымъ цѣнамъ, послѣдующіе снимки.

Travaux de Plomberie, de Peinture et d'Électricité

NICOLAS

ПОСТРОЙКА ДОМОВЪ

Полный ремонтъ зданій. Проводка газа, электричества, водопровода (водяное и паровое отопленіе), полная покраска зданій внутри и снаружи. Столярныя и декоративныя работы.

Крупныя постройки подъ наблюдениемъ французскихъ архитекторовъ.

Лучшія референціи.

Адресъ для корреспонденціи:

Mr. NICOLAS

R. G. Seine 378,837

Métro: Duroc

10, Bd. du Monparnasse, Paris (15°)

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ
ЛУЧШИЙ
ПО КАЧЕСТВУ

Чай

ПОДЪ ФИРМОЮ
Торгово-Промышленного Товарищества
преемникъ

Алексѣя Губкина А. КУЗНЕЦОВЪ и Ко
ASIAT. TRAD. CORP. LTD., LONDON. Главный складъ во Франціи:
53, rue Jean-Jacques-Rousseau, Paris (1^{re}). Tél. Richelieu 91-63.

ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО КРЕДИТА «СОЮЗЪ» CREDIT MUTUEL «UNION»

12, rue Blanche, Paris (9). Tél. Trinité 45 77

ОТКРЫЛО СВОИ ДѢЙСТВІЯ

Пріемъ вкладовъ. Текущіе счета. Ссуды и учетъ векселей. Производство всѣхъ банковскихъ операций. Покупка и продажа на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ выигрышныхъ билетовъ CREDIT NATIONAL, VILLE DE PARIS и т. д.
Открыто ежедневно (кр. праздн.) отъ 10 до 4 ч. безъ перерыва

Ресторанъ „СИРЕНА“

9, RUE RENNEQUIN (M-ro: Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 6,50. завтраки, обѣды и A LA CARTE

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана
Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

РЕСТОРАНЪ „ЧАЙКА“

Paris XV. 2, Rue Laure Surville. Métro: Javel.

Цѣны умеренныя. — По четвергамъ пельмени.

Въ субботу и воскресенье блины. — Осетрина.

Веранда. Кухня изысканная, подъ наблюдениемъ шефа В. С. КАЛИНОВСКАГО.

Ресторанъ Брага

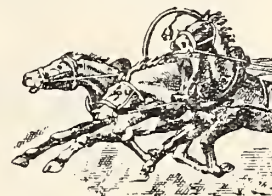
70, rue Sébastien - Mercier, M-ro Beaugrenelle

По субботамъ и воскресеньямъ большая артистическая программа, при участіи извѣстныхъ исполнителей цыганскихъ романсовъ ЕЛЕНЫ ИЛЬНИЧНОЙ НЕВСКОЙ и баритона В. д-АЛЬДЭ.

У рояля проф. Страховъ.

Цѣны прежнія.

Оптовое - Розничное. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ
28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13) M-o - Italie. Tél.: Gob 23-08



Рус. водка, запек., спотык., вишневка, рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ. Тарань Вобла. Хрѣнь Чай. Требуйте каталогъ. Отправка въ провинц. и загр.

Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, RUE BROCA, PARIS (5).

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умеренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону: Gobelins 24-24.

La Voix Magique

77, Rue de Rennes

Métro: St. Sulpice et Rennes

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ МАГАЗИНЪ

граммофоновъ

и

радіоаппаратовъ

На складѣ большой выборъ русскихъ пластинокъ: русскія оперы, Шаляпинъ, Смирновъ, Вергинскій, Морфесси, Вьяцева, Плевницкая, хоръ Скрябина, Платова, Жарова; хоръ Летучей Мыши, квартетъ Кедровыхъ. Всѣ иностранныя пластинки.

Граммалофоны и радіоаппараты всѣхъ марокъ.

Заказы въ провинцію выполняются по полученіи стоимости. Каталогъ по первому требованію бесплатно.

Посылки и деньги въ Россію

на исключительно выгодныхъ условіяхъ

A. GODOVANNIKOFF. 36, rue Dieulafoy. Tél. Gobelins 20-68. Métro: Tolbiac

ДЕНЬГИ ПЕРЕВОЖУ ОТЪ 30 Р. И ВЫШЕ ИЗЪ РАЗСЧЕТА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ЧЕРВОНЦА И СТОИМОСТЬ ПЕРЕВОДА МОЖЕТЪ БЫТЬ МНѢ УПЛАЧИВАЕМА ПО ПОЛУЧЕНІИ ВАМИ ПОДТВЕРЖДЕНІЯ ИЗЪ РОССІИ, ТАКЖЕ КАКЪ И СТОИМОСТЬ ПОСЫЛКИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПОЧТОВОЙ РАСПИСКИ ОБЪ ОТПРАВЛЕНІИ. Пріемъ ежедневно, не искл. праздниковъ.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ

Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,
Pharmacien de 1^{re} classe
63, Bd de Grenelle.
Tram. 25, Aut. AN, AQ.
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовление рецептовъ гг. русскихъ
врачей. Всѣ русскіе препараты. Патенто-
ванные средства Парфюмерія. Косме-
тика. Цѣны минимальныя. Исполненіе
заказовъ въ провизію и за границу, и
по телефону въ Парижѣ: Сегюръ 18-51
Tél : Ségur 18-51



АМБУЛАТОРІЯ
магистра ветеринар-
ныхъ наукъ и про-
фессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворна-
го ветеринар. врача.
Пріемъ больныхъ

отъ 2 ч. дня до 6.

20, rue Scheffer
Métro: Passy, Trocadéro, Pompe
Tél.: Passy 81-11.
СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ
ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

Аптека для русскихъ

**PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE**

N. FOUCHER

Pharmacien de 1^{re} classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AN,

Трамвай: 25, 26

Grenelle.

M-o Duplex, La Motte - Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по
русской фармакопей, русск провизор
Всѣ французскія и иностранныя патент.
средства Обш. складъ парфюмеріи и
патентованныхъ товаровъ
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ
Tél. Ségur 11-45.

П-О-Л-И-К-Л-И-Н-И-К-А

КОНСУЛЬТ. РУССК. КР. КР. ДОКТОРЪ Р. БАРАБО.

ВНУТР. ДѢТСК., КОЖН. еж. 9-12 и 3-7 ч. в.
ЖЕНСК. И АКУШЕРСТВО пон., четв. 7-8 ч.,
вторн., ср., пятн. 1-3, четв., суб. 10-12 и
и 3-5, вторн. 3-5 час.

ТУБЕРКУЛЕЗЪ, ПНЕВМОТОРАКСЪ,
час по согл.

Электротерапія, свѣтотерапія. Діатермія. Массажъ. Лабораторія медіц.
Посѣщеніе больн. на дому.

НЕРВ. И ДУШЕВН. пятн. 3-4 и ежедн. 4-7.
ВЕНЕР. СИФИЛИСЪ, МОЧЕПОЛОВ. УРЕ-
ТРОСКОПИЯ, ЦИСТОСКОПИЯ, ежедн.
12-3 и 5-9, воскр. 10-12 ч.
УХО, ГОРЛО, НОСЪ, ежедневно отъ 10-12
ч. дня и 6-8 ч. веч. Воскр. 10-12 ч.

При постоянномъ составѣ профессоровъ и врачей.

120, Boulevard de Grenelle, Paris,
Métro: Motte - Picquet
Tél. Inval. 31-48

ХИРУРГИЧ. ср. 7-8, суб. 7-8 и 10-12 ч.
ГЛАЗНЫЯ ежедн. 5-7; воскр. 10-12.
РЕНТГЕНОВСК. КАБИНЕТЪ: 4-7, ежедн.
КРАСНЫЯ, СИНІЯ И УЛЬТРА ФИОЛЕТ.
ЛУЧИ ежедн. отъ 9-12 и 3-7 час.
ЗУБН. БОЛ. ежедн. 10-12 и 3-7 ч. Техн. раб.
анализ. Accident de travail.
ПЛАТА ОБЩЕДОСТУПНАЯ.

Всякій можетъ

ОМОЛОДИТЬ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ И УМ-
СТВЕННО. СНОВА СТАТЬ ЗДОРОВЫМЪ,
СИЛЬНЫМЪ, ТРУДОСПОСОБНЫМЪ,
ЖИЗНЕРАДОСТНЫМЪ и ПРОДУКТИВ-
НО ДОЛГОЛѢТНЫМЪ, кто очиститъ свой
организмъ отъ ядовъ нарушеннаго обмѣ-
на веществъ (мочевина, мочевая кислота,
ураты и др.), или посредствомъ постоян-
ной фруктово-овощной діеты по методу
Физиса, или кратковременными курсами
по способу Броуна-Секара при помощи
энергетворнаго омолодителя и очистите-
ля КАЛЕФЛЮИДА Д. КАЛЕНИЧЕНКО,
безъ измѣненія своихъ привычекъ.

Калефлюидъ необходимъ всѣмъ осла-
бленнымъ болѣзнями, дурнымъ питані-
емъ или пищевареніемъ, переутомлен-
нымъ, подавленнымъ тяжкими воспоми-
наніями и пр

Цѣлебное свойство Калефлюида удо-
стоверено врачами на миллионѣхъ боль-
ныхъ за 28-лѣтнее существованіе лабо-
раторіи Д. Калениченко, какъ напримѣръ:
проф. ШЕКИНЪ, пишетъ: «У меня бы-
ли запоры по 4, 5 дней. Никакія меди-
цинскія средства мнѣ не помогали. Послѣ
Калефлюида мой желудокъ урегулировал-
ся и за три недѣли я помолодѣлъ на 20
лѣтъ. вѣсъ тѣла увеличился на 8 фунт.»

Д-ръ РИАРДЪ ГУСЕИНЪ, КАИРЪ: «Ка-
лефлюидъ, драгоцѣнный медикаментъ
для лѣченія артритическихъ болѣзней,
для восстановленія здоровья, нервовъ и

нормалы аго кровообращенія, нарушенна-
го мочевой кислотой»

БОЛЬНЫЕ ПИШУТЪ:

Г-жа М. БРАКЕ, Рошъ Тайе, Франція.
«Я болѣла 15 лѣтъ нервной болѣзью и
особенно во время менструаций, теряла
сознаніе, становилась почти сумасшед-
шей и полагала, что настала мой конецъ.
Я примѣняла всевозможныя лѣченія без-
результатно. Теперь я помолодѣла, ста-
ла неузнаваемой, окрѣпла, благодаря чу-
десному Калефлюиду».

ДРАГОЛЮБЪ СИМИЧЪ, Сопоть, Сер-
бія: «Два года я страдалъ въ больницахъ
на курортахъ, примѣнялъ много лѣ-
карствъ — все безрезультатно. Лѣченіе
Калефлюидомъ дало мнѣ полное облег-
ченіе»

Г-жа ЩИПОННИКОВА, Ліонъ, 7, ул.
Пьеръ Верже: «Я страдала головной
болью почти ежедневно. Послѣ 4 недѣль
лѣченія Калефлюидомъ мои боли почти
исчезли. Я приняла 2 съ полов. флакона
и сейчасъ совершенно не страдаю, моя
мигрень исчезла, какъ по волшебству».

А. ГРОЦКІЙ, 88, ул. де Брии, Муаверъ-
Грандъ (Мозелль). «Я былъ боленъ лѣ-
тними два года и харкалъ кровью. Послѣ
лѣченія чудеснымъ Калефлюидомъ, я
вновь сталъ сильнымъ, кровохарканіе
прекратилось и я работаю на шахтахъ къ
удивленію моихъ товарищей»

І. РЕЙДИХЪ, 7, ул. Кюръ, Ноей-ле-

Минъ (П. Д. Ц.): «18 лѣтъ я страдалъ
желудкомъ. Послѣ одной бутылки Кале-
флюида, боли прекратились и желудокъ
дѣйствуетъ нормально».

НИЗЕЛЬСКОВЪ, Госпиталь Божонъ,
Парижъ: «Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ
я принимаю Калефлюидъ, но я считаю се-
бя уже воскресшимъ изъ мертвыхъ. У ме-
ня исчезла рвота, которая мучила меня
два года; боль въ костяхъ стала быстро
исчезать, и я сплю, не просыпаясь».

ОТТО, Домѣнь де Сэда, Джедейда, Ту-
нисъ: «Послѣ трехъ флаконовъ Кале-
флюида я совершенно поправился. Бо-
лѣзни мои были: расширеніе сердца,
нервность, летучій ревматизмъ, подавлен-
ное настроеніе и постоянная усталость.
Теперь я чувствую себя совершенно здо-
ровымъ»

КАЛЕФЛЮИДЪ награжденъ на выстав-
кахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ,
Флоренціи и Римѣ, 5 гранъ-при и 5 боль-
шими золотыми медалями.

Безплатно франко высылаются объясни-
тельная литература о причинахъ и лѣче-
ніи болѣзней.

КАЛЕФЛЮИДЪ находятъ въ аптекахъ,
гдѣ нѣтъ — высылаются наложеннымъ
платежомъ.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСУЙТЕ:

Société Kalefluide
D. KALENITCHENKO,
5, Cité Pigalle, Paris (9).



INSTITUT DE BEAUTÉ PHYLLIS EARLE (London)

PARIS, 50, AV. TOKIO. Tél. Passy 26-23.

Окончившіе получают дипломы. Говорят на 5 языкахъ. Русскимъ льготныя условия
ПРОГРАММА: Новѣйшіе методы англо-американскаго массажа, лѣчение электричест-
вемъ дефектовъ лица, кожи, волосъ. Manicure. Pédicure. Окраска волосъ, гримъ, те-
атральный и для жизни. Физическая культура. Цикль лекцій г.г. врачей по анатоміи. Фи-
зіолог. бол. кожи, электрич. эстетич. хирургія. Справки письменно, лично отъ 2 до 5
у Директриссы: M-me Alex.

Пріемъ кліентокъ по всѣмъ **SOINS MEDIC - ESTHETIQUES** у **Mme ALEX** понед., четв., субб 10-12 ч. и по соглашенію
Tél Auteuil 91-50 122, Bd Murat, entrées 84 2 ét. gauche

INSTITUT COSMETIQUE „MACO”

278, Bd Raspail
Paris, 14



Téléph. Danton
73-99

1) КУРСЫ КОСМЕТИКИ (ПРИГОТОВЛЕНІЕ КРЕМОВЪ, ПУДРЪ, ОДЕКОЛОНОВЪ И Т. П.), 2) КУРСЫ
УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ДЛЯ ОКОНЧИВШИХЪ ИНСТИТУТЫ КРАСОТЫ (ЛЕЧЕНІЕ ДЕФЕКТОВЪ КОЖИ НО-
ВѢЙШИМИ СПОСОБАМИ И АППАРАТАМИ), 3) КУРСЫ ГИМНАСТИКИ И МАССАЖА ОТЪ ОЖИРѢНІЯ.
ОКОНЧИВШІЕ ПОЛУЧАЮТЪ ФРАНЦУЗСКІЙ ДИПЛОМЪ.

American Lloyd

13, Bd. Malesherbes, Paris (8)

Tél.: Anjou 07-45

ПРОДАЖА ШИФСКАРТЪ ВО ВСѢ
ПОРТЫ МІРА НА САМЫХЪ
ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

СПЕЦИАЛЬНО: Дальній Востокъ (Шанхай,
Харбинъ и т. д.), Ближній Востокъ (Египетъ,
Палестина, Сирія) Австралія, Уругвай, Параг-
вай, Бразилія и т. д.

СПРАВКИ БЕЗПЛАТНО

Говорятъ по-русски.



ROCHET chapelier spécialiste

21, av. de la République, Paris.

FOURNIT DE LA BELLE CHAPELLERIE POUR HOMMES ET ENFANTS TRES GRAND CHOIX



КАЛИНА

ПОРТНОЙ

44, AVENUE DES CHAMPES-ELISEES

Tél.: Elisée 42-40

Получены новинки для зимнего сезона

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ
LIBRAIRIE «MOSKWA»
9, rue Dupuytren, Paris 6.
Tél.: Littré 37-01

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладьяжниковъ, Логосъ, Москва, Слово и Девриенъ изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданий) Библиотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно

М. М. ЧЕРНЫЙ ПОДЪ ФИРМОЙ
«MICHEL»
29 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первоклассныхъ портныхъ.

Инвалидамъ 5% скидки.

10, rue Caffarelli (derrière la Mairie du 3-e). Métro: République et Temple. Téléph.: Archives 36-06.

Грамофоны и пластинки

20.000 ПЛАСТИНОКЪ

вновь получены. Последнія новинки: Вертинскій, Морфесси, Варя Панина, Плевицкая, Вальцева, Смирновъ, хоръ Жарова, кварт. Кедрова, церков. пѣніе и др.

Главное депо русскихъ и иностранныхъ пластинокъ.

SPEISER 34, rue des Rosiers.

M-ro St-Paul. Tél. Archives 74-49.
Открыто по воскресеньямъ.

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
AU VIEUX LIVRE

17, Rue de l'Odéon Paris-6
Tél.: Littré 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполненіе заказовъ на любое изданіе. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. ROVOLOZKY & C^{IE}
13, rue BONAPARTE, PARIS-VI
Tél Littré 42-01.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

СЕРГѢЯ КОМАРОВА

„ВѢЧНЫЙ ТАНЕЦЪ“

(изъ современной жизни)

Цѣна 20 фр.

ГОРОМАННЫЙ ВЫБОРЪ
МУЖСКОГО БѢЛЫЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. Цѣны внѣ конкуренціи. Собственная мастерская для передѣлокъ.

З. ПИНЧЕВСКІЙ

3, rue Perrée, Paris (3). Métro: Temple et République. Téléph.: Archives 77-97.



МУЖСКОЙ И ДАМСКІЙ ПОРТНОЙ ГОТАРЪ

Предлагаетъ большой выборъ англійскихъ и французскихъ матеріаловъ. Элегантный покррой, тщательная и аккуратная работа. Специальный мѣховой отдѣлъ. Получены новѣйшія американскія машины для утюжки костюмовъ. Стопажъ, перелицовка платьевъ. Всевозможныя передѣлки.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ

249-251, rue LECOURBE.

Tél.: Vaugirard 51-58.

1, avenue EMILE ZOLA, Métro: Javel.

Tél. Vaugirard 33-57.



МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Бессель и Ко

78, r. de Monceau (M-o Villiers)

Tél. Laborde 02-43. Paris-8°.

РУССКАЯ МУЗЫКА

Оперы, романсы, инструм. музыка

Каталоги высылаются бесплатно

Русскія ноты

*Musique
Russe*

23, rue de Liège, 23. Paris (8)

Издакия М. П. Бяляева, Юргенсона и др.

Каталоги бесплатно

Tél.: Central 31-78

РУССКІЙ
НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ
**S. A. des Grandes
Editions Musicales**

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ

22, RUE D'ANJOU, PARIS (8).

Tél.: Anjou 09-26

Требуите каталоги

КАКЪ ДОСТИГНУТЬ ПОКОЯ?

Чтобы русская колонія перестала тратить напрасно деньги, что для этого нужно? Обратиться немедленно къ **Mr Schayder'y**, онъ Вамъ укажетъ, какимъ образомъ Вы можете и должны приобрести въ одномъ изъ 20 направлений отъ Парижа (или у пляжа) участокъ земли и немедленно построить виллу по Вашему вкусу и средствамъ.

Эта операция ни въ коемъ случаѣ не разстроитъ даже Вашъ самый маленькій бюджетъ, а, наоборотъ, Вы убѣдитесь, какъ непроизводительно расходуете на квартиру или на лѣтній отдыхъ.

ОБЕЗПЕЧЬТЕ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ ПОКОЕМЪ.

Запросите письменно или зайдите (ежедн. до 10 час. утра и 6-8 час. веч.).

MR SCHNAYDER, 117, RUE DU TEMPLE. Tél.: Archives 79-29.

Элегантную и прочную обувь

по доступнымъ цѣнамъ
покупайте въ русскомъ магазинѣ

„РАМО“

(Рашковскій)

94, rue St-Antoine. 94, Paris (4).

Tél. Archives 38-26.

Напротивъ метро и церкви St-Paul.

Отдѣленіе: Constantinople: 6, Rue du

Tunel, 6. Nice: 31, Rue de France, 31

Открыто по воскресеньямъ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ

COMITÉ Russe DE SECOURS

33, rue de Prony, Paris (17).

Métro: Monceau ou Malesherbes.

Tramways: № 5, 30, 31.

Часы приема ежедневно (не исключая и
субботы) 3-7 ч. (кр. воскр. и праздн.).



РУССКІЯ ПЛАСТИНКИ

лучшихъ артистовъ

вы найдете въ большомъ выборѣ

A la Tour de Babel

а также диски на всѣхъ языкахъ.

Jos. de Padova

316, RUE SAINT - MARTIN, PARIS, 3

Tél.: Archives 11-33

Производитъ

T. S. F. et MALLETTES PORTATIVES

Льготныя условия платежа.



TORPÉDO

la machine sérieuse
portative et de bureau

**PAYABLE AU COMPTANT
ET PAR MENSUALITÉS**

HAÏK-TYPEWRITER

142, Rue Montmartre. PARIS

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И. А. КИРИЛОВА

Дѣла судебныя, административныя и
бракоразводныя. Договоры, уставы и
регистрація коммерческихъ обществъ.
Оформленіе документовъ. Сотрудниче-
ство французскихъ адвокатовъ.

46, RUE DE PROVENCE, PARIS (9)

около Rue Lafayette.

Métro: Chaussée d'Antin et Le Pe-
letier. Tél.: Trud. 08-04.

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroën.

32-34, rue Marbeuf (Champs-Élysées), Tél.: Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Élysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poids-lourd. Cours de mécanique.
Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего гаража, в Булонском лесу и в городе от 8 час. утра до 9 час. вечера на машинах последних моделей, с правым и левым управлением. Приходите осмотреть наш гараж в 10 этаже, на 1500 машин, самый большой в Париже, в районе Champs-Élysées и нашу школу, оборудованную по последнему слову автоб. техники

Единственная старая
АВТО-ШКОЛА
ACADEMIE D'AUTO DES CHAMPS-ÉLYSÉES
Б. СПБ, «ЗНАНИЕ»

Сбучение въздъ

на автомобилъ,

механикъ

(практической) и taxi

Tél.: Elys. 33-22 et 41-22

- 1) 78, Av. Champs Élysées
- 2) 74, Av. Mozart (Passy, Auteuil)
- 3) Billancourt, 28 rue Nationale
- 4) 31, rue Marbeuf 31.

Авто-Perfection-Школа

Обучаетъ на машин. послѣдн. моделей
Citroën C4, Renault, Peugeot

LEÇONS D'AUTO

Картъ-розъ съ гарантiей
Курсъ такси и механики

Tél.: Auteuil 44-11.

Métro: Eglise d'Auteuil

4, rue Désaugiers, Paris-16.

Открытъ отъ 8 — 20 час.

ДИРЕКТОРЪ В. А. ЮРКОВСКИИ

Vous trouverez
tous les disques
de toutes les marques
et les derniers succès



PARISONOR

PHONOGRAPHE AMPLIFICATEUR

SALONS D'AUDITION:

12, ROND-POINT DES CHAMPS-ÉLYSÉES, PARIS

TÉLÉPHONE: ÉLYSÉES 53-33

ЗАЛЫ ДЛЯ ДЕМОСТРАЦИИ ГРАММОФОНОВЪ

Banque Industrielle du Centre

85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél. Louvre 09-11. Centre 35-67.

ТЕКУЩИЕ СЧЕТА И ВКЛАДЫ, БИРЖЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ

СЪ ОГРАНИЧЕННЫМЪ РИСКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССИЮ И ДР. СТРАНЫ

въ кратчайшiй срокъ съ предст. обратн. расписокъ. — ПОКУПКА РУССКИХЪ
БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акции), и страхов. полисовъ.
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНIЯ, покупая гарантированные Франц. Правительств.
ВЫИГРЫШНЫЕ (съ процентами) БИЛЕТЫ на специальныхъ условiяхъ.

ВЫИГРЫШИ ПО **1.000.000** ФРАНК. ЕЖЕМЪСЯЧНО.

Цѣна билетовъ отъ 60 до 600 фр. съ полученiемъ ссуды до 80 проц. стоимости
Подробные проспекты и свѣдѣнiя объ операцiяхъ на Парижской Биржѣ высылаются
по первому требованiю; корресп. по-русски.

Брокаръ Parfumerie

8, RUE CARDINAL MERCIER, PARIS

ВЕЗДѢ ВЪ ПРОДАЖѢ ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ И LOTION «POLONAISE». Tél.: Louvre 52-14.

На улицѣ Marbeuf въ районѣ Елисейскихъ Полей привлекаетъ общее вниманіе недавно отстроенный грандіозный гаражъ извѣстнаго французскаго промышленника Бюно - Варилла.

Цѣлая стѣна по фасаду составлена изъ огромныхъ стеклянныхъ прямоугольниковъ.

Съ улицы вы сразу увидите блестящій залъ съ пестрыми рядами разнообразныхъ машинъ и висящія надъ нимъ въ воздухѣ параллельно расположенныя галлерей.

Архитекторъ Лапрадъ, оригинально скомбинировавшій желѣзныя скрѣпленія, сумѣлъ дать для гаража максимумъ удобства и полезной площади.

Гаражъ Marbeuf — одинъ изъ крупнейшихъ въ Европѣ магазиновъ автомобилей. 250 машинъ выставлено въ галлерей. Остальныя располагаются въ смежномъ зданіи, гдѣ въ 10-ти этажахъ есть мѣсто еще для 1.250.

Автомобили поднимаются съ этажа на этажъ по охватывающимъ зданіе подъемнымъ дорожкамъ. Въ центральномъ помѣщеніи лифтъ.

Для спуска имѣется специальная рампа, почему опасность столкновенія автомобилей совершенно исключена.

Нашъ соотечественникъ, А. М. Жеребковъ, начальникъ одного изъ отдѣловъ, отмѣчаетъ исключительный интересъ, проявляемый парижанами и иностранцами, къ новому грандіозному сооруженію.

Зданіе завершается обширной террасой. Здѣсь производится проба машинъ и иногда даются уроки ѣзды на автомобилѣ.

Въ гаражѣ работаютъ около пятидесяти человекъ русскихъ.

Отдѣлъ школы цѣликомъ русскій. Преподаваніе производится на машинахъ послѣднихъ моделей опытными русскими инструкторами - преподавателями. Механику преподаетъ инженеръ П. П. Полуэктовъ, извѣстный преподаватель автомобильной механики и авторъ русскаго и французскаго автомобильнаго учебника "Катехизисъ Автомобилиста", — въ специально оборудованномъ классѣ для изученія механики, на особыхъ учебныхъ приборахъ. Классъ оборудованъ по послѣднему слову автомобильной техники.

Авто - школа "Marbeuf", по оборудованію, по подготовкѣ учащихся и по своей добросовѣстности является одной

Гаражъ „MARBEUF“



изъ лучшихъ и серьезнѣйшихъ школъ Франціи

При гаражѣ имѣются всевозможныя мастерскія: починочныя, для покраски машинъ и проч.



Т-ВО ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ
П.М.КУЗМИЧЕВЪ съ С-ми
P.M.KOUSMICHOFF & SONS

Въ Лондонѣ — 11, Queen Victoria street
 Въ Парижѣ — Бюро 75, Av. Niel
 " — Магазинъ 11 bis, Av. Victor Hugo
 Въ Берлинѣ — Бюро Blücherstr. 62-63.
 " — Магазинъ Kleiststr. 24
 Въ Бѣлградѣ — Бюро Kralja Milana 8

Агентства во всѣхъ странахъ міра.

Огромный выборъ всевозможныхъ сортовъ чая.
 Жареный кофе собственной фабрики. Турецкій кофе.
 Самовары, кофейники, чайники. Чайная русская и японская посуда.

Товары отсылаются почтою во всѣ страны.
 Требуйте преискуранты.

Отдѣлы продовольственныхъ посылокъ въ Россію.

Фирма П. М. Кузмичевъ съ С-ми въ своихъ конторахъ принимаетъ заказы на отсылку продовольственныхъ посылокъ въ Россію.

Продукты отправляются самаго высокаго качества, специальной заготовки и укупорки (мука отправляется упакованною въ холщевыхъ мѣшечкахъ). Посылки тщательно задѣлываются въ прочную, но легкую упаковку и обшиваются хорошимъ холстомъ. При отправкѣ соблюдаются всѣ установленныя правила и нормы. Обычно посылки доставляются въ Москву и Ленинградъ чрезъ двѣ недѣли, а въ другія мѣста нѣсколько позже.

На основаніи вновь опубликованныхъ правилъ, каждое лицо имѣетъ право получать изъ-за границы продовольствіе, но посылки не должны превышать 10-ти кило. Полученіе посылокъ не можетъ служить къ какому-либо ограниченію для получателя въ его правахъ. Посылки должны быть посылаемы съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, на этотъ предметъ установленныхъ.

Для каждаго продукта установлена особая годовая норма, больше которой получать нельзя. Эта норма слѣдующая: мука, крупа, рисъ, масло сливочное, са-

харь — 5 кило въ годъ. Чай, кофе, какао, шоколадъ 2 кило въ годъ.

Мы отпускаемъ продукты по слѣдующимъ цѣнамъ: чай высокаго качества 56 фр. за кило, цейлонскій по 42 фр. кило. Кафе жареный 38 и 26 фр. за кило. Какао 16 фр. за кило. Мука крупчатка въ мѣшечкахъ 4 фр. 60 с. за кило. Рисъ карол. и крупа манная по 5 фр. 60 с за кило. Сахаръ кусковой 4 фр. 80 с. за кило, сах. песокъ 4 фр. 40 с. за кило. Масло сливочное въ жестянкахъ 24 фр. за кило. Оливковое масло 20 фр. за кило.

За упаковку и пересылку каждой посылки мы взимаемъ по 50 фр. за посылку въ 5 кило и по 80 фр. за посылку въ 10 кило. Въ простой упаковкѣ на 5 фр. дешевле.

Стоимость таможенной пошлины въ СССР можетъ быть нами переведена получателю по официальному курсу. Пошлина слѣдующая: за рисъ, крупу и муку по 10 коп. за кило; за чай около 20 рублей за кило; за кофе и какао по 15 р. за кило; за сахаръ 1 р. 50 к. за кило; за слив. масло 3 рубля за кило.

Выпущенъ новый проспектъ, который высылается немедленно по требованію.

И. К. Коноваловъ.

ПАРИЖЪ

«LA RUSSIE»

PARIS

15 октября 1930 г.

Octobre 1930.

Цѣна номера 5 фр. во Франціи.

Prix du Numéro : 5 francs en France.

№ 7

РОССІЯ

№ 7

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 5, rue Bélidor, 5

PARIS (17)

Посвящается Кубанскому Казачьему Войску



Кубанскіе Казаки

Т Н О = Л Е = Н И

Кондитерская

Гастрономический Магазинъ

129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

Фирма существ. 10 лѣтъ

А. КАПРЕЛАНЪ.

М. Петросянъ

Оптовый складъ :

И К Р А

себжая сернистая (бѣ-
лужья, осетровая и се-
рюжья), паюсная, Ачуев-
ская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ

Бѣлорыбій, осетровый и
«saumon fumé»

**СЕМГА
РЫБА
КОНСЕРВЫ**

Малосольная, Двинская,
печерская, и логосина
Осетрина, навага, стер-
лядь, форель и судакъ
Стерлядь судакъ, осетри-
на и друг

РЫБЕЦЪ,

шемая

ГРИБЫ,

соленые и маринованные

КОНСЕРВЫ

овощные, перецъ,
баклажаны и др.

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.

Métro: Beaugrenelle.



Ресторанъ „ДЖИГИТЪ“

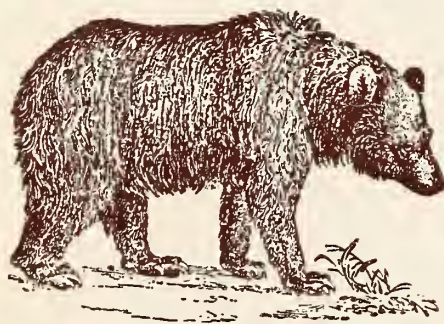
19, Bd EDGAR QUINET, PARIS, (14), (Montparnasse).

Ресторанъ открытъ съ 12 ч дня.

ПЕРВОКЛАССНАЯ КУХНЯ.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Съ 8 час. вечера музыкальная и артистическая программа



МЕДВѢДЬ

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV).

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЪ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВИНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪЕДОВЪ, — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

ОТКРЫТІЕ

Рюмка водки
БЕЗПЛАТНО

Столовая „СТРѢЛКА“

15, rue Beaugrenelle, PARIS (15-е)

Обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ 7 фр.
Дежурное блюдо 4 фр.

Холодные и горячія закуски

БУФЕТЪ

СТОЙКА

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A L'ESTURGEON

Подъ личнымъ наблюденіемъ владѣльца, б. придворнаго шефа
Ө. Д. КОРНИЛОВА

3, rue Clauzel (уголъ rue des Martyrs). Nord-Sud: St.-Georges. Tél.: Trud. 08-46

КРЫМСКІИ ДОМИКЪ

РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ.

131, Bd RASPAIL

(entrée, 10, rue S-te Beuve).

Prix fixe et à la carte.

ЧЕБУРЕКИ И ШАШЛЫКИ.

ОПТОВО - РОЗНИЧНЫЙ КОЛБАСНО - ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ

Chez les Cosaques

48, rue Vercingetorix, Paris, 14-е, métro: Edgar Quinet

Къ осеннему и зимнему сезонамъ заготовлена извѣстнымъ специалистомъ
крупная партія соленыхъ огурцовъ и капусты.

Продажа оптомъ и въ розницу. Цѣны вѣ конкурренціи.

РУССКІИ

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ

„MAIRO“

Всѣ русскіе и французскіе продукты.

20, RUE DE LA TOUR, PARIS (16).

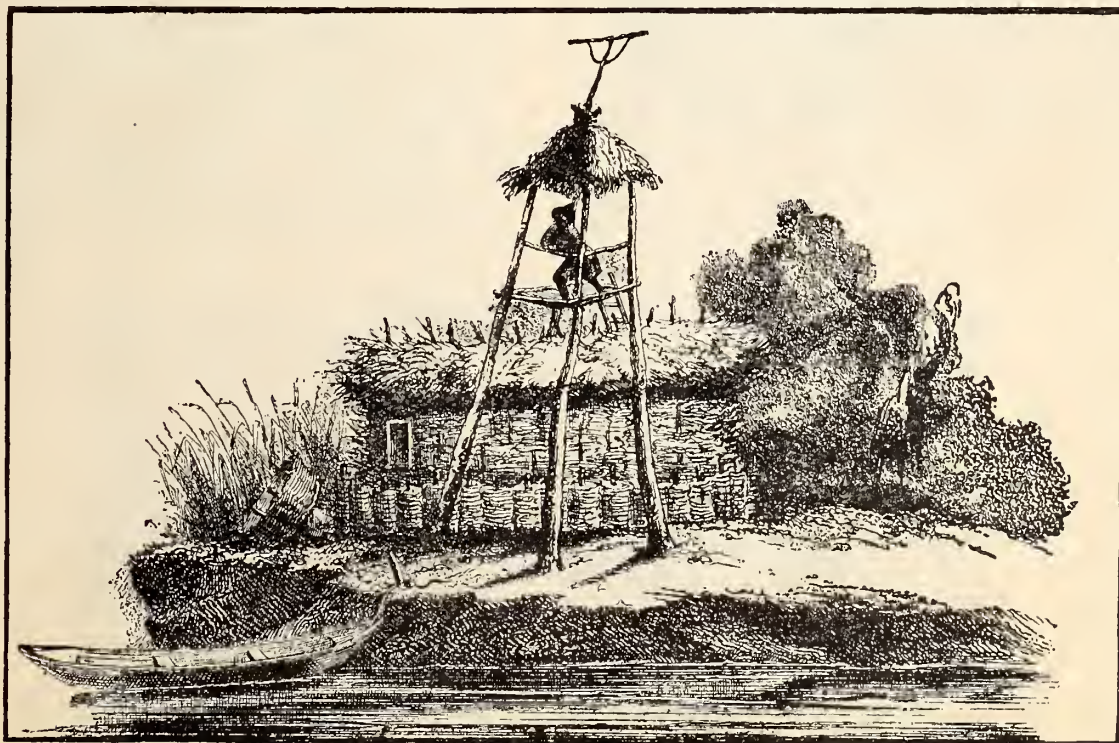
Métro: Passy.

Войсковой гимнъ Кубанскаго Казачьяго Войска

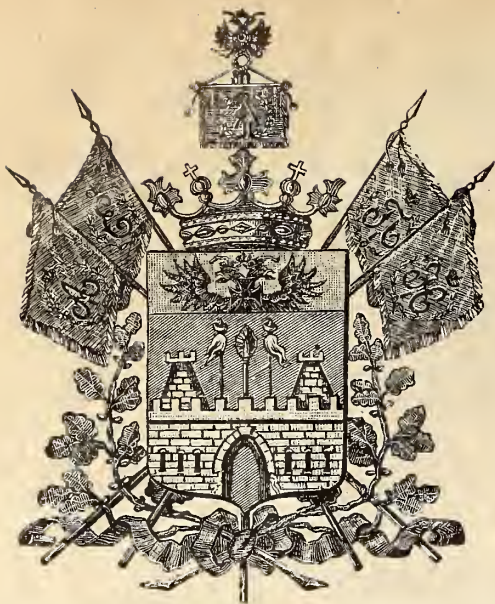
О Тебѣ здѣсь воспоминаючи,
Какъ о матери родной,
На врага, на басурманина,
Мы идемъ на смертный бой.

О Тебѣ здѣсь воспоминаючи,
За Тебя ль не постоятъ,
За Твою ли славу старую,
Жизнь свою ли не отдать!

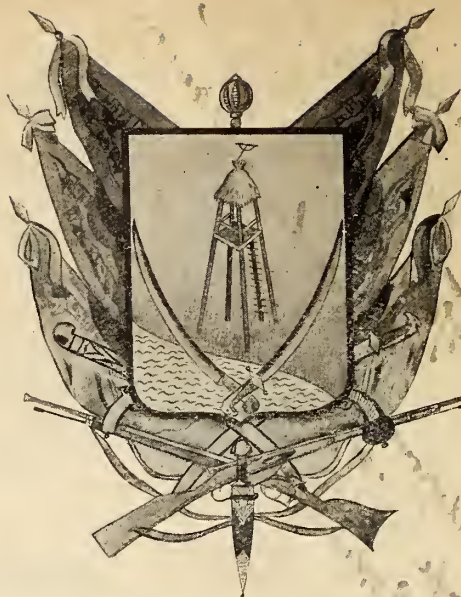
Мы, какъ дань свою покорную,
Отъ прославленныхъ знаменъ
Шлемъ Тебѣ, Кубань родимая,
До сырой земли поклонъ.



Казачья сторожевая вышка на Кубани



Гербъ Кубанскаго Войска, утвержденный 31-го янв. 1874 года.



Войсковой гербъ 1919 года.
(одинъ изъ вариантовъ)

Кубанское Казачье Войско

(краткій очеркъ)

Казачество, въ своемъ поступательномъ движеніи, связано съ рѣками. Онѣ служили и водными путями и пограничными рубежами. Такъ на р. Кубани сложилось Кубанское Казачье Войско.

Рѣка Кубань беретъ начало съ горы Эльбруса и впадаетъ въ Черное море.

Кубань судоходна до столицы Войска Екатеринодара. Вправо отъ нея, — къ сѣверу отъ средняго ея теченія, верстъ на 150, раскинулась плодороднѣйшая, пересѣкаемая широкими балками, равнина, на которой, давая обильный урожай, произрастаютъ пшеница, ячмень, жито, овесъ, просо, подсолнухи, кукуруза и пр.

Среди цѣлаго моря золотистыхъ полей, нарядными оазисами раскинулись свѣже-зеленыя бакши съ аппетитными арбузами и дынями, съ характерными "куріями" и историческими "бакшевниками - дідами"...

Нижнее теченіе Кубани загромождено обширными

лиманами — плавнями съ величественными камышами и кугою; верхнее теченіе прорѣзываетъ цѣлую серію горъ, чтобы свободно выйти въ эту равнину, а лѣвый берегъ, хвативъ по среднему теченію къ югу на 120 верстъ, вплоть до города Майкопа, также неисчерпаемою по богатству равниною, — за рѣкою Бѣлою рѣзко переходитъ въ горный Кавказскій кряжъ, сплошь покрытый строевымъ лѣсомъ, гдѣ водятся всевозможныя породы звѣря, до прекрасной лани и зубра включительно.

По всей этой равнинѣ, на разстояніи 15-20 верстъ другъ отъ друга, раскинулись богатые многонаселенныя, до 40 тысячъ жителей, станицы, залитыя садами, съ казачьимъ добродушнымъ гостепріимнымъ и трудолюбивымъ, хозяйственнымъ, воинственнымъ и широкимъ по веселію населеніемъ, многосемейнымъ и патриархальнымъ, съ красивыми смуглыми синеокими казачками, съ длиннобородыми и величавыми "стариками" и щегольскими, пѣвучими, почтительными къ старшимъ



Казачи въ пикетѣ на Кубани
(Изъ собранія гравюръ кн. Н. Трубецкаго).



Памятникъ Запорожцамъ въ Таганрогѣ. Мѣсто 1-й высадки.
Открытъ въ 1912-мъ году.

и задиристыми между собою парубками...

На Кубани каждое казачье семейство заботливо обрабатывало свой казачій паевой надѣлъ земли и свои вольготные тѣнистые сады, заранѣе зная и готовя каждаго казака-подростка къ военной службѣ.

Кубань — житница Россіи, — вывозившая до войны одного хлѣба за границу, черезъ свои порты, ежегодно, до 100 милліоновъ пудовъ.

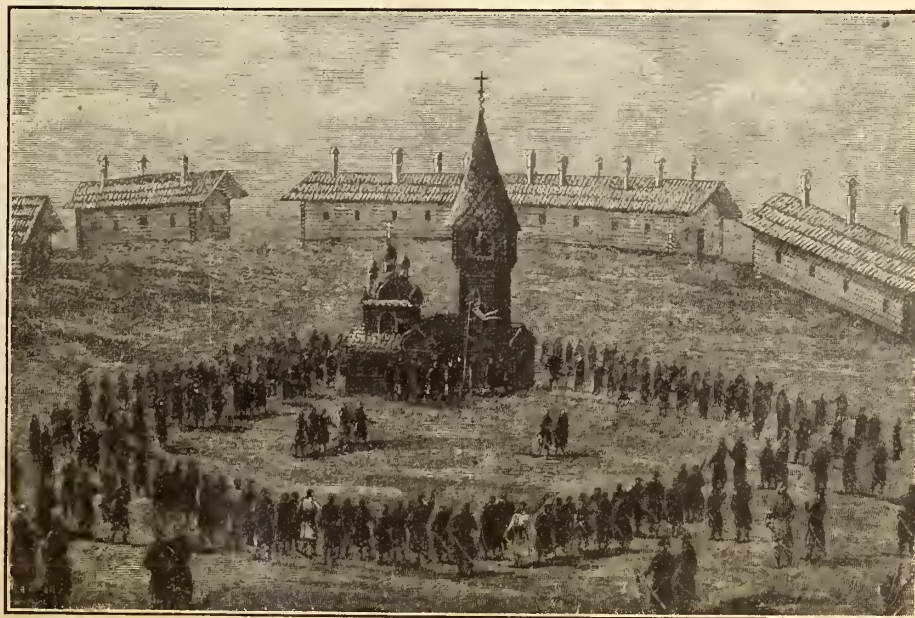
Кубань, это — цѣлая административная единица, имѣвшая свое особое отъ другихъ русскихъ губерній управленіе, свои исключительно казачьи строевыя части войскъ, свои войсковыя богатства, войсковую казну, школы, училища, казачью музыкальную и пѣвческую капеллы, цѣнный историческій музей, архивы.

У казаковъ совершенно обособленная повседневная казачья форма одежды и весь укладъ жизни, особый войсковой, свои обычаи, нравы, вѣковыя традиціи, — своя гордость войсковая...

Кубанское Казачье Войско, славившееся культурнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, Войско, гдѣ въ послѣдніе довоенные годы американскія дисковыя сѣялки и сноповязалки были чуть ли не у каждаго хозяина — эта единица площадью своею равная одной лишь губерніи (95,487 квадратныхъ километровъ), съ казачьимъ населеніемъ въ 1.400.000 чел. обоого пола — въ мирное время выставяла на собственный счетъ одиннадцать первоочередныхъ конныхъ полковъ, шесть пластунскихъ баталіоновъ и пять конныхъ полевыхъ батарей, имѣя на льготѣ кадры 2-й очереди этихъ полковъ и баталіоновъ. Въ Мировую же войну, когда честь и достоинство Родины требовали наивысшаго жертвеннаго



Первый Войсковой Соборъ (бревенчатый) Черноморскихъ Казачковъ въ Екатеринодарѣ. Заложенъ въ 1800-мъ году и построенъ по типу Запорожской сѣчевой церкви. Снесенъ въ 1909 году и на его мѣстѣ построенъ каменный.



Церковь, рада и курени Запорожцевъ въ 1773 г. В Екатеринодарѣ, на крѣпостной площади, до сихъ поръ сохранилось подобное этому расположеніе построекъ первыхъ Черноморскихъ казаковъ.

напряженія, Войско Кубанское также на собственный счет выставило 37 конных полковъ, 2 полка конныхъ горцевъ, 4 бригады знаменитыхъ пластуновъ, 9 конныхъ батарей, 36 отдѣльных конныхъ сотенъ и 17 запасныхъ (11 конныхъ и 6 пластунскихъ). Кромѣ того, оно имѣло свою солидную Войсковую школу прапорщиковъ всѣхъ родовъ оружія и много мелкихъ мѣстныхъ командъ, обслуживавшихъ внутреннюю жизнь Войска. Стойкость ея строевыхъ частей, ихъ врожденная воинская сноровка, наѣздничество, удалъ молодецкая и красота ихъ кавказской формы одежды — все это настолько выдѣляло кубанцевъ изъ среды всѣхъ войскъ Великой Русской Арміи, что изъ нихъ былъ сформированъ Собственный Конвой Русскихъ Императоровъ, опредѣлявшійся передъ Великою войною, вмѣстѣ съ Терскими казаками, силою въ 4 сотни.

Начало ему заложили Казаки Черноморскаго Войска въ 1811 году.

Кромѣ того, для представительства, въ Западномъ краѣ, Войско выставяло конвой Варшавскаго генералъ-губернатора — двѣ конныхъ сотни — конвой намѣстника на Кавказѣ, съ Терскими казаками, численностью въ одну конную сотню.

Напряженность службы Войска была доведена до послѣдней стези.

Извѣстный военный профессоръ генералъ Головинъ, въ своемъ трудѣ о Великой войнѣ указалъ, что изъ многомилліонной Русской Арміи казаки, въ боевомъ отношеніи стояли на первомъ мѣстѣ, имѣя выбывшими изъ строя отъ кровавыхъ потерь 94 % и плѣнными лишь 6 %, превысивъ на полтъ брани молчаливой жертвенностью и боевымъ упорствомъ даже поистинѣ доблестное русское офицерство, давшее выбывшими изъ строя отъ кровавыхъ потерь 87 % и плѣнными 13 %.

Изъ 12-ти Казачьихъ Войскъ — Кубанское по богатству, численности и мощи, послѣ Донскаго Войска, было первымъ.

Вотъ какова была Кубань, — этотъ цвѣтушій край казачій — земледѣльческій и служилый — гдѣ, среди казачьяго населенія никогда не было нищихъ и гдѣ слово война не пугало людей.

**

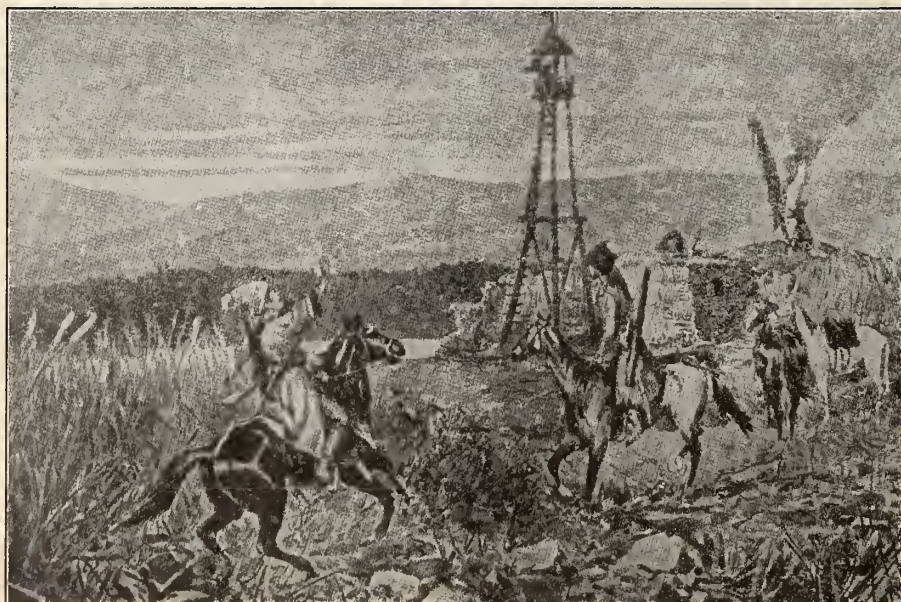
Кто же до казаковъ жилъ здѣсь на берегахъ многоводной и раздольной Кубани и каковъ былъ тогда этотъ край?..



Казаки Кавказскаго Линейнаго Войска 1850-го года.

Научныя изслѣдованія, легенды и мифы дали матеріалы о существованіи здѣсь челоуѣчества еще задолго до Рождества Христова.

Прилегая къ великому историческому пути, по которому въ теченіе многихъ вѣковъ шли народы изъ Азіи въ Европу, и изобилуя прекрасными пастбищами и прѣсною водою, этотъ край всегда привлекалъ къ себѣ вниманіе кочевниковъ. Здѣсь обитали, покоряя и завоевывая одинъ другого, скифы, готы, гунны, хозары, печенѣги, половцы, а знаменитый своею воинственностью русскій князь Святославъ, покоривъ потомковъ киммерійцевъ (черкесскія племена) и овладѣвъ нынѣшнимъ



Тревога на Кавказской линіи при набѣгѣ горцевъ

Таманскимъ полуостровомъ, въ X столѣтіи образоваль здѣсь Тмутараканское княжество.

Берега же Чернаго и Азовскаго морей были до-ступны и культурнымъ народамъ древняго міра, глав-нымъ образомъ, грекамъ, которые въ IV вѣкѣ до Рож-дества Христова образовали Босфорское царство, частью своею занимавшее тотъ же Таманскій полу-островъ.

Всѣ кочевые народы были здѣсь хозяевами времен-ными, безъ насиженныхъ мѣстъ, но приморскіе города цвѣли, вели оживленную торговлю, покорялись, разру-шались и, до переселенія сюда запорожцевъ, лишь сво-ими развалинами говорили о быломъ ихъ величіи...

А степь, настоящая Кубанская область, она пусто-вала. На ней паслись громадные гурты скота кочевни-ковъ, лилась кровь междуусобія воинственныхъ полуди-карей, тянулся въ высь богатырскій камышъ безконеч-ныхъ плавней - лимановъ, а саженная трава, неисполь-зованная — ложилась долу и въковымъ своимъ гніе-ніемъ усиливала и безъ того тучный черноземъ, готовя благодатную земледѣльческую ниву для новыхъ смѣ-лыхъ поселенцевъ — колонистовъ.

Послѣ долгихъ войнъ съ могущественной тогда Турціей, когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, а прикубанскія татарскія и ногайскія орды присягнули на вѣрность ей — по Кучукъ-Кайнарджійскому миру въ 1783 г., рѣка Кубань стала номинально пограничнымъ рубежомъ между Россіей и закубанскими горами, поль-зовавшимися активнымъ протекторатомъ Турціи.

И вотъ, для прочнаго закрѣпленія всей этой степ-ной равнины, лежавшей къ сѣверу отъ Кубани, Русско-му правительству, нужны были смѣлые колонисты.



Войсковой Атаманъ Черноморскаго Казачьяго Войска
Генераль-маіоръ
Феодоръ Яковлевичъ Бурсакъ.
1799 - 1816

Коренной запорожець, поступившій въ Сѣчь въ 1764 г., знавшій лучшія времена сѣчевого казачества, пережившій раз-рушеніе запорожскаго коша и участвовавшій во всѣхъ вой-нахъ съ турками вплоть до переселенія на Кубань.

Въ генералы произведенъ въ 1807 г. при немъ, въ 1803 г. было открыто 1-е Войсковое училище для казачьихъ дѣтей и войсковые заводы, — конскій и овчарный. Послѣ него наказ-ными атаманами черноморскаго войска были полковники Гри-горій Кондратьевичъ Матвѣевъ (1816-1827) и знаменитый своими геройскими подвигами генераль маіоръ Алексѣй Дани-ловичъ Безкровный (1827-1830 г.); ихъ портреты не сохрани-лись.

Безкровный участвовалъ въ Отечественной войнѣ подъ Можайскомъ, Бородинымъ, отстаивалъ Москву и преслѣдо-валъ противника.

Въ бою подъ Лейпцигомъ былъ раненъ въ грудь, коман-дуя эскадронномъ лейбъ-гвардіи черноморскихъ казаковъ. Онъ былъ красивъ, виденъ собою и столько разъ былъ раненъ, что казаки называли его не Безкровнымъ, а Безсмертнымъ.

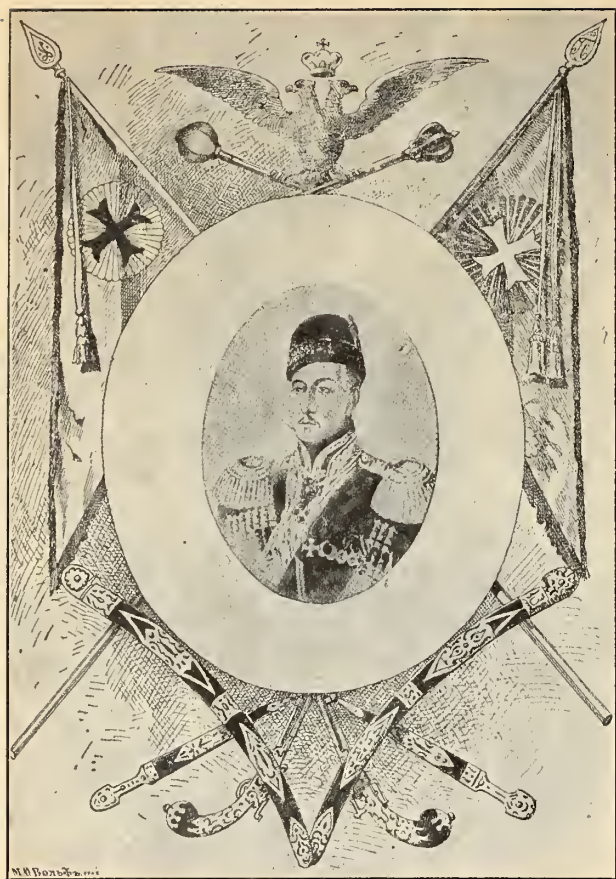
Колонисты нашлись: то были Запорожскіе казаки. Въ ночь на 4-е іюня 1775 года, русскими войска-ми, подъ начальствомъ генерала Теккели, была окру-жена Сѣчь и буквально разрушена со всѣми постройка-ми до основанія. Войсковая казна, Войсковыя регаліи и всѣ земли — отобраны, казаки распылены и обращены въ крестьянъ, а войсковая старшина, въ лицѣ кошевого атамана Петра Кальнишевскаго, войскового судьи Пав-ла Головатаго и войскового писаря (начальника штаба) Ивана Глоба — была арестована, закована въ кандалы и въ тотъ же день отправлена въ Москву.

Часть же казаковъ, численностью въ пять тысячъ человекъ, избравъ себѣ кошевымъ атаманомъ одного изъ полковниковъ, по прозванію Ляха, и захвативъ съ собою запрестольный образъ сѣчевой церкви Покрова Пресвятой Богородицы, часть войсковыхъ регалій и бое-вые припасы, въ ту же ночь, украдкою, на лодкахъ бѣ-жала внизъ по Днѣпру въ Турцію, и образовала новую



Наказный Атаманъ Черноморскаго казачьяго Войска
Генераль-отъ-кавалеріи
Николай Степановичъ Завадовскій.
1830 - 1852

Родился въ 1888 г. На службу поступилъ двѣнадцати лѣтъ, а въ 1828 г. произведенъ въ генералы. Талантливый ге-нераль, тонкій политикъ и умѣлый администраторъ.



Петръ Семеновичъ Верзилинъ.
Первый Наказный атаманъ Кавказскаго линейнаго войска.
1832-1837г.

Родился въ 1791 г. За время службы командовалъ Волгскимъ коннымъ полкомъ; потомъ Горскимъ. Чисто боевой генералъ. Происхожденія не казачьяго.

Сѣчь въ устьяхъ Дуная, подъ протекторатомъ турецкаго султана, съ сохраненіемъ всѣхъ вольностей казачьихъ. Всѣхъ же запорожцевъ къ этому времени было въ Сѣчи — 8.000 ч.

Судьба послѣдняго кошевого атамана Запорожскаго Войска, Петра Калынишевскаго, была жестока. Заточенный, на Бѣломъ морѣ, въ Соловецкій монастырь, онъ пробылъ подъ строгимъ надзоромъ ровно 25 лѣтъ. Сидѣлъ онъ въ темномъ погребѣ и только 3 раза въ году ему разрѣшалось быть въ церкви и на монастырской трапезѣ, но безъ права разговаривать съ посторонними. На 110 году жизни, въ 1801 году, онъ былъ помилованъ императоромъ Александромъ I, но уже не захотѣлъ воспользоваться свободою и умеръ тамъ же, въ монастырѣ, въ рубищѣ монаха - схимника 13 октября 1803 года на 112 году жизни, испивъ полную чашу страданій за всѣ вольные и невольные грѣхи своихъ собратьевъ-казаковъ, за все свое Войско низовое Запорожское...

Онъ былъ однимъ изъ выдающихся и уравновѣшенныхъ кошевыхъ атамановъ бурливаго Запорожскаго Казачества и настолько популяренъ среди казаковъ, что, на рѣдкость въ Запорожьѣ, проатаманствовалъ 10 сроковъ подрядъ. Онъ умеръ тогда, когда его бывшие соратники прочно осѣли на Кубани и становились уже регулярнымъ казачьимъ войскомъ.

Судьба была къ нему сурова, какъ и ко многимъ другимъ истымъ казачьимъ атаманамъ...

Могила его извѣстна: въ періодъ гражданской войны, нѣкоторые офицеры сѣверной арміи видѣли въ Соловкахъ могилу его съ надгробною каменною плитою, съ датами — фамиліей и званіемъ. — какъ бывшаго кошевого атамана.

Немного раньше умерли въ Сибири, также въ монастырѣ, войсковые судья и писарь — Павелъ Головатый и Иванъ Глоба...

Такова судьба вождей послѣднихъ Запорожцевъ.

Черезъ 12 лѣтъ, въ 1787 г., начавшаяся война съ Турціей побудила русское правительство использовать остатки запорожцевъ въ этой же войнѣ. Черезъ видныхъ старшинъ — Сидора Бѣлаго, Захарія Чепігу и Антона Головатого — главнокомандующій князь Потемкинъ обратился къ казакамъ съ призывомъ собираться въ волонтерныя команды.

Истомленные въ батрачествѣ, казаки широко откликнулись на призывъ. Въ виду громаднаго наплыва запорожцевъ, изъ нихъ было образовано Войско изъ трехъ родовъ оружія — пѣхота, конница и флотилія. Оно въ теченіе четырехъ лѣтъ жертвенно сражалось противъ турокъ подъ именемъ "Войска вѣрныхъ казаковъ", названныхъ такъ въ противовѣсъ "невѣрнымъ", то-есть, ушедшимъ въ Турцію.

Въ этой войнѣ, въ морскомъ бою подъ Очаковымъ 16 іюня 1787 г. казаки потеряли смертельно раненымъ своего доблестнаго кошевого атамана Сидора Бѣлаго.

Новымъ кошевымъ атаманомъ былъ избранъ на-



Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго Войска
Генералъ-лейтенантъ
Степанъ Степановичъ Николаевъ.
1837 - 1848

Родомъ донской казакъ. Родился въ 1789 г.; на службу поступилъ рядовымъ казакомъ въ 1803 г.; произведенъ въ офицеры въ 1811 г. и въ генералы въ 1831 г.

Большую часть своей службы провелъ въ Войскѣ; 6 лѣтъ командовалъ Донскимъ лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ; въ 1836 г. былъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ на кавказской линіи.

Участвовалъ въ Отечественной войнѣ и въ 1814 г. принималъ участіе въ осадѣ и взятіи Парижа.

Умный и даровитый генералъ и отличный администраторъ.

Похороненъ въ церкви станицы Михайловской (теперь село возлѣ Ставрополя).

чальникъ всей конницы казаковъ — Захарій Чепіга и утвержденъ главнокомандующимъ княземъ Потемкинымъ.

За несравненную доблесть, проявленную запорожцами въ этой войнѣ, они получили массу наградъ, имъ пожалованы были знамена и возвращены старые войсковыя регаліи, отобранныя у нихъ при разрушеніи Сѣчи.

По окончаніи войны, запорожцы были поселены у Кинбурнской Косы, но потомъ, чувствуя непрочность своего положенія и боясь новаго “разрушенія”, они просили дать имъ неизвѣданныя земли на Таманскомъ полуостровѣ. Депутація, посланная въ Петербургъ къ царю, во главѣ съ войсковымъ судьей Антономъ Головатымъ, — этимъ замѣчательнымъ казачьимъ воиномъ - дипломатомъ, пѣвцомъ - поэтомъ и бандуристомъ, — послѣ долгихъ и томительныхъ хлопотъ, наконецъ получила разрѣшеніе на эти земли, и 30 июня 1792 г. былъ изданъ императрицею Екатериною II указъ о пожалованіи Черноморскому войску въ вѣчное владѣніе земель на Тамани и далѣе по Кубани до устья Лабы.

На черноморцевъ была возложена задача охра-



И. д. Наказнаго Атамана Черноморскаго Казачьяго Войска
Генераль-маіоръ
Яковъ Герасимовичъ Кухаренко.
1852 - 1856

Былъ послѣднимъ наказнымъ атаманомъ, назначеннымъ изъ коренныхъ казаковъ Черноморскаго Войска.

Родился въ 1799 г. на службу поступилъ пятнадцати лѣтъ; 9 лѣтъ числился урядникомъ; въ офицеры произведенъ въ 1823 г. и въ генералы — 1853.

Въ 1801 г. былъ и. д. наказнаго атамана Азовскаго Казачьяго Войска и оттуда переведенъ наказнымъ атаманомъ роднаго Черноморскаго Войска.

Въ теченіе 38 лѣтъ онъ прошелъ всѣ ступени казачьей военной и гражданской службы въ Войскѣ и умеръ въ плѣну у горцевъ 26 сентября 1862 г., недалеко отъ г. Майкопа, захваченный ими 19 сентября между станицами Казанской и Кавказской.

Тѣло его было выкуплено и предано землѣ въ Екатеринодарѣ.



И. д. Наказнаго Атамана Черноморскаго Казачьяго Войска
Генераль-лейтенантъ
Григорій Антоновичъ Рашпиль.
1844 - 1852

Родился въ 1801 г. Тринадцати лѣтъ поступилъ на службу, двадцати лѣтъ произведенъ въ офицеры и въ 1841 г. въ генералы.

Съ 1842 по 1852 былъ начальникомъ штаба Черноморскаго Войска и исп. об. наказнаго атамана.

При немъ въ Екатеринодарѣ учреждена учебная конная часть для подготовки урядниковъ въ офицеры и вновь открыта войсковая гимназія, а для насажденія женскаго образованія учреждена Маріинская женская пустынь.

нять границу отъ набѣговъ закубанскихъ горцевъ.

За два года — 1792-93 гг. — морскимъ и сухимъ путемъ запорожцы перешли на новыя мѣста; вооруженными кордонами заняли линію по правому берегу рѣки Кубани до нынѣшней Усть-Лабинской станицы, и куренями своими, въ количествѣ 38 — раскинулись по всей необъятной степи. Войско по мѣсту новой дѣятельности было названо — “Черноморскимъ казачьимъ Войскомъ”

Въ 1794 г. былъ заложенъ городъ Екатеринодаръ, названный такъ въ честь императрицы, гдѣ были построены, по типу разрушенной Сѣчи — церковь, крѣпость и курени (казармы) для такъ называемой казачьей “сіромы” (холостяки) и здѣсь же была установлена резиденція Войска съ кошевымъ атаманомъ.

Давшіе начало этой новой эрѣ въ жизни обездоленнаго Запорожскаго Казачества ихъ старшины — Сидоръ Бѣлый; Захарій Чепіга и Антонъ Головатый состоятъ шефами на стоящихъ кубанскихъ полковъ: Полтавскаго, Екатеринодарскаго и Уманскаго.

Переселившихся было всего лишь около 20.000 человекъ обоого пола, но преобладали холостяки и они сразу же отъ себя выставили 20 пятисотенныхъ полковъ, изъ коихъ — 10 конныхъ и 10 пѣшихъ. Цыфры эти говорятъ за то, что въ строй стало абсолютно все



Генераль-лейтенантъ
Григорій Ивановичъ Филипонъ.

Первый наказный Атаманъ Черноморскаго Казачьяго Войска не изъ казаковъ. (1856-1860 г.)

Родился въ 1805 г., происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи.

Высоко-образованный офицеръ генеральнаго штаба. Оставилъ въ Войскѣ о себѣ добрую память, какъ просвѣщенный и заботливый начальникъ.

Генераль-маіоръ
Левъ Ивановичъ Кусакъ.
(Портрета не сохранилось)

Родился въ 1803 г., на службу поступилъ въ 1818 г., произведенъ въ офицеры въ 1819 и въ генералы въ 1854 г.

До назначенія атаманомъ — съ 1857 г. былъ начальникомъ штаба Войска; затѣмъ послѣднимъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго Казачьяго Войска.

При немъ оно переименовано въ Кубанское.

Происхожденія не казачьяго.

мужское населеніе, способное держать въ рукахъ оружіе.

Съ этого момента и до 1864 г., то-есть, до полного покоренія Кавказа, ровно на протяженіи 70 лѣтъ, безконечною рѣкою лилась кровь и слезы черноморскаго казачества въ борьбѣ противъ храбрыхъ и дерзкихъ Закубанскихъ горцевъ. Насколько жестока была борьба съ ними, можно судить по тому, что одинъ изъ черноморскихъ войсковыхъ атамановъ, генераль Кухаренко, былъ захваченъ черкесами въ плѣнъ и умеръ тамъ, а атаманъ, генераль Безкровный, въ одномъ изъ своихъ закубанскихъ набѣговъ, въ конной схваткѣ, выручая свои пушки, глубоко врѣзавшись въ ряды противника и потерявъ подъ собою убитымъ коня, окруженный горцами, рѣшившими взять его живымъ въ плѣнъ, — выстрѣломъ изъ пистолета сразилъ ихъ предводителя, извѣстнаго вождя горцевъ, Цоко-Моко, двухъ черкесовъ закололъ пикой, а когда пика была мгновенно изрублена шашками, обороняясь саблею, — ранилъ еще нѣсколькихъ человѣкъ. Раненый въ грудь, голову и пле-

чо и истекая кровью, атаманъ былъ выхваченъ отъ смерти нѣсколькими казаками, прорубившимися сквозь ряды горцевъ къ нему на выручку. Они подхватили его на крупъ лошади и безчувственного отъ потери крови умчали въ безопасное мѣсто.

Легко только сказать — Войскою Атаманъ, генераль и командующій Войсками — самъ въ конной атакѣ, впереди всѣхъ и... съ пикой.

Это было 100 лѣтъ тому назадъ, 29 января 1829 года.

Атаманъ же Кухаренко былъ захваченъ въ плѣнъ гораздо позже.

Одновременно съ переселеніемъ на Кубань запорожцевъ, на нѣсколько лѣтъ раньше, шло заселеніе казаками Кавказской линіи.



Наказный Атаманъ Линейнаго Казачьяго Войска
Генераль-маіоръ
Феликсъ Антоновичъ Крюковскій.
1848-1852 г.

Въ 1840 г. командовалъ Горскимъ коннымъ полкомъ; въ 1842 принялъ Хоперскій конный полкъ; въ 1848 г. произведенъ въ генералы и назначенъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго Казачьяго Войска.

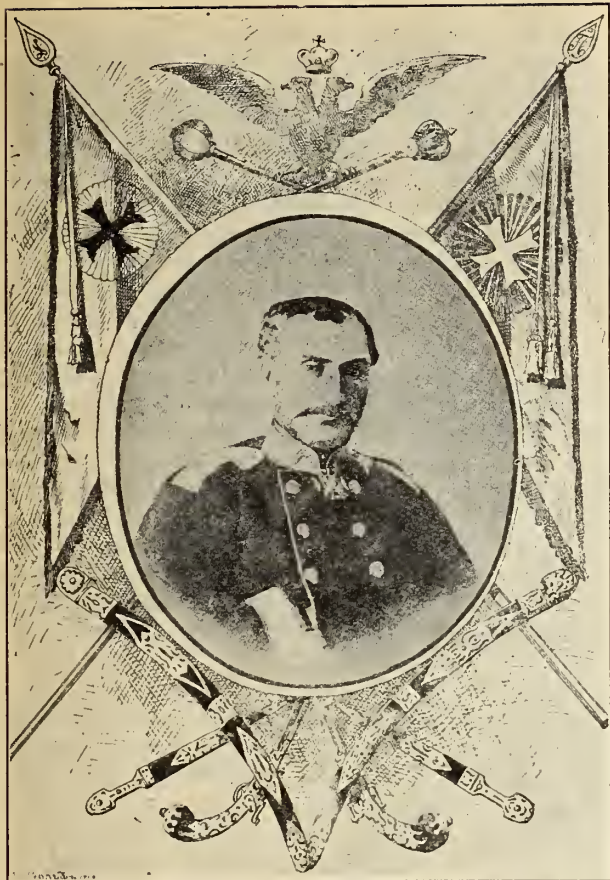
18 января 1852 г. "заговоренный отъ пуль, атаманъ", въ бою съ чеченцами былъ убитъ пулею.

Тѣло его похоронено въ родномъ ему Горскомъ полку въ церкви станицы Екатеринодарской Терскаго Войска.

О знаменитомъ героѣ командирѣ и атаманѣ до сихъ поръ вспоминаютъ казаки - атаманы. О немъ сложены пѣсни, и распространенная изъ нихъ среди Хоперскаго, Лабинскаго, Кубанскаго и Кавказскаго полковъ:

— Вдругъ ударилъ громъ изъ тучекъ
Три дня сряду дождикъ лиль,
Подъ завалы подступали
Самъ Крюковскій съ нами былъ...

Пѣлось именно про него.



Наказный Атаманъ Черноморскаго Казачьяго Войска.
Генералъ-маіоръ
Князь Григорій Романовичъ Эрстовъ.
1852-1855 г.

Родился въ 1812 г.; въ 1829 г. поступилъ на службу; рано произведенъ въ генералы и до атаманства командовалъ Горскимъ коннымъ полкомъ.

Родомъ — изъ Грузинскихъ князей.

Въ 1777-79 гг. съ верховьевъ Донскаго Войска, съ рѣки Хопра, впадающей въ рѣку Донъ въ районѣ нынѣшняго г. Ставрополя, былъ переселенъ 1 Хоперскій полкъ, который въ 1826 году былъ вновь переселенъ въ самое верховье р. Кубани и образовалъ новыя станицы. По Хоперскому полку числится старшинство Кубанскаго Казачьяго Войска съ 1696 г. Въ этомъ году, хоперскіе казаки, вмѣстѣ съ донскими казаками, подъ руководствомъ царя Петра Великаго, участвовали во взятіи турецкой крѣпости Азова. Послѣ Азова хоперскіе казаки участвовали подъ Полтавою въ бояхъ противъ Шведскаго короля Карла XII и, когда прибыли къ себѣ на родину, ихъ городки были снесены правительствомъ за участіе оставшихся тамъ казаковъ въ возстаніи атамана Кондратія Булавина.

Послѣ этой жестокой расправы цѣлое полстолѣтіе съ лишнимъ хоперскіе казаки подвергались всевозможнымъ ущемленіямъ со стороны центральной власти, вплоть до принудительнаго переселенія ихъ на Кубань.

Въ 1794 году, насильственнымъ путемъ на Кубань переселяются донскіе казаки изъ старовѣровъ и своими станицами занимаютъ среднее теченіе рѣки, образуя собою Кубанскій конный полкъ пятисотеннаго состава.

Въ 1803 году на Кубань добровольно переселилась часть казаковъ Екатеринославскаго Войска и, размѣстившись станицами между Черноморскимъ Войскомъ и Кубанскимъ полкомъ — образовали Кавказскій конный полкъ. По старому запорожскому обычаю, они избрали себѣ командира и офицеровъ изъ своей же среды.

Въ 1832 году, для болѣе радикальнаго управленія этими отдѣльными полками и полками старой линіи въ борьбѣ съ горцами — изъ нихъ образуется Кавказское линейное войско.

Съ 1841 по 1860 г., горцевъ отгнѣсняютъ въ горы и станицами заселяется линія по рр. Лабѣ, Чамлыку, Урупу и образуются Лабинская и Урупская бригады. Станицы эти образовались изъ выходцевъ Донскаго и Линейнаго Войска, Малороссійскихъ русскихъ солдатъ, приписанныхъ въ казаки. Эти бригады также вошли въ составъ Кавказскаго Линейнаго Войска.

Въ 1860 г., когда русскимъ войскамъ сдѣлся имамъ Дагестана, свѣтскій и духовный глава всѣхъ горцевъ, Шамиль — Кавказское линейное войско было разбито на три части: восточная часть, съ волжскими и гребенскими казаками образовала Терское Казачье Войско. Станицы небольшой средней части были переименованы въ села и причислены къ Ставропольской губерніи. Западная же часть, въ составѣ шести бригадъ — Хоперской, Урупской, Лабинской, Кубанской, Ставропольской и Кавказской, была соединена съ Черноморскимъ Войскомъ и образовала собою Кубанское Казачье Войско.

Съ 1860 по 65 годъ отъ горцевъ очищается вся мѣстность по рѣкѣ Бѣлой и заселяется новыми станицами. Дальше идетъ постепенное и упорное очищеніе всей мѣстности вплоть до Чернаго моря. Сюда переселяются черноморскіе и донскіе казаки, оказаваются государственные крестьяне и переселяется Азовское Казачье Войско, которое вернулось изъ Турціи въ 1828 году съ



Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго Войска.
Генералъ-маіоръ
Николай Александровичъ Рудзевичъ.
1855-1860 г.

Родился въ 1810 г. Сынъ одного изъ героев Отечественной войны, генерала Рудзевича, взявшаго съ боя высоты Монмартра и тѣмъ рѣшившаго сдачу Парижа.

Считался хорошимъ администраторомъ. По его ходатайству срокъ службы линейныхъ казаковъ съ 25 лѣтъ сокращенъ до 15.

Послѣдній атаманъ Кавказскаго линейнаго войска, которое, сведенное съ Черноморскимъ Войскомъ въ 1860 г., стало называться Кубанскимъ.

Происхожденія не казачьяго.

кошевымъ атаманомъ Гладкимъ, пробывъ подъ протекторатомъ турецкихъ султановъ ровно 53 года (со дня разрушенія Запорожской Сѣчи въ 1775 г.).

Этимъ періодомъ и заканчивается полное заселеніе настоящей Кубанской области.

Такъ, на протяжении семидесяти лѣтъ, долгой и упорной борьбы съ природою и воинственными горцами, на крови и костяхъ казачьихъ, заселяется полудикая Кубанская равнина и предгорье, образуется наше родное и кровное, цвѣтущее богатствомъ и мощью Кубанское Казачье Войско, главною своею массою населенія черпающее историческое начало въ глубинѣ вѣковъ отъ славнаго Казацкаго Войска Запорожскаго.

Только съ окончательнымъ замиреніемъ Западнаго Кавказа начинается періодъ мирнаго строительства Войска.

Тучный черноземъ, дивныя пастбища и сѣнокосы, трудолюбіе и хозяйственность казаковъ — естественно, вели къ улучшенію ихъ экономическаго благополучія.

Въ долгой и постоянной службѣ казакъ черпали грамотность, жизненный опытъ, сноровку.

Участіе во многихъ военныхъ походахъ за предѣлами Войска, позволяло каждому казаку, при его живомъ умѣ, врожденной смѣлкѣ и наблюдательности, — знакомиться со всѣмъ тѣмъ, что, такъ или иначе, могло быть полезно въ его станичномъ быту.

Дома же, на льготѣ, состоя до сороколѣтняго возраста въ служиломъ составѣ и одновременно участвуя въ общественной станичной жизни — казакъ постоянно варился въ соку долга и труда.

Эта вѣчная напряженность жизни создавала въ казакѣ волевой и терпѣливый элементъ, вдумчивый и серьезный, вѣчно стремящийся впередъ, — къ свѣту, къ прогрессу.

Культурная Кубань пестрѣла цѣлою сѣтью разныхъ школъ и училищъ.

Кубанское Войско, эта маленькая часть Великой Россіи, территоріей своею равная одной лишь губерніи, съ населеніемъ въ 3 милліона душъ (казаки, горцы, иногородніе) — къ 1920 году, на 400 крупныхъ населенныхъ пунктовъ — имѣла: низшихъ школъ — 2.200, высшихъ начальныхъ и городскихъ — 183, классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ — 120. Цифры школъ и училищъ — сами по себѣ говорятъ за постановку грамотности въ Войскѣ. Неграмотнымъ быть — считалось стыднымъ на Кубани.

Коренное и основное занятіе казаковъ — было земледѣліе. Но въ послѣдніе годы — промышленность шагнула впередъ гигантскими шагами. Къ этому же 20-му году фабрикъ и заводовъ въ краѣ насчитывалось около 8.000; изъ нихъ въ виду повсемѣстнаго земледѣлія, первое мѣсто занимали мельницы и маслобойни. Молотьба хлѣба шла только паровыми молотилками. (Это ли не показатель богатства?!). Скотоводство шло параллельно съ земледѣліемъ. Въ краѣ насчитывалось до милліона лошадей, болѣе двухъ милліоновъ рогатаго скота, болѣе трехъ милліоновъ тонкорунныхъ овецъ, до пятисотъ тысячъ свиней и много др. животныхъ. Если мы сопоставимъ эти цифры съ количествомъ всего населенія, выходитъ, что на каждую душу, даже и на городского жителя, на вновь рожденнаго ребенка и на дряхлаго старика, приходилось до трехъ животныхъ. Это, весьма не бѣдно, если принять во вниманіе, что въ центральныхъ русскихъ губерніяхъ, сплошь и рядомъ, въ крестьянскихъ семействахъ до десяти душъ, наблюдалась одна лошадь и одна корова съ телкомъ...

Край цвѣлъ и развивался и сулилъ еще большее благополучіе трудолюбивому и добросовѣстному казачьему населенію, но... грянулъ разрушительный громъ коммунизма и все разрушилъ...

И вотъ грамотное, богатое, культурное, съ чувствомъ собственного достоинства, казачье населеніе въ періодъ гражданской войны, когда русскій крестьянинъ шелъ въ красную армію или, по меньшей мѣрѣ, держалъ нейтралитетъ, — поголовно взялось за оружіе и, въ противовѣсъ надвигающемуся коммунистическому разрушенію, въ охраненіе своего казачьяго лица и достоинства, выставило: три пластунскихъ отдѣльных бригады, шесть конныхъ дивизій, три отдѣльных бригады, черкесскую конную дивизію, Карачаевскую Конную бригаду, 24 артиллерійскихъ батареи, — имѣя въ тылу: два военныхъ училища, учебные артиллерійскій дивизионъ, пластунскій баталіонъ, конный дивизионъ, запасный конный полкъ, 11 запасныхъ конныхъ сотенъ и 6 запасныхъ пластунскихъ.

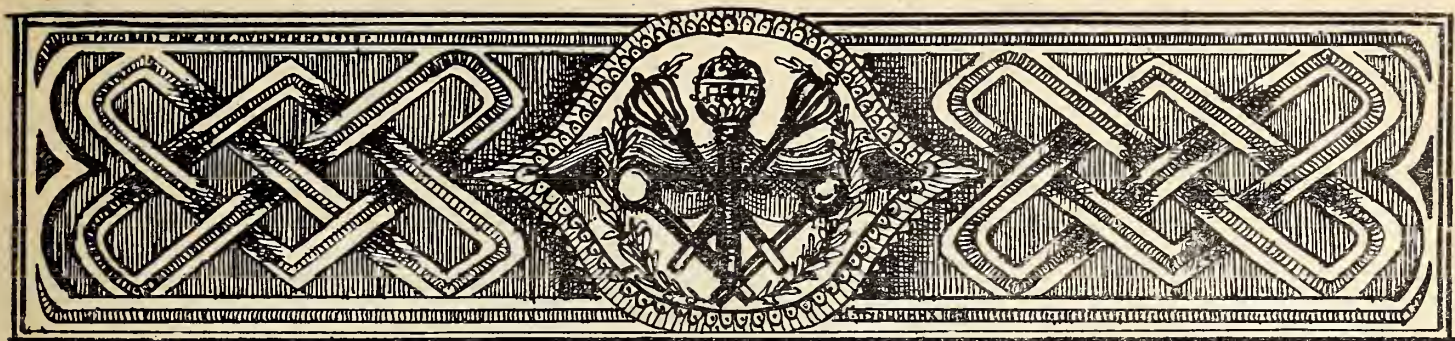
Въ самые тяжкіе и острые моменты борьбы съ коммунистами — Кубань выставила до 110.000 бойцовъ, составляя почти 80% всѣхъ силъ Русской Добровольческой Арміи.

Таковы вкратцѣ историческія и цифровыя данныя, указывающія на то, что такое Кубань, наше родное, кровное и дорогое

Кубанское Казачье Войско.

Полковникъ Елисѣевъ.





КУБАНСКІЙ ВОЙСКОВОЙ АТАМАНЪ
Генеральнаго Штаба Генераль-маіоръ
Вячеславъ Григорьевичъ НАУМЕНКО.

Казакъ ст. Петровской Таманскаго острѣла Кубанскаго Казачьяго Войска.

Родился 4 марта 1883 года. Окончилъ Воронежскій кадетскій корпусъ, Николаевское кавалерійское училище въ Петроградѣ и Николаевскую Военную Академію Генеральнаго Штаба въ 1914 году.

По производствѣ въ офицеры вышелъ въ I Полтавскій полкъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

Въ Гражданскую войну: Начальникъ Штаба Кубанскаго Войскового отряда, выступившаго въ Кубанскій (ледяной) походъ; командиръ Корниловскаго коннаго полка К. К. В.; Командиръ бригады I конной дивизіи; Походный Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска и командиръ 2 Кубанскаго коннаго корпуса.

На постъ Кубанскаго Войскового Атамана избранъ Кубанской Краевой Радой на о. Лемносѣ (Греція) 4 декабря 1920 года.

Отрывокъ изъ воспоминаній

2 августа 1918 года Корниловскимъ полкомъ Кубанскаго Войска была занята столица Кубани — Екатеринодаръ. Большевики отступили за Кубань. На слѣдующій день въ Екатеринодаръ вступили радостно встрѣченныя жителями части войскъ Юга Россіи.

Послѣ короткой передышки, Корниловскій полкъ, въ составѣ 1-й конной дивизіи, былъ переброшенъ за Кубань для дальнѣйшаго наступленія вверхъ по ея теченію. Генералъ Деникинъ направилъ пѣхоту вдоль Владикавказской дороги на Армавиръ, куда должна была наступать и 1-й конная дивизія.

Сбивъ красныхъ съ переправы черезъ Лабу у станицы Тенгинской, дивизія перешла на правый берегъ рѣки и двинулась вверхъ по ней, тѣсняя передъ собою конницу противника.

26 августа я получилъ приказаніе со своей бригадой въ составѣ Корниловскаго, 1 Запорожскаго полковъ и двухъ конныхъ орудій, занять хуторъ Скобелевскій, расположенный сѣвернѣе станицы Петропавловской.

Послѣ небольшого боя, хуторъ этотъ былъ занятъ нами на разсвѣтѣ 27 августа. Противъ насъ была конница Кочубея.

Должно отмѣтить, что въ это время конскій составъ нашихъ полковъ былъ переутомленъ непрерывнымъ походомъ съ Дона и боями на пути къ Екатеринодару, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ очищеніи отъ красныхъ Закубанья. Огнестрѣльныхъ припасовъ почти не было — имѣли то, что удавалось отбить у противника. Наша артиллерія имѣла по нѣсколько десятковъ патроновъ на орудіе, а въ полкахъ винтовочные патроны считались на шуки.

Конница красныхъ также не блистала конскимъ составомъ и была морально надорвана неудачными операціями на Кубани.

Я имѣлъ приказаніе начальника дивизіи, занявъ Скобелевскій хуторъ, ожидать дальнѣйшія его распоряженія.

Послѣ занятія нами хутора, конница противника отошла на востокъ и, получивъ подкрѣпленіе, задержалась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него.

Къ полудню 27 августа наше положеніе было таково: на правомъ флангѣ, выдвинувшись примѣрно на версту-полторы отъ хутора, находились Корниловцы, а лѣвѣе, отдѣленные болотистымъ ручьемъ, — Запорожцы. Единственной переправой черезъ ручей была гребля около хутора Скобелевскаго, по которой конница могла пройти въ колоннѣ по три; около этой гребли стояла въ резервѣ 4 Корниловская сотня подъ командой подъесаула Н. И. Бородачева. Сзади Запорожцевъ, съ вернѣе хутора, у кургана занималъ позицію артиллерійскій взводъ, а на курганѣ былъ мой и артиллерійскій наблюдательный пунктъ. 4-я сотня Запорожскаго полка задержалась въ тылу и должна была присоединиться къ полку.

Около часу дня въ Скобелевскій хуторъ прибылъ начальникъ дивизіи генералъ Афросимовъ съ начальникомъ штаба полковникомъ Баумгартеномъ. Только что они успѣли спѣшиться и подняться на наблюдательный пунктъ, какъ Запорожцы сбили красныхъ, и ихъ лава быстро скрылась за перегибомъ мѣстности, преслѣдуя противника. Нашъ артиллерійскій взводъ снялся съ позиціи и послѣдовалъ за Запорожцами.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ картина рѣзко измѣнилась.

Изъ-за бугра показалась лава Запорожцевъ, стремительно отступавшая, а за нею конница красныхъ, мѣстами уже смѣшавшаяся съ Запорожцами. Началась рубка. Наша артиллерія не успѣла сняться съ передковъ и повернула назадъ. Положеніе ея было критическимъ. 4-я Запорожская сотня замѣшкалась въ тылу, Корниловцы не могли атаковать противника, будучи отрѣзаны отъ него болотистымъ ручьемъ, и не могли поддержать Запорожцевъ огнемъ, не рискуя нанести имъ потери.

Конная массъ неслась мимо хутора и гребли. Въ этотъ моментъ подъесаулъ Бородачевъ, учтя обстановку, бросился, во главѣ своей сотни, во флангъ противнику. Сотня атаквала черезъ греблю, въ колоннѣ по три. Ударъ 4-й Корниловской сотни былъ настолько стремителенъ и неожиданъ для красныхъ, что они замялись, а въ это время ихъ атаквала съ фронта 4-я Запорожская сотня, только что подошедшая къ полю боя. Запорожцы ободрились, повернули и перешли въ контръ-атаку. Противникъ былъ опрокинутъ и поспѣшно отошелъ, преслѣдуемый Запорожцами на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Въ атакѣ вражескій кавалеристъ перерубилъ кость правой руки выше кисти командиру Корниловской сотни подъесаулу Бородачеву. Потери сотенъ не велики.

Атака и контръ-атака длились въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

Здѣсь была проявлена разумная инициатива подъесауломъ Бородачевымъ и командиромъ 4 Запорожской сотни, фамиліи котораго, къ сожалѣнію, не помню, а казаками ихъ сотенъ — примѣрная храбрость и мужество.

Благодаря ихъ доблести не только былъ отброшенъ противникъ, но и спасены наши орудія.

29 августа 1-ю конную дивизію принялъ новый ея начальникъ генералъ - майоръ Врангель. Въ тотъ же день красные были отброшены къ станицѣ Михайловской, гдѣ они укрѣпились и задержали наступленіе дивизіи на цѣлый мѣсяцъ.

В. Науменко



Кубанскій Войсковой хоръ въ Сербіи въ 1921 году.
Въ центрѣ — Войсковой Атаманъ Генералъ Науменко.



Группа Казаковъ - Конвойцевъ.

КУБАНЦЫ

Впервые я увидѣлъ кубанцевъ въ Петербургѣ въ 1891 г. юнкеромъ Николаевского кавалерійскаго училища на первомъ кавалерійскомъ зимнемъ парадѣ государя императора Александра III.

Это былъ Конвой Его Величества.

Среди огромныхъ кирасиръ въ блестящихъ каскахъ и кирасахъ, на крупныхъ лошадахъ, съ звенящими палашами, легкихъ гусаръ, уланъ, драгунъ и конно гренадеръ на отличныхъ быстрыхъ коняхъ, прекрасной Донской гвардейской бригады на сытыхъ, рослыхъ лошадахъ, бородатыхъ уральцевъ на мохнатыхъ здоровыхъ маштакахъ, — конвойцы (кубанцы и терцы) въ своихъ красивыхъ расшитыхъ черкесахъ, блестя серебромъ шашекъ, кинжаловъ, гозырей и конскаго набора, въ высокихъ черныхъ папахъ, на хорошихъ, быстроногихъ коняхъ — произвели на насъ, юнкеровъ, — впечатлѣніе красоты, быстроты и силы. Ихъ близость къ государю, его довѣріе къ нимъ, какъ къ своей личной охранѣ, — наполняло гордостью наши юныя казачьи сердца:

Царь вѣритъ казакамъ и любитъ ихъ!

А въ то золотое время, когда для насъ, молодежи, государь былъ полубогомъ, великимъ вождемъ могучей арміи, — его вниманіе и ласка къ казакамъ - конвойцамъ чувствовалась нами, какъ довѣріе царя ко всему казачеству, безъ различія войскъ.

Плотный, коренастый, въ формѣ одного изъ гвардейскихъ полковъ, крѣпко сидя на крупномъ гнѣдомъ конѣ, государь медленно объѣхалъ войска, здороваясь съ ними. Сзади него, передъ свитой, ѣхали два красав-

ца - трубачи конвойцы съ серебряными трубами, — не спуская съ него глазъ. Прекрасно одѣтые, сверкая серебромъ, они рѣзко выдѣлялись на фонѣ сѣрыхъ шинелей и низкихъ барашковыхъ шапокъ — скромной формы царя - миротворца, не любившаго пышности.

Объѣздъ конченъ. Войска перестроились къ церемоніальному маршу. Государь сталъ у воротъ Зимняго дворца противъ величественной Александровской колонны. Звонко прозвучали въ морозномъ воздухѣ серебряныя трубы сигналъ движенія. И впереди, всѣхъ, держа винтовки въ правой рукѣ, плавно, казачьей рысью двинулся Конвой Его Величества — во главѣ всей гвардейской кавалеріи.

За ними мы — Николаевское кавалерійское училище, за нами — вся кавалерія.

Какъ это было красиво! Легкость, сила, бодрость... Все подтянуто, безъ шума, въ полномъ порядкѣ, съ отличнымъ равненіемъ...

Прошло много лѣтъ. За это время мнѣ не приходилось встрѣчаться съ кубанцами въ массѣ, кромѣ того же Конвоя Его Величества, со службою котораго мнѣ пришлось познакомиться ближе и проникнуться полнымъ уваженіемъ къ нему: скромность, строгое исполненіе своихъ обязанностей, отличное знаніе строевой службы — это вошло въ плоть и кровь каждого конвойца.

Наступила грозная Великая война.



Пластуны въ залогъ на Кубани.

Откомандовавъ 4-мъ Мариупольскимъ гусарскимъ, а затѣмъ Л. Гв. Сводно - казачьимъ полкомъ, — уже въ должности начальника штаба походнаго атамана всѣхъ казачьихъ Войскъ великаго князя Бориса Владимировича, побывавъ на всѣхъ фронтахъ, гдѣ сражались казаки, я видѣлъ кубанцевъ въ составѣ боевыхъ полковъ и дивизій.

Рослые, здоровые люди, чисто одѣтые, на хорошихъ лошадахъ; порядокъ, стройность на смотру. Начальство свидѣтельствовало, что въ бояхъ — держались молодцами: у многихъ на груди сверкали георгіевскіе кресты. Въ Малой Азіи видѣлъ знаменитыхъ пластуновъ, слышалъ объ ихъ легендарныхъ атакахъ Эрзерума.

Уже въ 1916 году выяснилось, какое страшное напряженіе пришлось вынести казачьимъ Войскамъ въ Великую войну. Казаки дали все, что были въ силахъ, на боевую службу Родинѣ (до 300.000 чел.) и въ штабъ походнаго атамана начали поступать заявленія отъ наказныхъ атамановъ, что ихъ Войска скоро будутъ уже не въ силахъ давать пополненія въ войсковыя части на фронтѣ. И такое заявленіе первымъ пришло съ Кубани...

Наступила наша ужасная революція. Я вернулся въ строй и послѣдовательно командовалъ Забайкальской кзачьей, а затѣмъ — 1-ой Гв. кавалерійской дивизіей. За это время мнѣ не приходилось встрѣчаться съ кубанцами, но среди массы разсказовъ о тѣхъ ужасахъ, какіе творились въ регулярныхъ частяхъ російской арміи въ это время, — я ни разу не слышалъ о чемъ либо подобномъ среди казачьихъ частей, въ томъ числѣ и кубанскихъ.

Въ концѣ 1917 года, когда нѣкогда блестящіе полки 1-ой Гвардейской кавалерійской дивизіи, несмотря на отчаянныя мои усилія сохранить ихъ въ порядкѣ, — разбрелись и ушли по домамъ, я уѣхалъ на Донъ въ распоряженіе атамана Каледина. Черезъ полтора мѣсяца я принялъ участіе въ Ледяномъ походѣ, командуя маленькимъ Партизанскимъ полкомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ, изъ донцовъ. Большую часть этого похода, подъ начальствомъ генерала Корнилова, а затѣмъ Деникина, — намъ пришлось провести на Кубани. И здѣсь впервые я побывалъ во многихъ кубанскихъ станицахъ, ближе познакомился съ населеніемъ, его жизнью, отношеніемъ къ революціи и къ намъ.

Вполнѣ естественно, что масса населенія, въ большинствѣ зажиточнаго, даже богатаго, трудолюбиваго, жившаго до сихъ поръ мирной, спокойной жизнью, — совершенно не сочувствовала революціоннымъ идеямъ и вовсе не желала пришествія благодѣтелей - большевиковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, видя наши ничтожныя силы — боевой составъ Добровольческой арміи не превышалъ 3.000 человекъ, — опасалась за свою судьбу въ случаѣ нашего ухода. Поэтому мы не находили на Кубани, какъ и на Донѣ, серьезной поддержки, хотя вездѣ въ станицахъ было много фронтовиковъ. Мѣстная мобилизація не давала намъ много новыхъ воиновъ, да и нерѣдко часть ихъ разбѣгалась на слѣдующемъ же переходѣ. Мы были — нежелательные гости, и нашему уходу были рады, въ надеждѣ, что идущіе за нами большевики не тронутъ нашихъ временныхъ хозяевъ. Какъ часто потомъ были обмануты въ этомъ бѣдные кубанцы!

Кончился Ледяной походъ, во время котораго въ теченіе 2 1/2 мѣсяцевъ мы прошли свыше 1000 верстъ и выдержали до полусотни боевъ, потерявъ убитаго подъ Екатеринодаромъ Корнилова и многихъ соратниковъ. Все же вернулись на Донъ почти въ томъ же составѣ, — около 3000 человекъ. Пополненія дала намъ Кубань. Лично у меня за этотъ походъ осталось доброе воспоминаніе о моихъ соратникахъ кубанцахъ, часто молодыхъ парняхъ, въ первый разъ попавшихъ въ бой. Здоровые, молодые ребята весело, съ пѣснями, шли на смерть и упорно отбивали атаки противника.

Никогда не забуду, какъ въ бою подъ ст. Корневской, когда я, командуя бригадой, приказалъ нѣсколькимъ сотнямъ только что набранныхъ молодыхъ кубанцевъ отступить съ позиціи, которую они кое-какъ укрѣпили, — для того, чтобы не подвергать ихъ опасности атаки наступающихъ значительныхъ силъ противника и отвести ихъ въ резервъ, замѣнивъ болѣе опытными частями, — получилъ отъ нихъ просьбу — оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ "все равно, ихъ опять потомъ пошлутъ впередъ, а они утомились". Сказалась хохлацкая лѣнь. Я посмѣялся, но исполнилъ это желаніе, и молодые кубанцы доблестно отбили противника.

Прошелъ еще годъ. За это время не разъ Донъ, Кубань и Терекъ освобождались отъ нашествія большевиковъ. Донъ своей грудью прикрывъ своихъ братьевъ отъ кровавой волны съ сѣвера и имѣвшимъ



Штабъ-трубачи Конвойцы въ льготныхъ лагеряхъ на Кубани

только сравнительно незначительнаго внутренняго врага, легче было съ нимъ справиться. У нихъ раньше, чѣмъ на Дону, стали возможными порядокъ и мирная жизнь, въ то время, какъ на сѣверныхъ и восточныхъ границахъ Дона не прекращалась упорная война. И наступило время, когда Донъ уже не въ состояніи былъ только своими силами отбивать полчища противника, и мнѣ пришлось, какъ атаману, исполняя желанія донцовъ, обратиться къ ген. Деникину съ просьбой направить кубанскіе и терскіе полки, предназначенные имъ для похода на Орель, — на помощь донцамъ. Это было исполнено. По моему приказанію, нашихъ кавказскихъ братьевъ съ почетомъ встрѣчали въ Ростовѣ и устраивали въ ближайшихъ къ Новочеркасску станицахъ.

Передвинутые затѣмъ на фронтъ кубанцы доблестно сражались съ большевиками и оказали братскую помощь Дону.

Одновременно съ боевыми дѣйствіями на фронтѣ, внутри нашихъ казачьихъ Войскъ шла огромная, упорная работа по налаживанію мирной жизни и исправленію всего, разрушеннаго революціей.

Казачьимъ областямъ пришлось временно стать независимыми государствами.

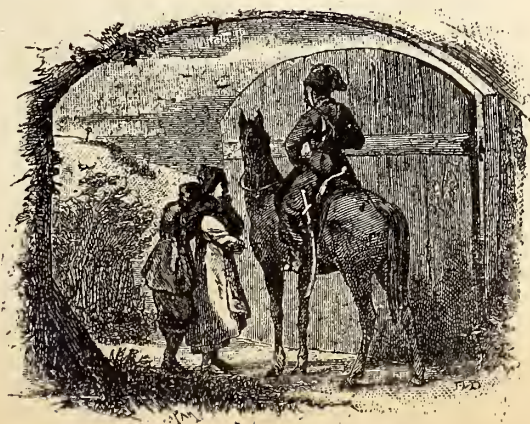
Не всегда мѣстные интересы нашихъ Войскъ сходились. Происходили иногда тренія, которыя, однако, мирно разрѣшались смѣшанными комиссіями. Я не буду касаться тѣхъ треній, какія происходили у кубанцевъ съ главнымъ командованіемъ. Они принимали иногда трагическій характеръ... Исторія раз-

судить, кто былъ правъ или виноватъ въ нихъ. Ошибки были съ обѣихъ сторонъ. Отъ всей души можно пожалѣть объ этомъ: однимъ изъ послѣдствій этихъ столкновений было то, что кубанцы, съ такой доблестью сражавшіеся подъ Царицыномъ, на сѣверѣ Дона, въ Воронежской губ., — не оказали должнаго сопротивленія врагу, когда онъ на плечахъ отступающихъ обезсилѣвшихъ донцовъ ворвался въ ихъ родную область...

Потомъ Новороссійскъ, Крымъ, Перекопъ, блестящіе бои въ сѣверной Тавріи, герой Бабіевъ, кубанскій десантъ, опять Перекопъ, Ялта и Феодосія, Константинополь, Лемнось... Затѣмъ — кубанская дивизія въ Сербіи, а одиночные кубанцы и небольшія ихъ группы — по всему свѣту.

Сами кубанцы расскажутъ о томъ, что имъ пришлось пережить за эти тяжкіе годы — это дѣло ихъ историковъ. Мы же, донцы, повторяемъ, какъ и всегда, что общее горе, всѣ пережитыя страданія, общія надежды на воскресеніе нашихъ родныхъ краевъ, какъ и прежняя борьба рядомъ противъ общаго злѣйшаго врага, объединяетъ насъ и заставляетъ забывать всѣ прежнія, если какія и были когда-то, тренія между нами, — во имя братской взаимной помощи въ грядущей борьбѣ противъ большевиковъ, для восстановленія нашихъ прекрасныхъ родныхъ краевъ — въ составѣ возрожденной могучей Россіи.

А. Богаевскій





Знамя I Кубанскаго полка.

Кубанцы въ Великой войнѣ

(Подвигъ дивизиона 1-го Линейнаго казачьяго генерала Вельяминова полка Кубанскаго Казачьяго Войска войскового старшины Улагая у д. Н. Червище въ августѣ 1916 года).

Донское и Кубанское — два старѣйшихъ войска казачьихъ Россійской Имперіи. Одно росло подъ зліяніемъ великороссійскимъ, пополняясь изъ Москвы, Рязани, Воронежа и Твери. Обычаи заимствовало отъ Руси, платье носило великорусское, блюло старую вѣру и крѣпло въ бояхъ съ турками и татарами. Другое пополнялось изъ Малороссіи, изъ польскихъ панскихъ вотчинъ, впитывало въ себя польскую культуру, говорило пѣвучимъ малороссійскимъ говоромъ и крѣпло, ожесточаясь въ бояхъ съ турками и поляками. Закалялось въ Запорожской Сѣчи съ почти монастырскимъ жизненнымъ укладомъ.

Два разныхъ культуры — два разныхъ Войска: Донское и Запорожское — мать Кубанскаго.

Кавказскія войны вѣнчали ихъ бракомъ. Баклановъ и Вельяминовъ были дружками, великій князь Михаилъ Николаевичъ — посаженнымъ отцомъ. Тамъ дрались они братскимъ общимъ строемъ и несли тяжелую докучную службу "на линіи". Тамъ, на Кавказѣ, запорожцы слились съ линейными донцами и составили Кубанское Войско. Тамъ донцы пѣли протяжно и грустно про пику.

Орловъ Кавказа внемля крику,
Донской казакъ сторожевой,
Безмольно прислонясь на пику —
Онъ думалъ о странѣ родной.

Кубанцы имъ вторили про кривую, легкую шашку, полчокъ, — владѣть которой были они такими мастерами. Арбузы на скаку перерубали!

Стать атаману съ Михаиломъ,
Передъ войсками на врага —
На шашки удалю прибрывемъ,
Врагамъ тутъ смерть, а намъ — ура!..

Послѣ покоренія Кавказа донцы вернулись съ Грузинской линіи на Тихій Донъ — кубанцы заселили Кубань, побережье Чернаго моря и сѣверные отроги Кавказскихъ горъ. Покумилась съ мѣстными жителями татарами и черкесами, породнились съ князьями и ханами, взяли ихъ одежду и танцы, веселый и лихой ихъ боевой обычай: —

На войну, какъ на охоту,
Съ радостью пойдемъ.
Мы турецкую пѣхоту —
Въ полонъ заберемъ...

Черкеска и лезгинки боевымъ куначествомъ связали ихъ съ народами Кавказа. Самъ донецъ, я, если не считать знакомства съ кавказскими казаками Собственнаго Его Величества Конвоя, впервые повидаль кубанцевъ въ 1903 году, когда зимою объѣхалъ ихъ приграничную "линію" по турецкому и персидскому рубежамъ. 1-й Полтавскій, 1-й Уманскій, 1-й Кавказскій полки несли тамъ пограничную службу въ Каракуртѣ, Аралыхъ, Кагызманѣ, Игдырѣ и другихъ мѣстахъ, не на всякой картѣ указанныхъ. Помню охоту, поѣздки къ куртинскимъ князьямъ, лихихъ горскихъ коней, терпкое Кахетинское вино и стройныя пѣсни, словно по нотамъ пол-

ковых "пѣвчих". Но то было знакомство мимолетное, дорожное — от него остались одни красочныя, краткія впечатлѣнія.

Болѣе подробно узналъ я кубанцевъ, когда получилъ, уже въ разгаръ Великой войны въ командованіе 2-ю казачью Сводную дивизію...

Дивизія эта была одна изъ доблѣстнѣйшихъ и красивѣйшихъ конныхъ дивизій Императорской арміи. Въ ней соревновались четыре славныхъ Войска: — Донское, Кубанское, Терское и Оренбургское. Донское — въ полкахъ 16-мъ и 17-мъ генерала Бакланова — имѣло представителей низовыхъ — 16-й полкъ — и верховыхъ — 17-й полкъ — донскихъ казаковъ. Кубанское Войско имѣло въ ней 1-й Линейный генерала Вельяминова полкъ, Терское — 1-й Волгскій Е. И. В. наслѣдника цесаревича полкъ и Оренбургское — 2-ю и 3-ю оренбургскія конныя батареи.

Характеръ казаковъ отдѣльныхъ Войскъ особенно сказывался на войнѣ, гдѣ напряженіе нервы, душа на распашку и тайное явное.

Помню кануны большихъ боевъ, прорывовъ, сраженій, когда непрерывна канонада нѣмецкихъ орудій и близокъ часъ работы конницы. Тихъ и серьезно нахмуренъ донской бивуакъ. Великорусскій характеръ, старовѣрскій и сосредоточенный въ немъ сказывался: —

... — Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый,

Кто киверъ чистилъ весь избитый,

Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,

Кусая длинный усь...

На бивуакъ Кавказской бригады — дымъ корымыломъ. До зари не смолкаютъ трубачи. Играютъ пѣсни, поетъ зурна, бьетъ бубень — идетъ лезгинка съ хлопаньемъ въ ладоши, съ дикими гортанными вскриками, съ револьверной пальбой. Рѣютъ алые башлыки кубанцевъ, развѣваются голубые Волгцевъ. Пиръ — а не война!.. Подлинно: — "на войну, какъ на охоту — съ радостью пойдемъ!..."

Славнымъ боемъ, лихою конною атакою на венгерскую конницу 4-го августа 1914 года подъ Городкомъ начали въ Великую войну безчисленные свои подвиги кубанскіе казаки 1-го Линейнаго генерала Вельяминова полка и необычайно красивымъ и смѣлымъ подвигомъ выручки нашей пѣхоты закончили черезъ два года, въ августѣ 1916 года, у деревни Рудка Червище на рѣкѣ Стоходѣ. Послѣ было мрачное сидѣніе въ окопахъ, революція и... конецъ...

Подвигъ Линейцевъ въ бою у Рудка Червище по самой своей обстановкѣ необычаенъ. Конныя части пошли впереди пѣхоты черезъ болотистую рѣку, на крутой обрывистый берегъ, на проволоку окоповъ германской пѣхоты!

Въ августѣ 1916 года наша пѣхота 3-й арміи ген. Леша получила заданіе: — пробить германскую сильно укрѣпленную позицію на рѣкѣ Стоходѣ и овладѣть лѣвымъ берегомъ для устройства плацдарма, имѣя въ виду дальнѣйшее наступленіе позднею осенью и весною 1917-го года.

На участкѣ противъ сел. Тобола и дер. Рудка Червище наступала бригада пѣхотной дивизіи (если память мнѣ не измѣняетъ — 25-ой). Здѣсь раньше держалъ сторожевое охраненіе 1-й Линейный казачій генерала Вельяминова полкъ Кубанскаго казачьяго Войска и здѣсь же конно - саперной командой 2-й казачьей сводной дивизіи подъ начальствомъ есаула 1-го Волгскаго полка Терскаго казачьяго Войска Зимина, наводились, взаимнѣе пожженныхъ, новые мосты.

Пѣхота, съ разсвѣтомъ начавшая наступленіе, къ полудню подошла къ рѣкѣ и здѣсь залегла. Передъ нею, какъ только вышла она изъ ольховыхъ и осиновыхъ лѣсовъ, открылась мѣстность, поросшая густымъ камышемъ и вся насквозь прострѣливаемая артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. За камышами скрывалась рѣка, текущая многими рукавами, темная, невѣ-

домая, казалось: — глубокая, топкая и неодолимая. За рѣкою черно - песчаная, отвѣсная осыпь вражескаго берега и на нихъ кружевной узоръ проволоки и кольевъ и невидимые окопы потревоженныхъ горланцевъ. Вошедшія въ камыши пѣпи смѣшались. Управление было потеряно. Солдаты не видѣли своихъ офицеровъ, офицеры видѣли лишь единичныхъ стрѣлковъ. Тщетны были свистки и крики "впередъ... впередъ!.." Изъ камыша вылѣзали единичные смѣльчаки и гибли, такъ какъ въ топкомъ, болотистомъ грунтѣ нельзя было окопаться. Пѣхотная атака захлестнулась. Артиллерія безсилна была ей помочь, и дѣло становилось, что называется: — дрянъ. Единственное средство было — встать и; не останавливаясь — перебраться болотистые рукава, — однако, болѣе версты! — и окопаться на нѣмецкомъ берегу. Начальникъ пѣхотной дивизіи генералъ лейтенантъ В. послѣ полудня вызвалъ меня къ себѣ на наблюдательный пунктъ, на вышку у лѣской прогалины, верстахъ въ двухъ отъ рѣки. Ввѣренная мнѣ дивизія переходила въ его подчиненіе.

— Легче въ знойный день по сыпучему песку везти телѣгу, груженую камнями, — сказалъ онъ мнѣ, — чѣмъ двигать впередъ залегшія пѣхотныя пѣпи, потерявшія сердце.

Шелъ третій годъ войны. Части состояли почти сплошь изъ запасныхъ. Старыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ было мало.

— Наши, — продолжалъ генералъ В. — бояться идти въ рѣку. Увлеките ихъ своими людьми. Покажите имъ, что рѣка проходима въ бродъ.

Переговоривъ по телефону съ командиромъ 1-го Линейнаго полка, я вызвалъ къ себѣ войскового старшину Улагая, занимавшаго заставами этотъ участокъ рѣки и приказалъ ему изготовить для боя его 2-й дивизіонъ 1-го Линейнаго полка и коннопулеметную команду.

И было между мною и доблѣстнѣйшимъ войсковымъ старшиною Улагаямъ рѣшено, что Линейцы пойдутъ въ конномъ строю, поѣзделонно, широко разомкнувшись, имѣя пулеметы на выюкахъ, что такъ они пройдутъ лѣсъ и камыши, на коняхъ перейдутъ всѣ рукава рѣки и, прижавшись къ непріятельскому берегу и старой дамбѣ мостовъ, въ мертвомъ, необстрѣливаемомъ пространствѣ спѣшатся и ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ съ близкой дистанціи погасятъ на участкѣ противъ сел. Тобола огонь германской пѣхоты и дадутъ возможность нашей пѣхотѣ перейти рѣку.

Предпріятіе безумное, — но во вкусъ войскового старшины Улагая. Чѣмъ рискованнѣе было дѣло — тѣмъ интереснѣе и увлекательнѣе было для него.

Прошло болѣе часа. Войсковой старшина Улагай давно уѣхалъ отдавать распоряженія своимъ сотнямъ. Стоялъ жаркій августовскій день. Высокая, некошенная трава широкой лѣсной прогалины не шевелилась и тонкій ароматъ травныхъ сѣмянъ шелъ отъ нея. Жужжали кругомъ пчелы, толклись комарики и трепетали по ту сторону прогалины осины рѣдкаго лѣса. И на мгновеніе стало тихо, какъ бываетъ тихо въ бою, послѣ полудня, когда захлестнется атака и наступитъ роковая, недоумѣнная минута: — или впередъ, или назадъ... Рѣдко постукивали надъ рѣкою выстрѣлы.

Вдругъ громомъ небеснымъ прокатился залпъ германскихъ батарей. Противъ насъ, на одной высотѣ съ нами стаями бѣлыхъ дымковъ повисли надъ лѣсомъ разрывы шрапнелей. Секунда перерыва и новые залпы, и новыя стайки шрапнельныхъ разрывовъ, точно барашки на небѣ.

Изъ лѣса мягкою, павною неслышною рысью выходили Линейцы. Гнѣдые кони упруго шли по травѣ. Черныя папахи съ алыми тумачами, сѣрыя черкески, и за плечами чуть колыхали, развѣваясь концами красныя башлыки. Первымъ выѣхалъ на гнѣдомъ конѣ командиръ 4-й сотни подъесаулъ Тутовъ и съ нимъ хорунжій

Венеровскій, за 4-й сотней, ведя пятую, шелъ подъесауль Пахомовъ и хорунжій Посоховъ, и за ними, пересѣкая зеленое поле на статномъ свѣтло-сѣромъ красавцѣ конѣ командиръ шестой сотни подъесауль Лисевикій и съ нимъ лихой партизанъ - развѣдчикъ сотникъ Непокупной. Войсковой старшина Улагай велъ сотни. За 4-й сотней шли пулеметные выюки хорунжаго Малахина.

Удивительной, рѣдкой по красотѣ батальной картиной запечатлѣлись въ моей памяти эти широко разомкнутыя шеренги сотенъ, проходящихъ подъ грохотъ шрапнельныхъ разрывовъ широкую зеленую поляну на фонѣ ольховаго и осиноваго лѣса. Никто, нигдѣ не разравнялся, никто не сбился съ интервала, не потерялъ направленія. Ни одна не заскакала лошадь. Молча, сурово - нарядно, обвѣянные духомъ побѣды, прошли Линейцы, какъ красивое видѣніе войны, и скрылись въ лѣсу. Ихъ движенія не было больше видно. Оно отмѣчалось только дымками шрапнелей... И прошло пять, десять напряженныхъ минутъ ожиданія.

Вдругъ бѣшено затрещали ружья и пулеметы вдоль берега. Германская пѣхота обрушилась на Линейцевъ, вышедшихъ изъ лѣса и проходившихъ открыто черезъ камыши.

Первою на вражескій берегъ выскочила 4-ая сотня. Во время переправы ни одна лошадь, ни одинъ казакъ не были убиты. Точно околдованы были нѣмцы видомъ этой безумной храброй атаки. Но, какъ только казаки попали на чистое, на берегъ съ почти отвѣсными краями, на прямой выстрѣлъ стали поражать Линейцевъ германцы. Впереди — круча и на ней проволока въ девять рядовъ кольевъ, влѣво крутая дамба моста. Командиръ 4-й сотни подъесауль Тутовъ только успѣлъ указать казакамъ на дамбу, какъ и упалъ, тяжело раненый. Среди казаковъ произошло мгновенное, пагубное замѣшательство. Часть, увлекаемая доблестнымъ хорунжимъ Венеровскимъ, поскакала къ дамбѣ; за ней увязались пулеметы хорунжаго Малахина. Часть замѣталась вдоль берега. Стали надать убитые и раненые люди и лошади. Въ эту сумятицу вскочила 5-я сотня. Ея командиръ подъесауль Пахомовъ тутъ же упалъ, убитый пулеметнымъ огнемъ. Сотня, оставшаяся на молодого хорунжаго Посохова, смѣшалась. Но въ это мгновеніе затрещали винтовочные выстрѣлы за дамбой, застрочили кровавую строчку линейскіе пулеметы. Вставшіе, было, въ ростъ, германцы спрятали свои круглыя каски и фельдъ-грау мундировъ. Ихъ огонь на время

стихъ. Сотни оправились и съ налета перемахнули дамбу, укрываясь за ней отъ огня. Тамъ шло проворное спѣшваніе. Порядокъ возстановился. Частый огонь сталъ крыть наискось по нѣмецкимъ окопамъ — и только оправились нѣмцы — вотъ она — валомъ повалила наша пѣхота! Бригада генерала В. густыми цѣпями, увлеченная казаками, вылѣзала на берегъ. Затрещалъ, заскворчалъ, какъ масло на сковородѣ пачечный пѣхотный огонь. Развернули свою музыку пулеметы. Нѣмцы стали очищать передовые окопы. Наша пѣхота начала закрѣпляться на завоеванномъ берегу.

Опасная переправа совершилась.

“Небываемое” стало совершившимся.

Тѣмъ временемъ подъ жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ конные саперы есаула Зимина заканчивали мостъ. Особенно старались Линейцы. Знали: — понадобится ихъ мостъ вынести раненыхъ и убитыхъ. И, когда наступила августовская темная ночь, по наскоро насланымъ доскамъ понесли Линейцы своего любимаго командира сотни, раненаго въ голову подъесаула Тутова хорунжаго, убитыхъ и раненыхъ казаковъ Никого не оставили казаки въ болотахъ Стохода, всѣхъ вынесли — таковъ старый казачій кавказскій завѣтъ, таковы традиции отъ предковъ казаковъ Днѣпра и Дона.

Не такъ велики были потери, какъ, казалось, должны были быть. Одинъ офицеръ былъ убитъ и два ранено, около 40 казаковъ выбыло изъ строя, 12 лошадей было убито и очень много было ранено.

Дивилась пѣхота на кубанскую доблесть!

Дивизионъ войскового старшины Улагая вписалъ послѣднюю страницу въ толстую книгу славы и подвиговъ 1-го Линейнаго генерала Вельяминова полка, въ Великую войну совершенныхъ. На первой страницѣ этой книги подвигъ есаула Тихоцкаго подъ Городкомъ 4-го августа 1914 года, на послѣдней этотъ Червищенскій налетъ дивизиона войскового старшины Улагая... Дальше небытіе — до новыхъ подвиговъ гражданской войны.

Торжественно и печально хоронили кубанцы своихъ убитыхъ въ селеніи Грива.

А потомъ, какъ требуется по кавказскимъ дѣдовскимъ адатамъ, какъ поется въ застольной кавказской пѣснѣ: — Линейцы

...Стремилась къ схваткамъ новымъ,

Не ожидая череды...

Хвала же павшимъ, а здоровымъ

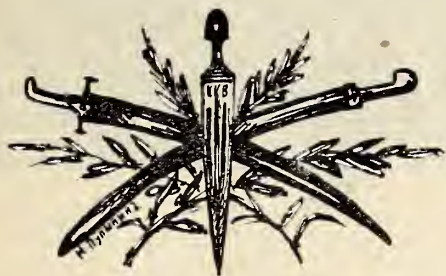
Алла верды!.. Алла верды!..

П. Красновъ



Группа г.г. офицеровъ Кубанской Казачьей дивизіи въ Сербіи въ 1921 г.

КУНАКИ



Въ сентябрѣ 1829 г. за Кубанью было неспокойно... Темиргоевскій князь Джембулатъ Айтековъ со своими наѣзdnиками готовилъ набѣгъ на казачьи станицы. Этотъ черкесскій князь пользовался широкой извѣстностью въ горахъ и среди казаковъ, какъ смѣлый и искусный предводитель. Его набѣги были жестоки...

На поиски непріятеля отъ Кавказскаго полка былъ высланъ сотникъ Гречишкінъ. Кавказскій полкъ въ это время находился внѣ своихъ станицъ, почему Гречишкіну едва удалось собрать отрядъ въ 50 казаковъ — 30 отъ станицы Казанской и 20 — отъ Тифлисской. Съ этими силами онъ переправился черезъ Кубань и двинулся къ р. Зеленчуку.

Казаки шли на рысяхъ. Вдругъ, въ одномъ изъ овраговъ ихъ окружила партія горцевъ человекъ въ 500. Казаки попали въ ловушку. Черкесы, однако, не бросились сразу на нихъ. Дѣло въ томъ, что Джембулатъ Айтековъ былъ кунакомъ (пріятелемъ) сотника Гречишкіна. Послѣдній славился межъ казаками и черкесами выдающейся храбростью. Это былъ великанъ - казакъ, отличавшійся необычайной физической силой. Отважный и храбрый Джембулатъ и не могъ имѣть иного кунака.

— Такъ, вотъ, гдѣ, Андрей намъ съ тобою пришлось встрѣтиться — крикнулъ Джембулатъ Гречишкіну.

Обычай куначества свято соблюдался черкесами. Взять кунака изъ сакли черкеса можно было, лишь перешагнувъ черезъ трупъ хозяина сакли. Нанести оскорбленіе кунаку, посягнуть на его жизнь и имущество, въ предѣлахъ владѣній его пріятеля, значило то же, что сдѣлать это самому пріятелю. Кунакъ при этихъ условіяхъ былъ равнымъ членомъ семьи. Но — разъ кунакъ переступалъ порогъ сакли или границу владѣній пріятеля — обычай снималъ съ послѣдняго обязательства охраны. Кунакъ не былъ тогда уже гостемъ. Но, само собою разумѣется, естественное чувство дружбы тѣсно связывало кунаковъ и внѣ ихъ жилищъ. Кунаки всюду поддерживали другъ друга.

Это чувство заставило Джембулата приказать горцамъ не трогать казаковъ сотника Гречишкіна.

Джембулатъ рассчитывалъ переговорами сохранить жизнь своего кунака.

Но... напрасно онъ уговаривалъ Гречишкіна сдать ему, въ виду малочисленности его отряда... Напрасно онъ доказывалъ другу, что въ этой сдачѣ лично для Гречишкіна нѣтъ ничего постыднаго и что самъ онъ, Джембулатъ, и его наѣзdnики прекрасно знаютъ дѣйствительную цѣну Гречишкіну, какъ храброму и отважному воину...

Напрасно убѣждалъ онъ кунака, что иного исхода нѣтъ, такъ какъ оба они предводительствуютъ двумя враждебными военными отрядами...

Гречишкінъ, отлично говорившій по черкески, рѣ-

шительно заявилъ кунаку, что ни самъ онъ, ни его казаки ни за что не сдадутся въ плѣнъ живыми.

Спѣшившись “для обороны въ кругу” и положивъ лошадей, казаки приготовились къ защитѣ.

Черкесы прекрасно понимали чувство своего джигита - вождя и, въ то же время, негодовали на медлительность, столь несвойственную ему. Самъ Джембулатъ находился въ ужасномъ душевномъ состояніи: онъ не могъ спасти кунака и быть одновременно предводителемъ преданныхъ ему горцевъ. Между тѣмъ, ропотъ среди черкесовъ росъ и усиливался. Долго не получая приказанія — черкесы вдругъ съ гикомъ бросились на казаковъ... Но... Джембулатъ остался на мѣстѣ...

Казаки залпами отразили натискъ. Черкесы остановились и открыли огонь. Кто-то изъ черкесовъ упрекнулъ Джембулата въ нерѣшительности. Этого было достаточно. Выхвативъ шашку, онъ бросился впередъ. Черкесы ринулись за нимъ... На своемъ чудномъ скакунѣ онъ первымъ ворвался въ казачьи ряды, но тутъ же, подстрѣленный, — уронилъ свою шашку къ ногамъ Гречишкіна. Нѣсколько черкесовъ подхватили Джембулата и укрыли въ безопасное мѣсто. Но бросокъ вождя сдѣлалъ свое дѣло: массовый напоръ черкесовъ задавить храбрецовъ...

Отбиваясь въ рукопашную и изнемогая, “казаки пали всѣ до одного...”

Такъ было сказано объ этомъ въ военной реляціи

И, когда ушли черкесы въ свои аулы съ 84 убитыми наѣзdnиками и 32 ранеными, съ раненымъ Джембулатомъ, на мѣстѣ побоища прибывшее подкрѣпленіе нашло одни трупы.

Въ знакъ рыцарскаго поведенія кунака сотника Гречишкіна — Джембулатъ не позволилъ своимъ наѣзdnикамъ снять съ убитыхъ оружіе.

(Изъ “Исторіи Кубанскаго Казачьяго Войска” проф. Ф. А. Щербины).

Десятки разъ, насколько помню свои дѣтскіе годы, мы, цѣлымъ семействомъ, большою “мажарою” ѣздили въ гости въ станицу Казанскую, гдѣ родилась моя мать.

И всегда по главному шляху мы проѣзжали мимо стариннаго станичнаго кладбища. На немъ уже никого тогда не хоронили. Въ углу, подъ сѣнью густыхъ акацій, стояла старая, старая мрачная кирпичная “капличка” съ поржавѣлой и пошатнувшейся надписью на двухъ высокихъ столбахъ, обращенной къ старому шляху.

За давностью, надпись разобрать было нельзя.

Но каждый разъ матушка наша поясняла намъ, что здѣсь “закопаны казаки, порубанные черкесами за Кубанью”.

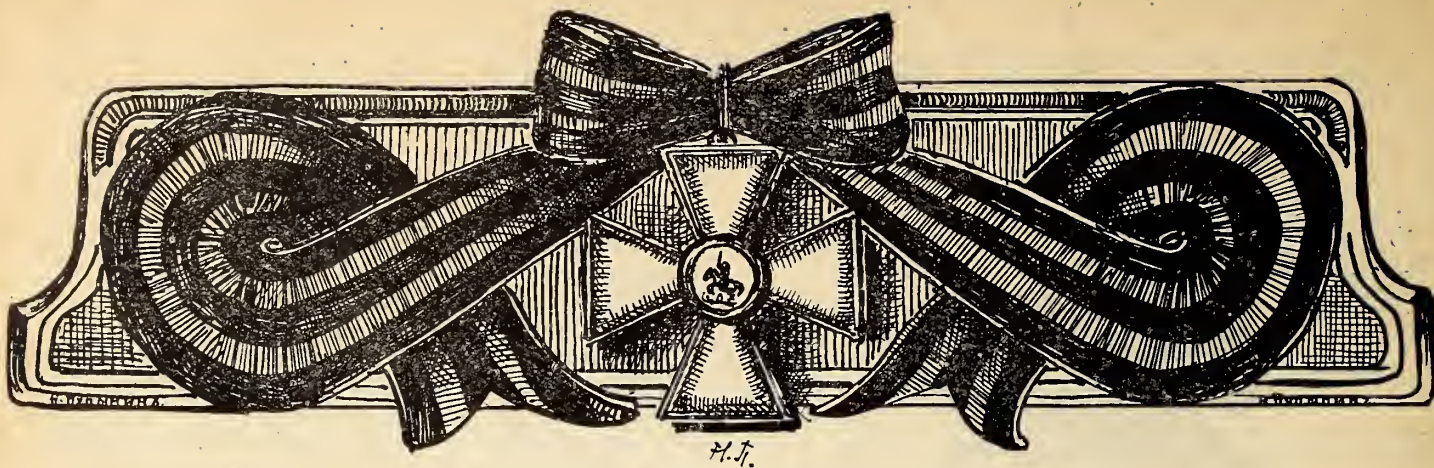
И каждый разъ намъ, дѣтямъ, было жутко слышать эту вѣсть.

Передъ войною, станица построила на кладбищѣ дивный кирпичный храмъ. “Капличка” осталась нетронутой въ томъ же углу и съ тѣми же акаціями. Она — живой памятникъ настоящимъ казакамъ...

Сотникъ же Гречишкінъ, со своими двадцатью станичниками, похороненъ вблизи своей Тифлисской станицы.

Таковы были картины казачьей борьбы съ гордыми и воинственными горцами на протяженіи семидесяти лѣтъ...

Ф. Е.



Взаимная выручка

(“Самъ погибай, а товарища выручай”)

Весной 1916 года Кавказскій кавалерійскій отдѣльный корпусъ ген. Баратова, очистивъ Персію отъ турецкихъ отрядовъ, руководимыхъ офицерами нѣмецкаго генеральнаго штаба, выходилъ, дорогою Александра Македонскаго, черезъ Хамаданъ и Керманшахъ въ Мессопотамію на соединеніе съ англичанами, занимавшими Багдадъ.

Спустившись съ Иранскаго плоскогорія и перейдя турецкую границу, Кавказскій кавалерійскій корпусъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны турецкаго корпуса, сосредоточеннаго въ районѣ г. Ханькина и получившаго свѣжія подкрѣпленія, освободившія послѣ побѣды турокъ надъ англичанами подъ Кутъ-Эль-Амаромъ.

Передъ корпусомъ разстилалась безжизненная пустыня. Знойный вѣтеръ въ началѣ мая уже выжегъ траву. Люди питались сухарями, растягивая трехдневный запасъ на недѣлю и дольше, а лошади наполняли желудки осокой и камышемъ, росшимъ въ ущельяхъ притоковъ р. Діалы. Глубокое, трудно проходимое, русло р. Діалы, притока могучаго древне - историческаго Ефрата, являясь сильной преградой, способствовало упорной оборонѣ Ханькинскаго стратегическаго пункта. Жара доходила до 60 градусовъ, отъ чего корпусъ началъ нести большія потери. Всѣмъ становилось ясно, что на мѣстѣ оставаться въ такомъ положеніи нельзя.

Подтянувъ части своего корпуса и изготовившись для похода въ глубь Мессопотаміи, командиръ корпуса рѣшилъ разбить противника, занимавшаго Ханькинъ, и очистить дорогу корпусу на Багдадъ.

Съ этой цѣлью, въ ночь на 21 мая 1916 года, въ тылъ противника былъ брошенъ отрядъ генерала Исарлова, въ составѣ 2-й бригады Кавказской кавалерійской дивизіи (18 драгунскій Сѣверскій и 1-й Хоперскій казачій полки) съ конно-горной батареей и баталіономъ 4 пограничнаго пѣхотнаго полка.

На разсвѣтъ 21 мая названный отрядъ, имѣя колонновожатыхъ командира 5-й сотни 1 Хоперскаго полка сотника Соломахина, обойдя темной ночью Ханькинъ съ юга и пройдя около 35 верстъ по пересѣченному бездорожному пути, только одному колонновожатому извѣстному, появился въ тылу турокъ и пересѣкъ Багдадское шоссе.

Сбивъ, совмѣстно съ Сѣверскимъ дивизиономъ, сторожевое охраненіе, наблюдавшее за тыломъ и охранявшее мостъ черезъ р. Діалу на западной окраинѣ г. Ханькина, 5 сотня съ налета лихой атакѣ заняла такти-

ческій ключъ турецкой позиціи, взявъ 45 человекъ плѣнными, бывшими въ передовыхъ заставахъ, и тѣмъ дала возможность всему отряду сосредоточиться за холмомъ въ непосредственной близости къ Ханькинскимъ садамъ.

Эта атака послужила сигналомъ къ общему наступленію всего корпуса на всемъ фронтѣ. Забухали орудія на главномъ фронтѣ атаки, зарокотали пулеметы сѣвернѣ Ханькина, гдѣ переправлялась черезъ р. Діалу 1 бригада Кавказской кавалерійской дивизіи — 16 Тверской и 17 Нижегородскій драгунскій полки, — въ обходъ праваго фланга противника, и затрещали винтовки въ глубокомъ тылу на Багдадскомъ шоссе, гдѣ 1 сотня 1 Хоперскаго полка атаквала верблюжій транспортъ въ 30 выюковъ, шедшій изъ Багдада въ Ханькинъ съ продовольствіемъ и снарядами. Сопровождавшая караванъ сотня бедуиновъ была обращена въ бѣгство, а рота прикрытія цѣликомъ взята въ плѣнъ.

Выкатившееся изъ-за Иранскаго плоскогорія солнце застало бой въ полномъ разгарѣ. Наши, всю ночь не спавшіе и продѣлавшіе 35-верстный переходъ, доблестные пограничники, несмотря на усталость, перешли рѣшительно въ атаку на тыловой мостъ, съ цѣлью ворваться съ тыла въ г. Ханькинъ. Но, къ великому сожалѣнію, конно-горная батарея, занявъ прекрасныя фланговые позиціи, отказала въ поддержкѣ атаки, должествующей рѣшить судьбу окруженнаго турецкаго отряда. То ли вышелъ воздухъ или испарилось масло изъ компрессоровъ отъ Мессопотамской жары, то ли дѣйствительно расшатались части орудій отъ ночного перехода по тропинкамъ, гдѣ нѣкоторыя орудія вмѣстѣ съ лошадьми скатывались въ провалы, но только послѣ пары выстрѣловъ батарея умолкла совершенно. Атака на мостъ захлебнулась... Турки дали сюда подкрѣпленіе... И обходной отрядъ вынужденъ былъ повести выжидательный бой.

Наши пограничники, понесшіе чувствительныя потери при первой атакѣ, залегли и окопались. Подкрѣпленій взяты были не откуда. На главномъ фронтѣ атаки наша тоже была отбита. Къ полудню переломъ боя, видимо, склонился не въ нашу пользу, такъ какъ турки, пользуясь превосходствомъ силъ, довольно смѣло производили перегруппировку таковыхъ, готовясь для контръ-удара.

Въ силу обнаруженнаго стремленія турокъ отразить путь отступленія обходному отряду, генералъ Исарловъ перевелъ бригаду за свой правый флангъ, оставивъ въ прикрытіе пѣхоты лѣваго фланга дивизионъ хоперцевъ подъ командой в. ст. Ларіснова. И толь-

ко что отошла бригада, какъ турки перешли въ рѣшительное наступленіе противъ обходнаго отряда. Вновь усилился артиллерійскій и ружейный огонь.

**

Пѣхота съ холма передаетъ, что турки идутъ на нихъ въ атаку, что пулеметы отказали въ стрѣльбѣ, нѣтъ воды, и патроны на исходѣ. Командиръ дивизіона приказываетъ приготовиться къ контръ-атакѣ въ конномъ строю. Подтянуты подпруги, осмотрѣны шашки.

— Дивизіонъ, садись!

Снаряды и пули даютъ перелетъ, ибо дивизіонъ въ мертвомъ пространствѣ.

Выравнялись.

Въ этотъ моментъ наша пѣхота снимается съ позиціи и въ безпорядкѣ поспѣшно катится съ холма. Подбѣжавшій фельдфебель роты кричитъ:

— Кавалерія, выручай! Мы потеряли всѣхъ офицеровъ. Пулеметы остались на позиціи, а турки подходятъ къ нашей позиціи сплошной колонной. Черезъ минуту всѣхъ насъ перестрѣляютъ, какъ куропатокъ. Всѣ пропадемъ...

По командѣ: — Эшелонами по полусотенно, разомкнуто, рысью, маршъ!... отъ 3-й и 5-й сотенъ выдвинулось по полусотнѣ, на ходу размыкаясь отъ середины. За ними шагомъ двинулись остальные.

Вдругъ правофланговая полусотня 3-й сотни, уже выдвигавшаяся на правый откосъ холма и потому ранѣе обнаруженная, встрѣченная ураганнымъ и пулеметнымъ огнемъ противника, стремительно покатила назадъ... Въ это же время падаютъ оба офицера 1-й полусотни 5-й сотни сотникъ А. Косовъ и хор. Шведовъ, выходившіе уже почти на самый гребень холма. Казаки головного эшелона остановились и всѣ повернули головы назадъ. Но въ этотъ, самый критическій, моментъ командиръ 5 сотни на призовомъ кровномъ скакунѣ уже вынесся передъ головной эшелонъ своей сотни.

Ободренные казаки слышатъ зычную команду:

— Сотня, шашки къ бою!

На солнцѣ сверкнула и звякнула сталь.

— Съ мѣста, въ атаку. Маршъ-маршъ!

И вся сотня, какъ одинъ, равняясь по шеренгамъ, компактной массой ринулась за своимъ испытаннымъ командиромъ на гребень холма...

Происшедшая потомъ жертвенно-отважная, лихая атака казачьей сотни въ 87 шашекъ на 2 роты 5 гвардейскаго Константинопольскаго пѣхотнаго полка трудно поддается описанію.

Она съ фланга наблюдалась съ начала и до конца начальствующими лицами съ артиллерійской позиціи.

Видѣли всѣ, что рота съ пулеметами въ цѣпи подготавливаетъ атаку своимъ ударнымъ частямъ, что 2 роты, въ сомкнутомъ строю, какъ на парадѣ, двинулись съ ружьями на перевѣсъ на нашу позицію и что въ лобъ имъ изъ-за холма полнымъ ходомъ вынеслась наша сотня.

Казалось, что одинъ-другой залпъ и отъ сотни ничего не останется.

Но тутъ произошло что-то невѣроятное, одно изъ психологическихъ чудесъ современнаго боя, когда духъ побѣждаетъ матерію и технику, опрокидывая всѣ вѣроятные разсчеты.

Вотъ что записано со словъ самого командира 5 сотни:

— Вылетѣвъ на вершину холма, я отъ неожиданности рванулъ своего "Магната". Онъ взвился на дыбы. Въ 120 шагахъ передо мною, съ ружьями на перевѣсъ, на насъ стройно двигались 4 шеренги въ защитной формѣ съ интерваломъ между ротами въ десять-пятнадцать шаговъ. Офицеры въ бѣлахъ кителяхъ шли

на своихъ мѣстахъ, какъ на парадѣ. Поставивъ коня и оглянувшись назадъ, я увидѣлъ всю свою сотню, наметомъ вплотную подходившую ко мнѣ.

Взмахнувъ шашкой въ сторону турокъ и еще разъ крикнувъ — маршъ - маршъ! ура! — я ринулся внизъ по отлогому откосу холма на средину турецкаго баталіона. Баталіонъ остановился, какъ вкопанный, ошеломленный, видимо, нашей внезапной дерзостью. Справа въ цѣпи трещали турецкіе пулеметы. Никакихъ командъ и распоряженій со стороны начальства баталіона не подавалось...

И, быстро приближаясь къ баталіону, я успѣваю захватить инициативу: въ тридцати шагахъ, что было силы кричу по турки:

— Силляхи тюфенькэ эре атъ! (Бросай оружіе на землю!).

И, къ моему удивленію, вижу, что изъ первой шеренги винтовки летятъ на землю. Середина баталіона разступается, даетъ проходъ моему коню. Въ головѣ молніей мелькаетъ мысль: проскочу въ тылъ и, когда за мной также пробьются казаки, скомандую "налѣво кругомъ", и весь баталіонъ цѣликомъ заберемъ въ плѣнъ.

**

Но произошло нѣчто другое.

Поравнявшись съ первой шеренгой, я взмахнулъ шашкой и, рубкой налѣво, черкнулъ голову турка, продолжавшаго держать прямо передъ собой винтовку "на руку". Удобнѣе и естественнѣе было рубить направо, но правѣ прохода стоялъ турокъ безъ винтовки. Второго я ударилъ по головѣ въ первой шеренгѣ второй роты, въ то время, какъ тотъ поднималъ винтовку для защиты головы. И третьяго, наискось, по лицу, сразилъ труса, бѣжавшаго въ тылъ.

Повернувъ потомъ коня и собравшись подать приготовленную команду, я застылъ на мѣстѣ.

Ко мнѣ никто изъ казаковъ не пробился, какъ я предполагалъ. А, врѣзавшись въ гущу баталіона, казаки перемѣшались съ турками и рубили ихъ. Турки, съ какими-то криками сперва топтались на мѣстѣ, а потомъ, подгоняемые шашечными ударами, сдвинулись съ мѣста и побѣжали правѣ меня по линіи наименьшаго сопротивленія къ Ханькинскимъ садамъ. Своимъ флангамъ я кричалъ и показывалъ шашкой — загнуть еще больше фланги и замкнуть кольцо, но меня никто, конечно, не слышалъ, такъ какъ артиллерія открыла бѣглый огонь по всей этой группѣ, ибо, черезъ холмъ къ намъ уводились плѣнные и уходили казаки, лишившіеся лошадей.

На моментъ мое вниманіе привлекла небольшая группа на правомъ флангѣ: три казака окружили офицера въ бѣломъ. Онъ вертѣлся между ними, какъ волчокъ, сверкая чѣмъ-то бѣлымъ, видимо отстрѣливаясь изъ револьвера. И, когда надъ его головой скрестились шашки, передо мной щелкнулъ затворъ. Перевожу взглядъ и вижу, что въ трехъ шагахъ отъ меня коренастый смуглый турокъ цѣлитъ мнѣ въ голову, впившись въ меня глазами. Моментъ — я шашкой хлестнулъ коня. Онъ прыгаетъ съ мѣста въ полъ-оборота вправо и спасаетъ мнѣ жизнь. Раздавшійся выстрѣлъ обжигаетъ мнѣ лѣвую щеку... Я взмахиваю шашкой, наклонившись налѣво, но — шашка оказалась короткой. Дѣлаю вольтъ направо и направляюсь къ нему. Забросивъ винтовку на плечо, турокъ убѣгаетъ, дѣлая зигзаги, и зорко, черезъ плечо, слѣдитъ за моими дѣйствіями. Настигаю и заносу назадъ шашку, изготовляясь для нанесенія удара. Но онъ быстро и ловко перехватываетъ винтовку за дуло и, ставъ, какъ вкопанный, отражаетъ меня прикладомъ. Исключительно совкій конь съ намета дѣлаетъ

вновь прыжокъ вправо. Я шашкой разрѣзаю воздухъ, а онъ прикладомъ лупитъ мать сухую землю... Описавъ снова вольтъ, я въ третій разъ, стиснувъ отъ бѣшенства зубы, приближаюсь къ упорному пѣхотинцу, на этотъ разъ бѣгущему отъ меня подъ гору. Въ лѣвой рукѣ онъ тащитъ по землѣ винтовку, а правой быстро машетъ по воздуху, видимо, осушивъ ее при ударѣ прикладомъ о землю. Я что-то крикнулъ, кинулся конемъ прямо на него. Онъ остановился и тяжело поднялъ винтовку для удара, далеко забросивъ ее назадъ... Стегнувъ коня шашкой по крупу я, не заноса уже шашку для рубки, прямо отъ крупы съ прыжкомъ коня впередъ дѣлаю уколъ. Раздался нечеловѣческій крикъ... И мнѣ пришлось лечь на крупъ лошади, чтобы не выпустить изъ рукъ шашки, которую онъ увлекалъ за собой при паденіи...

Покончивъ съ отважнымъ пѣхотинцемъ, оглядываюсь и вижу, что, сдѣлавъ, во время поединка, нѣсколько крупныхъ вольтовъ, я приблизился къ Ханькинскому саду. Тамъ, за канавой, за деревьями, стоятъ свѣжіе стрѣлки. Оттуда слышится какая-то команда. Мелькнула мысль: если бѣгущіе турки попадаютъ на землю, то конныхъ садовые стрѣлки сметутъ залпами. Полнымъ ходомъ направляюсь къ остаткамъ сотни, продолжая рубить бѣгущихъ турокъ, и кричу:

— Хоперцы, за мной!

Обезумѣвшій конь прыгаетъ въ густую бѣгущую толпу и топчетъ человѣческія тѣла. Шашка моя звенитъ при ударахъ о винтовки, ибо я, занятый мыслью вывода сотни изъ боя, уже не смотрю, куда падаютъ мои удары. Надо сказать, что въ это время среди бѣгущихъ турокъ слышатся ободряющіе голоса, внятно слышно:

— Алла, Алла!

И нѣкоторые изъ нихъ, видимо, придя въ себя, даже отстрѣливаются. Пробившись наискось черезъ бѣгущую толпу турокъ и очутившись на просторѣ, я даю коню поводъ. Вдругъ воздухъ прорѣзаетъ свистъ стального бича — залпъ изъ Ханькинскаго сада. Чувствую, что я опускаюсь въ сѣдлѣ... конь какъ бы переломился, тяжело стонетъ... Быстро бросаю лѣвое стремя... Конь, въ силу инерціи, дѣлаетъ еще два-три маха... Второй залпъ... И конь рушится на землю. Я лечу, ударяюсь о землю и нѣсколько шаговъ продолжаю скользить по сухой землѣ, на нѣсколько секундъ потерявъ сознаніе... Придя въ себя, вижу, что стою у головы своего коня, поддерживаемый казакомъ. Другой казакъ старается снять съ коня сѣдло. Кричу ему:

— Сорви бурку и разруби сѣдло!

Сорвавъ бурку, онъ два-три раза ударяетъ шашкой по сѣдлу. Конь мой приподнимаетъ голову, вытягиваетъ и ставитъ переднія ноги на землю (заднія ноги были перебиты) и тянется головой, касаясь моей груди. Изъ умныхъ глазъ скатываются слезы и нѣмымъ преданнымъ взглядомъ онъ какъ бы говоритъ:

— Не бросай! Возьми!

Я обнимаю его голову; на меня брызжетъ фонтаномъ кровь.

Магнатъ тяжело застоналъ и рванулся всѣмъ тѣломъ въ послѣднихъ судорогахъ.

Отъ толчка въ грудь я падаю навзничъ и вновь теряю сознаніе. Узнаю потомъ, что казаки положили меня поперекъ сѣдла на подведенную лошадь и вывели за гребень холма, откуда была начата атака...

Открываю глаза, вижу на небѣ палящее желтое солнце... Меня поддерживаютъ подъ руки сотенный вахмистръ Ф. Шевченко и какой-то казакъ. Фельдшеръ перевязываетъ разбитое при паденіи съ коня колѣно. Спрашиваю вахмистра:

— А гдѣ сотня?

— А, вотъ, на позиціи, въ цѣпи вправо и влѣво отъ насъ.

— Такъ мало?

— Отъ сотни налицо 30 человѣкъ, остальные сопровождаютъ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ.

— А наши потери?

— Семь казаковъ убито, шестнадцать ранено; въ томъ числѣ два офицера.

— А пѣхота наша? Что съ ней?

— Во время нашей атаки пѣхотинцы вернулись, забрали свои пулеметы, всѣхъ раненыхъ и подъ прикрытіемъ 3-й сотни благополучно отошли къ главнымъ силамъ отряда.

— А всѣхъ ли убитыхъ и раненыхъ забрали съ поля боя?

— Всѣхъ до одного, чѣмъ распоряжался я самъ. На полѣ осталось 12 убитыхъ лошадей, да все самыя лучшія изъ сотни. Жаль Вашего Магната.

У меня покатились слеза.

— Ваше Высокоблагородіе. Да пустите вы, наконецъ, шашку, — говоритъ мнѣ фельдшеръ.

— Возьми! Я ее не держу.

Онъ начинаетъ выкручивать изъ руки шашку.

Мнѣ больно.

Оказывается, кисть руки онѣмѣла. Фельдшеръ растираетъ руку спиртомъ и освобождаетъ шашку.

Черезъ часъ было получено распоряженіе присоединиться къ бригадѣ. Я вышелъ на самый гребень холма и въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на поле, почти сплошь усыпанное турецкими трупами до самыхъ Ханькинскихъ садовъ. Понуро стояли три тяжело раненыхъ лошади. Внукъ знаменитаго "Гальтимора" — мой Магнатъ, вытянувшись во весь свой ростъ чернѣлъ отдѣльно...

Подъѣзжаю къ бригадѣ. Навстрѣчу выходятъ вр. командующій бригадой полковникъ Гревсъ, командиръ Сѣверскаго драгунскаго полка и командиръ 1 Хоперскаго полка полковникъ Николай Митрофановичъ Успенскій, умершій въ 1919 г. на посту Кубанскаго Войскаго Атамана.

— Вотъ, это настоящій боевой видъ. Посмотрите на героя сегодняшняго дня, онъ весь въ турецкой крови — говоритъ первый.

— Это не турецкая кровь: моего боевого друга, Магната, не разъ спасавшаго мнѣ жизнь и на Германскомъ фронтѣ, и здѣсь въ проклятой Мессопотаміи, — отвѣчаю я.

Цѣлуютъ и поздравляютъ съ несомнѣннымъ награжденіемъ высшимъ офицерскимъ орденомъ.

— Дайте глотокъ воды; вотъ, что мнѣ будетъ сейчасъ высшей наградой!

Оказывается, нѣтъ ни у кого ни капли. Меня подводятъ къ бывшему роднику: тамъ только влажный песокъ. Я припалъ къ нему пересохшими губами и сосалъ съ жадностью до тѣхъ поръ, пока не утолилъ слегка жгучую жажду.

Черезъ нѣсколько дней приказомъ по Экспедиціонному корпусу 5 сотня 1 Хоперскаго полка была награждена 50 Георгіевскими крестами разныхъ степеней, а въ "Русскомъ Инвалидѣ" былъ помѣщенъ приказъ, которымъ подъесаулъ Михаилъ Соломахинъ награжденъ орденомъ святого Георгія 4 степени.

Хоперецъ.



Начальник походного штаба Кубанского Войскового Атамана
Причисленный къ Генеральному Штабу
Полковникъ Соламахинъ Михаилъ Карповичъ.

Казакъ ст. Некрасовской Майкопскаго отдѣла К. К. В.

Родился 8 іюля 1888 г. Окончилъ Майкопское техниче-
ское, Майкопское реальное и Елисаветградское кавалерійское
училище въ 1911 г., и во время Великой войны — Военные
курсы 1-й и 2-й очереди Николаевской Военной Академіи Ге-
неральнаго Штаба.

Въ гражданскую войну состоялъ командиромъ 2-го Ку-
банскаго конно-партизанскаго полка 1-й Кавказской казачьей
дивизіи и въ Крыму командиромъ бригады Кубанской ка-
зачьей дивизіи.

Начальникомъ Походнаго Штаба съ 1921 года.

П Л А С Т У Н Ы

Вѣроятно не многіе знаютъ, что въ составѣ на-
шей арміи въ до-военное время находилась, помимо
Кубанской конницы и артиллеріи еще и пѣхота, —
Кубанская Пластунская бригада.

Нѣкоторые кубанскіе пластунскіе баталіоны при-
нимали участіе еще въ оборонѣ Севастополя и 2-й изъ
нихъ былъ награжденъ Георгіевскимъ знаменемъ имен-
но за оборону.

Кубанскіе пластуны обыкновенно формировались
изъ малосостоятельныхъ казаковъ. Отправить старикъ-
казакъ человѣкъ пять сыновей, приходитъ очередь ше-
стому и старику для облегченія его расходовъ, дается
эта льгота. Всѣмъ извѣстно, что казаки всѣхъ войскъ и
родовъ оружія справлялись на службу на свой счетъ, и
Россійской казнѣ не приходилось ни одного рубля тра-
тить на казачье вооруженіе, снаряженіе, обмундирова-
ніе и коня.

Въ составѣ отдѣльной Кубанской пластунской бри-
гады входило 6 баталіоновъ казаковъ. Командиръ ба-
таліона пользовался правами начальника отдѣльной ча-
сти. Въ до-военное время, Кубанская пластунская бри-
гада находилась въ предѣлахъ Закавказья. Штабъ бри-
гады — въ Тифлисѣ, а баталіоны были расквартирова-
ны по небольшимъ городамъ. Начальникомъ ея былъ
тогда генераль-маіоръ Пржевальскій.

Въ 1912 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, я прибылъ добро-
вольцемъ на службу въ Кубанскій пластунскій бата-
ліонъ.

Мы основательно проходили пѣхотное ученіе и
стрѣльбу. Суровая, но справедливая дисциплина дѣлала
изъ пластуновъ закаленныхъ воиновъ.

Когда грянула Великая война и началась мобили-
зація, въ трехдневный срокъ намъ нужно было быть
готовыми. Все вооруженіе, снаряженіе, продовольствіе
и личное имущество пластуновъ было приведено за эти
три дня въ порядокъ и на четвертый пластунскіе ба-
таліоны выступили изъ своихъ штабъ-квартиръ по на-
правленію къ границѣ Турціи.

Однако, пластунамъ не суждено было сразу же
ввязаться въ бой съ противникомъ. Они стояли въ по-
граничныхъ съ Турціей русскихъ городахъ. Офицеры и
казаки томились этимъ сидѣніемъ. Имъ хотѣлось, по
возможности скорѣе, столкнуться съ противникомъ. Нѣ-
которые офицеры ходатайствовали о переводѣ ихъ въ
часть, уже дѣйствующую на фронтѣ, боясь, что война
можетъ скоро окончиться и имъ не придется въ ней при-
нять участія.

Но событія не заставили долго ждать и Пластун-
ской бригадѣ было приказано идти на фронтъ. Съ пол-
ной боевой укладкой пѣхотинца, по тропинкамъ высо-

жних Кавказскихъ горъ, пластуны шли гуськомъ къ турецкой границѣ.

Нужно ли здѣсь писать о всѣхъ подробностяхъ ихъ дѣйствій противъ турокъ? О, нѣтъ! Какъ рядовой участникъ многихъ сраженій, скажу одно: пластуны на Кавказскомъ фронтѣ никогда не отступали. Никогда... Шли впередъ, не думая о томъ, — удобна ли позиція. Это были, въ полномъ смыслѣ слова — Суворовскіе чудотворцы.

Офицеры едва сдерживали порывъ казаковъ, стараясь вести ихъ по возможности рѣже и приказывая укрываться за холмами, такъ какъ шли они, какъ на парадѣ, во весь ростъ. Безостановочное продвиженіе пластунской бригады совмѣстно съ другими частями Кавказской арміи вглубь Турціи продолжалось.

Неожиданно получаемъ распоряженіе: пластунамъ вернуться обратно на Саракамышъ.

Въ чемъ дѣло?

Оказывается, армія Энверъ-Паши прорвала фронтъ армянскихъ добровольцевъ и безпрепятственно движется на Саракамышъ и дальше, съ цѣлью занять Карсъ и угрожая, такимъ образомъ, всей нашей Кавказской арміи съ тыла. Новость не изъ пріятныхъ. Остается спѣшить и спѣшить на выручку малочисленнаго гарнизона гор. Саракамышъ и тѣхъ немногочисленныхъ частей, которыя случайно тамъ еще задержались. Начинается походъ казаковъ - пластуновъ черезъ горы, долины и рѣки. Уставшіе, неспавшіе цѣлыми сутками, голодные, холодные, пластуны, наконецъ, добираются до Саракамышъ и сразу же вступаютъ въ бой съ войсками Энверъ-Паши. Бой неравный. Но что могло сломить русскую силу да еще на родной землѣ?!

Бой длился нѣсколько дней. Въ результатѣ: армія Энверъ-Паши разбита наголову: одинъ корпусъ взятъ въ плѣнъ, нѣсколько десятковъ тысячъ убито и ранено, и лишь съ немногими уцѣлѣвшими частями Энверъ-Паши пришлось ретироваться во-свои. Такъ Кубанскіе пластуны покрыли себя новымъ ореоломъ славы. Послѣ этихъ боевъ сразу же запестрѣли скромные Георгіевскіе кресты и медали на грудяхъ доблестныхъ пластуновъ.

По полученіи этихъ извѣстій съ фронта, Кубань немедленно посылаетъ своихъ вѣрныхъ сыновъ пополнить ряды родной бригады. Приведа себя въ порядокъ, бригада выступаетъ на фронтъ. И снова подвиги. Теперь уже подъ начальствомъ ген. Гулыги. Ген. Пржевальскій назначенъ командиромъ корпуса.

Весною 1915 года, по распоряженію Главнаго Ко-

мандованія, пластуновъ перебрасываютъ съ Кавказскаго фронта на Австро-Германскій. Маршрутъ былъ данъ сухопутный на Севастополь. По прибытіи пластуновъ въ Севастополь имъ дается заслуженный отдыхъ; они пополняются прибывшими съ Кубани маршевыми сотнями.

На Австро-Германскомъ фронтѣ пластунамъ пришлось встрѣтиться съ противникомъ въ непривычной для нихъ обстановкѣ — на равнинѣ. Но и здѣсь они творятъ чудеса храбрости. Высшее начальство всегда даетъ имъ самые отвѣтственные участки. Пластуны и здѣсь всѣ возлагаемые на нихъ обязанности исполняютъ блестяще. Помню, еще въ Буковинѣ генералъ Келлеръ разговариваетъ съ однимъ изъ командировъ пластунскаго баталіона:

— Знаете, нѣтъ храбрѣе пластуновъ. Они дерутся, какъ львы. Я отъ нихъ въ восхищеніи. Я постараюсь не быть скупымъ на награды. Они всѣ достойны ихъ.

Высоко цѣнили боевую работу пластуновъ и ген. Лечицкій. Бывшій начальникъ Кубанской области и наказный атаманъ Кубанскаго казачьяго Войска ген. Бабычъ, получая неоднократно благодарность за своихъ героевъ казаковъ отъ начальниковъ, въ распоряженіи которыхъ они дѣйствовали, въ свою очередь благодарить отцовъ и матерей казачекъ за ихъ храбрыхъ сыновъ, защищающихъ на фронтѣ отечество.

Весной 1916 года съ Австро-Германскаго фронта, пластуновъ перебрасываютъ моремъ на Кавказскій фронтъ въ турецкій городъ Ризе, уже взятый нашими войсками. Высадившись въ Ризе и, поступивъ въ распоряженіе командующаго войсками черноморскаго побережья ген. Ляхова, пластуны вмѣстѣ съ другими частями Кавказской арміи ведутъ энергичное наступленіе на гор. Трапезундъ и, послѣ ряда боевъ, занимаютъ его.

За всю Великую войну пластуны пополняли свои ряды до 15 разъ. Верховное командованіе, убѣдившись воочию въ огромной пользѣ казаковъ - пластуновъ, спѣшно отдаетъ распоряженіе въ Донское и Терское казачьи войска о формированіи подобныхъ же пѣшихъ частей.

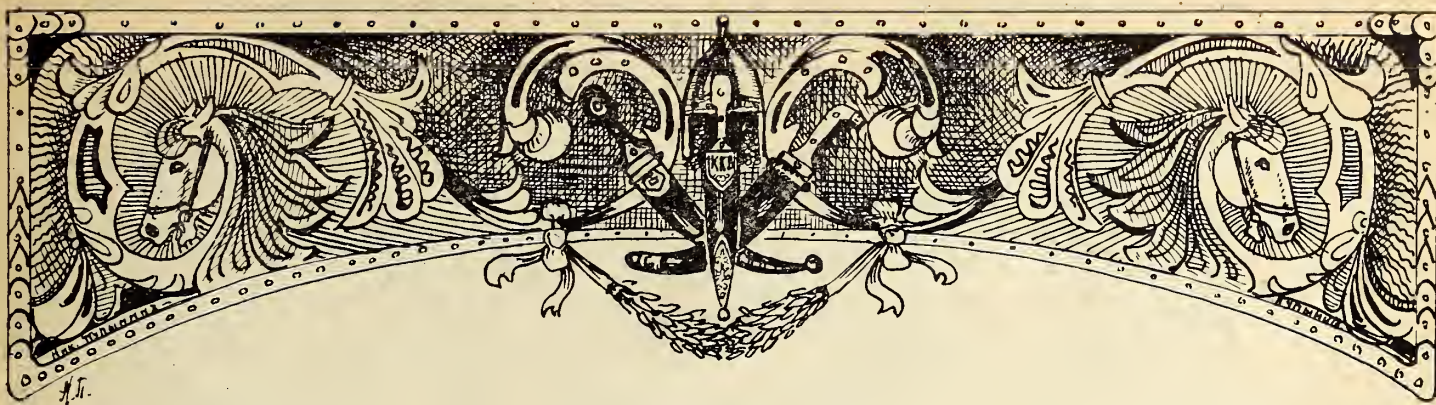
Кубанское Войско въ эту Великую войну выставило 4 очереди пластуновъ, которые составили четыре отдѣльных пластунскихъ бригады, сведенныя въ 1917 году въ Отдѣльный пластунскій корпусъ.

Въ гражданскую войну Пластуны сведены были въ 3 отдѣльныя бригады и, какъ всегда, доблестно сражались бокъ о бокъ съ кубанскими конными частями, для освобожденія поруганной Родины.

Пластунъ.



Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ Черноморскаго Казачьяго Войска особо отличившіеся при защитѣ Севастополя въ 1854-55 годахъ.



Атака на батарею

10 августа 1914 года, 2-я казачья сводная дивизия ген. Павлова выступила из гор. Чертова по шоссе на гор. Бучачь.

1-й Линейный полк Кубанского казачьего Войска шел в головѣ главныхъ силъ. Я шелъ впереди 2-й сотни съ двумя младшими офицерами, сотником Никитинымъ и хорунжимъ Иноземцевымъ.

Около 11 часомъ дня, совершенно неожиданно для насъ, надъ полкомъ и всей колонной дивизіи, стали рваться непріятельскія шрапнели.

Нашему полку генералъ Павловъ приказалъ свернуть отъ дороги вправо, войти въ ложбину и тамъ спѣшиться. Остальные полки дивизіи отошли влѣво отъ дороги, а взводъ Оренбургской батареи, выбравъ позицію, открылъ огонь. Вскорѣ противникъ усилилъ огонь, и развѣдкой было установлено, что по нашей дивизіи стрѣляютъ двѣ батареи, — одна, стоящая отъ насъ верстахъ въ четырехъ, а другая дальше.

Опредѣливъ положеніе непріятельскихъ батарей, казачьи батареи открыли по нимъ огонь. Все поле сразу оживилось. По всѣмъ направленіямъ скакали казаки съ донесеніями и приказаніями.

Къ нашему полку отъ генерала Павлова прискакалъ его ординарецъ хорунжій Зиминъ и передалъ командиру полка приказаніе атаковать ближайшую къ намъ батарею.

Батарея стояла у сел. Джурина. Командиръ полка назначилъ для атаки мою 2-ю сотню, 4-ю сотню подъесаула Арканникова и 6-ю сотню подъесаула Конст. Ткачева.

Непріятельская батарея стояла отъ насъ укрытой. Точное мѣстоположеніе ея намъ не было извѣстно. Моя сотня была назначена направляющей. Разъяснивъ приказаніе своей сотнѣ и развернувъ взводы, я повелъ рысью. Такимъ образомъ, каждый взводъ за взводомъ шелъ въ одну линію разомкнуто.

Противникъ быстро замѣтилъ наше движеніе, и артиллерійскіе снаряды стали часто рваться надъ нашими головами. Въ то же время и огонь нашихъ батарей усилился. По направленію разрывовъ нашихъ снарядовъ я скорѣ увидѣлъ, что иду неправильно.

Измѣнивъ направленіе на наметѣ и выравнивъ сотню, я пошелъ къ цѣли крупной рысью. Впереди насъ въ ложбинѣ — засверкала какая-то водяная полоска. Скакавшіе дозоры останавливались, бросались влѣво и

вправо, и по ихъ нервнымъ движеніямъ видно было, что мы нарвались на какое-то препятствіе.

Я выскочилъ впередъ.

Четыре большихъ пруда преграждали мнѣ путь. Каждый прудъ былъ отдѣленъ отъ другого узкой гатью, -- шириной аршина въ полтора, -- а посреди каждой гати были устроены глубокіе шлюзы — соединяющіе пруды. Вправо и влѣво отъ прудовъ виднѣлись на довольно большомъ разстояніи болотистыя ложбины. Пруды, повидимому, питались водой изъ этихъ ложбинъ.

За такимъ препятствіемъ стояла укрытая непріятельская батарея.

Для меня стало ясно, что обойти пруды нельзя и что единственнымъ переходомъ на ту сторону служили только гати. Подошедшей сотнѣ я приказалъ проскакать по гатамъ на другую сторону. 6-ая сотня оторвалась отъ меня влѣво; 4-я сотня, шедшая справа, дошла до линіи прудовъ, спѣшилась и прудовъ не перешла. Атаку продолжала вести одна вторая сотня.

Обѣ непріятельскія батареи, имѣя точныя данныя о разстояніи до прудовъ, открыли при моемъ переходѣ сильный сосредоточенный артиллерійскій огонь. Шрапнели рвались въ прудахъ и выбрасывали на поверхность воды громадныя столбы жидкой грязи. Вода въ прудахъ клочкотала и пѣнилась, — точно гигантскія печи были расположены подъ ними. Гати стали скользкими и покрылись грязью. Сотня начала нести потери. Нѣсколько казаковъ свалились съ гатей въ пруды и барахтались тамъ, пугая переходящіе взводы. Конечно, о помощи имъ не могло быть и мысли. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ 2-я сотня все же перешла на другую сторону прудовъ и выравнивала взводныя линіи.

Небольшое возвышеніе по ту сторону отдѣляло насъ отъ противника. По его выстрѣламъ чувствовалось, что мы вблизи непріятельской батареи. Оставалось около 1000 шаговъ.

Я приказалъ вынуть шашки. Казаки сняли папахи, перекрестились. Трубачъ, урядникъ Рѣдько, безъ моего приказанія, заигралъ сигналъ. Поднявъ лошадей въ наметъ и выйдя на бугорокъ, мы, наконецъ, увидѣли передъ собой стрѣляющую намъ въ лобъ батарею.

Наши батареи перенесли огонь на сел. Слободку и своимъ мѣткимъ огнемъ приостановили движеніе непріятельскихъ передковъ, стремившихся спасти свою батарею.



Кубанская Войсковая Рада.

Собранная въ 1906 г. для распредѣленія Войсковыхъ земель и разрѣшеніи вопроса и надѣленія малоземельныхъ станицъ горнаго района изъ Войскового земельного запаса и юртовыхъ излишковъ.

Сотня шла въ полномъ порядкѣ. Влѣво, неподалеку отъ меня скакалъ хорунжій Иноземцевъ. Ясно вижу, какъ надъ нимъ разрывается шрапнель, и рѣзкимъ движеніемъ онъ наклоняется впередъ, потомъ отваливается и, окровавленный, падаетъ съ лошади.

Слѣдующій разрывъ снаряда, и его красавица - кобылица, сдѣлавшая нѣсколько прыжковъ безъ всадника, падаетъ убитой. Черезъ нѣсколько мгновеній еще снарядъ разрывается надъ третьимъ взводомъ, и мой другъ офицеръ сотникъ Никитинъ, раненый въ голову и руку, падаетъ съ лошади въ густую траву. Изъ офицеровъ при сотнѣ остался одинъ я!

Чѣмъ ближе подходилъ я къ батареямъ, тѣмъ ожесточеннѣе и безпорядочнѣе противникъ велъ стрѣльбу. Чувствовалось, что онъ сильно нервничалъ, и стремясь остановить наше движеніе, посылаетъ навстрѣчу снарядъ за снарядомъ. Послѣднія очереди противникъ далъ за сорокъ-тридцать шаговъ. Еще моментъ, и мы подскакиваемъ къ пушкамъ. Казаки одни свалились съ лошадей, другіе верхомъ рубили артиллерійскую прислугу.

4 орудія и 4 зарядныхъ ящика были трофеями атаки.

Въ центрѣ Войсковой и Наказный Атаманъ, — генералъ-лейтенантъ Михайловъ. Правѣе его — председатель Рады Ф. А. Щербина.

Въ “Военномъ Вѣстникѣ” генеральнаго штаба полковникъ Н. Петровскій такъ описываетъ эту атаку:

Непріятельская батарея мнѣ была хорошо видна. Окруженная пылью отъ выстрѣловъ, лихорадочно и торопливо посылала она снарядъ за снарядомъ навстрѣчу кубанцамъ. Ежесекундно впереди атакующихъ линій и надъ ними рвалась непріятельская шрапнель, и дымъ обволакивалъ сотню сѣрой пеленой. Меня охватило волненіе, и я съ замираніемъ сердца слѣдилъ за атакой. Казалось, что вотъ вотъ или казаки не выдержатъ огня, или замолчитъ батарея и прислуга броситъ орудія. Но съ каждой секундой разстояніе становилось все меньше и меньше, — кубанцы быстро приближались, а огонь батареи не только не ослабѣлъ, но становился все болѣе жестокимъ. Напрягая послѣднія усилія, австрійцы огнемъ “на картечь” пытались остановить атаку... Послѣдніе выстрѣлы въ упоръ, и казаки достигли батареи. Они окружили орудія и рубили прислугу: на солнцѣ были видны взмахи шашекъ....”

Это была первая батарея 7 австрійскаго конно-артиллерійскаго дивизіона.

Полковникъ Евгеній Тихоцкій

Трагедія Кубанскаго войска

Я попалъ на Кубань въ самомъ концѣ 1919 года — послѣ крушенія Восточнаго (Сибирскаго) фронта.

Къ этому времени Новочеркасскъ и Ростовъ уже были заняты большевиками. Добровольческая и Донская арміи отошли за Донъ и Манычъ. Екатеринодаръ и сѣверныя станицы Кубанскаго войска наполнялись бѣженцами и тыловыми учреждениями обѣихъ армій.

Незадолго передъ моимъ прїѣздомъ въ Екатеринодаръ скончался войсковой атаманъ Кубанскаго Войска ген. Успенскій.

Первое, что бросилось въ глаза по прибытіи въ столицу Кубани: въ городѣ не было хозяина.

Поражало обиліе всякаго рода учреждений, штабовъ и разныхъ управленій, нѣтъ и нѣтъ не объединенныхъ. Согласованности въ работѣ не чувствовалось. Совершенно особнякомъ держались иностранныя миссіи съ многочисленнымъ личнымъ составомъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Екатеринодарѣ открылись засѣданія кубанской краевой Рады, избравшей войсковымъ атаманомъ Букретова, а въ началѣ января 1920 года собрался Верховный Кругъ изъ представителей Дона, Кубани и Терека.

При открытіи Рады и Верховнаго Круга я привѣтствовалъ братьевъ кубанцевъ, донцовъ и терцевъ отъ имени оренбургскихъ казаковъ.

О ходѣ борьбы на югѣ Россіи у насъ, въ Оренбургскомъ Войскѣ — да и вообще въ Сибири — знали очень немного. Регулярной связи не было; приходили время отъ времени отрывочныя свѣдѣнія.

Съ обстановкой на Дону, Кубани и Терекѣ я познакомился лишь послѣ того, какъ пробылъ нѣкоторое время въ Екатеринодарѣ, гдѣ встрѣтилъ многихъ изъ своихъ сослуживцевъ и начальниковъ по прежней службѣ, а также знакомыхъ по Петербургу.

На засѣданіяхъ Верховнаго Круга и Рады мнѣ впервые пришлось узнать во всѣхъ подробностяхъ о тѣхъ прискорбныхъ событіяхъ, какія разыгрались на Кубани въ связи съ дѣломъ Колабухова.

Какъ исторически сложилось Кубанское Войско я зналъ, но никакъ не могъ предположить, чтобы въ періодъ смертельной борьбы, передъ лицомъ страшнаго врага, среди самихъ бойцовъ не было согласія.

Расхожденія между черноморцами и линейцами особенно рѣзко обозначились — уже на моихъ глазахъ — послѣ неудачъ на фронтѣ, когда въ Радѣ стала брать верхъ черноморская партія, стоявшая въ оппозиціи къ главному командованію.

Присматриваясь къ работѣ войскового правительства, наблюдая народныхъ избранниковъ въ Радѣ и на Верховномъ Кругѣ, бесѣдуя съ офицерами и казаками, — я постепенно приходилъ къ выводу, что на верхахъ у кубанцевъ, среди войсковой старшины, не было авторитетнаго руководителя, который объединилъ бы во кругъ себя всю Кубань.

Выборъ въ войсковые атаманы ген. Букретова — ставленника черноморцевъ и не-казака по происхожденію — нисколько не измѣнилъ безотрадной картины безвластія.

Букретовъ оказался фигурой весьма тусклой и неопредѣленной. Въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ онъ никогда не давалъ отвѣтовъ на самые простые вопросы; отдѣлывался общими фразами или загадочно молчалъ. Такой человекъ не могъ быть вождемъ.

Когда я еще ближе познакомился съ положеніемъ дѣлъ на Кубани, меня поразили такіе факты.

Кубанцы выработали краевую конституцію; организовали власть — исполнительную и законодательную — въ лицѣ войскового правительства и рады, по всѣмъ правиламъ западно - европейской парламентской прак-

тики; издали рядъ законовъ и постановленій, регулировавшихъ жизнь въ краѣ; плохо ли, хорошо ли, сговорились съ иногородними, представители которыхъ засѣдали въ Радѣ вмѣстѣ съ природными казаками; мобилизовали значительныя военныя силы для борьбы на общемъ антибольшевицкомъ фронтѣ; словомъ — проявили большую творческую энергію и провели цѣлый рядъ разумныхъ мѣропріятій.

Все это надо отнести къ чести и заслугамъ Кубанскаго Войска.

Но кубанцы не сдѣлали главнаго — съ чего должны были начать — они не создали арміи своей собственной кубанской арміи, какъ это сдѣлали донцы, оренбурцы, уральцы.

Кубанскія части доблестно дрались на поляхъ Ставрополя подъ Царицыномъ, на Украинѣ, въ Донецкомъ бассейнѣ, у себя на Кубани. Но кубанской арміи, предводительствуемой своимъ казакомъ, у кубанцевъ все-таки не было.

Въ этомъ — по-моему — коренная причина всѣхъ неурядицъ и столкновеній, происходившихъ на Кубани.

По странной игрѣ случая во главѣ кубанскихъ вооруженныхъ силъ стояли талантливые военачальники и во всѣхъ отношеніяхъ достойные люди, но не казаки. Въ нормальное время это обстоятельство не играло бы никакой роли, но въ годину смуты и всеобщаго шатанія умовъ личность вождя пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Надо было очень хорошо знать мѣстныя условія и очень умѣло разбираться въ той запутанной обстановкѣ, какая сложилась на Кубани послѣ революціи. Требовалось правильное пониманіе казачьей психологіи и проникновеніе въ душу казака. Рубить съ плеча не всегда было можно. Иногда самыя благія намѣренія начальниковъ не-казачьихъ, ихъ слишкомъ прямолинейныя дѣйствія, на кубанской почвѣ и въ казачьей средѣ давали какъ разъ обратные результаты.

Если бѣ во главѣ кубанскихъ войскъ стоялъ свой казакъ — онъ сумѣлъ бы объединить теченія, которыя просачивались сквозь кубанскую толщу.

Даже крутыя мѣры своему брату- казаку кубанцы всегда бы простили.

Командующій кубанскими войсками изъ казаковъ нашелъ бы общій языкъ и съ командующимъ Добровольческой арміей; онъ выполнилъ бы свою миссію по координированію дѣйствій много лучше, чѣмъ это пытались дѣлать нѣкоторые кубанскіе политики.

Какая иронія судьбы! Богатое и многолюдное Кубанское войско, славное своимъ историческимъ прошлымъ и вѣковыми традиціями, полки котораго служили украшеніемъ Россійской Арміи — это Войско въ періодъ гражданской смуты 1918-20 г.г. являло собою картину внутреннихъ несогласій и раздоровъ, тогда какъ должно было представлять монолитное цѣлое.

По горькому замѣчанію одного члена Верховнаго Круга кубанцы создали кубанскую армію только тогда, когда отъ ихъ полковъ остались обрывки, а отъ территоріи Кубани — одинъ Екатеринодаръ.

И даже въ этотъ послѣдній моментъ, какъ самое формированіе кубанской арміи, такъ и назначеніе ея командующаго состоялось безъ прямого участія войсковой власти.

И вотъ, спустя десять лѣтъ, вдумываясь въ событія на Кубани, я, какъ наблюдатель со стороны и казакъ, считаю: трагедія Кубанскаго Войска заключалась въ томъ, что на Кубани не было хозяина, замѣнить котораго не могли никакія учрежденія и соглашенія.

Кубанцамъ нужны были вождь и армія.

И. Акулининъ



Полковой хоръ трубачей 1-го Уманскаго полка въ Карсѣ, въ
1891-мъ году.
Въ центрѣ — Командиръ полка Полковникъ Ржевусскій.

Т Ы Ж Н Е В А

(изъ прошлаго станичной жизни).

Случай, о которомъ я хочу разсказать, имѣлъ мѣсто въ станицѣ... О, нѣтъ! лучше не назову станицы, а то и станичники меня не поблагодарятъ, да и ихъ чужіе засмѣютъ.

Было это за два-три года до войны. Пора стояла страдная, началась косовица, урожай былъ хорошій, и казакъ, трудившійся надъ землей - кормилицей, пожиналъ плоды своихъ трудовъ.

Въ воскресный день казакъ Черникъ пріѣхалъ въ станицу, купилъ, что нужно, изъ провизіи и уже собирався ѣхать въ степь, когда станичный десятникъ, вручилъ ему повѣстку. Послѣдняя гласила, что на будущей недѣлѣ Чернику нужно явиться въ станичное правленіе на Тыжневу. Почесалъ казакъ за ухомъ, ругнулся, но дѣлать нечего. Уѣхалъ въ степь, все время раздумывая, какъ же быть съ тыжневой. Въ такое, обычно, время при станичномъ правленіи отбываютъ повинность старики и подростки, отсутствіе которыхъ въ хозяйствѣ не такъ сказывается.

Оторваться отъ работы самому Чернику никакъ нельзя, нанять за себя некого, да и лишній рубль нуженъ на непредвидѣнные расходы; сломается ли косилка, раскуется ли лошадь или спадетъ шина съ колеса, вотъ тутъ-то и нуженъ запасный рубль. Только и разговору было о тыжневой. Порой думалъ Черникъ — не послать ли за себя сына, вѣдь, уже въ шестой классъ перешелъ, смысленный вполнѣ. Въ разговорахъ уже намекалъ о своемъ рѣшеніи. Женѣ его это нравилось.

— Отдохнетъ сынъ немного, а то другіе хоть лѣтомъ имѣютъ отдыхъ, а нашъ и лѣто и зиму не выпрягается...

Въ пятницу вечеромъ за ужиномъ Черникъ объявилъ сыну Николаю, что онъ пойдетъ отбывать тыжневу. Нужно пріучаться къ службѣ.

Въ субботу рано молодой Черникъ застѣлалъ лошадь и отправился въ станицу. Къ вечеру, одѣвшись казакомъ, отправился въ станичное правленіе, и зашелъ въ комнату станичнаго атамана.

— Здравствуйте, г. атаманъ, — сказалъ вошедшій, стараясь говорить басомъ.

— Здравствуйте Ладымыровичъ, що скажете нового? — отвѣтилъ атаманъ, протягивая вошедшему ру-

ку. Атаманъ съ большимъ уваженіемъ относился ко всѣмъ учащимся, какого бы возраста они ни были, всѣмъ давалъ руку и считалъ такъ:

— Нічого ны зробишь — учена людына.

— Тыжневу прышовъ за батько отбывать, — продолжалъ молодой Черникъ, переходя на родное нарѣчіе.

— О, цѣ діло, отакъ козатцво ны згынѣ.

— Ну добре, значить завтра въ обѣдъ, до діжурного; Вы йому будете якъ нахідка.

Въ воскресенье Николай Черникъ явился въ указанный часъ на службу. Дежурный обрадовался и тутъ же заявилъ, что ни въ какой нарядъ его не пошлетъ, а будетъ держать при себѣ.

— Вы тільки подумайте, Ладымыровичъ, що я безъ Васъ зроблю якъ прійде зъ отдѣла пакетъ съ хвостомъ. Вы знаете, скільки тамъ пысать? І часы і минуты треба роспысать, та ще й до ладу, — говорилъ дежурный.

Безъ особыхъ приключеній шла недѣля, но въ пятницу разыгралось событіе, которое долго потомъ на всѣ лады и во всѣхъ ближайшихъ станицахъ высмѣивалось. Наканунѣ привели арестованнаго, препровождавшагося въ тюрьму на два мѣсяца, приговореннаго мировымъ судомъ за кражу не то куръ, — не то бубликовъ. Сопровождать въ тюрьму "арестанта" назначили дѣда Алистрата, который отбывалъ тыжневу. Взявъ винтовку и книжку съ пакетомъ, дѣдъ Алистратъ вмѣстѣ съ арестантомъ спѣшилъ на поѣздъ.

Дойдя до базара, вспомнилъ, что нѣтъ табаку; послѣдній разъ набивалъ трубку уже изъ чужого кисета.

День былъ базарный, народу въ каждой лавкѣ полно. Всѣ спѣшатъ въ степь. Никакъ дѣдъ Алистратъ не могъ сообразить, какъ же ему пролѣзть въ лавку съ арестантомъ да еще и съ ружьемъ.

Рѣшилъ арестанта и ружье оставить въ рядахъ.

— На, подержъ ружжо, а я піду куплю табаку, — сказалъ онъ арестованному, протягивая винтовку. Послѣдній отъ удивленія раскрылъ ротъ, но все же взялъ "ружжо".

Прождавъ минутъ десять, видя, что дѣдъ - конвоиръ не возвращался, онъ пошелъ обратно въ станичное правленіе.

Въ корридорѣ сидѣлъ молодой Черникъ. — Ви



Группа Кубанскихъ джигитовъ войскового старшины А. Н.
Крикливаго.
Крикливый — крайній справа.

доть — чему сначала не хотѣлось вѣрить, — идетъ арестованный съ винтовкой.

Въ пяти словахъ объяснилъ дѣло и передалъ испуганному дежурному винтовку. Арестованнаго посадили въ “дідарню” и стали ждать діда Алистрата.

Точно молодой парубокъ, бѣжалъ онъ съ базару къ правленію, въ корридоръ котораго стояли дежурный и Черникъ.

— Біда, г. діжурный, біда, — запыхавшись, говорилъ дѣдъ Алистратъ.

— Что случилось? съ дѣланнымъ испугомъ спросили въ одинъ голосъ дежурный и казакъ.

— Та бачъ біда, — нѣсколько отдышавшись продолжаетъ дѣдъ, — арыстантъ утікъ і ружжо вкравъ! Собрался весь народъ, стали спрашивать; дѣдъ рассказываетъ какую-то исторію о побѣгѣ арестованнаго,

запинаясь на каждомъ словѣ.

Дежурный далъ знакъ.

Привели арестованнаго.

Дѣдъ отъ удивленія остоленѣлъ и стоялъ съ открытымъ ртомъ, не найдя словъ выразить свое удивленіе...

Со слѣдующимъ поѣздомъ молодой Черникъ отвезъ арестованнаго въ тюрьму и сдалъ, кому слѣдуетъ. Въ станицѣ долго потомъ смѣялись надъ дѣдомъ Алистратомъ. Часто, собравшись въ кружокъ, болѣе молодые спрашивали:

— Ну, діду, розкажіть, якъ вы арыстанта ганялы і якъ він утік, та ще й ружжо вкрав.

— Ну та що тутъ розказувать, — отвѣчалъ обыкновенно дѣдъ, — всі знаютъ; попутавъ нычистый. Отъ і все...

Е. Я.

НА СЛУЖБУ

(Изъ романа “Гремучій Родникъ”)



Устинѣ Ивановнѣ до тошноты надоѣла близость посыллага зятя. Отъ него и въ хатѣ стало какъ бы не повернуться. Къ тому же обнаружилась его крайняя умственная скудость, да такая, что про себя Устинья Ивановна ставила его чуть ли не въ ровень съ Афоней.

Зять Миронъ не могъ осилить даже молитвы Господней, а, между тѣмъ, знаніе ея было обязательно для казаковъ приготовительнаго разряда, и она спрашивалась на занятіяхъ “словесностью”.

Устинья Ивановна видѣла и слышала, какъ билась съ Мирономъ Химка, чтобы втолковать ему смыслъ и порядокъ словъ молитвы, но почти что безрезультатно.

И гордости казачьей у него какъ-то не было. Самъ же по вечерамъ рассказывалъ, какъ вахмистръ въ казармѣ заставлялъ другого больше соображавшаго казака подняться на скамью и тащить туда къ себѣ Мирона за уши.

Когда кончился такой неудачей судъ съ Колыха-

ловымъ и потеряли надежду скоро переселить Мирона и Химку въ особую хату на своемъ дворѣ, то Устинья Ивановна настояла, чтобы для нихъ была куплена хата на отдѣльномъ дворѣ и шли бы они туда обзаводиться своимъ собственнымъ хозяйствомъ, Миронъ, какъ единственный сынъ у матери, имѣлъ къ тому же право на льготу и предполагалось, что на дѣйствительную службу онъ не пойдетъ. Такъ и рѣшилъ, было, станичный сборъ. Да въ тотъ годъ военное начальство потребовало вдругъ отъ станицы усиленнаго набора молодыхъ казаковъ, и Мирону пришлось въ спѣшномъ порядкѣ собираться.

Каждый годъ станица высылала свыше полсотни здоровыхъ молодыхъ казаковъ въ полкъ въ Закавказье на замѣну возвращавшихся со службы людей.

И вотъ ко времени, когда перевалило за полдень и стало прохладнѣе, Маликовская бесѣда двинулась со двора. Впереди пошли въ два ряда любители пѣсни — бабы и мужичины. Шли они такъ, что первый рядъ подвигался впередъ, обернувшись лицомъ къ пѣвцамъ второго ряда, который какъ бы наступалъ на тѣхъ...

Заводилъ пѣсню и проявлялъ большую ретивость въ ней высокій человекъ Ларька. Онъ, собственно, былъ почти что чужимъ и для Мирона и для Маликовыхъ, но, сосѣдя съ ними участками въ степи, привыкъ считаться за свойственника. Въ горячее время работы другъ другу помогали "спрягались" и звали поэтому другъ друга супрягачами. При такомъ семейномъ дѣлѣ, какъ проводы казака, безъ него обойтись почти что и нельзя было.

Голосъ у него звучалъ чуть надтреснутой трубой. Вышагивая, онъ размахивалъ руками, вытягивалъ въ особо чувствительныхъ мѣстахъ и безъ того длинную шею и старался вообще такъ, что въ уголкахъ губъ набивалась даже замѣтная полоска пѣны...

Какъ супрягачъ, Ларька, такъ и всѣ другіе изрядно подвыпили, и было неясно, веселье ли вырывалось у нихъ изъ-подъ печали разставанія или печаль пряталась подъ веселье.

— Пра-ща-а-й, лю-у-без-на-я-а-я ста-ни-ца

И вся ро-дна-а-я сто-ро-на-а...

— Пра-ща-а-й-те, отецъ-ма-а-ать род-ны-е,

И всѣ пре-доб-ры-е дру-зья...

Сейчасъ же за пѣсельниками шелъ Миронъ въ полномъ обмундированіи, рядомъ съ нимъ Химка и тутъ же Алдоша, Устинья Ивановна и другіе близкіе.

Позади Луканька велъ въ поводу Миронова коня съ притороченными къ сѣдлу буркой, башлыками, вьюками и съ переметными сумами.

Горловъ Фома тоже провожалъ въ этомъ году сына, и на широкой улицѣ обѣ бесѣды объединились. Здѣсь главной пѣсельницей была Марфа Андреевна, жена Сенюткина; у нея былъ звонкій раскатистый подголосокъ, а одинъ изъ братьевъ Горлова игралъ на пищикахъ, вставленныхъ въ рогъ. Мощной рѣкой потекла пѣсня...

На просторной площади у общественныхъ магазиновъ съ хлѣбнымъ запасомъ остановились. Сюда же съ разныхъ улицъ приваливали новыя бесѣды съ провожаемыми казаками. Неподалеку около "лизертиной" казармы, гдѣ преподавалась двѣ зимы уходящимъ теперь изъ станицы казакамъ, "словесность", собрались атаманъ, другія должностныя лица и духовенство. Отслужили молебенъ. Старый священникъ отецъ Григорій окропилъ святой водой и людей и коней и сказалъ напутственное слово... Большинство этихъ, препоясанныхъ теперь шашками и кинжалами людей, онъ же и крестилъ въ старой церковной купели...

Соединенный хоръ двухъ церквей спѣлъ громогласное "Многая лѣта".

Послѣ молебна еще разъ разошлись по своимъ бесѣдамъ "погладить дорожку" уходящимъ...

Алдакимъ Прокофѣичъ пригласилъ къ своему кругу причтъ новой приходской церкви, недавно передъ тѣмъ прибывшій въ станицу.

Священникъ, отецъ Михаилъ, отдавъ честь хлѣбуса, уѣхалъ, а псаломщикъ Іона Тихоновичъ остался... Онъ немного сюсюкалъ, не осиливая шипящихъ звуковъ, и сразу опредѣлился, какъ любитель общества слабого пола...

— Ивона Тихоновичъ... Да вы шѣ наши отцы духовнаи... Ну, выпейте... Не побрезгайте нами...

— Отцы духовнаи... Вы подумайте! — повторяла Марфа Сенюткина и разливалась раскатистымъ смѣхомъ. Она была еще очень красивая казачка, а объ ея голосѣ Іона Тихоновичъ про себя тутъ же рѣшилъ: "аки кимваль бряцающій"...

Григорій Антиповичъ Сенюткинъ подошелъ къ Миронову коню:

— Ну какъ, Алешка?!.. Чуешь, братъ, какихъ трудовъ придется хлебнуть, когда черезъ Казбеки придется иттить?!.. — Лошадь-она умная животная... Смотри, Луканька, какой Алешка сумнай... Будто даже слеза ево прошибаетъ. Онъ все понимаетъ...

— По ко-о-нямъ! — пронеслось отъ лизертиной казармы, и чудесное значеніе команды вдругъ сказалось на всѣхъ. Засуетились, заспѣшили. Химку едва оторвали отъ Мирона, плачетъ да еще причитаешь:

— На каво шѣ ты покидаешь меня, соколъ мой яснай?!..

Передъ построившимся фронтомъ сказалъ еще нѣсколько словъ атаманъ:

— Ну, смотрите жѣ, ребята, станицу не обезславьте... Служите, какъ слѣдуетъ быть...

А потомъ вахмистръ скомандовалъ: —

— Справа по-три... Пѣсенники впередъ... Шагомъ ма-а-аррршъ...

Пока колонна разворачивалась и вытягивалась на дистанцію, ѣхали молча, а потомъ вахмистръ приподнял надъ головой руку съ плетью и сдѣлалъ въ воздухѣ нѣсколько движеній, намѣтивъ ими тактъ требуемой пѣсни...

Слѣдуя за этими движеніями, началъ запѣвала много сдвоеннымъ и дребезжащимъ голосомъ:

— Пол-но ва-мъ, смѣ-жеч-ки,

На та-ло-й зем-лѣ ле-жа-ать...

Рука вахмистра вдругъ провалилась внизъ, а потомъ снова взметнулась надъ шапкой. За ней съ той же стремительностью рванулъ весь хоръ пѣсельниковъ:

— Пол-но вамъ, ка-за-чень-ки,

Го-ре го-ре-ва-а-ть...

Легкимъ облакомъ за клубилась пыль, и въ тактъ пѣсенъ какъ будто различалось цоканье лошадиныхъ подковъ подобравшейся колонны...

— Ас-та-вимъ тас-ку пе-чаль во тем-ныхъ во лѣ-са-ахъ...

— Будемъ при-вы-ка-ать къ чу-жой даль-не-ей сто-ро-нѣ-ѣ...

Лишь когда колонна скрылась за курганомъ и замеръ въ посвѣжѣвшемъ воздухѣ серебряный звонъ тарелокъ и подголоска, провожавшіе потянулись назадъ по домамъ. Устинья Ивановна повела подъ руку отчаявшуюся совсѣмъ Химку.

Горловъ снова настроилъ свои пищики, и Ларька и Марфа Андреевна въ обнимку съ другими бабами и казаками понесли веселую пѣсню.

— Ужъ ты, ба-ба-чка ба-бе-ноч-ка мо-я-а!

Ой, чер-ноб-ро-ва-я ха-ро-о-шень-ка-я-а!

Псаломщикъ Іона Тихоновичъ слѣдовалъ въ ногу съ Алдакимомъ Прокофьевичемъ, ловя краемъ уха Марфинъ "кимваль бряцающій".

Казаки въ Парижѣ на могилѣ Неизвѣстнаго Солдата



Казаки на Елисейскихъ поляхъ. Впереди Атаманъ Богаевскій.

Впервые, думаю, со времени Наполеоновскихъ войнъ — казаки появились въ военной формѣ и съ флагами въ Парижѣ, на площади Etoile, подъ Триумфальной Аркой, — для возложенія вѣнка и возжженія огня на могилѣ неизвѣстнаго солдата.

Въ этомъ же году въ первый разъ возжигалъ огонь и Русскій обще-воинскій союзъ.

Это — извѣстное моральное достиженіе наше, насъ русскихъ — военныхъ, за десять лѣтъ жизни за рубежомъ.

И то обстоятельство, что казакамъ было разрѣшено присутствовать на церемоніи въ военной формѣ — свидѣтельствуеетъ о подчеркнутомъ особомъ вниманіи къ казачеству. Краткое обращеніе атамана Богаевского въ мѣстныхъ газетахъ о “возжженіи лампы” — дошло до казачьихъ сердецъ. На собраніи начальниковъ и старшихъ группъ былъ выработанъ церемоніаль.

6-го сентября сборный пунктъ на историческихъ казачьихъ Елисейскихъ Поляхъ запестрѣлъ значками,

черкесками, лампасами... Кубанцы пришли первыми съ Войсковымъ флагомъ — сине-малиново-зеленымъ — знакъ единства Войска: — линейцы, черноморцы, горцы. Его несъ заслуженный георгіевскій кавалеръ хорунжій Ф. И. Черновъ, имѣя ассистентами, въ черкескахъ и погонахъ — хорунжаго Рокова и педхорунжаго Захарьина. Высокое голубое древко съ копьемъ, и развѣвающимся цвѣтнымъ полотнищемъ обозначало флангъ кубанцевъ.

Пришли терцы со своимъ голубымъ, расшитымъ серебромъ стягомъ...

Красочно и мощно прибыли донцы. Твердою и широкою поступью, въ мягкихъ сапогахъ и широкихъ твардейскихъ темносинихъ шароварахъ, въ безкозырькахъ на бравую бровь — они щегольнули отчетливою. Мягко, въ чевякахъ, словно скользя по торцовой мостовой, безшумно прошелъ цѣлый взводъ кубанскихъ казаковъ въ черкескахъ...

То былъ почти полностью кубанскій хоръ въ Па-



Подъ Триумфальной Аркой. Передъ возложеніемъ вѣнка.



Возложеніе вѣнка на могилу Неизвѣстнаго Солдата.



Послѣ возженія пламени. Минута молчанія.



Кубанскій взводъ



Кубанцы передъ парадомъ:

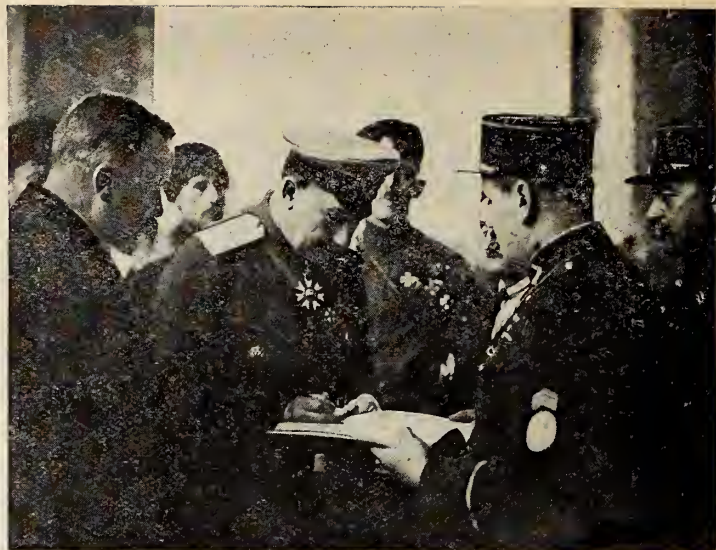
Въ центрѣ — полковникъ **Ф. И. Елисѣевъ**. Правѣе его — значковый хорунжий **Ф. И. Черновъ** и лѣвѣе — ассистентъ подхорунжий **С. Е. Захаринъ**.

рижѣ, пополненный другими кубанцами. Ихъ вель доблестный есаулъ, всегдашній и безкорыстный радѣтель за казачью долю, **А. Р. Збронскій**, имѣя замѣстителемъ **Я. М. Ковалева**.

Выстроилась подъ сине - малиновымъ значкомъ Уральская казачья станица.

Въ 6 часовъ вечера всѣ въ сборѣ. Прибыль атаманъ **Богаевскій**.

Атаманъ не воздерживается, здороваётся и, взводъ, наполовину состоящій изъ офицеровъ, — отвѣчаетъ громко, по военному. Атаманъ обходитъ строй. Своимъ безукоризненнымъ воинскимъ видомъ онъ привлекаетъ взоры всѣхъ, подкупаетъ и миритъ недруговъ...



Атаманъ Богаевскій росписывается въ Золотой Книгѣ

Мундиръ Лейбъ-Атаманскаго полка, мягко - голубой, такъ идетъ къ нему...

Процессія двигается.

Впереди Русскій національный флагъ. Его несетъ георгиевскій кавалеръ, гигантъ лейбъ-казакъ, имѣющій ассистентовъ по бокамъ. За флагомъ — атаманъ **Богаевскій**, представляющій объединенное казачество; за нимъ — шеренга Войсковыхъ флаговъ — Донского, Кубанскаго, Терскаго, Уральскаго, Донской гвардейской бригады, Атаманскаго училища и Донскаго кадетскаго корпуса. За значками, на дистанціи, слѣдуетъ громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, перевитый національною лентою съ надписью: —

“Казакъ — неизвѣстному солдату”. Его несутъ казаки Кубанскаго Войска — генералъ **Н. И. Малышенко** и полковникъ **Ф. И. Елисѣевъ**. За вѣнкомъ слѣдуетъ весь казачій генералитетъ и представители казачьихъ организаций. Среди нихъ, въ военной формѣ, генералъ **Н. Н. Баратовъ**, **Б. И. Хорошкинъ** и **О. И. Лебедевъ**. Взводъ кубанскихъ казаковъ, строемъ, слѣдуетъ за старшими начальниками. Далѣе до 1.500 казаковъ всѣхъ Войскъ въ штатскихъ костюмахъ, въ колоннѣ по-шести. Процессія двигается медленно и торжественно. Подъ аркою всѣ выстраиваются широкимъ квадратомъ, лицомъ къ могилѣ. Возлѣ вѣнка позади него — сгруппировались всѣ высшіе казачьи военачальники. Войсковые флаги выстроены въ рядъ слѣва. Кубанскій взводъ противъ нихъ. Справа два взвода лейбъ-казаковъ въ одноцвѣт-



Кубанскій взводъ. Впереди есаулъ Збронскій.



По окончаніи церемоніи

Редакція журналу "Россія" приносить благодар-
ность редакціямъ газеты "Excelsior" и журналовъ
"Жизнь и Судь", "Иллюстрированная Россія" и "Часо-

ныхъ штатскихъ костюмахъ. — Они ласкають глазъ зна-
тока строя.

Выстроились. Пауза. Щелканье аппаратовъ, и въ-
нокъ съ участіемъ старшихъ военачальниковъ, торже-
ственно возлагается на могилу.

Безногій барабанщикъ - французъ бьетъ корот-
кую дробь.

Предсѣдатель "Комитета Пламени" торжественно
вручаетъ Атаману Богаевскому тяжелый мѣдный жезлъ.
Упоромъ въ отверстіе жерла — онъ сдвигаетъ съ мѣста
воронку; неугасимое пламя вспыхиваетъ клубкомъ. Ба-
рабанщикъ бьетъ дробь вновь. Минута молчанія.

Всѣ берутъ подъ козырекъ.

Тутъ же, подъ сводами Арки, атаманъ Богаевскій

вой" за любезное предоставленіе фотографій и клише
шествія казаковъ на могилу Неизвѣстнаго Солдата.

расписывается въ "Золотой Книгѣ". Отъ каждого Вой-
ска расписывается одинъ изъ старшихъ генераловъ. Отъ
Кубанскаго — генераль Малышенко и Лебедевъ.

Въ шествіи участвовалъ предсѣдатель обще-воин-
скаго союза генераль Е. К. Миллеръ.

Церемонія окончена.

Казачи пересѣкли площадь "Etoile" и останавли-
ваются на Avenue de Bois du Boulogne, окруженные
многолюдною толпою французовъ. Яркими звѣздочками
мелькають военные мундиры и черкески.

День 6-го сентября 1930 г. останется памятнымъ
историческимъ днемъ въ казачьемъ заграничномъ бытіи-
страданіи...

Казакъ Бідолага



На древнемъ рубежѣ

Часть третья.

I.

Съ колоколенъ во всѣ концы буйно разносился жизнерадостный трезвонъ.

Въ столовой звенѣли ножи, вилки, разставляемая посуда. "Накрываютъ столъ для духовенства" — подумалъ, проснувшись, Лукинъ.

Едва онъ успѣлъ привести себя въ порядокъ, пришелъ батюшка съ причтомъ. Пропѣли "Христосъ Воскресе!", поцѣловались и сѣли за пасхальный столъ.

Батюшка расположился въ углу подъ образами, рядомъ съ нимъ Лукинъ, затѣмъ высокій, плоскій уставщикъ съ выпуклымъ подвижнымъ кадыкомъ Терентій Галактіоновичъ. Напротивъ священника — учитель церковнаго пѣнія Изотъ Карпычъ, острыя лопатки котораго рѣзко выделялись подъ тонкимъ бешметомъ. Еще правѣ сверкалъ сѣрыми холодными глазами пономарь. Далѣе потряхивалъ жиденькой рыжей бородкой диаконъ Хрисанфій. Самыми молодыми представителями клира были пѣвчіе, три парня въ черкесахъ. Глядя на этихъ здоровенныхъ ребятъ, Лукинъ невольно вспомнилъ "циплятъ Гапо".

— И не знаешь, Иванъ Петровичъ, какъ умомъ раскидывать, куда итти, гдѣ сѣять, — говорилъ отецъ Онуфрій, справляясь съ тарелкой наваристаго краснаго борща.

— Почему, батюшка? — положилъ ему кусокъ пирога хозяинъ.

— Солдаты-то наши почти всѣ служатъ въ Болотномъ въ красной арміи.

— Печально, конечно, однако, что жъ подѣлаешь? — пожалъ плечами Лукинъ; — сейчасъ все противъ насъ. Даже, кажется, время въ заговорѣ съ большевиками.

— У моего Яшки намереніи, блокъ, винтовку не отняли на базарѣ, — обсасывая подкрашенные чихиремъ сѣдые усы, сказалъ уставщикъ.

— Говорятъ, будто съ перваго богача Бондарева двѣсти тысячъ собрали, а домъ Дьяконова отвели подъ клубъ, да заставили его, высуня языкъ, бѣгать по городу, собирать тридцать столовъ да полтораста стульевъ. Въ три часа чтобы все было, иначе разстрѣль!

За такое сообщеніе желтозубый Изотъ Карпычъ почелъ долгомъ вознаградить себя зубровкой.

— Это что, свать! Они на каждое ведро вина печатъ антихристову наложили, въ свою казну гребутъ налоги. Дождались слободы! Скоро за Теречную воду карманы тряси, — будто хлопалъ лѣстовкой пономарь, разрѣзая жаркое.

— Слышать генерала Корнилова убили, — сказала тетка Настя.

— А, чего выдумала? Откуда на хвостъ принесла? — потчуга гостей, одернула ее хозяйка.

— Когда я былъ взводнымъ урядникомъ, — началъ было, священникъ...

Въ это время Мухтаръ съ громкимъ лаемъ бросился къ воротамъ. Лукинъ выскочилъ на крыльцо. Черезъ порогъ калитки шагнулъ сухошавый, нервный подъесаулъ Язычковъ. За спиной его виднѣлся Субботинъ, потомъ показались Терцовъ, Малогриценко, Акимъ, цѣлая шеренга франтовато одѣтыхъ казаковъ. Во дворѣ замелькали черныя и бѣлыя папахи. Всѣ курпеи были тщательно взбиты, черкески свѣже выглажены, оружіе блестяло. Среди станичниковъ, къ удивленію Лукина, сѣменилъ совершенно ему незнакомый маленькій рябой армянинъ въ щегольскомъ драповомъ пальто.

— Христосъ Воскресе, господинъ есаулъ, — почти у забора высоко поднялъ широкополую шляпу улыбающийся незнакомецъ.

— Воистину Воскресе! — поклонился Лукинъ. — Пожалуйста въ залъ, — пригласилъ онъ къ знатному пасхальному столу, похристосовавшись со всѣми.

— Здравствуй Гришка! Здравствуй Шяшя! — здоровались вошедшіе слѣдомъ за гостями работники есаула. Новые шапки, штаны, бешметы, какъ нельзя, лучше, гармонировали съ общимъ праздничнымъ настроеніемъ.

— Пошли Богъ тебѣ хорошую жену, — говорили ногойцы, осушая рюмки водки.

— Сабуль! Сабуль! — не успѣвалъ благодарить хозяинъ.

Монголы закусили баранины, индюка, попробовали сырной пасхи.

— Окорочка что же? Поросеночка съ хрѣномъ? Вотъ ветчинка, — разсмѣялся Язычковъ.

— Магометъ по шеѣ надастъ, — отвѣтилъ мурза.

— Ну, трогай дальше, ребята! — поднялся Аипъ, получивъ отъ хозяина магарычъ на всю компанію.

— Господа! Токай, Мускатъ, Рислингъ. Кому водки? — спрашивалъ Лукинъ, наполняя бокалы, — сердечно благодарю за вниманіе. Поздравляю съ праздникомъ! — Всѣ встали, раздался звонъ хрустала.

— Священники сладкій пирогъ доѣдаютъ. Сейчасъ поднимутся — шепнула Лукину вошедшая тетка.

— Простите, на минутку! — бросилъ есаулъ, вскакивая со стула. Оставшись одни, гости измѣрили глазами громадныя венеціанскія зеркала, потомъ стали пристально разсматривать симметрично развѣшенные на стѣнѣ портреты семьи императора Николая II.

— Н-да! — тяжело вздохнулъ Язычковъ, — освободились...

— Дожили, нечего сказать, царя — въ тюрьму! Ахъ! — стиснулъ кулаки Малогриценко. На глазахъ его сверкнули двѣ крупныя слезы.

— Господа! За избавленіе августѣйшаго семейства! — предложилъ вернувшійся Лукинъ. Всѣ встали.

— Да хранить Господь царственныхъ узниковъ!

Казаки перекрестились и выпили до дна. Нѣскольکو мгновений длилось тягостное молчаніе.

— Городъ Болотный делегировалъ Егора Каспарыча просить тебя съ сотней освободить ихъ отъ ига красноармейцевъ. Награда — полъ-милліона, — прострочилъ Язычковъ, едва заговорили вокругъ. Армянинъ одобрительно кивнулъ головой, потомъ вплотную подсѣлъ къ хозяину.

— Мы, кажется, какъ таранкамъ, оторвали бы имъ башки! — при этомъ громадный носъ армянина угрожающимъ тараномъ двинулся къ головѣ есаула.

— За чѣмъ же остановка? — откинулся изъ предосторожности Лукинъ.

— Нѣтъ, вы только посмотрите, господинъ есаулъ, что они дѣлаютъ! Захотятъ грабить — грабятъ, сунуть въ тюрьму — сунуть, и пикнуть не смѣй. На дняхъ приходятъ ко мнѣ и — смаху: "Давай двадцать тысячъ. Разъ!" — "Дорогіе товарищи!" — кричу. "Очень дорого! Давай двадцать тысячъ. Два! Давай двадцать тысячъ! Три! Давай тридцать тысячъ! Разъ!" — Я сажу, точно рыба на угляхъ. Ничего не понимаю. А они уже: "Давай пятьдесятъ тысячъ! Два!" Всѣ въ бомбахъ. Винтовки со штыками. Кинулся туда-сюда. Даю двадцать. Не берутъ! Бухъ имъ въ ноги! Ради Бога, дорогіе товарищи, возьмите. Сейчасъ остальные... Опять кинулся

сюда-туда. Даю еще десять. Взяли. Деньги въ карманъ заткнули, меня — въ тюрьму. “Пока такой-сякой кровопіецъ, не заплатишь остальной долгъ, будешь къ каталажкѣ прикомандированъ, а черезъ недѣлю отчислимъ въ штабъ Духонина”. — “Ва, товарищи!” — “Мы”, — кричатъ, — “товаръ ищи, а ты деньги тащи, да не вакай, а то припаяемъ по настоящему! Даромъ, что ли, просить у тебя пришлось почти полчаса”. Кинулась вечеромъ жена по знакомымъ, приносить остальные двадцать. “Еще десять”, кричатъ, — “за казенную квартиру да почеть! Мы его, какъ губернатора, конвоировали черезъ весь городъ!” Чего подѣлаешь? Принесла. Выпустили утромъ и говорятъ: “Завтра, быть можетъ, опять пожалуемъ въ гости. Понравился намъ дюже. Ты — человекъ хорошій.” При этомъ армянинъ досталъ клѣтчатый платокъ и вытеръ капли пота, заблестѣвшія на лбу. — Пахъ! Пахъ! Пахъ! Иванъ Петровичъ, что это такое? На всѣхъ перекресткахъ кричатъ: “свобода! свобода!”, а люди ходятъ, да оглядываются, какъ бы за горло не схватили! Свобода грабить средь бѣлаго дня! Пахъ! Пахъ! Пахъ! Горожане секретно послали меня просить васъ освободить городъ отъ этихъ... Пахъ! Пахъ! Пахъ! У черта въ книгѣ и то не найдется имъ названія... За полъ-милліона рублей, а вамъ будетъ столько же отдѣльно, — послѣднее произнесъ онъ такъ тихо, что разслышать могъ только Лукинъ.

— Пожалуйста, господа, пейте, закусывайте! — угощалъ хозяинъ, — Болотный, Егоръ Каспаровичъ. могъ бы своими силами скрутить въ бараній рогъ, выстройте всѣхъ вашихъ боеспособныхъ горожанъ — верста по фронту... Однако, что вы сдѣлали до настоящаго времени? Неужели только и всего, что вспомнили о моей сотнѣ?!

— Мы, господинъ есаулъ, организуемся. Вашу помощь обѣщалъ Ксенофонтъ Самойловичъ Язычковъ, — заерзалъ на стулѣ армянинъ, будто подбросили подъ него нѣсколько горячихъ угольковъ.

— Да, да, да, Иванъ Петровичъ! — засуетился подъесаулъ, — необходимо обуздать этихъ бандитовъ. Я говорилъ уже со многими. Всѣ согласны. Вѣдь, съ неба деньги не падаютъ, а поторговаться — кругленькій милліончикъ на ладошкѣ улыбнется.

— Не знаю, съ кѣмъ ты вель переговоры, но я пойду только на помощь дѣйствительно возставшимъ противъ этихъ грабителей. Какъ только горожане покажутъ готовность умереть за свое освобожденіе, мы выступаемъ, — высказался Лукинъ.

— Какъ? Почему? — подпрыгнулъ Язычковъ: — добровольцы бьются за Великую Россію, а мы, сложа руки, будемъ сидѣть?!

— У казаковъ, Ксенофонтъ, пока нѣтъ естественнаго обостренія, а искусственно агитаціей разжигать ненависть мнѣ претитъ. Я понимаю, конечно, — дойдетъ до насъ. И въ своихъ рамкахъ къ борьбѣ готовлюсь. Но стоитъ сунуться теперь, все полетитъ на смарку. Казаки не поймутъ и осудятъ навязанную имъ роль освободителей. Вѣдь, угнетенные и пальцемъ не шевелятъ! Накипятъ у станицъ — другой разговоръ. Меня коробитъ этотъ коммерческій взглядъ, исключительный расчетъ на деньги! А гдѣ же благородный порывъ? Гнѣвъ? Оскорбленное самолюбіе? Долгъ? — задумался Лукинъ, — но, вѣдь, они боятся рискнуть однимъ своимъ волосомъ! — его глаза сверкнули. — Въ силу матеріальныхъ соображеній сотню я не поведу! — рѣзко оборвалъ Лукинъ и осушилъ бокаль.

— Ты, Ваня, подумай, а вечеромъ загляни ко мнѣ, буду ждать, — пригласилъ Язычковъ.

— Господа, предлагаю поздравить Степана Ивановича! — придержалъ его за рукавъ Лукинъ.

Всѣ пошли къ выходу.

— Маша! Къ намъ идетъ отъ Усовыхъ православное духовенство, — крикнулъ Лукинъ, пріостановившись около калитки.

— Идите! Идите! Мы съ Надеждой Петровной посидимъ, — христосовался смущенный отецъ Александръ, сзади котораго стоялъ на готовѣ сухопарый дьяконъ.

Лукинъ быстро догналъ свою компанію. Почти на каждомъ кварталѣ поскрипывали высокія качели. “Ахъ!” “Охъ!” слышались поминутно взвизгиванія дѣвчатъ. “Нажми! Рразъ!” кричали парни, то присѣдая, то выпрямляясь.

— А-а! Здравствуй, Каспарка! Христосъ Воскресе, — Иванъ, Ксенофонтъ, Петръ, Григорій! — приговаривалъ Усовъ, лобызаясь въ гостинной. — Прошу къ столу! — пригласилъ полковникъ жестомъ. — Прижигаютъ большевики пятки, что къ командиру примчался? — выпалилъ онъ въ лицо горожанина.

— Ва, Степанъ Ивановичъ, Вы откуда знаете? — вытаращилъ глаза армянинъ.

— Вся станица говоритъ. Сразу всѣ догадались... Слушай, Иванъ. Пошли на выручку ногойцевъ подъ водительство косога Зарака.

— Пахъ! Господинъ полковникъ! Вы поведете? Мы согласны!

— Егоръ! Если я возьмусь, сразу начну съ васъ, чтобы на себя надѣялись, за свою честь и достоинство въ огонь и воду шли, а за деньги дураковъ не искали.

II.

Какъ ни торопился Лукинъ къ Язычкову, гдѣ онъ мечталъ встрѣтить Дуню, ему пришлось нѣсколько запоздать. Почти около забора тетки Насти онъ столкнулся съ Аленой — вдовой Егора, умершаго при послѣдней холерной вспышкѣ. Лукинъ зналъ ея непроглядную нужду и давно собирался помочь несчастной. Однако, очередныя заботы дня, какъ нахально зазывающіе торговли, тянули въ сторону. Занятый дѣлами, онъ иногда забывалъ о существованіи Алены, ея бабушки и кучи голодныхъ дѣтей. Потомъ что-то вновь напоминало ему. Онъ сердился на себя, рѣшалъ завтра же помочь, но снова отвлекался.

Увидѣвъ Алену сегодня, Лукинъ почувствовалъ большую неловкость, словно онъ позволилъ себѣ подлость по отношенію къ этой женщинѣ. Преслѣдуемый совѣстью, есаулъ бросился въ калитку.

Не успѣла Анастасія Петровна предложить ему вина, какъ Лукинъ сунулъ ей кредитный билетъ.

— Да это — на годъ хлѣба! — говорила тетка, подвязывая платокъ.

— Тѣмъ лучше для меня. Только, пожалуйста, не говори отъ кого, а догадается — чтобы никому ни звука! Я подожду.

— Скажу! Скажу! — повторяла она за дверью.

Лукинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея возвращенія. Теперь каждое мгновеніе отмѣчалось ударами его сердца.

Не только по сіяющему лицу вернувшейся, но еще раньше, по топоту ея ногъ въ передней, Лукинъ понялъ все: на мгновенье онъ увидѣлъ озаренную радостью убогую комнату и множество дѣтскихъ улыбокъ вокругъ пустого стола. “Какъ просто — шевельнулъ бровью, и сразу все преобразилось. Я счастливъ”... шепталъ онъ...

Веселый, жизнерадостный шелъ Лукинъ къ Язычкову. Безпокоилъ его только вопросъ, тамъ ли Дуня? Онъ сосчиталъ дни отъ послѣдняго свиданья. “Чертъ возьми, больше недѣли. А вдругъ, разсердившись на меня, она уѣхала, въ Жаркую къ теткѣ?” встревожился Лукинъ. До мельчайшихъ подробностей онъ вспомнилъ послѣднюю ночь въ объятіяхъ Дуни. Его бросило въ жаръ. Воротникъ душилъ. Кровь стучала въ вискахъ. Онъ не чувствовалъ подъ ногами земли. Но стоило ему шагнуть къ Язычкову, какъ въ него будто ударили холодныя, острыя струи воды; со всѣхъ сторонъ на Лу-

кина ринулись собаки. Заливаясь на всю станицу, онѣ метались вокругъ, норовя виѣпиться въ полы черкески.

— Принимаешь, нечего сказать! — приговаривалъ отрезвѣвшій есаулъ, энергично отбиваясь кинжаломъ.

— Цицъ! Тубо! — наконецъ раздался голосъ хозяина. Свора вмигъ заняла выжидательное положеніе. Смѣхъ, громкій оживленный разговоръ несея изъ глубины двора. Тамъ, во флигель Лукинъ различилъ сидящихъ за столомъ бабъ и казаковъ.

“Дуня здѣсь?” — чуть не прыгнуло съ языка Въ темнотѣ точно блеснули глаза красавицы. Когда они вошли въ комнату, сестра Язычкова, молодая чернобровая баба, подавала вино на жестяномъ черномъ подносѣ, расписанномъ красными лиліями. “Неужели нѣту?” мелькнуло въ мысляхъ Лукина, но тотчасъ пріятная теплота разлилась по всему тѣлу: на него возбужденно смотрѣла Дуня, еще болѣе красивая, еще жарче охваченная огнемъ страсти.

— Садись, садись, красная дѣвица, между Дуней и кумой Мотей, а за опозданіе — штрафъ, ковшикъ чихиря! хлопоталъ хозяинъ, въ то время, какъ Лукинъ христосовался со всѣми подрядъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ Дунѣ. Руки ихъ на мгноенье срослись, они слились губами, задыхаясь отъ счастья.

— Иванъ Петровичъ! Чуръ сегодня не малханить! Изволь подѣ корешокъ! — насѣдалъ на него хозяинъ, обремененный наполненнымъ фаянсовымъ ковшемъ.

— Будь дѣвка, второй бы попросилъ, — подмигнула Дуня.

— Нѣтъ, выпьетъ! крикнула Мотья. Вырвавъ изъ рукъ рыжебородаго Антона графинъ, она налила чайный стаканъ и, кланяясь, поднесла есаулу. Лукинъ осушилъ до дна и трижды поцѣловалъ задорную бабу.

“Ты, грушица, грушица моя,
Грушица зелена, садова”...

Запѣла Дуня.

Ударяя въ поднось, она плавно начала плясать лезгинку

“Почто ты не зелена стоишь,
Груша, не лазорева цвѣтешъ?”

Подхватили всѣ.

“Да какъ же мнѣ зеленой быть?
Съ вершинушки солнышко печетъ,
Подъ грушею свѣтлица стоитъ,
Въ свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
Разумныя рѣчи говоритъ:
Нынеча такія времена —
Сушать женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ — дальніе друзья”...

— Правда, Вы женитесь? — повернулась къ сосѣду разгоряченная пѣсней Мотья.

— На комъ? — улыбнулся Лукинъ.

— Извѣстно, — на Каткѣ.

— На Катѣ? — протянулъ удивленный есаулъ; — это большая для меня новость!

— Не ври! Не ври! Все время у нихъ пропадаетъ, зря она сурмитъ брови-то? Вмѣсто платка, газъ на головѣ! Подумаешь, барышня!!!

— Честное слово, разговаривалъ съ нею всего раза два. Заходилъ справиться о нашемъ станичникѣ генералѣ Максимовѣ. Вѣдь, Катя только что пріѣхала изъ Благодатной, гостила у его дочери.

Между тѣмъ отъ соприкосновенія съ Дуней Лукинъ горѣлъ на медленномъ, мучительно сладкомъ огнѣ. Страсть бушевала въ его крови, захватывая Дуню и одновременно опьяняя обоихъ.

— Бабы! Бабы! Споемте “Селезня” Ивану Петровичу! крикнула Мотья. Не дожидаясь, она взяла высокимъ голосомъ:

“Селезень, мой селезень”...

Селезень мой молодой! — дружно подхва-

тила комната.

“Почто же ты, селезень,
Не веселый сидишь?
Да какъ же мнѣ, селезню,
Веселому да мнѣ быть?
Съ вечера позднешенько
Утица со мной была,
По утру ранешенько,
Слышу, — прострѣленная.
Не жалко, прострѣлена,
Если утка на водѣ,
А жалко, прострѣлена
На шелковой на травѣ.
Травушка - муравушка,
Все шелкова трава...
Какъ на той на травушкѣ
Стоялъ синь шелковъ шатеръ.
Во шатрѣ, задумавшись,
Добрый молодецъ сидѣлъ.
Почто же ты, молодецъ,
Не веселый сидишь?
Да какъ же мнѣ, молодцу,
Веселому да мнѣ быть?
Съ вечера позднешенько
Дѣвица со мной была,
По утру ранешенько,
Слышу — просватаная.
Не жалко, просватана
Если дѣвка за меня,
А жалко просватана
За злодѣя моего...”

Еще не замерли послѣдніе звуки пѣсни, какъ весело заиграла гармонія. Пальцы лихо понеслись по ладамъ въ присядку. Гармонистка улыбалась Лукину.

— Иванъ Петровичъ! Иванъ Петровичъ! Твой ладъ. Изволь танцовать! — кричалъ подвыпившій хозяинъ.

— Просимъ! Подмигнула Дуня, разжигая Лукина. Всѣ дружно ударили въ ладони. Длиннобородый Панфиль ловко забарабанилъ по столу ножомъ и вилкой. Есаулъ выскочилъ изъ-за стола.

— Харцъ! Харцъ! крикнула фельдшериха, мужъ которой пристально слѣдилъ за ловкими па танцующаго.

— Экій чертъ! Экій дьяволъ! Ты въ балетѣ учишься?! — покачиваясь на широко разставленныхъ ногахъ, громко восхищался Язычковъ.

И вотъ, на кругъ, по приглашенію Лукина, выплыла Дуня.

Станъ гибкій, какъ виноградная лоза, бюстъ, слегка колыхающийся подѣ бѣлой кофточкой, — все пьянило его горячую кровь, дразнило воображеніе... Онъ танцевалъ, танцевалъ, пока не остался одинъ. Сердце билось, точно рвалось наружу. Лодочкой на волнахъ колыхается полъ! Еле переводя дыханіе, Лукинъ выскочилъ на крыльцо. По станицѣ шумно разливались хоро-воды, а въ комнатѣ все ходуномъ ходило отъ пляски.

— Сестра! Мой ладъ! — донесся голосъ Язычкова. Вытеревъ вспотѣвшій лобъ, Лукинъ глянулъ на небо. Широко раскрытыми глазами любовалась Привѣтной луна. Мірады звѣздъ ярко сіяли на черномъ бархатномъ пологѣ, высоко раскинутомъ надъ станицей. Лукинъ слышалъ переговаривающееся въ дремотѣ стадо гусей. О ноги терлись собаки. Повиливая хвостами, онѣ словно извинялись за устроенную ему встрѣчу. Лукинъ осторожно погладилъ двухъ жеребятъ, безмятежно растянувшихся около своихъ матерей... Вдругъ кто-то однимъ взмахомъ сзади закрылъ его глаза.

— Дуня! — узналъ Лукинъ

— Гдѣ ты пропадалъ? — тихо простонала красавица.

— Приходи завтра. Мужъ въ городъ поѣдетъ за

купоросомъ, — прошептала она и страстно поцѣловала его въ губы. Земля качнулась подъ ногами Лукина, увлека въ преисподнюю дворъ, флигель, животныхъ.

— Хорошо! Прямо отъ Субботиныхъ къ тебѣ, — прижалъ ее къ груди есауль.

— Увижу! — бросила Дуня. Выскользнувъ изъ объятій, она скрылась во мракѣ.

— Ты что, Ваня? Смотрю, смотрю, гдѣ человекъ дѣлся? Папахъ — на рогахъ, калошки у дверей, а его нѣту, — проговорилъ подскочившій Язычковъ.

— Прости за беспокойство. Видимо, хлебнулъ лишняго, въ головѣ заплесало, — не глядя на хозяина, отвѣтилъ Лукинъ.

— Идемъ, идемъ въ комнату. Сейчасъ твою любимую...

“Гой-да не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ” запѣлъ Язычковъ, отворяя дверь и держа Лукина за рукавъ черкески:

Гой-да не дубравушка во полѣ шумитъ”... подхватили гости.

“То не сизые орлы во полѣ клекочутъ,
Гой-да по надъ небесью орлы летучи,
То не сѣрые гусюшки гогочутъ
Гой-да по надъ бережкомъ гуси сидючи.
То расплакались Гребенскіе козаченьки
Гой-да передъ Грознымъ царемъ стоячи.
Ужъ ты батюшка, ты нашъ царь-надежа,
Гой-да православный ты нашъ государь!
Какъ бывало-чи ты, нашъ царь-надежа,
Гой, много дарилъ насъ, много миловалъ,
А теперича ты, нашъ царь-надежа,
Гой, чѣмъ подаришь насъ, чѣмъ пожалуешь?
— Я пожалую васъ, Гребенскіе козаченьки,
Гой, рѣкой Терекъ со притоками,
Гой, отъ Гребня-горъ до Синя моря,
Гой, до Синя-моря, до Хвалынскаго...

— За выздоровленіе и процвѣтаніе Великой нашей матери Россіи — ура!... — крикнулъ Лукинъ прежде, чѣмъ откатились послѣднія волны любимѣйшей пѣсни терскихъ казаковъ.

— Ура! Ура! — орлами летѣли могучіе крики.

— За нашего радушнаго дорогого хозяина! Ура! — возгласилъ Лукинъ, и снова затряслась комната, за колыхались на окнахъ кисейныя занавѣски.

— За гордость нашей станицы! Командиру сотни — ура! гаркнулъ Язычковъ.

— Ура! Ура!

— Юнкерскую, Ваня, юнкерскую, которую пѣлъ въ пятнадцатомъ году на Днѣстрѣ съ однокашниками кубанцами и донцами. Я подтяну! — не унимался Язычковъ.

— Просимъ! Просимъ! — поддержали дружно во кругъ.

Лукинъ поднялся... Словно боевой конь, почуявшій сигналъ, онъ весь преобразился. Ярко заблестѣли глаза, ноздри слегка вздрагивали, а откинута назадъ голова была воплощеніемъ порыва, энергіи, мощи. Въ комнатѣ воцарилась тишина, точно къ вину никто не прикасался.

“Сѣрый день едва мерцаетъ,
Скоро ночь придетъ,
Офицерство начинается
Свой лихой обходъ”

высокимъ баритономъ запѣлъ Лукинъ традиционную пѣсню сотни Николаевского училища.

“Блещутъ шашки боевыя,
Шпоры чуть звенятъ,
На погонахъ золотыя
Звѣздочки блестятъ.

Впереди полковникъ бравый,
Съ нимъ хорунжихъ рядъ.
Жаждой удали и славы
Очи ихъ горятъ.
Раздаются пѣсенъ звуки
Славныхъ казаковъ
Про великія заслуги
Дѣдовъ и отцовъ,
Про Сибири покоренье,
Вѣчную войну,
Про Азовское сидѣнье
И тоску въ плѣну,
Запорожскіе походы
Къ туркамъ, полякамъ,
Покоренные народы —
Храбрымъ казакамъ
Русь! Смотри, какую силу
Казакъ таятъ,
За тебя сойти въ могилу
Каждый будетъ радъ.

— Ура! сорвался мурлыкавшій Язычковъ.

— Ура! Ура! — надрывались остальные.

— Ты скажи, какая пѣсня — громко протянулъ замечтавшійся Панфилъ. Стаканы снова зазвенѣли.

— Иванъ Петровичъ! Гдѣ завтра будешь? Хочу тебя поздравить съ праздникомъ, — лукаво поглядывая на взволнованнаго пѣсней есаула, спросила Мотыка.

— Милости прошу... Отдохну, потомъ на вечеръ къ Субботину. Больше никуда...

— Врешь! Врешь! Полетишь съ Каткой христоваться! Ай, постой, чего Дуня за тобой выскакивала, какъ ланя? — размѣялась бабенка.

— Я не видѣлъ.

— Не видалъ. А глаза куда съѣхали?

Ночь сворачивала огромныя черныя знамена, когда гости шумно двинулись по улицѣ.

— Ай, бабы, бабы! Мимо Каткинаго двора, — взвизгнула Мотыка. Толпа послушно завернула за уголъ.

“Горѣла горѣлочка”

затянула Мотыка, едва впереди показалась мишень,

“Воску ярова свѣча,
Ждала, ждала дѣвица
Удалого къ себѣ молодца”

подхватила компанія.

“Не дождалася красная,
Ложилася она спать одна”.

На всю станицу звенѣлъ серебряный голосъ Дуни.

“Какъ на утренней зоренькѣ
Вдоль по улицамъ младець прошелъ,
Онъ любимую пѣсенку
На свисточекъ ее просвисталъ.
Ужъ ты спишь, не спишь, дѣвица,
На умѣ себѣ кого держишь?
Ужъ я спать не сплю, красная,
На умѣ тебя, младца, держу!”

Гм! Кхм! громко кашлянула Мотыка.

Черезъ нѣсколько кварталовъ они подошли къ дому Лукина.

“Ты стой, расти, калинушка,
Расти, не шатайся,
Живи, моя сударушка,
Живи, не печалься!”

запѣла Дуня. Всѣ тотчасъ подхватили, стали въ кругъ и дружно ударили въ ладони. За станицей отозвалось

эхо. На середину безъ шапки выскочилъ Язычковъ и, покачиваясь, пошелъ за Дуней.

“Придетъ тоска кручинушка, —
Пойди — разгуляйся,
Пойди, пойди, разгуляйся,
Съ милымъ повидайся,
Отъ мово ли, отъ милова,
Вѣстей не дождуся...
Прислалъ милый поклонъ вѣрный —
Коня воронова,
Коня, коня воронова,
Сѣделице ново,
Подъ сѣделищемъ попона
Зеленова шелка,
Зеленова шелка,
Пахвы золотыя,
Пахвы, пахвы золотыя,
Стремена литыя,
Ты, дѣвица - красавица,
Душа моя, сердце,
Загадаю я загадку, —
Изволь отгадати...”

Здѣсь пѣсня оборвалась. Лукинъ пожалъ всѣмъ руки: началъ пить въ калитку, но Язычковъ схватилъ его за рукавъ. Остальные двинулись дальше. По всей станицѣ разбрѣдались засидѣвшіеся гости. Кое-гдѣ хлопали въ ладони. До изступленія всюду драли глотки пѣтухи. Разсвѣтало.

— Ты... Ты... Ваня... Пойдешь... въ Болотный? — еле сплелъ фразу Язычковъ

— На эту тему лучше поговоримъ завтра, но долженъ предупредить: пока не поднимется городъ, не поѣду. Не за горами. Сразу домчимся...

— Ну... я... я... пойду... Самъ... Одинъ... — бормоталъ тотъ.

III.

Темнѣло, когда Лукинъ подходилъ къ дому Субботина.

— Иванъ Петровичъ! Фомичъ сію минуту вернется, повелъ коня напоить къ дядѣ Игнаткѣ, нашъ колодецъ нынче ночью обвалился, — высунувшись въ окно, встрѣтила Лукина прапорщика. Въ это время стукнулась о заборъ настежь распахнутая калитка, и хозяинъ ввелъ лоснящагося, широкаго, гнѣдаго коня. За нимъ шла Дуня. Глянувъ на Лукина, красавица улыбнулась.

— Добрый вечеръ! — нѣжно коснулся ея голосъ сердца есаула.

— Уѣхалъ? — тихо спросилъ онъ. Дуня кивнула головой.

— Читай, нечистый духъ, Збранную! — раздался окрикъ прапорщика изъ семейной комнаты.

— Дѣтей укладываешь? — спросила Дуня съ порога и вошла къ хозяйкѣ.

Въ нежилой комнатѣ, куда пригласилъ гостя прапорщикъ, почетное мѣсто занимала парадная постель, затянутая покрываломъ съ синими пѣтухами. Строгая, величавая, она стояла точно саркофагъ, украшенный іероглифами. Лукину стало немного не по себѣ, но въ этотъ мигъ въ глаза ударилъ яркій свѣтъ лампы.

— Иванъ Петровичъ! Прошу сюда, рядомъ съ Дуней, — разсаживалъ хозяинъ за пасхальный столъ, отражавшійся въ простенькомъ стѣнномъ зеркальцѣ.

— Мускатъ изъ бабинькаго сада, мое приданое, — отрекомендовалъ прапорщикъ, разливая по стаканамъ душистое вино.

— Кустикомъ! — предложилъ хозяинъ. Всѣ чокнулись вкупѣ.

— Каспарычъ-то ожегся, Иванъ Петровичъ! — заговорилъ хозяинъ.

— Неужели мы должны, очертя голову, кидаться на всякую приманку? — принялъ вызовъ есауль.

— Все Язычковъ нагородилъ. Встрѣтились на станицѣ Жаркой, поговорили и хлопъ-хлопъ по рукамъ.

— Это не цыганская кляча, чтобы съ кондачка, — вставилъ Лукинъ.

— Я предупреждалъ, что не согласитесь, но Язычковъ такъ раскипятился, что не дай Богъ! Иначе, — кричить, — и намъ капутъ!

— Совершенно вѣрно. Однако, сейчасъ подниматься преждевременно. Плодъ далеко не созрѣлъ, станицы только начинаютъ возмущаться наглостью красныхъ. Вотъ, когда насъ царапнутъ, — иное дѣло, но тянуть казаковъ теперь — веревка лопнетъ, и мы полетимъ. А тонъ первыхъ полковъ? Съ этой молодежью нельзя не считаться. Правда, второочередные вполне благонадежны, но ихъ слишкомъ недостаточно. Надо всякому дѣлу смотрѣть въ конецъ, — совершенно неожиданно для себя выпалилъ есауль.

А Дуня? — тотчасъ выросъ передъ нимъ жгучій вопросъ. Смущенный, Лукинъ глянулъ на красавицу. Дуня поймала его взглядъ. “Меня хочешь”, — подумала она, вспыхнувъ до корней волосъ. Голосъ Дуни на мгновенье потерялъ обычную твердость.

— Писарь изъ отдѣла пріѣхалъ къ Федоткѣ Ермалаеву, — поймалъ Лукинъ однимъ ухомъ разговоръ женщинъ, — вмѣстѣ служатъ. Катку, говорятъ, сватаетъ, а она ждетъ его, не дождется, — подмигнула красавица на Лукина. Хозяйка улыбнулась, а Дуня незамѣтно крѣпко стиснула руку есаула. “Мой, никому не дамъ” — рѣшительно заявило пожатіе У Лукина алчно загорѣлись глаза.

Когда они вышли, Дуня за калиткой слегка отстранила Лукина и прислушалась, не задержалась ли чета Субботиныхъ на крыльцѣ. Черезъ нѣсколько шаговъ распахнулись объятія Лукина и быстро, быстро забились сердца, разжигаемая поцѣлуями. Гармоніи, пѣсни, бубны неслись со всѣхъ сторонъ. Каждая улица плескала до упаду. Гулкое эхо не смолкало за станицей, словно и тамъ веселились хороводы.

Очувившись у себя на крыльцѣ, Дуня тихо отворила дверь и пропустила Лукина въ комнату. Хотя ставни были наглухо закрыты, она задернула окна занавѣсками и лампу поставила на шестокъ. Въ полумракѣ просторной комнаты вырисовывался пасхальный столъ, придвинутый къ нарамъ.

— Ты, кажется, водку не пьешь? — спросила она, подсаживаясь къ гостю.

— Ну ее! — отмахнулся тотъ, притягивая красавицу.

— Постой! Сначала попробуй моего чихиря, — поднесла Дуня чашку свободной рукой. — Гдѣ ты пропадалъ все время? — томно спросила красавица.

— Куемъ, Дуня, желѣзо. По приглашенію, ѣздилъ на круги въ нѣкоторыя станицы. Побывалъ за Тереккомъ... Кунаковъ у меня — слава Богу. — Лукинъ утаилъ о своемъ посѣщеніи г. Болотнаго, гдѣ онъ съ Язычковымъ разгуливалъ два дня, высматривая укрѣпленія города. Въ лохмотьяхъ босяковъ они свободно изныряли окопы красныхъ и зашли переговорить съ Егоромъ Каспаровичемъ. “Вы съ ума сошли! Ради Бога! Ради Бога! Меня разстрѣляютъ!” лепеталъ въ передней армянинъ въ отвѣтъ на запросы о мощности организациі заговорщиковъ. Лукинъ вспомнилъ его жалкую фигурку, до смѣшного длинный носъ и улыбнулся.

— Ты чего? Завтра гдѣ будешь? — жгла его глазами Дуня.

— Въ аулъ поѣду — таврить жеребятъ.

— На все и тебя время, кромѣ меня. Вечеромъ къ кому пойдешь?

— Надо выпастся.

— Къ Каткѣ не залетишь?

— Не знаю, можетъ быть. Хотѣлъ сегодня — не удалось.

— Если хоть на минуту заглянешь, ворота ей дегтемъ вымажу! — тяжело дыша и гнѣвно сверкая глазами, твердо выпалила Дуня.

— Что-о? протянулъ опѣшившій Лукинъ, — откуда у тебя такая дичь?

— Узнаешь, откуда. Такъ осрамлю дѣвку, что до гробовой доски на улицѣ не покажется.

— Шутишь, Дуня.

— Вотъ тебѣ святая икона, разрисую! истово перекрестилась красавица на икону.

— Не только ее. Съ кѣмъ вечеромъ увижу, тешельмую. Вѣдь, ты на Катѣ не женишься?

— Богъ съ тобой! Конечно, нѣтъ! — не выпуская Дуни изъ объятій, отвѣтилъ Лукинъ.

— Отчего же выномъ извиваешься?

— Неправда. Всего раза два разговаривалъ съ ней.

— А она-то, дура, на тебя лапки сложила, — протянула Дуня, веселѣя.

— Ворота собираешься мазать, а сама? Что, если Гаврилъ узнаетъ про твои художества?

— Мужъ-то? Ты — мой царь! Какъ юнкеромъ былъ, съ тобой плясала и влюбилась. Просватывали — не спрашивали. Сколько лѣтъ думала о тебѣ... Что слезъ пролила, когда ты уходилъ на войну да заѣхалъ въ станицу попрощаться. А теперь меня ты истерзалъ на своемъ Мюридѣ. Ночи не сплю. Закрою глаза, на этомъ бѣсѣ вертись; открою, тянетъ къ окну, не ты ли потопить.

— Хорошо, къ Катѣ не пойду. Но, вѣдь, это сумасшествіе... Развѣ такъ можно?!

— Можно можно, — шептала Дуня, опьяняя его поцѣлуями.

(продолженіе слѣдуетъ)

П. Ергушевъ.

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Въ Парижѣ образовалась группа Кубанцевъ, задавшихъ цѣлью — въ періодическихъ изданіяхъ, матеріаломъ о Кубанскомъ Войскѣ и богатыми иллюстраціями — возстановить въ памяти бывшее нашей Кубани — матери

Ко всѣмъ, кто живетъ мыслію о Родинѣ и кто не ушелъ въ житейское море обывательщины и безразличія, братская просьба влиться въ наши ряды и принять живое участіе въ нашемъ стремленіи.

Присылайте намъ характерные бытовые и историческіе казачьи снимки, гравюры, портреты, рисунки, картины.

Пишите статьи, замѣтки, воспоминанія, описанія... Все будетъ принято, просмотрѣно, использовано и возвращено съ благодарностью.

Въ добрый часъ, родные Кубанцы, — отзовитесь!...

Писать по моему адресу: M-r Elisseeff. 10, rue des Cordelières. Paris 13.

Полковникъ Елисеѣвъ

Настоящій номеръ посвященный Кубанскому Казачьему Войску, составленъ по инициативѣ и при содѣйствіи полковника Ф. И. Елисеѣва.

Редакторъ

Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, RUE BROCA, PARIS (5).

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умеренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону: **Gobelins 24-24.**

Тиражъ

2.000 экземпляровъ.

Грамофоны и пластинки

20.000 пластинокъ

вновь получены. Последнія новинки: Вертинскій, Морфесси, Варя Панина, Плевицкая, Вальцева, Смирновъ, хоръ Жарова, кварт. Кедрова, церков. пѣніе и др.

Главное дело русскихъ и иностран. пластинокъ.

SPEISER 34, rue des Rosiers.

M-ro St.-Paul. Tél. Archives 74-49:

Открыто по воскресеньямъ.

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ
ЛУЧШИЙ
ПО КАЧЕСТВУ

Чай

ПОДЪ ФИРМОЮ
Торгово-Промышленного Товарищества
преемникъ

Алексѣя Губкина А. КУЗНЕЦОВЪ и Ко

ASIAT. TRAD. CORP. LTD., LONDON.
53, rue Jean-Jacques-Rousseau, Paris

Главный складъ во Франціи:
(1^{re}). Tél. Richelieu 91-63.

Ресторанъ „СИРЕНА“

9, RUE RENNEQUIN (M-ro: Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 6,50. завтраки, обѣды и A LA CARTE

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана
Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

РЕСТОРАНЪ „ЧАЙКА“

Paris XV. 2, Rue Laure Surville. Métro: Javel.

Цѣны умеренныя. — По четвергамъ пельмени.

Въ субботу и воскресенье блины. — Осетрина.

Веранда. Кухня изысканная, подъ наблюдениемъ шефа В. С. КАЛИНОВСКАГО.

Ресторанъ Брага

70, rue Sébastien - Mercier, M-ro Beaugrenelle

По субботамъ и воскресеньямъ большая артистическая программа, при участіи извѣстныхъ исполнителей цыганскихъ романсовъ ЕЛЕНЫ ИЛЬНИЧНЫ НЕВСКОЙ и баритона В. д-АЛЬДЭ.

У рояля проф. Страховъ.

Цѣны прежныя.



Ресторанъ „ВОЛГА“

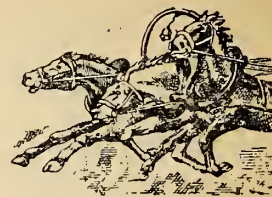
10, rue de Cordelières, Paris - 13

Métro: Gobelins (près du B-d Arago)

Ежедневно музыкальная программа.
свѣтлое просторное и нарядное помѣщеніе
удобное для подписныхъ обѣдовъ

Владѣлецъ Ф. И. Елисѣевъ.

Оптовое - Розничное. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ
28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13) M-o Italie. Tél.: Gob 23-08



Рус. водка, запек., спотык., вишневка,
рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа
гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ.
Таранъ Вобла. Хрѣнь. Чай. Требуите
каталогъ. Отправка въ провинци. и загр.

La Voix Magique

77, Rue de Rennes

Métro: St. Sulpice et Rennes

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ МАГАЗИНЪ

Граммофоновъ

и

радіоаппаратовъ

На складѣ большой выборъ русскихъ пластинокъ: русскія оперы, Шаляпинъ, Смирновъ, Вертинскій, Морфесси, Вьяцева, Плевицкая, хоръ Скрябина, Платова, Жарова; хоръ Летучей Мыши, квартетъ Кедровыхъ. Всѣ иностранныя пластинки.

Граммофоны и радіоаппараты всѣхъ марокъ.

Заказы въ провинцію выполняются по полученіи стоимости. Каталогъ по первому требованію бесплатно.



П-о-л-и-к-л-и-н-и-к-а

120, Boulevard de Grenelle, Paris,

Métro: Motte - Picquet

Tél. Inval. 31-48

CONSULT. РУССК. КР. КР. ДОКТОРЪ Р. БАРАБО.

При постоянномъ составѣ профессоровъ и врачей.

ВНУТР. ДѢТСК., КОЖН. еж. 9-12 и 3-7 ч. в.
ЖЕНСК. И АКУШЕРСТВО пон., четв. 7-8 ч.,
вторн., ср., пятн. 1-3, четв., суб. 10-12 и
и 3-5, вторн. 3-5 час.

НЕРВ. И ДУШЕВН. пятн. 3-4 и ежедн. 4-7.
ВЕНЕР. СИФИЛИСЪ, МОЧЕПОЛОВ. УРЕ-
ТРОСКОПИЯ, ЦИСТОСКОПИЯ, ежедн.
12-3 и 5-9, воскр. 10-12 ч.

ХИРУРГИЧ. ср. 7-8, суб. 7-8 и 10-12 ч.
ГЛАЗНЫЯ ежедн. 5-7; воскр. 10-12.

РЕНТГЕНОВСК. КАБИНЕТЪ: 4-7, ежедн.
КРАСНЫЯ, СИНІЯ И УЛЬТРА ФИОЛЕТ.

ЛУЧИ ежедн. отъ 9-12 и 3-7 час.
ЗУБН. БОЛ. ежедн. 10-12 и 3-7 ч. Техн. раб.

ТУБЕРКУЛЕЗЪ, ПНЕВМОТОРАКСЪ,
час по согл.

УХО, ГОРЛО, НОСЪ, ежедневно отъ 10-12
ч. дня и 6-8 ч. веч. Воскр. 10-12 ч.

Электротерапія, свѣтотыя ванны. Діатермія. Массажъ. Лабораторія медиц.
Посѣщеніе больн. на дому.

анализ. Accident de travail.
ПЛАТА ОБЩЕДОСТУПНАЯ.

Поликлиника 4, RUE CAMBRONNE, 4

Métro: Cambronne. Tél.: Ségur 94-31

Приемъ приходящихъ больныхъ профессорами и врачами -специалистами.

ВНУТРЕННЯЯ БОЛ. (легочныя, сердца и сосудовъ, желудоч-
но-кишечныя, почекъ, обмѣна веществъ, крови). Ежедн.
2-6 час. и 7-10 час. веч. Воскр. 10-12 час. утра.

ТУБЕРКУЛЕЗЪ — вторн., четв., суб. отъ 6 до 8 час. вечера.

КОЖН. И ВЕНЕРИЧ. (сифилисѣ, остр. и хронич. трипперъ).
Ежедневно отъ 10-12 час. и 4-9 час. веч., воскр. 10-12 ч.

ВЕНЕРИЧ. БОЛ. ЖЕНЩИНЪ, бол. кожи и волосъ.
(женщ.-врачъ). Ежедневно отъ 1-3 час.

УХО ГОРЛО, НОСЪ вт. суб. 3-4
ГЛАЗНЫЯ пон., четв. 6-7,
вт., пятн. 10-12

ЖЕНСКИЯ И АКУШ. Ежедневно
отъ 4 до 6 час. веч.

НЕРВНЫЯ ср. 3-4, пон., ср.
пятн. 7-8 ч.

ХИРУРГИЯ ежедневно 4-6 ч.
ДѢТСКІЯ вт., четв. суб. 2-3 ч.

ЗУБОВРАЧ. КАБ. (всѣ технич.
работы) отъ 10 до 9 ч. в.

РЕНТГЕН. КАБ. ежедн. 3-8 час.

ЭЛЕКТРО - СВѢТОЛЕЧЕНИЕ по
соглашенію.

ОБЩАЯ МЕДИЦИНА и
accidents de travail
во всякое время.

Мед. свидѣтельства. Мед. анализы. Аутовакцины. Спермокультура. Спец. веч. приемъ 8-10 ч. Посѣщ. врач. больн. на дому. Плата общед.

СОЦІАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ — ПРИЕМЪ БОЛЬНЫХЪ ПО ВСѢМЪ СПЕЦІАЛЬНОСТЯМЪ.

Всякій можетъ

ОМОЛОДИТЬ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ И УМ-
СТВЕННО. СНОВА СТАТЬ ЗДОРОВЫМЪ,
СИЛЬНЫМЪ, ТРУДОСПОСОБНЫМЪ,
ЖИЗНЕРАДОСТНЫМЪ и ПРОДУКТИВ-
НО ДОЛГОЛѢТНИМЪ, кто очиститъ свой
организмъ отъ ядовъ нарушеннаго обмѣ-
на веществъ (мочевина, мочевая кислота,
ураты и др.), или посредствомъ постоян-
ной фруктово-овощной діеты по методу
Физиса, или кратковременными курсами
по способу Броуна-Секара при помощи
энергетворнаго омолодителя и очистите-
ля КАЛЕФЛЮИДА Д. КАЛЕНИЧЕНКО,
безъ измѣненія своихъ привычекъ

Калефлюидъ необходимъ всѣмъ осла-
бленнымъ болѣзнями, дурнымъ питані-
емъ или пищевареніемъ, переутомлен-
нымъ, подавленнымъ тяжкими воспоми-
наниями и пр

Цѣлебное свойство Калефлюида удо-
стоверено врачами на миллионѣхъ боль-
ныхъ за 28-лѣтнее существованіе лабо-
ратории Д. Калениченко, какъ на примѣръ:
проф. ШЕКИНЪ, пишетъ: «У меня бы-
ли запоры по 4, 5 дней. Никакія меди-
цинскія средства мнѣ не помогали. Послѣ
Калефлюида мой желудокъ урегулировал-
ся и за три недѣли я помолодѣлъ на 20
лѣтъ. вѣсъ тѣла увеличился на 8 фунт.»

Д-ръ РІАРДЪ ГУСЕИНЪ, КАИРЪ: «Ка-
лефлюидъ, драгоцѣнный медикаментъ
для лѣченія артритическихъ болѣзней,
для восстановленія здоровья, нервовъ и

нормалыаго кровообращенія, нарушенна-
го мочевой кислотой»

БОЛЬНЫЯ ПИШУТЪ:

Г-жа М. БРАКЕ, Рошъ Тайе, Франція.
«Я болѣла 15 лѣтъ нервной болѣзью и
особенно во время менструаций, теряла
сознаніе, становилась почти сумасшед-
шей и полагала, что настала мой концъ.
Я примѣняла всевозможныя лѣченія без-
результатно. Теперь я помолодѣла, ста-
ла неузнаваемой, окрѣпла, благодаря чу-
десному Калефлюиду».

ДРАГОЛЮБЪ СИМИЧЪ, Сопоть, Сер-
бія: «Два года я страдалъ въ больницахъ
на курортахъ, примѣнялъ много лѣ-
карствъ — все безрезультатно. Лѣченіе
Калефлюидомъ дало мнѣ полное облег-
ченіе»

Г-жа ШИПОННИКОВА, Ліонъ, 7, ул.
Пьеръ Верже: «Я страдала головной
болью почти ежедневно. Послѣ 4 недѣль
лѣченія Калефлюидомъ мои боли почти
исчезли. Я приняла 2 съ полов. флакона
и сейчасъ совершенно не страдаю, моя
мигрень исчезла, какъ по волшебству».

А. ГРОЦКІЙ, 88, ул. де Бри, Муавръ-
Грандъ (Мозелль). «Я былъ боленъ лег-
кими два года и харкалъ кровью. Послѣ
лѣченія чудеснымъ Калефлюидомъ, я
вновь сталъ сильнымъ, кровохарканіе
прекратилось и я работаю на шахтахъ къ
удивленію моихъ товарищей».

І. РЕЙДИХЪ, 7, ул. Кюръ, Ноей-ле-

Минь (П. Д. Ц.): «18 лѣтъ я страдалъ
желудкомъ. Послѣ одной бутылки Кале-
флюида, боли прекратились и желудокъ
дѣйствуетъ нормально».

НИЗЕЛЬСКОВЪ, Госпиталь Божонъ,
Парижъ: «Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ
я принимаю Калефлюидъ, но я считаю се-
бя уже воскресшимъ изъ мертвыхъ. У ме-
ня исчезла рвота, которая мучила меня
два года; боль въ костяхъ стала быстро
исчезать, и я сплю, не просыпаясь».

ОТТО, Доманъ де Сэда, Джедейда, Ту-
нисъ: «Послѣ трехъ флаконовъ Кале-
флюида я совершенно поправился. Бо-
лѣзни мои были: расширение сердца,
нервность, летучій ревматизмъ, подавлен-
ное настроеніе и постоянная усталость.
Теперь я чувствую себя совершенно здо-
ровымъ»

КАЛЕФЛЮИДЪ награжденъ на выстав-
кахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ,
Флоренціи и Римѣ, 5 гранъ-при и 5 боль-
шими золотыми медалями.

Безплатно франко высылаются объясни-
тельная литература о причинахъ и лѣче-
ніи болѣзней.

КАЛЕФЛЮИДЪ находятъ въ аптекахъ,
гдѣ нѣтъ — высылаются наложеннымъ
платежомъ.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСУЙТЕ:

Société Kalefluide

D. KALENITCHENKO,

5, Cité Pigalle, Paris (9).

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Бессель и Ко

78, r. de Monceau (M-o Villiers)

Tél.: Laborde 02-13. Paris-8°.

РУССКАЯ МУЗЫКА

Оперы, романсы, инструм. музыка

Каталоги высылаются бесплатно

Русскія ноты

*Musique
Russe*

23, rue de Liège, 23. Paris (8)

Издания М. П. Бяляева, Юргенсона и др.

Каталоги бесплатно

Tél.: Central 31-78

РУССКІЙ

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ

S. A. des Grandes

Editions Musicales

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ

22, RUE D'ANJOU, PARIS (8)

Tél.: Anjou 09-26.

Требуите каталоги

Издание книгъ

на русскомъ языкѣ принимает на себя журналъ "Россія".

Авторы благоволятъ писать на имя редактора.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ
LIBRAIRIE «MOSKWA»

9, rue Dupuytren, Paris 6°.

Tél.: Littré 37-01

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладьяжникова, Логосъ, Москва, Слово и Девриенъ изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданий) Библиотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
AU VIEUX LIVRE

17, Rue de l'Odéon Paris-6

Tél.: Littré 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполнение заказовъ на любое изданіе. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ

М. М. ЧЕРНЫЙ ПОДЪ ФИРМОЙ
« MICHEL »

29 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первоклассныхъ портныхъ.

Инвалидамъ 5% скидки.

10, rue Caffarelli (derrière la Mairie du 3-e). Métro: République et Temple. Téléph.: Archives 36-06.

**РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. ROVOLOZKY & CIE**
13, RUE BONAPARTE, PARIS-VI
Tél. Littré 42-01.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

СЕРГѢЯ КОМАРОВА

„ВѢЧНЫЙ ТАНЕЦЪ“

(изъ современной жизни)

Цѣна 20 фр.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО YMCA - PRESS
10, B-d Montparnasse, Paris, 15.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

ЗАЙЦЕВЪ, Борисъ. — Преп. Сергій Радонежскій ... 0. 50
ИЛЬИНЪ, В. Н. — Св. Серафимъ Саровскій ... 0. 65
КЛЕПИНИНЪ, Н. — Св. Александръ Невскій ... 0. 79
СКОБЦОВА, Е. Ю. — Жатва Духа. Житія святыхъ. Вып. I и II по ... 0. 20
ГР. ТОЛСТАЯ, А. Д. — Прав. Іуліанія Лазаревская ... 0. 20
ГИППІУСЪ А. Н. — Св. Тихонъ Задонскій ... 0. 25
ПРОТ. БУЛГАКОВЪ. — Свв. Петръ и Іоаннъ, два первоапостола ... 0. 35
ФЕДОТОВЪ, Г. П. — Св. Филиппъ, Митрополитъ Московскій ... 0. 70
КАРСАВИНЪ, Л. П. — Свв. отцы и учителя Церкви ... 1. 10
ПРОТ. С. ЧЕТВЕРИКОВЪ. — Оптина Пустынь ... 0. 50
ОТКРОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ СТРАННИКА — своему духовному отцу ... 0. 70

Подробный каталогъ высылается бесплатно. Книги Издательства продаются во всѣхъ Русскихъ книжныхъ фирмахъ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
МУЖСКОГО БѢЛЫЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. Цѣны внѣ конкуренціи. Собственная мастерская для передѣлокъ.

З. ПИНЧЕВСКИЙ

3, rue Perrée, Paris (3). Métro: Temple et République. Téléph.: Archives 77-97.

МУЖСКОЙ И ДАМСКІЙ ПОРТНОЙ ГОТАРЪ

Предлагаетъ большой выборъ англійскихъ и французскихъ матеріаловъ. Элегантный покрой, тщательная и аккуратная работа. Специальный мѣховой отдѣлъ. Получены новѣйшія американскія машины для утюжки костюмовъ. Стопажъ, перелицовка платьевъ. Всевозможная передѣлки.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ

249-251, rue LECOURBE.

Tél.: Vaugirard 51-58.

1, avenue EMILE ZOLA, Métro: Javel.

Tél. Vaugirard 33-57.





КАЛИНА

ПОРТНОЙ

44, AVENUE DES CHAMPS-ELISEES

Tél.: Elisée 42-40

Получены новинки для зимняго сезона

Элегантную и прочную обувь

по доступнымъ цѣнамъ
покупайте въ русскомъ магазинѣ

„РАМО“ (Рашковскій)

94, rue St-Antoine. 94, Paris (4).
Tél. Archives 38-26.

Напротивъ метро и церкви St-Paul.
Отдѣленіе: Constantinople: 6, Rue du
Tunel, 6. Nice: 31, Rue de France, 31
Открыто по воскресеньямъ.

**ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ
ВЪ РОССІЮ**

COMITÉ RUSSE DE SECOURS

33, rue de Prony, Paris (17).

Métro: Monceau ou Malesherbes.

Tramways: № 5, 30, 31.

Часы приѣма ежедневно (не исключая и
субботы) 3-7 ч. (кр. воскр. и праздн.).

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И. А. КИРИЛОВА

Дѣла судебныя, административныя и
бракоразводныя. Договоры, уставы и
регистрація коммерческихъ обществъ.
Оформленіе документовъ. Сотрудниче-
ство французскихъ адвокатовъ.

46, RUE DE PROVENCE, PARIS (9)

около Rue Lafayette.

Métro: Chaussée d'Antin et Le Pe-
letier. Tél.: Trud. 08-04.

**УЧАСТКИ, ВИЛЛЫ И ПОСТРОЙКИ ВЪ КРЕДИТЪ ДАЧЪ И ДОМОВЪ ВЪ
ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПАРИЖА**

на очень льготныхъ условіяхъ. Земля можетъ быть и не оплощенной. Отъ 10 до 12 и
отъ 5 до 7 час. 30 мин.

12, rue Blanche. Mro Trinité. Tél.: Trudaine 49-41, Reimers et Kossovitch.



TORPÉDO

**la machine sérieuse
portative et de bureau**

**PAYABLE AU COMPTANT
ET PAR MENSUALITÉS**

HAÏK-TYPEWRITER

142, Rue Montmartre. PARIS



РУССКІЯ ПЛАСТИНКИ

лучшихъ артистовъ

вы найдете въ большомъ выборѣ

A la Tour de Babel

а также диски на всѣхъ языкахъ.

Jos. de Padova

316, RUE SAINT - MARTIN, PARIS, 3

Tél.: Archives 11-33

Производитъ

T. S. F. et MALLETTES PORTATIVES

Льготныя условія платежа.

ПОСЫЛКИ И ДЕНЬГИ ВЪ РОССІЮ

на исключительно выгодныхъ условіяхъ

A. GODOVANNIKOFF. 36, rue Dieulafoy. Tél. Gobelins 20-68. Métro: Tolbiac

ДЕНЬГИ ПЕРЕВОЖУ ОТЪ 30 Р. И ВЫШЕ ИЗЪ РАЗСЧЕТА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ЧЕРВОНЦА И СТОИМОСТЬ ПЕРЕВОДА МОЖЕТЪ БЫТЬ МНѢ УПЛАЧИВАЕМА ПО ПОЛУЧЕНИИ ВАМИ ПОДТВЕРЖДЕНІЯ ИЗЪ РОССІИ, ТАКЖЕ КАКЪ И СТОИМОСТЬ ПОСЫЛКИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПОЧТОВОЙ РАСПИСКИ ОБЪ ОТПРАВЛЕНІИ. Приёмъ ежедневно, не искл. праздниковъ.

КАКЪ ДОСТИГНУТЬ ПОКОЯ?

Чтобы русская колонія перестала тратить напрасно деньги, что для этого нужно? Обратиться немедленно къ Mr Schayder'y, онъ Вамъ укажетъ, какимъ образомъ Вы можете и должны приобрести въ одномъ изъ 20 направлений отъ Парижа (или у пляжа) участокъ земли и немедленно построить виллу по Вашему вкусу и средствамъ. Эта операція ни въ коемъ случаѣ не разстроитъ даже Вашъ самый маленькій бюджетъ, а, наоборотъ, Вы убѣдитесь, какъ непроизводительно расходуете на квартиру или на лѣтній отдыхъ.

ОБЕЗПЕЧЬТЕ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ ПОКОЕМЪ.

Запросите письменно или зайдите (ежедн. до 10 час. утра и 6-8 час. веч.).

MR SCHNAYDER, 117, RUE DU TEMPLE. Tél.: Archives 79-29.

Travaux de Plomberie, de Peinture et d'Électricité

NICOLAS

ПОСТРОЙКА ДОМОВЪ

Полный ремонтъ зданій. Проводка газа, электричества, водопровода (водяное и паровое отопленіе), полная покраска зданій внутри и снаружи. Столярныя и декоративныя работы.

Крупныя постройки подъ наблюденіемъ французскихъ архитекторовъ.

Лучшія референціи.

R. C. Seine 378,837

Адресъ для корреспонденціи:

Métro: Duroc

Mr. NICOLAS

10, Bd. du Monparnasse, Paris (15°)

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ

Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,

Pharmacien de 1^{re} classe

63, Bd de Grenelle.

Tram. 25, Aut. AN, AQ.

напротивъ метро Дюплексъ

Изготовленіе рецептовъ г.г. русскихъ врачей. Всѣ русскіе препараты. Патентованныя средства Парфюмерія. Косметика. Цѣны минимальныя. Исполненіе заказовъ въ провинцію и за границу, и по телефону въ Парижъ: Сегуръ 18-51
Tél : Ségur 18-51



АМБУЛАТОРІЯ
магистра ветеринарныхъ наукъ и профессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворнаго ветеринар. врача.
Приёмъ больныхъ

отъ 2 ч. дня до 6.

20, rue Scheffer

Métro: Passy, Trocadéro, Pompe

Tél.: Passy 81-11.

СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ

ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

Аптека для русскихъ

**PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE**

H. FOUCHER

Pharmacien de 1^{re} classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AN,

Трамваи: 25, 26

Grenelle.

M^o Duplex, La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по русской фармакопее, русск провизор. Всѣ французскія и иностранныя патент. средства. Общ. складъ парфюмеріи и патентованныхъ товаровъ
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ
Tél. Ségur 11-45.



INSTITUT DE BEAUTÉ PHYLLIS EARLE (London)

PARIS, 50, AV. TOKIO. Tél. Passy 26-23.

Скончившіе получают дипломы. Говорят на 5 языкахъ. Русскимъ льготныя условія
ПРОГРАММА: Новѣйшіе методы авгло-американскаго массажа, лѣченіе электричест-
всмъ дефектовъ лица, кожи, волосъ. Manicure. Pédicure. Окраска волосъ, гримъ, те-
атральныи и для жизни. Физическая культура. Цикль лекцій г.г. врачей по анатоміи. Фи-
зіолог. бол. кожи, электрич. эстетич. хирургія. Справки письменно, лично отъ 2 до 5
у Директриссы: M-me Alex.

Пріемъ кліентокъ по всѣмъ **SOINS MEDIC - ESTHETIQUES** у **Mme ALEX** вторн., четв., субб 10-12 ч. и по соглашенію
Tél Auteuil 91-50 **122, Bd Murat, entré 84 2 ét. gauche**

INSTITUT COSMETIQUE „MACO”

278, Bd Raspail
Paris, 14



Téléph. Danton
73-99

1) КУРСЫ КОСМЕТИКИ (ПРИГОТОВЛЕНІЕ КРЕМОВЪ, ПУДРЪ, ОДЕКОЛОНОВЪ И Т. П.), 2) КУРСЫ
УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ДЛЯ ОКОНЧИВШИХЪ ИНСТИТУТЫ КРАСОТЫ (ЛЕЧЕНІЕ ДЕФЕКТОВЪ КОЖИ НО-
ВѢЙШИМИ СПОСОБАМИ И АППАРАТАМИ), 3) КУРСЫ ГИМНАСТИКИ И МАССАЖА ОТЪ ОЖИРѢНІЯ.
ОКОНЧИВШІЕ ПОЛУЧАЮТЪ ФРАНЦУЗСКІЙ ДИПЛОМЪ.

American Lloyd

13, Bd. Malesherbes, Paris (8)

Tél.: Anjou 07-45.

ПРОДАЖА ШИФСКАРТЪ ВО ВСѢ
ПОРТЫ МИРА НА САМЫХЪ
ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

СПЕЦИАЛЬНО: Дальній Востокъ (Шанхай,
Харбинъ и т. д.), Ближній Востокъ (Египетъ,
Палестина, Сирія) Австралія, Уругвай, Параг-
вай, Бразилія и т. д.

СПРАВКИ БЕЗПЛАТНО

Говорятъ по-русски.



ROCHET chapelier spécialiste

21, av. de la République, Paris.

FOURNIT DE LA BELLE CHAPELLERIE POUR HOMMES ET ENFANTS TRES GRAND CHOIX

Брокаръ Parfumerie

8, RUE CARDINAL MERCIER, PARIS

ВЕЗДѢ ВЪ ПРОДАЖѢ ЦВѢТОЧНЫИ ОДЕКОЛОНЪ И LOTION «POLONAISE». Tél.: Louvre 52-14.

На улицѣ Marbeuf въ районѣ Елисейскихъ Полей привлекаетъ общее вниманіе недавно отстроенный грандіозный гаражъ извѣстнаго французскаго промышленника Бюно - Варилла.

Цѣлая стѣна по фасаду составлена изъ огромныхъ стеклянныхъ прямоугольниковъ.

Съ улицы вы сразу увидите блестящій залъ съ пестрыми рядами разнообразныхъ машинъ и висящія надъ нимъ въ воздухѣ параллельно расположенныя галлерей.

Архитекторъ Лапрадъ, оригинально сконструировавшій желѣзныя скрѣпленія, сумѣлъ дать для гаража максимумъ удобства и полезной площади.

Гаражъ Marbeuf — одинъ изъ крупнейших въ Европѣ магазиновъ автомобилей. 250 машинъ выставлено въ галлерейхъ. Остальныя располагаются въ смежныхъ зданіи, гдѣ въ 10-ти этажахъ есть мѣсто еще для 1.250.

Автомобили поднимаются съ этажа на этажъ по охватывающимъ зданіе подъемнымъ дорожкамъ. Въ центральномъ помѣщеніи лифтъ.

Для спуска имѣется специальная рампа, почему опасность столкновенія автомобилей совершенно исключена.

Нашъ соотечественникъ, А. М. Жеребковъ, начальникъ одного изъ отдѣловъ, отмѣчаетъ исключительный интересъ, проявляемый парижанами и иностранцами, къ новому грандіозному сооруженію.

Зданіе завершается обширной террасой. Здѣсь производится проба машинъ и иногда даются уроки ѣзды на автомобилѣ.

Въ гаражѣ работаютъ около пятидесяти человекъ русскихъ.

Отдѣлъ школы цѣликомъ русскій. Преподаваніе производится на машинахъ послѣднихъ моделей опытными русскими инструкторами - преподавателями. Механику преподаетъ инженеръ П. П. Полуэктовъ, извѣстный преподаватель автомобильной механики и авторъ русскаго и французскаго автомобильнаго учебника "Катехизисъ Автомобилиста", — въ специально оборудованномъ классѣ для изученія механики, на особыхъ учебныхъ приборахъ. Классъ оборудованъ по послѣднему слову автомобильной техники.

Авто - школа "Marbeuf", по оборудованію, по подготовкѣ учащихся и по своей добросовѣстности является одной

Гаражъ „MARBEUF“



изъ лучшихъ и серьезнѣйшихъ школъ Франціи

При гаражѣ имѣются всевозможныя мастерскія: починочныя, для покраски машинъ и проч.

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroën.

32-34, rue Marbeuf (Champs-Élysées), Tél.: Élysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Élysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ

АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА

Carte-rose. Grand-remise. Poids-lourd. Cours de mécanique.

Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего гаража, в Булонском лесу и в городе от 8 час. утра до 9 час. вечера на машинах последних моделей, с правым и левым управлением.

Приходите осмотреть наш гараж в 10 этажей, на 1500 машин, самый большой в Париже, в районе Champs-Élysées нашу школу, оборудованную по последнему слову автоб. техники

Единственная старая
АВТО-ШКОЛА
ACADEMIE D'AUTO DES CHAMPS-ÉLYSÉES
Б. СПБ, «ЗНАНИЕ»

Обучение езды

на автомобиль,

механик

(практической) и taxi

Tél.: Elys. 33-22 et 41-22

- 1) 78, Av. Champs Élysées
- 2) 74, Av. Mozart (Passy, Auteuil)
- 3) Billancourt, 28 rue Nationale
- 4) 31, rue Marbeuf 31.

Авто-Perfection-Школа

Обучает на машин. последн. моделей

Citroën C4, Renault, Peugeot

LEÇONS D'AUTO

Карт-розъ с гарантией

Курсъ такси и механики

Tél.: Auteuil 44-11.

Métro: Eglise d'Auteuil

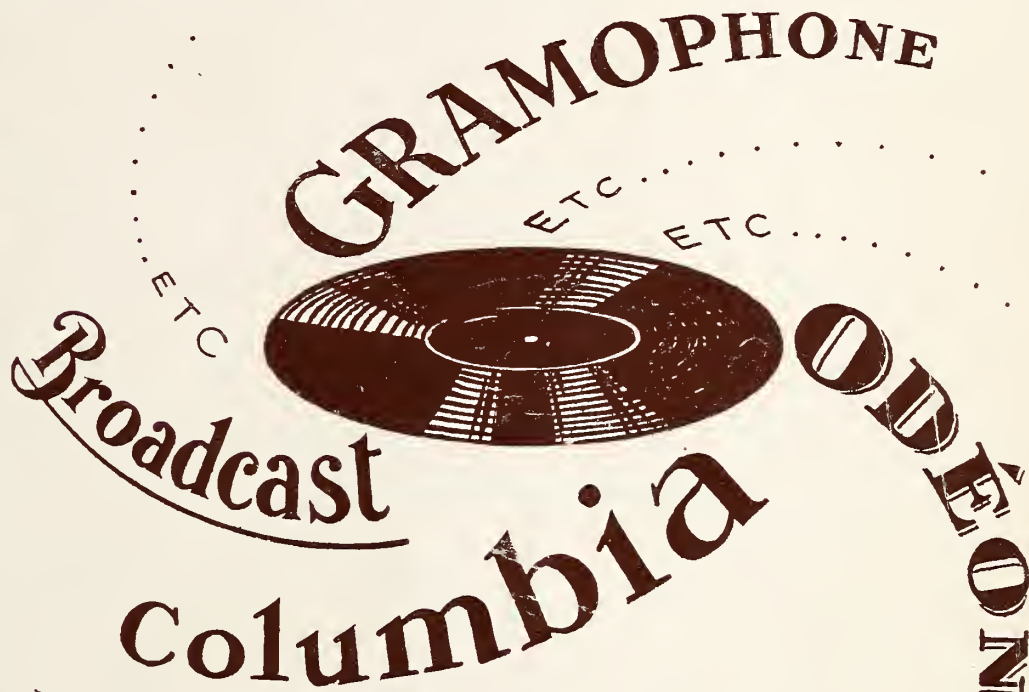
4, rue Désaugiers, Paris-16.

Открытъ отъ 8 — 20 час.

ДИРЕКТОРЪ В. А. ЮРКОВСКИЙ

Vous trouverez

tous les disques
de toutes les marques
et les derniers succès



PARISONOR

PHONOGRAPHE AMPLIFICATEUR

SALONS D'AUDITION:

12, ROND-POINT DES CHAMPS-ÉLYSÉES, PARIS

TÉLÉPHONE: ÉLYSÉES 53-33

ЗАЛЫ ДЛЯ ДЕМОНСТРАЦИИ ГРАММОФОНОВЪ

Banque Industrielle du Centre

85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél. Louvre 09-11. Centre 35-67.

ТЕКУЩИЕ СЧЕТА И ВКЛАДЫ; БИРЖЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ

СЪ ОГРАНИЧЕННЫМЪ РИСКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССИЮ И ДР. СТРАНЫ

въ кратчайший срокъ съ предст. обратн. расписокъ. — ПОКУПКА РУССКИХЪ

БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акции), и страхов. полисовъ.

ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Франк. Правительств.

ВЫИГРЫШНЫЕ (съ процентами) БИЛЕТЫ на специальныхъ условияхъ.

ВЫИГРЫШИ ПО 1.000.000 ФРАНК. ЕЖЕМЪСЯЧНО.

Цѣна билетовъ отъ 60 до 600 фр. съ получениемъ ссуды до 80 проц. стоимости

Подробные проспекты и свѣдѣнія объ операцияхъ на Парижской Биржѣ высылаются по первому требованію; корresp. по-русски.



**Т-ВО ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ
П.М.КУЗМИЧЕВЪ съ С-ми
P.M.KOUSMICHOFF & SONS**

Въ Лондонѣ — 11, Queen Victoria street
Въ Парижѣ — Бюро 75, Av. Niel
— Магазинъ 11 bis, Av. Victor Hugo
Въ Берлинѣ — Бюро Blücherstr. 62-63.
— Магазинъ Kleiststr. 24
Въ Бѣлградѣ — Бюро Kralja Milana 8

Агентства во всѣхъ странахъ міра.

Огромный выборъ всевозможныхъ сортовъ чая.
Жареный кофе собственной фабрики. Турецкій кофе.
Самовары, кофейники, чайники. Чайная русская и япон-
ская посуда.

Товары отсылаются почтою во всѣ страны.
Требуите преискуранты.

Отдѣлы продовольственныхъ посылокъ въ Россію.

Фирма П. М. Кузмичевъ съ С-ми въ своихъ конто-рахъ принимаетъ заказы на отсылку продовольствен-ныхъ посылокъ въ Россію.

Продукты отправляются самого высокаго качества, специальной заготовки и укупорки (мука отправляется упакованною въ холщевыхъ мѣшечкахъ). Посылки тща-тельно закрываются въ прочную, но легкую упаков-ку и обшиваются хорошимъ холстомъ. При отправкѣ соблюдаются всѣ установленныя правила и нормы. Обычно посылки доставляются въ Москву и Ленинградъ чрезъ двѣ недѣли, а въ другія мѣста нѣсколько позже.

На основаніи вновь опубликованныхъ правилъ, каждое лицо имѣетъ право получать изъ-за границы продовольствіе, но посылки не должны превышать 10-ти кило. Полученіе посылокъ не можетъ служить къ ка-кимъ-либо ограниченіямъ для получателя въ его пра-вахъ. Посылки должны быть посылаемы съ соблюдені-емъ всѣхъ правилъ, на этотъ предметъ установленныхъ.

Для каждого продукта установлена особая годо-вая норма, больше которой получать нельзя. Эта нор-ма слѣдующая: мука, крупа, рисъ, масло сливочное, са-

харъ — 5 кило въ годъ. Чай, кофе, какао, шоколадъ 2 кило въ годъ.

Мы отпускаемъ продукты по слѣдующимъ цѣнамъ: чай высокаго качества 56 фр. за кило, цейлонскій по 42 фр. кило. Кафе жареный 38 и 26 фр. за кило. Какао 16 фр. за кило. Мука крупчатка въ мѣшечкахъ 4 фр. 60 с. за кило. Рисъ карол. и крупа манная по 5 фр. 60 с за кило. Сахаръ кусковой 4 фр. 80 с. за кило, сах. песокъ 4 фр. 40 с. за кило. Масло сливочное въ жестянкахъ 24 фр. за кило. Оливковое масло 20 фр. за кило.

За упаковку и пересылку каждой посылки мы взи-маемъ по 50 фр. за посылку въ 5 кило и по 80 фр. за посылку въ 10 кило. Въ простой упаковкѣ на 5 фр. де-шевле.

Стоимость таможенной пошлины въ СССР можетъ быть нами переведена получателю по официальному курсу. Пошлина слѣдующая: за рисъ, крупу и муку по 10 коп. за кило; за чай около 20 рублей за кило; за ко-фе и какао по 15 р. за кило; за сахаръ 1 р. 50 к. за ки-ло; за слив. масло 3 рубля за кило.

Выпущенъ новый проспектъ, который высылается немедленно по требованію.

Ноябрь-Декабрь 1930.

Цѣна номера 5 фр. во Франціи.

Novembre-Décembre 1930.

Prix du Numéro : 5 francs en France.

№ 8

РОССІЯ

№ 8

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 5, rue Bélidor, 5

PARIS (17)



АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВЪ. — У ИСТОЧНИКА (Корсика).

Fontaine à Corte (Corse). (Cliché "La Renaissance")

Т Н О = Л Е = Н И

Кондитерская

Гастрономический Магазинъ

129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

Фирма существ. 10 лѣтъ

А. КАПРЕЛИАНЪ.

М. Петросянъ

Оптовый складъ :

И К Р А

себкая сернистая (бѣ-
лужья, осетровая и сев-
рюжья), паюсная, Ачуев-
ская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ

Бѣлорыбій, осетровый и
«saumon fumé».

**СЕМГА
РЫБА
КОНСЕРВЫ**

Малосольная, Двинская,
печерская, и лососина

Осетрина, навага, стер-
лядь, форель и судакъ

Стерлядь судака, осетри-
на и друг

РЫБЕЦЪ,

шемая

ГРИБЫ,

соленые и маринованные

КОНСЕРВЫ

овощные, перецъ,
баклажаны и др.

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.

Métro: Beaugrenelle.



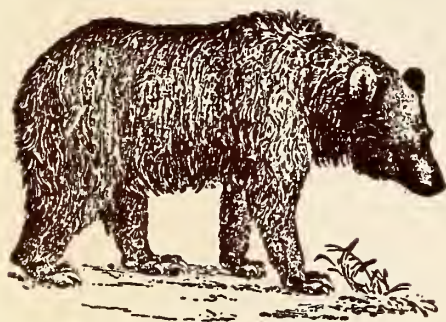
САМЫЙ СТАРЫЙ РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ

Ресторанъ „ДЖИГИТЬ“

19, Bd EDGAR QUINET, PARIS, (14), (Montparnasse).

ОБЪДЫ съ 6 час. веч., Prix-fixe 7 frs 50 et à la carte.
Воскресенье съ 12 час. дня.

Съ 8 час. вечера
МУЗЫКА. — АРТИСТЫ. — ПРОГРАММА. — ТАЕЦЫ.



МЕДВѢДЬ

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV).

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЬ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВІНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪДОВЪ, — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

КРЫМСКІЙ ДОМИКЪ

РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ.

131, Bd RASPAIL

(entrée, 10, rue S-te Beuve).

Prix fixe et à la carte.

ЧЕБУРЕКИ И ШАШЛЫКИ.

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A L'ESTURGEON

Подъ личнымъ наблюденіемъ владѣльца, б. придворнаго шефа
О. Д. КОРНИЛОВА

3, rue Clauzel (уголъ rue des Martyrs). Nord-Sud: St.-Georges. Tél.: Trud. 08-46

РЕСТОРАНЪ

„Метрополь“

66, RUE LETELLIER, 66

(Métro: Commerce, Cambronne).

ПЕРВОКЛАССНАЯ КУХНЯ.

Цѣны самыя умѣренныя.

Открыть съ 12 час. дня до 12 час. ноч

По праздникамъ музыка.

ОПТОВО - РОЗНИЧНЫЙ КОЛБАСНО - ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ

Chez les Cosaques

48, rue Vercingetorix, Paris, 14-е, métro: Edgar Quinet

Къ осеннему и зимнему сезонамъ заготовлена извѣстнымъ специалистомъ
крупная партія соленыхъ огурцовъ и капусты.

Продажа оптомъ и въ розницу. Цѣны внѣ конкуренціи.



Александръ Яковлевъ.

Портъ Кальви (Корсика) Le Port de Calvi.

(Cliché "La Renaissance")

Въ степи

Ахъ, Боже мой, жара какая,
Какая знойная сухмень!
Собака, будто неживая,
Лежить въ тѣни; но что за тѣнь

Въ степи отъ маленькой кислицы?
И я, подъ сѣнью деревца,
Въ рубахѣ выцвѣтшаго ситца,
Гляжу на спящаго отца.

И жаркій блескъ его двустволки
И желтой кожи патронташъ
И кровь, и перья перепелки,
Небрежно брошенной въ ягдташъ, —

Весь этотъ день, такой горячій,
И солнца нестерпимый свѣтъ,
Запомню съ жадностью ребячей
Своихъ восьми неполныхъ лѣтъ,

Запомню, самъ того не зная,
На жизнь свою, всю до конца.
О, степь, отъ зноя голубая,
О, профиль спящаго отца!

Отецъ свой ножъ неспѣшно вынетъ,
Огромный острый страшный ножъ
И скажетъ весело: — Ну, что жъ, —
Теперь попробуемъ мы дыни.

А дыня будетъ хороша, —
Что дать отцу, бакшевникъ знаетъ,
Ее онъ долго выбираетъ
Среди другихъ у шалаша.

Я и подбился и усталъ,
Сегодня въ степь мы вышли рано,
И только въ полдень у баштана
Былъ нашъ охотничій привалъ.

Течетъ по пальцамъ сладкій сокъ, —
Онъ для меня охотъ всѣхъ слаще;
Но, какъ охотникъ настоящій,
Собака лучший дамъ кусокъ.

Михаилъ Буровиковъ —

Старецъ Алексѣй

Около Кіева, куда я былъ перемѣщенъ совершенно неожиданно, для пользы службы, въ одномъ изъ окрестныхъ обширныхъ лѣсовъ, въ Голосѣвской Пустыни, жилъ старецъ прозорливецъ и іеросхимонахъ Алексѣй, человекъ большой подвижнической жизни.

Частые разговоры о его жизни и предсказаніяхъ воскресили во мнѣ давно уснувшее желаніе — повидать старца, и я рѣшилъ посѣтить подвижника, побесѣдовать съ нимъ и спросить о своей судьбѣ, — шла Великая война, — и о судьбѣ Россіи.

Въ одинъ изъ субботнихъ дней я приказалъ подать верхового коня. Ординарецъ, готовя лошадь, доложилъ одному изъ офицеровъ о моемъ намѣреніи поѣхать въ пустынь, и, къ моему удивленію, когда я сходилъ съ крыльца, къ дому подъѣхала группа всадниковъ, моихъ товарищей, при ординарцахъ. Большое общество не отвѣчало моему настроенію и цѣли; но, — дѣлать нечего, — я поѣхалъ съ ними.

Изъ душевныхъ, пыльных улицъ города мы выѣхали на просторное шоссе, а черезъ нѣкоторое время въѣхали въ лѣсъ, растянувшійся на нѣсколько верстъ.

Солнце шло къ закату. Въ лѣсу тянуло вечерней свѣжестью, и легкій вѣтерокъ лѣниво ласкалъ пасть, — когда мы подъѣзжали къ обители. Остановившись у вратъ, гдѣ шла продажа картинъ, кипарисовыхъ крестиковъ, четокъ и молитвенниковъ, мы слѣзли съ коней. Рѣшили, прежде чѣмъ идти въ церковь — откушать земляники съ молокомъ. Мои товарищи направились къ небольшому домику, подлѣ котораго стояли простые столики и скамьи, а я задержался: шпора зацѣпилась за стремянный ремень, и ординарецъ не сразу смогъ ее освободить.

Неожиданно подошелъ ко мнѣ старый монахъ, худенькій, въ бѣдномъ одѣяніи:

— Что же, землянику съ молокомъ изволили пріѣхать откушать? Кушайте, кушайте!.. — проговорилъ онъ, — А гдѣ же георгіевскій крестъ?.. Ну — ничего, черезъ четыре мѣсяца будетъ и Георгій... И все....

Я удивился и отвѣтилъ съ нѣкоторой веселостью:

— Да, да, землянику пріѣхалъ кушать... Не всѣмъ же имѣть Георгія!

Я передалъ коня ординарцу и направился къ товарищамъ.

Мы отдохнули, побесѣдовали о прелестяхъ природы и объ обители и направились ко всеношной.

Обитель была обнесена кирпичной оградой, дворъ вымощенъ, и церковь стояла посрединѣ. Надъ вратами обители висѣлъ крестъ. На немъ висѣла икона, и красный свѣтъ лампы вздрагивалъ при каждомъ дуновеніи вѣтерка. Богомольцы и монахи то входили въ церковь, то выходили.

Во дворѣ, справа бѣлѣлъ длинный, одноэтажный, низенькій домикъ, съ маленькими окошечками и съ рядомъ дверей, равно удаленныхъ другъ отъ друга; это были кельи монаховъ.

Нашъ осмотръ и наблюденія были прерваны предложеніемъ одного изъ товарищей, бывшимъ уже на войнѣ и получившимъ сквозное раненіе въ грудь, пойти выкупаться въ монастырскомъ озерѣ. Кромѣ меня, стремившагося къ желанной цѣли, остальные товарищи вполне одобрили его предложеніе и повернули къ озеру.

Неожиданно къ намъ подошелъ монахъ и, обращаясь къ офицеру, предложившему выкупаться, сказалъ:

— А, вѣдь, Вамъ доктора запретили купаться: вѣдь, Вы же ранены! — Затѣмъ, повернувшись къ то-

варищу, шедшему со мною рядомъ, онъ такъ же отрывисто сказалъ:

— А зачѣмъ вы ревнуете? Надо вѣрить женѣ, надо жить съ ней въ полномъ согласіи и любви!

И такъ же быстро и незамѣтно отошелъ.

Мы были такъ удивлены, что, не двигаясь съ мѣста, смотрѣли другъ на друга да на уходившаго монаха.

— Вотъ старый! А, вѣдь, господа, дѣйствительно, докторъ запретилъ мнѣ купаться! — проговорилъ раненый офицеръ.

Другой — рѣшилъ промолчать о своей ревности.

Мы пошли къ церкви. Всеношная близилась къ концу, народъ уже прикладывался къ иконамъ. Разсматривая старинныя иконы, хоругви и иконостасъ и слушая монастырскіе напѣвы, мы не замѣтили, какъ къ намъ подошелъ тотъ же монахъ.

— Зачѣмъ вы въ церковь вошли? Молиться? — обратился онъ вдругъ ко мнѣ. Меня это, наконецъ, задѣло, и я рѣзко отвѣтилъ:

— Да, батюшка, молиться!.. Оставьте насъ!

Кто то изъ товарищей обозвалъ его чудакомъ.

Монахъ, ни слова не говоря, отошелъ. Мы переглянулись и сдержанно разсмѣялись.

Всеношная окончилась, послушники и монахи начали гасить свѣчи и лампы. На середину церкви вышелъ старикъ — монахъ и, сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, медленно пошелъ къ выходу. Судя по почтительности, съ какой ему давали дорогу другіе монахи, я рѣшилъ, что это, вѣроятно, старецъ.

— Не старецъ ли это? — спросилъ я проходившаго монаха. Послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ.

Напрасно я искалъ глазами старца среди оставшихся монаховъ, — его не было. Выбравъ минуту, когда товарищи прикладывались къ иконамъ, я подошелъ къ одному изъ иноковъ и спросилъ его, былъ ли старецъ за всеношной, а если нѣтъ, гдѣ его можно повидать.

Инокъ отвѣтилъ, что старецъ, дѣйствительно, былъ, и что только здѣсь и можно его повидать; въ другое время — почти никогда. Мнѣ стало досадно: пріѣхавъ въ пустынь, чтобы повидать старца, я совсѣмъ забылъ объ этомъ, благодаря странностямъ назойливаго монаха, преслѣдовавшаго насъ, что называется, по пятамъ. Ко мнѣ подошли товарищи, и мы вышли изъ церкви. За нами выходили послѣдніе монахи — старые, молодые и народъ. Сумерки сгущались, но все же мы отлично видѣли лица сгорбленныхъ старыхъ монаховъ.

Монахи медленно шли; нѣкоторыхъ вели подъ руки. Я всматривался въ каждую фигуру, стараясь отгадать въ ней старца; мое напряженное наблюденіе было прервано: народъ, широко раступаясь и низко кланяясь, давалъ дорогу какому-то старому монаху, просто и бѣдененько одѣтому, а монахи — дѣлали глубокіе поясные поклоны. Я быстро подошелъ къ одному монаху и спросилъ его, кто это. Монахъ отчетливо и съ какою то вдохновенностью отвѣтилъ:

— Это нашъ блаженный старецъ Алексѣй.

Я въ ту же минуту побѣжалъ за старцемъ, чтобы разсмотрѣть его и запомнить лицо; но не пробѣжалъ и пяти шаговъ, остановился и старался занять такое положеніе, чтобы старецъ меня не замѣтилъ.

Это онъ подходилъ ко мнѣ, когда я освобождалъ ногу изъ стремени, а затѣмъ ко всѣмъ намъ — и во дворѣ, и въ церкви... Я былъ настолько пораженъ всѣмъ случившимся, что, навѣрное, долго простоялъ бы на одномъ и томъ же мѣстѣ, если бы не подошедшіе товарищи. Одинъ изъ нихъ взялъ меня подъ руку и, со словами — “довольно мечтать” — повелъ къ вы-

ходу изъ обители. Все происшедшее произвело на меня потрясающее впечатлѣніе: и досада, и стыдъ, и раскаяніе, и недоумѣніе — все перепелось въ душѣ, и я былъ въ какомъ-то хаотическомъ состояніи, но чувствовалъ, что изъ этого хаоса вырастаетъ что-то новое и непонятное для меня... “Такъ вотъ, кто былъ тотъ монахъ! Старецъ Алексѣй!... А мы? Мы такъ насмѣшливо отзывались объ этомъ человѣкѣ, о святой жизни котораго говорятъ народъ и обитель”...

Съ такими мыслями я возвращался домой. Острота сомнѣній стала притупляться, такъ какъ въ душѣ наслаивались новыя переживанія.

Мы медленно приближались къ городу. Товарищи, замѣтивъ мое сдержанное участіе въ ихъ разговорахъ и догадавшись, повидимому, о моемъ душевномъ состояніи, не настаивали на моемъ участіи въ общихъ восторгахъ — и дивною ночью, и ароматомъ ночныхъ лѣсовъ и полей... А ночь, дѣйствительно, была на рѣдкость:

Яркая луна, въ сонмѣ мерцающихъ звѣздъ и обгонявшихъ другъ друга облаковъ; силуэты монастырей съ горящими, какъ звѣзды, крестами; ропщущіе лѣса, разбуженные набѣжавшимъ вѣтромъ; звонъ часовыхъ монастырскихъ колоколовъ; блестящій на изгибахъ и медленно плывущій въ полуснѣ старый нашъ Днѣпръ съ дремлющими высокими берегами; опьяняющій ароматъ лѣсовъ и полей, и заунывная пѣсня крестьянъ, ѣхавшихъ въ городъ съ большими возами пахучаго сѣна, — все это создавало рѣдкую картину, полную прелести, чаръ и волшебства, возвышающую душу и переносящую ее въ какіе-то горніе міры.

И чудилось, что изъ-за облаковъ, изъ-за оборванной верхушки чернаго лѣса, изъ-за силуэта монастырей — поднималась фигура старца Алексѣя, грозными вселенскими глазами глядѣвшаго на меня... И во всемъ этомъ величии — и въ природѣ и въ старцѣ Алексѣѣ было что-то общее, и его душа, казалось, сливалась съ душою вселенной Предвѣчнымъ Началомъ.

Дня черезъ два я снова поѣхалъ къ старцу Алексѣю, но уже одинъ.

Я скоро отыскалъ келью старца и, на мой стукъ въ дверь, — вышелъ молодой инокъ, лѣтъ двадцати пяти блондинъ, съ длинными волосами и маленькой бородкой и, наклонившись ко мнѣ, спросилъ, не то дѣтскимъ, не то дѣвичьимъ голосомъ:

— Что угодно Вамъ, рабъ Божій?

Я вкратцѣ сообщил о цѣли моего пріѣзда. Инокъ отвѣтилъ:

— Охъ, господинъ, очень трудно. Отецъ Алексѣй ни съ кѣмъ не видится... Много здѣсь побывало и великихъ князей и господъ, такъ не выходилъ.

Я настойчиво просилъ инока сказать старцу, что я уѣзжаю на войну, и что поэтому очень хочу его видѣть.

— Не знаю, но пойду и скажу отцу Алексѣю, а Вы маленько подождите.

Не прошло и пяти минутъ, какъ инокъ вернулся и съ улыбкой на лицѣ сообщилъ, что старецъ проситъ меня пріѣхать завтра утромъ, до начала обѣдни. Я обрадовался, но какъ-то жутко стало на душѣ при мысли, что завтра я буду говорить съ человѣкомъ, который знаетъ мою судьбу и, быть можетъ, откроетъ самыя ужасныя ея страницы. Но дѣлать было нечего: завтра я долженъ быть у старца Алексѣя.

Возвратившись въ семью, я подробно рассказалъ о предстоящемъ утреннемъ свиданіи со старцемъ. Родные также выразили желаніе поѣхать, что вполне отвѣчало моему настроенію.

На другой день лошади были поданы къ назначенному времени, и вся моя семья тронулась въ путь въ Голосѣвскую пустынь. Выѣхавъ изъ города, гдѣ лошадямъ, накопившимъ силъ за ночь и ободреннымъ утреннимъ веселымъ воздухомъ, нельзя было развер-

нуться, мы быстро понеслись по полевой, съ небольшими подъемами, дорогѣ, обсаженной по бокамъ тополями, и черезъ нѣкоторое время въѣзжали уже въ лѣсъ Голосѣвской пустыни. По мѣрѣ приближенія къ обители волненіе мое, рождавшее цѣлый рой предположеній за исходъ моего свиданія съ старцемъ — перешло въ робость; я терялъ и планъ моего разговора и вопросы и если, сидя у себя въ кабинетѣ или въ обществѣ, я свободно высказывалъ свои сомнѣнія и недоумѣнія по вопросу о таинственной жизни святыхъ, если я сознавалъ только правоту своихъ сужденій и лицъ, ихъ раздѣлявшихъ, опиравшихся то на философію, то на естественныя науки, — то теперь у меня всѣ эти убѣжденія отсутствовали, и я ѣхалъ съ совершенно опустѣвшей душой.

Переживаемое душевное состояніе было нарушено, когда кучеръ, обернувшись къ намъ, проговорилъ: — А вотъ и монастырь.

Я очнулся. “Съ чего начну, что скажу старцу?” Я не зналъ. Я даже пожалѣлъ, что поѣхалъ къ старцу.

Экипажъ остановился у вратъ обители и я, выйдя съ семьей, направился къ кельѣ старца. Я слегка постучалъ. На стукъ вышелъ тотъ же инокъ и, шепнувъ, что онъ сейчасъ скажетъ старцу, исчезъ. Мучительно текли минуты ожиданія; исчезла гордость ума, исчезла смѣлость и самоувѣренность въ сужденіяхъ о началахъ и проявленіи Божества. Я превратился въ какое-то абсолютное ничтожество передъ сосною дверью кельи...

— Отецъ Алексѣй Васъ ждутъ, — проговорилъ инокъ, а затѣмъ, наклонившись ко мнѣ, какъ-то сконфуженно проговорилъ:

— Только безъ жены и дѣтей.

Я не мало былъ опечаленъ этимъ предупрежденіемъ и грустно смотрѣлъ на семью. Вдругъ у окна появился старецъ и, благословивъ семью, скрылся. Я пошелъ за инокомъ. Мы вошли въ узенькій и темный коридоръ, а инокъ поучалъ меня на ходу, какъ я долженъ подходить къ старцу.

— Молитвами святыхъ Отецъ Нашихъ, Господи Иисусе Христе, помилуй насъ.

— ...Аминь! услыхалъ я голосъ, какъ какое-то далекое эхо. Я слишкомъ волновался; сердце такъ билось, что я съ трудомъ управлялъ дыханіемъ. Дверь отворилъ инокъ и я вошелъ въ келью.

Келья представляла собою маленькую комнатку, бѣдно обставленную простою мебелью; на окнахъ глухія занавѣски; полъ изъ бѣлыхъ досокъ, чисто вымытыхъ; дорожка простого крестьянскаго полотна лежала отъ дверей къ углу; тамъ стоялъ столикъ со священными книгами, обставленный иконами древняго письма, передъ которыми теплилась лампада. Пахло воскомъ, деревяннымъ масломъ и кипарисомъ. Изъ двери, направо отъ входной, вышелъ старецъ. Это былъ очень пожилой человѣкъ, средняго роста, нѣсколько сгорбленный, съ чистымъ блѣднымъ и исхудалымъ лицомъ, съ бѣлоснѣжными волосами и длинной бородой. Старенькая ряса, кожаный поясъ и четки на рукѣ. Одна рука лежала на груди, а другая, съ четками, была поднята кверху; исхудалые пальцы были сложены крестнымъ знаменемъ для благословенія....

Старецъ какъ будто плыть ко мнѣ, — ни шороха, ни шума — и ласково смотрѣлъ на меня своими особенными глазами, изъ глубинъ которыхъ истекала какая-то мощь, проникавшая въ мою душу и читавшая ея судьбу.

— Идите, идите, рабъ Божій... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — проговорилъ старецъ, кладя свою невѣсомую сложенную крестомъ руку на мои. Что-то легкое, холодное, вмѣстѣ съ этимъ пріятное было на моихъ рукахъ... Я поцѣловалъ руку старца.

Благословивъ, старецъ повелъ меня въ другую ком-

нату, въ которой, видимо, онъ и проводить свою жизнь. Это была маленькая комната, съ темными обветшалыми стѣнами, съ закрытымъ глухой занавѣской окномъ съ простымъ истоптаннымъ поломъ и съ большимъ кіотомъ въ углу, изъ котораго глядѣли темные лики святыхъ, освѣщенные свѣтомъ лампы и свѣчей. Передъ кіотомъ — столикъ — епитрахиль, крестъ, евангеліе и другія священные книги. Справа — простой топчанъ, на которомъ лежало составленное изъ ситцевыхъ кусковъ одѣяло; изъ-подъ краевъ выглядывала жидкая солома: это была постель старца.

Ласковымъ голосомъ онъ предложилъ мнѣ сѣсть на простую скамейку. Сѣлъ и онъ противъ меня... Я былъ пустъ: ни одной мысли, ни одного вопроса... Я сидѣлъ и только смотрѣлъ на старца.

своихъ враговъ, не такъ ли? Недавно я получилъ письмо отъ генерала Духонина и генераль пишетъ, что врагъ надломленъ и что война скоро окончится въ нашу пользу.

Отецъ Алексѣй какъ-то нерѣшительно и слегка качнулъ головой; лицо приняло строго сосредоточенное выраженіе; взглядъ старца ушелъ въ какую-то даль и чудилось, что кто-то подошелъ къ старцу и, держа передъ нимъ книгу бытія человѣчества, переворачивалъ ея страницы... И старецъ, оставаясь неподвижнымъ, проговорилъ:

— Ахъ да... Что будетъ?.. Что будетъ съ Россіей!.. Боже мой, Боже мой!.. Что война! Война... Кровью залется русская земля! Въ звѣрей обратятся люди!.. Храмы поколеблются!.. Кресты сломають и сбросять!.. А свя-



Александръ Яковлевъ

Кальви (Корсика).

Calvi (Corse)

(Cliché "La Renaissance")

— Что же на войну идете? Идите, идите, Господь да благословитъ васъ!.. Четыре мѣсяца скоро пробѣгутъ.. Ну, что же, — будете ранены, а послѣ — вернетесь на родину. А какъ Ваше имя? говорилъ и спрашивалъ старецъ.

Я отвѣтилъ...

Старецъ всталъ и, какъ бы шепотомъ разговаривая съ кѣмъ-то, сталъ молиться... Я всталъ. Молитва короткая. Старецъ снова сѣлъ, посадивъ и меня. Я пришелъ въ себя и началъ бесѣду.

— Скажите, отецъ Алексѣй, вѣдь, Россія побѣдитъ

тѣя мощи угодниковъ Божіихъ изъ пещеръ побросаютъ въ Днѣпръ!.. Камня не пощадятъ!.. Много, много измѣнниковъ на родинѣ, много измѣнниковъ окружаетъ царя! Много прольется христіанской крови!.. Боже, Боже мой!

Голосъ старца рѣзко, отчетливо и твердо звучалъ, а въ душѣ я переживалъ неописуемый страхъ: ясно было, что нѣмцы покорятъ Россію и что 1812 годъ снова повторится, но только по всему лицу земли Русской. Старикъ умолкъ. Я смотрѣлъ на него... И вдругъ, помимо моего желанія, у меня невольно вырвалась фраза:

— Отецъ Алексѣй, почему Вы ушли отъ общества

и отъ міра и почему Вы приняли монашество? Что Вы въ немъ нашли?

Старецъ какъ-то ласково улыбнулся, сложилъ руки на груди и, наклонивши голову, такъ посмотрѣлъ на меня, что съ этомъ взглядѣ я почувствовалъ и прощеніе моей неосторожности и отвѣтъ на мой вопросъ и тайну, которая сдѣлала его провидцемъ судьбы человѣка и народовъ.

сѣй сказалъ съ такой нѣжностью, съ такой вдохновенностью и благодатью, что мое душевное состояніе стало какимъ-то новымъ, свѣтлымъ и сладостнымъ.

— Да благословитъ Господь раба Божія на бранное дѣло... Спаси Васъ Господь. — И положилъ свою руку на голову.

Я снова поцѣловалъ ему руку.

Я искренно благодарилъ старца и просилъ его



Александръ Яковлевъ.

Рынокъ въ Кальви **Au marché à Calvi.**

(Cliché "La Renaissance")

Я поднялся и извинительно просилъ его благословить меня на войну. Старецъ всталъ, надѣлъ эпитрахиль, подошелъ къ кіоту и сталъ молиться... Я улавливалъ слова молитвы, я слышалъ его обращеніе къ святому, имя котораго ношу, и молитва его была какою-то новою для меня, и я чувствовалъ, что старецъ съ кѣмъ-то разговариваетъ, что онъ "Кого то" видитъ и "Кого то" просить. А затѣмъ, повернувшись ко мнѣ, отецъ Алек-

сѣй разрѣшенія, по возвращеніи своемъ съ фронта снова навѣститъ его.

— Когда вернетесь. — хеня Господь позоветъ гдѣ судъ свой, — проговорилъ старецъ Алексѣй и низко поклонился мнѣ. Поклонившись старцу, я вышелъ изъ кельи... Оставляя келью, я чувствовалъ, что у меня что-то оборвалось, что я что-то потерялъ, и такъ хотѣлось снова вернуться въ скромную келью отца Алексѣя, сно-

ва повидать его, пожить въ его общеніи, связать оборванное, найти утерянное...

**

Я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и разбирался въ происшедшемъ... Итакъ, желаніе мое повидать старца — сбылось: я видѣлъ человѣка большой подвижнической жизни, человѣка, душа котораго слилась съ Божественнымъ бытіемъ и только поэтому — онъ все видитъ и все знаетъ, и нѣтъ преградъ его прозорливости.....Но почему онъ сталъ такимъ, почему изъ естественнаго

человѣка сталъ человѣкомъ, живущимъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ, какими дорогами шла его душа? Вяло и безпомощно всплывали эти вопросы послѣ встрѣчи съ старцемъ, и уже они не имѣли той остроты, ибо сомнѣнія, отрицанія и безвѣріе были замѣнены вѣрой въ человѣка святой жизни. И вспомнились слова изъ книги Іова (XI, 7)

Можешь ли ты изслѣдованіемъ найти Бога?

Ровно черезъ четыре мѣсяца я уѣзжалъ на войну, на которой во второмъ бою, въ атакѣ, былъ раненъ.



Александръ Яковлевъ.

Корсиканка **Femme corse.**

(Cliché "La Renaissance")

Меня отправили въ Кіевъ для лѣченія. Оправившись, я рѣшилъ снова навѣстить старца, передать ему свои переживанія въ бояхъ, впечатлѣнія о нашей боевой арміи и снова побыть въ общеніи старца, но... его уже не было въ живыхъ: онъ почилъ и похороненъ тамъ же, въ родной ему Голосѣвской пустини.

Текутъ годы, годы небывалой смуты, страданій,

лишеній и годы безконечнаго витанія смерти надъ православною Русью... Текуть потоки христіанской крови.. Храмы закрываются, кресты ломаются, и хула, хула безпримѣрная, дьявольская несется въ высь къ Божественному...

Сбылись пророческія слова старца Алексѣя...

Н. Погостовъ.



Александръ Яковлевъ.

Рынокъ въ Кальви. Au Marché à Calvi.

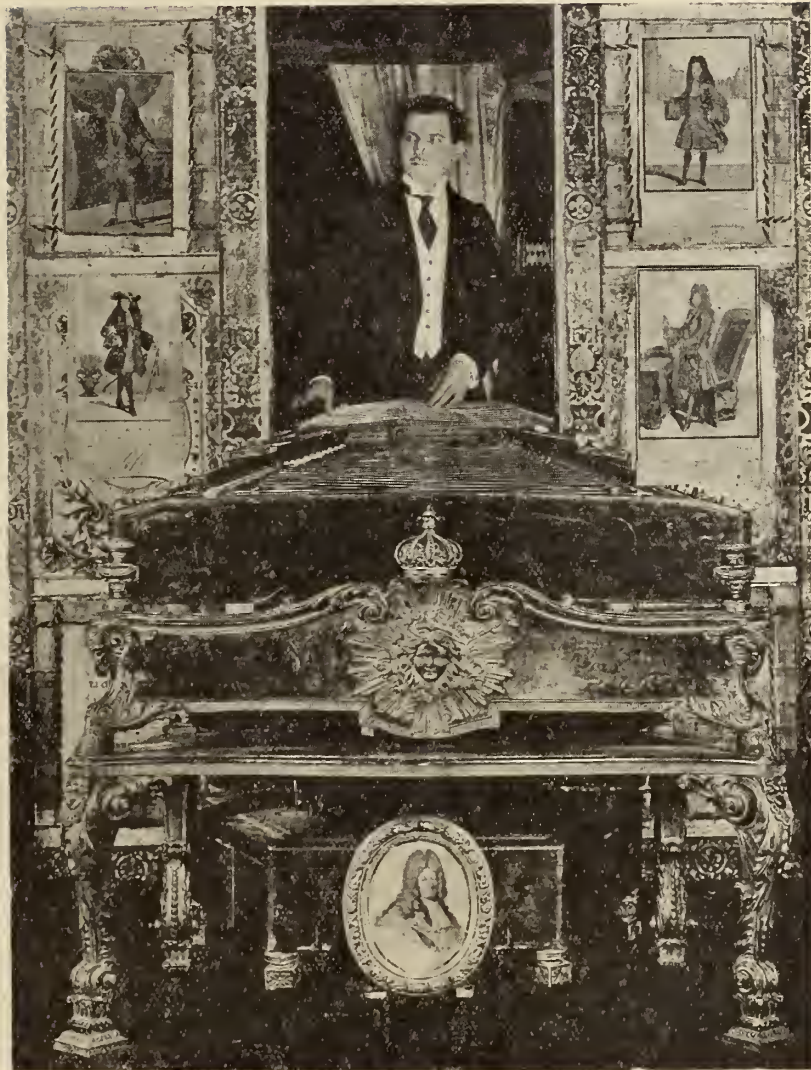
(Cliché "La Renaissance")

БАЛЕРИНА
ТАМАРА ЧИНАРОВА



(Ученица О. О. Преображенской).

Праздникъ старинной музыки



Съ большимъ успѣхомъ въ Парижѣ, въ залѣ Клариджъ, прошелъ концертъ Александра Войтиченко.

Онъ исполнилъ на тимпанонѣ рядъ сложныхъ вещей, въ томъ числѣ музыкальныя произведенія 17 и 18 вѣковъ.

Интересно отмѣтить, что этотъ инструментъ былъ созданъ предкомъ нашего соотечественника, органистомъ Айзеннахской капеллы Гебенстрейтомъ.

Предокъ Александра Войтиченко игралъ на тимпанонѣ въ Версальскомъ дворцѣ передъ Людовикомъ XIV.

Позже, когда онъ женился на одной изъ придворныхъ дамъ и уѣхалъ съ ней въ Россію, молодые взяли съ собой и этотъ рѣдкій инструментъ.

О томъ, какъ тимпанонъ снова попалъ въ Европу и очутился въ рукахъ Александра Войтиченко, гласитъ интересная выписка изъ семейнаго архива:

“Лѣта тысяча семьсотъ восемьдесятъ второго, іюля, второго дня, я, нижеподписавшійся, Андрей Войтиченко, сынъ Багдановъ, дарую сыну моему старшему Евхиму инструментъ кимбалы, унаслѣдованные отъ дѣда моего запорожскаго казака Игната Войтиченко сына Тарасова и завѣщаю владѣть онымъ вѣчно и безповоротнъ съ полной властію безъ малѣйшаго отъ другихъ братьевъ препятствія и невольнъ кому похочетъ отдать, а не приложно сыну своему старшему на прежде уразумѣвъ его, что симъ на себя возлагаетъ. Если бы онъ, паче чаянія, вышеозначенный инструментъ сталъ кому нинаестъ отказывать, окромѣ сына своего старшого, то на сіе не имѣетъ никакого права, во увѣреніе чего и далъ сіе за подписаніемъ собственной моей руки тысяча семьсотъ восемьдесятъ второго года, іюля второго дня Андрей Войтиченко”.

Миссъ Людмила

Миссъ Людмила была русской. Родилась она въ престольномъ градѣ Санктъ-Петербургѣ за четыре года до Великой войны. Въ раннемъ дѣтствѣ развитіе ея шло такими быстрыми шагами, что пяти лѣтъ отъ роду она уже вела собственный дневникъ и была центральной фигурой на дѣтской площадкѣ Таврическаго сада, куда ее водила гулять воспитательница, англичанка, миссъ Холманъ.

Эта пора жизни отмѣчена въ ея дневникѣ записью:

— Моложе четырехъ лѣтъ въ игру не принимаю.

Успѣхи и неудачи русскаго оружія въ дневникѣ не отразились, ибо въ конечной побѣдѣ “нашихъ” она не сомнѣвалась, а переливать изъ пустого въ порожнее, какъ это дѣлали газеты того времени, не любила.

Лицомъ она была, ни дать, ни взять, кустарная Матрешка: носъ пуговкой, да еще задранъ кверху, щеки розовыя, глаза голубыя, косички русыя; голосъ высокій, звонкій, шагъ и жестъ увѣренный. Бога и царя почитала, но не боялась, и по всѣмъ своимъ дѣламъ обращалась непосредственно къ Боженкѣ; а если рѣшеніе не приходило въ нужный срокъ, разводила недоумѣнно ручками и говорила:

— Должно быть, Боженька не разслышалъ.

Большевики завладѣли Петроградомъ, когда ей было семь лѣтъ, но, не взирая на такой ранній возрастъ, раскусила она ихъ сразу, и, когда въ столицѣ наступилъ голодъ, и ея папа на семейномъ совѣтѣ поставилъ вопросъ: “принимать ли предложенные ему большевиками мѣсто и паекъ или продолжать жить впроголодь, не сдаваясь ни на какія улащанія?”, то Людмила подала свой голосъ первая, заявивъ, что “лучше умереть голодной смертью, чѣмъ идти служить къ большевикамъ”.

Однимъ словомъ, убѣжденія она имѣла самыя твердыя.

А между тѣмъ, жизнь интересовала ее только съ точки зрѣнія дѣтей и животныхъ. Изъ своихъ прогулокъ она приносила впечатлѣнія только о мальчикѣ безъ шапки, о дѣвочкѣ, которая плакала, о собакѣ, которая подралась съ кошкой. Читать “скучныя книги про взрослыхъ людей” тоже не любила, а нравились ей “интересныя исторіи про маленькихъ дѣтей”. Вѣрная своимъ взглядамъ на жизнь, она даже царя называла “отцомъ маленькаго наслѣдника”. Въ революціи ее интересовало, главнымъ образомъ, “что сдѣлаютъ съ наслѣдникомъ?” Однажды она задала этотъ вопросъ на улицѣ такимъ звонкимъ голосомъ, что миссъ Холманъ ее остановила. Придя домой, Людмила не только жаловалась и негодовала, но и обнаружила даръ политическаго предвидѣнія:

— Если теперь нельзя говорить о наслѣдникѣ, то скоро не позволятъ говорить и о Богѣ...

Ей не было еще полныхъ девяти лѣтъ, когда она частью перешла, частью переѣхала на салазкахъ Финскій заливъ отъ Ораніенбаума къ Теріокамъ. Салазки эти тащилъ отецъ. Для побѣга изъ совѣтской Россіи семья выбрала темную, вьюжную ночь; мятель выла, крутя въ воздухѣ тучи снѣга; вѣтеръ то наносилъ его на ихъ пути сугробами, то гналъ, вылизывая скользкій ледъ, какъ катокъ; шли они по компасу, но что такое компасъ, она представляла себѣ очень неясно; а когда подъ ногами старшихъ сталъ трещать ледъ, и одинъ изъ нихъ провалился по поясъ, маленькое сердечко ея не выдержало, и она заплакала:

— Мама, вы всѣ провалитесь, и я останусь одна; мама, здѣсь есть деревня? Мы зайдемъ въ нее обогрѣться, скажи, мамочка...

— Не плачь, скоро будетъ деревня...

Въ это время на одномъ изъ Кронштадтскихъ фортовъ вспыхнулъ яркій лучъ прожектора и, медленно сталъ ощупывать окрестныя потемки, ища бѣглецовъ. Затаивъ дыханіе, всѣ бросились на ледъ и лежали, не двигаясь, слившись въ своихъ бѣлыхъ халатахъ, одѣтыхъ поверхъ шубъ, съ мутной завирухой...

Среди ночи ей вдругъ захотѣлось спать.

— Мамочка милая, оставь меня поспать пять минуточекъ, только пять минуточекъ!

— Нельзя, дѣтка, замерзнешь.

— Не замерзну, мамочка; дорогая моя, разрѣши мнѣ поспать всего пять минуточекъ...

На утро, когда мятель улеглась, выглянуло солнце и бѣглецы подходили уже къ Теріокскому берегу, Людмила бодро шагала впереди, заложивъ руки въ карманы полушубка. Почувствовавъ себя въ полной безопасности, она глубокомысленно заявила:

— А, вѣдь, это было похуже приключеній капитана Гаттераса!

Въ Западной Европѣ она попала въ англо-швейцарскій пансіонъ, и пока родители блуждали по бѣлусвѣту, провела въ немъ четыре года. Но тутъ пришла бѣда: родители забрались въ Южную Америку и тамъ отецъ заболѣлъ и разорился. Швейцарскій пансіонъ оказался не по карману. Четырнадцати съ половиной лѣтъ она пріѣхала одна изъ Швейцаріи въ Южную Америку. Дѣла родителей шли все хуже и хуже; надо было всѣмъ думать о работѣ.

Какъ-то утромъ надѣла она чистую матросскую кофточку и съ рѣшительнымъ видомъ надвинула на правое ухо шапочку съ надписью “Инвинсибль”.

— Куда ты?

— Иду искать себѣ мѣста.

— Гдѣ же ты его найдешь?

— Гдѣ-нибудь да найду...

Черезъ два часа вернулась домой:

— Мамочка, завтра намъ надо вмѣстѣ съ тобой идти въ Интернэшнелъ Машинери Компани; ты должна меня представить директору; несовершеннолѣтнихъ они безъ рекомендаціи родителей не принимаютъ.

— Что за чушь ты выдумала?

— Да не чушь, мамочка; онъ мнѣ самъ это сказалъ.

— Какъ же ты до него добралась?

— Иду по улицѣ и вижу англійскую вывѣску; думаю, здѣсь мой англійскій языкъ пригодится. Вхожу, спрашиваю: — Могу я видѣть директора? — Они сперва удивились, а потомъ вышелъ секретарь, разсмѣялся и говоритъ: — Директоръ Васъ сейчасъ приметъ. — Ну, директоръ, строгій такой, похожъ на папу, спрашиваетъ: — Что Вамъ угодно? — Говорю ему: — Хочу у Васъ служить. — А что Вы умѣете дѣлать? — Ничего еще, — говорю, — не умѣю. — Онъ улыбнулся: — Но по англійски вы говорите? — Говорю и пишу, и по французски тоже, и по русски, но только съ ошибками. — Онъ сталъ смѣяться, а потомъ говоритъ: — Приходите завтра съ Вашей мамой, а то мы безъ разрѣшенія родителей несовершеннолѣтнихъ не принимаемъ. Васъ какъ зовутъ? — Я говорю: — Лулу. — Тутъ онъ сталъ такъ смѣяться, что я покраснѣла. — Да нѣтъ же, я Васъ спрашиваю, какъ Ваше имя и фамилія?..

На другой день пошла она къ директору съ мамой, и ее приняли на испытаніе съ жалованіемъ въ сто пезосовъ; однако, въ концѣ мѣсяца она принесла домой въ полтора раза больше:

— Кассиръ говорить, что мнѣ назначили полтора.

Черезъ полгода она получала уже четыреста пезосовъ и была секретаремъ директора.

Однажды приходитъ домой и рассказываетъ:

— Директоръ сегодня очень разсердился на одного служащаго, который назвалъ меня сеньоритой Лулу, и приказалъ всѣмъ называть меня: миссъ Людмила.

Не взирая на такую серьезную постановку дѣла, миссъ Людмила такъ боялась шефа, что крестилась каждый разъ, какъ входила въ его кабинетъ. Характеръ у шефа, дѣйствительно, былъ не совсѣмъ пріятный; особенно онъ сердился на неумѣстную догадливость и быстроту соображенія. Бывало, когда, съ потухшей папирой во рту, онъ безнадежно шарилъ растопыренными пальцами по заваленному бумагами столу, миссъ Людмила трепетнымъ голосомъ подсказывала:

— Онъ у васъ въ лѣвомъ карманѣ, сэръ!

— Почему Вы знаете, что я ищу спички? — огрызался шефъ доставая ихъ, дѣйствительно, изъ лѣваго кармана, закуривалъ папиросу и тянулъ:

— Мм... позовите мнѣ... Мм...

— Бухгалтера, сэръ?

— Почему бухгалтера? — яростно вскидывался шефъ, но, помямливъ еще нѣсколько секундъ, добавлялъ, стараясь не смотрѣть на поблѣднѣвшую миссъ Людмилу:

— Ну, да, бухгалтера...

Въ такихъ ужасныхъ служебныхъ переживаніяхъ прошло два года; у миссъ Людмилы оказались подружки; у подружекъ братья; она начала бывать на вечерахъ, на воскресныхъ пикникахъ и журфиксахъ.

Обращается она какъ-то къ отцу, спрашиваетъ:

— Папа, что ты скажешь, если я выйду замужъ за чилійца?

А папа ея былъ человѣкъ чрезвычайно умный, человѣческія отношенія понималъ до тонкости, и по пустякамъ трепать языкомъ не любилъ:

— Для того, чтобъ выйти замужъ за чилійца, надо прежде всего найти такого охотника. Никакой чиліецъ на тебѣ, безприданницѣ, не женится; не такой это народъ...

Миссъ Людмила смолчала, а черезъ день, по уходѣ ея на службу, родители обнаружили оставленный на видномъ мѣстѣ конвертъ съ запиской слѣдующаго содержания:

“Дорогіе мои, я и Альберто здѣланы другъ для друга и очень хотимъ жениться, и очень просимъ вашего благословенія. Ваша Люля”.

Вечеромъ возвращается она домой и трясется.

— Чего же ты трясешься?

— Боюсь, что вы будете смѣяться...

— Постой, твой Альберто знаетъ, что ты безприданница?

— Знаетъ, — торопливо отвѣчаетъ сконфуженная невѣста, — онъ меня просилъ взять изъ дому только Фуфинаго котенка...

Черезъ день къ родителямъ миссъ Людмилы пришла мать донъ Альберто, жгучая, пожилая испанка, съ гребнемъ въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ и въ мантильѣ; только кастаньетъ ей не хватало, чтобъ выйти на сцену въ “Карменъ”. Въ торжественныхъ выраженіяхъ восхвалила она добродѣтели миссъ Людмилы и попросила ея руки для сына Альберто.

Умный отецъ не ожидалъ такого велерѣчиваго подхода, растерялся и пробормоталъ въ отвѣтъ что-то весьма нескладное...

— Когда же свадьба?

— Да у нихъ уже все готово, и, если Вы не имѣете ничего противъ, въ то воскресенье мы ихъ повѣнчаемъ...

Сослуживцы поднесли миссъ Людмилѣ подарокъ, а Компанія чекъ. Отпраздновали свадьбу, и молодые уѣхали...

Прошло четыре мѣсяца. Въ одинъ прекрасный день отецъ миссъ Людмилы получаетъ отъ бывшаго директора записку:

“Дорогой сэръ,

Четыре мѣсяца не могу найти себѣ подходящаго секретаря. Скажите, нѣтъ ли у Васъ еще одной дочки?

Уважающій Васъ В. М. Фордъ”.

П. Шостаковскій.



Le Salon 1930. Desiré. Цвѣты.

На древнемъ рубежѣ

IV.

Вечеромъ слѣдующаго дня когда Лукинъ возвратился домой изъ аула, онъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ Дунѣ. Страсть захватила его. Стоило только закрыть глаза, какъ онъ чувствовалъ ея горячее дыханіе, жгучіе поцѣлуи; осязаль палящее сладострастное тѣло. Сердце колотилось такъ быстро, что захватывало дыханіе. “Фу, ты! Сварился!” прошепталъ Лукинъ, гикнулъ и полетѣлъ по зеленой долині. “Чѣмъ все это кончится?” — думалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ, словно ища тамъ выхода изъ тупика, въ который загнала ихъ бѣшеная страсть. Однако, предчувствіе чего-то радостнаго успокаивало Лукина.

На скаку онъ лихо сорвалъ Анютини глазки, вдѣлъ въ петлицу для Георгія и началъ джигитовать.

— Баракала! Баракала! (Молодецъ) — раздалось впереди. Толкая пятками кляченку подъ брюхо, незнакомый ногаецъ шелъ наперерѣзъ. Точно свѣжая попутная струя подула въ парусъ, еще быстрее замелькала Мюридъ надъ зеленымъ моремъ. Наконецъ, послышался гудокъ, потомъ громыханье убѣгающаго поѣзда. Подъ станціей Лукинъ обогналъ пріѣхавшихъ изъ Белотнаго: одна баба съ трудомъ тащила на спинѣ полмѣшка мѣднаго купороса, другая бодро шла съ вязанкою мочалъ подъ мышкой. Впереди ихъ легко шагала Гавріиль. Силы измѣнили Лукину. Онъ не въ состояніи былъ глянуть въ глаза обманутому мужу. Ему даже показалось, будто ихъ выслѣдила сосѣдка Субботина, Малашка, и теперь по всей станціѣ звонитъ въ колокола. На всѣхъ перекресткахъ ему чудились кружки бабъ, перебирающихъ по косточкамъ его и Дуню.

Хотя Гавріиль весело привѣтствовалъ есаула, Лукинъ заподозрилъ его искренность — Небось, шепчетъ: “подожди, научу, какъ съ чужими женами ночи проводить”, разсуждалъ Лукинъ, подѣзжая къ дому.

— Кечъ якши бусунъ! (Добрый вечеръ!) поздоровался есаулъ у своего двора.

— Саубуль! Саубуль! залопотали работники, бесѣдовавшіе на деревянномъ брусѣ.

Аипъ подхватилъ поводъ, отпустилъ подпруги, слегка покачалъ сѣдло, гордясь статнымъ жеребцомъ.

— Вотъ тебѣ, дѣточка, два письма, — встрѣтила его мать, — мальчикъ начальника конторы принесъ.

Почеркъ перваго онъ угадалъ сразу. “Коля”, подумалъ Лукинъ, живо представляя друга студента.

— Мама, Коля тебѣ кланяется. Приглашаетъ меня на праздники! — закричалъ Лукинъ, дочитывая первое.

— Поѣзжай, дѣтка! Не то — покосы начнутъ, до зимы не выберешься.

Второе въ голубомъ конвертѣ, налписанномъ женской рукой, что-то неясное, но пріятно волнующее шепнуло его сердцу. — Валя! Вотъ не ожидалъ! — воскликнулъ есаулъ, вскрывши голубой конвертъ. Во время чтенія голубоглазая шатенка съ роскошными косами и нѣжнымъ матовымъ цвѣтомъ лица ласково смотрѣла ему въ глаза.

— Мама! Завтра въ Благодатный! — закричалъ Лукинъ. Чмокнувъ удивленную старушку, онъ беззаботно побѣжалъ въ домъ. Здѣсь есаулъ опустился въ кресло и началъ перечитывать:

“Коля говоритъ, — между прочимъ, писала она, — “якобы Васъ заставили отострить бороду и весь постъ держали на капустѣ. Неужели Вы сдѣлали предложеніе ногайкѣ? Хотя Коля клянется въ справедливости этого.”

я, все-таки, сильно сомнѣваюсь. Ждемъ Васъ на праздники съ огромнымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ, Татарчукъ. Христось Воскресе! Валя Н”.

Но, едва Лукинъ потянулся въ креслѣ и закрылъ отъ удовольствія глаза, его бросило въ жаръ горячее дыханіе Дуни. Вздогнувъ, онъ вскочилъ, умылся и вышелъ на крыльцо.

— Завтра, завтра въ Благодатный. Иначе съ ума сойду! пропѣлъ онъ вполголоса.

Луна съ предѣльной высоты смотрѣла на станицу, когда Лукинъ подошелъ къ хороводу. Здѣсь сразу онъ натолкнулся на Дуню съ Мотькой.

— Иванъ Петровичъ! Дѣвки чего понимаютъ? Съ молодыми бабами попляши! — подмигнула Мотька и живо расчистила прогалину острыми локтями. Взметая пыль столбомъ, въ серединѣ плясалъ невысокій паренъ съ маленькой худенькой дѣвкой. Освѣщенные луной, они мелькали, какъ призраки, скользящіе другъ за другомъ.

— Довольно тебѣ, Никитка, пылить! Незамай Иванъ Петровичъ! — крикнула Мотька и хлопнула танцора по головѣ; — Секлетка, играй Иванъ Петровичевъ! Шире! Шире! Шире! — закричала она, раздвигая кругъ и обкашивая ногой.

Гармонистка переставила “Тальянку” на другое колѣно и заиграла “Наурскую”.

Ана-сена-фатагенъ...

хлопая въ ладоши, подпѣвалъ покачивавшійся въ опорахъ кузнецъ.

— Не слышишь?! Куда бьешь, нечистая сила!? Треснула Мотька по рукамъ не въ тактъ ударившую дѣвочку.

А Лукинъ уже плясалъ съ Дуней. То, легко отдѣляясь отъ земли, онъ изящно становился на носки, то стремительно бросался къ красавицѣ и, настигнувъ, не колыхаясь, плылъ за нею. Едва вышла Дуня, какъ Мотька съ крикомъ вынеслась на середину. Кто-то гикнулъ. Всѣ вздрогнули и оглушительно ударили въ ладоши. Вдругъ во время пляски Лукину показалось, что что-то не то. Глянулъ и обмеръ: Мотька въ однихъ чулкахъ пляшетъ по казачьи. Да какъ жарить, проклятая баба! То кинется на носки, то крикнетъ “харцъ! харцъ!” и гордой ладьей рѣжетъ по кругу.

— Ну и бѣсъ! — шепнула Дуня, хлопая въ ладоши. Наконецъ, бабенка начала обуваться.

— Гдѣ нынче будешь? Тихо спросила Дуня.

— Есть дѣла. Завтра уѣзжаю.

— Куда? съ тревогой глянула красавица. Но отвѣтитъ Лукинъ не успѣлъ. Около выросъ ея мужъ. Попрощавшись, есаулъ пошелъ къ вахмистру сдѣлать необходимыя распоряженія по случаю внезапнаго отъѣзда.

V

Смеркалось. Стадо съ мычаніемъ шумно вливалось въ станицу. Лавируя между сверкающими острыми рогами, Лукинъ рысиль къ мѣсту остановки поѣзда.

— Счастливаго пути, кумъ! — крикнула Мотька; помахивая палочкой и мурлыча пѣсенку, она гнала коровку, принесшую ей наперстокъ молока.

— Баля! Баля! Треклятая! Въ рошу заладила. Буйленокъ весь изревелся, а ты третій день глазъ не клажешь! Какъ свинья, въ грязи вымазалась! кричала за



Александръ Александровичъ Скрябинъ.
Создатель и дирижеръ хора и оркестра
казаковъ - балалаечниковъ
(Студія Рожинскаго)

околицей сестра Язычкова, поднявъ хворостинку.

Лукинъ еще издали замѣтилъ подъ осиною Дуню съ мужемъ, а въ сторонѣ отъ нихъ Аипа съ чемоданомъ въ рукѣ, сидящаго на рельсахъ. Работникъ съ разбѣга подхватилъ поводъ, зажалъ чаевыя и поѣхалъ домой.

— Кажется, мы попутчики? — обратился Лукинъ къ четѣ Максимовыхъ.

— Это Дуня. Дня на два погостить въ Жаркую къ теткѣ Фенькѣ, — отвѣтилъ Іавріиль. Кровь закипѣла у Лукина. Онъ искалъ, что бы сказать, и не находилъ. Перешагнуть послѣднюю невидимую черту Лукину не позволила совѣсть. Онъ не могъ, нахально глядя мужу въ глаза, разыгрывать невиннаго. Раздавшійся гудокъ вывелъ его изъ непріятнаго положенія.

Мужъ помогъ Дунѣ подняться съ насыпи на ступеньку вагона, Лукинъ подаль съ площадки руку. Паровозъ зашипѣлъ, рванулся впередъ, и поѣздъ скрылся. Въ единственномъ совершенно пустомъ вагонѣ миксты І и ІІ класса кондукторъ предложилъ имъ двухмѣстное купѣ. Лукинъ сунуль на верхъ узелокъ Дуни и свои вещи, затѣмъ вышелъ заплатить проводнику до Благодатнаго. Когда онъ вернулся, Дуня сидѣла, тѣсно сдвинувъ брови. Гнѣвно сверкали ея глаза. Грудь тяжело поднималась. Лукинъ сразу почувствовалъ недоброе. Осторожно затворивъ дверь, онъ подсѣлъ, намѣреваясь обнять красавицу. Дуня рѣзко отодвинулась въ уголь.

— За стриженной ѣдешь? — еле переводя дыханіе, спросила она.

— За какой стриженной? — вытаращилъ глаза есауль.

— За той, которая прислала голубое письмо.

— Ты откуда знаешь?

— Видѣла у конторщикова мальчика. Все время слѣдила, какъ онъ съ письмами гонялся за дѣвчатами... Вокругъ хоровода носились. Только тетя Надя изъ аула, онъ шмыгъ и сунуль ей. Голубое меня сразу въ сердце кольнуло.

Подумала: пропала моя головушка... говорила она тяжело дыша. Лукинъ осторожно взялъ ее за руку и тихо привлекъ къ груди. Дуня почти не сопротивлялась. Ея губы жадно искали поцѣлуя. Лицо, шея, руки жгли Лукина.

— Я сейчасъ, какъ сумасшедшая, вся въ огнѣ горю. Тянетъ меня къ тебѣ, — простонала она порывисто и крѣпко обвивая его руками.

— Не понимаю, что понесло тебя къ теткѣ. Позавчера даже не заикнулась, — заговорилъ Лукинъ.

— Какъ только узнала въ хороводѣ: ѣдешь, — вся загорѣлась, — перебила Дуня, прижимаясь къ нему плотнѣе.

— Странно! Вѣдь я могъ поѣхать въ обратную сторону, — пожалъ есауль плечами.

— Тебѣ въ Болотномъ дѣлать нечего. Оттуда голубыхъ писемъ не пришлютъ. Тамъ стриженныхъ нѣту. Ъзжай, только скорѣй возвращайся, а то брошу все и за тобой, — страстно шептала Дуня.

ГЛАВА VI..

Разсвѣтало. На станціи Жаркой въ туманѣ мигали фонари. Было сѣро и сыро. Проводивъ Дуню, Лукинъ сразу заснулъ. Утромъ бойкій извозчикъ на резиновыхъ шинахъ мчалъ его въ гостиницу.



А. Скрябинъ и его извѣстный хоръ и оркестръ казаковъ - балалаечниковъ.
Верх. р.: Е. Комаровъ, Г. Замѣсовъ, А. Коряковский, П. Камонтъ, В. Родіоновъ (замѣститель А. С.), Г. Шаблинскій, А. Соколовъ, Г. Рубинъ, М. Григорьевъ. Сред. р.: М. Донской, В. Михѣевъ, А. Скрябинъ, Ф. Петровъ, М. Тихоновъ. Нижн. р.: Н. Булатовъ, М. Кошляковъ, Н. Анциферовъ, М. Молчановъ и В. Доленга - Семеновскій.

Комфортабельный номеръ, холодный душъ и чашка кофе освѣжили есаула. Онъ осторожно вынулъ изъ чемодана и надѣлъ передъ зеркаломъ темновишневою черкеску. Отсутствіе морщинокъ на свободно сидящемъ костюмѣ было ему пріятно. Слово изъ ожидаемыхъ гостей не пришли именно тѣ, присутствіе которыхъ всегда портило его настроеніе. Когда Лукинъ вышелъ на балконъ, было еще сыровато, но вдругъ солнце глянуло изъ-за несшихся тучъ и тотчасъ засверкали остріями тысячи лучей. Надъ океаномъ горъ, поросшихъ дѣвственными лѣсами, выросъ могучій богатырь Казбекъ. Его громадная бѣлая шапка ослѣпительно сіяла въ брилліантахъ. Съ благоговѣніемъ и страхомъ смотрѣлъ съ подножья высокаго трона игрушечный Благодатный въ глаза красавицъ-царицъ природы.

Вдоль широкой главной улицы, подъ тѣнью душистыхъ мощныхъ липъ, тянулся просторный бульваръ. Гдѣ-то вызывающе грянула гармонія, за ней безцеремонно полѣзла въ уши разухабистая пѣсня и тотчасъ, потянувшись толпа распоясанныхъ солдатъ.

Около гостиницы остановилась группа вооруженныхъ всадниковъ. Отъ бурокъ они казались стройнѣй и выше.

— Комендантъ дома? — донеслось до Лукина снизу.

— У нихъ начальникъ самообороны полковникъ Ястребовъ, — пробасилъ швейцаръ.

— Ваня! Ваня! — неожиданно раздался знакомый голосъ. Подъ липами въ элегантномъ сѣромъ костюмѣ стоялъ молодой человѣкъ съ барышней, интересной изящной брUNETКОЙ.

— Ты чего, скифъ этакій, не у насъ остановился? Погоди, мама уши надереть! — погрозилъ тросточкой

Коля. Лукина на балконъ какъ не было...

Они похристосовались.

— Наконецъ-то, очень рады! — вырвалось искренно у Нади. — Ваша слава даже здѣсь кое-кому вскружила головы. Валя Вами интересуется и, кажется очень, — ласково поглядывая на пріѣхавшаго, чуть-чуть пріоткрыла она святая святыхъ подруги.

— Сердечно благодарю! Благословенъ Благодатный, взлелѣвавшій Васъ! — воскликнулъ есауль, цѣлуя руку дѣвушки.

— Валю, Валю, вотъ посмотрите. Куда мнѣ!

— Какъ Анна Павловна? Яковъ Борисовичъ? — горѣлъ пріѣхавшій.

— Спасибо, здоровы. Придешь — на спинѣ испытываешь. Отель тебѣ даромъ не пройдетъ. Давно пріѣхалъ? — помахивалъ Коля тросточкой.

— Около одиннадцати.

— И до сихъ поръ не показались къ намъ? Ну и Ваня, — покачала головой дѣвушка.

— Позвольте, пощадите. Еще трехъ часовъ не прошло, — защищался есауль.

— Какъ? За столько времени къ намъ не заглянули? Нечего сказать — любимицъ мамочкинъ! Обѣдаешь у насъ. Родители чахнутъ съ тоски! — заговорилъ Коля.

— Покорно благодарю. Днемъ никакъ не могу. Съ вечера въ полномъ Вашемъ распоряженіи, — поклонился есауль.

— Не церемонься и нынче же вѣдряйся въ мою комнату, — настаивалъ Коля.

— Не сказать ли Валѣ, отъ насъ на трэкъ? — перебилъ студентъ сестру.

— Какой трэкъ? — Сегодня тамъ — сплошной

товарищъ съ товарками. Лучше, милая, этотъ вечерокъ — посидимъ дома, а въ субботу блеснемъ на балу въ лѣтней ротондѣ, такъ козырнемъ есауломъ, что звѣзды посыплутся! Не правда ли? — похлопалъ Коля своего друга по плечу.

И они разстались.

Лукинъ нанесъ визитъ станичнику — генералу Максиму, прошелся по городу, заглянулъ въ реальное училище, въ стѣнахъ котораго жизнь текла по старому руслу, совершенно какъ въ годы Лукина. Такъ же, среди двора, играло въ альчики нѣсколько папионеровъ. Такъ же по старому длинному балкону взадъ и впередъ ходилъ дежурный воспитатель.

Узнавъ Лукина, онъ съ распростертыми объятіями заторопился навстрѣчу, и они звонко расцѣловались. Только передъ вечеромъ возвращался Лукинъ въ гостиницу, поминутно натываясь на знакомыхъ. На бульварѣ по улицамъ, затрагивая постороннихъ, всюду бродили партіи солдатъ, распѣвавшихъ пѣсни. Одни изъ этихъ молодцовъ шеголяли въ больничныхъ халатахъ, другіе — въ нижнемъ бѣлѣ. Ихъ обнаглѣвшія подруги визгомъ и хохотомъ привѣтствовали наиболѣе отличившихся. Какъ отъ гадюкъ, шарахалась публика во всѣ стороны, бросалась въ случайныя открытыя ворота, лѣмилась въ чужія парадныя. Лукинъ чувствовалъ нарастающее отвращеніе къ этому, еще недавно милому, городку. Его до слезъ душила досада. Онъ готовъ былъ стрѣлять въ осквернителей своей святыни. Въ станицу, къ Дунѣ, въ табунъ, къ занятіямъ съ сотней неудержимо потянуло его прямо съ бульвара. Съ болію въ сердцѣ, не глядя на постороннихъ, добрался онъ до гостиницы. Мрачный, угрюмый, сидѣлъ Лукинъ въ своемъ номерѣ, совершенно не прикасаясь къ поданному обѣду.

Было темно. Горничная затворяла парадное. Лукинъ въ освѣщенной электричествомъ передней снималъ плащъ, когда изъ столовой выскочили Надя и Коля.

Вслѣдъ за ними, зрѣдѣвшись внезапнымъ румянцемъ, показалась Валя. На ея пасхальное привѣтствіе Лукинъ отвѣтилъ "Воистину Воскресе" и поцѣловалъ руку.

— Нечего, нечего! Извольте, какъ слѣдуетъ. Вы русскіе. Подумаешь, китайская церемонія. Ну, живо! — принявъ начальническую позу, топнула ножкой Надя. Большіе голубые глаза укоризненно посмотрѣли на подругу. Валя похристосовалась.

— Молодецъ, Ваня! Тревоги мои за черкески были совершенно напрасны. Талія по прежнему въ рюмочку. Вотъ теперь выглядите настоящимъ мужчиной! — послѣ обычныхъ привѣтствій обратилась хозяйка.

— Какой разставлять, Анна Павловна! Скоро, кажется, въ камышинку вытянешься, — передавая чашку Валѣ, сказала гость.

За чаемъ Лукинъ нѣсколькими штрихами нарисовалъ нерадостную политическую обстановку края. Ночное нападеніе на хуторъ Новоявленскій произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе.

— Ну, и молодецъ Николай Романовичъ! — протянула Анна Павловна.

— Да, господа. Герой, достойный самой громкой похвалы и глубочайшей признательности, — подтвердилъ Лукинъ. — Кавказъ рѣзню увидитъ, но въ какихъ комбинаціяхъ, это вопросъ времени, — развивалъ свою мысль есаулъ, — пока рѣзко намѣчаются два враждебныхъ лагеря — совѣты и казаки. Горцы занимаютъ промежуточное положеніе. Куда примкнетъ эта третья сила, и не расколютъ ли ее внутреннія распри, предсказать въ данное время не берусь.

— А что на своихъ плечахъ вынесъ за зиму нашъ

Благодатный, жутко, Ваня, вспомнить! — тряхнувъ съдыми кудрями, заговорилъ Яковъ Борисовичъ, — ингуши растаскивали городъ днемъ и ночью. До настоящаго времени не могу освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія. Подъ орѣхъ раздѣлывали цѣлыя улицы! Мебель, одежду, піанино, шкафы, зеркала, кровати, — все на арбахъ тянули въ аулы. Разбогатѣли отъ революціи! Пришла котамъ масляница! Грузить заставляли хозяевъ. При этомъ съ утонченной любезностью расплачивались съ ними за погрузку собственного имущества! Сегодня выпотрошатъ до реберъ одну, завтра — другую улицу. Старикъ Клавдій Степановичъ Бѣдновъ, въ предвидѣніи визита, вещи запряталъ на чердакъ... Цѣлую ночь семья работала, не покладая рукъ... Приходитъ очередь — является орда. Какъ лягавыя — дичь, моментально все до ниточки отыскивали. Ихъ же заставили таскать на подводы. Ни мать, старуху, ни барышень никого не пощадили! Выволокли все. Потомъ — хозяину:

— Твоя зачѣмъ обмануть насъ хотѣлъ? За это домъ долой! Разложили въ гостинной костеръ и сожгли до тла. Не организуй полковникъ Ястребовъ самообороны и стѣны бы вывезли!

— Такъ помогло? — спросилъ гость.

— Еще бы! Стрѣляли, какъ бѣшеныхъ собакъ! Мигомъ этимъ лѣкарствомъ вылечили... — съ грустью повѣствовалъ Яковъ Борисовичъ.

Затѣмъ, взволнованный, онъ взялъ съ вольтеровскаго кресла книгу и, попрощавшись, поднялся во второй этажъ.

— Арія изъ оперы "Демонъ". Синодалъ подъ дубомъ — громогласно объявилъ Коля, направляясь къ граммофону.

— Коля! Перестань! Пусть лучше Ваня подекламируетъ, — вмѣшалась мать.

— Просимъ! Просимъ! — подхватили барышни. Всѣ перешли въ гостинную.

"Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй! Вотъ арфа золотая.

Пускай персты твои, промчавшись по ней, Пробудятъ въ струнахъ звуки рая..."

— читалъ Лукинъ съ необычайнымъ подъемомъ. Глаза Вали сіяли.

"Мнѣ тягостны веселья звуки...

Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ, Иль разорвется грудь отъ муки!.."

— Bravo! Bravo! — громко одобрили всѣ.

— Еще что - нибудь, — попросила Анна Павловна. И снова зазвучалъ голосъ Лукина. Чѣмъ дальше онъ читалъ, тѣмъ выше взвизывалъ на крѣпнувшихъ крыльяхъ. И ярче свѣтился огонь въ глазахъ Вали.

— Вотъ вамъ и станичникъ! — воскликнулъ Коля, едва Лукинъ остановился. — Каковъ, мама, паренекъ? Ударь, братецъ, лезгинку и завтра подъ вѣнецъ! — торжествовалъ студентъ.

— Ахъ, правда! Наурскую! — подхватила дѣвушка и вмигъ очутилась около гостя.

— Что вы, дѣти! Дайте ему духъ перевести. Теперь Валя что - нибудь, — обратилась Анна Павловна.

— Листа или Мусоргскаго, — шепнула Надя, выбирая ноты. Валя сѣла за піанино.

— Наурскую! — оглушилъ всѣхъ Коля.

Валя поймала кивокъ Лукина, и ея тонкіе пальцы забѣгали по клавишамъ. Пчелой засосала сердце лезгинка. Съ пыломъ и увлеченіемъ танцевалъ Лукинъ. Подражая горцамъ, Коля дико выкрикивалъ какіе - то гортанные звуки. Отъ его хлопанья въ ладони на всѣхъ этажеркахъ дрожали фарфоровыя бездѣлушки.

— Молодецъ, дружокъ! На моей свадьбѣ какую-нибудь свихнешь, — не унимался студентъ.

— Ваня, вотъ если бы Колю къ вамъ на кумысь.

Да виноградомъ подкрѣпить кстати. Посмотрите, на что онъ похожъ...

— Буду искренне радъ, Анна Павловна. За компанію быю челомъ дамамъ, — поклонился Лукинъ Валѣ и Надѣ. Барышни радостно закивали головами.

— Господа! Милости прошу. Моя кибитка въ нашемъ распоряженіи. Жара африканская. За добросовѣстность солнца ручаюсь головой. Единственная общеповинность — по праздникамъ пріѣзжать изъ степи въ станицу, плясать въ хороводахъ.

— Такъ часто? — удивилась Валя, прощаясь съ хозяевами.

— О, этотъ налогъ каждый казакъ уплачиваетъ авансомъ. Было бы сердце, — отвѣтилъ Лукинъ, слѣдуя ея примѣру.

— Завтра, Ваня, у насъ обѣдаете. Въ три ждемъ, — пригласила Анна Павловна.

VII.

На улицѣ Лукинъ взялъ Валию подъ руку.

— Получили мое письмо? — спросила она.

— Сердечно благодарю. Но скажите откровенно. Валя, какой чародѣй перековалъ Вашъ гнѣвъ на милость? Кто замолвилъ словечко про опальнаго?

— Все тотъ же прошлогодній споръ. Помните? Я виновата во всемъ. До настоящаго времени не могу простить себѣ этого легкомыслія. Приколотъ Вамъ на грудь портретъ Керенскаго! Мы, вѣдь, студентки отъ него тогда съ ума сходили. Помню, Вы сразу измѣнились въ лицѣ. Я, право, испугалась, однако, продолжала спорить съ Вами до изступленія. Вы меня простили? — при этомъ Валя пожала его руку.

— Хотѣлъ мечь затаить и не могъ. Можетъ быть, въ пылу спора я тогда обидѣлъ мою очаровательную оппонентку? — заглянулъ онъ въ голубые глаза и поцѣловалъ ея руку.

— Это за что?

— За смѣлость Вашу и доброту. Какъ меня обрадовало Ваше простое милое письмо. Слѣдовательно, теперь Вы подъ нашимъ стягомъ?

— О, да! — отвѣтила она въ раздумѣ.

Никого дорогою не замѣчая, они очутились у параднаго. Лукинъ нажалъ кнопку. Въ передней вспыхнулъ огонекъ и трепетно забился колокольчикъ.

— Завтра въ десять утра жду. Пойдемъ за ландышами. Мама приглашаетъ Васъ на завтракъ. А свою станичницу Вѣрочку Максимову навѣстили?

— Валя! Вы нарушаете прошлогоднее обѣщаніе.

— Не сердитесь, Ванечка! Я пошутила... До свиданья, — улыбнулась она и скрылась за дверью.

Лукинъ былъ совершенно очарованъ Валею. Вспомнилъ прошлогоднее увлеченіе этой дѣвушкой, когда она была шестиклассницей, а онъ только что произведенъ въ офицеры. Нахлынувшія воспоминанія были столь обаятельны и свѣжи, а впечатлѣнія этого дня такъ значительны, что Лукину на мгновенье показалось, будто въ его чувствѣ не было досаднаго перерыва. Точно отъ перваго до послѣдняго дня онъ любилъ только Валию. Теперь онъ возвращался въ гостиницу совершенно новымъ человѣкомъ. Мечта о встрѣчѣ съ Валею завтра овладѣла всѣмъ его существомъ. Дуно, станицу, степь, — все отстранила предстоящая прогулка. Но стоило Лукину очутиться въ постели, какъ его бросило въ жаръ воспоминаніе о ласкахъ Дуни. Ея страстное, упругое тѣло, жадныя, горячія губы палили Лукина.

На слѣдующее утро, едва въ лѣсу они успѣли нарвать букетъ цвѣтовъ, разразилась страшная гроза. Внезапнымъ порывомъ вѣтра заволокло вершины горъ клубящимися черными тучами. Оглушительные раскаты грома непрерывно чередовались съ ослѣпительными вспышками молній. Лукинъ и Валя стояли подъ за-

щитой огромнаго стараго дуба. Послѣ перваго удара Валя вздрогнула и инстинктивно схватила Лукина за рукавъ. Лукинъ ласково глянулъ въ ея чудные голубые глаза и взялъ подъ руку. Молча любовались они величественной картиной. Наконецъ, глянуло солнце. Лукинъ и Валя отправились домой, ласково взволнованные нахлынувшими переживаніями. Каждый изъ нихъ прекрасно понималъ, что, поддерживая разговоръ, онъ умалчиваетъ о главномъ, — не говорить о ярко загорѣвшемся чувствѣ. Послѣ завтрака Валя пригласила Лукина въ свою комнату. Изящный столикъ, украшенный бездѣлушками, кровать съ образкомъ въ изголовіи, дорогой персидскій коверъ на полу — ничто не измѣнилось съ прошлаго года.

— Ваня, сядьте, пожалуйста, сюда, — придвинула она голубое кресло. — Исполните мою просьбу? — взволнованно спросила она.

— Безусловно, если смогу.

— Ну, конечно... Ванечка, я хочу Вамъ совѣмъ капельку, чуть-чуть подстричь усики. Согласны? Очень прошу Васъ.

— Пожалуйста. Только, ради Создателя, не особенно. Иначе въ станицѣ прохода не дадутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Пожалуйста, не беспокойтесь... Теперь позвольте завязать Вамъ глаза, чтобы не смущали... — распоряжалась увѣренно Валя. Лукинъ повиновался. Въ темнотѣ онъ чутко насторожился, въ ожиданіи холоднаго прикосновенія ножничекъ.

Но вдругъ, горячо дохнувъ, Валя поцѣловала его въ губы. Кровь ударила есаулу въ голову. Онъ поспѣшно сорвалъ косынку. Но Вали не было. Весь въ огнѣ, Лукинъ подошелъ къ окну. Въ саду благоухалъ пышный расцвѣтъ; кусты, деревья, клумбы еще больше опьяняли его. Сердце колотилось съ такой быстротой и силой, что онъ невольно приложилъ руку къ груди.

— Ваня, Ванечка! Вы на меня не сердитесь? — стоя у двери, окликнула его Валя. Лукинъ круто повернулся, и не успѣла Валя сдѣлать къ нему шага, какъ онъ привлекъ ее къ себѣ и началъ горячо цѣловать.

Съ этого дня мысли о Дуни совершенно не беспокоили Лукина.

Черезъ нѣсколько дней, встревоженный мрачными слухами, Лукинъ помчался въ станицу. То бурные приливы личнаго счастья, то надвигающійся пожаръ гражданской войны играли его настроеніемъ. На станціяхъ онъ выходилъ погулять. Всюду чувствовалось сгущеніе атмосферы. Кровавыя столкновенія вспыхивали все чаще и чаще.

Лукина укачивало въ купѣ; онъ улыбался, закрывалъ глаза... и передъ нимъ стояла Валя. "А на счетъ увлеченій все-таки выпытала... Поднесла же нелегкая Дуно... Стыдно Валенку смотрѣть въ глаза..." — разсуждалъ Лукинъ, укладываясь спать.

Утромъ, при входѣ въ станицу, еще издали замѣтилъ Лукинъ начальника почтово-телеграфной конторы. Высунувшись изъ окна, тотъ плутовато улыбался.

— Съ пріѣздомъ, Иванъ Петровичъ! — весело поздоровался чиновникъ, передавая есаулу телеграмму.

"Какъ доѣхалъ телеграфируй немедленно цѣлую крѣпко твоя Валя" — прочиталъ жадно Лукинъ.

"Благополучно цѣлую крѣпче твой Ваня" — въ нѣсколько мгновеній выстукалъ при немъ отвѣтъ Петръ Афанасьевичъ.

— На Красной горкѣ что свадьба было, Язычковъ съ Лаврушкой поисплясались, — встрѣтила его мать, едва Лукинъ отворилъ калитку. — Какъ тебѣ, дѣтка, ѣздило? Думала еще погостишь, — радовалась нз сына Надежда Петровна.

Лукинъ умылся, раздѣлся и легъ.

— Я, мама, засватанъ, — вытянувшись подъ одѣломъ, выпалить онъ.

— Что ты, дѣтка, шутишь-то! — опѣшила мать.

— Серьезно, милая. Приставали, женись да женись, ну вотъ, въ сентябрѣ милости прошу на свадьбу.

— Кого же? Надю? — освѣтилась она мгновенной радостью.

— Нѣтъ, Валю!

— Валю? Какую Валю? Какъ же ты женишься, сыночекъ? Ты давно и хорошо знаешь ее?

— Знакомъ-то нѣсколько лѣтъ, но, какъ слѣдуетъ, узналъ за эти дни.

— Я думала, Надю засватаешь. А кто родители?

— Отецъ — присяжный повѣренный. — Лукинъ назвалъ извѣстную фамилію.

— Ну, поздравляю тебя, поздравляю.

— Что съ тобой, мама? Ты, какъ будто, не рада? Чего-то боишься?

— Нѣтъ, зачѣмъ сынокъ? Только теперь я сиротинкой останусь: жена-то ближе матери.

— Полно, родная. Валечка — такой ангелъ; не нарадуешься, глазъ съ нея не сведешь!

— И-и-и, дѣточка! Дай-то, Господи. Только въ жизни рѣдко такъ бываетъ. Ну, что же, она хорошенькая. Свѣтлая, голубка. Любить тебя будетъ, — при этомъ старушка поцѣловала фотографію бросившей въ ее сердце зерно ревности.

На слѣдующій день Лукинъ получилъ голубое письмо.

“Милый мой, единственный Ванечка! Какъ невыносимо тяжело стало въ Благодатномъ! Съ твоимъ отѣздомъ я совершенно лишилась покоя и даже не пошла къ Надѣ, но они сами прибѣжали. Коля такъ усердно смѣшилъ, что, послѣ вчерашней истерики, я вновь разревѣлась. Если бы ты зналъ, какъ соскучилась я по тебѣ, по твоимъ жгучимъ чернымъ глазамъ. Гдѣ ты сейчасъ, мой ненаглядный? Думаешь ли обо мнѣ? Не забылъ ли? Милый Ваня, я сосчитала всѣ дни до нашего пріѣзда въ станицу, сдѣлала календарикъ и каждое утро зачеркиваю въ книжечкѣ и отрываю одинъ листикъ”. . . Дальше слѣдовали наставленія: на казачекъ не заглядываться, беречь здоровье, не ѣздить по ночамъ, письма писать ежедневно утромъ и вечеромъ, а посылать сразу въ одномъ конвертѣ. “Если не разлюбилъ — просьбы эти исполнишь. Карточки твои, какъ только будутъ готовы, вышлю немедленно, а себѣ оставлю четыре: одну на столикъ, другую повѣшу надъ кроватью, третью спрячу съ нашимъ ландышемъ, а четвертая всегда будетъ со мной. Папа собирается въ Тифлисъ по очень важнымъ дѣламъ одной нефтяной компании.

Крѣпко на крѣпко безчисленно тебя цѣлую и крещу на ночь. Цѣлую мамочку.

Твоя навсегда и только твоя Валя.

Р. С. Крѣпко, крѣпко цѣлую. Т. В.

Лукинъ нѣсколько разъ перечиталъ письмо, затѣмъ сѣлъ за письменный столъ, и все время, пока писалъ отвѣтъ, въ глазахъ его стояла прекрасная Валя.

VIII

Первое время по возвращеніи изъ Благодатнаго Лукина смущала мысль о Дунѣ. Встрѣча съ ней ему грозила бурей. Однако, Дуня, имѣвшая довольно точныя свѣдѣнія о голубыхъ письмахъ изъ Благодатнаго, наружно была спокойна. Постепенно работа взяла ее въ крѣпкія шоры. Бѣлкой въ колесѣ вертѣлся также Лукинъ, рѣшившій къ пріѣзду гостей хотя бы на половину справиться съ покосами. Домой онъ заглядывалъ изрѣдка, ночуя больше въ степи или въ аулѣ. Только однажды, по настойчивой просьбѣ матери Лукинъ нѣсколько задержался дома, чтобы взглянуть на виноградникъ, гдѣ пололи траву женщины.

Первое, что онъ увидѣлъ, затворивъ садовыя во-

рота, это узелки съ одеждою рабочихъ, разложенные на лапась.

По рядамъ, подъ дружные удары мотыгъ, разносились пѣсни. Лукинъ, услышавъ голосъ Дуни, на мгновеніе смутился. Однако, взявъ себя въ руки.

— Богъ на помощь! — громко поздоровался хозяинъ, зайдя съ тыла.

— Ай, мама! — взвизгнули казачки, и тотчасъ двѣ дѣвки кинулись въ кусты.

Во избѣжаніе загара, лица у всѣхъ были закутаны платками.

— Иванъ Петровичъ! Уходите отсюда! Пойдите съ лапаса, слушайте! — закричала Дуня.

— Нѣтъ, простите. Съ вами поработаю.

— Ай, мамушки, мамушки! Глядите на него, — вскрикнула Анета.

Руки задергали, по сухой землѣ дружно застучали мотыги. Глаза лукаво засверкали въ сторону есаула. Пройдя нѣсколько шаговъ, Мотыка остановилась и посмотрѣла на сосѣда.

— Кумъ, — крикнула она, смѣясь.

Лукинъ оглянулся.

— Ый! Бабочки! Посмотрите, родныя, какъ траву онъ чиститъ! Ноги себѣ отрубите... Посмотрите, что липучки загребъ!.. Мамушки, милыя, онъ ее землей покрываетъ! — казнила бѣдовая баба.

— Гм! Гм! — несло со всѣхъ рядовъ.

— Ваня, брось бабью работу, пойдѣ на лапась, а мы тебя свеличаемъ, — крикнула подъ тяпанье тетка Таня.

Чтобы не смущать работниковъ, Лукинъ пошелъ по саду, любуясь длинными шахматными рядами зеленого винограда. Казалось, чья-то щедрая рука усыпала кусты наливающимися гроздьями.

“Какъ ходилъ ко мнѣ прежде голубчикъ,

Онъ гуторилъ, меня веселилъ,”

запѣла Дуня

“А теперь онъ съ другой спознался,

Сталъ меня онъ, младенецъ, забывать.”

подхватили остальные.

“Подъ окномъ сижу да гадаю,

Слезы льются...”

пѣли всѣ, пока Лукинъ приманивался подъ навѣсомъ.

— Бабы, бабы! Давайте его свеличаемъ! Танечка, какъ ея очеству? — крикнула Мотыка.

— Алексѣвна! — отозвалась жена дяди Пахома.

“Ты заря, моя зоренька,

Заря утренняя, вечерняя” —

запѣла Анета,

“Высоко заря поднялася,

Выше лѣса, выше темнаго,”

подхватили другія.

“Выше облака высокаго.

Тутъ ходила, погуливала

Молода душа боярышня

Валентина Алексѣвна.

Она бужила, пробуживала

Своего ли друга милаго,

Что Ивана Петровича:

Ужъ ты встань, проснись, милый другъ,

Погуляй со мной, боярышней,

Съ Валентиной Алексѣвной...”

И, ударивъ дружно въ ладони, онѣ начали плясать, приговаривая послѣдніе стихи.

— Подари! — пискнулъ бабій голосъ.

— Пятьдесятъ! — крикнулъ въ отвѣтъ хозяинъ.

— Спаси Христось! — отвѣтило нѣсколько голо-совъ. Свеличали снова.

— Кумъ!? — донесся голосъ Мотыки.

— Что? — полетѣло обратно.

— Нынче садъ чистоганомъ кончимъ!

— Ладно, помолимъ, только, чуръ, условіе: меду нѣту въ лавкахъ, куплю сладостей да гармонию!

— Дуня будетъ играть, — закричали бабы.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, — отказалась та рѣшительно.

— Я потырлыкаю, — заявила тетка Таня.

— Еще уговоръ: если опоздаю, чуръ — не расходиться, гуляйте, пока съ покоса не пріѣду. До свиданья!

“А мой миленькій хорошъ,
Чернобровъ, душа, пригожъ...”

почти до самой станицы вилась надъ Лукинымъ веселая пѣсня.

— Невѣста, Иванъ Петровичъ, пріѣзжаетъ? — отворивъ дверь на стукъ Лукина, подмигнувъ лавочникъ Петро.

— Какой тамъ, Петръ Федотычъ! Другая музыка была бы. Сады кончаемъ...

— Жалко, темнаго медку нѣтути къ такому случаю, — приговаривалъ солдатъ, заворачивая “Итальянку”, мѣшокъ конфектъ и пряники.

Ночью, когда Лукинъ возвратился изъ аула, среди двора, за тѣсно сдвинутыми столами, весело и громко разговаривая, ужинали казаки и казачки.

— Ну, Иванъ Петровичъ, и намъ съ тебя магарычъ! Четыре такихъ стога выбухали, страшно смотрѣть. Шапка валится, — встрѣтилъ его Демьянъ, протягивая чашку. Лукинъ снялъ шапку, перекрестился, поблагодарилъ рабочихъ и выпилъ за ихъ здоровье.

“Долина моя, долинушка”,
запѣлъ густымъ баритономъ Демьянъ, черпая изъ ведра чихирь, —

“Долина моя широкая.

Какъ надъ этой, надъ долиною,

Туманъ, братцы, разстилается,

Какъ съ-подъ этого тумана

Солнце, братцы, выкатается...”

соединившись, голоса всѣхъ дружно неслись вверхъ.

Работая челюстями, ногойцы надъ своимъ столикомъ посмѣивались надъ загулявшими.

“Я по сѣничкамъ ходила, я по новымъ”,

запѣла Дуня и вышла плясать,

“Я по новымъ, по лазоревымъ,

Не нашла себѣ другого

Супротивъ своего милого...

подхватили всѣ остальные.

Разведя на двое бороду, съ высоко поднятыми и широко разставленными руками, выскочилъ за ней Демьянъ. Въ это время заиграла гармонія. Всѣ стали въ кругъ и ударили въ ладони. Ногойцы влились въ хоръ. Учтя моментъ, кошки мигомъ принялись за ногойскій ужинъ.

— Ай, бабы! Кунаки еще не плясали! — спохватилась Мотыка и впиалась въ рукавъ Аипа. Рванулъ, парень, не тутъ-то было! А гармонія подскиваетъ! И, приплясывая, она потащила жертву на средину круга. Улыбнувшись, показалъ бѣлые зубы Аипъ и, переваливаясь, пошелъ за бабой.

“Ужъ вы, куры мои,

Куры да вы кочеточки!

Гой-да золотые,

Куры, у васъ гребешечки!

Гой-да, что жъ вы, куры,

Да вы рано прокричали?

Гой-да, моему милому,

Куры, вы спать не давали...”

поздно ночью раздавалась пѣсня за воротами Лукина.

— Какой спать? — На покось пора. Мы скоро тронемся, а ты отдохни. Намъ не привыкать, — рассуждалъ Демьянъ, стоя съ есауломъ въ сторонкѣ, —

надо, Иванъ Петровичъ, торопиться. Хоть бы послалъ Господь управиться. Душа болитъ, не успѣемъ. Война помѣшаетъ. Слышишь, что творится по городамъ? Для кого, думаешь, собирается красная армія? Аипъ, Мурза! — крикнулъ онъ работникамъ, покуривавшимъ за калиткой, — скорѣй дрыхайте да съ пѣтухами косить... А ты, Иванъ Петровичъ, отдохни, твоя работа скоро придетъ. А поторапливаться надо... Косу тебѣ отбилъ — за мое почтеніе. За службу-то не разучился?

— Давненько было. Впрочемъ, въ Австріи иногда ради удовольствія, приходилось, — отвѣтилъ Лукинъ.

— То — удовольствіе, а то — работа... Завтра экзаментъ держать придется, — попрощался казакъ.

IX.

Жаркій іюньскій день. Отъ опушки лѣса пробѣжить, играя, вѣтерокъ, освѣжитъ потныя спины вереницы косцовъ и порхнеть невидимкой обратно. Вотъ, съ громкимъ тордоканьемъ вылетѣлъ фазанъ изъ-подъ самой косы Демьяна и опустился почти на сажень.

— Иванъ Петровичъ! Пора Султанкѣ чай грѣть, да козла готовить, — говоритъ онъ, вытягивая изъ-за пояса оселокъ.

Жжив! Жжу! — пропѣла коса Лукина и засверкала подъ брусомъ. Пройдя рядъ, косцы остановились, и завизжала сталь, играя подъ солнцемъ.

— Султанъ, иди на кухню! — крикнулъ есауль, поправивъ соломенную шляпу. Кривоногий ногоецъ ту же стянулъ на головѣ ситцевый платокъ, взмахнулъ косу на плечо и, переваливаясь уткой, зашагалъ къ длинному фургону, растянувшемуся въ тѣни приземистаго дуба.

— Какъ спина? — засовывая оселокъ, весело крикнулъ Демьянъ.

— Слава Богу, больше не отваливается, — бодро отозвался Лукинъ, — однако, съ обѣдомъ припоздали: въ животѣ революція! — поглядывая на прожигающее насквозь солнце, громко рассуждалъ хозяинъ. — Османъ, завтра свою бабу сюда тащи, она всѣхъ вкуснѣе чай варить! — крикнулъ онъ маленькому черномазому ногойцу. Тотъ улыбнулся, блеснувъ бѣлыми крѣпкими зубами.

— Господи, благослови! — перекрестившись, громко вымолвилъ Демьянъ, начиная новый рядъ.

— Жжив! Жжу! — запѣла его коса, легко и свободно ныряя въ травѣ. Идя слѣдомъ, Лукинъ зорко смотрѣлъ впередъ, но все-таки напоролся на кочку.

— Эхъ, посмотрѣла бы Валя! — мелькнуло у него. — Скоро увидить, — шепнулъ внутренній голосъ, заиграла кровь, быстрѣе забилося сердце и свѣжій потокъ силъ помчался по жиламъ... Яснѣй послышалась пѣсня косы и, постоявъ, трава легла густымъ, причесаннымъ рядомъ.

— Надо сегодня полянку кончать, послѣзавтра сложить копна, а тамъ и Троица. Въ субботу за дубками, — доносился голосъ Демьяна.

— Сегодня, пожалуй, не успѣемъ.

— Кончимъ, Иванъ Петровичъ! Отдохнемъ послѣ обѣда, потомъ ты — въ аулъ, а я поднадавлию...

Между тѣмъ дымокъ рѣзко вился, прихотливо переплетаясь въ воздухѣ, и таялъ на фонѣ опушки. И вотъ, косцы гуськомъ потянулись къ подводѣ. Впереди шелъ Демьянъ въ обѣденной теленкомъ соломенной шляпѣ. Медленно поворачиваясь на солнцѣ, косы, какъ змѣи, сверкали острыми жалами. Совершивъ омовеніе, ногойцы кляли на потникахъ и бешметахъ намазъ, а казаки, помолвившись, вымытыми пятернями расчесывали бороды и размѣщались на войлокѣ. Скоро въ серединѣ задымился котель.

— Помолите, Иванъ Петровичъ, сѣна на двѣ зимы хватитъ. Слава Богу, двадцать паевъ. Чай, денегъ что убухали, — говорилъ Демьянъ, напуская изъ ведернаго боченка чашку чихиря.

— Ничего не хочу — пожить по человечески. Надо было спрашивать и отчеты давать. Слава Богу, — приложился Лукинъ и передалъ по солнцу.

— Нынѣшній трава, дѣдушка Лавронъ говоритъ, со всѣхъ годовъ каймакъ, — сказалъ Аипъ, нарѣзая хлѣба.

— Дай Богъ! — пожелалъ Абій, наливъ изъ боржомной бутылки стаканъ чапы (вареный виноградный сокъ).

— Якши ёль! — въ одинъ голосъ отвѣтили казаки.

— У тебя, Карпо, садъ, кажется, со всѣхъ православныхъ. Некаца, листа за кистями уже не видно: таркалы, говорятъ, падаютъ, — повернулся рыжебородый Пахомъ къ Карпу, трудившемуся надъ козлиной головой.

— Садъ, какъ на выставкѣ. Глаза разбѣгаются. Только лозей больше, чѣмъ свиней въ станицѣ, свища не хватаетъ.

— Что же, Иванъ Петровичъ, дома на чихирь почти не смотришь, а тутъ подъ корешокъ...

— Честное слово, дядя Демьянъ, на покосѣ онъ куда пріятнѣе шампанскаго; а козелъ — натуральная индѣйка! Въ городахъ люди аппетитъ покупаютъ, скачутъ за границу, разыскиваютъ его по разнымъ курортамъ, а, между тѣмъ, этотъ господинчикъ дома подъ кустикомъ сидитъ. Стоитъ только хотя бы походить по лѣсу или покосу, вмигъ найдешь его, голубчика. Да еще какъ! Самъ къ тебѣ прибѣжить, взмолится: милый, дяденька, вотъ, — дескать, — я... — разсуждалъ Лукинъ, пока Аипъ у горна наливалъ калмыскаго чая... Карпо потягивалъ собачью ножку, а ногойцы, чмокая, раскуривали черныя трубки.

— Ты чего, Федька? — уставился Демьянъ на подѣхавшаго босого сынишку.

Мальчикъ молча полѣзъ въ шапку и протянулъ Лукину голубое письмо.

— Я, тятенька, корову нашелъ. Она въ тыну застряла. Одни уши да башка торчатъ изъ Лебяжьего озера. Вчера не пришла, а маменька взяла у тетѣ Степѣ кобылу; искать меня посылала, думала, нынче вы тоже ночевать на покосѣ будете, — макая хлѣбъ въ чашку кислаго молока, доложилъ казаченокъ.

— Какъ будемъ, Иванъ Петровичъ? — спросилъ Демьянъ, выплескивая остатки чая.

— Ёдемъ выручать, — читая письмо, бросилъ тотъ.

— Ставлю, ребята, магарычъ — ведро чихиря!

— Чего тамъ! На Троицу отдохнемъ, — отвѣтили казаки, поднимаясь.

Ногойцы разостлали высохшіе потники, положили въ головы сѣдла... и задремали.

“Милый мой, Ванечка!” — третій разъ перечитывалъ Лукинъ письмо, слѣдуя за Феей рысью за фургономъ: — “я такъ соскучилась! Осталось какихъ-нибудь полмѣсяца до нашей встрѣчи, а мнѣ кажется, цѣлая вѣчность! Не правда ли, милый, — одинъ день ожиданія длиннѣе года радости?! Если бъ ты, родной, видѣлъ, какъ я похудѣла. Нигдѣ не бываю, никого не вижу, все такъ надоѣло! Надя и Коля навѣщаютъ меня ежедневно. Вчера получила твое милое письмо, цѣловала его, наизусть выучила. Знаешь, родной мой, всѣ твои вѣсточка я читаю и перечитываю у себя въ садикѣ; тамъ въ бесѣдкѣ никто не мѣшаетъ... Гордость моя, ты пишешь, что сталъ чернѣе котла, а если бы ты видѣлъ, какъ я поблѣднѣла! Видимо, какъ хорошо у васъ въ станицѣ и какая мертвящая тоска въ городѣ! Словно, люди здѣсь опротивѣли другъ другу. Пиши, милый, каждый день ради меня, себя и нашего будущаго счастья. Два дня не было писемъ. Я бродила, какъ полоумная. Каракули, что писалъ на Мюридѣ, я цѣлую каждый день... Съ остальными письмами онѣ спятъ подъ по-

душкой... Какъ милы и трогательны твои заботы къ нашему пріѣзду. За это лишнихъ много, много разъ тебя цѣлую...” — ушелъ Лукинъ въ письмо, не замѣчая ни фургона, набитаго вѣтвями, ни казаковъ, которые, дѣловито разговаривая, бросали на него изрѣдка взгляды.

— Осенью женится, на Переселеньяхъ говорятъ, — шепнулъ Демьяну Карпо.

— Надежда Петровна проговорила — засваталъ, а на счетъ свадьбы — молчекъ, — отвѣтилъ тотъ, поглаживая бороду.

— Но - но, любезный! — покрикивалъ Пахомъ, хлопая возжами.

Вдали блеснулъ серебряный ликъ соннаго озера. Все ближе придвигалась желто - зеленая стѣна камыша. Вотъ надъ водой обрисовалось два рога, словно шепчущіеся черные полумѣсяцы, и голова съ оттопыренными ушами...

— Тпррр! — натянулъ возжи Пахомъ... Федя дрыгнулъ въ воздухъ и, вмигъ очутившись на землѣ, сноровисто спуталъ кобылицу за ногу. Не успѣла корова оглянуться, какъ голые казаки тянули ее къ берегу.

— Рразъ! — скомандовалъ Демьянъ. Всѣ нажали плечами. Черная спина показалась надъ поверхностью, разгоняя по озеру широкіе круги.

И вотъ, почувствовавъ твердую почву, корова вскочила на ноги, дико, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, необычайно жалобно замычала, оглянувшись, какъ бы благодаря спасителей, и понеслась въ станицу.

— Страшнѣе чорта! Дѣтвору на улицѣ перепугаетъ, — молвилъ, обмываясь, Демьянъ.

— Бѣдный телочекъ, тятенька, весь исплакался, — пожалѣлъ дружка Федя, натягивая штанишки...

— Ёдемъ въ аулъ, — предложилъ Лукинъ, вскакивая на Мюрида.

— Айда, дядя Ваня! — закричалъ восторженно мальчикъ, запрыгали глазки и по ногѣ онъ кошкой взобрался на кобылицу...

Всадники пошли рысью. Долго они ѣхали, протрачивая тропинки на голомъ пескѣ и покачиваясь надъ душистыми пестрыми долинами. Вотъ тучкой комаровъ взвился за бугромъ дымокъ, высунулся верхъ, потомъ закопченная шапка кибитки, второй, третьей. Встрѣченные лаемъ выскакивавшихъ со всѣхъ сторонъ овчарокъ, они въѣхали въ сонный аулъ. Палка прибѣжавшаго Ильеса остудила собачій темпераментъ. Черезъ нѣсколько минутъ гости пили въ кунацкой чай, кушали свѣжій сыръ подъ хрустъ румянаго чурека. Вѣтерокъ задорно танцевалъ въ приподнятыхъ подолахъ стѣнныхъ войлоковъ... Было прохладно. Тянуло ко сну, какъ на дно волшебнаго озера. Смотрѣлъ, смотрѣлъ Лукинъ на сбившуюся въ сосѣдней лошадкѣ подъ тугими и осинами отару овецъ и не замѣтилъ, какъ острый ловецъ - дрема завела его въ свои сѣти. Федя шмыгнулъ наружу. Когда Лукинъ очнулся, солнце приближалось къ порогу, переступивъ который все погружается въ царство тьмы, все пріобщается таинству смерти и грядущаго воскресенья.

Опершись на локти, Лукинъ черезъ распахнутыя дверцы пристально наблюдалъ за игрой Феи съ ногойчатами. Надъ степью леталъ вѣтерокъ, остужая раскаленные головы песчаныхъ бугровъ...

Точно опохало, заколыхался дымокъ, отгоняя комаровъ отъ кибитокъ. Покачиваясь въ сѣдлахъ, со всѣхъ сторонъ подѣзжали ногойцы. Слѣзая, они разсѣдывали, посыпали спины пескомъ или обливали холодной водой изъ куагановъ и пускали лошадокъ на волю. Затѣмъ, совершивъ омовеніе, клали степенно намазъ и послѣ чая, кто съ войлочкомъ, кто съ коврикомъ, шли на травку подъ самый высокій бугоръ... Здѣсь большинство запыхтѣло трубками. Потекли новости дня.

— Кечь якши бусун! — поздоровался Лукинъ, подошедшій съ Мурзою.

— Сабуль, Ваня, сабуль! — отвѣтили кунаки почти одновременно, кивая головами и, потѣснившись, освободили подошедшимъ мѣсто.

— Олтуръ, Ваня! — пригласилъ высокій сѣдой Наипъ, важно выпуская клубъ дыма. Мурза кинулъ коврикъ, и они опустили. Лукинъ быстро заговорилъ по ногайски, отвѣчая на самые разнообразные вопросы, не исключая политическихъ. Ногайцы высказывали большое уваженіе генералу Корнилову, однако, предстоящая свадьба Лукина поглотила ихъ цѣликомъ. Когда же они узнали, что Валя — дочь извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго, нѣсколько разъ во время сессій удачно защищавшаго ногайцевъ, — послѣдоваль взрывъ восторга.

Здѣсь было рѣшено по случаю свадьбы устроить скачки... Уже заранѣе всѣ присудили первый призъ Мюриду. Подѣлившись послѣдними новостями, Лукинъ нанялъ нѣсколькихъ класть копна, напился чаю и собрался ѣхать. Мурза потянулся посадить Федю.

— Я самъ! — крикнулъ мальчикъ и такъ энергично запротестовалъ ногами, что ногайцу пришлось отказаться. По старой тропинкѣ забрался Федя. Сопутствуемые пожеланіями счастливаго пути, они псѣхали въ станицу. По всему аулу ногайки доили коровъ, лизавшихъ привязанныхъ телятъ. Собаки съ рычаніемъ лакали сыворотку изъ деревянныхъ корытокъ. Ночь, какъ безконечная черная шаль, постепенно окутывала землю.

— Понравилось, Федя, въ аулѣ? — спросилъ Лукинъ, отмахиваясь вѣточкой отъ комаровъ.

— Я у нихъ, дядя Ваня, самый первый силачъ. Я большого самага — Митьку повалилъ. Мы схватились съ нимъ на борка. Онъ подложилъ кулакъ и давай давить мнѣ спину, а я ему. Я ка-акъ давну, ажны у меня искры изъ глазъ посыпались. Да ка-акъ дамъ подъ ножку! Онъ бацъ на землю. Потомъ вскочилъ и говоритъ вродѣ: если ты сильнѣй, давай еще разъ! Только я его обхватилъ, хотѣлъ надавить, чтобы искорки разгорѣлись... Какъ онъ хватъ меня за ногу! Чуть штанину не спустил! Я за нимъ на одной ножкѣ прыгъ, прыгъ по воробыному и трахнулъ башкою о песокъ. А Сашку и Митьку я правымъ мизинчикомъ сразу уберу. Мы съ Митькой — два первыхъ силача въ аулѣ.

— Откуда Митька? Того ногайченка, я знаю, Саидомъ зовутъ.

— Это, дядя Ваня, по ихнему, а по нашему, я имъ сказалъ: ты будешь Митька; ты Сашка — среднему; а толстому маленькому: а ты — Мишка... Израдовались... и почали мы въ абрековъ играть, потомъ на тройкѣ кататься. Первымъ я правилъ, Митька въ кореню скакалъ, какъ рогаль.

— А ящерицъ много наловили?

— Онѣ нынче, какъ молоньи сверкаютъ, мы въ другой разъ...

— А ты ночью не боишься ѣхать?

— Я, дядя Ваня, отродясь ничего не боюсь... Страшно только въ потемкахъ на задній дворъ ходить — тамъ вѣдьмы коровъ доятъ. Да по теткиной Ульякиной улицѣ не хожу: у ней Кабыздохъ злой, нагдась Пашку дяди Крисанкина за ногу укусилъ, — какъ можно громче, говорилъ Федя.

Х.

Было совершенно темно, когда они пріѣхали. Только звонкое ржаніе жеребенка да лѣнивый лай собаки колыхали ночную завѣсу.

Еще черезъ заборъ Лукинъ увидѣлъ ужинавшихъ казаковъ и ногайцевъ. Въ чаяніи подачекъ кошки разгуливали между столами. Отворивъ съ сѣдла калитку, Лукинъ пропустилъ сперва Федю, потомъ вѣхалъ самъ.

— Слышите, Иванъ Петровичъ, Изюмскую большевики обложили мукою да скотомъ. На броневикахъ

за данью пріѣзжаютъ, въ Болотный все волокутъ да Генеральскую да Нагорную безоружили. Говорятъ, вozy берданъ забрали. Пятizarядки-то казаки припрятали. Скоро, пожалуй, доберутся и до насъ, — сообщилъ Демьянъ, посылая ложку въ молочную лапшу.

— Кто передалъ? — насторожился Лукинъ.

— Сосѣдка Ваша вечеромъ прибѣгала, только изъ города пріѣхала. На базарѣ, будто, чуть война не споднялась. Красноармейцы, значитъ, кинулись оружію отбирать, а казаки зарядили винтовки, бабъ, дѣтей на подводы и маршъ. Тѣ впереди, а мужчины за ними, фронтомъ прикрываютъ. У Микитки Сазана бердану все — таки отняли. И шутъ его занесъ въ городъ съ общественнаго участка. Теперь нашъ хлѣбъ съ таякомъ (палка) караулимъ!

Пахомъ съ Карпо въ это время усердно опустошали тарелки.

— Завтра, Иванъ Петровичъ, безпремѣнно надо все въ копны сложить. Орлиный кончили, до ночи косили, — продолжалъ Демьянъ.

— Рабочихъ, надѣюсь, хватить. Утромъ отправлюсь на Мальчикѣ сгребать старое, а нынѣшнее къ полудню доспѣетъ, — разсуждалъ вслухъ Лукинъ.

Въ это время стукнула калитка.

— Добрый вечеръ, — сложивъ руки на груди, поклонилась Анастасія Петровна.

— Садись, тетя, ужинать да разсѣй насъ хорошими хабарами.

— Хорошее, дѣтка, съ Россіи споднялось да улѣтѣло, — отвѣтила она, подсаживаясь къ племяннику. — Начальникъ конторы передалъ, будто на Жаркую и Благодатный поѣзда завтра не пойдутъ. Получилъ, грить, сообщеніе отъ телеграфиста изъ Радушной. Одна бѣда по землѣ теперь разгуливаетъ, Ванюшка! Вотъ, всѣ новости. Какъ, соколъ, покосы?

— Покосы? Покосы-то, слава Богу, успѣли бы убрать. Твоей коровѣ съ вдовьяго пая на двѣ зимы хватить. Тетя Настя, выпей за здоровье Валентины, — дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ Лукинъ. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ сидѣлъ блѣдный съ тѣсно сжатыми губами. Выдержавъ первый ударъ, Лукинъ подошелъ къ привязанному за фургонъ Мюриду, нѣжно потрепалъ его и отправился къ начальнику конторы. На голосъ есаула Петръ Афанасьевичъ выскочилъ въ калошахъ на босу ногу.

— Вотъ, прочитайте сами, — подтвердилъ онъ телеграммами сообщеніе тетки Насти. — По телефону только что передавали о столкновеніяхъ казаковъ съ красноармейцами въ городѣ Пыльномъ и на станціи Жаркой. Съ обѣихъ сторонъ есть убитые, — добавилъ чиновникъ.

— Нечистый духъ, анафема Лаврушка! — Раздирали глотки, кричали съ каторжникомъ на всѣхъ перекресткахъ — самосудомъ тебя! — а теперь хвосты прижали, шапки на глаза нахлобучили, арестанты треклятые! — встрѣтила его тетка.

Лукинъ прошелъ въ кабинетъ, гдѣ уже горѣла лампа.

— Благодатный отрѣзанъ. Пробраться за Валею можно только черезъ Ингушетію. Не отправиться ли завтра? А вдругъ въ станицахъ вспыхнетъ возстаніе? Изюмская — послѣдняя капля въ чашу терпѣнія. Пройдутъ гладко ближайшіе дни, ѣду съ Измаиломъ. По Чечнѣ онъ проведетъ, а Ингушетію за два дня проскачу съ Османомъ. Богъ дастъ, съ нимъ выкрадемъ! — разсуждалъ Лукинъ въ глубокомъ креслѣ. Затѣмъ онъ поцѣловалъ карточку Вали, досталъ изъ стола ея письма и жадно принялся ихъ перечитывать.

— Ты бы, дѣточка, лучше завтра не ѣздила! Посмотри, какъ разстроился, — осторожно попросила мать.

— Наоборотъ, мама. Разбуди до пѣтуховъ. Молока выпью и съ Богомъ. За работой день пройдетъ незамѣтно...

**

— И чего ты, Иванъ Петровичъ, мучаешься? — попенялъ Демьянъ на слѣдующій день послѣ обѣда. — Кончилъ сгребать, отдохни. Съ копнами рабочіе сами справятся.

— Представь себѣ, дядя Демьянъ, чѣмъ больше днемъ слѣлаю, тѣмъ я вечеромъ веселѣй.

— Такъ-то оно такъ, Иванъ Петровичъ, безъ работы хоть руки отруби, а все-таки по нуждѣ — она проклятая, конца края ея не видно.

— Но за то королемъ ходишь, когда у тебя хлѣбъ колышется подъ вѣтромъ, точно волны гуляютъ по Тереку! А взять виноградъ въ нынѣшнемъ году? Зайдешь, глянешь — императоръ на парадѣ, — поднялъ Лукинъ навильникъ мелкаго душистаго сѣна.

— Что говорить, въ саду-то я нынче царь, а, какъ подумаешь, — париться на быкахъ по жарѣ за сто верстъ, ѣхать на участки нарѣзные пшеницу убирать, канавы рыть да поить землю, потомъ снова тащиться пахать, а домашность съ дѣтьми бросать на сосѣдей, — тутъ и царство мое разсыпается. Сватъ Тимошка прошлый годъ вернулся съ хлѣба, тамъ половину саранча сожрала, другую захватъ взялъ, а здѣсь — однѣ трубы торчатъ, изъ огня дѣтей едва вытащили. Дома ни за что взяться нельзя. Нынче, по жребію, выпадетъ одинъ кусокъ, завтра — за пять верстъ другой, послѣ-завтра въ чертяхъ на куличкахъ — третій. Точно куций быкъ по просу, мыкаешься, мыкаешься, высуня языкъ, а толку что съ воробья молока! Достанутся репы да терны. Зачѣмъ, думаешь, буду выжигать, одежду рвать, труды да время тратить, все равно, при слѣдующемъ раздѣлѣ перейдетъ въ чужія руки... Отъ этого бурьянъ да колочи никогда у насъ не переведутся. Общинная земля для нихъ мать родная. Безъ нея они давно бы подошли, — изливалъ казакъ накопившуюся горечь, обдергивая копно вилами. — Посмотришь, Иванъ Петровичъ, на мужиковъ или нѣмцевъ колонистовъ, недавно пришли, а станицы съ потрохами купать. Глазъ не смыкаемъ, кожа трещитъ, какъ проклятые, работаемъ, а изъ поршней не вылазимъ. Потому — у нихъ хоть меньше — да своя собственная. а не общинный хомутъ...

XI.

Съ покоса Лукинъ поѣхалъ домой лѣсной дорогой. Всюду бойко стучали топоры, встрѣчались фургоны и повозки съ фуражемъ, сверху котораго, волоча широкимъ хвостомъ вѣтви, лежали дубки. Вьющейся повитью тропинкой выбрался онъ на берегъ величаваго Терека къ тому мѣсту, гдѣ вѣтерокъ разсѣивалъ причудливые узоры. Тѣ же вербы, проѣденныя дуплами, еще шептали древнія сказки, шелестя двуликимъ листьями. Чу! На правой сторонѣ заплакала, заскрипѣла арба!.. Вотъ татарка надрывается, тянетъ пару перегруженныхъ лѣнью буйволовъ, будто вытаскиваетъ застрявшихъ изъ болота... И заковылялъ допотопный экипажъ по самому краю крутого берега. Сидя на передкѣ, мужъ закручиваетъ въ кукурузный листъ табачекъ и поетъ заунывную, какъ дорога, длинную пѣсню... А тамъ впереди подпалинами желтѣютъ камыши... Около Лукина Терекъ отвалилъ краюху берега, и печально стала клониться столѣтняя осина, тревожно зашумѣла гигантскими вѣтвями, усѣянными сотнями гнѣздъ... И вотъ поплылъ зеленый дворецъ... Взвилась съ крикомъ туча разнокалиберныхъ птицъ, запищали тысячи птенцовъ, а Терекъ, баюкая, качается, какъ перышко.

На обратномъ пути Лукинъ обогналъ двухъ рыбалокъ, на спинахъ которыхъ судорожно сворачивали хвосты янтарные сазаны...

— Юдичъ! Два мои! — крикнулъ онъ, обгоняя.

— Занесемъ, занесемъ! — бодро отвѣтили казаки.

Всюду старъ и младъ поливали и мели улицы новыми метлами. Во дворахъ и около воротъ мужчины набоями выбивали дыры и вставляли дубки, старательно притаптывая землю. На сараяхъ благоухалъ свѣжій фуражъ. Станица преображалась: она хорошѣла, какъ сбросившая рабочую одежду молодая казачка, вплетаящая въ косу цвѣтную ленту. Домики, раскрывъ старческіе глазки, смотрѣли свѣжо и весело...

Когда онъ привелъ въ поводу рвавшагося впередъ Мюрида, дворъ еще не былъ взьерошенъ рабочими. Только рыбалка на лавкѣ, около палисадника, ловко снималъ чешую и рѣзалъ на куски сазановъ. Пока казакъ мылъ руки, Надежда Петровна зажарила на примусѣ свѣжій кусокъ... Закусивъ, мужчины вышли. Юдичъ запустилъ деньги въ мошну и, пожелавъ спокойной ночи, отправился домой, а Лукинъ присѣлъ на деревянный брусъ... Мимо, постоянно здороваясь, торопливо проходили съ сосредоточенными лицами женщины. Черезъ нѣсколько минутъ подсѣла сосѣдка, за которой съ красной деревянной чашкой слѣдовалъ внучекъ.

— Филюшка! Бѣжи къ бабушкѣ Аленкѣ, незамай закваски дать.

Мальчикъ пріостановился, посмотрѣлъ на бабушку, съ головы до ногъ обмѣрилъ Лукина.

— И го го! — вдругъ заржалъ и побѣжалъ дальше.

— И го го! — раздалось отвѣтное. Изъ ближайшей калитки выскочилъ другой, и они помчались, мелькая пятками, по улицѣ.

— Корабли-то какіе этотъ годъ надѣлали... Абрамка колтыножка всю недѣлю молоточкомъ стучалъ... Дѣвки всѣ ленты у Петра расхватили. Троицу — то вмѣстѣ провожаемъ съ Надеждой Петровной. А вы съ дѣвками али съ молодыми бабами гулять будете?

— Не знаю, тетя Агаша, вѣроятно, съ вами.

— Ну, съ нами какой интересъ молодому человеку? — улыбнулась она, поднимаясь.

Скоро, потрясая надвигающійся сумракъ, подѣхали дребезжація грабли, за ними, громыхая, остановился набитый травой фургонъ. Послѣ ужина, разсчитавшись и проводивъ рабочихъ, Лукинъ остановился у калитки. Стемнѣло. Какъ со дна океана, смотрѣлъ онъ на звѣзды, при миганіи чуть касавшіяся земли золотыми рѣсницами. Ему казалось, что, переглянувшись, онѣ заговарятъ такъ явственно чисто, что онъ разслышитъ и пойметъ ихъ неземные голоса, узнаетъ о Валѣ.

— Лактюшка? А Лактюшка? — послышался женскій голосъ.

— Чаво? — пропищалъ съ противоположной стороны.

— Ты зачѣмъ воскресную отцовскую шапку, англичанинъ, надѣлъ?

— Мою дѣдушка Юдка снялъ, въ огородчикъ поималъ!..

— Ну, подожди, пострѣленокъ, ижицу пропишетъ!

— Наше время всѣмъ ижицу прописываетъ. Правъ, виноватъ, ложись подъ розги! Можетъ быть, послѣ разберутъ. Провожу Троицу и маршъ. Голову сложу, по Валю вывезу, — твердо рѣшилъ Лукинъ, любуясь звѣздами.

**

Сегодня необычайное оживленіе! На серединѣ площади пляшетъ пестрый хороводъ. Дѣти, словно въ игольные ушки, слятся протиснуться и хоть однимъ глазкомъ юркнутъ на середину. Да какъ и не посмотрѣть туда, гдѣ колышутся паруса четырехъ корабликовъ! На мачтахъ развѣваются разноцвѣтныя шелковыя

ленточки, а на палубах сидят важныя куклы, хоть и изъ лоскутьевъ сшитыя! Въ крошечныхъ жестяныхъ блюдахъ лежатъ передъ ними жареные воробы, пироги съ калиной, ягоды. Всѣ кораблики подъ зеленый цвѣтъ, только палубы сѣрѣютъ, да по бортамъ красныя каемки. Кругомъ нихъ пляшетъ первый женихъ въ станицѣ, чернобровый, писаря сынъ, Тимошка. На немъ чечухевый бешметъ и коричневая черкеска, рукава которой, дѣвкамъ на заглядѣнье, подбиты голубымъ шелкомъ. И на кругъ-то онъ выкликаетъ первую дѣвку въ станицѣ, сосѣдку Лукина, высокую чернобровую Настю. Она-то — по кругу, что по морю лебедь бѣлая, а онъ-то — за ней яснымъ соколомъ! А на груди у нея пузатые бабушкины янтари блестятъ со старинными монетами. Длинные, серебряныя запонки, лѣсенкой, черны шелковый бешметъ, на груди красуясь, стягиваютъ. Широкий поясъ вытканъ изъ золотыхъ нитокъ съ серебряными дорожками змѣйкой. Въ ладони-то бьютъ одна другой краше, одна другой наряднѣе — въ каждую съ маху влюбишься!

Вотъ Настя съ круга вышла; какъ утица охорашивается, а Тимошка уже передъ Мареей такія штучки ногами откалываетъ, что не только она, а сразу бы всѣ такъ и кинулись плясать! А на Марѣ бешметъ голубой изъ бабушкиной юбки, который годъ перешитый, да такъ ладно, что лучше всякаго новаго сидитъ! Глаза прилипаютъ. А вотъ выходитъ на кругъ второй орелъ молодой. Хотя самъ онъ съ горошину, да зато шапка съ колокольню! Величаютъ его “Клещукъ”, хотя батюшка при крещеніи Евлампидоромъ назвалъ. Потомъ третій, четвертый... И всѣ-то они при револьверахъ, или винтовки кому-нибудь подержать даютъ. Гармонистка разогнула колѣно, и лезгинка оборвалась. Какъ молодая роща, зашатался хороводъ. На середину вышла Дуня и подняла надъ головой самый большой корабль; за ней другія бабы взяли остальные, стали въ шеренгу; и вдругъ, развернувшись широкимъ фронтомъ, весь хороводъ съ пѣснями двинулся черезъ затаившую дыханіе площадь. Мужчины, молча, слѣдовали сзади. За станицей, на зеленой травкѣ, тамъ, гдѣ обыкновенно пляшутъ днемъ по праздникамъ, корабли оставились, и снова пошла пьянящая душу лезгинка!.. Лукинъ стоитъ въ кружкѣ за хороводомъ. На немъ темно вишневая черкеска и бѣлые сметаны бешметъ. Чеканнаго золота хозыри съ красивой рѣзбой и кинжалъ съ такой же точно отдѣлкой, привораживаютъ общее вниманіе. А на ногахъ чувяки, и кто только, какой искусникъ ихъ выточилъ! Темно - сѣрая черкеска на Субботинѣ. Кинжалъ, поясъ, хозыри — сплошь подъ серебромъ блестятъ! Большинство казаковъ въ черныхъ черкескахъ, въ которыхъ когда-то церемоніальнымъ маршемъ на парадахъ шеголяли!

Вскорѣ корабли колыхнулись надъ головами, и хороводъ лѣсной дорогой съ пѣснями двинулся дальше. Дѣвки по дорогѣ нарвали цвѣтовъ и свивали на ходу вѣнки. И вотъ, всѣ на берегу раздольнаго, привольнаго Терека! Вѣнки опустились и закрыли корабли. Гармонистка согнула колѣно, и вдругъ зажгла кровь “Наурская”. Раздвинули казаки хороводъ пошире да какъ ударили въ ладоши! Да какъ выскочилъ на середину Лукинъ — сталъ на носки! Да какъ повелъ кругомъ — ожегъ женскія сердца черными глазами, — каждую въ жаръ бросило! Съ одной пляшетъ, а другая “Господи, хошь бы меня выкликнулъ!” — про себя шепчетъ, а сама, бить не бьетъ, глазъ отъ него оторвать не въ силахъ! А если бы не знали, что у него красавица невѣста?! Гибкій, стройный! Эхъ, да что говорить!

За нимъ Субботинъ. Опять Тимошка. Да ужъ не то! Это угли передъ пламенемъ!

“Въ саду дѣвушки, онѣ гуляли

Въ саду травушку онѣ срывали” — запѣла Настя, беря съ корабля свой вѣнокъ.

“И вѣночки плели, плели

Каждая дѣвка для себя” —

подхватилъ хороводъ въ то время, какъ остальные расходились по дѣвичьимъ рукамъ. Продолжая пѣть, дѣвки отошли вверхъ по теченію и одна за другой опустили вѣнки въ воду. Длиннымъ караваномъ поплыли пестрые оракулы дѣвичьего счастья:

“Одна дѣвка середняго роста,

Громкимъ голосомъ она вскричала” —

высоко пѣла Настя.

“Мой вѣночекъ утонулъ, утонулъ,

Значить, злодѣй обманулъ...” —

подхватилъ хороводъ.

Медленно проплывала вереница, глядя на берегъ разноцвѣтными удивленными глазами, и каждому становилось грустно, ибо всякій смутно сознавалъ, что уплываетъ его время, молодость... Поэтому всѣ пристально наблюдали за ними и оторвались лишь тогда, когда послѣдній исчезъ за поворотомъ. Глянули казаки, а уже молодыя бабы корабли вверхъ на воду ставятъ! Гордо, какъ сама Дуня, плыветъ ея всѣхъ впереди. Второй попалъ въ водоворотъ и сразу захлебнулся! Едва успѣли молодухи посторониться, какъ затрещала пальба. Вода забулькала, засверкали на солнцѣ тысячи брилліантовъ. Какъ осы, вонзались пули въ кормы, срывали мачты, сбрасывали все... смерть плясала на палубахъ!.. Заложивъ лѣвую руку за спину, Лукинъ разрядилъ парабеллумъ въ корабль Дуни и, когда исчезла послѣдняя мачта, отошелъ въ сторону, давая мѣсто другимъ. Будто люди, борясь съ волнами, барахтались куклы.

Подосадовавъ, Терекъ разогналъ съ чела морщины, улынулся и махнулъ на хороводъ рукой. И вотъ опять расплескалась пляска!

На обратной дорогѣ, едва бросали пѣть бабы, начинали казаки. Вечерѣло, когда хороводъ, поплясавъ на площади, началъ расходиться.

Почти около cadaго двора, подъ дубками, бабы устанавливали и накрывали столы, возлѣ которыхъ изъ ведеръ съ водой черепахами выглядывали бутылки чихиря. Вскорѣ полки чашекъ и стакановъ двинулись въ походъ, застучали по тарелкамъ ножи, вилки. Медленно широко разливался пиръ, захлестывая станицу. На вѣткахъ замигали фонари, окаймивъ площадь краснымъ ожерельемъ.

И противъ дома Лукиныхъ ключемъ било веселье!

— Телеграмма изъ Благодатнаго, — неожиданно прибѣжалъ, запыхавшись, сынъ начальника конторы.

Всѣ насторожились, слѣдя за выраженіемъ лица Лукина.

“Выѣдемъ немедленно по приѣздѣ папы. Цѣлую крѣпко. Твоя Валя.” прочиталъ онъ, сіяя.

— Дядя Потапъ, гдѣ “Во лузи” играютъ? — село спросилъ есаулъ.

— У свахи Дуньки, — отвѣтилъ тотъ, протягивая племяннику чашку душистаго муската. Въ звонкомъ голосѣ красавицы Лукинъ почувствовалъ жуткую тоску, ея невыплаканное горе. Ему захотѣлось сдѣлать и ее счастливой, хотя бы на мигъ. Взволнованный, онъ отстранилъ руку казака и, какъ бы откликаясь на ея призывъ, запѣлъ за нею:

“Ой, во лузи, тай ще при березѣ

Червена калина”,

— на всю станицу разнесся голосъ Лукина.

“Спорядила молода дивчина

Козацкаго сына”

— дружно грянулъ столъ.

“Спорядила тай ще положила

Въ зеленой дубравѣ

Тай не дала тому казакови

Ни счастья, ни доли,

Только дала тому козакови
Она черны брови”...

— Ура! Ура! Ура! Ну-ка, Анисимовна, еще разъ
поцѣлуй своего дѣдушку...

— Ура! Ура! Ура! — гудѣли подъ дубомъ, за
столомъ отставного солдата.

— Харцъ! Харцъ! — долетѣло съ противополож-
ной стороны. Раздалось хлопанье въ ладони. Приговари-
вая плясовую, задвигались длиннородые казаки, замѣ-
сились тѣни, заплясали Арефьевны, Прокофьевны, тет-
ки, кумы, свахи...

— Ваня! Съѣшь моего пирога. Твой любимый! —
кричала черезъ столъ Степанида Ивановна.

— За здоровье Валентины Алексѣевны! Ура! —
окатилъ площадь Демьянъ.

— Ура! Ура! Ура-а!

— Ты смотри, чуда-то, какая-то! Катку на чужую
сторону, словно ломоть, отрѣзали! — громко выражала
недоумѣние сосѣдка, тетка Агашка.

“Ужъ вы бабочки, бабеночки мои,
Чернобровыя, хорошенькія!

— прибывая въ поднось, начала Степанида Ивановна.

“Да не вы ли меня высушили,
Присушили русы кудри по плечамъ,
Да заставили ходить по ночамъ”...

— заливались у Лукиныхъ.

“Шли съ похода они два героя,
Подходили они ко двору
И просились ночку ночевать”

— свободно выводилъ молодой сочный голосъ изъ пе-
ресѣкавшей площадь ватаги парней.

“Вдругъ ударилъ громъ изъ пушекъ,
Три дня сряду туманъ былъ,
Съ подзаваловъ мы подступали,
Гой, генераль Круковской былъ...”

— пѣла встрѣчная шеренга, двигавшаяся по улицѣ.

“Разлюбезная наша мамаша
Не узнала изъ насъ никого,
Вотъ папаша — пришелъ онъ съ похода,
Я — сыночекъ, домой побывать...”

— разносилась широко пѣсня ватаги.

“Генераль нашъ знаменитый,
Во всей арміи одинъ.
Орденами грудь покрыта,
Отдаетъ такой приказъ...”

— улетала въ темноту пѣсня второго хора, оставляя за
собою широкую дорогу свѣтлыхъ воспоминаній.

Кое-гдѣ сдвинулись сосѣдскіе столы, звуки сгу-
стились. Давно утомились пѣтухи напоминать крыльями
и кукуреканьемъ, что пора расходиться.

Сомкнули вѣки фонари. Заскрипѣли калитки, за-
хлопали двери... Разсвѣтъ вошелъ въ задремавшую ста-
ницу. Проводивъ тетокъ, Лукинъ возвратился домой. На
сараѣ отчаянно храпѣли его работники.

А издали бойко неслась удалая пѣсня:

“Ужъ ты сынъ, ты мой сынъ,
Чего долго ходишь?
Всѣ сосѣди жалуются,
Много škоды робишь...”

Безмятежно заливались три голоса.

“Женись, женись, мой сынокъ...
На врага мнѣ женку?
Есть у меня, казака,
Смуглая бабенка...”

XII.

Вечеромъ слѣдующаго дня, едва вернулся Лукинъ
съ покоса, вошелъ атаманъ. Увидѣвъ его, Лукинъ сразу
почувствовалъ недоброе.

— Общество проситъ, — лаконически доложилъ
Фомищъ.

— Къ намъ на кругъ какой-то скубентъ появился.

Говорить, будто казакъ станицы Пограничной, — при-
бавилъ онъ дорогою.

Точно въ непогоду причаленные къ пристани чел-
ны, колыхались около правленія женщины и дѣти. Всякъ
норовилъ заглянуть въ комнату, послушать, о чемъ ве-
детъ рѣчь прѣхавшій. Вслѣдствіе тѣсноты, Лукинъ съ
атаманомъ принуждены были остановиться около поро-
га.

— Итакъ, граждане станичники, — громко гово-
рилъ студентъ, прижимая рыжую папаху, — озаренные
солнцемъ революціи, мы издревле вольные казаки, за-
кабаленные гнуснымъ старымъ режимомъ, должны ска-
зать всѣмъ, кто только подумаетъ посягнуть на завое-
ванія нашей революціи, даже не сказать, а громко, на
весь міръ, крикнуть: руки прочь! Довольно бѣлопогон-
никамъ ѣздить на казачьихъ спинахъ

— А отъ жалованья почему не отказывался въ
пользу казаковъ? — раздалось изъ угла.

— Мы должны, граждане, — не обращая внима-
нія, несся ораторъ, — подъ краснымъ знаменемъ свобо-
ды, равенства и братства протянуть руки рабочимъ и
объявить войну войнѣ. Казаки царямъ больше служить
не будутъ!

— Мы не царямъ служили, а Россіи. Подъ началь-
ствомъ царя. Мы за Россію кровь проливали!.. — раз-
далось нѣсколько гнѣвныхъ голосовъ.

— Довольно ему... Чего онъ мелеть... Дѣлу мѣ-
шаетъ... — раздался изъ угла прежній голосъ.

— Нѣтъ, граждане станичники, не мнѣ, а буржу-
ямъ довольно пить вашу кровь, довольно контръ-рево-
люціонерамъ держать народъ въ темнотѣ и пожинать
тамъ, гдѣ сѣютъ другіе...

— Господинъ предсѣдатель! Вы спросите госпо-
дина студента, чего они желаютъ? — основательно за-
явилъ Стожокъ.

— Я чего хочу? Я чего хочу? — словно прижатый
пиками волкъ, засверкалъ глазами ораторъ. — Я хочу,
чтобы... — растерянно бормоталъ онъ.

— А мы хотимъ сейчасъ заняться мобилизаціей и
распредѣленіемъ казаковъ по сотнямъ, — перебилъ
предсѣдатель собранія, бравый урядникъ Бурлаковъ, ук-
рашенный двумя георгіевскими крестами. Атаманъ съ
Лукинымъ протиснулся впередъ. Бурлаковъ тотчасъ отъ
имени круга предложилъ Лукину вести собраніе.

— Просимъ! Просимъ! — раздалось со всѣхъ сто-
ронъ. Лукинъ исполнилъ общее желаніе.

— Гражданинъ предсѣдатель, разрѣшите слово, —
не могъ примириться вулканической ораторъ.

— Довольно ему! Когда всѣ разойдутся, пускай
хошь до утра говорить, — понеслись категорическіе
протесты, принудившіе студента покинуть сходы. При
воцарившемся молчаніи атаманъ сообщилъ о получен-
номъ отъ начальства предписаніи выслать завтра одну
конную и одну пѣшую сотню въ станицу Карачевскую.

— Тамъ формируется отрядъ для оказанія помо-
щи возставшей Изюмской. Начальникъ этой группы пол-
ковникъ Семеновъ туда проѣхали утренимъ поѣздомъ
вмѣстѣ со штабомъ. Полковникъ передалъ — торопить-
ся надо, — добавилъ атаманъ при общемъ молчаніи.

— Слѣдовательно, намъ предстоитъ обсудить во-
просъ о возрастахъ, подлежащихъ мобилизаціи, это —
во-первыхъ, а, во-вторыхъ, какъ я понимаю, устано-
вить, кто пѣшимъ будетъ воевать, а кто коннымъ? —
обратился Лукинъ къ собранію.

— Такъ точно! Совершенно правильно! — под-
твердили голоса. Лукинъ перешелъ къ обсужденію во-
проса. Дѣловито и кратко говорили казаки. Въ сосѣдней
комнатѣ работала ремингтонъ и, казалось, будто аппа-
ратъ Морзе выстукиваетъ телеграмму возставшимъ бр-
тѣямъ, чтобы крѣпились, что собирается казачья сила
отъ мала до велика, ржутъ боевые кони, поднимается
бурный Терекъ за поправное право, и скоро засверка-
ютъ пики за честь и достоинство Великой Россіи.

ХІІІ.

Разсыпавшись кружками въ роцѣ, вся станица съ утра провожаетъ конную сотню. Подъ дуплистымъ развѣсистымъ дубомъ пляшетъ хороводъ. Точно чудовища, грѣются на солнцѣ пушки, около которыхъ растянулся фургоны, нагруженный шрапнелями, пулеметами, бомбометами, мѣшками патронъ.

— Кромѣ Малограицено, всѣ остальные на лицо, — доложилъ Лукину Терцовъ, провѣривъ людей взглядомъ.

— Что съ нимъ? — протягивая ковшъ, спросилъ командиръ.

— Кобылица его, господинъ есаулъ, всегда пасется подъ Терекомъ съ гулящимъ скотомъ, а вчера что-то не пришла. Цѣлую ночь все семейство избилось и до сего не нашли, — тутъ вахмистръ нагнулся къ уху: — изъ пѣшей трое убѣжало: плотниковъ да бондаревъ сынъ, а съ ними малолѣтокъ Петька. Навѣрно, эти мужики сманили его въ красную армію, — вращая бѣлками во всѣ стороны, шепталъ вахмистръ.

— За ваше здоровье, господинъ есаулъ, — осушилъ онъ чарку.

— А какъ на счетъ быка, Иванъ Петровичъ? — нерѣшительно спросилъ Демьянъ, едва удалились “глаза и уши командира сотни”.

— Да, захватить! Что же подѣлаешь, коли палъ въ такое время?! — при этомъ, порывшись въ бумажникъ, онъ протянулъ нѣсколько кредитныхъ билетовъ.

— Спаси Христось! Стало быть, до новаго чихиря?

— Нѣтъ, дядя Демьянъ, до лишннихъ денегъ. Понялъ? Митя! — крикнулъ Лукинъ провожавшему брата педагогу. — Атаманъ обѣщалъ отыскать средства для расплаты съ учителями; нѣтъ — я дамъ; послѣ съ обществомъ сосчитаемся, — говорилъ онъ усаживая рядомъ завѣдующаго станичнымъ училищемъ.

— Все сладилось, завтра сразу получать за всѣ прошлые мѣсяцы, — доложилъ подвернувшійся станичный казначей.

Между тѣмъ бутылки во весь опоръ мчались въ станицу и, важно раскачиваясь, возвращались на проводы.

“Броду, бро-о-ду!”

— запѣлъ въ кружкѣ молодыхъ казаковъ Лаврушка и взмахнулъ плетью.

“Брала дѣвка воду,

Для казака коня напавала...”

— дружно подхватили молодые голоса любимую пѣсню есаула.

“Ты, казаче, бравый самъ собою,

Возьми меня на чужбинѣ съ собою...”

— Дядя Демьянъ! Въ пятницу иди на базаръ и, во что бы то ни стало, пришли ко мнѣ подѣ Большой Измаила, — тихо говорилъ Лукинъ.

— На што онъ Вамъ на войнѣ-то? — спросилъ, недоумѣвая, казакъ.

— Знаю, никому не скажешь: хочу отправить его въ Ингушетію, чтобы съ моимъ другомъ выкралъ Валу изъ Благодатнаго. Бильды?

— На покось, стало быть, не поѣду. Если на берегу не будетъ, на каюкъ въ аулъ переправлюсь. Не безпокойся, Иванъ Петровичъ, припилю этого чорта. Какъ такое дѣло имъ довѣряете?

— Вѣрю и баста!

— Положимъ, если Измаилка возьмется, башку сложить, а ее привезетъ... — скосился онъ въ сторону пѣсенниковъ.

“Пыль клубится по дорогѣ...”

— плавно началъ запѣвала,

“Слышны выстрѣлы порой...”

— тутъ Лаврушка взмахнулъ плетью, —

“Изъ набѣга удалого

Ѣдутъ Сунженцы домой...”

— дружно грянулъ кружокъ.

“Много плѣнныхъ и добычи

Ими взято у враговъ,

Ихъ вождемъ былъ воинъ смѣлый

Генераль - майоръ Слѣпцовъ...”

— Смотри, Аксютка, остановитесь коней покормить, — отпуская переднюю и среднюю, не то Васька заподружится, а стремя на лукъ надѣвай: валяться будетъ, не согнетъ, — наставляла внука высокой сѣдой дѣдушка Лукашка, поглаживая сбитаго, доморощеннаго конька.

— Брацинька! Брацинька! Кобыла уздечку переступила, — кричала дѣвочка, дергая за рукавъ высокаго парня, стоявшаго въ хорѣ.

Лукинъ съ учителемъ подошелъ къ хороводу: Едва кругъ освободился, не вытерпѣло сердце есаула! Глядь, а за нимъ Дуня выплыла. Грудь волною вздымается, глаза опустила, только черныя брови двумя тучами то сойдутся, то разойдутся.

— Поцѣлую тебя, какъ начальника моего мужа, — сказала она, внезапно остановившись на серединѣ круга, и быстро прильнула къ его губамъ. — Будешь еще мой! — чуть слышалъ Лукинъ. Кровь ударила ему въ лицо. Мгновеніе царило напряженное равновѣсіе.

— По конямъ! — разрядился есаулъ.

Кружки зашевелились. Казаки кинулись ловить стреноженныхъ лошадей, подтягивали подруги, поправляли сѣдла, приторачивали къ заднимъ лукамъ скатанныя бурки. Лукина окружила толпа родственниковъ. Мать трижды перекрестила его и начала цѣловать. Ни одинъ мускулъ не выдалъ ея глубокаго страданія, но Лукинъ чувствовалъ, какъ болѣзненно билось израненное материнское сердце.

— Не безпокойся, мама! Въ Австріи не убили; дасть Богъ, и здѣсь пуля не тронетъ; говорятъ, я — счастливый, — больше не имѣлъ онъ словъ утѣшить несчастную.

— Въ самый огонь-то, Ванюшка, не лѣзь, — заголосила тетка Настя.

— Безъ бабьяго совѣта, чай, знаетъ, какъ воевать, — оборвала ее Степанида Ивановна.

— На тебя, дядя Демьянъ, вся надежда... Любки уберешь, Федѣ на счастье кобылку потаврю...

— Не бросать же? Тамъ и мои пай, — отвѣтилъ Демьянъ, обнимая есаула.

Лукинъ вскочилъ на Мюрида и поздоровался:

— Здравія желаемъ... го... го... го!.. — потрепало по кудрямъ молодую рощу и покатилося до самаго Терека.

Тяжело вздыхая, печально смотрѣла станица на уходящихъ.

— Все въ рукахъ Всевышняго Творца. Безъ его воли ни одинъ волосъ не упадетъ, — обратился Лукинъ къ провожавшимъ.

— Судьба вырвала изъ нашихъ рукъ вилы и кося, а взамѣнъ дала винтовки и шашки. Простите насъ и благословите, родные. Помните, что сѣдую славу Терскаго войска мы не посраимъ! Правильно я говорю? — повернулся онъ къ сотнѣ.

— Такъ точно. Постараемся, господинъ есаулъ! — залпомъ грянулъ фронтъ.

— Сотня, справа по три! Пѣсенники, справа по шести. Шагомъ маршъ! — зычно командовалъ Лукинъ и, перекрестившись, поѣхалъ въ головѣ колонны.

“Какъ на рѣченькѣ, было, братцы,”

— высокимъ теноромъ запѣлъ урядникъ Урчукинъ, —

“Было на Камышинкѣ,”

— подхватилъ хоръ, —

“Собирались они, сѣзжались,

Они, люди вольные...”

— гулко разносилась пѣсня, взмахивая могучими крыльями, —

“Люди вольные, они безпачпортные:
Все Донскіе, Гребенскіе казаки,
Они со Яицкими.
Атаманъ былъ у нихъ, братцы,
Ермакъ да онъ Тимофеевичъ;
Ужъ онъ рѣчи, говоритъ, братцы,
Ровно какъ въ трубу трубить:
Вы послушайте, ребятушки,
Да вы все подумайте,
Собирайтесь, ребятушки,
Да вы во единый кругъ.
Какъ проходить у насъ, ребятушки,
Она, лѣта теплая,
Наступаетъ у насъ, ребятушки,
Она, зима холодная.
Ужъ мы гдѣ-то, ребятушки,
Зимовать будемъ?
Какъ на Волгѣ быть казаченькамъ, —
Значить, за воровъ намъ слытъ,
На Яикъ итти, ребятушки,
Да онъ переходъ великъ.
Знать, одинъ лишь передъ нами
Да онъ только путь лежитъ:
За высокій Уралъ, ребятушки,
На широкую Сибирь...”

Справа и слѣва прощалась станица на ходу.

— Григоричъ! Григоричъ! Варюшку поцѣлуй! —
кричала низкая, толстая баба, силясь, какъ можно, выше
поднять ребенка. Испугавшись коня, дѣвочка заслонила
личико рученками и заплакала. Обнявъ рукой дражай-
шую половину, саженный Григоричъ расцѣловалъ до-
чурку.

— Смотри, не измѣняй, — крестя мужа, тихо
шепнула казачка.

— Тятенька, тятенька! Я тебѣ въ сумы положилъ
шилду да тесьму, — приговаривалъ съ противоположной
стороны черноглазый мальчикъ. Широкоплечій Урчу-
кинъ ринулся внизъ, схватилъ сынишку и посадилъ его
впереди себя.

— Карпычъ! Завтра поѣдемъ съ нимъ сгребать да
копна класть, а черезъ двѣ недѣли смѣнишься, самъ
стогъ смечешь, — шла рядомъ молодая чернобровая
жена Урчукина.

Карпычъ снялъ шапку, трижды перекрестилъ сына
и, поцѣловавъ, будто на вѣчную память, цвѣтокъ, пере-
далъ матери.

Все дальше уходила сотня змѣйкой по дорогѣ.
Провожавшіе таяли.

“Ѣдутъ, Ѣдутъ козаченьки,
Чуть сбруица видна,
Назадъ, назадъ поглядываютъ,
Тяжело вздыхаютъ.
Остаются наши дома
Молодые жены,
Молодые наши жены
И малыя дѣти”...

— струилась грустная пѣсня.

Уже столбовая дорога изъ виноградныхъ садовъ
плелась по зарослямъ. Изрѣдка вдали мигали серебря-
ными вѣками маленькія озера, напоминавшія чайныя
блюдца.

Выскочивъ изъ кустарниковъ, три казака карье-
ромъ помчались догонять сотню. Вслѣдъ за ними отту-
да вывернулись жены. На серединѣ дороги онѣ остано-
вились, посмотрѣли мужьямъ въ спины и пошли къ
станицѣ, постоянно оглядываясь. Замѣтивъ обернувшя-
гося Лукина, бабы толкнули другъ дружку локтями,
улыбнувшись, потомъ зашагали быстрѣе. Вотъ, между
верстовыми столбами замелькалъ верховой. Чуть при-
вставъ на стременахъ, онъ птицей несся за колонной.

За спиной его мелькалъ сѣрый башлыкъ, напоми-
навшій крылья.

— Честь имѣю явиться, господинъ есаулъ! — от-
рапортовалъ подскакавшій.

— Гдѣ нашелъ, Павелъ?

— У стараго слаза, въ лѣсу стояла привязанная.
Знаю, чья рука...

— Ермишка? — вырвалось невольно у Лукина.

— Обязательно онъ, господинъ есаулъ. Ясно, хо-
тѣлъ за Терекъ сдать. Ѣдетъ, моль, на войну. Останет-
ся баба съ дѣтьми. Куда ей найти?!

— Ермишка, кажется, отправляется съ пѣшими?

— Итти-то идетъ, только ему по жребію выпало
во вторую очередь.

— Но развѣ онъ могъ предвидѣть результаты се-
годняшней жеребьевки? — запротестовалъ есаулъ.

— Иванъ Петровичъ! Вы думаете, ему было бы
больно? Экая бѣда, если мою кобылу волки съѣли! Это
князьку не пройдетъ! — сердито отрубилъ казакъ.

— Ый, цобъ! Цобе! — покрикивали сзади длинно-
бородые возницы, помахивая строптивыми хворостина-
ми.

Словно поднятые невидимой рукой, четырехъ и
восьмиконечный кресты долго благословляли уходящихъ
и, наконецъ, растаяли въ зеленыхъ облакахъ слившихся
деревьевъ.

П. Ергушевъ.

Брокаръ Parfumerie

8, RUE CARDINAL MERCIER, PARIS

ВЕЗДѢ ВЪ ПРОДАЖѢ ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ И LOTION «POLONAISE». Tél.: Louvre 52-14.



THEATRE DES CHAMPS - ELYSEES, 13, AVENUE MONTAIGNE.

Сезонъ Русской Оперы въ Парижѣ

Дирекція Кн. А. Церетели и В. де Базиль.

Репертуаръ отъ 17 - 20 января 1931г.

Въ субботу 17 января:

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ съ Ф. ШАЛЯПИНЫМЪ.

Въ воскресенье 18 января:

Вечеръ - гала балетовъ: КНЯЗЬ ИГОРЬ (Половец. пляски)
Capricio Espagnolea — Римскаго Корсакова
Etude Choreographique, Б. Нижинской (музыка Баха)
Petrouchka — (музыка Сѣрова)

Во вторникъ 20 января:

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ съ Ф. ШАЛЯПИНЫМЪ.

Съ Новымъ Годомъ, Съ новымъ счастьемъ !

Редакция

Вниманію Кубанцевъ

Широко извѣстнымъ въ Зарубежьи оркестромъ балалаечниковъ и хоромъ казаковъ, подъ управленіемъ А. Скрябина, только что наиграна и напѣта новая, 121-ая пластинка № 8786

“Ты, Кубань, Ты наша Родина”.
На обрѣтной сторонѣ:

“Молитва” Шамиля и “Лезгинка”.
Пластинка выпущена въ продажу граммофоннымъ обществомъ Патэ.

Цѣна ея безъ пересылки 22 франка

О безукоризненности передачи настроенія и стиля каждой пѣсни предоставляется судить самимъ слушателямъ. Необходимо отмѣтить виртуозность солиста балалаечника, донца Беоргія Шаблинскаго, “заводящаго” “Молитву Шамиля”, и запѣвалу, кубанца Михаила Кашлакова.

Вышеуказанную пластинку, какъ и всѣ прочія, можно получить во всѣхъ городахъ Европы, гдѣ имѣются агентства Граммофоннаго Общества Патэ ; при невозможности же покупки, адресуйте Ваши просьбы на имя А. Скрябина; онъ Вамъ поможетъ пластинку получить. Его адресъ:

Mr. de Scriabine, 5, rue Bé idor, 5, Paris, 17.

Редакторъ-Издатель Е. Д. Коноваловъ.

Gérant : Mr W. Lerat

Directeur E. D. Konovaloff

Imp. des Travailleurs Intellectuels, 9 bis. r. Bellot. Paris.

(Стороннее сообщеніе). СЛАБОСИЛЬНЫМЪ, НЕРВНЫМЪ, РАНО УВЯДАЮЩИМЪ И УСТАЮЩИМЪ.

Организмъ человѣка остается здоровымъ, и работоспособнымъ до тѣхъ поръ, пока его жизне-творныя железы нормально функционируютъ, насыщаютъ всѣ элементы организма энергетическими и ЦѢЛЕБНЫМИ ГОРМОНАМИ И ВИТАМИНАМИ извлеченными железами изъ пищи и воздуха.

Слабыя железы не могутъ насыщать въ нужной степени кѣтокъ организма энергетическими и ЦѢЛЕБНЫМИ ГОРМОНАМИ И ВИТАМИНАМИ, отчего жизненная энергія организма понижается, кровообращеніе и обменъ веществъ слабѣютъ, и въ организмѣ скопляются яды нарушеннаго обмена веществъ (какъ мочевая, щавелевая кислоты, ураты и пр.), которые отравляютъ и разрушаютъ всѣ ткани, вызываютъ выпаденіе волосъ и разрушеніе зубовъ, причиняютъ слабость, простудныя, артритическія и др. болѣзни, вызываютъ преждевременное увяданіе, старость и раннюю смерть.

Къ счастью, многіе знаменитые ученые доказали экспериментально, что послѣ насы-

щенія слабого или больного организма ОМОЛАЖИВАЮЩИМИ И ОЧИЩАЮЩИМИ КРОВЬ ВЫТЯЖКАМИ изъ жизне-творныхъ железъ молодыхъ животныхъ (какъ КАЛЕФЛЮИДЪ Д. КАЛЕНИЧЕНКО) — восстанавливаются силы и здоровье больного (Профес. Броунъ-Секаръ), и БЫВШИ БОЛЬНОЙ пользуется всѣми радостями молодого и здороваго человѣка ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ДѢЙСТВІЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХЪ И ЦѢЛЕБНЫХЪ ГОРМОНОВЪ И ВИТАМИНОВЪ, содержащихся въ вытяжкахъ (Профес. Карно, Жильбертъ и др.). Это провѣрено и Медицинскимъ Корпусомъ на протяжении уже 30 лѣтъ на многочисленныхъ больныхъ.

МНѢНІЕ БОЛЬНЫХЪ О “КАЛЕФЛЮИДѢ”

(изъ нѣсколькихъ тысячъ отзывовъ).

Г-жа Брокетъ, Роше Тайне, Франція:

“Я болѣла 15 лѣтъ, особенно во время менструаций когда полагала, что настала мой конецъ. Я примѣняла всевозможныя леченія, но безрезультатно. Теперь я помолодѣла и окрѣпла, благодаря КАЛЕФЛЮИДУ”.

П. Сытниковъ, фабрика Дюръ Гранвиль (Маннъ). “Послѣ употребленія двухъ фла-

коновъ КАЛЕФЛЮИДА ревматизмъ исчезъ. Я не могъ ходить, а теперь чувствую себя здоровымъ и работаю”.

Г-жа Шапошникова, 7, рю Пиеръ Верусе, Ліонъ: “Я всегда страдала головными болями, принимала аспиринъ, кальминъ и пр., что временно успокаивало, но потомъ еще больше усиливало болѣзнь. Послѣ леченія КАЛЕФЛЮИДОМЪ моя мигрень исчезла, какъ по волшебству”.

Юсифъ Рейдликъ, 7, рю дю Женераль Кюръ Не лэ Минъ (П. дэ К.): “Я страдалъ 18 лѣтъ коликами въ груди и болями въ желудкѣ, и ничто не помогало мнѣ. Теперь все прекратилось, стало лучше, и я очень доволенъ КАЛЕФЛЮИДОМЪ”.

Безплатно — франко высылаются новѣйшій методъ омоложеніе и леченіе организма.

КАЛЕФЛЮИДЪ находится въ аптекахъ, а гдѣ его нѣтъ, туда высыл. налож. платежомъ.

Требованія направляйте по новому адресу общества:

S-té «KALEFLUID KALENITCHENKO».

49, rue Balagny, Depart.—7, Paris (17).

Въ Югославіи: М. Марковичъ, Бѣлградъ, ул. Краля Милана ном. 10.

ПОРТНОЙ Ф. И. АГЪБЕВЪ

Большой выборъ

английскихъ и французскихъ матерій.

19, rue Tiphaine, Paris 15.

Métro: La Motte-Picquet

РУССКІЙ нотный магазинъ S. A. des Grandes Editions Musicales

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ
22, RUE D'ANJOU, PARIS (8)

Tél.: Anjou 09-26

Требуйте каталоги

Переводъ денегъ въ Россію и продовольств. посылки

Комитетъ помощи голодающ. въ Россіи
Comite Russe de Secours

7, r. du Cardinal-Mercier, Paris (9)

Tél.: Louvre 39-25, Métro: Clichy.

Приемъ исключительно отъ 3 до 7 час.

РУССКОЕ КОНДИТЕРСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВО
Tl.: Ségur 68-27.

„Julien“

25, RUE BOSQUET, PARIS (7).
во дворѣ.
Métro: Ecole Militaire.

извѣщаетъ глубокоуважаемую кліентуру, что, съ установкой специальныхъ машинъ,
КОНДИТЕРСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО РАСШИРЕНО

ПЕЧЕНЬЕ. Просить г.г. кліентовъ заказывать заблаговременно. Доставка на домъ. Телефонъ: Сегюръ 68-27.

КОНФЕКТЫ.

Посылки въ Россію

Съ 1-го января возобновляются нормы.

Чай, кофе, масло сливочное — датское и изъ кипяченыхъ сливокъ, копченое сало, грудинка, малороссійское сало, вестфальская ветчина, колбасы, сыръ, ристъ, мука, крупа, сахаръ, какао, шоколадъ, яичный порошокъ и пр. Всѣ продукты высшаго качества, специально заготовленные для долгаго храненія. Прочная и легкая упаковка. Цѣны продуктамъ очень дешевыя. Посылки тщательно упаковываются и отсылаются нашими служащими при

соблюденіи всѣхъ существующихъ правилъ и нормъ.

При желаніи посылки могутъ отправляться съ гарантіей германской почты, Эти посылки прибываютъ очень быстро.

Въ посылки можно вкладывать разные разрѣшенные вещи, — чулки, носки, бѣлье, платье, обувь и проч. (Образцы чулокъ Этамъ-Берлинъ, можно видѣть у насъ).

P. M. Koussmichoff & Sons

75, AV. NIEL,

PARIS.

11-bis, AVENUE VICTOR - HUGO.

Предупрежденіе: Мы переводимъ деньги на пошлину въ Россію только разрѣшеннымъ путемъ по казенному курсу. Запрещенныхъ переводовъ по дешевому курсу червонца мы не дѣлаемъ, такъ какъ это сопряжено съ очень большимъ рискомъ для получателей въ Россіи.

Варя Ресторанъ Амирани Varia Ласка Laska

30, r. Bosquet, Paris 7. (71, Av. Bosquet). М-о: Ecole-Militaire.

SPECIALITES RUSSES ET CAUCASIENNES.

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ И ВИННО - ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

„ВСТРѢЧА ДРУЗЕЙ“

Открыто до 2 час. ночи.

Встрѣча Русскаго Нового Года

105-bis, Boul. de Grenelle, Paris.

Владѣлецъ П. П. Потеминъ.

113, RUE DE JAVEL, 113.

Варшавская Кондитерская

Métro: Beaugrenelle. Tél.: Vaugirard 11-30.

Посылки и деньги въ Россію

НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

A. GODOVANNIKOFF

36, RUE DIEULAFOY, PARIS (13). TEL.: Gobelins 20-68. Métro: Tolbiac.

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ

ЛУЧШИЙ
ПО КАЧЕСТВУ

Чай

ПОДЪ ФИРМОЮ
Торгово-Промышленного Товарищества
преемникъ

Алексѣя Губкина А. КУЗНЕЦОВЪ и Ко

ASIAT. TRAD. CORP. LTD., LONDON.

53, rue Jean-Jacques-Rousseau, Paris

Главный складъ во Франціи:

(1^{re}). Tél. Richelieu 91-63.

Ресторанъ „СИРЕНА“

9, RUE RENNEQUIN (M-ro: Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 6,50. завтраки, обѣды и A LA CARTE

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана
Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

РЕСТОРАНЪ „ЧАЙКА“

Paris XV. 2, Rue Laure Surville. Métro: Javel.

Цѣны умеренныя. — По четвергамъ пельмени.

Въ субботу и воскресенье блины. — Осетрина.

Кухня изысканная, подъ наблюдениемъ шефа В. С. КАЛИНОВСКАГО.

Ресторанъ Брага

70, rue Sébastien - Mercier, M-ro Beaugrenelle

По субботамъ и воскресеньямъ большая артистическая программа, при участіи извѣстныхъ исполнителей цыганскихъ романсовъ ЕЛЕНЫ ИЛЬИНИЧНЫ НЕВСКОЙ и баритона В. д-АЛЬДЭ.

У роля проф. Страховъ.

Цѣны прежнія.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ КОЛБАСНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ

Chez les Cosaques

48, rue Vercingetorix. Métro: Edgar-Quinet. Tr.: 28. Autob.: AF.

Всѣ русск. и др. продукты. Водки, наливки и ликеры лучш. въ Парижѣ за вода «Garçon russe» Быстрая отправка въ провинцію.

При маг. Домашній ресторанъ. Prix-fixe 6 фр. 50 съ хлѣбомъ и виномъ

Оптовое - Розничное. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ
28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13) M-o Italie. Tél.: Gob 23-08



Рус. водка, запек., спотык., вишневка, рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ. Таранъ Вобла. Хрѣнь. Чай. Требуйте каталогъ. Отправка въ провинц. и загр.

Изящное бѣлье

ГАЛСТУКИ И ПРОЧ. ПРЕДМЕТЫ
МУЖСК. ТУАЛЕТА.

Покупайте по доступн. цѣнамъ.

ВЪ РУССКОМЪ МАГАЗИНѢ

Chemisier

7, RUE FONTAINE (Pigalle).

Téléphone: Trinité 93-63.

Приемъ заказовъ. Русскимъ скидка.

Элегантную и прочную обувь

по доступнымъ цѣнамъ
покупайте въ русскомъ магазинѢ

„РАМО“ (Рашковский)

94, rue St-Antoine. 94, Paris (4).

Tél. Archives 38-26.

Напротивъ метро и церкви St-Paul.
Отдѣленіе: Constantinople: 6, Rue du Tunnel, 6. Nice: 31, Rue de France, 31
Открыто по воскресеньямъ.

Первая Русская - Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, RUE BROCA, PARIS (5).

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умеренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону: Gobelins 24-24.

Стоимость посылки

Можетъ быть уплачиваема по представленіи почтовой расписки объ отправленіи.

Стоимость отправки

упаковки и страховки. — За посылку въ 5 кило — 40 фр. За посылку въ 10 кило — 65 фр.

Стоимость денегъ

переведенныхъ мною начиная отъ 40 руб. изъ расчета дѣйств. стоимости червонца.

МОЖЕТЪ БЫТЬ УПЛАЧИВАЕМА ПО ПОЛУЧЕНІИ ВАМИ ПОДТВЕРЖДЕНІЯ ИЗЪ РОССИИ.

Отправляемая мною посылки приходятъ:

Въ Москву и Петербургъ на 6-10 день. Въ другіе города, мѣст., станции на 10-20 день.

Приемъ порученій ежедневно не исключая праздниковъ и безъ перерыва отъ 9 ч. до 8 ч. вечера лично и по телефону.

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroën.
32-34, rue Marbeuf (Champs-Élysées), Tél.: Élysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Élysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poid-lourd. Cours de mécanique.
Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего гаража, в Булонском лесу и в городе от 8 час. утра до 9 час. вечера на машинах последних моделей, с правым и левым управлением.
Приходите осмотреть наш гараж в 10 этажей, на 1500 машин, самый большой в Париже, в районе Champs-Élysées нашу школу, оборудованную по последнему слову автомот. техники

La Voix Magique

77, Rue de Rennes

Метро: St. Sulpice et Rennes

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МАГАЗИНЪ

граммофоновъ

и

радиоаппаратовъ

На складе большой выбор русских пластинок: русские оперы, Шаляпинъ, Смирновъ, Вертинский, Морфесси, Вьяцева, Плевцкая, хоръ Скрыбина, Платова, Жарова; хоръ Летучей Мыши, квартетъ Кедровыхъ. Въ иностранные пластинки.

Граммалоны и радиоаппараты всѣхъ марокъ.

Заказы въ провинцію выполняются по полученіи стоимости. Каталогъ по первому требованію бесплатно.

Авто-Perfection-Школа

Обучаетъ на машин. послѣдн. моделей
Citroën C4, Renault, Peugeot
LEÇONS D'AUTO

Картъ-розъ съ гарантией
Курсъ такси и механики

Тѣл.: Auteuil 44-11.

Метро: Église d'Auteuil

4, rue Désaugiers, Paris-16.

Открытъ отъ 8 — 20 час.

ДИРЕКТОРЪ В. А. ЮРКОВСКИЙ

Vous trouverez

tous les disques
de toutes les marques
et les derniers succès



PARIS SONOR

PHONOGRAPHE AMPLIFICATEUR

SALONS D'AUDITION:

12, ROND-POINT DES CHAMPS-ÉLYSÉES, PARIS

TÉLÉPHONE: ÉLYSÉES 53-33

ЗАЛЫ ДЛЯ ДЕМОСТРАЦИИ ГРАММОФОНОВЪ

Banque Industrielle du Centre

85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél. Louvre 09-11. Centre 35-67.

ТЕКУЩЕ СЧЕТА И ВКЛАДЫ, БИРЖЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ

СЪ ОГРАНИЧЕННЫМЪ РИСКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССИЮ И ДР. СТРАНЫ

въ кратчайшій срокъ съ предст. обратн. расписокъ. — ПОКУПКА РУССКИХЪ
БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акціи), и страхов. полисовъ.
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Франц. Правительств.
ВЫИГРЫШНЫЕ (съ процентами) БИЛЕТЫ на специальныхъ условіяхъ.

ВЫИГРЫШИ ПО **1.000.000** ФРАНК. ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Цѣна билетовъ отъ 60 до 600 фр. съ полученіемъ ссуды до 80 проц. стоимости
Подробные проспекты и свѣдѣнія объ операціяхъ на Парижской Биржѣ высылаются
по первому требованію; корresp. по-русски.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ

Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,
Pharmacien de 1^{re} classe
63, Bd de Grenelle.
Tram. 25, Aut. AN, AQ.
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовление рецептовъ г.г. русскихъ
врачей. Всѣ русскіе препараты. Патенто-
ванные средства. Парфюмерія. Косме-
тика. Цѣны минимальныя. Исполненіе
заказовъ въ провинцію и за границу, и
по телефону въ Парижѣ: Сегюръ 18-51
Tél.: Ségur 18-51



АМБУЛАТОРИЯ
магистра ветеринар-
ныхъ наукъ и про-
фессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворна-
го ветеринар. врача.
Приемъ больныхъ

отъ 2 ч. дня до 6.

20, rue Scheffer
Métro: Passy, Trocadéro, Pompe
Tél.: Passy 81-11.
СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНІЯ
ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

Аптека для русскихъ

PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE

H. FOUCHER

Pharmacien de 1^{re} classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AN,

Трамваи: 25, 26

Grenelle.

M-o Duplex, La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по
русской фармакопее, русск. провизор
Всѣ французскія и иностранныя патент.
средства Обш. складъ парфюмеріи и
патентованныхъ товаровъ
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ
Tél.: Ségur 11-45.

Русская

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ

ШКОЛА

АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА
NORTH AMERICAN YMCA.

МЕТОДЪ ЗАОЧН. ПРЕПОДАВАНІЯ

Книги и печатныя лекціи
высылаются во всѣ страны

Отдѣленія:

1. Инженерно - строительное.
2. Электротехническое.
3. Механическое.

Курсы на пом. инженеровъ, техни-
ковъ, механиковъ, чертеж. конструкторовъ,
монтеровъ, десятниковъ.

4. Коммерческое.
Программа Коммерческаго Институ-
та, курсы на бухгалтера, коммерч. кор-
респонд., кооперация, страховое дѣ-
ло, торгов. представительство..

5. Агрономическое.
Курсъ Сел.-Хоз. Техникума.

6. Общеобразовательное.
Реальное уч. и гимназия.

7. Иностранныя языки.
Франц., Англ., Нѣм., Лат.

Требуйте программы (бесплатно).
Russian Correspondence School
of the North American Y. M. C. A.
10, Bd Montparnasse, Paris 15,
France.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ РУССКАЯ ДАМА,
въ совершенствѣ владѣющая француз-
скимъ языкомъ, нужна въ качествѣ пред-
ставительницы фотографу Рожинскому.
53, avenue des Ternes, Paris.

Грамофоны и пластинки

20.000 ПЛАСТИНОКЪ

вновь получены. Послѣднія новинки:
Вертинскій, Морфесси, Варя Панина, Пле-
вицкая, Вальцева, Смирновъ, хоръ Жа-
рова, кварт. Кедрова, церков. пѣніе и др.

Главное дело русскихъ и иностранны-
хъ пластинокъ.

SPEISER 34, rue des Rosiers.

M-ro St.-Paul. Tél. Archives 74-49:
Открыто по воскресеньямъ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И. А. КИРИЛОВА

Дѣла судебныя, административныя и
бракоразводныя. Договоры, уставы и
регистрація коммерческихъ обществъ.
Оформленіе документовъ. Сотрудниче-
ство французскихъ адвокатовъ.

46, RUE DE PROVENCE, PARIS (9)

около Rue Lafayette.

Métro: Chaussée d'Antin et Le Pe-
letier. Tél.: Trud. 08-04.

СПБ ПРИСЯЖНЫЙ ПОВѢРЕННЫЙ

Г. Е. ЛЕВИНСКІЙ

Бюро:

28, Avenue de l'Opéra, Paris (2).

Tél.: Richelieu 97-05. Métro: Opéra.

Приемъ 10-12 и 2-6 час., воскресенье и
праздники 10-12 час.

Защита по дѣламъ гражд. и уголовн. ДОГО-
ВОРЫ. РАЗВОДЫ. ФОРМАЛЬНОСТИ ДЛЯ
БРАКА ВЗЫСКАНИЯ. НАТУРАЛИЗАЦІЯ.
СОВѢТЫ.



TORPÉDO

la machine sérieuse
portative et de bureau

PAYABLE AU COMPTANT
ET PAR MENSUALITÉS

HAÏK-TYPEWRITER

142 Rue Montmartre. PARIS

Изданіе книгъ

на русскомъ языкѣ принимаетъ на себя журналъ "Россія".

Абторы благоволятъ писать на имя редактора.



INSTITUT DE BEAUTÉ PHYLLIS EARLE (London)

PARIS, 50, AV. TOKIO. Tél. Passy 26-23.

Окончившіе получают дипломы. Говорят на 5 языкахъ. Русскимъ льготныя условія
ПРОГРАММА: Новѣйшіе методы авгло-американскаго массажа, лѣченіе электричест-
всмъ дефектовъ лица, кожи, волосъ. Manicure. Pédicure. Окраска волосъ, гримъ, те-
атральный и для жизни. Физическая культура. Цикль лекцій г.г. врачей по анатоміи. Фи-
зіолог. бол. кожи, электрич. эстетич. хирургія. Справки письменно, лично отъ 2 до 5
у Директриссы: M-me Alex.

Пріемъ кліентокъ по всѣмъ **SOINS MEDIC - ESTHETIQUES** у **Mme ALEX** вторн., четв., субб 10-12 ч. и по соглашенію
Tél Auteuil 91-50 **122, Bd Murat, entrées 84 2 ét. gauche**

INSTITUT COSMETIQUE „MACO”

278, Bd Raspail
Paris, 14



Téléph. Danton
73-99

1) КУРСЫ КОСМЕТИКИ (ПРИГОТОВЛЕНІЕ КРЕМОВЪ, ПУДРЪ, ОДЕКОЛОНОВЪ И Т. П.), 2) КУРСЫ
УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ДЛЯ ОКОНЧИВШИХЪ ИНСТИТУТЫ КРАСОТЫ (ЛЕЧЕНІЕ ДЕФЕКТОВЪ КОЖИ НО-
ВѢЙШИМИ СПОСОБАМИ И АППАРАТАМИ), 3) КУРСЫ ГИМНАСТИКИ И МАССАЖА ОТЪ ОЖИРѢНІЯ.
ОКОНЧИВШІЕ ПОЛУЧАЮТЪ ФРАНЦУЗСКІЙ ДИПЛОМЪ.

American Lloyd

13, Bd. Malesherbes, Paris (8)

Tél.: Anjou 07-45

ПРОДАЖА ШИФСКАРТЪ ВО ВСѢ
ПОРТЫ МІРА НА САМЫХЪ
ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

СПЕЦИАЛЬНО: Дальній Востокъ (Шанхай,
Харбинъ и т. д.), Ближній Востокъ (Египетъ,
Палестина, Сирія) Австралія, Уругвай, Параг-
вай, Бразилія и т. д.

СПРАВКИ БЕЗПЛАТНО

Говорятъ по-русски.



ROCHET chapelier spécialiste

21, av. de la République, Paris.

FOURNIT DE LA BELLE CHAPELLERIE POUR HOMMES ET ENFANTS TRES GRAND CHOIX

Въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія журнала "Россія" въ началѣ 1931 года при немъ открывается

Книжный магазинъ „РОССІЯ“

ПОДРОБНОСТИ ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ НОМЕРѢ ЖУРНАЛА.

Для переговоровъ редакторъ - издатель Евгений Давидовичъ Коноваловъ принимаетъ въ теченіе января мѣсяца по средамъ и пятницамъ отъ 7 до 8 часовъ вечера.

Адресъ: Mr. Konovaloff, 5, rue Bélidor, 5, Paris, 17.

По означенному адресу, начиная съ 15 января, г.г. читатели журнала приглашаются присылать заказы на русскія и иностранныя книги по цѣнамъ, означеннымъ въ каталогахъ.

Е. Д. Коноваловъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ
LIBRAIRIE «MOSKWA»
9, rue Dupuytren, Paris 6.
Tél.: Littré 37-01

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладьянникова, Логосъ, Москва, Слово и Девриенъ изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданий) Библиотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ AU VIEUX LIVRE

17, Rue de l'Odéon Paris-6
Tél.: Littré 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполненіе заказовъ на любое изданіе. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. ROVOLOZKY & C^{ie}
13, rue BONAPARTE, PARIS-VI
Tél. Littré 42-01.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

СЕРГѢЯ КОМАРОВА

„ВѢЧНЫЙ ТАНЕЦЪ“

(изъ современной жизни)

Цѣна 20 фр.

М. М. ЧЕРНЫИ ПОДЪ ФИРМОЙ
«MICHEL»

29 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первоклассныхъ портныхъ.
Инвалидамъ 5% скидки.

10, rue Caffarelli (derrière la Mairie du 3-e). Métro: République et Temple. Téléph.: Archives 36-06.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО YMCA - PRESS
10, B-d Montparnasse, Paris, 15.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

ЗАЙЦЕВЪ, Борисъ. — Преп. Сергій Радонежскій ... 0. 50
ИЛЬИНЪ, В. Н. — Св. Серафимъ Саровскій ... 0. 65
КЛЕПИНИНЪ, Н. — Св. Александръ Невскій ... 0. 70
СКОБЦОВА, Е. Ю. — Жатва Духа. Житія святыхъ. Вып. I и II по ... 0. 20
ГР. ТОЛСТАЯ, А. Д. — Прав. Іуліанія Лазаревская ... 0. 20
ГИППІУСЪ А. Н. — Св. Тихонъ Задонскій ... 0. 25
ПРОТ. БУЛГАКОВЪ. — Свв. Петръ и Іоаннъ, два первоапостола ... 0. 35
ФЕДОТОВЪ, Г. П. — Св. Филиппъ, Митрополитъ Московскій ... 0. 70
КАРСАВИНЪ, Л. П. — Свв. отцы и учителя Церкви ... 1. 10
ПРОТ. С. ЧЕТВЕРИКОВЪ. — Оптина Пустынь ... 0. 50
ОТКРОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ СТРАННИКА — своему духовному отцу ... 0. 70

Подробный каталогъ высылается бесплатно. Книги Издательства продаются во всѣхъ Русскихъ книжныхъ фирмахъ.

РУССКАЯ САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ

И. Е. Захарьинъ

КУБАНСКІЙ КАЗАКЪ.

ПРИНИМАЕТЪ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЗАКАЗЫ НА НОВУЮ ОБУВЬ:
САПОГИ, ЧЕВЯКИ, НАГОВИЦЫ. ПОЧИНКА.

111, Bd de l'Hôpital, Paris (XIII).
Métro: Campo-Formio. (между rue Esquirol et Jenner).

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. Цѣны внѣ конкуренціи. Собственная мастерская для передѣлокъ.

3. ПИНЧЕВСКІЙ

3, rue Perrée, Paris (3). Métro: Temple et République. Téléph.: Archives 77-97.

МУЖСКОЙ И ДАМСКІЙ ПОРТНОЙ

ГОТАРЪ

Предлагаетъ большой выборъ англійскихъ и французскихъ матеріаловъ. Элегантный покрой, тщательная и аккуратная работа. Специальный мѣховой отдѣлъ. Получены новѣйшія американскія машины для утюжки костюмовъ. Стопажъ, перелицовка платьевъ. Всевозможныя передѣлки.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ

249-251, rue LECOURBE

Tél.: Vaugirard 51-58.

1, avenue EMILE ZOLA, Métro: Javel.

Tél. Vaugirard 33-57.





КАЛИНА

ПОРТНОЙ

Поздравляет многоуважаемых кліентовъ
съ праздникомъ Рождества Христова и
съ Новымъ Годомъ

44, AVENUE DES CHAMPS-ELYSEES

Tél.: Elysées 42-40

ПАРИЖЪ

« LA RUSSIE »

REVUE RUSSE

PARIS

Январь, 1931 года. № 1.

Цѣна номера 5 фр. во Франціи.

ANNÉE (L.-M.)

1931. Janvier. № 1.

Prix du Numéro : 5 francs

№ 9

РОССІЯ

№ 9

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 5, rue Bélidor, 5

PARIS (17)



**Василій Ивановичъ
НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО**

(Портретъ художника М. Л. Максолли)

Т Н О = Л Е = Н И

Кондитерская

Гастрономический Магазинъ

129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

Фирма существ. 10 лѣтъ

А. КАПРЕЛИАНЪ.

Prix fixe

7.50

Ресторанъ Амирани

Prix fixe

7.50

30, r. Bosquet, Paris 7. (71, Av. Bosquet). M-o: Ecole-Militaire.
SPECIALITES RUSSES ET CAUCASIENNES.

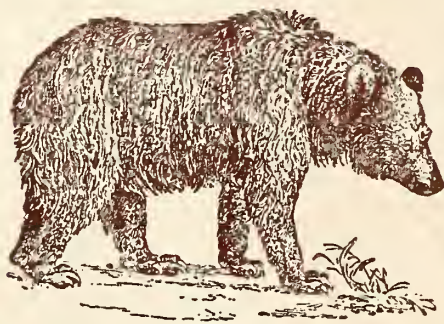


ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ
ЛУЧШИЙ
ПО КАЧЕСТВУ

Чай

ПОДЪ ФИРМОЮ
Торгово-Промышленного Товарищества
преемникъ

Алексѣя Губкина А. КУЗНЕЦОВЪ и Ко
ASIAT. TRAD. CORP. LTD., LONDON. Главный складъ во Франціи:
53, rue Jean-Jacques-Rousseau, Paris (1°). Tél. Richelieu 91-63.



МЕДВѢДЬ

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV).

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЬ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВІНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪЕДОВЪ, — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

КРЫМСКІЙ ДОМИКЪ

РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ.

131, Bd RASPAIL

(entrée, 10, rue S-te Beuve).

Prix fixe et à la carte.

ЧЕБУРЕКИ И ШАШЛЫКИ.

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A L'ESTURGEON

Подъ личнымъ наблюдениемъ владѣльца, б. придворнаго шефа
Ө. Д. КОРНИЛОВА

3, rue Clauzel (уголъ rue des Martyrs). Nord-Sud: St.-Georges. Tél.: Trud. 08-46

РЕСТОРАНЪ

„Метрополь“

66, RUE LETELLIER, 66

(Métro: Commerce, Cambronne).

ПЕРВОКЛАССНАЯ КУХНЯ.

Цѣны самыя умѣренныя.

Открыть съ 12 час. дня до 12 час. ноч

По праздникамъ музыка.

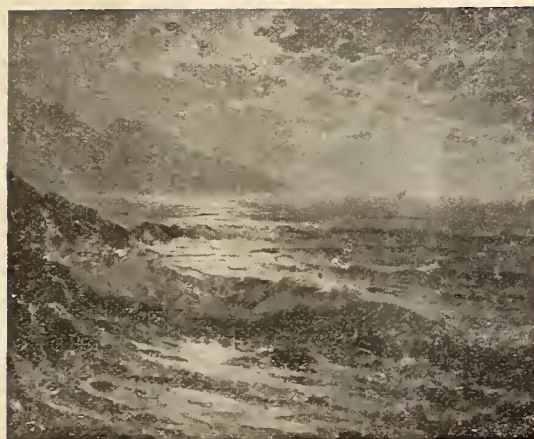
ОПТОВО - РОЗНИЧНЫЙ КОЛБАСНО - ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ

Chez les Cosaques

48, rue Vercingetorix, Paris, 14-е, métro: Edgar Quinet

Всѣ русск. и др. продукты. Водки, наливки и ликеры лучш. въ Парижѣ за-
вода «Garçon russe». Быстрая отправка въ провинцію.

При маг. Домашній ресторанъ. Prix-fixe 6 фр. 50 съ хлѣбомъ и виномъ



К. А. Вещиловъ. 1931 г. Море.

... „И разошлись, какъ въ морѣ корабли“ ...

(Изъ далекаго прошлаго)

Какъ и всегда, при входѣ въ Вальпарайзо, море было удивительнаго зеленаго цвѣта. Но дувшій въ этотъ разъ сильный, балловъ въ пять, вѣтеръ, разведя зыбь, взбудоражилъ его поверхность, набросилъ на скаты волнъ густую, болѣе темную сѣтку ряби и далеко несъ по воздуху хлопья пѣны, сорванной съ ихъ гребней.

Небо было забрано сѣрыми грозowymi облаками и не сулило на ближайшее будущее ничего хорошаго.

Клипперъ „Крейсеръ“ входилъ въ портъ. Уже прошли маякъ, однако, волны были почти такъ же высоки, какъ въ открытомъ морѣ.

Корабль шелъ въ бакштагъ, слегка зарывая при спускѣ съ огромной волны и купая сѣтку бугшприта. Слышался шумъ вытѣсняемой стройнымъ и крѣпкимъ корпусомъ воды и шипящій звукъ разсыпающихся гребней уже позади корабля.

Бѣлоснѣжныя паруса его, той чистоты, которая бываетъ только на военномъ флотѣ, ярко выдѣлялись на сѣро-свинцовомъ небѣ.

Мичманъ Келлеръ стоялъ на вахтѣ на просторномъ, свободномъ отъ машинъ, мостикѣ, держась за поручни и, сгибая колѣни широко разставленныхъ ногъ, чтобы не слетѣть при спускѣ съ водяной горы, смотрѣлъ на открывающуюся панораму огромнаго порта.

Сотни парусныхъ судовъ, бриговъ, барковъ, бригантинъ и шхунъ шетинились лѣсомъ голыхъ мачтъ. Порой виднѣлась высокая и тонкая труба колеснаго парохода, затѣмъ опять шли парусники. Всѣ эти суда раскачивались на взволнованной поверхности моря.

Казалось, они были измучены неспокойной погодой и все не могли дожидаться, когда же, наконецъ, море успокоится.

Вотъ, какъ будто, ничего, но подлетитъ волна повыше, и опять нагибается корпусъ, и мачта укоризненно раскачивается.

Будто огромный лѣсъ, чудомъ выросшій на водѣ, гудѣлъ, свистѣлъ своимъ рангоутомъ и склонялся подъ напоромъ злобнаго соленаго вѣтра.

Вдали показалась бочка, на которую собирался стать „Крейсеръ“. Волны порой высоко подымали ее на

своихъ гребняхъ и покрывали затѣмъ плотной зеленой массой.

Слѣва отъ бочки стоялъ трехмачтовый купеческій бригъ подъ англійскимъ флагомъ. На его широкой черной кормѣ большими бѣлыми буквами было написано:

— «Minerva. Liverpool».

Много дальше, вправо, стояла бѣлая шхуна съ необыкновенно высокими мачтами. Два негра глядѣли съ ея юта на мчавшійся „Крейсеръ“.

Для того, чтобы „стать на бочку“ необходимо было, убавивъ паруса, пройти въ глубь между „Минервой“ и бѣлой шхуной, много ниже бочки, повернуть черезъ фордевиндъ и, почти въ лобъ вѣтру, пользуясь забраннымъ ходомъ, подойти къ бочкѣ и заложить перлинь. Для того, чтобы описать дугу пошире, „Крейсеръ“ долженъ былъ взять какъ можно больше вѣвво, чтобы получить такимъ образомъ разгонъ, необходимый ему для хода противъ вѣтра по инерціи, вплоть до самой бочки.

Проходя мимо „Минервы“, онъ задѣлъ своей гротъ-брамъ-реей за снасть англичанина. Раздался трескъ. На „Минерву“ забѣгаль народъ, но клипперъ „Крейсеръ“ былъ уже далеко. Свистѣли боцманскія дудки, готовились къ трудному повороту „черезъ фордевиндъ“.

Когда черезъ нѣсколько минутъ корабль стоялъ уже „на бочкѣ“, волнуясь, какъ привязанный послѣ долгаго галопа, конь, командиръ приказалъ Келлеру, на слѣдующее утро, передъ уходомъ изъ Вальпарайзо пойти на англійскій бригъ, представить извиненія и уплатить за поломки.

Когда наступило это утро, сѣренькое и дождливое, все еще дулъ сильный вѣтеръ. Ругаясь про себя и злясь, мичманъ Келлеръ шелъ по скользкому „выстрѣлу“, чтобы сѣсть въ танцевавшую подъ нимъ „шестерку“.

— И всегда посылаютъ меня, — говорилъ онъ себѣ сидя уже въ „шестеркѣ“ и съ непріязнью глядя на приближавшійся огромный черный бортъ „Минервы“, — всякую дырку задѣлывать. На горе мнѣ мой англійскій языкъ!

Маленькій толстый, начисто выбритый капитанъ „купца“ былъ немногословно любезенъ съ мичманомъ.

— Командиръ корабля „Крейсеръ“ приноситъ вамъ свои извиненія за вчерашнее столкновение и проситъ

сообщить, какъ велики убытки, причиненные этимъ столкновениемъ, — серьезно и холодно сказалъ Келлеръ.

— О, убытки, — медленно протянулъ капитанъ, не вынимая изо рта короткой и толстой, какъ онъ самъ, трубки. — О, это ничего, это не такъ много. О, я думаю, что это пятьдесятъ фунтовъ. — Онъ вынулъ при этомъ трубку изо рта и посмотрѣлъ на мичмана водянистыми, слегка вытаращенными глазами. — Это пустяки, — продолжалъ онъ и, внезапно оживившись, добавилъ: — Вы хотите виски - сода? Я знаю, что вы, русскіе, любите виски безъ сода. — Капитанъ разсмѣялся.

Мичманъ Келлеръ, серьезно сдвинувъ брови, вынулъ изъ портфеля пять шелковистыхъ десятифунтовыхъ бумажекъ.

— Виски? Собственно говоря, я очень тороплюсь; мы сейчасъ снимаемся. — Онъ былъ, видимо, въ нерѣшительности. “Впрочемъ, была не была, трахну баночку, такая чертова погода”, подумалъ онъ про себя.

Капитанъ разлилъ виски изъ черной пузатой бутылки.

— Вашъ корабль прекрасный ходокъ, о, это дѣйствительно такъ, я замѣтилъ вчера. Онъ дѣлаетъ по крайней мѣрѣ...

— Четырнадцать узловъ, идя въ бакштагъ.

— О, четырнадцать! Это замѣчательно, да.

Они помолчали.

— У васъ былъ благополучный переходъ? — продолжалъ “занимать” капитанъ.

“Надо итти”, подумалъ Келлеръ и, приподнявшись, сказалъ: — да, благодарю Васъ, — но въ этотъ моментъ открылась дверь и на порогъ появилась дѣвушка, “необычайно интересная”, какъ опредѣлилъ Келлеръ. Высокая, крупная блондинка съ большими сѣрыми глазами и красивымъ, хотя и не маленькимъ, чувственнымъ ртомъ.

Она посмотрѣла на мичмана, чуть-чуть улыбаясь и слегка прищурясь, будто онъ сидѣлъ далеко.

— Моя дочь, — сказала капитанъ и, вынувъ изо рта трубку, показалъ ею на дѣвушку. — Она родилась на “Минерву” и у нея морская кровь. Хе-хе! Но, вѣдь, Вамъ кажется время итти на свой корабль? Смотрите, тамъ что-то говорятъ у васъ, я не понимаю, это не международный кодъ.

Мичманъ выглянулъ въ иллюминаторъ. “Крейсеръ” сигнализировалъ: “Мичману Келлеру вернуться немедленно”.

— Это не то; у меня еще есть немного времени, — сказалъ онъ, нѣсколько сбиваясь, — меня возьмутъ на ходу. Это, знаете, у насъ всегда принято — на ходу. По морскому. Я люблю это.

— Ваше здоровье, — добавилъ онъ затѣмъ, смотря прямо въ глаза красавицѣ. И залпомъ осушилъ стаканъ.

Въ головѣ зашумѣло, въ груди жгло. Теперь онъ былъ готовъ рѣшительно на все, даже на разстрѣлъ, лишь бы побыть еще часокъ, полчаса, четверть, здѣсь на “Минерву”, въ этой большой каютѣ, озаренной сияніемъ отъ присутствія красавицы.

“Боже, какая родинка”, замѣтилъ онъ про себя. “Въ самомъ углу рта. Вотъ бы прикусить ее во время поцѣлуя. Нѣтъ, нѣтъ, дезертировать, вписаться въ роль на “Минерву”, неслись въ его головѣ хаотическія мысли.

Лицо капитана сдѣлалось сумрачнымъ. Онъ пыхтѣлъ съ остервенениемъ своей трубкой, утопая въ облакахъ дыма и... молчалъ, чертовски молчалъ.

“Какъ бы задобрить папашку”, съ тоской говорилъ себѣ мичманъ. Нѣтъ, надо уходить” и.. не уходилъ. Грядущее было черно, онъ примирился уже съ нимъ. Одно было необходимо, какъ воздухъ: остаться еще на “Минерву”, совсѣмъ немножко, самую капельку! А родинка на милой губѣ выступала все призывнѣе, какъ черная звѣздочка...

— Вамъ не надоѣло быть постоянно на морѣ, — изыщно склонившись, обратился онъ къ дочкѣ капитана. — Вѣдь, Вы такъ молоды; Вамъ, вѣроятно, и повеселиться хочется, потанцевать иногда, а Вы все время такъ, одна.

Ему ужасно хотѣлось услышать ея голосъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила дочь капитана, — я не скучаю.

Это было все, что она сказала. У нея было контральто.

— Ваше здоровье! — сказалъ онъ уже съ нѣкоторымъ отчаяніемъ и вызовомъ, дерзко адресуясь къ ней одной и не обращая вниманія на отца. — Только англичанки могутъ быть такой совершенной красоты, — добавилъ мичманъ.

— О, это не совсѣмъ такъ, — вмѣшался капитанъ, перекаत्याвая хрипѣвшую трубку изъ одного угла рта въ другой. — Во-первыхъ, въ Россіи бываютъ изумительно красивыя женщины. Я видѣлъ въ Санктъ-Петербургѣ, и въ Архангельскѣ, и въ Ригѣ. А, во-вторыхъ, лейтенантъ, вашъ корабль уже снялся. — Онъ показалъ въ иллюминаторъ своимъ ревматическимъ пальцемъ.

Клипперъ “Крейсеръ”, красиво накренившись, шель въ полъ-вѣтра.

“Подняться на ходу”, говорили разноцвѣтные флажки.

Не помня себя отъ печали, простился мичманъ съ красавицей и ея недовольнымъ отцомъ и, какъ въ туманѣ, сталъ спускаться по повисшему надъ водяной бездной штурмтрапу въ “шестерку”. Гребцы рванули съ силой и “шестерка” взлетѣла на водяную гору.

Келлеръ оглянулся:

Высокая, крутая корма “Минервы” поднималась изъ воды за отхлынувшимъ валомъ, обнажившимъ ее ниже ватерлинии. Видна была ея подводная, заросшая сѣрыми ракушками, часть.

Онъ поднялъ глаза.

У борта, опершись на него, стояла дочь капитана. Ея свѣтлые волосы развѣвались по вѣтру, черная родинка у милаго, улыбающагося рта, была отчетливо видна.

Вдругъ ея руки отдѣлились отъ поручней, медленно поднялись и, приблизившись ко рту, послали бѣдному мичману долгій и страстный поцѣлуй.

Она была одна, дочь капитана; отца не было видно.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Келлеръ уже не вспоминалъ объ этой встрѣчѣ, равно какъ и о двухъ печальныхъ мѣсяцахъ “безъ берега”, полученныхъ въ наказаніе.

Клипперъ “Крейсеръ” входилъ въ портъ Коломбо. Навстрѣчу ему, почти борть о борть прошелъ большой бригъ подъ англійскимъ флагомъ, выходившій изъ Коломбо.

Келлеръ былъ на мостикѣ. Вѣтеръ былъ свѣжій, и парусникъ быстро удалялся, но мичманъ все же успѣлъ прочесть его имя, стоявшее на кормѣ:

— «Minerva. Liverpool».

Бѣлымъ мотылькомъ трепетало что-то на югѣ “Минервы”.

Келлеръ схватилъ бинокль: женская фигура махала платкомъ.

Что-то кольнуло сердце мичмана. Затѣмъ прошло.

“Мы разошлись, какъ наши корабли”, — сказалъ онъ самъ себѣ поучительно. “Но, если въ Коломбо произойдетъ что-либо подобное, я уже не упущу, нѣтъ-съ!”

И ему сдѣлалось задорно весело.

Александръ Гефтеръ.

Свѣтлой памяти Анны Павловой

Въ терновый вѣнецъ насъ, русскихъ, вплелась еще одна вѣтка: умерла Анна Павлова.

Бѣдному нашему сердцу нужно напрячь всѣ свои силы, чтобы пережить и это горе на пути нашихъ безкрайнихъ страданій.

Еще такъ недавно, на этихъ страницахъ я писалъ: “вмѣстѣ съ ласковыми лучами майскаго солнышка появилась въ Парижѣ Анна Павлова”.

Почему же такъ больно вонзилась въ сердце эта вѣсть, почему сразу безсильно опустилась рука, и все вокругъ стало темнѣе и безнадежнѣе?

Въ той безконечной тѣмѣ, которая насъ окружаетъ, свѣтлымъ, радостнымъ, зовущимъ маякомъ было чарующее имя:

Анна Павлова.

И вотъ — маякъ потухъ!



И къ отъѣзду ея въ Англію на отдыхъ я пожелалъ ей:

“Побольше Вамъ солнца, ласки и привѣта, наша свѣтлая сказка!”

И вотъ, сказка кончилась, оборвалась, такъ жестоко, неожиданно...

Телеграфъ принесъ короткое сообщеніе:

— Сегодня Анна Павлова скончалась.

И такъ холодно и темно и больно, несказанно больно...

Вся наша жизнь связана съ ней.

Мы ей сопутствовали всюду и дѣлили и горечь, и радость...

Вотъ, ея маленькая, тоненькая, такая хрупкая фигурка появилась въ славной Школѣ Императорскихъ театровъ.

И намъ передаютъ — “очень выдѣляется” маленькая Павлова.

По выходѣ изъ Школы мы замѣчаемъ ее — “подающую надежды”.

А затѣмъ вскорѣ — среди звѣздъ нашего прекраснаго русскаго балета, плѣняющаго весь культурный міръ, появляется звѣзда первой величины — Анна Павлова.

И въ годы ея триумфальнаго шествія по всему міру наше русское сердце трепетно бьется съ ея маленькимъ сердечкомъ въ униссонъ.

Я писалъ о ней:

“Я видѣлъ Анну Павлову много разъ въ жизни, въ разныхъ странахъ и городахъ, и каждый разъ уносилъ въ душѣ горделивое чувство, что такая рѣдкая жемчужина балета — наша русская. Что у насъ, выходцевъ изъ Россіи, осталось? У насъ все отнято. Но искусство наше осталось съ нами, и такая звѣзда, какъ Анна Павлова, на нашемъ тускломъ небосклонѣ всегда будетъ нашей.”

А теперь и этого нѣтъ.

Такъ безнадежно, такъ пусто и въ душѣ и вокругъ, и мы стоимъ другъ передъ другомъ растерянные, даже безъ словъ.

Можемъ ли мы упрекнуть себя, что были мало внимательны, мало заботились о ней, что мы ее не берегли?

Нѣтъ, только не это...

Все свѣтлое и чистое, отпущенное намъ Господомъ, мы радостно несли къ ней и складывали къ ея маленькимъ ножкамъ.

Но все же, — за все прекрасное, неповторимое, чѣмъ околдовывала насъ она всю свою жизнь, — наша дань была ничтожной.

Она сама создала себѣ нерукотворную память.

И передъ ея изящной урной пройдетъ благоговѣйно много поколѣній, и сказка о ея жизни и творчествѣ будетъ свѣтлой и нетлѣнной.

Господи, Великій Боже! Мы, отверженные, покинутые, не ропщемъ, нѣтъ, но истово, колѣнопреклоненно молимъ Тебя —

Сохрани и упокой ея свѣтлую чистую душу.

Вл. Бологовской.



S. Sedrak. 1931. Le village avec son glacier «Le Tours». Chamonix.
С. Седракъ. Шамониксъ.

Фашистская революція въ Италіи

Итальянскій фашизмъ представляетъ собой блестящій примѣръ активной борьбы за родину. Борьба эта велась по двумъ направленіямъ: съ одной стороны, фашизмъ столкнулся съ большевистскимъ движеніемъ, которое послѣ войны охватило уставшій итальянскій народъ. Противопоставивъ силѣ — силу, фашизмъ началъ противъ коммунизма настоящую гражданскую войну и вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Съ другой стороны, фашизмъ поставилъ своей задачей возрожденіе итальянской государственности. И здѣсь онъ столкнулся не только съ коммунизмомъ и социализмомъ, принципиальными врагами государства, но также и съ другими буржуазно-демократическими партіями, которыя разлагали государство во имя достиженія своихъ партійныхъ цѣлей. И въ этой борьбѣ фашизмъ одержалъ верхъ, захвативъ государственную власть въ свои руки, и затѣмъ присту-

пилъ къ перестройкѣ всего государственнаго организма на новыхъ началахъ.

Именно поэтому русской эмиграціи слѣдуетъ изучать фашистскую революцію, ибо русскіе люди продолжаютъ свою борьбу противъ совѣтской власти, угнетающей Россію, и твердо вѣрятъ, что недалеко то время, когда имъ придется строить Россійское государство.

Знакомство съ фашистской революціей даетъ русской эмиграціи достаточно указаній, какъ нужно вести эту борьбу, и вмѣстѣ съ тѣмъ подсказываетъ, какіе пути надо избрать въ будущемъ государственномъ строительстве Россіи.

Причины фашистской революціи въ Италіи необходимо искать въ томъ трагическомъ положеніи, въ которомъ оказалась страна послѣ побѣдоносной для нея великой войны.

Вступивъ въ войну только весной 1915 года, подвліяніємъ активнаго меньшинства, сознавашаго необходимость участія страны въ мировомъ конфликтѣ для достиженія ея историческихъ цѣлей, затративъ на войну всѣ свои матеріальные ресурсы, и понеся миллионныя потери людьми, разбивъ и уничтоживъ осенью 1918 года при Витторіо Венено австрійскую армію, — итальянскій народъ послѣ перемирія имѣлъ полное право надѣяться, что онъ воспользуется результатами своихъ безчисленныхъ жертвъ и въ мирномъ договорѣ найдетъ средства не только для того, чтобы залѣчить свои раны, но и чтобы утвердить свою позицію великой державы.

Дѣйствительность жестоко обманула итальянцевъ.

Прежде всего, мирные переговоры въ Версаль обнаружили, что другія великія державы не желали признавать заслугъ Италіи въ дѣлѣ веденія войны. Итальянскіе представители на мирной конференціи чувствовали, что ихъ трактуютъ, почти какъ защитниковъ побѣжденной страны. Всѣ требованія Италіи, вытекавшія какъ изъ самого факта побѣды, такъ и заключенныхъ до войны договоровъ, встрѣчались союзниками весьма недружелюбно и подвергались жестокой критикѣ, какъ проявленіе ничѣмъ неоправданнаго империализма.

Въ то время, какъ Франція, Англія, Америка и даже Юго-Славія, Чехословакія и Греція съ успѣхомъ проводили свои предположенія, консолидирующія ихъ внѣшнее и внутреннее положеніе, Италія оказалась безсильной настоять на самыхъ, казалось бы, законныхъ ея требованіяхъ.

Недаромъ представители Италіи были даже вынуждены покинуть Парижъ и, въ видѣ протеста, отказаться отъ участія въ мирныхъ переговорахъ. Недаромъ вопросъ объ Адриатическомъ морѣ былъ разрѣшенъ подвліяніемъ отважной экспедиціи воина-поэта Габріэль Д'Аннунціо, захватившаго съ кучкой отважныхъ храбрецовъ, городъ Фіумэ, желанія населенія котораго присоединиться къ Италіи Мирная Конференція не хотѣла принять во вниманіе.

Такой оборотъ вещей, конечно, сразу, вызвалъ глубокое разочарованіе во всемъ итальянскомъ народѣ.

Но положеніе осложнилось еще вслѣдствіе другихъ весьма важныхъ обстоятельствъ.

Послѣ заключенія перемирія прекратилась взаимная поддержка союзныхъ державъ. Италія оказалась безъ хлѣба и безъ матеріаловъ, необходимыхъ для работы ея промышленности. Въ странѣ наступилъ настоящій голодъ и стала развиваться безработица.

Конечно, такимъ положеніемъ не замедлили воспользоваться крайніе элементы итальянскаго общества.

Началась энергичная агитація противъ существующаго строя, который допустилъ войну, не давшую странѣ никакихъ результатовъ. Во главѣ этого движенія стояла социалистическая партія, ослѣпленная мифомъ русской революціи, будто бы водворившей рай на землѣ. Въ странѣ быстро развивалось революціонное движеніе, ставившее цѣлью коммунистическій переворотъ. Симптомами его прежде всего явились безчисленныя забастовки, охватившія все населеніе; бастовали рабочіе, крестьяне, чиновники, учителя, даже профессора. Забастовки возникали стихійно, безъ всякаго достаточнаго повода. Парламентскіе выборы 1919 года дали полную побѣду социалистамъ, получившимъ 156 мѣстъ въ палатѣ депутатовъ и почувствовавшихъ себя господами положенія. Начались даже военные бунты, и, наконецъ, осенью 1920 года рабочіе захватили въ свои руки фабрики съ цѣлью социализаціи промышленности.

Въ ноябрѣ 1920 года въ Болоньѣ при открытіи сессіи вновь избраннаго муниципальнаго совѣта, коммунисты и социалисты организуютъ настоящее побоище, какъ въ самомъ засѣданіи совѣта, такъ и на улицахъ города.

Братоубійственная война ведется на всемъ про-

странствѣ Италіи. И эта борьба продолжается весь 1921 и 1922 г. Достаточно отмѣтить въ мартѣ 1921 г. звѣрское избиеніе коммунистами отряда матросовъ въ Эмполи. Въ томъ же мѣсяцѣ въ Миланѣ коммунисты бросаютъ бомбу въ театрѣ Діана.

Что же дѣлаетъ въ этотъ страшный періодъ внутренняго разложенія страны итальянское правительство? Какъ извѣстно, Италія до войны была страной наиболѣе демократичной. Въ демократизмѣ давно уже принято видѣть лучшее средство для умиротворенія народныхъ страстей.

Однако, демократическое итальянское правительство бездѣйствовало въ самый рѣшительный моментъ. Оно не имѣло опредѣленной программы ни для внѣшней, ни для внутренней политики. Оно не только не выработало никакихъ средствъ и способовъ, чтобы справиться съ стихіей народнаго возбужденія и поставить предѣлъ всеобщему разложенію, но, наоборотъ, въ приспособленіи къ обстановкѣ, въ пассивномъ подчиненіи событіямъ, оно видѣло единственное спасеніе для себя.

Такимъ образомъ, мы присутствуемъ при быстромъ процессѣ разрушенія государственной власти, при чемъ Италія неуклонно приближалась къ гибели въ вихрѣ краснаго безумія, который безжалостно уничтожилъ бы эту прекрасную страну.

Однако, Италія была спасена тѣмъ, что въ толщѣ народной массы нашлись элементы активнаго противодѣйствія, какъ разлагающему коммунизму, такъ и гніющему государственному аппарату. На историческую арену выступили новыя дѣйствительныя силы, которыя возобновили равновѣсіе общественныхъ силъ и обезпечили затѣмъ нормальный ходъ государственной жизни.

Эту спасительную роль и взялъ на себя фашизмъ, вызванный къ жизни Б. Муссолини.

Первое фашистское собраніе Б. Муссолини созвалъ въ Миланѣ 23 марта 1919 года. На этомъ собраніи организуется небольшая, не болѣе 150 человекъ, группа рѣшительныхъ людей, которые ставятъ себѣ задачей спасеніе Италіи и въ качествѣ лозунговъ прсвозглашаютъ благо націи, какъ таковой, реализацію плодовъ побѣды и борьбу противъ всякаго нейтрализма, ибо, какъ говорилъ Б. Муссолини въ декабрѣ 1914 г., "нужно — дѣйствовать, двигаться, сражаться и, если нужно, умирать". Нейтральные не двигаютъ событиями, а подчиняются имъ. Кровь даетъ бѣгъ звенящему колесу исторіи". Б. Муссолини и его группа немедленно открываютъ военныя дѣйствія противъ коммунизма и уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разгоняютъ въ Миланѣ социалистическую демонстрацію и сжигаютъ редакцію газеты "Впередъ".

Сейчасъ же около Б. Муссолини начинаютъ группироваться патріоты и недовольные существующимъ порядкомъ вещей. Молодежь, бывшіе офицеры и солдаты, синдикалисты, люди свободныхъ профессій вступаютъ въ ряды фашизма и принимаютъ на себя подвигъ спасенія родины.

Такъ какъ фашизмъ рождается какъ реакція противъ большевизма, то онъ и ведетъ ту гражданскую войну противъ его приверженцевъ, о которой мы говорили выше, и первыя его организаціи являются чисто военными отрядами, которые подчиняются воинской дисциплинѣ и по призыву Б. Муссолини совершаютъ военныя экспедиціи.

Фашистское движеніе быстро растетъ, охватывая сначала города, а потомъ перебрасываясь въ деревню.

Развивая вмѣстѣ съ тѣмъ идейную пропаганду, фашизмъ овладѣваетъ симпатіями всего народа и производитъ духовный его переворотъ.

Въ этомъ періодѣ своей дѣятельности фашисты устранили опасность въ Италіи большевицкаго переворота и сломали господство социалистической партіи. Это стоило имъ до 3000 жертвъ, большей частью молодыхъ людей, которые погибли въ борьбѣ, но за то коммуни-

стическій напоръ былъ сломенъ и инициатива дѣйствій перешла къ фашистамъ.

Быстро фашисты начинаютъ занимать вліятельную позицію въ государственной жизни. Уже въ 1921 г. они участвуютъ въ выборахъ въ палату депутатовъ и проводятъ 35 своихъ представителей съ Б. Муссолини во главѣ. Въ этомъ же году фашисты получаютъ политическую организацію, такъ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ Б. Муссолини организуетъ національную фашистскую партію. Опубликованная программа фашистской партіи проникнута духомъ національной государственности. Фашисты намѣрены возродить итальянское государство на новыхъ основахъ.

Они высказываются противъ социализма и классово-вой борьбы, но призываютъ широкія народныя массы войти въ государство и на началахъ солидарности и сотрудничества дѣлать общее государственное дѣло. Они высказываются противъ демагогіи, но обѣщаютъ устройство трудового народа, какъ основы здоровой государственности. Они защищаютъ въ государствѣ здоровое старое, но и готовы принять необходимое новое.

Превратившись въ партію, фашисты продолжали борьбу противъ коммунизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставили себѣ новую еще болѣе трудную задачу, а именно борьбу за власть, такъ какъ фашизмъ рѣшилъ взять въ свои руки государственное управленіе.

1922-ой годъ слѣдуетъ отмѣтить для итальянскаго государства, какъ годъ критическій. Государственная машина бездѣйствовала, а между тѣмъ государственный бюджетъ давалъ колоссальный дефицитъ. Забастовки и другіе беспорядки продолжали разстраивать государственный организмъ. Общественное мнѣніе явно склонялось къ тому, что социалистическая партія должна быть въ парламентскомъ порядкѣ призвана къ власти.

Но параллельно съ этимъ, въ этомъ же году, фашизмъ превратился въ значительную государственную силу, которая замѣняла собой во многихъ случаяхъ правительственный аппаратъ.

Такъ, когда осенью 1922 г. социалисты объявили всеобщую забастовку и правительство было не въ силахъ справиться съ ней, то фашисты взяли на себя роль возстановителей порядка и въ нѣсколько дней возстановили нормальный ходъ работы.

Въ это время, фашистскіе отряды заключали въ себѣ до 300 тысячъ человѣкъ, большей частью молодежи. И вотъ Б. Муссолини начинаетъ готовить ихъ къ такъ называемому походу на Римъ.

20 сентября 1922 г. въ городѣ Удино онъ произноситъ рѣчь, въ которой устанавливаетъ основныя положенія фашистской политики и заявляетъ открыто претензію фашизма на управленіе Италіей. Чтобы избѣжать возможнаго конфликта съ арміей, настроенной монархически, Б. Муссолини высказывается за сохраненіе Савойской монархіи, но рѣшительно выступаетъ противъ демократическаго парламентаризма, который долженъ быть замѣненъ государственной властью, представляющей всю націю. При этомъ Б. Муссолини указываетъ, что единственнымъ выходомъ представляются новые выборы, по новому выборному закону. Если же правительство не сдѣлаетъ этого шага, то фашизму остается только путь революціонный.

Однако, правительство продолжаетъ оставаться въ бездѣйствіи. Да, собственно, въ этотъ моментъ въ Италіи нѣтъ правительства, такъ какъ на лицо острый парламентскій кризисъ.

Между тѣмъ въ концѣ сентября въ Римѣ директоръ фашистской партіи даетъ Б. Муссолини неограниченныя полномочія, послѣ чего онъ въ октябрѣ назначаетъ Совѣтъ четырехъ руководителей фашистской революціи и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ планъ военнаго похода на Римъ.

24 октября въ Неаполѣ собирается фашистскій съѣздъ, на которомъ Б. Муссолини производитъ смотръ фашистскихъ вооруженныхъ силъ и открыто заявляетъ о необходимости революціоннаго переворота.

Вскорѣ послѣ этого Совѣтъ четырехъ руководителей революціи объявляетъ всеобщую фашистскую мобилизацію и выпускаетъ прокламацію, призывающую къ рѣшительному бою.

Въ этомъ документѣ Совѣтъ четырехъ утверждаетъ, что выступления фашистовъ являются продолженіемъ дѣла побѣдоносной арміи, участвовавшей въ великой войнѣ. Фашисты выступаютъ не противъ арміи, не противъ буржуазіи, не противъ рабочаго народа, а противъ той господствующей клики и того государственнаго порядка, которые почти привели страну къ гибели.

Уже 28 сѣтября большинство городовъ были захвачены фашистами, при чемъ войско заняло нейтральную позицію. Спротивленіе было оказано только въ рѣдкихъ случаяхъ. Въ то же время фашистскіе отряды по установленному плану двигались на Римъ, чтобы захватить центры всей страны. Правительство и при такомъ положеніи не нашло соотвѣтствующаго выхода. Министерство подало въ отставку, но предсѣдатель совѣта министровъ Факта рѣшилъ дать фашистамъ отпоръ, почему объявилъ осадное положеніе, декретъ о которомъ, однако, король отказался подписать.

Послѣ этого было ясно, что фашисты побѣдили и дѣйствительно, 29 октября въ 12 часовъ дня король пригласилъ Б. Муссолини въ Римъ, давъ ему порученіе составить министерство.

Встрѣченный на вокзалѣ военнымъ отрядомъ, Б. Муссолини заявилъ начальнику отряда: "Я прибываю въ Римъ, какъ глава правительства, и мой первый привѣтъ доблестному войску. Да здравствуетъ Италія, да здравствуетъ король". Своимъ же фашистскимъ отрядамъ Б. Муссолини предъявилъ требованіе величайшей дисциплины и величайшаго порядка. "Италія въ нашихъ рукахъ и мы клянемся вывести ее на пути античнаго величія". Представляясь королю, онъ сказалъ: "Я приношу вашему величеству Италію — побѣды при Витторіо Венуто, освященную еще новыми побѣдами; я вѣрный слуга вашего величества".

Итакъ, почти безъ пролитія крови, фашистская революція совершилась. Б. Муссолини въ кратчайшій срокъ образовалъ министерство, но не чисто фашистской, а національной концентраціи, призвавъ на работу всѣхъ, кто могъ быть полезенъ родинѣ.

Затѣмъ, немедленно Б. Муссолини приступилъ къ той громадной работѣ, которая въ результатѣ привела къ возстановленію нормальной государственной жизни въ странѣ и къ полной реорганизации государственнаго аппарата, даже государственнаго организма, такъ какъ фашизмъ претендуетъ на то, что онъ создалъ новую форму государственной организаціи, такъ называемаго государства корпоративнаго.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ можно было только схематически намѣтить ходъ фашистской революціи и лишь отрывочно изобразить ея развитіе. Однако, уже и изъ изложеннаго можно сдѣлать выводы.

Когда отечество въ опасности, кто можетъ спасти его?

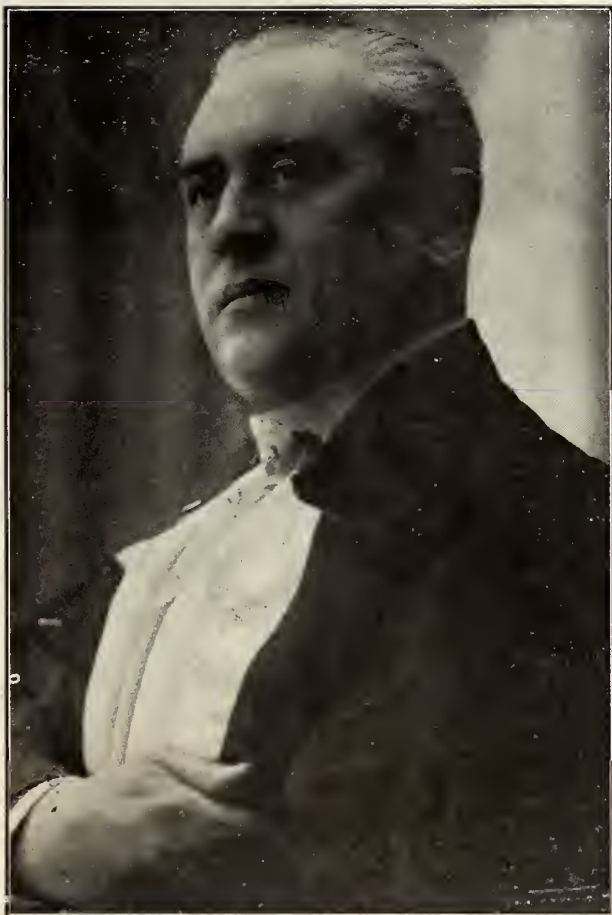
Только активное меньшинство, руководимое національными идеалами и жертвенной преданностью родинѣ. Когда родинѣ угрожаетъ насильственное задушеніе отъ постороннихъ народу силъ, кто можетъ предупредить эту опасность?

Только самъ народъ въ лицѣ его лучшихъ сыновъ, которые силъ противопоставляютъ свою собственную силу.

Таковы уроки фашистской революціи.

Вячеславъ Новиковъ.

Юрій Морфесси



8 марта въ Парижѣ даетъ концертъ Ю. С. Морфесси. Артистъ, посвятившій себя цыганской пѣснѣ, остается вѣренъ ей и понынѣ: интересная программа составлена изъ цѣнныхъ вещей его извѣстнаго репертуара.

До войны Юрій Морфесси объѣхалъ всю Россію, былъ въ Сибири, на Кавказѣ.

За рубежомъ Юрій Спиридоновичъ пѣлъ въ Парижѣ, въ Германіи, Румыніи, Югославіи.

— Началъ я, — вспоминаетъ артистъ, — съ русскихъ пѣсенъ. Помню, одной изъ первыхъ былъ романсъ Бакалейникова, “Ну, побыстрѣй летите, кони!” А потомъ, послѣ того, какъ слышался цыганъ, я всецѣло посвятилъ себя цыганской пѣснѣ. Пою я только по русски. Созданный мной жанръ тѣсно связанъ съ русскимъ языкомъ. Въ переводѣ онъ, несомнѣнно, теряетъ. Но думаю, что удачно я могъ бы воспроизвести его по гречески.

— Я, вѣдь, грекъ, — продолжаетъ Ю. С.

Родители Морфесси переселились въ Одессу, когда ему было не больше года. Мальчикъ учился въ греческомъ училищѣ, переводилъ съ древне греческаго на новый Эврипида, Ксенофонта и въ тѣ же годы прекрасно

овладѣлъ русскимъ языкомъ; Ю. С. окончилъ курсъ консерваторіи и дебютировалъ въ Одессѣ въ “Фаустѣ”.

Его оперная карьера продолжалась, однако, не долго. Ю. Морфесси вступилъ въ составъ Кіевской Оперетты Блюменталь-Тамарина, а послѣ его смерти, сталъ эстраднымъ пѣвцомъ.

Здѣсь — его призваніе. Послѣ первыхъ концертовъ растетъ его популярность, и созданныя имъ миниатюрныя изящныя вещи оцѣниваются высоко и во дворцахъ и въ общедоступныхъ концертахъ.

Ю. С. Морфесси есть о чемъ вспомнить. Онъ съ увлеченіемъ рассказываетъ о пестрой, полной яркихъ впечатлѣній, жизни въ Россіи и признается, что тянетъ его теперь въ Грецію.

Солнце, любимое море...

Хочется отдохнуть...

— Я пою съ восьмилѣтняго возраста. Началъ пѣть еще въ церковномъ хорѣ, — рассказываетъ онъ.

И снова весь въ воспоминаніяхъ.

Я прошу Юрія Спиридоновича подѣлиться ими съ читателями “Россіи”, и мы прощаемся — до концерта.

К.

Варя Ласка



Извѣстная исполнительница цыганскихъ пѣсень, Варя Ласка, послѣ выступленій въ Парижѣ, приглашена выступить въ концертахъ въ Ригѣ, въ "Альгамбра".

Варя Ласка поетъ ядро, задумчиво, вкладывая въ исполненіе много чувства. Пріятный голосъ звучитъ свѣжо.

Нѣкоторыя пѣсенки исполняются ею подъ аккомпаниментъ гитары. Публика съ удовольствіемъ принимаетъ въ ея передачѣ и прежнія пѣсенки, звучавшія съ эстрады лѣтъ десять тому назадъ, достойныя возрожденія въ наши дни, и французскія миниатюрныя вещицы современнаго Монмартра.

НАШИ ХУДОЖНИКИ

Художникъ Максимиліанъ Людвиговичъ Максолли закончилъ образованіе въ Художественномъ Училищѣ барона Штиглица въ Петербургѣ.

Въ 1924 году ему удалось, съ большимъ трудомъ, перебраться за границу. За рубежомъ, онъ устраиваетъ выставку въ Варшавѣ, въ Салонѣ г. Горлинскаго. Тамъ на его портреты обращаетъ вниманіе высшее Варшавское общество. Изъ Варшавы художникъ ѣдетъ въ Эстонию, пишетъ цѣлый рядъ портретовъ государственныхъ дѣятелей и одновременно большія батальныя картины. Всѣ картины, написанныя тамъ, приобрѣтены государственными учрежденіями. Когда офицерство захотѣло увѣковѣчить память ген. Лайдонера, выборъ палъ на художника Максолли. Кромѣ того, ему заказывается рядъ другихъ портретовъ для Военнаго Музея.

Изъ Эстоніи художникъ уѣзжаетъ въ Чехословакию, гдѣ пишетъ портреты русскихъ ученыхъ и писателей. Одинъ изъ этихъ портретовъ — В. И. Немировича-Данченко — мы предложили вниманію читателей. Мститый писатель лестно отзывался о портретѣ.

Во время отдыха въ Карлсбадѣ художникъ получаетъ рядъ приглашеній въ Варшаву, Берлинъ, Данію.

Въ настоящее время М. Л. Максолли готовится къ устройству выставки въ Парижѣ.

Борисъ Петровичъ Крыловъ родился въ 1891 г.

Его учителями въ Москвѣ были профессоръ Михайловскій и А. Голубкина.

Съ 1920 года, послѣ эвакуаціи, онъ работаетъ въ Югославіи въ качествѣ завѣдующаго плакатомъ - рекламными бюро "Югъ" и "Мото - Реклама", а черезъ три года, съ переездомъ въ Парижъ, организуетъ группу художниковъ - декораторовъ.

Парижанамъ извѣстны его работы. Имъ расписаны La Bohème, L'Ours, Château Caucasiens, Caveau Caucasiens, Gabriels, Don Juan.

Онъ пишетъ декорации во французскомъ театрѣ «Le nuit blanche», и получаетъ приглашеніе декораторомъ Пражской группы Московскаго Художественнаго театра. "На днѣ", "Вишневый садъ", "Село Степанчиково" поставлены при его участіи.

Въ 1925 году Б. П. отходитъ отъ декоративныхъ работъ и посвящаетъ время живописи.

У художника вырабатывается свой жанръ — русскія сценки (акварели).

Его вещи появляются на выставкахъ общества Монпарнассскихъ художниковъ. Въ 1928 г. онъ участвуетъ въ выставкѣ въ Буеносъ - Айресѣ, въ 1929 г. въ Кембриджѣ (изъ 42 вещей продано 38), въ 1930 г. въ Нью-Йоркѣ (проданы всѣ 7 картинъ).

К.



Казакъ.

На древнемъ рубежѣ

Часть четвертая.

I

На лѣвомъ берегу Терека, тамъ, гдѣ онъ, прихотливо изогнувшись, южнѣ Болотнаго, образуетъ подкову, пасется въ треногахъ табунъ лошадей. На утомленныхъ отъ зноя вербахъ и кустахъ терновника сохнетъ казачье бѣлье. Шаловливый вѣтерокъ надуваетъ его, или, скомкавъ, швыряетъ на землю. Впереди излучины тянется обросшій бурьяномъ высокій валъ, подъ которымъ змѣится высохшая канава. Всюду на разостланныхъ буркахъ стдыхаютъ казаки, обливаемые лучами щедраго солнца. Сбоку каждаго лежатъ шашка и винтовка.

Подъ громадной осиной сидитъ по кавказски Лукинъ. Передъ нимъ кроки города Болотнаго. Вотъ, къ нему подъѣхали два казака на потныхъ лошадяхъ. Передній — сухой, маленькій, нервно подвижный, бросилъ поводъ спутнику, мясистому круглолицему парню, досталъ изъ-за пазухи сложенный листъ и протянулъ есаулу:

— Неужели ничего не замѣтно? — спросилъ Лукинъ.

— Никакъ нѣтъ! — отрубилъ казакъ, отдавая честь.

— А жителей сель спрашивали?

— Такъ точно, всѣхъ мужиковъ жителей спраши-

— Нѣтъ ли въ деревняхъ солдатъ?

— Всѣ въ Болотный ссыпались... Если какой задержался, все одно, ничего не добьешься. Волкъ волкомъ...

“Усилить бдительность по всѣмъ дорогамъ, связывающимъ городъ съ селами, ибо сношенія между ними не прекращаются”, — писалъ Лукинъ приказаніе командиру развѣдывательной сотни.

— Тимошкинъ! Больше никто не ѣдетъ? — крикнулъ Лукинъ, передавъ конвертъ гонцамъ.

— Никакъ нѣтъ! — упало съ вершины осины, гдѣ стоялъ казакъ.

— А что дѣлаютъ на паромѣ?

— Тама, на той сторонѣ старики все окопы роютъ. Только видно, Ваше Высокоблагородіе, за садами подъ Болотнымъ три разъѣзда нашихъ, маячатъ. Одинъ въ камыши запропастился, стоитъ подъ стогомъ, а казакъ съ коня вскарабкался на вершину.

— Ты въ бинокль смотри. Чего ладони приставилъ?!

— Такъ точно! Сичасъ! Я только разглядѣть хотѣлъ... — И наблюдатель вооружилъ глаза биноклемъ Цейса.

— Измаиль! — крикнулъ Лукинъ. Отъ ближайшаго кружка отдѣлился невысокій горбоносый чече-

нець съ подстриженными усами и бритой бородой. Серебряный кинжалъ на драпомъ бешметѣ рѣзко подчеркивалъ любовь къ оружію и гордое презрѣніе ко всему остальному. Онъ важно опустился рядомъ съ Лукинымъ.

— Слѣдовательно, всѣхъ берешься доставить?

— Эй, Банька! Моя, твоя — братъ. Давай твоя рука! Если твой кунакъ ингушъ вывезетъ изъ Благодатнаго и доставитъ въ Османъ Хажи Юртъ — моя вся Чечня, ровно скатерть, пройдетъ... Ей Богъ, да!..

— Не будетъ дома Османа, подождешь, а нѣтъ — пусть братъ его ѣдетъ вотъ съ этимъ въ Благодатный и передастъ, кому слѣдуетъ. Одно, слѣдовательно, Осману, а другое — въ своемъ онъ прочитаетъ, кому. Сколько окончательно? — спросилъ есаулъ, протягивая два письма.

— Если дѣвку таскать буду, два тысячъ; бумагу только привезу, пять сто. А бабушка — мабушка — это пустяки, — въ подтвержденіе того, что доставка остальныхъ, дѣйствительно, — пустяки, чеченецъ сплюнулъ на траву.

— Магарычъ будетъ, — улыбнувшись, сказалъ Лукинъ. Они хлопнули по рукамъ.

— Пожалуйста, денегъ не жалѣй, нанимай фаэтоны... Дней пять пробудете въ дорогѣ... Всѣ расходы беру на себя, — добавилъ Лукинъ, наблюдая, съ какой осторожностью Измаиль вложилъ письмо въ желтый бумажникъ и спряталъ за пазуху.

— Шашлычку, господинъ есаулъ, не угодно ли? — предложилъ командиръ одной изъ сотенъ прапорщикъ Шилинъ.

— Спасібо, Игнатъ, съ удовольствіемъ.

— Въ развѣдкѣ шальная красныхъ подвалила. Не бросать же? Бычекъ — слава Богу! Федька! — крикнулъ Шилинъ. Въ мгновеніе ока передъ буркой выросъ босоногій парень въ распоясанной короткой рубахѣ. — Коли готово, давай! Начальника отряда угостимъ да кунака. А то — чего добраго — тревога...

— Сію минуточку, господинъ прапорщикъ!

Не успѣла набѣжать слюна, какъ надъ кружкомъ зашипѣли куски мяса, нанизанные на двѣ хворостинки.

— Вотъ и лучекъ, господа офицеры! — промолвилъ Федька, выпуская изъ-подъ мышки зелень. — И чихирекъ вамъ, господа офицеры, — протянулъ онъ флагу.

— Съ откуда? — спросилъ Шилинъ.

— Изъ Болотнаго! — бросилъ парень, исчезая за деревьями.

— Тимошкинъ!

— Чего изволите, господинъ есаулъ?

— Слѣзай завтракать, да горло промочишь!

— Никакъ нѣтъ! Сызнова карабкаться придется. Такъ что, господинъ есаулъ, разрѣшится, вечеромъ побѣдаю и вразъ пошашлыкую.

— Паромъ отчаливаетъ! — упало съ вершины.

— Ага! Плыветъ маханъ (мясо)! — просіялъ Язычковъ, потягиваясь со сна.

— Еще вамъ, ваши благородія? — прозвенѣлъ веселый голосъ.

— Буди, Федька, офицеровъ да господина студента. Незамай сюда... — распоряжался Шилинъ. Вскорѣ два хорунжихъ, безусый и бородатый и загорѣлый студентъ, присоединились къ трапезѣ.

— Ну, какъ, Миша? До побѣднаго будемъ или безъ аннексій и контрибуцій? — обратился Лукинъ.

— На конѣ — то пустяки, а въ пѣхотѣ, — не приведи Богъ. Встрѣтилъ на дняхъ Платона. Такъ отбиваетъ! Пыль столбомъ! Если бы не техническая фуражка, ни за что не отгадалъ. Весь сѣрый, сбоку ногойская торба. Словомъ Европа съ Азіей скрестились.

Въ это время отрядный интендантъ, маленькій, толстый сотникъ Кремешокъ отдѣлился отъ офицерской

группы и вслѣдъ за артельщикомъ побѣжалъ къ пристани. За нимъ послѣдовалъ Измаиль. Черезъ нѣсколько минутъ паромъ поплелся обратно, мѣрно покачиваясь на широкой серебристой глади Терека. Сразу все оживилось, загудѣло. Вареное мясо, сахаръ, хлѣбъ быстро разошлись изъ мѣшковъ по рукамъ. Затрещали дрова, потянуло дымкомъ, закачались котелки надъ кострами. Улучивъ моментъ, когда Лукинъ остался одинъ, къ нему подсѣлъ интендантъ.

— Что новаго съ родной сторѣны, Василій Сидорычъ? Чеченцы не грабятъ?

— Какой тамъ? Изъ Алексѣевской табунъ казачій угнали... Прямо наказаніе. Тутъ война, дома разореніе, съ двухъ концовъ горимъ!

— На счетъ патроновъ паромщики ничего не передавали?

— Слава Богу, на нашъ фронтъ привезли, говорятъ, тысячъ двадцать. Покупали у чеченцевъ по рублю штука. И батарея идетъ, — будто интендантскіе казаки обогнали ее на грузовикѣ около Старога моста. Есаулъ Кругликовъ ведетъ. Четыре пушки...

— А! Сережа! — протянулъ Лукинъ.

— Господинъ есаулъ! Ваше Высокоблагородіе! Два казака скачутъ отъ Тутинки, — упало сверху.

— Во весь опоръ? — встрепенулъ Лукинъ.

— Такъ точно! Только копыта сверкаютъ.

— Будетъ дѣло. Если агентурныя свѣдѣнія точны, — батальонъ красныхъ снимемъ со счета. Дальше Тутинки шага не дадимъ. Пусть попробуютъ сунуться на соединеніе съ отрядомъ изъ Крутоярова! — разсуждалъ вслухъ Лукинъ, впившись въ карту.

— Силь маловате, господинъ есаулъ, — бросилъ сомнѣніе интендантъ.

— Зато шашки вострыя...

— Господинъ есаулъ, а для чего изъ штаба присланъ Язычковъ?

— Предназначается комендантомъ Болотнаго. Еще медвѣдь въ лѣсу, а шкуру раздѣлили!..

— Ну, что — обратился Лукинъ къ подсказавшимъ казакамъ. Старшій передалъ пакетъ, потомъ что-то началъ докладывать есаулу, безпрестанно указывая рукой то въ одну сторону, то въ другую.

— А сотня гдѣ? — спросилъ оживившійся Лукинъ.

— Въ лѣсу притаилась, господинъ есаулъ. — Держить наблюденіе между Болотнымъ и селеніемъ Тутинка.

— Сѣдлай! Командиры сотенъ ко мнѣ! — властно командовалъ Лукинъ, натягивая черкеску. Офицеры мигомъ окружили начальника. Бѣлье слетѣло съ кустовъ, замахали черными широкими крыльями бурки и свернулись за сѣдлами.

— Батальонъ красныхъ съ батареей выступилъ изъ Болотнаго. Развѣдывательная сотня, не теряя противника изъ виду, отошла въ лѣсъ... Наша задача — сегодня уничтожить эту группу и, тотчасъ повернувъ фронтъ, обрушиться на силы, высланныя изъ Крутоярова, — затягивалъ узелъ событій Лукинъ.

Черезъ нѣсколько минутъ отрядъ, соблюдая строгій порядокъ, перекатился черезъ валь. Словно по молчаливой командѣ, казаки снимали шапки, крестились, потомъ, сосредоточенные, ѣхали молча.

Подкова опустѣла, расширилась. На переправѣ зашевелились.

— Куда его понесло? — обратился дядя Мосей къ длиннобородому Парфѣ.

— А кто ѣ знаетъ? Пылятъ, разѣзды большевистскіе гоняютъ, либо старенькую оружію отбираютъ въ селахъ. Время молодое, ну и того...

— Они того, а мы чего торчимъ, лягушекъ караулимъ? — прозвенѣлъ Мосей.

— Дѣдуки, "въ атаку"! — раздалась команда изъ

коша, откуда вышелъ высокій рыжій прапорщикъ Чепуркинъ. — Лукинъ улетучился. “Пулю” сюда не занесетъ, — говорилъ онъ, потягиваясь и зѣвая. Паромъ вмигъ преобразился: на полу кружкомъ сидѣла дружина длиннобородыхъ богатырей, два молодыхъ казака и самъ “главнокомандующій” прапорщикъ Чепуркинъ. Въ серединѣ комнаты выпячивалъ брюхо пятиведерный боченокъ чихиря, а на листьяхъ лопуха краснѣла икра, лежала ломтиками нарѣзанная сазанина, куски хлѣба, вареное мясо.

— Отчаливай! — скомандовалъ прапорщикъ, наливая полуведерную чашку.

Отстегнувъ, молодые казаки забросили причалы и взялись за канатъ. Нехотя, выражая поскрипываніемъ неудовольствіе, какъ старецъ, поплелся паромъ черезъ Терекъ.

“Какъ по морю, морю Синему,
Какъ по морю по Хвалынскому,”

густымъ сиплымъ баритономъ запѣлъ комендантъ. Ватага дружно подхватила прекрасно разученную пѣсню, и чашка двинулась по солнцу.

— Парфуша! “Внизъ по матушкѣ”... — распорядился комендантъ.

“Внизъ по матушкѣ, было, братцы, по Волгѣ,
По широкому, было, раздолью”...

разлился могучій мотивъ.

Послѣ третьяго рейса “ушкунники”, пошатываясь, вышли на берегъ. Прапорщикъ скатилъ боченокъ ногой, поставилъ его подъ осиною и грузно опустился на своего неизмѣннаго конька:

“Генераль
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ”...

бормоталъ онъ, наваливаясь на столъ отсырѣвшимъ тѣломъ.

— Парфушка! Доноси! — крикнулъ онъ, качнувшись.

— Чего тебѣ доносить то буду? Себя... до... к...коша... никакъ... не до... не... су...

“На ходуляхъ я иду или на ногахъ?” — разсуждалъ въ бороду Парфа, улавливая равновѣсіе.



Лукинъ въ это время съ опушки лѣса наблюдалъ въ бинокль за селеніемъ Тутинкой.

— Господинъ есаулъ, по улицѣ тянуть пулеметы... Вонъ, видите, баба изъ ведра коннаго поить, — выкладывалъ стоявшій сзади Тимошкинъ.

— Первая и третья сотни, двумя эшелонами въ атаку! — приказалъ Лукинъ стоявшимъ сзади него офицерамъ. Перекрестился бородатый Костя, развернулъ фланги и съ крикомъ “ура!” широкимъ фронтомъ ринулся на противника... Зашумѣли слѣдомъ вершины деревьевъ — то стаей орловъ вырвалась изъ лѣса третья. Съ потрясающимъ протяжнымъ гикомъ она помчалась за первой, сверкая на солнцѣ шашками.

“Та - та - та - та - та - та”... забарабанили пулеметы красныхъ. “Бум! Бум!” на всю окрестность загудѣли ихъ орудія. Взвился дымокъ, второй, и съ оглушительнымъ трескомъ начали рваться шрапнели, осыпая казаковъ картечью.

“У бб і й ю!” пропѣлъ у Лукина надъ головой мѣдный стаканъ.

— Четвертая сотня, за мной! — скомандовалъ онъ, вскакивая въ сѣдло.

— Ее подѣсаулъ Языковъ повели въ обходъ! — доложилъ запыхавшійся Тимошкинъ.

— Какъ въ обходъ? Кто разрѣшилъ?!

“Та - та - та - та - та!” съ двухъ сторонъ вели строку пулеметы.

“Гау!! Гау!!” гремѣли напруительскія пушки.

Взвившись на дыбы, грохнулъ конь бородатаго хорунжаго. Всадникъ замеръ, потомъ началъ барахтаться подъ трупомъ. Выдернувъ придавленную ногу, онъ оглянулся и побѣжалъ впередъ, размахивая шашкой.

— Константинъ Никитичъ! Сюда! — раздалось изъ-за убитаго коня. Хорунжій увидѣлъ стрѣлявшаго по деревнѣ станичника. Мимо нихъ съ ординарцами проскакалъ Лукинъ.

— Эхъ, рветъ! — подумалъ бородатый хорунжій, взглянувъ на сверкнувшія копыта. Пули, жужжа, роились надъ ихъ головами. Вокругъ Тутинки носились дымки.

— Ура! Ура! — кричалъ Лукинъ, влетая на площадь.

“Та - та - та - та - та - та!” захлопали пулеметы.

“Тіу - тіуу, ті - у, тіу!” пѣли пули, торопясь другъ за дружкой.

Взмахнулъ Лукинъ гурдой... и былинкой зашатался пулеметчикъ, роняя выхваченный револьверъ.

— Господинъ есаулъ! Обходятъ! — крикнулъ Тимошкинъ. Не успѣлъ Лукинъ оглянуться, какъ трубачъ схватилъ за поводъ Мюрида, рванулся за ординарцами, и всѣ вынеслись въ чистое поле.

— Сборъ! — приказалъ Лукинъ, подскакивая къ опушкѣ. Тимошкинъ поднялъ сигнальную трубу, стукнулъ ладонью въ мундштукъ и заигралъ. Точно окровавленные соколы съ поля битвы, со всѣхъ сторонъ на разгоряченныхъ потныхъ лошадяхъ подѣзжали казаки. Командиры выстраивали свои сотни.

Лукинъ зорко слѣдилъ за Тутинкой.

“Сейчасъ они пойдутъ впередъ или назадъ”, — шепталъ ему внутренній голосъ, — “тамъ не останутся”. Лукинъ окинулъ разстояніе до садовъ Болотнаго. “Около версты чистаго мѣста для атаки”, опредѣлил онъ.

— Скачите къ командиру, чтобы сотня отрѣзала дорогу отъ садовъ, — приказалъ Лукинъ привезшимъ донесеніе. Гонцы поскакали обратно.

“Сейчасъ, сейчасъ”... мысленно повторялъ Лукинъ, не спуская глазъ съ притихшей деревни. Увѣренность въ побѣду овладѣла всѣмъ его существомъ. Онъ ожидалъ улыбки военного счастья. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ красные торопливо двинулись обратно. Что-то пріятное обожгло сердце есаула. “Такъ! Такъ!” — повторялъ онъ, наблюдая выползающую изъ Тутинки колонну.

“Не упустить моментъ, атакуй въ серединѣ дороги”, — не унимался подстрекатель. Глаза есаула глубже вошли въ бинокль. Онъ точно окаменѣлъ вмѣстѣ съ Мюридомъ. Въ поднятой противникомъ пыли ясно обозначились орудія, зарядные ящики, терявшія дистанцію роты. Эскадронъ кавалеріи съ краснымъ знаменемъ во главѣ готовъ былъ выскользнуть изъ поля его зрѣнія. “Пора” — мелькнуло въ головѣ. Лукинъ выхватилъ шашку. Всѣ мысли его были устремлены на это страшное чудовище, торопливо уползавшее отъ опасности.

Каменной стѣной тянулась линія фронта, скованная молчаніемъ.

— Зачѣмъ выстроили отрядъ? — предательскимъ выстрѣломъ грянуло въ спину Лукина. Отъ этого удара у есаула зарыбило въ глазахъ. Митинги, разстрѣлы солдатами своихъ офицеровъ, развалъ арміи — всѣ эти жуткія картины съ молниеносной быстротой пронеслись въ его головѣ.

Оглянувшись, онъ сразу отыскалъ угрожающее жало.

— Красные отступаютъ, сейчасъ атакуемъ, — твердо отвѣтилъ Лукинъ, не спуская глазъ съ урядника Карпова.

— Довольно лить нашу кровь. Мы не пойдемъ! — заявилъ тотъ, взглядами по сторонамъ какъ бы подчитывая своихъ единомышленниковъ.

“Еще минута, и все потеряно!” мелькнуло въ головѣ Лукина.

— Господа офицеры! Шашки вонъ! За мной въ атаку! Маршъ, маршъ! — словно качнувшись надъ пропастью, нечеловѣческимъ голосомъ закричалъ Лукинъ и, взмахнувъ клинкомъ, помчался къ колоннѣ.

“Все равно — пуля въ спину, пуля въ лобъ!” пронеслось въ его сознаниі.

— Ура! — рванулись офицеры за командиромъ. И вдругъ раздался пронзительный страшный гикъ... Мурашки побѣжали по тѣлу! Вздогнула земля... И, сорвавшись съ мѣста, конная туча помчалась за офицерами. Выстрѣлы, крики, кровь, стонъ, ржаніе лошадей — все слилось въ сплошной гулъ. “Ура!” рвалось изъ груди казаковъ. “Ура! Ура!” кричали, отстрѣливаясь на бѣгу, красноармейцы.

— Они насъ отбили, а мы ихъ разбили! — проговорилъ вполголоса Лукинъ, осматривая трофеи.

— Подѣсаулъ Язычковъ, извольте немедленно отправиться въ распоряженіе начальника штаба въ Пыльный.

— Слушаюсь, господинъ есаулъ, — отвѣтилъ тотъ.

II

Утромъ въ Тутинкѣ на кладбищѣ выросли двѣ большія братскія могилы. Между ними чернѣли три маленькихъ холмика, подъ которыми нашли вѣчное упокоеніе солдаты, недавно прибывшіе въ родное село дѣлать землю, углублять революцію, грабить награбленное...

Дыханіе смерти ощущалось всѣми также на паромѣ. Тамъ стояли длинные фургоны. На двухъ подъ бурками лежали казаки, урядникъ Урчукинъ и молодой хорунжий. На третьемъ сидѣлъ, съ раздробленной рукой на косынкѣ, урядникъ Карповъ, съ тоскою посматривавшій на своего тяжело раненаго сосѣда. Это былъ сынъ бондаря, вмѣсто Привѣтнинской сотни, очутившійся въ рядахъ противника. Около подвода стоялъ въ кителѣ маленькій розовый командиръ батареи есаулъ Кругликовъ.

— Гдѣ жъ будетъ теперь конный отрядъ? — вторично спросилъ онъ Карпова.

— Такъ что они... Ой... На Крутой Ярѣ... Ой... Запалились... Ой... Слышать было, что оттелева... Ой... Идетъ... Ой... Обозъ со снарядами...

— Батарея догонитъ?

— Гдѣ тамъ! Ой! Лукинъ есаулъ съ разсвѣтомъ махнулъ...

— Ну-ка, хлестни чихирька да съ Богомъ. До жары надо къ поѣзду... — заявилъ о себѣ Чепуркинъ, подошедшій съ чашкою.

Раненые подкрѣпились. Возницы мужички осушили до дна, крякнули, закусил, потомъ погнали фургоны черезъ заросли по пыльной разбитой дорогѣ. Батарея — два полевыхъ и два горныхъ орудія — изъ кустовъ смотрѣла черезъ Терекъ въ сторону Болотнаго. Артиллеристы убрали лошадей, а Кругликовъ полѣзъ на осину. Оглушаемый галтомъ ея безчисленныхъ квартирентовъ, онъ кошкой вскарабкался вверхъ. Но не успѣлъ Кругликовъ добраться до вершины, какъ раздалась его команда. Прислуга кинулась къ орудіямъ. Чепуркинъ съ подчиненными плюхнулся въ окопы. Защелкали затворы берданъ. Кругликовъ зорко слѣдилъ за движеніемъ къ парому отряда противника. Въ хвостѣ пѣхоты ныряли по ухабамъ пушки, скрипѣли арбы, нагруженные каюками.

“Бам! Бам! Бам!” — загудѣли орудія съ правой стороны Терека, щедро осыпая казаковъ свинцовыми орѣхами. Подъ ихъ прикрытіемъ, цѣпь за цѣпью, дви-

нулись красноармейцы къ пристани... Захватъ переправы съ налета оставался вопросомъ нѣсколькихъ минутъ.

— Ура! — закричалъ богатырскаго сложенія матросъ, выскакивая впередъ.

— Ура! Ура! — забѣгало искрами по рядамъ.

— Картечь! — скомандовалъ Кругликовъ.

И тотчасъ надъ цѣпями задымилась дымка казачьей батареи. Свистя и царапая землю, съ бѣшеной яростью неслась картечь навстрѣчу наступающимъ. Вспомнивъ шамилевское время, дружно заквакали берданы и заволокли Терекъ дымомъ. Сожженные дыханіемъ пушекъ, солдаты замялись и, вдругъ выгнувшись въ серединѣ серпомъ, они бросились назадъ, поливаемые огнемъ стонущихъ отъ хохота орудій.

— Ура! Ура! — дружно закричали дѣды, когда послѣдніе обрывки растерзанныхъ цѣпей исчезли за валомъ. Осамъ кружились надъ паромомъ снаряды. Отъ грохота колебалась вся окрестность.

— Кумъ, убили! — простоналъ Парфа, роняя бердану. Станичники подхватили раненаго на разостланную бурку. Смерть торопливо закрывала его глаза. Старики окружили умирающаго, стараясь уловить шелестъ его побѣлѣвшихъ губъ. Парфа съ трудомъ преодолевъ пожирающее внутри пламя, посмотрѣлъ въ глаза Чепуркина и явно въ выговорилъ:

— Крестикъ... у меня... вчера... оборвался, кумъ... — Обливаясь слезами, тотъ надѣлъ свой натѣльный крестъ на отходящаго. Парфа обвелъ всѣхъ невыразимо печальнымъ взглядомъ, посмотрѣлъ на ясное голубое небо, потомъ тихо, почти неслышно, произнесъ:

— Простите...

И закрылъ глаза.

Среди убитыхъ красноармейцевъ Чепуркинъ сразу опозналъ своего племянника — Петьку, сбѣжавшаго съ солдатами. Въ спинѣ парня зіяла рана.

— Другой разъ не измѣнишь! — проговорилъ командантъ, отворачиваясь.

Подъ осиной, гдѣ еще вчера потчевалъ Федька господъ офицеровъ, къ вечеру выросла большая братская могила.

III

На широкомъ дворѣ небольшого хутора, сѣвернѣе котораго томились казаки въ размокшихъ отъ дождя горемычныхъ окопахъ, — на буркахъ, подъ липой, сидѣлъ кружокъ казачьихъ офицеровъ. Изъ группы рельефно выдѣлялся стройный генералъ въ темносиней черкескѣ съ бѣлымъ крестикомъ на груди, главнокомандующій терскими казаками Эльмурза Мистуловъ.

Напротивъ него слегка сутулился въ полушубкѣ начальникъ войскъ, оперировавшихъ подъ Болотнымъ, полковникъ Загѣваловъ. Поминутно оборачиваясь, онъ прикладывалъ платокъ къ облупившемуся еще съ лѣта носу. Здѣсь же находился начальникъ конницы полковникъ Говоруновъ, рядомъ съ нимъ есаулъ Лукинъ и, наконецъ, инспекторъ артиллеріи войсковой старшина Ханкинъ.

Поднявъ голову, Лукинъ наблюдалъ пролетавшую станицу журавлей. “Курлы! Курлы!” приглашали летѣть за собой счастливыя птицы. Лукинъ съ завистью смотрѣлъ въ облака, откуда звучалъ призывъ въ благословенныя дали.

— Положеніе, господа, осложняется съ каждымъ днемъ, — говорилъ главнокомандующій, водя пальцемъ по картѣ Терской области, испещренной цвѣтнымъ карандашомъ.

Лукинъ глазами уперся въ Благодатный, обведенный краснымъ кружкомъ. Съ болью въ сердцѣ онъ мысленно перечитывалъ недавню полученныя караули Демьяна о неудавшейся попыткѣ освободить Валю.

(продолженіе слѣдуетъ)

П. Ергушевъ.

Памяти И. И. Климова.

Ивана Ивановича знало и единодушно уважало все Уральское Войско, и тяжкая вѣсть о его неожиданной кончинѣ на югѣ Франціи опечалила и насъ, уральцевъ, и нашихъ близкихъ друзей.

Въ небольшомъ поселкѣ прошло раннее дѣтство Ивана Ивановича. Съ малыхъ лѣтъ любознательный и разумный мальчикъ началъ ученье. И всю жизнь, до конца дней, жадно всѣмъ интересовался, обстоятельно оцѣнивалъ и взвѣшивалъ факты, ясно, точно и независимо судилъ.

На военной службѣ онъ былъ вахмистромъ. Съ Великой войны, послѣ ряда отличій, вернулся есауломъ. Золотой георгиевскій крестъ и рядъ орденовъ были ему достойной наградой.

Тѣ, кто близко знаетъ событія, происшедшія на Уралѣ въ дни гражданской войны, вспомнятъ и оцѣнятъ роль И. И. Климова при образованіи Военнаго Комитета.

Его вліяніе на Съѣздѣ депутатовъ было значительнымъ.

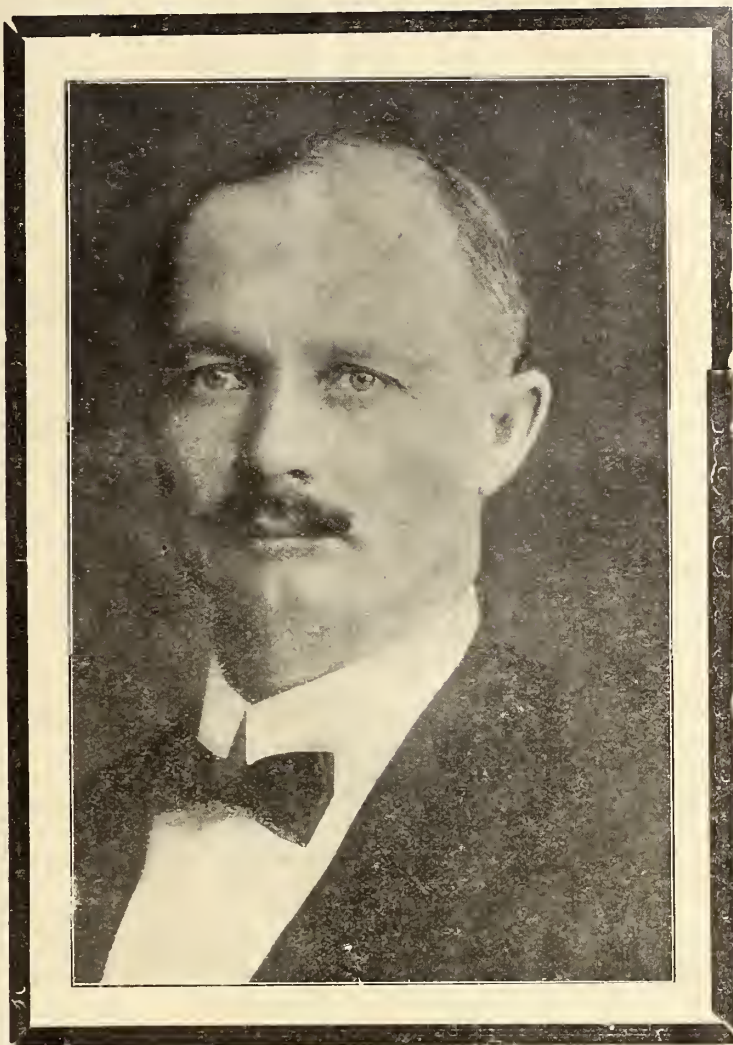
Работа въ Войсковомъ Правительствѣ, по приглашенію Г. М. Фомичева и позже по назначенію Войскового Атамана, въ высшей степени цѣнной.

Въ трудное время обороны Уральска одинъ изъ участковъ фронта былъ ввѣренъ ему.

Человѣкъ неукротимой энергіи, И. И. Климовъ боролся за благо Родины и Войска до конца.

И, когда въ 1920 году, остатки Уральской Арміи, обезсиленной неустанной борьбой и ужасной эпидеміей тифа, двинулись къ форту Александровску и дальше въ Персію и Месопотамію, — въ этой группѣ, уносившей изъ Россіи Войсковое знамя, былъ и И. И. Климовъ.

За-границей, въ Чехословакии и во Франціи, проявляя снова способности



организатора, И. И. содѣйствовалъ улучшенію благосостоянія уральцевъ и самъ взялся за созданіе небольшого хозяйства въ окрестностяхъ Нишцы.

И здѣсь, въ тиши, послѣ болѣзни, скончался.

Миръ его душѣ!

Е. К.

Надъ землей

— Ваше высокородіе! Ваше высокородіе! Вставайте, уже пора — сквозь сонъ слышу я голосъ денщика, Федора Вяткина, и чувствую, что кто-то осторожно меня трясетъ. — Ваше высокородіе, уже третій часъ будетъ, а въ четыре вылетать вамъ надо.

— Совсѣмъ, было, забылъ, Федоръ, скорѣе воды и одѣваться! — говорю я, вскакивая съ постели.

Подхожу къ окну. На дворѣ темно. Должно быть, холодно звѣрски... Выхожу въ сѣни, гдѣ ждетъ меня традиціонный холодный душъ. Ледяная вода сразу отгоняетъ мысли о снѣ. Наспѣхъ одѣваюсь, натягиваю кожаный полетный костюмъ, беру шлемъ, очки. Денщикъ подаетъ альтиметръ, часы, перчатки.

— Ни пуха, ни пера Вамъ, ваше высокородіе, — выходя, слышу я знакомое напутствіе.

— Спасибо, Федоръ, вернусь, должно быть, часовъ въ восемь. Приготовь все.

— Есть, Ваше высокородіе!

Быстрыми шагами направляюсь къ собранію, находящемуся въ покинутомъ помѣщичьемъ домѣ. Въ боль-

шомъ залѣ почти всѣ офицеры отряда въ сборѣ. Пьютъ чай. Здравуюсь со всѣми.

— Ну, какъ себя чувствуешь, не усталъ ли? Вчера ты въ девять вечера вернулся съ развѣдки, — обращается ко мнѣ мой наблюдатель, сотникъ В., донской казакъ, лихой, отважный представитель своего Войска.

— Нѣтъ, ничего; наоборотъ, очень хорошо; особенно послѣ холодного душа.

— Господа офицеры! — раздается чей-то голосъ. Всѣ встаютъ. Входитъ есаулъ Я., командиръ отряда, кубанскій казакъ, въ формѣ 2-го пластунскаго императрицы Екатерины II полка, съ кожанымъ шлемомъ вмѣсто папахи.

Командиръ дѣлаетъ общій поклонъ и садится на свое мѣсто въ концѣ стола. Всѣ слѣдуютъ его примѣру. Дежурные денщики подаютъ чай.

— Господа, — обращается ко всѣмъ командиръ отряда. — Какъ вамъ извѣстно, штабъ арміи приказалъ произвести бомбардировку Владимира - Волынскаго, гдѣ сосредоточены большіе артиллерійскіе склады. Бомбар-

дировка должна быть произведена тремя отрядами, нашимъ, 4-мъ Сибирскимъ и 37-мъ корпуснымъ, подъ охраной 6-го Истребительнаго отряда; всего 24 бомбомета и 15 истребителей. Мѣсто сосредоточенія: пересѣченіе шоссе на Владимиръ Волынскъ нашими окопами. Время 5 час. 20 минутъ. Отставшихъ и запоздавшихъ не ждутъ. Надѣюсь, что каждый изъ васъ выполнитъ свой долгъ и не посрамитъ нашего отряда. А теперь, господа, съ Богомъ!

Гурьбой, вслѣдъ за командиромъ, мы вышли на улицу.

Шумъ, говоръ, смѣхъ сразу оживили спящую деревню. Издали доносится тихій рокотъ работающих моторовъ. Освѣщая дорогу электрическими фонариками, шлепая по лужамъ, приходимъ мы на аэродромъ. Всѣ аэропланы выстроены въ линію на самомъ краю поля, носами противъ вѣтра. Два полевыхъ прожектора, стоящіе сзади, освѣщаютъ аппараты и поле. Возлѣ каждого аппарата суетятся механики и мотористы.

Разбившись на группы по двое, мы расходимся по своимъ мѣстамъ.

— Здравствуй, Кузнецовъ! — обращаюсь я къ своему механику, старшему унтеръ - офицеру Кузнецову, призванному изъ запаса съ Путиловскаго завода. — Ну, какъ моторъ тянетъ?

— Да такъ себѣ, ваше высокородіе, больше 1220 оборотовъ не даетъ; всю ночь бился съ нимъ; придется его разобрать, какъ вернетесь съ полета; вѣдь, онъ уже больше полуроста часовъ отработалъ.

— Скверно, Кузнецовъ. Нагрузка - то будетъ большая, — говорю я, садясь на пилотское мѣсто, — ну, попробуемъ.

Мотористы хватаются за крылья.

Я провѣряю управленіе, берусь за рукоятку и даю мотору полный ходъ. Аппаратъ дрожитъ, трепещетъ, стараясь вырваться впередъ, но люди и подставка подъ колесами сдерживаютъ. Я гляжу на счетчикъ оборотовъ: 1235, показываетъ онъ. Я сбавляю газъ и говорю объ этомъ Кузнецову.

— Въ воздухѣ онъ даетъ 1260 - 1270; все же на 30 оборотовъ меньше нормальнаго, но моторъ хорошъ и можете быть спокойны — отвѣчаетъ онъ.

Мой наблюдатель грузитъ бомбы, которыя ему подносятъ мотористы, пробуетъ пулеметъ, стрѣльнувъ нѣсколько разъ въ воздухъ, провѣряетъ количество пулеметныхъ лентъ. Командиръ стоитъ передъ стартомъ съ флажкомъ въ рукѣ. Онъ его поднимаетъ... Раздается ревъ мотора, и первый аэропланъ, вырвавшись впередъ, уже несется по полю, залитому серебристымъ свѣтомъ прожекторовъ. Оторвавшись отъ земли, онъ исчезаетъ во мракѣ...

— Ты готовъ? — спрашиваю я сотника В.

— Да, все въ порядкѣ, — отвѣчаетъ онъ.

— Ну, съ Богомъ!

Я крещусь, даю мотору полный ходъ и по флажку командира взмахиваю руками, — сигналъ мотористамъ отпустить крылья и выдернуть подставки — и, схватившись за ручку управленія, качусь въ свою очередь по неровному полю. Скорость все увеличивается, толчки становятся мягче...

— Пора бы и оторваться, — думаю я зная, что впереди лѣсъ, — что же онъ не отрывается?

Волненіе охватываетъ меня.

Но, вотъ, толчки пропали. "Оторвался!" вздыхаю я облегченно, выдерживаю аппаратъ надъ землей, чтобы придать ему большую скорость, а потомъ рѣзко подымаю его скачкомъ вверхъ, какъ разъ передъ самымъ лѣсомъ. "Ухъ!" невольно вырывается вздохъ облегченія.

Темно все кругомъ, лишь горизонтъ вырисовывается болѣе свѣтлой линіей, да внизу яркимъ серебрянымъ пятномъ выдѣляется въ темнотѣ прямоугольникъ освѣ-

щенной части аэродрома. Оба прожектора производятъ впечатлѣніе двухъ свѣтящихся гигантскихъ глазъ.

— Смотри кругомъ — гдѣ наши? Лишь бы не наскочить на кого-нибудь, — кричу я сотнику В. и, прежде, чѣмъ онъ успѣваетъ отвѣтить, передъ самымъ носомъ на фонѣ темнаго неба появляется еще болѣе темная тѣнь аэроплана...

Я рѣзко кладу свой аппаратъ на лѣвый бортъ и съ креномъ удаляюсь въ сторону.

— Ты что, заснулъ? — кричу я, когда опасность миновала. — Чуть не угробились!

Сотникъ В., перегнувшись ко мнѣ черезъ бортъ, зреть во все горло: — Не могли даже лампочки повѣсить на концахъ крыльевъ. Ничего не видно!

Я успокаиваюсь, мысленно браня нераспорядительное начальство, и тяну кверху аппаратъ, поглядывая на доску съ приборами, освѣщенными маленькими лампочками, и прислушиваясь къ работѣ мотора. Счетчикъ показываетъ то 1225, то 1270, то вдругъ останавливается на 1250; альтиметръ — 1150 метровъ высоты; гляжу на часы, уже половина шестого. Горизонтъ начинаетъ свѣтлѣть, мракъ разсѣивается, только внизу земля еще черна.

— Плохо, — думаю я, — за 70 минутъ набрать всего 1150 метровъ — прямо скандалъ! Нужно идти на фронтъ. По дорогѣ, быть можетъ, наберу еще метровъ сто.

— Идемъ на фронтъ, — кричу я сотнику В. и поворачиваю аппаратъ.

Сотникъ, ничего не отвѣчая, лишь рукой даетъ мнѣ направленіе.

Становится уже совсѣмъ свѣтло. Земля еще чернѣетъ. Ориентируемся по бѣлымъ ленточкамъ шоссе и по рѣчкамъ. Вдали, на фонѣ неба, виднѣются бѣлые дымочки шрапнелей.

— Наши подъ обстрѣломъ, — соображаю я, — значить, уже работаютъ во всю.

Сотникъ В. показываетъ мнѣ пальцемъ разрывы. Я киваю головой: "вижу"...

Переходимъ окопы. Все тихо.

— Неужели не замѣтятъ? — спрашиваю недовѣрчиво себя и вдругъ въ отвѣтъ вижу выше, передъ собой, довольно далеко, шесть клубочковъ бѣловатаго дыма, появившихся одинъ за другимъ. Шесть хлопковъ, заглушаемыхъ ревомъ мотора, доносятся до моего слуха. Началось...

Снаряды рвутся значительно выше, — значить, не опредѣлили высоту. Сотникъ В. внимательно слѣдитъ за разрывами. Спереди... сзади... съ боку появляются дымочки, по 6 сразу и медленно разрастаются, блѣднѣютъ...

— Ну, слава Богу, — проносится мысль, — еще, видно, не совсѣмъ проснулись нѣмцы.

Настроеніе приподымается; становится весело, я начинаю улыбаться...

Сотникъ В. глядитъ въ бинокль и быстро заноситъ что - то на карту.

— Должно быть, обнаружилъ зенитки, — думаю я.

Начинаю смотрѣть внизъ. Вдругъ чувствую, что сотникъ В., нагнувшись, хватается и теребитъ меня за руку. Я подымаю голову, гляжу по направленію его вытянутой руки.

— Наши, — кричитъ онъ.

Высоко надъ нами проходитъ возвращающаяся эскадрилья, стройно, по - отрядно, — тремя группами. Сверху, по бокамъ, красиво рѣютъ истребители, кружатся, дѣлаютъ мертвые петли...

Они замѣчаютъ насъ. Два истребителя отрываются отъ группы и камнемъ несутся на насъ. Снизившись, подходятъ почти вплотную и машутъ руками: "счастливаго пути!"

Но вот, и Владимиръ - Волыньскъ, наша цѣль. Идемъ прямо на станцію. Нѣмецкія зенитки открываютъ огонь. Разрывы лежатся довольно близко, но "вилки" еще нѣтъ. Сотникъ В. нагибается, достаетъ двѣ десятифунтовыя бомбы, даетъ мнѣ направленіе и кидаетъ ихъ одну за другой, глядя внизъ. Я тоже невольно нагибаю голову и вижу, какъ онѣ падаютъ, сначала кувыряясь, потомъ, выравнявшись, исчезаютъ... Два темныхъ столба, какъ будто кусты, появляются на землѣ.

— Немного лѣвѣ легли, чѣмъ надо, — думаю я и поворачиваю аппаратъ въ исходное положеніе. Снова повторяется та же картина. Разрывы легли правѣ. Я снова маневрирую. Сотникъ В. протягиваетъ мнѣ бомбу. Я ее беру, держа за бортомъ и вижу, какъ онъ самъ беретъ четыре. По его кивку, я кидая, онъ опускаетъ свои. Прямо въ цѣль — разрывы на полотнѣ. Можно переходить и на пудовыя, подвѣшенные подъ крыльями. Снова я маневрирую; вижу, какъ онъ держитъ за ручку прибора, но что-то не ладится и сотникъ В., перегнувшись за бортъ, засматриваетъ подъ крылья.

— Заблѣ, проклятый! — кричитъ онъ мнѣ, держа все время за рукоятку. Я собираюсь ему отвѣтить, но вздрагиваю, и нервы мои сжимаются — я слышу звуки, словно швейной машины: такъ... такъ... такъ...

— Нѣмецъ! — кричу я сотнику В. — Истребитель!

Сотникъ хватается за пулеметъ и поворачиваетъ его назадъ. Я поворачиваю аппаратъ. Но противникъ уже далеко и высоко.

— Дадимъ бой надъ позиціями, — кричу я сотнику В., — иначе рискуемъ сѣсть въ плѣнъ.

Сотникъ киваетъ утвердительно головой. Мы направляемся назадъ къ нашимъ позиціямъ, до которыхъ верстъ 30, не спуская нѣмца съ глазъ.

Вотъ противникъ, набравъ высоту и догнавъ насъ, сверху сзади насъ атакуетъ. Я поворачиваю свой аппаратъ носомъ къ приближающемуся аэроплану, облегчая сотнику В. обстрѣлъ.

Та-та-та-та... — доносится до нашего слуха.

Сотникъ наводитъ пулеметъ. Нѣмецъ, не доходя до насъ метровъ 500, взвизгиваетъ кверху, подставивъ намъ "брюхо", — нижнюю часть аэроплана, — и прекращаетъ стрѣльбу.

— Та-та-та-та... — оглушаетъ меня нашъ пулеметъ. Сотникъ В., воспользовавшись выгоднымъ положеніемъ, посылаетъ ему "очередь".

Волненіе охватываетъ насъ обоихъ. У меня сжимается сердце, появляется животное чувство самосохраненія, желаніе удрать отъ этого черно-желто-краснаго полосатаго летающаго чудовища. Я начинаю завидовать наблюдателю: онъ имѣетъ пулеметъ, онъ ведетъ фактически бой, я же, пилотъ, являюсь лишь свидѣтелемъ, пассивнымъ участникомъ, помогая наблюдателю лишь маневрами аэроплана, давая возможность удобно стрѣлять, предугадывая заранѣе и парируя движенія противника.

Собираю всю силу воли, гоню прочь всѣ постороннія мысли и заставляю себя думать совершенно хладнокровно. Первые наши выстрѣлы отгоняютъ мое волненіе, нервы застываютъ, необычайно ясно начинаетъ работать мозгъ. Я сливаюсь въ одно цѣлое съ аэропланомъ и наблюдателемъ.

"Нѣмецъ" послѣ первой атаки, взвизгивъ вверхъ, пользуясь превосходствомъ скорости и обогнавъ насъ, вдругъ сразу начинаетъ снижаться.

— Подъ хвостъ хочеть забраться, — думаю я и, сдѣлавъ рѣзкій поворотъ черезъ крыло, оказываюсь носъ къ носу противника.

Та-та-та-та... — снова глушитъ меня нашъ пулеметъ. Всего вѣскольکو выстрѣловъ, и "нѣмецъ" уже

далеко.

— Набираетъ высоту! — кричитъ мнѣ сотникъ.

Снова рѣзкій поворотъ, и снова я пытаюсь продвинуться на нѣскольکو верстъ по направленію къ нашимъ окопамъ. Атаки повторяются одна за другой. Мы отражаемъ, медленно продвигаясь къ позиціямъ. Страшно лишь одно — бомбы, оставшіяся въ аппаратѣ. Одно попаданіе, — и отъ насъ ничего не останется, даже и слѣда...

Но вотъ, и окопы. Сотникъ показываетъ на нихъ пальцемъ. Я киваю головой.

— Если подобеть, сможемъ спуститься въ нашемъ расположеніи — думаю я, и эта мысль меня безконечно радуетъ.

— Ну, держись, теперь посмотримъ, кто кого, — кричу я В., который въ отвѣтъ утвердительно киваетъ головой и улыбается.

Атаки слѣдуютъ одна за другой. Уже въ крыльяхъ виднѣется нѣскольکو дырокъ. Воинственный пылъ охватываетъ меня. Забыты и бомбы, и опасность: — Кто кого?! — единственная назойливая мысль...

Нѣмецъ мѣняетъ тактику. Вмѣсто того, чтобы снова послѣ атаки итти кверху, онъ спокойно, словно издѣваясь надъ нами, проходитъ передъ носомъ. Нашъ пулеметъ работаетъ исправно, время отъ времени посылая шесть - семь выстрѣловъ.

— Хочетъ подойти сзади — рѣшаю я и кладу аппаратъ на крыло, дѣлая круги на мѣстѣ.

Неожиданно, прежде, чѣмъ я успеваю что либо сообразить, "нѣмецъ" исчезаетъ. Инстинктивно, я задираю аппаратъ кверху и, рѣзкимъ движеніемъ кладя его на бортъ, дѣлаю поворотъ черезъ крыло... Нѣмецъ, видно, атакуетъ меня снизу, такъ какъ я слышу таканье его пулемета и чувствую, что онъ далъ нѣскольکو попаданій въ нашъ аппаратъ. Но, куда?.. Можетъ быть, задѣтъ какой-либо важный органъ аэроплана и тогда — падай, съ полнымъ сознаниемъ своего безсилія.

Нѣмецъ оказывается подо мной, немного впереди, идя въ томъ же направленіи.

Сотникъ оглушаетъ меня пулеметомъ, пуская очередь за очередь.

Каково же мое изумленіе, когда я замѣчаю, что противникъ, пытавшійся набрать высоту, вдругъ выпускаетъ клубъ дыма изъ глушителя, поворачиваетъ и со сниженіемъ начинаетъ удаляться.

Я бросаюсь въ догонку. Но куда тамъ! Со скоростью 210 километровъ въ часъ, нѣмецъ быстро удаляется и исчезаетъ изъ вида, слившись съ узоромъ земли. Сотникъ В., перегибаясь ко мнѣ, кричитъ:

— Подбили!

Я, улыбаясь, киваю головой, но мнѣ не до того. Въ мозгу назойливая мысль: "куда попали пули? Что у насъ повреждено? Насколько серьезно?"

Пробую нѣскольکو поворотовъ — все идетъ хорошо; гляжу на крылья — нѣскольکو пробоинъ въ полотнѣ; ерунда; но куда попали остальные пули? Я чувствовалъ, какъ одна попала во что-то металлическое...

— Идемъ сбросить бомбы, — кричитъ сотникъ.

Я словно просыпаюсь и, машинально подымая голову, замѣчаю высоко надъ нами три черныхъ точки, ясно видимыя на голубомъ фонѣ неба. Вмѣсто отвѣта, я показываю на нихъ пальцемъ. И оба мы впираемся въ нихъ взглядомъ. Точки быстро растутъ и черезъ минуту мы можемъ различить контуры летящихъ аэроплановъ. Хвосты имѣютъ форму сердца. Сомнѣнія быть не можетъ. Это — непріятельскіе истребители. Сотникъ печально глядитъ на меня и показываетъ рукой въ направленіи нашего аэродрома. Отъ одного отбились, но съ тремя не справиться, — нужно уходить. Стыдно вернуться домой съ бомбами, но ничего не подѣлаешь. Я поворачиваю...

Нѣмцы насъ или не замѣтили, или не захотѣли вступать въ бой, и мы спокойно долетаемъ до нашей деревни. Верстъ за пять до аэродрома, я сбавилъ газъ до самыхъ малыхъ оборотовъ мотора и началъ планировать. Надъ аэродромомъ у меня все же оказалось около 400 метровъ высоты. Сдѣлавъ кругъ, я увидѣлъ на полѣ группу людей.

— Вѣроятно, насъ ждутъ, — подумалъ я и, отойдя подальше, взявъ направленіе противъ вѣтра, пользуясь указаніемъ дыма костра, зажженного для этой цѣли на серединѣ поля, пошелъ на посадку.

— Нужно осторожно садиться. Мало ли что могло случиться во время боя? Быть можетъ, шина пробита или колесо не въ порядкѣ, — рѣшаю я, стараясь спускаться на самой малой скорости.

Вотъ ужъ деревья совсѣмъ близко подо мной, потомъ хмѣльники... А вотъ и земля... Выравниваю аппаратъ, держа его горизонтально на высотѣ одного, двухъ метровъ. Молодая зеленая травка, казавшаяся мнѣ зеленымъ сплошнымъ пятномъ, начинаетъ вырисовываться все яснѣе и яснѣй, мой аппаратъ теряетъ постепенно скорость. Я выключаю моторъ... Легкій толчокъ. Коснулся земли. И вдругъ, вмѣсто того, чтобы катиться впередъ, аппаратъ осѣдаетъ на правую сторону, поворачиваетъ и съ трескомъ, ломая правую часть крыльевъ, переворачивается вверхъ колесами.

Я оказываюсь висающимъ внизъ головой. Машинально рука отстегиваетъ автоматическую пряжку пояса, прикрѣпленного къ сидѣнію, и я грузно падаю головой на землю.

— Слава Богу — цѣль! А что съ наблюдателемъ? — мелькаетъ въ мысляхъ.

Выползаю на четверенькахъ изъ подъ разбитого аппарата.

— Ты сильно разбитъ? — спрашиваю я сотника.

— Нѣтъ; ничего; какъ будто, цѣль, — отвѣчаетъ онъ, — только заваленъ бомбами и не могу вылѣзти.

Я лѣзу подъ аппаратъ, и вижу его голову, верхнюю часть туловища; ноги — подъ бомбами. Начинаю вынимать бомбы одну за другой. Подбѣжавшіе мотористы помогаютъ. Черезъ пять минутъ сотникъ В., съ разбитой окровавленной губой, выползаетъ въ свою очередь, щупаетъ ноги, туловище и, наконецъ, начинаетъ улыбаться.

У аппарата толпа нашихъ офицеровъ и механиковъ. Разспросы, разглядываніе...

— Господа, смотрите, — два попаданія въ шасси; сюда одно, а сюда другое; резиновый амортизаторъ былъ, по всей вѣроятности, перебитъ. Теперь понятно, почему они “скапотировали”! — кричитъ хорунжій Г. — астраханецъ. Всѣ толпятся вокругъ поврежденной части.

Подходитъ командиръ отряда.

— Ну, какъ Вы себя чувствуете? — спрашиваетъ онъ насъ, пожимая руки.

— Слава Богу, господинъ есаулъ, живы и невредимы, — отвѣчаемъ мы въ одинъ голосъ.

Я докладываю командиру о нашемъ полетѣ.

— Ну, идемъ завтракать, — говоритъ онъ намъ. — Вы подадите мнѣ подробный рапортъ для доклада въ штабъ арміи, но сначала подкрѣпитесь и отдохните.

Окруживъ командира, обсуждая подробности нашего полета, идемъ къ собранію, оставивъ разбитый аэропланъ на попеченіи мотористовъ.

К.



Скульпторъ Л. Я Мурадovъ.

Изъ исторіи казачества

ЗАПОРОЖЦЫ ПОДЪ ВѢНОЮ

На одномъ изъ старыхъ вѣнскихъ мостовъ красуются выразительныя чубатыя фигуры, напоминающія статуи старшинъ Войска Черноморскаго, окружавшія пьедесталь красиваго памятника Екатеринѣ II въ стольномъ городѣ Кубани.

Какъ попали эти чубатые люди въ шумную столицу центральной Европы и почему они тамъ увѣковѣчены?

Въ древнія времена, когда грозная Турція являлась страшилищемъ всей Европы, заставляя трепетать изнѣженныхъ владѣтелей ея, слава Запорожскихъ казаковъ гремѣла по бѣлому свѣту. Могущественныя европейскія властелины не разъ засылали “сватовъ” въ Сѣчь Запорожскую за военной помощью удалой вольницы.

Видала ихъ и Чехія въ гуситскія войны въ половинѣ пятнадцатаго вѣка. Добивались ихъ помощи и послы на Запорожье императора австрійскаго въ концѣ шестнадцатаго столѣтія.

“Наша братья Запорожцы коснулись и самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ, довольно ихъ ружейнымъ дымомъ окурили и султану страху задали; мы брали Синопъ и Трапезонтъ; мы разоряли берега Азіатскіе; мы Бѣлграду крылья прижигали; Варну, Измаиль и многія крѣпости Дунайскія мы обращали въ ничто”, писалъ кошевой Сирко хану крымскому въ 1679 г.

Прошли они по всей Европѣ въ тридцатилѣтнюю войну въ войскахъ Валленштейна, видали ихъ Испанія и Бретань, побывали казаки въ Сициліи и Венеціи, были на пріемѣ и въ священномъ городѣ у самого папы Римскаго.

Въ Европѣ ихъ, какъ своихъ противниковъ, познали могучіе тогда шведы и завязали крѣпкую дружбу съ казаками, имѣвшую такой печальный конецъ на поляхъ Полтавы.

И нѣтъ ничего удивительнаго, что, когда, въ 90-хъ годахъ семнадцатаго вѣка, трепетавшая Европа вновь почувствовала у самаго сердца священной Римской имперіи — блестящей Вѣны, — тяжелый кулакъ султана, взоры императора австрійскаго и всѣхъ его союзниковъ и вассаловъ вновь обратились къ запорожскому казачеству, одному не боявшемуся турокъ, наводившему страхъ и трепетъ на самую султанскую столицу.

Освободителемъ Вѣны отъ турецкихъ полчищъ былъ опытный въ воинскихъ дѣлахъ полководецъ, польскій король Янъ Собѣскій. Свою военную карьеру онъ продолжалъ во время безпрестанныхъ войнъ Польши съ казачествомъ и татарами, тамъ онъ научился уважать военное искусство своихъ противниковъ, а въ послѣдствіи, во времена Руины, поддерживая казачьихъ гетмановъ, признававшихъ польское главенство, научился и командовать большими отрядами казаковъ и использовать ихъ способности на полѣ ратномъ.

Во времена Выговскаго онъ былъ уже Короннымъ Хорунжимъ, но особую славу принесло ему поражение на голову турокъ подъ Хотиномъ, 11-го ноября 1673 года, когда Собѣскій, будучи Короннымъ Гетманомъ, руководилъ Посполитымъ рушеніемъ и коронными войсками всего въ 40.000 человекъ, противъ восьмидесяти тысячнаго турецко - татарскаго войска султана Магомета IV, подъ командою самого великаго визиря Купрулли.

Запорожское казачество, руководимое полковникомъ Самуиломъ Молдавильдомъ, стремительнымъ уда-

ромъ, не ожидая приказаній, начало эту битву и рѣшило ея участь.

За день передъ тѣмъ умеръ заклятый противникъ Собѣскаго король польскій Михаилъ, и коронный гетманъ, голосами русскихъ и пяти малопольскихъ воеводъ, былъ избранъ на престолъ польскій, на который претендовалъ, кромѣ трехъ герцоговъ и бона Трансильванскаго, самъ московскій царь Алексѣй Михайловичъ.

Еще нѣсколько лѣтъ, до полного ухода турокъ съ Украины, воевалъ Собѣскій съ переменнымъ успѣхомъ. Гетманами казачьими у него тогда были: знаменитый кошевой войска Низоваго Запорожскаго Сирко, а послѣ — правобережный полковникъ Евстафій Гоголь.

Но, вотъ, султанъ поднялся на цесаря — австрійскаго императора. Римская имперія могла вооружить только 60.000 человекъ, мобилизовавъ Чехію, Саксонію, Баварію, Лотарингію и др. феодальныя державы, а султанъ Магометъ собралъ къ Бѣлграду 300 - тысячную армію, въ которой было пять удѣльныхъ князей, кромѣ возставшихъ подъ предводительствомъ Текелія 15.000 венгровъ. 160.000 турокъ и ихъ союзниковъ, предводительствуемыхъ великимъ визиремъ Кара - Муштафою, двинулись на Вѣну, въ которой заперся 12.000 гарнизонъ графа Ридигеръ фонъ Штаргемберга.

14 іюля 1683 г. турки осадили Вѣну и началась пальба изъ осадныхъ орудій. Императоръ Леопольдъ временно уѣхалъ въ Линцъ, а оттуда въ Пассау, поручивъ главное командованіе войсками находившемуся въ Польшѣ королю, съ которымъ былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ противъ турокъ и татаръ.

Ханъ пошелъ опустошать Силезію и Моравію, но Янъ Собѣскій все еще медлилъ съ помощью — безъ прибытія казаковъ онъ не рѣшался наступать, а собрать ихъ, при пустой польской казнѣ, было очень трудно, хотя папа Римскій и обѣщалъ дать деньги.

Только 15 августа выѣхалъ онъ изъ Кракова, куда прибыли союзныя вспомогательныя войска, а казаковъ все не-было. Собравшись на Украинѣ въ числѣ 14.700 человекъ, они двинулись на соединеніе съ королемъ; вѣль ихъ гетманъ Евстафій Гоголь. Другими казаками начальствовали королевскіе вербовщики Ворона, Балыка, Миклашевскій и Менжинскій, у которыхъ дѣло съ наборомъ казаковъ не спорилось. Въ пути казаки не ладили съ гетманомъ и когда тотъ попробовалъ бѣжать изъ стана, его поймали и убили кіями.

Его мѣсто занялъ Куница; изъ за этого произошла долгая задержка.

“Что тамъ слышно о казакахъ?” писалъ король своей женѣ 27 августа, находясь возлѣ Ольмоуца на Моравѣ. “Извѣсти меня да скорѣе вышли ихъ ко мнѣ, сдѣлавъ выговоръ господину Менжинскому за то, что ни разу мнѣ не отвѣчалъ”.

“Нехорошій человекъ г. Менжинскій, былъ во Львовѣ и не пишетъ ни одного слова о казакахъ и о томъ, что онъ сдѣлалъ на Украинѣ. Измѣнникъ Зивертъ, львовскій почтмейстеръ, извѣщаетъ о немъ, что онъ находится во Львовѣ и что самъ обо всемъ напишетъ”, сообщалъ нѣсколько позже королевѣ Собѣскій.

“А я уже ни о комъ не забочусь, только о казакахъ, о которыхъ вздыхаю не разъ каждый день; потерять на нихъ столь много денегъ, а не имѣть въ самую нужную пору, разсуди, любовь моя, есть ли это

supportable? И потому единственно о чемъ прошу: казаковъ. Если придутъ, дай подъ нихъ повозки, а безъ другихъ людей мы можемъ обойтись”.

Дѣйствительно, къ дѣйствию противъ татаръ, на пересѣченной мѣстности, его блестящее европейское войско не годилось, а впереди предстояло еще форсировать Дунай, за которымъ стояла сильная армія; но обстоятельства складывались такъ, что медлить было невозможно, и король писалъ 9 сентября изъ-подъ Тульнаго:

“Казаки съ Менжинскимъ придутъ уже не въ пору, а они единственно здѣсь были всего нужнѣе, особенно въ переходѣ черезъ эти негодные горы и лѣса”.

Запорожцевъ въ эти поры было очень трудно собрать: много ихъ было какъ разъ на Дону, гдѣ они съ донцами, подъ предводительствомъ Михаила Стародуба и Калины Родіонова, готовились сѣсть на Москву и пошли на Волгу и Яикъ; другіе промышляли надъ турками и татарами.

Наконецъ, подъ Братиславой къ королю прибыли Ворона и Менжинскій съ наскоро собраннымъ на Украинѣ войскомъ.

“Ворона и Менжинскій уже здѣсь. Казаки же, Семень и другіе, — пускай идутъ обыкновеннымъ путемъ (не черезъ Венгрію); сколько есть у васъ казаковъ, пускай всѣ идутъ сюда, съ Литвою, для большей безопасности. Теперь къ гг. гетманамъ Литовскимъ я выслалъ опять ихъ резидента Униковского, чтобы они шли черезъ Венгрію прямо ко мнѣ”, писалъ онъ съ острова Шютъ подъ Братиславою, 28 сентября.

По прибытіи украинцевъ король рѣшился приготовить къ переправѣ, но первыя дѣйствія ихъ не оправдали возлагаемыхъ на казаковъ надеждъ, по той простой причинѣ, что “казаки” оказались не казаками..

“Мы пробовали казаковъ ночью и водою, чтобы они на той сторонѣ сдѣлали что-нибудь путное, или по крайней мѣрѣ о чемъ нибудь поразвѣдали.

Но эти — каналы — и не стоитъ на нихъ никакъ полагаться; — теперь они признаются сами, особенно Ворона, что взяли простыхъ мужиковъ, а не казаковъ потому что не могли такъ скоро казаковъ достать”, писалъ король.

Король посылалъ грамоты на Донъ и къ калмыкамъ, самъ и черезъ сичевиковъ, зазывая донцовъ въ походъ. Войско отпустило тогда добровольцевъ, а само открыло военныя дѣйствія въ Крыму и на морѣ, что вызвало сильный гнѣвъ Москвы, враждовавшей съ Польшей. Наконецъ подошла долгожданная запорожская пѣхота — сичевики, поразившая своимъ невзрачнымъ видомъ европейскихъ союзниковъ Собѣскаго, которые никакъ не могли понять: почему это король такъ нетерпѣливо ожидалъ казаковъ и не рѣшался вступить въ бой, имѣя блестящія европейскія войска, до прихода толпъ какихъ-то оборванцевъ.

Французскій стратегъ Д’Альракъ, сопровождавшій Яна Собѣскаго въ походѣ подъ Вѣну, съ лотаринскими войсками, даетъ намъ описаніе “дикой милиціи”, характеризующее казачью простоту и отношенія къ нимъ короля.

“Я не могу позабыть une particularité, которая дѣлаетъ еще болѣе понятнымъ характеръ этой дикой милиціи. Однажды, вечеромъ, нѣкій казакъ возвратился изъ поиска съ туркомъ, котораго онъ добылъ въ плѣнъ, какъ языка; онъ его приволокъ передъ королевскій станъ такимъ способомъ, какъ тащить по землѣ мѣшокъ, и отправился тотчасъ къ казначею за полученіемъ вознагражденія.

Послѣ онъ возвратился ко входу въ королевскую палатку, которую и пріоткрылъ, просунувши голову, для того, чтобы поблагодарить короля въ слѣдующихъ выраженіяхъ: “Иване, мнѣ заплатили. Богъ тебѣ отплатитъ! Доброй ночи!”

Съ приходомъ запорожцевъ король рѣшилъ начать сраженіе и подошелъ къ Вѣнѣ, предмѣстья которой занималъ турецкій осадный корпусъ, добывавшій огороженный стѣнами внутренній городъ. Саксонцы и лотарингцы стали на лѣвомъ флангѣ, австрійцы, баварцы, вальдекцы и поляки — въ центрѣ; правый флангъ, — нацѣля на укрѣпленія Вѣны, — занялъ самъ король съ казаками и лучшей польской конницей. До двухъ часовъ дня бой длился съ равнымъ успѣхомъ; наконецъ, Собѣсскій выпустилъ свою “ударную” часть.

“Казаки пошли столь быстро, смѣло и мужественно, что скрытые въ дымѣ не только предмѣстья, сараи, но и первый палисадъ взяли, воротами овладѣли и свои знамена съ крестами водрузили на нихъ. Благоволи, на радость ксендзу нунцію, пересказать, любовь моя, — казаки очень поправили (дѣло), славу они заслужили большую”.

Бой продолжался до поздней ночи. Турки были смяты, бросились въ станъ и защищали свои окопы. Ночью запорожцы пробрались въ центръ турецкаго расположенія и подожгли ихъ склады пороха и снарядовъ. Паника охватила турокъ, а на другой день, на разсвѣтѣ, войска Собѣскаго, воодушевленные успѣхомъ, ворвались и въ послѣдній оплотъ турокъ.

Помощь пришла во время; осажденные изнемогали и только комендантъ графъ Ридигеръ, установившій наблюдательный пунктъ на башнѣ св. Стефана, не терялъ надежды; при помощи гигантскаго рупора, служащаго теперь на той же башнѣ пожарнымъ сторожамъ для усиленія радио-телефоническихъ сообщений, отдавалъ онъ приказанія истощенному гарнизону.

13 октября король вступилъ въ Вѣну.

Каковы были результаты побѣды, одержанной исключительно благодаря мужеству запорожцевъ, лучше всего можетъ показать собственноручное письмо короля своей супругѣ:

“Богъ и Господь, нами во вѣки прославляемый, далъ нашѣму народу побѣду и славу, о которыхъ не слыхали времена прошедшія. Всѣ орудія и богатства неопѣнныя достались въ наши руки. Непріятель, устлавъ трупами апроши и поля, покинулъ лагерь со стыдомъ. Верблюдовъ, лошаковъ и скотъ, которые онъ имѣлъ по сторонамъ, только сегодня начинаетъ собирать наше войско; при нихъ гонятъ турокъ толпами, иныя, въ особенности ренегаты, на красивыхъ лошадяхъ, красиво одѣтые, уходятъ отъ турокъ къ намъ; вотъ какое сдѣлалось невѣроятное происшествіе. Одного пороха, одной аммуниціи турки оставили болѣе нежели на миллионъ; давно я желалъ увидѣть то, что увидѣлъ въ эту ночь; мои казаки зажгли въ нѣсколькихъ мѣстахъ этотъ порохъ, тогда представился страшный судъ и безъ всякаго вреда людямъ; земля стонала, на небѣ, казалось, рождались облака; но все же это можно считать за несчастье, потому что это сдѣлало убытку около миллиона. Визирь все бросилъ и едва ушелъ на одной лошади. Я сдѣлалъ его наслѣдникомъ, большая часть его имущества досталась мнѣ, одинъ визирьскій слуга перебѣжалъ къ намъ и указалъ его шатры, столь просторные, какъ Львовъ въ своихъ стѣнахъ; я добылъ всѣ визирскіе знаки, которые передъ нимъ носили и даже хоругвь Магометову, которую султанъ далъ ему на войну и которую сегодня, сейчасъ, я отослалъ въ Римъ, черезъ Талентія; палатки, повозки и тысячи другихъ вещей достались мнѣ, хотя многого и весьма многого я даже и не видѣлъ; нѣтъ сравненія съ Хотинскою добычею; нѣсколько саайдаковъ, украшенныхъ рубинами и сапфирами, стоятъ цѣлыя тысячи червонцевъ; у меня также есть лошадь послѣ визиря, со всей своею сбруею, да и его самого крѣпко мои преслѣдовали, но спасся; Кояція, перваго человѣка визиря, убили, а съ нимъ много знатныхъ турокъ. Золотыхъ сабель и другого оружія находится множество на нашихъ вои-

нахъ; ночь помѣшала намъ въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи; къ тому же, уходя, сильно защищаются и смѣло ретируются. Янычаръ своихъ оставили въ анпрошахъ, мы ихъ ночью вырѣзали; гордость и заносчивость этихъ людей была такова, что когда одни сражались съ нами въ полѣ, другіе штурмовали городъ и все потому только, что имѣли, чѣмъ дѣйствовать. Я ихъ считаю триста тысячъ, кромѣ татаръ, другіе считаютъ самыхъ палатокъ до трехсотъ тысячъ и берутъ среднимъ числомъ троихъ людей на одну палатку; двѣ ночи и весь день разбираютъ ихъ, кто хочетъ, уже и изъ города вышли люди, но и черезъ недѣлю ихъ не разберутъ; въ лагерь оставили много побитыхъ австрійцевъ, въ особенности женщинъ. Хорошъ великій визирь! Взять въ какомъ то императорскомъ дворцѣ страуса, чрезвычайно красиваго, да и того велѣлъ зарѣзать. Какая роскошь въ его палаткахъ того описать нельзя! Баня, садокъ, фонтанъ, кролики, кошки, попугай, все тамъ было; но этотъ леталъ и невозможно было его поймать. Сегодня я былъ въ городѣ, который не выдержалъ бы уже болѣе пяти дней; никогда глазъ человѣческой не видалъ того, что тамъ надѣлали мины пороховыя. Императорскій дворецъ разоренъ ядрами въ пухъ. Всѣ войска признали послѣ Бога насъ побѣдителями, потому что только мнѣ пришлось бороться съ визиремъ, когда онъ навелъ всѣ войска свои такъ, что ни срединѣ, ни лѣвому флангу нечего было дѣлать; всѣ вспомогательныя нѣмецкія войска обратились ко мнѣ; ко мнѣ пріѣзжали герцоги: курфюрстъ Баварскій, Вальдекъ; они обнимали и цѣловали меня. Генералы цѣловали меня въ руки и ноги, конница и пѣхота кричали (по нѣмецки): “Ахъ! Нашъ храбрый король!” Были здѣсь утромъ герцоги Лотарингскій и Саксонскій, потому, что мнѣ не довелось видѣться съ ними, они были на самомъ концѣ лѣваго фланга, къ которому я откомандировалъ нѣсколько гусарскихъ хоругвей, потомъ я былъ въ двухъ церквахъ и тамъ народъ расцѣловалъ мои руки и ноги и все кричало: “Вивать королю!” Пообѣдавъ у коменданта, я выѣхалъ изъ города въ лагерь; народъ, вознося руки къ небу, провелъ меня до самыхъ воротъ. Герцоги уже съѣхались, а императоръ извѣщаетъ, что онъ уже только за одну милю отъ Вѣны, но я, желая довершить побѣду надъ непріятелемъ, поспѣшаю и не скоро мнѣ прійдется видѣть императора...

Теперь идемъ въ Венгрію. Курфюрсты не хотятъ отстать отъ насъ. Визирь, увидя, что не можетъ уже удержаться, созвалъ сыновей и плакалъ, какъ дитя; по-

томъ сказалъ хану: “спасай меня, если можешь!” Ханъ отвѣчалъ: “мы знаемъ короля; мы ему ничего не сдѣлаемъ; мы должны думать, какъ бы самимъ спастись”. Итакъ, мы уже садимся на лошадей, идемъ за непріателемъ въ Венгрію и увидимся развѣ уже въ Стрыѣ...

Мы взяли непріятельскихъ знаменъ ужасное количество, а съ ними множество бунчуковъ и орудій, словомъ сказать погибъ непріятель совсѣмъ, только съ душами убирается. Пусть всѣ радуются и благодарятъ Господа за то, что не позволилъ невѣрнымъ у насъ спрашивать: “Гдѣ вашъ Богъ?”

Казаковъ носили на рукахъ; они были героями дня, получили богатую добычу и королевскій универсалъ съ привиллегіями”.

Черезъ Венгрію король послалъ войска въ Валахию и пригласилъ туда запорожцевъ; казаки взяли Язловецъ и Чертковъ, преслѣдовали татаръ, прошли по Молдавіи; высланный Солейманъ - пашою отрядъ Кошевой Сѣчи Запорожской прогналъ за Днѣстръ; неудача турокъ была полная.

Великому визирю Кара - Мустафѣ султанъ послалъ шелковую петлю за Вѣнскій походъ; грозный визирь, разорявшій Украину и Запорожье, покончилъ съ собою — казаки отплатили ему сторицею; донцы въ этомъ помогли, какъ могли.

Гетманъ Самойловичъ доносилъ царямъ Федору и Петру, что “слѣдуетъ имѣть всегда строгій надзоръ надъ донцами, потому что Коронный Гетманъ польскій хвалится ихъ пособіемъ. Донцы, войдя въ сношенія съ поляками черезъ правобережнаго полковника Палія и кошевого атамана Григорія Еремѣева (Сагайдашнаго), приняли посланцевъ короля и, несмотря на гнѣвъ Московскаго царя “за прежній походъ”, вновь въ 1684 г. помогли Собѣсскому.

Успѣхъ казаковъ заставилъ раскошиться даже пановъ, скупю расходовавшихъ казну въ моменты наибольшей опасности Рѣчи Посполитой. Совѣтъ при королѣ, “видя, что милиція запорожскихъ казаковъ, до сихъ поръ находившаяся въ службѣ его величества короля и республики, нужна и къ нынѣшней экспедиціи, такъ какъ отъ папы не можетъ прійти въ скорости денежное пособіе для нихъ, согласились, чтобъ коронная казна республики отсчитала для людей Гришки Атамана наказнаго казацкихъ войскъ шесть тысячъ злотыхъ, для полка Палія — двѣ тысячи злотыхъ”.

Вл. Молчановъ.

„Казачій Журналъ“

Редакторъ - Издатель “Казачьяго Журнала” Е. Д. Коноваловъ доводитъ до свѣдѣнія казачьихъ организаций объ открытой имъ предварительной подпискѣ на спеціальныя номера, посвященные Донскому, Терскому, Кубанскому, Уральскому, Сибирскому и др. казачьимъ Войскамъ.

Желающіе получить указанные журналы приглашаются или указывать въ письмахъ точное число экземпляровъ, приобретаемыхъ для распредѣленія между казаками, безъ права возврата, или, что для издателя удобнѣе, присылать теперь же подписную плату. Цѣна отдѣльныхъ номеровъ съ пересылкой 5 франковъ во Франціи, 11 динаръ въ Югославіи и 25 центъ въ другихъ странахъ.

Желающіе имѣть пробный номеръ приглашаются присылать по 5 франковъ почтовыми марками.

Авторы статей, рассказовъ, стихотвореній, художники и лица, имѣющія фотографическія снимки, представляющіе для казачества интересъ, приглашаются присылать матерьялъ по адресу:

Е. Konovaloff, 5, rue Bélidor, Paris, 17.

съ указаніемъ, является ли матерьялъ подлежащимъ оплатѣ и въ какой суммѣ — или бесплатнымъ.

Въ послѣднемъ случаѣ издатель высылаетъ за любезное участіе въ журналѣ номера “Россіи”

Комплектъ иллюстрированнаго “Казачьяго Журнала” за 1929 г. высылается по полученіи 30 фр.

Комплектъ журнала “Россія” (8 номеровъ) за 1930 годъ высылается за 40 фр.; въ переплетѣ за 60 франковъ.



Н. А. Кратировъ. Букинисты на Сенѣ. Гравюра по дереву.

По уголкамъ Нормандіи

Въ прошломъ году мнѣ пришлось провести каникулы въ глухой деревушкѣ Нормандіи.

Я былъ зрителемъ любопытнаго мѣстнаго обычая, происхождение котораго теряется во временахъ крестовыхъ походовъ. Свыше восьмисотъ лѣтъ онъ соблюдается въ этой мѣстности. Преданіе о событіи, память о которомъ бережно охраняетъ мѣстное населеніе, подтверждается историческими источниками и вотъ, что они говорятъ.

Въ эпоху крестовыхъ походовъ, на возвышенномъ холмѣ, съ котораго и теперь открывается чудный видъ на живописныя окрестности, близъ города Ножанъ - де - Ротру, стоялъ величественный замокъ Маргонъ, гдѣ проживала прекрасная вдова Маргарита Родрей.

Изъ сосѣднихъ замковъ самымъ близкимъ былъ замокъ Курсель, владѣлецъ котораго графъ де Курсель, слѣдуя призыву своего властелина, отправился съ нимъ въ походъ въ Палестину, на освобожденіе Іерусалима отъ рукъ невѣрныхъ.

Покидая на долгое время семью и родной домъ, графъ далъ супругѣ строгій наказъ: во время его отсутствія руку единственной дочери Ренэ, 16 лѣтъ, отдать лишь тому рыцарю, который передастъ ей кольцо съ фамильнымъ гербомъ и письменное согласіе отца, закрѣпленное печатью съ гербомъ рода де Курсель.

Два молодыхъ рыцаря претендовали уже на руку молодой Ренэ: графъ Ножанъ и баронъ Манордіеръ, оба жившіе въ сосѣднихъ замкахъ.

Баронъ, покоритель многихъ женскихъ сердецъ, давно уже пользовался особымъ расположеніемъ Маргариты Родрей, владѣлицы замка Маргонъ, но, избалованный легкими побѣдами, онъ покинулъ эту любовницу и увлекся богатой наслѣдницей замка Курсель, вдовокъ обладавшей привлекательною наружностью.

Этому сближенію помогъ случай: при защитѣ отъ внезапнаго нападенія замка Курсель, баронъ былъ раненъ и за время его леченія за нимъ ухаживала молодая Ренэ. Они полюбили другъ друга и взаимно поклялись въ вѣчной вѣрности.

Эту тайну баронъ поспѣшилъ открыть матери своей возлюбленной, которая нашла нужнымъ ознакомить его съ условіями, поставленными отцомъ.

Къ графу въ Палестину былъ посланъ гонецъ - священникъ съ письмомъ матери, просившей согласія на бракъ Ренэ съ барономъ, высокія качества котораго были тутъ же перечислены.

Вскорѣ послѣ этого отъ отца Ренэ пришла вѣсть о боевыхъ успѣхахъ крестоносцевъ, что давало надежду на скорое возвращеніе его во Францію. Обрадованная этою вѣстью, графиня де Курсель рѣшила устроить блестящій праздникъ, на который были приглашены оба претендента на руку Ренэ и сосѣдка Маргарита Родрей. Изъ устъ приглашенныхъ она узнала о возможности брака Ренэ съ барономъ и у ревливой любовницы тутъ же зародилась мысль о мщеніи за поруганную и отверженную любовь.

Зная о наказѣ графа Курсель женѣ относительно условія брака Ренэ, она начала съ подготовленія подложныхъ вещественныхъ доказательствъ. Печать фамиліи де Курсель была ей отлично извѣстна. Имѣя въ своемъ распоряженіи гербъ фамиліи Курсель, она заказала кольцо съ гербомъ, изображавшимъ Богоматерь, поддерживаемую двумя ангелами.

Подложное письмо - согласіе отца Ренэ на ея бракъ съ графомъ Ножанъ, отверженнымъ претендентомъ, было составлено, какъ тогда водилось, особымъ секретаремъ, сумѣвшимъ поддѣлать руку секретаря графа Курсель.

Для выполненія послѣдняго акта Маргарита Родрей выбрала одного изъ своихъ поклонниковъ и отправила его, какъ посланца отъ отца Ренэ, къ графу Ножанъ, сопернику барона Манордіеръ, нарядивъ его отшельникомъ и снабдивъ нужными наставленіями и указаниями на случай разспросовъ.

Получивъ неожиданное посланіе, обрадованный графъ Ножанъ повѣрилъ выпавшему ему счастью, поспѣшилъ въ замокъ Курсель, представилъ полученныя доказательства его правъ на бракъ съ Ренэ и тутъ же просилъ ея руки. Коварная и мстительная Маргарита такъ ловко и умѣло разработала задуманный планъ, что при видѣ кольца и письма мать и наивная дочь, легко попали въ ловушку. Ясно и безпрекословно выраженная воля мужа и отца заставила ихъ покориться. Вскорѣ графъ Ножанъ повелъ къ алтарю безутѣшную Ренэ, и роковой бракъ былъ заключенъ.

Между тѣмъ терпѣніе молодого барона, ожидавшаго возвращенія посланнаго гонца, пришло къ концу, и онъ рѣшилъ самъ отправиться въ Палестину къ отцу Ренэ, отнюдь не подозрѣвая о задуманномъ мщеніи Маргариты. Ему удалось, послѣ скитаній, настичь графа Курсель; въ битвѣ онъ спасъ жизнь отца Ренэ. Эта услуга и обнаруженныя барономъ блестящія способности и храбрость, а также письма жены и дочери, убѣдили графа Курсель и онъ не поколебался вручить храброму палладину три вещественныя доказательства его правъ на руку Ренэ!

Во Франціи его ждала страшная вѣсть: нѣжно любимая имъ Ренэ стала супругой соперника. Горю его не было границъ, и онъ твердо рѣшилъ найти разрѣшеніе роковой загадки. Собранныя свѣдѣнія не замедлили привести его на вѣрный путь. Онъ убѣдился, что главной виновницей происшедшаго должна быть его прежняя любовница Маргарита Родрэй.

Графиня Родрэй предстала передъ судомъ.

Представленныя барономъ тяжкія улики виновности Маргариты доказали всю основательность его обвиненія.

По тогдашнимъ временамъ судьями были мѣстные дворяне. Убѣдившись въ виновности Маргариты Родрэй, они осудили ее на сожженіе. Приговоръ заключалъ три статьи: преступница будетъ повѣшена и тѣло ея сожжено; замокъ Маргонъ будетъ преданъ огню, всѣ луга высушены, деревья вырваны съ корнями, все

имущество конфисковано и для сохраненія въ памяти послѣдующихъ поколѣній — о чудовищномъ преступленіи “дамы изъ Маргона” и въ назиданіе потомству — ежегодно, 22 іюля, въ присутствіи народа, созданнаго колокольнымъ звономъ, будетъ предаваться сожженію изображеніе этой дамы.

И вотъ, въ теченіе многихъ столѣтій, ежегодно, около 22 іюля, въ мѣстечкѣ Маргонъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, совершается это традиціонное ауто - да - фе, подобнаго которому нѣтъ нигдѣ во Франціи. Муниципальный совѣтъ этого мѣстечка, особымъ постановленіемъ, ежегодно назначаетъ день, обыкновенно, въ одно изъ воскресеній, около 22 іюля, для этой роковой церемоніи.

Чучело “дамы изъ Маргона”, одѣтое въ соответствующую одежду, съ самаго утра этого дня болтается на висѣлищѣ, сооруженной на видномъ мѣстѣ вблизи замка Маргонъ, и проходящіе мимо взрослые и дѣти, глядя на чучело, клеймятъ проклятіями и позоромъ “даму изъ Маргона”. Съ наступленіемъ темноты, огонь лишній разъ пожираетъ эту преступницу.

Съ теченіемъ времени церемонія эта, однако, модернизируется. Теперь чучело начинается... петардами, которыя при сгораніи шелкаютъ, символизируя тѣмъ страданія и муки сжигаемой, но... коварное преступленіе женщины, совершенное много, много лѣтъ тому назадъ продолжаетъ еще и теперь подвергаться всенародному осужденію.

И. В. Шнейдеръ.



Н. А. Кратировъ . Музей Кюни.

Гравюра по дереву.

ЖИЗНЬ И СУДЪ

Исчезнувшій предсѣдатель

Какъ то утромъ, зимой 1919 г., во время доклада у военнаго прокурора Кубанскаго Краевого Военнаго суда (въ теченіе всего 1919 г. я состоялъ въ должности помощника военнаго прокурора этого суда) — и. д. военнаго прокурора, полковникъ Кириченко спросилъ меня:

— Ваша очередь сегодня посѣтить гауптвахту и тюрьму?

— Да, — отвѣтилъ я, — у васъ, можетъ быть,

есть какія-нибудь спеціальныя распоряженія?

— Нѣтъ, никакихъ, — какъ-то замялся онъ, — развѣ только вотъ что: когда вы посѣтите одного изъ арестованныхъ, а именно генерала Букретова, то по возможности внимательнѣе выслушайте его заявленія и претензіи.

— Я всегда очень внимательнѣе выслушиваю заявленія всѣхъ арестованныхъ, — улыбнулся я, — кажется, вы въ этомъ убѣдились?

— Да, да, — думая о чемъ то, отвѣтилъ онъ, — конечно. Но тутъ есть особыя обстоятельства.

Онъ на минуту смолкъ, потомъ сумрачно добавилъ:

— Какъ вамъ извѣстно, дѣло противъ генерала Букретова было возбуждено по распоряженію нашего нынѣшняго предсѣдателя, въ ту пору военнаго прокурора, генерала Приходько. По его же требованію, Букретовъ былъ арестованъ. Идетъ слѣдствіе. Но вотъ, представьте себѣ, ходятъ упорные слухи, что не сегодня - завтра Букретовъ будетъ избранъ войсковымъ атаманомъ!

— Атаманомъ? — изумился я, — да это невозможно уже по чисто формальнымъ соображеніямъ: Букретовъ — приписной казакъ!

— Все возможно, другъ мой, въ эпоху гражданской войны, — хмуро отвѣтилъ прокуроръ, — по этому поводу говорить, что соответствующимъ образомъ будетъ измѣненъ законъ — вотъ и все. Просто и ясно.

Онъ вздохнулъ и молча дослушалъ остальную часть моего доклада.

Признаюсь, я былъ нѣсколько заинтригованъ, когда, часа два спустя, шелъ по темнымъ корридорамъ гауптвахты... Шестъ мѣсяцевъ я служилъ подъ начальствомъ генерала Приходько, въ бытность его военнымъ прокуроромъ, и хорошо зналъ его серьезное отношеніе къ дѣлу, справедливость и осторожность. Данныя предварительнаго слѣдствія, которое мнѣ случилось прочитать, тоже казались достаточно вѣскими... И вдругъ... — Нѣтъ, нѣтъ, это абсолютно невозможно, — думалъ я, — кто - то ввелъ въ заблужденіе Николая Васильевича! Нелѣпый и совершенно безпочвенный слухъ!

Обойдя арестованныхъ и выслушавъ десятка два по большей части неосновательныхъ претензій, я подошелъ къ отдѣльной камерѣ, гдѣ содержался Букретовъ. Сопровождавшій меня лица остались въ корридорѣ и къ арестованному я вошелъ одинъ.

Букретовъ поднялся мнѣ навстрѣчу. Его лицо было блѣдно. Глаза смотрѣли испытующе и тревожно.

Я назвалъ себя, потомъ задалъ обычный вопросъ:

— Не будетъ ли со стороны вашего превосходительства какихъ-нибудь претензій или заявленій?

— Нѣтъ, — поспѣшно отвѣтилъ онъ; потомъ добавилъ:

— Я бы очень просилъ васъ, г-нъ прокуроръ, сдѣлать все зависящее для ускоренія слѣдствія. Я смѣю утверждать, что вина моя не такъ велика, какъ это кажется, и что судъ долженъ милостиво отнестись ко мнѣ, пмятуя о моей прежней безупречной службѣ...

— Конечно, нелѣпый и бессмысленный слухъ, — думалъ я, слушая его, — очевидно, онъ самъ ни о чемъ не подозреваетъ. Интересно знать — кто все это выдумалъ?

— Такъ помните, помните обо мнѣ, г-нъ прокуроръ, не забудьте, — продолжалъ Букретовъ, — я понимаю — вы стоите на стражѣ законовъ. Но всякій судія долженъ быть милостивъ и справедливъ.

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство, — отвѣтилъ я, — ваше же пожеланіе объ ускореніи слѣдствія будетъ, конечно, принято къ свѣдѣнію.

Затѣмъ я откланялся и вышелъ.

Прошло нѣкоторое время. Цѣлый рядъ обстоятельствъ и событій отвлекли меня отъ Букретовскаго дѣла. За ходомъ слѣдствія по нему наблюдалъ самъ прокуроръ. Мнѣ же приходилось выступать въ цѣломъ рядѣ сложныхъ процессовъ, развѣзжать, исполнять рядъ

отвѣтственныхъ порученій. Но, возвращаясь въ Екатеринодаръ, я все чаще и чаще слышалъ о Букретовѣ и о кипѣвшей вокругъ него борьбѣ. Какъ-то прокуроръ совѣтовался со мной по поводу поступившаго въ надзоръ требованія о передачѣ Букретовскаго дѣла гражданскимъ слѣдственнымъ властямъ. Такъ какъ по чисто формальнымъ основаніямъ это дѣло было подслѣдственно намъ, то я и посовѣтовалъ прокурору отклонить поступившее требованіе, основательно аргументировавъ и обосновавъ отказъ. Однако, вскорѣ прокуроръ озабоченно сообщилъ мнѣ, что это дѣло все же изъято отъ насъ "въ законодательномъ порядкѣ" и передано гражданскому слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ, что Букретовъ освобожденъ и начинаетъ играть все большую роль въ политической жизни Кубани...

— Кажется, невозможное становится возможнымъ. Николай Васильевичъ, — замѣтилъ я.

Онъ только пожалъ плечами.

Нѣсколько дней спустя я встрѣтилъ на Красной улицѣ слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, Мармеловича и спросилъ его о ходѣ слѣдствія. Но онъ, сдѣлавъ большіе глаза, удивленно спросилъ:

— Какъ? Вы не знаете, что оно прекращено?

— Прекращено? — въ свою очередь изумился я.

— Да, за недостаткомъ уликъ, — отвѣтилъ онъ и, улыбнувшись, взгромоздился въ извозничій фаянтонъ.

Вечеромъ, въ судѣ, я сообщилъ предсѣдателю, генералу Приходько, услышанную мной новость. Онъ усмѣхнулся и желчно сказалъ:

— Чего добраго, вскорѣ придется представляться его превосходительству по случаю высокаго назначенія?

Его слова оказались пророческими: немного времени спустя Букретовъ былъ избранъ атаманомъ, и въ числѣ прочихъ официальныхъ лицъ представлялись ему и мы, военный судъ! Меня онъ тотчасъ же узналъ, но былъ довольно любезенъ. Предсѣдателю же суда сумрачно бросилъ:

— Мы съ вами потомъ побесѣдуемъ, ваше превосходительство.

А всѣмъ намъ вкупѣ заповѣдалъ: "служить при немъ такъ же вѣрно и нелицепріятно, какъ и при его предшественникахъ".

Вышло такъ, что я возвращался домой вмѣстѣ съ предсѣдателемъ. Онъ молчалъ почти всю дорогу и только, когда мы подѣхали къ Дмитріевской улицѣ, неожиданно заявилъ:

— Не стану я съ нимъ бесѣдовать!

— Но какъ же быть, ваше превосходительство? — спросилъ я.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Невозможное стало возможнымъ... Съ этого дня таинственно исчезъ нашъ предсѣдатель, генералъ Приходько. Сначала онъ казался большимъ и нѣсколько дней не приходилъ въ судъ. Изъ атаманскаго дворца постоянно звонили и требовали, чтобы предсѣдатель суда немедленно явился, на что сообщалось, что предсѣдатель боленъ. Однако, дни проходили за днями, генералъ Приходько не являлся и въ судѣ не въ шутку встревожились. Наконецъ, прокуроръ попросилъ меня съѣздить на квартиру предсѣдателя и осторожно узнать, въ чемъ дѣло.

Генералъ Приходько жилъ на тихой улицѣ, въ маленькомъ домикѣ. Я довольно долго и тщетно стучалъ въ калитку пока, наконецъ, молодой казакъ не открылъ ея.

— Генералъ дома? — спросилъ я его. Онъ какъ то неопредѣленно ухмыльнулся, заерзалъ на мѣстѣ. Потомъ тихо отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— А гдѣ же онъ? — продолжалъ я.

— Уѣхали, — вдругъ шепотомъ на ухо сообщилъ мнѣ казакъ, — уѣхали за границу, въ Батумъ. И приказали мнѣ молчать, покуда не доберутся до мѣста. А теперь, значитъ, они уже и добрались... А больше ничего не скажу!..

Въ первую минуту я рѣшилъ, что онъ просто на просто съ ума сошелъ. Ужъ слишкомъ невѣроятнымъ показался мнѣ... побѣгъ предсѣдателя военно - окружного суда! Но казакъ упорно стоялъ на своемъ и даже изъ того немногаго, что мнѣ удалось отъ него добиться, пришлось придти къ выводу, что это было такъ!

Я поспѣшилъ съ этой сенсационной новостью къ прокурору. За это время онъ уже получилъ тѣ же свѣдѣнія изъ другого источника. Въ его кабинетѣ я засталъ нѣкоторыхъ моихъ сослуживцевъ — помощниковъ военного прокурора, а также предсѣдателя Кассационнаго Присутствія, генерала Климашевского. Последній упорно настаивалъ на томъ, что полученные нами свѣдѣнія лишены всякаго основанія.

— Да вы видите, что они находятъ себѣ подтвержденія изъ совершенно различныхъ источниковъ? — наконецъ, съ сердцемъ спросилъ его прокуроръ.

— Все равно, это — чушь, это — бессмыслица, — повторялъ старикъ, — никогда еще не было въ исторіи русской арміи, чтобы бѣжалъ генераль, предсѣдатель военно - окружного суда!

— Но, вѣдь, никогда еще въ исторіи русской ар-

міи не было, на примѣръ, красной арміи? — угрюмо продолжалъ прокуроръ, — а теперь?

Старый генераль растерянно посмотрѣлъ на него и умолкъ.

Конечно, о происшедшемъ было сейчасъ же сообщено атаману. Первую бурю пришлось выдержать прокурору и "съ трудомъ повѣрившему" генералу Климашевскому. Но одна изъ "грозъ" разразилась и надъ моей головой, когда я, два дня спустя, по порученію прокурора, явился къ атаману сообщить, что новыхъ свѣдѣній нѣтъ.

— Нѣтъ? — грозно наступая на меня, повторилъ Букретовъ, — ну, подождите же! Я васъ!

Мнѣ невольно вспомнилось классическое : Quos ego!

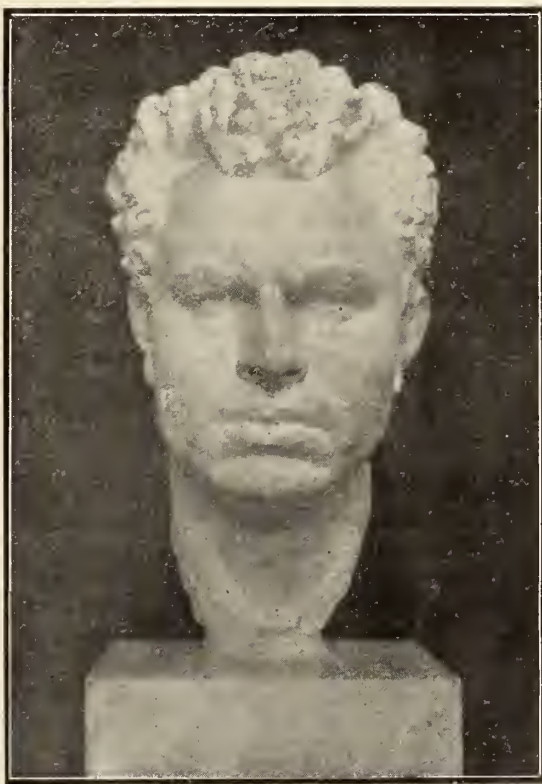
И я, довольно некстати, улыбнулся.

Атаманъ, конечно, совершенно иначе понялъ мою улыбку и, не въ шутку разсердившись, добавилъ:

— Это ровно ничего не значитъ, что вы — офицеръ военно - судебного вѣдомства и назначены главнымъ военнымъ прокуроромъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи! Я всѣмъ вамъ покажу, кто я! Да-съ! И очень скоро!

Вскорѣ началось трагическое отступленіе казаковъ на Кавказъ... Но я не былъ этому свидѣтелемъ, такъ какъ находился въ Крыму... Нашъ же исчезнувшій предсѣдатель послѣ своего бѣгства, былъ убитъ въ Батумѣ, на улицѣ, "однимъ изъ своихъ бывшихъ подсудимыхъ", какъ гласило полицейское дознаніе...

Павель Тутковскій.



Л. Я. Мурадовъ. Автопортретъ.

МИРНАЯ ВОЙНА

(Солдатская сказка)

За синими, братцы, морями, за зелеными горами въ стародавнія времена лежали два махонькихъ королевства. Саженью вымѣрять — не болѣе двухъ тамбовскихъ уѣздовъ.

Населеніе жило тихо-мирно. Которые пахали, которые торговали, старики-старушки на завалинкахъ толклоно хлебали.

Короли ихніе между собой дружбу водили. Дѣлъ

на пятакъ: парадъ на дужкѣ принять, да кой-когда, — министры ежели промежъ собой повздорять, — чубукомъ на нихъ замахнуться. До того благополучно жилось, ажъ скучно королямъ стало.

Быль у нихъ на самой границѣ павильонъ построенъ, чтобъ далеко другъ къ дружкѣ въ гости не ходить. Одна половина въ одномъ королевствѣ, другая въ сусѣдскомъ.

Сидятъ они такъ-то, дѣло весной было, каждый на свою землю поплевываетъ.

Стража на полянкѣ гурьбой собравшись, — кто въ рюхи играетъ, кто на поясахъ борется. Надъ пограничнымъ столбомъ жучки вьются — какой изъ какого королевства, и самъ не знаетъ.

Вынулъ старшій сивый король батистъ - платокъ, отвернулся, утеръ носъ, — затрубилъ протяжно, — спѣшить некуда. Глянулъ на шашечную доску, нахмурился.

— Не ладно, ваше королевское величество, выходить. У меня тутъ съ праваго боку законная пѣшка стояла. А теперь гладко, какъ у бабы на пяткѣ... Ась?

Младшій русые усы расправилъ, пальцами поигралъ.

— Я твоимъ шашкамъ не пастухъ. Гусь, можетъ, мимо пролетающій крыломъ сбиль, али самъ проигралъ. Гони дальше...

— Гусь? А энто что?.. — и съ полу изъ подъ младшаго короля табуретки шашку поднимать. — Чинъ на тебѣ большой, королевскій, а играешь, какъ каптенармусъ. Шашки рукавомъ слизываетъ.

— Я каптенармусъ?..

— Ты самый. Ставь шашку на мѣсто.

— Я каптенармусъ?! Отъ каптенармуса слышу! — скочилъ младшій король съ табуретки и всю игру поллой халата на земь смахнулъ.

Побагровѣлъ старикъ, за лѣвый бокъ хватился, а тамъ, замѣсто меча, чубукъ за поясъ заткнуть. Жили прохладно, каки тамъ мечи.

Хлопнулъ онъ въ ладони.

— Эй, стража!

Русый тоже распѣтушился, кликнулъ своихъ.

Набѣжали, туда - сюда смотрѣть: нигдѣ жуликовъ не видно. Да и битъ нечѣмъ, — бердышей - пищадей давно не носили, потому оченно безопасная жизнь была.

Постояли другъ противъ друга короли, — глаза, какъ у котовъ въ мартѣ, — и пошли каждый къ себѣ подбоченясь. Стража за ими, — у кого синіе штаны за сивымъ королемъ, у кого желтые — за русымъ.

Стучать - гремѣть по обѣимъ сторонамъ кузнецы — пики куютъ, мечи правятъ. Старички изъ пушекъ бѣробинныя гнѣзда выпихиваютъ, самоварной мазью мѣдъ начищаютъ. Бабы изъ солдатскихъ запасныхъ штановъ моль вѣнчикомъ выбиваютъ, мундиры штопаютъ, — слезы по ниткамъ такъ и бѣгутъ. Мужички на грядахъ ряды вздваиваютъ, сами себѣ на лапти наступаютъ.

Однимъ малымъ ребятамъ лафа. Кто на пикѣ, заднюю губернію заголивъ, верхомъ скачутъ... Иные другъ противъ дружки стѣной идутъ, горохомъ изъ дудокъ пуляютъ. Кого въ плѣнъ за волосы волокутъ, кому фельдшеръ пруткомъ ногу пилить. Забава.

Приздумались короли, однако, по ночамъ не спать, ворочаются, — война большихъ денегъ стоитъ. А у нихъ только на мирный обиходъ въ обрѣзъ казны хватало. Да и время весеннее, боронить - сѣять надо, а тутъ лошадей всѣхъ въ кавалерію - артиллерію согнали, вдоль границы укрѣпленія строятъ, нитокъ однѣхъ на амуніцію катушекъ съ сотъ пять потребовалось. А отступить никакъ невозможно: амбицію свою поддержать каждому хочется.

Докладаетъ тѣмъ часомъ сѣдому королю любимый его адъютантъ: такъ-то и такъ, ваше величество, солдатишко такой есть у насъ завалящій въ швальнѣ, солдатскія фуражки шьетъ. Молоканскаго толку, не пьетъ, не куритъ, отъ говяжьей порціи отказывается. Добивается онъ тайный докладъ вашему величеству сдѣлать, какъ войну безкровно - безденежно провести. Никому секрета не открываетъ. Какъ, молъ, прикажете?

— Гони его сюда. Молокане они умные бываютъ.

Пришелъ солдатикъ, смотрѣтъ не на что: изъ себя михрютка, голенища болтаются, фуражка вороньимъ гнѣздомъ, — даромъ, что самъ мастеръ. Однако, безстрашный: въ тряпочку высморкался, во фронтъ сталъ, глаза, какъ у кролика, — анъ смотритъ весело, не сморгнетъ.

— Какъ звать-то тебя?

— Лукашкой, ваша милость. "Трынчикомъ" тоже въ швальнѣ прозываютъ, да это сверхштатная кличка. Я не обижаюсь.

— Фуражки шьешь?

— Такъ точно. Нескладно, да здорово. А въ свободное время лечебницу для живой твари содержу.

— Какую еще лечебницу?

— Галченокъ, скажемъ, изъ гнѣзда выпадаетъ, ушибется. Либо ребята собачкѣ лапу пододбьютъ. Я подлечу, подкормлю, а потомъ выпущу...

— Скажи, пожалуйста... Добрый какой.

— Такъ точно. Веселѣй жить, ежели вокругъ себя утишаешь.

Повелъ король бровью.

— Ишь ты, Чудакъ Ивановичъ. А какимъ манеромъ, ты вотъ похвалялся, — безкровно и безденежно войну вести можно.

— Будьте благонадежны. Только дозвоьте до поры - времени секретъ мнѣ при себѣ содержать, а то всѣ засмѣютъ, ничего и не выйдетъ.

— Да какъ быть-то? Ядра льютъ, пуговицы пришиваются... Чего жъ ждатель-то?

— Не извольте беспокоиться. Пошлите, ваша милость, сусѣдскому королю съ почтовымъ голубемъ эстафетъ: въ энтогъ, молъ, вторникъ въ семь часовъ утречкомъ пусть со всѣмъ войскомъ къ границѣ извольте прибыть. Оружія ни холодного, ни горячаго чтобъ только съ собой не брали, — наши, молъ, тоже не возьмутъ... И королевскую большую печать для правильности слова приложите. Да на военный припасъ мнѣ три рубля пожалуйста, только всего и расходовъ.

— Ладно. Однако, смотри, Лукашка... Ежели на смѣхъ меня изъ-за тебя, галченка, подымутъ, — лучше бы тебѣ и на свѣтъ не родиться.

— Не изволь пужать, батюшка. Разъ ужъ родился, обь чемъ тутъ горевать...

Съ тѣмъ и вышелъ, голенища свои на ходу подтягивая.

Стянулись къ приграничной межѣ войска, — кто пѣшой, кто конный. Оружія, дѣйствительно, какъ условились, не взяли. Построились стѣной строй противъ строя. Шопотъ по рядамъ, какъ вѣтеръ перекачивается. Не зубами жъ другъ друга грызть будутъ... Ждутъ, чего дальше будетъ.

Короли, насупившись, каждый на своемъ правомъ флангѣ на походномъ барабанѣ сидятъ, въ супротивную сторону и не взглянетъ.

Глядъ, издалека на обозной двуколкѣ Лукашка катитъ, подъ себя чего-то намостилъ, будто котъ на бочкѣ подпрыгиваетъ.

Осадилъ коня промежъ двухъ войскъ, скочилъ на земь и давай изъ телѣжки, кругъ за кругомъ, толстый!

корабельный канатъ выгружать. А вдоль каната на аршинѣ дистанціи узлы позакручены.

Сталь Лукашка на пень, ладони лодочкой сложилъ и во всѣ стороны звонкимъ голосомъ разъясненіе сдѣлалъ:

— Вотъ, стало быть, братцы, посередкѣ каната для замѣтки синій флажокъ завязанъ. Пушай каждое войско, на своей сторонѣ въ затылокъ стамши, за канатъ берет-ся. Флажекъ, значитъ, надъ самой границей придется. И съ Богомъ, понатужьтесь, тяните на перетяжку... Чья сторона осилитъ, канатъ къ себѣ перетянетъ, та, стало быть, и одолѣла. И амбицію свою соблюдемъ и никакого кровопролитія въ золотой валютѣ. Скоро и чисто... Полей не перетопчемъ, дѣтей не осиротимъ, хаты цѣлы останутся. А ужъ, какое королевство не одолѣетъ, пушай супротивникамъ на свой коштъ полное угощеніе сдѣлаетъ. Всему то-есть населенію... Ежели господа короли согласны, нехай каждый со своей стороны батистъ-платочкомъ взмахнетъ — и валяйте! А чтобъ веселѣй было тянуть, пушай полковые оркестры вальсъ “Дунай-скія волны” играютъ. Усе.

Ухмыльнулись короли, улыбнулись полковники, осклабились ротные, у солдатъ — ротъ до ушей. Пондравилось. Стали войска по ранжиру гуськомъ, бѣлые платочки въ воздухѣ взвились. Пошла работа! Тужатся, до земли задами достигають, иные сапогами въ песокъ врывшись, какъ клюковка стали... А которые старшіе, вдоль каната бѣгаютъ, своихъ приободряють: “не славай, ироды, наяривай! Еще наддай!.. Наддай, родненькіе, такъ васъ перетакъ...”

Лукашка клячу свою отпрегъ, брюхомъ перевалился, вдоль каната разѣзжаетъ, — чтобы обману нигдѣ не было. Увидаль, какъ на супротивной сторонѣ канатъ было объ березу закрутили, чичась же распорядился: “отставить! Воюешь, такъ воюй по правилу...”

Вспотѣли кавалеры, духъ надъ шеренгой будто портянки въ воздухѣ поразвѣсили, — птички такъ въ разныя стороны и разлетѣлись. народъ въ азартъ вошелъ. Полковники которые, генералы, всѣ къ канату прицѣпились, старички нѣкоторые, мирное населеніе, изъ-за кустовъ повыскакивали, вонзились, каждый въ свою сторону наддаетъ — тянеть.

Короли и тѣ не выдержали. Повскакали съ барабановъ, каждый къ своему концу бросился... Музыканты трубы покидали и туда же...

И вдругъ, братцы мои, какъ лопнетъ канатъ на са-

мой середкѣ: такъ оба войска гуськомъ на земь и попадали. Пылъ винтомъ. Отдышались, озираются... Какъ быть?

Кличетъ сѣдой король Лукашку:

— Эй, ты, Ерой Ивановичъ! Какъ же теперь вышло? Кто побѣдилъ-то?

А Лукашка громкимъ голосомъ на всю окрестность, глазомъ не сморгнувши, объявляетъ:

— Ничья взяла. Полное, стало быть, замиреніе съ обѣихъ сторонъ. Каждый король сусѣдское войско угощаетъ. А на завтра, проспавшись, всѣ, значитъ, по своимъ занятіямъ: кто пахать, кто торговать, кто толокно хлебать.

Ликованіе тутъ пошло, радость. Короли другъ дружку за ручку трясуть, цѣлуются. По всей границѣ козлы разставили, столы ладятъ, обозныхъ за виномъ-закусками погнали. А пока обернутся, тѣмъ часомъ короли въ павильонъ за свои шашки сѣли, честно и благородно.

Кликнули къ себѣ короли въ павильонъ Лукашку.

— Что жъ, молодецъ, дѣло свое ты справилъ. Чѣмъ тебя наградить, говори, не бойся. На красавицѣ женить, альбо домъ съ точенымъ крыльцомъ построить?

Высморкался Лукашка въ тряпочку, во фронтъ сталъ, отвѣчаетъ.

— Домъ у меня вездѣ. Гдѣ я нуженъ, тамъ и мой домъ. Красавицы мнѣ не надо, изъ себя я мизерный, ей будетъ обидно. Да и мнѣ она, человѣку кроткому, не съ руки. Сблаговолите лучше, Ваше Здоровье, приказъ отдать по обѣимъ королевствамъ, чтобы ребята птичьихъ гнѣздъ не разоряли. Болѣ ни о чемъ не прошу.

Ухмыльнулись короли, обѣщали, отпустили его съ миромъ. Блаженного дурака и наградить нечѣмъ...

Такимъ манеромъ, землячки, сраженіе энто на пользу всѣмъ и пошло. У другихъ отъ войны населеніе уничтожается, а здѣсь прибавка не малая вышла. Потому, когда бабы по густымъ кустамъ - буеракамъ разбрелись, — портки полопавшія на воинахъ пострадавшихъ чинить, — мало ли чего бываетъ. Крестниковъ у Лукашки завелось, можно сказать, несосвѣтимое число.

А. Черный.

“Сегодня”.



Оригинальный рисунокъ Б. П. Крылова.

НОВЫЯ КНИГИ

Русскій большевизмъ въ испанскомъ освѣщеніи

Интересъ испанцевъ къ Россіи и русскихъ къ Испаніи всегда былъ весьма ограниченъ. Мы смотрѣли другъ на друга издалека, съ безразличной симпатіей. Мы знали Испанію, главнымъ образомъ, по “Донъ-Кихоту” и по “Карменъ”, то есть, въ классическомъ отраженіи Сервантеса и въ экзотической стилизаціи двухъ французовъ, Меримэ и Бизэ, а испанцы не знали насъ никакъ. Даже необыкновенный расцвѣтъ русскаго искусства, революціонизировавшій театръ и литературу во всемъ мірѣ, не сблизилъ насъ съ ними. Они продолжали довольствоваться, — въ смыслѣ познанія Россіи, — комментаріями заграничной прессы, главнымъ образомъ, французской.

Но это положеніе рѣзко измѣнилось, когда большевицкая революція поставила передъ всѣмъ свѣтомъ рядъ идеологическихъ проблемъ небывалой до того важности. Пользоваться прежними источниками освѣдомленія оказывалось уже невозможно: они были политически подозрительными. Въ результатѣ въ Испаніи родилось движеніе, приведшее къ непосредственному изученію Россіи, къ ея открытію!..

Путешествовать по СССР стало для испанскихъ интеллигентовъ вопросомъ моды. Нѣчто вродѣ охоты на дикихъ звѣрей — среди англичанъ. Не всѣ испанскіе путешественники, посѣтившіе СССР, были литераторами или журналистами, но всѣ рѣшительно писали о Россіи или сообщали редакторамъ газетъ свои личныя впечатлѣнія.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, независимо отъ ежедневной телеграфной информации, въ Испаніи имѣется цѣлая литература о Россіи, подписанная непосредственными наблюдателями совѣтской жизни.

Авторы всѣхъ этихъ попытокъ политическаго, экономическаго и социальнаго обслѣдованія СССР чрезвычайно схожи между собою въ нижеслѣдующемъ:

Ни одинъ изъ нихъ не бывалъ въ Россіи до революціи; ни одинъ изъ нихъ не говоритъ по русски; ни одинъ не оставался въ СССР болѣе нѣсколькихъ недѣль или даже дней; всѣ они чувствуютъ самую горячую симпатію къ Россіи и къ русскимъ; и, наконецъ, въ своихъ толкованіяхъ совѣтской жизни всѣ они превозносятъ положенія, на которыя жалуются сами большевики.

Такой странный и парадоксальный результатъ получается, натуральнѣйшимъ образомъ, вслѣдствіе того положительнаго предрасположенія, съ какимъ испанскіе наблюдатели подходятъ къ большевицкому хаосу. А предрасположеніе это въ свою очередь вытекаетъ естественнымъ образомъ изъ принадлежности большинства авторовъ къ радикальнымъ кругамъ испанской интеллигенціи, къ кругамъ, которые по всѣмъ социальнымъ вопросамъ имѣютъ очень опредѣленные для своихъ сочленовъ мнѣнія. Интеллигенты же независимые чрезвычайно боятся прослыть ретроградами и оказаться не на высотѣ признанныхъ авторитетовъ общественной совѣсти, высказавшихся въ благопріятномъ для совѣтовъ смыслѣ.

Эта тенденція “большевизанства” пышно расцвѣла во время диктатуры Примо-де-Ривера, и, какъ прямое ея слѣдствіе. Выражать свою симпатію большевикамъ являлось очень удобной формой протеста противъ “не-нависшаго въ принципѣ” режима. Испанская цензура запрещала критику дѣйствій правительства, но зато разрѣшала какую угодно болтовню на тему о политическихъ теоріяхъ. Пользуясь этимъ клапаномъ, оставленнымъ по всей вѣроятности предумышленно, въ качествѣ

предохранительнаго, публика принимала и принимаетъ съ несомнѣнной благосклонностью похвалы большевизму, не взирая на то, что “неофициально” онъ давно и рѣшительно осужденъ. Другими словами, испанскіе интеллигенты занимаютъ у большевиковъ коммунистическую дубину только для того, чтобы оглушить ею своего домашняго недруга.

Въ этихъ условіяхъ относиться къ ихъ изслѣдованіямъ совѣтской жизни серьезно нѣтъ никакой возможности. Читая ихъ, русскій человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что описаніе совѣтскаго зданія сдѣлано слѣпымъ, осязую прошедшимъ мимо. Слѣдя за разсказомъ, читатель не сомнѣвается, что авторъ дѣйствительно посѣтилъ Москву, что на такой-то вопросъ получилъ такой-то отвѣтъ, и каждый моментъ ждетъ, что вотъ - вотъ послѣдуетъ заключеніе, которое напрашивается само собой; но напрасно ожиданіе: слѣпой проходитъ мимо, говоритъ, что домъ выстроенъ изъ кирпича, опредѣляетъ даже точно количество шаговъ, занимаемыхъ домомъ по фасаду, но не знаетъ, ни сколько въ немъ этажей, ни даже, какого онъ цвѣта...

Всѣхъ этихъ изслѣдователей можно раздѣлить на три категоріи: авторы, которыхъ въ большевизмѣ ничто не смущаетъ; авторы, которые кое въ чемъ сомнѣваются, и, наконецъ, авторы - простаки.

**

Во главѣ первой категоріи стоитъ Альварецъ-дель-Вайо, написавшій про совѣтскую Россію три книги. Въ нихъ изложена его непоколебимая вѣра въ революционную, конструктивную и социальную правду большевизма. Читать ихъ русскому очень трудно. Когда Альварецъ-дель-Вайо узнаетъ, на примѣръ, что агенты чека набраны среди профессиональных убійцъ и грабителей, то онъ восклицаетъ:

— Отлично! Чекистъ и долженъ быть убійцей!

Когда видитъ голодъ и общее обнищаніе, то говоритъ:

— Соціальный опытъ!

Прошлое Россіи онъ не знаетъ и откидываетъ его огуломъ. Для Альварца-дель-Вайо Россія начинается съ большевицкой революціи. Третья его книга такъ и озаглавлена: “Двѣнадцатилѣтняя Россія”.

Освѣдомители, той же категоріи, существуютъ во всей испанской и южно - американской радикальной и просто либеральной прессѣ. Читатель можетъ быть спокоенъ, если такой-то вопросъ не получилъ еще въ СССР благопріятнаго разрѣшенія, то онъ его получитъ въ самомъ скоромъ времени. Такъ, на примѣръ, разбирая вопросъ социализаціи деревни, Альварецъ-дель-Вайо объясняетъ, какъ все будетъ хорошо въ 1935 - мъ году, когда совѣтскія поля будутъ обрабатываться не двадцатью пятью тысячами тракторовъ, какъ теперь, а ста пятьюдесятью тысячами. Ему даже отдаленно не приходится въ голову, что, — съ тракторами или безъ оныхъ, — въ русской деревнѣ нужны рабочія руки, которыми могутъ быть только руки русскихъ мужиковъ, не желающихъ задѣлываться коммунистами. А что Россія вывозила когда-то, не имѣя ни одного трактора, около десяти миллионновъ тоннъ хлѣба — этого онъ, конечно, не знаетъ.

**

Въ качествѣ типичнаго автора второй категоріи, — “сомнѣвающихся” кое въ чемъ, надо отмѣтить Мануэля Чавесъ - Ногалесъ, выпустившаго любопытную книжку подъ заглавіемъ:

“Мелкій буржуй въ Красной Россіи”.

Уже самое заглавіе указываетъ, что авторъ не принадлежитъ къ числу поклонниковъ большевизма, и, дѣйствительно, онъ отмахивается отъ большевицкой статистики, но... когда видитъ на фабричномъ зданіи красную звѣзду, то вѣрить, что заводъ выстроили большевики. Они же организовали автомобильное движеніе по военнo-грузинской дорогѣ...

Впрочемъ, все это неважно. Книга Чавесь-Ногалесъ замѣчательна тѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ необыкновенную подробность, заслуживающую особаго вниманія всѣхъ изслѣдователей совѣтской Россіи. Онъ разыскалъ въ Москвѣ своего соотечественника, Казаньелоса, убившаго въ 1921 - мѣ году министра Дато и бѣжавшаго отъ висѣлицы въ Россію. Страницы, на которыхъ онъ описываетъ невѣжество этого Казаньелоса, простого рабочаго, не знающаго даже испанскаго языка, а говорящаго на каталанскомъ діалектѣ; рассказъ самого убійцы, котораго толкнула на безмысленный террористическій актъ какая-то невѣдомая рука, увѣрившая его, что “это” надо сдѣлать, чтобы перевернуть міръ; отчаяніе его, когда онъ увидѣлъ, что отъ “этого” не измѣнилось ровно ничего; сумбуръ, получившійся въ его головѣ послѣ того, какъ большевики его “образовали”, проведя, безъ всякой предварительной подготовки, черезъ университетъ Свердлова, — эти страницы представляютъ интересъ совершенно исключительный. Наконецъ-то, думаешь, человѣкъ - иностранецъ подошелъ вплотную къ разрѣшенію большевицкой загадки. Но напрасны ожиданія читателя; то, что Чавесь - Ногалесъ такъ ясно понялъ въ своемъ испанскимъ Казаньелосѣ, онъ проглядѣлъ въ десяткахъ тысячъ русскихъ Казаньелосовъ, которыми сверху и до низу полна большевицкая администрація.

Наконецъ, третья категорія, авторовъ - простаковъ, представлена очень выпукло и ярко нѣкимъ Діего Гидальго, написавшимъ книгу:

“Испанскій нотаріусъ въ Россіи”.

Вотъ, какъ этотъ изслѣдователь совѣтскаго гражданскаго кодекса спрашивалъ себѣ по приѣздѣ въ Москву кофе съ молокомъ:

— ...Приступаемъ къ заказу утренняго кофе. На звонокъ является приличнаго вида лакей, бритый, и, улыбаясь, бормочетъ непонятныя слова. Онъ не говоритъ ни по нѣмецки, ни по французски, а только по русски, и намъ приходится знаками объяснять ему наши желанія; и, скажу правду, я никогда не былъ и не буду способенъ заказать этимъ способомъ кофе съ молокомъ

— И ясно, намъ подали чай...

Затѣмъ, описавъ въ патетическомъ тонѣ свои стра-

данія изъ-за невозможности получить кофе, авторъ восклицаетъ:

— А теперь скорѣе на улицу: сегодня дивная погода, и надо начинать осматривать, изслѣдовать, наблюдать.

Вотъ онъ и началъ наблюдать. Увидѣлъ часовню Иверской Божіей Матери, и, вспомнивъ, что Испанія въ старину называлась Иберіей, записалъ:

— Одна изъ самыхъ дорогихъ русскихъ реликвій — Икона Испанской Божіей Матери...

Годъ тому назадъ знаменитый испанскій драматургъ Гіацинтъ Бенавенте посѣтилъ Москву и Петроградъ съ караваномъ туристовъ. По своемъ возвращеніи въ Испанію, онъ немедленно сообщилъ газетамъ, что Россія переживаетъ періодъ абсолютно “нормальной” жизни. Замѣтилъ онъ это, проживая въ Петроградѣ на борту привезшаго туристовъ парохода, а въ Москвѣ во дворцѣ одного изъ великихъ князей (?), гдѣ его предупредительно поселили большевики. Тѣмъ не менѣе, живущій “нормальной” жизнью русскій народъ смотрѣлъ на туристовъ крайне враждебно. Бенавенте объяснили, что ихъ принимаютъ за американскихъ милліардеровъ, потому - молъ такая непривѣтливость. Испанскій драматургъ замѣтилъ также, что русскіе американофобы имѣли грустный видъ, но объяснилъ это себѣ чрезвычайно просто: русскіе никогда не были веселыми и всегда ходили повѣся носъ...

Подводя итоги настроенію “большевизанствующихъ” испанскихъ интеллигентовъ, нельзя не указать на значительную аналогію между теперешнимъ настроеніемъ культурной части испанскаго общества и русскою интеллигенціею до-революціоннаго періода. Какъ въ царской Россіи, такъ и въ королевствѣ Испаніи недовольство существующимъ режимомъ является необходимымъ культурнымъ и общественнымъ цензомъ всякаго уважающаго себя передового человѣка. Такъ же, какъ ихъ русскіе коллеги, испанцы не имѣютъ никакого положительнаго политическаго идеала, который бы объединялъ сколько-нибудь значительную массу населенія, и такъ же, какъ русскіе идеалисты прошедшихъ годовъ, они абсолютно не отдають себѣ отчета въ томъ, что такое революція.

Правда, испанскіе интеллигенты проще, наивнѣе русскіхъ; они меньше читали, меньше путешествовали, меньше думали; зато у нихъ гораздо сильнѣе чувство своего человѣческаго достоинства, и это, быть можетъ, ихъ спасетъ въ той опасной игрѣ, которую они затѣяли, рискуя, какъ мы, — все проиграть.

П. Шостаковскій.

Banque Industrielle du Centre

85, Rue Richelieu, Paris (2). Tél.: Louvre 09-11 et Centr. 35-67.

Всѣ банковскія и биржевыя операціи

Переводъ денегъ въ Россію и другія страны

а также ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХЪ ПОСЫЛОКЪ быстрѣе и дешевле, чѣмъ всюду съ пред. обр. росписокъ. — Покупка русскихъ до-револ. бумагъ и полисовъ: ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарант. франц. Правительствомъ выигрышныя съ % облигаціи «Crédit National», «Crédit Foncier», «Ville de Paris» Выигрыши 1.000.000 фр. ежемѣс. Ближайшій розыгрышъ 1 марта и 1 апрѣля. Облигаціи отъ 60 фр. Ссуды до 80% %. Проспекты высылаются по перв. требов. Корреспонденція по русски.

Ребусъ № 4.

Составилъ П. П. Першинъ.

РѢШЕНИЕ РЕБУСА № 3:

“Призвали древяне варяговъ и ска-
зали: земля наша велика, обильна, а
порядка въ ней нѣтъ. Приходите ко-
няжить нами.”



А. К. Емельяненко

Извѣстный въ артистическихъ кругахъ театраль-
ный парикмахеръ и гримеръ Аркадiй Кондратьевичъ
Емельяненко открылъ въ Парижѣ 39, Bd Edgar Qui-
net, Paris, 15 (M-ro: Maine) курсы и студию для гг. ар-
тистовъ и тѣхъ, кто посвятилъ себя работѣ въ театрѣ и
кинематографѣ.

Будучи знатокомъ своего дѣла, А. К. Емельянен-
ко, въ качествѣ парикмахера и гримера Русской Опе-
ры въ Театрѣ Елисейскихъ Полей, изготовилъ тысячи
париковъ и аксессуаровъ для постановокъ ряда оперъ
“Русалка”, “Борисъ Годуновъ”, “Царская Невѣста”,
“Садко”, для балета “Петрушка” и т. п.

Всѣ работы А. К. Емельяненко выполнены въ
строгомъ соответствiи съ эскизами художниковъ и от-
личаются изяществомъ и прочностью.

Несомнѣнно, новое предпрiятiе А. Емельяненко
въ Парижѣ привлечетъ къ себѣ вниманiе всѣхъ заинте-
ресованныхъ и будетъ пользоваться успѣхомъ.

76, rue d'Auteuil (XVI)
M-o: Porte d'Auteuil
Tél.: Aut. 04-72

« AUX VAGABONDS »

Артистич. круж. Дир. В. А. ЮРКОВСКIЙ

Выступленiе русск. бал. орк. съ пѣн. и танцами — Солисты: г.г. Поляновскiй, Стреха, Румянцевъ, Шаблинскiй и Шило —
Извѣстн. басъ г. Сибирякъ въ св. реп. Кавказскiе и русскiе танцы, исполн. лучш. силами — Обѣды, ужины, хол. буфетъ
Консомациа отъ 5 фр. Субб. и воскр. отъ 12 фр.

Принимается организаця товарищескихъ обѣдовъ, встрѣчъ и пр. съ программой и танцами
Ежедневно отъ 8.30 до 1 ч. ночи, кромѣ четверговъ

! Т А Н Ц Ы ! Жазъ « The George Boy's » ! ATTRACTIONS !

76, rue d'Auteuil (XVI)
M-o: Porte d'Auteuil
Tél.: Aut. 04-72

(Стороннее сообщеніе).
**СЛАБОСИЛЬНЫМЪ, НЕРВНЫМЪ,
РАНО УВЯДАЮЩИМЪ И
УСТАЮЩИМЪ.**

Организмъ человѣка остается здоровымъ, и работоспособнымъ до тѣхъ поръ, пока его жизнетворныя железы нормально функционируютъ, насыщаютъ всѣ элементы организма энергетическими и **ЦѢЛЕБНЫМИ ГОРМОНАМИ И ВИТАМИНАМИ** извлеченными железами изъ пищи и воздуха.

Слабыя железы не могутъ насыщать въ нужной степени клѣтокъ организма энергетическими и **ЦѢЛЕБНЫМИ ГОРМОНАМИ И ВИТАМИНАМИ**, отчего жизненная энергія организма понижается, кровообращеніе и обменъ веществъ слабѣютъ, и въ организмѣ скопляются яды нарушеннаго обмена веществъ (какъ мочева, щавелева кислоты, ураты и пр.), которые отравляютъ и разрушаютъ всѣ ткани, вызываютъ выпаденіе волосъ и разрушеніе зубовъ, причиняютъ слабость, простудныя, артритическія и др. болѣзни, вызываютъ преждевременное увяданіе, старость и раннюю смерть.

Къ счастью, многіе знаменитые ученые до казали экспериментально, что послѣ насы-

щенія слабого или больного организма **ОМОЛАЖИВАЮЩИМИ И ОЧИЩАЮЩИМИ КРОВЬ ВЫТЯЖКАМИ** изъ жизнетворныхъ железъ молодыхъ животныхъ (какъ **КАЛЕФЛЮИДЪ Д. КАЛЕНИЧЕНКО**) — возста-навливаются силы и здоровье больного (Профес. Броунъ-Секаръ), и **БЫВШІЙ БОЛЬНОЙ** пользуется всѣми радостями молодого и здороваго человѣка **ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ДѢЙСТВІЯ ЭНЕРГЕТОВОРНЫХЪ И ЦѢЛЕБНЫХЪ ГОРМОНОВЪ И ВИТАМИНОВЪ**, содержащихся въ вытяжкахъ (Профес. Карно, Жильбертъ и др.). Это провѣрено и Медицинскимъ Корпусомъ на протяженіи уже 30 лѣтъ на многочисленныхъ больныхъ.

**МНѢНІЕ БОЛЬНЫХЪ
О "КАЛЕФЛЮИДЪ"**

(изъ нѣсколькихъ тысячъ отзывовъ).

Г-жа Брокетъ, Роше Тайне, Франція:

"Я болѣла 15 лѣтъ, особенно во время менструаций когда полагала, что насталъ мой конецъ. Я примѣняла всевозможныя леченія, но безрезультатно. Теперь я помолодѣла и окрѣпла, благодаря **КАЛЕФЛЮИДУ**".

П. Сытниковъ, фабрика Дюръ Гранвилъ (Маншъ). "Послѣ употребленія двухъ фла-

коновъ **КАЛЕФЛЮИДА** ревматизмъ исчезъ. Я не могъ ходить, а теперь чувствую себя здоровымъ и работаю".

Г-жа Шапошникова, 7, рю Пиеръ Верусе, Лионъ: "Я всегда страдала головными болями, принимала аспиринъ, кальминъ и пр., что временно успокаивало, но потомъ еще больше усиливалось болѣзнь. Послѣ леченія **КАЛЕФЛЮИДОМЪ** моя мигрень исчезла, какъ по волшебству".

Юсифъ Рейдликъ, 7, рю дю Женераля Кюръ Не лэ Минъ (П. дэ К.): "Я страдалъ 18 лѣтъ коликами въ груди и болями въ желудкѣ, и ничто не помогало мнѣ. Теперь все прекратилось, стало лучше, и я очень доволенъ **КАЛЕФЛЮИДОМЪ**".

Безплатно — франко высылаются новѣй-шій методъ омоложеніе и леченіе организма.

КАЛЕФЛЮИДЪ находится въ аптекахъ, а гдѣ его нѣтъ, туда высыл. налож. плате-жомъ.

Требованія направляйте по новому адре-су общества:

S-té «KALEFLUID KALENITCHENKO».

49, rue Balagny, Depart.—7, Paris (17).

Въ Югославіи: М. Марковичъ, Бѣлградъ, ул. Краля Милана ном. 10.

Поликлиника 4, RUE CAMBRONNE, 4

Métro: Cambronne. Tél.: Ségur 94-31

Пріемъ приходящихъ больныхъ профессорами и врачами-специалистами.

ВНУТРЕННЯЯ БОЛ. (легочныя, сердца и сосудовъ, желудоч-но-кишечныя, почекъ, обмена веществъ, крови). Ежедн. 2-6 час. и 7-10 час. веч. Воскр. 10-12 час. утра.

ТУБЕРКУЛЕЗЪ — вторн., четв., суб. отъ 6 до 8 час. вечера.

КОЖН. И ВЕНЕРИЧ. (сифилисъ, остр. и хронич. трипперъ). Ежедневно отъ 10-12 час. и 4-9 час. веч., воскр. 10-12 ч.

ВЕНЕРИЧ. БОЛ. ЖЕНЩИНЪ, бол. кожи и волосъ. (женщ.-врачъ). Ежедневно отъ 1-3 час.

УХО ГОРЛО, НОСЪ вт. суб. 3-4
ГЛАЗНЫЯ пон., четв. 6-7,
вт., пятн. 10-12

ЖЕНСКІЯ И АКУШ. Ежедневно
отъ 4 до 6 час. веч.

НЕРВНЫЯ ср. 3-4, пон., ср.
пятн. 7-8 ч.

ХИРУРГІЯ ежедневно 4-6 ч.
ДѢТСКІЯ вт., четв. суб. 2-3 ч.

ЗУБОВРАЧ. КАБ. (всѣ технич.
работы) отъ 10 до 9 ч. в.

РЕНТГЕН. КАБ. ежедн. 3-8 час.

ЭЛЕКТРО - СВѢТОЛЧЕНІЕ по
согласенію.

ОБЩАЯ МЕДИЦИНА и
accidents de travail
во всякое время.

Мед. свидѣтельства. Мед. анализы. Аутовакцины. Спермокультура. Спец. веч. пріемъ 8-10 ч. Посѣщ. врач. больн. на дому. Плата общед.

СОЦІАЛЬНОЕ СТРАХОВАНІЕ — ПРИЕМЪ БОЛЬНЫХЪ ПО ВСѢМЪ СПЕЦІАЛЬНОСТЯМЪ.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНІЕ

Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,
Pharmacien de 1^{re} classe
63, Bd de Grenelle.
Tram. 25, Aut. AN, AQ.
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовленіе рецептовъ г.г. русскихъ
врачей. Всѣ русскіе препараты. Патенто-
ванные средства Парфюмерія. Косме-
тика. Цѣны минимальныя. Исполненіе
заказовъ въ провинцію и за границу, и
по телефону въ Парижѣ: Сегюръ 18-51
Tél: Ségur 18-51

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И. А. КИРИЛОВА

Дѣла судебныя, административныя и
бракоразводныя. Договоры, уставы и
регистрація коммерческихъ обществъ.
Оформленіе документовъ. Сотрудниче-
ство французскихъ адвокатовъ.

46, RUE DE PROVENCE, PARIS (9)

около Rue Lafayette.

Métro: Chaussée d'Antin et Le Pe-
letier. Tél.: Trud. 08-04.

Аптека для русскихъ

**PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE**

H. FOUCHER

Pharmacien de 1^{re} classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AN,

Трамваи: 25, 26

Grenelle.

M-o Duplex, La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по
русской фармакопее, русск. провизоръ
Всѣ французскія и иностранныя патент
средства Общ. складъ парфюмеріи и
патентованныхъ товаровъ
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ
Tél. Ségur 11-45.

ROCHET chapelier spécialiste

21, av. de la République, Paris.

FOURNIT DE LA BELLE CHAPELLERIE POUR HOMMES ET ENFANTS TRES GRAND CHOIX

INSTITUT COSMETIQUE „MACO”

278, Bd Raspail
Paris, 14



Téléph. Danton
73-99

1) КУРСЫ КОСМЕТИКИ (ПРИГОТОВЛЕНИЕ КРЕМОВЪ, ПУДРЪ, ОДЕКОЛОНОВЪ И Т. П.), 2) КУРСЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЛЯ ОКОНЧИВШИХЪ ИНСТИТУТЫ КРАСОТЫ (ЛЕЧЕНИЕ ДЕФЕКТОВЪ КОЖИ НОВЪИШИМИ СПОСОБАМИ И АППАРАТАМИ), 3) КУРСЫ ГИМНАСТИКИ И МАССАЖА ОТЪ ОЖИРЪНІЯ. ОКОНЧИВШІЕ ПОЛУЧАЮТЪ ФРАНЦУЗСКІЙ ДИПЛОМЪ.

American Lloyd

13, Bd. Malesherbes, Paris (8)

Tél.: Anjou 07-45

ПРОДАЖА ШИФСКОРЪ ВО ВСЪ
ПОРТЫ МІРА НА САМЫХЪ
ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

СПЕЦИАЛЬНО: Дальній Востокъ (Шанхай, Харбинъ и т. д.), Ближній Востокъ (Египетъ, Палестина, Сирія) Австралія, Уругвай, Парагвай, Бразилія и т. д.

СПРАВКИ БЕЗПЛАТНО

Говорятъ по-русски.

СПБ ПРИСЯЖНЫЙ ПОВѢРЕННЫЙ

Г. Е. ЛЕВИНСКІЙ

Бюро: 28, Avenue de l'Opéra, Paris (2).

Tél.: Richelieu 97-05. Métro: Opéra.

Пріемъ 10-12 и 2-6 час., воскресенье и праздники 10-12 час.

Защита по дѣламъ гражд. и уголовн. ДОГОВОРЫ. РАЗВОДЫ. ФОРМАЛЬНОСТИ ДЛЯ БРАКА ВЗЫСКАНИЯ. НАТУРАЛИЗАЦІЯ. СОВѢТЫ.

Посылки и деньги въ Россію

НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

A. GODOVANNIKOFF

36, RUE DIEULAFOY, PARIS (13). TEL.: Gobelins 20-68. Métro: Tolbiac.

Брокаръ Parfumerie

8, RUE CARDINAL MERCIER, PARIS

ВЕЗДѢ ВЪ ПРОДАЖѢ ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ И LOTION «POLONAISE». Tél.: Louvre 52-14.

РУССКОЕ КОНДИТЕРСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВО
Tl.: Ségur 68-27.

„Julien“

25, RUE BOSQUET, PARIS (7).
во дворѣ.
Métro: Ecole Militaire.

извѣщаетъ глубокоуважаемую кліентуру, что, съ установкой специальныхъ машинъ,
КОНДИТЕРСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО РАСШИРЕНО

Просятъ г.г. кліентовъ заказывать заблаговременно. Доставка на домъ. Телефонъ: Сегюръ 68-27.

ПЕЧЕНЬЕ.

КОНФЕТЫ.

113, RUE DE JAVEL, 113.

Варшавская Кондитерская

Métro: Beaugrenelle. Tél.: Vaugirard 11-30.

Ресторанъ „СИРЕНА“

9, RUE RENNEQUIN (M-ro: Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 6,50 завтраки, обѣды и A LA CARTE

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана
Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

Изящное бѣлье

ГАЛСТУКИ И ПРОЧ. ПРЕДМЕТЫ
МУЖСК. ТУАЛЕТА.

Покупайте по доступн. цѣнамъ.
ВЪ РУССКОМЪ МАГАЗИНѢ

Chemisier

7, RUE FONTAINE (Pigalle).

Téléphone: Trinité 93-63.

Приемъ заказовъ. Русскимъ скидка.

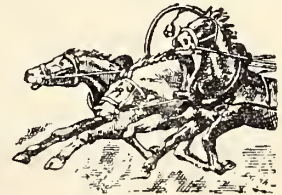
Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, RUE BROCA, PARIS (5).

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умеренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону: Gobelins 24-24.

Оптово - Розничн. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ
28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13) M-o Italie. Tél.: Gob 23-08



Рус водка, запек., спотык., вишневка, рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ. Таранъ Вобла. Хрѣнъ. Чай. Требуется каталогъ. Отправка въ провинци. и загр.

Элегантную и прочную обувь

по доступнымъ цѣнамъ
покупайте въ русскомъ магазинѣ

„RAMO“

(Рашковский)

94, rue St-Antoine. 94, Paris (4).
Tél. Archives 38-26.

Напротивъ метро и церкви St-Paul.

Отдѣленіе: Constantinople; 6, Rue du Tunnel, 6. Nice: 31, Rue de France, 31
Открыто по воскресеньямъ.

Стоимость посылки

Можетъ быть уплачиваема по представленіи почтовой расписки объ отправленіи.

Стоимость отправки

упаковки и страховки. — За посылку въ 5 кило — 40 фр. За посылку въ 10 кило — 65 фр.

Стоимость денегъ

переведенныхъ мною начиная отъ 40 руб. изъ расчета дѣйств. стоимости червонца.

МОЖЕТЪ БЫТЬ УПЛАЧИВАЕМА ПО ПОЛУЧЕНІИ ВАМИ ПОДТВЕРЖДЕНІЯ ИЗЪ РОССИИ.

Отправляемая мною посылки приходятъ:

Въ Москву и Петербургъ на 6-10 день. Въ другіе города, мѣст., станицы на 10-20 день.

Приемъ порученій ежедневно не исключая праздниковъ и безъ перерыва отъ 9 ч. до 8 ч. вечера лично и по телефону.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ
LIBRAIRIE «MOSKWA»
9, rue Dupuytren, Paris 6.
Tél.: Littré 37-01

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладьяникова, Логосъ, Москва, Слово и Девриенъ изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданий) Библиотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ AU VIEUX LIVRE

17, Rue de l'Odéon Paris-6
Tél.: Littré 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполнение казозовъ на любое изданіе. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. ROVOLOZKY & C^{ie}
13, rue BONAPARTE, PARIS-VI
Tél. Littré 42-01.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

СЕРГѢЯ КОМАРОВА

„ВѢЧНЫЙ ТАНЕЦЪ“

(изъ современной жизни)

Цѣна 20 фр.

М. М. ЧЕРНЫЙ ПОДЪ ФИРМОЙ
«MICHEL»

29 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первоклассныхъ портныхъ.

Инвалидамъ 5% скидки.

10, rue Caffarelli (derrière la Mairie du 3-e). Métro: République et Temple. Téléph.: Archives 36-06.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО YMCA - PRESS
10, B-d Montparnasse, Paris, 15.

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФІЯ И ЖИЗНЬ
РУССКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

Амер.
Долл.

Соловьевъ Вл. — Духовныя Основы Жизни	0.75
Франкъ, С. Л. — Смыслъ жизни	0.50
— Духовныя основы общества	1.—
Бердяевъ, Н. А. — Конст. Леонтьевъ — Міросозерцаніе Достоевскаго	0.50
Зѣньковский, В. В. — Русскіе мыслители и Европа	0.95
Ильинъ, И. А. — Религіозный смыслъ философіи	0.50
Алексѣевъ, Н. Н. — Религія, право и нравственность	0.50
Журналъ „Путь“ — Органъ русской религіозной мысли. Подписная плата	2.25
Вышелъ № 25	

Имѣются во всѣхъ русскихъ кн. фирмахъ и въ Издательствѣ

Подробный каталогъ высылается бесплатно. Книги Издательства продаются во всѣхъ Русскихъ книжныхъ фирмахъ.

РУССКАЯ САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ

И. Е. Захарьинъ

КУБАНСКИЙ КАЗАКЪ.

ПРИНИМАЕТЪ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЗАКАЗЫ НА НОВУЮ ОБУВЬ:
САПОГИ, ЧЕВЯКИ, НАГОВИЦЫ. ПОЧИНКА.

111, Bd de l'Hôpital, Paris (XIII).

Métro: Campo-Formio. (между rue Esquirol et Jenner).

ГОРОДНОЙ ВЫБОРЪ МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. Цѣны внѣ конкуренціи. Собственная мастерская для передѣлокъ.

3. ПИНЧЕВСКИЙ

3, rue Perrée, Paris (3). Métro: Temple et République. Téléph.: Archives 77-97.

ПОРТНОЙ

Ф. И. АГЪЕВЪ

Большой выборъ

англійскихъ и французскихъ матерій.

19, rue Tipbaine, Paris 15.

Métro: La Motte-Picquet

РУССКИЙ

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ
S. A. des Grandes
Editions Musicales

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ
22, RUE D'ANJOU, PARIS (8).

Tél.: Anjou 09-26

Требуйте каталоги

Переводъ денегъ въ Россію и продовольств. посылки

Комитетъ помощи голодающ. въ Россіи
Comite Russe de Secours
7, r. du Cardinal-Mercier, Paris (9)
Tél.: Louvre 39-25, Métro: Clichy.

Пріемъ исключительно отъ 3 до 7 час.

МУЖСКОЙ И ДАМСКИЙ ПОРТНОЙ ГОТАРЪ

Предлагаетъ большой выборъ англійскихъ и французскихъ матеріаловъ. Элегантный покрой, тщательная и аккуратная работа. Специальный мѣховый отдѣлъ. Получены новѣйшія американскія машины для утюжки костюмовъ. Стопажъ, перелицовка платьевъ. Всевозможныя передѣлки.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ

249-251, rue LECOURBE.

Tél.: Vaugirard 51-58.

1, avenue EMILE ZOLA, Métro: Javel.

Tél. Vaugirard 33-57.



Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroën.
32-34, rue Marbeuf (Champs-Élysées), Tél.: Élysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Élysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poids-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего гаража, в Булонском лесу и в городе от 8 час. утра до 9 час. вечера на машинах последних моделей, с правым и левым управлением. Приходите осмотреть наш гараж в 10 этаже, на 1500 машин, самый большой в Париже, в районе Champs-Élysées и нашу школу, оборудованную по последнему слову автомот. техники

Русская

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ

ШКОЛА

АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА
NORTH AMERICAN YMCA.

МЕТОДЪ ЗАОЧН. ПРЕПОДАВАНИЯ

Книги и печатные лекции
высылаются во все страны

Отделения:

1. Инженерно - строительное.
2. Электротехническое.
3. Механическое.
Курсы на пом. инженеров, техников, механиков, чертеж. конструкторов, монтеров, десятников.
4. Коммерческое.
Программа Коммерческого Института, курсы на бухгалтера, коммерч. корреспонд., кооперация, страховое дело, торгов. представительство.
5. Агрономическое.
Курс сель.-хоз. техникума.
6. Общеобразовательное.
Реальное уч. и гимназия.
7. Иностранные языки.
Франц., Англ., Нѣм., Лат.
Требуйте программы (бесплатно).
Russian Correspondence School
of the North American Y. M. C. A.
10, Bd Montparnasse, Paris 15,
France.

Грамофоны и пластинки

20.000 ПЛАСТИНОКЪ

вновь получены. Последние новинки: Вертинский, Морфесси, Варя Панина, Плевицкая, Вильяева, Смирновъ, хоръ Жарова, кварт. Кедрова, церков. пѣніе и др. Главное дело русскихъ и иностранныхъ пластинокъ.

SPEISER 34, rue des Rosiers.

M-ro St-Paul. Tél. Archives 74-49:
Открыто по воскресеньямъ.

Vous trouverez

tous les disques
de toutes les marques
et les derniers succès



PARISONOR

PHONOGRAPHE AMPLIFICATEUR

SALONS D'AUDITION:

12, ROND-POINT DES CHAMPS-ÉLYSÉES. PARIS

TÉLÉPHONE: ÉLYSÉES 53-33

ЗАЛЫ ДЛЯ ДЕМОНСТРАЦИИ ГРАММОФОНОВЪ



TORPÉDO

la machine sérieuse
portative et de bureau

PAYABLE AU COMPTANT
ET PAR MENSUALITÉS

HAÏK-TYPEWRITER

142, Rue Montmartre. PARIS



КАПИНА

ПОРТНОЙ

44. Avenue des Champs-Élysées - Paris (XVIIe)

Téléph.: ÉLYSÉES 42-40

Téléph.: ÉLYSÉES 42-40

ИМѢТЬ ПОСТОЯННО
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ЛУЧШИХЪ ПЕРВОКЛАССНЫХЪ
АНГЛІЙСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ СЕЗОНОВЪ

РОССІЯ

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 37, Avenue de la Motte Picquet, PARIS-7°

Посвящается Терскому Казачьему Войску



КОНВОЙ.

Кубанскіе и Терскіе казаки. Горцы Кавказа.

(Съ гравюры 1858 г.)

Мы желаемъ подарить Вамъ этотъ японскій чайный сервизъ,



онъ будетъ служить украшеніемъ Вашего стола и Вы будете пить чай изъ чулныхъ чашекъ я п о н с к а г о ф а р ф о р а ! Вы получите этотъ сервизъ совершенно бесплатно, — это нашъ подарокъ всѣмъ любителямъ чая **KUSMI-THE**.

Мы полагаемъ, что Вы являетесь любителемъ чая **KUSMI-THE**, а потому
**японскій чайный сервизъ ожидаетъ Васъ,
куда Вамъ его послать ?**

Конечно, мы можемъ дѣлать такіе цѣнные подарки ТОЛЬКО нашимъ покупателямъ, а потому мы просимъ представлять намъ бумажныя обертки пакетовъ чая **KUSMI-THE**. Если бумажныхъ обертокъ у Васъ въ достаточномъ количествѣ не сохранилось, то Вы получите Вашъ сервизъ, но не весь сразу, а по частямъ. Мы выдаемъ:

ОДНУ ЧАШКУ СЪ БЛЮДЦЕМЪ	тому, кто представить обертокъ на	500 гр. чая
МОЛОЧНИКЪ	тому, кто представить обертокъ на	1.000 гр. чая
САХАРНИЦУ	тому, кто представить обертокъ на	1.500 гр. чая
ЧАЙНИКЪ	тому, кто представить обертокъ на	3.000 гр. чая

Доставляйте собранныя Вами бумажныя обертки отъ нашего чая тому русскому магазину, въ которомъ Вы обычно покупаете товаръ, этотъ магазинъ перешлетъ ихъ намъ и Вы получите немедленно или весь сервизъ или отдѣльныя вещи, какъ указано выше. Не забудьте указывать магазину Вашъ адресъ, чтобы не было задержки въ полученіи.

Мы даемъ годичный срокъ для полученія отъ насъ сервизовъ, за этотъ срокъ, каждая семья, не затрачивая ни одного лишняго сентима, совершенно бесплатно, можетъ получить дивный японскій сервизъ на 12 персонъ.

Для полученія сервиза годны обложки всѣхъ сортовъ и развѣсовъ чая **KUSMI-THE**, но только купленного во Франціи. Надо представлять чайную наружную бумажную обложку (съ видомъ Петрограда и надписью Т-во П. М. Кузмичевъ съ С-ми) съ фирмовою бандеролью и цвѣтною наклейкою съ надписью **KUSMI-THE**. Внутр. картузь и фольгу представлять не надо.



Парижское отдѣленіе фирмы
P. M. Kousmichoff & Fils

75, Avenue Niel, 75. — PARIS

Пересылка премій въ провинцію, расходъ по пересылкѣ за счетъ получателя.

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА

БРОКАРЪ

ЦВѢТЧНЫЕ
ОДЕКОЛОНЫ

ROYAL FLUSH (Прежній "Четыре Короля")
BEN-HUR
LILAS MERVEILLE
MUGUET MERVEILLE

И ЕДИНСТВЕННЫИ "VERITABLE EAU DE COLOGNE RUSSE"

8, RUE DU CARDINAL-MERCIER, PARIS

Tél.: Louvre 52-14.

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroen.

32-34, rue Marbeuf (Champs-Elysées), Tél.: Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Elysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poids-lourd. Cours de mécanique.
Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего гаража, в Булонском лесу и в городе от 8 час. утра до 9 час. вечера на машинах последних моделей, с правым и левым управлениями. Приходите осмотреть наш гараж в 10 этажей, на 1500 машин, самый большой в Париже, в районе Champs-Elysées и нашу школу, оборудованную по последнему слову автомот. техники

Русская

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ

ШКОЛА

АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА
NORTH AMERICAN YMCA.

МЕТОДЪ ЗАОЧН. ПРЕПОДАВАНИЯ

Книги и печатные лекции
высылаются во все страны

Отдѣленія:

1. Инженерно - строительное.
2. Электротехническое.
3. Механическое.
Курсы на пом. инженеров, техников, механиков, чертеж. конструкторов, монтеров, десятников.
4. Коммерческое.
Программа Коммерческого Института, курсы на бухгалтера, коммерч. корреспонд., кооперация, страховое дело, торгов. представительство.
5. Агрономическое.
Курсъ Сел.-Хоз. Техникума.
6. Общеобразовательное.
Реальное уч. и гимназия.
7. Иностранные языки.
Франц., Англ., Нѣм., Лат.
Требуйте программы (бесплатно).
Russian Correspondence School
of the North American Y. M. C. A.
10, Bd Montparnasse, Paris 15,
France.

*Vous trouverez
tous les disques
de toutes les marques
et les derniers succès*



PARIS SONOR

PHONOGRAPHE AMPLIFICATEUR

SALONS D'AUDITION:

12, ROND-POINT DES CHAMPS-ÉLYSÉES, PARIS

TÉLÉPHONE: ÉLYSÉES 53-33

ЗАЛЫ ДЛЯ ДЕМОНСТРАЦИИ ГРАММОФОНОВЪ



КАПИНА

ПОРТНОЙ

11, rue Marbeuf, 11 - PARIS (VIII^e)

Téléphone : Balzac 28-25

ПРЕЖДЕ

44. Avenue des Champs-Élysées - Paris (VII^e)

Téléph.: ÉLYSÉES 42-40

ИМѢТЬ ПОСТОЯННО
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ЛУЧШИХЪ ПЕРВОКЛАССНЫХЪ
АНГЛІЙСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ СЕЗОНОВЪ

Ваше Превосходительство
Губернаторский

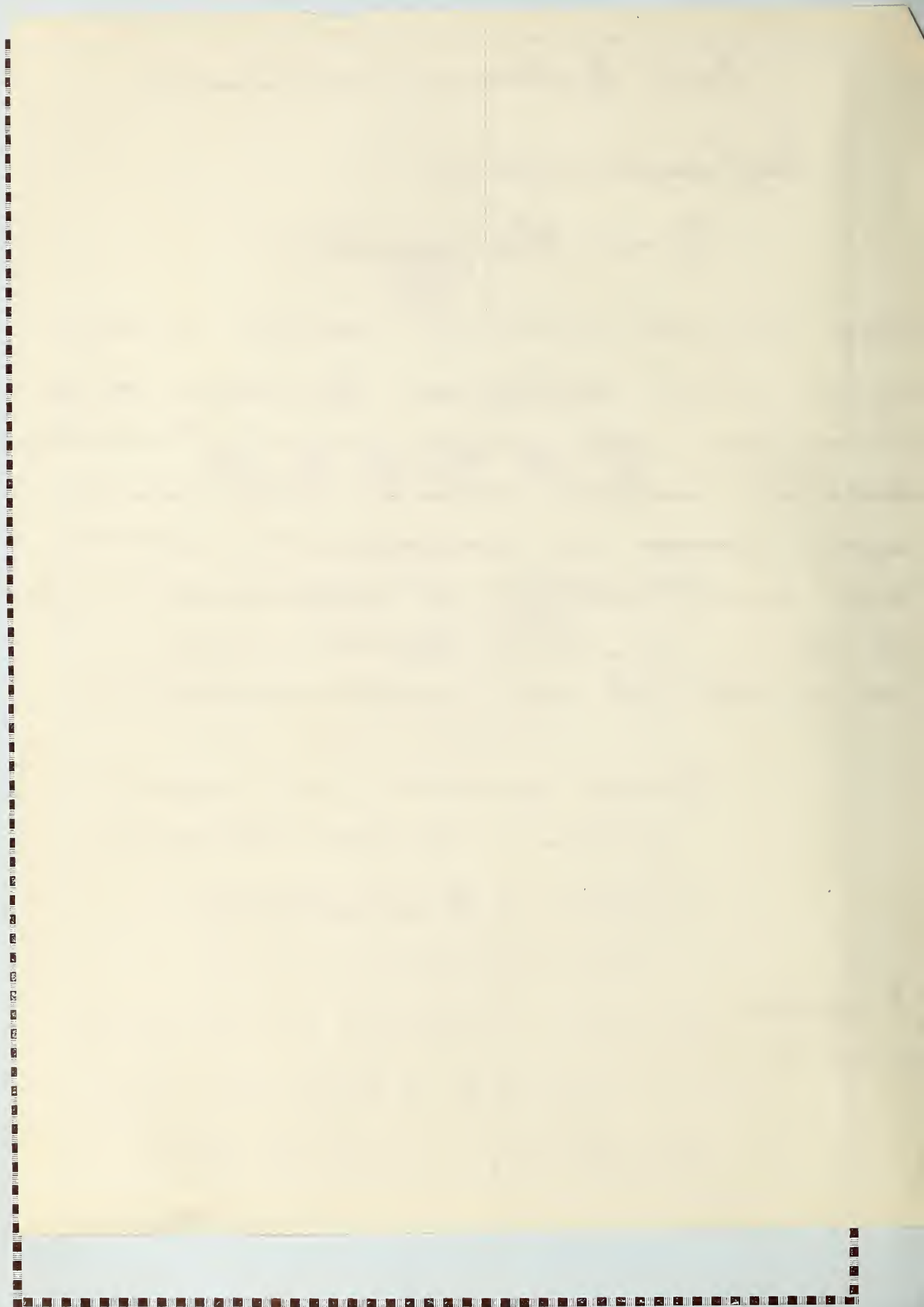
Сергей Дмитриевич!

Мнѣ удалось достать книгу министр.
журнала "Россія" посвященую Турецкому войску.
Въ журнале есть статья нашего Війскаго
Атамана, которая описываетъ Ваши помы-
слы въ дѣлахъ какъ гребенный схемати-
ческий очеркъ событий въ Війскѣ въ 1860 г.
До этого периода и после событий
теперь так же как и у Венгскаго казана.

Приму пріятно мой искренній
привѣтъ и любезное уваженіе
М. Шмидтъ.

2 марта

4 rue de la Saïda Paris 15.



По занятіи Добр. Армією Терекіи
области Терекіи востановили:

12 конных полков

4 пехотных батальонов

2 артил. дивизиона.

таким образом войско востановило
подр. ручныя и т.п. только много гатч.

Войсковые части Терекіи состояли
в Добров. арміи и в Русской Арміи все
время борьбы и эвакуировались в состав
Русской Арміи за границу.

В настоящее время Терекіи распались
по велику міру как и все доблестные
гражданские воины. Атаман
войска ген. лейт. Вдовенко и председатель
правительства св. м. Букаловский в Сербии



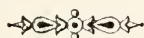


Привѣтъ

Тебѣ, измученный, уставшій,
Родимый Терекъ, край родной,
Въ года невольнаго изгнанья
Мы шлемъ привѣтъ сыновній свой.

Тобой живемъ, тобою дышемъ
И вѣримъ, что настанетъ часъ,
И ты, вздохнувшій облегченно,
Въ свои объятя примени насъ.

В.л. Вертеповъ



Войсковая пѣсня Терскаго Казачьяго Войска

(XVI вѣкъ)

НЕ ИЗЪ ТУЧУШКИ ВѢТЕРОЧКИ ДЮЮТЬ,
ОЙ, НЕ ДУБРАВУШКА ВО ПОЛѢ ШУМИТЬ,
ТО НЕ СЪРЫЕ ГУСЮШКИ ОНИ ГОЛОЧУТЬ,
ОЙ, ПО НАДЪ БЕРЕЖКОМЪ ГУСИ СЛЮЧУТЪ,
ТО НЕ СИЗЫЕ ОРЛЫ ВО НЕБѢ КЛЕКОЧУТЬ,
ОЙ, ПО ПОДНЕБЕСЬЮ ОРЛЫ ЛЕТУЧИ;
ТО ГРЕБЕНСКІЕ КАЗАЧЕНЬКИ
ОЙ, ПЕРЕДЪ ГРОЗНЫМЪ ЦАРЕМЪ ГУТОРЯТЪ:
УЖЪ ТЫ, БАТЮШКА, ТЫ НАШЪ ЦАРЬ ИВАНЪ
ВАСИЛЬЕВИЧЪ,
ОЙ, ПРАВОСЛАВНЫЙ ТЫ НАШЪ ГОСУДАРЬ,
КАКЪ, БЫВАЛО-ЧА, ТЫ, НАШЪ ЦАРЬ - НАДЕЖА,
МНОГО ДАРИЛЪ НАСЪ, МНОГО ЖАЛОВАЛЪ,
А ТЕПЕРИЧА ТЫ, НАШЪ ЦАРЬ НАДЕЖА,
ОЙ, ЧѢМЪ ПОДАРИШЬ НАСЪ, ЧѢМЪ ПОЖАЛУЕШЬ?
ПОДАРЮ Я ВАСЪ, ГРЕБЕНСКІЕ КАЗАЧЕНЬКИ,
ОЙ, РѢКОЙ ТЕРЕКОМЪ, РѢКОЙ БЫСТРОЮ,
ОЙ, ВСЕ ГОРЫНЫЧЕМЪ СО ПРИТОКАМИ,
ОТЪ САМОГО ГРЕБНЯ ДО СИНЯ МОРЯ,
ОЙ, ДО СИНЯ МОРЯ ДО ХВАЛЫНСКАГО.





Казаки и генералъ конныхъ полковъ Терскаго войска
Въ парадной формѣ 18 мая 1859 г.

Терское Казачье Войско

«Прежде я ихъ видѣлъ небольшими частями и не такъ близко, но теперь могу судить о храбрости и предприимчивости ихъ и признаюсь, что изъ всѣхъ многочисленныхъ казаковъ въ Россіи имъ нѣтъ подобныхъ.»

Такими словами характеризуетъ Терцевъ генералъ А. П. Ермоловъ, долго работавшій на Кавказѣ съ казаками.

Многое есть у Терскаго казачества, чѣмъ въ правѣ гордиться оно, оглядываясь на славное прошлое.

Вспомнимъ только, что старѣйшимъ полкомъ во всей русской арміи былъ Кизлярскій - Гребенской, имѣвшій старшинство съ 1577 года!

Въ тяжелыхъ условіяхъ большевnickаго ига въ станцияхъ и эмигрантскаго бытія части сыновъ Терка, ушедшихъ въ изгнаніе, встрѣтило Терское Войско три года назадъ 350 лѣтній юбилей своего официального существованія.

А сколько лѣтъ прибавить надо къ этому періоду, чтобы опредѣлить время поселенія первыхъ казаковъ на Терекѣ, — не знаетъ даже исторія. Не такова была жизнь, чтобы удалось сохранить историческіе документы далекаго прошлаго, да и писали тогда неохотно и мало.

Терское Казачье Войско, какимъ знаемъ его мы, сложилось постепенно въ результатѣ объединенія Войска

Астраханскаго, Волгскаго и полковъ Моздокскаго, Горска-Гребенскаго, Терскаго Кизлярскаго, Терскаго Семейнаго, го. Сунженскаго и Владикавказскаго.

Основателями Терскаго Войска, безспорно, были Гребенскіе казаки. Еще Московское царство не закончило собиранія удѣловъ, и границы его на югѣ не ушли далѣе Рязанскихъ предѣловъ, еще въ Крыму сидѣлъ могучій Крымскій ханъ, и на Волгѣ стояли Казанское и Астраханское царства, — а славные предки Терскихъ казаковъ — Гребенцы — сидѣли уже въ предгорьяхъ Кавказа.

Вопросъ о томъ, кто были предки Гребенскаго Войска остается до сихъ поръ не выясненнымъ. Установить точную дату прибытія этихъ пионеровъ русскаго дѣла на Кавказѣ также не удастся. Существуетъ преданіе, что родоначальниками Гребенскаго Войска были Новгородскіе ушкуйники, подтвержденіемъ чего служило наличие среди регалій Терскаго Войска знаменъ съ Новгородскимъ гербомъ. Однако, болѣе вѣроятнымъ является предположеніе о переселеніи на Терекъ рязанскихъ казаковъ.

По сохранившимся преданіямъ въ началѣ XVI столѣтія Московскій наместникъ объявилъ рязанцамъ приказъ о массовомъ переселеніи ихъ въ Суздальскую землю. Казаки Червленнаго Яра (пространства между Окою и Волгою) не желали подчиниться этому требованію и рѣшили поискать счастья за предѣлами Московскаго царства. До насъ дошло даже извѣстіе, что переселеніе

это состоялось на масляницу. Прибыв на Кавказ, предки Гребенцев поселились пятью станицами (городками) на гребнях Сунженского хребта. Выборъ мѣстоположенія первыхъ станицъ былъ чрезвычайно удачнымъ: гребень надежно прикрывался съ фронта р. Сунжей, а справа и съ тыла Терекѣ. Въ ту пору здѣсь пролегалъ караванный путь, по которому шла торговля Персїи и Средней Азїи съ Черноморьемъ и Крымомъ. Занявши Гребенъ казаки тѣмъ самымъ овладѣли торговымъ путемъ и сдѣлались хозяевами положенія въ этомъ районѣ.

Какъ велика была численность Гребенского Войска въ эту пору и въ какихъ взаимоотношеніяхъ были они съ Московскимъ государствомъ опредѣлить сейчасъ довольно трудно, но съ увѣренностью можно сказать, что Гребенцы представляли собою достаточно мощную общину, сильно беспокоившую Турцію, Персїю и Крымскаго хана. Несомнѣнно также, что Гребенцы были пионерами русской культуры и русской государственности на Сѣверномъ Кавказѣ. Добровольно ушедшіе изъ Московскаго царства и отдѣленные отъ него пикѣмъ не занятымъ престранствомъ, Гребенцы, однако, никогда не порывали духовной связи съ русскимъ народомъ и сохраняли романтическую привязанность къ своей родинѣ.

Какъ величайшую святыню, хранили они русский языкъ, христіанскую вѣру и русскую культуру. Вольные казаки, несвязанные никакими договорами и повинностями съ Московскимъ правительствомъ, они, какъ зѣрные сыны, въ години бѣдствій своей родины, отзывались на кличъ Москвы и шли въ далекіе походы на защиту Русскаго дѣла. Исторія помнить участіе Гребенцовъ во взятїи Казани въ 1552 г. и во всѣхъ дальнѣйшихъ походахъ и войнахъ Россїи. Тяготѣнїе Гребенскаго Войска къ Москвѣ уже на первыхъ порахъ ихъ бытія нашло выраженіе свое въ посольствѣ къ Іоанну Грозному въ 1555 году. Преданіе относитъ именно къ этому моменту бесѣду Грознаго съ Гребенцами, о которой до сихъ поръ такъ охотно поютъ Терцы въ своей излюбленной пѣснѣ. Какъ извѣстно, Иванъ Грозный шестымъ бракомъ женатъ былъ на дочери кабардинскаго князя Темрюка. Это обстоятельство еще больше сблизило Москву съ кабардинцами, принявшими русское подданство въ 1555 году. По просьбѣ тестя своего Иванъ Грозный посылалъ на защиту къ нему московскія войска и ставилъ городки въ Кабардинской землѣ. Въ 1577 году на Терекъ былъ командированъ воевода Лукьянъ Новосильцевъ, который поставилъ русскую крѣпость Терки на Терекѣ противъ устья Сунжи и снабдилъ ее «вогненнымъ боемъ» (артиллерїей). Терки стояли въ непосредственной близости къ гребенскимъ городкамъ. Это лишній разъ подчеркиваетъ, насколько стратегически удачно выбрано было Гребенцами мѣстоположеніе станицы.

Съ прибытіемъ русскихъ войскъ на Кавказъ устанавливается боевое сотрудничество ихъ съ Гребенцами и согласованность дѣйствій, продолжавшіяся до окончательнаго покоренія Кавказа. Впослѣдствїи гребенскія станицы были переселены на лѣвый берегъ Терека.

Къ сожалѣнію, размѣръ статьи не позволяетъ прослѣдить героическую боевую работу славнаго Гребенскаго казачества. Нагляднымъ доказательствомъ ея служили многочисленныя регалии Гребенскаго Войска и Кизляро - Гребенскихъ полковъ: 103 древнихъ знамени и штандарта безъ древокъ, сложенныхъ въ одномъ ящикѣ, время пожалованія которыхъ опредѣлить невозможно, 11 древнихъ знаменъ на уцѣлѣвшихъ древкахъ, 2 знамени 1740 года, 2 знамени 1831 г., 2 знамени 1860 г., 2 георгиевскихъ штандарта 1881 г., штандартъ 1881 г., многочисленные грамоты, георгиевскія серебряныя трубы, знаки на папахъ — вотъ свидѣтели доблести и славы Гребенскаго казачества.

Въ 1836 году изъ казачьихъ войскъ и полковъ на С. Кавказѣ было образовано одно Кавказское Линейное Войско, просуществовавшее до 1861 года, когда изъ него созданы были нынѣшнее Терское и Кубанское Войска.

Нѣсколько позже Гребенскаго Войска въ низовьяхъ Терека сложилась другая группа Терскаго казачества, извѣстная въ исторїи подъ именемъ Низоваго Терскаго Войска.

Можно предполагать, что основаніе ему положили казаки, ушедшіе съ Волги послѣ появленія тамъ въ 1577 году воеводы Мурашкина. Часть этихъ казаковъ поднялась тогда вверхъ по Волгѣ и Камѣ, поступила на службу къ Строгановымъ и подъ водительствомъ Ермака векомъ завоевала Сибирь. Другая часть ушла на Янкъ и образовала Янцкое (Уральское) войско и, наконецъ, третья группа отправилась въ низовья Терека. Здѣсь подъ защитой непроходимыхъ камышей и плавней издавна привыкли укрываться всѣ, кому грозила опасность на родинѣ. Сюда же стекались удалы, желавшіе жить молодечествомъ въ морѣ или рыбнымъ и охотничьимъ промысломъ. Постепенно здѣсь образовалась разноплеменная масса, усвоившая казачій укладъ жизни и создавшая новую общину Терцевъ.

Сами низовые Терцы на вопросъ объ ихъ происхожденїи говорили: «предки наши напередъ сего съ давнихъ временъ были изъ разныхъ мѣстъ и народовъ, какъ-то: Донскіе, Волжскіе казаки, грузины, поляки, черкесы и др., пришедшіе по разнымъ обстоятельствамъ и случайностямъ къ Каспійскому морю. По умножившемуся оныхъ количеству приняли они намѣреніе объявить правительству какъ о своемъ поселенїи, такъ и о ревностномъ желанїи содержать стражу и охраненіе пограничныхъ мѣстъ и обезпеченїи ихъ отъ набѣговъ».

Уже при Иванѣ Грозномъ въ 1578 году пожалована была Терцамъ первая грамота. Примерно около этого же времени Терцы поставили въ низовьяхъ Терека опорный пунктъ съ окопомъ въ видѣ треугольника, названный трехстѣннымъ. При городкѣ была пристань. По прибытіи Московскихъ воеводъ въ низовья Терека въ 1586 году ими заложенъ былъ на р. Тюменѣ городокъ, сооруженный при помощи жившихъ здѣсь казаковъ и названный также Терки.

Съ этого года считалась государственная служба Низоваго Войска и его старшинство.

Вмѣстѣ съ Гребенцами Терскіе казаки постоянно участвовали въ походахъ царскихъ войскъ на Шамхала Тарковского (Дагестанъ) въ 1590, 1594, 1604 году, въ 1645 г. на Азовъ, въ 1646 г. на Крымскаго хана, въ 1677 г. на Чингиринъ, въ 1687 - 89 г. на Крымъ и въ 1695 г. на Азовъ.

Въ 1722 г. прибылъ въ Терку императоръ Петръ Великій, ведшій войну съ Персїей. Онъ приказалъ оставить Терку и построить новую крѣпость Святого Креста на р. Сулакѣ. Сюда переведенъ былъ гарнизонъ Терки и переселены Терскіе казаки. На усиленіе ихъ съ Дона поселено было 1000 семей. Въ 1724 г. изъ этихъ поселенцевъ было образовано Аграханское Войско, названное такъ по одному изъ рукавовъ р. Сулака и имѣвшее задачей прикрывать пространство отъ берега моря до крѣпости.

Однако, условія жизни и климатъ здѣсь оказались настолько губительными, что скоро вымерла большая часть поселенныхъ казаковъ. Послѣ мира съ Персїей въ 1735 году русская граница вновь была отодвинута на Терекъ, крѣпость Святого Креста разрушена, а вмѣстѣ съ нею заложенъ г. Кизляръ. Сюда были переведены и остат-

ки Аграханскаго войска. Оставшіеся въ живыхъ Терскіе казаки образовали здѣсь Терско - Кизлярское Войско (станція Александрійская и Кизлярская), а дѣсны — Терское Семейное Войско изъ станицъ Бороздинской, Дубовской и Каргалинской. Впослѣдствіи оба Войска эти вошли въ составъ Кавказскаго Линейнаго.

Въ 1763 году по соглашенію съ кабардинскимъ княземъ Кончокинымъ основано было Моздокское укрѣпленіе, переформированное въ 1770 году въ сильную крѣпость съ 40 орудіями. Крѣпость охранялась Гребенскими и Терскими казаками и горской казачьей командой въ 100 человекъ. Для усиленія гарнизона съ Дона было переведено 100 семей, образовавшихъ ст. Луковскую.

Указомъ императрицы Екатерины Великой отъ 1770 года повелѣно было изъ находившихся уже для дѣйствій отступивъ кабардинцевъ на Кавказѣ 517 волгскихъ казаковъ образовать между Моздокомъ и Червленными городками Гребенскаго Войска пять станицъ: Галючаевскую, Ицдерскую, Наурскую, Мекенскую и Калиновскую. Каждая станція выставляла сотню, а всѣ вмѣстѣ пятисотенный Моздокскій полкъ, командиромъ котораго былъ извѣстный полковникъ П. Д. Сазанцевъ.

Въ 1824 году былъ сформированъ Горскій полкъ изъ Горской Моздокской команды, ст. Луковской, русскихъ и осетинскихъ селеній и ст. Екатеринодарской, расположенный между Моздокскимъ и Волгскимъ полками. Въ 1871 году два этихъ полка были соединены въ Горско - Моздокскій.

Послѣ переселенія на Терекъ 517 семей Волгскихъ казаковъ рѣшено было въ 1777 году перевести туда все Волгское войско, жившее въ районѣ Дубовки въ станицахъ на Волгѣ. Переселенные казаки образовали Волгскій полкъ изъ станицъ: Александровской, Георгіевской, Маріинской, Павловской, Солдатской и Екатеринодарской, сдѣлавшейся скоро наместничнымъ городомъ Кавказа, а затѣмъ отошедшей къ Моздокскому полку. Впослѣдствіи Волгскій полкъ былъ усиленъ новыми станицами.

По мѣрѣ покоренія Кавказа появилась необходимость выдвинуть казачьи станицы за Терекъ и за Малку. Для обезпеченія Военно - Грузинской дороги, начинавшейся въ ст. Екатеринодарской, въ 1838 году были поселены въ четырехъ станицахъ казаки 1 и 2 Малороссійскихъ полковъ, образовавшие Владикавказскій полкъ. Съ 1845 г. началось заселеніе Сунженской линіи 1 Сунженскимъ полкомъ, а позже 2 Сунженскимъ, сыгравшимъ такую важную роль въ покореніи Кавказа. Подвиги Сунженцевъ подъ водительствомъ славнаго генерала Слышова истинно украшаютъ страницы исторіи Терскаго Войска. Недаромъ пѣсня о сунженцахъ, возвращающихся съ удалого набѣга, была одной изъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи.

Вотъ схематическая исторія возникновенія и жизни составныхъ единицъ Терскаго казачества, прочно сложившихся въ крѣпкое единое Войско. За свое 350-лѣтнее существованіе Терскіе казаки не мало послужили своей Родинѣ. Кости погибшихъ въ бояхъ сыновъ Терека покоятся на всѣхъ рубежахъ Россіи и далеко за ея предѣлами. На родномъ же Терекѣ Терское казачество вѣками было той живой изгородью, которая, какъ щитомъ, прикрывала границы расселенія русскаго народа, обезпечивая ему мирную жизнь и преемствіе на новыхъ территорияхъ. Захватъ большевиками Россійскаго государства заставилъ Терцевъ вступить въ неравную борьбу съ ними за честь и достоинство Родины. Борьба эта ввела много новыхъ лавровъ въ вѣнокъ славы Терскаго Казачества.

Господь не благословилъ пока побѣдой антибольшевическія національныя силы. Но борьба не кончена, и каждый казакъ вѣритъ, что пронесутся бѣды надъ нашей землей и многострадальная Родина наша вновь исполнится мира и станетъ великой и свободной. Изъ пережитыхъ бурь и потрясеній воспрянетъ Терское Казачество и вернется къ своимъ историческимъ задачамъ.

Е. А. Букановскій



Штабъ-офицеръ конно-арт. батарей Кавказскаго Линейнаго войска



Рядовой Собственнаго Его Величества Конвоя. 1856 г.

ПОХОДЪ НА ИНДІЮ ЧЕРЕЗЪ ХИВУ

Среди многообразныхъ мыслей, постоянно занимавшихъ императора Петра Великаго, одною изъ самыхъ устойчивыхъ было отысканіе прямого пути въ Индію.

Еще не закончивъ Великой Сѣверной войны, Петръ Великій дѣлаетъ попытку послать черезъ Хиву и Бухару казачій отрядъ для развѣдки дальнѣйшей дороги на Индію.

Потерѣвъ неудачу въ этомъ направленіи, императоръ Петръ при участіи Терскихъ казаковъ пытается позже проложить путь въ Индію черезъ Персію, но и здѣсь не достигается успѣха.

Отсюда отысканіе далекой Индіи потребовало исключительныхъ жертвъ со стороны Терскаго казачества и явилось однимъ изъ трагическихъ моментовъ въ его жизни. Недаромъ народная память хранитъ доселѣ сказаніе объ этомъ походѣ.

Въ 1716 году атаману Терскихъ казаковъ генералъ-майору князю Бековичу Черкасскому поручается собрать 500 Гребенскихъ казаковъ, части Терскихъ и Яицкихъ и идти отыскать городъ Иркеть съ золотыми россыями, а изъ него дорогу въ Индію.

Въ 1717 году у Гурьева городка собралось до 6000 казаковъ, которые и двинулись по направленію къ Хивѣ. Отряду удалось проникнуть въглубь Хивинскаго ханства, но въ 150 верстахъ отъ Хивы хивинцы нанесли ему жестокое пораженіе. Гребенцы и терцы, находившіеся въ походѣ, были или истреблены или захвачены въ плѣнъ, изъ котораго удалось ѡбжать только двоимъ: казачу станицы Червленной Ивану Демущкину и станищѣ Щедринской Петру Стрѣлкову. Въ гребенскихъ станицахъ живетъ преданіе о возвращеніи Ивана Демущкина домой, дошедшее до насъ въ слѣдующемъ видѣ.

«Иванъ Демущкинъ ушелъ въ походъ молодымъ, а вернулся сѣдымъ, какъ лунь, старцемъ, глухимъ, подслѣповатымъ. Не зналъ онъ даже, что городокъ Червленный перенесенъ на другое мѣсто. Ползаетъ ветхій дряхлый старикъ по городишку, ищетъ ворота, разыскиваетъ плетни, свою улицу и домишко, гдѣ онъ возросъ, гдѣ онъ игрывалъ еще малымъ ребенкомъ; ничего не находитъ, кромѣ заросшихъ бурьяномъ, покинутыхъ ямъ; ни людей, ни слѣдовъ людскихъ — все стинуло, пропало навѣки. Удрученный горемъ, старикъ повернулся къ рѣкѣ и надрывающимъ отъ слезъ голосомъ, воскликнулъ:

«Скажи, Терекъ Горынычъ, батюшка ты нашъ родимый, что случилось съ нашимъ городкомъ Червленнымъ?»

Тронулся Горынычъ воплемъ старца, поднесъ ему сулукъ чистой, какъ слеза, водицы и утѣшилъ его извѣстіемъ, что городокъ здравствуетъ понынѣ; потомъ полюбопытствовавъ, сталъ спрашивать:

— Откуда, странникъ, ты бредешь и самъ ты кто таковъ?

Тутъ Иванъ Демущкинъ присѣлъ на камень и повѣдалъ скорбную повѣсть о хивинскомъ походѣ.

— Вѣдомо тебѣ, Терекъ Горынычъ, какъ мы взяли отъ отцовъ и матерей родительское благословеніе, какъ распрощались съ женами, съ дѣтьми, съ братьями да сестрами и отправились къ Гурьеву городку, гдѣ стоялъ князь Бековичъ — Черкасскій. Съ того сборнаго мѣста начался нашъ походъ безталанный, черезъ недѣлю или двѣ послѣ Красной Горки. Потянулась передъ нами степь безлюдная, жары наступили нестерпимыя. Идемъ мы песками сыпучими, воду пьемъ соленую и горькую, кормимся казеннымъ сухарикомъ, а домашнія кокурки давно уже вышли. Гдѣ трафится бурьянъ, колючка какая, сваримъ кашу, а посчастливится, подстрѣлимъ сайгака, поѣдимъ печенаго мяса. Недѣли черезъ три кони у насъ крѣпко исхудали, а еще черезъ недѣльку стали падать и казенные верблюды валиться почали. На седь-

мой или восьмой недѣлѣ мы дошли до большихъ озеръ: сказывали яицкіе казаки, рѣка тамъ больно перепружена. До этого мѣста киргизы и тухмены два раза нападали; мы ихъ оба раза, какъ мякину, по степи разсѣяли.

Яицкіе казаки дивовались, какъ мы супротивъ длинныхъ киргизскихъ пикъ въ шапки ходили, а мы какъ понажмемъ халатниковъ да погонимъ по кабардинскому, такъ они и пикъ свои по полю побросаютъ; поберемъ мы эти шесть оберемками, да потомъ на дрова порубимъ и кашу наваримъ. Такъ то.

У озеръ князь Бековичъ приказалъ сдѣлать окопъ: прошелъ, вишь, слухъ, что идетъ на насъ самъ ханъ хивинскій съ силой великой басурманской. И точно, подошла орда несмѣтная. Билась она три дня, не смогла насъ одолѣть, на четвертый — и слѣдъ ея простылъ. Мы тронулись къ Хивѣ.

Тутъ было намъ небесное явленіе. Солнышко пекло, пекло, да вдругъ стало примеркать: дошло до того, что остался отъ него одинъ краешекъ. Сдѣлались средь бѣла дня сумерки. Въ отрядѣ все притихло, на всѣхъ наметъ страхъ. Лошади и верблюды екаются, какъ бы чуютъ звѣря. Мы крестимся, говоримъ про себя «Господи Исусе», а какіе были въ отрядѣ татары, тѣ раскинули на песку свои епанчи и стали дѣлать поклоненіе явленному въ денную пору молодому мѣсяцу. Проншло полчаса, коли не больше, потомъ солнце начало мало по малу открываться, прогонять бѣсовскій мракъ и опять засвѣтило во всю силу. Пршелъ по отряду говоръ, только невеселый говоръ. Всѣ старые люди — казаки, драгуны, астраханскіе купцы, — въ одинъ голосъ сказали:

— Сіе знаменіе на радость магометанъ, а намъ не къ добру.

Такъ оно и вышло. За одинъ переходъ до Хивы, ханъ замрился, прислалъ князю Бековичу подарки, просилъ остановить войско, а самого князя звалъ въ гости въ свой хивинскій дворецъ. Бековичъ взялъ съ собой нашихъ гребенскихъ казаковъ, 300 человекъ, подъ конями еще держались кони; и я съ дядей Ювомъ попалъ въ эту честь. Убрались мы въ новые чѣмечи, надѣли бешметы съ галуномъ; коней посѣдали наборной сбруей и въ такомъ нарядѣ въѣхали въ Хиву.

У воротъ насъ встрѣтили знатные ханскіе вельможи, низко кланялись они князю, а намъ съ усмѣшкой говорили:

— Черкесъ — казакъ якинъ, рака будетъ кушай.

Ужъ и дали они намъ рака, измѣнники треклятые. — Повели черезъ городъ, а тамъ были заранѣе положены двѣ засады. Идемъ мы это улочкой по два, по три рядомъ, больше никакъ нельзя, потому улочка узенькая, изгибается, какъ змѣя, и заднимъ не видать переднихъ. Какъ только мы миновали первую засаду, она поднялась, заперудила улочку и бросилась на нашихъ заднихъ, а вторая загородила дорогу переднимъ. Не знаютъ наши, впередъ ли дѣйствовать или назадъ. А въ это время показалась орда съ обоихъ боковъ и давай жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ. Вотъ въ какую западню мы втюрились! И не приведи Господи, какое тамъ началось побоище: пули, камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, даже никами трехсаженными донимали насъ сверху, знаешь, какъ рыбу багрятъ зимой на Яикѣ.

Старшины съ самаго начала кригнули:

— Съ конь долой, ружье въ рукѣ. — А потомъ подають голосъ:

— Въ кучу, молодцы, въ кучу!

Куда жъ тамъ въ кучу, коли двумъ человѣкамъ обернуться негдѣ. Бились въ растяжку, бились не на животъ, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ. Раненые и тѣ отбивались лежаціе, не хотѣли

отдаваться въ полонъ. Подъ конецъ дѣла, нашихъ раненыхъ топтали въ переполохѣ свои же лошади, а хивинцы ихъ дорѣзали. Ни одинъ человекъ не вышелъ изъ треклятой трущобы, всѣ погибли. Не пощадили изверги и казацкихъ труповъ: у нихъ отрѣзывали головы, вздѣвали на пики и носили по базарамъ. Бековича схватили раненаго, какъ видно не тяжело, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ, чтобы отрядъ расходился малыми частями по ауламъ, на фатеры: а когда разошлись такимъ глухимъ порядкомъ, въ тѣ поры однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ ясыри. Послѣ того, какъ Бековичъ подписалъ такой приказъ, съ него, еще живого, содрали кожу: «Не ходи, Давлетъ, въ нашу землю, не отнимай у насъ Амудари рѣки, не ищи золотыхъ песковъ».

Я безотлучно находился съ боку дяди Юва. Когда спѣшились, онъ велѣлъ мнѣ держать коней, а самъ все отстрѣливался.

— Держи, держи, — говорилъ, — дастъ Богъ, отмахаемся, да опять на конь и погонимъ ихъ поганцевъ. — Тутъ покойникъ не ладно изругался, а меня вдругъ трахнуло по головѣ, и я повалился безъ чувствъ лошадей подъ ноги. Очнулся не на радость себѣ, во дворѣ одного знатнаго хивинца: дворъ большой, вокругъ меня народъ, а дядина голова, смотрю, торчитъ на пикѣ. На меня надѣли цѣпь, какъ на собаку, и съ этого дня началась моя долгая, горькая неволя. Нѣтъ злѣе каторги на свѣтѣ, какъ жить въ ясыряхъ у басурманъ.

Хивинскій плѣнникъ кончилъ свой рассказъ. Когда онъ поднялъ глаза, то увидѣлъ, что по лицу Горыныча катятся горькія слезы.

— По комъ ты плачешь, Терекъ Горынычъ?

— По Гребенскимъ моимъ по козаченькамъ. Какъ то я буду отвѣтъ держать передъ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ? — печально промолвилъ Горынычъ.



ГЕНЕРАЛЪ Н. П. СЛѢПЦОВЪ

«Пыль клубится по дорогѣ
Слышны выстрѣлы порой,
Изъ набѣга удалого
Вдуть. Сунженцы домой.
Много плѣна и добычи
Ими взято у враговъ,
Ихъ вождемъ былъ воинъ

храбрый

Генералъ-маіоръ Слѣпцовъ.

(Изъ полковой пѣсни Сунженцевъ)

Н. П. Слѣпцовъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и симпатичнѣйшихъ героевъ Кавказа. Вѣрнѣе, это — легендарный герой Кавказской арміи. Неумолимое время

отодвигаетъ насъ все дальше и дальше отъ преданій нашего стараго, боевого Кавказа. Но эта любимая полковая пѣсня Сунженцевъ, воспѣвающая безсмертнаго своего командира Слѣпцова, чрезвычайно популярна во всѣхъ частяхъ не только Кавказскихъ, но и въ нашей гвардіи и арміи, въ особенности же, — въ нашей конницѣ.

10 декабря (ст. стиля) — день геройской смерти Н. П. Слѣпцова, во главѣ его родныхъ Сунженцевъ, въ бою на Гехинской полянѣ, близъ рѣчки Валерика, въ 75 шагахъ отъ Чеченскаго Завала.

Слѣпцовъ происходилъ изъ дворянъ Саратовской губерніи и уже съ дѣтскихъ лѣтъ питалъ склонность къ во-

енному дѣлу, но отецъ готовилъ его къ гражданской службѣ и потому отдалъ въ Демидовскій лицей. Пробывъ въ Лицеѣ нѣсколько лѣтъ, Слѣщовъ - юноша почувствовалъ свое военное призваніе и сталъ горячо умолять отца дать согласіе на переходъ его на путь истиннаго призванія, доказывая отцу, что онъ считаетъ «военное званіе самымъ священнымъ и высокимъ, ибо оно требуетъ отъ человѣка самаго высокаго самоотверженія и подвига жертвовать своей жизнью для блага Родины». Отецъ не могъ устоять противъ пламенныхъ настояній любимого сына, согласился и тогда юный Слѣщовъ поступилъ въ Петербургъ въ Школу гвардейскихъ прапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, гдѣ онъ сталъ однокашникомъ Лермонтова.

Счастьемъ Слѣщова - юнкера не было границъ. Онъ писалъ горячія благодарственные письма отцу, признаваясь откровенно, что онъ «считаетъ себя теперь счастливейшимъ человекомъ во всемъ мірѣ», что всѣ его желанія и думы — быть достойнымъ этого высокаго и славнаго поприща. И какъ юноша сдержалъ свое слово, — 80 - лѣтній старикъ - отецъ его узналъ, когда слава геройскихъ дѣлъ Слѣщова начала гремѣть по всей Сунженской линіи.

По отзывамъ школьныхъ товарищей, Слѣщовъ былъ юноша скромный, но впечатлительный, первый и сильно одаренный воображеніемъ, которое безспорно имѣло громадное вліяніе на развитіе въ немъ рыцарскихъ свойствъ.

По окончаніи курса Школы, Слѣщовъ былъ вышущенъ прапорщикомъ Лейбъ - Гвардіи въ Литовскій полкъ.

Но мирная жизнь въ гвардейскомъ полку съ парадами и церемоніями въ то самое время, когда на Сѣверномъ Кавказѣ кипѣла война, отъ моря Чернаго до моря Каспійскаго, съ горскими рыцарски - воинственными, свободолюбивыми народами, героически сражавшимися за свои родные очаги и земли, не удовлетворяла пламенной души молодого Слѣщова, рвавшейся къ подвигамъ. Вотъ почему Слѣщовъ уже черезъ годъ съ небольшимъ въ Литовскомъ полку перешелъ на службу на Кавказъ и былъ переведенъ штабъ - капитаномъ въ доблестный Нижегородскій драгунскій полкъ, гдѣ онъ почувствовалъ себя настоящимъ счастливецомъ, ибо преобладающимъ его военнымъ качествомъ была отвага, отвага безавѣтная. Подожительно не было преграды, которая остановила бы его, опасности, которой онъ устранился бы, предприятия военнаго, которое онъ счелъ бы невыполнимымъ. Однимъ словомъ, для Слѣщова не было ничего невозможнаго.

Вотъ эти то качества быстро выдвинули молодого нижегородца, и 19-го января 1845 года Слѣщовъ уже производится въ майоры и назначается командиромъ Сунженскаго казачьяго полка и начальникомъ Сунженской передовой линіи, которую Слѣщовъ долженъ былъ сформировать, устроить и потомъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать отъ непріятеля. Сунженскій полкъ и Сунженская линія были созданы имъ, — и созданы среди ежегодныхъ непрерывныхъ тревогъ и нападеній. Слѣщовъ проявлялъ кипучую дѣятельность какъ боевую, такъ и административно - хозяйственную. Ибо ему, вѣдь, приходилось одновременно и вести военные дѣйствія и устраивать заселеніе края и его колонизацію, по плану знаменитаго А. П. Ермолова. Сущность этого плана заключалась въ томъ, чтобы «утвердиться на Сунжѣ, поселять казаковъ и вообще покорять горскіе народы постепенно, но постоянно; занимая лишь то, что удержатъ за собою можно; не распространяться иначе, какъ ставъ твердо ногою и обезпечивъ занятое пространство отъ покушеній непріязненныхъ».

И вотъ на открывшемся передъ молодымъ, храб-

рымъ, энергичнымъ и рѣшительнымъ командиромъ полка и начальникомъ Сунженской линіи широко поприщѣ Н. П. Слѣщовъ и развернулъ всѣ богатства свои дарованія и показалъ себя не только выдающимся полководцемъ, но и отличнымъ администраторомъ и политикомъ. Слѣщовъ былъ для своихъ линейныхъ Сунженскихъ казаковъ не только полковымъ командиромъ, но и любящимъ, нѣжнымъ отцомъ, одинаково близко принимавшимъ къ сердцу всѣ нужды, горе и радости казачьей жизни.

Въ вышеприведенной нами полковой пѣснѣ Сунженцевъ описывается картина возвращенія Сунженцевъ изъ набѣга со Слѣщовымъ во главѣ. Далѣе описывается, какъ Сунженцы подходятъ къ станицѣ.

«Вотъ они ужъ близъ станицы
Бѣгутъ, скачутъ и поютъ,
Жены, старцы и дѣвцы,
Всѣ навстрѣчу къ нимъ идутъ».

Далѣе, — какъ всѣхъ родныхъ станичниковъ охватываетъ естественное тревожное волненіе:

«Градомъ сыплются вопросы
Изъ толпы со всѣхъ сторонъ:
Живъ ли мужъ мой, нѣ сыночекъ?
Живъ ли братецъ, гдѣ же онъ?»

Какъ всѣхъ встрѣчавшихъ охватываетъ радость:

«Всѣ казаки веселятся
И спѣшать подъ кровъ родной
Среди милаго семейства
Встрѣтить радость и покой».

Не перечисляя всѣхъ боевыхъ подвиговъ Слѣщова, довольно сказать, что въ теченіе всего шести лѣтъ со времени основанія Сунженскаго полка (1845 - 1851 г.г.), Слѣщовъ очистилъ всю плоскость Малой Чечни и покорилъ галашевцевъ и карабулаковъ, отнявъ у врага и самыя плодотворныя земли и лучшій его боевой элементъ.

Но все на свѣтѣ имѣетъ двѣ стороны и вотъ обратная сторона медали — полна печали и скорби. Съ воплемъ горя и отчаянія бросаются навстрѣчу къ побѣдителю жены и дѣти убитыхъ... И Слѣщовъ отдаетъ имъ свои послѣдніе деньги, назначаетъ семьямъ погибшихъ казаковъ по сто, по полтора, по двѣсти рублей ежегодной пенсіи изъ собственного жалованія и обезпечиваетъ ихъ будущность.

Такимъ благороднымъ образомъ Слѣщовъ прожилъ все свое состояніе, и когда былъ убитъ, то въ домѣ не нашлось серебрянаго гривенника на его похороны...

Отсюда понятно, почему Сунженцы создали о немъ цѣлый циклъ особыхъ героическихъ пѣсень, ставшихъ народными, и извѣстныхъ подъ именемъ — Слѣщовскихъ. Одна изъ этихъ пѣсень, заунывная и трогательная въ своихъ выраженіяхъ, рассказываетъ про дѣло въ Гехинскомъ лѣсу, бывшее 10 декабря 1851 года, и геройскую смерть въ немъ молодого героя - генерала.

Такъ славно жилъ и неустанно работалъ на славу Сунженцевъ и на страхъ врагамъ молодой ихъ герой - отецъ и другъ - командиръ.

Но не одинъ только ужасъ внушалъ Слѣщовъ своимъ врагамъ. Слава о его мудрости, о неподкупной справедливости, объ его безграничной щедрости и рыцарскомъ великодушіи разносилась до самыхъ далекихъ уголковъ Кавказа. Чрезвычайно характеренъ въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что даже изъ непокорныхъ ауловъ къ нему приходили судиться въ тяжбахъ его же враги, и приговоръ его уважался ими свято... Случалось во время набѣговъ, по свидѣтельству одного изъ его сподвижни-

ковъ, захватить кого - нибудь изъ горцевъ на полевыхъ работахъ или въ лѣсу, за какимъ - нибудь мирнымъ трудомъ. Слѣпцовъ всегда отпугивалъ такого да еще награждать рублемъ. Бѣдныя такъ и прыгаетъ бывало отъ радости, цѣлуетъ полы его черкески и клянется Кораномъ, что другого такого, какъ онъ, — Слѣпцовъ — нѣтъ на свѣтѣ!..

Въ дѣлѣ 15-го июня 1851 года, близъ рѣчки Валерика, убитъ былъ храбрый наѣбъ Малой Чечни Магометь - Мирза - Анзаровъ. Узнавъ объ этомъ, Слѣпцовъ, самъ раненый, немедленно поручилъ передать женѣ убитаго сожалѣніе объ ея горѣ да при этомъ послалъ ей еще разныхъ дорогихъ подарковъ: бархата, шелка и проч.

Такія - то качества возбуждали къ нему невольную любовь и уваженіе даже въ сердцахъ враговъ. Слѣпцовъ еще при жизни сталъ какимъ-то сказочнымъ богатыремъ въ воображеніи этихъ простыхъ людей. На Востоку существуетъ легенда, что когда то жилъ герой, сотворившій великіе подвиги, и при этомъ—идеалъ честности, великодушія, самоотверженія, защитникъ слабыхъ и бичъ для злыхъ. Имя его «Керъ - оглы», въ переводѣ на нашъ языкъ значитъ — «сынъ слѣплого». Многіе горцы были убѣждены, что Слѣпцовъ именно и есть этотъ самый «Керъ - оглы», и что «Керъ - оглы» воскресъ въ его образѣ. О немъ сложены были даже пѣсни въ горахъ. Одна изъ нихъ, наприимѣръ, гласитъ:

«Знали всѣ горы
Сильный и слабый,
Богатый и бѣдный,
Знали безстрашную удалъ Слѣпцова
И гостепріимную сѣнь его крова...
Знали его почтенный народъ — кабардинцы
И дальніе жители горъ — тавлинцы,
Знали и мы, чеченцы, сосѣди его,
И любили врага своего!
Слава его высока и свѣтла,
Какъ вершина Казбека,
И грудь боевой отваги полна,
Полна, какъ грудь могучаго льва».

Любовь враговъ къ Слѣпцову, по свидѣтельству очевидцевъ, не выдумка. Она была такъ неподдѣльна и такъ тепла, что эти суровые, гордые люди, у которыхъ всякое выраженіе скорби считается слабостью, плакали надъ его тѣломъ. Оружіемъ онъ покорялъ аулы, великодушіемъ, щедростью, быстротою дѣйствій и безумной храбростью — онъ привлекалъ сердца, покорялъ умы обитателей горъ.

По свидѣтельству Неймана, Слѣпцовъ прожилъ на службѣ большую часть своего достоянія. На всей Сунженской линіи не было пуждающагося, о которомъ онъ бы не зналъ и которому бы не помогъ. Награды храбрымъ, подарки лазутчикамъ, помощь больнымъ, сиротамъ и вдовамъ, шли большою частью цѣлкомъ изъ его кошелька. Но съ рѣдкой нѣжностью сердца въ природѣ этого человѣка соединены были желѣзная стойкость и непобѣдимая воля. Раненый въ дѣлѣ 15 июня, Слѣпцовъ удивилъ всѣхъ окружающихъ. Пуля попала ему въ правую ногу выше колѣна и остановилась подъ кожей съ другой стороны. Слѣпцовъ и вида не подавъ, что съ нимъ что - нибудь случилось, только попросилъ воды и все время, до окончанія боя, оставался на конѣ, въ самомъ центрѣ схватки и, только когда все кончилось, потребовалъ лѣкаря.

При этомъ замѣчательна странность, что вмѣстѣ съ такими, точно желѣзными, нервами, у Слѣпцова была тонкая и нѣжная «организация», какъ говоритъ Нейманъ, и первы у этого человѣка были чувствительны, какъ у женщины.

Ближайшей задачей послѣдней экспедиціи Слѣпцова была рубка лѣса на берегу рѣки Гехи. Составъ гехинскаго отряда, для этой цѣли сформированнаго самимъ главнокомандующимъ, былъ: 5 батальоновъ пѣхоты (эриванцы, тенгинцы и навагинцы), саперная команда, 11 сотенъ конницы, 10 орудій и столько же ракетныхъ станковъ.

6-го декабря, въ день св. Николая Чудотворца, въ русскомъ лагерѣ было отслужено торжественное молебствіе при громѣ пушекъ: войска праздновали именны Императора Николая I.

Впервые еще въ дебряхъ Чечни раздавалось священное пѣснопѣніе христіанскихъ молитвъ и въ ужасѣ горцы спѣшили оградить завалами свои, теперь обнаженные аулы. На правомъ берегу Гехи закинула работа. Они рубили днемъ и ночью столѣтнія чинары. Не прошло и трехъ сутокъ, какъ среди Гехинской поляны возвышалось уже цѣлое укрѣпленіе, неказистое на видъ, но угрожавшее кровопролитіемъ: 2 000 конныхъ и пѣшихъ стояли въ сѣорѣ: съ часа на часъ ожидали новыя подкрѣпленія. Наѣбы получили приказаніе Шамиля прогнать русскихъ во что бы то ни стало. Слѣпцовъ рѣшилъ ихъ атаковать, чтобы выбить непріятеля изъ - за заваловъ и, если можно, захватить орудіе, которое привезли горцы, чтобы огнемъ по нашему лагерю пренятствовать работамъ.

Во исполненіе этой цѣли Слѣпцовъ раздѣлилъ весь свой отрядъ на три колонны, одна изъ которыхъ должна была продолжать рубку лѣса, вторая, — подъ личнымъ руководствомъ Слѣпцова, — должна была атаковать непріятеля съ фронта и третья — послана была въ обходъ для атаки заваловъ съ тыла.

Горцы сначала опѣшили передъ неожиданнымъ появленіемъ обходной колонны, однако, скоро опомнились, перебѣжали на заднюю сторону редута, чтобы встрѣтить ее залпомъ.

Но бѣжавшіе впередъ сунженцы, вмѣсто отвѣта, выхвативъ пашки, ворвались въ середину. Чеченцы, изумленные такой отвагой даже разступились передъ ними; потомъ уже, сообразивъ, какой опасности подвергались ихъ единственная пушка, взяли за нее и потащили въ лѣсъ. Спрятавъ ее гдѣ-то въ трупобѣ, они заѣли у опушки въ малыхъ завалахъ. Туда бросился Меркуловъ со своими тенгинцами, которые послѣ короткаго боя, очистили штыками всѣ завалы.

Этой атакой было закончено хорошо задуманное и блистательно исполненное, но, увы, послѣднее дѣло Слѣпцова. И въ ту минуту, когда рѣшительная побѣда была уже такъ близка, Слѣпцовъ стоялъ, на своемъ бѣломъ конѣ, у подножья завала, въ паняхъ съ краснымъ верхомъ и кричалъ навагинцамъ: «впередъ, ребята, черезъ завалы». Вдругъ пуля ударила его въ грудь, подъ лопатку. Онъ круто повернулъ коня направо, сказалъ своимъ конвойнымъ казакамъ «возьмите меня!» и ухватился за гриву. Онъ былъ очень блѣденъ и молчалъ... Никто не зналъ, куда онъ раненъ: крови не было видно... Его положили на бурку и понесли изъ огня. Минуты черезъ двѣ онъ сказалъ:

— Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ; гдѣ баронъ Сталь? (отрядный квартирмейстеръ).

Пріѣхалъ баронъ Сталь. Онъ повторилъ ему это приказаніе. Его понесли далѣе. Явился докторъ и послѣ изслѣдованія рапы зондомъ, объяснилъ, что рана смертельная и бесполезно даже искать пулю.

Отъ казаковъ и солдатъ скрыли смерть любимаго ими начальника.



Молебенъ передъ отправкой на Русско-Японскую войну
1 Сунженско-Владикавказскаго полка подъ командой полковника Н. Н. Баратова

— Взята ли пушка? — спросилъ Слѣпцовъ. Ему отвѣчали:

— Нѣтъ.

— Боже мой! Боже мой — проговорилъ онъ, — зачѣмъ же я умираю!?

Мысль о его войскахъ, о вѣренномъ ему отрядѣ не оставляла его до послѣдней минуты... Онъ вслушивался въ гулъ перестрѣлки, гремѣвшей въ лѣсу, и сиранивалъ:

— Соединились ли съ колонной охотниковъ, не велика ли потеря у насъ?

Сталъ молиться:

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!

Онъ былъ глубоко религіозенъ и умиралъ съ твердою вѣрою въ вѣчную жизнь.

— Отнесите меня, братья, въ лагерь, пусть я умру тамъ, между своими.

Онъ не страдалъ: агонія его не была мучительна. Когда его переносили черезъ рѣку Гехи, онъ въ эту минуту со словами: «Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа», перустилъ духъ. Тѣло его было принесено казаками въ лагерь и глаза закрыты глубоко преданными людьми.

«Такъ палъ смертью героя, въ самомъ пылу боя, доблестный генералъ Слѣпцовъ, благороднѣйшій изъ благородныхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ», — говоритъ очевидецъ событія. — Всѣ жалѣютъ о немъ, отъ начальниковъ до послѣдняго солдата. Скорбь общая и нелицемѣрная».

Другой очевидецъ смерти Слѣпцова говоритъ, что «прекрасное лицо его сдѣлалось еще прекраснѣе, потому что спокойствіе, котораго онъ не зналъ всю свою жизнь, теперь впервые посетило его. Безмолвно стоялъ вокругъ одра покойника еще недавніе его товарищи сослуживцы... Слезы обѣгуть по лицу ихъ. Но все еще очи какъ будто не вѣрятъ, всѣ какъ будто сомнѣваются, что не стало храбраго»...

Спустилась ночь, и общее безмолвіе покрыло весь лагерь. Въ первый разъ звуки пѣсенъ не раздавались

надъ Гехами. Молча и уныло сидятъ казаки вокругъ костровъ.

Его Сунженцы, безгранично любившіе своего «отца - друга-командира», навсегда запечатали въ родной пѣснѣ свои чувства къ нему:

«Храбро, весело, отважно
Было съ нимъ всегда служить,
И ужъ имени Слѣпцова
Намъ во вѣкъ не позабыть.
Какъ же, братья, намъ не плакать,
Какъ же горько не тужить.
Отца - друга - командира
Кто намъ можетъ замѣнить?»

Императоръ Николай I, желая увѣковѣчить въ памяти потомства славное имя Слѣпцова, повелѣлъ станицу Сунженскую, которую Слѣпцовъ самъ построилъ, въ которой жилъ и которая служила штабъ - квартирой Сунженскаго полка, наименовать на вѣчныя времена Слѣпцовскою.

А на старомъ станичномъ казачьемъ кладбищѣ, среди почившихъ вмѣстѣ со Слѣпцовымъ его боевыхъ соратниковъ, былъ воздвигнутъ памятникъ чрезвычайно величавый по своей простотѣ. Онъ представляетъ собою огромный осколокъ натуральной скалы, положенный на pedestalъ и увѣнчанный золотымъ крестомъ. Въ эту скалу вѣзана грифельная доска, и на ней золотыми буквами надписъ, въ два только слова:

НИКОЛАЙ СЛѢПЦОВЪ

Изъ года въ годъ, въ день геройской смерти Слѣпцова, сюда собирается вся станица, и старъ и младъ, чтобы на торжественной панихидѣ помолиться за своего славнаго и бессмертнаго по духу и завитамъ, оставленнаго роднымъ ему Сунженцамъ, отца - друга - командира «болярина воина Николая». Такимъ образомъ передается изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе славныхъ Сунженцевъ - Слѣпцовцевъ вѣчная и славная память о Слѣпцовѣ, его геройской жизни и смерти во славу Родины и родной ему «Сунжи».

Н. Баратовъ



Великій князь Николай Николаевичъ посѣщаетъ Терекую Область въ 1915 г.
Военскія знамена и грамоты передъ соборомъ во Владикавказѣ

Терцы на войнѣ

Ночная конная атака 2 и 6 сотенъ 1 Волгскаго казачьяго полка
21 іюля 1915 года у посада Савинъ

Въ началѣ іюля 1915 года, находясь въ Буковинѣ, на Днѣстрѣ, гдѣ я командовалъ 3 бригадой Кавказской Туземной дивизіи, я получилъ назначеніе командовать 2 Казачьей Сводной дивизіей и направился къ ней.

Дивизію я нашелъ между г. Владиміромъ Волинскимъ и Влодавой, въ сел. Луки. Она стояла по широкимъ квартирамъ и была подчинена командиру XIV армейскаго корпуса. Я прибылъ въ дивизію верхомъ въ сопровожденіи вѣстового и денщика съ выучнымъ конемъ. Это было 19 іюля. Въ тотъ же день я приступилъ къ приему дивизіи и сталъ знакомиться съ ея команднымъ составомъ. Кромѣ командира 2 бригады генерала Плаутина и командира 17 Донскаго казачьяго генерала Бакланова полка, полковника Маркова, обоимъ бывшихъ Лейбъ гусаръ, я никого не зналъ, но я много слышалъ о подвигахъ дивизіи, уже ею совершенныхъ въ началѣ войны, въ 1914 году, зналъ, что моимъ предшественникомъ генераломъ А. А. Павловымъ она была воспитана въ наступательномъ духѣ, въ духѣ конныхъ атакъ, что она состояла изъ казаковъ Донскаго, Кубанскаго, Терскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ и что всѣ эти казаки соревновались другъ передъ другомъ въ доблести, смѣлости и несокрушимости конныхъ атакъ.

Зналъ я еще, что «ионшки», какъ называли австрійцы Кавказскихъ казаковъ за ихъ длинныя черески, навели на непріятеля панику. Все это давало мнѣ ту глубокую вѣру въ свои части, съ которою все становится возможнымъ.

Наши арміи отступали. Никто хорошенько не зналъ причинъ этого отступленія. Говорили: «патроновъ и снарядовъ нѣтъ и потому нельзя держаться». Какъ всегда,

при отступленіи, настроеніе въ частяхъ, особенно пѣхотныхъ, было подавленное, оглядывались на сосѣдей, боялись, что кто-нибудь отступитъ раньше времени и обнажитъ флангъ, и трудно было сдерживать непріятеля.

Утромъ 21 іюля я получилъ по телеграфу приказаніе съ дивизіей перейти въ районъ посада Савинъ, самому же явиться въ посадъ командиру XIV корпуса генералъ-лейтенанту Войшинъ - Мурда - Жилинскому. Я прибылъ къ нему около полудня.

— Ничего особенно серьезнаго нѣтъ, — сказалъ мнѣ генералъ Жилинскій, — мы должны во что бы то ни стало додержаться на занимаемыхъ нами мѣстахъ до часу ночи. Послѣ мы будемъ отходить, вы прикроете нашъ отходъ. Пока оставайтесь у меня. Непріятель, какъ будто, и самъ утомился и не нападетъ.

Однако, несмотря на эти утѣшительныя слова, я чувствовалъ, что какая-то озабоченность была въ штабѣ.

Длинный іюльскій день потянулся въ бесѣдахъ, — я встрѣчался съ генераломъ въ Петербургѣ, — въ дремотѣ и въ установленіи связи съ частями, ставшими биваками въ лѣсахъ подлѣ посада и въ самомъ посадѣ.

Около шести часовъ вечера было получено донесеніе отъ командира Лохвицкаго пѣхотнаго полка, что онъ въ виду сильнаго напора пѣхмцевъ держаться не можетъ и проситъ поддержки, а потомъ изъ деревни Чукчицы донесли, что тамъ пѣхота наша не слушаетъ начальниковъ и не желаетъ остановиться для боя.

Я получилъ приказаніе послать одинъ полкъ казаковъ къ Лохвицкому полку, чтобы поддержать его боемъ



Великій князь обходить атамановъ станицъ

въ спѣшенномъ порядкѣ, другой полкъ направить въ деревню Чукчицы и навести порядокъ среди пѣхоты.

Къ Лохвицкому полку я назначилъ 17-й Донской казачій полкъ, а въ дер. Чукчицы 16-й полкъ. Отправивъ полки, я черезъ нѣкоторое время съ старшимъ адъютантомъ штаба дивизіи генеральнаго штаба капитаномъ Иващенко въ фольваркѣ Гродекѣ, около котораго шелъ бой Лохвицкаго полка.

Вечерѣло. Накрапывалъ дождь. Я нашелъ командира Лохвицкаго пѣхотнаго полка въ концѣ маленькой деревушки изъ шести - восьми дворовъ. Тамъ же были генералъ Гуславскій, командиръ 1 бригады, и командиръ 17 полка полковникъ Маркозовъ.

Впереди фольварка шелъ вялый бой. Непріятель посылалъ шрапнели, рвавшіяся сзади и много лѣвѣе фольварка на мѣстахъ, гдѣ никого не было, да впереди фольварка трещала ружейная перестрѣлка. Пули прострѣливали улицу фольварка, и все въ немъ притаилось за стѣнами домовъ и сараевъ. Жителей въ немъ не было. Командиръ Лохвицкаго полка, молодой полковникъ, доложилъ мнѣ, что онъ долго не продержится. Патроновъ мало. Люди вышли изъ новинченія и ротные командиры не могутъ ихъ остановить, потому что лѣвѣе ихъ никого нѣтъ и противникъ заходитъ во флангъ. Такой же безотрадный былъ докладъ и полковника Маркозова. Четыреста спѣшенныхъ казаковъ, разбросанныхъ по позиціи пѣхотнаго полка и вкрапленныхъ среди солдатъ большой помощи оказать не могли; притомъ имъ скоро передалось настроеніе пѣхоты, что ихъ окружаетъ непріятель и потому они могли держаться лишь до тѣхъ поръ, пока держится на позиціи пѣхота. Векорѣ велѣвъ за этимъ прискакалъ изъ уже пылавшей пожарами деревни Чукчицы офицеръ 16 полка и передалъ мнѣ, что черезъ деревню валомъ валитъ наша пѣхота, что при попыткѣ задержать ее смертельно раненъ войсковой старшина Ушаковъ и четыре казака убиты. Командиръ 16 полка не считаетъ при такихъ обстоятельствахъ возможнымъ выполнить данную ему задачу, такъ какъ драться со своей пѣхотой не можетъ. Лѣвый флангъ Лохвицкаго полка, какъ разъ унаправившійся въ эту деревню, оказывался, такимъ образомъ, на вѣсу. Положеніе становилось грознымъ. Я передалъ обо всемъ командиру корпуса.

— Какъ хотите, но держитесь до часа ночи. Я на васъ и вашихъ казаковъ надѣюсь. Намъ необходимо вывезти артиллерійскіе паркы и обозы корпуса; раньше часа ночи мы этого окончить не можемъ. Прислать вамъ нѣкого больше не могу. — получилъ я въ отвѣтъ.

Я передалъ это командиру Лохвицкаго полка. Онъ только пожалъ плечами.

— Постараюсь сдѣлать все, что могу. — сказалъ онъ, — но вы сами видите, что насъ скоро обойдутъ слѣва и выйдутъ въ тылъ.

Между тѣмъ дождь пересталъ. Изъ-за посада Савина выплывала круглая луна. Фольваркѣ Гродекѣ постепенно заливался свѣтомъ. Слѣва свѣтило зарево пылающей деревни Чукчицы. Ночь надвигалась.

Было, должно быть, девять съ лишнимъ часовъ, когда ко мнѣ пришелъ командиръ Лохвицкаго полка.

— Мы сдѣлали невозможное. Моя позиція прострѣливается вдоль. Люди покидаютъ ее. Они скоро будутъ здѣсь. Между вами и непріятелемъ никого не будетъ, — доложилъ онъ.

Дѣйствительно: пули уже залетали къ намъ и за наши закрытія.

Я послалъ коннаго ординарца къ генералу Плаутичу съ приказаніемъ, чтобы онъ все, что можетъ сію же минуту направить, отправилъ бы, какъ можно скорѣе, ко мнѣ на фольваркѣ, а самъ, собравъ всю бригаду, спѣшилъ бы къ Гродеку.

По опыту войны 1914 и начала 1915 года, имѣя за собою уже нѣсколько конныхъ атакъ, я зналъ, что вопреки тому, что мы учили въ тактикѣ, атаковать въ конномъ строю отступающую пѣхоту много труднѣе, чѣмъ атаковать пѣхоту наступающую, и вотъ почему: пѣхота отступаетъ всегда на заранее подготовленные позиціи, тамъ уже ждетъ ее аррьергардъ, готовый ко всякимъ случайностямъ, и конница, атакуя, нарывается на артиллерійскій огонь, на пулеметы и на сильный ружейный огонь. Притомъ она идетъ на новыя мѣста и не знаетъ, какія мѣстныя преграды она на своемъ пути встрѣтитъ. Мнѣ уже приходилось, во время командованія полкомъ, два раза двинутый въ конномъ строю въ преслѣдованіе полкъ спѣшивать и продолжать бой пѣшкомъ.



Церемониальный марш сотни Суиженско-Владикавказского полка
подъ командой есаула Косякина

Совесть другое дело атаковать неприятеля, наступающего на насъ. Мѣстность при нашемъ отступленіи нами пройдена, и мы знаемъ, что никакихъ сюрпризовъ въ видѣ болотъ, проволочныхъ загражденій, крутыхъ овраговъ, она не представитъ. Непріятель, атакуя насъ, самъ дошелъ до послѣдней черты моральнаго напряженія. Нервы, хотя и приподняты побѣдой и видомъ отступающаго неприятеля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и притуплены. Онъ вступаетъ въ неизвѣстность. Развѣдка еще не произведена, части во время атаки перепутаны, резервы влиты въ цѣпи, артиллерія не успѣла занять новыхъ позицій, — и потому конная атака непременно должна имѣть успѣхъ. Мое мнѣніе въ этомъ отношеніи раздѣлялъ и мой начальникъ штаба полковникъ Агапѣевъ, пріѣхавшій ко мнѣ къ ночи, и капитанъ Иващенко. Больше никому я не говорилъ о своемъ намѣреніи атаковать врага конной атакой.

Кавказская бригада находилась верстахъ въ двухъ отъ меня. Она стояла въ лѣсу. Пока я ожидалъ ее, случилось то, что и должно было случиться: Лохвицкій полкъ, а съ нимъ и донцы 17 полка покинули позицію и проходили, не задерживаясь, черезъ фольваркъ. Между нами и неприятелемъ больше никого не было. Мой штабъ садился на лошадей. Въ это время показались идущія въ колоннѣ по три первыхъ присланные ко мнѣ сотни 1-го Волгскаго полка Терскаго Казачьяго Войска. Это были 2 и 6 сотни полка. Ихъ велъ есаул Негодновъ. Казаки, проходя мимо меня, снимали винтовки. Они полагали, что бой будетъ въ спѣшенномъ порядкѣ.

— Надѣть винтовки, — крикнуть я казакамъ.

Я видѣлъ, какъ казаки снимали панъхи и крестились. Они поняли, что будетъ атака на коняхъ. Еще при свѣтѣ луны я увидалъ, что въ каждомъ взводѣ были казаки, везшіе на плечѣ сѣно — косильные косы. Схвативъ ихъ быстро и неожиданно изъ лѣса, на опушкѣ котораго они занимались сѣнокосомъ, они не успѣли сдѣлать косы къ обозу и такъ съ ними и прискакали. Эти косы, темныя черескомъ съ рѣющимися за плечами бантыками придавали казакамъ мрачный и зловѣщій видъ.

— Прибыль съ 2-ю и 6-ю сотнями въ ваше распоряженіе, — доложилъ мнѣ Негодновъ.

Я въ двухъ словахъ сообщилъ ему обстановку и приказалъ, развернувъ обѣ сотни эшелонами въ лаву, ата-

ковать съ тѣломъ наступающую на насъ германскую пѣхоту.

Отлично помню, — и это такъ характерно для доблестныхъ Терцевъ, — есаул Негодновъ не спросилъ меня, «сколько тамъ нѣмцевъ?», но спросилъ только, проходима мѣстность, нѣтъ ли болотъ или заболоченныхъ канавъ? Я успокоилъ его въ этомъ отношеніи; никакихъ препятствій не было.

— Съ Богомъ, казаки, — громко сказалъ я ославившимся въ ожиданіи приказаній сотнямъ. — Кресты за вами!

Есаулъ Негодновъ назначилъ въ первую линію 2 сотню, бывшую подъ командой есаула Сѣрикова, 6 сотню, подъ командой хорунжаго Кулеша, приказавъ слѣдовать за 2-ой нѣсколько уступомъ справа. Казаки безшумно и быстро, наметомъ, развернули лавы. Я сѣлъ на лошадь, приказавъ ѣхать за мной капитану Иващенко и четыремъ полковымъ ординарцамъ; полковнику же Агапѣеву приказавъ дожидаться Линейнаго полка, который шелъ сзади Волгцевъ и, когда тотъ придетъ, передать ему мой приказъ — развернуть всѣ шесть сотенъ въ лавы позелонно и бросить ихъ на поддержку атаки сотенъ Волгскаго полка. Еще слышалъ я, какъ генералъ Гуславскій негромко и, надо полагать, по моему адресу, сказалъ:

— Сумасшедшій...

Я поскакалъ за лавами.

Отъ луны и пожара деревни Чукчицы было свѣтло, несмотря на то, что июльская ночь уже наступила. Мягкій дугъ очень полого спускался куда то вдаль. Нѣсколько мгновений мы скакали въ полной тишинѣ. Сотни скрылись въ сумракѣ обманчиваго луннаго свѣта. Потомъ вдругъ сразу затрещали ружья и забили свою рѣдкую строчку нѣмецкій пулеметъ и сейчасъ же раздался неистовый гикъ и крикъ ура!.. Волгцы бросились въ атаку. Стрѣльба продолжалась, должно быть, не больше одной минуты, потомъ снова стало тихо, гдѣ то въ отдаленіи опять прогремѣло ура, раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ и все смолкло. Навстрѣчу намъ стали попадаться нѣжные казаки, идущіе назадъ.

— Наши ихъ побили... Всѣхъ... Чисто... Хорунжій Кулешъ убитъ... Въ ихній окопъ, говорятъ, свалился, кинжаломъ оборонялся, да очень много его навали-



Вручение ключей от крепости Эрзерумъ великому князю Николаю Николаевичу,
кого сопровождаютъ командующій Кавказской арміей генераль Юденичъ
и командиръ 1 Кавказскаго корпуса ген. Калитинъ, бывш. командиръ 1 Волгскаго полка

лось, казаки, значить, не поспѣли на помощь... На штыки подняли... — быстро на ходу рассказывали они намъ.

Мы переѣхали окопы. Много тамъ лежало нѣмецкихъ тѣлъ и совсѣмъ почти не было видно нашихъ... И, главное: — тишина кругомъ, лунный свѣтъ и зарево пожара слѣва. Мы ѣхали совсѣмъ одни, но не было страшно. Уже чувствовался тотъ неуловимый запахъ побѣды и отсутствія непріятеля, что давалъ отрадное спокойствіе. Такъ мы проѣхали должно быть около трехъ верстъ, когда вдали показалась темная колонна конницы. Есаулъ Негодновъ собралъ свои сотни и велъ ихъ назадъ.

Тогда пошли рассказы и доклады о томъ, что только что произошло.

Какъ только казаки прошли окопы нашей пѣхоты, тутъ сейчасъ и оказались уже совсѣмъ близко нѣмцы. Появленіе казаковъ было такъ неожиданно, — почъ прикрыла ихъ появленіе, — что нѣмцы подпустили первую лаву безъ выстрѣла. Казаки, проскакивая черезъ нѣмецкія цѣпи, рубили ихъ своимъ страшнымъ и мѣткимъ ударомъ. За первую нѣмецкою цѣпью оказалось еще до шести цѣпей. Каждый казакъ теперь былъ предоставленъ самому себѣ. Луна и зарево пожара, хотя и достаточно освѣщали, чтобы видѣть все вокругъ себя, но вдали все скрывалось въ голубомъ лунномъ сумракѣ. Управлять частями стало невозможно. Вотъ тутъ то и сказались отличныя качества Терскихъ казаковъ, которыхъ никакимъ обученіемъ добиться нельзя. Ни ночная обстановка, ни множество непріятеля, разъ въ шесть превышавшаго числомъ наши двѣ сотни, ни отсутствіе командъ и приказаній не смутили казаковъ. Каждый зналъ, что чѣмъ больше онъ поразитъ непріятеля, тѣмъ скорѣе достигнетъ побѣды. Рубили шашками, стрѣляли съ коня въ упоръ изъ винтовокъ по залегшимъ пѣхотинцамъ, свалившіеся съ раненыхъ и убитыхъ лошадей хватились за кинжалы, наконецъ, просто дрались кулаками и зубами, всюду неся смерть и побѣду...

2-ая сотня проскакала первыя цѣпи нѣмцевъ почти безъ потерь, но порубить всѣхъ не смогла. Лава шла жидко, цѣпи же лежали густыя. Оставшіеся нетронутыми нѣмцы встрѣтили страшнымъ огнемъ шедшую на уступѣ 6-ую сотню. Откуда то справа съ бугра зачастилъ пулеметъ, нанося потери казакамъ. Командующій сотней хо-

рунжій Кулешъ свалился съ убитого коня и былъ окруженъ нѣмцами и, несмотря на отчаянную оборону, убитъ. Младшій офицеръ 2-й сотни хорунжій Вдовенко былъ раненъ, но остался въ строю... Подъ вахмистромъ шестой сотни Старицкимъ упалъ убитый конь. Шашка была подмята подъ лошадь и сорвана. Нѣмцы цѣлой толпой навалились на Старицкаго. Онъ выхватилъ кинжалъ и бросился въ ихъ толпу, прокладывая себѣ дорогу кинжаломъ и распахивая ногами. Младшій урядникъ 2-й сотни Богаевскій, потерявъ коня убитымъ передъ самыми окопами, бросился бѣгомъ за казаками, крича: — «братцы, коня!.. Коня мнѣ какого ни на есть дайте!.. Я имъ покажу», — и пѣший врубился въ нѣмецкую цѣпь...

Всего атаковало нѣмцевъ въ двухъ сотняхъ — 191 шашка.

Есаулъ Негодновъ прошелъ наметомъ около четырехъ верстъ, рубя бѣгущихъ нѣмцевъ, и остановился лишь тогда, когда дошелъ до сильно болотистаго ручья, черезъ который шла только одна очень узкая гать. По ней пришлось бы переходить ручей по одному. За гатью виденъ былъ ярко освѣщенный господскій домъ. Тамъ были слышны крики и стукъ колеса. Тамъ была паника. Есаулъ Негодновъ не рискнулъ идти за болото. Задача была выполнена. Шелъ одиннадцатый часъ ночи, и было ясно, что Терцы задали такъ нѣмцамъ, что они не скоро оправятся, а и оправятся, сзади долженъ былъ быть весь Линейный полкъ, значить, и въ этомъ случаѣ было чѣмъ ихъ задержать.

Я поѣхалъ назадъ. За мною шли побѣдныя сотни. Разговоры и рассказы о только что тамъ пережитомъ не смолкали. Отдѣльныя группы казаковъ отбѣзжали въ сторону, чтобы подобрать и увезти своихъ убитыхъ и раненыхъ, снять сѣдла съ убитыхъ лошадей. Всего въ обѣихъ сотняхъ было убито: офицеровъ — 1 хорунжій Кулешъ, казаковъ — 8, лошадей — 11; ранено: офицеровъ — 1 (хорунжій Вдовенко), казаковъ — 12, лошадей 25.

Когда я проѣхалъ отъ гати около двухъ верстъ, я встрѣтилъ командира 1-го Линейнаго казачьяго полка Кубанскаго Войска, полковника Чернаго. Онъ мнѣ доложилъ, что сѣдѣвши свой полкъ и занявъ сѣдѣнными казаками линію впереди старой пѣхотной позиціи.

Съ фольварка Гродекъ я сталъ докладывать по те-

лефону генералу Войшинъ - Мурдасъ - Жилинскому объ атакъ Волгскихъ сотень, но онъ уже все зналъ.

— Сейчас же вмѣстѣ съ доблестными сотнями прѣѣзжайте ко мнѣ въ Савинъ. Я буду васъ ожидать. Я хочу видѣть молодцовъ казаковъ и лично поблагодарить ихъ за ихъ лихую несравненную атаку, — весело сказалъ онъ.

Было около часа ночи, и луна свѣтила необычайно ярко, когда обѣ сотни выстроились въ улицы противъ крыльца дома, занятого штабомъ XIV армейскаго корпуса. Генералъ Жилинскій сейчасъ же вышелъ къ казакамъ. Много лестнаго пришлось услышать Волгцамъ въ эту тихую и темную июльскую ночь, много такого, что заставило ихъ позабыть все пережитое и примириться съ неизбежными и сравнительно малыми потерями. Ихъ дѣло сравнивали съ знаменитымъ Бегли Ахметскимъ дѣломъ Нижегородцевъ, когда была такая же ночная конная атака. А дѣло это вошло въ исторію, какъ славнѣйшее дѣло конницы.

— Обоимъ командировъ сотень и убитаго хорунжаго Кулеша представьте къ награжденію орденами св. Георгія, остальныхъ офицеровъ къ орденамъ св. Владиміра и всѣхъ казаковъ къ Георгіевскимъ крестамъ и медалямъ за храбрость, — закончилъ свое слово сотнямъ командиръ корпуса.

Въ штабѣ ликованіе было полное. Не только задержались до положеннаго часа и успѣли убрать всѣ обозы и парки, но по всему было видно, что и дальше нѣмцы не будутъ наступать.

— А вы понимаете, — говорилъ генералъ Жилинскій, — не только каждый лишній день, но каждый часъ, что мы останемся безъ напора непріятеля намъ дорогъ, потому что тамъ сзади лучше успѣютъ укрѣпить позицію и подвезти больше снарядовъ и патроновъ. Оставайтесь на занятой вами позиціи. Завтра я пришлю въ ваше распоряженіе пѣхотный полкъ. Имъ вы займете прежнюю позицію Лохвицкаго полка и стойте, сколько можно.

Счастливые и довольные, съ пѣснями, пошли казаки на бивакъ. Мало кто спалъ въ эту ночь.

Сколько было убито въ этомъ дѣлѣ нѣмцевъ, я затрудняюсь сказать. Пѣхота смѣнившая на позиціи Линейцевъ, собрала 85 труповъ, но, конечно, убитыхъ было гораздо больше. На Лохвицкій полкъ наступало не менѣе полка нѣмцевъ, каждый казакъ кого — нибудь да и зарубилъ, а многіе зарубили и нѣсколькихъ, а казаковъ было 191, поэтому и потери нѣмцевъ не могутъ быть исчислены этими 85 найденными и похороненными трупами. Да дѣло и не въ потеряхъ, а въ результатѣ этой лихой Терской атаки: результаты же оказались совсѣмъ неожиданными, но о нихъ мы узнали только нѣсколько дней спустя.

22-е июля мы простояли въ посадѣ Савинъ. Было тихо. Непритель не только не наступалъ, но даже не показывался и его развѣдчики. Настроеніе было праздничное. Это былъ день тезоименитства государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, и праздникъ увеличивался сознаниемъ блестящей побѣды. Ни одного выстрѣла не было слышно кругомъ. Развѣзды, посланные мною, прошли далеко за гать, но нѣмцевъ не встрѣтили. Къ ночи ко мнѣ прибылъ въ мое распоряженіе броневикъ «Илья Муромецъ».

Часовъ около одиннадцати я рѣшилъ произвести личную развѣдку, воспользовавшись для этого броневикомъ. Съ полусотней казаковъ и броневой машиной я выдвинулся по шоссе въ сторону непріятеля. Мы прошли, никого не встрѣтивъ, верстъ десять, когда вправо отъ дороги и, примѣрно въ полуверстѣ, въ лунномъ, обманчивомъ свѣтѣ увидели на лугу темное пятно, обратившее наше вниманіе правильностью своихъ очертаній. Я приказалъ броневику бросить по нему нѣсколько шрап-

нелей. Эффектъ получился совсѣмъ неожиданный. Послышался конскій топотъ, пятно во мгновеніе ока исчезло за лѣсомъ, потомъ раздалась сильная, но быстро прекратившаяся стрѣльба изъ винтовокъ и пулеметовъ и все стихло.

23 и 24 іюля мы простояли на мѣстѣ, не видѣвъ непріятеля. 25-го пришло приказаніе отойти, пропустивъ впередъ пѣхоту, въ глубокой тылъ.

На наше направленіе становилась гвардейская пѣхота. Она уже успѣла подготовить укрѣпленную позицію и ждала наступленія непріятеля.

Числа 28-го или 29-го іюля я былъ вызванъ къ штабу XIV армейскаго корпуса, куда долженъ былъ выслать всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ дивизіи. Туда изъ ставки прѣѣхалъ генералъ лейтенантъ Кондзеровскій, чтобы именемъ Верховнаго Главнокомандующаго раздать кресты, медали и ордена.

За завтракомъ въ штабѣ корпуса мнѣ рассказывали штабные офицеры: при наступленіи на нашу гвардейскую пѣхоту, два дня тому назадъ, дѣло дошло до штыка и до стремительной контръ атаки гвардейцевъ. Были взяты плѣнные. При ихъ допросѣ имъ былъ заданъ вопросъ, почему нѣмцы не наступали и не преслѣдовали насъ 21-го іюля? Причиной оказалась паника въ частяхъ, стоявшихъ въ этомъ направленіи. Ночью въ штабъ пѣхотной дивизіи прѣѣхали люди, сказавшіе, что массы казаковъ ихъ стремительно атаковали и всѣхъ порубили. Было вполне понятно, что двѣ сотни Волгцевъ, за которыми слѣдовали шесть сотень Линейцевъ, ночью, при лунѣ, могли показаться многими тысячами казаковъ. Штабъ смѣшно снялся и отошелъ далеко назадъ. Приползавшіе съ поля сраженія раненые со страшными шашечными раненіями увеличили панику. По требованію командованія для успокоенія людей впередъ пѣхотныхъ заставъ былъ выдвинутъ конный полкъ, который сталъ въ резервной колоніи, держа лошадей въ поводу. Въ этотъ то полкъ мы и бросили свои шрапнели съ броневика. Полкъ, очень нервно настроенный, повернулъ и поскакалъ къ своимъ. Тамъ приняли ихъ за казаковъ, снова атакующихъ нѣмцевъ. Поднялась беспорядочная стрѣльба, и паника усилилась. Пришлось снять съ этого направленія напуганные и изнервничавшіяся части и замѣнить ихъ свѣжими. Эта перегрушировка и задержала преслѣдованіе отступавшей нашей арміи на пять дней.

Я привожу это къ тому, чтобы показать, что и въ наше время войны техническихъ, съ преобладаніемъ огня надъ штыкомъ и саблей, бываютъ такіа положенія, когда сабля и конь могутъ нарушить всѣ расчеты огня и мощной техники. А знай мы это, не будь мы связаны опредѣленной и скромной задачей обороны, что могли бы надѣлать всѣ двадцать четыре конныхъ сотни, переправившись черезъ гать и протяжнымъ гикомъ наполнившіе молчаніе обманчивой лунной ночи!

Держать и держать должна конница, какъ дерзновенно, презирая ночь и огонь, и жуткое настроеніе отступленія дерзнули въ своей атакѣ сотни 1-го Волгскаго полка въ эту июльскую ночь и въ этомъ дерзаніи получившія побѣду и вѣчную изъ рода въ родъ славу.

2-ая и 6-ая сотни 1-го Волгскаго казачьяго полка Терскаго Казачьяго Войска за это славное дѣло были представлены къ отличіямъ на папачи съ надписью: «За ночную конную атаку 21-го іюля 1915-го года.» Есаулы Негодновъ и Стриковъ и убитый хорунжій Кулешъ получили ордена св. Георгія 4-й ст., хорунжій Вдовенко орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ и всѣ казаки Георгіевскіе кресты и медали.

1-й Волгскій казачій полкъ внесалъ новую страницу славы въ исторію побѣдъ и лихихъ дѣлъ Терскаго Казачьяго Войска.

П. Красновъ



Войсковой Атаманъ Терскаго Казачьяго Войска генераль-лейтенантъ Г. А. Вдовенко
Избранъ въ Войсковые Атаманы Войсковымъ кругомъ въ 1919 г.

БОРЬБА ТЕРСКИХЪ КАЗАКОВЪ СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ ВЪ 1918 Г.

Рамки журнальной статьи не позволяют мнѣ подробно останавливаться ни на глубокихъ и многостороннихъ процессахъ, вызвавшихъ крушеніе Войсковой власти въ Терскомъ войскѣ, ни на послѣдующихъ событіяхъ, ни на описаніи боевыхъ дѣйствій во время борьбы съ большевиками; поэтому мнѣ приходится ограничиться только краткимъ очеркомъ и перечнемъ.

13 декабря 1917 г. Войсковой Атаманъ Михаилъ Александровичъ Карауловъ на станціи Прохладной былъ звѣрски убитъ разнузданной солдатской чернью. Власть перешла къ его замѣстителю, Лѣву Ефимовичу Медянику. Отиравившись съ Войскового Круга въ Тифлисъ по дѣламъ войска, онъ на обратномъ пути на Военно - Грузинской дорогѣ былъ плѣненъ ингушами и впоследствии убитъ.

Съ потерей замѣстителя Войскового Атамана Войсковая власть въ войскѣ пала. Постепенно начинается водворяться большевизмъ: система управления; вмѣсто атамановъ отдѣловъ и управленій отдѣловъ, отдѣльскіе комиссары и отдѣльскіе совѣты; вмѣсто атамановъ станицъ и станичныхъ круговъ — комиссары станицъ и станичные совѣты. Вся власть въ области переходитъ къ областному совѣту въ г. Владикавказѣ.

Такимъ образомъ, жизнь казачья Войсковая, вѣковой традиціей освященная, уничтожена, единство войсковое нарушено. Каждая станица стала жить своей особой жизнью, безъ всякой связи и обязательствъ съ центромъ, который для нея сталъ чужимъ и малопонятнымъ. Въ душѣ казаковъ, особенно зрѣлаго возраста, начинается пробуждаться горечь и обида, по случаю утраты войсковой власти и войскового единства. Пассивное отношеніе къ насажденію новой, чуждой казачеству, власти, начинается быстро пассиваться. Почти въ каждой станицѣ образуются группы, въ которыя приглашаются офицеры, живущіе въ станицахъ, для противодействія и борьбы за возвратъ своего историческаго бытія.

Эта идея все больше и больше охватываетъ казачьи массы. Чувство безразличія къ большевизму власти смѣняется чувствомъ непріязни, желаніемъ во что бы то ни стало отгородиться отъ этой власти и жить своей самобытной войсковой жизнью. И, какъ всегда, когда нѣтъ общаго руководящаго центра, а таковой, къ глубокому сожалѣнію, еще не былъ созданъ, нужно было ожидать разрозненныхъ стихійныхъ выступленій, безъ учета силъ и возможностей.

Такъ оно и случилось: почти одновременно въ половинѣ іюня выступили казаки нѣкоторыхъ станицъ Пятигорскаго отдѣла подъ командой полковника Агоева съ цѣлью захвата Георгіевскаго оружейнаго склада, казаки ст. Прохладной съ цѣлью захвата совѣтскаго бронепоезда, пришедшаго на станцію Прохладная, и казаки ст. Луковской, — чтобы не допустить ареста предсѣдателя отдѣльскаго совѣта Георгія Федоровича Бичерахова.

Для меня и до сихъ поръ остается не яснымъ: было ли въ дѣйствительности постановленіе объ арестѣ Г. Ф. Бичерахова, или это былъ только предлогъ для выступленія.

18 іюня Луковская станица, поддержанная ближайшими станицами, захватила г. Моздокъ, заставивъ красноармейскій гарнизонъ съ большевиками покинуть городъ. Гарнизонъ отступилъ въ Ставропольскую губернію, причемъ Луковскіе казаки подъ командой полковника Барагунова отняли у нихъ гаубицы.

Итакъ, вызовъ былъ брошенъ. Казачій съѣздъ въ Моздокъ 23 іюня вынесъ постановленіе о полномъ разрывѣ съ большевиками. Борьба объявлена.

На Прохладненскомъ фронтѣ командующимъ войсками Терскаго войска казачьимъ съѣздомъ былъ выбранъ генералъ Мистуловъ, начальникомъ штаба полковникъ Бѣлогорцевъ. Были назначены начальники линій: Моздокской, Кизлярской, Сунженской, Владикавказской и Пятигорской. Начальники линій по существу и были командующими фронтами на своихъ линіяхъ. Но чтобы хоть наспѣхъ закончить формированія, нужно было время, а между тѣмъ борьба Прохладненской станицы, куда подошли подкрѣпленія ближайшихъ станицъ, продолжалась и, пока большевики вели наступленіе только изъ за Малкинской стороны, станица довольно легко отбивалась, но когда Волгцы, не имѣя успѣха, отошли отъ Георгіевска, частью на Моздокскую линію, а частью разошлись по станицамъ, движеніе на станцію Прохладную стало свободнымъ. Большевизмъ отрядъ, подкрѣпленный двумя бронепоездами, началъ наступленіе на станцію Прохладную, со стороны ст. Солдатской, охватывая станицу съ сѣвера. Станица оказалась въ очень тяжеломъ положеніи: отстоять ее, при громадномъ перевѣсѣ силъ, а особенно техническихъ средствъ, когда не было еще сформированъ штабъ Моздокской линіи и не было стройныхъ войсковыхъ формированій, явилось задачей непосильной. Все же борьба продолжалась до ночи и подъ покровомъ ночи станица была оставлена. Прохладненскій отрядъ отошелъ въ станцію Приближную, въ шести верстахъ отъ ст. Прохладной. Въ станцію Приближную прибыли командующій арміей генералъ Мистуловъ съ начальникомъ штаба полковникомъ Бѣлогорцевымъ. Здѣсь и началось формированіе частей изъ станичныхъ дружинъ, подходившихъ изъ станицъ Моздокской линіи.

Большевики, готовясь къ наступленію, держали станцию подъ обстрѣломъ гаубицъ, не исключая ночи: кромѣ этого налетали аэропланы, сбрасывавшіе бомбы. Учтивая такое напряженное положеніе, особенно жителей станицы, хотя изъ дальнихъ станицъ еще не подошли подкрѣпленія, рѣшено было наличными силами перейти въ наступленіе, съ цѣлью овладѣнія станцией Прохладной. Наступленіе было назначено передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, но въ этотъ день большевики начали наступленіе на нашъ правый флангъ, совершая его обходъ.

Командующій войсками генералъ Мистуловъ самъ выѣхалъ на позицію, чтобы лично руководить боемъ. Наступленіе большевиковъ было отбито, но въ этомъ бою генералъ Мистуловъ былъ тяжело раненъ.

Командованіе арміей принялъ полковникъ Федюшкинъ. На разсвѣтѣ, какъ и было предположено, началось наше наступленіе на ст. Прохладную. Противникъ былъ битъ, обходная правая колонна, выполняя заданіе, прервала желѣзнодорожный путь на Георгіевскъ. Къ сожалѣнію, части, наступавшей на нашемъ лѣвомъ флангѣ не удалось прервать путь на Владикавказъ, и большевизмъ бронепоезда снѣсно ушли въ сторону Владикавказа, а непріятельскій отрядъ подъ командой Егорова былъ сброшенъ въ рѣку Малку и долженъ былъ спасаться вилавъ.

Штабъ арміи переноситъ свою ставку въ ст. Прохладную и начинается долгая и упорная борьба на этомъ фронтѣ, пока не удалось окончательно сломить сопротив-

ление противника и, продвинувшись въ станицы Пятигорскаго отдѣла, занять фронтъ ст. Марьинской и Новонавловской, съ выдѣленіемъ въ станицу Зольскую. На чью помощь могли рассчитывать Терскіе казаки, такъ смѣло начавшіе борьбу? Города, съ ихъ сложнымъ политическимъ настроеніемъ, гдѣ главная дѣйствующая сила — рабочіе и слободки были на сторонѣ большевиковъ и изъ нихъ, главнымъ образомъ, комплектовались большевизскія воинскія части, — были въ станѣ враговъ. Сосѣди: ингуши и чеченцы, съ которыми за это время не разъ шла кровавая борьба прилегающихъ станицъ Сунженской и Терской линій, союзниками быть не могли. — требовалась постоянная защита станицъ отъ ихъ набѣговъ. Надежды на помощь можно было возлагать только на Осетию и Кабарду, съ которыми были хорошія добрососѣдскія отношенія. II. дѣйствительно, осетины намъ помогали, но эта помощь не могла быть активной, такъ какъ осетины сами должны были самообороняться отъ нападений со стороны ингушей на осетинскія селенія, вслѣдствіе которыхъ селеніе Владимирское должно было эвакуироваться, оставивъ свои насиженные родныя мѣста. Кабардинцы подъ командой ротмистра Зауръ - Бека Серебрякова оказывали намъ активную помощь. Обходъ нашего лѣваго фланга правымъ бере-

средствъ, было невозможно, поэтому борьба велась станичными дружинами, гдѣ въ строю былъ отецъ, сынъ и внукъ.

Дружины дѣлились на двѣ очереди: одна на фронтѣ, другая въ станицахъ для охраны и полевыхъ работъ. Сѣзна производилась черезъ двѣ недѣли, а въ пору сѣвальныхъ полевыхъ работъ и черезъ недѣлю. А между тѣмъ фронты ширились. Кромѣ Прохладненскаго образовался Кизлярскій фронтъ, на которомъ также шла борьба, чтобы остановить движеніе большевизскихъ силъ со стороны г. Кизляра и Астрахани. Былъ образованъ Курскій фронтъ, чтобы обезпечить ударъ со стороны Ставрополя. Большую горечь причинила намъ ст. Государственная, такъ активно и дружно выступившая вначалѣ и посылавшая помощь и ст. Прохладной и Волчанскъ подъ Георгіевскъ. Она немедленно объявила, что сохраняетъ нейтралитетъ. Такой переломъ настроенія совершился подъ вліяніемъ агитаціи среди казаковъ служилого возраста, которые отказались идти на фронтъ. Когда же казаке - крестьянскій совѣтъ вынесъ постановленіе о реквизиціи изъ этой станицы хлѣбныхъ запасовъ для нуждъ арміи и о немедленномъ выходѣ на фронтъ, большая половина служилой молодежи, около 700 человекъ ушла въ Ставропольскую губ. къ больше-



Генералъ-майоръ Мстиславъ Жмуровъ

гомъ р. Малки сталъ невозможнымъ. При наступленіи же большевиковъ на станицу Марьинскую Кабардинцы не разъ оказывали намъ существенную поддержку наступленіемъ на флангъ противника. Надежды также возлагались на помощь прикумскихъ селъ Ставропольской губ., гдѣ большевизскій произволъ вызывалъ большое недовольство населенія и даже вспышки возстаній.

Съ цѣлью привлеченія и стовора общественныхъ крестьянскихъ силъ нашъ главный центръ управления принялъ названіе : «казаке - крестьянскій совѣтъ». Но эти надежды отпали: большевизская власть именно изъ этихъ селъ сформировала двѣ Святкрестовскія дивизіи, которыя съ помощью городскихъ отрядовъ: гг. Пятигорска, Георгіевска, Минеральныхъ Водъ и даже Кисловодска и боролись противъ насъ на Прохладненскомъ фронтѣ. Такимъ образомъ, Терскіе казаки должны были рассчитывать только на свои силы, безъ денежныхъ средствъ, запасовъ оружія, огнестрѣльныхъ припасовъ и техническихъ средствъ, когда противникъ располагалъ всѣмъ. Произвести общую мобилизацію, за отсутствіемъ

викамъ, которые казаковъ вооружили и они начали захватили свою станицу. Пришлось перенести борьбу въ эту станицу, ослабляя силы главнаго фронта.

24 іюля начальникъ штаба Владикавказской пѣхотной полковникъ Соколовъ съ Сунженскими казаками инициативѣ, безъ согласія командующаго войсками, захватываетъ г. Владикавказъ. Но не поддержанный, по утвержденію самого полковника Соколова, мѣстными силами, которыя обѣщали помощь, онъ удержалъ городъ надолго не могъ и съ довольно тяжелыми потерями долженъ былъ покинуть. Захватъ г. Владикавказъ, гдѣ перекрещиваются многіе интересы, не входилъ въ планы командующаго войсками, а между тѣмъ захватъ и оставленіе г. Владикавказъ имѣли громадныя послѣдствія: Курская и Молоканская слободки, сочувствующія большевикамъ, стали во враждебное положеніе къ казакамъ и общее, что ихъ связывало — борьба съ ингушами (ингуши нѣсколько разъ нападали и на г. Владикавказъ) и взаимная поддержка другъ друга нарушилась: поэтому, когда на Сунженскую станицу падали ингуны, окру-

живъ ее со всѣхъ сторонъ, г. Владикавказъ помощи не оказалъ и, задыхаясь въ тѣсномъ кольцѣ блокады, казаки принуждены были оставить станицу и эвакуироваться, бросивъ все свое достояніе.

29 июля большевистская власть г. Грозного предъявила казакамъ станицы Грозненской ультиматумъ о разоруженіи станицы. Станица отвѣтила отказомъ. Началась борьба между городомъ и станицей. Такъ какъ станица совершенно сливается съ городомъ, здѣсь борьба носила очень тяжелый и кровавый характеръ. Доблестная станица, поддержанная сосѣдними станицами, вела героическую борьбу. Противникъ въ своей злобѣ и ненависти не щадилъ никого: всѣ дома въ ближайшихъ кварталахъ къ городу до самой станичной площади артиллерійскимъ огнемъ противника были разрушены и сожжены. Станичная церковь полуразрушена; но эти ужасныя разрушенія не сломили сопротивленія станицы и борьба продолжалась.

Несмотря на свою обособленность, разобщенность отъ всѣхъ фронтовъ и близость къ Пятигорску и Кисловодску, организованнымъ большевистскимъ центрамъ, съ рискомъ нападенія не только изъ этихъ городовъ, но и со стороны Ставрополя, организованно вступаетъ въ борьбу съ большевиками ст. Баргустанская. Вслѣдствіе связи съ этой станицей Прохладненскимъ фронтомъ черезъ Кабарду, обходя Кисловодскъ, была установлена, посылались въ сумахъ на лошадахъ патроны и даже было переправлено одно орудіе.

Доблестные Баргустанцы въ неравныхъ и тяжелыхъ бояхъ принуждены были на время оставлять станицу, которая противникомъ была разграблена и частью сожжена, не исключая станичной церкви, но всѣ эти тяжелыя потери не надломляли духа, и борьба продолжалась съ той же доблестью.

Итакъ, Терскіе казаки боролись на восьми фронтахъ: Прохладненскій, Курскій, Кизлярскій, Грозненскій, Владикавказскій, Сунженскій, Котляревскій и Баргустанскій. Основнымъ и главнымъ стержнемъ былъ Прохладненскій фронтъ, удерживающій въ своихъ рукахъ желѣзную дорогу: Новопавловская, Прохладная, Моздокъ, Кизляръ, Котляревская, Нальчикъ.

Здѣсь же, какъ я уже сказалъ, на Моздокской линіи, въ г. Моздокѣ и созданъ войсковой центръ управленія въ лицѣ казаке - крестьянскаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ Георгія Федоровича Бичерахова, казака ст. Новоосетинской Моздокскаго отдѣла. Человѣкъ, обладающій большой энергіей и волей, онъ былъ неутомимымъ борцомъ съ большевиками за наше право, направляя всѣ усилія къ достиженію успѣха, а затѣмъ, съ образованіемъ временнаго народнаго правительства Терской республики, былъ предсѣдателемъ правительства. Ему мы обязаны связью съ его братомъ въ Баку генераломъ Бичераховымъ, отъ котораго, черезъ Старогреческую пристань, получали существенную помощь и денежными средствами и боевыми припасами.

Въ концѣ октября мѣсяца генералъ Мистуловъ, оправившись отъ раны, вступаетъ въ командованіе арміей. Къ этому времени Добровольческая армія начинаетъ тѣснить большевистскую армію на Кубани и въ Ставропольѣ. Это заставляетъ большевистское командованіе подумать объ обезпеченіи пути отступленія. Единственный удобный путь — это желѣзнодорожная линія на Прохладную и Кизляръ, а оттуда на Астрахань. Поэтому на Прохладненскій фронтъ начинаютъ сосредотачиваться значительныя силы, съ цѣлью прорыва фронта. Въ началѣ ноября атаки большевиковъ въ направленіи станицы Марьинской становятся все настойчивѣе. Въ одномъ изъ боевъ начальникъ этого фронта полковникъ Агоевъ былъ тяжело раненъ. Это нарушило единство ко-

мандованія, произошло замѣшательство и фронтъ былъ прорванъ. Отрядъ началъ отходить въ ст. Солдатскую, изъ которой Волгскіе казаки съ полковникомъ Агоевымъ младшимъ черезъ Кабарду направились на соединеніе съ Добровольческой арміей.

Командующій арміей, генералъ Мистуловъ, видимо, потерявъ надежду на дальнѣйшій успѣхъ, не желая видѣть позора своего края въ станичномъ правленіи станицы Прохладной 9 ноября застрѣлился.

Очень тяжелая потеря для Войска человека исключительной храбрости и благородства, прекраснаго товарища, котораго всѣ такъ уважали и любили.

Командующимъ войсками былъ избранъ генералъ Колесниковъ, прилетѣвшій на аэропланѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ Ставрополя, занятого въ то время Добровольческой арміей.

Отходъ Терской арміи со всѣхъ фронтовъ черезъ Кабарду на Кубань былъ невозможенъ: нельзя было оставить ни раненыхъ и больныхъ, находящихся въ больницахъ г. Моздока и станицъ Наурской и Шелковской, ни другихъ частей удаленныхъ фронтовъ, на расправу большевистской власти. Поэтому отходъ былъ намѣченъ по Моздокской и Кизлярской линіямъ за Терекъ. Казаче - крестьянскій совѣтъ вошелъ въ переговоры съ Горскимъ правительствомъ въ г. Темиръ - Ханъ - Шурѣ, объ отходѣ арміи въ Дагестанъ. Горское правительство согласилось расположить наши отряды на территоріи Дагестана. Армія, задерживаясь, съ боями начала постепенный отходъ къ Моздоку, а затѣмъ и далѣе по направленію станицы Шелковской, у которой была построена паромная переправа черезъ р. Терекъ. Раненые и больные были эвакуированы въ Петровскъ и Баку, гдѣ они были размѣщены, при личномъ участіи Г. Ф. Бичерахова въ лазаретахъ, находящихся въ вѣдѣніи генерала Бичерахова. Къ началу декабра весь отрядъ переправился у ст. Шелковской черезъ р. Терекъ. Только Горско - Моздокскій полкъ и часть Гребенскихъ казаковъ, служащіе заслономъ со стороны г. Кизляра, отрѣзанные отъ переправы, должны были переходить ночью р. Терекъ вплавь у ст. Старогладковской, когда большевики уже занимали эту станицу. Терцы оставили свои родныя станицы, сосредоточившись въ районѣ Чирь - Юрта и Петровска.

Но и здѣсь не было унынія: требовалось только добыть денежные средства и запасы огнестрѣльныхъ припасовъ, чтобы снова, переправившись за р. Терекъ, начать борьбу. Командующій войсками обратился за помощью къ англичанамъ, которые тогда занимали г. Баку, но, повидимому, это не входило въ ихъ планы, и помощь оказана не была.

Дальнѣйшая борьба оказалась не возможной.

Такимъ образомъ, въ теченіе 3 съ половиной мѣсяцевъ, въ исключительно трудныхъ условіяхъ, Терцы, отбиваясь на всѣ стороны, вели поистинѣ героическую борьбу. Всѣ исполняли свой служебный долгъ, требующій подвига, тяжелыхъ лишеній, безвозмездно, ибо никто не получалъ ни жалованія, ни обмундированія. И лишь на фронтѣ всѣ получали довольствіе. Этотъ подвигъ былъ во имя своего казачьяго достоинства и чести, во имя сохраненія своихъ завѣтовъ и своей свободы.

Борьба Терцевъ, приковывая на своихъ фронтахъ значительныя большевистскія силы, облегчала задачу Добровольческой арміи.

Страшная тяжесть потерь и беззавѣтнаго героизма Терскихъ казаковъ въ борьбѣ съ большевиками временно закрылась, чтобы снова открыться уже въ составѣ Добровольческой арміи, и Терекъ возвращается къ своей войсковой жизни, освященной вѣками съ Войсковымъ Кругомъ и своимъ выборнымъ Войсковымъ Атаманомъ.

Г. Вдовенко



Проводы 1 Сунженско-Владикавказского полка на Русско-Японскую войну

На древнемъ рубежѣ

(Окончаніе)

— Тыфу, шайтанъ! — брезгливо бросилъ чеченецъ, вмѣстѣ съ остальными косясь на бабенку.

Окружившіе Мотьку задыхались отъ смѣха. Сабулла улыбался, разглаживая пушистые русые усы.

— Будь мужчина, убили бы. — заявилъ Федотъ.

— Какъ пить дать! — подтвердилъ Нахомъ.

— Да, Ваня! Одни выручали, а другіе грабили, собаки проклятыя, — возмущался на обратной дорогѣ Сабулла.

На слѣдующій день, какъ только Надежда Петровна вошла къ сыну, она всплеснула руками и, точно срубанный стебель, опустилась на скамеечку.

Въ сизомъ облакѣ табачнаго дыма чернѣли папахи усатыхъ, бородатыхъ, рыжихъ, черномазыхъ, безусыхъ чеченцевъ; остро сверкали глаза. Вдоль стѣны стройно вытянулись винтовки. Центральное мѣсто занималъ высокій горбоносый старикъ Садо, по правую руку котораго сидѣлъ по восточному Лукинъ.

— Господи Боже! Дѣточка, они тебя убьютъ! — едва могла вымолвить старушка.

— Нѣтъ, мама, Ваня нашъ братъ, — высочилъ Сабулла.

Остальные, подъ сдержанную рѣчь Садо, продолжали поѣдать баранину, выхватывая ее руками изъ большихъ эмалированныхъ блюдовъ и макавая въ чашки кислаго молока съ чесночной приправой. Вздвигались рюмки водки.

Успокоившись, Лукины вышли въ сѣни, гдѣ куначихи жарили въ кипящемъ буйволиномъ маслѣ маленькія пышки. Надежда Петровна присѣла на лавочку и, подъ шумъ самовара, женщины завели дружескую бесѣду.

Какъ догадался по нѣкоторымъ чеченскимъ фразамъ Лукинъ, сегодня, послѣ замиренія съ кровниками, они рѣшили сватать за своего младшаго брата, черноброватаго красавца Омара. Женихъ молчаливо сидѣлъ на лѣвомъ флангѣ, любясь подаркомъ Лукина — серебрянымъ кинжаломъ.

Осушивъ ковшъ чая, Садо глянулъ по сторонамъ; чашки, тарелки — все было опорожнено. Тогда старикъ съ молитвою воздѣлъ руки. Остальные сдѣлали то же.

Лукинъ не шелохнулся. Помолвившись, они спокойно, чинно, по старшинству вымыли надъ мѣднымъ тазикомъ руки, сполоснули рты, потомъ надѣли калошки, разобрали винтовки и вышли.

Лукинъ прошелъ въ кунацкую провождать подстанника. Этотъ гость Сабуллы, сидя въ носкахъ на войлокѣ, чинилъ обувь. При входѣ Лукина онъ отложилъ въ сторону колодку, потомъ легко поднялся.

— Благополучно переправились? — освѣдомился вошедшій.

— Мы-то, слава Богу, а про Вася слышать, былокъ не утонули, — отодвинувъ съ горна сковородку, отвѣтила за мужа голубоглазая молодая баба.

— Что добра-то Вашего, баюють, на берегу раскрадено! — выразила сочувствіе бабушка Андроновна, тихо бесѣдовавшая съ Надеждой Петровной. — Аксиныка! Сиди смирно, не егози! — прикрикнула старушка на правнучку, продолжая расчесывать ее головку.

— Вамъ бы, Иванъ Петровичъ, равняться на нашего станичника прапорщика Вертушкина: недѣли за двѣ чесанулъ онъ сюда, все загодя вывезъ, а теперича уже изюмомъ торгуетъ, изъ Петровска съ кунаками привозитъ, — вколачивая въ подошву деревянныя шпильки, громко дѣлился казакъ.

— Пусть лучше все погибнетъ, чѣмъ... — не договорилъ Лукинъ. Вмѣсто словъ, онъ выразительно махнулъ рукой, направляясь къ двери за матерью.

Дорогою Лукины навѣстили нѣсколькихъ станичниковъ. Жизнь всюду протаривала дорожку: во дворахъ стучали казачьи топоры, въ сакляхъ бабы сѣяли муку, работали иглой, покрикивая на рѣзвящихся дѣтей.

— А мы съ атаманомъ, Субботиннымъ и дядей Мосеемъ заходили къ тебѣ, — остановилъ Лукина на обратномъ пути Язычковъ.

— Я маму провожалъ.

— Тѣлень, Ваня, въ отрядъ?

— Пока не успокоится, отсюда ни шагу.

— Помилуй Богъ, Ваня; части начали формироваться. Скоро двинемся воевать...

— Прежде всего, нашимъ измученнымъ полкамъ необходимъ продолжительный отдыхъ.

— Все равно, Ваня, — не пойдемъ, служба внесется въ послужные списки, — перебилъ его Язычковъ.

— Вопросъ этотъ меня меньше всего интересуетъ. Ты, лучше, Ксенофонтъ, расскажи, какъ переправился, гдѣ родные?

— Понимаешь, Ваня, чемоданъ мой украли вмѣстѣ съ фамильнымъ золотомъ и брилліантами.

— Что? — насунился Лукинъ.

— Вотъ здѣсь, Ваня, у Кокозя квартируетъ полковникъ Усовъ, — вывернулся Язычковъ, отворяя калитку.

Растянувшись на кушеткѣ, Усовъ перечитывалъ пожелтѣвшій номеръ «Русскаго Цивилида».

— Корпусному интенданту Владимира съ мечами и бантомъ!? — горячася и щелкая согнутымъ указательнымъ пальцемъ по газетѣ, встрѣтилъ станичникъ полковникъ.

— Прощу! отозвался онъ на новый стукъ въ дверь. Изъ стѣн легко шагнулъ Сабулла. Глаза его тревожно метнулись по комнатѣ. Сильное душевное волненіе отражалось на блѣдномъ продолговатомъ лицѣ чеченца. Предчувствіе опасности кольнуло сердце казаковъ.

— Ай, Ваня, зачѣмъ безъ меня ходишь? Я думалъ, тебя въ живыхъ уже нѣту! Весь аулъ перевернулъ. Больше, пожалуйста, не дѣлай этого! Бабушка — женщина. Ее пальцемъ никто не тронетъ!.. — долго не могъ онъ прийти въ себя.

Когда Сабулла съ Лукинымъ и Язычковымъ вернулись домой, весь дворъ былъ забитъ хороводомъ. Всѣ мужчины были при оружіи. Въ серединѣ плясалъ молодой чеченецъ. Дико выкрикивая, онъ то быстро становился на носки, то медленно шелъ за плывшей по кругу изысканной чеченкой. При появленіи Сабуллы съ кунаками, танцевавшіе удалились. Гармонія дала перебой и вдругъ, вмѣсто заунывнаго восточнаго мотива, бойко зазвучала Наурская.

— Ваня, иди! — шепнулъ Сабулла.

— Съ этой бабушкой? Что она тамъ дѣлаетъ? — тихо спросилъ Лукинъ.

— Не бойся, не пойдетъ: дѣвочка назначаетъ танцевать, — улыбнулся тотъ.

Скинувъ калоши, Лукинъ выскочилъ на середину. Отчаянная стрѣльба привѣтствовала его изумительное первое па, сдѣланное въ центрѣ круга. Старуха толкнула локтемъ голубоглазую шатенку. При ея выходѣ азіатки оглушительно ударили въ ладони.

— Эй, Марджія, Марджія! (О, время, время!), — съ восточной зависти кричали Садо, хлопая надъ головами танцующихъ.

— Тах! Тах! Тах! палилъ изъ револьвера Лукинъ подъ ноги пляшущей съ нимъ чеченки.

— Джигитъ! Джигитъ! — восторженно восклицали азіаты послѣ танца.

Одни тѣснились пожать его руку, другіе дружески хлопали по плечу.

IX

Первой ласточкой изъ Привѣтной была тетка Фекла. Ночью ее переправилъ островитянинъ Павелъ Малогриценко.

— Въ станицѣ полнымъ полно китайцевъ, — сообщила она окружившимъ, — и, милая Надежда Петровна, все-то у Васъ разграблено до чиста, табунъ косоглазые разобрали, а остатки чечены прикончили, скотину рѣжутъ; въ кадушкахъ куда-то отправляютъ солонину, — торопилась она. — Комиссарши — то наши раньше облезлую таранку сосали по праздникамъ, а теперича, выдры окаянныя, мясо корзинами прутъ. Всѣ ждутъ, а имъ безъ очереди. Что вещей понашили! Дядя Гришка Пучекъ выказалъ атаманскіе сундуки. Все до чиста раскопали... — захлебывалась рассказчица.

— У Каллистратки Байгуша винтовку кинулись отнимать.. Онъ баць въ зубы. Они — тах! И душа вылетѣла, — сообщала на слѣдующій день другая казачка. — Дѣдушка Гераська за коней духъ спустилъ. Хотѣли у него изъ фургона выпрячь, а онъ — шаръ! вилами. Повалили, отняли да тягъ топоромъ по шеѣ, а голова покапталась. Три дня не разрѣшали хоронить. Такъ валялся среди улицы. Съ дяди Петьки Анисимова требуютъ Николаевскими тридцать тысячъ. Гдѣ возьмешь? Каждый день убить стращаютъ; зарядятъ да ту! чуть выше головы. На ночь голого запрягаютъ въ холодный крысятникъ. Свать Юдичъ, будто, съ табунщикомъ Мурзюю живетъ въ озерахъ. Камыни, благодаря Бога, спасаются...

— Нагдасъ, слухъ прошелъ, въ хуторѣ Новоявленскомъ разстрѣляли мужика Николая Романыча, что абрековъ отбилъ, — сообщила третій.

Мысль о мести день ото дня причиняла Лукину все больше безпокойства. Каждое новое извѣстіе съ родной стороны укрѣпляло въ немъ зародившееся рѣшеніе.

Въ одну изъ темныхъ ночей флотилія каюковъ осторожно подплыла къ лѣвому берегу напротивъ острова. Партизаны были вооружены до зубовъ. На поясахъ многихъ казаковъ висѣли ручныя гранаты. Пробравшійся къ этому времени изъ буруновъ вахмистръ Терцовъ держалъ въ рукахъ отбитое у разбѣда противника ружье — пулеметъ.

Церковный колоколъ только что пробилъ, когда они, крадучись, подобрались къ Привѣтной. Не прошло и получаса, какъ всѣ дороги были заняты смѣшанными изъ казаковъ и кумыковъ заставами; толографные и телефонные провода перерѣзаны. Соблюдая тишину, отрядъ стоялъ на краю безмолвной станицы.

— Я съ людьми наадаю на главный штабъ и пулеметную команду. Сабулла — на тѣхъ, кто въ моемъ домѣ. Терцовъ пестрѣляетъ занявшихъ правленіе. Бить кинжаломъ. Стрѣлять въ крайнемъ случаѣ. По уничтоженіи гарнизона сборъ здѣсь. Съ Богомъ! — отдавалъ послѣднія приказанія Лукинъ.

Участники набѣга крѣпко пожали другъ другу руки, потомъ группами, безшумно, двинулись по разнымъ направленіямъ. Было тихо. Около дома Усова, освѣщеннаго фонаремъ, въ темноту палили глаза часовой. Его, видимо, нервировалъ вой собаки. Но вотъ, онъ вскинулъ на плечо ружье, плюнулъ, и началъ бодро отбивать шагъ въ освѣщенномъ пространствѣ.

На первомъ поворотѣ онъ вдругъ остановился. Подозрительный шорохъ сзади заставилъ его насторожиться. Постоявъ съ минуту, красноармеецъ взялъ ружье на изготовку и быстро повернулся. Сверкнулъ кинжалъ. Съ перекошеннымъ лицомъ, залитый кровью, китаецъ безъ стона упалъ навзничъ. Двѣ тѣни мелькнули во дворѣ. Слѣдомъ, прижимая правымъ локтемъ карабинъ, вошелъ Лукинъ. Потомъ быстро замелькали тѣни его команды. Во флигелѣ мерцалъ огонекъ. Лукинъ глянулъ въ окошко. Караулъ мирно похрапывалъ. На столѣ, тѣсно придвинутомъ къ нарамъ, стояли опорожненные бутылки, валялись замусоленная колода картъ, куски жаренаго мяса. Весь полъ былъ усыпанъ окурками.

Малогриценко нажалъ щеколду... Дверь тихо скрипнула. Нѣсколько казаковъ юркнуло въ комнату. Лукинъ съ остальными двинулся къ дому.

— Готово! Даже не пикнули. — настигъ есаула Пахомъ.

— Стой! Кто тамъ?! — рванулся на крыльцѣ голосъ.

— Вотъ кто! — метнулъ въ него бомбу Федотъ. Раздался страшный грохотъ, звонъ вылетающихъ стеколъ. Тотчасъ по всей станицѣ затрещала стрѣльба. «Та та та та» строчило ружье-пулеметъ. Взрывы ухали одинъ за другимъ. Партизаны палили со дворовъ, съ улицъ, рвали гранатами, рубили шапками. Къ досадѣ казаковъ, пу-

леметы коммунистовъ были совершенно исковерканы разрушительными снарядами.

Забравъ своихъ раненыхъ, отрядъ благополучно вернулся въ аулъ.

Необычайно оживленный, Лукинъ зашелъ къ матери.

— Всю ночь въ жару металась. Сейчасъ только уснула, — встрѣтила его на порогѣ Дуня. Лукинъ поцѣловалъ лобъ, нащупалъ пульсъ и задумался.

— Аджи часа два Богу молился, потомъ барана зарѣзалъ, теплой шкурой ее обворачивали, — шептала Дуня. — На грѣхъ фельдшера за сто верстъ не найдешь.

Къ полудню небо заволокло сѣрыми тучами, а вечеромъ повалилъ снѣгъ. Зима выкатила сани, задвинула подъ саран арбы, заставила завернуться въ шубы.

Большая медленно таяла. Похоронной процессіей тянулись теперь нудные дни. Отчаявшись въ благополучномъ исходѣ болѣзни, Лукинъ рѣшилъ везти больную въ ближайшій дагестанскій городокъ, гдѣ можно было разсчитывать на медицинскую помощь.

Тетка Фекла поселилась съ Дуней.

Выѣхали рано утромъ на саняхъ, запряженныхъ тройкой. Впереди, въ волнахъ тумана, мелькали двое верховыхъ. Сдерживая лошадей, Аипъ съ облѣчка постоянно поворачивался къ больной то подбѣить распахнувшуюся полу шубы, то поправить подушку.

Справа, слѣва курились хуторки. Сизый дымъ прихотливыми струйками поднимался въ море тумана. По дорогѣ стрекотали сороки, важно расхаживали сановитыя вороны.

— Стой! — раздался гортанный окрикъ. Въ ближайшихъ кустахъ блеснули стволы винтовокъ.

— Дорогу! — загремятъ Сабдулла, подсакивая къ засадѣ.

— Ай, Сабдулла! Зачѣмъ ты тутъ? — заговорили высыпавшіе навстрѣчу чеченцы.

— Мое дѣло, — отрѣзалъ Сабдулла, и сани скользнули мимо.

— Ваня! Всѣ твердятъ, что у тебя — миллионъ золотомъ. Даже съ горъ прѣзжали наводить справки.

— Скажи, пожалуйста, отчего тогда не выгнали бродягъ? Вѣдь, за глаза ихъ поносили, на чемъ свѣтъ стоитъ...

— У насъ, Ваня, этого нельзя: они тоже гости.

Отдохнувъ на хуторѣ двоюродныхъ братьевъ Сабдуллы, путники къ вечеру достигли аула Даушъ - Юртъ. Князь Асултанъ Чахичевъ немедленно послалъ работника за фельдшеромъ. Медикъ покачалъ головой, измѣривъ температуру. — Положеніе серьезное. Нуженъ докторъ.

Въ русской комнатѣ широкая никелированная кровать и натертые парафиномъ полы отражали яркое пламя голландки. Княгиня всю ночь не покидала больной, постоянно мѣняя компрессы.

Утро слѣдующаго дня застало путешественниковъ въ дорогѣ. Къ вечеру они прибыли на первую желѣзнодорожную станцію, откуда Лукинъ телеграфировалъ въ городъ своей станичникѣ — учительницѣ мѣстной женской гимназіи. Единственный курсирующий здѣсь товарный поѣздъ уходилъ черезъ нѣсколько минутъ.

Аипъ кивалъ головой, шелкалъ языкомъ, стараясь всячески выразить благодарность хозяину за магарычъ.

— Не только братомъ. Кунакомъ не будешь! — отвѣтилъ Лукину Сабдулла на предложеніе платы, а когда поѣздъ тронулся, онъ долго бѣжалъ за вагономъ, будто боясь, какъ бы и тамъ ихъ не ожидала засада.

— Атамана поддерживай! Стариковъ, женщинъ, пожалуйста, не давай въ обиду! — кричалъ, высунувшись Лукинъ.

— Не безпокойся, братъ!

Х

Въ просторной комнатѣ, передъ кроватью больной, сидѣлъ Лукинъ съ дядей, отставнымъ генераломъ въ форменномъ кителѣ. На тумбочкѣ у изголовья стояли пузырьки, лежалъ термометръ, морфій. Въ сосѣдней комнатѣ шумѣлъ приглушенный самоваръ. Мѣрный ходъ мужскихъ часовъ доносился изъ хозяйскихъ покоевъ.

— Хорошо, что Надю вывезъ. Хотя онъ изъ классныхъ фельдшеровъ, но практикѣ его любой дипломированный врачъ позавидуетъ...

— Все равно, дядя Федя...

— Отчего же? Послѣ причастія стало значительно лучше. Почти цѣлый день спитъ спокойно.

— Расскажите, дядя, какъ жилось въ Грузинъ? Какимъ образомъ попали сюда?

— Послѣ революціи — со службы на улицу. Пенсія пропала. Склады кавказскихъ войскъ грузины сразу реквизировали, снарядили всю свою армію, а, вотъ, насчетъ обезпеченія русскихъ старослужащихъ — и закатъ было. Пришлось жить вещичками. Такъ припекло, что хоть чади (кукурузный чурекъ) выпекай да на базаръ носи. Спасибо, прослышали старые сослуживцы-дагестанцы, живо вытащили изъ Тифлиса. Дали жалованіе, квартиру, а должность самая стариковская...

— Да, Ваня, не имѣй сто рублей, а хотя бы одного истиннаго друга, — вздохнулъ глубоко генералъ, шагая по комнатѣ.

Лукинъ зажегъ лампу.

— А, вообще, каково было отношеніе къ русскимъ?

— Различное. Ваня. Правительство и окружающіе его — одно, а народъ совершенно иное; такъ сказать, инстинктомъ чувствуетъ правду. Официальные круги пачкаютъ Россію во все, что называется: и присоединили-то ихъ обманомъ и насильственно въ темнотѣ держали. Принципы инстинктивныхъ заправилъ таковы: схватился за власть, грязни предшественниковъ и всѣхъ, кто не хвалитъ тебя, не подличаетъ, ползя передъ тобою на брюхѣ. День и ночь ври! Хотя въ руки синицы не получишь, сули золотыя горы. Спотыкнулся, вали на проклятый старый режимъ. Вѣдь, безъ насъ ихъ съ потрохами слопали бы. Персы да турки жгли ихъ, грабили, насиловали...

Подъ крылышкомъ Россіи за сто съ лишнимъ лѣтъ успѣли отогрѣться, опериться и, какъ полагается, все это забыть!.. Травля русскихъ идетъ отчаянная! Однако, простой народъ совершенно иначе смотритъ на дѣло. Добродушіе, хлѣбосольство встрѣчаешь почти въ любой хатѣ. Не успеешь войти, угощеніе, вино, пѣсни, и на первомъ мѣстѣ Россія. Вотъ, въ чемъ правда жизни. Здѣсь — оцѣнка прошлаго. Очевидно, власть одурманила главарей!

Царское правительство паускивало народъ на народъ?! — улыбнулся онъ саркастически. — Веревками другъ отъ друга оттаскивали! За годъ свободы, вѣдь, сразу всѣ перегрызлись: клочки летѣли отъ разныхъ республикъ: армянской, грузинской, азербейджанской... На весь міръ вопятъ: насъ душили! Ну, а сами? Въ этомъ отношеніи въ полгода переросли самую отчаянную тираннію! А протекціонизмъ? Уй-уй-уй!

По слухамъ, сейчасъ въ Тифлисѣ масса русскихъ, бѣжавшихъ съ сѣвернаго Кавказа...

— Вотъ, если бы не арестовали Османа! — съ грустью подумалъ Лукинъ.

— Валечку дай, — прошептала больная и открыла глаза. — Голубочка, хорошенькая, любишь тебя будешь, — прижала она карточку къ груди. — У Дуни ребеночекъ все время шевелился подъ сердцемъ. Весь въ тебя. Безпокойный, — посмотрѣла она въ глаза сына и снова погрузилась въ глубокій сонъ.

— Интересный твой кунакъ. Такой точно былъ у папаша, только Сабдулла безъ хитрецы и на словѣ покрѣпче. А самъ собою какъ? — послѣ нѣкотораго раздумья спросилъ генералъ.

— Строень, сухощавъ, ловокъ.

Въ это время въ передней звякнулъ колокольчикъ. Лукинъ неслышно пробѣжалъ къ парадному и впустилъ запущенныхъ свѣгомъ двухъ молодыхъ дамъ.

— Сегодня, Иванъ Петровичъ, — мы съ Таней дежуримъ. Вы извольте спать. Завтра воскресенье; мнѣ въ гимназію не идти, а мужъ ея съ батальономъ вернется только черезъ сутки, — заявила граціозная шатенка, поправляя передъ зеркаломъ высокую прическу. Лукинъ молча поцѣловалъ руку.

— Видимо, Димитрію Михайловичу недурно служитъ у кунаковъ дагестанцевъ? Меня, какъ станциника и русскаго офицера радуетъ такое отношеніе, — сказалъ Лукинъ брюнетъ.

— Бога нечего гнѣвить; очень доволенъ; завѣдующій хозяйствомъ (слѣдовало названіе войсковой части). Мы сыты, въ тепломъ углу, а это сейчасъ — самое главное.

— Не революція, я, навѣрное, никогда не встрѣтилъ бы нашихъ очаровательныхъ собесѣдницъ... Какъ думаешь, Ваня?

— Весьма возможно, если принять во вниманіе Петроградъ, — улыбнулся Лукинъ.

— Ниша Николаевна! Будь я помоложе, э... — крикнулъ старикъ, цѣлуя на прощанье сестрамъ руки.

Учительница улыбнулась.

— Ты провозжать не ходи, — обратился генералъ къ племяннику.

— Требовать этого Вы не имѣете права, — отвѣтилъ тотъ.

**

Когда Лукинъ вернулся домой, у постели стоялъ докторъ. Нѣсколькими прядями волосъ онъ тщетно пытался прикрыть почтенную лысину.

— Пневмонія крупоза. Промокла, простудилась во время переправы, — отвѣтилъ онъ.

Больная не шевелилась. Только тяжелое дыханіе свидѣтельствовало о присутствіи жизни. Открывъ потухающіе глаза, она сложила крестное знаменіе.

Татьяна Николаевна взяла полумертвую руку и начала крестить оцѣнчиваго на коѣнѣ сына.

— Отходить, — шепнулъ докторъ, теряя пульсъ. Лукинъ прильнулъ къ щекѣ. Глухо и тяжело стучало его переутомленное сердце. На вискахъ рѣзко заголубѣли вены. Еще сдерживаемыя рыданія сотрясали его. Шатаясь, Лукинъ удалился въ свою комнату.

XI

На кладбищѣ, занесенномъ свѣгомъ, чернѣла свѣжая могила. По темной, какъ траурная лента, дорогѣ медленно двигался въ городъ катафалкъ. Старикъ кучеръ въ такой же, какъ онъ самъ, потертой темной шляпѣ съ бѣлою каймой, свернулъ подъ себя изъѣденныя молью попоны, вытянулъ изъ голенища трубку и, пустивъ клубъ дыма, тихо заплѣлъ.

— Ну, ты, косоплая, — дернулъ поводья возница передъ тѣмъ, какъ исчезнуть за поворотомъ.

Приложившись къ иконѣ, нѣсколько человѣкъ медленно направлялись къ кладбищенскую ограду... Разговора ихъ почти не было слышно. Они точно боялись нарушить покой усоншей. Отъ полученной мзды сторожъ усердно кланялся до тѣхъ поръ, пока не исчезъ за воротами.

— Милости прошу ко мнѣ помянуть, — пригласила Татьяна Николаевна.

— Сердечно благодарю, но, если разрѣшите, я зайду попозже. Хочется немножко побыть наединѣ, — проговорилъ Лукинъ.

— Но только обязательно. Будемъ ждать, — протянула она руку. Лукинъ направился въ противоположную сторону. Онъ шелъ и шелъ, словно управляемый невидимымъ рулемъ, лишь подчиняясь механической потребности двигаться.

Ничто не привлекало его вниманія. Глянулъ только на горы, и показалось, будто въ бѣлыхъ саванахъ лежатъ сказочные богатыри, наваленные битвой одинъ на другого. Вотъ, на ближайшей горѣ, какъ изъ трубы, занялся дымокъ. Изъ сакли, замурованной свѣгомъ, выплыло черное пятно. Оно расширяется, вытягивается...

— Свѣжій чухчель! Персидскій чухчель! Шахскій чухчель! Чухчель! Чухчель! Чухчель! — кричалъ надъ ухомъ краснобродый персъ, высунувшись изъ двери магазина. Лукинъ очнулся. Онъ дошелъ до конца тротуара передъ городскимъ рынкомъ. Длинные ряды арбъ, нагруженныхъ дровами, саманомъ, мѣшками древеснаго угля, занимали всю площадь. Буйволы, быки лѣниво жевали подбѣрошенное сѣно. Отъ ихъ малѣйшаго движенія подводы издавали плачевный скрипъ.

— Иванъ Петровичъ! Господинъ есаулъ Лукинъ! — раздался голоса сзади.

Къ нему бѣжали два казака, оба въ романовскихъ полшубкахъ. Отъ высокихъ панъ они казались значительно выше. Лукинъ узналъ и чернобородаго передняго и второго: оба изъ Струйки.

— Откуда Вы тутъ взялись? — спросилъ сіяющій передній.

Лукинъ подѣлился своимъ горемъ.

— Дай Богъ покойницѣ царствіе небесное! — проговорили машинально подстаничники, крестясь.

— А вы здѣсь какими судьбами?

— Мы-то, Иванъ Петровичъ? Мы, значитъ, возили отсюда въ Тифлисъ продавать хурду - мурду, а отсюда привезли хабуръ - чабуръ. Только сейчасъ сплавилъ армянину лавочнику. А это Вамъ, Иванъ Петровичъ, изъ Тифлиса. — говорилъ старшій, разстегивая полшубокъ. Порывшись въ бездонной пазухѣ, казакъ протянулъ голубое письмо.

— Валя! — чуть не вскрикнулъ Лукинъ. — Гдѣ она? Здорова? Когда ее видѣли? — забрасывалъ онъ вопросами, стараясь осторожно вскрыть конвертъ. Руки его дрожали, глаза сіяли необычайнымъ блескомъ, быстрые удары сердца отчетливо улавливались собесѣдниками.

— Идемъ, значитъ, по Головинскому, — началъ чернобродый, — а солнышко прямо, какъ въ рай. Тифлисъ-то я хорошо знаю... Чай, въ конвоѣ государева намѣстника служилъ когда-то. Идемъ, значитъ. Ни войны тебѣ, ни товарищевъ, словно по старому расписанію, и каждый при своей мѣстѣ. По улицѣ всюду маячутъ наши бѣгунки, русская рѣчь такъ и переливается, чешуйкой Терека блеститъ. Всѣ грузины промежъ себя по русски, да, нѣтъ-нѣтъ, свое слово втыкнетъ, словно изюминку въ пироги. Намъ казая дѣла? Мы торопимся лахамендрики сплавить. А народъ, видимо, усталъ; усталъ отъ работы, на главную улицу сыплетъ отдохнуть, погрѣться да въ кулаки позѣвать. Для того они антилигенціи дадены...

Лукинъ, нервно бѣгая глазами по письму, боялся проронить слова, медленно падавшія изъ устъ подстаничника, какъ вода съ лѣниваго мельничнаго колеса.

«Крѣпко цѣлую тебя, мой ненаглядный!» — пробѣжалъ онъ послѣднюю строку.

Казакъ замаялся.

— Ну, ну! Дальше!

Казакъ кашлянулъ.

— Вдругъ слышимъ сзади насъ голосочекъ: казачки! казачки! Оглянулись! Ну, вотъ тебѣ, бѣжить ангелочекъ, только безъ крылышковъ и въ шляпочкѣ, а за ней, видимо, торопятся отецъ съ матерью. — Вы, говорите, казачки, не терскіе ли будете? — Такъ точно, отвѣчаемъ, они самые. — А вы, спрашиваетъ, есаула Лукина не знаете? — Какъ не знать, барышня, мы съ нимъ подстаничники, вмѣстѣ, чай, за одно воевали да еще подъ ихъ, — то-есть, Вашимъ — начальствомъ. —

Тутъ она хватъ меня за рукавъ. — Да гдѣ онъ? Гдѣ? Какъ крикнетъ въ уху, а у самой слезки взыграли. — Тамъ, говорю, барышня. Переправился. У кунака живеть. Самый, что ни есть, злой волкъ его нячить, — смѣюсь. А она шастъ назадъ, захлопала въ ладошки, будто птичка крылышками: — Папочка! Мамочка! Татарчукъ живъ! Ушелъ отъ большевиковъ! — да снова къ намъ и спаяла обоихъ за рукавъ, будто мы хотѣли кинуться въ разные стороны!.. А народъ остановился, окружилъ насъ, зенки выпучили. Что пмъ? Для нихъ дѣла еще не родилась: смотреть, какъ вакулы; рты разинули. Подошелъ, значитъ, папочка съ мамочкой, поздоровкались съ нами за ручку и къ себѣ милости просятъ. А она-то, козочка, все бѣжитъ, бѣжитъ, да ти-ти-ти да та-та-та... Веселенькая такая стала. Словно розочка, сразу расцвѣла. Привели на квартиру и сѣаху въ столовую. По всѣмъ комнатамъ, видать, богатства чудесная, небель мягкая, ковры, серебра что! На одномъ какъ за ночь черезъ Терекъ не переправишь! Ходу въ переднюю. Оттуда, значитъ, въ однихъ бешметахъ, при кинжалахъ... Сейчасъ позвали... Кажется, Лизу, кумъ? — обратился онъ къ спутнику.

— Магазель Лизу, — поправилъ тотъ.

— Ну, бамазель Лиза разъ-два, и завтракъ стоитъ. Водочка съ винцомъ на насъ поглядываютъ. Что, моль, за союзники такіе? А барышня все ко мнѣ: — Вы назадъ пойдете? — Какъ же, безиремѣнно оглобли повернемъ. — Куда? — Какъ только товаръ продадимъ. Мѣшкать нечего. — А его, Васъ, то-нсь, увидите? — Знамо дѣло, отвѣчаю. Не иголка же онъ, а казакъ да еще сусѣдъ. Закусили мы такъ, что, былокъ, пѣсню не затынули да, спохватились, маршь по базарамъ суменки вытряхивать!

Къ вечеру справились и опять заявили. Поужинали этакъ по царски, послѣ чаемъ насъ попотчевали и, вотъ, она вручила для Васъ письмецо, сургучкомъ «Вѣди» припечатала. Ужъ такъ просила передать черезъ себя лично, что посмотрѣлъ я на икону и говорю:

— Вотъ тебѣ истинный Богъ, вручу, — и перекрестился. Поцѣловала меня, только губки поколоса, борода-то казачья, что терновый кустъ. Въ ту же ночь мы задались. Два дня въ вагонѣ страждали. Въ Баки, на вокзалъ, англичане чуть-чуть хлыстомъ не попотчевали, да — нѣтъ, — говоримъ. — мы не здѣшніе, а казаки, — и мимо прошло. Татарву разную дуютъ ве всѣ лопатки, знамо дѣло, о порядкѣ намекиваютъ...

— Вотъ что, дорогіе, — пожимая крѣпко руки, перебилъ Лукинъ. — Приходите подъ вечеръ, пойдемъ маму помянуть, а пока — до свиданья.

Указавъ квартиру, онъ быстро зашагалъ домой. Казаки глянули вслѣдъ, перемигнулись, потомъ спустились по грязнымъ ступенькамъ въ харчевню.

«Милый мой Ванечка! Ненаглядный Татарчукъ!» — едва пробѣжалъ первыя строки Лукинъ, какъ слезы затмили глаза, голова упала на подушку, все тѣло нервно вздрагивало, горло сжимали спазмы.

«Крѣпко, крѣпко цѣлую тебя. Жду съ огромнымъ нетерпѣніемъ. Твоя вѣчно Валя.

Р. С. Цѣлую мамочку.»

Немного успокоившись, глянулъ онъ на послѣднюю страницу и снова слезы брызнули изъ глазъ. Лукинъ чувствовалъ, что изливается невыплаканное тяжелое горе. Наволочка была мокрая, когда онъ залпомъ осушилъ стаканъ холодной воды. Нервы значительно успокоились. Въ душѣ забрезжило разсвѣтъ.

«Вскорѣ послѣ твоего отъѣзда, какъ я писала, папа съ Борисомъ Яковлевичемъ выѣхали въ Тифлисъ. Къ ихъ возвращенію мы должны были закончить сборы въ станицу. Все было готово, задерживали только они. Наконецъ, изъ Тифлиса пришла долгожданная телеграмма!

Вотъ было радости... Коля прыгалъ до потолка... Уже чемоданы стояли въ чехлахъ. Но вдругъ страшная буря однимъ порывомъ разметала наши иллюзіи: со всѣхъ сторонъ вспыхнули возстанія, почти стала. Съ каждымъ днемъ я все болѣе теряла надежду на скорую встрѣчу съ тобой. Только въ Тифлисъ можно было вырваться съ небольшимъ рискомъ, конечно, подкупивъ, кого надо. Въ этомъ отношеніи очень помогъ намъ Османъ, которому Коля сообщилъ о нашей помолвкѣ. Сначала онъ былъ арестованъ съ твоимъ письмомъ при въѣздѣ въ Благодарный. Сидѣлъ въ тюрьмѣ. Но пугуши — очень спаянный народъ. Въ одинъ прекрасный день пять ближайшихъ ауловъ, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ вооруженныхъ, явились въ совѣтъ, требуя его освобожденія... Большевики принуждены были выпустить. Условившись съ Колей, онъ прислалъ за нами почью двѣ арбы подъ конвоемъ своего брата и мы, съ нѣкоторыми затратами, благополучно добрались до Грузіи. Теперь, моя радость, ждемъ тебя, мой ненаглядный, съ невыразимымъ счастьемъ. Такъ свѣтло теперь на душѣ!»

Далѣе Валя писала о свадебномъ уборѣ, о томъ, какъ они ловили съ Терека малѣйшую вѣсточку, разспрашивали всѣхъ, сколько-нибудь имѣющихъ сходство съ казаками, откуда пріѣхали, не знаютъ ли есаула Лукина.

«И, наконецъ, мой любимый, узнала. Свое нашла. Теперь жду, жду и жду тебя. Соскучилась до смерти. Такъ хочется поцѣловать моего милаго Ванечку!» — читалъ и перечитывалъ, выучилъ наизусть и все-таки продолжалъ пить чудодѣйственный нектаръ съ драгоценныхъ строчекъ, цѣлуя то карточку, то голубые листки.

Наконецъ, онъ бодрымъ шагомъ подошелъ къ окну, глянулъ на улицу и замечтался. Ему казалось, что мать жива; все такъ же, не смыкая глазъ, хлопочетъ по хозяйству, мелькаетъ въ окнахъ дома, доитъ коровъ и все смотритъ черезъ заборъ, не подѣдетъ ли сынъ на статномъ Мюрдѣ. Кое-гдѣ въ туманѣ мелькали подслѣповатые фонари. Передъ глазами Лукина скользнули санки, на мгновеніе завладѣвшія его вниманіемъ. Наконецъ, Лукинъ зажегъ лампу. На столѣ стоялъ остывшій обѣдъ, тарелка вяленаго винограда и бутылка дагестанскаго вина. Въ это время въ дверь постучали казаки.

На слѣдующее утро, оттолкнувъ отъ экипажа двухъ амбаловъ, подстаничники мастерски уложили въ купѣ вещи Лукина. Послѣ второго звонка, отъѣзжающій поцѣловалъ ручки дамъ, поочередно обнялся съ мужчинами и вскочилъ на площадку.

— Пишите, Иванъ Петровичъ! — опутивъ глаза, попросила учительница.

— Мнѣ-то, старику, на службѣ дѣлать нечего; съ весны буду на могилу приносить цвѣты, — говорилъ генералъ, слѣдуя за поѣздомъ. Лукинъ долго стоялъ у окна. Увидѣвъ кладбище, онъ снялъ папаху, перекрестился и сразу нашель дорогую могилу, съ которой прощался передъ самымъ отъѣздомъ.

Въ концѣ января 1919 года Терская область была освобождена Добровольческой арміей отъ желѣзнаго ярма коммунистовъ.

А на Красной Горкѣ весь Благодарный любовался въ соборѣ счастливой четой Лукиныхъ.

Изъ-подъ вѣнца молодые поѣхали въ Привѣтную.

У полотна съ утра толпилась почти вся станица, Сабдулла, Мурза, ногойцы. Тутъ же улыбалась Дуня, съ черноглазымъ мальчикомъ на рукахъ. Прямо изъ вагона, окруженные толпой, молодые отправились въ церковь, отслужили по Надеждѣ Петровнѣ панихиду. А вечеромъ Демьянъ, дяди, теткы, сосѣди распечатали уцѣлѣвшія отъ большевиковъ бочки да такъ закутили, такъ ударили въ бубны, что далеко за Войско молва пошла!

П. Ергушовъ



Терско-Астраханскій полкъ на островъ Лемносъ. 1922 г.



Терская гвардейская сотня на работахъ въ Юго-Славин. 1923 г.



Учебная сапожная мастерская Терскаго Правительства въ Болгарин. 1923 г.

« И о Родинѣ вспомнилъ съ
тоскою своей,
Объ Отчизнѣ я вспомнилъ
далекой ».

(К. Р.)

Долгіе годы изгнанія становятся все мрачнѣе и мрачнѣе. Все дальше и дальше въ туманъ прошлаго скрывается Родной край.

Слабѣетъ духъ, и уныніе закрадывается въ слабыя души.

Невольно ищешь опоры. И, заглянувъ въ далекое прошлое и недавно минувшее, тамъ находишь и бодрость и вѣру въ будущее.

Такія мысли руководили группою терцевъ при созданіи комиссіи по собиранію матерьяла для этого журнала.

Комиссія приноситъ откликнувшимся сердечную благодарность.

Осуществить выпускъ этого номера комиссія смогла благодаря матерьяльной поддержкѣ и помощи Объединенія терскихъ казаковъ во Франціи.

Объединеніе это существуетъ въ Парижѣ съ 1925 года.

Организованное исключительно для экономической поддержки друга друга, оно изъ пятифранковыхъ членскихъ взносовъ составило капиталъ для выдачи ссудъ.

Объединеніемъ осуществлено сооруженіе Войскаго Образа Знаменія Божіей Матери, помѣщающагося въ нижней церкви на рю Дарю, гдѣ ежегодно совершается молебствіе въ день Войскаго праздника.

Объединеніе устраиваетъ собранія, товарищескіе обѣды, лекціи.

При объединеніи составляется Терскій альбомъ. Въ него собираются фотографіи группъ и отдѣльных лицъ, виды родного края, снимки съ гравюръ.

Объединеніе проситъ о содѣйствіи этому начинанію.

Комиссія

Отъ Издателя

Настоящій номеръ изданъ мной въ количествѣ 1000 экз. Изъ нихъ 350 экз., по предварительной подпискѣ, представлены Объединенію терскихъ казаковъ во Франціи.

Редакторъ-Издатель **Е. Д. Коноваловъ**

Directeur **E. D. Konvaloff**

Gérant : **Mr W. Lerat**

Impr. d'ART, 77, r. Mouton Duvernet. Inv. 98-74

ПАРИЖЪ

« LA RUSSIE »

PARIS

РОССІЯ

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

“ PAS SUR LA BOUCHE ! ”



“Lunafilm”

Н. А. Римскій

ВЪ ФИЛЬМЪ: “ТОЛЬКО НЕ ВЪ ГУБЫ”

**18, Rue Ballu, 18
PARIS-9**

ТНО-ЛЕ-НИ

А. КАПРЕЛИАНЪ

129-bis, rue de la Pompe, — PARIS-16. Tél.: Passy 12-69.

Кондитерская. Гастрономическiй магазинъ

КУЛИЧИ — ПАСХИ — МАЗУРКИ

Фирма существ. 10 лѣтъ.

РУССКОЕ КОНДИТЕРСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВО
Тl.: Ségur 68-27.

«JULIEN»

25, RUE BOSQUET, PASIS (7).
во дворѣ.
Métro: Ecole Militaire.

извѣщаетъ глубокоуважаемую клиентуру, что, съ установкой специальныхъ машинъ, кондитерское производство значительно расширено. Принимаются заказы на куличи, мазурки и сырные пасхи. Имѣется прессованный творогъ для пасхи и глазированные фрукты. Gros - Détail. Просить н.п. клиентовъ заказывать заблаговременно. Всевозможные фруктовые торты, тянучки, ванильные сухари, пастила, боярскiя ватрушки. Кулебяки. Растеган (доставляются въ горячемъ видѣ).

КУЛИЧИ

Телефонъ: Ségur 68-27.

ПАСХИ

Gros - Detail



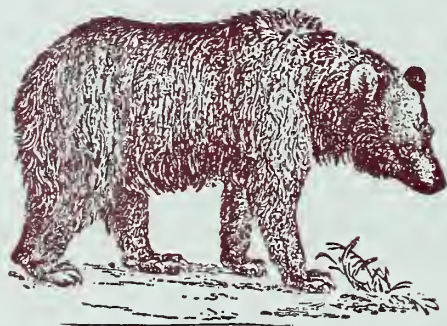
ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ
ЛУЧШИЙ
ПО КАЧЕСТВУ

Чай

ПОДЪ ФИРМОЮ
Торгово-Промышленнаго Товарищества
преемникъ

Алексѣя Губкина А. КУЗНЕЦОВЪ и Ко
ASIAT. TRAD. CORP. LTD., LONDON.
53, rue Jean-Jacques-Rousseau, Paris (1^{re}). Tél. Richelieu 91-63.

Главный складъ во Франціи:



МЕДВѢДЬ

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV).

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЬ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШИЯ ВИНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪЕДОВЪ, — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

КРЫМСКІЙ ДОМИКЪ

РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ.

131, Bd RASPAIL

(entrée, 10, rue S-te Beuve).
Prix fixe et à la carte.
ЧЕБУРЕКИ И ШАШЛЫКИ.

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A L'ESTURGEON

Подъ личнымъ наблюдениемъ владѣльца, б. придворнаго шефа
Ө. Д. КОРНИЛОВА

3, rue Clauzel (уголъ rue des Martyrs). Nord-Sud: St.-Georges. Tél.: Trud. 08-46

РЕСТОРАНЪ

„СИРЕНА“

9, RUE RENNEQUIN

(M-ro Ternes et Pereire).

Banque Industrielle du Centre

85, Rue Richelieu, Paris (2). Tél.: Louvre 09-11 et Centr. 35-67.

Всѣ банковскія и биржевыя операціи

Переводъ денегъ въ Россію и другія страны

а также ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХЪ ПОСЫЛОКЪ быстрѣе и дешевле, чѣмъ всюду
съ пред. обр. росписокъ. — Покупка русскихъ до-револ. бумагъ и полисовъ
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарант. франц. Правительствомъ выигрыш-
ныя съ % облигаціи «Crédit National», «Crédit Foncier», «Ville de Paris»
Выигрыши 1.000.000 фр. ежемѣс.

Облигаціи отъ 60 фр. Ссуды до 80% %. Проспекты высылаются по перв. требов.
Корреспонденція по русскіи.

PRIX—FIXE

6.50 завтраки, обѣды и

A LA CARTE.

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана

Открыто до 2-хъ часовъ ночи.



Въ этомъ году исполнилось 30 лѣтъ дѣятельности

ЛАБОРАТОРІЙ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

(S^{te} Kalefluid 49, rue Balagny — PARIS-17^e)

Поэтому мы желаемъ отмѣтить этотъ юбилей ознакомленіемъ нашихъ читателей съ однимъ изъ лѣчебныхъ препаратовъ этой лабораторіи «Kalefluid», получившимъ въ настоящее время мировую извѣстность.

Что такое Kalefluid и при какихъ болѣзняхъ онъ примѣняется?

Калефлюидъ является вытяжкой изъ жизнетворныхъ железъ молодыхъ, здоровыхъ и сильныхъ животныхъ, приготовленной особымъ научнымъ способомъ, позволяющимъ использовать отводящіе сосуды этихъ железъ, чѣмъ достигается максимальное насыщеніе вытяжки гормональной субстанціей, творцомъ нашей жизненной энергіи. Поэтому Калефлюидъ содержитъ много разнообразныхъ гормоновъ (липоидныхъ, кристаллоидныхъ или колоидныхъ) и продуктовъ промежуточныхъ клѣточекъ Лейдига, поступающихъ въ кровообращеніе изъ органовъ внутренней секреціи (жизнетворныхъ железъ), и органическое вещество съ крайне сложнымъ молекулярнымъ строеніемъ того же химическаго класса, что и нѣкоторыя изолированныя опотерпевическія вещества (андреналинъ, тироидинъ и т. д.), которое можно сравнить съ **витаминами**.

При клиническомъ примѣненіи Калефлюида г.г. врачами различныхъ національностей были получены блестящіе результаты, которые могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ:

«Калефлюидъ является могучимъ физиологическимъ тоническимъ средствомъ, насыщающимъ организмъ гормонами и жизнетворными субстанціями, укрѣпляющимъ нервную систему и восстанавливающимъ нормальную дѣятельность эндокринныхъ железъ и всѣхъ органовъ».

«Калефлюидъ признается прекраснымъ кровоочистителемъ отъ ядовъ нарушеннаго обмѣна (какъ: мочевая кислота, ураты, и т. д.)».

«Калефлюидъ вліяетъ кореннымъ образомъ на развитіе всего организма, на обмѣнъ веществъ, на расщепленіе жировъ, и какъ общестимулирующій продуктъ, является цѣннымъ вспомогательнымъ средствомъ при специальной терапіи діабета, туберкулеза и рака».

Основой лѣченія Калефлюидомъ является фактъ питанія, а не возбужденія, слѣдовательно фактъ порядка біологическаго, а не фармакологическаго. Подъ вліяніемъ Калефлюида улучшается специфическое гормональное питаніе нервной системы, что въ свою очередь улучшаетъ общее питаніе тканей.

Съ 1901 года лабораторія Калефлюида, строго слѣдуя по путямъ новѣйшихъ открытій эндокринологіи, достигла максимума совершенства въ извлеченіи активной гормональной субстанціи жизнетворныхъ железъ, въ результатъ чего лѣчебная сила Калефлюида приобрѣла въ настоящее время мировую извѣстность.

Такъ напримѣръ: Докторъ медицины Парижскаго Университета J. Bachelier, въ медицинскомъ журналѣ «XX Вѣкъ». Мартъ 1930 г. Парижъ (La revue médicale «XX siècle», Paris, Mars 1930). пишетъ: «Выводъ изъ замѣчательныхъ наблюденій, констатированныхъ при примѣненіи Калефлюида (Д. Калениченко) слѣдующій: вышеназванный препаратъ восстанавливаетъ нормальную дѣятельность жизнетворныхъ железъ организма и всѣхъ другихъ железъ внутренней секреціи, которыя будучи насыщены гормонами-творцами энергіи, своей могучей функціей заставляютъ всѣ органы нормально функционировать, организмъ вновь набирать силы и регулировать общее состояніе». Далѣе онъ пишетъ: «На-

стоящій «омолодитель» Калефлюидъ одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ, извѣстныхъ до сихъ поръ въ опотерапіи, начинаетъ разрѣшать великую проблему омоложенія и восстановленія жизненной энергіи организма человека».

ПРИМѢНЕНИЕ КАЛЕФЛЮИДА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНѢ.

Г.г. Врачи прописываютъ Калефлюидъ (самостоятельно или совместно съ лѣкарствами спеціальнаго лѣченія) въ слѣдующихъ случаяхъ:

1. При общей слабости и разстройствѣ нервной системы.

Здесь относятся: малокровіе, физическое или умственное переутомленіе, во время и послѣ всѣхъ болѣзней, операций и родовъ, истощеніе, хилость, дряхлость, безсиліе, старческій маразмъ, преждевременная старость, параличъ, табесъ, неврастенія, невралгіи, нервныя потрясенія и истощенія, бессонница, головныя боли, нервныя запоры, истерія, отсутствіе аппетита и т. д.

2. При артритическихъ болѣзняхъ и нарушеніи обмѣна веществъ.

Здесь относятся: неусвоеніе питанія, отравленіе ядами нарушеннаго обмѣна (мочевая кислота, мочевина, ураты и др.), артритизмъ, ревматизмъ, тучность, подагра, ломота, лимфатизмъ, фосфотурія, діабетъ, альбуминурия, артеріосклерозъ, астма, кожные болѣзни вслѣдствіе нарушеннаго обмѣна, и т. д.

3. При недостаточности развитія или функционированія железъ внутренней секреціи.

Проявленія: плохое развитіе дѣтей, рахитизмъ, запозданіе физическаго и умственнаго развитія, хлорозъ у дѣвушекъ, неправильности въ менструаціяхъ при переходномъ возрастѣ, атрофія или недостатки полового развитія, отсутствіе или плохая растительность, преждевременное половое безсиліе, старость и т. д.

4. Всѣмъ въ пожиломъ возрастѣ.

и при предрасположеніи организма къ заболѣваніямъ, при истощеніи: отъ тяжкихъ болѣзней, потери крови, переломовъ костей, при переутомленіи и дряхлости.

Научная литература: Г.г. врачей, интересующихся научной литературой, мы направляемъ къ трудамъ нижепоименованныхъ г.г. профессоровъ и врачей: Claude Bernard, Brown-Séquart, Landouzi, Vincent, Gilbert, Steinach, Guley, Carnot, Ouspensky, Elliot, Dubois, Starling, Bayliss, Enriquez, Goizé, Bauwidge, Lichtenstein, Voronoff, Pavloff, Danilewsky и другихъ.

Г.г. Врачамъ для медицинскихъ наблюденій Kalefluid высылается бесплатно.

За всѣми справками рекомендуемъ обращаться по адресу:

Société française « KALEFLUID »

49. rue Balagny, app. 1. PARIS-17^e



ШЕЛКА ЛУЧШИХЪ КАЧЕСТВЪ

Compagnie Centrale des Echanges - Братъя Марковичъ
1, Place Boildieu, (напротивъ Opéra-Comique.)
Métro : Richelieu-Drouot et 4-Septembre



Сторѣишій русскій
дамскій портной

И. МАЩЕНКО

7, Rue 7,
du Marché St-Honoré,
(около Rue St-Honoré).
Tél.: LOUVRE 66-69

ГОТОВОЕ И НА ЗАКАЗЪ



МУЖСКОЙ И ДАМСКІЙ ПОРТНОЙ ГОТАРЪ

Предлагаетъ большой выборъ англійскихъ и французскихъ матеріа-
ловъ. Элегантный покррой, тщательная и аккуратная работа. Специ-
альный мѣховой отдѣлъ. Получены новѣйшія американскія машины
для утюжки костюмовъ. Стопажъ, перелицовка платьевъ. Всевозмож-
ныя передѣлки.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ



1, avenue EMILE ZOLA, Métro: Javel.
Tél. Vaugirard 33-57.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ
парижскихъ портныхъ. — Цѣны
внѣ конкуренціи. — Собствен-
ная мастерская для передѣлокъ.
З. ПИНЧЕВСКІЙ
3, RUE PERREE, PARIS (3°).
Métro: Temple et République.
Tél.: Archives 77-97.

Портной

Ф. И. Агѣевъ

Большой выборъ
англійскихъ и французскихъ матерій.

8, rue Tiphaine, 8
PARIS-15°

М. М. ЧЕРНЫЙ

(30 л въ Парижѣ)
подъ фирмой
«MICHEL»

Большой выборъ мужского платья нова-
го, случайн. и подерж. отъ первокл.
портн. Русск. инвалидамъ скидка 5 проц.
10, r. Caffarelli (derrière la Mai-
rie du 3°) M-ro. République et
Temple. Tél. Archives 36-06.

Banque Industrielle du Centre

85, Rue Richelieu, Paris (2). Tél.: Louvre 09-11 et Centr. 35-67.
Всѣ банковскія и биржевыя операціи

Переводъ денегъ въ Россію и другія страны

а также ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХЪ ПОСЫЛОКЪ быстрѣе и дешевле, чѣмъ всюду
съ пред. обр. росписокъ. — Покупка русскихъ до-револ. бумагъ и полисовъ
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарант. франц. Правительствомъ выигрыш-
ныя съ % % облигаціи «Crédit National», «Crédit Foncier», «Ville de Paris»
Выигрыши 1.000.000 фр. ежемѣс.
Облигаціи отъ 60 фр. Ссуды до 80 % %. Проспекты высылаются по перв. требов.
Корреспонденція по русски.

Chemisier



7, rue Fontaine
(PIGALLE)

Tél.: TRINITÉ 93-63

№ 13

РОССІЯ

№ 13

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 5, rue Bélidor, 5
PARIS (17)



Сергѣй Лифарь

ТНО-ЛЕ-НИ

А. КАПРЕЛИАНЪ

129-bis, rue de la Pompe, — PARIS-16. Tél.: Passy 12-69.

Кондитерская. Гастрономический магазинъ

Фирма существ. 10 лѣтъ.

РУССКОЕ КОНДИТЕРСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВО
Тl.: Ségur 63-27.

«JULIEN»

25, RUE BOSQUET, PARIS (7).
во дворѣ.
Métro: Ecole Militaire.

извѣщаетъ глубокоуважаемую кліентуру, что, съ установкой специальныхъ машинъ, кондитерское производство значительно расширено. Всевозможные фруктовые торты, тянучки, ванильные сухари, пастила, боярскія ватрушки. Кулебяки. Растеган (доставляются въ горячемъ видѣ).

Просить гг. кліентовъ заказывать заблаговременно.

Gros - Détail

Телефонъ: Ségur 68-27.

Gros - Détail



ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ
ЛУЧШИИ
ПО КАЧЕСТВУ

Чай

ПОДЪ ФИРМОЮ
Торгово-Промышленного Товарищества
преемникъ

Алексѣя Губкина А. КУЗНЕЦОВЪ и Ко
ASIAT. TRAD. CORP. LTD., LONDON.
53, rue Jean-Jacques-Rousseau, Paris (1^{re}). Tél. Richelieu 91-63.

Главный складъ во Франціи:



МЕДВѢДЬ

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV).

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЬ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШИЯ ВИНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪЕДОВЪ, — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

КРЫМСКІЙ ДОМИКЪ

РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ.

131, Bd RASPAIL

(entrée, 10, rue S-te Beuve).

Prix fixe et à la carte.

ЧЕБУРЕКИ И ШАШЛЫКИ.



**SOCIÉTÉ
POLCÉ
DISTILLERIE**

1, rue Alfred - Laurant, 1. BOULOGNE s/-Seine

Téléphone: Molitor 06-08

РЕСТОРАНЪ

„СИРЕНА“

9, RUE RENNEQUIN

(M-ro Ternes et Pereire).

PRIX—FIXE

6.50 завтраки, обѣды и

A LA CARTE.

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана

Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

У Охридскаго озера

З. Л. Краснову.

Что мнѣ столѣтія глухія
Сюда пришедшему на часть;
О баснословной Византіи
Руинъ лирической разсказъ?

Не все ль равно, какая смѣна
Эпохъ оставила свой прахъ
Средь этихъ стѣнъ и запахъ глѣна
Въ полуразрушенныхъ церквахъ...

Запомню только скрипъ уключинъ,
Баркасъ съ библейскою кормой
Да горь шафрановыя кручи
Надъ синей охридской водой.

1931.

Николай Туровъровъ.



Т. Карсавина и С. Лифарь.

Сергѣй Лифарь

Въ Парижскую Оперу на два года приглашенъ балетмейстеромъ и первымъ танцоромъ Сергѣй Михайловичъ Лифарь.

Взлетъ его на высоту руководителя французскаго балета совершенно необыченъ. 15 января 1922 года скромнымъ рабочимъ у Дягилева по уборкѣ декораций и установкѣ сцены началъ онъ свою карьеру. Черезъ годъ артистъ исключительнаго дарованія С. Лифарь съ большимъ успѣхомъ выступилъ въ балетѣ «Зефиръ и Флора» и, отмѣченный авторитетами, быстро пошелъ ввысь.

Онъ создаетъ «Матло», «Барабау», «Ромео и Джульетта», гдѣ танцуетъ съ Т. Карсавиной, «Пастораль» и «Тріумфъ Нептуна» — съ А. Даниловой. Артистъ ставитъ «Лисицу» и получаетъ полное признаніе.

Его выступленія сопровождаются неизмѣнными похвалами.

Въ текущемъ году съ участіемъ С. М. идетъ въ Парижской Оперѣ «Прометей».

С. М. Лифарь готовитъ рядъ новыхъ постановокъ для Парижской Оперы. Кромѣ него и О. А. Спесивцевой, Оперой приглашены три русскихъ артиста, Черкасъ, Ефимовъ и Даманскій.

Трудную задачу — организацію балетныхъ спектаклей на Колоніальной выставкѣ поручено разрѣшить также С. М. Лифарю.

Непрерывно работающій надъ собой, артистъ, ученикъ Б. Нижинской, затѣмъ Чекетти и Легата, продолжаетъ занятія съ Егоровой.

Открытый и призванный на сцену Дягилевымъ, С. М. Лифарь чтетъ память и завѣты угасшаго учителя. Онъ пріобрѣтаетъ и хранитъ рѣдкую библіотеку Дягилева и ведетъ подготовительную работу по созданію музея его имени.

Привѣтствуемъ молодого артиста и вѣримъ въ успѣхъ его начинаній.

Балерина Тамара Туманова

Чудесная дѣвочка.

Милая, скромная, простенькая, она два года тому назадъ свободно, легко, — точно съ какимъ-то невидимымъ могучимъ руководителемъ — прошла на сцену Парижской Оперы въ кругъ ея прославленныхъ знаменитостей, и въ прелестномъ, полномъ граціи, танцѣ очаровала залъ.

Передъ публикой развернулся роскошный балетъ

Въ слѣдующемъ году Тамара Туманова выступала въ Бельгіи, въ присутствіи короля; въ Монтэ-Карло; въ Женевѣ, гдѣ цѣнителями балета были делегаты Лиги Націй. Парадный спектакль ставилъ тамъ самъ г. Руше.

Четыре балета были предложены вниманію публики. Солировали артистки балета Парижской Оперы.

И съ ними наша Тамара Туманова.



(Studio Iris).

Избалованные, скупые на похвалы, поклонники его на этотъ разъ отозвались восторженными аплодисментами. Согласно хоромъ отмѣтила успѣхъ Тамары французская и иностранная печать.

А ей, маленькой волшебницѣ, не было тогда — 4 марта 1929 г. — и десяти лѣтъ.

— За всю исторію Оперы только третья балерина имѣетъ такой исключительный успѣхъ, — отозвался директоръ театра Mr. Roucher

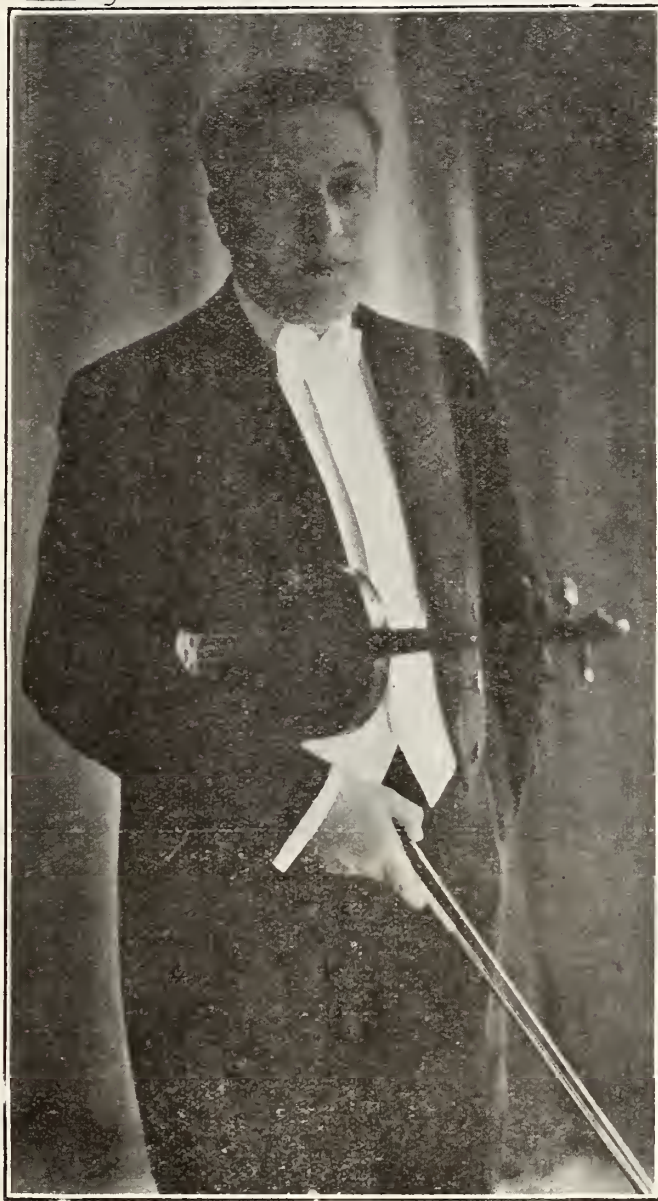
Въ балетѣ «L'Eventail de Jeanne».

Въ Парижѣ Тамара Туманова продолжаетъ выступленія, — къ большой радости почитателей.

Слава о ней идетъ далеко.

Но и теперь неутомимая дѣвочка не оставляетъ занятій въ студии О. О. Преображенской и съ большимъ искусствомъ проходить упражненія чрезвычайной технической трудности.

Николай Задри



Талантливый скрипачъ родился въ Россіи.

Получивъ первоначальное музыкальное образованіе въ Одессѣ у проф. А. П. Тидемана и Хайта и въ Петербургѣ у Леопольда Ауэра, Н. Задри съ 1905 года продолжалъ занятія въ Вѣнѣ въ Музыкальной Академіи у Карла Прилля и Оттокара Шевчика. Его учителями композиціи были Мандичевскій и Греденеръ.

Въ 1909 году Н. Задри окончилъ Вѣнскую Академію съ отличіемъ. Денежная королевская премія и почетный дипломъ виртуоза были ему наградой.

Возвратившись, по просьбѣ родителей, въ Россію, артистъ выступилъ въ Одессѣ съ труднѣйшимъ концертомъ Чайковскаго.

Послѣ перваго успѣшнаго выступленія Н. Задри былъ приглашенъ солистомъ-концертмейстеромъ этого оркестра и вошелъ въ составъ коллегіи профессоровъ Одесской народной консерваторіи.

Въ Одессѣ Н. Задри организовалъ извѣстный струнный квартетъ.

Не порывая связи съ заграницей, артистъ выступалъ въ концертахъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Революція и связанный съ ней разгромъ музыкально-художественной жизни въ Россіи побуждаютъ Н. Задри надолго оставить предѣлы родины.

Въ 1920 году Н. Задри концертируетъ въ Румыніи.

Послѣ выступленія въ Бухарестѣ въ симфоническомъ оркестрѣ подъ управленіемъ Жоржеско, артиста приглашаютъ принять участіе въ придворныхъ концертахъ.

Въ Греціи, въ Афинахъ съ обычнымъ успѣхомъ проходятъ его концерты.

Онъ ѣдетъ въ Австрію и во Францію, включая въ программу, главнымъ образомъ, русскую музыку.

Въ концертахъ онъ выступаетъ подъ руководствомъ такихъ выдающихся дирижеровъ, какъ Глазуновъ, Сафоновъ, Прибикъ, Вейнгартнеръ, Недбалль, Жоржеско, Пьеръ Монте.

Въ настоящее время артистъ даетъ серію концертовъ во Франціи съ выдающимся, какъ всегда, успѣхомъ.

Г. П. Тайга

Авторъ и талантливая исполнительница русских пѣсень

Колыбель ея пѣсень, —
глушь Сибирской тайги и про-
сторъ Уссурийскаго края.

Отъ души, широко, вдох-
новенно пѣвица поетъ о Рос-
си.

Она любить Россію. И Рос-
сія живетъ въ этихъ звонкихъ
волнующихъ пѣсняхъ.

Запѣла, и вы видите поле,
золотое отъ солнца. Жарко.
Косари въ яркихъ рубахахъ...

Ухъ, косятъ, косятъ, косятъ,
А молодушка жнетъ...

(«Золотые снопочки»).

«Казаченьки» васъ перено-
сятъ въ раздольную степь.

Да по степушкѣ родной,
По родимой по златой
Пронеситесь-ка орлами,
Ребятюшки!...

Вы услышите Московскіе
колокола.

Ты звони, звони, позванивай,
Старый колокольный звонъ...

Вы почувствуете, какъ ста-
нетъ вамъ близка

«Русская сторонка»!

Давно въ такомъ художест-
венномъ исполненіи, подъ
звонъ гитары, не слышалъ я
новой русской пѣсни.

Слушаешь эти милые про-
стые мотивы, пѣніе безъ из-
лома, безъ надрыва, яркое,
сильное, и отдыхаешь душой.



А пѣсни смѣняются одна
другой. Тихо звенитъ гитара.
Вы — незримо — на бере-
гахъ далекаго, тихаго озера.

Тихое озеро,
Сонное озеро,
Бѣлому лебедю
Скучно на немъ...

И тоска бѣлаго лебедя про-
никаетъ въ васъ.

Пѣніе о Морской Дѣвѣ пе-
реноситъ въ міръ фантазіи, на
далекое море.

Вѣяніе востока охватываетъ
съ первыхъ строкъ пѣсни:
Ты была цвѣткомъ чудеснымъ
Среди дикихъ цвѣтовъ степ-
ныхъ...

И съ улыбкой вы слушаете
дѣтскій лепетъ — «Молитву
дочечки»:

Господи помилуй
И папу, и маму
И бабушку Валвалу
И сталенькаго ниссяво.
И сабаку, и кошечку,
И делевянную лосадку
Безъ квоста.
Господи помилуй!

Есть особая прелесть, есть
«сила благодатная» въ пѣс-
няхъ Гликеріи Прокофьевны.

Передъ ней широкая, хоро-
шая дорога.

Е. Коноваловъ.

МИШКА

Въ лѣсу падалъ снѣгъ, бушевала метель, а въ глу-
бокой берлогѣ было тепло и уютно. Сонная сопѣла мед-
вѣдица да мѣрно урчали медвѣжата, сося грудь. Если
бы не люди, долежала бы медвѣдица съ двумя своими
маленькими до весны и худая, облѣзлая, вылѣзла бы
на свѣтъ Божій.

Но случилось иначе.

Еще съ перваго снѣга замѣтилъ медвѣжій слѣдъ
сторожѣ казеннаго лѣса и изо дня въ день слѣдилъ за
медвѣдицей. Когда она залегла въ берлогу, онъ нашелъ
и берлогу и продалъ медвѣдя охотникамъ въ городъ.

Приѣхали охотники съ ружьями и лайками.

Въ тихое, мягкое зимнее утро, среди громадныхъ
елей, свѣсивающихъ покрытыя снѣгомъ вѣтви, они
показались вблизи берлоги. Среди величественной ти-
шины лѣса, гдѣ единственнымъ звукомъ, не нарушав-
шимъ ея, а еще болѣе отгнѣнявшимъ, былъ стукъ дят-
ла о кору дерева, они шли осторожно одинъ за дру-
гимъ, и глубоко вязли ихъ лыжи въ мягкомъ снѣгу.

Разбудили собаками медвѣдицу и, когда она, по-
нявъ опасность, бросилась защищать медвѣжатъ, двѣ
разрывныя пули угодили ей въ грудь, и распласталась
она на снѣгу.

А въ берлогу за медвѣжатами, вмѣсто медвѣдицы,
спустились люди и забрали ихъ и увезли съ собой.

На улицѣ города было темно, когда къ подъѣзду
большаго дома подъѣхалъ извозчикъ. Изъ саней вы-
шелъ человѣкъ большаго роста, въ полушубкѣ, теп-

лой шапкѣ и высокихъ бѣлыхъ валенкахъ. Въ одной ру-
кѣ у него было ружье въ чехлѣ, въ другой мѣшокъ.

Онъ позвонилъ у подъѣзда и по улыбкѣ его лица
было видно, съ какимъ радостнымъ нетерпѣніемъ онъ
ждалъ.

И только открыли дверь, какъ крики «Папа при-
ѣхалъ!» раздались по всему дому и четыре маленькихъ
существа запрыгали вокругъ приѣхавшаго.

Раздѣвшись и перецѣловавъ дѣтей, пряча за спи-
ну мѣшокъ, прошелъ онъ въ столовую и тамъ, при-
сѣвъ, положить мѣшокъ на полъ. Маша, Сережа, Соня
и Петрушка лункой присѣли кругомъ.

— Ну, ребятишки, отгадывайте, что въ мѣшкѣ, —
сказалъ отецъ.

— Я думаю котята, — сказалъ Сережа, — потому
что двигаются.

— А я думаю, что тамъ настоящіе живые зай-
цы, — сказала Соня.

— Ну, а ты, Петрушка? Что ты думаешь?

Петрушка всталъ на четверенки и хотѣлъ тронуть
мѣшокъ ручкой, но отдернулъ ее и глубокомысленно
произнесъ:

— А я думаю, тамъ настоящіе котята и зайцы.

— Эхъ вы, — сказалъ отецъ, никто не отгадалъ;
глядите, — и онъ осторожно вытряхнулъ изъ мѣшка
двухъ медвѣжатъ, Мишку и его сестру, на паркетъ
столовой.

Раскарячивъ ноги на скользкомъ паркетѣ, ослѣп-

ленные яркимъ электрическимъ свѣтомъ, они неподвижно лежали.

— Какія душечки! — кричали дѣти и тыкали въ нихъ пальцами. Попробовали имъ дать молока съ блюда, но они не пили.

Старуха няня, кряхтя, тоже опустилась на колѣни, и, погрузивъ палецъ въ молоко, попробовала дать его Мишкѣ. Мишка забралъ палецъ въ ротъ и, смѣшно урча, засосалъ вмѣстѣ съ нимъ молоко изъ блюда. Но все-таки дѣло шло плохо, такъ какъ мало молока попадало въ ротъ, и Мишка сердился и бросалъ палецъ. Тогда няня пошла въ дѣтскую и скоро вернулась съ бутылочкой теплаго молока, съ резиновой соской на концѣ. Она сѣла на стулъ, взяла Мишку къ себѣ на колѣни и, какъ маленькаго ребеночка, съ соски стала поить его. Мишка, какъ будто, только этого и ждалъ; онъ громко заурчалъ и облапилъ бутылочку, отъ удовольствія закрывая глаза.

Мишкину сестру няня тоже кормила черезъ соску, но та была менѣе понятлива и съ трудомъ выпила полъ бутылочки. Тутъ же, вопреки просьбамъ дѣтей, Мишкину сестру рѣшено было отдать знакомымъ и только Мишку оставить въ домѣ. Машенькѣ, которой было тринадцать лѣтъ, какъ старшей, поручалось кормить и воспитывать Мишку.

Машенька горячо принялась за дѣло. У себя въ комнатѣ она поставила ящикъ съ сѣномъ, гдѣ долженъ былъ спать Мишка, и другой низкій для Мишкиной опрятности.

Съ вечера Машенька укладывала Мишку на сѣно, но ночью часа въ два, три, Мишка непременно выдѣлалъ изъ ящика и начиналъ лазить по комнатѣ въ темнотѣ и плакать. Кричалъ онъ почти совсѣмъ такъ же, какъ маленькая Наташа рядомъ въ дѣтской, развѣ чуть побасистѣй. Обыкновенно Машенька въ это время крѣпко спала. Спросонья ей казалось, что это кричитъ Наташа, и Машенька сердилась на нее и на няню, что няня не можетъ ее уговорить, и ей, Мишенькѣ, мѣшаютъ спать. А потомъ просыпалась, и, понявъ въ чемъ дѣло, скорѣе вскакивала съ постели; въ ночной рубашкѣ бѣжала къ столу, гдѣ были Мишкины вещи, зажигала спиртовку, грѣла молоко и наливала его въ бутылочку, потомъ хватала ревущаго ютъ нетерпѣнія Мишку и бѣжала съ нимъ въ постель и тамъ въ постели Мишка лежалъ у груди ея, урчалъ и сосалъ свою бутылочку. А когда Мишка кончалъ ее, то обоимъ такъ крѣпко хотѣлось спать, что часто такъ и засыпали вмѣстѣ въ постели, и Машенька чувствовала мохнатое теплое тѣло рядомъ съ собой, да холодную мокрую въ молоко мордочку, тыкающуюся въ нее.

Маленькаго Мишку первое время никуда не выпускали изъ Машенькиной комнаты, и большую часть времени онъ проводилъ во снѣ и ѣдѣ; въ промежуткахъ игралъ резиновымъ шаромъ, который ему подарили.

Онъ быстро росъ и развивался. Не прошло и мѣсяца, какъ Мишка научился лакать съ блюда; потомъ его начали приучать къ овсянкѣ, хлѣбу, а тамъ онъ сталъ ѣсть почти все, что давали къ столу; только мяса никогда не давали ему.

Кромѣ Мишки, въ домѣ жили двѣ собаки, фокс-терьеръ и англійскій сеттеръ: Спотка и Найма.

Первый былъ, какъ и слѣдуетъ фоксу, драчливый, заносчивый. Не задумываясь, онъ бросался навстрѣчу громадному догу, жившему неподалеку на той же улицѣ, безстрашно рычалъ, ошетинивъ шерсть, и задорно поднималъ обрубокъ хвоста.

Несмотря на изворотливость и ловкость, два раза онъ былъ искусанъ до безчувствія и только съ большимъ трудомъ удалось спасти его отъ смерти.

Найма, наоборотъ, была нѣжнаго нрава и ни съ

кѣмъ никогда не ссорилась, она и сама была какая-то вся мягкая; ее можно было положить на полъ, на диванъ въ любомъ положеніи, завернуть ей уши, завести голову назадъ, перекрутить какъ-нибудь ноги. Она, все равно, изъ желанія сдѣлать пріятное своему мучителю, оставалась въ этомъ неудобномъ для нея положеніи и не двигалась.

Со Споткой они были друзья и съ этими друзьями предстояло познакомиться Мишкѣ.

Какъ-то, когда Мишка былъ юдинъ въ комнатѣ, а дверь была лишь прикрыта, подошла Найма и, толкнувъ ее головой, вошла. Мишка въ это время не спалъ, валяясь въ ящикѣ. Услышавъ шумъ, онъ сѣлъ, выставивъ только голову изъ ящика, и съ удивленіемъ уставился на незнакомаго звѣря.

Увидавъ такое странное существо въ ящикѣ, и Найма, озадаченная, остановилась.

Довѣрчивый медвѣженокъ перевалился изъ ящика и направился къ собакамъ. Остановившись передъ ней, онъ потянулся къ ней, къ ея носу. Она допустила его приблизиться къ самому лицу и вдругъ, испугавшись, поджала хвостъ, ласкнула и отсѣла на задніе ноги.

Мишка подошелъ еще ближе и, вѣроятно, получилъ бы отъ безобидной Наймы первую мѣтку по носу, если бы въ эту минуту не появился Спотка, который, разыскивая Найму для продолженія начатой съ нимъ раньше игры, вбѣжалъ за ней въ Машенькину комнату.

Увидавъ незнакомца, Спотка сбоку зашелъ къ нему и со спины принялся его обнюхивать. Оставивъ Найму, медвѣженокъ быстро повернулся къ нему. Спотка отпрыгнулъ и звонко залаялъ. Тутъ Мишка такъ перепугался, что растянулся на полу и не смѣлъ больше дышать.

Теперь Найма и Спотка въ свою очередь потянулись къ нему. Какъ бы ободряя Мишку, видя что онъ не шевелится, Найма прилегла, помахивая хвостомъ и потомъ игриво присѣла передъ нимъ, приглашая его знакомиться и играть съ ними. То довѣряясь собакамъ, то пугаясь ихъ выходокъ, сближался Мишка съ новыми друзьями и, когда черезъ полъ часа Машенька вернулась къ себѣ въ комнату, она застала такую картину: Мишка навалился на Найму, лежавшую на полу и тискалъ ее, а Спотка въ свою очередь тащилъ его за шиворотъ. Кругомъ былъ большой беспорядокъ. Книги и тетради упали со стола, стулъ лежалъ на боку и коврикъ у кровати былъ сбитъ въ кучу.

Въ началѣ мая состоялся переѣздъ въ деревню. Небольшой трехчасовой перегонъ въ поѣздѣ Мишка совершилъ какъ настоящій пассажиръ, сидя на скамейкѣ вагона третьяго класса, въ сопровожденіи буфетнаго мужика Михайлы. Мишкино появленіе въ вагонъ вызвало общее удовольствіе. Мастерские, бабы, крестьяне, ѣхавшіе въ вагонъ, да и самъ проводникъ, всѣ наперывъ угощали Мишку, кто лепешками, кто сахаромъ, а кто и конфеткой. Всю дорогу хохотъ и прибаутки въ вагонѣ, гдѣ сидѣлъ Мишка, не затихали. Со всѣми пассажирами Мишка передружился и чувствовалъ себя среди всей этой вагонной сутолоки прекрасно; только паровозные гудки, да встрѣчные поѣзда портили ему настроеніе; каждый разъ, когда рѣзкій свистъ и шумъ врывались въ поѣздъ, Мишка вздрагивалъ и готовъ былъ засѣсть подъ скамейку; но шумъ стихалъ, и Мишка опять подходилъ въ благодушное настроеніе. Когда поѣздъ подошелъ къ станціи, гдѣ надо было выходить, Мишка не хотѣлъ выдѣлаться. Его вытащили на платформу, и весь поѣздъ провожалъ медвѣженка замѣчаніями и шутками.

Въ первый же день по прїѣздѣ дѣти съ Мишкой и собаками отправились въ садъ показывать ему всѣ прелести Каширина.

Быль жаркій день; утромъ прошелъ дождь, но сейчасъ парило. Крѣпкій запахъ шелъ отъ цвѣтущей черемухи, земли и жирныхъ лопуховъ съ крапивой; хотѣлось къ водѣ; спустились къ пруду. Собаки съ размаха бросились въ воду и съ азартомъ поплыли за палками, которыя дѣти швыряли имъ въ воду. Озадаченный Мишка остановился и съ интересомъ слѣдилъ за дѣйствіями своихъ друзей, а потомъ и самъ погрузился въ воду и поплылъ вслѣдъ за собаками. Но, должно быть, вода ему показалась холодной; онъ скоро вернулся, обдалъ дѣтей цѣлой тучей брызгъ и, мокрый, бросился къ маленькой Сонѣ; поднялся на заднія лапы, облапилъ ее и вмѣстѣ съ ней, къ общей радости дѣтей, повалился на траву.

Съ мокрой, облѣпившей ихъ шерстью, съ палками во рту, собаки вышли на берегъ. Мишка вдругъ фыркнулъ, бросился къ близъ стоявшей березѣ и быстро толчками полѣзъ на нее, все время фыркая и не то изображая испугъ, не то на самомъ дѣлѣ испугавшись страннаго вида собакъ.

Отъ дома бѣжала няня, занявшаяся, было, раскладкой и только сейчасъ замѣтившая исчезновеніе дѣтей. Въ ужасѣ всплеснула она руками, увидавъ Сонечкино платье; да и руки и лицо ея были въ грязи.

— Ахъ вы, безпардонные! — кричала няня, — погибели на васъ нѣту, прїѣхать не успѣли, а ужъ къ пруду ударились. Вотъ погоди жъ ты, большая, а хуже маленькихъ, — обратилась она къ Машенькѣ, — вотъ, погоди, папашѣ скажу, онъ велитъ твоего Мишку назадъ въ городъ отправить.

Ворча, она фартукомъ быстро обтерла рожицу и руки Сони и, взявъ ее за руку, двинулась къ дому. Въ это время Мишка, которому, должно быть, не понравились нянькины упреки, а, главное, приведенный въ совершенно дикій восторгъ отъ первыхъ часовъ пребыванія въ деревнѣ, и больше всего отъ купанья, какъ шаръ, подкатился къ нянѣ, сзади и неожиданно крѣпко обнялъ ея ноги. Няня не удержалась и со всего своего высокаго роста упала на не совсѣмъ еще просохшую у тѣнистаго берега дорожку.

— Ахъ, пострѣлъ тебя возьми, стрекулистъ ты окаянный, животная ты проклятая! Привезутъ же господи, прости Господи, всякую гадину, — ругалась она, съ трудомъ поднимаясь и обтираясь отъ грязи; и все такъ же ворча, повела Сонечку къ дому.

А Мишка, прыгая козломъ, скакалъ въ гору, бросался на собакъ съ размаха и былъ, того гляди, опять готовъ соорудить какую-нибудь штуку.

Это нападеніе Мишки на няню имѣло важныя послѣдствія: было рѣшено переселить Мишку изъ Машенькиной комнаты въ подвальный этажъ; слишкомъ онъ становился великъ и буенъ. Было также рѣшено, что изъ подвальной комнаты онъ будетъ выпускаться только съ разрѣшенія старшихъ. И теперь, не откладывая, для успокоенія взволнованной няни буфетному мужику Михаилу было приказано отвести Мишку въ его новое помѣщеніе.

Михайла еще въ городѣ игралъ не послѣднюю роль въ жизни Мишки. Когда Мишкѣ кромѣ молока стали давать овсянку, а потомъ болѣе или менѣе все, что оставалось отъ стола, то и кормить его стали не въ Машенькиной комнатѣ, а въ буфетѣ съ собаками; и, если онъ съ ними ссорился и они залѣзали другъ другу въ чашки, то Михайла усмирялъ Мишку и заставлялъ его мириться съ друзьями. Чтобы усмирить, Михайла ловко хваталъ Мишку за шиворотъ и держалъ такъ до тѣхъ поръ, пока злая грозная фигурка не превраща-

лась въ покорную, и воинственный крикъ не обращался въ жалобу и просьбу отпустить. Иногда, въ зависимости отъ провинности, держа Мишку одной рукой за шиворотъ, Михайла училъ его ремнемъ, и медвѣженокъ, хотя и любилъ Михайлу, боялся его и не было случая, чтобы онъ бросался на своего учителя.

Такъ и теперь, расшалившагося Мишку Михайла взялъ за шиворотъ и потащилъ въ подвалъ. Мишка, предчувствуя непріятности, сопротивлялся, лапой стараясь достать руку Михайлы, но все-таки шелъ, плача на весь садъ.

Засаженный въ новое помѣщеніе, Мишка попробовалъ крѣпость рѣшетки въ окошкѣ, поломился въ дверь и, убѣдившись, что рѣшетка крѣпка, а дверь заперта на замокъ, завалился спать.

Въ этотъ первый день прїѣзда поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ поваръ, изъ-за какого-то крушенія на желѣзной дорогѣ опоздалъ и изъ-за этого опоздалъ и обѣдъ.

Про Мишку за это время до обѣда никто не вспомнилъ; каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ, не исключая и дѣтей; въ шкафу въ дѣтской они нашли интересную игру, въ которую не играли съ осени.

А Мишкѣ захотѣлось ѣсть; онъ не на шутку разсердился, что его посадили въ подвалъ и забыли, какъ будто, навсегда. Стоя на одной правой задней ногѣ, онъ передней захватилъ скобу двери, обѣими лѣвыми уперся въ стѣну и съ силой сталъ рвать на себя дверь. Замокъ не выдержалъ, сорвался, и Мишка съ ревомъ понесся смѣшнымъ галопомъ въ домъ.

Казалось бы, Мишка не долженъ былъ жаловаться на свое заключеніе; онъ попадалъ въ подвалъ только на ночь, въ дождь, да въ наказаніе за какую-нибудь провинность; все остальное время проходило въ саду въ играхъ, да прогулкахъ съ дѣтьми и собаками; но Мишка разсуждалъ иначе и каждый разъ, когда его запирали, онъ долго плакалъ и ругался и сотрясалъ дверь. Происходило это оттого, что Мишка, помимо желанія продолжать играть и бѣгать въ веселой компаніи, боялся оставаться одинъ: онъ, какъ маленькіе дѣти, боялся одиночества и темноты, и мрачный подвалъ безмолвіемъ и темнотой наводилъ на него тоску.

Мишка и въ лѣсу во время прогулокъ ужасно боялся заблудиться и остаться одинъ. Дѣти иногда нарочно, чтобы посмотреть, что онъ будетъ дѣлать, всѣ сразу прятались отъ него, кто за дерево, а кто въ высокую траву.

Мишка, оставшись, растерянно осматривался, отъ малѣйшаго шума бросался въ сторону, испуганно фырчалъ; а когда дѣти появлялись, онъ радостно бросался къ нимъ и не хотѣлъ больше отдаляться ни на шагъ.

Прогулки предпринимались иногда довольно далекія, за нѣсколько верстъ. Ходили въ лѣсъ за ягодами, за грибами; въ поле — собирать васильки.

Какъ то разъ, во время такой прогулки, случилось происшествіе, чуть не окончившееся трагически.

Верстахъ въ четырехъ отъ дома былъ хуторъ, гдѣ находились овцы, пригнанныя съ Кавказа, и при нихъ персидскія овчарки. О злобѣ и силѣ этихъ собакъ ходили легенды, и управляющій имѣніемъ предупреждалъ, чтобы съ дѣтьми, особенно въ сопровожденіи Спота и Наймы, близко къ овцамъ не ходили.

Случилось такъ, что поле, гдѣ паслись овцы, были ими выбито и всю отару овецъ съ кибиткой чабановъ-пастуховъ съ овчарками перевели на новый участокъ, на нетронутое пастбище. Въ домѣ этого не знали, и вся компанія съ дѣтьми, собаками и Мишкой, отправившись гулять, наскочила на нихъ.

Было около двѣнадцати часовъ дня, когда Каши-

ринскіе жители подходили къ Колбовскому овражку. Погода стояла сухая, дорога, шедшая между колосившейся рожью и молодымъ овсомъ, была мягко устлана пылью, и дѣти, шаркая ногами, изображая тройку, поднимали цѣлыя облака; далеко по овсамъ бѣгала Найма, ища перепеловъ; медвѣжонокъ, подавленный жарой, вываливъ языкъ, шелъ сзади.

Вдругъ изъ оврага, гдѣ на новомъ мѣстѣ стояли овцы, показались свирѣпыя псы. Они замѣтили Найму и разомъ семью сѣрыми и бурными комками покатались къ ней. Она не сразу замѣтила ихъ, а когда замѣтила и побѣжала спасаться къ своимъ, было поздно, овчарки быстро приближались къ Наймѣ и навѣрное разорвали бы ее, если бы не Спотка.

Ныряя бѣлымъ пятномъ по овсамъ, онъ безстрашно летѣлъ на вѣрную смерть, на выручку друга.

Стремительно столкнулся Спотка съ передней собакой, большимъ волкообразнымъ кобелемъ. Озадаченный безумной храбростью, остановился кобель, установились и окружили Спотку и другія собаки, а Спотка, поднявъ свой хвостикъ коломъ, побѣдоносно переступалъ съ ноги на ногу и грозно рычалъ.

Мишка видѣлъ, какъ за Наймой бросились собаки, видѣлъ, какъ Спотка понесся на выручку друга и, предполагая, что это новая интересная игра, галопчикомъ послѣдовалъ за Споткой. Онъ не обратилъ вниманія на Найму, проскочившую къ дѣтямъ, и, не замѣченный собаками, приблизился къ нимъ. Задомъ къ нему стоялъ тотъ самый кобель, что догонялъ Найму, Мишка приподнялся, съ рываньемъ легъ къ нему на спину и лапами крѣпко обхватилъ его животъ.

Мурза, — такъ звали собаку, — который по всему Кавказу славился злобой и не мало волковъ подушилъ одинъ на одинъ, этотъ самый Мурза, когда увидалъ на своей спинѣ невѣдомаго звѣря, неизвѣстно откуда взяшагося, въ паническомъ ужасѣ, съ воемъ бросился въ сторону. Мишка не ожидалъ такого отъѣта на шутку, потерялъ равновѣсіе, полетѣлъ на землю, перекувыркнулся и сѣлъ. При паденіи онъ испугался, ушибся и оттого обидѣлся и разсердился, и теперь, когда двѣ другія овчарки сунулись, было, къ нему, онъ со всего размаха съ правой и лѣвой руки затятилъ имъ такія пощечины, что онѣ съ визгомъ обратились назадъ.

Подоспѣли съ крикомъ бѣжавшіе чабаны, отогнали собакъ, и наша компанія благополучно вернулась домой.

Время шло, и чѣмъ старше и сильнѣе становился Мишка, тѣмъ дѣлался онъ добродушнѣе. Только во время кормежки надо было быть съ нимъ осторожнѣе; онъ не любилъ, если вдругъ отнимали его отъ ѣды, особенно отъ сладкаго. Онъ до самоабвенія любилъ варенье, медъ, фрукты.

Какъ-то разъ съ собаками пришелъ онъ въ столовую, гдѣ къ чаю былъ накрытъ столъ. Въ комнатѣ никого не было. Онъ поднялся на заднія лапы и увидалъ на столѣ много вкуснаго. Съ лѣнливымъ медвѣжьимъ проворствомъ залѣзъ онъ на стулъ, оттуда на столъ, покрытый чистой скатертью; длиннымъ языкомъ попробовалъ варенье въ вазочкѣ, но спохватился, что еще много другихъ вкусныхъ вещей на столѣ, что могуть придти и помѣшать, и заторопился.

Мишка сѣлъ на столъ, взявъ въ лапы выщочку и опрокинулъ ее въ ротъ. Варенье потекло ему въ пасть сладкой струей. Мишка жмурился отъ удовольствія и прищелкивалъ языкомъ. Морда, лапы, грудь все было въ вареньѣ. Покончивъ съ нимъ и по дорогѣ уронивъ молочникъ, онъ перешелъ къ клубникѣ и занялся ею.

Бѣдный буфетчикъ, почтенный старикъ Лаврен-

тичь, войдя въ столовую съ миской простокваши въ рукахъ, чуть не выронилъ миски отъ ужаса.

Онъ бросился гнать разбойника со стола, но Мишка на всю ругань и причитанія Лаврентьича только косился на него, поднималъ сердито губу, ворчалъ да проворно поѣдалъ остатки. Понадобилось вмѣшательство Михайлы, чтобы прекратить Мишкины безобразія, а ремень и подвалъ были законными послѣдствіями его обжорства.

Но Мишка былъ не только обжора, у него были и поэтическія наклонности: онъ былъ большой любитель розъ. Онѣ привлекали его своимъ цвѣтомъ, формой и запахомъ. Такъ какъ собирать букеты и ставить ихъ въ вазы Мишка не умѣлъ, онъ по своему, по медвѣжьему проявлялъ къ цвѣтамъ свою любовь: онъ подходилъ къ розовому кусту и начиналъ по лепестку губами обрывать розу, а, когда лепестки становились мелки, онъ и всю розу забиралъ въ ротъ и переходилъ къ слѣдующей.

Естественно, что садовниковъ не очень устраивали такія увлеченія Мишки; особенно злился старшій садовникъ, латышъ, ядовитый старикашка съ острымъ носикомъ и торчащей бородкой.

Однажды, онъ, увидѣвъ, что Мишка подбирается къ чудному розовому кусту, который былъ предметомъ особенныхъ заботъ, рѣшилъ проучить медвѣженка и, вырвавъ на ходу изъ земли колышекъ-подпорку съ острымъ концомъ, бросился на Мишку. Мишка въ это время только входилъ во вкусъ и уходилъ совсѣмъ не собирався. Садовникъ ударилъ Мишку, Мишка заревѣлъ: онъ ткнулъ медвѣженка ногой, и Мишка совсѣмъ разошлся; повернулся бокомъ къ садовнику, приподнялъ одну лапу, угрожающе подобралъ губу, какъ-то сразу сдѣлался приземистымъ и широкимъ и разомъ кинулся на него. Защищаясь, садовникъ ткнулъ медвѣдя палкой въ морду и попалъ въ правый глазъ. Заревѣлъ Мишка отъ боли, ударилъ по палкѣ, обратилъ въ бѣгство садовника, но и самъ, плача, побѣжалъ къ дому жаловаться, то и дѣло на ходу лапой утирая глазъ.

Дѣтскими ручками, но заботливо и хорошо, промыла и перевязала Машенька ему глазъ. Во время перевязки Мишка довѣрчиво подставлялъ ей голову и все продолжалъ тихо плакать и жаловаться на злого садовника, а потомъ, сося ея палецъ и положивъ голову къ ней на колѣни, Мишка заснулъ, изрѣдка во снѣ вздрагивая отъ пережитыхъ потрясеній.

Уже на первой перевязкѣ Машенькѣ показалось, что глазъ серьезно поврежденъ и впослѣдствіи, къ сожалѣнію, это подтвердилось, Мишка искривѣлъ. Характера его это не измѣнило, но голову онъ сталъ носить немного въ бокъ.

Со времени лѣченія глаза, укрѣпилась еще больше любовь Машеньки и Мишки: куда бы ни шла Машенька, Мишка — за ней.

Въ одно изъ воскресеній, какъ и всегда, Машенька вмѣстѣ съ другими пошла къ обѣднѣ. Церковь была недалеко отъ дома, тутъ же въ саду. Встали впереди, передъ лѣвымъ клиросомъ. Церковь была полна, и только узкій проходъ отъ открытыхъ настежь входныхъ дверей оставался свободнымъ, отдѣляя мужиковъ отъ бабъ. Какъ всегда, благоговѣнно служилъ отецъ Василій, гнусавили дьячки и громко, деревенскими голосами, пѣлъ хоръ Каширинскихъ дѣвочекъ.

Уже служба подходила къ концу: отецъ Василій, благословляя молящихся, поднялъ руку. И вдругъ рука его замерла въ воздухѣ, и лицо изобразило полное недоумѣніе. Всѣ оглянулись на двери, куда смотрѣлъ священникъ. Спокойно, какъ къ себѣ домой, шелъ по церкви Мишка. Онъ соскучился по Машенькѣ, сталъ

искать ее и по ея слѣдамъ пришелъ въ церковь; за толпой, не находя ея, онъ поднялся на заднія лапы и искалъ, потомъ опять опустился на передъ и пошелъ по проходу и здѣсь, около священника, вдругъ съ радостью увидаль знакомыя лица.

Машенька заторопилась къ нему. Священникъ, причтъ, всѣ были такъ поражены этимъ появленіемъ, что не оказали Мишкѣ никакого противодѣйствія и стояли съ видомъ окаменѣлаго недоумѣнія на лицахъ.

— На пальчикъ! На пальчикъ! — говорила Машенька, давая Мишкѣ большой палецъ, и Мишка на заднихъ лапахъ, нѣжно обнявъ Машеньку за талию, забравъ ея палецъ въ ротъ и урча пѣсно, пошелъ съ нею къ выходу къ общему удовольствію молящихся.

Наступила осень. Надо было думать о возвращеніи въ городъ; одновременно надо было рѣшить, что дѣлать съ Мишкой. Онъ становился совсѣмъ большимъ; на заднихъ лапахъ онъ былъ теперь одного роста съ Машенькой, широкій, сытый, мохнатый, съ густой мягкой шерстью. Если бъ онъ разозлился, онъ могъ бы стать опаснымъ, особенно для дѣтей, и надзоръ за нимъ долженъ былъ быть постояннымъ. Взять его съ собой въ городъ было немисливо, тѣмъ болѣе, что предполагалось въ этомъ году на первую половину зимы везти дѣтей на югъ и въ городъ должны были задержаться на самое короткое время; оставить Мишку въ деревнѣ было нельзя изъ-за невозможности обезпечить ему постоянный, полный вниманія и любви, надзоръ.

Оставался единственный выходъ — отдать Мишку въ Зоологическій садъ. И это рѣшеніе, несмотря на слезы Машеньки и другихъ дѣтей, было окончательно принято послѣ того, какъ Мишка попалъ въ деревню и тамъ напроказилъ.

Какъ выяснилось позднѣе, онъ увязался за какими-то мальчишками изъ деревни и тамъ, на площадкѣ противъ винной лавки, далъ цѣлое представленіе. Вышедшій изъ винной лавки мужикъ, завидя Мишку, возившагося съ ребятами, пришелъ въ пьяный восторгъ и полѣзъ цѣловаться. Ему же пришла въ голову мысль угостить Мишку водкой, и подпившій Мишка боролся съ мужикомъ, дурачился и потѣшалъ всю деревню. Неожиданно, расшалившись, Мишка бросился на одного трехлѣтняго пузатаго мальчишку, повалилъ его и сталъ съ нимъ кататься въ пыли. Мать мальчика испугалась и больно ударила медвѣженку; Мишка озлился, да и водка помогла: онъ бросился на бабу и порвалъ ей платье; его оттолкнули, онъ кинулся на кого-то еще; въ него полетѣли палки, камни. Собаки набросились на него. Мишка сильно перепугался. Забрался на крышу избы и прижался къ трубѣ.

Отецъ Машеньки, Николай Петровичъ Боборыкинъ, былъ въ конторѣ имѣнія, когда запыхавшійся мальчикъ изъ деревни, прибѣжалъ въ контору съ извѣстіемъ, что Мишка въ деревнѣ скандалитъ. Отецъ Машеньки поторопился къ мѣсту происшествія.

По лѣстницѣ, приставленной къ избѣ, онъ поднялся къ крышѣ, но сколько ни звалъ Мишку, сколько ни предлагалъ пальца, напуганный толпой Мишка крѣпко прижимался къ трубѣ и не рѣшался спуститься. Стоя на лѣстницѣ, съ трудомъ дотянулся отецъ Машеньки до Мишкиной ноги и потянулъ медвѣженку къ себѣ. Мишка цѣплялся лапами за трубу и не хотѣлъ разставаться съ ней, а, когда почувствовалъ, что все-таки скользнуть по соломѣ внизъ, онъ обернулся и въ первый разъ въ жизни больно укусилъ за палецъ Николая Петровича. Отецъ Машеньки успѣлъ перехватить Миш-

ку за шиворотъ и съ помощью мужика, хозяина избы, спустил Мишку на землю. Этотъ случай окончательно рѣшилъ судьбу Мишки.

Позднимъ октябрьскимъ днемъ, по мерзлой землѣ въ ящикѣ на телѣгѣ повезли Мишку въ городъ. Его не везли по желѣзной дорогѣ, потому что отправка такого большого хищнаго звѣря, какъ онъ, по правиламъ дороги, была сложна и дорога. Михайла сопровождалъ Мишку. Бхать надо было больше ста верстъ. Всю дорогу Мишка ревѣлъ, пугая лошадей на постоялыхъ дворахъ и удивляя людей; всю дорогу Михайлѣ приходилось отгонять назойливыхъ любопытныхъ, лънувшихъ къ ящику.

На второй день къ вечеру телѣгу затрясло по мостовой и сидящихъ на ней охватилъ шумъ большого города.

Испуганный Мишка молча смотрѣлъ въ щели ящика. Подѣхали къ воротамъ Зоологическаго сада. Послѣ нѣкотораго ожиданія у воротъ и потомъ, передъ будущей Мишкиной клѣткой, нѣсколько сторожей подняли ящикъ съ телѣги и перенесли его въ небольшое каменное помѣщеніе. Желѣзной рѣшеткой это помѣщеніе было отдѣлено отъ другого, большого, и въ этомъ большомъ были другіе медвѣжата. Ящикъ открыли, Мишка вышелъ. Михайла въ послѣдній разъ приласкалъ Мишку, дверь захлопнулась, Мишка остался одинъ.

Еще не понимая, что произошла коренная перемѣна его жизни, Мишка, разстроенный и усталый отъ двухдневнаго переѣзда въ ящикѣ, улегся на солому и проспалъ до утра.

Дикій крикъ разбудилъ Мишку; это кричалъ моржъ изъ бассейна, находившагося противъ медвѣжьихъ клѣтокъ.

Чуть брезжило.

Въ настоящемъ плѣнники, а въ прошломъ свободные жители морей, рѣкъ, африканскихъ лѣсовъ и пустыни, звѣри просыпались.

Раньше на свободѣ, они встрѣчали предвѣстниковъ солнца — первые лучи — трубными гласами льва и слона, разбойнымъ посвистомъ ястреба, клекотомъ орла, ревомъ оленя и пронзительнымъ крикомъ обезьяны.

И сюда въ неволю они принесли свою привычку, но здѣсь въ этихъ голосахъ слышалась другая пѣсня, другой смыслъ.

Здѣсь не неслась простая хвала солнцу, не слышно было той радости свободы и готовности борьбы, что трепетали въ груди звѣря; здѣсь слышна была тоска по безвозвратно ушедшимъ въ прошлое: желтой пустынѣ, залитой солнцемъ, гдѣ съ утеса на сотни верстъ открытъ былъ горизонтъ и, какъ точки, вдали паслись антилопы и жирафы, здѣсь слышенъ былъ плачъ по непроходимому лѣсу, убранному осеннимъ нарядомъ, гдѣ пахнетъ листомъ, гдѣ такъ тихо, что трескъ вѣтки сломанной бѣлкой, заставляетъ вздрогнуть; здѣсь слышенъ былъ отзвукъ безбрежнаго моря, гдѣ не видно грани между водой и небомъ, гдѣ свѣжій вѣтеръ, сливаясь съ крикомъ чайки, бьетъ волну о скалы и въ тучу соленыхъ брызгъ разбиваетъ ее.

Когда на крикъ моржа отвѣтили птицы, заревѣлъ верблюдъ, зарыкалъ левъ и затрубилъ слонъ, Мишка перепугался до безчувствія.

Онъ все еще ждалъ, что къ нему придутъ свои и возьмутъ его отсюда, и, когда, вмѣсто Михайлы, къ нему вошелъ незнакомый сторожъ и вмѣсто того, чтобы выпустить Мишку погулять, за попытку его про-

лѣзть въ двери, ударилъ палкой, — Мишка загрузилъ и заплакалъ.

Въ это первое утро Мишкѣ не давали покоя; приходилъ директоръ, приходилъ ветеринарный врачъ осматривать его. Визитъ послѣдняго былъ особенно неприятенъ Мишкѣ. Два сторожа ремнями крѣпко скрутили Мишку, пока ветеринаръ, отъ котораго противно пахло йодоформомъ, своими твердыми пальцами лезъ въ ротъ и шупалъ Мишку со всѣхъ сторонъ. Принесли кормъ. Мишка до него не дотронулся. И то сказать, дали овсянку, запареную не молокомъ, какъ привыкъ Мишка, а водой съ кусками лежалой конины внутри.

Перевели Мишку къ другимъ медвѣжатамъ. Ихъ было пять и изъ нихъ двое по второму году, пѣстуны. Эти два ростомъ были не больше Мишки, выросшаго на молоко и на волъ, но, какъ новичка, они приняли Мишку враждебно и бѣдный Мишка, чтобы избѣжать ихъ толчковъ, ругательствъ и крѣпкихъ когтей, забился въ задній уголъ клѣтки къ стѣнѣ и неподвижно сидѣлъ, грустно и испуганно слѣдя за движеніями остальныхъ приплясывавшихъ у рѣшетки звѣрей.

Стали появляться посѣтителѣ сада; они особенно долго останавливались передъ клѣткой съ медвѣжатами, заставляя ихъ плясать и ловить хлѣбъ. Бросали хлѣбъ и Мишкѣ въ его дальній уголъ, но Мишка не успѣвалъ и лапу протянуть, какъ налеталъ одинъ изъ пѣстуновъ и съ руганью отбиралъ хлѣбъ.

Наступилъ обѣденный перерывъ, время, когда публики въ саду почти не бывало. Вдругъ знакомый голосъ громко позвалъ его. У клѣтки стояла Машенька съ отномъ, пришедшіе навѣстить Мишку.

Забывши все на свѣтѣ, бросился Мишка къ рѣшеткѣ, и, протягивая лапы и лиловый языкъ между прутьевъ, стремился къ своимъ. Одинъ изъ пѣстуновъ попробовалъ, было, ѥхать отѣснить Мишку, но на этотъ разъ Мишка такъ грозно заревѣлъ, такъ больно ударилъ лапой, что всѣ медвѣжата прониклись уваженіемъ и больше не совались къ нему.

Подожелъ директоръ поблагодарить Боборыкиныхъ за поднесенный саду подарокъ. Машенька попросила разрѣшенія войти въ клѣтку и, по распоряженію директора, Мишку опять отдѣлили отъ остальныхъ, и Машенька вошла къ нему. Обрадовался Мишка, толкалъ ее головой, брался за палецъ и забиралъ его въ ротъ, накидывался на лакомство и вновь прижимался къ Машенькѣ, какъ бы боясь, чтобы его опять не оставили одного.

Не хотѣлось Машенькѣ разставаться съ Мишкой; она опять стала просить директора разрѣшить вывести Мишку прогуляться въ садъ и директоръ не смогъ противостоять: настойчивымъ просьбамъ и уступилъ.

Очувившись на свободѣ, Мишка, увѣренный, что всѣ его мытарства кончились, совсѣмъ развеселился.

Вдругъ невдалекѣ показался слонъ, котораго вели на площадку для катанія дѣтей, и Мишка впалъ въ такую панику, что мигомъ оказался на макушкѣ дерева. Звали Мишку назадъ, онъ сидѣлъ и не двигался, манили хлѣбомъ, лакомствами, Мишка не поддавался.

Директоръ безпокоился и расканивалъ, что разрѣшилъ прогулку. Начинало смеркаться. Онъ хотѣлъ уже приказать сторожамъ принести лѣстницу и лѣзть наверхъ за медвѣдемъ, когда Машенька рѣшила попробовать послѣднее средство. Она попросила всѣхъ уйти и оставить ее одну подъ деревомъ. Когда всѣ ушли и стало тихо въ погружавшемся въ сумерки саду, она позвала Мишку, протягивая ему палецъ:

— На, Миша, на пальчикъ! И онъ прворно и быстро слѣзъ съ дерева, урча засосалъ палецъ и не выпуская его изо рта, пошелъ вслѣдъ за Машенькой въ

клѣтку. Онъ не понималъ, бѣдный Мишка, что это могла быть его послѣдняя прогулка съ Машенькой.

Надо было разставаться. Въ послѣдній разъ поласкала его Машенька, въ послѣдній разъ почесала его за ухомъ и дала ему большую грушу, что сберегла на послѣдокъ.

Мишка на минутку увлекся грушей, и Машенька выскользнула изъ клѣтки.

Зайдя съ другой стороны, со стороны публики, Машенька утѣшала Мишку, совала ему руку и гладила его. Мишка былъ безутѣшенъ. Настоящее отчаяніе, боль разлуки, страхъ одиночества слышались въ его плачѣ.

Становилось совсѣмъ темно. Отецъ Машеньки уговаривалъ ее уходить и она, утирая слезы платкомъ, пошла къ выходу, часто останавливаясь и оглядываясь назадъ, откуда неся раздражающій душу плачъ Мишки, покинутого друзьями.

На слѣдующій день утромъ Боборыкины покидали городъ, чтобы ѣхать дальше на югъ, и только весной, проѣздомъ въ имѣніе, вернулись и сразу же отправились въ Зоологическій садъ.

Въ клѣткѣ съ медвѣжатами Мишки не было.

Пошли въ контору къ директору.

— Проданъ въ Берлинъ, — заявили тамъ.

Правду или нѣтъ говорили въ конторѣ, узнать было трудно. Ходили слухи, что большихъ медвѣжатъ съ хорошимъ мѣхомъ убиваютъ и шкуры продаютъ, такъ какъ медвѣдей было слишкомъ много въ саду, но, конечно, было вполне возможно, что Мишку, какъ прекраснаго, крупнаго, молодого медвѣдя, купилъ Берлинскій Зоологическій садъ.

Грустные возвращались въ этотъ день Боборыкины домой.

Прошло не мало лѣтъ.

Въ странѣ произошла революція; черныя тучи ея еще не ушли съ горизонта и теперь еще тяжело рокотала она.

Какъ послѣ ужаснаго урагана съ градомъ и вѣтромъ, когда хлѣбъ весь побитъ и прижатъ къ землѣ, стекла въ домахъ выбиты и крыши сорваны; когда старыя сосны, какъ соломинки, повалены на землю, и прежній стройный лѣсъ похожъ на поле, покрытое трупами; когда мутные потоки несутся по канавамъ, увлекая за собой и цѣнное и дрянное, — такъ и страна, при затихавшихъ ужасахъ революціи, была разодрана, взбаламучена и страшна. Построенные вѣками, устои рушились, страшный гулъ и трескъ неся отъ этого, со дна муть и грязь поднимались наверхъ и застилали собой все.

Ураганъ захватилъ въ свой вихрь и Каширино и разтрепалъ, разорилъ его. Многіе жители не возвращались; нѣкоторые изъ нихъ погибли во время смерча; другіе, разбросанные по чужимъ странамъ, старались приспособиться къ новой жизни.

Въ одномъ изъ большихъ городовъ, — за границей, въ зоологическомъ саду къ клѣткѣ съ большимъ бурымъ медвѣдемъ подошла молодая дѣвушка и долго смотрѣла на звѣря. Это была одна изъ помощницъ садовника въ его работахъ по саду, который въ весеннее время приводился въ порядокъ. Повидимому, медвѣдь нравился ей.

И жалко было, что одного, праваго глаза у него не было.

Вдругъ дѣвушка заволновалась, ей пришла странная мысль въ голову; громкимъ голосомъ она позвала медвѣдя:

— Мишка, Мишка! На пальчикъ, Мишка!

Медвѣдь бросилъ корку хлѣба, насторожилъ уши и внимательно, чуть скосивъ на сторону большую голову, смотрѣлъ на дѣвушку. Смутныя ощущенія чего-то очень пріятнаго, связанныя съ этимъ зовомъ, нахлынули на него. Дѣвушка перескочила барьеръ, отдѣлявшій публику отъ клѣтки и, прежде, чѣмъ сторожъ успѣлъ помѣшадь ей, подошла къ рѣшеткѣ и къ ужасу публики, смотрѣвшей на звѣря, засунула всю свою руку въ клѣтку къ медвѣдю. Повторяя ласковыя слова, она принялась гладить его голову, шлепать по полуоткрытой лиловой пасти и, наконецъ, протянула ему палецъ.

Вспомнилъ ли медвѣдь прошлое или просто эта дѣвушка поразила его своей смѣлостью и увѣренностью, но Мишка, — это былъ онъ, — охотно подставилъ ей голову, ласково рыча, ловилъ ея руку, а когда пальчикъ попалъ ему въ пасть, нѣжно заурчалъ, засосавъ его, какъ когда-то въ давно прошедшія времена, и единственный глазъ его шурился отъ удовольствія. Но пришедшій въ себя сторожъ потребовалъ, чтобы дѣвушка отошла отъ клѣтки и посовѣтовалъ ей вернуться къ работѣ, пригрозивъ пожаловаться въ бюро.

Дѣвушка, наша прежняя Машенька, послѣ многихъ приключеній попавшая временно въ садъ въ качествѣ помощницы садовника, была сильно взволнована этой встрѣчей со старымъ другомъ. Весь вечеръ она не могла забыть Мишку, и когда легла спать въ свою постель въ дешевой гостинницѣ, ей приснился сонъ.

Ей снился огромный циркъ; полный народа, онъ гудитъ. Внизу на ярко-освѣщенной аренѣ, воздвигнута высокая рѣшетка, разставлены тумбы, лѣстницы, кольца. Раздается рѣзкій ударъ бича, другой, третій, и одинъ за другимъ выходятъ хищныя звѣри и наполняютъ арену.

Мѣрными шагами, поджимаясь при ударахъ бича, идутъ тигры и львы; прыгаютъ, хлопая плавниками, моржи; торолясь, помогая руками, бѣгутъ на свои мѣста обезьяны, ползутъ крокодилы и, замыкая шествіе, огромный, черный, идетъ Мишка на заднихъ лапахъ, опираясь на дубину.

Звѣри на мѣстахъ, все смолкло и вдругъ шумъ бурныхъ рукоплесканій наполняетъ циркъ. Въ блестящемъ серебромъ одеждѣ, прекрасная, сіяющая появляется она — Машенька Боборыкина.

Начинается представленіе; звѣри прыгаютъ, строятся въ высокую пирамиду, качаются на качеляхъ. Мишка, въ роли помощника укротительницы, съ дубиной крѣпко покрываетъ и хитро мигаетъ публикѣ своимъ однимъ глазомъ.

Но вотъ, злой и упрямый тигръ «Тарзанъ», сидя на тумбѣ, уперся и не хочетъ исполнять свой номеръ.

Хлопая бичемъ, смотря безстрашнымъ взглядомъ ему въ глаза, Машенька приказываетъ ему. Тигръ злобно рыкаетъ на нее и не слушается. Она съ размаха ударяетъ его вдоль бока и онъ, изогнувшись отъ обжоговъ бича, срывается съ тумбы, дѣлаетъ движеніе къ ней, получаетъ новый ударъ по головѣ рукояткой бича и въ два прыжка взлетаетъ на верхнюю площадку пирамиды.

— Довольно, довольно! — реветъ со всѣхъ сторонъ публика.

Но Машенькѣ этого мало; ей надо подчинить своей власти Тарзана, иначе — онъ пропащій для представленія тигръ. Твердыми шагами она подходитъ къ пирамидѣ и вновь приказываетъ и вновь угрожаетъ бичемъ; она опять размахнулась, чтобы снова ударить его, но концомъ бича зацѣпила за столбъ, неловко и больно повернула руку и выронила бичъ,

Секунда растерянности отъ боли и выбитаго оружія и все пропало...

Она нагибается за бичемъ и чувствуетъ ужасный шумъ падающаго на нее тѣла. Все смѣшалось, ревъ, драка звѣрей, шумъ ломающейся рѣшетки, крики толпы и бѣгство ея...

Но всѣ эти звуки покрываетъ другой звукъ, звукъ свистящей дубины, разсѣкающей воздухъ, и глухіе удары этой дубины. Что-то черное, громадное стоитъ и машетъ дубиной, и Машенька знаетъ, что это — Мишка, разящій Тарзана и другихъ звѣрей и спасающій ее.

Вдругъ настала тишина кругомъ, и Мишка несетъ ее, Машеньку, на рукахъ по берегу какого то канала; темно, только одинокій фонарь свѣтитъ въ сторонѣ. Какъ маленькаго ребенка, онъ прижимаетъ ее къ мохнатой груди и утѣшая ее, такъ смѣшно и мило говорить, какъ въ дѣтствѣ няня, когда изображала медвѣдей. Онъ говоритъ, что Машенькѣ теперь въ жизни нечего бояться, что съ Мишкой она не пропадетъ, что онъ сумѣетъ за нее постоять и отъ бѣды уберечь.

И радостная Машенька заснула у него на рукахъ и такая же радостная проснулась, уже на яву, въ своей комнатѣ. Это ощущеніе не покидало ея, когда, раннимъ утромъ она спустилась на улицу, попала въ садъ и получила очередную работу.



Часовъ въ десять ее попросили къ директору. Это не предвѣщало ничего хорошаго и доказывало, что сторожъ, дѣйствительно, пожаловался на нее. Но съ первыхъ же словъ Машенька поняла, что директоръ заинтересовался случаемъ съ медвѣдемъ. Онъ хотѣлъ получить объясненіе ея страннаго поступка. Пришлось все рассказать и про счастливое прошлое и про несчастья, обрушившіяся на семью, и про тяжелое положеніе въ настоящемъ. Растрогался директоръ и долго сидѣлъ задумавшись. Ему хотѣлось помочь Машенькѣ и въ связи съ этимъ ему въ голову пришла интересная мысль. Удастся ли ее осуществить, онъ не зналъ. Чтобы убѣдиться въ правильности ея, ему надо было увидѣть самому и дѣвушку и медвѣдя вмѣстѣ.

Принявъ мѣры предосторожности, онъ къ Машенькиной радости, разрѣшилъ ей войти въ клѣтку полазгать и покормить медвѣдя и послѣ такого страннаго опыта изложилъ Машенькѣ свой ходъ мыслей.

Онъ сказалъ, что пораженъ той увѣренностью, съ которой обходилась Машенька со звѣремъ, и его довѣрчивостью къ ней. Онъ прибавилъ, что онъ, видѣвшій многихъ дрессировщиковъ и самъ когда-то занимавшійся этимъ, чувствуетъ въ ней прирожденную силу. Если бы дѣло пошло на ладъ, ему кажется возможнымъ въ большемъ зданіи въ саду, гдѣ происходятъ выступленія артистовъ, дать представленія собственныхъ артистовъ — Машеньки и Мишки.

Сонъ сбывался на яву.

Прошло полгода, и состоялось первое Машенькино выступленіе, имѣвшее шумный успѣхъ. Прошелъ еще годъ и въ ея репертуарѣ появились кромѣ Мишки, обезьяны, собаки, кошки и даже свиньи. Слава ея росла, директоръ ею дорожилъ, сборы увеличивались. Стала она получать приглашенія въ другіе города, въ другія страны. И вездѣ въ заключеніе представленія ставился любимый традиціонный номеръ, когда Мишка, покачиваясь съ ноги на ногу, осторожно, какъ нянька — ребенка, несъ Машеньку на лапахъ вокругъ арены, кланялся у выхода публикѣ и уносилъ Машеньку за кулисы.

В. Глѣбовъ.

С И Н Е М А

Бесѣда съ Н. А. Римскимъ

Очень нелегко «поймать» Н. А. Римскаго: онъ крутитъ первый «говорящій фильмъ» «Pas sur la bouche».

— Николай Александровичъ, неужели это всегда, каждый день Васъ такъ разрываютъ на части?

— Поневолѣ. Вѣдь, я не только играю, я самъ и режиссирую. Приходится вникать во все, въ каждую мелочь. Да, собственно, въ нашемъ дѣлѣ и мелочей то нѣтъ; все важно. Я слишкомъ люблю свое дѣло, отравленъ имъ... Все въ жизни вижу черезъ кадръ...

— Съ чего же мы начнемъ нашу бесѣду?

— Непремѣнно прошу Васъ отмѣтить: за 12 лѣтъ моей работы за границей, Вы единственная изъ русскихъ да еще писательница, пришли, чтобы поговорить со мною для печати. Французская пресса, — я не могу пожаловаться на нее. Она ко мнѣ болѣе, чѣмъ внимательна, а наши русскіе...

— А русскіе просто гордятся Вами, любятъ Васъ.

— Хотѣлъ бы, чтобы это было такъ...

— Иначе и быть не можетъ, Н. А.!

Простите за, должно быть, очень надоевшій вопросъ: Вы поклонникъ или противникъ заговорившаго Великаго Нѣмого? Со всѣхъ сторонъ слышится столько жалобъ на «говорящіе фильмы». Право, если бы директора всѣхъ синематографическихъ предприятий произвели бы всемірную анкету, по мнѣнію очень многихъ, побѣдилъ бы Нѣмой.

— И все-таки надо признать, что Нѣмой уходитъ, какъ мнѣ ни грустно въ этомъ сознаться. Я большой его поклонникъ.

Къ счастью, возникшее одно время увлеченіе 100% разговорными фильмами быстро проходитъ. Задача, которая стоитъ передъ реализаторами фильмовъ, это свести разговоры до минимума.

Образцомъ можетъ служить «*Sous les toits de Paris*», превосходная картина Рене Клэръ, имѣвшая на міровомъ экранѣ очень большой успѣхъ. Вѣдь, нельзя же забывать, что سینема — картина. Картину и надо сохранять. Надо пользоваться только необходимыми звуками и словами. Въ этомъ отношеніи требуется большое чувство мѣры. Нужно найти что то среднее, уравновѣшивающее.

Приемлемы и удачны бываютъ иногда соединенія двухъ этихъ жанровъ, нѣмого и говорящаго.

Къ примѣру: героиня танцуетъ, поетъ хоръ, а въ это время я вставляю нѣмой планъ, какъ я реагирую на то, что передо мною происходитъ.

Вы не обратили вниманія, когда въ 100% фильмѣ встрѣчаются нѣмыя мѣста? Они кажутся страшными. Молчаніе на теперешнемъ экранѣ стало жестокимъ.

Въ кинодрамѣ надо использовать только тѣ слова, которыя потрясаютъ; въ комедіи — тѣ, что абсолютно смѣшны. Все остальное надо предоставить театру.

— Что вы скажете о سینема вообще и о театрѣ?

— Броженіе уляжется, и все приметъ свои формы.

Сейчасъ театръ «испугался», а سینема такъ «заговорило» смаху, что хочется заткнуть уши ватой.

Повторяю, забываютъ, что سینема — картина. Когда все время приходится слушать, то теряется видимость, т. е. самая сущность سینема. Вотъ, если изобрѣтутъ стереоскопичность въ фильмахъ, то разговоръ будетъ умѣстенъ. Но до сихъ поръ, пока въ سینема есть высота, ширина и нѣтъ стереоскопичности, — полной иллюзіи театральнаго зрѣлища говорящіе фильмы дать не могутъ. Получается неувязка...

— Это Вашъ первый опытъ разговора на экранѣ?

— И даже пѣнія. И, представьте, получилъ отъ шефа оркестра комплиментъ: находить, что у меня есть и музыкальный ритмъ и слухъ.

— Кто Вашъ любимый артистъ, Н. А.?

— Чаплинъ. У меня нѣтъ словъ, чтобы выразить все мое восхищеніе передъ человѣчностью его гения, тонкостью, умомъ, теплотой...

— Вашъ любимый писатель? Фильмы, которые произвели на Васъ самое сильное впечатлѣніе?

— Любимый писатель, — я восхищаюсь имъ больше и больше, — Мопассанъ.

Кстати, онъ сыгралъ огромную роль въ моей жизни. «*Le Cochon de marin*» фильмъ, съ котораго началась моя карьера, передѣланъ изъ Мопассановскаго рассказа.

Мои любимые фильмы Чаплинскіе. Особенно безподобный «*Opinion publique*», затѣмъ «*L'Image*», Ж. Федеръ. Въ теченіе трехъ недѣль, послѣ того, какъ я увидѣлъ эту вещь, я только о ней и говорилъ.

— Сколько картинъ, создано при Вашемъ участіи?

— Много. Только за границей я снимался въ тридцати. Да въ Россіи крутилъ девяносто... Но знаете, какой фильмъ я крутилъ съ наибольшимъ душевнымъ удовлетвореніемъ. Это «*Minuit, place Pigalle*».

— Довольны ли Вы своей настоящей работой?

— Работа — интересная, но я вообще не очень то умѣю быть довольнымъ собой... Все кажется, что могъ бы сдѣлать и лучше. Но по совѣсти скажу, на этотъ разъ доволенъ. Да и сама вещь веселая, живая, красивая.

— Вѣдь, Вы сами, ко всѣмъ Вашимъ талантамъ — прекрасный сценаристъ.

— Были удачныя вещи. Назову Вамъ: «Винювень ли» и «*Club raquin*». Какое великое для меня блаженство писать сценаріи гдѣ-нибудь у моря, въ тиши!..

Сколько мечтательности вкладываете вы въ эти слова... Море... тишина... Въ Вашей ли это натурѣ, такой кипучей и нервной?

— Работаемъ горячо, спать приходится часовъ по пяти, не больше. Поневолѣ размечаешься о покоѣ.

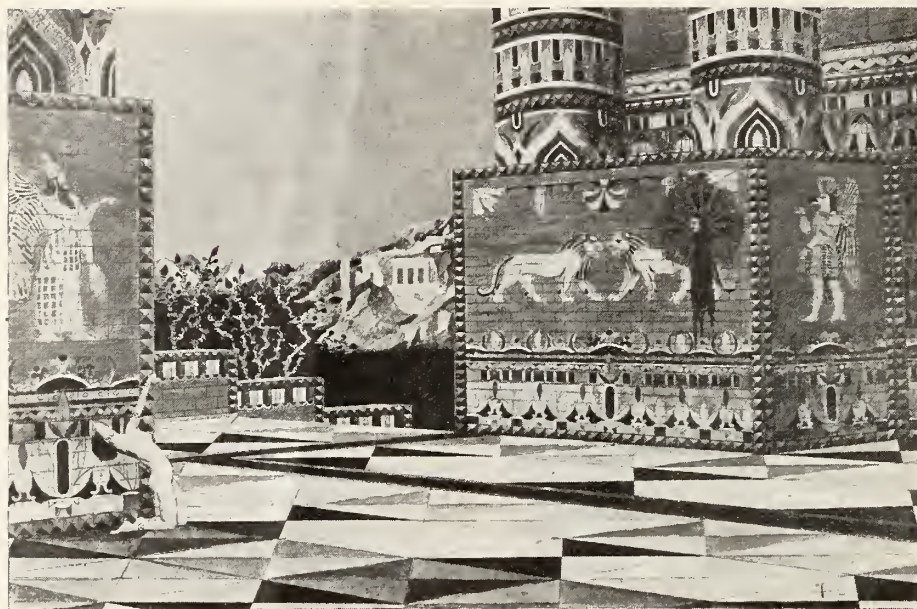
— Надолго ли?

Римскій разсмѣялся:

— Пока не отосплюсь.

Е. Д.

НАШИ ХУДОЖНИКИ



С. В. Жуковский. Видѣніе Саломеи.

С. В. Жуковский

За послѣдніе годы мнѣ довелось многократно бывать въ скромной мастерской Сергѣя Валентиновича Жуковского, близко ознакомиться съ работами и высоко оцѣнить характеръ и технику его художественныхъ произведеній.

Когда Вы смотрите на его акварели и гуаши, Васъ прежде всего поражаетъ, что главною нитью въ нихъ проходитъ элементъ Востока, главнымъ образомъ, мусульманскаго. Разгадка этому явленію кроется въ томъ, что художникъ все свое дѣтство и молодость провелъ въ домѣ отца, извѣстнаго профессора-ориенталиста.

Окруженный въ теченіе многихъ лѣтъ образцами произведеній персидскаго искусства во всѣхъ его отрасляхъ, С. В., естественно, увлекся формами и красками Востока, которыя запечатлѣлись въ немъ на всю жизнь.

Чисто теоретическія научныя занятія его на факультетѣ восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ университетѣ и практическое изученіе неисчерпаемыхъ красотъ Востока въ Бухарѣ, Туркестанѣ и Персіи, въ свою очередь, не могли не наложить извѣстнаго отпечатка на выраженіе Жуковскимъ его художественныхъ замысловъ.

Всѣ работы, — будь то карандашъ, акварель, сепія или гуашь — носятъ на себѣ восточный характеръ, который вы ясно чувствуете либо въ самомъ сюжетѣ, либо въ красочности, либо, наконецъ, въ отдѣлкѣ работы, доходящей подчасъ до тонкости восточныхъ ми-

ніатюръ. И, если, на ряду съ чисто стильными вещами, С. В. создаетъ произведенія, которыя можно признать совершенно соответствующими духу современнаго ис-



С. В. Жуковский. Мотивъ для матеріи или обоевъ.

куства, техника его во всѣхъ случаяхъ остается техникой восточнаго миниатюриста. Чистота и точность работы поражаютъ всякаго. Мнѣ приходилось слышать, какъ въ этомъ отношеніи его сравнивали съ академикомъ И. Я. Билибинымъ.

Я лично нахожу, что большое количество подробностей и слишкомъ тонкая раздѣлка въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредятъ общему впечатлѣнію картины. Поэтому, изъ воспроизводимыхъ здѣсь четырехъ его вещей я отдаю предпочтеніе двумъ послѣднимъ. Въ его декоративныхъ панно «Облака», и въ особенности въ «Охотѣ», меньше деталей, больше жизни и движеній и очень много воздуха.

Его «Саломея» гораздо интереснѣе въ краскахъ, гдѣ яркія постройки съ преобладаніемъ лимона и зеленого сильно выдѣляются на темно-синемъ небѣ и темномъ же горизонтѣ. Вообще, вся картина очень декоративна и легко могла бы послужить макетомъ для театральной постановки изъ восточной жизни.

Мотивъ для матеріи или обоевъ представляетъ собою верхъ совершенства въ смыслѣ и сочетанія красокъ (песочно-сѣро-бѣлые цвѣты на синемъ фонѣ, вазы — золото съ малиновымъ), и точности и тонкости работы, но мнѣ представляется, что въ этомъ произведеніи мало выявлена личность художника. Это тѣмъ болѣе обидно, что, вообще, Жуковскій очень персоналенъ, большинство его работъ совсѣмъ не банальны, въ нихъ всегда есть что то свое, необычное. И въ этомъ отношеніи С. В. имѣетъ большое преимущество передъ очень многими.

Къ сожалѣнію, широкая публика мало знакома съ работами С. В. Жуковского. Обстоятельства не позволили ему до сихъ поръ устроить самостоятельную выставку картинъ и миниатюръ, но художникъ не теряетъ надежды сдѣлать это при первой же возможности. И я убѣжденъ, что выставка его будетъ имѣть вполне заслуженный успѣхъ.

Нужно съ гордостью отмѣтить, что, несмотря на полное отсутствіе рекламы, имя Жуковского съ каждымъ годомъ все чаще и чаще на устахъ знатоковъ искусства и любителей красивыхъ вещей. Иначе и не можетъ быть, ибо, независимо отъ крупныхъ работъ, всегда чисто декоративнаго характера (ширмы, панно,

обложки, переплеты и пр.). С. В. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работалъ специально надъ особымъ жанромъ миниатюръ, которыя затѣмъ воспроизводились въ



С. В. Жуковскій. Облака.

видѣ инкрустацій изъ разноцвѣтнаго перламутра и драгоценныхъ металловъ и камней.

Эти работы имѣли громадный успѣхъ у главнѣйшихъ ювелировъ Парижа, Лондона и въ Америкѣ.

К. Спасскій.



С. В. Жуковскій Охота.

С. Ф. Ефремовъ



Амазонка. (Итальянскій карандашъ).



Сокольничій. Декоративный рисунокъ.



Сокольничій. Декоративный рисунокъ.

Стать художником - профессионалом Степанъ Федоровичъ не предполагалъ. Въ Россіи онъ живо интересовался искусствомъ, любилъ живопись, увлекался коллекционерствомъ ; а рисованіемъ занимался лишь, какъ диллетантъ, и исключительно для себя.

— Богъ награди́лъ меня — говоритъ онъ — въ



С. Ефремовъ. *Cairn Terriers*. Гравюра на мѣди. Изданіе *Société Nouvelle des éditions d'art Derambez*.

гораздо большей степени критической способностью, чѣмъ творческой, такъ что я самъ слишкомъ остро чувствую свои недостатки. Это, отчасти, и было, вѣроятно, причиной того, что я не сталъ настоящимъ художникомъ, рѣшивъ лучше наслаждаться чужимъ искусствомъ; свое же «творчество» оставилъ себѣ, какъ забаву и отдыхъ.

Въ прошломъ крупный помѣщикъ и страстный охотникъ, С. Ф. любитъ природу, знаетъ и понимаетъ животныхъ, какъ можетъ ихъ знать лишь человекъ, съ дѣтства имѣвшій съ ними общеніе. Поэтому его искусство и посвящено имъ, главнымъ образомъ, лошадямъ и собакамъ, которыхъ онъ любитъ рисовать съ ранняго дѣтства.

Проф. Сверчковъ, Петръ Соколовъ, Вѣрушъ-Ковальскій, бар. Клодтъ, начинающій тогда еще Самокишъ — вотъ первые его вдохновители.

Пройди онъ въ свое время школу, изъ него можетъ быть и выработался бы настоящій мастеръ въ этомъ жанрѣ — но этого не произошло: тяга на землю, страстная любовь къ родовому гнѣзду взяла перевѣсъ и, кончивъ образованіе въ Москвѣ, онъ поселился въ имѣніи гдѣ, главнымъ образомъ, и прожилъ до самой всероссійской катастрофы, занимаясь хозяйствомъ и общественной дѣятельностью.

Лишь теперь въ изгнаніи, и то не сразу, рѣшилъ онъ попробовать счастья на художественномъ поприщѣ.

Первые опыты были удачны и вскорѣ его литографіи подъ псевдонимомъ Rivet обратили на себя вниманіе любителей этого жанра. Теперь онъ работаетъ, какъ художникъ «animalier», въ парижскомъ издательствѣ Devambez, которое въ этомъ году выпустило цѣлую серію его гравюръ на мѣди (*pointe sèche et eau forte*), но уже подъ настоящимъ его именемъ.

Кромѣ того, онъ пишетъ портреты собакъ и лошадей, дѣлаетъ иллюстраціи (въ прошломъ году съ его иллюстраціями вышла повѣсть ген. П. Н. Краснова «Съ Ермакомъ на Сибирь»), а въ свободное время отдыхаетъ за любимыми сюжетами изъ псовой охоты, — «для себя», «для души»...

Всѣ стѣны его небольшой комнаты въ отелѣ увѣшаны работами на эту тему, причемъ въ манерѣ онъ, какъ истый диллетантъ, очень разнообразенъ: тутъ и акварель, и гуашь; карандашъ, перо; литографія и гравюра.

Въ живописи масломъ онъ чувствуетъ себя слабѣе.

— Для этого, — говоритъ онъ — нужна школа, а у меня ея нѣтъ... Учиться же, когда уже перевалило на вторую половину вѣка, — поздно... да и некогда: надо зарабатывать тѣмъ, что уже есть... Е. К.



С. Ефремовъ. Голова чистокровной лошади. Гравюра на мѣди. Изданіе *Société Nouvelle des éditions d'art Derambez*.

Старый Парижъ

— Не понимаю, почему Парижъ считаютъ самымъ красивымъ городомъ міра. Ничего въ немъ нѣтъ особеннаго. У насъ въ Ковно Дворянская улица гораздо наряднѣе...

Эти слова я случайно подслушалъ въ русскомъ ресторанѣ. Говорила молоденькая дѣвушка, очевидно студентка, только что пріѣхавшая въ Парижъ.

Я смотрѣлъ на нее, улыбаясь, и вспоминалъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ, впервые попавъ въ Парижъ, я говорилъ то же самое. Да одинъ ли я?

Не всякому дано сразу понять все благородное изящество его простыхъ линий, оцѣнить отсутствіе какой-либо вычурности, проникнуться мѣрой настоящаго художественнаго вкуса, научиться отличать нарочитую крикливую нарядность отъ спокойной, не лѣзущей въ глаза красоты.

Поживъ въ Парижѣ, люди довольно скоро проникаются сознаниемъ непревзойденности его перспективъ.

изящества садовъ и неповторимости его архитектурныхъ памятниковъ.

Но, осознавъ все это, большинство продолжаетъ ужасаться безобразію лачугъ старыхъ парижскихъ кварталовъ и убожеству фасадовъ рядовыхъ многоэтажныхъ домовъ.

Для того, чтобы найти своеобразную, неповторимую прелесть во всемъ этомъ, нужна уже исключительная чуткость художника.

Репродукція работы Л. П. Юшкина показываетъ, насколько онъ сумѣлъ проникнуться прелестью покосившихся скромныхъ домиковъ съ ихъ подслѣповатыми окнами и причудливыми, не подходящими ни подъ какіе архитектурные законы контурами, ярко контрастирующими съ однообразными скучными линиями многоэтажныхъ гигантовъ, у подножія коихъ они лѣятся.

С. А.



Салонъ Независимыхъ 1931 г. Л. П. Юшкинъ. Старый Парижъ.

Л. П. Юшкинъ

Леонидъ Павловичъ Юшкинъ первоначальное художественное образованіе получилъ передъ войной въ Петербургѣ, въ Школѣ общества поощренія художествъ. Курсъ школы Л. П. проходилъ одновременно съ университетскимъ.

Во время войны художникъ отдалъ дань родинѣ на фронтѣ и смогъ снова вернуться къ живописи только уже въ годы эмиграціи въ Египтѣ.

Отсюда Л. П. Юшкинъ ѣдетъ въ Европу, и въ Бол-

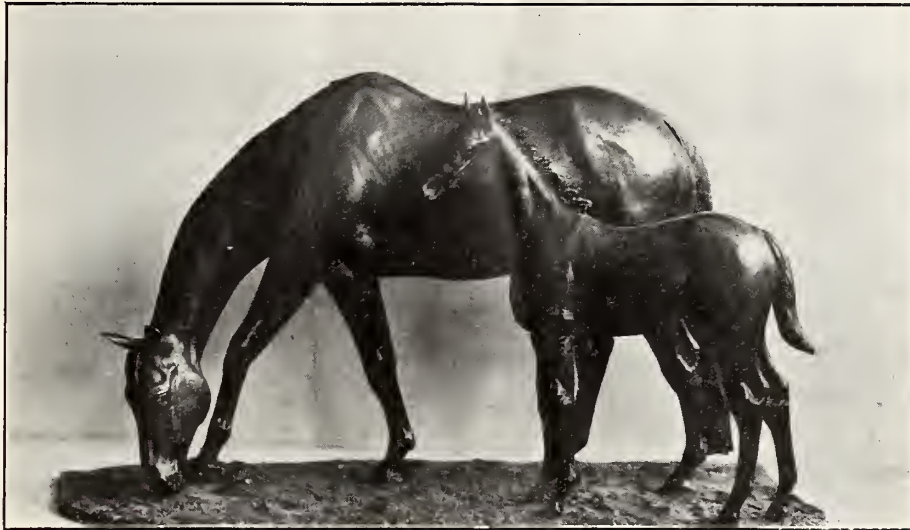
гаріи, въ Софійской Академіи Художествъ проходить, въ качествѣ вольнослушателя, три послѣднихъ специальныхъ класса живописи.

Дальнѣйшая работа художника — въ Парижѣ, гдѣ въ «Салонѣ Независимыхъ» въ 1930 и 1931 годахъ выставлены его работы.

Прессой отмѣченъ его успѣхъ.

Въ послѣднее время художникъ увлеченъ набросками и этюдами стараго Парижа.

Скульпторъ Н. К. Голѣвская



Наталія Константиновна Голѣвская, вотъ уже нѣсколько лѣтъ находящаяся въ эмиграціи и работающая то въ Парижѣ, то въ Германіи, можетъ быть отнесена къ числу выдающихся русскихъ скульпторовъ. А въ области батально-спортивнаго жанра, гдѣ Голѣвская достигла большой технической высоты, она почти не знаетъ себѣ соперниковъ.

Въ ранней юности, живя въ Петербургѣ и увлекаясь скульптурой, Голѣвская занялась изученіемъ лошади. А по своему отцу, генералу, молодая художница имѣла связи въ военныхъ кругахъ. Вотъ почему въ ея распоряженіе были любезно предоставлены всѣ три манежа Офицерской кавалерійской школы.

Въ одномъ изъ нихъ, сидя въ ложѣ съ альбомомъ и карандашемъ, Голѣвская часами изучала формы лошади, ея движенія и ритмъ. Въ другомъ манежѣ Голѣвская сама ѣздила верхомъ, свободно и легко беря самые трудные барьеры.

Скульптура Голѣвской начала появляться на петербургскихъ выставкахъ, и въ нѣсколько лѣтъ художница приобрѣла извѣстность. Особенно популярнымъ было ея имя въ спортивныхъ и кавалерійскихъ кругахъ столицы.

Въ періодъ власти большевиковъ Голѣвская много претерпѣла, какъ морально, такъ и физически. Холодъ и недоѣданіе подорвали ея силы.

И съ этими подорванными силами она должна бы-

ла выполнять принудительныя работы — перетаскивала бревна.

Однажды, Голѣвская, дойдя до полного изнеможенія, упала безъ чувствъ надъ тѣмъ бревномъ, которое ей велѣно было перенести.

Пьяный комиссаръ, взбѣшенный «притворствомъ буржуйки», выстрѣлилъ въ нее изъ нагана. Пуля пронзила шею Голѣвской. Въ теченіе нѣлаго года рана не заживала.

Только черезъ нѣсколько лѣтъ удалось, наконецъ, Голѣвской пріѣхать въ Берлинъ. Отдохнувъ и оправившись, она поселилась, уже надолго, въ Парижѣ.

Здѣсь ей посчастливилось получить заказы, преимущественно портреты скаковыхъ лошадей.

Эти статуэтки и статуи были настолько удачны, и по сходству и по мастерству исполненія, что на нихъ обратили вниманіе и владѣльцы германскихъ скаковыхъ конюшенъ.

Въ результатъ — рядъ приглашеній въ Германію, гдѣ Голѣвская работала въ нѣсколькихъ старинныхъ усадьбахъ и замкахъ.

Въ послѣднее время въ своей парижской мастерской возлѣ парка Монсо талантливая художница вылѣпила рядъ новыхъ вещей къ большому весеннему салону.

Мы не сомнѣваемся, что нашу соотечественницу ожидаетъ вполне заслуженный успѣхъ.

Н. Б.

Союзъ дѣятелей русскаго искусства во Франціи

Въ Парижѣ только что образовался союзъ, основными задачами котораго являются объединеніе находящихся во Франціи русскихъ дѣятелей сцены, экрана, искусства и литературы, охрана и защита ихъ профессиональных интересовъ и оказаніе своимъ членамъ моральной и матеріальной поддержки. Союзъ имѣетъ въ виду образованіе при немъ спеціального информационнаго бюро со свѣдѣніями о всѣхъ русскихъ артистахъ, художникахъ, литераторахъ и др., дѣятеляхъ искусства, проживающихъ за границей, бюро труда, кассы взаимопомощи и ряда другихъ вспомогательныхъ органовъ.

Избрано постоянное правленіе:
Предсѣдатель С. В. Жуковскій.

Члены правленія и кандидаты:

Алексѣева, Н. А.

Бенуа, А. А. (казначей).

Бруть, С. А. (товарищъ предс. и генер. секр.).

Нейманъ, В. І.

Петровъ, Д. М.

Чебышевъ, А. А.

За всѣми справками просятъ обращаться письменно къ Предсѣдателю общества С. В. Жуковскому по адресу — 57, rue de l'Abbé Groult, Paris 15, и лично ежедневно отъ 11 ч. до 1 ч.

Въ міръ искусства

Спектакли Русской Оперы въ Лондонѣ въ театрѣ Гуссем начинаются 18 мая. Идетъ «Русалка». Ф. И. Шаляпинъ выступитъ въ роли Мельника.

На Ривьерѣ съ большимъ успѣхомъ прошла серія балетныхъ спектаклей, для которыхъ были приглашены балетъ Французской Национальной Оперы, балетъ Русской Оперы въ Парижѣ, (дирекція кн. А. Церетели и В. де Базиль), испанская труппа Эскудеро и индусскій балетъ.

Гастроли Русскаго балета — хореографъ и солистъ Борисъ Романовъ, Фелія Дубровская, Э. Марра, А. Обуховъ и др. — прошли съ большимъ успѣхомъ.

Въ театрѣ «Колоннъ» на мѣсто Бориса Романова на рядъ постановокъ приглашенъ М. Фокинъ. Въ этихъ постановкахъ приметъ участіе балерина О. А. Спесив-

нева, которой дирекція «Опера» предоставила отпускъ.

Въ Парижѣ въ большомъ залѣ Гаво — интересный камерный вечеръ Сергѣя Гагарина, съ успѣхомъ композитировавшаго въ Германіи.

Въ программѣ — Скарлатти, Джіордани, Гендель, Шубертъ и Шуманъ.

27 мая въ залѣ Гаво даетъ концертъ Б. Фелиціантъ. Съ 11 лѣтъ онъ выступаетъ въ Германіи, Чехословакии и Польшѣ.

Въ Римѣ, въ постановкѣ А. А. Санина, на сценѣ Королевской Оперы идетъ «Садко». Садко — Таккани; его жена — Педерцони; Волхова — Сарачени; варяжскій гость — Ваги; венецейскій — Ламіани; индійскій — Ливи. Съ большимъ вкусомъ И. Леонидова и Ростовъ поставили танцы.

П. П. Шостаковскій

Мы приступаемъ къ печатанію романа «Безпризорная душа», принадлежащаго перу П. П. Шостаковского. Авторъ извѣстенъ тѣмъ, что литературную карьеру сдѣлалъ въ Ю. Америкѣ и Испаніи, какъ «испанскій» писатель.

Его первый крупный трудъ «Опытъ критики русской революціи», вышедшій подъ заглавіемъ «Русская Голгофа» (El Calvario Ruso), въ Чиле въ 1928 году, въ короткое время выдержалъ три изданія и открылъ нашему талантливому соотечественнику доступъ въ крупнѣйшіе южноамериканскіе и испанскіе журналы и газеты.

Интересно отмѣтить, что русскихъ оригиналовъ его книгъ и публицистическихъ статей не существуетъ. Все, имъ напечатанное, написано прямо по испански.

Лингвистическія способности П. П. Шостаковского совершенно исключительны: его «Русской Голгофѣ» въ 1920 г. предшествовали критическіе опыты и этюды русской революціи на итальянскомъ и французскомъ языкахъ подъ заглавіемъ «Два съ половиной года въ странѣ большевиковъ».

Испано-американская критика, единодушная въ положительной оцѣнкѣ П. П. Шостаковского, отмѣчаетъ, между



прочимъ, что первоначально она склонна была отнестись къ его испанскому языку, съ нѣкоторымъ недоверіемъ. А между тѣмъ, языкъ оказался не только хорошимъ, но «стильнымъ», и чилійскія, напримѣръ, газеты ставили стиль П. П. Шостаковского въ примѣръ.

А. В. Амфитеатовъ въ критикѣ «Русской Голгофы» — статья напечатана въ газетѣ «Возрожденіе» въ 1928 году — говоритъ:

«Я не настолько хорошо владѣю испанскимъ языкомъ, чтобы судить о стилѣ «Русской Голгофы». Вѣроятно, г. Шостаковскій пишетъ хуже Сервантеса, но очень просто и ясно, а это, по цѣлямъ книги, важнѣе всего».

Тонъ испанской критики таковъ, что, читая отзывы, подписанные виднѣйшими латиноамериканскими именами, невольно досадуешь на обстоятельства эмигрантской жизни, принудившія П. П. Шостаковского писать и печататься не на родномъ языкѣ.



Салонъ Независимыхъ 1931 г.
Александръ Сусловъ. Зимнее утро.

П. Шостаковскій

Безпризорная душа

Часть I.

Перепечатка воспрещается.
Tous droits réservés.
Copyright by the author.

I.

Андрюша Волошкой съ дѣтства развивался медленно и туго.

Первое яркое впечатлѣніе, застрявшее въ его памяти, была разинутая пасть огромной собаки, оглушительно надъ нимъ лаявшей. Пасть эта принадлежала Султану, чудовищному датскому догу, котораго навтравливалъ на него старшій братъ Коля, не видѣвшій никакого толку въ Андрюшиномъ существованіи. Впрочемъ, умный Султанъ не поддавался на злые увѣщеванія и залаялъ лишь послѣ того, какъ Коля, видя безуспѣшность своей попытки скормить ему ненавистнаго ревубрата, пожелалъ расправиться съ нимъ лично. Понявъ его намѣреніе, Султанъ сталъ звать на помощь: на громоподобный лай сбѣжался весь домъ, и планъ изничтоженія Андрюши пришлось отложить до другого раза.

Присходило это въ историческій годъ смерти Александра II, въ Москвѣ, въ Каретномъ ряду, въ старинномъ барскомъ особнякѣ. Особнякъ былъ, какъ водится, деревянный, на каменномъ фундаментѣ, съ мезониномъ и большимъ крытымъ крыльцомъ; при немъ имѣлся и дворъ, и каретный сарай, и конюшня со службами, ледникомъ и драчешной, но о всей этой благодати у Андрюши не сохранилось никакихъ ясныхъ воспоминаній, а такъ — только отдѣльныя картины. Толстый, огромный, багрово-красный кучеръ запрягаетъ въ шегольскую пролетку Кролика, сѣраго въ яблокахъ рысака, потомъ одѣваетъ на себя ватный ярмякъ и, раздувшись, какъ людоѣдъ, влѣзаетъ на козла, истою крестится на ближнюю колокольню и подаетъ къ подъѣзду. А на подъѣздъ выходитъ папа, садится и уѣзжаетъ, но куда, — Андрюша допытаться никогда не могъ.

А вотъ большая прихожая; изъ нея широкая, де-

ревянная лѣстница наверхъ, въ мезонинъ. Посреди прихожей мышеловка съ пойманной крысой; ей прищемило дверцей хвостъ; и изъ него капаетъ кровь. Андрюша жаль бѣдную крысу; онъ быстро бѣжитъ въ столовую, достаетъ изъ серебряной сухарницы слобный сухарь и начинаетъ ее кормить; но испуганная крыса не ѣстъ крошекъ, которая энъ ей суеть, и это его егорчаетъ. Вся эта сцена сохранилась въ его памяти особенно ярко еще и потому, что при этой okazji онъ впервые столкнулся съ людской жестокостью: ему такъ хотѣлось поиграть со звѣрюшкой, а старшіе считали необходимымъ ее утопить, и никто не хотѣлъ объяснить почему? И Андрюша заплакалъ, когда дворникъ, смѣясь, забралъ мышеловку и понесъ умерщвлять несчастную плѣнницу.

Помнился ему еще очень смутно большой бѣлый залъ съ позолотой и какой-то Поликарпъ, полумифическая личность, пріемышъ, котораго Андрюшинъ отецъ подобралъ гдѣ-то на улицѣ, а энъ, «въ благодарность» чуть было ихъ не спалилъ. Однако, преступный замыселъ былъ своевременно открытъ, пожаръ прекращенъ домашними средствами, а самъ Поликарпъ изгнанъ изъ дома. Дворникъ забралъ его, такъ же просто, какъ крысу, и отвезъ съ папиной запиской въ пріютъ, для «неисправимыхъ дѣтей».

Изъ впечатлѣній внѣшняго міра осталась въ памяти бакалейная лавочка Жукова, на углу Каретнаго ряда и Рождественскаго бульвара. Въ лавкѣ сидѣлъ жидкий, бородатый хозяинъ въ надвинутомъ на уши картузѣ, въ грязномъ фартукѣ, поверхъ засаленной поддевки, и огромныхъ валенкахъ; пахло вкусно ржанымъ хлѣбомъ, квасомъ и солеными огурцами. Въ лавкѣ за большую мѣдянку давали двѣ палочки шоколада съ кремомъ, и въ этомъ для Андрюши заключался весь смыслъ

существованія, какъ самого Жукова, такъ и его торговаго предпріятія.

А вотъ залитая народомъ площадь Страстного монастыря, и вездѣ флаги, и кто-то беретъ и поднимаетъ его на руки, и поверхъ моря человѣческихъ головъ онъ видитъ какихъ-то блестящихъ, сверкающихъ на солнцѣ всадниковъ и золотыя кареты, запряженныя бѣлыми лошадьми. Это — коронація Александра III, торжественный въѣздъ новаго императора въ первопрестольную столицу. Объ этихъ золотыхъ каретахъ Андрюша вспоминалъ каждый разъ, когда ему приходилось останавливаться передъ большимъ книжнымъ шкафомъ, гдѣ за стекломъ виднѣлся красный, тисненый золотомъ, корешокъ волшебныхъ сказокъ, подаренныхъ дѣдушкой. Брать ихъ въ руки ему не позволяли, потому что книга была очень дорогая и хорошая, но онъ помнилъ твердо, что въ ней были нарисованы золотыя кареты, точь въ точь такія, какъ онъ видѣлъ на площади.

Помнился ему еще Рождественскій бульваръ, на который они ходили гулять съ няней, и онъ, придя, взбирался на скамейку, садился и начиналъ мечтательно созерцать проходящихъ. Бывало, нянька его спросить:

— Андрюша, чего не поиграешь съ дѣтьми?

А онъ отвѣчаетъ:

— Я усталъ, — и при этомъ отдувается.

О семьѣ, за эти первые годы, у него не сохранилось никакихъ воспоминаній. Папы никогда не бывало дома. Мама, какъ будто, и сидѣла дома, но всегда была занята или больна, и къ ней не пускали, «чтобъ не мѣшать». Сестра Вѣрочка, тремя годами моложе его, была еще на рукахъ у кормилицы и помѣщалась рядомъ съ маминой спальней, а братъ Николай, тремя годами старше, хоть и жилъ въ одной комнатѣ съ нимъ, но искренно его презиралъ, главнымъ образомъ, за то, что Андрюша родился на Собачьей площадкѣ. Что это была за Собачья площадка, и при какихъ обстоятельствахъ онъ тамъ родился, Андрюша не помнилъ, но въ глубинѣ души сознавалъ, что въ этомъ фактѣ дѣйствительно заключалось нѣчто унижительное.

Съ няней у него тоже дѣло не заладилось. Была она молода и красива, и у всѣхъ мужчинъ на примѣтѣ, а потому хлопотъ у ней и безъ Андрюши было много; да къ тому же мальчики, чтобъ «не шумѣть», помѣщались въ мезонинѣ, а домъ-то большой, и господа-то заняты своими дѣлами, однимъ словомъ, прислугѣ полное раздолье...

Такъ прошла пора несознательнаго Андрюшинаго дѣтства, а какъ дожилъ онъ до семи-восьмилѣтняго возраста, случилось событіе, перевернувшее все его существованіе и открывшее новую эру, — дѣтства сознательнаго.

Событіе это заключалось всего лишь въ переѣздѣ на другую квартиру, но квартира была необыкновенна, а послѣдствія переѣзда неисчислимы. Дѣло въ томъ, что отецъ Андрюши, Павелъ Аркадьевичъ Волоцкой, съ молодости увлекавшійся драматическимъ искусствомъ и даже бросившій ради него блестящую военную карьеру, къ которой его призывало прошлое рода Волоцкихъ, основалъ театръ, въ старинномъ домѣ Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ у Никитскихъ воротъ. Домъ былъ огромный, каменный, трехэтажный, съ антресолями и мезонинами, подвалами и тайнственными переходами, и съ нимъ былъ связанъ цѣлый рядъ легендъ. Говорили, что при нашествіи Наполеона, въ 1812-мъ году, въ немъ помѣщался французскій театръ, но, вѣрнѣе всего, онъ былъ выстроенъ послѣ московскаго пожара. Во всякомъ случаѣ внутреннее его расположеніе и раз-

дѣлка потолковъ доказывали, что это былъ дворецъ-особнякъ, служившій когда-то резиденціей знатной аристократической семьѣ. Увѣряли, что одно время онъ принадлежалъ какой-то княгинѣ Голицыной, якобы зарѣзанной въ постели «чернымъ» монахомъ. Легенда эта населила темные закоулки дома призраками, и ей Андрюша былъ обязанъ острыми ощущеніями страха и удали, во время игръ и бѣготни по безконечнымъ лѣстницамъ и темнымъ переходамъ дома, едва освѣщеннымъ крошечными стѣнными лампами копилками.

Вся центральная часть дома и одно крыло были перестроены и отведены подъ театръ и обширныя фойе, а другое крыло пріютило рядъ художественныхъ студій и мастерскихъ, въ которыхъ вырабатывалась «реализація» намѣченныхъ постановокъ. То, что оставалось свободнымъ въ разныхъ этажахъ и концахъ огромнаго зданія, было занято подъ квартиру Волоцкихъ и прислугу. Въ бель-этажѣ, рядомъ со студіями, Павелъ Аркадьевичъ устроилъ свой директорскій кабинетъ и спальню; наверху, въ просторномъ барскомъ мезонинѣ, поселилась Андрюшина мать, Софья Николаевна, съ Вѣрочкой и гувернанткой; тамъ же, въ низенькомъ, но элегантномъ колонномъ залѣ были устроены столовая и гостинная. Мальчиковъ водворили на антресоли, дверь въ дверь съ горничными. Это размѣщеніе семьи въ трехъ этажахъ казалось всѣмъ до того естественнымъ, что Андрюша задумался надъ нимъ впервые лишь когда вышелъ изъ отроческаго возраста.

Самый день переѣзда запомнился ему очень остро. До Волоцкихъ въ одномъ крылѣ этого дома помѣщался какой-то пансіонъ, не успѣвшій выѣхать, и мальчики пансіонеры должны были переночевать еще одну ночь на старомъ мѣстѣ. Койки были уже вывезены, и имъ приготовили постели на полу. Андрюшу поразила ихъ дисциплина и согласное хоровое пѣніе вечерней молитвы. Сердце его сжалось невѣдомо отъ чего, при видѣ этихъ послушныхъ, аккуратныхъ мальчиковъ, походившихъ, какъ двѣ капли воды, другъ на друга. Словно предчувствіе собственной судьбы мелькнуло въ его сознаніи, и ему стало жаль ихъ. Онъ не сомнѣвался, что они очень несчастны, живя безъ матерей и отцевъ; и какъ имъ не быть несчастными, когда его самого тянетъ поближе къ папѣ и мамѣ, и часто ему хочется плакать отъ того, что родители никогда его не ласкаютъ, не говорятъ съ нимъ и не беспокоятся о немъ совершенно; а что было бы, если бъ онъ никогда ихъ не видѣлъ? И въ первый разъ въ жизни въ его душѣ шевелится чувство градаціи человѣческаго счастья: хуже всего вотъ мальчикамъ пансіонерамъ, потомъ ему, а Вѣрочкѣ и Колѣ лучше ихъ всѣхъ: Вѣрочка дѣвочка, ей ужъ тѣмъ хорошо, что она спитъ въ одной комнатѣ съ мамой, а Коля, онъ старшій, онъ первенецъ; его берутъ довольно часто на прогулку, въ гости, въ театръ, потому что онъ уже большой, все понимаетъ, а, главное, умный, играетъ на скрипкѣ, и папа зоветъ его артистомъ и своимъ наслѣдникомъ; а Андрюша ни на чемъ не играетъ, и папа зоветъ его «художественной дубиной».

Не успѣла наладиться жизнь въ новомъ помѣщеніи, какъ выяснилась необходимость найти занятіе обоемъ мальчикамъ. Софья Николаевна была занята съ утра и до вечера: на нее упала вся хозяйственная часть новаго предпріятія, а кромѣ того, какъ и раньше, она жила цѣлкомъ артистическими успѣхами мужа; дѣтямъ не оставалось мѣста въ ея жизни; но она этого не замѣчала, она считала даже, что жертвуетъ «всѣмъ» ради дѣтей, что живетъ и работаетъ исключительно для нихъ.

Жертвовать «всѣмъ» означало — закрывать глаза

на увлеченія мужа и продолжать жить съ нимъ, хоть и въ разныхъ этажахъ, но подъ одной крышей. Софья Николаевна искренно воображала, что она не разстанется съ нимъ ради будущаго своихъ дѣтей, но на самомъ дѣлѣ ее привязывала къ нему горячая неудовлетворенная влюбленность, а также воспоминанія первыхъ бурныхъ лѣтъ ихъ супружеской жизни, когда Павелъ Аркадьевичъ, сынъ генераль-адыютанта и георгіевскаго кавалера, отказался слѣдовать по стопамъ своего отца и отдался, какъ рядовой диллетантъ, искусству, въ которомъ ему самому неясны были и цѣль, и возможные достижения. А когда эти достижения обрисовались и въ дверь постучалась слава, Софья Николаевна не могла не сознать, что сіяніе желанной гостии озаряетъ и ее; вѣдь, Павелъ Аркадьевичъ, отверженный въ началѣ артистической карьеры друзьями и семьей, былъ обязанъ первыми успѣхами ея моральной поддержкѣ; и онъ самъ до такой степени дорожилъ ея неогнѣннымъ сотрудничествомъ, что когда, вслѣдъ за славой, въ ихъ семейную жизнь ворвались жадныя до острыхъ ощущеній, ищущія и не находящія, мятущіяся, а иногда и просто расчетливыя поклонницы, и закружили, увлекли и оторвали его отъ семьи, то не хватило у него духа окончательно оборвать старую жизнь, и между нимъ и Софьей Николаевной установились странныя непонятныя отношенія. Они не только работали рука въ руку въ артистическомъ дѣлѣ, но онъ рассказывалъ ей, какъ другу, всѣ свои любовныя приключенія, не рѣдко прибѣгая къ ея помощи, чтобы успокоить увлекавшихся имъ дамъ, а тѣ въ свою очередь являлись къ ней съ жалобами на его легкомысліе, и ей приходилось спасать Павла Аркадьевича отъ проявленій ихъ ревности. До такой терпимости она дошла отчасти подъ вліяніемъ театральной среды, смотрѣвшей на любовныя вольности артистовъ, какъ на нѣчто совершенно естественное, почти законное и неизбѣжное, отчасти потому, что рой женщинъ, непрестанно крутившійся около Павла Аркадьевича, былъ однимъ изъ видовъ его артистическаго успѣха, «ихъ» общаго успѣха, и, какъ это ни странно, льстилъ ея самолюбію. При томъ у нея не было возможности ревновать этихъ дамъ каждую въ отдѣльности: не успѣетъ она узнать, что Павелъ Аркадьевичъ увлекается такой-то, какъ счастливую избранницу смѣняетъ новая фаворитка, а только что отставленная безслѣдно исчезаетъ съ горизонта или является къ ней же въ образѣ кающейся Магдалины и, обычно, съ доносомъ на счастливую соперницу, смѣняющую ее въ непостоянномъ сердцѣ Павла Аркадьевича. И тѣмъ не менѣе нашлась женщина, смертельно ранившая сердце Софьи Николаевны, сумѣвшая привязать къ себѣ Павла Аркадьевича на всю жизнь.

Это была Вѣра Александровна Бутакова, вдова московскаго милліонера, когда-то легендарнаго по роскоши и расточительности своей жизни. Самъ Бутаковъ умеръ, оставивъ женѣ жалкія крохи отъ громаднаго состоянія, но и этихъ крохъ хватало на хорошую, барскую жизнь, и домъ Вѣры Александровны славился гостепріимствомъ на всю Москву. Многіе не понимали что собственно прельстило Павла Аркадьевича въ Бутаковой? Она не блистала красотой, еще меньше умомъ, и не могла идти въ сравненіе съ цѣлымъ рядомъ блестящихъ свѣтскихъ женщинъ и артистокъ, не сумѣвшихъ, однако, удержать сердце Павла Аркадьевича. Тѣ, которые не понимали, не отдавали себѣ отчета въ томъ, что для артиста, ищущаго отдыха отъ своихъ трудовъ и театральной атмосферы, недостатки Вѣры Александровны оказывались, — при наличіи хорошаго воспитанія и природной доброты, — большими, положительными качествами. Усталый человѣкъ, проведен-

шій день въ обществѣ талантливыхъ и умныхъ сотрудниковъ, невольно отдыхаетъ, когда ему не надо напрягаться, чтобы вести серьезный разговоръ, отвѣчать на умные вопросы и считаться съ художественными претензіями и вкусами своего собесѣдника. Что до того, что Вѣра Александровна не знала театральнаго дѣла и ничего въ немъ не понимала, а Софья Николаевна могла вести театръ, не нуждаясь въ указаніяхъ мужа, наоборотъ, помогая ему, даже исправляя тѣ хозяйственныя и дѣловыя ошибки, которыя онъ дѣлалъ по горячности или художественному увлеченію? Это-то и мѣшало ей быть отдыхомъ, покоемъ, развлеченіемъ; захваченная артистическими успѣхами мужа, погруженная въ мелочи и детали закулисной жизни, она не могла отрѣшиться отъ декораторовъ и маляровъ, машинистовъ и плотниковъ, костюмеровъ и парикмахеровъ. Оставаясь съ глазу на глазъ съ Павломъ Аркадьевичемъ, Софья Николаевна тотчасъ заводитъ разговоръ о скучныхъ подробностяхъ или о серьезныхъ неприємностяхъ и затрудненіяхъ. Къ тому же она имѣетъ свои взгляды, вкусы, симпатіи и настроенія, съ которыми приходится считаться.

А Вѣра Александровна, проникнутая сознаниемъ своей непрактичности и художественнаго невѣжества, скромная, влюбленная, смотрящая на искусство и на весь міръ глазами своего кумира, беспокоится только объ одномъ: устроить Павла Аркадьевича поуютнѣй въ креслѣ, заставить его закрыть глаза, ни о чемъ не думать, развлечь, отогнать отъ него всѣ докучи тяжелаго рабочаго дня. Ясно, что въ этихъ условіяхъ она оказалась негодима и врѣзалась клиномъ въ семейную жизнь Волоцкихъ. Павелъ Аркадьевичъ не могъ безъ нея дышать, долженъ былъ видѣть ее ежедневно, каждый вечеръ, какъ только чувствовалъ себя усталымъ и хотѣлъ отдохнуть; онъ не въ состояніи былъ сѣсть ужинать послѣ спектакля, если около него не было Вѣры Александровны. И Софья Николаевна пришлось укротить свою гордость и примириться съ этимъ положеніемъ. Правда, Вѣра Александровна обладала, большимъ природнымъ тактомъ и никогда не афишировала своихъ отношеній къ Павлу Аркадьевичу, наоборотъ, держала себя съ нимъ въ присутствіи третьихъ лицъ, какъ добрая знакомая, и только, но, вѣдь это были крохи, падавшія со стола богатаго несчастному, униженному Лазарю, и суть дѣла отъ этого нисколько не мѣнялась, муки ревности становились только острѣй. Софья Николаевна находила въ себѣ достаточно мужества и выдержки, чтобы мириться съ физической измѣной мужа, переносить измѣну духовную ей было невыносимо; а какъ иначе назвать отношенія, установившіяся между Павломъ Аркадьевичемъ и Вѣрой Александровной? Онъ не только отдыхалъ въ ея обществѣ, но и довѣрялъ ей мысли и чувства, о которыхъ никогда не заходила рѣчь между нимъ и его законной женой и помощницей.

Ревность и хлопотливое участіе въ гласной, официальной жизни Павла Аркадьевича не оставляли Софью Николаевну ни времени, ни возможности беспокоиться и думать о дѣтяхъ. На новой квартирѣ это дошло, наконецъ, до ея сознанія.

Мальчики и въ Каретномъ ряду жили отдѣльно, въ мезонинѣ, но тамъ домъ былъ меньше; достаточно было напрячь слухъ, чтобы различить ихъ возню, голоса и крики, а въ новомъ помѣщеніи ихъ стало и не видно, и не слышно, и это показалось ей очень безпокойнымъ. Однако, тревога ея продолжалась недолго: имъ нашли занятіе и очень быстро: Колю, которому шелъ одиннадцатый годъ, отдали въ гимназію, а Андрюшу въ дѣтскій садъ, и Софья Николаевна сразу успокоилась: дѣти не болтались безъ дѣла; днемъ ходили въ школу,

а вечеромъ, по ея предположенію, готовили уроки. Коля, дѣйствительно, что-то готовилъ но Андрюша не готовилъ рѣшительно ничего, такъ какъ, былъ очень занятъ своими мыслями. Никѣмъ не тревожимый, онъ жилъ своей личной маленькой жизнью.

Дѣтскій садъ, въ который отдали Андрюшу, принадлежалъ тремъ сестрамъ Биберштейнъ. Это было въ высшей степени почтенное и солидное учрежденіе. Помѣщалось оно хоть и въ частной квартирѣ, но комнаты были большія, просторныя, свѣтлыя, и содержались съ чисто нѣмецкой, щепетильной аккуратностью и чистотой. На всѣхъ окнахъ стояли горшки съ цвѣтами, а на всѣхъ стѣнахъ висѣли научныя пособія, въ видѣ показательныхъ моделей естественныхъ и промышленныхъ чудесъ: жизнь пчелы и соты въ разрѣзѣ, хлѣбный колосъ и получаемые изъ него продукты. Моделей было много, но Андрюша запомнилъ только эти двѣ. Пчелы остались у него въ памяти, потому что соты были очень натурально изображены, и Андрюша все мечталъ лизнуть ихъ, чтобы убѣдиться, не настоящія ли? А колосъ запомнился ему изъ-за крошечной соломенной шляпы, фигурировавшей подъ стекломъ въ видѣ образца издѣлій, на подѣлку коихъ идетъ солома. Шляпу эту ему очень хотѣлось пріобрѣсти въ собственность, даже попросту похитить, но она висѣла на недосягаемой для него высотѣ, такъ что и этой прелестью можно было любоваться только издали.

Изъ трехъ сестеръ Биберштейнъ запомнилась Андрюшѣ только младшая, Берта, довольно хорошенькая, женственная блондинка. Какъ опытная воспитательница, она вела занятія и дѣлала замѣчанія безъ напора, не повышая голоса, какъ будто мимоходомъ. Это очень нравилось Андрюшѣ. Особенно ему нравилось, что въ дѣтскомъ саду можно было возиться и шалить, то есть, дѣлать запрещенное дома. Тѣмъ не менѣе, мудрость, которую фрейленъ Берта преподавала, укладывалась въ Андрюшиной головѣ чрезвычайно туго: четыре правила арифметики и начальная грамота не выдерживали конкуренціи со сказками и присказками его новаго друга.

Другомъ этимъ былъ одинъ изъ театральныхъ разыльныхъ, Григорій, тверской мужикъ, нѣсколько себѣ на умѣ, но серьезный, набожный, любившій «отмаливать» свои грѣхи. Каждый день утромъ онъ отводилъ Андрюшу въ дѣтскій садъ, а въ три часа приходилъ за нимъ, чтобы вести его домой. У нихъ былъ уговоръ: на обратномъ пути къ дому сказывать сказку, а не то Андрюша садился на тумбу и отказывался идти пѣшкомъ, а путь былъ изрядный, съ Петровки до Никитскихъ воротъ и нести дите на рукахъ было трудновато. Случалось, если день былъ морозный, по дорогѣ они заходили къ Григорьеву куму, служившему курьеромъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ, въ маломъ подъѣздѣ, откуда былъ ходъ въ канцелярію. Пока они отгрѣвались въ кумовой каморкѣ, и Григорій выкушивалъ обязательный стаканъ чая, а Андрюша сосалъ столь же обязательный леденецъ, кумъ посвящалъ ихъ во всѣ новости дня и въ намѣренія самого генераль-губернатора, князя Долгорукова. Выходя отъ него, Григорій каждый разъ наказывалъ Андрюшѣ:

— Слышь ты, Андрюшенька, не сказывай дома, что мы къ куму заходили.

— Не скажу, — сопѣлъ въ отвѣтъ Андрюша, и тѣмъ не менѣе воздержаться отъ сообщенія довѣренныхъ кумомъ новостей не могъ, и за обѣдомъ, какъ только наступало молчаніе, тотчасъ раздавался его тихій и неторопливый голосъ:

— А князь Долгорукій разсердился на Воейкова! Или

— А князь Долгорукій ѣдетъ на той недѣлѣ въ Петербургъ!

Свѣдѣнія эти въ большинствѣ случаевъ оказывались вѣрными, а потому старшіе прислушивались къ нимъ со вниманіемъ. Иногда его спрашивали:

— Откуда ты это узналъ?

— Въ школѣ сказали...

Впрочемъ Андрюша слѣдитъ за жизнью «хозяина» Москвы безъ особаго увлеченія. Въ разоблаченіи генераль-губернаторскихъ секретовъ ему нравился самый процессъ ихъ добыванія, какъ нравилось знать что-то, чего не знали старшіе; самъ же онъ гораздо больше интересовался жизнью царицы Василисы, бабы-яги и иныхъ сказочныхъ героевъ, принимавшихъ въ передачѣ Григорія удивительно человѣческой образъ. Всѣ они были люди, какъ люди, и, если баба-яга могла летать въ ступѣ, а царица Василиса превращаться то въ лягушонку, то въ бѣлую лебедь, то этимъ опредѣлялась лишь географическая и историческая перспектива повѣствованія: очевидно, дѣло, происходило и давно и далеко, но все же въ русской землѣ, среди православнаго народа, да притомъ богомольнаго, потому что и прекрасная Василиса и Иванъ-царевичъ безъ молитвы шагу не ступали; за то Царица Небесная со святыми угодниками никогда ихъ въ бѣдѣ не оставляли. Но самое интересное для Андрюши было воображать себя самого царевичемъ Иваномъ, а кто же тогда царевна? Конечно, та, что ласковѣй другихъ, то есть Берта Биберштейнъ. Она его спрашиваетъ:

— Сколько семью семь, Андрюша?

А онъ ее въ жемчужный кокошникъ наряжаетъ и толкомъ ничего отвѣтить не можетъ...

Но не всѣ сказки Андрюша любилъ одинаково, а одной, о Правдѣ и о Кривдѣ, не любилъ даже вовсе, а между тѣмъ Григорій рассказывалъ ее часто:

— Кривдой, вишь-ты, Андрюшенька, не проживешь...

— А зачѣмъ ему тогда глаза кололи? — протестуетъ недовольнымъ голосомъ Андрюша.

— Да какъ же не колоть ему глазъ-то, — увѣренно и спокойно отвѣчаетъ Григорій, — за правду-то, за матушку, тоже, вѣдь, пострадать надо.

— Почему пострадать надо?

— Христось страдалъ, и намъ страдать надо.

На этомъ обыкновенно разговоръ кончался. О страданіяхъ Андрюша слушать не любилъ, и вопросъ ихъ цѣлесообразности оставался для него неяснымъ; но гдѣ-то, въ глубинѣ души, какъ уголекъ подъ слоємъ пепла, теплился неугасимый протестъ противъ несправедливости и временнаго хотя бы торжества Кривды.

Отношенія съ Григоріемъ не прекратились и послѣ того, какъ Андрюшу отдали въ приготовительный классъ гимназіи; встрѣчи стали только рѣже. Передъ всякимъ праздникомъ Григорій неизмѣнно являлся наверхъ и просилъ:

— Барыня, разрѣшите свести мальчиковъ въ баню.

Софья Николаевна всегда разрѣшала, давала рубль на расходы, и Григорій торжественно вель ихъ въ Чернышевскія бани, на дворянскую половину. Это занятіе нравилось обоимъ братьямъ, а вотъ ходить съ Григоріемъ въ церковь Коля уже не любилъ, между тѣмъ, какъ Андрюша безропотно поднимался даже ночью къ заутрени и выстаивалъ рядомъ съ Григоріемъ длиннѣйшія церковныя службы. Молиться онъ не умѣлъ, потому что Григорій стѣснялся обучать мужицкой молитвѣ грамотнаго барчука, а дома никто не догадывался этого сдѣлать, хотя Софья Николаевна и считала себя жен-

щиной религиозной, и въ спальнѣ у ней стоялъ кіотъ, полный старинныхъ иконъ въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ. Въ церкви, какая бы служба ни шла, Андрюша всегда наслаждался: въ время обѣдни торжественностью богослуженія, на всенощной предвкушеніемъ праздника. А особенно нравились ему сборы къ заутрени. Дома всѣ крѣпко спали, когда Григорій, съ огаркомъ въ рукѣ, являлся къ нему въ комнату, неслышно ступая въ валенкахъ, шопотомъ будилъ его, тихонько помогая ему встать, умыться и одѣться, а затѣмъ, оба они, какъ воры, на цыпочкахъ спускались по черной лѣстницѣ, проходили по безконечному темному корридору на парадный ходъ, и тамъ сонный швейцаръ выпускалъ ихъ наружу. На улицѣ ни души, только приближаясь къ церкви, замѣчали они рѣдкія тѣни ночныхъ богомолковъ и богомолокъ. Въ темнотѣ казалось холодно и Андрюша дрожала всѣмъ тѣломъ, а въ церкви было пусто и таинственно страшно. Рѣдкіе лики святыхъ, Спасителя и Богородицы, озаренные лампадами и копеечными свѣчами смотрѣли строго, сурово, и надо было пристально въ нихъ вглядываться, чтобъ подъ этой суровостью различить скорбное выраженіе.

— Господи! Прости согрѣшенія наши! — вздыхаетъ Григорій и часто, часто крестится, кланяясь въ поясъ. Андрюша смотритъ на него и рѣшается: «надо и мнѣ помолиться», и по примѣру Григорія дѣлаетъ поклонъ и вздыхаетъ:

— Господи, прости меня грѣшнаго!

Если бы Григорій не питалъ такого уваженія къ грамотѣ, онъ отлично воспиталъ бы Андрюшу въ духовномъ отношеніи; но, къ сожалѣнію, онъ забылъ, что и апостолы вышли изъ безграмотныхъ галилейскихъ рыбаковъ, и сознание своей сѣрости не позволяло ему пускаться въ науку, то-есть, учить другихъ, да притомъ и грѣховность свою онъ ощущалъ чрезвычайно остро. Все же эти совмѣстныя хожденія въ церковь и немудрыя слова, которыя онъ иногда ронялъ, вродѣ:

— Помолись Богородицѣ, Она наша Заступница! — создали въ душѣ Андрюши извѣстное религиозное настроеніе и привязанность къ чему то неясно-благостному, небесно-божественному. Богомъ для него былъ Господь Богъ Савваофъ, нарисованный въ куполѣ. Его онъ побаивался. Онъ сидѣлъ на тронѣ, прямо надъ землей, на небѣ, и оттуда смотрѣлъ и все видѣлъ, но до поры до времени молчалъ, и это было самое страшное. А вотъ Иисусъ Христосъ былъ уже попроще: Онъ ходилъ между людей, являлся имъ, говорилъ съ ними, а потому казался болѣе близкимъ, доступнымъ: къ Нему было уже не страшно обращаться не только съ молитвой, но и съ просьбой, чтобъ папа не выдралъ подъ горячую руку. Однако, и съ Иисусомъ Христомъ особой увѣренности въ себѣ Андрюша не чувствовала. Вспоминалась ему картинка изъ священной исторіи, какъ Иисусъ Христосъ изгоняетъ торгующихъ изъ храма, и развѣвавшееся въ рукѣ Спасителя «вервѣ» невольно становилось въ связь съ розгами. Изъ этой картинки Андрюша дѣлалъ логическій выводъ, что, если провиниться, то и Христосъ по головкѣ не погладитъ. Но изъ отрывочныхъ словъ Григорія и разговоровъ на кухнѣ и въ буфетной, Андрюша узнала, что есть на небѣ начальство, къ которому можно обращаться безбоязненно, сколько бы единицъ въ классномъ журналѣ у человека ни торчало, и что это начальство — Богородица, наша «Заступница». Богородица никогда никого не осуждаетъ, ни взрослыхъ, ни приготовишекъ, и какъ тамъ ни провинись, у ней всегда можно просить защиты и помощи. Андрюша твердо помнила слышанные имъ отъ Григорія и въ дѣвичьей рассказы. Въ нихъ варьировалось только наименованіе иконы Божіей Ма-

тери: то «Всѣхъ скорбящихъ», то «Скорпомощницы», то «Иверской», то «Казанской», а безнадѣжность положенія обращавшихся къ Заступницѣ, и дѣйственность Ея вмѣшательства оставались всегда неизмѣнными. Слушая эти рассказы, Андрюша, незамѣтно для самого себя, втягивался въ тотъ міръ, гдѣ сверхъестественному удивляться нечего, гдѣ все, наоборотъ, естественно: попросилъ и далъ!

Въ приготовительный классъ той самой гимназій, гдѣ учился Коля, Андрюша попалъ, едва ему исполнилось восемь лѣтъ. Въ видѣ экипировки онъ получилъ куртку, штаны и пальто старшаго брата. Коля изъ нихъ уже выросъ, а Андрюша не доросъ, такъ что зимнее пальто, напримѣръ, приходилось ему до пяткокъ. Въ такомъ видѣ, съ братнинымъ картузомъ на головѣ, налѣзавшимъ ему на оба уха, и съ кожанымъ ранцемъ за плечами, началъ онъ путешествовать отъ Никитскихъ воротъ въ Замоскворѣчье, въ Толмачевскую гимназію, одинъ одинешенекъ. Почему въ Толмачевскую, почему такъ далеко, когда по сосѣдству были другія гимназій, этого Андрюша не спрашивалъ, а ему не объясняли. Это далекое путешествіе онъ долженъ былъ продѣлывать, по предположенію родителей, вмѣстѣ со старшимъ братомъ, но Коля было скучно плестись черепашинымъ шагомъ, и онъ бросалъ Андрюшу, какъ только они выходили изъ воротъ. Имъ давали каждому по двадцать копеекъ въ день, на конку и на завтракъ. На конкѣ надо было ѣхать двѣ станціи, и за каждую платить по три копейки; туда и назадъ выходило двѣнадцать; пять копеекъ стояла у булочника, приходившаго въ гимназію во время большой перемѣны, французская булка съ чайной колбасой, а за три копейки тотъ же булочникъ давалъ два яблока или пирожное. Но оба брата предпочитали ходить пѣшкомъ, а деньги тратить на «запрещенное», напримѣръ, на жареные пирожки съ грибами. На улицѣ пирожники продавали ихъ по три копейки штука или пятакъ пара. Этимъ собственно и ограничивалась общность интересовъ между двумя братьями. Отношеній между ними не было никакихъ. Коля былъ скрытный, необщительный; избѣгалъ общества, особенно дамъ и барышень, которыхъ боялся, какъ огня, а Андрюша былъ весь душа на распаху, любилъ до чрезвычайности гостей и постоянно былъ около женщинъ. За это Коля искренно его презиралъ. Для Коли, для скрипача, было мученіемъ играть при комъ-нибудь постороннемъ, выслушивать комплименты, быть центромъ вниманія, а Андрюша распылялся отъ счастья, когда кто-нибудь обращался къ нему съ ласковымъ словомъ. Въ стремленіи его къ женскому полу, помимо чисто-дѣтской потребности ласки, былъ заложенъ и какой-то мужской инстинктъ, выразвившійся въ томъ, что по девятому году онъ высмотрѣлъ въ какомъ-то ларькѣ и приобрѣлъ за три копейки книжку, называвшуюся «Ключъ къ женскому сердцу». На обложкѣ было изображено пылающее сердце, а подъ нимъ, какъ подъ папской тиарой, два скрещенныхъ ключа. Познанія, которыя онъ изъ этой книжки извлекъ, были имъ немедленно примѣнены на практикѣ. Предметомъ своего поклоненія онъ избралъ Наталью Алексѣвну Браницкую, знаменитую впослѣдствіи актрису, а въ тѣ поры ученицу драматической студіи, шестнадцатилѣтнюю красавицу и протежѣ Софьи Николаевны. Желая удержать будущую артистку на стезѣ добродѣтели, Софья Николаевна всячески помогала ей жить: достала ей нѣсколько уроковъ, кормила, поила, одѣвала ее, и между прочимъ пригласила ее репетировать Андрюшу по русскому языку. Уроки эти про-

исходили такъ: Браницкая съ жаромъ объясняетъ Андрюшѣ какое-нибудь правило грамматики, а тотъ, опершись на локоть, восторженно на нее смотритъ и вдругъ, среди самыхъ горячихъ грамматическихъ объясненій, не выдерживаетъ и пищитъ:

— Наталья Алексѣевна, какая вы хорошенькая!

Браницкая раздражается горькими слезами: ей обидно и за пропавшій напрасно трудъ, и за свою молодость, которую, по ея мнѣнію, заѣдаетъ нужда:

— Негодный мальчишка, погоди, я пожалуйсъ папѣ...

Но въ основѣ влюбленность его была не плохая. Ему какъ мечтателю, поэту въ душѣ, нуженъ былъ объектъ поклоненія, какая-то свѣтлая точка, вокругъ которой роились бы его дѣтскія грезы. Мечты его сплетались самымъ причудливымъ образомъ изъ воображаемыхъ подвиговъ рыцарскаго самоотверженія и чисто мальчишескихъ желаній поправить лошадью или машиной: Наталья Алексѣевна выходитъ, напримѣръ, на крыльцо, а онъ кучеръ и подаетъ ей экипажъ, и везетъ ее кататься въ Петровский паркъ, или она ѣдетъ въ Орель, пріѣзжаетъ на Курскій вокзалъ, а онъ — машинистъ и весь измазанъ въ сажѣ, но она его узнаетъ и спокойно садится въ поѣздъ и не боится повторенія Кукуевской катастрофы...

При такихъ мечтахъ было не до ученія, и Андрюша остался въ приготовительномъ классѣ на второй годъ. Отецъ по этому случаю его выдралъ, а мать не придала его провалу особаго значенія, объяснивъ себѣ его неуспѣхъ черезчуръ молодымъ возрастомъ. Однако проводить въ приготовительномъ классѣ второй годъ Андрюшѣ показалось скучно, а потому съ осени онъ часто вмѣсто гимназіи уходилъ на весь день въ Кремлевскій садъ или просто бродилъ по улицамъ и бульварамъ. Всякій разъ, какъ его на этомъ излавливали, Павелъ Аркадьевичъ выходилъ изъ себя и поролъ его неистово. Однако, хоть Андрюша и боялся отца, и подъ розгами кричалъ, словно съ него сдирали кожу, никакой пользы это отцовское усердіе не принесло; наоборотъ, вся Андрюшина энергія устремилась не на то, чтобы исправиться и подлѣчиться, а на то, чтобы изобрѣсти способъ провести родителей и избѣжать розогъ. Въ результатѣ ему грозило остаться въ томъ же классѣ на третій годъ, но на его счастье приготовительные классы были упразднены во всѣхъ российскихъ гимназіяхъ, и Андрюшу, поневолѣ, перевели въ первый классъ. Тутъ уже начиналась латынь, и преподавалъ ее самъ Воиновъ, инспекторъ классовъ, высокій, тонкій педантъ, у котораго внѣшность и содержаніе были въ одинаковой мѣрѣ сухи. Дома за Андрюшу принялись уже серьезно. Ежедневно передъ обѣдомъ онъ долженъ былъ показывать свой журналъ, и если тамъ торчала единица или двойка, отецъ его дралъ. Въ концѣ концовъ этимъ бесполезнымъ истязаніемъ возмущился дядя Андрюши, безшабашный гуляка и приживала, Дмитрій Николаевичъ Маевскій, и, подѣ предложивъ сбереженія нервовъ Павла Аркадьевича, предложилъ поручить эти экзекуціи ему. Онъ раскладывалъ Андрюшу и легонечко шлепалъ его розгами, приговаривая: «Кричи! Кричи громче!»...

Кромѣ порки, по отношенію къ Андрюшѣ были приняты и другія педагогическія мѣры. Начали съ того, что молодого мечтателя лишили сладкаго блюда. Тогда онъ сталъ воровать сахаръ. Воровство это было замѣчено; сахаръ стали запираить на ключъ, а Андрюшу выдрали такъ усердно, что нѣсколько дней ему было больно садиться. Когда рубцы зажили, онъ укралъ ключъ отъ сахарницы. Ключъ поискали, поохали, поахали, заказали другой и успокоились. Но въ одинъ прекрасный день Андрюша не рассчиталъ и за-

хватилъ слишкомъ большую порцію сахара. За шка-тулкой установили слѣжку и воръ попался съ поличнымъ. Софья Николаевна, узнавъ, до какого паденія дошелъ ея сынъ, горько заплакала, а, успокоившись, выпорола его сама, боясь предоставить экзекуцію отцу, «чтобъ, Боже сохрани, Павелъ Аркадьевичъ его не убилъ». Опасеніе это имѣло нѣкоторое основаніе, ибо фамильная гордость Павла Аркадьевича была донельзя уязвлена этимъ событіемъ: «Волоцкой и вдругъ воръ!» — съ пафосомъ повторялъ онъ, — «не желаю его больше видѣть!»

«Не видѣть» было очень легко, для этого оказалось достаточно лишить Андрюшу права обѣдать за общимъ столомъ, а, если отецъ и сынъ встрѣчались случайно на лѣстницѣ или въ корридорѣ, то на этотъ случай былъ выработанъ особый церемоніаль. Андрюша долженъ былъ подходить и говорить: «Здравствуй папа!», а отецъ дѣлалъ видъ, что его не замѣчаетъ. Первые два-три дня Андрюшѣ было ужасно стыдно обѣдать въ буфетной, и когда одна изъ горничныхъ погладила его по головѣ и сказала: «эхъ ты, болѣзненный!», то Андрюша горько заплакалъ. Но очень скоро онъ привыкъ къ своему новому положенію да и суровость запрета немного смягчилась, и Андрюша до того осмѣлѣлъ, что когда бывали гости, и у него разгоралось любопытство послушать, о чемъ говорятъ за столомъ, то онъ самъ отправлялся со своей тарелкой въ столовую за подбавкой. Гости, конечно, удивлялись его неожиданному появленію и находились неосторожными, которые спрашивали, почему онъ не обѣдаетъ со всѣми: и тогда мама, краснѣя, объясняла, что вотъ молъ «наказалъ ихъ Господь Богъ, пославъ такого неудачнаго сына», а отецъ обыкновенно отвѣчалъ кратко: «потому что мерзавецъ!» Братъ и сестра смотрѣли на него тоже какъ-то странно, словно онъ былъ имъ чужой... Однако, ко всему этому можно было претерпѣться и даже со всѣмъ этимъ слюбиться, тѣмъ болѣе, что разговоры на кухнѣ и въ буфетной бывали очень интересные, къ одному только никакъ не могъ привыкнуть Андрюша — это сидѣть безъ сладкаго. Правда, если къ столу подавали компотъ или кисель или что другое въ этомъ родѣ, то ихъ «кухарка за повара» толстая Аннушка, всегда бывало, выглянетъ изъ кухни, поманить его пальцемъ, посадить у себя въ углу за шкафомъ на полѣно и сунетъ ему въ руки тарелку: «Ѣшь, да помалкивай!» Онъ уплететъ все тихо, какъ мышь, и потомъ выходитъ изъ кухни, переваливаясь. Но такія блюда, отъ которыхъ можно было урвать что-либо, случались рѣдко, а сладкіе пироги, торты, фрукты и конфеты, все это проплывало мимо, потому что всѣмъ этимъ завѣдывала гувернантка, фрейленъ Эмма, старая дѣва, желчная и сварливая. Но, въ концѣ концовъ, Андрюша изобрѣлъ способъ добывать себѣ и сладкое. Онъ вспомнилъ, что у мамы и папы на ночныхъ столикахъ часто остается серебряная мелочь, и вотъ, пока всѣ обѣдаютъ, онъ пробирается потихоньку въ спальню къ матери, а то и до такой смѣлости дойдетъ, что сбѣгаетъ внизъ, въ кабинетъ къ отцу, и стянетъ, когда двугривенный, когда пятиалтынный, да чернымъ ходомъ драла въ кондитерскую Бартельса и тамъ наѣстся сладкими пирожками.

Такъ, сквозь природную его мечтательную лѣность пробивался духъ предприимчивости и желанія поставить на своемъ. Андрюша не задумывался надъ тѣмъ, хорошо ли воровать сахаръ и деньги; онъ давалъ волю сердцу, которое сладко замирало во время этихъ грабительскихъ налетовъ отъ ощущенія опасности: понаписъ онъ на такой кражѣ отцу, тотъ бы его изувѣчилъ; тѣмъ слаще были сладкіе пирожки, тѣмъ занятнѣй и веселѣй было удираить по черному ходу: прислу-

ги было много, и своей и театральной, и выйти из дому незамѣченнымъ было вовсе не такъ просто. Да и на улицѣ было небезопасно. Благодаря отцу, его знала масса народа, и изъ-за этой излишней популярности у него сорвалось однажды необыкновенное предпріятіе.

**

На Святкахъ, когда Григорій по заведенному обычаю явился наверхъ, чтобъ вести мальчиковъ на народное гулянье въ городской манежъ, Софья Николаевна отпустила съ нимъ одного Колю, а Андрюшу, въ наказаніе за безнадежное его поведеніе, оставила безъ гулянья. Отчаяніе оштрафованнаго Андрюши не имѣло предѣловъ. Гулянья въ манежѣ, имѣвшія мѣсто на Рождество, Масляную и Пасху, являлись предметомъ заблаговременныхъ страстныхъ его мечтаній, такъ какъ кромѣ цѣлаго ряда бесплатныхъ развлеченій и цирковыхъ номеровъ, тамъ продавались кустарныя игрушки и сласти, которыхъ въ обыкновенное время благовоспитанные дѣти были лишены, напримѣръ, маковники или такъ называемые «американскіе жители», чертики въ пробиркахъ. Поплакавъ съ полчаса, Андрюша сталъ изобрѣтать способъ попасть въ манежъ, не взирая на родительское запрещеніе, но встрѣтился съ неодолимой трудностью — отсутствіемъ денегъ. Обыкновенно Софья Николаевна давала имъ на гулянье по два рубля на человѣка, и этихъ денегъ, по словамъ Григорія, едва, едва хватало. А два рубля не то что взять, но и украсть было негдѣ. Поразмысливъ, Андрюша рѣшилъ начать копить деньги и на Масляной отыграться за два раза. Всѣми правдами и неправдами, экономя на конкѣ, отказывая себѣ въ жареныхъ пирожкахъ съ грибами, и даже при случаѣ воруя, гдѣ пятакъ, гдѣ гривенникъ, Андрюша къ Масляной скопилъ полтора рубля. Въ гимназій ихъ распускали въ среду, но гулянье начиналось съ понедѣльника, и Андрюша рѣшилъ отправиться въ манежъ во вторникъ, съ утра, и насладиться необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Выйдя изъ дому, какъ будто въ гимназію, онъ погулялъ въ Кремлевскомъ саду по присыпаннымъ желтымъ песочкомъ снѣжнымъ дорожкамъ, и, около десяти утра, стоялъ у входной кассы манежа первымъ. Вошелъ, и началось наслажденіе. Манежъ украшался цѣлымъ лѣсомъ елокъ. Между ними, по обѣимъ сторонамъ, протянулись въ два ряда театры, балаганы, тиры, и всевозможныя увеселенія. При входѣ, въ углу, имѣлся буфетъ тоже огороженный елками. Андрюша обошелъ два раза вокругъ всего манежа, высмотрѣлъ, гдѣ и что будутъ показывать, и когда начались представленія, и звонки стали призывать публику, то въ одинъ конецъ манежа, то въ другой, онъ въ перевалку поспѣвалъ за толпой, не пропуская ни одного зрѣлища. Наконецъ, циклъ представленій былъ законченъ.

Андрюша, все осмотрѣлъ и начиналъ чувствовать сильную усталость и голодь. Правда, онъ сѣлъ и вяземскій, и тульскій пряникъ, и даже маковникъ, но что это за ѣда для мальчика, которому съ восьми часовъ утра тяжелый ранецъ и зимнее пальто до пятъ оттягиваютъ плечи. И вотъ взоръ его упалъ, уже въ который разъ, на быка. Быкъ былъ неживой, искусственный, огромный, но очень натурально сдѣланный изъ кожи, съ головой, рогами и хвостомъ; ногъ его за елками не было видно, а возвышалось надъ ними лишь туловище и голова. Подъ быкомъ висѣла надпись: «Тотъ, кто влѣзетъ въ быка съ головы, а вылѣзетъ изъ подъ хвоста, получить въ буфетѣ бесплатно завтракъ». Меню завтрака сообщалось тутъ же мелкимъ шрифтомъ и было очень соблазнительно: «Порція блиновъ съ икрой, два

блюда, сладкое, водка, пиво, красное вино». Между елочками, стоявшими сплошной стѣной, были оставлены двѣ какъ бы лазейки: одна для входа въ быка, другая для выхода. Все это Андрюша высмотрѣлъ. Долго онъ бродилъ, размышляя, «стоитъ» или «не стоитъ», и наконецъ, движимый голодомъ, рѣшился и шмыгнулъ за елки.

Прямо противъ него лѣсенка вела къ дверцѣ, продѣланной въ бычьей груди и полуприкрытой распахнутыми шкурами. «Что жъ тутъ думать?» — рѣшаетъ Андрюша, — «главное сдѣлано», — и онъ бодро ступилъ на шаткія ступени. Тутъ, откуда ни возмись, услужливый парень открываетъ ему дверцу во внутрь, и, какъ только Андрюша проникаетъ въ быка, плотно ее закрываетъ. Въ тотъ же моментъ надъ Андрюшиной головой раздается колокольный трезвонъ, словно къ этому мѣсту собираютъ публику со всего манежа. Это его пугаетъ и онъ торопится вылѣзти наружу, но это не такъ то легко. Для выхода, вмѣсто дверцы, оставлена какая-то щель между шкурами, и въ нее очень трудно пролѣзть, а тутъ еще мѣшаетъ ранецъ, который за все цѣпляется, и хвостъ, которымъ быкъ машетъ въ тактъ колоколу и бьетъ Андрюшу прямо по лицу. Кое-какъ онъ все же справляется со всѣми этими трудностями и вылѣзаетъ наружу. Раздается взрывъ неистоваго хохота. Онъ покрываетъ даже звонъ. Андрюша оглядывается, смотритъ внизъ и... о ужасъ!... Онъ на виду у публики, и надъ нимъ грохочетъ сбѣжавшаяся со всего манежа толпа! Первое его движеніе было скрыться, вернуться назадъ, но не успѣлъ онъ сунуться обратно въ узкую щель, какъ новый взрывъ безудержнаго хохота заставилъ его опомниться, и, красный отъ стыда, онъ скатывается по лѣсенкѣ внизъ. Услужливый парень, ослабѣвъ, суетъ ему въ руку какую-то бумажку. Андрюша не понимаетъ, зачѣмъ, и окончательно переконфуженный, вылѣзаетъ изъ за елокъ. Вокругъ него тѣснятся какія-то незнакомыя, смѣющіяся рожи, и онъ уже не хозяинъ своихъ движеній, онъ словно въ угарѣ: толпа, какъ морская волна, несетъ его къ буфету; большинство остается у входа, но цѣлая компанія какихъ-то молодчиковъ, по виду охотничьихъ приказчиковъ, входитъ вмѣстѣ съ нимъ, смѣясь и забавляясь, смотрѣть «какъ мальченка будетъ лопать блины».

Въ буфетѣ его тоже встрѣтили смѣхомъ, и долго бы надъ нимъ издѣвались взрослые люди, если бы среди официантовъ не нашелся старый суровый брюзга, который взялъ его за руку и увелъ въ заднее помѣщеніе. Тамъ, ворча, старикъ сталъ его обмахивать и обтирать тряпкой, и тутъ только Андрюша понялъ причину общаго веселья: бычій хвостъ разукрасилъ его сажей, какъ трубочиста. Послѣ долгихъ усилій старикъ его оттеръ, обчистилъ, усадилъ въ скромномъ уголкѣ за столикъ и подаль блины, дѣйствительно съ икрой. Но не успѣлъ Андрюша, какъ слѣдуетъ, ими насладиться, и запить ихъ медомъ, поданнымъ ему вмѣсто вина, какъ къ ужасу своему увидѣлъ предъ собой дядю Мавескаго и Григорія. Андрюша понялъ, что пропалъ, хотя у обоихъ видъ былъ очень веселый. Оказалось, что кто-то изъ знакомыхъ видѣлъ, какъ онъ вылѣзалъ изъ быка, и тотчасъ бросился извѣстить объ этомъ Павла Аркадьевича. Можно себя представить, какая буча поднялась дома. Дмитрій Николаевичъ былъ немедленно командированъ съ Григоріемъ разыскать бѣглеца, и теперь дома Андрюшу ждала расправа...

По дорогѣ дядя не сказалъ ему ничего, только улыбался, а Григорій потихонечку шепнулъ на ушко:

— Да ты не робѣй; поцѣлуешь у папеньки ручку, быть можетъ и смилуется, да помолись про себя, ска-

жи: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!»

Въ столовой, куда былъ введенъ трясущійся Андрюша, было много гостей; какъ всегда, къ завтраку, ихъ набралось человекъ десять-двѣнадцать. Появление Андрюши было встрѣчено общимъ смѣхомъ, и такимъ дружнымъ, что Андрюша юпѣшилъ и приостановился.

— Поздоровайся же, — сказала ему мать, принявъ обиженный и страдающій видъ, до того она была шокирована этимъ «мѣщанскимъ» приключеніемъ.

Андрюша подошелъ къ ней, потомъ къ отцу, который противъ обыкновенія поцѣловалъ его, и по очереди сталъ обходить гостей. Когда онъ расшаркался передъ всѣми, Софья Николаевна спросила не хочетъ ли онъ ѣсть?

— Нѣтъ мама, — слышался слабый отвѣтный пискъ.

— Да, вѣдь, я его засталъ въ буфетѣ за блинами, — пояснилъ Маевскій.

— Какъ за блинами?

При общемъ смѣхѣ, побѣдившемъ въ концѣ концовъ даже настроеніе Софьи Николаевны, Андрюшу

заставили разсказать всю его манежную эпопею. Впрочемъ, къ концу разсказа дѣло пошло скорѣе и глаже, ибо Андрюша почуялъ верхнимъ чутьемъ, что на этотъ разъ драть его не будутъ. Дѣйствительно, родители, его наконецъ, поняли, что чего-то въ сынѣ не доглядѣли, и что этого «чего-то» розгой никакъ не вышибешь, и когда гости разошлись, они впервые серьезно задумались надъ тѣмъ, что имъ съ ихъ мальчикомъ дѣлать?

По привычкѣ, мысли ихъ направились въ сторону изысканія такихъ способовъ и условій воспитанія, которые были бы дѣйствительнѣй розогъ, въ смыслѣ строгости и успѣшнаго искорененія Андрюшиной «дури» и лѣности.

— Куда его дѣвать? — недоумѣвалъ Павелъ Аркадьевичъ, — кромѣ арестантскихъ ротъ я ему и мѣста не вижу.

Но судьба очень быстро пришла на помощь растерявшимся родителямъ, устроивъ все скорѣй, проще и лучше, нежели они могли ожидать.

П. Шостаковскій.

Е. С. Дьякова

Съ исключительно интересными воспоминаніями о событіяхъ на русскомъ фронтѣ въ 1917 году выступаютъ въ печати Е. С. Дьякова.

Ея статьи носятъ общее названіе «Агонія арміи».

Авторъ даетъ рядъ яркихъ картинъ напряженной

борьбы на фронтѣ силъ создающихъ съ ведущими разрушительную работу.

Е. С. Дьякова смотритъ правдѣ въ глаза.

Наши читатели знаютъ Е. С., какъ автора книги «Тѣнь Антихриста».

Отзывы критиковъ о книгѣ разнообразны.

Интересно отмѣтить отзывъ П. Н. Краснова.

«По жуткости впечатлѣнія инныя страницы романа Е. Дьяковой не уступаютъ безсмертной эпопее «Солнце мертвыхъ» Шмелева. Въ немъ то же солнце мертвыхъ, та же безотрадная тоска людского безсилія передъ страшною «народною» властью». «Когда читаешь тонкія, точныя, художественныя, яркія описанія русской православной жизни въ СССР, видишь не вымыселъ романа, но ихъ жуткую правду. Передъ читателемъ, свитокъ за свиткомъ, разворачиваются невѣроятныя нелѣпыя и рядомъ съ этимъ до слезъ трогашія дѣтскимъ смиреніемъ картины жизни русскихъ»...

«Встаегъ передъ читателемъ вся Русь обремененная съ ея солнцемъ опаленными, сожженными нивами, съ чернымъ захудалымъ народомъ землеробомъ, поющимъ молебны о ниспосла-



ніи дождя и вѣрующимъ, что такъ и будетъ».

Въ такомъ романѣ трудно выдержать совершенную ровность стиля и языка. Въ началѣ онъ идетъ повѣствовательно, обыденно, будто и не общается ничего выдающагося, но по мѣрѣ нарастанія дѣйствія становится сильнымъ, яркимъ, звенящимъ.

Пересказавъ содержаніе романа и отмѣтивъ, что одна изъ заключительныхъ сценъ невѣрна, — П. Н. Красновъ заканчиваетъ:

«Въ наше время, бѣдное хорошими, сильно написанными, влекущими горячею вѣрою книгами — романъ Е. Дьяковой — острое и необычайное явленіе. Авторъ одаренъ яркимъ талантомъ».

«Тѣнь антихриста» надо перевести на иностранные языки, надо, чтобы романъ-правду прочли тѣ, кто все думаетъ, что надъ Россіей свѣтитъ то же солнце, что и надъ ними».

Гражданская авіація въ Югославіи



Военный летчикъ В. И. Стрижевскій и его «аэротакси».

Изъ Балканскихъ странъ наибольшее развитіе авіація получила въ Югославіи. Количество военныхъ самолетовъ, находящихся въ авіаціонныхъ частяхъ, достигаетъ нѣсколькихъ сотъ развѣдчиковъ, легкихъ бомбардировщиковъ и истребителей. Всѣ самолеты вполнѣ современнаго типа, главнымъ образомъ, французскихъ конструкций. Югославія обратила большое вниманіе на развитіе своей авіаціонной промышленности, создала нѣсколько заводовъ для постройки самолетовъ и моторовъ, и, понимая чрезвычайно важное значеніе гражданской авіаціи для обороны страны, положила прочный фундаментъ для развитія воздушныхъ сообщеній и спортивной авіаціи.

Въ 1927 году въ Югославіи образовалось акціонерное общество «Аэропуть», съ капиталомъ въ 9 мил. динаръ, для организаци и эксплуатаціи воздушныхъ линій. Государство широко пошло на встрѣчу этому обществу и постановило выдавать ежегодно значительную денежную субсидію, въ размѣрѣ 13 динаръ за одинъ пройденный километръ, съ ограниченіемъ общаго ежегоднаго количества километража. Директоромъ этого общества, со дня основанія «Аэропуть» и до настоящаго времени является капитанъ резерва Зондермауэръ, сражавшійся въ Великую войну на Салоникскомъ фронтѣ въ качествѣ сербскаго военнаго летчика, и окончившій послѣ войны Высшую школу Авіаціи и Воздухоплаванія въ Парижѣ.

Въ качествѣ шефъ-пилота на открывающіяся линіи воздушныхъ сообщеній былъ приглашенъ русскій военный летчикъ капитанъ В. И. Стрижевскій, только что передъ этимъ взявшій первый призъ на воздушныхъ состязаніяхъ Малой Антанты и Польши. Командированный въ Парижъ для доставки летомъ въ Югославію четырехъ купленныхъ во Франціи самолетовъ «Потезъ-20», В. И. Стрижевскій послѣдовательно перелетѣлъ на трехъ потезахъ, четвертый же былъ доставленъ летомъ б. русскимъ военнымъ летчикомъ капитаномъ авіаціи Байдакъ, нынѣ состоящимъ на службѣ въ Югославянско-й военной авіаціи.

Съ прибытіемъ аппаратовъ открылась первая линія воздушныхъ сообщеній Бѣлградъ-Загребъ. Въ качествѣ пилотовъ, кромѣ В. И. Стрижевскаго, были приглашены еще русскіе военные летчики ротмистръ Ники-

тинъ и подпоручикъ Ярошенко. Полеты Бѣлградъ-Загребъ и обратно совершались каждый день съ удивительной регулярностью и при полномъ отсутствіи катастрофъ и аварий. Уже въ первый же 1928 годъ этотъ способъ сообщеній по воздуху приобрѣлъ такую популярность, создалась такая увѣренность въ безопасности полетовъ, что сплошь и рядомъ можно было видѣть въ качествѣ пассажировъ пожилыхъ епископовъ, мусульманскихъ «ходжа», дѣтей и даже женщинъ, съ грудными младенцами.

Въ 1929 г. воздушныя линіи увеличились; детали уже по тремъ маршрутамъ: Бѣлградъ-Загребъ, Загребъ-Гранцъ-Вѣна, Загребъ-Скопліе. Въ 1930 г. линія Бѣлградъ-Скопліе была продолжена до Салоникъ. Эта послѣдняя линія имѣетъ огромное значеніе, какъ естественный путь, по долинамъ рѣкъ, безъ пересѣченія горныхъ хребтовъ, связующій Европу съ Азіей. Образовались новыя линіи Бѣлградъ-Сараево-Подгорица и Загребъ-Сушакъ (около Фіуме).

Въ 1931 г. предполагается къ открытію еще новая линія вдоль Адриатическаго моря, но, въ виду чрезвычайно гористой и пересѣченной мѣстности, на этой линіи будутъ работать трехмоторные самолеты.

Въ настоящее время въ Парижѣ В. И. Стрижевскій принимаетъ самолетъ «Фарманъ—306» съ тремя моторами Лоррэнъ 240 л.с., для 8 пассажировъ, съ радиотелеграфной и радиотелефонной установкой, на которомъ и предполагаетъ перелетѣть въ Югославію.

За три прошедшіе года самолетами общества «Аэропуть» пройдено болѣе 600.000 километровъ, достигнута регулярность движенія по расписанію — 99%, и не было ни одной катастрофы и ни одной крупной аварии. Подобный результатъ работы Югославянскихъ линій при сравненіи съ работой аэролиній въ другихъ государствахъ надо признать отличнымъ.

Молодое Югославянское государство приобрѣло очень цѣнный опытъ по работѣ воздушныхъ линій, который теперь позволитъ значительно расширить воздушныя сообщенія и увеличить ихъ интенсивность.

Заслуга же блестящихъ русскихъ летчиковъ Стрижевскаго, Никитина и Ярошенко будетъ отмѣчена навсегда въ развитіи гражданской авіаціи въ Югославіи.

В. Барановъ.



Мартъ 1916 года. У наблюдательнаго пункта. Командиръ корпуса генераль-лейтенантъ баронъ Дельвигъ, начальникъ дивизіи генераль-маіоръ Деникинъ и командиръ 4 стр. артиллерійск. бригады полковникъ Марковъ.
(Снимокъ предоставленъ журналу «Россія» адъютантомъ командира корпуса сотникомъ Кирилловымъ).

СТАРАЯ АРМІЯ

(НОВАЯ КНИГА ГЕНЕРАЛА А. И. ДЕНИКИНА)

Въ предисловіи ко второму тому бытовыхъ очерковъ изъ цикла «Старая армія» генераль А. И. Деникинъ пишетъ:

«Я не претендую на всестороннее изслѣдованіе ея огромной жизни. Мои очерки — только отраженіе видѣннаго, слышаннаго и пережитого на протяженіи тридцати лѣтъ фактической службы въ пяти военныхъ округахъ, въ трехъ кампаніяхъ.

Пишу о свѣтломъ и темномъ. Русская армія имѣетъ довольно заслугъ, чтобы не бояться обнаруженія ея недочетовъ. Тѣмъ болѣе — памятуя Суворовское поученіе: «нужнѣе непріятное извѣстіе для преодоленія, нежели пріятное для утѣшенія».

Томъ второй очерковъ раздѣленъ на главы: «Въ юнкерскомъ училищѣ», «Въ артиллерійской бригадѣ» «Казарма».

Переведенный вмѣстѣ съ другими юнкерами изъ Кіевского въ Чугуевское военное училище, авторъ вступилъ въ «старинное крѣпостное зданіе со сводчатыми стѣнами-нишами, съ окнами, обращенными на Печерскъ, и съ амбразурами, глядящими въ поле къ Днѣпру».

«Лично я не такъ ужъ тяготился юнкерскимъ режимомъ» — вспоминаетъ онъ — «Всѣ мои дѣтскіе досуги проходили въ близкомъ общеніи со стрѣлками, драгунами и пограничниками, квартировавшими въ 70-80 годахъ въ городѣ Влоцлавскѣ. Гимнастическій городокъ, манежъ, стрѣльбище, полковая ученія увлекало и, вмѣстѣ съ разсказами отца, стараго воина, задолго до поступленія на службу вводило въ своеобразный и красочный военный бытъ.

Я шелъ по призванію».

Авторъ рисуетъ жизнь юнкеровъ этого періода, иллюстрируя общія положенія рядомъ красочныхъ эпи-

зодовъ. Онъ отмѣчаетъ достоинства и недочеты этой жизни и заключаетъ:

«Прошло почти сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, но не изгладилось во мнѣ теплое чувство къ своей школѣ».

Касаясь отрицательныхъ явленій, авторъ вспоминаетъ о традиціонномъ подраздѣленіи юнкеровъ въ кавалерійскихъ училищахъ на «корнетовъ» и «звѣрей» и съ полной опредѣленностью осуждаетъ «цукъ», «цуканье», принимавшее «форму настоящаго истязанія» или «глумленія надъ человѣческой личностью» и сохранявшееся до начала великой войны.

Генераль признаетъ также, что между юнкерами и начальствомъ «не было той близости, о которой въ области другихъ отношеній въ одинъ голосъ твердила приказная литература:

— Станьте ближе къ солдату!

Никто не напоминалъ:

— Станьте ближе къ юнкеру!

Въ училищѣ сосуществовали два разные міра, хотя и тѣсно соприкасавшіеся другъ съ другомъ».

Были, конечно, исключенія.

Характерны въ воспоминаніяхъ и сцены разбора вакансій прекрасно кончающимися училище, но «худородными» юнкерами.

«Славное время — лагери» — вспоминаетъ авторъ. Работа въ полѣ. Здоровая веселая жизнь. Пѣсни..

«Взвейтесь, соколы, орлами,

Полно горе горевать!

То ли дѣло подъ шатрами

Въ полѣ лагеремъ стоять!»

Проходятъ маневры, вѣнчающіе строевое обученіе, близится день производства въ офицеры и вотъ, наконецъ, торжественный приказъ...

Осенью 1892 г. А. И. Деникинъ прибылъ во 2 полковую артиллерійскую бригаду въ г. Бѣлу Сѣдлецкой губерніи. Глушь, захолустье, однообразная служба. Но артиллеристы — да и не они одни — съ интересомъ прочтутъ эти главы о «послѣднихъ могиранахъ».

О настроеніяхъ офицерства того времени авторъ говоритъ:

«Отечество воспринималось горячо, нутромъ, какъ весь сложившійся комплексъ бытія страны и народа, — безъ анализа, безъ знанія его жизни, безъ углубленія въ туманную область его интересовъ».

Офицерство «жило въ полужамкнутомъ кругу лицъ и идей; не проявляя любопытства къ общественнымъ и народнымъ движеніямъ; съ предубѣжденіемъ относиться къ умѣреннымъ общественнымъ кругамъ, безъ основанія подозрѣваемымъ въ «потрясеніи основъ»; встрѣчая съ ихъ стороны большее или меньшее идейное отчужденіе. Покуда... громы первой революціи не разбудили тѣхъ и другихъ, и не заставили открыть глаза и призадуматься. Очень многихъ, но далеко не всѣхъ. Остались, вѣдь, незрячіе и до сего дня, — послѣ всѣхъ потрясеній великой войны и второй «революціи».

Говоря о состояніи конной артиллеріи, авторъ констатируетъ, что «ко времени Японской войны она освѣжила свой составъ и подняла артиллерійское искусство. А къ великой войнѣ отъ тѣхъ анекдотическихъ временъ и слѣда не осталось: конная артиллерія стояла на должной высотѣ; измѣнились также къ лучшему взаимоотношенія съ полевой артиллеріей».

Въ третьей главѣ, посвященной казармѣ, отмѣчая значеніе для насъ Японской войны, генералъ заявляетъ:

«Горечь пораженія, ясное сознаніе своей отсталости вызвали большой подъемъ среди передового офицерства и заставили понемногу или перемѣнить направленіе или уйти въ сторону многое косное и устарѣлое.

Не было области въ организаціи и обученіи арміи, которая не подверглась бы тому или иному улучшенію.

Для меня нѣтъ сомнѣній, — говоритъ ген. Деникинъ, — что не будь тяжкаго манчжурскаго урока, Россія была бы раздавлена въ первые же мѣсяцы великой войны».

Въ дальнѣйшемъ авторъ отмѣчаетъ, что въ казармѣ «на внѣшнихъ отношеніяхъ лежала печать всеобщей русской малокультурности, составлявшей свойство не однѣхъ народныхъ массъ, но часто и интеллигенціи». Но въ то же время совершенно правильно указываетъ, что «когда въ числѣ причинъ, приведшихъ къ быстрому распаду русской арміи, преимущественное вниманіе отводить дурному обращенію съ солдатами, то къ выводу этому надо подходить съ большою осторожностью».

Статистика о числѣ осужденныхъ за жестокое обращеніе съ солдатами, о бѣгствѣ изъ рядовъ арміи, о числѣ самоубійствъ свидѣтельствуетъ наглядно, что въ германской и, въ особенности, въ австрійской арміи режимъ былъ много тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ, и что русская армія быстрѣе изживала общій историческій недугъ».

«Внѣшняя грубость казарменнаго режима въ глазахъ стороннихъ наблюдателей заслоняла его положительные черты, не всегда видныя со стороны и недостаточно оцѣненные, — сердечность, едва ли существовавшую въ такой степени въ какой либо изъ иностранныхъ армій, и заботливость о солдатѣ».

Въ длинной галлерей типовъ, встающихъ предъ нашими глазами, наряду съ «мордобоями» и бездушными формалистами, чередуются и, въ немаломъ числѣ, настоящіе подвизники долга, отдававшіе безкорыстно свои силы службѣ, свое сердце, досугъ и даже иногда скудныя сбереженія солдату».

Мы очень рекомендуемъ книгу генерала А. И. Деникина вниманію читателей.

Въ циклѣ «Старая армія» томъ второй, конечно, не послѣдній. И намъ хотѣлось бы видѣть, въ дальнѣйшемъ, какъ въ дни великой войны, въ окопной жизни сблизились солдатъ и офицеръ, и какой перелѣтъ лицомъ врага, въ годы защиты Россіи, предстала старая русская армія.

Е. К.

RESTAURANT
„CHEZ KORNILOFF“
6, rue d'Armaillé,
prolongement av. Carnot.

Tél. : Carnot 52-49

Ф. Д. Корниловъ

просить своихъ друзей и многоуважаемыхъ кліентовъ оказать ему вниманіе посѣщеніемъ открытаго имъ ресторана, гдѣ ихъ ждетъ радушный пріемъ и изысканный столъ.

Какъ сохранить здоровье и трудоспособность и избѣжать преждевременной старости

Организмъ человѣка остается здоровымъ и работоспособнымъ до тѣхъ поръ, пока его жизнетворныя железы нормально функционируютъ и насыщаютъ организмъ энергетическими и цѣлебными гормонами и витаминами, извлеченными железами изъ пищи и воздуха.

При слабыхъ, больныхъ или переутомленныхъ железахъ: жизненная энергія понижается, кровообращеніе и обменъ веществъ слабѣютъ, и въ организмѣ скопляются яды нарушеннаго обмена веществъ (какъ мочевая кислота и пр.), причиняющія слабость, артритическія и другія заболѣванія, преждевременную старость и даже раннюю смерть.

Знаменитые ученые (проф. Броунъ-Секаръ, П. Карно и др.), экспериментально доказали, что послѣ насыщенія слабаго или больнаго организма омолаживающими и очищающими кровь вытяжками изъ жизнетворныхъ железъ молодыхъ животныхъ (какъ Калефлюидъ)

— силы и здоровье больного възстанавливаются, и бывшій больной пользуется всѣми радостями молодого и здороваго человѣка.

Вотъ почему Калефлюидъ Д. Калениченко и приѣмляется мед. корпусомъ, какъ могущественное средство, укрѣпляющее и възстанавливающее силы и нервы; какъ — очищающее кровь отъ ядовъ нарушеннаго обмена (мочевая кислота и пр.), и възстанавливающее ослабленныхъ болѣзнями, дурнымъ питаніемъ или переутомленіемъ.

Калефлюидъ находится въ аптекахъ, а гдѣ его нѣтъ, туда высылается наложеннымъ платежомъ.

Безплатно — высылается литература «какъ сохранить здоровье». Пишите:

*D. KALENITCHENKO,
Société Kalefluide.*

Bureau 7.

49, rue Balagny, Paris 17.

Старѣйшій русскій
дамскій портной

И. МАЩЕНКО

готовое и на заказъ

7, Rue 7,
du Marché St-Honoré,
(около Rue St-Honoré).
Tél.: LOUVRE 66-69

ШЕЛКА ЛУЧШИХЪ КАЧЕСТВЪ

Compagnie Centrale des Echanges - Братья Марковичъ
1, Place Boildieu, (напротивъ Opéra-Comique.)

Métro : Richelieu-Drouot et 4-Septembre

Посылки и деньги въ Россію

НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ.

A. GODOVANNIKOFF

36, RUE DIEULAFOY, PARIS (13°). Tél.: Gobelins 20-68. Métro: Tolbiac.

Первая Русская Колбасная Фабрика

Фаликъ

41, RUE BROCA, PARIS (5°).

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умѣренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону: Gobelins 24-24.

Переводъ денегъ въ Россію и продовольств. посылки

КОМИТЕТЪ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМЪ ВЪ РОССИИ
COMITE RUSSE DE SECOURS
7, rue Cardinal-Mercier, Paris (9°)
Tél.: Louvre 39-25. Métro: Clichy.
Пріемъ исключительно отъ 3 до 7 час.

РУССКІЙ

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ S.A. des Grandes Editions Musicales

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ.
22, RUE DANJOU, PARIS (8°).
Tél.: Anjou 09-26.
Требуите каталоги

Элегантную и прочную ОБУВЬ

ПО ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ ПОКУПАЙТЕ ВЪ РУССК. МАГАЗИНЪ

„РАМО“

(Рашковскій)

94, rue St-Antoine, 94, Paris (4°).
Tél.: Archives 38-26.
Напротивъ метро и церкви St-Paul.
Constantinople, 6, rue du
Funel, 6, Nice, 31, rue de France.
Открыто по воскресеньямъ.

Изящное бѣлье

ГАЛСТУКИ И ПРОЧ. ПРЕДМЕТЫ МУЖСК. ТУАЛЕТА.

Покупайте по доступнымъ цѣнамъ. ВЪ РУССКОМЪ МАГАЗИНЪ

Chemisie.

7, RUE FONTAINE (Pigalle).
Téléphone: Trinité 93-63.

Пріемъ заказовъ. — Русскимъ скидка.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

МУЖСКОГО ПЛАТЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. — Цѣны внѣ конкуренціи. — Собственная мастерская для передѣлокъ.

З. ПИНЧЕВСКІЙ
3, RUE PERREE, PARIS (3°).
Métro: Temple et République.
Tél.: Archives 77-97.

Портной

Ф. И. Агѣевъ

Большой выборъ английскихъ и французскихъ матерій.

19, rue Tiphaine, Paris (15°).
Métro: La Motte-Picquet.

ПОДЪ ФИРМОЮ «MICHEL» М. М. ЧЕРНЫЙ

29 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первоклассныхъ портныхъ.

Инвалидамъ 5% скидки.

10, RUE CAFFARELLI
(derrière la Mairie du 3°).
Métro: République et Temple.
Tél.: Archives 36-06.

Мужской и Дамскій портной

ГОТАРЪ

ПРЕДЛАГАЕТЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ АНГЛИЙСКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ. ЭЛЕГАНТНЫИ ПОКРОИ. ТЩАТЕЛНАЯ И АККУРАТНАЯ РАБОТА. СПЕЦИАЛЬНЫИ МѢХОВОИ ОТДѢЛЪ. ПОЛУЧЕНЫ НОВѢЙШИИ АМЕРИКАНСКІИ МАШИНЫ ДЛЯ УТЮЖКИ КОСТЮМОВЪ. СТОПАЖЪ, ПЕ-

РЕЛИЦОВКА ПЛАТЬЕВЪ. ВСЕВОЗМОЖНЫИ ПЕРЕДѢЛКИ.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫИ.

1, Avenue Emile Zola,

Métro: Javel. Tél.: Vaugirard 33-57.

Стоимость посылки

можетъ быть уплачиваема по представленіи почтовой расписки объ отправленіи.

Стоимость отправки

упаковки и страховки. За посылку въ 5 кило — 40 фр. За посылку въ 10 кило — 65 фр.

Стоимость денегъ

переведенныхъ мною, начиная отъ 40 руб. изъ расчета дѣйств. стоимости червонца.

МОЖЕТЪ БЫТИ УПЛАЧИВАЕМА ПО ПОЛУЧЕНІИ ВАМИ ПОДТВЕРЖДЕНІИ ИЗЪ РОССИИ.

Отправляемая мною посылки приходятъ :

Въ Москву и Петербургъ на 6-10 день. Въ другіе города, мѣст., станицы на 10-20 день.

Пріемъ порученій ежедневно, не исключая праздниковъ и безъ перерыва отъ 9 ч. до 8 ч. вечера лично и по телефону.

Обращаемъ вниманіе

Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRI,

PHARMACIEN DE 1^{re} CLASSE.

63, Bd de Grenelle.

Tram.: 25. Aut.: AN, AQ.

(напротивъ метро Дюплека).

Изготовление рецептовъ г.г. русскихъ врачей. Всѣ русскіе препараты. Патентованныя средства. Парфюмерія. Косметика. Цѣны минимальныя. Исполненіе заказовъ въ провинцію и за границу, и по телефону въ Парижѣ.
Tél.: Ségur 18-51.

Аптека для русскихъ

PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE

• H. FOUCHER
Pharmacien de 1^{re} classe.

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Aut.: V, AQ, AN. Tram: 25, 26.

Métro: Dupleix, La Motte-Picquet.
Grenelle.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по русской фармакопее, русск. провизор. Всѣ французскія и иностранныя патентованныя средства. Общ. складъ парфюмеріи и патентован. товаровъ.

Цѣны ниже всѣхъ аптекъ.

Tél.: Ségur 11-45.

Русско-французское издательство и

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

J. POVOLOZKY

13, rue Bonaparte. Paris-6^e.

Téléphone : Fleurus 42-01

Собственные изданія на русскомъ и французскомъ языкахъ. Всѣ зарубежныя изданія. Всѣ книги совѣтской Россіи. Дѣтскія книги. Учебники. Словари и самоучители иностранныхъ языковъ. Ежемесячные бюллетени всѣхъ французскихъ изданій. Каталоги высылаются бесплатно. Всѣ книги по искусству. Художественныя изданія на всѣхъ языкахъ.

American Lloyd

13, Bd Malesherbes, 13, Paris (8^e).
Tél.: Anjou 07-45.

ПРОДАЖА ШИФСКАРТЪ ВО ВСѢ
ПОРТЫ МІРА НА САМЫХЪ
ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ.

Спеціально: Дальній Востокъ (Шанхай, Харбинъ и т. д.), Ближній Востокъ (Египетъ, Палестина, Сирія), Австралія, Уругвай, Парагвай, Бразилія и т. д.

©

СПРАВКИ БЕЗПЛАТНО.

Говорятъ по-русски.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТЪ

И. А. КИРИЛОВА

Дѣла судебныя, административныя и бракосъединенія. Договоры, уставы и регистрація коммерческихъ обществъ. Оформленіе документовъ. Сотрудничество французскихъ адвокатовъ.

46, rue de Provence, Paris (9^e).
(près Rue Lafayette).

Métro: Chaussée d'Antin et Le Peletier. Tél.: Trud. 08-04.

Книжный магазинъ

„РОДНИКЪ“ LA SOURCE

106, rue de la Tour, Paris (16^e).

Новая книга генерала А. И. Деникина
«Старая армія» т. II.
Цѣна 25 франковъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО YMCA - PRESS

10, B-d Montparnasse, Paris, 15.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

ЗАИЦЕВЪ, Борисъ — Преп. Сергій Радонежскій 0.50
ИЛЬИНЪ, В. Н. — Св. Серафимъ Саровскій 0.65
КЛЕПИНИНЪ, Н. — Св. Александръ Невскій 0.70
СКОБЦОВА, Е. Ю. — Житіа Духа. Житія святыхъ. Вып. II по 0.20
ГР. ТОЛСТАЯ, А. Д. — Прав. Іуліанія Лазаревская 0.20
ГИППУСЪ, А. Н. — Св. Тихонъ Задонскій 0.25
ПРОТ. БУЛГАКОВЪ. — Св. Петръ и Іоаннъ, два первоапостола 0.35
ФЕДOTOBЪ, Г. П. — Св. Филиппъ, Митрополитъ Московскій 0.70
КАРСАВИНЪ, Л. П. — Св. отцы и учителя Церкви 1.10
ПРОТ. С. ЧЕТВЕРИКОВЪ. — Оптіна Пустынь 0.50
ОТКРОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ СТРАННИКА — своему духовному отцу 0.70

Подробный каталогъ высылается бесплатно. Книги Издательства продаются во всѣхъ Русскихъ книжныхъ фирмахъ.

BANQUE INDUSTRIELLE DU CENTRE

85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél.: Louvre 09-11. Central 35-67.

ВСѢ БАНКОВСКІЯ И БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦИИ.

Переводъ денегъ въ Россію и др. стр.

съ представленіемъ обратныхъ росписокъ. — Покупка русскихъ до-революціонныхъ бумагъ и полисовъ. — Дѣлаете сбереженія, покупая гарантированныя французскимъ правительствомъ выигрышныя съ процентами облигаціи: «CREDIT NATIONAL», «CREDIT FONCIER» et «VILLE DE PARIS».

ВЫИГРЫШИ ПО 1.00.000 ФРАНКОВЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Облигаціи отъ 60 фр. — Ссуды до 80 проц. — Проспекты по перв. треб. Корресп. по-русски. Ближайшіе розыгрыши 1 июля и 1 августа 1931 г.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Au Vieux Livre

17, rue de l'Odéon, Paris (6^e).
Tél.: Littre 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполненіе заказовъ на любое изданіе. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„МОСКВА“ въ Парижѣ LIBRAIRIE «MOSKWA»

9, rue Dupuytren, Paris (6^e).

Tél.: Littre 37-01.

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладьяникова, Логосъ, Москва, Слово и Девриенъ изъ Берлина (70 процентовъ всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданій). Библиотекамъ и общественнымъ организаціямъ скидка.



КАПИНА

ПОРТНОЙ

44. Avenue des Champs-Élysées - Paris (VIIIe)

Téléph.: ÉLYSÉES 42-40



ИМѢТЬ ПОСТОЯННО
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ЛУЧШИХЪ ПЕРВОКЛАССНЫХЪ
АНГЛІЙСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ СЕЗОНОВЪ

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА

БРОКАРЪ

ЦВѢТЧНЫЕ
ОДЕКОЛОНЫ

ROYAL FLUSH (Прежній "Четыре Короля")
BEN-HUR
LILAS MERVEILLE
MUGUET MERVEILLE

И ЕДИНСТВЕННЫЙ "VERITABLE EAU DE COLOGNE Russe"

8, RUE DU CARDINAL-MERCIER, PARIS

Tél.: Louvre 52-14.

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroen.

32-34, rue Marbeuf (Champs-Élysées), Tél.: Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Élysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poids-lourd. Cours de mécanique. Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего гаража, в Булонском лесу и в городе от 8 час. утра до 9 час. вечера на машинах последних моделей, с правым и левым управлением. Приходите осмотреть наш гараж в 10 этажей, на 1500 машин, самый большой в Париже, в районе Champs-Élysées нашу школу, оборудованную по последнему слову автомот. техники

Русская

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ

ШКОЛА

АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА
NORTH AMERICAN YMCA.

МЕТОДЪ ЗАОЧН. ПРЕПОДАВАНИЯ

Книги и печатные лекции
высылаются во все страны

Отдѣленія:

1. Инженерно - строительное.
2. Электротехническое.
3. Механическое.
Курсы на пом. инженеров, техников, механиков, чертеж. конструкторов, монтеров, десятников.
4. Коммерческое.
Программа Коммерческого Института, курсы на бухгалтера, коммерч. корреспонд., кооперация, страховое дело, торгов. представительство...
5. Агрономическое.
Курсъ Сел.-Хоз. Техникума.
6. Общеобразовательное.
Реальное уч. и гимназия.
7. Иностранные языки.
Франц., Англ., Нѣм., Лат.
Требуйте программы (бесплатно).
Russian Correspondence School
of the North American Y. M. C. A.
10, Bd Montparnasse, Paris 15,
France.

*Vous trouverez
tous les disques
de toutes les marques
et les derniers succès*



PARIS **SONOR**

PHONOGRAPHE AMPLIFICATEUR

SALONS D'AUDITION:

12, ROND-POINT DES CHAMPS-ÉLYSÉES, PARIS

TÉLÉPHONE: ÉLYSÉES 53-33

ЗАЛЫ ДЛЯ ДЕМОСТРАЦИИ ГРАММОФОНОВЪ